Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890-х годов

Литературное наследство

Издательство «Наука»

Том посвящен литературному и общественному движению второй половины XIX в. Публикуемые в нем материалы (неизданные художественные произведения, статьи, письма, воспоминания и др.) вносят много нового в изучение указанного периода в целом, а также жизни и творчества ряда русских писателей и революционных деятелей.

Первый раздел тома — «*Литература*» — содержит впервые публикуемые материалы: Гончарова (письма о писательском труде, воспоминания о нем), Лескова (рассказы и повести, главы из романа «Соколий перелет» , обзор библиотеки писателя), Гаршина (незавершенные рассказы, письма, воспоминания о нем), Чехова (новые данные о работе над книгой «Остров Сахалин» , неизданные телеграммы к А. С. Суворину, воспоминания и дневниковые записи современников).

Второй раздел—«*Общественное движение и журналистика*» — включает материалы по революционному движению 1860-х годов и по истории демократических журналов («Отечественные записки», «Дело» и др.), а также ценные документы из личных архивов П. Л. Лаврова и Льва Мечникова.

В третьем разделе —«*Статьи и сообщения*» — печатаются неизвестные письма Тургенева, Л. Н. Толстого, А. К. Толстого, Короленко, статьи о нелегальных изданиях сказок Щедрина и о неопубликованной книге А. И. Белецкого о Лескове. Завершает том «Указатель анонимных и псевдонимных рецензий в «Русском богатстве» (литературная критика, история литературы); здесь по архивным источникам устанавливаются авторы рецензий.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 1860–1890-х ГОДОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

РЕДАКЦИЯ
В. Г. БАЗАНОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН, К. Д. МУРАТОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 7

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 1860—1890 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 7

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

Л $\frac{70202-069}{042(02)-77}$ БЗ-13-26-76

© Издательство «Наука», 1977 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

За последние годы в результате архивных разысканий, проведенных многими исследователями, в том числе и сотрудниками «Литературного наследства», было выявлено немало интересных, порой весьма ценных материалов, освещающих отдельные стороны жизни и творчества ряда крупных писателей и касающихся различных эпизодов в истории русской общественной мысли и журналистики. Часть этих материалов укладывалась в рамки одного исторического периода — от 1860-х годов до конца XIX в. К ним хронологически примыкают документы, которые первоначально предполагалось опубликовать в задуманном редакцией, но по разным причинам не состоявшемся томе о революционном народничестве. Этими двумя группами документальных материалов и определилось содержание предлагаемого тома —«Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890-х годов».

Первый раздел тома —«Л и т е р а т у р а»— включает материалы по четырем писателям. *И. А. Гончаров* представлен преимущественно письмами. Наиболее значительные из них содержат его высказывания о писательском труде. Богатейший архив *Н. С. Лескова* содержит немало творческих рукописей, остающихся до сей поры неизвестными читателям и исследователям. Из этого собрания для публикации в томе отобраны главы романа «Соколий перелет», не завершенного автором, а также незаконченные рассказы: «Подвиг купца Кинарейкина» и «Московское привидение». Здесь же публикуются три рассказа, копии которых сохранялись у сына писателя, А. Н. Лескова. Первостепенное значение для изучения Лескова имеет и печатаемый обзор его библиотеки — той сохранившейся ее части, которая находится в настоящее время в фондах Государственного музея И. С. Тургенева в Орле. Часть, посвященная *В. М. Гаршину*, также начинается с публикации творческих рукописей. Здесь печатается шесть незаконченных рассказов, которые значительно расширяют наше представление о темах, интересовавших писателя в последние годы его жизни. Особую ценность представляет публикация подлинного авторского текста рассказа «Художники». Автограф его, недавно поступивший в ГБЛ, дает возможность не только устранить в рассказе купюры цензурного характера, но и раскрывает процесс окончательной отделки текста автором перед печатанием его в журнале. Далее печатается более 30 неизвестных по большей части писем Гаршина к разным лицам, пополняющих и исправляющих известный свод эпистолярного наследия писателя, изданный в 1934 г. Завершается эта часть двумя мемуарными очерками, дополняющими небогатый фонд воспоминаний о Гаршине. Первый раздел заканчивают публикации, объединенные именем *А. П. Чехова*: среди них новые данные об истории его работы над книгой «Остров Сахалин», воспоминания и дневниковые записи современников о нем.

Второй раздел тома —«О б щ е с т в е н н о е д в и ж е н и е и ж у р н а л и с т и к а»— открывается двумя публикациями, предметом которых являются статьи Н. И. Утина и П. Ф. Николаева, напечатанные в свое время в чрезвычайно редких изданиях. Обе статьи, представляющие попытки осмыслить уроки освободительного движения 1860-х годов, становятся доступными исследователям — без обращения к ним не сможет обойтись теперь ни один историк русской освободительной борьбы. Далее следуют публикации документов, в которых освещаются некоторые эпизоды из истории демократической и оппозиционной журналистики 1870—1890-х годов: незаконченная глава из воспоминаний Н. А. Белоголового о его участии в газете «Общее дело»; «Записка о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в Рос-

сии»— обзор, составленный в недрах Департамента полиции в связи с подготовкой правительственного решения о закрытии «Отечественных записок» в 1884 г.; извлеченные из обширного фонда Льва Мечникова письма к нему Г. Е. Благосветлова, К. М. Станюковича и С. М. Степняка-Кравчинского, в которых главное место занимает журнал «Дело» и нелегальное сотрудничество в нем деятелей русской революционной эмиграции. Завершается раздел обширной перепиской П. Л. Лаврова с В. Н. Никитиной (Жандр), относящейся к 1881—1884 гг. Переписка эта является ценным источником для изучения биографии Лаврова; кроме того, она воскрешает забытый образ одной из замечательных русских женщин, воспитанных на идеях 1860-х годов и отдавших свой литературный талант делу борьбы за социализм и за революционное преобразование России.

В третьем разделе —«С т а т ь и и с о о б щ е н и я»— печатаются неизвестные письма Тургенева, Л. Толстого, А. К. Толстого, Короленко, статья об истории нелегальных изданий сказок Щедрина, статья об А. И. Белецком — исследователе жизни и творчества Лескова. Заканчивает том «Указатель анонимных и псевдонимных рецензий в «Русском богатстве» (1895—1918)». Авторы рецензий (литературная критика и история литературы) раскрыты здесь по данным редакционных гонорарных книг.

Редакция «Литературного наследства» выражает глубокую признательность всем учреждениям, которые способствовали созданию настоящего тома предоставлением текстовых и иллюстративных материалов: Рукописному отделу Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Рукописному отделу Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР, Центральному государственному архиву Октябрьской революции, Центральному государственному архиву древних актов, Рукописному отделу Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинградскому отделению Архива АН СССР, Государственному Литературному музею, Государственному музею И. С. Тургенева (Орел), Государственному музею Л. Н. Толстого, Государственной Третьяковской галерее, Отделу редких книг Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Редакция благодарит также тех лиц, которые оказывали помощь в работе над томом своими советами и отзывами или сообщением тех или иных материалов, помещенных в нем: П. А. Белецкого, Жана Бланкова (Бельгия), М. Д. Гургулову (Народная Республика Болгария), А. В. Лаврова, К. Н. Ломунова, В. П. Нечаева, З. И. Перегудову.

Редакторы тома А. Н. Д у б о в и к о в и С. А. М а к а ш и н. Непосредственное участие в редактировании тома принимали Т. Г. Д и н е с м а н и Н. Д. Э ф р о с. Они же подобрали иллюстрации и составили подписи к ним. Фотокопии материалов, отобранных для иллюстрирования тома, выполнены В. А. И в а н о в ы м.

ЛИТЕРАТУРА

И. А. ГОНЧАРОВ

ГОНЧАРОВ О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

ПИСЬМА к Е. А. НАРЫШКИНОЙ и С. А. ТОЛСТОЙ

Предисловие и публикация О. А. Демиховской

В сентябре 1877 г. Гончаровым был написан очерк «Литературный вечер», выразивший в беллетризированной форме мысли писателя о задачах художественной литературы, о сущности реалистического отражения действительности, о характере литературных споров того времени. Отправным моментом для создания очерка явился великосветский роман П. А. Валуева «Лорин»— это было засвидетельствовано самим Гончаровым в письмах к Валуеву, опубликованных в 1906 г.[1]

Но при первой публикации «Литературного вечера» в предпосланном ему предуведомлении «От автора» Гончаров указывал, что в основе очерка лежало впечатление не только от романа Валуева: «В течение зимы 1876 и весною 1877 года автор присутствовал при неоднократных чтениях романов из великосветского быта, написанных лицами, имена которых не появлялись в печати. Под впечатлением от этих чтений он тогда же набросал предлагаемый ныне очерк...» [2] Глухое упоминание о «неоднократных чтениях романов из великосветского быта» оставалось до сих пор нераскрытым, и в литературе о Гончарове написание «Литературного вечера» связывается только с романом Валуева [3].

Публикуемые ниже письма к Е. А. Нарышкиной и С. А. Толстой открывают еще один источник, легший в основу «Литературного вечера», и дополняют известные нам высказывания Гончарова по вопросам литературы и литературного языка новыми, весьма интересными суждениями.

Гончаров слушал авторское чтение романа «Лорин» в мае 1877 г. А за три месяца до этого, в феврале того же года, он был приглашен в дом С. А. Толстой (вдовы поэта А. К. Толстого), чтобы прослушать роман, написанный Е. А. Нарышкиной.

После чтения, продолжавшегося два вечера и сопровождавшегося обменом мнениями по поводу прочитанного, Гончаров просил автора прислать ему рукопись, чтобы иметь возможность более обстоятельно изложить свои суждения о нем. Пожелание его было удовлетворено, и, возвращая рукопись, он направил автору письмо — первое из публикуемых нами (от 18 февраля 1877 г.). Через некоторое время Гончаров написал второе письмо, тоже с разбором романа, но на этот раз отправил его С. А. Толстой для пересылки автору. Гончаров смягчил здесь по сравнению с первым письмом многие свои суждения, но сущность их оставил без изменения. Можно предполагать, что первое письмо с его резкими формулировками задело самолюбие автора и С. А. Толстая решила исправить создавшуюся неловкость,— намек на это содержится в первых строчках письма Гончарова к ней от 3 марта 1877 г. Не подлежит сомнению, что упоминаемые здесь «два листка», в которых «нет задора и меньше беспорядка в изложении», это и есть то самое письмо, помеченное февралем 1877 г. (без точной даты), которое также публикуется ниже.

Елизавета Алексеевна *Нарышкина* (урожд. княжна Куракина, 1840—после 1936) принадлежала к высшей петербургской аристократии и была тесно связана с царским двором. С 1858 г. она стала фрейлиной, а в последние десятилетия перед революцией имела придворное звание статс-дамы и гофмейстерины [4].

В течение многих лет она принимала участие в деятельности ряда благотворительных обществ и комитетов [5]. Об этой стороне ее жизни сохранились воспоминания А. Ф. Кони [6].

В 1906 г. Нарышкина выпустила в свет книгу своих воспоминаний [7]. Любопытные сведения об этой книге и ее не совсем обычной судьбе сообщает Н. П. Смирнов-Сокольский: «Книга редка чрезвычайно. Упоминает о ней едва ли не один С. Р. Минцлов в своем «Обзоре записок, дневников, воспоминаний...» (Новгород, 1911—1912). Он отмечает, что книги этой «напечатано было очень небольшое количество экземпляров и почти все они были отобраны автором от лиц, которым они были розданы, и уничтожены». «Причины, побудившие автора уничтожить свою книгу, становятся ясны после ознакомления с ее содержанием. Ряд критических замечаний, относящихся к членам царской фамилии и другим высокопоставленным лицам, несомненно привлекли внимание к этим воспоминаниям, и фрейлине, по-видимому, «посоветовали» изъять книгу из обращения» [8].

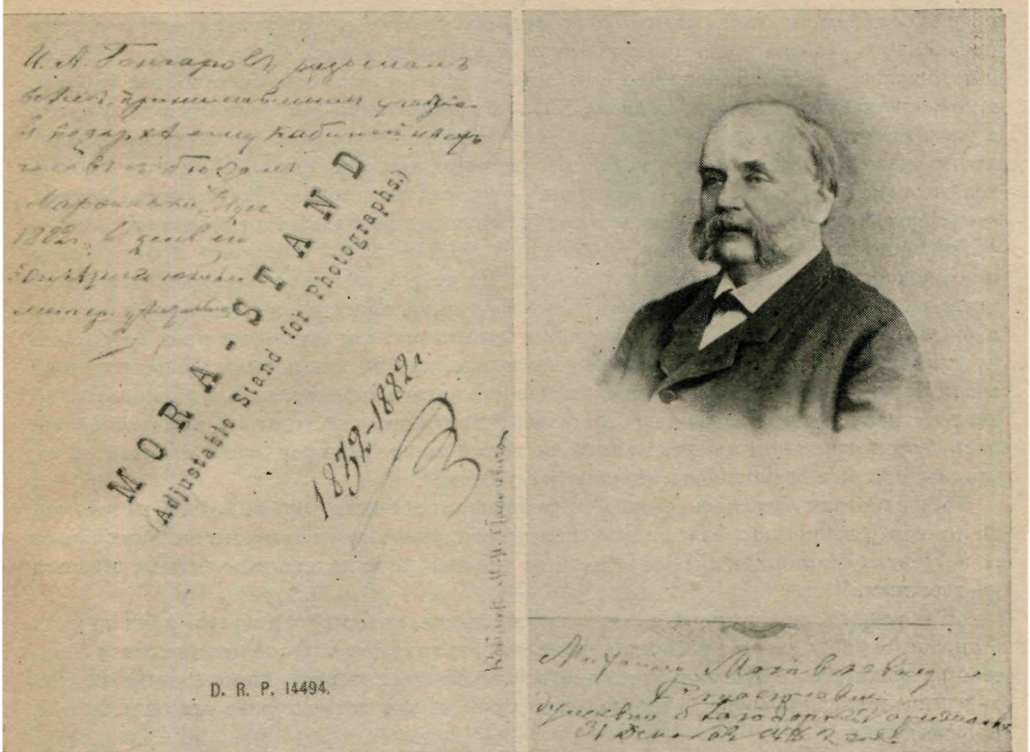
Нарышкина довела в своей книге повествование только до 1875 г. Но, излагая историю написанного ею романа, она говорит и о последующих событиях, до 1877 г. включительно. Как явствует из ее рассказа, мысль о написании романа возникла у нее в 1870 г., когда она возвратилась в Россию после долгого пребывания во Франции. Немалую роль в этом сыграло и то, что осенью того же года она не раз устраивала в своей деревенской гостиной чтения «лучших произведений нашей современной литературы» [9].

По свидетельству самой Нарышкиной, она с детства говорила почти исключительно по-французски и писала стихи в юности только на французском языке. «Русский язык не был моим природным] языком. Мы всегда говорили и переписывались по-французски, с гувернантками по-английски. Я его знала как хорошо преподанный иностранный язык. О народной жизни мы не имели ни малейшего понятия. Когда мы учили наизусть стихи Кольцова, например, «Ну, тащися, сивка...», приходилось учителю разъяснять смысл почти каждого слова, и все-таки мы не имели ясного представления о жизни, так далеко стоящей от нашего кругозора» [10]. Но после лета, проведенного в русской деревне, после знакомства с произведениями русской литературы, «гармония русской речи в ее наилучших образцах» [11] произвела на нее большое впечатление. И задумав написать роман, чтобы «при объективной форме вымышленного рассказа ⟨...⟩ хоть раз в жизни вылить свою душу», она «думала о нем по-русски» [12]. И роман был написан ею тоже по-русски.

Нарышкина читала роман в узком кругу своих светских знакомых. Впечатление было весьма лестным для самолюбия автора, роман хвалили, находили в нем много достоинств. И естественно, что у Нарышкиной возникла мысль напечатать роман. Но перед этим она хотела заручиться одобрением какого-либо признанного литератора. «Я желала подвергнуться серьезной литературной критике, но мне в то время не удалось этого достигнуть, за неимением связей в литературном мире. Позже, через графиню Софью Андреевну Толстую ⟨...⟩, я успела в этом и предстала на суд Гончарова» [13].

В воспоминаниях у Нарышкиной рассказано и о чтении в доме С. А. Толстой, и о желании Гончарова получить рукопись романа, и о письме, которое писатель прислал ей, возвращая рукопись. Однако самого текста письма в книге мы не находим — автор объясняет это тем, что оно затерялось. Действительно, в архиве Нарышкиной первого письма Гончарова нет. Но это письмо (беловой текст с поправками) сохранил сам Гончаров — именно этот авторский экземпляр и был обнаружен нами в Архиве АН СССР, среди бумаг И. М. Гревса.

В связи с первым отзывом Гончарова о романе Нарышкина пишет: «Я вдумчиво прочитала это письмо, соглашаясь с многим. Я сама понимала, что слишком много я го-



И. А. ГОНЧАРОВ

Фотография К. А. Бергамаско, Петербург, 1873

С дарственной надписью: «Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу душевно благодарный оригинал. 31 декабря 1882 года»

На обороте пояснительная надпись М. М. Стасюлевича: «И. А. Гончаров разослал всем, принимавшим участие в подарке ему кабинетных часов с бюстом «Марфиньки», 31 декабря 1882 г. в день его 50-летнего юбилея литер⟨атурной⟩ деятельности»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ворю о моих героях и мало заставляю их говорить самих. Это происходит оттого, что я не владею русским разговорным языком и это препятствие останется навсегда трудно преодолимым, так как естественная речь не приобретается, а развивается вместе с нами, с колыбели ⟨...⟩ Мой язык правилен, как определил его Гончаров, и может с упражнением приобрести более рельефности и силы, но для жизненного воспроизведения живых людей у него всегда не будет экспромтного выражения своих чувств. Вот почему стихи, в которых более непосредственности, чем в прозе,— я могу писать только по-французски...» [14]

И далее она продолжает: «Я собиралась отвечать Ивану Александровичу, не соглашаясь вполне с его определением характера моей героини, но, не успев дописать своего ответа, получила от графини Толстой новое короткое письмо Гончарова к ней. Он, очевидно, опасался, что критика его задела мое самолюбие», и спрашивал у графини, «не было ли задора в его первом письме» [15].

Нетрудно заметить, что ретроспективная авторская оценка романа в большой мере совпадает с оценкой, данной в свое время Гончаровым.

Но ему, по-видимому, не удалось убедить Нарышкину, что публиковать роман не следует. Через два года она передала рукопись романа еще одному опытному литератору — А. Ф. Кони. В архиве Нарышкиной сохранилось письмо его с разбором романа — высказанные здесь мысли во многом перекликаются с суждениями Гончарова. Вот что писал ей Кони: «Возвращая прилагаемую рукопись с большой благодарностью, я ис-

кренно сожалею, многоуважаемая Елизавета Алексеевна, что не успел представить вам письменного разбора этого произведения, от которого дышит ароматом веры в людей и возможность жить не бесследно и бесцельно, независимо от романтической фабулы, в которую вставлены герои рассказа. Было бы недостойно вас, если бы я скрыл, что в рассказе есть некоторые недостатки — именно, недостаточная оригинальность или, лучше сказать, «отли́ченность» языка действующих лиц и немного механическая последовательность рассказа. Но — повторяю — в типах его столько благородства, от них веет такою «сердечною» правдою, что только грубая и погрязшая в ежедневной пошлости душа не разделит их тревог, сомнений и страданий. Мы говорили прошлое лето о возможности напечатания этого рассказа. По зрелом обсуждении я отказываюсь от моего мнения о пользе напечатания. Хотя последние, трогательные овации Тургеневу и доказывают, что наше общество начинает ценить тех, кто вскрывает пред ним не одну «трезвую правду» о Пиле, Сысойке и Апроське, но и чистые порывы души, поднятой воспитанием,— тем не менее, зная изменчивость нашего «общественного мнения» и шаблонную гражданственность наших soi disant * критиков, я не хотел бы, чтобы они касались своими грязными лапами вашего чистого детища. Еще раз благодарю вас за то, что вы дали мне возможность знакомства с ним» [16].

Мнение Кони оказалось, очевидно, решающим: роман не только не был напечатан, но и самая рукопись его была, как можно думать, уничтожена автором: никаких следов ее в бумагах Нарышкиной обнаружить не удалось, и даже название романа остается неизвестным.

Так закончилась история дилетантского романа, который сам по себе вряд ли имел бы право на упоминание в историко-литературном труде, если бы он не дал повода большому русскому писателю высказать много интересных, литературно значительных мыслей о писательском труде, о языке литературы, о характере героев реалистического произведения.

Письмо к Нарышкиной публикуется по автографу — Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 726, И. М. Гревса, он. 1, ед. хр. 276, л. 1—4. В тексте автографа имеются исправления и вставки, подпись в нем отсутствует — все это свидетельствует о том, что перед нами авторский экземпляр, по которому был изготовлен беловой текст, отосланный Нарышкиной.

Письмо к С. А. Толстой и приложенный к нему разбор романа публикуются по автографам: ЦГАДА, ф. 1272, Нарышкины, оп. 4, ед. хр. 313, л. 5—6 об. (письмо) и 1—4 об. (разбор). Оба эти документа Нарышкина напечатала в своей книге со значительными купюрами и не вполне точно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «И. А. Гончаров в неизданных письмах к П. А. Валуеву (1877—1882)». Предисловие К. А. Военского. СПб., 1906. Из шести опубликованных здесь писем три перепечатаны А. П. Рыбасовым в сб. «И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма». Л., 1938, с. 294—330.

[2] «Русская речь», СПб., 1880, № 1, с. 1. Это «предуведомление» печаталось при ранних публикациях очерка. Позднее Гончаров снял его. Цит. по кн.: И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8 томах, т. 7. М., 1952, с. 498.

[3] Кроме предисловия К. А. Военского (см. примеч. 1) см. также: Е. А. Ляцкий. Очерки жизни и творчества Гончарова. «Литературный вечер» Гончарова и «Лорин» Валуева.— «Современник», 1912, № 3, с. 159—176; А. Г. Цейтлин. И. А. Гончаров. М., Изд-во АН СССР, 1950, с. 294—297.

[4] См. справочную книгу «Весь Петербург» за 1900—1916 гг. Нарышкина упоминается в повести К. Г. Паустовского «Далекие годы» (К. Г. Паустовский. Собр. соч. в 6 томах, т. 3. М., 1958, с. 251). Последнее известное нам сообщение о Нарышкиной относится к 1918 г. (см.: М. К. Косвинов. Двадцать три ступеньки вниз. Документальная повесть.— «Звезда», 1973, № 8, с. 139).

[5] В 1884 г. Е. А. Нарышкина была назначена председательницей Петербургского дамского тюремного комитета; в справочнике «Весь Петербург» за 1900—

* так называемых (*франц.*).

1910-е годы, кроме этого комитета, названы также Общество попечения о семьях ссыльно-каторжных, Убежище им. принца Ольденбургского для женщин, отбывших наказание в петербургских местах заключения, и др., где она также председательствовала.

А. Ф. Кони. Собр. соч. в 8 томах, т. 7. М., 1966, с. 380. В т. 8 этого издания напечатаны письма Кони к Нарышкиной, показывающие, что он относился к ней с большим уважением и высоко ценил ее ум и энергию.

[7] Е. А. Нарышкина. Мои воспоминания. СПб., Государственная типография, 1906.

[8] Ник. Смирнов-Сокольский. Моя библиотека. Библиографическое описание, в 2 томах, т. 1. М., «Книга», 1969, с. 361. В 1910 г. вышло второе издание книги Нарышкиной, но найти его в библиотеках Москвы нам не удалось.

[9] Е. А. Нарышкина. Мои воспоминания, с. 301. Далее автор называет в числе прочитанных у нее произведения Тургенева, Гончарова, Достоевского (с. 302).

[10] Там же, с. 45.

[11] Там же, с. 302.

[12] Там же, с. 301 и 303.

[13] Там же, с. 333.

[14] Там же, с. 333.

[15] Там же, с. 334.

[16] ЦГАДА, ф. 1272, оп. 4, ед. хр. 137.

Е. А. НАРЫШКИНОЙ

18 февраль 77

Я был очень доволен доставлением мне вашей рукописи, милостивая государыня Елизавета Алексеевна: это доказало мне, что моя мелкая и придирчивая критика не оскорбила вашего авторского самолюбия — и я вздохнул свободнее. Впрочем, я боялся не столько самолюбия автора, сколько женщины — но с удовольствием вижу, что именно женское качество — кротость — преодолело самолюбие автора и простило жесткую критику. Мужчина-автор не простил бы.

Обращаюсь к роману. Я так много говорил о нем лично вам самим, что и сам не знаю, что еще могу прибавить к сказанному. Однако я на всякий случай взял этот большой лист, если б накопилось много замечаний — тем более, что я не обладаю завидным искусством d'être court *.

Я вчера прочел все до конца — и мнение мое почти не изменилось: оно такое же, какое я высказал при первых двух чтениях. Авторская молодость, нетвердость руки, отсутствие техники — то есть умения распоряжаться своими силами — таковы недостатки вашего — и всякого первого произведения. Этих недостатков не избавлены никакие гении. Пушкин начал с «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана». Там все неверно, ходульно, все — плод радужной фантазии юноши. Все это или подобное и случилось, но, конечно, иначе. И пленник, и черкешенка, и татарин Гирей, и ссора Заремы с Марией в гареме — все освещено ярким, фальшивым бенгальским огнем — и, конечно, никто этому, кроме юных же читателей, не поверил. Но все, и старые, и малые, увлекались превосходными картинами дикой природы и великолепными стихами гениального юного поэта. Как далеко ушел потом Пушкин от этих своих «*Пленников*» и «*Фонтанов*»! Вы знаете!

Я не смею и не решусь вам предсказывать такой же будущности — это было бы слишком смело. Я этим примером хочу только подтвердить, что сказал, то есть что бледность и неверность образов и отсутствие техники или мастерства — неизбежны в начале. Никто не начинал с chef-d'oeuvre'ов!

---

* быть кратким (*франц.*).

Я не люблю слушать никаких чтений, теперь особенно, когда потерял всякую и ко всему охоту — но вас я пришел слушать прежде всего по просьбе графини Т⟨олстой⟩, а потом из любопытства. Меня занимал вопрос: что могло вызвать вас на авторство? *Нужда*? (Как многих из нас, литераторов — и она, правду сказать, лучший учитель.) Это казалось невероятно, судя по вашему положению. *Самолюбие* — этот другой стимул, еще сильнее нужды? Едва ли и это — отвечал я сам себе. В той среде лиц и интересов, где вы живете, литературная известность не окружила бы вас завидным ореолом: там авторские лавры, кажется, не имеют особенно заманчивого интереса. Что же еще? Остается одна последняя, самая капитальная причина — *призвание*. Его трудно одолеть: оно выпросится наружу, несмотря ни на какую среду, на препятствия, и даже от последних сильнее разгорается. Мне, повторяю, любопытно было узнать настоящую причину — я и пришел слушать вас.

Ваш опыт, если бы его напечатать, прошел бы незаметно — он слишком бледен и, так сказать, невинен и наивен относительно всей печатной литературы. Но относительно лично вас самих, как автора — он значителен: прежде всего как preuve de bonne volonté *, даже больше, как опыт силы воли. Видно, что вы много и долго работали над ним **. План его безупречно правилен, мало того, значительно драматичен и доведен искусно до конца. Toutes les bonnes intentions sont là! ***

В этом плане есть семена и драмы и романа, но только они еще брошены в землю и не дали всходов — все по причине отсутствия опытности и мастерства, то есть техники, уменья. Например, вам легко дались очерки несколько карикатурного семейства помещицы, соседки графини, грузинского князя, доктора — потому что они легки, бросаются всем в глаза своими внешними особенностями и тем самым доступны наблюдению.

Но главные герои — бледны, похожи друг на друга; князь на графиню, графиня на Дубровина и все трое представляют не живых людей, а вашу идею. Вы становитесь поминутно за спину каждого из них и влагаете в них одни и те же характеры, речи, дав им только в отличие своего рода мундир или формулярный список: «Это, мол, князь, это будет графиня, а это — посредник. Они должны представлять то-то». Все трое благовоспитаны, благонравны, все бесцветны и скучны.

Речи их... Графиня С. А. Т⟨олстая⟩ однажды, если помните, очень верно заметила, что князь и графиня, без сомнения, говорили друг с другом по-французски. Это, впрочем, и видно. Это уже снимает с них последний след какого-нибудь характера, какой они могли бы иметь, если б они говорили на родном языке. И читатель не знает, что это за люди? Русские или французы? Ни те, ни другие. Русского в них только имена да звания. Князь служит в русском полку, а графиня владеет большими поместьями в двух губерниях — и только. Говорят и пишут они по-французски, а по-русски разговаривают только с лакеями, да с купцами в лавках. Ну, так стало быть, они французы? Нисколько! Разве тот язык, которым они говорят и пишут — французский? Он — приличный и условный язык дипломатических нот, официальных сношений и салонных, дремотно-скучных разговоров, так называемый causerie.

Это совсем не тот живой говор, которым говорит всякий француз — не в палате, не в книгах, не в салонах, а меняясь интимными мыслями, или в пафосе страсти, в момент жизненного разгара, печали, тоски и проч. Пусть попробует русский, как он отлично ни знай французский

---

* свидетельство доброй воли (*франц.*).
** Эта фраза вписана на полях.— *Ред.*
*** Все добрые намерения здесь налицо! (*франц.*).

язык, заговорить, в искреннюю, глубокую, сильную минуту, на этом языке — он должен будет притвориться французом и, конечно, выйдет карикатурен, не сможет, потому что у француза явится и другая речь, и к нему явится своя природная, французская игра физиономии, и мимики, а это все гнездится в его французской крови, складе мысли, в нервах — во всем том, что он всосал из своей природной, французской жизни!

Французские гувернеры, английские гувернантки и бонны научат, пожалуй, условному языку своих наций, но зато вместе и выцарапают, выгладят из русских детей все, что в них есть чистокровного, коренного русского! Этого до сих пор мы не хотим знать или пренебрегаем, и, из тщеславия говорить на всех языках (условно-правильно), позволяем обезличивать весь образ русского человека! Французы и англичане с ужасом отворачиваются от такого искалечения своей национальной природы — и предпочитают говорить кое-как на чужих языках и гордиться своим! А у нас его еще стыдятся! Добрые души!

От этого мы больше космополиты. И ваши герои и героини — и вышли такие же!

Ибо язык — все. Больше всего языком человек принадлежит своей нации. Религия христианская есть общее достояние всех образованных наций, она может разделяться на вероисповедания — и люди разных исповеданий часто близки друг к другу. Различие языков никогда не допустит до совершенного, интимного, искреннего сближения. Язык — не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных — недаром сказано: «le style c'est l'homme» *. Да, язык — есть весь человек в глубоком, до самого дна его природы, смысле. Ему учатся не по тетрадкам и книгам, в гостиной у папá и у мамá — а первый учитель — кормилица с своими *агу, агу...* и другими междометиями, потом нянька с своими прибаутками и сказками, затем куча товарищей или подруг (русских мальчиков и девочек), начиная с деревенских и до школьных сверстников, язык народа, купцов, мещан, язык ремесл, а затем уже обработанный, чистый, книжный или литературный язык — в образцовых писателях. Стало быть, язык, а с ним русскую жизнь, всасывают с молоком матери — учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски. Он то же для человека, что родной воздух!

В вашей героине ничего этого нет, то есть крепкого, прочного, твердоженского — оттого ничего и не вышло. [Сонечка] *Китти* (кажется так?), ее приятельница — та лучше, то есть проще и естественнее. Она умственно и морально вся вылилась в подставленную ей форму: вышла ни француженка, ни англичанка, ни русская, а пустая, полурусская светская бабенка (простите за вульгарность слова, но она и не стóит лучше), которой назначено — s'amuser **, трепаться в свете, искать развлечений, потом в промежутках зевать — и никуда не годиться вообще. Она и идет покойно этой дорогой — больше ей и нечего делать. Этот характер, набросанный вами мимоходом, как вводный, очень вам удался.

Напротив Вера ваша (графиня) — с большими претензиями и затеями — и оказывается однако такою же несостоятельною для жизни, как и *Китти*, с тою только разницею, что та взяла у жизни все, что могла, и обратила ее в веселую комедию, а эта великолепная, с «глубокой душой» (а в чем эта душа!) умела только на первых же порах влюбиться — и испугалась сама своей страсти, не умев, по слабонервности, ни одолеть

---

* «стиль это человек» (*франц.*).
** веселиться (*франц.*).

ее круто и строго, ни отдаться ей смело и открыто, убоясь... бога? Нет, убоясь условий своего быта: просто жалкая, болезненная трусиха! Ведь если бы она и пала, то, как великая душа и религиозная женщина, она сумела бы вынести крест! Она бросила все свои затеи и добрые дела, оставив все это в других руках с кучей денег и деревней! Какой подвиг! Как есть космополитка! Лица и образа у ней нет! Скажу, однако, мимоходом, что колебания и борьба ее вышли у вас довольно правдивы и почти рельефны. На втором и третьем опыте — они, вероятно, были бы даже совсем верны. А теперь пока растянуто — и в языке вообще, и в разговорах особенно язык лиц — мало выражает и сами лица, и страсти их!

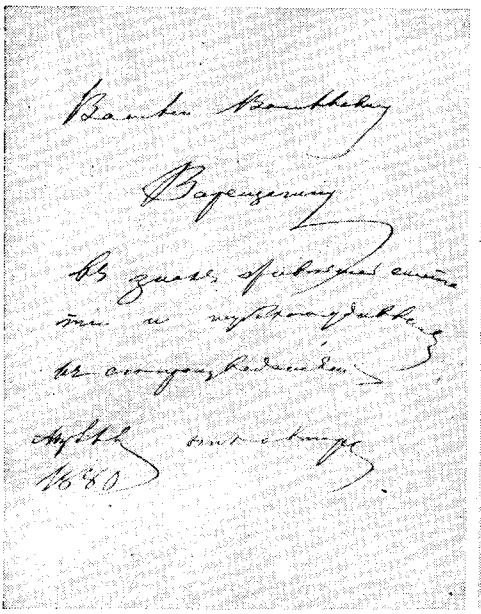
И вот три героя — князь, посредник и героиня — все [вертятся] попали в cercle vicieux * и вертятся в чувстве любви, как белки в колесе. И ни у кого из этих умных, сильных людей, с «душой», недостало настолько трезвости, чтоб дойти до сознания о том, около какой лжи и пошлости ходят они все трое? И самая религия не помогла этой умной и образованной графине осветить этот немудрый узел и указать ей, что увлечению к какому-то посреднику она жертвует всякими своими христианскими добродетелями: и любовью к ближнему, больницами, школами, etc, etc. Все это, очевидно, истекает у ней не из сердца, а из головы — чтобы пополнить чем-нибудь новым старую, надоевшую жизнь. Ведь при ее душе и религиозном настроении не могло бы [быть] и дойти ни до какой борьбы со страстью? Ведь одного сознания страсти довольно бы было, чтоб образумить здоровую, но дряблую женщину, очевидно истрепавшую, при нервом муже, все свои силы и ум, если он у нее был, по салонам того же света, где так хорошо живется ее подруге Китти!

Вон они с князем, не зная своего родного языка, не могут даже в несколько приемов договориться до простой сути дела — все оттого, что объяснялись, конечно, по-французски, то есть не на родном, а каком-то нейтральном наречии!

Здесь я кончу свой непозволительный анализ, чувствуя, что я опять становлюсь же́сток, и прошу прощения, не у автора, а у женщины, которая доверила мне свой первый труд. Замечу только еще, что к какой бы нации, и полу, и званию автор ни принадлежал, но если он будет думать на одном языке, говорить на другом, а писать на третьем — он будет всегда так же бледен, туманен и бесцветен, как его герои. Оригинальность, силу, колорит и проч. может дать писателю только его национальность. Все чужое может дополнять, украшать и т. д. — но натура (как и язык) должна быть своя, родная, почерпнутая из родной жизни! В некоторых местах вы сами, с большим критическим тактом, останавливались на слабых местах, не решаясь читать, и уступали только нашим просьбам: значит, вы сознаете свои недостатки — даже, кажется, лучше нас, ваших слушателей. Если б вы были слепо самолюбивы к своему труду, вы не приняли бы так благодушно моей чересчур откровенной критики. Я знал, что поступил не салонно: надо бы было выслушать молча, при некоторых местах прошептать вслух — c'est joli, c'est juste — или charmant...**, а потом в общем заключении не сказать ничего, кроме нескольких фраз. Но это могло поставить вас в фальшивое положение; вы, приняв доверчиво одобрение старого литератора, дали бы, может быть, больше ходу и гласности, хотя и не печатной, вашему произведению, читали бы его в разных кругах и т. п. И та критика, которая высказывается мною вам одним, почти наедине, только при графине, тогда явилась бы вам почти публично, дошла бы до вас не прямо, а стороной, не в виде стар-

---

* заколдованный круг (*франц.*).
** это мило, это верно... очаровательно... (*франц.*).



ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

ОЧЕРКЪ.

ОТЪ АВТОРА

Въ теченіи зимы 1876 и весною 1877 года авторъ присутствовалъ при неоднократныхъ чтеніяхъ романовъ изъ великосвѣтскаго быта, написанныхъ лицами, имена которыхъ не появлялись въ печати. Подъ впечатлѣніемъ отъ этихъ чтеній онъ тогда же набросалъ предлагаемый нынѣ очеркъ и къ концѣ 1877 года прочиталъ его почти весь, за исключеніемъ послѣднихъ страницъ, нѣкоторымъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ этихъ чтеніяхъ лицамъ. Этимъ чтеніемъ очерка въ тѣсномъ кругу онъ и хотѣлъ ограничиться, не думая издавать его въ свѣтъ. Но эти лица, а потомъ и другія, которымъ прочитаны были многія страницы очерка, нашли, что послѣдній могъ бы быть предложенъ и публикѣ, такъ какъ онъ относится не къ тому или другому изъ прослушанныхъ произведеній и не къ тому или другому автору ихъ лично, а къ самому роду такъ называемыхъ великосвѣтскихъ романовъ, и что вообще индивидуальнаго въ немъ ничего нѣтъ. Вотъ исторія происхожденія этого очерка.

Къ этому авторъ можетъ прибавить, что, приводя въ очеркѣ

Кн. I.—Янв.—1880 1

ОЧЕРК И. А. ГОНЧАРОВА «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР»
Оттиск из журнала «Русская речь» (1880, № 1)
С дарственной надписью: «Василию Васильевичу Верещагину в знак живейшей симпатии и глубокого удивления к его произведениям от автора. Апрель 1880»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ческой воркотни (доброжелательной, хотя и придирчивой), а в шепоте, может быть, злых языков, которые не захотели бы понять, что это — первый опыт. И как первый опыт — повторяю — он замечателен, почти трудно верить, что он первый, судя по стройности плана, по самой задаче и некоторым намекам на характеры вводных лиц.

Задача ваша — слишком важна и глубока. Религия и долг возобладали над страстями, женщина устояла и осталась чистою, не перестав быть женщиной. Это вечная, хотя и несовременная задача. Вы ее только рассказали, но — по вышеизложенным причинам, не одолели, не показали в образах — да этого теперь, в наш век, не одолел бы никакой художник. И век не принял бы такой картины от художника и не простил бы ему (мне до сих пор большинство публики не прощает [за] мою *Веру* в «*Обрыве*», за ее религиозное настроение), то есть остался бы равнодушен. И потом какую силу и опытность нужно, чтобы поставить и осветить статую религиозной, да еще светской женщины! В свете нередко смешивают религию с так называемым «отправлением религиозных обязанностей», как смешивают сердце, человечность — с так называемым «занятием добрыми делами». Есть такие, которые делают из того и другого род quasi-занятия, а скорее развлечения, заглядывают в больницы, собирают деньги (тут это выходит самое лучшее), ездят слушать проповедников, даже иностранцев, особенно красноречивых — и тогда плачут, сами не зная отчего. Это называется у них — религией!

Я полагаю, что пока вы спрячете ваш труд, будете, вероятно, писать другой — не на ту или другую задачу (такие труды никогда не бывают художественны), а что-нибудь близкое, простое, взятое из жизни... Простите!

С. А. ТОЛСТОЙ

3 марта <1877 г.>

Прилагаю при этом, графиня Софья Андреевна,— два листка, по обещанию, взамен прежних.

Кажется, в них нет задора и меньше беспорядка в изложении. Я изменил тон, но правду (по моему разумению) не изменил и не заменил ложью и комплиментами. Этого я не умею. Я уже сказал, что я похож на забытую на поле сражения гранату с зарядом: если ее не трогать, она заржавеет и развалится сама, но если ее будут ворочать, бросать, бить молотком — она разорвется сама и попадет в того, кто ее шевелит. Если во мне была какая-нибудь силенка, огонек — она скромно и робко пряталась во мне, пока ее не трогали. Зная это, я и просил вас не звать меня ни на какие чтения: мне — или будет скучно и я ничего не скажу и уйду, а это неучтиво, даже невозможно, если же меня вызовут высказаться — я уже не слажу с своей мыслью и речью.

Впрочем, я и в старых двух листках немного, даже почти не нашел ничего раздражительного для авторского самолюбия: я говорил живо, горячо, имея перед собой литератора, собрата, а не женщину, и все, что говорено мною, касалось не автора, а романа. Поэтому я и не каюсь в критике своей — она была искренна. Так, кажется, умный и приятный автор и принял ее.

Против женщины я виноват только тем, что уклонился выслушать продолжение романа в другой комнате, когда у вас были гости. Это показалось мне неловко — взять на себя роль какого-то присяжного эксперта-оценщика литературных изделий — в виду всех.

Уклонился я также и от визита к ней. Если б я пришел к ней, выслушал где-нибудь в особой комнате конец романа и ушел — прислуга ее могла бы счесть меня, пожалуй, за мозольного оператора, или что-нибудь в этом роде, особенно если б я не повторил более визита, что очень возможно. Впрочем, мне все равно и я в заключение сказал Е<лизавете> А<лексеевне>,' что если б она непременно пожелала, я, пожалуй, и пришел бы к ней, но полагаю, что она не пожелает этого больше.

Надеюсь, что, прочтя эти большие два листа, она не будет иметь против меня ничего больше. Ведь все эти мои беспокойства доказывают, между прочим, что я живо заинтересовался (это редко теперь бывает со мной) и автором и его романом. Я уже писал ей, что меня прежде всего занял вопрос, почему она пишет: *не из нужды*, конечно, ибо авторской платы, пожалуй, не станет на овес ее лошадям? *Не из самолюбия* тоже, ибо в ее кругу за литературными лаврами не погонятся!

Оставалось предположить *призвание*, от которого не отделаешься ни в каком кругу: оно везде прорвется наружу. Я предположил призвание и пришел слушать с любопытством — первый опыт автора-дамы. Следующие опыты укажут ей самой, действительно ли призвание вызвало ее на писание, а не другие причины, и если — призвание, то дальнейшие труды обнаружат и степень ее таланта. И да благословит ее Аполлон, Музы и весь большой свет!

Но больше всего мне совестно за то, что первые два беспорядочные листа я адресовал прямо к ней, на что имел очень мало права, и именно одну коротенькую ее записку, при которой она прислала мне рукопись. Уж если мне показалось мало всего, что я наговорил ей словесно, во время чтения, то я мог остальное досказать в письме на ваше имя, а вы уже, если б нашли возможным, сообщили бы ей.

Так я теперь и делаю: поздно конечно, но vaut mieux tard que jamais *.

---

* Лучше поздно, чем никогда (*франц.*).

А — может быть — в *этом* случае лучше jamais que tard ! *. Кажется — так!

Прощайте же, графиня, не знаю до каких пор. Слушать Росси в пятницу я не пойду [1], между прочим, и потому, что отозван в этот день на вечер к именинник у. Но я и к нему не пойду.

А к вам идти и боюсь: ребенок опять испортился, женщины и младенцы возопили. Того и гляди возопиют камни вашей лестницы против меня — и мне останется только стать на улице против ваших окон и закричать: «Горе тебе, Фитингофский Иерихон,— и мне горе!»

Не отдайте ошибкой этого листка Е. А. Нарышкиной вместе с большими листами — и простите!

И. Гончаров

Февраль 1877 г.

Excusez du peu! **

Я очень рад, графиня Софья Андреевна, что мог сам, своими глазами, дочитать рукопись нашего элегантного автора — дамы. Это совсем иное дело, нежели слушать. Все кажется яснее, открытее — будто понятнее. Я прежде всего примирился с языком: при слушании он мне почему-то казался холодным, парадным, немного принужденным, а читая сам, я нашел его только плавным, правильным, даже изящным, distingué! *** Это свободно льющийся, повествовательный язык. Он не характеристичен, не своеобразен, не выражает ни самого автора, ни его героев, но этого в первом опыте невозможно и требовать, то есть чтобы в пере выработался стиль или характер пишущего (le style c'est l'homme) и чтобы он служил ему для выражения характера действующих лиц. Это много, это — все, то есть язык. Сначала писатели пишут общим, а потом уже своим языком — и этот общий язык у нашего автора — безупречен.

Потом, когда я дочитал рукопись до конца, я удивился простоте и естественности плана: как он легко построен и как свободно развивается до конца! Мы, русские авторы, не отличаемся архитектоникой в наших созданиях — и потому это тем замечательнее в молодом, начинающем пере. Да правда ли это: будто это первый опыт? Судя по плану и по свободе языка, автор, должно быть, упражнялся много.

Затем второстепенные лица — все с намеками на характеры. Правда, что характеры эти — чисто внешние; они надеты на них, как костюмы, сообразные с ролями, потому что сами лица — не глубоки, даже плоски: хоть бы этот *восточный князь*, *помещица-соседка*. Но *Китти*, подруга Веры, *лекарь* и *Сонечка* — те уже тоньше, и автор очертил их удачно, явственно.

Бледны вышли главные лица: *графиня Вера*, *посредник* и *князь*. Автор сделал подробную экспозицию их характеров, но образа не дал. Читатель видит *Сонечку*, *лекаря*, *Китти* — перед собой, а последних трех — нет. Автор говорит за них и о них, но сами они в тумане.

Это происходит, конечно, оттого, что натура этих трех лиц глубже, надо было коснуться психологической стороны, войти глубже в условия их жизни,— которые, конечно, отражались в их действиях более тонкими и менее улевимыми признаками, нежели у Сонечки с матерью или у восточного князя и лекаря. Притом автор задался мыслию, что они все трое хорошие, порядочные люди — «без страха и упрека». Но таких лиц в натуре нет, то есть положительно и безусловно хороших: не должно и не может быть их и в искусстве. Пусть автор возьмет самых хороших

* Никогда чем поздно! (*франц.*).
** Не взыщите! (*франц.*).
*** изысканным! (*франц.*).

людей, ему известных: нет сомнения, что рядом с преобладающими светлыми качествами явились бы и темные пятна, ибо непогрешимости нет ни в ком и ни в чем на свете. И только в совокупности с теми и другими — и в натуре, и в искусстве явится цельная, живая и правдивая фигура. В старых романах, бывало, все лица делились на два лагеря — добродетельных людей и злодеев: и ни те, ни другие никуда не годились, потому что были фальшивы, то есть неверны.

Если б автор вместо того, чтоб рассказывать о красоте Веры, ее туалете, о комфорте ее дома, обедах и проч., нарисовал ее портрет, сначала у себя, в уме, то есть, что это была за женщина — и постарался *образ* ее (моральный) перевести на бумагу, не льстя ей, конечно, а беспристрастно (как она жила, что делала, как говорила и проч.), может быть, она успела бы — в нескольких штрихах, сценах, разговорах — вернее и ярче нарисовать ее (как Соню и Китти, например), нежели описывая ее, т. е. рассказывая о ней во многих главах: например, *фатум без фатума*, *кокетство без кокетства*. Сцены эти должны быть правдивее, реальнее: таковы бы они и вышли, если б автор более *воображал*, как они происходят в самом деле, а *не сочинял* — как ему хотелось, чтоб они происходили. Чтобы объяснить, как графиня могла попасть в борьбу со страстью, надо было рядом сцен кокетства подготовить и страсть посредника и ее собственную любовь к нему, в которую она, играя с ним, попала, как в ловушку. Такова мысль автора, а на деле, то есть в романе, этого ничего нет, не видно — и потому неправдоподобна кажется и вся возникшая из этого борьба и драма. Выходит, что он ослепился, как мальчишка, ее красотой, потому что она никакого другого повода ему не подала. А ее любовь к нему — еще непонятнее: что в нем тронуло, увлекло, поразило ее? Она ли не видала всяких людей там у себя, в Петербурге? Что же взорвало их обоих? Не видно, неясно и потому неправдоподобно.

Вот если б вдуматься в них поглубже, да нарисовать их портреты, обозначить (не черты лица), а физиономии, характеры — и потом уже показать, как выразилось в ней кокетство и почему затронуло оно Дубровина! и т. д.

Конечно, все это трудно — эти психологические тонкости и рисовка таких характеров, но для таланта, если он есть, при следующих опытах все возможно. Техника, т. е. мастерство, явятся у таланта, но их надо вызвать борьбой с препятствиями и трудом: это легко не дается!

Автор любит свою графиню Веру, между тем она выходит у нее слабою, почти ничтожною женщиной. Она жила богато и праздно в своем петербургском большом кругу, или, пожалуй, и не праздно: одни визиты чего стоят! Сколько времени уходит на сборы, приготовления, туалет к ежедневному кочеванью из салона в салон? Там вечер — будут *все* и не быть нельзя, там обед, там обязательный спектакль, потом случайные явления, вроде столоверчения, которым занимаются тоже все, там раут, там смотреть Росси, потом слушать лорда Редстока [2], или заниматься добрыми делами — а там, а там... и все так! весь век, все дни и вечера сезона,— а лето — за границу или в деревню, с парком, со всем городским комфортом и с гостями и т. п. Вот жизнь!

Автор дает в Вере (или хочет дать) исключительную, недюжинную натуру, задыхающуюся в этой светской мельнице — и ищущую простора, воздуха, настоящей жизни, т. е. дела, труда и цели!

Да, она могла бы найти все это. Для этого надо было только ей быть настоящей женщиной: прежде всего, конечно, любить... кого? Ей есть кого любить: детей! Одна эта задача может и должна поглощать женщину-мать: няньки, гувернантки, лекаря, учителя — это все есть, но это подставные лица. Настоящая, главная, безотлучная нянька, гувернантка, доктор, учитель, словом все — это мать, и только мать. Она одна может

только морально создать *людей* вторично, как создала их материально, и эта подготовка людей начинается с колыбели и кончается у порога возмужалости. От нее же, конечно, зависит, наоборот, и пренебречь, следовательно, заглушить в человеке человека.

Сколько времени и деятельности должна бы, кажется, занимать в жизни женщины одна эта задача — и у добрых матерей, у настоящих женщин она и берет всю жизнь: такие женщины-матери не жалуются на эту задачу, даже счастливы ею!

Но у Веры, как у женщины с душой, сердцем — есть еще другая, человеческая задача и долг: это подумать, хорошо ли живется людям в ее имениях? Она едет с целью — устроить их быт, учредить школы, больницы и т. п.

Но вот тут явились: *кокетство*, *фатум*, *Он*, *Она*, *свидания*, *объяснения*, потом, бог знает из чего, борьба, драма, отъезд в Ниццу — и после страданий, борьбы, в дальней перспективе блещет какая-то звезда... чего? Сознания свершенного долга в отношении к детям, потом к бедным, нуждающимся во всякой помощи, в грамотности, в работе, в устройстве положения крестьян и вообще в полном удовлетворении строгим и высоким требованиям ⟨и⟩ целям жизни: в непрестанном и чутком искании в себе чувств справедливости, гуманности в отношениях к другим, или, пожалуй, любви к ближнему (так как она религиозная женщина), наконец, в непрерывном, свойственном недюжинной и развитой натуре стремлении к самоулучшению, к примирению своего *я* со всею неурядицею жизни и к равновесию в своих силах душевных и т. д., и т. д. Нет — впереди у ней блестит одна звезда: это надежда увенчать свою страсть браком с Дубровиным! Эгоистка, дюжинная натура!

Нет, я не люблю графини Веры: мне лучше нравится *Китти*, ее подруга. Это простой и естественный продукт ее почвы, ее воздуха,— она не гонится за тем, что ей не по силам, и потому — хотя она и пуста, но очень мила, потому что она — живое лицо в романе, а не кукла.

Вера перенесла свою праздность и комфорт из Петербурга в деревню — но там надо было или действительно приняться за труд, почти за черную работу — или бросить все и уехать. На труд она оказалась неспособною: он, да еще религия, если б и то и другое было искренно и глубоко в ней,— помешали бы и кокетству, и страсти, но она, как неопытная девочка (она-то — вдова, светская женщина!), влюбилась, испугалась и уехала.

Петербургский князь — тоже хорош! Лев, тонкий, умный,— никак не может в толк взять, что его не любит женщина — и все домогается объясняться!

Я уже назвал его, и графиню, и Китти космополитами и удерживаю это название.

Вы верно заметили, графиня, что они должны были говорить между собою по-французски! Этот нейтральный язык стирает с них национальность — так что они, кажется, делают все, чтоб не походить на русских. С колыбели учат детей по-французски, по-английски — и после всего уже по-русски, и то с учителем. А своему языку учатся с колыбели, от кормилицы, няньки, товарищей и т. д., а потом уже учители и отечественные образцовые писатели.

И выходят они — ни русские, ни французы, ни англичане, хотя и говорят *условным* французским и английским языком, языком дипломатов и салонов. Но никогда они не будут говорить, как француз или англичанин говорит в интимной, настоящей жизни, потому что в их языке, физиономии, мимике говорит сама их жизнь, кровь, их склад ума, их нервы, их история — и этот их язык уже вовсе не похож на то бледное, условное наречие, каким говорят наши космополиты. В живые, страстные минуты им надо притворяться французами или англичанами, а это карикатурно.

Писатель же, думающий на одном, говорящий на другом, а пишущий на третьем, нейтральном языке,— невозможен!

Если когда-нибудь будет, по слову Христа, *едино стадо* и *един пастырь*, то, может быть (как мечтают космополиты), когда-нибудь и все национальности сольются в одну человеческую семью: пусть так, но и для этой цели нужно, чтобы все национальности работали изо всех сил и чтобы каждая из них добывала из своих особенностей — все лучшие соки, чтобы внести их в общую человеческую сокровищницу, как делали древние, как делают новые нации. А для этого нужно русскому быть русским — а связывает нас со своею нациею больше всего — язык.

И. Гончаров

[1] Итальянский трагик Эрнесто Росси несколько раз приезжал в Россию на гастроли. Первый его приезд состоялся в 1877 г. «В пятницу» — 4 марта.

[2] Гренвиль *Редсток*, лорд, английский проповедник. Начиная с 1874 г. неоднократно посещал Петербург и с большим успехом проповедовал свое религиозное ученье в великосветском обществе.

ПИСЬМО к Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Публикация Н. З. Серебряной

Николай Михайлович *Жемчужников* (1824—1909) был сыном сенатора М. Н. Жемчужникова, другие сыновья которого оставили след в литературе (поэты Алексей и Владимир) и искусстве (художник Лев). Н. М. Жемчужников окончил Петербургский университет по восточному факультету, служил сначала в таможне, затем в министерствах иностранных дел, внутренних дел. В июне 1858 г. он был назначен начальником университетской типографии в Москве. За несколько месяцев, которые он пробыл в этой должности, он сумел значительно облегчить положение крепостных рабочих типографии, освободив их от телесных наказаний, введя для них «задельную плату» и т. п. Создавшаяся в результате этого вокруг него атмосфера недоброжелательства вынудила его в январе 1859 г. выйти в отставку. Уехав за границу, он провел много лет в Англии, а после возвращения жил в Петербурге и в деревне [1].

То немногое, что нам известно о Н. М. Жемчужникове, рисует его незаурядным человеком — умным, образованным, независимым, тонко чувствующим прекрасное; он не сделал карьеры и не прославил своего имени ни в поэзии, ни в искусстве. Как видно, он был верным другом, интересным собеседником, отзывчивым человеком. Своим добрым участием он сумел помочь брату Льву, когда тот, учась в кадетском корпусе, «возненавидел все военное» и твердо решился «посвятить себя художеству» [2].

В доме своего двоюродного брата Алексея Константиновича Толстого Н. М. Жемчужников познакомился со многими интересными людьми того времени. С некоторыми из них он сохранил прочные отношения на долгие годы. Хорошо знал Жемчужников Тургенева. Встретившись с ним в 1860 г. в Париже, перед своим отъездом в Лондон, он обещал побывать у Герцена и передать ему какие-то документы для «Колокола». «Это письмо передаст тебе Николай Михайлович Жемчужников, которого прошу тебя принять à bras ouverts *; я знаю наверное, что ты его полюбишь от души. Он доставит тебе две важные бумаги, которые прошу тебя напечатать — и за *несомненность* которых ручаюсь тебе своим словом» [3].

Гончаров познакомился с Жемчужниковым в 1850-х годах в доме А. К. Толстого и сохранял с ним дружеские отношения в течение многих лет.

Каждое найденное новое письмо Гончарова интересно тем, что помогает составить более полное представление о его личности, о его сложном характере. Старая, но живучая легенда о ленивом, замкнутом, скучном человеке выглядит совсем не убедительной, когда сталкивается с живым фактом человеческого общения.

Читая публикуемое письмо, мы представляем себе, каков был Гончаров со старыми друзьями — как он был ласков, добр, внимателен, открыт душевно. В то же время письмо Гончарова — это прекрасный образец «эпистолярного рода, который был привычен людям 30-х и 40-х годов. Это была неторопливая беседа человека, который не только хочет подробно и искренне поделиться своими мыслями и чувствами и рассказать о том, что с ним происходит, но и вызвать своего собеседника рядом вопросов участливого внимания и мирных шуток на такое же повествование» [4].

Печатается по подлиннику, сохранившемуся в бумагах известного коллекционера А. В. Жиркевича (Государственный музей Л. Н. Толстого). Жиркевичу письмо подарил М. А. Жемчужников, племянник Н. М. Жемчужникова, унаследовавший архив последнего.

---

* с распростертыми объятиями (*франц.*).

Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ
Фотография В. Каррика.
Петербург, 1870-е годы
Институт русской литературы
АН СССР,
Ленинград

2 ноября 1881 г.

Я получил вашу записочку, добрейший и любезнейший Николай Михайлович — и только было хотел порадоваться, сочтя ее предвестницей вашего прибытия, как вдруг — «не приеду в Петербург!» Что же это такое: ни вас, ни Николая Федоровича [5] не будет всю зиму, а следовательно, не будет затрапезных наших бесед, споров, рассказов новостей и т.д.! [6] Что я буду делать один в этих роскошных, обширных залах с колоннами, с мраморами, с особыми кабинетами, с читальной комнатой? Да, наша скромная, низенькая и темная столовая преобразилась в великолепный чертог, с кариатидами, с богатым входом со стороны Морской: словом, изба стала красна не только пирогами, но и углами! А тут-то вас и нет! Хозяин новый, какой-то m-r Рено, приглашал меня pendre la crémaillère * на завтрак, где было до двухсот гостей — но я, конечно, не был.

О вас я спрашивал кое-кого знакомых: никто не мог сказать мне, где вы и что вы. Наконец, недели две тому назад заехал ко мне Владимир Михайлович [7]. Первый вопрос мой был о вас, но и он ничего не мог сказать. Я давно собирался написать к Николаю Федоровичу, на той ли он квартире живет: Владимир Михайлович сказал, что он еще на даче. Так я до вашего нынешнего письма и не знал ничего ни о нем, ни о вас, а думал, что вы, по обычаю, скоро приедете, и притом вместе с Николаем Федоровичем, а может быть, и со Львом Михайловичем [8], которым обоим, а с ними и вам очень сильно и дружески кланяюсь.

Забыв на минуту эгоизм, скажу, что понимаю ваше нежелание приехать сюда. Живем мы здесь, как совы, мрачно, робко, сидим все по углам, движения, жизни, веселости — нет. А к этому еще и погода, какой

* праздновать новоселье (*франц.*).

хуже не бывает: словом, скучно, тяжело и нездорово! К этому же еще нет и того дома, где вы с братьями часто собирались [9]; что же Перовский, говорят, очень болен, даже просто плох. Вы теперь уже, конечно, знаете, что Владимир Михайлович уехал к нему в Ментону [10].

Благодарю вас, что вспомнили о желании моем покурить сигар из вашего собственного табаку. С нетерпением буду ожидать обещанной пробы — и стану курить, прежде всего с любопытством, а потом с удовольствием.

Пожимаю вашу руку заочно, ужасно жалея, что не могу сделать этого лично. Искренно преданный

И. Гончаров

[1] О жизни Н. М. Жемчужникова известно очень мало. Ранние его годы освещены отчасти в воспоминаниях брата Льва (Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого. Л., «Искусство», 1971); деятельности его в университетской типографии посвящено сообщение В. П. Горленко «Один из освободительных опытов дореформенной эпохи» («Исторический вестник», 1899, № 3, с. 1070—1075).

[2] Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, с. 57, 62.

[3] Письмо от 22 мая/3 июня 1860 г.— И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV, с. 77—78.

[4] А. Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров.— В кн.: «И. А. Гончаров в воспоминаниях современников». Л., «Худ. литература», 1969, с. 253.

[5] Николай Федорович *Крузе* (1823—1901) в 1855—1858 гг. был цензором Московского цензурного комитета. В начале 1858 г. по распоряжению царя был уволен от занимаемой должности «за послабления печати». Это событие получило большой общественный резонанс. На обеде в честь уволенного цензора, который устроили петербургские писатели, Н. А. Некрасов прочитал посвященное ему стихотворение («Н. Ф. Крузе»). В его пользу началась подписка в Москве, Петербурге и других университетских городах, очень скоро запрещенная по высочайшему повелению. Большая группа известных писателей и журналистов составила адрес Н. Ф. Крузе, в котором так оценивалась его роль: «Постоянным правилом ваших действий было уважение к мысли как драгоценнейшему благу человека, и уважение к слову как органу мысли <...> Вы знали только один страх — осудить произведение таланта, обречь неизвестности дело умственного труда». Адрес подписали Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Гончаров и др. (всего 59 подписей). По-видимому, Гончаров и Крузе познакомились в это время и стали близкими друзьями.

[6] В течение многих лет Гончаров, Н. М. Жемчужников и Н. Ф. Крузе обычно обедали вместе в Hôtel de France. Иногда к ним присоединялся А. Ф. Кони или М. М. Стасюлевич. «Я обедал сегодня в Hôtel de France с Крузе, и к нам подсел Гончаров» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV. Пб., 1912, с. 132). «Я сижу, как старый тетерев, дома, ни с кем не вижусь, кроме другого такого же старого и притом глухого тетерева, Николая Жемчужникова, в Hôtel de France» (письмо Гончарова к Л. И. Стасюлевич от 28 марта 1886 г.— там же, с. 168).

[7] Владимир Михайлович *Жемчужников* (1830—1884) — поэт, выступавший вместе с А. К. Толстым и А. М. Жемчужниковым под псевдонимом Козьма Прутков. С Гончаровым познакомился в конце 1850-х годов.

[8] Лев Михайлович *Жемчужников* (1828—1912) — художник. Его живописные работы и гравюры посвящены Украине — жизни народа, его быту, истории. Издавал альбом «Живописная Украина». Собрал множество украинских легенд, сказок и напевов народных песен. Вместе с художниками А. Е. Бейдеманом и Л. Ф. Лагорио создал портрет Козьмы Пруткова, впервые напечатанный в Полном собрании сочинений Козьмы Пруткова (1884).

[9] Имеется в виду дом в Петербурге на Моховой, где до конца 1860-х годов жил А. К. Толстой. Там часто собирались писатели, артисты, художники.

[10] Борис Алексеевич *Перовский* (1814—1881) — дядя братьев Жемчужниковых; генерал, за осаду и штурм Ахульго, где заперся Шамиль со своими мюридами, был награжден золотым палашом с надписью «за храбрость». В последние годы жизни Перовский поселился на юге Франции. В 1881 г., получив известие о его болезни, к нему выехал любимый его племянник В. М. Жемчужников.

Л. Ф. НЕЛИДОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОНЧАРОВЕ И ТУРГЕНЕВЕ

Предисловие и публикация А. Д. Алексеева

Автор публикуемых воспоминаний Лидия Филипповна *Нелидова* (рожд. Королева, в первом браке Ломовская, во втором Маклакова; 1851—1936) — писательница, сотрудничавшая в журналах «Вестник Европы», «Неделя», «Мир божий», «Русская мысль» и др. Встречаясь со многими замечательными людьми, Нелидова о некоторых из них оставила свои мемуары: «Воспоминания об И. С. Тургеневе» («Русские ведомости», 1884, № 238, 239), «Памяти И. С. Тургенева» («Вестник Европы», 1909, № 9), «Встречи с Н. А. Некрасовым» («Русское богатство», 1894, № 12), «Памяти П. А. Стрепетовой» («Русская мысль», 1903, № 12), «А. И. Эртель в его письмах» («Русская мысль», 1909, № 1), «Памяти Г. А. Лопатина» («Голос минувшего», 1923, № 3) — и неопубликованный при ее жизни биографический роман о В. А. Слепцове «На малой земле» (*ЛН*, т. 71). Нелидова была хорошо знакома с Я. П. Полонским, И. А. Гончаровым, А. Г. Рубинштейном, К. Ю. Давыдовым, была гражданской женой В. А. Слепцова в последние годы его жизни.

Живя в начале 1870-х годов некоторое время в Швейцарии, Нелидова постоянно общалась с Л. И. Мечниковым и с деятелями русской революционной эмиграции. Среди ее многочисленных адресатов были И. С. Тургенев, Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, П. Д. Боборыкин, М. Н. Альбов, Н. Н. Златовратский, А. И. Иванчин-Писарев, Г. И. Успенский, В. О. Ключевский, А. И. Сумбатов-Южин, П. С. Соловьева, К. И. Чуковский.

Значительный след в ее жизни оставили встречи и переписка с Тургеневым (сохранилось пять писем Тургенева к ней.— См.: *Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2; письма Нелидовой к Тургеневу неизвестны).

Прочитав в октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1879 г. первую повесть Нелидовой «Полоса», подписанную инициалами Л. Н., Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 8/20 октября 1879 г.: «...сейчас я кончил «Полосу»— и поздравляю вас с приобретением настоящего, свежего и сильного таланта. Кто этот Л. Н.? ⟨...⟩ По выработанности языка — по твердости и почти мастерству рисунка — я не считаю его слишком молодым человеком — и «Полоса» не первая его работа — хотя, быть может, и первая напечатанная ⟨...⟩ как верно намечены все характеры, какая правда и поэзия в описаниях и сравнениях — и как все это выхвачено из жизни — но не пошло реалистическим образом à la Zola — а характерно, типично! Еще раз поздравляю вас — и, если это может доставить автору малейшее удовольствие, передайте ему мое мнение. Надо теперь ему затеять бóльшую вещь: у него для этого все нужное. Назовите мне его имя, если возможно» (там же, с. 149—150). Узнав от Стасюлевича настоящее имя автора, Тургенев столь же восторженно отзывается о «Полосе» в письмах к П. В. Анненкову от 27 октября/8 ноября и 13/25 ноября 1879 г. «Я постараюсь с ней познакомиться»,— писал он в последнем (там же, с. 161 и 177).

Столь высокая оценка Тургеневым повести «Полоса» была не случайной — Тургенев не ошибся, угадав в ней «мужскую руку». Это была рука В. А. Слепцова. Находясь на излечении в Пятигорске, Слепцов писал Нелидовой 29 июня 1877 г.: «Повесть свою пришли мне с самого начала, иначе я не могу поправлять. Надо так ее выгладить, чтоб уж ни сучка, ни задоринки». 25 сентября того же года он снова напоминает ей: «Жду присыла рукописи твоей, я бы теперь с особенным удовольствием занялся ею» (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, № 271). И хотя повесть Слепцовым не названа, вне всякого сомнения, речь шла о «Полосе».

В действительности талант Нелидовой, несмотря на успех «Полосы», не был выдающимся. И Тургенев в этом вскоре убедился, ибо последующие ее произведения уже не могли вызвать столь высокой его оценки.

Познакомился Тургенев с Нелидовой в конце января или в начале февраля 1880 г., по приезде в Петербург, через своего друга А. В. Топорова. «Мне не нужно уверять вас, что мое знакомство с вами оставило во мне самые приятные воспоминанья и что отныне на свете стало одним человеком больше, который внимательными и дружелюбными глазами будет следить за вашей жизнью и вашей деятельностью»,— писал он ей 21 февраля/4 марта 1880 г. (там же, с. 217). Нелидова обращалась к Тургеневу за литературными советами, в частности в связи с начатой ею работой над романом «На малой земле», и Тургенев весьма благожелательно, а подчас и критически ей отвечал. «Пишите горячо, просто, страстно и серьезно... все остальное приложится вам. *Пишите* — а не *описывайте*, как бы поэтично это у вас ни выходило»,— писал он ей 14/26 мая 1880 г. (там же, с. 254).

Последняя встреча Нелидовой с Тургеневым состоялась в Москве в июне 1880 г., после пушкинских торжеств, перед отъездом Тургенева в Спасское.

О знакомстве Нелидовой с Гончаровым до сего времени мы не располагали какими-либо данными, если не считать одного сохранившегося письма Гончарова к Нелидовой от 26 марта 1883 г., в котором Гончаров выразил желание прослушать ее «Письма из Феодосии» (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 103). По дате этого письма, а также по упоминанию Нелидовой о том, что «еще свежо было в памяти впечатление недавней потери Тургенева», умершего 22 августа 1883 г., можно заключить, что посещения Нелидовой Гончарова, а следовательно, и наиболее близкое их общение продолжалось в течение всего 1883 г.

Время, когда были написаны публикуемые воспоминания, точно определить не удалось. Мы располагаем машинописным текстом их с авторской правкой — он может быть отнесен к 1920-м — началу 1930-х годов. Почерк и чернила авторских исправлений схожи с почерком и чернилами письма Нелидовой к К. И. Чуковскому от 16 июня 1931 г. Этот экземпляр воспоминаний Нелидова дала Чуковскому, по-видимому, в то же время, когда последний получал от нее материалы по В. А. Слепцову. За несколько лет до своей смерти К. И. Чуковский передал его редакции «Литературного наследства» для возможного опубликования. После выхода настоящего тома авторский экземпляр воспоминаний Нелидовой возвращен в архив К. И. Чуковского.

В публикацию не включена четвертая глава воспоминаний, в которой Нелидова рассказывает о своем пребывании в Париже в 1887 г. и о посещении Полины Виардо в ее доме на улице Douai.

О «МИЛЫХ СПУТНИКАХ»

О милых спутниках, которые сей свет
Присутствием своим для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию — были!

В. Жуковский[1]

I

— Хотите ли вы познакомиться с Гончаровым? — спросила меня Жозефина Антоновна Полонская (жена поэта) в одну из пятниц (приемный день), когда я сидела подле нее в гостиной и она знакомила меня с вновь входившими незнакомыми гостями.

Я живо повернулась к двери.

— Гончаров будет у вас сегодня?

— Нет, не будет. Он не выходит. У него болят глаза и он сам не может читать. Я взялась найти ему чтеца или чтицу.

— Ах, пожалуйста, чтицу. Возьмите меня. Когда нужно читать, утром или вечером?

— Днем. Как раз во время вашей прогулки. Вы пройдете туда и обратно; это будет достаточно для моциона, а больше часу он вряд ли задержит вас. У него ведь все по часам; в пять часов он обыкновенно обедает.

Таким образом, все устроилось неожиданно и приятно для меня. Мне предстояло знакомство с знаменитым писателем, которого я любила, не так как Тургенева, меньше, конечно, но все же очень любила его «Обломова» и «Обрыв», любила язык его произведений и в некоторых из них ставила его не ниже тургеневского.

В детстве я познакомилась с ним, как и со всеми другими писателями, только по хрестоматии. Собрания сочинений не было у меня у руках, а в хрестоматии (не помню, Галахова или Филонова) я прочитала отрывок: «Сон Обломова» [2]. Он поразил меня значительностью содержания, которую я тогда смутно чувствовала и еще не была в состоянии вполне оценить, а также красотой языка. Одну фразу я тогда же запомнила и она до сих пор удержалась в моей памяти:

«Настали минуты всеобщей торжественной тишины природы, те минуты, когда сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда в сердце живее вспыхивает страсть или больнее ноет тоска и когда... в Обломовке все почивают так крепко и покойно».

Эти несколько фраз совершенно пленили меня в то время своей красотой, до такой степени пленили, что я декламировала их вслух и кончила тем, что вставила их в собственную повесть, которую писала в то время в течение уже нескольких недель. Повесть называлась: «Княжна Шаговская» [3].

Было мне в то время, вероятно, лет 12—13, никак не больше. Поверенной моих литературных мечтаний и начинаний была моя сестра годом моложе меня; в большинстве случаев она разделяла мои вкусы. Я читала ей обыкновенно мои произведения, если, конечно, между нами не было ссоры в это время.

Сестра слушала внимательно, и, когда я кончила главу (повесть так и осталась неоконченной), она сказала:

— У тебя там это очень хорошо сказано: «настали торжественные минуты тишины природы...» Это очень хорошо, но ведь это Гончарова?

— Ну да, конечно, Что же из этого?

— Да разве можно так, взять чужое, что другой написал?

— Так разве я это буду скрывать! Я так и напишу, как это пишут всегда, в кавычках, чтобы все знали. Но ведь, пойми, это так идет к моему, к тому, что я теперь пишу, а, конечно, я же не сумею никогда так хорошо сказать. Всякому будет приятно, я думаю, лишний раз прочитать такие хорошие слова.

Помню, что Тургенев остался недоволен моими «Крымскими очерками» [4], главным образом языком.

— Это все у вас гончаровщина,— говорил он, упрекая меня за слишком большую вылощенность периодов и округленность фраз.

«Пишите горячо, серьезно, просто и страстно. Пишите, а не описывайте, как бы поэтично это у вас ни выходило».

Это был его драгоценный завет, написанный в одном из писем его ко мне.

Я знала о враждебных отношениях, установившихся между двумя знаменитыми писателями, и с интересом думала, на чьей же стороне буду я сама при личном знакомстве.

Оно состоялось зимой 1883 года [5]. Ж. А. Полонская сама пришла за мной, и мы отправились с нею на Моховую № 3, где жил тогда Гончаров.

И. А. ГОНЧАРОВ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
Рисунок П. Ф. Бореля (перо), 1891
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

У меня осталось впечатление чего-то тусклого, обыденного от вида квартиры и обстановки, также и от самого кабинета, где мы застали Ивана Александровича.

Навстречу нам поднялся с кресла довольно полный, среднего роста человек в широком застегнутом пиджаке, скорее напоминавшем пальто. Знакомые портреты хорошо передавали черты и выражение лица. Оно было спокойное и приветливое.

Болезнь глаз в ту пору не проявлялась внешними признаками, но на столе, на книгах лежал зеленый глазной зонтик и очки, вынутые из футляра.

Моя милая спутница тотчас же покинула нас, отрекомендовав меня Ивану Александровичу как прекрасную чтицу; у нее было по обыкновению множество собственных хозяйственных дел.

Мы остались вдвоем.

Сердце у меня вдруг беспокойно забилось. Что он заставит меня читать? Может быть, не читать, а декламировать? Может быть, он любит стихи? Заставлял же Тургенев читать Пушкина. Может быть, Лермонтова «Демона», «Хаджи Абрека?» Или кого-нибудь из новых, Надсона, Фруга?

Гончаров взял со стола номер «Нового времени» и попросил меня прочитать ему биржевой отдел.

В первый раз в течение моей в ту пору еще недолгой жизни я читала этот отдел. От непривычки к цифрам я несколько раз сбивалась и ошибалась. Гончаров сейчас же замечал ошибку, терпеливо поправлял меня, и, когда я выразила свое удивление по поводу выбора чтения, он сказал:

— А как же! Ведь биржа это единственный верный показатель настоящего положения вещей. Болтать можно о чем угодно, бумага все терпит, а вот что рубль русский опять упал, это имеет значение, что бы ни печатал Суворин в своей газете. Вы какую газету предпочитаете?

Я читала в Москве «Русские ведомости». Мне иногда присылали их в Петербург, и я стала приносить их Ивану Александровичу, но он не

выказал особенного интереса и, видимо, предпочитал «Новое время», так что я перестала приносить. Зато «Новое время» мы читали сплошь, до объявлений включительно. Их Иван Александрович также считал настоящими, подлинными показателями жизни и современного положения.

— Живой голос жизни более любопытный и показательный, чем всякие фельетоны и «маленькие письма» [6]. В некоторых объявлениях бывают готовые сюжеты для целых повестей — знаете, такие петербургские печальные повести во вкусе Достоевского. Вы любите Достоевского?

Он остался доволен тем, что я не очень люблю.

— У вас не было бы такого вида, если бы вы любили очень,— продолжал он, внимательно приглядываясь ко мне.— Но кого-нибудь вы должны же любить?.. Лизу из «Дворянского гнезда»?

— Не только Лизу, но и Веру и Марфиньку и бабушку из «Обрыва» и Обломова.

— Спасибо, спасибо!

Он улыбнулся ласковой улыбкой.

— Мне сказали, что вы сами пишете. Принесите мне почитать что-нибудь из ваших произведений.

«Мои произведения» в то время, кроме детских книг, помещались все в двух номерах «Вестника Европы» [7]. Гончаров читал этот журнал, но не заметил и пропустил нового автора, подписавшегося инициалами. Я решила поправить дело. По моей неопытности это было не так легко. Мне было неизвестно право автора на отдельные оттиски.

Я продолжала дочитывать объявления, думая о том, где и каким путем мне достать книжку «Вестника Европы», когда дверь без стука отворилась и в комнату вошла немолодая гладко причесанная женщина в серой юбке и черной кофточке и остановилась напротив стола.

— Кушать подано. Суп простынет.

Гончаров тотчас же поднялся. Он протянул мне руку и стал благодарить, торопливо провожая меня в переднюю, и осведомился на ходу, могу ли я прийти читать также и завтра?

Я обещала.

II

Я жила в те годы, как и всю мою предыдущую жизнь, в Москве и только на короткое время, на побывку, приезжала в Петербург.

Привлекали меня в Петербурге главным образом литературные знакомства. Их было больше и они были интереснее, нежели в Москве. Было несколько дружественных семейных домов и были одиночные близкие друзья.

Что стоил один дом поэта Якова Петровича Полонского!

Не считая приветливого отношения самих хозяев, как много новых, интересных людей я встретила у них на их знаменитых в то время пятницах. Тургенев, Григорович, Лесков, Рубинштейн, Мережковский и Зинаида Гиппиус, Аверкиев с женой... всех не вспомню теперь [8].

В своей небольшой повести «Единственный случай», помещенной в «Вестнике Европы» в 1882 году [9], говоря об одном из своих героев, я написала «голос, как Давыдовская виолончель».

Карл Юльевич Давыдов был знаменитый в ту пору музыкант-виолончелист. Жена его Александра Аркадьевна читала мою повесть, заметила фразу и пожелала непременно познакомиться с автором. Нашлись общие друзья. Между ними на первом месте — Анна Николаевна Энгельгардт, жена сосланного в ту пору в свое имение Батищево профессора Александра Николаевича Энгельгардта, автора «Писем из деревни» [10]. Но как она, так и Александра Аркадьевна представляют собой слишком сложные и яркие фигуры, и я надеюсь посвятить им особые очерки.

Знакомство состоялось в 1882 году, и сколько чудесных, незабвенных вечеров оно дало мне в большой зале прекрасной давыдовской квартиры. Довольно сказать, что играли Давыдов и Антон Рубинштейн, романсы Шумана пела Рааб [11] и аккомпанировал ей тот же Антон Григорьевич, и он же играл один, изумительно, вдохновенно... Никогда раньше я не слыхала такой музыки.

А кругом, на диванах и креслах, в уютных уголках, в мягком освещении в то время еще керосиновых ламп под длинными абажурами, отвернувшись к стене, или опустив голову на руки, сидели и слушали потрясенные слушатели, скромная учительница рядом с великим князем...

Прекрасная хозяйка в чепчике с красным бархатным бантиком обходила гостей, довольная впечатлением.

После музыки часть публики разъезжалась. Остальные оставались и ужинали.

Рубинштейн удалялся менять рубашку, чтобы не простудиться. Она была мокрая, как после усиленной физической работы.

Утомленные артисты охотно приступали к ужину. Слышались веселые, иногда двусмысленные шуточки, помню что-то насчет «ложечки и боли под ложечкой»...

Роль сыграна, эстрада пуста... «и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он» [12].

Меня посадили за ужином рядом с хозяином. С первых же слов я начала говорить Карлу Юльевичу о своем восхищении его игрой, но он резко перебил меня.

— Ах, пожалуйста, будем говорить о чем угодно, только не о моей игре. Почему-то принято думать, что с артистами нужно говорить непременно о их специальности. Это большая ошибка. Я кончил. Моя специальность осталась вон там в футляре, в моем кабинете.

Я заметила, как он бережно уложил виолончель в футляр и сам вынес ее из гостиной в кабинет.

— Как будто уж мы такие односторонние люди, что ничто другое недоступно нам. Давайте говорить... о «Вестнике Европы», о вашей повести.

— Я всю жизнь буду благодарна ей. Ведь благодаря одной фразе из нее я попала сюда,— говорила я, с восхищением обводя глазами ярко освещенную комнату.

Все мне здесь казалось восхитительным. В ту пору я не успела еще вполне оценить справедливость английской поговорки о скелете: «В каждом доме есть свой скелет» [13]. Я не допускала мысли о нем в этом доме, где литература занимала место рядом с музыкой и представители их соединялись за одним дружеским столом.

Пили здоровье хозяйки, здоровье артистов, гостей.

Красный чудесный бантик мелькал повсюду, то здесь, то там.

Кто-то декламировал новое, еще не напечатанное стихотворение Надсона.

Часы показывали два, три часа...

III

В салоне Александры Аркадьевны я встретила на ту пору А. Ф. Кони, который говорил со мною о болезни Гончарова.

Еще свежо было в памяти впечатление недавней потери Тургенева, только что прошел слух о том, что Гончаров начал и пишет новый роман, и вот болезнь могла помешать работе.

Сама я во время своих посещений не замечала никаких особых перемен. Так же задумчиво, философски спокойно смотрели бледноголубые, словно выцветшие старческие глаза.

Кроме меня, по вечерам ему читал еще кто-нибудь другой. Прочитали мой очерк «Полоса» и «Крымские письма». Иван Александрович похвалил их, написал лестный отзыв на визитной карточке и подарил мне свою последнюю книгу «Четыре очерка» [14], но до последнего дня мы оставались далеки и чужды друг другу, как в первый день знакомства.

Он был неразговорчив, казался удрученным и озабоченным. Главная забота была болезнь. Под конец жизни он лишился одного глаза.

Но и помимо этого — неизменный биржевой отдел, предобеденный час, чудесная погода за окном и мрачная комната, все это не располагало к беседе. Я добросовестно дочитывала последнюю страницу, складывала газету аккуратно на столик и торопилась уходить.

Совсем иначе было с Тургеневым! Какие удивительные вечера я проводила у неуклюжего дивана с деревянной спинкой, в обществе верного Топорова * или еще кого-нибудь из друзей и посетителей.

Случалось, что Иван Сергеевич бывал не в духе, нога болела и он слишком страдал, но если боль проходила, он весь оживлялся и разговор блистал и искрился, как фейерверк. Мне жаль, что я не сумела с точностью записать тогда же счастливые выражения, интересные рассказы и сравнения, которые так легко и свободно вырывались у него и, видимо, не стоили ему ни малейшего напряжения мысли.

Неприятно иногда было чувствовать себя предметом его наблюдений и изучений как представительницы молодого поколения, а это случалось не один раз. Он рассказывал при мне двусмысленные и рискованные вещи, и я видела, что он наблюдает, как я это слушаю.

Помню рассказ:

«В большом провинциальном городе остановились в гостинице два приятеля и семейство почтенных помещиков, старики родители с молодой девушкой дочерью.

Молодые люди знали друг друга по соседству, но не были знакомы между собою, и вдруг ночью девушка приходит в комнату незнакомого человека и отдается ему, чтобы не отдавать своей девственности нелюбимому, за которого ее принуждают выйти родители».

Тургенев подробно рассказал, как несчастная шла по коридору, замирая от ужаса, как поражен был неожиданностью молодой человек... По некоторым штрихам в нем можно было предположить самого Тургенева.

— Ну, а что же родители? — с возмущением спросила я.

Тургенев усмехнулся.

— Родители, как и полагается родителям, спали, разумеется, сном праведников.

Мы ко многому привыкли и прислушались в настоящее время, но тогда мне не легко было выслушать этот рассказ.

Я его слушала, чтобы не заслужить упрека в pruderie ** со стороны Тургенева. Он так настойчиво и убедительно говорил, что не следует никогда говорить «писательница». Есть «писатель», все равно женщина или мужчина, и у каждого писателя есть муза.

Под конец своего последнего пребывания в Петербурге Иван Сергеевич два раза был недоволен мною. В первый раз он передал мне через Топорова приглашение прийти пообедать у него в меблированных комнатах на Морской. Он хотел заказать хозяину хороший обед, а мне пришлось отказаться от приглашения. У меня был свой раньше приглашен-

---

* А. В. Топоров — близкий знакомый, в последние годы поверенный в делах Тургенева (*примеч. автора*).

** излишней щепетильности (*франц.*).

Л. Ф. НЕЛИДОВА
Фотография Тиле и Опитца.
Москва, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

ный гость, молодой профессор психиатр, вдвойне интересный, как недавно выпущенный из тюремного заключения [15].

Через Топорова я объяснила все это Ивану Сергеевичу и все же на другой день чувствовала следы неудовольствия, когда, расспрашивая меня о молодом госте, Тургенев сказал:

— Хорошо еще, что пришел. А то ведь эти нонешние господа... им ничего не стоит заставить ждать себя и не прийти, и не потрудиться дать знать.

— Нет, этот не такой,— оправдывалась я, защищая отсутствующего.— И вообразите себе, как интересно: сидя в одиночном заключении, в крепости, почти два года, он боялся, что совсем разучится смеяться и нарочно заставлял себя хохотать. Да, придумывал для себя разные смешные вещи и нарочно хохотал громко, на всю свою камеру. Сторожа заглядывали к нему в окошко, думали, что он, пожалуй, сошел с ума, а он теперь думает, что это может быть его спасло.

— Его спасло, а нас с Александром Васильевичем лишило удовольствия пообедать с вами,— все еще не сдаваясь, говорил Тургенев.— Поедемте как-нибудь литературной компанией в ресторан. Какие есть у вас тут хорошие рестораны? Нет, не Палкина конечно, а что-нибудь получше! Идет?

— Кто же поедет? — спросила я.

Тургенев начал считать:

— Вы, я, Топоров, Полонский, Григорович... Пожалуй и довольно.

— А Жозефина Антоновна?

— Жозефина Антоновна не литератор.

— Без нее, одна, я не поеду,— решительно заявила я и, несмотря на все убеждения, отказалась наотрез.

«Эта москвичка со своими образами»,— сосплетничал мне на другой день Топоров.— Теперь он так говорит о вас. И отчего в самом деле было не поехать! Кто знает, соберемся ли мы когда-нибудь еще в той же компании?

Он был прав, добрый Топоров. Это был последний раз, что мы встретились все в Петербурге.

Тургенев написал мне о своем приезде в Москву, и я виделась с ним в доме Удельного ведомства, в квартире его приятеля Маслова, у которого он останавливался. Он простил мне мои вины и усердно приглашал к себе в Спасское, куда ожидал М. Г. Савину [16] и еще несколько человек гостей.

И опять мне приходилось отказываться. Причина была ничтожная и слишком важная для меня: у меня не было летнего туалета. Поездка в Петербург, самостоятельная жизнь в дорогой комнате, театры и концерты — все это поглотило все мои получения из «Вестника Европы». А других у меня не было. Тогда печатались мои «Воробьиные ночи» [17].

Стасюлевич с обычной любезностью дал аванс, но весь он был истрачен и не на что было не только возобновить, а даже сколько-нибудь основательно поправить летнее пальто, шляпу, платья. А там будет нарядная, изящная Савина, другие, тоже молодые женщины.

Впоследствии я не прощала себе своего малодушия, но тогда настояла на своем и отказалась ехать вместе с Иваном Сергеевичем. Я не знала тогда, что больше не увижу его, как не должна была больше через несколько лет увидеть и Гончарова, когда пришла читать ему газету в последний раз.

В моей личной жизни происходила важная перемена [18]. Я еще никому не говорила о ней, а только предупредила Ивана Александровича, что уезжаю в Москву и ему придется найти кого-нибудь другого, чтоб заменить меня.

Известие это произвело неприятное впечатление. Главное в жизни было спокойствие, а тут нужно было опять просить, узнавать, привыкать к новому лицу. Это было несносно и затруднительно.

Как всегда я дочитала номер «Нового времени» до той минуты, когда дверь во внутренние комнаты отворилась без стука и худая, гладко причесанная женщина проговорила:

— Кушать пожалуйте! Суп простынет.

Я сочла нужным сообщить ей о своем отъезде и была поражена переменой в ее лице. Некрасивое бледное лицо вдруг преобразилось. Она всегда сама провожала меня в переднюю, сама подавала шубку молча, со строгим видом следила за мной, как я застегивала пуговицы.

На этот раз она бросилась мне помогать, сама застегивала, желала счастливого пути и застать в добром здоровье моих родственников.

— Что с нею? Откуда такая перемена? — невольно думала я и вдруг поняла:

«Несчастная! Да она, должно быть, опасалась, ревновала меня все время. Невероятно, но, по-видимому, это так! И теперь радуется, что я уезжаю».

Эти мысли ни разу не приходили мне в голову.

Я не помню имени женщины в черной кофточке [19]. Как-то раз мне случилось спросить о ней Полонских. Мне отвечали, что она ведет хозяйство Ивана Александровича и ведет его хорошо.

— У него не будет висеть неделю сорвавшаяся штора поперек окна, как у Тургенева,— говорила Полонская.— А что у нее на уме, кто же это может знать! Он воспитывает ее троих детей после смерти отца — не то своего камердинера, не то мелкого чиновника. Думаю, что никаких других отношений между ними нет и не может быть. Не такой он человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» (1821). Стихи приведены не вполне точно.

[2] Глава «Сон Обломова» включалась в хрестоматии: 1) «Полная русская хрестоматия». Сост. А. Галахов. Изд. 9, с переменами. Ч. 2, «Сочинения поэтические». СПб., 1861; 2) «Русская хрестоматия для высших классов средних учебных заведений». Сост. Андрей Филонов. Изд. 2, исправленное и дополненное. Т. 1, «Эпическая поэзия». СПб., 1864.

[3] Ни в печати, ни в рукописи повесть «Княжна Шаговская» неизвестна.

[4] «Крымскими очерками» Нелидова называет «Письма из Феодосии» («Вестник Европы», 1880, № 5). В письме к Нелидовой от 14/26 мая 1880 г. Тургенев весьма высоко отозвался о «Письмах»: «Они написаны отличным языком, Стасюлевич от них в восторге, публике они несомненно понравятся...» И тут же Тургенев упрекнул ее в следовании гончаровской манере письма: «Тот же профессорский образцовый стиль, та же скромная и сдержанная, но сознательная виртуозность, то же постоянное присутствие какого-то грустно улыбающегося мудреца, уже седого, но увенчанного розами...» (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, с. 254).

[5] Имеется в виду начало 1883 г. (зима 1882/83 г.).

[6] «Маленькие письма» — постоянная рубрика в «Новом времени», в которой с фельетонами выступали разные авторы.

[7] За подписью «Л. Н.» Нелидова опубликовала в «Вестнике Европы» две повести — «Полоса» (1879, № 10) и «Воробьиные ночи» (1881, № 5—7). Первая «детская книга» Нелидовой — рассказ «Девочка Лида» (1876, второе издание — 1894, третье — 1910). В 1905 г. она выпустила сборник рассказов для детей «Радость».

[8] В бумагах Нелидовой сохранилось 14 писем к ней Я. П. Полонского (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 248). В них есть много упоминаний о «пятницах» и их посетителях.

[9] Рассказ «Единственный случай» был напечатан: «Вестник Европы», 1882, № 4.

[10] За участие в народнической пропаганде А. Н. Энгельгардт был выслан в 1871 г. в родовое имение Батищево, Смоленской губ., где и прожил до конца своих дней, занимаясь ведением опытного сельского хозяйства. Его «Письма из деревни» печатались в «Отечественных записках» в 1878—1882 годах. Первое отдельное издание вышло в Петербурге в 1882 г. Анна Николаевна *Энгельгардт* (рожд. Макарова, 1835—1903) — писательница, переводчица.

[11] Вильгельмина Ивановна *Рааб* (1848—1917) — русская оперная певица (сопрано). С 1871 по 1885 г. была артисткой Мариинского театра в Петербурге.

[12] Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

[13] Слово skeleton (скелет) в английской поговорке, которую буквально переводит Нелидова, имеет значение: неприятность.

[14] И. А. Гончаров. Четыре очерка. СПб., 1881. В эту книгу вошли: «Литературный вечер», «Мильон терзаний», «Заметки о личности Белинского», «Лучше поздно, чем никогда».

[15] Имя этого профессора-психиатра установить не удалось.

[16] Приезд М. Г. Савиной в Спасское летом 1880 г. не состоялся, ввиду занятости артистки на гастролях. Она посетила Спасское в июле 1881 г.

[17] Нелидова ошибается, приурочивая печатание повести «Воробьиные ночи» к 1880 г. Повесть была напечатана в 1881 г. (см. выше примеч. 7).

[18] «Важная перемена» — второе замужество Нелидовой. В 1885 г. она вышла замуж за Алексея Николаевича Маклакова (1838—1905), профессора-окулиста, главного врача Глазной клиники Московского университета.

[19] Александра Ивановна *Трейгут* (ум. 1917) — вдова слуги Гончарова, продолжавшая служить у него после смерти мужа в качестве экономки. Гончаров воспитал и дал образование трем ее детям — Александре, Василию и Елене.

Н. С. ЛЕСКОВ

ИЗ ТВОРЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ

(НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ)

Вступительная статья и публикация К. П. Богаевской

1

«Соколий перелет»— под этим полюбившимся Лескову заглавием до нас дошло четыре незавершенных его произведения. Самое большое из них —«Повесть лет временных», первая часть романа — состоит из двух «книг» («Героиня и ее двор» и «Бойцы и выжидатели»). Первая «книга» была напечатана самим Лесковым в четырех номерах «Газеты Гатцука» в феврале и марте 1883 г.[1]

Более чем за год до этой публикации «Петербургская газета» сообщала 3 декабря 1881 г., что «Н. С. Лесков пишет новый большой роман под заглавием «Соколий перелет» [2], а 15 декабря — что роман приобретен «Газетой Гатцука» и будет напечатан в 1882 г.[3]

Однако после окончания первой «книги» печатание неожиданно прекратилось. И в том же номере «Газеты Гатцука», где были помещены последние главы, появилось «Письмо в редакцию» Лескова с отказом от продолжения, раскрывающим, кстати, подтекст заглавия романа.

«Я сознаю всю неловкость этого отказа, но не могу поступить иначе,— писал Лесков.— Роман этот начат писанием давно — более двух лет назад, при обстоятельствах, которые для печати весьма разнятся от нынешних. В романе я хотел изобразить «перелет» от идей, отмеченных мною двадцать лет назад в романе «Некуда», к идеям новейшего времени ⟨...⟩ Каков бы показался в этом *общественном значении* роман «Соколий перелет», я не знаю; но я хорошо знаю, что он не пошел бы в тон нынешнему взгляду на литературу, и во что бы то ни стало *я останавливаюсь*. Останавливаюсь просто потому, что — верно или неверно — я нахожу эту пору совершенно неудобною для общественного романа, написанного правдиво, как я стараюсь по крайней мере писать, не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям».

Далее Лесков иронически обещал написать роман чисто бытового характера, на мотив всегда удобных для разработки положений: «Влюбился и женился» или «Влюбился и застрелился» [4].

Здесь уместно привести свидетельство И. А. Шляпкина, который часто встречался с Лесковым со второй половины 1870-х годов: «Для истории общего мировоззрения Лескова за это время важен неоконченный роман «Соколий перелет». Это своего рода продолжение «Некуда». «Я хочу показать, где русские передовые люди поднялись и где они сели»,— говорил он» [5].

Начало второй «книги» романа, до сих пор так и не увидевшее света, сохранилось в бумагах писателя. Оно занимает всего пять листов и обрывается на первой главе в середине диалога героя и его дочери [6]. Но, кроме того, в архиве Лескова находятся еще три зачина повестей или романов, также озаглавленных «Соколий перелет». Сюжетно в них нет ничего общего. И хотя все они написаны от первого лица, действие в них происходит в совершенно различной обстановке, с различными персонажами. Связывает эти три наброска, кроме названия, и одинаковый подзаголовок —«Записки человека без направления» (в двух случаях —«Из записок человека без направления»).

В первом, самом крупном по размеру и наиболее интересном по содержанию отрывке, который мы и выбрали для публикации, повествование начинается с детских лет героя и захватывает период его юности. Здесь появляется образ Безбедовича, прошедший через несколько задуманных Лесковым произведений.

Во втором отрывке (на 5 л.) —«Соколий перелет. Приключения в моем семействе»— герой — морской офицер, раненный в бою с французской кавалерией во время Крымской войны. Он лежит в госпитале с тяжелой раной. «Я непременно должен бы умереть, если бы меня не спасло «глупое направление», как объявил это на мой счет мой недозрелый доктор» [7].

Следующий отрывок только начат (на 1 л.). В нем изображается «самая жаркая семейная баталия», где, видимо, спор произошел опять-таки из-за «направления». Повествование тут обрывается на полуфразе рассуждения героя —«Если только недостаток этого так называемого «направления» есть большой порок в человеке, то я боюсь, что бедная Гоиль когда-нибудь, подобно мне, будет сильно страдать этим пороком, чего я, впрочем, ей и желаю, так...» [8].

К «Сокольему перелету» явно примыкает еще один отрывок без заглавия, без начала и без конца, начинающийся словами: «Вы не склонны много полагаться...» Он построен на диалоге Безбедовича и допрашивающего его Фромана. На этих страницах ярко выражено мировоззрение Безбедовича, сторонника широкой свободы слова и вообще свободы для народа, человека в высшей степени благородного, защищающего своего товарища, обвиненного в чтении ученикам сочинений Герцена. Но это не мешает ему симпатизировать Александру II, потому что тот «отменил крепостное право, откупа, телесное наказание и безгласный суд» [9].

Трудно определить последовательность этих набросков. Ясно одно, что они создавались и были брошены Лесковым *до начала 1883 г.*

Об этом свидетельствует дата —*19 февраля 1883 г.*, поставленная писателем под его знаменитым рассказом «Тупейный художник». В этот рассказ Лесков перенес из публикуемого нами отрывка образ героини нового произведения — няни Любови Онисимовны, «из прежних актрис бывшего орловского театра графа Каменского» [10]. В рассказе повторяется вкратце и эпизод с травлей собаками духовенства.

Несомненно, автор «Тупейного художника» использовал в новелле мотивы навсегда оставленного им произведения, а не наоборот [11].

Первое упоминание о «Сокольем перелете» встречается в письмах Лескова 1875 г. 1/13 июля он пишет из Парижа своим детям: «В Мариенбаде надеюсь дописать повесть, которую начал и которая будет называться «Соколий перелет» [12].

Но тот ли это «Соколий перелет», о котором шла речь выше, или только то же название другого замысла? Нам кажется более вероятным второе предположение [13].

Еще из Петербурга Лесков сообщал 6 апреля 1875 г. И. С. Аксакову, что хочет «уехать месяца на три за границу и сесть за роман», а в письме от 3/15 августа из Мариенбада он рассказывал А. П. Милюкову о своем желании «написать нечто вроде «Смеха и горя» под заглавием «Чертовы куклы» и тут же добавлял: «... я за это уже принялся» [14]. Название «Чертовы куклы», как и «Соколий перелет», писатель использовал неоднократно в 1870—1880-х годах для произведений, *сюжетно меж собой порой ничем не связанных.*

В архиве Лескова сохранилось семь редакций начала «Чертовых кукол» с подзаголовками: «Фантастическая повесть»; «Роман. Часть первая. Рапсодии»; «Повесть»; «Фантастический рассказ»; последняя редакция, совсем не похожая на предыдущие, озаглавлена —«Чертова кукла».

Рукописи трех зачинов этих произведений датируются С. П. Шестериковым 1875 г.; остальные четыре редакции —1880-ми годами [15].

Однако не следует связывать эти наброски с известными «Чертовыми куклами» Лескова, также незавершенным романом конца 1880-х годов, посвященным художнику Фебуфису (т. е. К. П. Брюллову) и серальным нравам при дворе Николая I.

Между замыслами 1875— начала 1880-х годов и этим романом общее только заглавие (у Лескова были аналогичные случаи использования одинаковых заглавий для совершенно разных произведений —«Дикая фантазия», «Нашествие варваров») [16].

«Чертовыми куклами» Лесков называл людей, лишенных силы воли и каких-либо принципов; «... чего не хотят, то делают, и чего не любят, то и заводят: *черт ими в куклы играет*»,— говорит Безбедович в X главе публикуемого нами начала «Сокольего перелета» (курсив наш.— *К. Б.*).

А впоследствии сам Лесков писал В. М. Лаврову (14 июня 1889 г.) о Фебуфисе: «Я называю этот роман по характеру бесхарактерных лиц, в нем действующих, *Чертовы куклы*» [17].

«*Бесхарактерность*» персонажей — вот единая черта в разных замыслах Лескова. Эта бесхарактерность могла прекрасно уживаться с «перелетом» от идей начала 1860-х годов «к идеям новейшего времени», как определял Лесков тематику своего незаконченного романа в цитировавшемся выше «Письме в редакцию» «Газеты Гатцука».

Писатель явно колебался, какому заглавию отдать предпочтение —«Чертовым куклам» или «Сокольему перелету». Почти в каждом зачине встречаются связующие их мотивы; иногда повторяются имена персонажей (Сарра, Гоиль) и в особенности фамилия Брасовых с названием их имения с. Брасово (эта же фамилия появится позже и в романе «Незаметный след»). Но это детали, главное сходство в другом — несомненно, что в каждом из замыслов должен был участвовать «*человек без направления*». Выше мы встречали его в набросках «Сокольего перелета».

Обратимся к «Чертовым куклам».

«Я человек без направления, и всего пламеннее благодарю за это так создавшего мою душу, что она никому не раболепствует и никого не ненавидит: все, что есть, нужно до времени»,— заявляет герой первой редакции «Чертовых кукол», капитан Бернитов [18]. Тот же Бернитов фигурирует и во второй редакции и также называет себя — «человеком без направления» (здесь, кстати, упоминается сестра его — Паша, «женщина без направления») [19].

Герой четвертой редакции «Чертовых кукол» «всегда спешил назвать себя «человеком без направления» (гл. II). Насмотревшись во время Крымской кампании на людей, лишенных твердых убеждений, переменчивых и беспринципных, он заявляет: «Если это жизнь, если это называется *направление*, то я не хочу этой жизни и останусь без направления» [20].

Вспомним набросок «Сокольего перелета», написанный от лица участника Крымской войны. Эти два зачина определенно тяготеют друг к другу и очень похожи на разные редакции одного и того же замысла.

«Человек без направления», в глазах Лескова, лицо положительное, обладающее «даром свободы», не приносящее «живых жертв бездушным идолам направлений». Одно из главных действующих лиц незаконченного романа «Незаметный след» (о котором речь будет ниже) — Лев Безбедович за свою честность, непримиримость и нежелание покрывать бесчеловечные поступки соседних помещиков заслужил от них прозвище «человека без направления» [21].

Сын Лескова справедливо заметил сходство Льва Безбедовича с отцом писателя, который также мог называться «человеком без направления» [22]. И сам Лесков никогда не принадлежал ни к какой общественной группировке, ни к какой партии. Он, как Пушкин, с полным правом мог сказать о себе: «Я числюсь по России».

Второе, что объединяет «Чертовых кукол» с «Сокольим перелетом»,— это главный персонаж. Имя его —Адам Львович Безбедович; за женственную внешность его все зовут «Мадам Львович». Впервые это имя появляется в третьей редакции «Чертовых кукол» 1875 г. («Рапсодии», гл. III), его носит учитель, «довольно пожилой уже университетский кандидат» [23]. Но здесь он только упоминается, образа его еще нет. Как живое реальное лицо мы видим его в пятой редакции «Чертовых кукол» («Полная луна, высоко стоя на безоблачном летнем небе...»): «Он и дурно скроен, и нехорошо сшит, и производит впечатление злого человека, если не совсем таков на самом деле» [24].

Самая близкая к «Сокольему перелету»— шестая редакция «Чертовых кукол» («Фантастический рассказ»), в которой выступают три друга. Один из них — Брасов, второй — Безбедович. Рассказ ведется от лица третьего друга — Кореева: «Безбедович был даже немножко безобразен. При довольно высоком, мужском росте он обладал какою-то особенною, не по-мужски, а по-женски расположившеюся дородностию

Н. С. ЛЕСКОВ

Фотография Н. А. Чеснокова. Петербург, 1880-годы

С дарственной надписью: «Наталье Николаевне Блументаль,— моей куме, которую я дружески люблю и уважаю за ее человеколюбивое сердце и простой обычай.
Николай Лесков. СПб., 1891 г.

Литературный музей, Москва

и имел нечто бабье в лице и в походке, а также в звонком, трескучем голосе, которым напоминал сварливую торговку» [25]. В большом разговоре Безбедовича с Кореневым встречаются те же строки, что и в X гл. публикуемого нами «Сокольего перелета»: «Я пасу, братец, самых гадких свиней и не могу от этого воздержаться». Далее автор разъясняет, что под «свиньями» имеется в виду страсть Безбедовича «к загулу». Как и в «Сокольем перелете», Безбедович горячо заявляет, что он не хочет быть «чертовой куклой».

Главы «Сокольего перелета», печатавшиеся в «Газете Гатцука» (хотя в них и не намечена прямо тема «человека без направления»), также приводят нас к Безбедовичу; здесь он — учитель, друг тюремного смотрителя и его юной дочери Сусанны. В неизданной второй «книге» дан такой его портрет:

«Адам Львович был мешковатый человек, обличавший уж в его молодые годы наклонность к тучности, которая придавала его фигуре какое-то бабственное сложение. Лицо он имел такое же полное, с тугою растительностию и широко расставленными коричневыми глазами, которые смотрели очень умно. Это было лучшее украшение его

лица, вообще некрасивого, но очень симпатичного. Кроме того, в нем был виден семинарист, немножко неуклюжий, но притом, однако, умеющий держать себя с достоинством» [26].

Самая полная и развернутая характеристика душевного облика Адама Безбедовича дана в публикуемом нами «Сокольем перелете». Сравним приведенные выше цитаты с физическим портретом Безбедовича в X гл. этой редакции:

«Адам Львович был очень нехорош собою и неуклюж. Самое верное из сравнений, которые делали по поводу его наружности, есть то, что он был похож на здоровую, старую бабу...» и т. д., но в сношениях с ним люди забывали «и его бабье безобразие и его неприятный, резкий, трескучий голос, еще более увеличивавший его сходство с простонародною женщиной» [27].

Из приведенных нами параллелей ясно, что изучать творческую историю замыслов «Сокольего перелета» и «Чертовых кукол» в отрыве друг от друга невозможно.

Бросив начатые «Чертовы куклы», а за ними и «Соколий перелет», Лесков принялся за новый роман —«Незаметный след». Первая часть романа, ныне прочно забытого и также написанного от первого лица, была напечатана в журнале «Новь» в 1884 г.[28] Но и этот роман постигла участь предыдущих — он остался незаконченным.

В том же журнале в конце года было помещено письмо Лескова в редакцию, посвященное «Незаметному следу», где он объяснял: «...разные неблагоприятные обстоятельства, о которых неуместно было бы говорить здесь, помешали мне исполнить принятое мною на себя обязательство» [29].

Из оставленных замыслов писатель перенес сюда того же Адама Львовича Безбедовича. Поставив его в несколько иную обстановку, Лесков, по всей видимости, хотел сохранить душевные свойства и некрасивую, женоподобную внешность своего героя.

В сохранившихся главах «Незаметного следа» изображены только детские годы Адама. Отец его, как и в «Сокольем перелете», хотя и русский по крови, был выходцем из Литвы, из семьи, принявшей унию. Вместо Саратова он был выслан в город О. (родной Лескову Орел), где и развертывается действие.

А вот портрет будущего героя: лицо маленького Адама «отдавало излишнею здоровостью и простонародностью типа ⟨...⟩ и притом тоже имело свою странную особенность — простонародный тип его был не столько мужской, как женский. Адам походил на здоровую крестьянскую девочку, и это замечали все, кто его видел, и даже сами наши родители немало этим тешились ⟨...⟩ Душа в брате в самом деле замечалась хорошая. Он был без принужденья послушен, добр, кроток и нежен, как самая нежная девочка, но при этом с первых же дней, как в нем стали замечать понимание, он обнаруживал способность обдумывать все свои действия. Вообще он отличался тихою, почти меланхолическою задумчивостию, за которою потом в результате следовали самые решительные движения в самом положительном роде ⟨...⟩ Отец и наши семейные друзья очень рано стали называть брата Адама стоическим философом в бабьем футляре» [30]. По словам его отца, у Адама было «превосходное сердце, над которым рано пролетает голубь и снизу проползает змей, и оба они оставляют незаметный след» [31]. Здесь открывается неожиданный смысл названия романа — символ чистоты и мудрости.

Бесспорно, что главным действующим лицом нового романа намечался Адам Безбедович. Но стал бы он «человеком без направления» или нет — сказать трудно [32]. Ясно одно — все замыслы Лескова были им оставлены незаконченными, так как он, говоря его собственными словами, находил эту «пору совершенно неудобною для общественного романа, написанного правдиво» [33].

2

О творческой истории «Подвига купца Кинарейкина» ничего не известно. Что послужило толчком к созданию этого произведения? Почему оно осталось незаконченным? Никаких высказываний и упоминаний в переписке Лескова об этом нет.

В архиве писателя, кроме публикуемой нами незавершенной повести [34], сохранился еще один коротенький зачин, с тем же заглавием и подзаголовком. Этот набросок

(на такой же бумаге, что и основной текст) написан от лица скромного офицера, мечтающего «пристроиться по штатской службе» и для этой цели приехавшего в Петербург «летом 188* года». Он останавливается в «меблированных комнатах» «между двух купцов, из которых один жил с женою, а другой в одиночестве». На характеристике супружеской пары текст обрывается [35]. Прямой связи с публикуемой нами повестью здесь нет.

Третьим замыслом начала повести можно считать черновые строки, написанные Лесковым прямо поверх первого абзаца основного текста и сбоку на полях. Они целиком посвящены Ределе. Приводим их полностью:

«Засиделся Ределя во стольном во городе, и стала Ределе скука смертная: «Ешь устерсы и с утра до ночи все чиновничьи вздоры слушаешь — только кровь киснет. Поеду я в Азию и развоюю всех азиатов до смерти». Стал в этот род и с людьми поговаривать и нашлися ему товарищи. «И нам,— говорят,— надоело киснуть. И мы бы поехали, только будет ли нам за это авантажное награждение». Ределя говорит: «Будет». «А будет — так и «айда». Стал Ределя добывать войска и корму — войска ему дадено и кормы обещаны, да он на те кормы не надеялся — не любил до страсти интендантских чиновников. «Они,— говорил,— мне в дальней стороне всегда всех людей переморят и все дела спутают. Пойду лучше на свой страх воевать — свое истрачу, зато получу венец славы воителя».

Пошел домой, счел свою казну — видит, казна не малая,— поднять силу есть на что, а когда пойдет одоление, так тогда за помогою дело не станет: и долг вернут и дадут на докончание. Надобен только Ределе такой русский удал человек, чтобы знал все тропы и дороженьки и в широкой степи все былиночки...» [36].

На первом листе основной рукописи слева сверху карандашом стоит дата — «27 июля» и два неиспользованных заглавия: «Герой нашего времени» и «Воевода». Под последним заголовком, вероятно, подразумевался генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882), выступающий в «Подвиге купца Кинарейкина» под своим собственным именем.

Как относился Лесков к Скобелеву? Доподлинно это также неизвестно. В переписке и сочинениях писателя имя этого прославленного полководца почти не встречается. В повести «Интересные мужчины», описывая похороны юного Саши, Лесков вспоминает: «Я видел, как в Москве хоронили Скобелева... Тут больше, чем где-нибудь, прорывалось того, что отдает настоящей скорбью...» [37]

А 26 марта 1888 г. он возмущенно выговаривал издателю «Нового времени» А. С. Суворину: «Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?.. <...> Почему, спрошу? Нам, литераторам, он ближе, чем Скобелев!» [38] Оба эти упоминания ни о чем не говорят. Некоторая оценка заключается в третьем случае.

Разбирая повесть Л. И. Веселитской «Мимочка», Лесков нравоучает: «Величие подвигов есть взманка, которая может отводить от истинной любви. И Скобелев искал величия» [39]. Здесь уже слышится нотка осуждения —«искал величия», т. е. был суетен и далек от «настоящего христианства». Но в повести Скобелев обрисован в спокойных, реалистических и отнюдь не обличительных тонах, скорее он положительный персонаж, хотя впервые появляется в необычной обстановке, у «жервезок», что, впрочем, было типично для его репутации. Уместно привести здесь характеристику Скобелева, принадлежащую перу Е. М. Феоктистова:

«Это была демоническая натура, одинаково способная на добро и зло; в обществе человек, по-видимому, скромный, но изумлявший своих приятелей самым безобразным развратом; готовый жертвовать жизнью на поле сражения, но как ловкий актер всегда с расчетом на эффект; выше всего ценил он популярность, и никто не умел так искусно приобретать ее; не без основания Д. А. Милютин называл его необычайно одаренным кондотьером» [40].

Почему же Лесков дал популярнейшему деятелю своего времени, удачливому завоевателю Средней Азии имя Редеди — касожского хана, убитого в XI в. на поединке с князем Мстиславом Владимировичем?

Известно, что Щедрин в «Современной идиллии» (1882—1883 гг.) изобразил комическую фигуру —«странствующего полководца» Полкана Самсоновича Редеди, воен-

ного авантюриста, обжоры, бабника, фантазера и непоседы, прозванного почитателями «русским Гарибальди» и особенно восхищающего своей славой «купеческие сердца» (гл. XII — XIII и XXVII — XXVIII) [41].

В герое сатиры Щедрина современники узнали «покорителя Ташкента» — реакционного генерала М. Г. Черняева, скомпрометировавшего себя в глазах общества во время сербско-турецкой войны в 1875—1876 гг.

Но возможно, что Щедрин придал своему Редеде и некоторые черты из деятельности Скобелева. Например, Редедя в «Современной идиллии» (гл. XXVII) отправляется завоевывать Египет. В Египте не были ни тот, ни другой военачальник. Здесь возможен намек на Скобелева, которого противники обвиняли в бонапартизме. «Я видел Бонапарта, возвращавшегося из Египта»,— иронически писал московский генерал-губернатор В. А. Долгорукий по поводу триумфальной встречи Скобелева после взятия им туркменской крепости Геок-Тепе [42].

Вслед за Щедриным Лесков также называл Черняева Редедей. Очевидно, это стало принято в литературных кругах. Подобный персонаж появляется в неизданном произведении Лескова —«Неоцененные услуги. (Отрывки из воспоминаний)» [43]. Посылая рукопись в редакцию «Русской мысли», Лесков писал В. А. Гольцеву 10 мая 1891 г.: «Здесь описана правда, смешанная с вымыслом и затушеванная, чтобы иметь право быть печатаемою. Указываю для вас некоторые имена: «Цибелла»— Новикова, «княгиня»— Радзивилл, «баронесса»— Икскуль, «Корибант»— Комаров, «Редедя»— *сами знаете кто*. События верны действительности» [44].

В «Неоцененных услугах» изображены представители русского общества 1870-х годов, связанные с дипломатическими делами и прессой. Упоминаемый в письме к Гольцеву В. В. Комаров (Корибант) издавал в то время консервативную газету «Русский мир» при активном участии Черняева.

Поступки и характер Редеди в «Неоцененных услугах» не имеют никакого отношения к биографии Скобелева, но прямое — к деятельности Черняева. Эти воспоминания Лескова не увидели тогда света, вероятно, из-за цензурных соображений (рукопись, посланная в «Русскую мысль», не дошла до нас; сохранился только черновик).

Через три года в очерке Лескова «Вдохновенные бродяги», направленном в основном против М. Н. Каткова, упоминается вскользь «г〈енерал〉 Редедя», сопровождавший вместе с Комаровым авантюриста Ашинова (также персонажа «Неоцененных услуг») [45].

Трудно сказать о брошенном автором произведении — каким бы оно стало в окончательном виде. Может быть, Лесков далее и показал бы авантюристические стороны характера Скобелева, сближающие его с Черняевым. А, быть может, наоборот — имя Редеди было бы уничтожено и таким образом сходство исчезло бы.

Во всяком случае в строках, приведенных нами выше, образ Редеди, «засидевшегося во стольном во городе» и стремящегося «развоевать всех азиатов до смерти», нарисован явно сатирически, а в развернутой редакции тон совсем иной. Не хотел ли Лесков сначала изобразить Скобелева, заботливого командира, берегущего не только людей, но и верблюдов [46], а потом переключился на Черняева? Вполне возможно, что писатель думал то об одном, то о другом полководце. Для него здесь главным героем был, конечно, Кинарейкин, русский сметливый, изобретательный «удал человек», а все остальные лица служили лишь фоном для его изображения. Не к Кинарейкину ли относился и черновой вариант заглавия повести —«Герой нашего времени»? Это заглавие с равным успехом можно отнести как к Скобелеву, так и к лихому купцу, от которого Лесков в действительности слышал рассказ об его «подвиге».

Прототип Кинарейкина, несомненно, существовал. Лесков прямо говорит в конце первой главы повести, что изменил имя своего героя: «На самом деле у купца Кинарейкина была иная фамилия».

Кто же он? Ответ на этот вопрос находим в воспоминаниях врача А. В. Щербака, бывшего в отряде Скобелева в Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг. Рассказав о разгроме Скобелевым проворовавшихся интендантов, Щербак далее пишет:

«Кое-кого арестовали. Это вызвало страшную панику среди торговцев и продовольственных чиновников, отразившуюся рикошетом даже в Красноводске и в Михайловском заливе.

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ Н. С. ЛЕСКОВА
Гравюра
«Полное собрание сочинений Н. С. Лескова», т. XII, СПб., 1897

Между тем время не терпело. Приходилось как можно скорее воспользоваться всякими мерами, чтобы выйти из затруднительного положения. Тогда генерал Скобелев обратился к купцу Громову *, которого он знал лично со времени своих туркестанских походов и к которому имел доверие.

«Можешь взяться за поставку и перевозку?»— спросил его генерал.

«Постараюсь»,— отвечал тот.

«Есть у тебя деньги?»

«Тысяч полтораста наберется, ваше превосходительство».

«Ну, берись с богом! Не хватит денег,— дам своих. Ты ведь понимаешь положение дела?»

В тот же день из Чигишлара в мирные туркменские аулы помчались джигиты и приказчик Громова.

На третий день у домика Скобелева толпились уже туркменские старшины. Среди их, в черкеске и с толстой пачкой денежных депозиток, выделялась высокая фигура купца Громова. Владея в совершенстве туземным языком, он быстро заключил с ними условия, раздавая при этом денежные пачки. Расписок с туркмен в получении задатков не бралось, что еще более внушало им доверие.

Не прошло и недели, как Чигишлар стал наполняться тысячами верблюдов.

Дело выгорело и Скобелеву вздохнулось свободней» [47].

Диалог Скобелева с Громовым о верблюдах, записанный Щербаком, очень напоминает разговоры «белого генерала» и Кинарейкина в повести Лескова. Это сходство подтверждает достоверность рассказов купца, использованных писателем.

---

* Громов попал в Закаспийский край благодаря поставке партии верблюдов из Бухары на Михайловскую линию. Пригнав верблюдов вместе со своим приказчиком, Громов, искренно привязанный к Скобелеву, пожелал остаться при нем во время экспедиции, что и было ему разрешено.— *Примеч. А. В. Щербака.*

Характерна для творческой манеры Лескова замена простой русской фамилии — Громов на вымышленную с юмористическим оттенком фамилию — Кинарейкин, символизирующую купеческий быт.

Написан «Подвиг купца Кинарейкина» не раньше конца 1888— начала 1889 г. В XI гл. повести Лесков сравнивает внешность своего персонажа, расстриженного дьякона Фаптеи, с обликом палача на картине И. Е. Репина «Св. Николай останавливает казнь». Картина эта была закончена в 1888 г. и экспонирована впервые на 17-й выставке передвижников в Петербурге 26 февраля 1889 г. [48] Сам Лесков видел картину еще в мастерской художника, о чем свидетельствуют его письма к автору (см. о них далее, с. 83), но, конечно, он не мог бы говорить «известная картина Репина» ранее ее общественного признания.

Когда же поставлена на рукописи дата —27 июля, летом 1889 г. или позже? Решить трудно. Вероятно, все же, что и она, и оба намеченных заголовка связаны с начатой и отмененной переделкой начала повести.

3

Незаконченный рассказ Лескова «Московское привидение» по изображению типа ловкого и предприимчивого купца и купеческого быта близок к повести «Подвиг купца Кинарейкина». И писался он почти в то же время — в начале 1885 г.

Черновой автограф этого незавершенного произведения сохранился в бумагах Лескова, в конверте с его собственноручной надписью: «Московское привидение. Рассказ кстати».

В декабре 1886 г. писатель выпустил сборник «Рассказы кстати» (СПб.— М., изд. М. О. Вольфа). В него вошли вещи, помещенные Лесковым в различных органах печати за 1884—1885 гг.: «Совместители», «Старинные психопаты», «Интересные мужчины», «Таинственные предвестия», «Александрит», «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме».

Переиздавая этот цикл в VII томе собрания своих сочинений (1889), Лесков добавил к нему еще два рассказа — «Умершее сословие» (1888) и «Голос природы» (1883).

В письме к Суворину Лесков так определил этот жанр: «... между мною и читателем стояли события дня, по поводу которых в то время писались эти рассказы «кстати». Ведь это журнальные фельетоны» [49].

«Московское привидение» предназначалось, вероятно, также для публикации в каком-нибудь периодическом издании как отклик «кстати» на фельетоны С. Н. Терпигорева в «Новом времени» о Москве [50]. Но почему-то Лесков оставил этот замысел незавершенным.

Почти все «рассказы кстати» носят характер исторических анекдотов. События, изображенные в них, происходят главным образом в 1840—1850-х годах. К 1850-м годам относится и время действия в «Московском привидении».

Единственный из исследователей — Л. П. Гроссман обратил внимание на рукопись «Московского привидения». Цитируя несколько строк из рассказа, он пишет, что из наблюдений над этим столичным «первачем» вырастала фигура Фирса Князева в «Расточителе» [51].

Незавершенные произведения Лескова публикуются по беловым автографам с авторской правкой, находящимся в ЦГАЛИ, ф. 275, он. 1: «Соколий перелет» — ед. хр. 15, л. 1—26 об.; «Подвиг купца Кинарейкина» — ед. хр. 74, л. 1—26 об.; «Московское привидение» — ед. хр. 64, л. 1—19.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Газета Гатцука», 1883, № 7—10, 19 февраля — 10 марта (гл. I—X; с неверной нумерацией последних глав — XI и XIII). Никогда не перепечатывалось. Рукопись неизвестна.

[2] «Петербургская газета», 1881, № 285, 3 декабря (в хронике «Изо дня в день»).

[3] Там же, № 295; то же — в «Новом времени», 1881, № 2084, 15 декабря.

[4] «Газета Гатцука», 1883, № 10, 10 марта, с. 206 (*Лесков*, т. 11, с. 222—223).

[5] И. А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова.— «Русская старина», 1895, № 12, с. 209.

[6] ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 15, л. 33—37.

[7] Там же, л. 27—32 об.

[8] Там же, л. 45—45 об.— *Гоиль* — персонаж наброска, молодая девушка.

[9] Там же, л. 39—44.

[10] Это замечено было и Л. П. Гроссманом, процитировавшим несколько строк из «Сокольего перелета» (Л. Гроссман. Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика. М., 1945, с. 19).

[11] *Лесков*, т. 7, с. 221—223.— «Тупейный художник» был опубликован Лесковым в «Художественном журнале» 6 марта 1883 г., т. е. одновременно с печатаньем «Сокольего перелета» в «Газете Гатцука».

[12] *Жизнь Лескова*, с. 316.

[13] Датировка «Сокольего перелета» из «Газеты Гатцука» не вызывает сомнения. Сам Лесков в «Письме в редакцию» 10 марта 1883 г. заявлял, что роман писался «*более двух лет назад*». Если даже предположить в данном случае неточность автора, то другой документ подтверждает правильность его датировки.

26 октября 1881 г., предполагая дать что-нибудь для газеты «Русь», Лесков писал И. С. Аксакову: «На будущее время пока ничего ясного не придумал, но, может быть, напишу вам «праведника» из острожных смотрителей, между коими нанчаще встречаются «звери» (*Лесков*, т. 11, с. 252). Этот «праведник» изображен в лице майора Колыбельникова, тюремного смотрителя, в редакции «Сокольего перелета», напечатанной в «Газете Гатцука».

Комментируя «Письмо в редакцию», И. Я. Айзеншток пишет, что «Соколий перелет» «был задуман писателем еще в середине 70-х годов» (*Лесков*, т. 11, с. 656). Никаких оснований для такой датировки не имеется, кроме цитировавшегося выше письма Лескова к детям, но оно, видимо, относится не к названному роману.

[14] *Лесков*, т. 10, с. 395 и 415.

[15] В описании рукописей Лескова (несостоявшееся из-за войны 2-е издание «Бюллетеня» Гос. Литературного музея) покойный исследователь его творчества С. П. Шестериков датирует 1875 г. три редакции начала «Чертовых кукол» (две начинающиеся словами: «В небольшом кружке русских...» и одна с подзаголовком — «Роман. Часть первая. Рапсодии»). К сожалению, ни обоснования датировок, ни комментария к этим произведениям С. П. Шестериков не оставил. В письмах же Лескова, как известно, замысел «Чертовых кукол» упоминается впервые 5 июля 1871 г. (письмо к П. К. Щебальскому.— Сб. «Шестидесятые годы». Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.— Л., 1940, с. 320, с ошибкой в дате — 5 июня).

Любопытно сравнить тему «Чертовых кукол» со строками в рассказе «Павлин» 1874 г.: «А то ли случается в жизни, если живешь между живых людей, а не бесстрастных и бесхитростных кукол?» (*Лесков*, т. 5, с. 270—271).

[16] Мы не согласны с точкой зрения И. В. Столяровой и А. А. Шелаевой, которые в своей превосходной статье о продолжении романа о Фебуфисе называют наброски 1870-х годов «первыми подступами» к роману «Чертовы куклы», опубликованному в 1890 г. («К творческой истории романа Н. С. Лескова «Чертовы куклы».— «Русская литература», 1971, № 3, с. 103—104). Ближе к истине, на наш взгляд, В. А. Гебель, коротко охарактеризовавшая все семь редакций «Чертовых кукол». Она относит их к 1870-м годам и отделяет от романа о Фебуфисе (В. Гебель. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945, с. 122—128).

[17] «Печать и революция», 1928, № 8, с. 37.

[18] ЦГАЛИ, ф. 275, он. 1, ед. хр. 89, л. 25 об.

[19] Там же, л. 30 и 31.

[20] Там же, л. 21 об.

[21] «Новь», 1884, № 2, с. 223 и 225.

В архиве Лескова сохранился еще один черновой набросок на одном листе — «Гидры. (Современная разновидность). Из заметок человека без направления» (ЦГАЛИ, ф. 275), датируемый С. П. Шестериковым уже 1890-ми годами.

[22] *Жизнь Лескова*, с. 27—30.

[23] ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 89, л. 42 об.

[24] Там же, л. 17 об.

[25] Там же, л. 3 об.— 4.

[26] Там же, л. 36 об.

[27] Лесков никак не мог расстаться со своим героем Безбедовичем. Значительно позже, в 1892—1893 гг., он начинает драму без названия («Чистая, просторная комната...» — ЦГАЛИ, ф. 275, он. 1, ед. хр. 106). Здесь вновь появляется Адам Львович Безбедович, по прозвищу «Мадам Львович» — «50 лет, огородник». Написаны 1-е явление и начало 2-го явления I действия драмы с его участием. Сохранился также перечень лиц другой неосуществленной пьесы, где Безбедович — «музыкальный учитель под 50 лет, «неженатый кавалер», друг старика Треплова», смотрителя исправительного заведения, главного героя (ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 106; опубликовано

Л. П. Гроссманом в указ. книге, с. 150—151; то же и в кн.: В. А. Гебель, с. 109—110).

26 февраля 1891 г. Лесков писал Льву Толстому: «Мне хочется писать «Безбедовича» — романчик с героем простого разумения, и я хотел бы говорить с вами об этом характере и наметить «художественные пятна картины» («Письма Толстого и к Толстому». М.— Л., ГИЗ, 1928, с. 100. См. там же комментарии С. П. Шестерикова, с. 102). Вероятно, «герой простого разумения» был близок к «огороднику» или к «музыкальному учителю» в задуманных пьесах.

[28] «Новь», 1884, № 1 и 2, 1 и 17 ноября (гл. I—XVII). Ни разу не перепечатывалось. Рукопись романа неизвестна.

[29] В редакционной статье «Новь» за год».— «Новь», 1885, № 23, с. V (*Лесков*, т. 11, с. 235).

[30] «Новь», 1884, № 1, с. 122.

[31] Там же, № 2, с. 231.

[32] А. Лесков также отмечает черты будущего «человека без направления» в «Незаметном следе» (*Жизнь Лескова*, с. 27).

[33] Вряд ли прав И. Я. Айзеншток, утверждающий, что Лесков не окончил «Незаметный след», ибо «просто охладел к замыслу «семейного романа» (*Лесков*, т. 11, с. 661). По всем данным «Незаметный след» должен был стать романом общественным.

[34] Рукопись эта поступила в Гос. Литературный музей от А. Е. Розинера, сотрудника журнала «Нива», следовательно, она была в руках его издателя А. Ф. Маркса.

[35] Там же, л. 27—28.

[36] Там же, л. 1. Написано над зачеркнутыми пятью строками «Случай, о котором ~ ~ у которых встре...» и далее на полях.

[37] *Лесков*, т. 8, с. 96.

[38] Там же, т. 11, с. 375.

[39] Письмо к Л. И. Веселитской от 20 января 1893 г.— Там же, с. 525.

[40] Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, с. 379.

[41] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XV. М., ГИХЛ, 1940, с. 143—165, 289—299 (гл. XII—XIII впервые были опубликованы в «Отечественных записках», 1882, № 9; гл. XXVII—XXVIII — там же, 1883, № 5).

[42] Цит. по статье: В. Б. Вилинбахов. Генерал «от пронунсименто».— «Прометей», т. 7. М., 1969, стр. 349.— Эта статья дает много материала для изучения деятельности Скобелева и его времени (с. 346—369).

[43] ГБЛ, ф. 360, карт. 2, ед. хр. 16. Черновая рукопись (из архива изд-ва А. Ф. Маркса).

[44] *Лесков*, т. 11, с. 487.— Курсив мой.

[45] Полн. собр. соч. Н. С. Лескова, т. 21. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1903, с. 144 (гл. 21).

[46] «Приказы генерала М. Д. Скобелева. (1876—1882)». СПб., 1882 (например, приказы от 15 мая, 9 июня и 15 сентября 1880 г.).

[47] «Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 годах. Из воспоминаний д-ра А. В. Щербака». СПб., 1884, с. 81—82.

Об А. В. Щербаке — см. с. 264—266 и 268—271 наст. тома.

[48] 17-я выставка передвижников открылась в Петербурге 26 февраля 1889 г.; закрылась 2 апреля; затем она была в Москве с 12 по 30 апреля (Г. Бурова, О. Гапонова, В. Румянцева. Товарищество передвижных художественных выставок, т. II. М., 1959, с. 136).

[49] Письмо к А. С. Суворину 15 марта 1887 г.— *Лесков*, т. 11, с. 343.

[50] Лесков ценил литературное дарование Терпигорева и часто помогал ему своими советами. Когда в мае 1887 г. в «Новом времени» появился фельетон Терпигорева о молодом поколении купцов, Лесков сразу же откликнулся на него. «Сюжет «воспитания свиньи» прекрасен. Это живой тип, которого не прозрел Островский. «Их будет царствие». Это очень хорошо—верно схвачено... Я давно на них засматриваюсь. Выведи в конце путешествующего попа или дьякона и резюмируй тип его словами из Библии...» И далее Лесков приводит текст из «Книги царств», который заканчивается словами: «...отец мой бил вас бичами, а я буду бить вас скорпионами» (письмо к С. Н. Терпигореву от 10 мая 1887 г. — *Лесков*, т. 11, с. 347). Заканчивая цикл своих фельетонов, Терпигорев воспользовался советом Лескова (см.: «Новое время», 1887, № 4034, 24 мая).

[51] Л. Гроссман. Н. С. Лесков, Жизнь — творчество — поэтика. М., 1945, с. 148 (Гроссман цитирует еще несколько строк из этого рассказа, говоря о московской жизни Лескова,— с. 45 и 63). Б. М. Эйхенбаум в примечаниях к «Расточителю» повторяет эту же цитату и поясняет, что под «новыми нравами и течениями» подразумевались, очевидно, те попытки молодого купца Молчанова улучшить положение рабочих, против которых так решительно восстают старый купец Князев и городской голова Колокольцов» (*Лесков*, т. 1, с. 505).

СОКОЛИЙ ПЕРЕЛЕТ

ЗАПИСКИ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ НАПРАВЛЕНИЯ

I

Во мне никогда этого не было, и с измальства, как только я начинаю себя помнить, я не мог себе усвоить ничего в этом роде. Отсюда я решаюсь заключать, что это мой органический недостаток, частию, кажется, унаследованный от родителей, но еще более развитый лично во мне, вероятно, вследствие каких-нибудь неуловимых для моей памяти случайностей моего воспитания.

Впрочем, этой добродетели весьма мало было и во всем нашем роде, а в ком из Брасовых ее было больше, в том она не всегда оставалась добродетелью, а нередко становилась даже матерью пороков и при том матерью весьма чадородною.

Это свойство направлений извращаться и переходить из добродетели в пороки при дарованной мне некоторой доле наблюдательности служит мне на скате дней моих немалым утешением. Я один из числа немногих счастливцев, которые могут воздать хвалу их сотворившему за то, что они сотворены так, а не иначе, что им дано для их обихода лишь то, чем они могли управить в жизни, и не дано того, что, вероятно, было бы сверх их сил и понимания. Я могу сказать, что я очень счастливый человек, конечно, не в том смысле, чтобы у меня в жизни не было неудач и скорбей за себя и за других, кого я, не будучи отъявленным эгоистом, больше или меньше любил, но я мог жить и теперь доживаю мою жизнь в ладу с самим собою, никогда не ощущав потребности приносить живых жертв бездушным идолам направлений. *Он*, «чье имя чудно», по дивной милости своей позволил мне без всяких с моей стороны усилий и заслуг ходить перед ним в этом отношении с неповинными руками и чистым сердцем.

Хвала ему!

II

Когда я размышляю об этом чудном даре моей свободы, я думаю, что он, как козья ми́лоть Илии, сброшенная с огненной колесницы плешивому Елисею [1], упала мне ради моей матери, оттуда, где должна обитать теперь прекрасная душа ее, в незаходящем свете, в покое вечной тишины.

У нее тоже совсем не было направления; она жила одною своею благою натурою, но при всем этом так далеко зрела, что даже могла воздерживать от небольших увлечений в этом роде моего отца, умственные силы которого и замечательная глубина и обширность образования давали ему перед нею, по-видимому, все преимущества.

Впрочем, я хочу еще раз оговориться, что и у отца подобного рода увлечения направлением были очень незначительны и проявлялись чрезвычайно редко, и то это было направление свойства скорее органического, чем исторически-политического.

Да это, может быть, даже совсем не было и направление, так как тогда в русской речи не обращалось еще это впоследствии столь прискучившее слово, а это было... просто своего рода вкус к известным вещам, своего рода симпатии и антипатии, небольшие пристрастия и некоторая боязнь перед иными явлениями, возбуждавшими в отце те или другие опасения, скорее по предчувствию, чем по холодным выкладкам резонерствующего и политиканствующего разума.

Он, например, терпеть не мог немцев и избегал всяких с ними соотношений, но это касалось только немцев, управляющих русскими имениями и русскими департаментами, да немцев-переселенцев, которые благодаря внедрившимся здесь своим землякам сели у нас с льготами и привилегиями, которые отец считал за большую обиду русскому народу. Но он был

жаркий поклонник немецкой науки и восторженный почитатель немецких поэтов и богословских писателей, с которыми был знаком самым основательным образом, и прекрасно прилаживал полумистическое настроение последних к своему народному религиозному взгляду.

Православие тогда еще называлось «греко-российскою» верою, а в просторечии просто «русскою» верою, что ей, по-моему, идет гораздо более всякого иного названия.

Отец мой, вероятно, держался тоже довольно близко подходящего к этому взгляда. По крайней мере я могу так думать, изучив проповеди, которые он сочинял для крестьян по книге Иоганна Арндта [2] и заставлял своего сельского отца Павла сказывать их с церковного амвона. Православная духовная цензура, мне кажется, ни за что бы этих проповедей не дозволила напечатать, но отец Павел сказывал их ничтоже сумняся и ничтоже сумняся носил на груди крест, исходатайствованный ему отцом у местного архиерея «за успешное проповедничество, послужившее возвышению нравственности в приходе».

Родители мои не были ни либералами, ни консерваторами, ни аристократами, ни демократами, но были просто люди справедливые и простосердечные, хотя и «наблюдали свою амбицию». Так, например, я помню, что, когда мы ездили в возке в город по нашим многоснежным дорогам, ни отец, ни мать не позволяли кучеру сгонять в снег с торной тропы встречавшиеся крестьянские обозы, но матушка, принимая от баб тальки, не позволяла слукавить с собою и требовала, чтобы в каждом пасме непременно было сорок ниток [3]. Зато, когда возвратившийся в свои маетности фельдмаршал граф Каменский завел у себя театр с крепостными актерами и послал сказать собравшимся на выборы дворянам, что они могут бесплатно жаловать к нему на представления, то отец наморщил брови и отвечал послу:

— Скажи, братец, графу, что я с ним не знаком и знакомиться для театра не стану, потому что у меня в Брасове коза в сарафане хорошо скачет.

Люди мне гораздо позже рассказывали, что будто отец не поехал к Каменскому за то, что тот не задолго перед этим велел притравить собаками попов, пришедших к нему Христа славить, но, я думаю, что это одно от другого не зависело [4].

Такова же была и покойница матушка, у которой, может быть, не достало бы резкости так ответить графу, но, когда у одной бедной девушки, вальсировавшей на бале, отшпилились и упали накладные букли, что многим показалось очень забавным, матушка, тогда еще бывшая в довольно молодых летах, быстро встала с места, подошла к сконфуженной девушке и, сняв с себя букли, сказала:

— Не конфузьтесь, мой друг, это так теперь у всякой дамы.

III

Но я не думаю представлять подробную характеристику моих родителей. Для человека с воображением и приведенных мною мелочей будет достаточно, чтобы иметь о них общее понятие, насколько это нужно, чтобы представить себе слегка виновников моего бытия и ⟨их⟩ неспособности к направлениям.

Время их со всеми характеризующими его темными и светлыми сторонами так много раз описано, и типы, к которым они подходят, так искусно и полно воспроизведены, что не моему перу что-нибудь к этому прибавить. К тому же, я не вижу ни в ком ни охоты углубляться в эту недавно прошедшую эпоху, ни... способности понимать ее без противных предубеждений.

Все это пожрало в своей ненасытимой алчности направление, в угоду которому я не стану шевелить глухой крапивы сельского кладбища, где лежат скромные жерновные плиты на дорогих мне могилах, и стану заниматься своей особой.

Это гораздо более в духе века.

IV

Я не возмутил спокойствия моих родителей: они не трепетали за мою свободу. Во всем прошлом я помню только два случая, когда нечто вроде сомнения мелькнуло раз у моего отца и раз у них обоих.

Первое случилось, когда мне было еще восемь лет и я в кашемировом ваточном бешмете катал на лубочных салазках с горки от родника сестру Талиньку, одетую в такой же кашемировый ваточный салоп.

Мы забавлялись под надзором няньки Любови Анисимовны, высокой, тонкой и очень худой старушки, из отставных актрис «Каменского театра», которая не любила стужи и во время нашего с сестрою катанья с небольшой и совершенно безопасной горки часто уходила в избушку просвирни Афимьи погреться.

Так как Любовь Анисимовна уверяла, что она зорко следит за нами из окна и, не спуская с нас глаз, во всякое время готова нам на помощь, то матушка, хотя не совсем одобрительно глядела на ее отлучки в избу Афимьи, но, однако, дозволяла ей греться, в чем и была нужда, так как отставная актриса была стара и непомерно зябка, а мы с сестрою были выращены на всей деревенской воле и свободе и сделались, по выражению Любови Анисимовны, «беспокаянными гулёнами». Нам с сестрою ничего не стоило провести на воздухе добрую половину зимнего дня, но нам дозволяли кататься с горки от родника один час, а няня наша не могла пробыть на холоде одну минуту без того, чтобы у нее не посинел ее длинный, необыкновенно тонкий нос, бывший в свое время главным виновником определения ее на сцену для благородных ролей. Поэтому она пряталась чаще, чем думала матушка, и не спускала с нас глаз не так аккуратно, как обещала.

У Любови Анисимовны была свойственная ее прежнему званию артистическая слабость слегка куликнуть, и просвирня Афимья оказывала ей в этом случае пригодные услуги, содержа для нее корчемным образом «сорока-церковное» вино.

Но вот как все это однажды обнаружилось и что из этого вышло.

Я говорил выше о переселявшихся в Россию немцах-колонистах. Не могу теперь вспомнить откуда, но их очень много шло через наш край, и многие из этих переселенцев тянулись на своих лодкообразных санях, нагруженных всяким дешевым домашним скарбом, но сами были одеты по-заграничному: налегке. А зимы тогда стояли суровые и особенно та, в которую со мною и с сестрой Талинькой случилось небольшое приключение, которое заставило мою мать успокоивать отца за мое направление.

V

Когда мы с сестрою катались, а няня наша корчемничала в избе у Афимьи, на горе у родника показались двое саней с немцами.

Сани были очень нагружены, и все взрослые переселенцы шли возле них пешком: мужчины сводили под узды своих тощих лошаденок и поддерживали плечами громоздкие возы, катившиеся в раскаты. Лошаденки в плохих шлеях с черезседельниками, подвязанными неумелою рукою людей, привычных к выравненным дорогам, опускали плохо и оказались совершенно несостоятельными, когда дошли до места скользко отполированного нашими салазками. Передняя лошадь села на зад, замотала

головою и поехала на хвосте, а задняя ударилась мордою в торчавшие из передних * саней железные грабли, метнулась в сторону, оборвала шлею и все дело изгадила. Возы зацепились один за другой, понеслись, раскатились и оба рассыпались, причем из большого корыта вывалилась большая, круглая руляда из связанных суконными покромками и другими лохмотьями перин, из которых послышался отчаянный крик и после жалобный писк и стенанье.

Так как руляда эта подкатилась к самым нашим с сестрою ногам, то послышавшиеся оттуда звуки привели нас в большое недоумение и испуг, и мы, покинув свои салазки, оба бросились было улепетывать, но потом я вспомнил, что я мальчик и должен иметь храбрость. Я остановил сестру и, велев ей ждать себя на том месте, где низошла ко мне храбрость, направился к перинному свертку и, к удивлению моему, увидал, что из обоих концов этой трубки торчит по детской головке и обе эти головки ревут благим матом.

Я с детства очень любил чтение, и как у отца моего была изрядная в своем роде библиотека, то я для моих восьми лет был уже достаточно начитан, чтобы присочинить себе к происходящему передо мною действительному событию свою долю фантастического вздора. Я читал рассказы о детях, похищаемых дикими, и о детях, увозимых цыганами, и возмнил себе, что я именно стою у такого происшествия. При том же я слыхал, что цыгане возят детей в перинах, и эти тоже были в перине и тоже плакали.

Я не сомневался, что событие обнаруживало передо мною самое варварское похищение, и, несмотря на слышавшиеся мне снизу горы крики женщин, быстро принялся распутывать покромки.

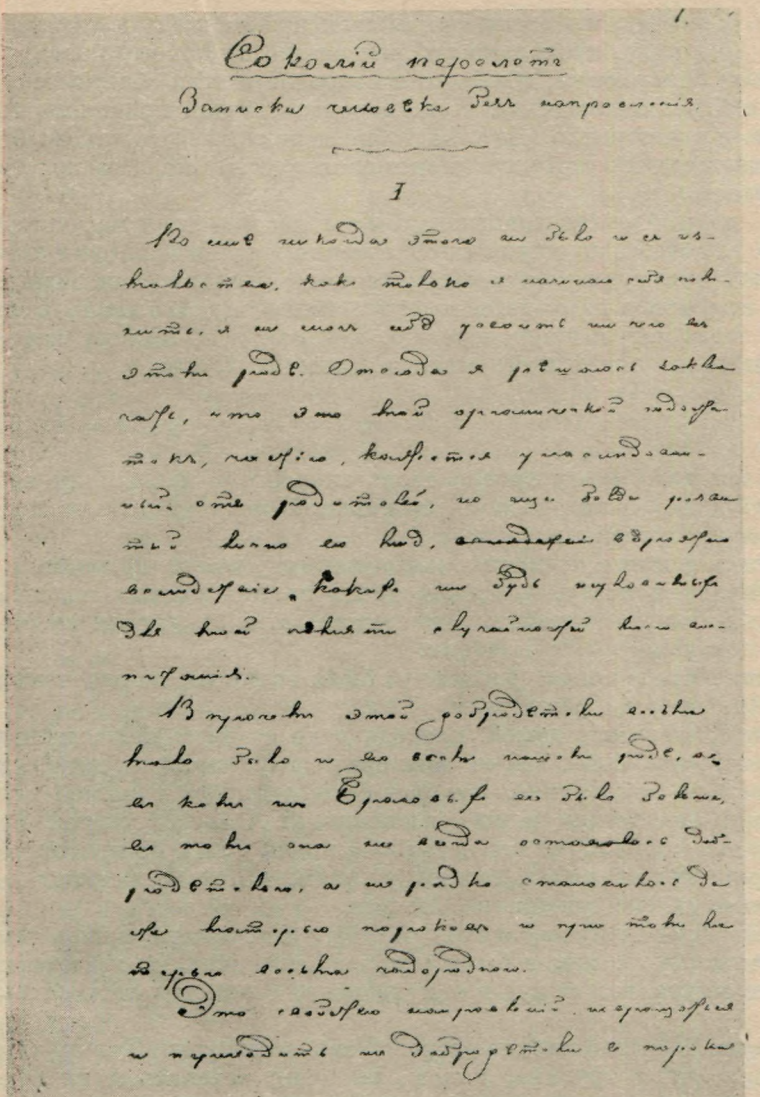
Узлы на морозе не очень слушались моих ребячьих рук, но как завернутые в перины пленники сами мне значительно помогали в их освобождении, то чуть я немножко поослабил узлы, из свертка выскочили двое детей — мальчик и девочка, такого, как я с сестрою, возраста, и, к крайнему моему удивлению, оба они были совершенно наги, как мать родила. И мать эта тоже была уже тут: она успела прибежать сюда из-под горы и со слезами на глазах старалась закутать детей в свою толстую суконную юбку, которая была очень жестка от мороза и топорщилась колом. В это же время бедная женщина работала руками, усиливаясь развязать узлы покромок и снова запихнуть окоченевших детей в нахолодавшие перины.

Ей никто не спешил помочь, потому что весь народ этого печального обоза копошился около рассыпанных возов, которые надо было уложить и увязать наново.

Я родился и вырос в деревне и никогда не видал бедности бесприютной, не имеющей где приклонить головы. Представителем самого ужасного пауперизма для меня был слепой мужик Нефед из соседней деревни, который иногда приходил к нам на двор за милостынею и всякое воскресенье пел «Лазаря» у церковной паперти, когда народ расходился у обедни. Но в черноземной полосе, где вообще быт крестьян не отличался большою зажиточностью, и бедность слепого Нефеда немногим рознилась от обыкновенного крестьянского житья. Я знал, что у него была своя избушка, которая стояла немножко на отлете при въезде в соседнюю деревню, и что ему же принадлежала небольшая рыжая коровенка, которая зимою имела привычку лежать на солнечном угреве у сеней этой избушки. Кроме того, у него были куры и гуси, которых раз загнали сторожа на наш птичий двор за потраву овсяного клина, и Нефед с своим поводырем приходили к отцу их отпрашивать.

---

* *В автографе описка*: задних



«СОКОЛИЙ ПЕРЕЛЕТ»
Автограф Н. С. Лескова, начало 1880-х годов
Лист первый
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Все это, стало быть, была не та нагая и бесприютная бедность, какую я теперь видел перед собою и какой никак не мог бы себе представить без этой очевидности.

И вот у меня в груди что-то закипело, на сердце точно варом плеснуло и точно от нестерпимой боли у меня из глаз хлынули горячие слезы. Но я не нашел достаточным плакать, я хотел помогать и, впервые в жизни ощутив сладкую отвагу горячего участия к чужому страданию, я быстро составил оригинальный план, достойный моей детской сообразительности, тут же привел его в исполнение: мигом я сбросил с себя заячью шубку и мой кашемировый ваточный бешмет и отдал бешмет матери голых маленьких немцев, а потом тоже скоро раздел Талиньку и отдал ее ваточник

девочке. Сами же мы одели опять свои шубки и были так веселы, что, взявшись за руки, несколько раз неизвестно по какому поводу перекружились на одном месте, обнялись и поцеловались, и оба с слезами на глазах стали громко смеяться. Нам, вероятно, очень нравилось то, что мы сделали, и это понятно. Детство добро и должно быть таково без всяких рассуждений, для которых настанет своя жесткая пора господства разума над сердцем.

Наш добрый ангел-хранитель был с нами и грел нас своим теплым крылом, так что мы не ощущали облегчения, произведенного в своем уборе, и, взявшись за руки, смотрели, как немцы уделали свои возы, посадили на них приодетых нами детей и отправились в дальнейший путь, пролегавший через мост и нашу деревню, которая вся, как на ладони, была видна из окон нашего веселенького сельского домика [5].

VI

Или все это было устроено очень скоро, или наша няня на этот раз особенно долго засиделась за афимьиной печкой, только она нимало не помешала нашей проделке.

Появись к нам в то время, когда немцы уже все привели в порядок и спустились к мосту, она посмотрела на них своими подслеповатыми глазами, не заметив детей, которые теперь открыто сидели на верху возов в наших кашемировых платьях.

Другие, как я сейчас расскажу, были зорче ее, но это нимало не помешало нашему доброму делу.

Няня привела нас домой, раздела и по старческой рассеянности или потому, что, назябшись во время перехода от горки до дома, снова спешила греться на лежанке, которая была устроена в нашей детской, не заметила исчезновения наших ваточников. А мы с сестрой Талинькой преисправно молчали во все остальное время дня и не проговорились ни за вечерним чаем, ни за легким ужином, который нам подавали часа за два прежде, чем ужинали большие.

Так мы благополучно отошли ко сну, и я, задернувшись темненьким ситцевым пологом, какие были устроены над нашими кроватками, успел уже вздремнуть, как вдруг до слуха моего стали долетать слабые клики Тали.

Это меня не могло сильно встревожить, потому что Талинька в детстве была порядочная трусиха, какою, впрочем, осталась и на всю жизнь, и когда мы детьми спали с нею в одной комнате, она при каждом пробуждении имела привычку звать меня и заставлять ей откликаться, после чего тотчас же успокоивалась и засыпала.

К этого рода неважной тревоге отнес я и нынешний ее оклик и, пробурчав ей: «спи, Таля,— я не сплю», хотел уже снова обернуться на другую сторону и продолжать мои сонные мечтания, которые всегда в изобилии, роями жили у меня под пологом; но на сей раз дело этим не уладилось. Талинька продолжала звать меня и требовала, чтобы я встал, а когда я исполнил ее просьбу, то при свете горевшей в медном тазу ночной лампады увидал, что сестра, распахнув свой положок, стояла на коленочках и тихо давала мне выразительные знаки, чтобы я прислушался к происходившему в соседней комнате довольно крупному разговору, в котором я мог ясно отличать голоса матушки и Любови Анисимовны, а также и других наших людей, которые то прибегали в эту комнату, то снова из нее выбегали.

— Ищут наших платьев,— прошептала мне бедная, пугливая и робкая Талинька, держа у ротика кончики тоненьких пальчиков своих хорошеньких ручек, и была этим так встревожена, что ее плечики и руба-

шечка на груди дрожали, а глазки смотрели на меня с ужасом и отчаянием.

Нас не баловали и не потворствовали нашим капризам и прихотям, но никогда не обращались с нами жестоко и грубо, и потому я не знаю: отчего сестра так сробела при обнаруженных ею поисках, но только страх ее заразительно сообщился и мне, и я почувствовал то же внутреннее трясение и охотно желал бы успокоить сестру, что тревога ее напрасна, после чего мы оба могли бы снова юркнуть под наши одеяла.

Но, к сожалению, это было невозможно: одну секунду прислушавшись к происходившему в соседней комнате разговору, я убедился, что дело действительно идет о моем бешмете и талинькином ватошнике. Да это и не могло быть иначе.

Домовитая и аккуратная, хотя нимало не скупая, матушка наша всякий вечер, прежде чем лечь спать, имела обыкновение осматривать все наши носильные вещи, чтобы возможный в них при употреблении беспорядок сейчас же указать исправить. Не знаю, может быть, это иным покажется мелочностию, но мне это так не кажется и всякий раз, когда я вижу на каком-нибудь ребенке разорванную петлю или мотающуюся пуговицу, я невольно припоминаю регулярный вечерний досмотр, который производила в наших вещах покойница-матушка, и нахожу ее систему превосходною. От этого на нас никогда не было дыр и больших заплат, хотя наш гардероб домашнего изготовления всегда был очень прост и скромен.

Естественно, что при этом досмотре матушка хватилась наших ватошников и что их пошли искать по всему дому, в котором пропажи были делом неслыханным. Тем более казалась всем невероятною пропажа таких вещей, как детские теплые платья, которые всегда поддевались под шубки и потом вешались на ширмы у няниной кровати.

Но как бы там ни было, а они пропали, и эта пропажа подняла разбудившую нас тревогу.

Вслушиваясь в слова матери и особенно отца, которого никогда не призывали для разбора каких бы то ни было дрязг на женскую половину, я уловил нечто такое, что мог сообразить, что главный вопрос, занимавший моих родителей, заключался не столько в пропаже наших платьев, как в том: каким образом могла произойти эта ни для кого из них не объяснимая пропажа?

Я боялся, чтобы подозрение не пало на кого-нибудь из людей, и решился признаться.

VII

С этою целию я тихо встал, перенес босую ногу через решетку моей кровати на стул, потом ступил на пол и, весь дрожа и крестясь, стал подходить к двери, за которою шел разговор и изобиловавшие восклицаниями удивления розыски.

— Не ходи, Виктор, не ходи, страшно!— шептала мне Талинька, но я ее не слушал.

— Послушай,— шептала она вслед мне,— лучше дождемся, когда все уснут и уйдем через балконные двери в сад и замерзнем. Папа говорил, что через балконные двери можно выскочить, и мы выскочим.

— А это разве не страшно мерзнуть, как мерзли те дети!— отвечал я и довольный впечатлением, какое я произвел на умолкнувшую сестру, отворил двери и остановился.

Выйдя из полутьмы, глаза мои не могли сразу освоиться с пламенем горевших здесь трех свечей, которые, очевидно, были принесены сюда каждым пришедшим лицом из разных мест и составляли нарушение правила, которого держалась матушка, не столько по суеверию, сколько по

привычке, не дозволявшая держать трех зажженных свечей в одной комнате. Но теперь эта непозволительная иллюминация ускользала от ее внимания, которое было поражено случаем невероятной пропажи, а потом ⟨она⟩ вдруг обратилась ко мне:

— Что ты? Зачем ты встал: здесь не твое дело, иди спать, Витя,— проговорила она, махая мне рукою, но вслед за тем, когда я бросился со всех ног к ее коленам и, обняв ее талию, громко зарыдал у нее на груди, она вдруг встрепенулась и, ударив себя в лоб ладонью, воскликнула:

— Боже мой! у меня и из головы вон, что, когда я перед вечером мотала в зале нитки, я видела как по деревне ехали какие-то люди с возами и на тех возах сидели дети в таких точно платьях, как Витин бешмет и Талинькин ваточник...

— Может ли это быть?— воскликнул отец, строго обведя глазами собравшуюся прислугу.

— Да, да; я это видела,— продолжала матушка,— я это очень хорошо видела и тогда же подумала, не они ли это взлезли на возы, но вспомнила, что на них сверху надеты шубки; а к тому же у меня тут спуталась моталка, а потом я об этом позабыла и вот только теперь вспомнила.

— Что это за люди ехали?— крикнул отец.

— Немцы какие-то,— отвечала няня.

— Догнать их, бездельников: они не могут быть далеко,— сейчас догнать их и...

Он не договорил, потому что я, оставив матушку, быстро перелетел к нему и обнял его колена.

— Чего ты хочешь, мальчик?— спросил он.

— Не посылайте догонять их, папа! О, не посылайте: если их разденут, они голые замерзнут,— проговорил я, рыдая и пряча лицо в ладони.

— А, так это вот кто устроил для немцев,— воскликнул отец и, повернувшись, вышел вон из комнаты, но матушка, прижав меня к груди, не сказала мне никакого замечания, а только велела убрать три свечи и, уложив меня в кроватку, перекрестила и велела спать. Но я не мог скоро исполнить ее приказания: я очень долго не спал и все тихо плакал, сам не зная о чем, только это было не о немцах, а «так», как говорят, безотчетно.

Утром я был бледен и следы ночной тревоги были ясны на моем лице. Отец это заметил и, догадавшись, что я плакал, сказал мне:

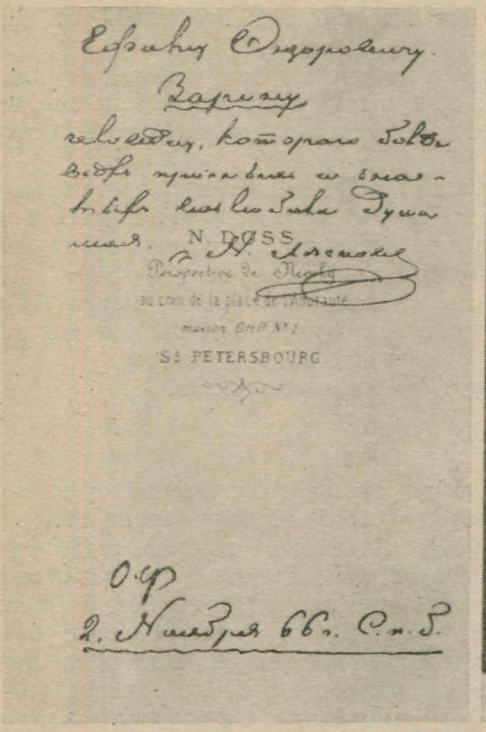
— У тебя, братец, видно глаза-то на очень мокром месте, что ты и о немцах плачешь.— Но матушка остановила его тихим движением головы, и, когда я потом, сидя в классной комнате, списывал из книги в тетрадь страницу из «Зеркала добродетели», мать сама пришла звать нас к завтраку и, посмотрев в мою тетрадь, ласково погладила меня по голове и сказала:

— Все люди равны у бога, и немцы тоже люди.

Я не знаю цены этому простосердечному ее выражению, которое, может быть, иному покажется недомысленным и смешным, но оно мне бесконечно дорого. Оно всегда было для меня светочем и спасало меня от увлечений во многие минуты жизни, когда я при иных событиях колебался признавать за людей тех, кого касалося это простосердечное слово моей матери.

Тем эта история для меня и кончилась, если не считать ее последствий, заключавшихся в том, что наш «доморощенный» портной на другой же день съездил утром в Кромы и, привезя оттуда потребное количество кашемира, сшил мне из него новый бешмет, а сестре новый капот по старому фасону.

Когда мы надели эти обновы и пришли с сестрою «показаться» в них родителям и по заведенному у нас обычаю поблагодарить их, отец сказал мне:



Н. С. ЛЕСКОВ

Фотография Н. Досса. Петербург, 1866

На обороте дарственная надпись: «Ефиму Федоровичу Зарину, человеку, которого более всех присных и знакомых возлюбила душа моя. Н. Лесков. 2 ноября 66 г. С. П. б.»

Литературный музей, Москва

— Хорошо; но, когда захочешь опять награждать немцев, то сними уже и шубу для своих русских.

Из этого я видел, что он долго не забывал моей вины, а потом много спустя, почти через двенадцать лет, убедился, что он не только во все это время не забывал моей проделки, но даже тревожился из-за нее такими тревогами, о которых я не мог иметь и понятия.

VIII

Через двенадцать лет я был уже юноша, окончивший с успехом не только курс московского пансиона Галушки[6], которому был вверен для воспитания, но прошел и через университетский курс и был отправлен отцом на собственный счет за границу, где должен был окончить свое образование.

Посылая меня в чужие краи, отец дал мне короткое наставление:

— Береги честь с молоду, а платье с нову; не трать даром денег, потому что у нас их немного, но живи прилично, чтобы немцы не думали, что у нас дворяне какие-нибудь нищие, и набирайся у умных людей ума и добрых мыслей, но не привози домой чужелюбия и к родине непочтения. Прощай!

Этим ограничивалось все наставление, которое должно было руководить меня целые два года заграничного странствования.

Матушкины внушения были еще короче: она, глотая слезы, благословила меня маленьким складнем и сказала:

— Молись всякий день богу и не ешь много картофеля,— от него живот пучит.

То же самое наставление, без всяких перемен, я получал от нее в виде особых приписок при всяком письме за границу и старался, как мог, его исполнять: богу молился и картофелю не ел, если можно было есть что-нибудь другое.

Отец писал мне редко, и то коротенько прибавляя что-нибудь в письмах матери, но один раз он прибавил нечто такое, чего я не мог понять и по поводу чего должен здесь же ввести в мою летопись новое лицо, с которым связаны самые дорогие для меня представления.

Это так внезапно появляющееся, стороннее лицо есть некто Адам Львович Безбедович, с которым я встретился случайно за границею и который с тех пор на всю мою жизнь остался мне близок и дорог.

Я нахожу нужным сказать о нем здесь несколько слов.

IX

Адам Львович Безбедович был сын униатского священника из-под Пинска. Раннее детство свое он провел в приходе отца, среди болот и лесов литовского полесья, к которому чувствовал во всю остальную жизнь некоторые неопределенные симпатии. Мне кажется, что эти симпатии крылись в детской свычке его с грустною природою глубокой Литвы и в живом сострадании его печальной участи здешнего всем бедного населения. Я так думаю потому, что Адам знал наизусть из Мицкевича все превосходнейшие описания литовской природы, но не знал ни одного из его сонетов * и баллад и даже не любил самого Мицкевича. Он избегал говорить о нем, а сколько мне известно из его отрывочных выражений, считал его «большим поэтом и сентиментальным пустозвоном». Когда мы были в Париже, где в то время пребывал Мицкевич, я напомнил об этом Безбедовичу, ожидая, что он сходит на поклон к своему тезке, но он отвечал, что не видит в этом никакой надобности, что лучшее, что было в Мицкевиче, он знает, а худшего не хочет видеть.

Русские, знакомившиеся с Безбедовичем за границею, после первых расспросов о его происхождении считали его поляком, и он никогда не возражал против этого, хотя он по характеру и по складу ума всего менее мог быть назван поляком. Или если для подыскивания ему подобия покопаться в польской старине, то в нем разве можно было найти черты хорошего, «не последних часов», старожилого шляхтича.

Так как с ним придется часто встречаться в моих записках и он будет иметь много случаев весь вырисоваться в них живым, то я не буду здесь долго останавливаться над его крупным и симпатичным характером, за который его если не все любили, то все уважали.

Повторяю, что если в нем не искать сходства с шляхтичем доброго старопольского застенкового закала, который совсем вывелся к нашему времени и над Неманом и над Вислой, то он всего более подходил к типу хорошего русского человека: в нем с первого с ним знакомства можно было заметить необыкновенно ясный ум, реальность во взгляде и положительность в суждениях, в чем так жестоко отказано большинству современных поляков. Он был демократ и панславист, хотя никогда не произносил этих слов, находя их «пошлыми», вероятно, вследствие опошлившегося их значения по милости тех, которые носились с этого рода убеждениями, нимало не содержа их в своей изветренничавшейся натуре. Ему не надо было говорить, что он любит простой народ и ставит высшею заботою истинно образованного человека заботу о народном счастии и его духовной свободе; не надо было ему рассказывать и о своих симпатиях к славян-

* *В автографе описка*: ни одной из его сонат

ству, потому ⟨что⟩ все эти чувства жили в его сердце, как органические ее проявления, а не как направления. Разум его в них участвовал лишь по толику, по колику он, придя в состояние рассуждать, нашел эти чувства справедливыми и законными и решил для себя раз навсегда, что иные чувства для него невозможны. А как он всегда жил, как чувствовал, то мы будем иметь много случаев видеть, к чему ему это пригожалось.

В те самые годы, когда я потерял мой бешмет, Адам потерял нечто более серьезное,— он потерял родину в тесном значении этого слова.

Отец его со всем семейством был выслан из Литвы на житье в Саратов. Причина этой высылки по тогдашним обычаям не была объяснена семейству, но в Саратове прибывший из Литвы униатский священник считался «политическим». Это, однако, было не совсем справедливо: насколько это мог разобрать его сын, вся вина его отца заключалась в том, что он поспорил с митрополитом Симашко [7] и не хотел присоединяться к православию, и то не по несогласию с его учением, которое признавал чистым, но по неспособности примириться с тем, что настало в православии после заключения кодекса его учения. Он хотел чего-то необычайного и совсем несбыточного: какого-то западнорусского православия, соединенного с великорусским православием на условиях в роде галликанизма [8]. Иначе он отказывался последовать за своим митрополитом в перемене церкви и, как соблазнительный с этой точки зрения человек для своих прихожан, очутился с семьею в Саратове.

Старый Безбедович так же, как и его сын, был умен, находчив и энергичен и притом имел много хороших сведений, которые делали его повсюду полезным себе и пригодным людям.

Униат Безбедович, воспитывавшийся в католических школах, был изрядный математик и хороший классик, а в русских училищах тогда еще гораздо более, чем теперь, ощущался недостаток в способных учителях по этим предметам. Саратов был в таком же положении, и местное начальство, к которому Безбедович явился с предложением своих услуг, думало, думало, да и решилось допустить его к преподаванию латинского языка и математики, сначала по найму, а потом стало ходатайствовать о зачислении его на действительную службу.

Ходатайство это было уважено, с тем, однако, чтобы старый «ксендз» не преподавал предметов, имеющих «какое-нибудь соотношение с историею и религиею». Так он и остался учителем, дослужась в этом звании до асессорского чина, дававшего ему по тогдашним правилам права русского дворянства, и скудной пенсии, обеспечивавшей его семейство от голодной смерти.

Вдобавок к пенсии он зарабатывал кое-что частными уроками, которые давал, разумеется, уже по всем предметам, не исключая и религии.

Этими неусыпными трудами он воспитал не только сына Адама, но и брата его Викентия и сестру Марию, из которых первый достиг впоследствии «известных степеней» [9] и никогда не воспоминался своим братом Адамом, как будто его и не было, а Мария, обладавшая замечательною красотою, вышла замуж за помещика Игина и была звеном, связавшим нас позже некоторою родственною связью с Безбедовичем.

Из троих детей «ксендза» самый лучший и замечательный был друг мой Адам Львович. Он был превосходный сын и любимец родителей, которые не видели от него никакого горя, но с самых детских его лет получали от него утешение и помощь, о которой он сам мне раз проговорился и весьма вкратце.

— В детстве,— говорил он,— когда мы приехали в Саратов, отец, бывало, задаст мне урок, а сам побежит в школу других учить; а я глазами урок учу, босою ногою сестрину люльку качаю, а руками матери помогаю картофель чистить, пока она комнату нашу убирает. Так и жили.

С переходом в третий класс он уже не проводил ни одних каникул дома, а ездил то к тому, то к другому провалившемуся на экзамене лентяю, подготовлять к передержкам экзаменов.

Так как в бедной семье все делало расчет, то Адам сначала ездил на уроки бесплатно, «из прокорма»; а потом, переходя в высшие классы, стал получать и вознаграждение, всегда очень скудное, но тем не менее давшее ему возможность помогать родителям.

В обыкновенное время он тоже имел уроки и еще зарабатывал кое-что, клея коробки для пастилы, которые сам носил сбывать на пастильные заводы, которых немало в городе, где преимущественно занимаются изготовлением этого продукта.

В семнадцать лет он окончил курс первым учеником и был послан на казенный счет в бывшую Московскую медико-хирургическую академию [10], которою потом был послан для усовершенствования на казенный счет за границу.

Это было гораздо ранее моего отбытия из России с заветом беречь честь и платье, молиться богу и не есть картофеля!

Ко времени нашей первой встречи он уже прослушал в Париже курсы Андраля [11], Шомеля [12] и Труссо [13] и очутился в Тюбингене, где он держался одного русского семейства, преподавая там по облегченному способу все науки почти совсем взрослому невежде, приготовлявшемуся вскоре за сим начать блестящую светскую карьеру, а между тем вел в это время деятельную переписку с Россиею об оставлении его еще на два года за границею для изучения математики и в то же время прилежно слушал лекции известных тогда богословских профессоров университета, содействовавших значению так называемой геттингенской богословской школы.

Кипучая деятельность этого человека, в соединении с удивительною настойчивостию и умением преследовать свои благородные цели, во главе которых в тогдашнее время у него стояла непостижимая жажда самых разносторонних знаний, делала его заметным между всеми русскими молодыми людьми, и его, действительно, все почти знали.

X

Адам Львович был очень нехорош собою и неуклюж. Самое верное из сравнений, которые делали по поводу его наружности, есть то, что он был похож на здоровую, старую бабу. Он был довольно высок, изсеро-смугл, рябоват, с курносым носом и маленькими, очень быстрыми и умными голубыми глазами, без бровей. Растительность у него на лице вообще была самая слабая: борода не росла вовсе, а усы пробивались, но такие редкие и бесцветные, что их словно и не было. Волосы у него были литовские, сероватые, сложение крепкое, но не столько мускулистое, сколько мясистое, и при том с такими странностями, что мясистость эта, по собственному его выражению, «расположилась не по правилам»: он был очень полон в груди, тонок и гибок в талии и опять безмерно широк в тазу. Словом: сложение женское, и он это признавал и не обижался, что все его приятели, придираясь к его фигуре и созвучиям его имени, звали его не Адам Львович, а «мадам Львович».

— А да,— говорил он,— «мадам Львович, мадам Львович!» А отчего бы это, по-вашему, я вышел такой «мадам Львович»? Мать у меня была красавица и сестра хороша, и еще есть одна поросль, которая всем взяла (так намекал он на брата, имени которого никогда не произносил), а я в отца пошел, только еще больше скуриляпился, оттого, что я с детства очень плотно на месте сидел, да крепко над столом гнулся, пока вы брыкивали.

Это кроткое замечание высказывалось самым простодушным и веселым тоном и с тою увлекающею искренностию и безобидчивостью, которые

привлекали к Безбедовичу всех добрых и хороших людей, забывавших в сношениях с ним и его бабье безобразие и его неприятный, резкий, трескучий голос, еще более увеличивавший его сходство с простонародною женщиной.

В этом трескучем, как бы сварливом голосе и в довольно ядовитой и даже злой улыбке, которая кривила бабье лицо Безбедовича, когда он начинал кого-нибудь шпиговать за какие-нибудь, по его мнению, дурные и неблагородные свойства, особенно за эгоизм, ложь и притворство, которых он ненавидел, было что-то заставлявшее иных от него сторониться и бояться его как *злого человека*. Репутация эта еще более находила себе подтверждение в том, что Безбедович был человек с выдержкой: он не любил ссор, не заводил их из-за пустяков, но где считал нужным сказать правду, так говорил ее, не рассуждая, чем это для него окончится. Прощая охотно всякую пристойную шутку и даже не обижаясь за резкое слово, сказанное в жару спора, он никогда не мирился с тем, кто сделал ему сознательную гадость, если тот чистосердечно и искренно не каялся и не давал слова исправиться.

— Это ни к чему не ведет,— говорил он,— дряни больше нечего делать, как ссориться да мириться,— я не хочу быть дрянью.

— Но это худо,— сказал я ему однажды,— это ведь не по-христиански.

— Оставьте,— ответил он нетерпеливо,— я не люблю, чтобы дергали без толку это слово. Я могу простить седмь седмериц, но избегаю сношений с тем, кто меня к этому вынуждает. Вам хорошо, что вам дано такое сердце, а у меня другое, и я его должен знать и беречь, чтобы оно не делалось еще хуже.

— У вас худое сердце!

Он посмотрел на меня своими голубыми глазами, и лицо его искривилось в улыбку, после которой можно было ждать самых ядовитых замечаний; но он вдруг вздохнул, ласково усмехнулся и еще ласковее, сжав мою руку в своей сильной и теплой, пухлой руке, отвечал:

— Да, младый вьюнош, да: истинно, истинно говорю вам: у меня злое сердце; меня много, много злили и оно обозлилось; но тем больше славы тому...

— Кто умел заставить его быть добрым,— подсказал я с юношескою торопливостью, которая так поспешлива на воздание справедливости тому, кого мы начинаем любить и уважать в эту чистую пору.

Безбедович вдруг покраснел, остановился, выпустил мою руку и, сложив на груди свои руки, залился неприятным, звонким хохотом.

Я был очень сконфужен, но он не обратил на это никакого внимания или уже не хотел пожалеть меня на этот раз.

— Как! — воскликнул он,— так вы это подумали, что я приписываю что-нибудь себе и подговариваюсь, чтобы вы меня похвалили!.. О милый юноша: не слишком ли низко вы ставите меня и не высоко ли цените похвалы ваши?

— Извините,— прошептал я, растерявшись.

— Охотно и ото всего сердца,— отвечал Безбедович и вдруг обнял меня, прижал к своей груди и, весело расхохотавшись, добавил:— Знаете я вас от души полюбил.

— И я люблю вас ... давно.

— Ну, вот, уже и давно!— всего и знакомы-то без году неделя, а он уже давно меня любит. Ну да что же: не диво, быть может, встречались? А? не помните. Ну, да где помнить, когда не те были тогда, как нынче. А мы вот что: мы теперь за городом (это дело было на прогулке за Геттингеном), и я развеселел и не хочу сегодня заниматься. Хотите... тут вот версты за четыре есть харчевня... славное место... мы там отдохнем на траве: я куплю яиц и ветчины, зажарю настоящую русскую яичницу,—

знаете, глазунью. Кроме того мы спросим себе пива и все это истребим и будем здоровы. Идет?

Я, конечно, согласился, и мы пошли, нашли трактир, или, как его называл Безбедович, «харчевню», а в ней яйца, из которых Адам сжарил яичницу, и пиво, которого он, мне показалось, пил очень много, так много, что если бы не совестливость, я бы его непременно попробовал остановить, но он сам, наконец, это заметил и сказал:

— Полно мне, однако, дуть эту скверность.

— Да, в самом деле: пойдемте домой, уже совсем темно.

— Темно,— повторил он, оглянувшись вокруг, и, когда мы вышли за лесок в обратном направлении к городу, он заговорил, как будто проникая недосказанную мною ему часть замечания.

— Очень темно, и хорошо это, приятель, что темно: такая година наша — область темная, а ты еще давеча думал, что ты меня проник и похвалять вздумал за какую-то доброту. Где там ей у лихого мне быть. Я тебе, друг, по совести скажу, я очень злой человек и все инстинкты у меня злые и способностей у меня бездна самых гадостных... Если будем в жизни встречаться, то ты все это увидишь и узнаешь, а я не хочу подлецу поддаваться, вот и все...

— О ком вы говорите?— спросил я.

— Как о ком?

— О каком подлеце?

— Ну вот еще, стану я тебе рассказывать, если сам не понял. Что это, по-твоему, такое, люди-то? Это, брат, мудреная загадка, вид один, а духа разного, значит — не одно семя. Да что про это говорить: чего не хотят, то делают, и чего не любят, то и заводят: черт ими в куклы играет... Не могу, братец: не могу я этого переносить, чтобы такой подлец, который меня с детства моего через своих кукол мучил, теперь бы и мною так же распоряжался, чтобы мстить им. Не хочу, вот почему я и не зол, хотя... слушай и верь мне: первая мысль у меня всегда злая, а у тебя не злая, потому я тебя и полюбил... Но чтобы силе моей что-нибудь приписывать... это ты ни-ни... и не думай. Нет силы ни у кого, кроме того, про которого я в моем сане говорить не хочу, потому что я свинопас и свиней у меня много, много, и все свиньищи здоровые, да грязные, хрюкают во всю мою утробу и рылом небо скопать готовы... Так-то, брат: вот тебе и сила: приставил он меня за мою грубость пасти этих животных, и я их пасу, да... пасу. Что делать, если роль такая,— надо отыграть, и я ее играю. Вот теперь напился,— скверностью, гадостью напился,— так свинье и надо, я теперь... Стой-ка, стой!.. У, однако, взаправду как темно и буря, что ли, это поднимается?

— Да, ветерок крепнет и идут тучки.

— Ну, это моему козырю под масть: посчитайте-ка, приятель, мои деньги?

И он подал мне свое портмоне, а сам отошел шага три в сторону, снял шляпу и, став лицом против ветра, с усилием тянул в себя воздух.

Меж тем я, не зная сам для чего, лениво и неохотно пересчитал его деньги, которых оказалось что-то около десяти талеров, и возвратил ему кошелек.

— Ну, сколько?

Я сказал.

Он положил портмоне в карман и, протянув мне назад руку, проговорил:

— Прощайте.

— Отчего же мы не войдем вместе в город?— спросил я с беспокойством, так как мне казалось, что Безбедович был немножко нетрезв.

— А оттого не пойдем вместе,— отвечал он,— что мне время моих свиней пасти. Прощайте.

И он замахал куда-то в бок, к старой каменной развалине, за которою начинались улицы, пользующиеся не совсем хорошею репутациею.

XI

Меня это удивило и, признаюсь, покоробило: я от природы не любил пьяного загула и даже боялся пьяных людей. Боялся не их пьяной силы и удали, так как я вообще не из особенных трусов и силы у меня у самого достаточно; но я боялся пьяных слов и излишеств излияния, за которые всегда после приходится краснеть и слушавшему и говорившему.

Но Безбедович произвел на меня несколько иное впечатление: мне его было больше жалко, и так как, по замечанию отца, у меня «глаза были на мокром месте», то мне беспрестанно хотелось о нем заплакать. Я мысленно проводил перед собою всю его бедную радостями жизнь — семейную нищету, изгнание отца, его собственное неуклюжество, — и, сопоставляя все это с людскою грубостию и неделикатностию, представлял себе, сколько он, должно быть, встретил в жизни обидного и неприятного, вследствие чего мог обозлиться на людей, и действительно обозлился бы, если бы сам возле себя не стоял с строгим дозором. Его довольно несвязные слова задали работу моему молодому уму и воображению, и когда, придя домой, я лег в постель и, не будучи в состоянии уснуть, все продолжал думать о моем Адаме.

— Вот оно, что значит, бедность,— рассуждал я.— Я не верю этому, что он о себе говорит, будто он злой человек. Я это так понимаю, что ему хочется злиться, когда он видит неправду и угнетение, но он себе этого не позволяет, потому что он добр, и его доброта уже, конечно, выше моей потому, что она сознательная. Мне ведь ничего худого люди не сделали, и мне всегда жилось хорошо, а ему жилось трудно и скверно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По библейской легенде пророк Илия был вознесен на небо на огненной колеснице. При этом на землю упала его милоть (баранья или козья шкура, служившая плащом), которую поднял его ученик Елисей, ставший с тех пор тоже пророком (см.: Четвертая книга Царств, 2, 11—15).

[2] Вероятно, речь идет о наиболее известной книге немецкого профессора богословия Иоганна Арндта (1555—1621) — «Vier Bücher von Wahren Christentum» (1605), переведенной почти на все европейские языки.

[3] *Талька* — моток пряжи; *пасмо* — часть мотка.

[4] Лесков соединяет здесь в одно лицо двух Каменских. Генерал-фельдмаршал *Михаил Федотович* (1738—1809) был убит своим крепостным за жестокость; сын его — *Сергей Михайлович* (1776—1835), генерал от инфантерии, тоже крепостник и самодур, был владельцем театра (он же изображен в повести Герцена «Сорока-воровка»). В «Тупейном художнике» Лесков также рассказывает со слов очевидца-орловца о священниках, затравленных борзыми гр. Каменским (*Лесков*, т. 7, с. 223). Комментируя этот рассказ, В. Я. Бухштаб предполагает, что Лесков сознательно путал хронологию Каменских (там же, с. 538), но вряд ли это было в действительности.

[5] Эпизод с переселившимися немцами, вероятно, навеян личными воспоминаниями о детстве Лескова. В Панине, их маленьком поместье под Орлом, гуляя с младшим братом, он встретил жестоко озябших людей, на санях которых «лежал какой-то хлам, прикрытый запорошенной снегом рогожей, и оттуда раздавался жалобный писк». Набросок об этой встрече, датированный С. П. Шестериковым предположительно 1884 г., не был закончен (опубликован в кн. *Жизнь Лескова*, с. 62—65).

[6] О «превосходном воспитании в московском пансионе Галушки» Лесков иронически упоминает и в повести «Заячий ремиз» (гл. IV, V, XVIII.— *Лесков*, т. 9, с. 509, 511, 550).

[7] Иосиф *Семашко* (1798—1868) — церковный деятель. В 1839 г. принял активное участие в насильственном присоединении униатов к православной церкви, применяя при этом репрессивные меры по отношению к непокорным униатским священникам. В 1852 г. был назначен митрополитом Литовской и Виленской епархий. В незаконче-

ном романе Лескова «Незаметный след» он фигурирует в качестве доброжелателя отца героя, также высланного из Литвы, Льва Безбедовича (с тем же написанием: Симашко.— «Новь», 1884, № 1, с. 117).

[8] *Галликанизм* — религиозно-политическое течение во Франции (с конца XVIII в.), защищавшее от римского папы независимость французской национальной церкви.

[9] Намек на слова Чацкого о Молчалине: «А, впрочем, он дойдет до степеней известных» (Грибоедов. Горе от ума, д. I, явл. 6).

[10] Московская медико-хирургическая академия была слита с Московским университетом в 1845 г.

[11] Габриель *Андраль* (1797—1876) — французский врач, читал в Парижском университете курсы гигиены и патологии; в 1839 г. был избран профессором общей патологии и терапии.

[12] Август Франсуа *Шомель* (1788—1858) — профессор медицины.

[13] Арман *Труссо* (1801—1867) — с 1839 г. с большим успехом читал в Париже курсы терапевтики и фармакологии.

ПОДВИГ КУПЦА КИНАРЕЙКИНА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОРУЖЕНОСЦА ВОЕВОДЫ РЕДЕДИ

I

Случай, о котором я намереваюсь рассказать, относится к ряду эпизодов из тягостного похода русских войск в Ахал-Теке под командою генерала Скобелева. Труды и лишения, перенесенные войсками в этой экспедиции, описаны военными писателями, у которых встречается немало упоминаний о том, что затруднительный переход по знойным степям представлял ужасающие опасности для людей, страдавших от несносного жара, от недостатка отдыха и много раз подвергавшихся страху очутиться без продовольствия.

Это было, по-видимому, самое страшнейшее, и этого больше всего боялись все отрядные начальники и даже сам Скобелев. Лечь костьми в пустыне всею массою людей без пищи и без питья — в самом деле представляет ужас, оковывающий воображение. Между тем бывали «моменты», когда такого рода опасность казалась военачальникам весьма возможною и статочною и вызывала с их стороны усиленную предосторожность и предусмотрительность.

Насчет виновников такого положения существовали мнения несходные: Скобелев все приписывал «гадости интендантов», т. е. их нераспорядительности, вялости и другим их «грехам», а интенданты нарекали на Скобелева, за его «безрассудную и бесчеловечную отчаянность и фантазии», которые они не считали возможным угадывать и предупреждать их так, чтобы всё и на всякий час было там, «куда он гонит».

Неудовольствие Скобелева на интендантов было обычное явление, обнаруживающееся в горячую пору усиленных передвижений больших военных масс со стороны военачальников, которые должны заботиться о продовольствии войск и не имеют времени входить в обсуждение трудностей, встречаемых заготовщиками всего, что требуется. В этих взаимных и почти всегда неизбежных неудовольствиях, собственно говоря, большею частию и те и другие бывают по-своему правы или все в свою меру не правы. Военачальничья потребность спешить и достигать желаемых результатов быстротою и неожиданностью наступлений не желает соразмерять своих планов с возможностями интендантских подвозов и подготовок, а меж тем «возможность» все-таки остается в своих пределах и в своей зависимости от времени и пространства. Но принято думать, что у нас интенданты плохи и многогрешны и во всех отношениях находятся в вине перед войсками, о продовольствии которых они должны заботиться. На них жаловались и случалось даже, что их били в отечественную войну и

М. Д. СКОБЕЛЕВ В АХАЛТЕКИНСКОМ ПОХОДЕ
18 декабря 1880 г.
Гравюра по рисунку Н. Н. Каразина
«Всемирная иллюстрация», 25 апреля 1881 г.

при осаде Крыма, и на Кавказе, и в последние экспедиции в Азии и на Балканах. Так, вероятно, это было бы и теперь, и так будет в будущем, когда «бог войны» опять «развернет свое знамя». «Учил их» из собственных рук «поэт-партизан» Денис Давыдов [1], «учили» тоже собственноручно Хрулев [2], князь Барятинский [3] и Скобелев, но не довели их до покаяния и до той зрелости, какую желали видеть.

Скобелев, имевший в своем характере много непосредственности, отличался от ранних интендантских учителей тем, что признавал их неисправимыми и с свойственною ему решительностью делал опыты обходиться без них, при усердии простых истинно русских людей. В степных походах, сделанных под его главным начальством, случалось, что он обращался к услугам частных, не состоящих на службе заготовителей продовольствия, и войска не имели повода на это жаловаться. Между этими простыми поставщиками попадались люди очень сметливые и распорядительные, у которых все делалось скоро, и все, что нужно, было в достаточном количестве. Но, впрочем, Скобелев и сам вникал в их положение столько, сколько он, может быть, не вникал, когда дело велось при посредстве интендантов, и, когда поставщики встречали затруднение в заготовке провианта, он принимал их резоны и требовал от начальников частей большой экономии. Видами этой экономии объясняли порою его распоряжения — «чтобы не было пленных», и тогда «не брали в плен».

В числе находчивых и ловких поставщиков был один купец по имени Павел Григорьевич Кинарейкин, сделавший военный подвиг, о котором предлагается наступающий рассказ, с единственным изменением имени героя. На самом деле у купца Кинарейкина была иная фамилия.

II

Павел Григорьевич Кинарейкин происходил из небогатой купеческой семьи. Он был старовер, но из тех, которых в староверческой среде называют «вероломами». Пред водкою крестился двумя перстами, а впрочем, был со всеми в согласии: играл с православными священниками в карты, участвовал в пожертвованиях на сооружение им наперсных крестов и стоял с обнаженною головою при молебнах о победе и при панихидах по убитым, но табаку не курил и не нюхал. Восточные местности и нравы восточных людей он знал превосходно и относился к ним с презрением, как человек высшей общественной культуры. Впрочем, он презирал и запад и ненавидел его «как человек истинно русский».

Выражался он обо всех смело, решительно и с краткою ясностию: всех людей, живущих на восток от России, Кинарейкин называл «свиньями», а западных — «дрянью». Из восточных он не делал исключения ни для кого и говорил: «все без исключения — свиньи», а из западной «дряни» делал изъятие для «Жервезок». Так называл он француженок, с которыми имел знакомства в Москве и в Петербурге, и одною из них был представлен при каком-то соответственном случае Михаилу Дмитриевичу Скобелеву и весьма ему полюбился.

«Жервезок» Кинарейкин, по собственному его сознанию, «с охотой обожал и уважал и с своими Матренами ни в жизнь вровень не ставил».

Дома у него «в своем месте» была своя Матрена, с которою он был в супружестве с очень молодых лет, но «видал ее мало», и ею «не антересовался», потому что некогда, да и нечем: «Матрена как Матрена, да и все тут». Посылал ей «денежное благословение» и супружеское приказание «дом смотреть, детей беречь и родителей соблюдать». Больше от этой законной Матрены ничего не требовалось и говорить о ней больше нечего.

Кинарейкин был уверен, что «жизнь ее прекрасная».

— Исполняй, что велю, и толковать не о чем: оставлена не будет.

Сколько у него было детей и какого они возраста, Кинарейкин не говорил, да и вообще он не любил домашних воспоминаний. Как у всякого истинно русского, у него дома было хорошо — «все заспокоено и не оставлено», а он тут, где ему нужно, и «делает капитал своей собственности».

Матрене его могло угрожать только одно, если бы осуществился его план на счет того, чтобы «повернуть на запад и там всю дрянь перебить, а Жервезок к себе забрать и Матрене по шее», но до этого было далеко, да и сам Кинарейкин едва ли желал этого, потому что на востоке ему «лучше фортунило», и он переправил уже к своей Матрене изрядный «капитал собственности», который та, по его же благословению, положила на свое имя.

В степь он пришел раньше Скобелева, отбыв сюда «на одно его слово» прямо от Жервезы из Кирпичного переулка. Жервеза, впрочем, тут была не при чем, только дело было в ее салоне, и дело было откровенное, честное и патриотическое. Михаил Дмитриевич знал, что у него есть враги и что их даже много, и что все они «рады его в ложке воды утопить» и «подвести рады»... А тут интендантство... Все формы соблюдут, все отчетности распишут и правы будут, а дело остановят в самую минуту.

— Верно!— восклицал Кинарейкин,— верно,— и сам весь напружи-вался и краснел от негодования и досады.

Скобелев говорил как бы все это можно было сделать совсем проще и иначе; а Кинарейкин восклицал: «верно!» и поправлял проект еще того проще, и еще иначе.

— А кто же на это рискнет?.. кто сделает?

— А если бы я!

— Нет, верно?

— Верно!

— Я не шучу... я своим пожертвую... я пособие дам.

— И я не шучу,— только с этим дремать нельзя. Надо сейчас там быть и баранов брать, и верблюдов брать.

— Хорошо. Ступай. Обо мне не решено, но времени упускать нельзя... Мой риск: послезавтра я дам деньги, а там, если нужно более,— трать и пиши,— я все принимаю. Если пойдешь со мною, ты наживешься и я тебя не забуду... что ты хочешь: орден, звание...

— Орден.

— Все равно: почетное гражданство, орден, даже коммерции советника выпрошу.

— Нет — орден.

— Хорошо.

— Верно?

— Верно!

Кинарейкин, будучи в легком подпитии, бесцеремонно простер к генералу свою руку. Скобелев посмотрел на него, прищурив левый глаз, и подал ему свою белую, нервную руку.

Кинарейкин нагнулся, чтобы ее поцеловать, но Скобелев вырвал руку и сказал:

— Оставь, оставь, пожалуйста, эти глупости. Лучше поцелуемся.

Они обнялись и поцеловались, а хозяйка, не совсем ясно понимая в чем дело, кликнула Justine и велела ей подать холодного вина.

Кинарейкин понял и прибавил:

— Шипучки, шипучки!

— Que ce que s'est «szyputczka»?— спросила хозяйка.

Генерал ей рассказал и Кинарейкин тоже, а когда Justine подала вино, так это объяснилось и на практике, и опять несколько раз повторялось слово «верно», а кончилось довольно скверно: Скобелев ушел, и хозяйка уехала, а Кинарейкин очутился в какой-то комнатке возле столовой, куда его неизвестно кто и для чего провел и незаметно оставил одного одинешенького.

III

Смеркалось по зимнему — рано... в комнате темнеет, на столе две бутылки шампанского, обе едва начатые и покрытые салфеткою... на окне кинарейка в роскошной клетке, мягкий диван и пианино... Несколько бархатных драпировок и за каждою как будто двери... Кинарейкин осязает их... царапает пальцами... Ничего не видно и не слышно.

Он зовет,— сначала потише: Мадам! мадам! мадаминька!..

Слушает.

— Ась?.. Ничего не слышно... Где они! Мадам! мадаминька!.. Да что же, вы, черти!.. Ну, так я все вино выпью.

Пьет и улыбается.

— Ей-богу, выпью!.. Слышите!.. Выходите!

Опять пьет и опять улыбается.

— Ну, черт с вами! Мне и лучше... Не выходите!

Пьет еще, а вокруг уже совсем темнеет, и какое-то беспокойство... Он переходит к пианино, ударяет по клавишам и удивляется раздавшимся нестройным звукам.

Он лучше просто споет. Он отходит к дивану, падает на него и распевает, или, лучше сказать, кричит, заплетая языком:

Скажите, Жервеза, чего вам бояться?
Вы будете в счастье и в радости жить;
Я вас обожаю, люблю, ну, признаться,
Готов за любовь мою вам заплатить.

С этим он засыпает и просыпается не скоро и очень поздно или очень рано: он видит, что на столе горит свеча и перед ним стоит татарин во фраке и докладывает ему, что извозчик дожидается, чтобы отвезти его домой...

Кинарейкин старается припомнить: где он и что ему надо с собой делать? Он и припоминает, только не все, или все, но в беспорядочной путанице. Самое ясное ему оказывается то, что было последним: тут было вино и он его пил и, может быть, не допил, он шумел, куда-то царапался, кого-то звал. В голове мелькает водевильный куплет про Жервезу, который он черт знает от кого и когда выучил и пел всегда, когда был пьян и вспоминал о француженках, или иначе «жервезах»... Да где же все это?.. Это все совсем не тут началось, где он теперь, и где это так страшно кончается?.. Не могли же с ним поступить как-нибудь «неблагородно»... он был в таком «хорошем обществе» и с таким лицом и говорил о патриотическом деле... С ним была значительная часть «собственности капитала»... Кинарейкин схватывается за карман и осязает свой бумажник на месте... Достает его и раскрывает, и видит весь «капитал собственности» на лицо... Надо что-нибудь вынуть и заплатить «причитающее». Спрашивает:

— Что с меня следует?

Татарин во фраке отвечает, что ничего не следует.

— Как же ничего?

— Ничего,— все заплочено.

— Кто же заплатил?

— Генерал заплатили.

«Генерал, значит, было... Это не сон!..» — думает Кинарейкин и спрашивает:— Где же генерал?

— Не могу знать,— отвечает татарин,— я их не видал... За буфетом заплочено, а сейчас ресторан запираем... Извозчик готов... Прикажете — молодец с вами съездит.

— К черту! Не надо мне твоего молодца!

И Кинарейкин выкинул татарину трехрублевый билетик, сошел по белой мраморной лестнице, устланной красною бархатною дорожкою, придерживаясь за канат, обшитый мягким шелковым плюшем.

Он узнает улицу: это известный дорогой ресторан... Черт знает, как он сюда попал, а попал и, должно быть, сделал что-то серьезное...

Теперь, укладываясь спать, никак этого не сообразишь, но завтра или сегодня, когда поободняет, а он выспит весь чад из своей головы, он это сообразит.

Какая-то каша заварена и престранно, престранно!

IV

Настало утро, которое должно было объяснить вечер, но Кинарейкин его проспал и встал опять вечером.

Он встал с больной головой; обревизовал опять бывшую с ним вчера собственность капитала и еще раз удостоверился, что все цело и он, значит, нил и до одурения напился на чужой счет.

Он выглохтал бутылку зельтерской воды, оделся и отправился к Жервезе.

Для посещения Жервезы это был час неудобный: она, вероятно, возвратилась с прогулки и в это время она не принимает; но, если только она дома, то он ее решил побеспокоить. Он может ей заплатить за беспокойство. А, впрочем, и Жюстина за красный билет расскажет, что такое было и как он был будто в столовой, перешел в другую комнатку и вдруг как-то очутился совсем один и... потом татарин... Хорошо, что еще все так хорошо, и цел даже весь капитал собственности.

Подойдя к знакомому дому, где жила Жервеза, Кинарейкин не пошел

по парадной лестнице, по которой всходил ранее, а прошел воротами на двор, и стал осматривать и соображать ситуацию дома... Но все это очень трудно... В одних окнах есть огни и горят прямо ничем не занавешенные; в других — свет стушеван мягкими тонами занавесей, но много окон и совсем темны...

— Черт их тут разберет, откуда, куда идет и что к чему принадлежит!

Одарить рублем городового и расспросить его,— но это опасно... с таким лицом был, и не знаешь, во что вляпаешься...

Одарить лучше тремя гривенниками дворника,— не больше ли он откроет?

Вызвал, одарил, но узнал очень мало.

Вся сила в том,— говорит дворник,— что у них у всех, у французов и у французинок, своя компания и они промежду собой в таких ладах, что нам ничего не известно. Такие гости бывают, что и знать не могим — как проведут и выведут. Позвонитесь в номер — вон у них в окнах огонек спунсе *: тветной фонарь горит.

Это Кинарейкин и без него знал. Нового только, что может разобрать, где ее окно и фонарь спунсе.

Три гривенника почти даром пропали: надо идти большой дорогой и звониться.

Подошел, покашлял и позвонился,— тихо, робковато, по-юношески.

Неслышная дверная закладка откинулась, и дверь неслышно проползла и открыла переднюю в помпейском вкусе. С потолка висит и мягко светит имитированная помпейская лампочка, а перед ним живая, розовая Жюстина, с подправленными бровками и руками, засунутыми в крошечные карманчики изящного, темно-красного, шелкового передничка, а локотки навыворот.

— Входите,— шепчет,— входите!

— Никого нет?

— Входите.

Кинарейкин вступил, и дверь за ним тотчас же и так же тихо и неслышно захлопнулась, а в открытых портьерах большой комнаты, которая была в полутьме и только слабо освещалась красноватым отблеском фонарика, горевшего в алькове следовавшей за нею спальни, показалась стройная фигура Жервезы в длинном, легком капоте. Капот из мягкой материи, продольными голубыми и белыми полосами, придавал грациозной фигуре француженки необыкновенную легкость и такую летучую воздушность, что Кинарейкин, после перепоя, подался от нее назад, ибо принял ее за видение, но она его тотчас же дружески успокоила, весело назвала его «свиньею», пошутила, как он у нее вчера «немножко напился», и сейчас же прибавила:

— Нишего, милий мой, нишего... Идиль завтра к женераль... он тибе ждать и... сипь... сипь... сюда!..

При этих последних словах она выразительно поклевала себе в открытую ладонь правой руки пальчиком левой и добавила:

— Три тищь... три тищь... непременно муа три тищь... а то я будиль все ссорить...

— Да, для чего ссорить, для чего ссорить!— живо отвечал Кинарейкин.— Если только, разумеется, все это будет, как он говорил...

— Будиль, будиль... отшего не будиль?.. Все будиль... Как он сказал, так и будиль... А теперь...

Жервеза понизила голос до шепота и закончила на ухо Кинарейкину:

— Теперь... ва... ва... мои шер... пошел вон... и завтра приди фриштик и три тищь...

---

* Вероятно, от французского: ponceau (пунцовый, темно-красный).

Она его повернула за плечи к двери, через которые он вошел, а сама небожительницею скользнула, хлопая беспятными туфлями по ковру, к освещенной фонариком спальне.

V

Кинарейкин дал Жюстине «красный билет» и вышел в серьезном настроении: стало быть, ничего, что дело началось у французинки, и он напрасно робел за свои неловкости... Это, видно, делу не помешало,— дело идет. Вот какой, ей-богу, серьезный!.. Это не как другие, которые ежели поговорят, хоть и дельно, но потом вспомнят, что до компании себя допустили, и сейчас начнут устыждаться... А этот на всяком месте делает, и что наметил, в то и прет... С ним даже страшно, ей-богу... И шутит, а все всерьез. Надо завтра к нему идти... С ним не шали...

И Кинарейкин был весь озабочен завтрашним свиданием с Скобелевым и обдумывал его со всех сторон и на яву, и во сне. Что ежели это в самом деле... все так и состоится... Так возьмет, да и даст тридцать тысяч... Кажется, было говорено тридцать... на покупку баранов... Да, и Жервезка тоже счислила три тыщь... значит десять процентов срывку себе сосчитала... Шельмы!.. А доведется и ей дать... хоть не все три, а ... доведется дать кусок порядочный... Вредить может... Положим, что он не такой, чтобы... а все лучше ее ублаготворить... Поторговаться надо... Ей-то «три тищь» за что!.. за фу-фу?.. А бараны — это не фу-фу и на фу-фу их не приготовишь... Поторговаться с Жервезкой надо... Уступит!.. А ему надо все представить как должно,— честно и благородно без всякой фальши, а то на фургонном дышле повесит... Ничего, что вместе в компании у Жервезы сидели... Лик у него такой обаятельный: сейчас шутит, смеется и что твоя рубашка мягок, а вдруг глазом моргнет и засерьезнеет, на щеках этак как что будто побелеет и... шутя злой смерти предаст...

Чувствует Кинарейкин к Скобелеву «стремление души и ужастность» — и «то есть по гроб жизни для него рад, и в огонь и в воду», и тоже «не шали, брат, не шали!». Приобретай собственность капитала себе в капитал собственности, но не шали... не шали... Чтоб баран был большой, крупный, мясистый, с курдюком и чтобы было их много и везде где ни спросят... чтобы так они и шли перед отрядами войск, как стада Исавовы навстречу стадам Иаковлевым[4] ... А если морьба... чох, кашель, оспа, или вертун в голове или другая какая овечья пагуба... Чем я тогда виноват? Это не мной выдумано... Везде, небось, овцы и бараны колеют и дохнут, да за это же людей не вешают... А у него это... если щеки побелеют и шабаш... Иди после, Матрена, кому знаешь, тому и жалуйся... Да кто и скажет?.. И вестей-то из степи не добьется... Так и пропал в степи... Да, если Матрена и узнает, то, пожалуй, не будет жаловаться. Где ей!.. Ведь, дура! Вопль для приличия при панихиде пустит, а потом за какого-нибудь молодого приказчика замуж пойдет и весь капитал собственности ему передаст, а евойным Кинарейкина детям только и останутся одни тыщи десятин земли, которые он, с божией помощью, закупил в «башкирском царстве»... В них,— правда,— много владения, но все еще под сомнением собственности, и доходов настоящих нет, окромя как то, что уже с казны под залог взято... Вот для чего человек живет и бьется... Господи!.. какой все прах и суета!.. А Матрены, ведь, это все дурищи — они ничему тому делу существенно не соответствуют... Им все только замуж выходить, да чай пить... А зачем,— этого они даже и не обендят. В мыслях у них никакого пламенного помышления нет, а в чувствах своих они постоянно жиром оплывши, как примодившись, и тоже никаких беспокойств не чувствуют. Поцеловаться даже, если случится, так и то все стараются на такой фасон, как будто в светлый праздник на паперти христосовавшись... Чего им надо еще, господи, боже ты наш, помилуй нас! — Жить только

в благополучии, стричь купоны на капитал своей собственности и ходить в банк с ридикулем, а ничего больше не заводи, ну так ведь нет же, не та у нас по купечеству мода... им, чтобы непременно опять новый закон принять, опять хоть за своего же приказчика, да еще один раз замуж выйти, чтобы было кому ею командовать... Прямые Матрены! Тьфу!

И Кинарейкин самому же себе перед носом на стенку и плюнул, и, придя из полудремоты в сознание, начал креститься.

VII*

— «Ужасно,— рассказывал он после несподиванной смерти Скобелева,— ужасно, что он был за вразумительный и в какое приводил воображение».

И тут он вкратце вспоминал свою незабвенную встречу с Скобелевым, и как Скобелев к нему расположился и «доверился ему больше чем тыщам людей», и как он себя оправдал и даже подвиг совершил, но до того, что сам себе не верил и сам себя не понимал, и один раз опьянел при нем совсем неизвестно от чего, а другой раз струсил и целую ночь сам с собой говорил, и детей благословлял, и видел, как будто его жена замуж за приказчика выходит.

— До того,— говорит,— явственно вижу, что она сидит перед зеркалом в одном поддевальнике, лицо все припудрено, а бюстры полотенцем через плечи прикрыты и парикмахер наш, по фамилии Щеткин, ее к венцу причесывает.

Я посмотрел ей в глаза и говорю:

— Что ж это тебе и ничего?

А она отвечает:

— А что же тут такого?— я в закон.

Я как был, так ей с того же места в бесстыжие глаза и плюнул, и хотел зеркало со стола ссадить, а Щетинина ⟨!⟩ с его гребенками вон, но вместо того проснулся и вижу, что я самому себе перед носом в стенку плюнул. Повернулся в другую сторону и думаю:

Что это мне! О бабьих ли мне законах в такое время надо обдумывать... К какой я особе завтра собираюсь! Я должен теперь думать об овцах — как заготовить, чтобы везде много было баранов... Вот чем надо отличиться и можно и доверие оправдать, и орден получить, и умножить капитал собственности... а степь широка без конца, а накалена как банная каменка... и идут по ней бараны со всех сторон и встречаются незнаемые люди и верхами на конях и пешком половину голые, половину в широких лоскутах обернуты, в руках длинные палки с крюками загнуты... А вдали посреди степи холм из рудожелтых песков насыпан, и посреди его на верхушке стоит торчма бел-горюч камень, как на жидовском кладбище, и по нем выведены разлатые, черные письмена, одно с другим не связаны, как жуки на лапках, и под этим камнем сидит покойный брат Андреян в темном халате, платком подпоясан, держит на коленях гитару и поет:

Видел я гроб моей матери,
Рахили! — нача плач с ночи:
Отче, отче Иакове!
Пролей слезу ко господу.

Поет, как бывало он певал в юности, когда мы вместе в своем месте при родительском капитале жили, и бабушка Марина Финогевна очень любила в сумерках на теплой лежанке сидеть и слушать, как Андреян поет этот стих про то, как купцы ведут Иосифа по пустыне.

Я и говорю Андреяну:

---

* В рукописи в нумерации глав пропуск.

— Полно тебе: бабушка наша давно уже на том свете в царстве небесном,— что тебе вздумалось это петь?

А он отвечает:

— Это к баранам относящее. Видишь, стада Исавлевы и стада Иаковлевы.

— Ну, так что же такое?

А стадов такое множество, что уже и степи́ не видно,— все бараны, а Андреян говорит:

— Дела в этом нет, что их много, а придет оптовый купец, враз всех и заберет.

Думаю: про что это он говорит: какой такой оптовый купец?

А Андреян на мою думу отвечает:

— Как же ты глуп, что не знаешь: что есть оптовый купец? Это в лавке пожар, а в стаде — падеж. Он закружит одну овцу и все запершат и закружатся и не будет их...

А овцы уж и кружатся, и один рогатый такой баран прямо меня лбом бух, бух, я и слетел с кровати на пол вместе с подушкой.

Катеринбурский купец с женою рядом со мною комнату занимали — оба проснулись, думали, что меня кто-нибудь зарезал,— и в одном белье ко мне прискочил: что случилось?

— Ничего, говорю, не случилось.

— Мы думали, что тебя кто зарезал.

— Ну вот еще — зарезал!.. Я сам зарежу... а просто спал свят, да упал с гряд,— больше ничего.

«А самому, знаете, досадно и смешно, и конфузно: забыл уже, как маленьким с кровати падывал, а теперь в сорок слишком лет повалился... Вот оно как с Скобелевым-то дела заводить!»

VIII

Больше уж Кинарейкин и не лег в постель, да и не время было ему ложиться. На дворе уже было утро. У решетки сквера, окружающего памятник Екатерины, куда с высоты смотрели окны занимаемой Кинарейкиным меблированной комнаты, гасили огни, и в комнату «услужающих» послышались звонки.

Позвонил и Кинарейкин и сел пить чай, а сам все свою думу держит: «как предстать и что говорить».

«Катеринбурский сосед» пришел его навестить и узнать, как он себя чувствует «после повалившись», а Кинарейкин не в расположении шутить.

— Я, говорит, дело обдумываю.

— Так что же; ум хорошо, а два вдвое.

— Твой ум не годится.

— Что так больно важно!

— Не важно, а сам еще обнять не могу.

— К отцу Иоанну[5] бы съездил.

— Куда это?

— В Кронштадт.

— Поди ты!

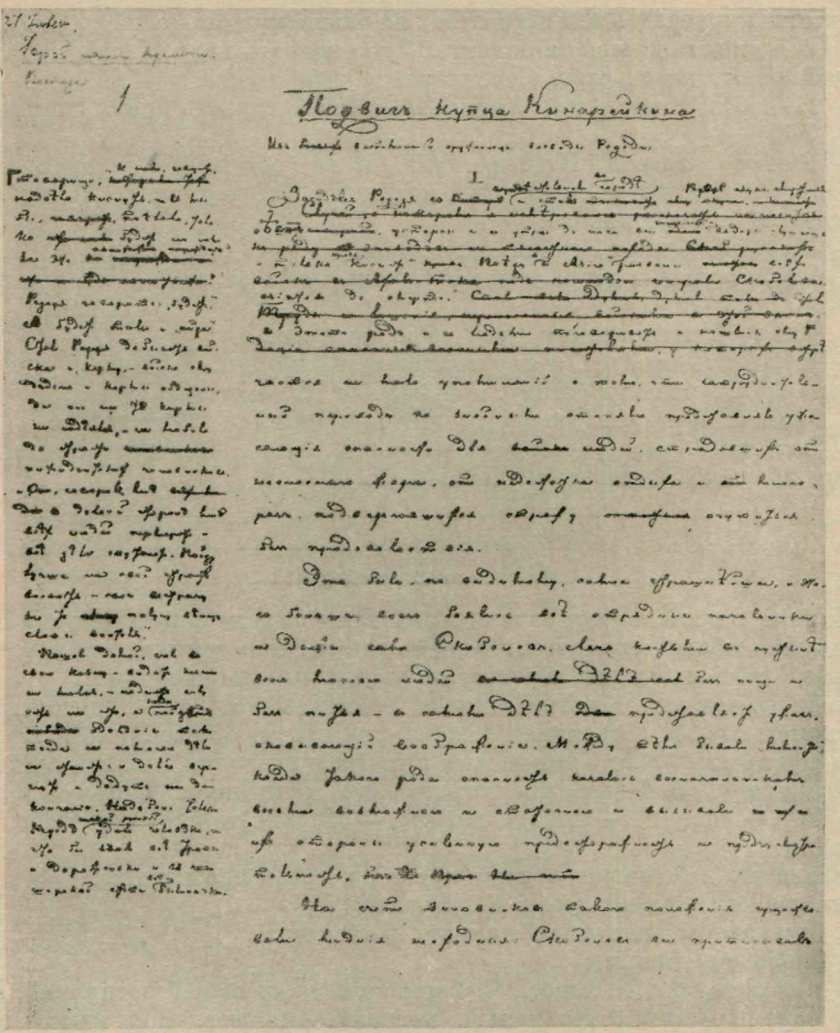
— А ты так не говори... Один вот так-то собирался, и ему говорят «съезди», а он вроде тебя...

Кинарейкин суеверно испугался, вспыхнул и громко наперебой вскрикнул:

— Да убирайся ты к черту!.. Тоже пророк выискался... предсказывать.

Катеринбурский сосед посмотрел на него и перекрестился и проговорил:

— Свят, свят, свят!



«ПОДВИГ КУПЦА КИНАРЕЙКИНА»
Автограф Н. С. Лескова, конец 1880-х годов. Лист первый
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

А Кинарейкин в это время уже стоял перед зеркалом и, повязывая галстук по туго наглаженному со стеарином воротнику рубашки, рассуждал мирственнее:

— Удастся дело сделать, так и отцу Иоанну в Кронштат пошлем... Всему свое время... А вот ежели у кого на шее крест на ленте есть, так этих галстуков и надевать не надо.

— Все равно, как и медаль.

— Что такое?!

Тот повторил, и Кинарейкин окончательно рассердился и закричал:

— Ступай к черту.

— Что ты нынче такой сердитый!

— Да нет... как же, ей-богу, это слушать и чтобы не сердиться...

— Какая же обида...

— Такая обида, что разве можно орден с медалью сравнить. Медаль,

вон, нынче курьерам в министерствах за разноску портфелей выдают, а орден какой ни есть дается за подвиг... Это отличать надо... А ты не сердись и давай ручку на счастье. Счастливая у тебя рука?

— Не знаю, а вот у жены примечают будто страсть какая счастливая.

— Ой!

— Ей-богу, правда. Родные, куда бы не собираться на дело, всегда приходят к ней на счастье руку потрясти. У нее сколько колец за это с супирами от счастливого!

— Зови ее, братец, сюда, зови, зови!

Купец постучал в дверь и позвал жену, но та отвечала, что она не убравшись.

— Павлу Григорьевичу руку надо на счастье.

— Ну, пусть взойдет, я ему через занавеску дам,— отвечала купчиха.

Кинарейкин зашел к соседу, подержался на счастье за протянутую ему из-за занавески неумытую руку катеринбургской купчихи, и сказал:

— Вот так парная, прямо с постельки. Эта должна посчастливить,— и отправился на Моховую к Скобелеву.

IX

«Парная с постельки» ручка соседки в самом деле посчастливила Кинарейкину и вдобавок еще посчастливила так легко и чудесно, что и все придуманные за ночь ответы и разговоры никуда не понадобились.

Скобелев принял Кинарейкина «в родительском доме», где он об эту пору помещался, и весь прием совершился сразу, без всяких формальностей и дожиданий. Как Кинарейкин пришел и сказался, так его сейчас же и провели, и «белый генерал» встретил его, руку подал и прямо к делу:

— Вот,— говорит,— деньги готовы,— столько-то тысяч и чтобы были бараны...

Деньги же в башлыке в узел крест на крест перевязаны.

Кинарейкин принял узел и отвечает:

— Слушаю-сь, позвольте напишу расписку.

А Скобелев говорит:

— Мне расписки не надо... Что мне делать ⟨с⟩ вашей распиской, а мне чтобы бараны были... Но деньги поверить можете. Вон идите рядом в комнату и считайте.

Вышел Кинарейкин в уборную, развязал башлык,— деньги так пачками и посыпались. Все обтянуты бумажной полоскою с надписью по пяти тысяч пачка... Уйма денег!

Проверил Кинарейкин одну, две пачки, какие попали под руку, а больше и поверять не стал.

Выходит опять в кабинет и говорит:

— Все верно,— столько-то тысяч.

— Довольно это?

— Помилуйте,— отвечает Кинарейкин,— как же не довольно!

— А если понадобится — напишите: я еще пришлю. Теперь больше не могу, но через несколько времени... найду... но чтоб бараны были готовы.

— Боже мой... ваше высокопревосходительство... все меры...

— Нет,— бараны чтобы *непременно* были.

— Будут.

— Вот это так. Расчет после и награды впереди.

Тут Кинарейкину опять блеснул орден перед глазами, и он невольно согнулся в благодарственную позу и спросил:

— Как же, ваше высокопревосходительство,— есть ли надежды?

— На что это?

— Что вы изволите туда последовать?

— Не знаю еще, не знаю, но бараны чтоб были. Когда можете выехать?

— На сих же днях.

— Прекрасно. Перед отъездом зайдите проститься. Здесь в доме всегда можете узнать, где я. Прощайте.

Подав руку и выпроводив с «уймою», и ни расписки, ни квитанции, ни свидетелей при получении...

Кинарейкин языком щелкнул и проговорил в себя:

— Вот так человечище!.. С этим не шути, да и не дреми... Страшной какой фантазии... Обмануть его теперь... то ись сколько угодно, но, ну его к черту... Что-нибудь знает, как может ограничить. Пока положу деньги в банк.

Понес и положил,— оставил только в башлыке на размывку пятнадцать тысяч, и прямо на Петербургскую сторону к Спасителю,— свеча рубль; потом домой — опростать башлык и «в комоду»... отложил только три тысячи и те разложил по пятисот рублей во всю одежду, по разным карманам, а две пачки спустил за голенище, и поехал к Жервезе.

«Катеринбурская соседка» встретила его в коридоре, когда он запирал свою комнату, и спросила:

— Счастливо ли пофортунило?

— Хорошо,— отвечал Кинарейкин,— хорошо, и поедем в коляске в Зоологию и баста.

X

Жервеза его ждала и, может быть, даже беспокоилась, и она этого от него даже не скрывала.

Несмотря на довольно раннюю для ее образа жизни пору, она была уже вставши и, чуть Жюстина в широком убиральном переднике с пуховкой в руке открыла Кинарейкину дверь, как Жервеза его встретила в мягком плисовом капоте на белом фуляре и смеясь заговорила:

— А мошень, мошень,— и полезала рукою в грудной карман сюртука и вынула оттуда пачку.

Кинарейкин этому не сопротивлялся, он говорил:

— Бери, бери, клюй!

Но Жервеза развернула пачку, сосчитала деньги и, насчитав всего одну тысячу, вскричала:

— А где еще две тищь?

Кинарейкин сел и притворился будто не слышит, но Жервезу нельзя было этим остановить:

— Еще две тищь! еще две тищь!— требовала она, стоя над ним и шутя, но настойчиво угрожая кулаком над его головою.

— Полно, ну полно, ну полно!— отмахиваясь, стараясь казаться спокойным, Кинарейкин и не заметил, как француженка в это время ловко выхватила у него еще пятисотенную пачку, выдвинувшуюся из-за жилета,— и сама расхохоталась.

— Фу, какое охальство!— сказал он, не очень рассердясь, потому что этой пачкою он и сам предполагал пожертвовать.

А француженка отвечала:

— Нет, не я «фу», а ти «фу», какой мошень... За шего ти меня омани? Давай еще тищь и польтищь... Давай, мошень, давай!

И она было опять хотела его осязать, но тут он не стерпел,— в нем поднялся родной дух, и он ее толкнул... толкнул на свое горе, потому что она взбесилась, швырнула в него вазой с камина и велела Жюстине «послать за полис».

— Полиция на самом первом же шагу... и это непременно дойдет до Скобелева!.. Нет, это невозможно.

Кинарейкин понял, что имеет дело с женщиною, не менее его деловитою, и пошел на сдачу.

— Хорошо,— заговорил он,— хорошо! Я виноват... ну, что же сделать... я виноват... Прошу прощенья...

— Тищь и пультищь!

— Постой же... ну позволь ручку...для чего скандал...

— Ваза разбиль... это два сти рублей.

— Ну хорошо... ну постой... Вазу сама разбила...

— Ти мужик... дурак...

— Ну хорошо,— ну я мужик, дурак, а ты иностранка. Я плачу за вазу двести рублей... Я принесу.

— Нет, сичас: у тебя деньги есть... тищь и пультищь и две сти рублей... ça fait... тищь семьсот рубль...

— Ну позвольте, да это что же... это хуже разбоя... Я плачу двести рублей, плачу, но за что еще... Ну, мамочка же моя, ну, голубчик, я на коленях прошу...

И он стал на колени и через плечо Жервезы взглянул умоляюще и подговаривающе на Жюстину, которая во все это время сначала мела, а потом стояла тут же, опершись подбородком на руки, положенные на палку половой щетки, и спокойно наблюдала все происходившее между гостем и ее госпожою.

Жюстина, которая жила в России дольше Жервезы и имела более, чем она, верные понятия о порядках русского городового благоустройства, дала тон к примирению сторон. С Кинарейкина взяли еще «пультищь» и еще что-то за вазу и еще он хотел дать десять рублей Жюстине, но с него взяли более, так что из всего размещенного по карманам он сберег себе только триста рублей, и все деньги, спрятанные за голенища. Это составило ему чистую экономию, и он был очень рад и счастлив.

Выкатившись от Жервезы, он сейчас же вернулся домой и сосчитал уцелевшие деньги. Их было тысяча триста рублей. Из них он тысячу двести запер в комод; за пятнадцать рублей купил на рынке у Морулина золотое колечко с альмантином соседке, дававшей ему руку на счастье, двадцать пять послал отцу Иоанну «на молитвы», а шестьдесят вечером пропил в Зоологии с соседями, которых там и бросил, исчезнув с какими-то встречными незнакомками инославных исповеданий.

Это был последний трезвон, который задал Кинарейкин, и затем принялся за дело.

XI

Отыскавшись через три дня в свои меблированные комнаты, Кинарейкин сейчас же вынул себе из комода перемену чистого белья, сбегал в баню. Оттуда он возвратился чист, как в первый день созданья, проспал без просыпа целые сутки, а потом рассчитался втихомолку с хозяйкою и уехал неизвестно куда, что по коммерчески называется «на вынтараты».

У торговых людей того сорта, к какому принадлежал Кинарейкин, не только не все делается вьявь, на очевидность, но, напротив, почти ничто не предпринимается так, чтобы о том знали посторонние люди, а, напротив, все зреет и совершается в великой коммерческой тайности. Весь план предприятия обдумывается и ведется одной головой, которая все ведает, да и та часто всего вполне не ведает, а имеет только дух и отвагу. В помощники же и исполнители берутся люди отчаянные и репутаций самых темных, от которых требуется,

Чтоб мог бы лгать и притворяться,
Чтоб мог бы черта провести,
Чтоб мог бы из петли сорваться,—
Ужом иль жабой проползти.

КАРТИНА И. Е. РЕПИНА «НИКОЛАЙ МИРЛИКИЙСКИЙ ИЗБАВЛЯЕТ ОТ СМЕРТИ ТРЕХ НЕВИННО ОСУЖДЕННЫХ»
Масло, 1888
Русский музей, Ленинград

Это четверостишие из лубочной поэмы и знал Кинарейкин, и, почитая его высшим из всех произведений поэзии, подбирал себе таких людей на свои предприятия, после окончания которых бросал их где попало, но не терял из вида и при случае находил их снова и пускал в дело, никогда не открывая им всей широты своих планов, а только поручая им одно «предлежащее». Таковы были у него два замечательные помощника Фаптей и Макура. Фаптея был расстриженный дьякон, настоящее имя которого в житейском обиходе было никому не известно. Он давно прошел огонь и воду и все медные трубы. Духовного в нем не осталось ничего, кроме невообразимой телесной мощи и здоровья. Росту он был огромного, лупоглаз, лицом синебагров и губаст, как сочный гриб подосинник,— выражения никакого, или, пожалуй, лицо его выражало постоянство и равнодушие ко всему на свете. С него будто писан палач на известной картине Репина, изображающей, как св. Николай останавливает казнь [6]. Фаптея видел много на своем веку и не говорил ни о чем. Прошлое его неисследимо, как морская пучина. Цветущею полосою его жизни было то время, когда он «по извержении сана» попался где-то на глаза знаменитому в своем роде князю Юрию Голицыну, или в просторечии «Юрке», — первообразователю «русского хора» [7], в котором было несколько расстриг и в числе их Фаптея. Здесь ему суждено было удивлять свою и заграничную публику его поразительною октавою. Особенно он поражал слушателей при исполнении песни, которая называлась «Фаптея».

Пелась она так:

Баба рака купила
Три полушки дала,
Тут и юшка была,
Фаптея! Фаптея!

Слова «Фаптея, Фаптея» составляли refraine, или припев к куплетам песни, и их-то «делал» Фаптея своею октавою «враскат», и так бесподобно и знаменито, что сам от этого прозвался Фаптеею. С тех еще давних и блестящих дней его жизни и деятельности «Фаптея» стало его именем и фамилиею. «Князь Юрка» им дорожил и не раз сам снимал с него один сапог, чтобы он вытрезвился и не ушел из дома перед началом концерта. Фаптея в этом Юрке не противоречил и, по собственным его словам, «давался скидать сапог». Если требуется сказать, любил ли Фаптея кого-нибудь и что-нибудь на свете, то он, вероятно, любил князя Юрку и водку, но их лишался с замечательным равнодушием. Узнав о смерти Голицына, он сказал: «все умрем», а водки мог выпить в день четвертную бутыль и мог не пить ее вовсе, и не тосковал о ней, как пьяницы, хотя мог пропиться, как самый настоящий пьяница. Титул этот он, однако, отвергал, но не по обидчивости, а для того, чтобы установить настоящее о себе понятие. Равнодушный ко всем мнениям, он это одно поправлял и говорил:

— Не ключим об аки пианица,— есмь бо аз бражник.

Он, действительно, любил *бражничество*, то есть сидение за вином и угощение самого себя и других. В таком духе он <...> пропаивал на людях все, что имел для пропоя, и мог, нимало не стесняясь, пропивать с кем угодно чужое,— все равно, каким бы путем это ни было нажито.

— Пию, бо есмь бражник.

А когда нечего было пить, он сидел молча, а если спрашивали его:

— Отчего не выпьешь?

Он отвечал:

— Не пию, бо вина не имею.

Терпение его и выносливость были неимоверны: он мог чрезвычайно долго оставаться без пищи и без питья и не обнаруживать при этом ни упадка сил, ни страдания. Это с ним было два раза,— раз, когда он сбился с дороги в полесье и шесть дней не находил человеческого жилища, и второй раз, когда князь Юрка запер его для вытрезвления в каменный подвал за железною дверью, а сам поехал в Пензу на ярмарку на один день и пропутался там с друзьями целую неделю. Возвратясь домой и увидав у себя в столе огромный ключ от подвальной железной двери, князь Юрка вспомнил о Фаптее и похолодел от страха. Он был уверен, что Фаптея умер в сыром и холодном подвале голодною смертию и насилу мог отпереть замок трепещущими от ужаса руками, но едва он открыл тяжелую дверь, как у самого ее порога увидал стоящего Фаптею, с весьма мало изменившимся лицом.

Они с радостию обнялись и расцеловались, а через час Фаптея, выпивши штоф и позавтракав, явился на спевку реветь октавою,— и все это сошло с рук, точно ничего вредного и опасного не было.

Это был настоящий степной человек, бесценный для того дела и для тех подвигов, которые надо было совершить Кинарейкину, и он в первую голову вспомнил о Фаптее и получил его из какого-то кабака, у которого Фаптея продавал мужикам калачи в Уфе или в Оренбурге.

XII

Второй был Макура — тоже известный только под этою кличкою, данною ему за его крошечные и закрытые морщенными веками глаза. Он смотрел ими, «как слепая макура», но на самом деле Макура не только не

был слеп или близорук, но, напротив, отличался чрезвычайною дальнозоркостию. Его маленькие глазки сверкали, как у ящерицы, и он видел все и во все стороны. Рода он был неизвестного,— может быть, еврей, может быть, армянин, а, может быть, и из кавказских горцев. Прошлое его совсем не известно, светлой полосы — даже и такой, какая была у Фаптеи при князе Юрке,— у Макуры не обозначалось. По виду его можно было сказать, что это «гражданин вселенной». Где у него был какой-нибудь род и куда он был приписан — это неизвестно, как неизвестно и то,— в каких он бывал делах, но в делах он бывал и носил на своем темном, почти оливковом лице следы каких-то загадочных орудийных поранений. Это были не то шрамы, не то уколы, или обжоги, а, может быть, и вытравные знаки какого-нибудь штемпелевания. Привитал Макура вокруг Астрахани, в рыбных ватагах, иногда тянул бичеву, но больше всего исчезал, отлучаясь куда-то внезапно и порою на целые годы, и потом опять так же внезапно появлялся, никогда ничего никому не объясняя, где был и зачем воротился.

Макура был такой же пропащий человек, как и Фаптея, с тою разницею, что Фаптея был бражник и только исполнитель, не имеющий никакой собственной инициативы, а Макура был всегда трезв, он никогда вина не пил, сердцем был сух и безжизнен, но умом очень сметлив и предприимчив. Умел делать множество вещей — варил астраханскую уху и турецкий кофе, жарил шашлык, чинил обувь и платье и намечал пути в степях по расположению звезд, а также мог сделать печать, двугривенный и что-то похожее на ассигнацию.

Это были при Кинарейкине два первозванца, с которыми он пошел затыкать за пояс целое интендантское учреждение среди опаленных и безводных степей. Другие люди, подобранные в подбавку к Фаптее и Макуре, были не замечательны и все ниже и мельче этих всеми качествами. Было три персюка с мрачными, унылыми лицами, беглый мужик-забулдыга с испуганными выцветшими глазами и портной, который так и назывался «портной», но ничего не шил и сам был в одних лохмотьях. Все это, можно сказать, была сплошная и настоящая сволочь, но Кинарейкин придал ей смысл и значение и образовал из нее «пастырей».

Где и как он с ними «поправлялся» и «обращался» — этого перо мое изобразить не в силах, но дело было совершено с неимоверною быстротою и точностию.

Несмотря на то что Победитель еще ускорил стопы своих отрядов против высказанных в Петербурге предположений и двигал большой передовой отряд, как все думали, будто на гибель — в безлюдную степь, где еще не успела побывать даже передовая интендантская крыса,— перед передними лицами этого отряда в степи вставали радостные картины встреч во вкусе библейских картин Доре. Дневные переходы по случаю страшного зноя были невозможны: усталые и изнемогшие полки только ночами подвигались к унылой, безводной полосе песка и бездождия... Дух упал у всех,— впереди чуялась самая мучительная из всех смертей,— смерть измором в раскаленной степи. Ноги едва волоклись, повинуясь воле,— хотелось бы упасть на песок и умереть... Но, а если не умрешь, а очнешься... придешь в себя и еще сильнее будешь томиться жаждой... Какие душу объемлят ужасы и усталые ноги опять кое-как тянутся и плетутся, таща изнуренное тело, для которого тяжело все — особенно ранец с его поклажей и манеркой... И голова горит, люди, если не спят, то дремлют на ходу; воображение рисует то картины из минувших дней, перенося людей на улицы родных сел, где качаются пьяные тени, пищит гармоника и поют веселые, хотя и нескладные голоса — делят разорванный сарафан... Оживленная картина...

Кому клин, кому стан,
Кому целый сарафан...
Ох, вы, да бабы!
Бабы молодые! бабы удалые!

А на самом деле удалых баб здесь нет, — они далеко эти «молодые бабы», у которых распускаются сарафаны, а тут глухая тьма... степь... всеми вперед проклятая степь, которую все ненавидят, как свою «обреченную могилу»... И ко всему этому тут еще в этой тьме невиданный дома зверь — «смертоносная тигра»... Только человек отстань — и приляжь — тигра его сейчас и растерзает. Тревожный и изощренный глаз усталых солдат так и зрит тигру... Она или не она, то что-нибудь другое из этой темноты должно появиться. И ожидание сбывается, — что-то появляется.

XIII

Вырастает библейская картина в жанре Доре.

Едва голова изнемогающего военного отряда достигла положенного предела первого перехода, как из предрассветной тьмы навстречу ей стало вырезаться какое-то видение: стоит конный витязь...

Его окликнули:

— Кто ты?

— Свой, — отвечает по-русски, и смело, — даже как бы с грубостию.

Офицер приказал «взять его и доложить генералу».

Он не трогается — верхом сидит. Лошадь под ним чудесная, серая, горбоносая и сам не то витязь, не то будто удалой торговый гость.

Подходят к нему унтер-офицер и два рядовых и говорят: подай ружье! — а он не шевелится и отвечает:

— Полно врать, — не рушьтеся. Подайте вот это письмо своему генералу — от старшего.

Что за старший? Кого он разумеет?

Солдаты его, однако, не тронули, а взяли конвертик, — весь измятый. А в это время рассвет еще прибавился и стало видно, что за витязем шагах в двадцати стоит еще верховой в большой шапке, а за этим подальше еще один, а за тем уже что-то, как кустарник, темнеет, и чем дальше, тем все выше, и, наконец, как лес, стоит, и верхушки по временам движутся.

Люди присмотрелися и видят, что перед ними стадо овец, за овцами еще большее стадо верблюдов, и никакого неприятельского войска нет, — только те три вершника с неприятным витязем во главе, да по окраинам стада пять-шесть пастухов-оборванцев с большими палками.

Пошли отрядному командиру доложить и конвертик ему понесли, а отрядный командир был человек прекрасной души и очень спокойный, и ко всему относился равнодушно: придем, куда идем — так хорошо, а если не дойдем, и тут в степи от голода, жажды и усталости передохнем, и то ему ничего. Был он католик, польского происхождения и фаталист, слепо верил в судьбу и имел влечение сильно напиваться, и тогда делался еще более ко всему равнодушен. Но человек был справедливый, сострадательный и благородный.

В эту ночь, когда произошла описанная встреча, он с вечера был очень пьян, и это ему помогло сохранить спокойствие в виду ужасного состояния людей, изнемогавших от усталости и еще более от отчаяния, что завтра их опять ожидают такие же муки и, может быть, голодная смерть с мучительною жаждою, потому что никакой провизии при отряде уже не было.

Как ему подали конверт — он его распечатал и говорит:

— Вот все и миновало: это Тишка ⟨!⟩ Кинарейкин. Он нас встретил во-

время, где ему приказано. Я говорил, что не надо беспокоиться... Привести его ко мне.

Пошли за Кинарейкиным (это был он) и говорят:

— Генерал тебя зовет!

А он отвечает:

— Меня не зовут, а просят. Того, который меня может звать, нет здесь.

И не слез с коня, а поехал за провожатым и предстал генералу нахально,— чуть шапку приподнял и не здравствуясь.

— Привел,— говорит,— вам живого продовольствия, овец и верблюдов,— всего в достаче, но только прошу, ваше превосходительство,— велите экономить.

Генералу это не понравилось, и он сухо отвечал:

— Вы свое дело сделали, а не в свое не мешайтесь: как мы будем экономить — это не ваше дело.

— Да,— отвечает Кинарейкин,— разумеется, я не за свое отвечать не буду, а предупредить должен, что впереди мяса достать негде будет, а верблюдов я везде скупил и отовсюду на три пути по местам согнал. Тут со мной пастухи, которые с ними знают обращаться и седлать умеют — давайте мне сейчас офицеров и солдат, мы их обучать станем, как вьючить и как садиться.

Генерал хотел ему опять так ответить, чтобы остановить его смелость и отстранить его от руководящей роли, но одумался, что, ведь, в самом деле, люди в его отряде с верблюдами обращаться не умеют, и воздержался.

— Хорошо,— говорит,— я распоряжусь.

— Да, прошу распорядиться, а то они, неумевши, враз им все горбы изотрут и придется всем пропадать. Ну только, ваше превосходительство, нельзя ли сейчас поскорее, а то мне здесь с вами недосуг короводиться, я должен к другому отряду отъехать, да пастухов у меня нет залишних. Я своих отсюда заберу, а вам только малость для примеру оставлю.

Держится этаким главнокомандующим, да и баста, и себя только вровень с главным воеводою ставит, а до отрядного генерала только лишь снисходить соизволит.

Генерал, со своим ему всегдашним спокойствием, посмотрел на Кинарейкина, отвернулся и плюнул, и говорит адъютанту:

— Экая сволочь!.. Скажите ему, чтобы убирался в свое место к верблюдам. Распоряжение будет сделано.

XIV

Адъютант отправил Кинарейкина, а генерал сделал совет, по полкам выбрали смышленых людей и пошли баранов и верблюдов принимать. Пошли жирные щи с бараниной и шашлыки, а при приеме дело обошлось не без споров: все никак не могут пересчитать животин голова в голову,— все будто не то число выходит. Как офицеры и солдаты ни считают — все у них не верно выходит против показанного, а Кинарейкин сам и не показывается, лежит в своей палатке и чай пьет.

Рассердились офицеры и посылают сказать ему, что — «не верно».

Он в ответ приказывает сказать: «верно!»

— Да что он... черт его возьми, с нами через других перекоряется,— пусть сам выйдет!

Идет к нему вестовой и передает это, чтобы он вышел, а Кинарейкин отвечает:

— Нужды не имею,— у меня там молодцы есть, а я отдыхать хочу.

Один молодой полковник говорит:

— Что это за наглец такой! Я войду в палатку и за вихор его выведу.

Кинарейкину передали.

Он поправился, лежа головой на седле, и проговорил:

— Наконец, один нашелся,— пусть-ка придет и выведет.

Полковник покраснел и отозвался:

— Много слишком, мерзавец, на личное к нему расположение надеется.

— Зазнался купчина!

— Препротивное животное!

— Шельмованные ноздри!

Поддержали другие приемщики и все, в одном всем им общем и вполне понятном негодовании, положили подождать случая, когда он как-нибудь появится среди офицеров и тогда его «вздуть».

Услыхав это, молчаливый Фаптея пошел в ставку к хозяину и говорит:

— Вздуть тебя сбираются.

А Кинарейкин отвечал: Это они похваляются,— и сам сейчас встал, надел на опашку чекмень и пошел за палатку.

— Тебя проводить, что ль? — спросил, глядя ему вслед, Фаптея.

— Ну вот еще, какого хрена! — отвечал Кинарейкин и вышел.

Стал на место и велел пастухам прогонять верблюдов, а того, что о нем офицеры говорят, будто и не слышит. Сам считает, и офицеры считают, и насчитали в этот раз лишнее.

Кинарейкин говорит:

— Вы счету не знаете. По-моему, все верно, а, если, по-вашему, лишнее есть,— владейте: мне для отечества не жалко. Прошу теперь ко мне в палаточку—поводок смочить.

Офицеры к нему не пошли.

Ужасно он всем не нравился своим лицом и своею наглостию. Сказали ему:

— Явитесь в штаб для получения квитанции.

А он отвечает, что ему «квитанция не нужна».

— Мне,— говорит,— збранный воевода на мое слово верит, а выходите скорее — я с пастухами обучим вас верблюдов вьючить и на них садиться, а то я с своими офицерами выступлю, чтобы впереди вас встретить, когда вы этих баранов поедите, а верблюдов покалечите.

Волею-неволею пришлось его слушаться и по его словам делать, потому что с верблюдами нужна сноровка, а солдаты ее не знали,— ни седлать, ни садиться не умели: как верблюд с коленей на задние копыта встанет — солдаты летят вниз наперед, а станет верблюд на передние копыта,— солдаты назад запрокидываются и седла сдвигают.

Кинарейкин их учит-учит, да и под бока толкает.

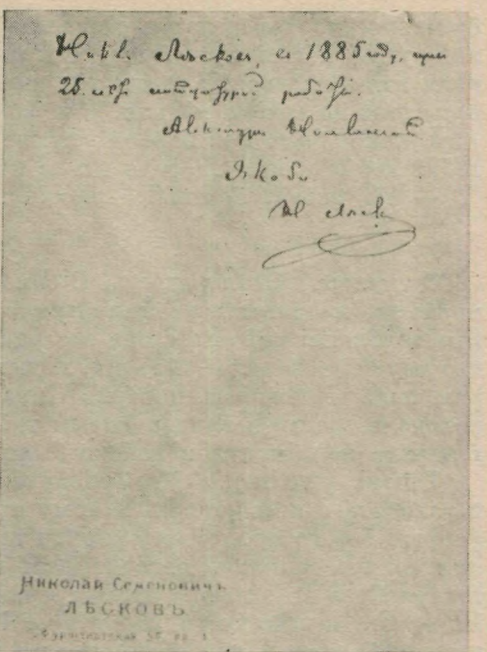
Ему говорят:

— Послушайте,— вы не очень энергично... Оставьте так распоряжаться.

Отвечает:

— Ну, сами распоряжайтесь, вы им на первом же переезде горбы до хребта протрете.

Посажали к вечеру солдат — весь отряд по два человека на верблюда, и генерал 〈со〉 своими штабными их осматривает, и Кинарейкин осматривает, а лошадь под ним, серый карабах, такая прекрасная, что такой нет ни под одним из военачальников, и сбруя арабская, вся не шитая, а вязаная, легкая и в кистях, и в седле жильный легкий орчак поверху с бирюзой и под чернедью. И сидит сам Кинарейкин в седле лихо и спокойно, а одет щегольски и удобно — рубаха канаусовая, красная, чекмень длинный, белый,— шашка, пистолет, папаха и плеточка — все знатоцкое, и что скажет, то все сбывается. На первом же переходе солдаты враз половину верблюдов перекалечили. Утром сошли и стали расседлывать, а смотрят под седлами раны... Вечером начали седлать, а верблюды визжат и не даются от боли... Опять ночь шли, а к утру раны у вер-



Н. С. ЛЕСКОВ

Фотография. Петербург, 1885

На обороте дарственная надпись: «Никл. Лесков, в 1885 году, через 25 лет литературной работы. Александре Николаевне Якоби. Н. Лесков»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

блюдов сделались еще больше, а к вечеру в них синева пошла — значит скоро клюнет червь. Седлать ввечеру стало еще труднее, пять, шесть штук бросили,— два верблюда ушли как бешеные, остальных кое-как с бойлом оседлали и пошли, а на третье утро под всеми почти седлами в горбах черви зашевелились и пошел смрад...

Кинарейкин выехал с дерзостью и говорит генералу:

— Эта экономия, ваше превосходительство, не годится: так нам из всей Азии верблюдов согнать, так и то не достанет.

Генерал видит, что дело плохо, и волею-неволею терпеливо стал его слушать и даже спрашивать его совета: что ж теперь делать?

Кинарейкин говорит:

— Надо стараться.

— Как стараться?.. В чем это — в каком смысле вы понимаете старание?

Кинарейкин отвечает, что он всего вдруг при всех на ветру и под солнцем об этом говорить не может. Генерал его попросил зайти в палатку, чтобы наедине поговорить, и разговор их кончился дружно: Кинарейкин вышел из ставки с рылом красней бурака, а генерал и совсем не вышел.

Офицерам было довольно противно узнать об этом сближении и многие ворчали, а другие супились, некоторые же опять сбирались при случае вздуть Кинарейкина, но он будто услыхал и с этого становища как-то незримо куда-то завеялся, не то вперед, не то в сторону, а войска опять шли ночь и утром вышел приказ— не расседлывать верблюдов и идти днем далее. Думали, что генерал с ума сошел, но повиновались ему и все продолжали двигаться вперед. Солдаты сидели по два и по три на одном верблюде и колотили их, что есть силы. Верблюды один за одним так и падали. Их бросали и шли далее, отягощая оставшихся живых верблюдов до

безмерности. Чем дальше, тем было страшнее —одно животное валилось за другим, и весь путь был усеян их телами, вокруг которых снизу рыскали волки, а вверху реяли хищные птицы. Идет отряд и валится, и так весь день до вечера падали, а вечером, в сумерки, опять видение в роде того, какое было при первой встрече с Кинарейкиным: встречается новый табун верблюдов и впереди их на своем лихом коне сам Кинарейкин.

— Не робей, братцы! — кричит: — я вас спасу.

XV

Сделалась общая радость. В самом деле он ведь спас отряд и дал возможность произвести необыкновенно быстрое движение к цели. Истерзанные верблюды первого стада все равно погибли бы, и он хорошо сделал, что научил генерала гнать их, издыхающих, до последней мочи, но генерал немало рисковал, поверив Кинарейкину, что он в конце второго перехода встретит войска с новым табуном свежих верблюдов. Однако он генерала не обманул и войско было спасено.

Теперь уже перед Кинарейкиным никому не приходилось кичиться и заводить с ним контры, потому что он оказал несомненную большую услугу, без которой всему отряду пришла бы беда. И он на этом основании мог бы, кажется, рассчитывать на всеобщее к себе расположение, но не приобрел его, потому что встречал в этом постоянную помеху со стороны своего неприятного характера. Как только отряд стал разбирать новых верблюдов и подсортировывать остатки старых, которые еще не подохли на переходе, Кинарейкин уже всем успел наговорить колкостей, и многие не стерпели и ему отвечали тем же, а потом, когда генерал, желая сгладить эти неприятности, позвал к себе Кинарейкина ужинать, он стал еще более нахальничать,— называл себя «спасителем» и обмолвился такою глупостью, будто ему все жизнью обязаны и должны его «ручки цаловать».

Вместо благодарности Кинарейкина чуть не побили, а наперед сказали, что и не ручаются, может быть, что и вздуют.

Кинарейкин не робел и отвечал:

— Ничего, сами вздуетесь.

Одним словом был он человек препротивный, но очень смелый и очень полезный, и главный воевода за него стоял крепко и писал генералу между прочим: «Кинарейкина, пожалуйста, берегите: он человек бесценный и другого такого в нашем положении не отыскать: он незаменим». Генерал многим показал эти строки начальника экспедиции, и все знали, что Кинарейкина тронуть нельзя, хотя очень бы и очень этого хотелось. И он сам, должно быть, тоже знал это и в ус себе не дул при каких бы то ни было скрытых намеках, или даже явных выражениях ему нелюбви и неуважения.

— Нам это начихать, — говорил он,— в нас вся сила и средствие. Без нас только вороньев собою покормите.

Но продовольствовал и вел войска отлично. Безлюдная и опаленная степь точно вся была у него в какой-то волшебной власти: где что нужно — там это по его мановению и явится. Особенно верблюды, в которых настояла беспрестанная нужда и от количества и силы которых зависел весь успех передвижения,— точно сбегались к нему и ждали его, где угодно. Как в чешских селах есть мышатники, которые на свистульку выманивают изо всех мест мышей и заводят их в пруды, где те и тонут, так и Кинарейкин с своими Фаптеею и Макурою собирал верблюдов. С этой стороны невозможно было ими нахвалиться и «дуть» его выходило неловко, хотя он продолжал вести себя так же нагло и малопристойно, и офицеры терпеть его не могли.

В таком настроении отряд совершал свое походное движение и имел стычки с налетавшими на него кучками текинцев. Стычки эти иногда

бывали и довольно серьезны, но русские в них обыкновенно выходили победителями и овладевали конями и стадами побежденных, а в плен никогда никого не брали, потому что пленные при таком усиленном передвижении и необходимости экономить провизией — бремя, и от главнокомандующего было дано самое строгое приказание, «чтобы пленных не было». Все это и исполняли: и никогда ни одного человека в плен не брали. Сдавайся или не сдавайся,— все равно знали, как надо делать: работали чисто и лишних ртов с собой не влекли. Но вдруг вышла ошибка: поехали раз казаки в объезд при уряднике и настигли в сухом урочище шайку текинцев. Человек тридцать их, гнали тоже верблюдов, и очень крепко защищались, так что скоро их из тридцати человек всего меньше десяти осталось, и то раненые, а здоровые бросились с ножами и стали верблюдов резать, чтобы русским не достались. Урядник казачий из староверов в ужас пришел и, чтобы они не перегубили всех полезных животных, закричал им:

— Сдайтесь на честь,— мы вас в живых оставим.

Перекрестился им на восток большим крестом и опять забожился, что убивать их не будут, и они чтобы верблюдов не резали. Текинцы и поверили и сдались,— вышли из-за верблюдов и оказалось их всего-навсе четыре человека,— трое на своих ногах, а четвертый был ранен в пах и его вынес на себе другой, на повязке через шею на верблюжьем сукне подвязанного.

Все тощие и оборванные, в самых отчаянных лохмотьях,— ни у одного как следует нагота не прикрыта, а раненый почти совсем голый, вообще прежалкие. Все темнолицые и носатые,— двое среднего роста и коренастые, без особых отметин, а один, который на себе раненого вынес,— этот был рослый и полный, в бороде седые клочья, и он имел вид престранный, — но ⟨*на этом текст обрывается*⟩.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Денис Васильевич *Давыдов* (1781—1839) — поэт, знаменитый партизан; во время Отечественной войны 1812 г. первый начал военные действия в тылу французской армии.

[2] Степан Александрович *Хрулев* (1807—1870) — генерал, герой Севастопольской кампании. Фигурирует в рассказе Лескова «Бесстыдник» (*Лесков*, т. 6, с. 147, 151—154).

[3] Александр Иванович кн. *Барятинский* (1814—1879) — генерал-фельдмаршал, воевавший главным образом на Кавказе; в 1856 г. был назначен командующим Кавказским корпусом и наместником Кавказа. В рассказе Лескова «Голос природы» изображен эпизод из его жизни (*Лесков*, т. 7, с. 243—251).

[4] По библейскому преданию, враждовавшие между собой много лет братья Исав и Иаков пошли на примирение навстречу друг другу, окруженные своими стадами.

[5] *Иоанн Кронштадтский* (Иван Ильич Сергиев; 1829—1908) — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте; лицемер и ханжа, создавший себе известность среди религиозных кругов общества якобы чудесами и исцелениями. «...современные дуры веруют в Ивана Кронштадтского»,— писал Лесков Суворину 26 марта 1888 г. (*Лесков*, т. 11, с. 374). Писатель высмеивал «чудотворца» постоянно в письмах к Льву Толстому («Письма Толстого и к Толстому». М.— Л., 1928) и изобразил его в повести «Полуношники» (1891).

[6] Картина Репина «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных в городе Мирах Ликийских», или кратко — «Св. Николай останавливает казнь», вызывала восторг Лескова. «Мне нравятся «Запорожцы», но я *люблю* «Св. Николая»,— писал он Репину 18 февраля 1889 г., и продолжал далее: «...я боюсь, что «Св. Николай» будет не умно понят». В следующем письме к художнику (от 19 февраля) Лесков снова выражает восхищение идейным содержанием картины. И, наконец, 27 февраля после вернисажа пишет ему же: «На выставке нет ничего лучше «Св. Николая» и портрета Глазунова ⟨...⟩ Фигура палача в раме утратила свою казавшуюся колоссальность» (*Лесков*, т. 11, с. 415—417).

[7] Юрий Николаевич *Голицын* (1823—1872) — композитор и хоровой дирижер, автор мемуаров «Прошедшее и настоящее» (СПб., 1870). См. ироническую характеристику его в «Былом и думах» Герцена, ч. VII, гл. 1 (*Герцен*, т. XI, с. 313—324).

МОСКОВСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

«Встают опять знакомые виденья».
А. Толстой[1]

I

Давно и бесспорно признана сила таланта, преодолевающая самую усердную и кропотливую работу разума. Писано об этом много, доказательно и понятно. Литература об этом большая, но в последние дней наших ее еще раз коснулся талантливый человек и оживил ее новым прикладом. Я говорю о покойном Достоевском, у которого на сей предмет вытекло такое сравнение: лежит где-то *куча глины*. Все ходят мимо и видят — глина, куча, безобразие. Кто-нибудь ступит ногою, и куча делается еще безобразнее. Но вот подходит мальчик, в котором есть та творческая искра, которая называется дарованием или талантом. Он присел к глине, послюнил пальцы и начал лепить... Бог его знает, что он такое вертит... Сначала долго ничего не заметно, но вот все взглянули и с удивлением воскликнули: «Глядите! — это морда!»[2]

И с той поры это уже не «куча», а это «морда».

Такой оборот дело восприняло от прикосновения к нему даровитой руки.

На сих днях всякий, кто довольно внимателен, чтобы наблюдать жизнь и отмечать ее крупные явления, мог видеть новое и прекрасное подтверждение того, как справедливо, что талант может *творить* из такого материала, из которого ничего не может придумать заурядность. Ежедневно из Петербурга в Москву отправляется четыре или пять поездов, с которыми едут в Белокаменную люди во множестве, и там едят, пьют и возвращаются, и ничего живого и нового на счет Москвы и москвичей рассказать не умеют.

— Стоит,— говорят,— такая же, как была,— грязно да дорого, да купоны вместо денег платит, а больше говорить о ней нечего.

Это так о Москве!

Но вот посетил ту же самую Москву человек наблюдательный и даровитый и полилися от него как «из-под корени вещего дуба» сказания столь же занимательные, сколько остроумные и во всех смыслах поучительные.

Я говорю о замеченной всеми недавней поездке в Москву Сергея Николаевича Терпигорева, который сам же и описал свои наблюдения, опыты и заметки в нескольких интересных статьях, напечатанных в газете «Новое время»[3].

Наблюдения этого талантливого человека весьма разнообразны и во многом касаются соображений политического и экономического свойства, о чем я судить не могу и не желаю, но я встречаю в них также и нечто критическое, нечто близкое литературе и очень интересное для каждого общественного человека,— таковы, например, замечания, что Москва Островского прошла, что типы этого драматического писателя сошли со сцены и заменились в жизни другими «кнутами», которые тоже бьют больно, но бьют иным способом и по иным местам.

Если бы я был самолюбив и не знал меры своим силам и не умел бы отдавать уважение преимуществам моих собратий, то приведенное справедливое замечание С. Н. Терпигорева лично могло бы заставить меня грустить, потому что я говорил это же самое двадцать лет назад, но мое неумение было причиною того, что замечание, в существе своем совершенно справедливое, осталось без внимания. Двадцать лет тому назад я написал единственную свою весьма слабую театральную пиесу «Расточитель»[4], которая подверглась в свое время единодушным порицаниям всех критиков, и только один из более ко мне снисходительных рецензентов, П. Ще-

бальский, заметил тогда в бывшей «Современной летописи» г. Каткова, что я наметил «новые нравы и течения в купеческой среде» [5]. Но, как пиеса моя была плоха, то и наметки новых характеров и течений, какие есть в ней, остались незамеченными. Я не умел показать дело как следует, а мой литературный друг выставил его ярко и рельефно, и его легкие, мимолетные очерки по заслугам имели несравненно большее значение, чем мой грузный и неудачный труд.

Такова сила дарования, и она этим не исчерпывается: она не только сама творит, но пробуждает и в других охоту следовать по направлению, намеченному сильною рукою.

По крайней мере я чувствую себя под такою властию и ей последую.

Пространно доказывать, что купцы А. Н. Островского «отошли», едва ли стоит. Лучшее доказательство тому, что это справедливо, являет сам высокодаровитый автор «темного царства», который не дает нам более прежних типов, создавших его славу. Но это не говорит в пользу той московской непосредственности, которая, по мнению некоторых, будто бы ничему не поддается. Напротив, видно, что и здесь, как везде, проявляется один закон, что, где бессильно самое время, и там известные *учреждения* могут иметь большое влияние.

«Мировой судья присмирил московского самодура»,— сказала давно одна московская газета, и слово это, кажется, справедливо. Но любопытно, что этот самодур ⟨не⟩ умер, или он только замер, присмирел, так сказать,— преложился во иной вид, но еще жив и чает возрождения.

Это стоит внимания, и хотя я не могу представить для такого решения никаких обобщающих данных, но мне рисуется одна московская картинка, которая, как будто, идет к тому, что сказал мой литературный друг, указывая на исчезновение старых типов галереи Островского.

II

Я не москвич, но немножко знаю Москву. Я бывал в ней много раз и однажды прожил безвыездно целый год. Это было во время издания графинею Салиас «Русской речи», при которой мы с А. С. Суворинym начали свою литературную карьеру [6]. Тогда в «Городе» на Никольской процветал безобразнейший по своим порядкам книжный магазин весьма в свое время известного книгопродавца и острослова Кольчугина [7]. Я любил копаться в книжных грудах этого склада и часто проводил там довольно долгие часы, то переглядывая книги, то беседуя с большим оригиналом, которому принадлежал магазин.

Сидя на деревянном табуретике у дверей этого магазина, я увидал однажды, что по Никольской проезжал на превосходном вороном коне тучный и рослый седой купец, в чуйке бутылочного цвета и в картузе с длинным прямым козырем. Он ехал в обыкновенной мелкодонной купеческой тележке без рессор и сам правил лошадью. Конь, как я выше сказал, был превосходных статей и стоил, конечно, большой цены, но экипаж был самый простой и такая же упряжь. Только одни тесменные вожжи были немножко понаряднее и купец держал их в руках, на которые были надеты старые, очень залоснившиеся, замшевые перчатки. Обе ноги купца находились в тележке, подсунутые «под передок», а рядом с ним помещался другой человек, по-видимому, у него служащий и от него зависимый. Этот был тоже не молод и одет тоже не казисто. Сидел он по приказчичьи, как говорят в Москве, «половинкою», имея лишь одну только ногу в тележке, а другую «на выпуск» — на подножке.

Купец был вида мрачного и тяжелого; обличье у него было большое и глаза злые, с такою при этом особенностью, которую замечали у Грозного, который, глядя в одну сторону, мог все видеть и замечать повсюду.

Купец правил лошадью и не спускал с нее глаз, но... ему все встречные отвешивали низкие поклоны, а он не отвечал на них ни малейшим знаком внимания.

Ему было некогда, потому что он правил. Но в этом приеме как будто было что-то изученное, что-то придуманное — во всяком разе искусственное. Это чувствовалось, это бросалось в глаза с первого взгляда, когда вам представлялся весь ансамбль церемонии: он едет тихо, шагом, как триумфатор, и не отвечает *ни на один* поклон, а между тем — ему все кланяются...

Что это за персона?

— Что это за московский идол? — спросил я у Кольчугина.

А тот, будучи в это время занят, переспросил меня:

— Что?.. где?

И непосредственно затем, воззрясь в проезжавшего триумфатора, выступил торопливо на крыльцо и со свойственною ему всегдашнею шутливостию, но в существе весьма почтительно, отвесил ему поклон с присловием:

— Вичу́-перевичу́, московскому первачу́, Капиталу Ильичу, в землю кланяться хочу.

Тот не пошевельнул ни рукою, ни бровью и, объехав угол рядов, завернул влево к Минину и Пожарскому.

Я, конечно, пожелал узнать: в чем сила и значение этого «первача», но Кольчугин отшутился и не стал рассказывать. Кое-что мне удалось узнать от других.

III

«Капитал Ильич» имел, разумеется, другое крестное имя, которое я в подлиннике не назову. Положим здесь для себя, что его звали Капитоном. Он был богач, имел много разных фабрик и заводов и обладал безмерным честолюбием. Происходил он, как большинство наших торговых людей, из «сущей мелюзги»,— был лавочным мальчиком, потом приказчиком, обокрал хозяина, женился на дуре, которую ранее соблазнил и поставил ее родителей в необходимость обвенчать ее с ним при непременном условии хорошего приданого. Затем у него пошли «хорошие дела» и он разбогател, сделался ктитором [8], покровительствовал больницам, получил медали и гражданство и стал вхож в дом «к графу», т. е. к Закревскому [9]. Здесь он сумел заинтересовать графиню Нессельроде [10] красотою и удобством уединенного местоположения одной из своих подгородних дач, которая графине очень понравилась и сделалась любимым местом ее partie de plaisir *, с избранным кружком друзей, которые принадлежали к людям разного общественного положения.

Капитал Ильич устроил так, что графиня приезжала сюда все равно как в свой собственный замок, снабженный всем, чего только могла пожелать самая несдержанная прихоть, и при этом словно отделенный от всего мира непроглядной стеною. И никто, ни один человек с ненадежным слухом и духом ни чему этому не был свидетелем, потому что все было предусмотрено радушным хозяином, который сам невидимкой встречал гостей своих. Здесь точно в очарованном замке двери всегда открывала невидимая рука и всегда стоял стол, яствами покрытый, и за ним свободно и весело раздавались радостные клики.

Всем это было хорошо, а Капиталу Ильичу и еще того лучше. Граф был всегда на его стороне и защита его в лице сильно жившей графини не дремала. На Ильича доходили жалобы, что он дурно считает и не честно плотит, но граф этого и не отвергал. Он говорил:

---

* увеселительных поездок (*франц.*).

КАРИКАТУРА
НА НАСТУПАЮЩУЮ ВЛАСТЬ
КАПИТАЛА

Литография
по рисунку А. И. Лебедева

«Карикатурный альбом современных русских деятелей, исполненный художником А. И. Лебедевым». СПб., изд журнала «Стрекоза», 1877

— Что ж такое? Я все это прекрасно знаю. Он большой плут, но я бы желал знать, которые из них не плуты? Те, быть может, еще хуже.

С Капитала Ильича стали «взятки-гладки», и его стали побаиваться. Он мог уже не только обсчитать и не отдать, но и обидеть еще иначе.

Заговорили: «он нашел,— он в случае» — и стали ему кланяться.

В Китай потребовались «яркие сукна», т. е. сукна ярких цветов в китайском вкусе, которые у нас идут только на отделки и потому заготовляются не в большом сравнительно количестве.

Капитал Ильич один узнал, что на этот товар будет требование большое, и, когда требование вскоре за тем воспоследовало, он один же нашелся в возможности его выполнить. Это отлично его поставило в глазах дипломатии, дало повод с успехом ходатайствовать о награждении его самыми высшими наградами и доставило в его руки страшные суммы денег.

Товар был прекрасный и, будучи сбыт китайцам только втридорога, утвердил за Капиталом Ильичом первое имя и в поднебесной империи.

Дома у него была глупая жена и глупые дети. Дочерей он выдавал замуж, надувая зятьев на приданом, а сына бил и ничего хорошего из него не выбил. Огромный малый пил, гулял, таскал из выручки и нередко валялся на земле под заборами отцовских учреждений.

Чтобы исправить негодяя — его женили.

IV

На другой год к мене с Китаем приготовили сукон все, кто занимался этим делом. Конкуренция была очень большая и уже не обещала Капиталу Ильичу прошлогодних выгод, но его коммерческий гений нашелся и повернул дело в его пользу сугубо.

Китайцы разменялись на сукна и отъехали восвояси, но, когда осмотрелись дома со своим приобретением, то заметили дотоле невиданную стран-

ность: в очень большой доле сукон настоящее сукно оказалось навитым только поверху, а середина тюков или свертков была из дубовых кругляков, только лишь по верху оклеенных суконной покромкой.

Этого они еще никогда не видали у себя в поднебесной империи и с сожалением вспомнили о том, как хорошо им было получить товар из рук одного Капитала Ильича. Теперь, когда товар, разойдясь в розницу, перешел через несколько рук, нельзя уже было найти ни правого, ни виноватого, кто подсудобил такие гостинцы.

В торговле между китайцами это произвело тревогу, близкую к панике, и китайцы выражали желание иметь вперед дело с одним Капиталом Ильичом.

Он об этом был извещен и потирал бороду, а меж тем заготовлял новый огромнейший запас сукна, так как, кроме его одного, китайцы ни у кого брать не станут. Все остальные должны были потерпеть большой стыд и повезти с уроном свой товар обратно.

Обстоятельства, однако, перевернули весь этот план кверху ногами, и расчет Капитала Ильича не удался, потому что прежде, чем пришли сукна сомнительного достоинства, которые изготовил под Москвою Капитал Ильич, коварные англичане привезли в Китай сукна, какие там требовались, и китайцы их купили и вперед дали заказы.

Капитал Ильич видел в этом возмутительное предательство и casus belli * для русского государства с государством китайским. В Москве нашелся орган, который взглянул на дело очами Капитала Ильича и толковал описанное событие как случай международной политики, который требовал будто «немедленного и твердого вмешательства», но русская дипломатия или пропустила это без внимания, или не сочла за casus belli и за то понесла укор в вялости и «ненациональности».

Сами дриады и нимфы, которым он давал радушный приют в тени садов своего роскошного загородного дома, не могли пособить этому горю.

Самолюбие Капитала Ильича этим было потешено, но капитал его был потрясен и дела его пошатнулись. Националы в политике обратились к другим вопросам, какие им давали обстоятельства, а торговые товарищи стали ему ленивее кланяться и даже осмеливались проницать в глубь настоящих причин потери и сравнивать Капитала Ильича с «шелудивою овцою, опорочившей все стадо».

Этого он не мог снесть, как двойной, сугубой обиды. Он не мог отомстить чужим, неверным людям, но своих он должен был вразумить и подвести к порядку.

Он этого и достиг.

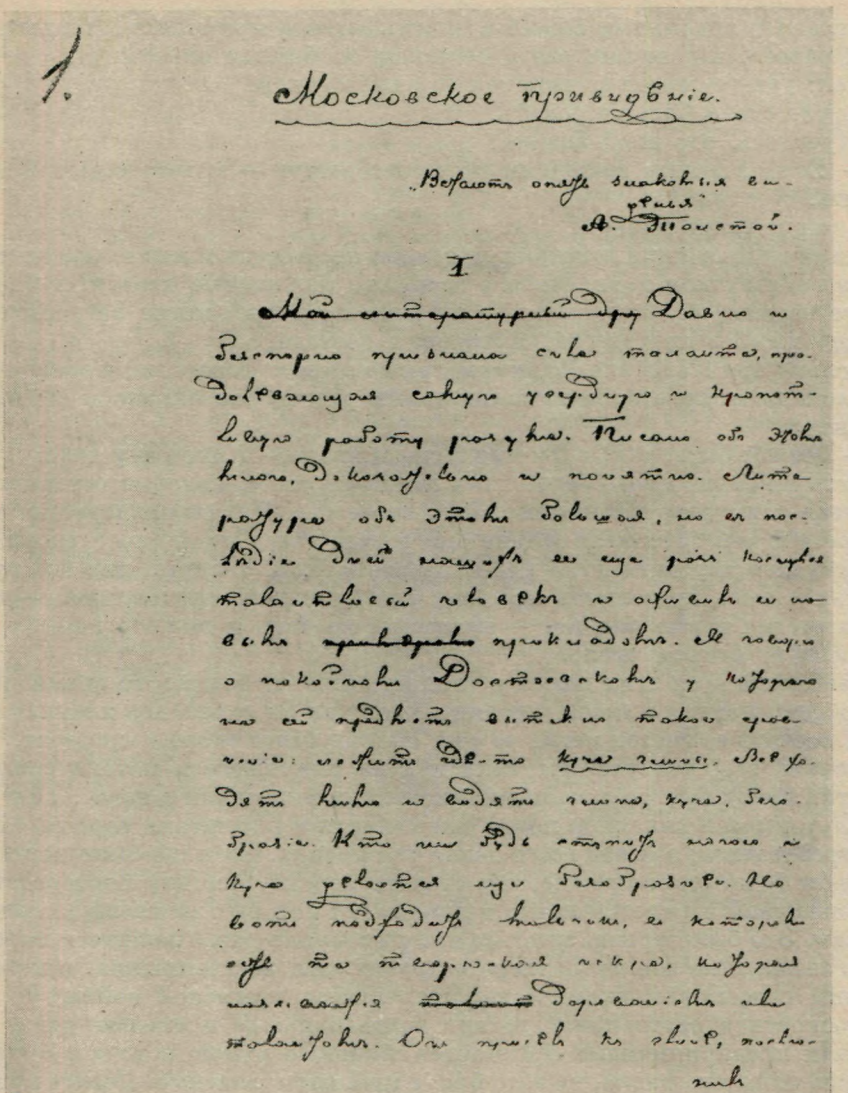
Он перестал мелькать на глазах, скрылся в своих тихих загородных заводях и, полюбив уединение, проводил время с загулящим московским человеком Мартемьяном Лукичом. Человек этот был на все руки дока — он был иконописец и рисовальщик, давил басму на «старый штыль», знал секрет «подводить амалию» (т. е. эмаль), чеканил «хрестом и травками», но при столь золотых руках имел, как говорят, «рыло на сторону» и тем все дело портил, и нигде не уживался, а пребывал в «комплекте кабацком».

И пришел этот муж Капиталу Ильичу на мысли, и он его взял, сожаления ради, к себе «божие благословение чинить» и поселил его «в баньке», в том тихом, незаметном для глаз приюте, куда наезжали к нему из города дамы, бежавшие светского шума и любопытных глаз.

Сюда привозили к Мартемьяну из обширных образниц Капитала Ильича иконы целыми тяблами, и он их «просматривал» и починял. Где соринку снимет, где омершую олифу наведет, где выпавший глазок вставит.

---

* повод к объявлению войны (*лат.*).



«МОСКОВСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ»
Автограф Н. С. Лескова, 1885. Лист первый
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

А Капитал Ильич наблюдает и смотрит, чтобы не снеосторожничал, не повредил бы отчей старины. А фабрики его все идут, да идут, и у кого из соседей худо, а он все производит и платит, и всех удивляет.

— Откуда он берет?!

А ему «бог подавал от незримости».

V

Встала крымская война. Потребовалось все, что нужно беспрестанно увеличивавшейся армии, и Капитал Ильич сбыл на пользу отечества все, что у него было заготовлено во время «беспотребное».

— Вот что значит выдержать! — говорили.

— Да,— отвечали другие,— но как только он мог выдержать?

Но опять вспомнили божие всемогущество и примолкли. Только, бывало, разве чай допивая, сердитее чашку на блюдце опрокинут.

Мол: дуй-те горою со всем и с его выдержкой!

Позже стали больше ронять.

Случалось, что иной скажет:

— Если этакими манерами не пренебрегать — можно еще и больше нажить.

А какие такие манеры?

На это никогда не отвечали прямо, и не ответят и ныне, но, когда во время войны стали появляться в изобилии фальшивые деньги, в Москве не все верили, что изготовление их производится одними заграничными средствами, без посредства внутренних деятелей.

Только при Капитале Ильиче вслух об этом не говорили, и совершенно напрасно, потому что он никаких таких разговоров близко к сердцу не принимал.

— Может быть, так, а, может быть, и иначе,— какое ему дело?

Есть довольно много бесчестных людей на свете, которые готовы пользоваться даже затруднениями своего отечества. Это от равнодушия и холодности к вере. Капитал Ильич был в вере тверд и наипаче еще в ней утверждался в уединении с рабом Мартемьяном, который под его рукою от всех давних пустошеств отстал и совсем «нраву преложился»,— сообществ отстал и пил или нет — неведомо, но если и пил, то не ища компании, а во едином числе.

Разбирать всех этих вещей в тонкость было некогда в то время, когда долго задержанная в своем течении жизнь как бы сорвалась и пошла щелкать, костить со счетов месяц за год. Нужны были скорые средства, чтобы изъять все, что кто мог исхитить из ринувшегося потока событий. Десятки тысяч быстро давали миллионы или низводили в яму... Те и другие случаи были явлением почти ежедневным и разжигали торговые страсти, требовавшие прежде всего денег для почина. Их надо было доставать во что бы то ни стало прежде, чем сделать первый шаг для непосредственных сношений с учреждениями и лицами, от которых зависело допущение к делам. Это было время, которое приуготовляло разыгравшиеся впоследствии загадочные эпопеи Затлера и других лиц, воспоминания о которых связаны с воспоминаниями «скорбных листов крымской войны» [11].

Московские ростовщики делали тогда большие и смелые дела, они ссужали предприимчивых аргонавтов широкою рукою и точно, будто не боялись никакого риска, но зато брали проценты ужасные. Десять процентов в месяц считалось условием обыкновенным и даже «христианским», т. е. милостивым. И их давали не скупясь, потому что всякий рассчитывал только «перехватить» на короткое время, чтобы «захватить дело», вознаграждавшее расход сторицею, и притом тотчас же после первой срывки с казны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Неточная цитата из драматической поэмы А. К. Толстого «Дон-Жуан» (ч. I, сцена в комнате во дворце Дон-Жуана) — «Встают опять чудесные виденья».

[2] Об отношении Лескова к Достоевскому см. нашу ст. «Н. С. Лесков о Достоевском» — *ЛН*, т. 86, с. 606—620.

[3] Сергей Николаевич *Терпигорев* (псевд. Атава; 1841—1895) — писатель и журналист; приятель Лескова. Сохранилось 70 писем Лескова к нему за 1882—1894 гг. (ИРЛИ, ЦГАЛИ); из них только два письма вошли в Собрание его сочинений (*Лесков*, т. 11, № 13 и 72). Четыре фельетона Терпигорева под общим заглавием «Наследство боярина Кучки. (Дорожные заметки и размышления)» были напечатаны в «Новом времени» (1885, 1-е изд., № 3182, 3189, 3196 и 3203, от 6, 13, 20 и 27 января). В характеристике Москвы автор уделил особенное внимание московскому купечеству. По его наблюдениям, московские купцы, целую галерею которых вывел Островский в своих комедиях, теперь сходят со сцены, «уступая свое место людям близким, себе,

своим кровным, но в то же время людям совсем другого уж типа». Нынешние купеческие воротилы стали фабрикантами, их в Москве называют «кнуты». Они интеллигентны, образованы, ведут себя прилично, ничем не напоминают Тит Титычей. Новый купец знает цену вещам, он не бьет зеркал. «Он ничего не изломает и не бросит, кроме человека»; он ломает и бросает у себя «на фабрике тысячи людей, когда они ему не нужны, или когда сохранить их обойдется дороже...» В нем живет «ужасный дух»; «изверг-кнут» — это страшное явление,— таков вывод Терпигорева.

[4] Драма Лескова «Расточитель» имеет дату — 26 мая 1867 г. (*Лесков*, т. 1, с. 386—409). Премьера ее состоялась 1 ноября 1867 г. в Александринском театре (в августе она вышла в свет отдельным изданием).

[5] Лесков имеет в виду статью П. К. Щебальского «Театральная хроника. Расточитель, драма г. М. Стебницкого».— «Современная летопись» (Москва), 1869, № 1, 5 января, с. 13 (за подписью: П.).

[6] Сведения о годичном пребывании Лескова в Москве не точны: он жил в ней всего полгода (с июня — июля до декабря 1861 г.). Первое выступление его в «Русской речи» было 23 февраля 1861 г. («Письмо из Петербурга» о лекциях Н. И. Костомарова). Осенью того же года он порвал с редакцией газеты.

[7] Иван Григорьевич *Кольчугин* — московский книгопродавец, привлекался в 1827 г. к дознанию по делу братьев Критских (см. о нем статью Ю. Г. Оксмана «Переписка Белинского».— *ЛН*, т. 56, с. 237). Лесков упоминает книжный магазин Кольчугина на Никольской и в очерке «Владычный суд» (гл. 19 — *Лесков*, т. 6, с. 142).

[8] *Ктитор* — церковный староста.

[9] Арсений Андреевич гр. *Закревский* (1786—1865) — генерал-адъютант, министр внутренних дел (1828—1831); с 1848 по 1859 г.— московский военный генерал-губернатор. Лесков иронически говорит о нем в «Мелочах архиерейской жизни» (гл. XV — *Лесков*, т. 6, с. 514—515), в рассказе «Штопальщик» (гл. XII — там же, т. 7, с. 106) и в очерке «Пресыщение знатностью» (там же, т. 11, с. 177, 189).

[10] Лидия Арсеньевна гр. *Нессельроде* (1826 — ?) — единственная и обожаемая дочь А. А. Закревского; с 1843 г.— фрейлина; была замужем (с 22 января 1847 г.) за камергером Дмитрием Карловичем Нессельроде, сыном государственного канцлера. Но в 1850 г. она ушла от мужа и переселилась к родителям в Москву.

А. В. Никитенко писал в своем дневнике о том, что она «не хуже Мессалины» известна «своими похождениями» (А. В. Никитенко. Дневник, т. II. М.— Л., 1955, с. 84). Внешним поводом для отставки Закревского послужило устроенное им скандальное дело — второй брак его дочери, не разведенной с первым мужем.

[11] Федор Карлович барон *Затлер* (1805—1876) — генерал-майор артиллерии, главный интендант Южной и Крымской армий в 1853—1856 гг. По окончании войны был несправедливо обвинен в допущенных хищениях во время кампании и по суду разжалован в рядовые с лишением всех прав. Неоднократно выступал в печати в свою защиту. В 1869 г. был восстановлен в правах. Автор «Записки о продовольствии войск» (4 ч., 1860—1865) и др. работ.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ АРХИВА А. Н. ЛЕСКОВА

Вступительная статья и публикация А. И. Понятовского

Тексты трех неизданных рассказов Лескова были переданы А. И. Лесковой [1] в 1972 г. в Рукописный отдел Государственного музея И. С. Тургенева (Орел) в составе обширного архива сына писателя. Как известно, А. Н. Лесков в течение многих десятилетий, вплоть до своей смерти, собирал не только издания произведений своего отца и материалы для его биографии, но также ревностно занимался поисками и переписыванием сочинений Лескова, затерянных в столичной и провинциальной прессе. Он собирался со временем подготовить книгу под заглавием «Растерянный Лесков», куда должны были войти забытые или неизданные произведения писателя.

Большую и бескорыстную помощь по собиранию «лесковианы» оказывал ему Б. В. Варнеке [2]. В свободное от университетских занятий время он специально ездил в Киев и занимался там «раскопками» в архивах местных газет и журналов, а также розысками среди киевских старожилов. На протяжении 1920—1930-х годов ему удалось найти семь неопубликованных произведений Лескова [3].

В своей статье «Растерянный Лесков» Варнеке рассказывает о любопытной черте характера Лескова: «Люди, близкие к редакционному миру прошлого века, знают, что суеверный и мнительный писатель не любил держать у себя дома непринятые редакциями свои работы, оставлял их у редакторов или раздавал близким людям, как столяры охотно дарят стружки из-под своего верстака. Поэтому много разных рукописей ходит по разным рукам. Покойный редактор «Исторического вестника» С. Н. Шубинский хранил немало их в своем архиве. Лет двадцать тому назад он при мне читал изумительную по яркости повесть о сумасшедшем монахе; сам Лесков был уверен, что от этой повести должны повеситься «сам Победоносцев и весь святейший синод» [4].

В числе найденных Варнеке лесковских произведений были и три публикуемых нами рассказа, тексты которых он переслал А. Н. Лескову. Местонахождение рукописей и корректур, с которых были сняты копии, в настоящее время неизвестно. Но, несмотря на отсутствие автографов и прямых доказательств авторства Лескова, принадлежность ему этих рассказов не вызывает сомнений.

Публикуемые рассказы относятся к последнему пятнадцатилетию жизни Лескова, когда он особенно зло высмеивал нравы господствующего общества, «неблагопристойность» и фальшь церковников. Не удивительно, что в эти годы значительно усилились нападки на произведения «коварного» писателя со стороны реакционных писак и цензуры. Лесков становится в это время болезненно мнительным и во многих очерках и рассказах обличительного свойства старается скрыть от «синодалов» свое авторство. Его сочинения часто появляются в печати под псевдонимами, а рукописи посылаются издателям обычно переписанными доверенными лицами и без подписи [5].

Первый из этих рассказов — «Счастье в двух этажах» — предположительно написан в 1881—1883 гг., хотя действие его приурочено к осени 1876 г. и он воспринимается как непосредственный отклик на появление в печати романа Достоевского «Подросток». В самом начале рассказа имеется прямое доказательство того, что он не мог быть написан сразу после напечатания «Подростка» в «Отечественных записках»: это — упоминание о вечерах в доме петербургского сановника, в котором легко угадывается Н. Х. Бунге, только в 1880 г. переселившийся из Киева в Петербург (см. о нем примеч. 2 к этому рассказу).

Как рассказывает Варнеке, с рукописью этого произведения приключилась забавная история, о которой ничего не знал автор. После появления в «Киевской старине» (1883, № 2, 3, 4) лесковских очерков «Печерские антики» издатель и редактор журнала Ф. Г. Лебединцев предложил автору прислать еще один «антик» и выслал ему аванс в 100 рублей. В том же году Лесков послал щедрому издателю рассказ «Счастье в двух этажах». Оборотистый владелец журнала, прочтя присланную рукопись, решил, что из этого произведения можно извлечь большую пользу для себя. Под именем Фортуната Дубова, героя рассказа, можно было легко узнать крупнейшего финансиста Киева, который когда-то одолжил издателю «Киевской старины» под вексель крупную сумму денег.

«Зная, как не любят огласки своих домашних обстоятельств люди такого рода,— пишет Варнеке,— Лебединцев отдал рукопись ему в обмен на свои векселя, а автора уверил, что из-за цензуры этого печатать нельзя, и великодушно «простил» аванс Лескову. После смерти Лебединцева его преемник, знавший подробности этого выгодного оборота, нашел в его бумагах копию, какую тот предусмотрительно снял с рукописи, так удачно вымененной на векселя, и решил повторить вольт Лебединцева. Но лицо, названное в рукописи Дубовым, к тому времени почивало на Аскольдовом кладбище, зато были живы его дети, и им была показана рукопись, с угрозой ее напечатать, если от них не поступит новый вклад в неизменно скудную казну журнала. Те, однако, возбудили дело в Окружном суде о шантаже летом 1899 г. и поручили все его ведение опытному юристу, сумевшему привести дело к полюбовному соглашению, почему оно в суде и было прекращено. Письмоводитель этого адвоката сохранил у себя «вещественное доказательство» — рукопись рассказа, которая ниже восстанавливается настолько, насколько поддавалась прочтению сильно попорченная временем, хранившаяся в сыром месте рукопись, сделанная небрежно, с не везде дописанными концами слов, а может быть, и с пропусками, женским почерком, на плохой канцелярской бумаге» [6].

В 1937 г. Варнеке переслал текст рассказа А. Н. Лескову. В их переписке этого времени содержатся любопытные сведения и соображения по вопросу о принадлежности рассказа Лескову.

«Счастье в двух этажах»,— писал 20 ноября 1937 г. Варнеке,— получено и пересылается к вам по праву «твоя от твоих». Из письма Л⟨еонида⟩ П⟨етровича⟩ увидите, что он не сомневается в принадлежности ее перу Н⟨иколая⟩ С⟨еменовича⟩ [7]. А как вы думаете?» (ГМТ, ф. 34, № 6499)*.

В ответном письме от 19 декабря 1937 г. А. Н. Лесков сообщал: «...сегодня утром закончил копирование «Этажей». Осталось их считать, и тогда один экземпляр поплывет в «Одесту», спасающую третий любопытнейший опус Лескова от тлена и «растерянности» ⟨...⟩ Бесспорность авторства «прет» в каждом «извитии» слова и содержания. Вопреки предположению Леонида Петровича, мне здесь доказывать просто нечего, до того здесь нет ничего не-лесковского. Все имена не раз проходят по моей предметной картотеке занотованными из многих его статей и очерков, преимущественно первой половины писательства. Утомительное обширное перечисление промысловых операций Дубова в нудно очерчиваемой сети определенного водного бассейна, действительно, досадно снижает пульс повествования, но такие длинноты у автора попадались нередко. Рискну послать вам серию его фельетонов «дорожных» в «Пчеле». Он сам писал, что знает Россию «от Белого моря и до Черного и от Брод до Красного Яра». И везде, всегда его в первую голову интересовало экономическое и промышленное положение посещавшихся им местностей. Мариинскую и Тихвинскую системы он знал прекрасно, мог знать и Огинскую. Но, может быть, что-нибудь и подчитал. Хотя специальных географических сочинений мне не помнится, как и обще-энциклопедических словарей. «Пчела» вам скажет много и лучше меня. По-моему, это все очень близко к теме подвигов по лесу Дубова.

Рассказ очень неоднороден: тут и мотивы будущих «фефел» и «пуртуферок» (не «Амура», т. е. «Житие одной бабы», там чистый «крестьянский роман»), и «архиерей-

---

* Далее при ссылках в тексте на материалы из архива А. Н. Лескова название музея и номер фонда опускаются.

ские мелочи», и полемичное «отомщевание» Достоевскому, его «профетским вещаниям» 〈...〉 Фокус — оценка «реализма» Достоевского 〈...〉

Но кто же сей Дубов и дети его — Харьковы? «Побывшился» ли род сей, или и ныне отпрыски его топчут киевскую или иную землю?» (№ 6500).

Обстоятельный ответ Варнеке, написанный 1—3 января 1938 г., не добавил ничего определенного к вопросу о прототипах героев рассказа: «Вы задаете мне ряд вопросов насчет участников «Двух этажей». Ответить на них не могу, потому что я этого круга людей не знал. Моя жена, киевлянка, была тогда ребенком, а особа, доставившая этот очерк, такая непромешанная дуреха, что, если бы она и знала что-нибудь, положиться на нее я не рискнул бы.

Из участников «рамки» — введения и заключения — Бунге вне сомнения, а остальные лица едва ли портреты, это по закону построения диалога — человеческие вешалки для мыслей самого автора, поданных в их разнообразии для освещения вопроса со многих подступов. Ради этого ведь и берут форму диалога. И художник и архимандрит, мне кажется, не выходят за пределы таких служебных орудий. Очень правдоподобна ваша догадка, что эта рамка вставлена после, для того чтобы из самостоятельного рассказа сделать орудие для уязвления Достоевского, чувства к которому видны из присланных вами писем...» [8].

Второй рассказ — «Клоподавие» — яркий образец лесковской сатиры, острое обличение монастырских нравов, а вместе с тем и церкви вообще. Рассказ также предназначался для «Киевской старины», был принят редакцией и набран, но затем подвергся исключению. Варнеке обнаружил гранки его в 1939 г. в архиве «Киевской старины», снял с них копию, которую и выслал А. Н. Лескову. Вслед за тем, в письме от 28 октября 1939 г. он писал об этой копии:

«Она снята с гранок из архива «Киевской старины». На левом углу внизу синим карандашом: «1. Непристойно. 2. Задеты иноки. 3. Злой выпад на высокочтимого проф. Ламанского и др. Изъять». И две буквы.

Никаких внешних признаков принадлежности Н〈иколаю〉 С〈еменовичу〉 нет; подписи внизу нет. Но зато внутренних хоть отбавляй: 1) Усов. Орел. 2) Выпад против Аристова (сравни «Вдохновенный бродяга»), 3) «Рамочная» композиция, излюбленная Н〈иколаем〉 С〈еменовичем〉: а) Пролог — Шатобриан. б) Буслаев. в) о. Созонт. г) Новозыбков. д) Буслаев. Итак: вступление и рамка с двумя внутренними новеллами-анекдотами. Такое устройство идет еще от Боккаччио. Ценность невелика, но забавно, и очень ядреный язык; чего стоит хотя бы «любовная стрела», прямо взятая из песней на девишнике:

Как сладка и как страшна
Копье — любовная стрела.

Если вы не признаете возможным включить эту безделку в собрание находок «растерянного наследия», верните листочки; если же пожелаете их сохранить наподобие «Любви в 2 этажах» и т. д., будьте добры выслать мне две копии на машинке, из коих одна будет отправлена в Киев, где перечитано немало хлама в поисках этой находки. Зато теперь, говорят, уже обшарены все закоулки и собрано все, что новейшие мастера изданий вносят в раздел dubia et spuria [9]. Очень буду рад узнать ваше мнение» (№ 6525).

3 декабря 1939 г. А. Н. Лесков отвечал ему: «Перехожу к последней драгоценной вашей присылке. Бесспорность авторства Лескова вне диспутирования и, надо думать, убедительно подтверждается прилагаемым пояснительным моим к сему артиклю послесловием. Язык, даже для Лескова, исключителен, а фигуры великолепной лепки (вышло как-то нескладно, но искренно). Эта бескорыстная, «con amore», из любви к искусству, в котором явно была неленостна, старуха-сводня! Все ее скупо намеченные движения и «соковитый» язык! Восторг. Не умеют сейчас так дать образ в десятке строк. Живая. Созонт с «потребным его сану сном», «доброхотной богомолкой», «исчезнувшей яко воск пред лицем огня» и т. д. Все положительные перлы «соковитой» речи! «Сербины», резолюция Порфирия,— да все кругом так ярко, сильно и звучно 〈...〉 Страшно одно — уж больно местами рискованно. Боккаччио прощается и несколько

большее и менее «прикровенными» словами выраженное ... А вот, простится ли меньшее дерзновение Лескову?» (№ 6526).

Вопрос о датировке «Клоподавия» может быть решен только приблизительно. Рассказ не мог быть написан ранее 1886 г.: в нем упоминается вторая часть книги Ф. И. Буслаева «Мои досуги», вышедшая в свет в феврале 1886 г. (ценз. разр. 10 февраля 1886 г.). Наиболее вероятно, что рассказ был написан в 1887 г.

Третий, тоже сатирический, рассказ — «Лорд Уоронцов» — явился прямым откликом писателя на откровенно реакционное выступление одесского архиепископа Никанора — в дни, когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Пушкина, этот церковный деятель победоносцевского толка произнес в Новороссийском университете речь, «полную самого бесстыжего фарисейства и наглого искажения мыслей и чувств поэта». Другим фактом, побудившим возмущенного Лескова написать этот рассказ, было незаконное увольнение одного киевского учителя только за то, что он «на уроках осуждал Воронцова за гонения на Пушкина». Фигуру графа Воронцова, одного из самых ярых гонителей великого поэта, и вывел сатирически Лесков в своем рассказе, затронув вместе с тем и самого Николая I. Рассказ «Лорд Уоронцов» может быть поставлен в один ряд с незаконченным романом Лескова «Чертовы куклы», над которым он работал в конце 1880-х гг. Сам писатель так определил «главный элемент» этого романа: «... *серальный* разврат и нравы *серальных* вельмож. «Борьба не с плотью и кровью», а просто разврат воли при пустоте сердца и внешнем лицемерии» (письмо к В. М. Лаврову от 14 июня 1889 г.— *Лесков*, т. 11, с. 431). Эти слова с полным основанием могут быть применены и к публикуемому рассказу.

История его легко прослеживается по той же переписке А. Н. Лескова с Варнеке.

«Прилагаю два листика письма к Пихно, из папок которого при мне извлекли автограф на бумаге в клеточку,— писал Варнеке 1—3 января 1938 г.— Года нет, но по адресу квартиры нетрудно будет установить приблизительные пределы. Если в вашем собрании копий с писем этого нет, приложите. Других писем Н〈иколая〉 С〈еменовича〉 там не было» (№ 6503).

Недатированное письмо Лескова адресовано редактору газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно[10]. Речь в нем идет, очевидно, о рассказе «Лорд Уоронцов». Приводим его полностью.

«ПБ. Фурштадская 50, кв. 4

Истинно уважаемый Дмитрий Иванович!

Вашу газету я хорошо знаю и люблю и уважаю не только как человек, проведший «на заре своей туманной юности» на стогнах вашего дивного города, но и за то, что она ведется умно и чистоплотно, увы, не в пример многих и слишком даже многих своих столичных собратий. Когда вижу ее листы на столе у А. С. Суворина, не пропускаю случая пробежать. Тем приятнее мне были и ваш щедрый аванс и приглашение коечто прислать в его погашение. Я не избалован гостеприимством издателей и рад всякому случаю завязать новые связи с издателями, особенно, если они вашего опыта и уровня знаний. Для первого опыта просмотрите эту вещицу. Ее малые размеры подогнаны к установленным вами пределам.

Если найдете нужным, пустите ее под каким-нибудь именем, придуманным вами: и ваш киевский слеток В. Г. Авсеенко частенько выводит меня у себя с подписью весьма прикровенной.

Еще раз спасибо от преданного вам Н. Л е с к о в а.

Я человек нетерпеливый и мнительный; не томите и поскорей сообщите об участи безделки» (№ 6504).

В недатированном письме А. Н. Лесков отвечал своему одесскому корреспонденту: «С Пихно и «Киевлянином» непременно займусь на досуге. Досадно, что нет даты. А на Фурштадской, 50, отец жил ведь почти 8 лет. За копию письма к Пихно большое спасибо. Нельзя ли хоть несколько сузить диапазон времени его? У Суворина отец

последние годы бывал крайне редко, но все же мог быть и видеть «Киевлянина» там и в 91 и в 93 гг.» (№ 6505).

3 мая 1939 г. Варнеке послал свою новую находку. В сопроводительном письме он сообщал: «Пользуюсь вашим разрешением и передаю киевскую находку; куча все к тому же растущих дел не позволила ее перевести на чернила. Подлинник написан женским крупным продолговатым почерком. Понятно, почему Пихно ее отверг: и соблазнительного слишком много для провинциальной газеты, и явные намеки на дворцовых павианов, потребителей смолянок. Любопытна она теперь горячей защитой Н〈иколаем〉 С〈еменовичем〉 Пушкина 〈...〉 Жду вашей оценки нового «обломка» из «растерянного» Лескова» (№ 6513).

Основываясь на письме к Пихно и на соображениях А. Н. Лескова, можно думать, что рассказ «Лорд Уоронцов» был отправлен в Киев не позднее 1891—1893 гг. Но вероятнее всего, что написан он был Лесковым раньше, явившись непосредственным откликом на 50-летие со дня смерти Пушкина и на недостойную речь о поэте, произнесенную одесским архиепископом Никанором. При таком допущении рассказ можно датировать 1887 г.

Все три рассказа публикуются по копиям, поступившим в ГМТ в составе архива А. Н. Лескова: «Счастье в двух этажах» — ф. 2, № 5947; «Клоподавие» — № 5948; «Лорд Уоронцов» — № 5949. Случайные описки и очевидные ошибки, обнаруженные в копиях, исправлены без оговорок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Анна Ивановна *Лескова* (1894—1976) — вдова А. Н. Лескова.

[2] Борис Васильевич *Варнеке* (1874—1944) — историк русской литературы и театра, профессор Новороссийского (Одесского) университета. В ГМТ хранятся его воспоминания «Две встречи с Н. С. Лесковым» (ф. 34, № 6482) и переписка с А. Н. Лесковым за 1928—1941 гг.

[3] Из них три были опубликованы: «О книгодрательном бесе» («Посев». Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921, с. 83—86; напечатано в выдержках); «На смерть М. Н. Каткова» («Звенья», т. III—IV. М.— Л., Academia, 1934, с. 894—902); «Административная грация» (Альманах «Год XVII», М., Гослитиздат, 1934, с. 377—385). Кроме названных, в письмах к А. Н. Лескову Варнеке упоминает еще запрещенную цензурой VI главу «Очарованного странника», которую он предполагал передать в Пушкинский дом. Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

[4] «Посев», с. 83. Заглавие этой статьи А. Н. Лесков хотел использовать для задуманного им сборника затерянных произведений Лескова. В письме от 3 июня 1929 г. он просил у Варнеке разрешения на это (ГМТ, ф. 34, № 6487).

[5] В воспоминаниях «Две встречи с Н. С. Лесковым» Варнеке приводит слова В. Г. Авсеенко, который был в 1883—1895 гг. редактором «С.-Петербургских ведомостей»: «Я мог бы, конечно, и даром все это устроить, послать ему корректуру с рассыльным,— пояснял Авсеенко.— Но Лесков совсем рехнулся со своей мнительностью: статья его, как он выражается, «с приключками», и он боится, как бы не раскрылось его авторство. Поэтому он требует, чтобы корректуры его никак не давали рассыльным, которые, мол, готовы за двугривенный выдать его корректуру самому заклятому его врагу — Тертию Филиппову «со аггелы». Вот потому ради его капризов приходится идти на расход и посылать кого-нибудь из сотрудников» (ГМТ, ф. 34, № 6482, л. 1).

[6] Заметки Варнеке к истории рассказа «Счастье в двух этажах» (ГМТ, ф. 34, № 5950).

[7] Варнеке показывал рассказ Л. П. Гроссману, литературоведу, в круг интересов которого входило и изучение жизни и творчества Лескова.

[8] ГМТ, ф. 34, № 6503. «Догадка» А. Н. Лескова изложена им в письме от 24 декабря 1937 г.: «Мне приходит в голову — не написал ли отец эти «этажи» раньше, может быть, вблизи выхода «Подростка», но не решился публиковать или не нашел редакторов, охочих на то. Не «поспали» ли они в нижнем ящике письменного стола, а потом, при случае, извлеченные и проправленные,— посланы в Киев с придачей им позднейшего обрамления (Бунге и пр.)?» (ГМТ, ф. 34, № 6501).

[9] Dubia et spuria (*лат.*). В научных собраниях сочинений так назывался раздел, в котором помещались произведения, приписываемые автору, принадлежность которых ему не доказана.

[10] Дмитрий Иванович *Пихно* (1853—1912) — экономист, профессор Киевского университета. С 1879 г. стал редактором газеты «Киевлянин», основанной в 1864 г. историком и публицистом В. Я. Шульгиным.

СЧАСТЬЕ В ДВУХ ЭТАЖАХ

(КИЕВСКИЙ ВАРИАНТ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ К «БУМАЖНЫМ» ЛЮДЯМ НЕВЫ)

Буду яко же роса Израилю, процветет яко крин, и простpет корение свое яко же Ливан. Пойдут ветви его и будут яко же маслина плодовита и обоняние его яко Ливана. Обратятся и сядут под кровом его, поживут и утвердятся пшеницею и процветет яко виноград память его, яко же вино Ливаново *.

Пророка Осии, гл. 14, ст. 6—8.

Глава первая

Осенние книжки «Отечественных записок» бурного 1875 года приносили любителям чтения великую радость — «Подросток» Ф. М. Достоевского [1]. Как всякое произведение этого полнодумного и многострастного пера, и это повествование великого тайновидца страстей человеческих давало обильную почву для споров и для толков самого противоположного характера в самых разнообразных кружках.

Обсуждали его и устно и печатно, и журналы и газеты, и студенты Университета и Духовной Академии, медики и художники с Васильевского острова, в офицерской и чиновничьей и просто обывательской среде за обеденным и чайным столом и от дворцовых зал до маленьких хибарок заречной Охты.

Коснулась его речь и на тех собраниях, которые много лет подряд привлекали тесный круг единомышленников в просторные палаты одинокого престарелого сановника, каждый первый понедельник каждого месяца от октября до Пасхи собиравшего у себя за фруктами и стаканами рейнвейна несколько художников, ученых разных специальностей, лаврского архимандрита и двух-трех писателей, чтобы в этом испытанном обществе поделиться мыслями насчет тревожных вопросов тогдашней сложной и путаной жизни [2].

В вечер, когда роман подходил уже к концу своего печатания, определив с полной ясностью и главную нить своего содержания и основные характеры, ближайший друг хозяина дома, известный художник-маринист, стал восторгаться новыми откровениями романа:

— Какое поразительное и неиссякаемое дарование у этого человека! В нашем будничном Петербурге, за мертвыми стенами наших однообразных домов его волшебный глаз сумел подсмотреть потрясающие драмы, какого-нибудь простого Макара Ивановича поднять до высоты редкого подвига, в душе немудрой женщины открыть великую красоту жертвенной любви и самого полного самоотречения от первейших прав и возлюбленной и матери, а в молодой душе невзрачного подростка густой посев и страстей и волнений, разрешающихся выстрелами и нервными недугами. И все это дано с редкой силой и жизненной и художественной правды...

Все вторили своими дополнениями этому восторженному отзыву, и наш хозяин, предпочитавший останавливать мысли своих гостей на добрых плодах жизни и ценных вкладах, еще глубже ушел в свои высокие кресла, плотнее укрыл больные ноги в тигровый плед и, сбивая пепел своей сигары, заметил:

— Итак, друзья мои,— возблагодарим богов за их новую милость! На достаточно засоренной бурьяном и худосочными злаками ниве российской словесности расцвело новое чудное растение, насажденное мастерской рукой великого творца «Преступления и наказания»!

---

* Я буду росой для Израиля; он расцветет, как лилия, и пустит корни свои, как Ливан. Расширятся ветви его,— и будет красота его, как маслины, и благоухание от него, как от Ливана. Возвратятся сидевшие под тенью его, будут изобиловать хлебом — и расцветут, как виноградная лоза, славны будут, как вино Ливанское.

— Разрешите внести маленькую поправку,— сказал лейб-медик хозяина, перешедший с ним из Киева на должность дивизионного врача в гвардейскую кавалерию. Моя служба теперь больше состоит в поздравлениях высоких особ гвардии и флота с торжественными днями, и свой одинокий досуг я коротаю в читальне нашей дивизии, куда гусары и уланы заглядывают не слишком часто. Попал и мне этот роман. На счет его занимательности спорить не буду, а вот в рассуждении правды и реализма полагаю, что сей бытописатель к натуре неизменно прилагает от себя весьма многое и в простое течение мирной жизни ввергает бурные потоки своих личных страстей и метаний. На суд моего долгого опыта, жизнь куда проще и бледнее, и там, где под пером г. Достоевского бьются о скалы мятежные волны, она тихо идет ровной струей уступок и соглашений. Бедные люди давным давно утомились бы жить, если бы им при таких бурях разум и воля не помогали все устраивать гораздо покойнее...

— Ну какой же разум и воля могут покойно наладить жизнь там, где муж должен любимую жену отдать другому и называть чужих детей своими? — воскликнул маринист, вздымая к потолку сверкавшие под очками глаза.

— Самые обычные,— тихо ответил доктор.

— Невозможно и недопустимо,— продолжал на еще более высоких нотах художник, панегирист романа.

— И возможно и допустимо, потому что было на деле,— ответил доктор и, видимо, задетый за живое возражениями мариниста, прибавил: разрешите отнять у вас полчаса повестью из своих наблюдений?

Получив полное и радостное согласие слушателей, доктор налил себе новый бокал рюдесгеймера, удобно облокотился на спинку кресла и начал с вопроса:

— Вам памятно, что моя жизнь до старости прошла в Киеве со юных лет семинарского ученья до службы в полковых врачах местного гарнизона, и вот про одно киевское знакомство и пойдет моя речь...

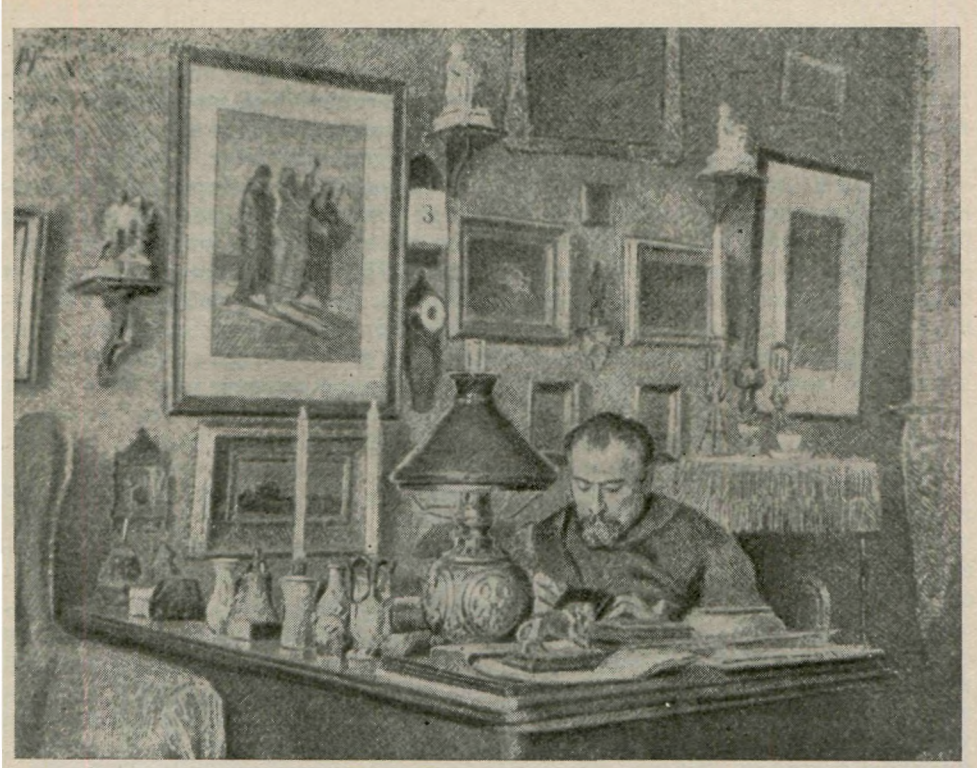
Глава вторая

Киевского митрополита Евгения Болховитинова современники прославили не только за безмерную ученость и редкое усердие мелочных изысканий, но и за дар распознания и умелой оценки с первого взгляда людей [3]. Среди многих книг, неизменно заполнявших рабочий стол его ученой келии, будто бы находилась одна с надписью Personalia, куда владыка после каждой встречи своеручно заносил имя и положение нового знакомца, с краткой пометкой его свойств и нравов.

За недолгие годы его пребывания на Вологодской кафедре его зоркое око отметило среди ставленников юного диакона Семена, которого запись в тетрадях Personalia отметила: «пристоен на облик, обещает рачительную деловитость», почему скоро он и был рукоположен во иерея. Незадолго до перехода владыки на Киевскую митрополию сюда приросли еще 2 строки: «По рапорту благочиния овдовел. Был бы изряден в иноках».

По переезде в Киев владыку стали удручать и тяготить нестроения местных обителей, а особливо старейшего Михайловского Златоверхого монастыря, где богатый приток поступлений от несметного множества паломников «ко великомученице» таял, как снег под лучами весеннего солнца, в нерадивых руках нерачительного о. казначея, для направления и вразумления которого не хватало ни твердости, ни хозяйственного опыта у благостного, но слабого о. настоятеля [4].

Прохождение своих иноческих подвигов о. казначей свел наипаче к заботе об утешении вдовиц и сирот, и вот, когда одна из последних, куп-



Н. С. ЛЕСКОВ ЗА РАБОТОЙ
Гравюра с рисунка В. В. Полякова
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

чиха с Демиевки [5] лет под 50, отягощенная бременем вдовьего одиночества и воздержания, затосковала не в меру у себя на хуторе под Борщаговкой [6], ее родичи вызвали в утешение ее скорбей о. казначея, и вдова там так плотно к нему прилепилась, что обитель заволновалась долгим отсутствием своего казначея, отвечавшего на увещательные призывы братии, что опасается, как бы неистовствующая в озлоблении своих телес вдовица не удержала его при своем одре «дондеже не изыдет последний кодрант»... Ясно, что при таких упражнениях отца казначея хозяйство обители хирело и близилось к оскудению.

Призванный к ответу чрезмерно о вдовах рачительный инок ссылался на древнего Сабинианина, столь живо описанного в посланиях блаженного Гиеронима, но владыка преподал ему назидание подходить к древним образцам не зря, а с толком и осмотрительным выбором [7].

И вот возвращаясь к себе в Лавру, 4 декабря, с «храма» и уставной трапезы от Варвары и воочию убедившись и по ветхости и неприглядности парадных облачений и по убожеству учрежденной для почетных гостей трапезы, владыка решил, что надо изъять нерачительного казначея из славной обители и вручить ее добро домовитому и зоркому управителю. В поисках такового мысль святителя остановилась среди имен тетради Personalia на образе вологодского вдовца. В час ближайших занятий со своим секретарем владыка приказал ему изготовить в Вологду вызов иерея на трудное, но почетное место при себе. К Крещенью пришел из Вологды благодарственный ответ вдового попика, с готовностью променять свое одинокое пребывание на приходе на служение в древней обители великомученицы Варвары, а следом за письмом прибыл и сам иерей.

Из долгой с ним беседы Евгений усмотрел полную справедливость своей давней оценки и, оставив его при себе в Лавре, благословил готовиться к принятию ангельского чина. К масляница новый инок, принявший имя Серапиона, вступил в должность Михайловского казначея вместо своего предшественника, перемещенного в дальний скит.

Сперва из докладов настоятеля, а в день следующей Варвары и из личного наблюдения Евгений познал всю меткость своей давней оценки и благопригодность замены о. Серапионом его падкого на далекие от иноческих обетов сладости предшественника. Об этом свидетельствовали и отменный подбор облачений для сослужившего владыке собора, и блестящая чистота перекрашенных стен храма, и изысканное изобилие трапезы, предложенной на изрядной и тонкой посуде ко всеобщему удовольствию именитых гостей, славивших владыку за мудрое назначение.

Глава третья

Недолгий брак о. Сераниона был бездетен, и в холодной Вологде при нем жила сестра, вдова пономаря, с сыном Фортунатом [8]. Ко времени перехода в Киев умерла и сестра, и круглого сироту о. Серапион по первой летней дороге через торговых людей Вологды, притекавших помолиться у киевских святынь, вывез в Киев и поместил в Духовное училище, откуда отрок в положенный срок приспел и до семинарии. И тут и там он утешал и своими успехами в науках и добронравием дядю, проявляя и усидчивость в занятиях, настойчивую волю и быстро зревший ум. На праздниках и на вакациях юный Фортунат, силой и своего здоровья и ума вполне оправдывавший единственное свое наследие от родителей, крепкую фамилию Дубова, переселялся из смрадных стен старой бурсы в просторные казначейские покои, подкрепляя свои молодые силы здоровой и обильной пищей и помогая дяде в его счетоводстве и переписке. Так исподволь открылась перед ним во всей своей полноте сложная сеть хозяйственных оборотов и деловых расчетов.

Рано cum eximia laude* закончил Фортунат Карпыч Дубов курс семинарских наук. Молодые годы не допускали и мысли о назначении на приход к великому горю богатых отборными невестами киевских матушек, готовых с великой охотой отдать и невинную красоту и до верху набитые отменным приданым сундуки в руки видного жениха, племянника влиятельного дяди, взысканного заслуженным расположением самого митрополита, что открывало и для родителей и для братьев и для зятьев его будущей супруги самую надежную и прямую протекцию, столь нужную в быту духовенства.

То же самое влияние дяди открывало бы Фортунату и заманчивые двери славной Академии при Братском монастыре, если бы и без того его семинарский диплом не сиял по всем предметам сложного курса сплошными оценками optime **. Но юноша еще на семинарской скамье успел люто возненавидеть кислые умствования лютеранских пиетистов, какими в те годы православное богословие напрасно тщилось подковать хохлацкие умы на борьбу с соблазнами латинства, по указке свыше смешивая византийское тонкословие с туманными выспренностями Вольфа [9] и Канта. Эту ненависть юноши к бесплодным потугам философии закаляло его природное упорство, вполне оправдывавшее его родовое прозвище: с несокрушимостью дуба противился он уговорам и наставников и дяди, соблазнявших его через академические врата уготовать себе быстрый и прямой путь к почету и власти епископского сана. Уроженца сурового севера

---

* с похвальным отличием (*лат.*).
** очень хорошо, отлично (*лат.*).

не манили ни четверки архиерейских выездов, ни стояние на орлеце, ни окружение и рипидами [10] и свитой жезло- и свещеносцев, иподьяконов и другой святительской челяди. Он тянулся только к свободному общению с книгами.

При узости тогдашних путей для выходца из семинарии ему оставалось до «прихода в удобный для иерейства возраст» одно учительство, к которому он и приступил в Духовном училище в одном из стариннейших городишек Волыни. Мирно там обучая отроков эллинской и латинской премудрости, он страдал от скудости в книгах, к которым его приучили богатые библиотеки Киева. На свои достатки он пробовал кой-что добывать от заграничных книготорговцев, но в строгие годы после событий 1825 года недреманное око перепуганного начальства косо взирало на такие сношения и от них пришлось воздержаться.

Посему сугубо велика была его радость, когда через управителя граничившего с городишком необъятного поместья знатного магната, годами не выезжавшего из потребной будто бы его здоровью Италии, он обрел доступ к богатствам графской библиотеки.

Вдовец чех, окруженный ненавидевшим чужеземца крепостным населением, рад был так приятно сменить свое одиночество на частые встречи с умным юношей, а тому богатое имение графа с заводами и большой торговлей позволило оживить и расширить то знание, какое он приобрел у дяди, новым опытом. Чех, фанатик своего дела, был рад найти в Фортунате Карпыче понятливого и усердного слушателя и своим намерениям и своим справедливым жалобам и на равнодушие беспечного владельца и на косность забитого населения. Удалось Фортунату Карпычу побывать и под Пинском, где на берегах Ясельды лежит Поречье, исконное именье Скирмунтов, впервые в тех краях по-силезскому образцу наладивших правильное лесоводство и лесосеяние, разбивших вековые болота сетью каналов, для спуска вод в быструю речку. Веснами сотни пинчуков гнали в именье нарубленный за зиму лес. Уход за лугами давал по два раз в год косить пахучее сено. Вызванные из Силезии мастера научили разводить превосходные ворсильные шишки, какие раньше приходилось нашим промышленникам выписывать из Франции за великие деньги.

Ко всем этим приемам Фортунат Карпыч присмотрелся и понял своим трезвым умом, какие богатства таит лес и болото для человека с головой и с охотой работать.

Глава четвертая

Так прошло немало лет, в течение которых о. Серапион, променяв Михайловское казначейство на настоятельство в одном из крупнейших монастырей, открывшее также широкое поприще его трудолюбию, был возведен в епископский сан и послан в Сибирь, где затем и окончил свое житие, оставив своему единственному наследнику, Фортунату Карпычу, изрядное наследство.

Уговоры старого чеха и своя твердая вера в свои силы побудили его бросить учительство и взяться за самостоятельные предприятия. Он давно уже знал, как широко можно расширить лесное дело по Днепру, прозябавшее в руках у беспечных панов и подпанков и ленивых хохлов и белорусов. Его притоки Сож, Припять, Вопь, Осьма, Березина, у которой свои притоки Поня и Сергуч, чрез каналы Березинской системы соединяют в один великий путь озера Пелик, Манец, Плавьё и Берешто. Огинский канал через реки Ясельду и Щару подводит Днепр к Неману, и этими путями захватываются пристани Мозыря, Гомеля, Вешки, Пропойска, Чернигова и Кричевы; из них только одна Кричева отпускала в год 15 000 пудов лесного товара [11].

Кроме старинных плотов, Фортунат Карпыч подобрал с разных мест самые разнокалиберные суда: плоскодонные люзы, широкие беспалубные гончаки, громадные берлины от 25 сажень в длину и 15 аршин в ширину с высокими мачтами в две реи.

На этих судах с рум, или катищ, сплавляли леса, добытые рубкой за всю зиму, свозя их после рубки на дровнях. С тех же рум, или катищ, гнали бревна по воде, или россыпью или сплотив колоды в клеины, тафли, гребенки и плетеницы поперечными жоростями.

Орша, Коханово на реке Соколянке, угодье сперва Сапег, потом Шемиотов, Старый Толочин, Крупки князей Сангушек, Борисов, Смолевичи, Логойск на реке Чайне, Гомель, Пиреловка, Морино, берега воспетого Мицкевичем озера Свитезя, Леховичи, Видибор, Горынь, Дятловичи, Пинск, Лахва у Припяти, Житковичи, древний Туров и множество других местечек видали Фортуната Карпыча не по одному разу в год.

Широким кольцом захватив в свои руки сплавку леса, Фортунат Карпыч наладил и древообдельные промысла: завел в Речицком уезде в деревне Красновке и Горичевке мощные лесопильни, развил сухую перегонку леса, добывая для бумажных фабрик целлулозу, древесную клетчатку, уголь, уксусную кислоту, древесный спирт и скипидар. Ни одна мелочь у умного хозяина не пропадала даром. Из самых маленьких обрезов дерева он наладил производство деревянных сапожных гвоздей.

Широкую сеть деловых оборотов, конечно, удалось наладить не сразу: начав с малых дел по близости от хорошо годами изученных мест, Фортунат Карпыч, в каждую свою поездку, а в первые годы он редко сидел дома и не боялся ни летнего зноя с тучами гнуса и комаров по Припяти и ее болотами, ни зимней стужи, он все больше ширил и множил свои обороты, зорко присматриваясь, где какому промыслу, чахнувшему в руках у сонных и вялых помещиков и пинчуков, надо дать вольный простор и твердую поддержку.

Все спорилось у него, потому что ни одной мелочи он не выдумывал и не вводил зря и наобум, а все делал, изучая на месте нужды жителей, лишенных смелости для почина и оборотных средств.

Лучшими советниками ему были монастырские казначеи. На своем дяде научился Фортунат Карпыч ценить их деловитость и уменье узнавать из бесед с богомольцами спрос и предложение каждого рынка. Как раз в те годы под властной рукой киевского владыки Арсения Москвина на развалинах папской унии эти края покрывались православными обителями, обильно снабженными от казны лесными угодьями [12]. Самим обителям вести лесную торговлю с ее переездами было не с руки, и отцы настоятели были рады найти в Фортунате Карпыче своего надежного агента от «корня Левитова», аккуратно снабжавшего казну их обителей добросовестной расплатой за товар, а самих отцев щедрыми дарами, тонко подогнанными к потребам иноческих желудков. Они же на местах являлись ему самому надежными советниками и усердными помощниками в наборе рабочих и надсмотрщиков.

За разгромом унии пришла «польская справа» и мятежный рух кончился переходом многих земельных и лесных угодий из панских в русские руки [13]. И тут Фортунат Карпыч явился приятным и удобным посредником в тяжелых оборотах на новых местах при новых людях. Так сами обстоятельства ширили размах его дела. Помог ему рост техники, когда по рекам и озерам забегали пароходы, сбавившие в десять раз число рабочих рук и приводившие в один день те суда, которые прежде тащились неделю. Больше всего, однако, успеху предприятий Фортуната Карпыча помогала его добросовестность и честность, свойства, особенно ценные в краю, веками стонавшем от вертопрашества панов и пройдошества их подручных Гершков, Мошек и Лейбов. Не только он сам не обсчитал

никого ни на грош, не задержав и на день выплату денег, но беспощадно гнал со службы и сменял самого ловкого приказчика или десятника при малейшей их попытке обмануть рабочих или клиентов.

Глава пятая

Этот быстрый и прочный успех и рост богатства, оправдывавший слова священных песнопений: «праведник, яко финик, процветет, яко кедр, иже на Ливане, умножится», люди искушенные в языках, возводили к благодетельной силе редкого сочетания трех имен, где счастье латинской фортуны слилось с плодами эллинов, у которых плод — карпос, и силой славянского дуба. Не тщась и не дерзая разрушать веру в сию многоязычную символику, учтем редкое трудолюбие и простоту жизни лица, украшенного таким счастливым подбором имен, на вершине богатства не изменившего невзыскательности учительского обихода. До последних лет нашего знакомства он вставал летом в 5, зимой в 6 часов утра и сразу же спешил на склады, чтобы до начала делового дня все самому обозреть, проверить и наладить. Набегавшись и вдоволь накричавшись на сторожей, возчиков и грузчиков, знавших прекрасно, что от зоркого глаза хозяина, до мелочей знавшего все подробности своих дел, ничто не утаится, он шел в контору и так же усердно работал за счетами, проверяя вместе со стариком конторщиком всякую фактуру и каждый счет до последней копейки. За этими делами и хлопотами проходило все утро и наступал полдень, когда мальчик подавал к крыльцу доброго орловского коня, запряженного летом в бегунки, а в снежную пору в казанские санки. Фортунат Карпыч брал сам в руки вожжи и ехал на биржу. Покончив с купцами, нашептавшись с юркими маклерами, он шел в биржевой трактир обедать и пробежать и свои и иноземные газеты, что ему редко удавалось без того, чтобы к его столу не подсело с полдесятка деловых людей. Запив простой, но сытный обед ценою в полтинник стаканом пива, он возвращался домой и ложился спать часа на два.

Проснувшись, он умывался, выпивал большую кружку чаю с медом и садился за рабочий стол, собственноручно вскрывая и размечая всю почту, на письма поважнее тут же заготовляя ответ и заполняя пометками и цифрами страницы своих записных книжек. Управившись с почтой, он любил минут десять походить по стеклянной галерее, а затем опять садился за стол работать уже не для Мамоны, а для души. Теперь он или читал или писал. С юных лет враг философии, Фортунат Карпыч остался верен этим привычкам и до старости, читая только по сельскому хозяйству. Задолго до великого дня 1861 г. он всю тонкость искушенного семинарскими витиями изложения направил на то, чтобы на страницах «Москвитянина» М. П. Погодина, с которым его свел отшельник Михайловой Горы Михаил Александрович Максимович [14], тиснуть несколько статеек на счет участи тех, кто был glebae adscriptus*, но с капризным редактором из далекой Москвы ладить было нелегко, и он скоро перенес свои писания в те самые «Отечественные записки» Андрюши Краевского, которые сейчас нам принесли предмет нашего словопрения. Тогда, до прихода на их страницы буйного Грыцька [15] и победоносного Профана [16], туда был открыт доступ мыслям и людей иного склада, и в их старых годах найдется не одна статья Фортуната Карпыча, помеченная одной или двумя литерами.

Когда одесский юрод Иван Иустинович Палимпсестов, пользуясь властью секретаря Общества сельского хозяйства и редактора его «Записок», стал на их страницах морочить беспечных новороссийских помещиков своей призрачной ученостью, Фортунат Карпыч жестоко на него ополчил-

* приписаны к земле (*лат.*).

ся и издал не одну брошюру, немало доставивших неприятных минут и огорчений мистическому «агроному на постном масле» [17].

После «реформы», убедившись своими очами, как сумели столичные буквоеды жестоко искалечить живое дело, он, не желая уподобляться Ламанчскому рыцарю печального образа, отвел перо свое от сельского хозяйства и крестьянства на вопросы, не столь горькие для ума русского гражданина, и стал делиться через «Русский архив» П. И. Бартенева своими богатыми воспоминаниями о житейских встречах.

Эти труды animi causu, «для души», заполняли его вечера, прерывавшиеся в восемь часов ужином, изо дня в день состоявшим в горшочке грешневой каши, сдобренной в скоромные дни жирно салом, а в постные — грибной подливкой. Съев на закуску яблоко из своего сада, Фортунат Карпыч ровно в девять ложился спать, чтобы «не переводить свечей», а другого освещения у него в доме не было.

Разнообразия эта размеренная по часам жизнь не знала и не искала, если не считать, что каждый четверг после денного сна он парился у себя в бане, на северный манер воздвигнутой среди сада, под воскресенье и праздник ходил в ближний Братский монастырь ко всенощной, а на другой день, смотря по погоде, ездил или в Михайловский монастырь, или в Лавру, а в хорошие летние дни на своей лодке подымался до Выдубецкой обители [18] и там после поздней обедни вкушал обеденный стол в келиях у настоятеля, а еще чаще у казначеев, с которыми тут же обсуждал обительские счета и сводил счеты.

Ни театров, ни концертов он не посещал и выше песнопений Великопостной и Пасхальной Триоди [19] не знал никаких художественных наслаждений.

Для богатого дельца одинаково легко растворились бы двери домов и властей на Печерске и купцов на Подоле, но он помнил правило Горациевой мудрости teneas tuis te * и в обиходе не выходил из круга духовных. На четвертые дни Пасхи и Рождества и четвертого января, когда среди семидесяти апостолов чтится память и св. Фортуната, он звал к себе повара из Михайловского монастыря и учреждал авраамлеву трапезу для добрых знакомых из все тех же монастырских казначеев да двух-трех профессоров из соседней Академии. Щедрость его в такие дни была безмерна, и обеденный стол с его изысканными рыбными блюдами, обильно орошаемыми и покупными винами и домодельными наливками, едва отходил к часу, когда инокам устав указует повертать свои честные стопы до обительских врат, что не всем им удавалось бы, если бы их не выручали трезвые ноги коней.

Жил Фортунат Карпыч в своем доме на большом участке по занятому его складами и амбарами берегу Днепра. К ним прилегал сад, густо засаженный многолетними липами и дубами. На улицу выходил двухэтажный каменный дом, внизу одна половина занята была конторой, а в другой, поменьше, жил приказчик Юхим Харько, полгода проводивший в разъездах по хозяйским делам, а из сеней наверх дубовая лестница под ковром вела прямо через площадки в горницу, где и жил Фортунат Карпыч. Ее стены были скрыты книжными полками. На этажерке в папках лежали кучи бумаг, а у окна большой письменный стол занимала простая чернильница из зеленого фарфора да пучок карандашей и ручек в граненом стакане. «Добрый плотник стружки после работы подметает»,— говорил Фортунат Карпыч, почему, кроме этих простых вещей да пары грузных старинных подсвечников, на столе ничего не было. Единственными украшениями большой комнаты были иконы с лампадами цветного стекла да масляными красками писаный портрет владыки Серапиона. Подле печки

* держись своих (*лат.*).

ПОСЛЕ УДАЧНОГО ПОДРЯДА
Акварель А. И. Корзухина, 1880-е годы
Третьяковская галерея, Москва

за книжным шкапом стоял рукомойник да деревянная кровать под стеганым одеялом. ⟨Одна⟩ дверь чрез маленькую, тоже заставленную книжными полками столовую вела на прилегавшую к дому с садовой стороны застекленную галерею, а другая — в коридор с двумя комнатушками, из которых в одной жила его старая тетка, а другую населяли обитательницы помоложе.

Самому Фортунату Карпычу легко было бы обойтись без прислуги: его небольшие покои убирала без труда немощная тетка, питались они с нею по своей неприхотливости от людской кухни, где всем служащим готовилась обильная, здоровая и вкусная пища, за чем строго следил сам хозяин, утверждавший, что хорошей работы ждать только от того, кто живет в тепле и сытости. Тетка редко бывала дома, большую часть дней проводя в обходе киевских игумений и попадей, где ее ждали и обильные закуски и не менее обильные сплетни, а неизвестно, чего больше жаждала и ценила ветхая старушка.

Но Фортунат Карпыч и одевался так же просто, как и питался, ни за что не надевал крахмальных манишек и, не признавая галстухов, заме-

нял и то и другое шитыми украинскими рубахами. Подслеповатая старуха на тонкие вышивки была не годна и тут нужны были молодые да зрячие очи. И вот только ради этого, а вовсе не для чего-либо иного, в четвертой комнатке его верха всегда жили молодые покоивки. Незамужних дев для этого Фортунат Карпыч не брал, находя, что за ними и присмотр и ответ одинако тяжелы и не надежны, а ему подбирали их из солдаток или вдов. Проживет такая покоивка в холе да довольстве года три-четыре и начнет скучать по родным садочкам да левадам. Заметит это Фортунат Карпыч и скажет за ужином тетке:

— Бачьте, титечько, як сумуе наша Ярына! Треба ий повернути до села да пошукати доброй змины...

— Горазд,— ответит немногословная тетка и на ближайшее же утро направит свои стопы к знакомым монашкам, а те из прощан ⟨!⟩ высмотрят подходящую молодицу, расскажут ей про богатство и ласку пана Дубовика и склонят гибкую ее волю на покойную жизнь за вышиваньем его рубашек. Награжденная и деньгами и нарядами, Ярына двигается до родного села, а ее место занимает Стеха или Явдоха, тщательно отмытая пахучими мылами в обительской бане. Особенной красоты здесь не искали, но требовали безупречной чистоты да изрядного тела. Сам наделенный от природы дородностью, Фортунат Карпыч утверждал, что худощавая и бесплотная баба — сплошная злость и ехидство, а этих свойств при своем миролюбии он не терпел вблизи себя. Поэтому поступавшая к нему на службу молодица еженедельно отдавала свои телеса парить мощным рукам стряпок, а от хозяина получала пополнение по части пахучих мыл и других снадобий для омовений. И они сами и их родичи с села были очень довольны такой участью. Сельские гости дивились и жирной свинине в борщу, и прозрачным прошивкам на тонких рубахах молодицы, и горе подушек на ее двуспальной мягкой кровати, пышную ширину которой покрывало яркое одеяло из пестрых шелковых лоскутов. Родичи уносили домой и денежные дары и припасы из богатых запасов, а если у молодицы в полках в Варшаве или на Кавказе служил муж, то ему по почте изрядные шли высылки и денег и всего прочего при нежном письме супруги рукою тетки. Не было особого утеснения покоивкам и в обиходе. С теткой ездили они на хозяйских конях по обильным святыням Киева, на Контрактовой ярмарке [20] гуляли по базару, щедро снабженные деньгами для покупок всего, что манит молодое око. По праздникам дома могли попеть в хоре, какой под вечер подбирался за казармой рабочих над Днепром, не возбранялось и поплясать, щеголяя тонкой обувью и проворной ногой. Но все это допускалось в пределах благопристойности, и когда белокурая Мотря повадилась шукать перепелив в малинниках с дюжим кучером Апанасом, ей пришлось уйти на село без обычных наград и уборов.

Так мирно протекала и эта нежная сторона жизни твердо налаженного домоводства, но в ее рамки внесла скорбную струю ранняя смерть беспечной хохотушки Солохи, после Петровского сухоедства [21] не в меру набросившейся на гусиные полотки, запиваемые целыми кувшинами пахучего яблочного кваса. К ночи она дуже занедужила на черево, позванный под утро лекарь мог только разводить руками, и раньше полдня она померла по дороге в больницу.

Похоронили ее с честью под стройное пение клира и тихий плач ее сердечной подруги Евфросинии Наумовны, жены приказчика Харька.

С годами Фортунат Карпыч стал все более тяготиться разъездами, без которых не могло обойтись его дело. Особенно угнетали его летние переезды по грунтовым дорогам с их тряской шарабанов и тучами черной пыли. Оставив себе зимние переезды в санях и летние на пароходах, он для остального приспособил ловкого чигиринца Юхима Харька, вполне оправдавшего и своим умом и своей честностью хозяйское доверие. В од-

ну из поездок на Полтавщину он вывез себе оттуда совсем юную хозяйку Евфросинью Наумовну. Она особенной красотой не блистала, но была миловидна и приветлива: бильш складна, ниж вродли́ва * — так оценили ее обитательницы дубовской усадьбы, с которыми миролюбие ее и услужливость скоро поставили в самые добрые отношения. Целые дни, с утра до потемок, «вона по́ралась»**, шила, мыла, причем в отличие от большинства своих землячек любила мыть не только свою хату да ii пидлогу ***, а и свое пышно расцветавшее на добрых харчах тело: стол она с мужем получали с хозяйской кухни. И она и ее Юхим горевали лишь об одном: за девять лет честного брака он не был озарен рождением детей!

В отлучки мужа сидела бы она одиноко у себя внизу, если бы не сдружилась с молодыми покоивками; те хвастались перед ней своими обновами, а она учила их рукодельям и делилась своими знаниями по части солений и заготовки фруктов, которых и дубовский сад родил в изобилии, и под Спас насыпали тароватые казначеи, и Лавры, и Голосеева, и Межигорья [22]. При ней сменилось три покоивки, но ближе всего сдружилась она с покойной Солохой. Когда та занедужила, Евфросинья Наумовна, разбуженная теткой, всю ночь не отходила от нее, сама повезла ее в больницу и приняла на свою грудь ее последний вздох.

Со дня похорон прошло дней десять.

Глава шестая

Вернувшись после обеда из дворовой бани, Евфросинья Наумовна узнала, что пока она парилась, приезжали сестры Солохи, получившие на память о ней от хозяина все щегольские наряды покойницы. Любя все узнавать обстоятельно, она пошла к стряпке, когда та, отпустив обеды, перетирала посуду и чистила ножи. Остановившись возле окна, она всем телом налегла на низкий подоконник кухни и заслушалась рассказа стряпки, пока та не прервала его нити замечанием в полушопот:

— Бачь, як дивится Дуб на твои лытки несытым оком! Сумуе старый без жинки...

Евфросинья Наумовна оглянулась и действительно увидела, что глаз сидевшего на бунте бревен против кухни хозяина из-под золотых очек словно впился в ее полные, белые ноги, заголенные поднявшимся при таком перевесе тела на подоконник подолом.

Она смутилась и, не дослушав, пошла в хату и, когда миновала хозяина, ласково ответившего на ее поклон, ей показалось, что он глядит на нее совсем так, как ее Юхим, когда она на ночь перед ним меняет рубаху.

На следующий день она снимала в саду с веревок белье и опять увидала, как на нее смотрит хозяин из-за стекол галереи. Вернувшись в сени, она застала его там; рабочие часы отошли, контора была пуста, он позвал ее туда и стал что-то ей говорить. Говорил Дубов ей все то, что со времен царя Давида тайком от Уриев говорилось и говорится их прекрасным Вирсавиям [23], но эти речи здесь дополнялись тем, чего не знали первобытные нравы библии: в бисерном кошельке Дубов дал ей стопку червонцев.

Евфросинья Наумовна молчала во время речи хозяина. Едва ли передала бы она и сама то, что передумала, спрятав у себя в комнате под скрипучий замок нежинской укладки и кошелек и червонцы, но, когда настала тьма, она завесила окна, омыла свое тело душистым мылом, каким поделилась с ней Солоха, надела чистую рубаху с прошивками и, поднявшись на верх, робко постучалась в хозяйскую дверь.

---

* больше стройна, чем красива (*укр.*).
** она хлопотала (*укр.*).
*** и ее пол (*укр.*).

Через день повторилось то же самое. Теперь в укладке к кошельку с червонцами прибавилась серия.

На утро после ее второго восхождения на верх вернулся Юхим с хорошими вестями хозяину и с подарками супруге. Целый день он бегал по делам и только урывком перекинулся с женой ласковым словом. Под вечер Евфросинья Наумовна снарядила его в баню, а когда он оттуда вернулся и плотно поужинал, она отомкнула нежинскую укладку, вынула и червонцы и серию, отдала их ему и все без утайки ему рассказала.

Ее рассказ заставил Юхима побледнеть, руки его задрожали, он с трудом нашел картуз и, ничего не сказав, побежал в сад.

На дворе стояла лунная ночь. Евфросинья Наумовна прильнула к окну и смотрела с волнением, как шагал Юхим по дорожкам сада, то останавливаясь, то садясь на скамейки.

Увидав, что он повернул к дому, она быстро разделась и проворно юркнула под одеяло.

Войдя в комнату, Юхим встал на молитву перед образницей. Намолившись, он разделся, лег, как всегда с краю рядом с женой, поцеловал ее голое плечо, а затем, как ни в чем не бывало, по уставу от нее вкусил все, что полагалось ему по праву супруга.

Глава седьмая

На утро, покинув после жарких ласк супружеское ложе, Евфросинья Наумовна почла долгом оповестить супруга, что как раз сегодня вечером хозяин ее ждет. По безмолвию своего нрава Юхим и тут промолчал, но, уйдя со двора, через час привез из города добротный диван с кожаной обивкой, поставил его в спальне и попросил жену в те дни, когда ей надлежит подыматься на верх, стелить ему на диване.

Так оно и повелось: во дни ее восхождений на верх Юхим почивал на диване, а в остальные ночи супруги мирно делили ложе со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Но в обиходе дубовского дома кое-что изменилось. Покоивок больше не требовалось: сорочки ему стала вышивать своеручно Евфросинья Наумовна, и в благодарность за это в ее нежинской шкатулке все прибавлялось и серий и червонцев. Во дни великих праздников она получала от хозяина и полновесные кольца, и браслеты, и серьги. Для прочих услуг хозяину она велела Юхиму письмом из ее родного села вызвать шустрого сироту Тарасика, сперва расположившегося на ларьке в столовой со своим войлоком, а когда вскорости отошла к праотцам тетка, занявшего ее комнату. Соседняя горенка покоивок сохранила за собой свое прежнее игривое назначение, и ее нарядная постель в положенные дни принимала на свое мягкое лоно Евфросинью Наумовну, и здесь годами разыгрывались веселые идиллии Фрагонара [24] в вольной аранжировке сильных и здоровых днепровских страстей и возбуждений.

Нечто изменилось и в судьбе ее супруга. Теперь все, начиная с хозяина, как-то незаметно стали величать его Юхимом Корнеевичем. В награду за торговые успехи хозяин положил в банк на его имя три тысячи и вскоре помог ему из крестьян подняться до купцов и записаться по 3-й гильдии. И его супруга стала вхожа в дома подольских торговцев и их вдов, где она являлась желанной гостьей. В маленьком домике одной из ее приятельниц снимал и я в те годы комнатушку. Старуха и в зрелые годы была охотница до сюжетов Декамерона и, заходя ко мне в комнату, со вкусом передавала мне то, что ей открывала Евфросинья Наумовна на счет своей удвоенной жизни.

Ей тогда только что исполнилось 26 лет, а Фортунату Карпычу ровно вдвое. Но как-то в сумерки после нескольких рюмок сладкой наливки она

призналась моей хозяйке, что, не взирая на свои 52 года, он сумел своими ласками совсем далеко отодвинуть от нее мешковатого Юхима, и только с ним после девяти лет брака познала она все те радости, про которые ей шептали на ухо проказливые молодицы, и испытала то, чему раньше не могла верить.

Ранним летом молитвы ее были услышаны и в ее комнате голосисто закричала здоровая дочка, а через полтора года явился рядом с ней и сынок. Моя хозяйка оба раза была крестною матерью, а ее кумом сам Фортунат Карпыч, щедро одаривший родильницу и к банковому счету Юхима Корнеевича Харькова прибавивший счета своих крестников, ежегодно расширяя их вкладами во дни рождений.

Глава восьмая

Скоро на Киевщине стало резко меняться и все торговое дело. По Крещатику за зеркальными стеклами стали вырастать банки, приступили к прокладке железых дорог. И тут и там не обошлись без опыта и без капиталов Фортуната Карпыча: крупнейший банк выбрал его в свои директора, а Юго-Западные дороги ввели его в состав своего правления. Щадя свои силы, Фортунат Карпыч все лесное дело со складами, достигшее многомиллионной цены, сдал в аренду Юхиму Корнеевичу,построившему особую контору, а весь низ дома был отведен под жилье его разросшейся семьи и под просторную кухню, где загремела медными кастрюлями проворная кухарка, изделиями которой стал питаться и Фортунат Карпыч, попавший в столовники к своей куме. Труды свои он теперь сократил, стал позже вставать и реже выезжать в город, и уже не на легких бегунках, а в венской коляске или карете на паре породистых коней.Ими пользовалась и Евфросинья Наумовна, чтобы покатать его крестников, за забавами которых под надзором вошедшей с летами в пышное тело их родительницы любил следить со своей стеклянной галереи и Фортунат Карпыч.

Так прошло два десятка лет, к концу которых по воле начальства и добрых людей мне пришлось переменить берега Днепра на гранитные набережные царственного града Петра. Но этим летом ингерманландская слякоть побудила меня погреть еще раз свои старые кости южным солнцем и побывать в Киеве, где среди старых знакомцев посетил я и приветливый дом Дубова.

Сам хозяин уже вступил в восьмой десяток жизни, длинная борода стала сверкать сплошным серебром, но глаза все еще горели прежним умом, и когда за обильным завтраком на тенистой террасе он стал жаловаться на свои немощи, Евфросинья Наумовна, угощавшая нас запасами своих кладовых и погребов, лукаво улыбнулась и заметила:

— Ну немощей-то старческих пока еще за вами не видно!

На ней годы оставили свой след только малоприметными нитями серебра на светлых кудрях, покрытых лиловым шелком платка, из-под которого блестело полное свежее лицо, озаренное приветливой улыбкой покойного человека.

Супруга ее в Киеве не было: он уехал пробовать новый пароход по Сожу.

Дочка их уже три года была замужем за молодым чехом, владельцем механического завода под Киевом, а сын, кончающий медицинский факультет, на деньги крестного уехал на лето в Вену, откуда в это утро прислал тюк книг для Фортуната Карпыча с прекрасными картинками, за рассматриванием которых я и застал его.

Когда после завтрака мы пили втроем под липами кофе, загремели колеса экипажа: это приехала с завода навестить мамашу дочка с нарядной кормилицей, державшей в шелковом одеяле новорожденное дитя, старший

КИЕВ. КРЕЩАТИК
Фотография, 1870-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

братишка которого едва-едва перебирал ножонками, цепляясь за мамину юбку.

При первом же взгляде на молодую счастливую мать я увидал в нежных чертах ее лица, а особливо в ее глазах, переложение на женский лад того, что помнил от облика самого Фортуната Карпыча в годы расцвета его сил. Оба ее отпрыска были тоже его крестники и после первых приветствий он бодро поспешил на верх за игрушками, заранее припасенными на случай приезда любимца крестника. Евфросинья Наумовна вся ушла в любованье новорожденным, сладко спавшим на могучих руках кормилицы.

Нашему брату, бездомному бобылю, среди таких настроений и радостей нет места, и я покинул гостеприимный кров этих своих знакомцев.

Теперь разрешите повествование замкнуть некоторыми выводами.

Если бы мы не знали, что автор «Подростка» очень далек от всего, что творится на тучных пажитях Малороссии, можно было бы подумать, что голый остов своего нового творения он взял прямо из жития этого киевского семейства. Теперь же в совпадении сюжета надо усмотреть лишь вящее доказательство полной возможности таких сожительственных удвоений. Но дальше этого остова сходства нет не только самого слабого, но, наоборот, во всем явственно проступает полная противоположность. Поставленные в те же самые условия и отношения друг к другу, как Дубов и Харьков с женой, Андрей Петрович Версилов и Макар Иванович Долгоруков с женой ведут себя совсем на иной лад: мечутся, неистовствуют, уходят от света, деля тягость странствований; отбив от мужа жену, они, как Версилов, тянутся к новым женским ласкам и вместо тихого течения жизни и себя и всех своих присных ввергают в сплошной водоворот бурных страстей.

Каковы деревья, таковы и плоды их. Их беззаконное чадо, подросток, мечется еще больше своего знатного родителя, дерзит своему старому благодетелю графу, запутывается в петли картежных плутней, обижает

КИЕВ. ПОДОЛ
Гравюра
«Всемирная иллюстрация», 25 сентября 1882 г.

девицу, мучит родных, а все почему и из-за чего? Нашли же дети Евфросиньи Наумовны себе мирный и покойный путь жизни, на радость себе и своим близким.

Зная достаточно многообразие жизни, но будучи весьма далек от тайн писательского ремесла, позволяю себе из этого сличения подлинной жизни с ее претворением под пером великого мастера художеств делать догадку — уж не требует ли сего усложнения и извития сама техника писательства, которая заставляет покрывать голую правду лаком фантастических узоров и диковинных орнаментов, без чего романы и повести, возможно, и не заняли бы ума читателей, которых поневоле приходится так щекотать и теребить, чтобы они не отложили на первой же странице книжку в сторону.

В своем романе Федор Михайлович верно сказал: «простота — это, в сущности, высочайшая хитрость» [25]. Вот этой-то простоты у него самого и нет нигде. И это ахиллесова пята всех его творений; напрасно твердит наша скороспелая и торопливая критика о сокрушении романтической лжи торжеством реализма, в победоносную армию которого включая и Федора Михайловича, на мой скромный взгляд, не далеко ушедшего от шваба Шиллера, воспевшего неистовства Карла Моора, и кудрявого баснотворца французов Виктора Гюго, а, пожалуй, и самого Дюма с его мушкетерами.

— Творение искусства — это лишь прозрачное стекло, сквозь которое перед нами проступает душа его творца, как вот через эти стенки бокала сияет золото налитого в нем благородного вина. Полная страстей душа Федора Михайловича, лично пережившего такую пеструю и бурную жизнь, и сквозит и просвечивает во всякой строке его писаний. Мы чтим в нем великую правду реалиста за великолепное изображение обнажений его собственной многомятежной и бурнопламенной души...

Эту тираду произнес художник, видимо, с трудом слушавший замечания доктора на счет ухода великого романиста от правды.

Глава девятая

— А нельзя ваш спор осветить с другой стороны,— прервал их хозяин, опасаясь, как бы беседа не приняла тягостного оборота из-за чрезмерного обострения противоречивых оценок. Мы, деловые люди, прикидываем ход событий к смене условий жизни, и то, что в одной обстановке идет гладко, перейдя в другую среду, создает бурю. И Версилов и все, с кем он столкнулся на страницах романа, люди праздные, беспечные чада того дворянства, гимн в честь которого не случайно, хотя едва ли особенно уместно, вплел в ткань своего повествования автор к великой досаде Грицька и его демократических друзей бурсацкого фланга редакции журнала гг. Некрасова и Салтыкова. Ваш же, доктор, Фортунат Карпыч и его окружение — люди большого дела, совсем другими глазами смотрящие на жизнь. Для них все эти деяния лишь здоровая дань здоровой природе, приносимая среди сложного сплетения деловых обязательств и житейских забот мимоходом, походя. Им некогда предаваться борению чувств, а нужно изо дня в день, камень за камнем строить и свою жизнь и жизнь того общества, какое без них погибло бы в руках утонченных Версиловых. Приход или уход какого-нибудь Версилова край почувствовал бы так же мало, как путник в летнюю ночь, идя по лесу, ничего и не выиграет, но и не потеряет, сидят или не сидят на листах по обочине его дороги светлячки-эфемериды. Версиловы и выросли и живут на всем готовом, швыряют зря не ими добытые деньги, а Дубовы и сами множат себе богатства и множат богатства страны. Как старый работник по финансам, я слишком хорошо знаю силу денег и уверен, что именно деньги и создали прельстившее нашего доктора мирное течение этого дела. Фортунат Карпыч, знакомый и мне по моей многолетней работе в Киеве, в людях разбирался тонко и своего Юхима видел насквозь, понимая, что у людей этой складки припадок самой лютой ревности утихнет при первом же подсчете тех благ и выгод, какие ему принесла с верху от хозяина его пригожая жена. Деньги — это страшная сила, одинаково проявляющая себя и в возбуждении страстей, у кого их нет, и в успокоении тех же чувств, там, где их изобилие. Денежный мост нетрудно перекинуть через любую пропасть, и сблизить и примирить ими можно без труда людей в положениях, где иначе могли бы разгореться кровавые войны, и ваш рассказ, доктор, тем далек от нового романа Федора Михайловича, что он показывает нам людей, строящих свою жизнь по денежной мерке, а сам Подросток и его родные и его друзья умеют только пропускать деньги сквозь пальцы своих изнеженных крепостным трудом длaней...

— А я на дело смотрю совсем иначе,— прервал наступившее минутное молчание лаврский архимандрит, тоже давний знакомый хозяина по Киеву, где он много лет, до вдовства, настоятельствовал на многолюдном приходе...

— Простите иноческую откровенность, а только уж больно мне не по душе умонастроение и нашего доктора, воскресившего передо мной нашу киевскую быль, и всечестного хозяина, с его верой в непреоборимую силу денег. В их речах слышу веяние тлетворного и, не обезсудьте на смелом слове, однобокого материализма. О деньгах памятать надо слова премудрого Сирахова сына: «вмените игралище быти живот наш и житие все упражнено на приобретение, ибо глаголют, яко подобает откуда либо, аще и от зла приобретати» [26]. Вся беда людей, коих изобразил г. Достоевский, роман которого дошел и до моей кельи, на мою думку, в том, что они, как их именует сам писатель, бумажные люди, живущие по книжным указкам; про их недавних предков Александр Сергеевич Пушкин обмолвился претонким стишком: «они влюблялися в обманы и Ричардсона и Руссо» [27],

а потому по книжной мерке судили о людях и их поступках. А Дубов и Харьков люди жизни, которая прежде всего учит нас той великой истине, что один бог без греха, почему и не следует ставить людям требований выше их природы.

Глава десятая

В первую очередь сие надо помнить в рассуждении супружеской верности, чему учат нас не только св. Библия с Авраамом во главе, не только языческий Гомер, и про людей и про самих небожителей Олимпа дающий в этом вопросе весьма наглядные уроки. Но Гомер мифотворец, не сдерживавший воли своего вымысла, но и достоверные историки древности повествуют про преславного владыку Сицилии Дионисия, в один день появшего себе в жены и Локриду и Аристомаху, у коих он и пребывал по ночной чреде. Про Алкивиада повествуют также древние, что он, выехав вместе с Аксиохом на Геллеспонт, там, в Абидосе, сообща с ним, женился на местной девушке, от которой родилась дочь, каковую не знали, за чью из сих двух считать дочь, а когда она созрела до брачных радостей, стали так же сообща жить и с нею; причем при совокуплении с Алкивиадом она именовалась им дочерью Аксиоха, а Аксиох, вкушая сладость ее прелестей, именовал ее дочерью Алкивиада. Сие распространялось и на круги не столь знатные. Так, житель Аргоса Никострат посылал к македонскому царю Филиппу свою красавицу жену в одежде молодого воина из царской свиты. От древних устремив свой ум на ближайшее время, вспомним пышного правителя Киева, однорукого Бибикова [28], долгие годы услаждавшего свою кипучую жизнь ласками супруги правителя своей канцелярии. Да, наконец, насколько в круг читателей проникают слухи о домашних обстоятельствах писателей, один из преславнейших поэтов нашего времени еще недавно делил с другим писателем не только труды по изданию журнала, но и ложе общей им обоим сожительницы [29].

Наипаче же сему учит повседневная жизнь. Вот, чтобы не выходить из круга подольских побывальщин, при мне там сидел на приходе лютый протопоп, и в проповедях учивший неустанно паству держаться вдали от блуда и нещадно устранявший от святого причастия своих самых достойных прихожан обоего пола, если они на духу открывались в каких-либо неосторожностях насчет седьмой заповеди. Терпели, терпели прихожане, а потом и возроптали и решили принести жалобу на такую безмерную строгость епархиальной власти.

Глава одиннадцатая

Владыка-митрополит тогда как раз заседал в Синоде и без него епархией правил епископ Чигиринский Порфирий, обогативший свою ученость опытом многолетнего жития на Востоке, [30], что часто помогало ему в самых затруднительных позициях духовной власти, принужденной соблюдение строжайших уставов церкви проводить так, чтобы ни в чем не повредить чувствительной обидчивости влиятельных ее чад.

Жил тогда в Киеве видный военачальник, вся сила коего опиралась на то, что он с великой готовностью вступил по указу свыше в брак с знатной девой, целокупность своего тела принесшей в дар особе столь высокопоставленной, что все ее капризы и прихоти по части «васильковых затей» принимались столичным обществом как обязательная дань верноподданнических чувств лицу, по своему титулу имеющему права на всех и все [31]. Удаленная по пресыщении ее чарами вместе с своим супругом в Киев, она здесь качество своего первого поклонника возместила количеством его преемников, и не много под началом ее супруга было юных офицеров, на долю коих не выпало бы нечто от ее ненасытимых ласк. Подражая в сих

упражнениях языческой Мессалине, сия особа одновременно подражала многим добрым христианкам своей щедростью ко храму и его пастырю. И вот однажды сей последний, особливо перед тем ею награжденный, в своей проповеди заплелся языком и сравнил ее доблести с самой приснодевой Марией.

Поставленный в известность о таковой ошибке проповедника, его благочинный, давно взиравший несытым оком зависти на его благополучие, устремился к викарию с жалобой и просьбой примерно наказать столь явное кощунство.

Преосвященный Порфирий своим быстрым умом сразу раскрыл перед своими умственными очами глубину грозившей опасности: в случае кары оратор не замедлил бы пасть под защиту прославленной им особы и единая строка ее письма в столицу могла бы для владыки иметь самые тягостные последствия. Пока он думал о сем, благочинный все твердил о быстрейшем внушении проповеднику, допустившему такую хулу на богородицу.

— А вы, отец протоиерей, видимо, не верите в силу математических аксиом? — спросил Порфирий благочинного с тонкой улыбкой на изящном облике своего лица.

— Причем же, владыко, тут математика? — недоумевал благочинный.

— О, сия царица наук везде и всегда указует путь истины,— продолжал архиерей.— В чем усматривает св. церковь преимущественное свойство приснодевы Марии?— перешел он на строгий тон катехизаторского вопроса.

— В том, что родила, не согрешив,— уверенно ответил благочинный.

— А сия особа грешит, не рождая, стало быть, определения их разновствует лишь по порядку слов, и если математика учит, что от перестановки слагаемых не изменяется сумма, то следует ли карать доброго пастыря лишь за то, что он не совсем удачно поставил в уме своем маленькое словечко «не»? И им допущено не кощунство, а лишь чрезмерное доверие к математике, за что карать его не нахожу возможным.—И с этими словами, милостиво преподав пастырское благословение опешившему от совсем неожиданного поворота дела благочинному, мерно удалился во внутренние покои своих келий.

Вот к такому-то тонкоумному владыке и поступила жалоба прихожан на не в меру рьяного ревнителя брачной чистоты.

Владыка пригласил чрез келейника его к себе в Михайловскую обитель на сослужение к одной из торжественных вечерен. Дело было весной, когда все киевские монастыри полны богомолок со всех концов Украины. Служба шла в главном приделе, переполненном и старухами и молодицами. Отпев службу, владыка Порфирий со всем клиром стал на амвоне и, опираясь на посох, преподал назидание о брачной верности, а под конец возгласил:

— Як що яка з вас порушила сию велику заповедь, идить праворуч до придела св. Екатерины де биля її труни ченцы читатимуть особисту молитву... *

Возгласил и повернулся к алтарю для тайной молитвы. Повернулись за ним и все сослужители.

Окончив краткую молитву, владыка опять со всем клиром повернулся к храму; он был пуст: все жинки «утекли до Катерины», доказав этим свою неисправность на этот счет. Лишь в дальнем уголке одиноко притулилась хилая баба, но когда владыка с клиром подошел к ней, чтобы воздать хвалу ее нравам, оказалось, что она разбита параличом и с горьким плачем жаловалась на своих молодых спутниц, покинувших ее без возможности принять очищение в своей скверне.

---

* где около ее гроба монахи прочитают особую молитву (*укр.*).

Подавая крест суровому иерею, владыка Порфирий шепнул ему: — «Запомните сие поголовное исхождение грешниц и по его назидательному примеру не тяготите слабость своих прихожан».

Юхим Корнеевич был умом подстать Чигиринскому архиерею, а «муж мудр незлобие водит», учит Писание, и знал человеческую природу, а ведь и ему приходилось месяцами жить вдали от законной супруги, не отверг ее, когда и она подпала женскому искушению, а, возможно, еще возблагодарил судьбу, что к ней грех пришел от надежного человека, а не от лихого какого-нибудь озорника, который мог и ей и ему натворить много бед. Учел это и извлек из обстоятельств то доброе, что они с собой принесли. И когда наш доктор рассказал, как после беганья по саду Юхим примиренно возлег подле своей супруги, я невольно повторил стих умного поэта: «Упал он больно, встал здорово» [32].

Но час, друзья мои, поздний и мне пора течь в свою мирную обитель, промолвил о. архимандрит, давая нам всем знак оставить на покое утомленного затянувшейся беседой хозяина.

— Да, да,— пора нам разойтись,— подхватил слова архимандрита профессор немец, выходя из фонаря, где он, по обыкновению, молча сражался в шахматы с родственником хозяина, старым моряком. Разойтись нам надо скорее не только потому, что час поздний и вас, святой отец, могут не впустить в пределы Лавры, но и потому, что здесь сегодня раздались такие речи, за какие и нам всем и нашему хозяину следовало бы дать строгий ответ: в покоях одного из первых сановников государства посрамлена и наказана без всех прикрас чуть ли не главная основа его благосостояния: семья! И мы совсем неожиданно попали в один лагерь с самыми заядлыми нигилистами, разрушая дерзкой рукой ту спасительную завесу лжи и условности, которые только и позволяют и помогают людям мириться с такой великой ложью, как семья и брак. И как дети, нашалив, спешат разбежаться по сторонам, так пора и нам последовать их примеру.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Отечественные записки», 1875, № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. В копии указан 1876 г.— возможно, что это ошибка переписчика.

[2] Николай Христианович *Бунге* (1823—1895) — экономист и публицист, с 1859 г. по 1880 г. был профессором Киевского университета; ректором его был в 1859—1862 гг. (по назначению), в 1871—1875 и 1878—1880 гг. (по выборам). В 1881—1886 гг. — министр финансов, с 1887 г.— председатель Комитета министров. Автор ряда научных трудов по политической экономии. Бунге был весьма просвещенным человеком, он составил богатую научную библиотеку, которую завещал Киевскому университету. Приурочивая ежемесячные вечера у Бунге к Петербургу 1870-х годов, Лесков допускает анахронизм (см. об этом в предисловии).

[3] Евгений *Болховитинов* (до пострижения Евфимий Алексеевич; 1767—1837) — деятель русской церкви, историк и археолог, автор «Словаря русских светских писателей» (1818). В 1808—1813 гг. был архиереем в Вологде, затем в Калуге и Пскове. С 1822 г. и до конца жизни был митрополитом Киевским и Галицким.

[4] Златоверхий Михайловский монастырь в Киеве был основан в 1108 г. Уже в XVI в. он стал одним из богатейших киевских монастырей, привлекавшим огромное количество паломников. Главной святыней Михайловского монастыря были мощи великомученицы Варвары, память которой церковь праздновала 4 декабря.

[5] Демиевка — одно из предместий Киева.

[6] Борщаговка — название нескольких пригородных сел близ Киева.

[7] Блаженный *Иероним* (Иероним; 330—419) — крупный деятель западной христианской церкви. Помимо богословских сочинений, был автором многих посланий, в которых излагал основы христианской нравственности.

[8] Фортунат от латинского fortuna — счастье, богатство.

[9] Христиан *Вольф* (1679—1754) — немецкий философ, последователь Лейбница.

[10] Орлец и рипида — принадлежности архиерейского богослужения: круглый коврик с изображением орла и опахало.

[11] Здесь и ниже Лесков опирается, очевидно, на личные впечатления от знакомства с юго-западными и западными областями России, отразившиеся в его корреспонденциях (см., например: «Из одного дорожного дневника».— «Северная пчела», 1862,

№ 347, 349 и след.). А. Н. Лесков писал Варнеке 24 декабря 1937 г.: «Уверен, что «дорожный дневник» (никому сейчас не ведомый) действительно «блестяще» подтвердит экономическое устремление внимания Лескова при посещении им любой новой для него провинции, области. Тут и Пинск, и болота, и Ливерпуль, и промышленность, целый обзор и трактат. Да еще с сопоставлением с Москвой, Орлом, Пензой, Городищами, Кромами и т. д. Вот куда влеклось его внимание после «Шкоттовских» поездок по всей стране (ГМТ, ф. 34, № 6501).

[12] Арсений *Москвин* (до пострижения Федор Павлович; 1795—1876) — церковный деятель, ревностно боровшийся против унии, раскола и сектантства. В 1860 г. был назначен митрополитом Киевским и Галицким.

[13] Постановление о частичном слиянии униатской церкви с православной было утверждено Николаем I в 1839 г. «Польская справа» — восстание 1863 г. Гонения на униатов особенно усилились после этого восстания.

[14] В 1845 г. М. А. *Максимович* (1804—1873) по болезни оставил кафедру в Киевском университете и поселился в своей усадьбе Михайлова Гора (Золотоношский у., Полтавской губ.). С М. П. Погодиным его связывали дружеские отношения.

[15] «Грыцько» — псевдоним Григория Захаровича *Елисеева* (1821—1891). После перехода в 1868 г. «Отечественных записок» к Некрасову он стал одним из редакторов этого журнала.

[16] «Профан» — псевдоним Николая Константиновича *Михайловского* (1842—1904). С 1868 г. стал сотрудником, а с 1877 — членом редакции «Отечественных записок».

[17] Иван Иустинович *Палимпсестов* (1818—?) — агроном, с 1851 г. преподавал сельское хозяйство в Одесской духовной семинарии, затем профессор Новороссийского университета. В 1853—1868 гг. был секретарем Общества сельского хозяйства южной России и редактором «Записок» этого общества.

[18] Выдубецкий монастырь в Киеве был, по преданию, основан в 1070 г. на том месте у берега Днепра, куда прибило течением Перуна, поверженного и брошенного в реку после крещения Руси. Лесков допускает неточность, когда пишет: «подымался до Выдубецкой обители»: она находилась от города вниз по течению Днепра.

[19] Триоди — церковные книги, излагающие последовательность и содержание богослужений на время великого поста («постная» Триодь) и на пасху и последующие за ней недели («цветная» или «пасхальная» Триодь).

[20] Контракто́вая ярмарка (Контракты) была переведена в Киев в 1797 г. и проводилась ежегодно на Подоле с 5 по 25 февраля.

[21] «Петровское сухоедство» — иначе Петровки: пост, предшествовавший дню апостолов Петра и Павла (29 июня).

[22] В Голосееве, одном из предместий Киева, находилась мужская пу́стынь, приписанная к Киево-Печерской лавре; Межигорский монастырь был расположен на берегу Днепра выше Киева.

[23] По библейской легенде царь Давид пожелал сделать своей женой Вирсавию и для этого отправил ее мужа Урию в войско с тайным приказом поставить его на самое опасное место, чтобы он был убит. После смерти Урии Вирсавия стала женой Давида (Вторая книга царств, гл. 11).

[24] Жан Оноре *Фрагонар* (1732—1806) — французский живописец и график; среди его произведений много пасторальных, наивно-эротических картин, написанных в традициях Ватто и Буше.

[25] «Простота, mon cher, это, в сущности, высочайшая хитрость» («Подросток», часть вторая, глава восьмая, II).

[26] Иисус, сын Сирахов (2 в. до н. э.) — иудейский книжник, им написана «Книга премудрости», в которой даны наставления практической нравственности.

[27] «Евгений Онегин», гл. 2, строфа XXIX.

[28] Дмитрий Гаврилович *Бибиков* (1792—1870), потерявший руку в Бородинской битве, был киевским губернатором и генерал-губернатором волынским и подольским в 1838—1848 гг.; проводил жесткую политику насильственного обрусения Юго-Западного края и притеснения украинцев и поляков.

[29] Намек на сплетни, порожденные непонятными обывательскому сознанию отношениями между Некрасовым и А. Я. Панаевой. Когда она стала его гражданской женой, И. И. Панаев продолжал жить в одном с ними доме. В действительности эти отношения не имели ничего общего с сюжетом «Счастья в двух этажах».

[30] Порфирий *Успенский* (до пострижения Константин Александрович; 1804—1885) — церковный деятель и археолог. С 1842 по 1861 г. несколько раз был командирован на Ближний Восток для собирания археологических сведений; в 1847—1855 гг. был начальником православной миссии в Иерусалиме. С 1865 по 1877 гг.— Чигиринский архиерей.

[31] «Васильковые затеи» — серальные похождения Николая I; о них Лесков писал в незаконченном романе «Чертовы куклы» (*Лесков*, т. 8. М., 1958). «Видный военачальник» — Илларион Илларионович Васильчиков (1805—1862), генерал-адъютант, киевский генерал-губернатор с 1853 г. Его жена Екатерина Алексеевна, урожденная кн. Щербатова.

[32] Слова Фамусова («Горе от ума», д. II, явл. 4).

КЛОПОДАВИЕ

ОРЛОВСКИЙ ЖИВОЙ ВАРИАНТ К КИЕВСКОЙ БУМАГЕ

На днях посетил меня редактор одной распространенной столичной газеты и в беседе стал жаловаться на невежество многих из своих сотрудников: так, недавно один из них в бойкой статейке сослался на «небезызвестного парижского повара Шатобриана» и, когда ему советовали заменить это словами «известный французский писатель Шатобриан», не только страшно обиделся, но стал уверять, что его хотят выставить в дураках и показать «в печати, что он не бывает в хороших ресторанах, не знает тонких блюд, а он через день у Палкина требует филе Шатобриан, названное так, всеконечно, в честь какого-нибудь знаменитого повара» [1].

Мы с редактором порадовались за современную газетную молодежь: на заре нашей юности мы, птенцы гнезд Усова [2] и Валентина Корша [3], не только к Палкину, но даже и в дешевую Балабинскую обитель [4] заглядывали лишь в дни особых получений, обычно пробавляясь в трактирчиках мелкого пошиба. Порадовались, но вместе с тем и пожалели, что столь частые заходы к Палкину мешают нашим блистательным преемникам заглядывать столь же часто хотя бы в Пушкина, который равнял Шатобриана Данте и восторгался его переводом пленительной поэмы Мильтона [5].

После ухода редактора стал я читать чудную книгу Ф. И. Буслаева «Мои досуги», где великий знаток лицевых Апокалипсисов и иконописных школ так мастерски разобрал перехожие повести, тонко осветив нити, связывающие во единое целое сказания самых отдаленных времен и народов [6].

Прочел я эту статью и устыдился, поняв, что, видя сучок в глазу молодого газетчика, не приметил бревна в своем глазу: напечатав не один десяток пересказов древних сказаний, я лишь на закате своего писательства удосужился прочесть исследование великого знатока, совсем по-новому осветившего то, над чем я кустарно работал, доходя до всего наподобие приснопамятного Кифы Мокиевича «своим умом» [7], который людей и покрупней меня чаще всего заводил лишь в дебри суесловия и праздномыслия.

Но «грех красится» не одним покаянием, а и «возмездием». И вот в возмездие себе я решил выводы московского академика на старости лет приложить к одному пустячку из киевского бумажного хлама.

Ученый начальник комиссии по разбору древних актов Архива Южной Руси профессор Иванишев [8] подарил мне доношение благочинного киевских монастырей иеромонаха Вартимея по «делу о клоподавии», учиненному над иеродиаконом Выдубецкой обители Созонтом.

Основание этому прекарному розыску положил рапорт Киевской консистории экклесиарха Выдубецкой обители [9] о том, что под утро 9 сентября в день памяти богоотец Иоакима и Анны — очередной иеродиакон чрез келейника доложил ему о своей непригодности к служению ранней литургии «чрез надсаду горла и притупление воздыхательных органов от приключившейся накануне сырости климатов». Озабоченный благолепием служения о. экклесиарх своими стопами звернулся до келии иеродиакона Созонта. На стук его посоха там «было некое смятение и суматошный шорох», а когда о. экклесиарх перенес свои стопы через праг келии, оттуда «аки неистовая вакханта ринулась растерзанная женка в одной исподней срачице при босоножии и оголении плечигрудия». Одр, на коем покоился о. Созонт, постлан был на двух со смятием подголовных сооружений и постель-покровов».

Вызванный в присутствие консистории иеродиакон Созонт отрекался от всех вин и переложил дело на скаредность и нерадивость обительского эконома, которому он «многомесячно со плачем стенанием вопиял об обу-

рении его неисчетными стадами клоповой братии, дерзостно посягающей на потребный его сану сон и грозящей источить нестерпимыми укусами его плоть до изначального суставия». По черствости сердца эконом вопли сии «залишал втуне», и, доведенный до предела страданий, иеродиакон обречен был сам «пратися со клопиным родом». Но ни облитие шпиртовой влагой, ни кропление водкой на нежинском перце предерзостных клопов во вразумление не повернуло. Стоя на рубеже отчаяния, о. Созонт обратился за советом к походной практике унтера из арсенала, но предложенное последним выкурение отверг «по непреоборимой ненависти до табака». Потеряв надежду на «хемикальные средства успешной борьбы со клопами», о. Созонт вспомнил про слышанный им за трапезой на престольном празднике в Братской академии разговор студентов «из сербин» про их родные обычаи. «Страна сербская, аки все Придунавие, клопами изобильствует, но жители тех единоверных нам краев умудрены познанием клоповых смаков: клоп — насекомая блудная и женолюбивая и наипаче припадает к телесам женок, у коих под кожей живет жирок со сладостью и ароматическим притяжением. Учитывая это, сербины, истощившись в борьбе с клопами, кладут на ложе к себе женку подороднее, и клоп вся свои жала в ее телеса впускает, а затем, насладившись женской плотью, до мужского тела отвращение имеет и оставляет в спокойствии одиноко спящих отец и братий». Зная, что сербы народ благочестный, далекий и от эллинской прелести и от люторских врак, о. Созонт рискнул приложить сербинское средство для самоспасения, коего уповательно и обрел бы, если бы скороспешительный о. экклесиарх не спугнул подысканную им женку из доброхотных богомолок как раз в разгар их клоподавия.

Консистория не вняла ссылкам на единоверных сербов и для вящего обличения выдубецкого иеродиакона чрез опытное дознание постановила дело розыском продолжить, поелику: 1) клоп — насекомая кровопиющая и пищеалчная, а блудное насекомое — комар; 2) пресумнительно нахождение среди богомолок женки, телеса которой превышали бы дородством пышную статуру самого о. Созонта. Постановлено для дополнительного уличения нагло лжущего иеродиакона потребовать от него персонального обнаружения состязавшейся вкупе с ним женки. На это требование высокой консистории о. иеродиакон заявил о тщетности его трехдневных розысков своей помощницы среди доступного ему круга христолюбивых богомолок: «исчезла, яко исчезает воск пред лицем огня».

Протокол присутствий консистории по этому делу поступил на утверждение за выездом в С.-Петербург на чреду Синода высокопреосвященного митрополита киевского и галицкого к его заместителю епископу чигиринскому Порфирию (Успенскому) [10], и многоопытный и многоученый владыка дело препинил такими резолюциями:

«1) Отцам консистории выразить благодарность за их усердие, но строжайше напомнить, что в круг их ведения не должно входить сличение женского дородства с плотестроем иноческим: сие бо корень соблазнов и в рассуждении женской прелести и иноческого постничества.

2) Студентам из сербин чрез о. инспектора Академии строжайше внушить, дабы впредь не дерзали открывать нравы своего отечества, растленного многовековым игом турок с их плотеугодничеством, невинным овцам стада Российского.

3) Отца Созонта из смрадной келии Выдубецкой обители извлечь и перевести на служение в Михайловский Златоверхий монастырь, где громометущий и звукодробный бас его украсит служение у раки великомученицы Варвары.

4) Клопов в келии о. Созонта до вселения в нее нового обитателя извести, но не чрез иноческую самодеятельность, а опытом искуснейшего мухомора и клоподава».

МОНАСТЫРСКАЯ ТРАПЕЗА
Картина В. П. Перова (масло), 1865
Третьяковская галерея, Москва

Я берег эту бумагу отчасти потому, что она приоткрывала кусочек круга занятий консистории, обнаруживая неожиданно совпадение их с тем, что когда-то так живо описал Боккаччио в своем «Декамероне» [11], а отчасти потому, что собирался при случае внести ее в наше славянское общество, где его ученые деятели: профессора В. И. Ламанский, А. С. Будилович, а особливо В. И. Аристов — могли бы посвятить проверке рецепта сербских студентов, так смутившего братию Выдубецкой обители, не один ученый доклад [12].

Но теперь в ней я нашел блестящее подтверждение ученых наблюдений Ф. И. Буслаева! В первые годы моей самостоятельной жизни, протекавшей очень скромно на тихих берегах Оки и Зуши [13], и мне не хуже отца Созонта приходилось страдать от «обстояния клопиных полчищ». И вот однажды, возвращаясь из одной поездки искусанный клопами до полусмерти, я встретил на постоялом дворе Оттона Карловича Экка. Это был один из многих у нас на Руси людей, которых причудливая гримаса нашей жизни заставила носить чисто русское сердце под немецким именем и фамилией. Больше четверти века прослужил он фельдхирургом в стоящем в Орле кавалерийском полку [14], а затем, после Севастополя, выйдя в отставку, он поселился холостяком на своем маленьком хуторке в 7 верстах от Орла и по уши ушел в волновавшее тогда всех живых людей крестьянское дело. Увидав мое чрезмерно кислое от бессонных ночей лицо, он стал спрашивать о причинах моих страданий и, услыхав мои жалобы на клопов, ударил меня по плечу и со смехом утешил:

— Я вас научу простому и приятному способу борьбы с ними. В первый год моей службы, когда я из студенческой комнатки в чистом и опрятном Дерпте попал на кочевой быт полка, который начальство зачем-то гоняло из одной губернии в другую, я не хуже вас страдал от клоповой нечисти. Вся моя личная наука и мудрость хандбухов, вывезенных из Дерпта, где нас учили строго и основательно, была бесплодна, и я погибал от клопа, пока на 3-й год службы не попал в Новозыбков. Там я попал на постой к старухе-огороднице. День был жаркий, и я сел обедать

под кленами. Великолепный борщ с ватрушками и сушеные караси, обильно политые настойкой на березовых почках, настроили меня очень хорошо. Способствовали этому и веселые звонкие песни пололок, согнувшихся над грядками так, что мои зоркие глаза могли свободно наслаждаться упругими икрами их белых наливных ног чуть не выше колена. Но когда настала ночь и я вошел в отведенную мне горницу с мягкой постелью и горой подушек, я вспомнил про своего врага и сказал хозяйке, что из-за клопа буду спать у нее в огороде на сене.

— Так ты, голубок, клопа опасаешься? — спросила, хитро улыбаясь, старуха. — Оно верно, спасаемся мы на манер Ноя и по воле господней нечисти не избегаем. Только клопа тебе бояться не след. Я тебе в постельку, рядышком к тебе, средствие положу, и клоп тебя не тронет...

Видя на моем лице недоверие, она продолжала:

— Говоришь, что мои караси да ватрушки по скусу пришлись, а средствие еще лучше да приманчивее. Верь моему слову. Ложись здесь спокойно во славу божию, а пока будешь раздеваться да богу молиться, я тебе средствие предоставлю.

Постель была так мягка, ласковая старуха пела так убедительно, что я поддался ее уговорам и стал ждать ее «средствия» и с нетерпением и с любопытством.

Через 5 минут она снова вошла, а за ней стояла, скромно потупив в землю глаза, одна из ее огородниц.

— Ну-кось, голубок, подивись, какое я тебе средствие-то сыскала: черноглазое, белотелое. Клоп-то, паскуда, бабник да блудник, и терзает только того, кто бабьей прелести гнушается да в одиночку спит, тая зря силу мужчинскую. А ежели при тебе будет вот такая кралечка мяконькая, так неужто клоп дурак, минуя ее тело соковитое, на твое сухокостие позарится. Он свой барыш знает в тонкости и весь в ее тело так и влипнет, а уж твоя забота так подружку занять, чтоб она от твоей стрелы любовной его жальца и не приметила. Разуважь, сироту, миленький: в накладе, голубок, не будешь.

И с этим приветом она тихо вышла, оставив меня наедине со своим средствием. Оно помогло: клопов я в ту ночь не приметил. И следуя этому совету, в молодые годы при всяком случае, а теперь лишь изредка, живу с клопами в дружбе и их не боюсь.

Эту давнюю встречу заставила меня вспомнить мудрая статья Ф. И. Буслаева, и если на долю этих беглых набросков выпадет высокая честь не ускользнуть от его глаз, быть может, именитый академик урвет от своего драгоценного времени минутку, чтобы подумать, нет ли между средствием новозыбковской огородницы и едва не сгубившим о. Созонта рецептом студентов «из сербин» такой же внутренней связи, какую его остроумию удалось показать на подобранных его усердием «перехожих» повестях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Редактор одной распространенной столичной газеты» — А. С. Суворин. По поводу этого анекдота Варнеке писал 8 декабря 1934 г. А. Н. Лескову: «Получив копию ‹рассказа «Клоподавие».— *А. П.*› по дороге в Москву, я там ее читал в доме одного приятеля. Среди слушателей оказался один старый газетчик, в юности работавший в С.-Петербурге и знавший Николая Семеновича. Он клянется и божится, что герой «знаменитого повара Шатобриана» не кто иной, как ‹...› Фаресов, который как раз так проштрафился. Не верить нет причины» (ГМТ, ф. 34, № 6527). Анатолий Иванович *Фаресов* (1852—1928) — публицист, сотрудник «Нового времени», позднее первый биограф Лескова. А. Н. Лесков согласился с этим мнением Варнеке (в письме от 17 декабря 1939 г.— ГМТ, ф. 34, № 6529).

[2] Павел Степанович *Усов* (1828—1888) — издатель газеты «Северная пчела» с 1860 г.; Лесков печатался в этой газете в 1862—1863 гг.

[3] Валентин Федорович *Корш* (1828—1883) был редактором «С.-Петербургских

ведомостей» в 1863—1874 гг. Сотрудничество Лескова в этой газете началось летом 1860 г. С конца 1860-х годов А. С. Суворин вел в той же газете еженедельное фельетонное обозрение (подпись: Незнакомец).

[4] Балабинский трактир в Петербурге находился на Большой Садовой улице, неподалеку от Публичной библиотеки.

[5] А. С. Пушкин. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая». Статья была написана в 1836 г. (см.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1949, с. 488—502).

[6] В книге Ф. И. Буслаева «Мои досуги» (ч. 2. М., 1886) была помещена написанная в 1874 г. статья «Перехожие повести», в которой он писал: «В течение многих веков блуждали и до сих пор не перестают еще блуждать из страны в страну по всему миру целые ряды повестей, анекдотов и разных рассказов, которые потому и называю *перехожими*, то есть странствующими...» (с. 266).

Буслаев прослеживает в статье миграцию с Востока в Западную Европу и на Русь ряда сюжетов: о молочнице, разбившей горшок с молоком, о женских хитростях и уловках и др.

[7] См. «Мертвые души», т. I, гл. XI.

[8] Николай Дмитриевич *Иванишев* (1811—1874) — юрист, историк и археограф, профессор Киевского университета с 1840 г. Лесков мог познакомиться с ним в 1849 и последующих годах в Киеве у своего дяди проф. С. П. Алферьева. Иванишев много лет работал в Киевской археографической комиссии; под его наблюдением (до 1865 г.) печаталось многотомное издание — «Архив Юго-Западной России».

[9] *Екклесиарх* — заведующий зданием храма и порядком богослужения. Выдубецкая обитель — см. примеч. 18 к рассказу «Счастье в двух этажах».

[10] О Порфирии Успенском см. примеч. 30 к тому же рассказу.

[11] Ср.: «Декамерон», четвертая новелла первого дня, вторая новелла четвертого дня, четвертая новелла восьмого дня.

[12] Славянское благотворительное общество в Петербурге было основано в 1877 г. Помимо благотворительной деятельности объединяло многих ученых-славистов, проводило ученые собрания, издавало книги по славянскому языкознанию, филологии и истории. В трудах общества преобладали консервативные идеи с заметным влиянием позднего славянофильства. Среди деятельных членов общества были и названные Лесковым: профессор Петербургского университета Владимир Иванович *Ламанский* (1833—1914); профессор русского и церковно-славянского языков Варшавского университета Антон Семенович *Будилович* (1846—1908); Василий Иванович *Аристов* (1831—1903).

[13] После выхода из гимназии Лесков в 1847 г. определился на службу в Орловскую палату уголовного суда. В Орле он прожил до осени 1849 г., когда переехал в Киев.

[14] Вероятно, Елисаветградский гусарский полк, квартировавший в Орле.

ЛОРД УОРОНЦОВ

Как грустно, что жизнь дала повод Пушкину в 1830 г. написать: «к доброжелательству досель я не привык» [1]. Но еще печальнее, что его неблагодарные потомки не сумели проявить доброжелательства к великому поэту и после его кончины. Чего не вытерпело его имя от необузданного пера Писарева? Но того еще можно слегка оправдать юностью: наверно, проживи он подольше, он сам бы первый со стыдом отрекся от тех односторонностей, на которые его толкнул господствовавший тогда в близких к нему кружках «дух времени», а что подумать о многочисленной семье профессоров Одесского (Новороссийского) университета, молча допустивших, чтобы на их празднике памяти пятидесятилетия смерти поэта местный архиерей произнес речь (перепечатана в «Православном обозрении», 1887, март), полную самого бесстыжего фарисейства и наглого искажения мыслей и чувств поэта [2]. Есть же среди них умные и честные люди. Как же они могли молча снести безобразие, учиненное в их среде над тем, чья память для каждого русского так беспредельно дорога?

Но от слов и писаний переходим к делам.

В свои последние наезды в Киев я узнал там одного очень скромного учителя русской словесности, всецело поглощенного своим делом. Недавно среди учебного года посещает он меня здесь, в Петербурге. Я удивился его выезду из Киева среди школьных занятий. И, к удивлению, услыхал

от него, что он отставлен учебным начальством, как бы вы думали за что? За то, что на уроках осуждал Воронцова за гонения на Пушкина. К счастью для молодого человека, бывший ректор Киевского университета занимает здесь высокое служебное положение, и он, по свойственной ему благородной доброте, пристроил изверженного по Министерству финансов, которым сам недавно управлял [3]. Киевские учебные власти поставили молодому учителю в вину то, что он осмелился осуждать распоряжения новороссийского генерал-губернатора Воронцова, тем более, что его прямые потомки стоят теперь у кормила власти и почтены высоким доверием [4]. Но неужели заслуги потомка делают неприкосновенными поступки и нравы их предков? Такая форма «обратной канонизации», кажется, не предусмотрена ни одним параграфом государственного права и явно противоречит здравому смыслу.

Я не историк; ни Пушкина, ни Воронцова не знал, но у меня недавно была встреча с человеком, искренний рассказ которого ясно показал, что по всему складу характеров этих людей они никак не могли мириться друг с другом. Огонь и вода, пламя и камень слишком мало подходят друг к другу.

В прошлом году моим спутником на пароходе оказался свитский генерал, видимо, тяготившийся одиночеством и искавший развлечения в рассказах о своем прошлом. Его повесть о Воронцове мне показалась любопытной и показательной для характеристики человека, на воспоминания о котором наводит нас Пушкин. Поэтому я тогда же ее записал.

— Начал я службу на Кавказе адъютантом у Воронцова, который уважал мою матушку. И через несколько месяцев после выпуска из школы гвардейских колонновожатых я попал в Тифлис. Жизнь там текла пышно и блистательно. Недаром приписывали старику Ермолову стихи, которые начинались так:

Версаль смешавши с Тегераном,
Ликует новый падишах [5].

А в Версале подобает быть и «большому» и «малому» двору. Глава и центр «большого» двора Елизавета Ксаверьевна [6] не переносила климата Кавказа и, отбыв там положенные празднества, спешила уехать или в Алупку, или в родную вотчину Браницких — Белую Церковь. Стало быть, большую часть года первенствовал «малый» двор, и la grande mademoiselle * или, как ее звали втихомолку, токайской Дюбарри — была красавица венгерка Ирма Чешени. Судьба ее примечательна, и ей-то и будет посвящен мой рассказ.

Доктор Андреевский [7], злой гений Воронцова, убедил его, что сады Тифлиса — самая лучшая почва для разведения токайских лоз, и всю свою жизнь стремившийся переделывать природу Воронцов, не долго думая, отрядил в Токай адъютанта для выписки оттуда лучшего виноградаря.

Удалось оттуда сманить мужа Ирмы. Ему было под шестьдесят, и он приехал с молодой женой, златорусой Ирмой. Но не долго пожил он у Воронцова. Изучая новые для него кахетинские вина, он сделал грубейшую и роковую ошибку, обращаясь с ними, как с родным токаем. Но токай вино прочное, густое и сразу ложится в желудок, откуда при движении легко и выходит без следа и вреда. Кахетинские вина легкие и быстрой струею сразу расходятся по всему телу. Им надо дать осесть и отстояться. Потому их пьют тихо, сидя в долгой беседе. Чешени этого не учел и стал их пить на ходу, между двумя выходами из дому, как русский мужик пьет походя ковш своего кваса. Кара последовала быстро, и не прошло и пол-

* главной фавориткой (*франц.*).

года, как его хватил смертельный удар среди грядок и борозд, приготовленных для новых посадок. Старика похоронили прилично, а что было делать с беспомощной вдовой? Она рвалась на родину. Но Воронцов решил, как потомок и последователь рыцаря Баярда [8], дать вдове успокоиться и «прийти в себя» и просил ее жить в отведенном ей с мужем арабском павильоне в его саду и сам стал помогать ей «пережить молодое горе».

Устроив и всю свою жизнь и жизнь своих близких с точностью безупречного хронометра, Воронцов ежедневно в семь часов заходил на террасу к вдове выкурить свою вечернюю сигару и утешал ее не словами, на которые он всегда был очень скуп, а ласковым взором, которым он, если хотел, мог согреть душу всякому, кто был ему нужен.

Скоро двор стал замечать, что, навещая ежедневно, минута в минуту, киоск вдовы, Воронцов или раз в неделю, а иногда и два раза, по понедельникам, а иногда еще и по четвергам вместе с вдовой на час входил внутрь киоска. И тогда двери киоска запирались, а сторки из оранжевого шелка ее спальни задергивались. А затем лучший ювелир Тифлиса получил заказ изготовить для Ирмы ожерелье из отборных алмазов.

Так Ирма, «не успев еще износить башмаков» после своего виноградаря, стала тифлисской мадам Дюбарри.

Этого звания она была вполне достойна. Высокая, стройная, она везде была щедро наделена природой. И наши казаки, глядя на нее, смеялись, будто «вона двох кавунчиков ховае» у себя под рубашкой. Но когда на ближайшем балу она показалась в своем ожерелье на открытых елико возможно мраморных плечах, пришлось всем признать, что это не кавуны, а нечто гораздо более соблазнительное и вкусное.

Наградила природа ее и силой. Она была лихая наездница, и лучшие кони воронцовской конюшни ходили под ее седлом.

Не желая в одиночку любоваться ее прелестями, Воронцов заказал ей мундир венгерского улана из голубого бархата с серебряным шитьем. И в узких рейтузах, плотно облегавших ее литые ноги, в лаковых сапожках с серебряными шпорами она верхом по-мужски скакала по горным улицам Тифлиса и тропинкам его предместий.

В охрану ей всегда по очереди давали одного из адъютантов. И мне, тоже ездоку не из последних, не раз приходилось удивляться и ее смелости и уменью.

Свиту Воронцова составляло двенадцать адъютантов, все молодых, на подбор красавцев из лучших родов империи. Но первенствовал между ними, бесспорно, барон Ричард, остзейский немец, прозванный Ричардом Львиное Сердце за свою храбрость, недавно сосланный из столицы за «излишнюю проворность».

Там знатные, но скудные средствами родители готовились поправить свои дела и достичь высших благ через высокое внимание первейшей особы к их юной дочери-красавице, только что кончившей с шифром Смольный.

Тогда смолянки с шифром были на виду, и не одна из них достигала всех благ покорным отношением к игривым капризам особ, нуждавшихся в общении с юными красавицами для отдохновения от государственных забот и вопросов большой политики.

Но барон Ричард, воспользовавшись отъездом родителей смолянки к тяжело заболевшей замужней дочери, рассек все рассчеты семьи, получив то, что предназначалось для особы, стоявшей неизмеримо выше и его самого и всех нас вообще.

Когда особа эта с досадой узнала, что барон сорвал плод, предназначенный ей самой, было повелено:

— В 24 часа на Кавказ, к Воронцову. Там проворные люди нужнее....

И Ричард из объятий смолянки, поспешно выданной за какого-то полу-

слепого сенатора, попал на Кавказ в нашу веселую, молодую среду и сразу всех очаровал, начиная с самого Воронцова, вскоре после его появления удостоившего высшей похвалой на своих сдержанных устах:

— A very pretty gentleman *.

Этого титула надо было заслужить [9].

И как же я удивился, когда, уехав на месяц в родной Ржев, чтобы выдать замуж свою сестренку, вернувшись, узнал, что барона Ричарда постигла новая опала: опять в 24 часа, по приказу уже Воронцова, его, отчислив от свиты, перебросили в глушь линейных батальонов под самый огонь немирных абреков.

Причину новой опалы, на сей раз куда более жестокой, никто не знал, и, боясь сплетен, которые всегда доходили до Воронцова, все упорно воздерживались от догадок на этот счет.

Только одна из гладильщиц, иногда по ночам тайком пробиравшаяся ко мне в комнату, чтобы проверить мое холостое белье, шепнула мне украдкой, что дело все в «проклятущей» венгерке, как ее звали все важные и неважные женщины окружения Воронцова, вернее всего из зависти к ее судьбе.

Поверить этому было трудно: венгерка все так же скакала в своем голубом мундире; по-прежнему минута в минуту каждый день шел к ней на террасу Воронцов курить свою вечернюю сигару, и по-прежнему в понедельник, а изредка и в четверг, на час задергивались оранжевые сторки ее спальни.

И я перестал верить явному злоречению своей ночной гостьи.

Однако злоречение оказалось на поверку правдой, как мне скоро рассказала... сама Ирма.

Пришла моя очередь скакать с нею. В этот раз она нервничала. И конь ей попался непослушный, и на всем скаку вдоль Куры нас задержал обоз с ранеными с линии, а Ирма таких тяжелых картин не любила.

И вот, заехав в глушь какого-то ущелья, она раньше обычного решила вернуться в город. Привязав лошадей к стволу засохшей чинары, мы сели с ней передохнуть перед обратным маршем домой.

Она курила свои пахитосы из золотого портсигара, а я глядел на столетние камни и глыбы.

— Вот так камни! — вырвалось у меня.

— Это не камни, камни — это ваш Воронцов,— возразила, как всегда на плохом немецком наречии, Ирма.

— Не мой, а ваш,— поправил я,— вы его любовь, его кумир.

— И не любовь и не кумир, а всего-навсего чашка, из которой он изволит изредка пить глоток своих наслаждений.

— Он вас так любит, так ценит,— продолжал спорить я.

— Не говорите о том, чего не знаете,— гневно оборвала меня Ирма. — Если бы он хоть крошечку любил меня, он не сделал бы того, что он мог сделать только с вещью, а не с женщиною.

И, видя по моему лицу, что я жду ее пояснений, она начала рассказывать, видимо, потому, что ей хотелось кому-нибудь рассказать то, что лежало у нее на сердце.

— Из-за меня погибнет Ричард. Его там наверное убьют. Я его не любила, но ласки стариков меня только дразнят, и мне хотелось узнать настоящую, сильную любовь сильного мужчины. Это вкусно. И вот в те часы, когда князь принимал у себя в кабинете чиновников, я несколько раз пускала к себе Ричарда. Еще покойный муж в таких случаях требовал, чтобы я оставалась совсем голой. То же нравится и Воронцову. Так лежали

---

* Очень милый благородный человек (*англ.*).

и мы с бароном, и вдруг раз, в самый разгар наших объятий, слышу голос князя: «Корнет, простите, вы не по форме одеты».

Мы и забыли запереть дверь, а из гостиной в мою спальню двери нет, а есть арка, завешенная ковром.

Сказав это, князь вышел на террасу и, хотя час был не положенный для его визитов, курил свою сигару.

Я и не заметила, как оделся и прошмыгнул другим ходом барон, а я, накинув халат, вышла к князю узнать свою участь.

Он был со мною ласков и мил, как будто ничего не случилось. Сделав несколько затяжек своей сигарой, он позвонил в сонетку и, когда пришла моя Фанни, сказал ей:

— Приготовьте омовение для мадам и перемените наволочку и простыни на постели.

Фанни вымыла меня, переменила белье, и затем вошел князь, и все произошло так, как будто ничего не случилось. Он так же, как всегда, целовал и гладил мое тело, а затем, разгорячившись, выпил свой глоток любви.

Затем, приводя в порядок свои одежды, он извинился передо мной:

— Извините, дорогая, что я позволил себе побеспокоить вас в необычный час. Но мне сегодня Андреевский показал новую пачку веселых картинок, и, чтобы к голове не было вредного прилива, я должен был не в очередь затруднить вас.

И с этими словами ушел. И с этих пор все идет вот уже месяц по-старому. Так кто же я для него? Женщина? Друг? Нет, я просто чашка, из которой он пьет лекарство от своих вредных приливов. Другой посмел выпить из нее. Дерзкого наказали, а к чашке привыкли, ее не разбили, не выкинули брезгливо, а только... выполоскали и снова стали пускать в ход...

И с этими словами Ирма вдруг разрыдалась так, что мне едва удалось ее успокоить настолько, чтобы мы могли снова сесть на коней.

На мой вопрос, как ужилась она дальше с Воронцовым,— генерал ответил:

— Чего не способны сделать деньги и комфорт? Ирма оставалась при Воронцове до самой его смерти. И он, как хорошо заведенная машина, все ходил к ней курить свои вечерние сигары, и в положенные дни задергивались сторки на окнах ее спальни.

А после его смерти она получила по завещанию 50000 рублей, вышла замуж за его старшего камердинера и с ним вместе открыла в Феодосии отель, где мне однажды пришлось проездом остановиться. Из лихой наездницы она стала девоткой * и все читала какие-то священные книжечки с золотым обрезом, а меня признать не пожелала.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из стихотворения «Ответ анониму».

[2] «Беседа преосвященного Никанора, архиепископа Одесского и Херсонского, в неделю блудного сына, при поминовении раба божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его». Была произнесена 1 февраля 1887 г. в церкви Новороссийского университета и в расширенном виде напечатана в «Православном обозрении», где ее и прочел Лесков. Изображая молодого Пушкина «совратившимся в язычество», поклонявшимся Киприде, Вакху и «всем языческим божествам», воспевавшим «все страсти в самом диком их проявлении», автор речи сопоставлял поэта с евангельским «блудным сыном» и изображал его раскаявшимся к концу жизни во всех своих «заблуждениях». «Неделя блудного сына» отмечалась церковью в 1887 г. со 2 по 8 февраля.

Никанор *Бровкович* (до пострижения Александр Иванович; 1827—1890) выступал в печати также с резким осуждением нравственного учения Л. Н. Толстого.

[3] Н. Х. Бунге — о нем см. примеч. 2 к рассказу «Счастье в двух этажах».

* ханжой (от франц. dévote — набожная, благочестивая).

[4] Лесков ошибся: род Воронцовых прекратился со смертью сына М. С. Воронцова, Семена Михайловича (1823—1882). Возможно, что Лесков имел в виду графа Иллариона Ивановича *Воронцова-Дашкова* (1837—1916), который в 1881—1897 гг. был министром двора; но он принадлежал к другой ветви рода Воронцовых.

[5] Алексей Петрович *Ермолов* (1772—1861) был с 1817 г. главноуправляющим Грузией и командиром отдельного Кавказского корпуса. В 1827 г. был уволен в отставку, а на его место был назначен И. Ф. Паскевич. Прожив до конца жизни на положении опального, Ермолов, славившийся своим независимым нравом и острым языком, с ревнивой язвительностью относился и к своему преемнику Паскевичу и к Воронцову, назначенному наместником Кавказа в 1844 г. Лесков запечатлел Ермолова в образе генерала Стрепетова (роман «Некуда») и написал в 1869 г. биографический очерк «Алексей Петрович Ермолов» (*Лесков*, т. 10, с. 157—167).

[6] Елизавета Ксаверьевна *Воронцова* (рожд. графиня Браницкая; 1796—1880).

[7] Эраст Степанович *Андреевский* (1809—1872) — врач. Служил при Воронцове еще в Одессе; после назначения Воронцова на Кавказ переехал в Тифлис, где занял должность гражданского генерал-штаб-доктора Кавказа.

[8] Пьер дю Террайль *Баярд* (1476—1524) — французский дворянин, прославившийся своим мужеством и благородством. Его имя стало символом «рыцаря без страха и упрека».

[9] По поводу этой истории Б. В. Варнеке писал 26 мая 1939 г. А. Н. Лескову: «Весь рассказ про причину ссылки барона на Кавказ я читал когда-то во французской книжечке из библиотеки казанского историка Д. А. Корсакова. Заглавие что-то вроде «Les amours du palais Impériale» *. Не помню кто (читал в 1914 г.), не то Николай I, не то его мечтательный сынок, сослал на Кавказ адъютантом за то, что он trop vite **. Едва ли таких книжечек не знал Николай Семенович» (ГМТ, ф. 34, № 6515).

---

* «Любовные похождения в императорском дворце» (*франц.*).

** очень шустр (*франц.*)

НЕИЗДАННЫЙ РАССКАЗ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ИГРУШЕЧКА»

Предисловие и публикация Т. С. Карской

Лескова, как и многих русских писателей, волновала судьба подрастающего поколения, его физическая и нравственная готовность к суровым испытаниям в жизни. Своеобразное миропонимание писателя сказалось на трактовке им и этого вопроса. Мысли Лескова о воспитании были столь устойчивы, столь постоянны, что если собрать воедино такие факты, как многолетняя его работа в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа, сотрудничество в детских журналах «Игрушечка» и «Задушевное слово», где были опубликованы его рассказы «Христос в гостях у мужика» (1881), «Неразменный рубль» (1883), «Отцовский завет» (1886), «Лев старца Герасима» (1883), «Коза» (1890), «Дурачок» (1891) и другие, его неоднократные суждения на тему воспитания в статьях и письмах, наконец, устные высказывания писателя, дошедшие до нас в мемуарной литературе, — становится возможным осмысление его взглядов на воспитание молодого поколения в достаточно определенной системе [1].

Заметное место в документальном обосновании этой системы может занять небольшой рассказ (или очерк) писателя «Добрая мать по пифагорейским понятиям». Автограф его хранится в личном фонде А. Н. Пешковой-Толиверовой вместе с многочисленными письмами и записками Лескова к писательнице, которой он нередко оказывал помощь в литературной работе [2]. Рукопись представляет собой около двух с половиной страниц убористого письма с обильными авторскими исправлениями и вставками. Заглавие и вступительная часть написаны дважды — второй раз поверх зачеркнутого первого варианта. Внизу подпись: Николай Лесков. Дата отсутствует. Судя по первому (зачеркнутому) варианту вступления, рассказ предназначался для детского журнала «Игрушечка», основанного в 1880 г. Т. П. Пассек. Лесков был связан с этим журналом со времени его основания и вплоть до последних дней своей жизни.

Решающее значение для датировки рассказа приобретает качество бумаги, которую использовал писатель. Обследование архивных фондов Лескова в Москве и Ленинграде позволило прийти к заключению, что очерк был написан в начале 1880-х годов, не позднее 1883 г. Именно в этот промежуток времени на точно таких же двойных листах хорошо проклеенной голубоватой бумаги, в прямоугольную клеточку, с отогнутыми широкими (75 мм) полями, густыми черными чернилами были написаны Лесковым «Разговор с пьяным» и «Соколий перелет. Повесть лет временных. Роман. Часть первая, книга вторая. Бойцы и выжидатели» [3], помеченные самим автором — первое произведение 1881 г., второе — 1883 г. Половинки и четвертушки таких же листов в 1880—1883 гг. послужили Лескову для писем и записок И. С. Аксакову [4], А. С. Суворину [5], С. Н. Терпигореву [6], А. Н. Якоби (Пешковой-Толиверовой) [7]. Позже 1883 г. автографы писателя на подобной бумаге не обнаружены.

Центральная часть рассказа представляет собой приспособленную для детского чтения обработку письма «пифагорейки Феаны» о воспитании молодого поколения. Разыскания позволили установить, что это письмо Лесков извлек из вышедшей в 1817 г. в Москве книги «Пифагорейские жены» — второго издания (в России) перевода сочинения К. М. Виланда «Die Pythagorischen Frauen» (1790) [8]. Этот перевод был осуществлен С. Нечаевым [9]. Другой, более ранний перевод этой же книги был сделан Я. Дружининым [10].

Лесков воспользовался именно нечаевской работой. Об этом свидетельствует прежде всего написание имен собственных. Так, если Дружинин по византийско-сла-

вянской традиции пишет: Феано и Эввула, то у Лескова, как и у Нечаева, несомненно знакомого с латино-европейской орфоэпией, адресат письма носит имя Эвбула, а имя Феано русифицировано — Феана. О том же говорят и иные сопоставления. У Дружинина начало письма звучит так: «Я слышу, что ты, желая быть доброй матерью, воспитываешь детей своих с лишнею негою» (с. 52), а у Нечаева: «Я слышу, что ты воспитываешь своих детей слишком нежно. Твое желание быть доброй матерью...» (с. 22). У Лескова: «Я слышу, что ты воспитываешь своих детей нежно... Конечно, ты хочешь быть доброй матерью». От Нечаева Лесков заимствует и выражение «рабы страстей» (с. 23 и 25), в то время как у Дружинина — «раболепство страстей» (с. 55). Примеры легко умножить.

Как сказано, Лесков несколько преобразовал текст. Он устранил длинноты, осовременил язык, снял «не детское» [11], например, фразы: «обуздание чувственных вожделений» (с. 22), «прелесть чувственного наслаждения» (там же), «воспитываешь сыновей своих точно как маленьких Сарданапалов» (с. 2). Устранил писатель и малоудачный заключительный пример, где избалованные дети уподобляются винограду, «который, напитавшись худых соков, непременно худые производит грозды» (с. 26). Под умелым пером Лескова вещь зазвучала острее, энергичнее.

И все-таки рассказу не суждено было увидеть свет. Он разделил судьбу произведений, забытых самим писателем. Возможно, что Лесков усомнился в подлинности облюбованного им материала, узнав в какой-то момент о склонности Виланда к литературным мистификациям. Но вероятнее всего, главную роль сыграли расхождения взглядов на воспитание между ним и издательницей «Игрушечки» Т. П. Пассек. Отголоски их разномыслия обнаруживаются в переписке Лескова. Проникли они и в написанный им некролог Т. П. Пассек:

«С педагогией же она (Т. П. Пассек.— *Т. К.*) была совершенно незнакома и притом ей не верила. Она говорила: Какая педагогия! Это пустяки! Воспитывать надо *любовью*. С ней иногда спорили и ей доказывали, что деревце нужно не только окапывать и поливать, но что нужно освобождать и от глушащих теней, и подвязывать, и обрезать кривые и несвоевременные поросли, но все это было напрасно. В воспитательных взглядах она была «бабушка-баловница», и ее детский журнал вовсе не осветил, чем отличается драгоценное чувство *нежности* от вредноснейшего по своим последствиям баловства, которое у нас замещает нежность и плодит бессилие и безволье характеров даже в самых счастливо одаренных натурах» [12].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вопрос о педагогических взглядах Лескова не получил еще должного отражения в научной литературе. Один только А. Н. Лесков затронул эту тему, но тотчас же оставил ее, смущенный, как ему показалось, противоречивостью взглядов отца. «А в общем — сбивчивость, противоречия,— писал он.— Как во всем этом разобраться и что из всего этого изнести, воспринять к разумению, к применению в жизни?» (*Жизнь Лескова*, с. 499).

[2] ИРЛИ, ф. 227, № 62, л. 159—160.

[3] ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1—3; там же, ед. хр. 15.

[4] ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, л. 53—58, 61—62, 67—72.

[5] Там же, ф. 268, № 131, л. 41—42, 46.

[6] Там же, ф. 308, № 23, л. 1, 2.

[7] Там же, ф. 227, № 62, л. 23—24.

[8] По словам Виланда, в основу его труда было положено собрание античных документов, изданное в 1499 г. в Венеции. Из семи писем, приписываемых легендой Феано — предполагаемой жене и последовательнице знаменитого греческого философа Пифагора (ок. 580—500 г. до н. э.), Виланд использовал только три, непосредственно связанные с темой нравственного усовершенствования личности, достоверность которых не вызывала у него сомнения.

[9] Пифагорейские жены. Сочинение Виланда. Перевод С. Нечаева. М., 1817.

[10] Пифагоровы ученицы. Из сочинений Г. Виланда. Перевод с немецкого ‹Якова Дружинина›. СПб., 1797.

[11] Слова Лескова, сказанные им по поводу переделок литературных текстов для детских изданий. См. письмо к А. Н. Якоби от 28 июня 1883 г. (ИРЛИ, ф. 227, № 62, л. 23).

[12] Николай Л е с к о в. Литературная бабушка (Татьяна Петровна Пассек).— «Всемирная иллюстрация», 1889, т. XII, № 15, с. 266. Курсив Н. С. Лескова.

ДОБРАЯ МАТЬ ПО ПИФАГОРЕЙСКИМ ПОНЯТИЯМ

Добрая мать — есть высшее счастье, какое дается на земле человеку, но дитя не всегда в силах оценить доброты своей матери. Точно так же взрослые не все к этому способны. Нежность и чувствительность часто принимают за доброту, тогда как доброта гораздо выше, она есть сознательное стремление сделать дитя счастливым не в текущую минуту, а в долготу дней всей его предстоящей жизни. Такие матери многим кажутся суровыми и недобрыми, тогда как их-то доброта и дает воспитание, способное сделать человека счастливым.

Образцом материнского благоразумия и доброты считают одну из пифагорейских женщин Феану, от которой сохранилось письмо, высказывающее ее взгляды на воспитание. Я предлагаю вам его прочесть в надежде, что это поможет вам понять, почему истинно добрая мать не может и не должна потворствовать детским слабостям.

Вот что писала Феана к приятельнице своей Эвбуле *:

«Я слышу, что ты воспитываешь своих детей нежно и не радуюсь этому. Конечно, ты хочешь быть доброй матерью, но добрая мать не та, которая приучает детей к приятностям жизни. Их очень немного, и привычка к ним с детства обратится в пагубу. Добрая мать должна обуздать в детях это стремление и не дозволять развиваться в них жажде наслаждений. Иначе они будут несчастны, и ты будешь несчастна, потому что мать, которая воспитывает рабов страстей, непременно выпьет чашу горечи, видя их рабство. Учи детей воздерживаться от всякого своеволия. Кто не умеет повиноваться, тот никогда не будет в состоянии управлять собою. Не порть детей баловством и потворством. Пусть они живут просто и питаются простою здоровою пищей. Дети простых людей обнаруживают больше характера и терпения, а в этом заключается сила, нужная для перенесения неизбежных в жизни бедствий. Пусть дети наши научаются сносить клеветы и насмешки; пусть они знают, что труд тяжел и горек, но при всем этом пусть они любят труд и презирают праздность. Для этого никогда не будь сама без дела и не произноси слова «скука». Только такое воспитание образовывает сильные характеры: оно для детских дум есть то же самое, что квасцовая вода для тканей, которые хотят окрасить в драгоценный пурпур. Чем лучше эти ткани напитываются приготовительною влагою, тем легче в них войдет цвет добродетели, тем ярче и огнистее засверкает пурпур».

Таково мнение истинно доброй матери, которая прославилась «добрым хозяйством и умной любовью к семье». Вспомните ее, когда вас огорчает какое-нибудь запрещение и утешьтесь тем, что оно нужно для вашего будущего счастья.

Лучшего желания на наступающий Новый год вам я сказать не умею.

Николай Лесков

---

* *Первоначальный текст вступления*: Так как «Игрушечку» читают не самые маленькие дети и притом ее нередко пробегают родители и воспитатели детей, то, может быть, уместно будет привести в ней несколько слов о воспитании, слов, сказанных уважаемой женщиной в древности.

У нас очень часто нарекают на школу за то, что она не воспитывает характеров, а школа винит в том же самом семью, и, по правде сказать, семья в этом более виновата, чем школа, куда дети приходят уже с известной заправкой.

Старое время, конечно, не следует считать лучшим временем во всех отношениях, но недостойно отвращать глаза от того, что дало заведомо добрые плоды в прошлом. К числу таких примеров следует причислить образец воспитания у пифагорейских женщин, которые были женами мудрецов и матерями сильных духом.

Воспроизводим для этого из забвения письмо Феаны к Эвбуле:

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ЛЕСКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ И. С. ТУРГЕНЕВА *

Обзор Л. Н. Афонина

Николай Семенович Лесков, пожалуй, как никто другой из русских литераторов — его современников — был не только страстным библиофилом, но и авторитетным знатоком, исследователем книги, особенно старопечатных и редких изданий, а также бесцензурной, «потаенной» литературы. Не без гордости он говорил: «Я нигде не кончил курса, но не могу сказать, чтобы я не учился, так как до седых волос не расстаюсь с книгой. Можно ли сказать, что я не проходил высшего образования?» [1]. Много лет непрестанно и увлеченно Лесков копил книжные сокровища. Эта страсть, по свидетельству сына писателя, «превозмогла даже правило остерегаться расточительства. Тут допускались и оправдывались жертвы, не согласовавшиеся с другими требованиями жизни» [2]. Книги в лесковское собрание стекались отовсюду: из первостатейных столичных магазинов и с книжных развалов в Охотном ряду, от знаменитых букинистов, вроде живого «антика» Иова Герасимова [3], и от собратьев по литературе, украшенные их автографами, из Цензурного комитета, не допущенные к распространению, и из-за границы, нелегально доставленные в Россию. Ф. Г. Шилов, служивший в молодости в петербургской книжной лавке Мельникова, рассказывает: «Часто заходил к нам Н. С. Лесков. ⟨...⟩ Лесков чрезвычайно любил книгу. По всем каталогам, которые выпускал Мельников, он отмечал много книг и очень расстраивался, если книги оказывались проданными» [4].

Впервые побывавший у Лескова в январе 1875 г. И. А. Шляпкин тогда же записал: «Смотрел библиотеку: около тысячи томов. Много запрещенных, полученных с разрешения М. Н. Лонгинова (главноуправляющий по делам печати). Есть и старопечатные: «Небо новое», «Ключ разумения», «Требник Петра Могилы» (120 рублей заплатил). Большое количество справочных книг и словарей ⟨...⟩. Просил достать Гоголя «Рассуждение о божественной литургии». Кто-то отнял книжку у Лескова, да и дразнит: книжечка-то у меня» [5]. Спустя почти двадцать лет, в марте 1894 г., корреспондент «Петербургской газеты» пишет, что в кабинете Лескова масса мебели, «заваленной книгами» [6]. «Книги грудами навалены на трех больших столах»,— замечает тот же репортер, рассказывая о своей встрече с Лесковым в ноябре 1894 г. [7] Но, вероятно, основная часть лесковской библиотеки размещалась в спальне, обстановка которой, как вспоминает сын писателя, наряду с комодом, диваном и т. д., «состояла из беспретенциозных книжных шкафов» [8].

Сколько книг насчитывалось в библиотеке Лескова? Ответить теперь на этот вопрос трудно, пожалуй, даже и невозможно, хотя сам хозяин собственноручно вел счет своим книжным богатствам. Как свидетельствует его сын, существовал «толстый, увы, погибший в двадцатых годах, каталог отцовской библиотеки» [9]. Возможно, что в этом несохранившемся своде была перечислена не одна тысяча томов. По оценке Шляпкина, после Лескова «осталась библиотека, заключавшая в себе до трех тысяч томов» [10].

---

* *От редакции.* После смерти Л. Н. Афонина редакция «Литературного наследства» дополнила его работу данными о библиотеке Лескова, собранными С. П. Шестериковым и любезно предоставленными К. П. Богаевской для использования в настоящем обзоре. Кроме того, редакция включила в обзор новые сведения о судьбе библиотеки, которые содержатся в письмах А. Н. Лескова к И. А. Шляпкину. Примечания к этим дополнениям также принадлежат редакции.

Все данные о книгах из библиотеки Лескова, а также приводимые в обзоре надписи, заметки и т. п. проверены А. И. Понятовским.

Однако судьба этого ценнейшего собрания оказалась поистине печальной. Немало книг пропало еще при жизни писателя. Так, один из его собеседников вспоминал, что видел однажды в кабинете у Лескова надпись на картоне: «Все, кроме книг». Смысл этого изречения объяснил сам Лесков:

«Злейшими врагами наших библиотек я считаю тех из наших друзей-приятелей, которые неотступно преследуют нас своими просьбами «одолжить книгу прочесть». Они-то именно и есть настоящие истребители наших библиотек...» Сказав, что он роздал таким «друзьям-приятелям» «добрую треть своей библиотеки», Лесков продолжал:

«И обиднее всего то, что из-за этого у меня многие экземпляры разрознены... Где одного, где двух томов не хватает.

— Вот, не угодно ли вам полюбоваться,— подвел меня Н. С. к одному из книжных шкафов своих.— Писарев... павленковское издание... недостает второй части и пятой... Кто-нибудь попросил «на денек» да так и зажилил... Право, не так досадно было

ЭКСЛИБРИС Н. С. ЛЕСКОВА
Гравюра
Музей И. С. Тургенева, Орел

бы, если бы он взял все десять частей Писарева,— по крайней мере хоть у него был бы полный экземпляр Писарева, а то ни у меня, ни у него нет всего Писарева. Теперь посмотрите дальше: Державин... академическое издание... двух томов не хватает. Где они? Ищи ветра в поле... У меня, знаете, не было обыкновения записывать, кому какую книгу я даю... Вот вам Маколей... Из 16 томов четырех как не бывало... «Современник» 63-го года, и того не пощадили: первые три книжки гуляют в чьих-то руках. А между тем одна из этих книжек, мне она особенно дорога была, так как на полях ее Н. Г. Чернышевский делал специально для меня собственноручно дополнения к своему роману «Что делать?» Я уже не говорю о Шлоссере, который у меня почти весь растаскан... У меня даже нет тех книжек «Русского вестника», где печатались мои сочинения — все я роздал собственными руками... И вот теперь я, наконец, решил наклеить на стене своего кабинета эту надпись... Все, мол, можете просить у меня, кроме книг» [11].

С этим горестным «изустным» признанием книголюбивого писателя красноречиво перекликается его мольба, написанная на переплете первого издания «Народных русских легенд», собранных А. Н. Афанасьевым: «Добрые люди! не крадьте у меня эту книжку.— Уже три такие книжки украдены. О сем смиренно просит Николай Лесков (цена 8 р.)» (ГМТ, № 610/125) [12].

Вскоре после смерти Лескова значительная часть его библиотеки была продана владельцу антикварной книжной торговли в Петербурге Я. А. Соколову. «Продажа библиотеки Лескова,— вспоминает Шилов,— была, конечно, крупным событием в книжном мире. Больше всего книг из библиотеки Лескова купил некто Тюменев, большой любитель книг, родом из рыбинских купцов; кое-что и сам он пописывал и даже выпустил исторический роман под псевдонимом И. Привольев «Халдей, повесть из новгородской жизни XV века». Он так увлекся библиотекой Лескова, что решил купить всю лавку; это давало ему возможность первым просматривать все покупки и отбирать для себя самое интересное. Однако из библиотеки Лескова он купил хотя

и много, но очень многое и упустил» [13]. Судьба книжного собрания, приобретенного Тюменевым, неизвестна.

Изложенные сведения о составе лесковской библиотеки и о ее последующей судьбе можно дополнить данными, собранными покойным исследователем Лескова С. П. Шестериковым и вошедшими в подготовленный им (но не изданный) том «Летописей» Государственного Литературного музея «Письма Лескова». Он приводит воспоминания С. Ф. Либровича, в которых говорится, что «прекрасная, тщательно подобранная, хотя и небольшая, библиотека была у Лескова. Вообще Лесков много тратил на книги, был постоянным посетителем лавок букинистов и очень гордился своими книгами, среди которых встречались многие редкие» [14].

Сведения о продаже наследниками библиотеки Лескова С. П. Шестериков обнаружил в газете «Русь», в «Заметках», написанных ко второй годовщине смерти писателя: «Два года уже, как Лесков скончался. Наследники давно успели ввестись в владение собственностью покойного, успели продать букинисту его редкую библиотеку, собиравшуюся им в течение всей жизни, книжечка к книжечке, с аппетитом библиофила....» [15].

Обращение к каталогам антикварной книжной торговли Я. А. Соколова за 1896—1897 гг. позволило С. П. Шестерикову установить, что книги из библиотеки Лескова здесь не были выделены, но при некоторых названиях имеются пометы, что данный экземпляр содержит авторскую надпись Лескову. Далее он пишет: «Общий состав книг, описанных в указанных каталогах Соколова, вполне соответствует интересам Лескова, об отдельных книгах можно даже с уверенностью сказать, что они принадлежали Лескову (упоминания о них встречаются в произведениях и в переписке Лескова), но, конечно, эти каталоги неизбежно «засорены» указаниями на книги, попавшие к Соколову не из библиотеки Лескова...» [16]

С. П. Шестериков собрал также разрозненные упоминания в печати о дальнейшей судьбе некоторых лесковских книг. Какая-то часть их была приобретена у Соколова Ф. А. Витбергом [17]; ряд книг, «испещренных примечаниями и отметками Лескова», купил М. О. Меньшиков, среди них была «редкостная диссертация об Орегоне» [18]; книга «О заблуждениях и предрассудках, господствующих в различных сословиях общества», соч. И.-Б. Сальга, ч. 1—2. СПб., 1836, со штемпелем Лескова «Редкий экземпляр», была куплена А. Е. Бурцевым [19]; А. С. Суворин приобрел рукописную книгу: Пиго ле Б р ю н ь. О священном писании [20]; экземпляр старинного Евангелия с «пометами карандашом и пером» Лескова попал в 1910 г. в руки И. И. Ясинского [21].

К материалам, собранным С. П. Шестериковым, можно присоединить сведения о судьбе библиотеки Лескова, которые извлечены из писем А. Н. Лескова к И. А. Шляпкину [22]. 4 мая 1895 г. он обращается к адресату с просьбой: «Дело идет, как вы, может быть, уже догадываетесь, о библиотеке. Решено, что купить ее следует мне; вопрос, следовательно, сводится к установлению верной и нелицемерной ее оценки». И дальше он просит Шляпкина помочь в определении стоимости библиотеки. Упоминаний о том, что Шляпкин выполнил эту просьбу, в последующих письмах нет — не исключено, что какие-то обстоятельства помешали этому. В письме от 16 мая 1895 г. А. Н. Лесков глухо сообщает о пережитых неприятностях и добавляет: «Спасибо, что хоть кончилось, наконец»,— очевидно, он намекал на споры при разделе имущества покойного между наследниками (их было трое: сын, дочь Лескова от первого брака В. Н. Нога и воспитанница его Варя Долина). О библиотеке здесь не сообщается ничего. Но 7 октября того же года А. Н. Лесков пишет: «Помнится, вы были не прочь при случае поподробнее рассмотреть доставшуюся мне после покойного отца библиотеку» — и приглашает его приехать для этого на Фурштадскую № 13. Таким образом, можно считать твердо установленным, что все книги Лескова перешли во владение его сына. Мы не знаем, когда точно и по каким мотивам. А. Н. Лесков пришел затем к решению продать книги отца. Но к началу 1896 г. их судьба была уже решена. 7 января он пишет, что оставил себе книг «на сумму около 800—900 р.» и думает их «держать в долготу дней».— «В остальном я уже не властен».

Эти сохраненные книги и составили, по-видимому, основу собрания, находящегося ныне в Орле. К ним прибавились позднее книги, полученные, вероятно, от родственни-

ков; а затем, когда А. Н. Лесков вплотную занялся изучением жизни отца, он стал разыскивать и приобретать у букинистов издания, отмеченные автографами, экслибрисами и штампами Н. С. Лескова. Об этом свидетельствуют пометы рукой А. Н. Лескова на некоторых книгах: «Купил 17 сентября 1947 года в букинистическом магазине на Невском, 60. Уплатил 75 рублей» (написано на т. I Сочинений Лескова. СПб., 1889, с дарственной надписью автора В. М. Макшеевой); «Приобрел в Лавке писателей, 1949 г.» (на оттиске «Рассказов кстати», подаренном писателем Е. М. Бём) и т. д.

В 1956 г. лесковские книги, сохраненные Андреем Николаевичем, от его вдовы Анны Ивановны Лесковой (Ленинград) поступили в ГМТ. Всего было передано (вместе с позднейшими единичными поступлениями) 289 книг, брошюр, журнальных оттисков, отдельных номеров различных газет («Правительственный вестник», «Страна», «Новости», «Киевлянин» и др.) и газетных вырезок. Многие издания имеют экслибрисы: «Из библиотеки Н. С. Лескова», «Из библиотеки Н. С. Лескова. «Редкий экземпляр» или штампы владельца: «Николай Семенович Лесков. Сергиевская, 56, кв. 14», «Николай Семенович Лесков. Фурштадская, 50, кв. 4», «Редкость», «Редкий экземпляр». Большинство книг в отличных переплетах, сделанных по заказу хозяина, с вытисненными на корешках инициалами «Н. Л.». В настоящее время почти все эти книги находятся в орловском музее Н. С. Лескова (филиал ГМТ).

О некоторых уникумах из этого примечательного собрания обстоятельно рассказано А. Н. Лесковым в его книге об отце [23]. Несколько книг упоминается в комментариях к 11-томному Собранию сочинений Лескова (М., «Художественная литература», 1956—1958*).

Однако в целом книги Лескова, хранящиеся в Орле, в достаточной степени еще не изучены, научного описания их пока нет, хотя необходимость в нем настоятельна. Стоит в этой связи вспомнить, что писал А. В. Амфитеатров еще в 1904 г.: «На основании одной литературной деятельности характеристика Лескова почти бессильна: так все пестро, сбивчиво, фантастично, противоречиво, сумбурно.... так громадно неуклюжи добро и зло! Необходимы мемуары, дневники; а остались ли они?» [24] И вот уцелевшие книги писателя, хранящие следы его чтения, восторгов, раздумий, страстного приятия или отрицания прочитанного, как раз помогают многое разгадать в «трудном росте» Лескова, как он сам определил свой литературный путь, разобраться в его духовных исканиях, исследовать неповторимо своеобразный сплав лесковских сочинений, возникавших в тесном переплетении с крупнейшими явлениями русской и зарубежной общественно-политической, философской и художественной мысли от античности до 90-х годов XIX столетия.

Дошедшая до нас часть библиотеки Лескова свидетельствует об энциклопедической широте читательских интересов писателя: отечественные классики и античные авторы, русский фольклор и исследования европейских социологов, религиозно-нравственные сочинения и либретто модных оперетт, молитвенники и мемуары политических деятелей, книги по истории, философии, медицине, военному делу, справочные издания...

Первое место по количеству томов (111) принадлежит русской классике, представленной собраниями сочинений и отдельными изданиями А. Н. Радищева, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, Н. Ф. Щербины, И. А. Гончарова, А. М. Жемчужникова, В. С. Соловьева и др.; сюда входит и «Лесковиана», которая состоит из прижизненных публикаций произведений Лескова (41) **.

Коллекцию книг и газетно-журнальных оттисков рассказов и статей Лескова открывает вырезка из «Отечественных записок» (1861, № 4) — «Очерк винокуренной промышленности (Пензенская губерния)», обозначенная авторской надписью: «Лесков, 1-я проба пера. С этого начата литературная работа (1860 г.)» (610/279) [25]. Близко по

---

* Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

** В дарственных автографах и в других надписях на книгах Лесков нередко пользовался сокращенными написаниями слов. В большинстве случаев эти сокращения, если их смысл очевиден, дополняются без ломаных скобок.— *Ред.*

времени и другое весьма редкое издание: напечатанная тиражом 60 экз. и в продажу не поступившая докладная записка «О раскольниках города Риги, преимущественно в отношении к школам. 1863» (610/210). На ее переплете из красного сафьяна по воле автора вытиснено золотом: «О раскольниках города Риги и о их школах, составлена Н. С. Лесковым по поручению министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина. 1863». О деятельности писателя в министерстве народного просвещения напоминает также издание со штампом «Редкость»: «Выписка из журнала Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения (4 декабря 1879, № 387) о преподавании закона божия в народных школах. СПб., 1880 (напечатано в количестве 200 экз. по распоряжению г. Министра народного просвещения)» (610/129). Под таким заголовком увидел свет обширный доклад Лескова, который слушался и обсуждался в Особом отделе Ученого комитета 19, 20, 27 ноября и 4 декабря 1879 г. Со штампом «Редкость» сохранилось и анонимно вышедшее исследование «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу (в продаже не обращается). СПб., 1884» (610/17); свое авторство подтвердил на ней Лесков: «Эту книгу, напечатанную с разрешения министра внутренних дел гр. Дмитрия Андреевича Толстого, написал я, Николай Лесков, а представил ее к печати некий Петр Львович Розенберг, который отмечен ее фиктивным автором» [26].

Большой интерес представляют издания, которые свидетельствуют о цензурных мытарствах Лескова, в том числе разрозненные комплекты «Газеты А. Гатцука» за годы: 1882, № 10—11, 33—36, 48; 1883, № 7—9, 39—42; 1884, № 2, 9—14 (610/222). Здесь были напечатаны рассказы и очерки: «Московский козырь», «Жидовская кувырколлегия», «Афонские зазывальщики», «Путимец», начало романа «Соколий перелет» и «Заметки неизвестного». За «несомненно вредное» направление напечатанных в № 9—11 за 1884 г. «Заметок» газета получила первое предостережение министра внутренних дел, отвечая на которое издатель писал: «Странный приговор г. Министра мы принимаем с покорностью воле божьей, хотя не сознаем основания его. ⟨...⟩ рассказы г. Лескова, художественно оттеняющие столь нежелательные русскому человеку, давно отжитые, схоластически-семинарские начала, доселе нередко встречающиеся в нашем почтенном духовенстве (№ 9, 10, 11), не могут же быть признаком несомненно вредного направления» [27]. В том же № 14 печатался и очередной рассказ из «Заметок неизвестного», вызывающе названный «Остановление растущего языка». На этом из-за второго предостережения министра публикация «опасного» сочинения прекратилась, хотя читателям было обещано продолжение. В лесковском комплекте «Газеты А. Гатцука» «Заметки неизвестного» подверглись позднейшей незначительной авторской правке стилистического характера.

Есть в библиотеке писателя и один из немногих уцелевших от предписанного Главным управлением по делам печати «совершенного уничтожения» экземпляр знаменитого VI тома Собрания сочинений Н. С. Лескова, СПб., 1889, в который вошли «Мелочи архиерейской жизни» и другие очерки, признанные цензурным комитетом «дерзким памфлетом на церковное управление в России и на растление нравов низшего духовенства» (610/11) [28].

Владельческими штампами и экслибрисами отмечены книги: Рассказы М. Стебницкого (Н. С. Лескова), т. 2. I. Старые годы в селе Плодомасове. II. За что у нас на каторгу хаживали. III. На чем ума лишались. СПб., 1869 (610/24); Н. С. Л е с к о в-С т е б н и ц к и й. Загадочный человек. Эпизод из истории комического времени на Руси. С письмом автора к Ивану Сергеевичу Тургеневу. СПб., 1871 (610/100); Соборяне. Старогородская хроника Н. Лескова (Стебницкого). М., 1872 (610/16); Н. С. Л е с к о в-С т е б н и ц к и й. Сборник мелких беллетристических произведений. СПб., 1873 (610/110); Очарованный странник. Рассказ Н. С. Лескова. СПб., изд. газеты «Русский мир», 1874 (610/28); Н. С. Л е с к о в. Соборяне. Старогородская хроника. В пяти частях. Третье тиснение. СПб., 1878 (2 экз.— 610/12, 610/23); Указка к книге Нового завета. Б.м., 1879 (610/274) [29]. Русские богоносцы. Религиозно-бытовые картины Н. С. Лескова. I. На краю света. II. Владычный суд. СПб., 1880 (610/14); Н. С. Л е с к о в. Русская рознь. Очерки и рассказы (1880 и 1881). СПб., 1881 (610/314) [30]; Изборник отеческих мнений о важности священного писания. Собрал и издал Н. Л е с к о в.

СПб., 1881 (610/92); Н. С. Л е с к о в. Леон, дворецкий сын (Застольный хищник). Из народных легенд нового сложения (оттиск из «Собрания романов» Е. Н. Ахматовой, 1881, юбилейная книжка, с. 195—216; 610/278); Н. С. Л е с к о в. Колыванский муж. Из остзейских наблюдений (оттиск из «Книжек Недели», 1888, № 12; 610/25); Н. С. Л е с к о в. Собрание сочинений, т. XI. СПб., 1893 (610/22); Н. С. Л е с к о в. Стальная блоха. Сказ о тульском левше и стальной блохе (цеховая легенда). Второе отдельное издание. СПб., 1894 (610/15).

Особый раздел мемориальной библиотеки составляют издания с дарственными автографами писателя: Некуда. Роман М. Стебницкого, т. 1—2. СПб., изд. М. О. Вольфа, 1867 (610/30). Автограф: «Любезной матери моей Марье Петровне Лесковой от автора на милую память. 14 марта 67 г. СПбург»; Н. С. Л е с к о в (Стебницкий). Смех и горе. Разнохарактерное potpourri из пестрых воспоминаний полинявшего человека. Посвящается всем находящимся не на своих местах и не при своем деле. М., 1871 (610/19). Автограф: «Достолюбезному старшему брату моему, другу и благодетелю Алексею Семеновичу Лескову, врачу, воителю, домовладыке и младопитателю от его младшего брата, бесплодного фантазера, пролетария бездомного и сия книги автора. 7 июля 71 г. СПб» [31]; На краю света (из воспоминаний архиерея). Рассказ Н. С. Лескова. СПб., 1876 (610/315). Автограф: «Марьи Лесковой от сына Николая Лескова. 1877. Февраль». *Владельческий штамп-экслибрис:* «Николай Петрович Крохин»; *Великосветский* раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. Н. С. Л е с к о в а. Второе издание, вновь просмотренное и дополненное приложением. СПб., 1877 (610/20). Автограф: «Марии Александровне Георгиевской от автора»; то же (610/21). Автограф: «Уважаемой матери моей Марии Петровне Лесковой от автора. 24 марта 877. СПбург». Владельческий штамп-экслибрис: «Николай Петрович Крохин»; Н. С. Л е с к о в. Повести и рассказы, кн. 1. СПб., 1887 (610/18). Автограф: «Брату Алексею Семеновичу на память от брата и автора. 28 августа 87. СПб»; Н. С. Л е с к о в. Скоморох Памфалон. Восточная легенда (оттиск из «Исторического вестника», 1887, март; 610/272). Автограф: «Н. П. Крохину, *редкий экземпляр*. Рассказ этот был вырезан и сожжен». На оттиске также запись А. Н. Лескова: «Этот экземпляр совершенно тождественен буква в букву с напечатанным в журнале. Должно быть, Шуб⟨инский⟩ выхлопотал и устранил требования цензуры, которые, может быть, еще и не были бесповоротны, а, может быть, только предполагались им же, а Л⟨еско⟩вым возведены в неотвратимую опасность и «вырезку». Во всяком случае этот оттиск не редкий. Он стал редким после автографа Лескова. Андрей Лесков»; Н. С. Л е с к о в. Аскалонский злодей (оттиск из «Русской мысли», 1889, № 11; 610/277). Автограф: «Божиею благопоспешествующею милостию и изволением при благословении нашем посылаем Николаю Петровичу Крохину. Смиренный старец Николай, Ересиарх Ингерманландский и всея Руссии. Писал бысть от своего смирения в Петрограде, Декамбрия в 21 день, лета Господня от Р. Х. 1889-го рукою властною» [32]; Н. С. Л е с к о в. Собр. соч., т. I. СПб., 1889 (610/13). Автограф: «Вере Михайловне *Макшеевой*, которую я знал с трех лет ее жизни, и искренно ее любил, и благодарен ей за оказанные мне чувства всегдашней дружбы. Николай Лесков. 12.11.90 г. СПб»; Н. С. Л е с к о в. Час воли божией. Сказка (оттиск из «Русского обозрения», 1890, ноябрь; 610/211). Автограф: «Николаю Ильичу Дурнову от автора. Н. Лесков. 9 генваря 91 г. СПб». Помета А. Н. Лескова: «12.VII.47 в лавке писателей. Ленинград. А. Л.»; Н. С. Л е с к о в. Рассказы кстати (à propos). Загон (оттиск из «Книжек Недели», 1893, № 11; 610/29). Автограф: «Лизавете Меркурьевне Бём от автора. 8/XI 93. СПб (Souvenir de Merrekiul)».

Завершает коллекцию лесковских произведений обряженное в тяжеловесные коричневые переплеты с корешками, изукрашенными золотым тиснением, «Собрание сочинений Н. С. Лескова», т. I—X. СПб., тип. А. С. Суворина, 1889—1890 (610/1—10); с ним связан и чрезвычайно ценившийся писателем «товарищеский подарок» — «Библиография сочинений Н. С. Лескова с начала его литературной деятельности — с 1860 г. по 1887 г. (включительно)». Составил П. В. Б ы к о в. В продажу поступило 50 экз. СПб., тип. А. С. Суворина, 1889 (610/281) [33]. На экземпляре «Библиографии» Лесков написал: «Алексей Сергеевич Суворин, мой литературный товарищ с первого года на-

шего литераторства, дал мне возможность приступить к изданию моих сочинений. Для этого понадобился настоящий указатель моих работ. Ценю помощь Алексея Сергеевича и посылаю для его библиотеки на память этот Экземпляр указателя. 1 окт⟨ября⟩ 88 г. Н. Лесков».

Из произведений русской классики в лесковской библиотеке больше всего книг Л. Н. Толстого — Собрание сочинений в двенадцати частях. М., 1886 (610/31—42), 17 отдельных изданий и 11 брошюр в конволютах издательства «Посредник». Многие страницы хранят следы внимательного чтения Лесковым творений «драгоценнейшего человека нашего времени», как он называл Толстого [34]. Интересны пометы (22) в третьем томе «Войны и мира» (указ. изд., ч. 7), где, к примеру, карандашом отчеркнуты, а иногда и подчеркнуты строки: «*Фаталиам в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений*» (с. 5), «*так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию*» (с. 7), «Даву был Аракчеев императора Наполеона — *Аракчеев не трус*» (с. 25), «Война не любезность, *а самое гадкое дело в жизни* » (с. 293). В четвертом томе эпопеи (указ. изд., ч. 8) отмечены заключительные строки в гл. XVIII третьей части: «*И нет величия там, где нет простоты, добра и правды*» (с. 231). Есть пометы и в эпилоге романа. Читая ч. 12 Сочинений Толстого — «Произведения последних годов»,— где были помещены исковерканные цензурой фрагменты трактата «Так что же нам делать?», Лесков старательно отмечает более 60 цензурных вымарок, проставляя при этом страницы какого-то нелегального или зарубежного издания толстовского текста, хорошо, как видно из помет, известного ему.

Дорожа каждой строчкой Толстого, Лесков приобретал его книги, напечатанные за границей, настойчиво «охотился» за подпольными гектографированными выпусками толстовских сочинений, заказывал их списки, собирал гранки. В библиотеке Лескова есть вышедшие в женевском издательстве М. К. Элпидина: «Исповедь графа Л. Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению», 1884 (610/91); «Что же нам делать?», ⟨1893⟩ (610/44); «Краткое изложение Евангелия», 1890 (610/47); «О жизни», 1891 (610/45); «Письмо к французу», 1892 (610/84); «Ходите в свете, пока есть свет. Беседы язычника и христианина. Повесть из времен древних христиан. Графа Л. Н. Толстого», 1892 (610/87). Прочитанный Лесковым летом 1893 г. в списке и произведший на него впечатление «молоньи, раздирающей ночное небо» [35] трактат «Царство божие внутри вас» был у писателя в берлинском издании: Л. Н. Т о л с т о й. Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание, ч. 1 и 2. Единственное автором разрешенное издание. Берлин, изд. Библиографического бюро, 1894 (610/46). Сохранились напечатанные тем же издательством «Последние рассказы и статьи Л. Н. Толстого», 1894 (610/88). Хранил Лесков отпечатанные на гектографе: «Крейцерову сонату», 1889 (610/106), «Послесловие к «Крейцеровой сонате», 1890 (610/107), машинопись статьи «Христианство и патриотизм», 1894 (ф. 2, № 1004), гранки статьи «Религия и нравственность» (ф. 2, № 666).

«Я в нем нашел теперь для себя много такого, что прежде не заметил»,— писал Лесков Толстому 14 сентября 1891 г. о «Кратком изложении Евангелия» [36]. Возможно, что именно тогда Лесковым были сделаны пометы в предисловии и в самом «Изложении». Он, например, обратил внимание на мысли о том, что «рядом с высоким христианским учением» находится «связанное с ним, чуждое ему, безобразное учение еврейское и церковное» (с. 10), об извращении христианского учения апостолом Павлом (с. 12), об исследователях христианства, «начиная с самого популярного из них Ренана», которые писали, «не потрудившись выделить из учения Христа того, чему учил сам Христос, от того, что на него наклепали его толкователи» (с. 17) и т. д. Подчеркнуты Лесковым изречения: «*Знайте все, что ничего не может осквернить человека извне; оскверняет человека только то, что он думает и делает*»; «*внешнее богопочитание не только ложно и вредно, когда оно содействует делам зла*»; «*внешнее богопочитание вводит в обман самодовольства*»; «*нельзя соединить дела любви с исполнением обрядов*» (с. 34) и др. Девять лесковских помет есть в трактате «Так что же нам делать?», в частности, отмечены строки: «Наука и искусство прекрасные вещи, но именно потому, что они прекрасные, их не надо портить обязательным присоединением к ним разврата, то есть освобождения себя от обязанности человека служить трудом жизни своей и других

людей» (с. 75). В гектографированном издании «Крейцеровой сонаты» Лесков, тщательно красными чернилами исправив вкравшиеся в текст орфографические ошибки, подчеркнул строки: «*Никакое воспитание, никакое образование не может изменить это до тех пор, пока высший идеал женщины будет брак, а не девство и свобода от чувственности. До тех пор она будет рабой*» (с. 42).

Немногочисленны, но весьма любопытны надписи Лескова на полях статьи «Христианство и патриотизм», которую он, по его собственному признанию, «прочел «про себя» два раза да присутствовал три раза при чтении вслух» [37]. Рассказ Толстого о русском матросе, который с криком «вив ля Франс!» спрыгнул с палубы в море, чтобы оплыть вокруг корабля в честь франко-российского союза (с. 20), вызвал едкое замечание Лескова: «Было такое событие: «Умираю за генерала Джаксона!» [38] Прочитав рассуждение Толстого о сторонниках войны, говоривших, однако, не о ненависти, «а о какой-то любви, которая ненавидит», Лесков вспомнил поэму Гейне «Атта Тролль», названную им еще в 1860-е годы «ядовитой»: «См. Ат⟨та⟩Тролль. «Голуби ворковали о ненависти» [39]. Отметив утверждение Толстого: «...эта кажущаяся страшной организация грубой силы *ничто перед сознанием и с т и н ы*, возникающим в душе знающего силу *истины* одного человека» (с. 112), Лесков на полях, однако, поставил вопросительный знак.

Из сочинений русских писателей XVIII в. в составе лесковской библиотеки до нас дошла единственная книга: «О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева, с предисловием Искандера». London, 1858 (610/112). На форзаце шутливая дарственная надпись,автор которой не установлен: «На память клеветнику моему Н. С. Лескову от преданного ему кн. М. Щербатова». В книге отчеркнуты многие места «Введения Искандера» (как оно названо в тексте), в том числе строки о надеждах человечества «в великую весну *девяностых* годов» (с. VI), о юморе Радищева (там же), о славянофильской части московской молодежи, которая, не видя выхода, «прокляла петровский период,отреклась от него и надела нравственно и в самом деле,— зипун» (с. VII) и др. Лесковским №В отмечен предпоследний абзац «Введения»: «И кто же скажет, что вслед за нею ⟨твердынею крепостного права.— *Л. А.*⟩ не рухнет и табель о рангах, и потаенный суд, и произвол министров, и управление, основанное на телесных наказаниях и боящееся гласности?» (с. XIV).

Известно, что некоторые свидетельства о «повреждении нравов» высшего дворянства, приводимые Щербатовым, Лесков использовал в хронике «Захудалый род», где есть и прямое цитирование знаменитого памфлета, который, судя по многочисленным (более 30) пометам, был внимательно прочитан писателем. Внимание его привлекли факты распущенности царского двора, «пресыщения важностью», фаворитизма, суровая оценка их автором, считавшим, что «*общество не в опивании и обжирании состоит, и не может оно быть приятно, где нет равности*» (с. 21).

Небезынтересно, что Лесков был солидарен с Герценом в оценке деятельности Радищева. Отметив заключительные строки герценовского предисловия к «Путешествию из Петербурга в Москву»: «Как же может память этого страдальца не быть близка нашему сердцу!» (с. 106), Лесков приписал: «Конечно». В книге Радищева более 40 лесковских помет; отчеркнуты целые абзацы, отдельные слова, ряд строф оды «Вольность» (6, 11, 14, 15, 18, 19). Карандаш Лескова «выхватил», к примеру, рассуждение о русском человеке, который «*в веселии своем порывист, отважен, сварлив*» (с. 112), слова Истины в главе «Спасская Полесть»: «*Един раз являюсь я царям....*» (с. 143), радищевское осуждение войны — «убийство, называемое войною» (с. 144), определение вольности — «*вольностию называть должно то, что все одинаково повинуются законам*» (с. 281) и мн. др. [40]

«Сентиментальное место у Жуковского о смертной казни я нашел: это в 6-м томе 6-го издания (1869 г.), начиная с стр. 611. Приспосабливаюсь этим воспользоваться»,— писал Лесков Толстому 15 декабря 1893 г. (т. 11, с. 512). В лесковской библиотеке сохранилось «собрание сочинений» В. А. Жуковского, тт. I—VI. СПб., 1869 (610/140—144 и 310), в шестом томе которого (с. 611—617) помещена статья «О смертной казни», сохранившая следы острополемического ее прочтения писателем, возмущенным сентиментально-благочестивыми наставлениями придать казни «характер таинства», призван-

ного «возбуждать все высокие чувства души человеческой: веру, благоговение перед правдою, сострадание, любовь христианскую» (с. 615). Вопросительным знаком Лесков отметил утверждение автора, что смертная казнь, «окруженная *таинственностью страха божия*», будет «*убедительною проповедью для нравственности народной*» (с. 617). Как известно, рассуждениями Жуковского Лесков действительно «воспользовался» в повести «Заячий ремиз», чтобы зло изобличить безнравственность, античеловечность предложенного поэтом «душеполезного» «таинства» (т. 9, с. 532).

Со слов сына писателя известно, что Лесков интересовался русской потаенной литературой, особенно декабристской поэзией [41]. Это подтверждает и испещренная лесковскими пометами книга: «Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева», изд. 2-е, его дочери, под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1874 (610/68). Штамп: «Редкий экземпляр».

В «Думах» Лесков отмечает своеобразные эпитеты, архаизмы, а также неловкие стилистические обороты, вроде двустишия из «Смерти Ермака», которое отмечено знаком вопроса:

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом... (с. 42).

Однако большее внимание Лескова привлекает гражданский пафос лирики поэта-декабриста. Писатель, например, подчеркивает строки из думы «Волынский»:

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья! (с. 65).

В «Исповеди Наливайки» отчеркнуты и подчеркнуты строки:

Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода? (с. 145).

Отчеркнуто четверостишие в оде «Гражданское мужество»:

Увы! Атилл, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой,
Но много ль было Цицеронов? (с. 157; подчеркнуто Лесковым).

В послании «К временщику» не осталась незамеченной строка:

«*Народ тиранствами ужасен разъяренный*» (с. 159).

Подчеркнув в думе «Иван Сусанин» двустишие:

Предателя, мнили, во мне вы нашли —
Их нет и не будет на русской земли (с. 52),—

Лесков написал: «Увы!».

В думе «Державин» отмечены подчеркиваниями строки:

Таков наш бард Державин был,
Повсюду чести неизменный,
Царям ли *правду* говорил,
Иль поражал порок надменный! (с. 75),—

после которых есть характерная лесковская приписка: «Фелице?»

Отмечены многие места в письмах Рылеева к Пушкину: «*все дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения*» (с. 212), «*Чванство дворянством непростительно, особенно тебе.* 〈...〉 *Будь поэт и гражданин*» (с. 213) и др. В письме молодого Рылеева к отцу от 7 декабря 1812 г. подчеркнуты строки, характеризующие лич-

ность поэта, который признается, что сердце говорит ему: «Иди смело, презирай все несчастия, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, *получишь мученический венец*» (с. 226). Внимательно прочитал Лесков переписку Рылеева с женой из крепости, включая и предсмертное письмо от 13 июля 1826 г., в конце которого подчеркнуты слова: «*Велят одеваться*» (с. 300).

Лесков хранил различные издания некрасовских стихов, начиная с первого сборника «Мечты и звуки» (1840), почти весь тираж которого автор скупил и уничтожил. «Я уберег у себя эту редкость нынешнего времени»,— вспоминал Лесков (т. 3, с. 363). Однако до нас она не дошла. Зато уцелел сборник: «Стихотворения Н. Некрасова». М., изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1856 (610/126). На многих его страницах пометы карандашом: отмечены строфы и отдельные строки, подчеркнуты названия стихотворений, вписаны слова, вымаранные цензором. Отмечены, например, теперь уже ставшие хрестоматийными строки в открывающем книгу программном диалоге «Поэт и гражданин»:

Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь... (с. X);

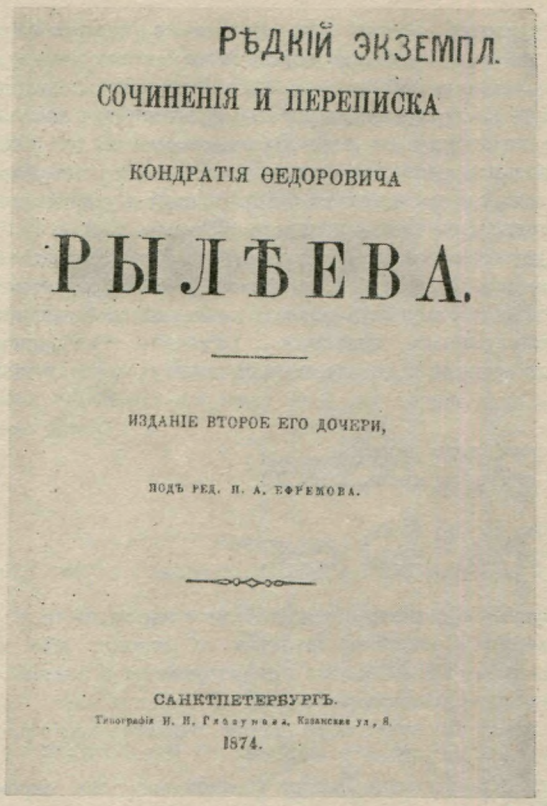
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан (с. XI).

Восстановлена строка в стихотворении «Секрет»: «Имею я Анну с короною» (с. 60). Отчеркнуты три строфы в стихотворении «Сознание», начиная со строки: «Но не льщусь, чтоб в памяти народной...» (с. 195—196). Неточно процитированы в эпиграфе к рассказу «Театральный характер» слова из стихотворения «В больнице» (с. 79): «Судьба жертв искупительных просит» (у Лескова: «Век жертв очистительных просит») [42].

Из стихотворения Н. Ф. Щербины «Наше время» Лесков «воспользовался» строчкой: «В сие комическое время», которая в несколько измененном виде — «комическое время на Руси», «комическая эпоха» — не однажды употреблялась писателем для тенденциозного обозначения 60-х годов. Были хорошо известны Лескову и другие произведения Щербины, вошедшие в сборник: Н. Ф. Щ е р б и н а. Полное собрание сочинений. СПб., 1873 (610/216), в котором среди многочисленных лесковских помет особого внимания заслуживают расшифровки адресатов многих эпиграмм: «Автору всевозможных «Пустячков» — «Сушков» (с. 302); «Льстивый раб, судьбой забытый...»— «Аполлону Н〈иколаевичу〉 Майкову» (с. 305); «Б-у и другим немцам-славянофилам» — «Николаю Вас〈ильевичу〉 Бергу» (с. 312); «Московским красным» — «Козлову и его друзьям» (с. 312); «Молитва современных русских писателей» — «Гончарову и Павлу Усову» (с. 313); «Фигура поправления» — «Ксенофонту Полевому» (с. 315). В «Соннике современной русской литературы» после слов: «П. во сне видеть — предвещает выгодно сбыть с рук старую негодную рухлядь» (с. 333) вписано: «Погодина». В стихотворении «Наше время» (с. 406—407), которое Лесков, впервые раскрыв все инициалы, опубликовал (без заглавия) в очерке «Загадочный человек» еще в 1870 г.[43], подчеркнуты лишь две последние строчки:

И счастлив, что незнаем был
В сие комическое время!..

Источником многих цитат в сочинениях Лескова послужили, видимо, «Стихотворения гр. А. К. Толстого». СПб., 1867 (610/182), где есть несколько лесковских помет в стихотворениях («Когда природа вся...», «По гребле неровной и тряской...», «Тщетно, художник, ты мнишь...», «Ой, каб Волга-матушка...») и в поэме «Иоанн Дамаскин», которую особенно любил Лесков. Как предполагает сын писателя, Лескову принадлежит рецензия на это издание в «Литературной библиотеке», подписанная: «О — ъ» [44] («Допустимо»,— написал А. Н. Лесков на оттиске, хранящемся в научной библиотеке ГМТ). Автор этого обстоятельного отзыва, между прочим, писал: «Чтобы показать, в каком роде лично мне нравятся стихотворения гр. Толстого,— выписываю...» И далее


РѢДКІЙ ЭКЗЕМПЛ.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА

КОНДРАТІЯ ѲЕДОРОВИЧА

РЫЛѢЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ЕГО ДОЧЕРИ,

ПОДЪ РЕД. П. А. ЕФРЕМОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Глазунова, Казанская ул., 8.

1874.

«СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕПИСКА КОНДРАТИЯ ФЕДОРОВИЧА РЫЛЕЕВА»
СПб., 1874
Из книг Н. С. Лескова
Титульный лист
Музей И. С. Тургенева, Орел

приводится стихотворение «Ты жертва жизненных тревог...», которое выделено Лесковым в оглавлении книги А. К. Толстого.

Вероятно, часто обращался Лесков к «Полному собранию сочинений Козьмы Пруткова». СПб., 1884 (610/200), где насчитывается более 90 помет в стихотворениях, а также в «Плодах раздумья» и в «Выдержках из записок моего деда». К восьмистишию «В альбом красивой чужестранке» (с. 42) Лесковым приписано: «Крестовский в альбом Ольги Козловой».

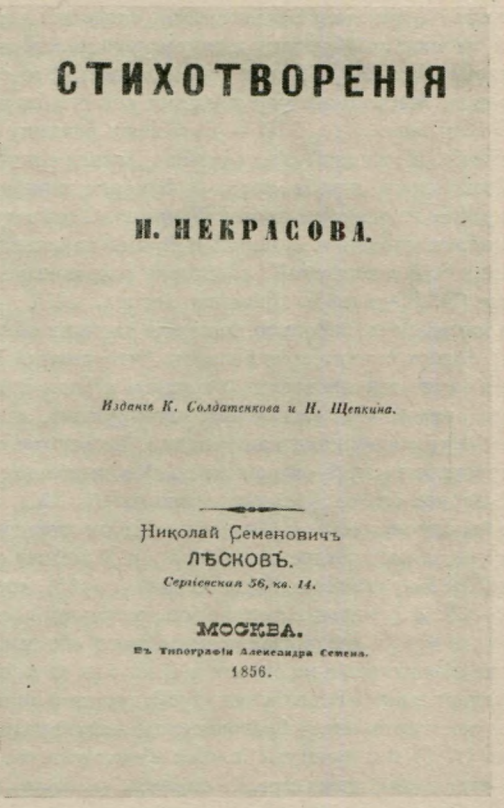
В полученном от В. П. Буренина сборнике «Стрелы. Стихотворения». СПб., 1881 (610/162), с дарственной надписью: «Н. С. Лескову от автора на память. 1881, январь», отчеркнуты строки:

А все-таки — бог даст, мы будем живы —
Надежд я не теряю, что кумир,
Разрушенный с негодованьем вами,
Когда-нибудь воздвигнете вы сами (с. 27).

О многолетних дружеских связях писателя и Вл. С. Соловьева напоминает изящно изданный томик: Владимир Соловьев. Стихотворения. М., 1891 (610/194), с автографом: «Глубокоуважаемому Николаю Семеновичу Лескову от искреннего почитателя его и приятеля. В. Соловьев». В книге Лесковым отмечено стихотворение: «В тумане утреннем, неверными шагами...» (с. 12), в котором нельзя не увидеть созвучия духовным исканиям писателя с его, по словам Вл. Соловьева, «живым стремлением к правде» [45].

Пять томов Сочинений Н. В. Гоголя под ред. Н. С. Тихонравова, т. I—V. М., 1889 (610/57—61) имеют сравнительно немного помет. Есть подчеркивания в повести «Шинель» (т. III): «Молодые люди подсмеивались и *острились* над ним» (с. 87); «... *как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости...*» (с. 88); «... значительное лицо, *спишась* и снесясь...» (с. 106); «Сострадание было ему не чуждо; его серд-

«СТИХОТВОРЕНИЯ
Н. НЕКРАСОВА»
М., 1856
Из книг Н. С. Лескова
Титульный лист
Музей И. С. Тургенева, Орел



СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Николай Семеновичъ
ЛѢСКОВЪ.
Сергіевская 36, кв. 14.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

цу были доступны многие добрые движения, несмотря на то, что *чин весьма часто мешал им обнаруживаться*» (с. 113). Подчеркнуты (возможно, и не Лесковым) некоторые «расхожие» реплики в «Ревизоре» и «Женитьбе». Внимательно была прочитана писателем изданная «Посредником» брошюра «Гоголь как учитель жизни». М., 1888 (610/179), в которой отмечены извлечения из «Переписки»: «О, как нам нужны недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, укажу вам только на одну: ныне, каков я ни есть, но я все же стал лучше, чем был прежде» (с. 50); «... все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет» (с. 57); «Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще» (с. 68); «Обращаться с словом нужно честно. Слово гнило да не исходит из уст ваших» (с. 69). Об интересе Лескова к творчеству Гоголя свидетельствует и сохранившийся в его библиотеке альбом «Сто рисунков к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Рисовал А. Агин, гравировал Е. Бернардский». СПб., 1892 (610/220), на выход которого писатель откликнулся рецензией в журнале «Нива» — «Об иллюстрациях «Мертвых душ». Рассказав историю иллюстрирования гоголевской поэмы, Лесков отдал предпочтение перед рисунками П. М. Боклевского и П. П. Соколова иллюстрациям Агина, «который рисовал очень правильно и старался дать типы гоголевских лиц, которые были ему знакомы, как современнику» [46].

Сложное, порой полемическое восприятие Лесковым герценовского романа вырисовывается из помет на книге: «Кто виноват? Роман в двух частях Искандера». 2-е издание, пересмотренное автором. London, 1859 (610/153). Подчеркнуты обобщенные наблюдения Герцена: «*Ничто в мире не портит так человека, как жизнь в провинции*» (с. 45); необычные обороты речи: «Время проходило, *напоминая себя* иногда большими праздниками...» (с. 54), «... *не могли исторгнуть горького начала* из души ее» (с. 121). Но есть и пометы другого рода. Прочитав, что во время свидания слезы Круциферской «градом лились на *пестрый парижский* жилет Владимира Петровича» (с. 262), Лесков замечает: «Зачем? Что за детальная подробность? А панталоны какие, лондонские»?

К рассказу о том, как Бельтов после свидания, «воротившись домой», «велел Григорью подать за закуской бутылку шампанского, и *неловкое потонуло* в нем, а радостное стало еще звонче» (с. 262), Лесков приписывает: «Это естественно». Строки: «Любовь Александровна, наказанная угрызениями совести внутри и горчичниками снаружи за поцелуй Бельтова...» (с. 264) — вызывают реплику Лескова: «Что это? Ирония или востроумие?». Последний абзац романа Лесков сопровождает вопросом: «Зачем?» (с. 313).

Лесковская «проба пера» — «Очерки винокуренной промышленности»— вышла с эпиграфом из «Сатир в прозе» Щедрина. С той поры творчество Лескова не раз вступало в соприкосновение, а порой и прямо перекликалось с идеями и образами сатиры Щедрина [47]. В лесковской библиотеке сохранилось девять томов «Сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина)». Издание автора. СПб., 1889—1890 (610/48—56), в которых много помет, хотя, вероятно, какая-то часть их обязана своим происхождением А. Н. Лескову. Можно, однако, предполагать, что именно Лесковым отмечены (иногда подчеркнуты) щедринские словесные раритеты и диалектизмы в «Пошехонской старине» («нещечко», «упетается», «жаления», «шумаркает», «завидливо», «шумарканья и фордыбаченья», «мурьи», «мжица мжит» и др.). В сатирическом обозрении «В среде умеренности и аккуратности» (т. 3) лесковскими «№» выделено: «А тем именно и вызволили, что начатый период без округления оставили» (с. 397), «помалчивай, друг!» (с. 471), «это не могло бы случиться, если бы целью наших жизненных *перегринаций* были не праздные экскурсии, а конкретное дело» (с. 564). В том же сочинении отмечены строки: «*воркование* школы Карамзина и Жуковского» (с. 566), «отличительные свойства этих ⟨дворянских. — *Л. А.*⟩ мелодий: елейность, хороший слог, обилие околичностей (обстановок) и в то же время отсутствие конкретного объекта» (с. 567). Возможно, что внимание Лескова обратилось и на строки в «Письмах из провинции», которые можно сопоставить с характеристикой Российского государства в «Загоне»: «Россия есть бутылка, со всех сторон осмотрительно и благонадежно закупоренная» (т. 2, с. 374). В очерках «За рубежом» (т. 6) подчеркнуты слова: «*потрясатели основ*», «*в этом разе*», «*угобжение*», «*провозвестников нового слова*», «*тупец*», «*со стороны тупца*», а также отмечена характеристика Наполеона III и его «наследников»: «как бы мстя за свою восемнадцатилетнюю безнаказанность, бандит оставил по себе конкретный след в виде организованной шайки, которая и теперь изъявляет готовность во всякое время с легким сердцем рвать на куски свое отечество» (с. 92).

Осталась в книжном собрании Лескова память о его добрых отношениях с Гончаровым: его «Четыре очерка». СПб., 1881 (610/113) с автографом: «Николаю Семеновичу Лескову на снисходительный суд от автора. Декабрь, 1880»; воспоминания «На родине», оттиск из «Вестника Европы», 1888, № 1—2 (610/267) с автографом: «Николаю Семеновичу Лескову в знак искреннего уважения к его истинно русскому, симпатичному таланту от автора, февраль 1888»; здесь же автограф Лескова: «Драгоценно по собственноручной надписи Ивана Александровича Гончарова, с которою этот оттиск мне от него прислан. Н. Лесков. СПб., 1892 г.» [48].

Из немногих сохранившихся в лесковской библиотеке русских книг XVIII в. заслуживают внимания «Нещастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новагорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. С. К. Р. в Санкт-Петербурге 1787 года» (610/111). Второе издание этой книги вышло в том же 1787 г.; «новое» издание (3-е) — в 1788 г.; четвертое — в 1793 г. (на титульном листе обозначено как третье). Экземпляры первого издания являются чрезвычайной редкостью (см. «Известия», 1934, № 264, 12 ноября); инициалы «С. К. Р.», которые значатся только на этом издании, до сих пор не расшифрованы. «Из этой редкой нынче книжки, представляющей экземпляр «скаски» екатерининских времен», Лесков взял «самое существенное», рассказывая о Баранщикове в очерке «Вдохновенные бродяги» («Северный вестник», 1894, № 10, с. 19—47). Прежде чем оказаться у Лескова, эта редкость побывала не у одного владельца, о чем свидетельствуют автографы: «Из библиотеки Александра Григорьева», «Александр (*1 нрзб*). 1859 года, марта 19», и штамп: «Федор Александрович Витберг».

Русский фольклор представлен прежде всего сборниками А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», т. I—IV. М., 1873 (610/121—124) и «Народные русские леген-

ды». М., 1859 (610/125) со штампами «Редкость». Кроме наклейки на переплете «Легенд» (см. выше), есть надпись Лескова и на шмуцтитуле: «Заплачено 8 рублей». На полях с. X, где изложена легенда о том, как вол спас младенца Христа и за это по благословению божию «употребляется человеком в пищу», есть лесковская помета: «В вознаграждение?»

В обширной книге «Русские анекдоты военные и гражданские, или Повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданное Сергеем Глинкою», ч. 1—5. М., 1822 (610/131, 204), Лесков отметил историю о том, как Петр I простил «виновного отца», за которого сын его добровольно просился в ссылку (ч. 2, с. 37), а также петровское назидание подчиненным, чтобы они действовали, «не упуская никакой пользы, по своему искусству и совету, как вам и в инструкции написано, ибо из такой дальности как возможно точные указы писать, понеже случаи беспрестанно переменяются» (ч. 2, с. 55).

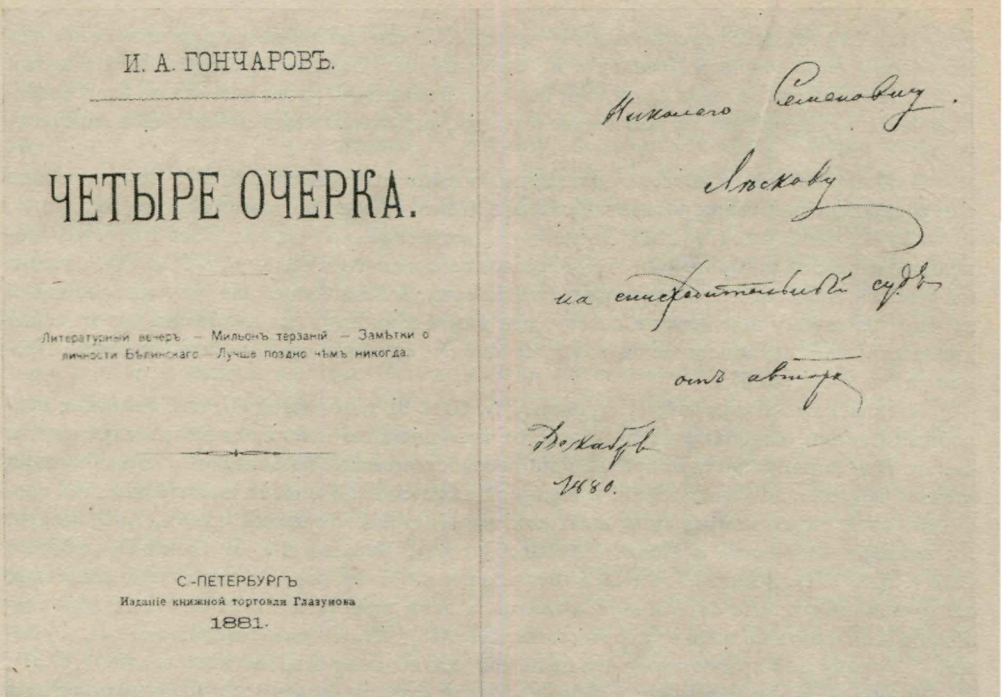
Лесковским автографом: «Ред⟨кость⟩, ц. 10 р. 82 г.» отмечен «Новый полный и подробный Сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какого еще Сонника до сего времени на российском языке не бывало; с приобщением старых баб забавной философии, выбранной из сочинений многих иностранных и в сногадательной науке искусных мужей, как то: Платона, Птоломея, Алия, Албумазара, Артемидора, Варлаама и Иоанна Кенигсбергера». Издание 2-е. В Санкт-Петербурге, 1818 г. (610/172). В книге более 50 помет писателя. Отмечены и подчеркнуты, например, следующие места: «*На баране верхом ездить* значит вкрасться в милость у знатного господина и снискать во всем его доверенность» (с. 13); «*Волторны слышать во сне играющие* ⟨...⟩ рабу или крепостному человеку сей сон обещает освобождение и волю» (с. 37); *Книги читать* знак радости и прибыли. Книги есть и глотать знак благополучия для учителей и ораторов и всех тех, кои через книги питаются» (с. 120); «Язык распухший во сне иметь знак тяжкой болезни жены нашей» (с. 294) и мн. др.

Художественных произведений иностранных авторов в лесковской библиотеке сравнительно немного — 52 книги, однако они красноречиво говорят, сколь широки и разнообразны были интересы Лескова — читателя мировой литературы.

Из античных классиков имеются: «Избранные басни Эзопа». СПб., изд. А. С. Суворина, б. г. (610/149), сочинения Лукиана, Цицерона, Овидия, Плиния, Тацита, изданные в серии «Сборники древних классиков для русских читателей». СПб., 1876—1877 (610/156, 157, 159, 161, 158). Почти все книги с пометами писателя. Читая Эзопа, Лесков обращает внимание на мудрость басен «Бедняк», «Волк и осел», «Волк и ягненок», «Геракл и Афина». В лукиановском диалоге «Юнона и Латона» он отчеркивает горькое наблюдение: «На свете немало глупцов, готовых платить за то, чтобы их дурачили» (с. 25). В прозаическом переводе «Метаморфоз» Овидия писатель отмечает строки о величии человека, которому лишь одному на земле «повелено взирать на небо и поднимать чело к звездам» (с. 65). Отчеркнуто в поэме Овидия и осуждение тех, кто убивает животных, чтобы питаться ими (с. 86),— оно почти целиком процитировано в повести «Заячий ремиз»: «Чем заслужили смерть мирные стада, рожденные для поддержания жизни людей...» и т. д. (т. 9, с. 529). Последняя в этом разделе книга: «Люций Апулей. Золотой осел». Перевод с латинского Н. М. Соколова. СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895 (610/192), с дарственной надписью: «Многоуважаемому Николаю Семеновичу Лескову на добрую память от переводчика. 6 января 1895 г.». Помет нет. Присланная за месяц с небольшим до смерти Лескова, эта книга, видимо, осталась не прочитанной им.

В составе лесковского собрания дошло до нас и издание арабских сказок «Тысяча и одна ночь» в 19 томах, объединенных в пять книг, напечатанных в Петербурге в 1839—1843 годах (610/116—120).

11 марта 1894 г. Лесков просил В. А. Гольцева: «Нельзя ли мне получить от Кушнарева (конечно, за деньги, только не за анафемские) экземпляр «Декамерона» без выпусков, сделанных ради русского пуризма? Или об этом надо просить Веселовского?[49] В таком раае: где его адрес и как его звать? Но нельзя ли Кушнареву быть ко мне милостивее и уладить дело попроще?» (т. 11, с. 579—580). «Дело» в скором времени «уладди-



И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ЧЕТЫРЕ ОЧЕРКА.

Литературный вечеръ — Мильонъ терзаній — Замѣтки о личности Бѣлинскаго — Лучше поздно чѣмъ никогда.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе книжной торговли Глазунова
1881.

Николаю Семеновичу.
Лескову
на снисходительный суд
отъ автора.
Декабрь
1880.

И. А. ГОНЧАРОВ. ЧЕТЫРЕ ОЧЕРКА. СПб., 1881
Из книг Н. С. Лескова
Титульный лист и форзац с дарственной надписью:
«Николаю Семеновичу Лескову на снисходительный суд от автора. Декабрь 1880»
Музей И. С. Тургенева, Орел

лось», и Лесков получил один из 100 экземпляров полного, без каких-либо выпусков издания, которое и сохранилось в его библиотеке: «Джьованни Б о к к а ч ч ьо. Декамерон. Перевод Александра Веселовского с этюдом о Боккаччьо», т. 1—2. М., изд. т-ва И. Н. Кушнарева и К° и книжного магазина П. К. Прянишникова, 1891—1892 (610/186—187). На обоих томах автографы: «Ник〈олаю〉 Сем〈еновичу〉 Лескову от издателей» и штамп: «Редкий экземпляр». На обложке первого тома лесковское указание (вероятно, для переплетчика): «Обложку не отрывать».

Лесков многократно цитировал Шекспира, обращаясь к его «Полному собранию драматических сочинений», т. I—IV, изданному в 1865—1868 гг. Н. В. Гербелем и Н. А. Некрасовым (610/241—244). В шекспировских текстах много (более 70) лесковских помет — отчеркиваний и (реже) подчеркиваний, которые заслуживают, несомненно, специального изучения. Нельзя не заметить, что писатель выделяет прежде всего реплики, а порой и целые монологи, в которых отражаются нравственные конфликты, взаимоотношения личности и общества, оценка поступков героев. Таков смысл помет Лескова в трагедиях: «Кориолан», «Макбет», «Отелло», «Юлий Цезарь», «Тимон Афинский», «Буря», «Троил и Крессида», «Ричард III», «Венецианский купец», «Цимбелин». В «Юлии Цезаре», например, отмечены слова Брута:

Величье клонится к вреду, когда
Могуществом заглушена в нас совесть (т. I, с. 198).

В «Макбете» отчеркивается мысль о том, что зло неизбежно порождает новые злодеяния, за которыми, однако, неотвратимо следует возмездие: «Посев был зол, так и

«НОВЫЙ ПОЛНЫЙ И ПОДРОБНЫЙ СОННИК». СПб., 1818
Из книг Н. С. Лескова
Фронтиспис и титульный лист
Музей И. С. Тургенева, Орел

пожнем мы злое» (т. 1, с. 367). В «Троиле и Крессиде» писателю близко рассуждение Агамемнона о том, что подлинная суть человека проявляется в несчастье:

Познать людей нельзя в минуты счастья:
При нем равны и умный и глупец,
Храбрец и трус, изнеженный и твердый.
Но чуть встает ненастье и гроза,
Тогда летит далеко прочь солома,
А в чем есть вес иль твердости добро
Стоит одно, как прежде, недвижимо (т. II, с. 123).

Не однажды в лесковских сочинениях и письмах упоминается роман «Телемак» [50], книга, которая и теперь находится в библиотеке писателя: «Телемак. Сочинение Фенелона. Новый перевод Федора Лубяновского». СПб., 1839 (610/218). Пометы (более 30) показывают, что Лескова привлекала не только композиция «учительного» повествования, которую он имел в виду, создавая повесть «Очарованный странник» (первоначальное название: «Черноземный Телемак»), но и содержание романа, особенно мысли автора о самовластии монарха и о законе, о войне и мире, о человеколюбии, самовоспитании и т. п. В связи с этим любопытно вспомнить, что в очерке Лескова «Дама и фефела» «прекрасный человек» Апрель Иваныч «читал «Телемака», поясняя из него, что люди живут не так, как бы надобно жить» (т. 9, с. 484).

С экслибрисом Лескова, на котором дополнительно оттиснуто: «Редкий экземпляр», сохранился роман Оливера Гольдсмита «Векфильдский священник», в переводе с английского Якова Герда. СПб., 1846 (610/203). В повести Лескова «Детские годы (из воспоминаний Меркула Праотцева)», которая содержит немало автобиографиче-

ского материала, герой вспоминает, как он в шестнадцать лет «с величайшим удовольствием» прочел подаренную ему книгу: «это был роман Гольдсмита «Векфильдский священник» (т. 5, с. 307).

В книге «Романы и повести Фр.-М. Вольтера». СПб., 1870 (610/189) Лесков сделал несколько помет лишь в повести «Свет, как он есть (Видение Бабука, описанное им самим)». Немногочисленны отмеченные писателем места и в книге: Ж.-Ж. Р у с с о. Сочинения, т. I, Теория воспитания. СПб., 1866 (610/196): «Общественное воспитание не существует более и не может существовать, потому что там, где нет больше отечества, не может быть и граждан» (с. 5); «При естественном строе, где все люди равны, общее для всех призвание — быть человеком, а кто хорошо воспитан для этого, тот не может дурно выполнять должностей, которые могут ему выпасть на долю» (с. 6); «... не приучать ребенка переносить горе, а развивать его восприимчивость к горю» (с. 7); «... *медицина* полезна некоторым людям, но говорю, что она пагубна для человечества» (с. 21). На форзаце книги Ж.-Ж. Руссо «Исповедь». СПб., 1865 (610/201), рядом со штампом «Редкий экземпляр», автограф Лескова: «28 генв⟨аря⟩ 1892 г. купил от Наумова, 10 р.». Следов чтения книги писателем нет.

Вероятно, в последние годы жизни Лесковым был прочитан роман Ж.-А. Бернарден де Сен-Пьера «Павел и Виргиния» в переводе Ек. Бекетовой. СПб., 1892 (610/154). Роман, служивший герою очерка «Дама и фефела» наряду с «Телемаком» для пояснения, «как бы надобно жить», оказался созвучным настроениям и самого писателя, отметившего в нем резкое осуждение общественного неравенства, богатства, «жестокой религии», евангелия, во имя которого столько «всевозможных тиранств совершается на земле», и т. д.

Характерны отчеркнутые Лесковым строки в «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» Лаврентия (Лоуренса) Стерна. СПб., б. г. (610/152); «О, вы, чьи оледенелые головы и чуть тепленькие могут рассуждением побеждать страсти или замаскировывать их,— скажите, какой грех обладать ими?» (с. 134); «Я убежден, что у меня есть душа: и все книги, которыми материалисты очумили мир, никогда не будут в состоянии убедить меня в противном» (с. 163). Любопытно, что Лесков, по его признанию, писал «Заячий ремиз» «манерою капризною, вроде повествований Гофмана или Стерна с отступлениями и рикошетами» (т. 11, с. 606).

Семитомное «Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изд. под ред. Н. В. Гербеля * (610/133—139), нуждается в кропотливом исследовании более чем 120 помет (несомненно, разновременных), в которых отразился интерес Лескова, к философской лирике и особенно к драматургии Шиллера,— его не только читали, «пламенно восторгаясь», лесковские герои, но порой даже галлюцинировали его «высокими, вдохновляющими картинами» (т. 2, с. 280—284).

В письмах Лескова последних лет[51] встречаются афоризмы из небольшой книжки: Г е т е. Изречения в прозе. М., 1885 (610/269), вышедшей в серии «Европейская библиотека». В ней отмечены многие высказывания Гете, в том числе: «*Высшее уважение автора к публике* проявляется в том, что он никогда не приносит того, чего ждут от него, а всегда *лишь то, что он считает нужным и полезным* на данной ступени своего и общего развития» (с. 21). На полях помета Лескова: «Л. Н. Т⟨олстой⟩».

Возможно, следует соотнести «прологи» Лескова с внимательно прочитанным им редким изданием: «Мученики, или Торжество христианской веры. Сочинение Ф. А. Шатобриана». Перевел с французского Александр Корнелиус, ч. 1—3. М., 1816 (610/164). В книге почти 200 помет писателя: подчеркнуты многие восточные, древнегреческие и древнеримские имена, географические названия, описания одежды, пищи, жертвоприношений, обычаев и т. п. Отмечены старинные речения, афоризмы, оригинальные сравнения, которые в известной степени могли послужить писателю образцом при создании «проложных историй». Есть в ней и примечательные лесковские надписи. После хвалы, которую Симмак возглашает языческим богам, приписано: «То самое, что говорят православные обычно о святых» (ч. 2, с. 245); после обращения Евдора

---

* Оно подобрано из томов, принадлежащих к разным изданиям: второму и третьему (петербургским), а также четвертому (лейпцигскому).

к Константину: «позволь токмо *поклясться гробницею* сих святых», помета: «Вот-те и христианство!» (ч. 3, с. 50); афоризм «гнев, яко глад, есть отец злых советов» отчеркнут и подтвержден Лесковым: «Да».

При чтении популярного французского романа: П и г о - Л е б р ю н ь. Валентин, или Беззаботная голова, ч. 1 и 3. Перевод М. Виноградова. М., 1820 (610/167, 168) Лесковым отмечены многие несуразности перевода: «Г-жа Дюпре предалась *сладости дигестивного сна*» (ч. 1, с. 11); «... мальчик, *благоустроенный в физических качествах*» (ч. 1, с. 81); «Латур *ударяет Розалию в ухо с такою жестокостью, что от сочувствия бросилась из носу кровь*» (ч. 1, с. 87) и т. п. Однако писатель не пропустил и серьезного факта, приведенного в этой книге: «Всему свету известно, что гишпанская инквизиция с 1481 по 1808 г. осудила на смерть 343 522 человека» (ч. 3, с. 130).

Об интересе Лескова к самым разнообразным явлениям европейской литературы XIX в. свидетельствуют также собранные им сочинения Бёрне, Беранже, Гюго, Золя, Сенкевича, Мопассана и др.

Писатель, вспомнивший в «Несмертельном Головане», как он в детстве «с жадностью пробегал листы романа Виктора Гюго «Труженики моря» (т. 6, с. 372), с неменьшим, вероятно, увлечением читал в конце 1880-х — начале 1890-х годов небольшую книжку «Из речей и воззваний Виктора Гюго в изгнании». СПб., 1887, в серии «Европейская библиотека» (610/79), находя, видимо, в ней много сходного со своими раздумьями и наблюдениями. Так, Лесков подчеркивает мысль Гюго: «Соединение народов и, еще более, единство человечества — это наш символ; но мы хотим, чтобы это соединение было чисто, тесно, глубоко, плодотворно; чтобы оно было нравственно...» (с. 58). Отмечены также высказывания: «*Нет малых народов.* Увы! *есть малые люди! И иногда они-то и ведут великие народы*» (с. 116); «Народ увеличивается всеми теми людьми, коих он освобождает» (с. 118); «Для войн бывают всякого рода предлоги; причина же у них одна: армия. Уберите армию, и вы уничтожите войну» (с. 121) и др. Подчеркиванием и двумя чертами на полях выделено признание Гюго, прочитав которое, Лесков, возможно, подумал и о своей литературной судьбе: «*Я человек, хранящий молчание. Давать клеветать на себя — это сила. У меня есть эта сила*» (с. 138).

В книге: В. Б и б и к о в. Три портрета. Стендаль, Флобер, Бодлер. СПб., 1890 (610/115) — Лесков, почти не заинтересовавшись очерками автора, остановил свое внимание на приведенных здесь дневниковых записях, письмах и выдержках из произведений писателей, особенно Флобера. В его письмах Лесков отчеркивает строки: «Чем произведение лучше, тем оно более привлекает критиков; *так клопов привлекает чистое белье*» (с. 114); «Автор в своем произведении должен быть, как бог в мире — вездесущим и невидимым» (с. 123); «Слово всегда найдется, если владеешь идеей» (с. 139); «Безнравственные книги только потому и безнравственны, что в них нет правды» (с. 142) и мн. др. Отмечены афоризмы Бодлера: «Злы все чувствительные люди, принужденные жить среди сволочи» (с. 171); «... работа менее скучна, чем развлечение» (с. 176), а также его «поэмы в прозе» — «Пьянствуй!», «Старый фокусник», «Две спальни», «Окна», «Призвания», «Глаза бедных».

Сложным, как известно, было отношение Лескова к творчеству Золя. «Про Золя я охотно слушаю, когда говорят о его таланте и его манере писания, но говорить о его уме и критическом чувстве — мне кажется делом напрасным» (письмо к А. И. Фаресову от 17 сентября 1893 г.— т. 11, с. 559). Роман «Нана». СПб., 1880 (610/205) — одна из немногих книг в библиотеке Лескова без его помет. По-иному, однако, он воспринял «Лурд». СПб., 1894 (610/183). «Читали ли вы «Лурд»? — спрашивал Лесков Л. Н. Толстого 21 августа 1894 г.— Противная манера письма и много легкомыслия в суждениях, но вещь (по-моему) все-таки очень полезная. А главное, критик (мало-мальски смышленый) имеет большое раздолье высказать по поводу этого сочинения очень полезные суждения (например, «Командор»). Все-таки земля является «станциею» и «эпизодом» в жизни духа, «облеченного в кожаную ризу». И что тут канючить о продлении мучительного пребывания, когда конец его есть очевидное избавление от мук в страдающем теле» (т. 11, с. 589—590). Обращение к книге Золя дает возможность прокомментировать это важное суждение Лескова, в частности строки о размышлениях Командора. Писатель, подчеркнув в романе слова доктора Шассена: «*Командор был прав. Нет*

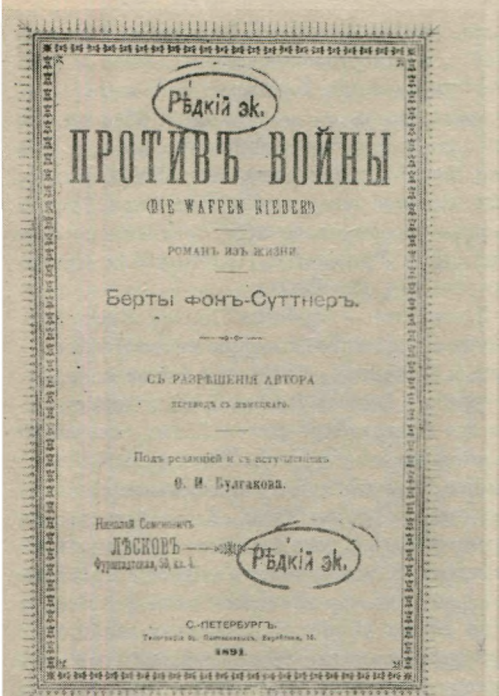
ничего лучше смерти, но для того, чтобы начать новую жизнь» (с. 414),— выделил и те места, которые, в сущности, опровергают утверждение, что смерть следует предпочесть «каторге земной жизни». Так, например, Лесков подчеркивает и отмечает знаком «NB» молитву толпы, жаждущей чуда: «*Мы просим у тебя не неба, а земли, чтобы покинуть ее как можно позже и даже не покидать никогда, если это возможно твоему могуществу*» (с. 301). Тем же знаком помечены и подчеркнуты слова о том, что Пьер «*понимал всемогущество и непобедимую волю жизни*, желающей жить. Любовь оказывается сильнее веры и, в сущности, *может быть, все божественное заключается в ней*. Любить, принадлежать друг другу, жить и *продолжать жизнь*, не единственная ли это цель природы, не подчиняющаяся ни социальным, ни религиозным законам?» (с. 367). Пометой «Оч. хор.!» отмечена сцена исцеления Мари (с. 314), а также строки: «О! быть добрым, облегчать все страдания, усыплять боль мечтой, даже лгать, для того чтобы прекратить общие невзгоды» (с. 451).

Собрание сочинений Мопассана в 12 томах. СПб., 1894 (610/62—67) было прочитано Лесковым осенью 1894 г., после того, как ему стала известна знаменитая статья Л. Н. Толстого о французском писателе. Читавший до того Мопассана «урывками», Лесков, как он сам писал Толстому, «принялся за него наново и перечитал все, с хронологическою последовательностью по времени писания» (т. 11, с. 595). Не без влияния толстовской статьи в результате чтения отношение к Мопассану изменилось: если раньше Лесков «не чувствовал в нем нравственности», то теперь признает его писателем, «достойным любви». Эта переоценка прослеживается по лесковским пометам в сочинениях Мопассана, т. XII, где сочувственно подчеркнуты строки о «настоящем критике» из статьи «О романе» (с. 159), а также цитаты, приведенные в очерке Ф. И. Булгакова «Как писал Мопассан»: «*Я пишу, потому что постигаю и страдаю от всего* существующего, так как *знаю его слишком близко*» (с. 205); «... всякое произведение искусства только тогда достигает совершенства, когда служит символом *действительности* и с точностью передает ее» (с. 206) и др. В статье Булгакова подчеркнуто мнение автора, что в произведениях Мопассана выражался «*ужас перед современными толпами, их веселием*, их безобразием, самым их запахом, а также перед *блестящими собраниями*, клубными или салонными разговорами; впечатления ничтожности существования и внутреннего предательства всяких кратковременных прелестей, красоты женщины, опьянения любовью, славы» (с. 210). В оглавлении третьего тома Лесков отметил рассказ «Разбитый корабль» и роман «Гора Ориоль», в четвертом — рассказы «Бродяга», «Орля», «Дьявол», «Прощение», «Легенда о горе св. Михаила», «Мадемуазель Кокотка», «Бриллианты», «Спасена!».

Пометы (более 50) на страницах романа Г. Сенкевича «Без догмата». М., 1903 (610/195) говорят, что в исповеди Леона Плошовского Лескова глубоко заинтересовала духовная драма «*гения без портфеля*» (эта самохарактеристика героя подчеркнута Лесковым), его скептические признания и наблюдения, его суждения о литературном творчестве.

Новые грани нравственных исканий Лескова в начале 1890-х годов может раскрыть изучение поэмы: Эдвин А р н о л ь д. Светило Азии, или Великое отречение. Перевод с 38 английского издания И. Юринского (И. М. С⟨абашни⟩кова). СПб., 1891 (610/197). Многочисленные пометы позволяют утверждать, что в этом поэтическом изложении жизни Будды и его учения Лескову дороги призывы к милосердию, состраданию, любовь ко всему живому, мечта о всеобщем мире. На с. 131 отмечены стихи:

О том, как был бы дивен этот мир,
Когда бы в нем все существа живые
Не причиняли никому вреда,
Когда бы все употребляли *пищу*
Бескровную и чистую одну,
Ведь нищи и питья довольно в мире:
Златые зерна, чудные плоды,
Везде растут питательные травы,
Везде струится чистая вода.


Рѣдкій экз.

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ

(DIE WAFFEN NIEDER!)

РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Берты фонъ-Суттнеръ.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА

Подъ редакціей и съ вступленіемъ

Ф. И. Булгакова.

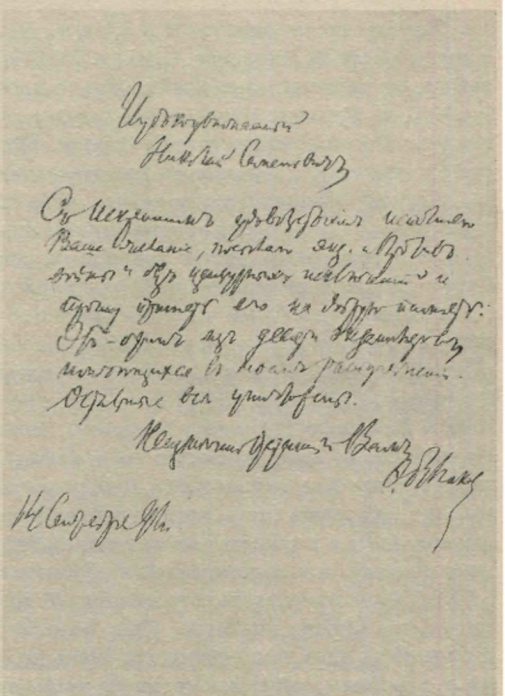
Николай Семеновичъ

ЛѢСКОВЪ

Рѣдкій экз.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1891.



РОМАН БЕРТЫ ФОН-ЗУТТНЕР «ПРОТИВ ВОЙНЫ». СПб., 1891
Под редакцией и с вступлением Ф. И. Булгакова
Из книг Н. С. Лескова

Обложка и вклеенное в книгу письмо: «Глубокоуважаемый Николай Семенович. С искренним удовольствием исполняю ваше желание, посылаю экз. «Против войны» без цензурных исключений и прошу принять его на добрую память. Это — один из десяти экземпляров, имеющихся в моем распоряжении. Остальные все уничтожены. Неизменно преданный вам Ф. Булгаков. 14 сентября 91г.»
Музей И. С. Тургенева, Орел

Отмечает Лесков и чрезвычайно близкую ему мысль,

Что в жизни всех добро родит добро,
А зло рождает только зло... (с. 166).

Идее мира посвящена книга: «Против войны (Die Waffen nieder!). Роман из жизни. Берты фон Суттнер. С разрешения автора перевод с немецкого. Под редакцией и с вступлением Ф. И. Булгакова». СПб., 1891 (610/190). На этом прославленном антивоенном произведении Лесков трижды поставил штамп «Редкий экземпляр» (дважды на обложке и один на титульном листе). Объяснение этого содержит вклеенное в книгу письмо: «Глубокоуважаемый Николай Семенович. С искренним удовольствием исполняю ваше желание, посылаю экземпляр «Против войны» без цензурных исключений и прошу принять его на добрую память. Это — один из десяти экземпляров, имеющихся в моем распоряжении. Остальные все уничтожены. Неизменно преданный вам Ф. Булгаков. 14 сентября 91 г.»

В лесковской библиотеке в настоящее время насчитывается 45 книг по философии, истории, социологии. Конечно, это лишь незначительная часть того, что было собрано писателем по этим отраслям знания. Но характер сохранившихся изданий знаменателен. По свидетельству Н. А. Макшеевой, Сенека, Марк Аврелий и другие античные философы — «вот были любимцы и друзья Лескова, его настольные книги: он возил с собой на дачу целый ящик своих спутников» [52].

Лесков читал книгу: П л а т о н. В изложении Клифтона Коллинза. Перевод с английского Ф. Резенера. СПб., 1876 (610/160). На титульном листе, над словом «Перевод», он написал: «ужасный», однако прочел книгу тщательно и оставил немало помет. Мысль Гесиода: «*современное поколение людей печально выродилось*» (с. 25) вызвала реплику Лескова: «Еще тогда!» Строки: «Бог благ и творец одного лишь добра, а что существование зла терпимо им для наказания людей» (с. 223) отмечены: «NB. Хорошо».

Лескову принадлежало редкое издание: «Ксенофонта о достопамятных делах и разговорах Сократовых четыре книги и оправдание Сократово пред судиями, переведенные с греческого языка надворным советником Григорием Полетикою в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук». 1762 (610/247).

«Читаю всего более «Письма Сенеки к Люцилию»,— сообщал Лесков Льву Толстому 14 декабря 1893 г. (т. 11, с. 571). На шмуцтитуле книги, которую читал Лесков,— «Люций Анней С е н е к а. Избранные письма к Люцилию. Перевод с латинского Пл. Краснова». СПб., б. г. (610/74),— есть пространная запись Лескова: «Всех писем Сенеки к Люцилию 124 (здесь 50 писем). Всех его нравственно-философских сочинений считают 20, из коих 13 дошло до н〈ашего〉 времени, а 7 утрачено. Здесь нет LXXI (71) письма, в котором важно место, централизующее философский взгляд Сенеки: «Всякий раз, как ты хочешь знать, чего нужно избегать или чего домогаться, *обращайся взором к высшему благу и к цели всей твоей жизни*» (так как общего совета дать нельзя, ибо всякий совет должен быть приноровлен к обстоятельствам, а они меняются). Кроме Epistolae LXXI (71) нет замечательного письма 76-го: «...во всем, что нравится толпе, нет ничего истинного, ничего верного». «Все ценится по своим хорошим основным свойствам: виноградная лоза по плодородию, олень по быстроте, вьючные животные по силе и крепости их спины, собаки, смотря по тому, которая для чего употребляется,— одна по резвости, другая по чуткости, третья по смелости. В каждом дорого то, для чего он рождается. В человеке всего дороже то, чем он превосходит животных и приближается к богам, т. е. *разум*» (Epist, 76). Из 71-го письма: «Не диво не подвергаться потрясению, когда все спокойно; удивляйся тому: когда кто поднимается вверх там, где все идут книзу, стоят там, где все падают». В книге более 150 лесковских помет, подчеркиваний, исправлений и уточнений, вопросительных знаков, замечаний. После слов: «*Тяжело жить в крайности, но нет никакой крайности жить в крайности*» (с. 40) запись на полях: «Эпикур»; после подчеркнутых строк: «*Всего убедительнее 〈...〉 свидетельство человека умершего и затем воскресшего*» (с. 59) приписано: «Богом〈атерь〉 и Лазарь»; в примечании переводчика на с. 219: «Сравн. у Тютчева: «Не рассуждай, не хлопочи...» Лесков перечеркнул стихи и написал: «Это беспечность».

В «Размышлениях императора Марка Аврелия, о том, что важно для самого себя». М., 1888 (610/99) подчеркнут совет, близкий Лескову на склоне его лет: «... *если будешь бояться не умереть, а дурно жить, то станешь истинным человеком, достойно прожившим свою жизнь*» (с. 27).

Возможно, что Лесковым было прочитано и редкое издание: «Мысли Паскаля. Перевел с французского Иван Бутовский». СПб., 1843 (610/70), но следов чтения в книге нет.

На титульном листе книги высоко ценимого Лесковым Самуэля Смайльса «Долг». Перевод с английского С. Майкова. СПб., изд. Ф. Н. Плотникова, 1882 (610/71), писатель подчеркнул эпиграф из Уэйтейера: «*Строгие веления долга, разверстая книга судеб, небеса, к которым вы порываетесь; ад, которого вы страшитесь, все это кроется лишь в вас самих*», и написал: «Сыну моему Андрею Лескову, с просьбою книгу эту чаще читать, помня, что и я ее читаю, и при желании возражать мне для моего усовершенствования — ограничивать себя указанием мне на подлежащие страницы этого превосходного сочинения Смайльса. Николай Лесков. Пасха 1888 года». В книге много помет, но, вероятно, часть их принадлежит А. Н. Лескову.

«Прочитал теперь Гелленбаха 〈...〉 Пять лет тому назад он мне ничего не открывал, а теперь я извлек из него много отрады и утешения»,— писал Лесков Л. Н. Толстому 20 июня 1891 г. (т. 11, с. 493). Книга Г. Гелленбаха «Человек, его сущность и назначение с точки зрения индивидуализма». Перевод с немецкого. СПб., изд. А. Н. Аксакова, 1885 (610/188) недаром имеет лесковский штамп «Редкость». Напечатанная вна-

чале под названием «Опыт философии здравого смысла» (СПб., 1885), она была арестована цензурой как сочинение, «явно противное догматам христианской веры, проникнутое духом пантеизма и направленное к оправданию измышлений спиритизма» [53]. Лишь после исправления издателем «предосудительных» мест и под новым заглавием книга увидела свет. Лесков сделал в ней много помет, обратив внимание, в частности, на возражения автора Шопенгауэру (с. 251), на рассуждение в защиту индивидуализма (с. 259), на мысль Канта: «*...всякому удовольствию должно предшествовать страдание*» (с. 271) и мн. др. Риторический вопрос Гелленбаха: «*Разве тысячелетия страданий не слишком дорогая цена за исключительно материальное, к тому же еще сомнительное счастие столь отдаленных поколений?*» (с. 257) Лесков сопроводил записью на полях: «Истина».

Рекомендуя читать Шопенгауэра (т. 11, с. 458), Лесков и сам был если и не восторженным, то, несомненно, вдумчивым читателем его сочинений, о чем свидетельствуют пометы в книге: А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы, т. 2. СПб., 1892 (610/163).

Хотя трудов по русской истории в библиотеке Лескова сохранилось очень немного, но все это значительные исследования или же публикации архивных материалов и свидетельства очевидцев: А. Н. Пыпин. Исторические очерки. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871 (610/217); Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874 (610/224); С. С. Шашков. Исторические этюды, т. 1—2. СПб., 1872, штамп «Редкость» (610/259); И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., т. I. М., 1862, штамп «Редкий экземпляр» (610/181); И. Г. Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868 (610/202); «Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого», изданная Д. С. Оболенским. СПб., 1876 (610/208), с автографом: «Николаю Семеновичу Лескову от издателя»; «Записки декабриста барона А. Е. Розена. Лейпциг, 1870, штамп «Редкость» (610/213).

Лесков высоко ценил «превосходное исследование» Е. П. Карновича (см. т. 11, с. 113), а также монографию И. Г. Прыжова, о которой в 1882 г. писал: «Вопрос о казенных кабаках и поныне трактуется без справок с книгою Прыжова, которая, хотя и считалась запрещенною в прекрасное время М. Н. Лонгинова, но изъята из обращения не особенно аккуратно и во всяком случае она не исчезла, по желанию Лонгинова, из библиотек частных лиц, которые ею запаслись. Книга Прыжова могла бы дать и должна дать интереснейшие данные для многих вопросов по делу об урегулировании винного производства и торговли» [54]. В экземпляре «Истории кабаков» много помет, но сказать со всей определенностью, что все они лесковские, нельзя, потому что книга в послереволюционные годы побывала в общедоступной библиотеке, где была найдена А. Н. Лесковым и приобщена им к мемориальному собранию.

В «Хронике недавней старины» опубликованы воспоминания князя А. П. Оболенского за годы 1780—1812, его рассказ о заграничном походе 1813 г., письма Ю. А. Нелединского-Мелецкого, письмо П. А. Вяземского и другие документы, вызывавшие живую реакцию Лескова. Приведем наиболее характерные из его помет (всего их более 30): рескрипт императрицы Марии Федоровны, в котором содержится упрек Ю. А. Нелединскому-Мелецкому за то, что он в 1812 г. отправил из Москвы «благородных девиц на телегах» (с. 148), вызвал реплику Лескова: «Какой не по времени вздор!»; после слов из указа Александра I: «Да благословляет меня в сердцах своих *народ мой*» (с. 207) — приписано на полях: «За истребление его, за германских тиранишек и за военные поселения и Аракчеева?»; стихи из хора в честь Александра I: «*Вселенная*!.. Пади пред ним, *он твой спаситель*!» (с. 209) — отмечены восклицанием: «Какая пошлость!»; строчка из дневниковой записи Оболенского от 13 июня 1815 г. о победе над Наполеоном: «Cela a l'air d'une farce»* (с. 226) сопровождается записью на полях: «Слишком кровавый для фарса. Фарс на стороне объедающих и унижающих, сильных одной численностью, а не талантом и гением»; мнение Вяземского, что в противовес Москве фамусовской была «*другая*, образованная, умственною и нравственною жизнью жившая Москва»

* «Это похоже на фарс» (*франц.*).

(с. 301), вызвало вопрос писателя: «Велика ли?». Полемически воспринимает Лесков мысль Вяземского о «либерализме» Екатерины II. Вяземский пишет: «Нелединский *не угадал своей высокой Начальницы*» (с. 304), Лесков замечает: «Либеральной?»; Вяземский: «Материнская нежность и чувства аристократического приличия очень понятно и естественно *сливаются* в особе ее» (с. 304), Лесков: «С либерализмом?».

Запрещенное в России лейпцигское издание «Записок декабриста» А. Е. Розена, посвященных «сочинителем» его «любезным соузникам и соизгнанникам», читалось Лесковым, видимо, не один раз. В нем отмечены рассуждения о положении России после Отечественной войны 1812 г., характеристики Александра I и Николая I, рассказ о восстании на Сенатской площади и подробности следствия и суда над его участниками; подчеркнуты строки: «...пятерых товарищей, осужденных на смертную казнь, *повели в саванах и кандалах в крепостную церковь, где они еще при жизни слушали свое погребальное отпевание*», а также предсмертные слова С. И. Муравьева-Апостола, упавшего из-за неумелости палача с виселицы: «*И этого у нас не сумели сделать*» (с. 144); подчеркнуто гордое признание автора, не сломленного многолетней сибирской ссылкой: «*Во мне таится сила и стремление 120 товарищей*, которые желали содействовать к освобождению крестьян, *но были сосланы после 14 декабря и не дожили*» (с. 573).

Литература по истории зарубежных стран в лесковской библиотеке весьма разнообразна: от таких редкостных изданий, как «Жизнь знаменитых мужей, описанная Плутархом». СПб., 1817 (610/173) и «Иосифа Флавия о войне Иудейской». СПб., 1804 (610/232) до современных писателю сочинений Карлейля, Ренана, Буркгардта, Летурно, Дрэпера, Лейкснера, Нордау и др.

Томас Карлейль был для Лескова «величайшим из английских прозаических писателей», труды которого нужны «людям, ищущим уяснения неотразимых вопросов в истории, философии и обыденной этике жизни» (т. 11, с. 532). С большим вниманием он прочитал «Исторические и критические опыты» Карлейля. М., 1878 (610/225) и его «Историю французской революции», т. I, «Бастилия». М., 1866 (610/165). В «Опытах» более 80 помет, главным образом в очерках «Вольтер», «Дидро», «Мирабо», «Роберт Бернс» и «Вальтер Скотт». Подчеркивал он не фактические сведения, а рассуждения и афористические выводы, давшие ему основание назвать Карлейля «писателем-мудрецом».

Столь же внимательно изучал Лесков исследование Якоба Буркгардта «Культура Италии в эпоху Возрождения». СПб., 1876 (610/184), где отмечены характеристики римских пап, итальянских политических деятелей, гуманистов, а также многие даты, имена, события общественной и художественной жизни.

В книге Джона Уильяма Дрэпера «История отношений между католицизмом и наукой». СПб., 1876 (610/207), отчеркнуты места, раскрывающие несоответствие между евангельским учением и официальной церковью (с. 195—196), факты «дикой ревности» инквизиции (с. 197—198), злодеяний римской курии (с. 253), обличение суеверий (с. 264—267) и т. д.

Штампом «Редкий экземпляр» отмечено сочинение французского антрополога, этнографа и социолога Шарля Летурно «Прогресс нравственности». СПб., 1892 (610/212), которое «по высочайшему повелению» в августе 1892 г. было изъято из обращения[55]. На шмуцтитуле книги автограф Лескова: «Эволюция вовсе не сила, а прогресс, не причина, а закон» (Дж. Морлей «Компромисс»)[56]. В тексте отчеркнуты строки: «...в католической обедне последний символический след людоедства» (с. 69); «...нравы изменяются крайне медленно, так как они служат лишь отражением образа жизни» (с. 147); «*Кровожадность* людей возрастает всегда, когда они думают, что действуют *во имя богов*» (с. 210); «Всякое *теократическое правительство* считает себя непреложным, безгрешным и всеведущим. Оно не допускает и не понимает *мысли о постепенном и непрерывном прогрессе*» (с. 211) и др.

25 марта 1888 г. Лесков писал А. С. Суворину: «Я похвалился при всех, что выпрошу себе у вас «утешение» в виде экземпляра Лейкснера и, может быть, даже в переплете... Посудите теперь: каково мое положение, если вы на это промолчите?» (т. 11, с. 372). На другой день писатель снова напоминал ему: «XIX век» еще не получил, но ожидаю и вас очень благодарю» (т. 11, с. 374). В лесковской библиотеке этот су-

воринский подарок сохранился: «Наш век. Общий обзор важнейших явлений в области истории, искусства, науки и промышленности последнего столетия Отто фон Лейкснера», т. 1—2. СПб., изд. А. С. Суворина, 1888 (610/239, 240). Книга в превосходном переплете.

Интерес Лескова к буддизму подтверждается несколькими пометами в книге Германа Ольденбурга «Будда, его жизнь, учение и община». Перевод с немецкого. М., 1884 (610/215), где, в частности, отчеркнуты строки: «Всякий народ создает себе богов по своему собственному облику и тем не менее сам, наоборот, становится таким, каковы его боги» (с. 45).

Любопытны записи Лескова на страницах компилятивного труда П. М. Ольхина «Последние дни самоубийц». СПб., 1863 (610/209). После слов: «...римляне, совершенно развратившись и предавшись порокам, считали самоубийство делом благородным и признаком мужества. Спрашивается, можем ли мы руководствоваться подобными примерами?» (с. 24), Лесков написал: «Так как мы не умнее, конечно, не мужественнее и не менее порочны — то безусловно можем»; после цитаты из Юма: «...умирающий нисколько не вредит обществу, но только перестает делать добро» (с. 30), следует приписка: «Если он его еще делал. В большинстве случаев он только перестает делать зло»; прочитав о «браковщике вина», который пытался покончить жизнь самоубийством, «обманувшись в качестве одного вина» (с. 33), Лесков написал на полях: «Это не лишено серьезности! По-моему, в хорошем вине досаднее ошибаться, чем в плохонькой женщине»; история английского лорда, отравившего жену из ревности (с. 95), вызвала реплику писателя: «Арбенин из «Маскарада». И даже сильнее!»; после фразы о молодом человеке, *«у которого было больше воображения, чем рассудка»* (с. 100), Лесков написал: «Оборот à la Прутков»; история юноши, который застрелился, узнав тайну своего происхождения (с. 111), отмечена записью: «Тема для рассказа в мопассановском жанре»; слова: «Теперь дьявола боятся гораздо меньше и в воображении больных его заменили полицейские чиновники» (с. 145), вызвали помету: «Великолепно»; фраза: «Иногда это расположение духа никогда не покидает несчастных» (с. 168), вызвала реплику Лескова: «Великолепный русский язык: иногда — никогда»; после слов: «...дети составляют возрождающуюся будущность каждого семейства» (с. 169), на полях приписано: «Если их любят без эгоизма — от них ничего не ждут и не требуют и ни на какие радости от них в будущем не рассчитывают. Иначе самая любовь родительская превращается в ростовщичество».

Сохранились в лесковской библиотеке два издания «на злобу дня», диаметрально противоположные по своему происхождению и характеру. Первое — анонимно напечатанный антигерценовский памфлет «Искандер — Герцен». Берлин, 1859 (610/166), который был сочинен реакционным публицистом и цензором Н. В. Елагиным в соавторстве с московским митрополитом Филаретом и пермским помещиком П. Д. Дягилевым (до 1862 г. он был запрещен в России). Следов чтения брошюры Лесковым нет. Второе — нелегальная брошюра в защиту революционно настроенного студенчества: «Мартовское движение студентов Киевского университета 1878 года» (610/270). В ней Лесковым подчеркнуты фамилии реакционных профессоров (с. 34—35, 49).

В библиотеке Лескова хранится 25 книг религиозно-нравственного содержания: пять различных (русских и заграничных) изданий Нового Завета, в том числе одно на французском языке, двухтомное (лондонское) издание Ветхого Завета, Псалтырь [57], сочинения Фомы Кемпийского и Тихона Задонского, труды Ф. В. Фаррара по истории раннего христианства [58], молитвы Кирилла Туровского, проповеди пастора Берсье и др. Почти все они с большим вниманием читались и перечитывались Лесковым, о чем свидетельствуют сотни его помет, особенно в книгах Ветхого Завета, в Евангелии, в Посланиях апостолов. Специальное изучение их поможет полнее представить сложную картину духовных исканий писателя, который, связывая перелом в своем мировоззрении «с моментом хорошо прочитанного Евангелия» [59], в то же время советовал: «Библию прочесть надо, там есть дивные книги, но не все» [60]. При чтении этих книг Лесков реже отмечал событийные элементы, рассказы о сотворении мира, о чудесах, пророчества и т. п. Зато им подчеркнуты многие «учительные» места, изложение нравственных принципов, норм поведения человека.

Ценил Лесков книгу: Фома Кемпийский. О подражании Иисусу Христу. Перевод с латинского. М., 1834 (610/248). Она отмечена в «Соборянах» как редкость, недоступная сельскому духовенству; «...книги той духовному нищенству нашему достать негде»,— сетует Савелий Туберозов (т. 4, с. 31). В книге более 70 лесковских помет.

О русской молитве «нашего златоуста, Кирилла из Турова» Лесков писал в рассказе «На краю света» (т. 5, с. 512). В его библиотеке есть переплетенные страницы из неустановленного издания. Рукой Лескова написан титульный лист: «Избранные молитвы на всю седьмицу св. Кирилла, епископа Туровского. Памятник двенадцатого века» (610/130). Тексты молитв с редакторской правкой писателя — вероятно, они готовились для переиздания.

Из проповеднической литературы, собранной писателем, интересно «Слово о пьянстве, говоренное сельским священником в одном из близлежащих к Санкт-Петербургу селений». СПб., 1838 (610/275). На обложке автограф Лескова: «Экземпляр очень редкий. Н. Л.-въ». По-иному отнесся Лесков к «Беседе о лжевымышленной новооткрывшейся системе равенства между людьми преосвященного Никифора, бывшего архиепископа Астраханского и Ставропольского». СПб., 1882 (610/276). На первой странице Лесков написал: «О богоучрежденном неравенстве в людях. Очень интересно. Покровительственно, самодовольно (1884 г.)». Этой резкой оценке соответствуют и подчеркивания, которыми писатель отметил наиболее воинственные и невежественные суждения автора (с. 1, 3, 4, 5, 6, 9).

«Дневник Амиеля» был, по словам Н. А. Макшеевой, в числе излюбленных книг Лескова. «Амиель один восторг»,— восклицает он [61]. Журнальный оттиск «Из дневника Амиеля» (из «Северного вестника», 1894, № 1 и 2; 610/282) сохранился, как подтверждает сын писателя в надписи на конверте, «с очень знаменательными пометами Лескова», на склоне лет обратившегося к книге, которую Лев Толстой назвал полной «жизни, мудрости, поучительности, утешения» [62]. В тексте более 40 помет Лескова.

Находятся в лесковском собрании различные справочные издания, словари, каталоги, географические и исторические атласы, сборники изречений и т. д. Среди них: «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук», т. I—IV. СПб., 1847 (610/233—236), штамп «Редкий экземпляр»; «Смесь полезного с любопытным, или Собрание разных предметов для сердца и разума», ч. 1. М., 1831 (610/175) с автографом Лескова: «Редкость. 5 р., 83 г.»; «Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков. Составил по французским источникам и перевел Н. Макаров». СПб., 1878 (610/128) с дарственной надписью: «Николаю Семеновичу Лескову в знак уважения и памяти от издателя Н. Макарова. 1878 года, 28 ноября». Штамп «Редкость» и помета Лескова: «Экземпляр без вымарок цензора». В книге много лесковских подчеркиваний; «Художественная энциклопедия. Иллюстрированный словарь искусств и художеств. Составил Ф. И. Булгаков», т. I. А—И. СПб., 1886 (610/104) с дарственной надписью: «Многоуважаемому Николаю Семеновичу Лескову на добрую память Ф. Булгаков. 9 октября 86 г.»; «Картины императорского Эрмитажа. Для посетителей этой галереи составил А. Сомов. СПб., 1859 (610/268) с лесковскими пометами, часть которых приведена в книге А. Н. Лескова [63].

Из нескольких уцелевших книг по медицине три внимательно прочитаны Лесковым: сочинение д-ра А. И. Бургера «Мясная пища с точки зрения вегетарианца». СПб., 1892 (610/93), на эту книгу Лесков откликнулся в печати [64]; переведенный с английского труд д-ра медицины Анны Кингсфорд «Научные основания вегетарианства или безубойного питания». М., 1893 (610/103); небольшая книжка — G. André. Гигиена старческого возраста. СПб., 1891 (610/98), где среди многих помет особо значительна запись Лескова на с. 72. После слов: «Астма много раз имела исходной точкой, если не причиной, глубокие и продолжительные огорчения или приступы гнева»— он написал: «Вот это и было 16 августа 1889 г.» (в тот день писатель узнал, что арестован полностью отпечатанный шестой том его «Сочинений» [65]).

Книга сопутствовала Лескову всю жизнь. Память о том, что было прочитано еще в детстве, писатель хранил многие годы. В его библиотеке доныне находится книга:

МУЗЕЙ Н. С. ЛЕСКОВА В ОРЛЕ. КАБИНЕТ ПИСАТЕЛЯ
Фотография, 1974
Музей И. С. Тургенева, Орел

МУЗЕЙ Н. С. ЛЕСКОВА В ОРЛЕ. ОБЩИЙ ВИД
Фотография, 1974
Музей И. С. Тургенева, Орел

«Сто двадцать четыре священные истории из Ветхого и Нового завета, собранные А. Н., с присовокуплением к каждой истории кратких нравоучений и размышлений, в двух частях. Иждивением Александра и Ивана братьев Кузнецовых». Второе исправленное издание. М., 1832 (610/174). «Сто четыре священные истории» «хорошо умел рассказывать» несмертельный Голован (т. 6, с. 358). В автобиографической заметке Лесков назвал эту книгу в ряду тех, которые дали ему «самое памятное и самое глубокое впечатление»: «Я выучился грамоте сам, без учителя и прочел эту книгу, имея пять лет от роду. Все ее истории сразу врезались мне в память, но не все они меня удовлетворили: по ним я очень полюбил Иисуса Христа, но удивлялся, что он на некоторые предлагавшиеся вопросы отвечал как будто неясно и невпопад. Это меня мучило, и я стал подозревать, что тут что-то не так рассказано. После я читал множество книг, но это все-таки помнил и всегда хотел узнать, так ли Христос отвечал, как написано в книге «Сто четыре истории» [66].

Есть в лесковской библиотеке и еще одна «память» о детских годах писателя: «Новая Российская Азбука, следующая для научения детей правильному чистописанию». Б. м., 1819 (610/280). В ней даны образцы правильного написания букв, «таблица умножительная» с уведомлением: «Аще кто сию таблицу твердо знает, тот человек в счете тверд умом бывает», а также «Наставление, как писать письма к разным особам» и несколько изречений, предназначенных для упражнений в чистописании: «Имей попечение не о красоте своей, но о добродетели сердца своего»; «Ведай, что одеяние души твоей есть тело, того ради береги его от скверности»; «Не ищи, человече, мудрости, ищи кротости, аще обрящешь кротость, тогда одолеешь мудрость» и др. Вероятно, эти восемь страниц «Новой Российской Азбуки» были для Лескова не только «вратами учености», но и первым источником мудрости.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. И. Фаресов. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904, с. 301.

[2] *Жизнь Лескова*, с. 467.

[3] См. о нем бесподписную заметку Лескова: «Букинист Иов Герасимов».— «Петербургская газета», 1884, № 47.

[4] Ф. Шилов. Записки старого книжника. М., «Книга», 1965, с. 13.

[5] И. А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова.— «Русская старина», 1895, № 12, с. 212.

[6] В. П. ‹В. В. Протопопов›. У Н. С. Лескова.— «Петербургская газета», 1894, № 66, 9 марта.

[7] В. П. У Н. С. Лескова.— Там же, 1894, № 326, 27 ноября.

[8] *Жизнь Лескова*, с. 451. Ср. в воспоминаниях Ф. Г. Шилова: «У Лескова в квартире во всех комнатах были книги, но главным образом в кабинете...» (Ф. Шилов. Записки старого книжника, с. 14).

[9] *Жизнь Лескова*, с. 351.

[10] И. А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова, с. 211.

[11] Я. Х.— в ‹Я. А. Харламов›. Враги библиотек.— «Антиквар», 1902, № 7 (октябрь), с. 217—218. Факт «собственноручного» дополнения Чернышевским романа «Что делать?» на полях одной из трех первых книжек «Современника» за 1863 г. «специально» для Лескова, кроме свидетельства автора цитируемой статьи, никакими другими данными не подтверждается.

[12] Опубликовано в кн. *Жизнь Лескова*, с. 471. Воспроизведено: *ЛН*, т. 79, с. 385. Далее при ссылках на книги из собрания ГМТ указываются в тексте только их шифры.

[13] Ф. Шилов. Записки старого книжника, с. 14.

[14] С. Ф. Либрович. На книжном посту. Пг.— М., 1916, с. 239; то же: «Вестник литературы», 1912, № 7, с. 191.

[15] «Русь», СПб., 1897, № 37, 22 февраля, подпись: ***. Цитируем по вырезке, сохранившейся в собрании С. П. Шестерикова; по его предположению, автором «Заметки» был В. В. Протопопов.

[16] С. П. Шестериков ссылается при этом на издание: «Антикварная книжная торговля Я. А. Соколова. Каталог русских книг, № 3», СПб., 1896. В нем отмечены следующие книги с «автографами Н. С. Лескову»: 1) И. Аксаков. Федор Иванович Тютчев (биографический очерк). М., 1874; 2) В. Величко. Восточные мотивы (стихотворения). СПб., 1890; 3) А. Майков. Полное собрание сочинений, 3 тома. СПб., 1884; 4) В. Немирович-Данченко. Стихотворения. СПб., 1882; 5) Патерик

Киево-Печерский. Киев, 1869 (с автографом архимандрита Киево-Печерской лавры Варлаама, 22 сентября 1870 г.).

Из других книг, перечисленных в каталоге, предположительно можно считать лесковскими те, которые сопровождены пометами: «Великолепный экземпляр. Редка», «Редкое издание», а именно: 1) Д. Бантыш-Каменский. История Малой России. М., 1842; 2) Он же. Словарь достопамятных людей русской земли, 8 томов. М., 1836—1847; 3) И. Крылов. Полное собрание сочинений. СПб., 1847; 4) Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, 2 тома. М., 1863.

Шестериковым было просмотрено несколько выпусков каталога русских книг антикварной торговли Я. А. Соколова (вып. 2—7. СПб., 1896—1897). Повторное обращение к ним показывает, что наиболее ценным для наших целей является каталог № 3 (№ 2 нам не удалось найти). Для последующего выявления в нем книг, принадлежавших Лескову, необходима специальная исследовательская работа.

[17] «Исторический вестник», 1901, № 1, с. 404.

[18] «Россия», 1900, № 430, 7 июля; «Новое время», 1912, № 12963, 15 апреля.

[19] А. Е. Бурцев. Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг, т. IV. СПб., 1901, с. 127.

[20] Хранится в библиотеке ИРЛИ. Надпись на с. 1: «Куплена мною у букиниста Соколова за 15 рублей. Рукопись эта из книг Н. С. Лескова. А. Суворин».

[21] «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольфа по литературе, наукам и библиографии», 1911, № 1, с. 8.

[22] ИРЛИ, ф. 341, И. А. Шляпкин, оп. 1, № 1684.

[23] *Жизнь Лескова*, с. 67, 68, 128, 174—175, 182, 377, 457—458, 465—466, 584—585 и др.

[24] А. В. Амфитеатров. Властители дум. Пг., 1914, с. 343.

[25] См. также: *Жизнь Лескова*, с. 128—131.

[26] Эта надпись на другом, ныне утраченном экземпляре книги воспроизведена впервые: И. А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова, с. 63. См. также: *Жизнь Лескова*, с. 465—466.

[27] «Газета А. Гатцука», 1884, № 14, с. 1.

[28] См.: Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, с. 174—175.

[29] См. об этом издании анонимную заметку (по мнению А. Н. Лескова, «несомненно» принадлежащую Лескову): «Указка г. Лескова».— «Церковно-общественный вестник», 1879, № 126, а также лесковское «Объяснение по трем пунктам» (т. 11, с. 232—233).

[30] К книге приложена записка А. И. Лесковой: «Этот экземпляр «Русской розни» Николая Семеновича. Им он «раздерган» и им же отмечено на обложке, что́ изъято. Карандашные пометы и надписи в книге Андрея Николаевича». Изъяты рассказы: «Дворянский бунт в Добрынском приходе», «Ракушанский меламед», «Белый орел», «Чертогон», «Император Франц Иосиф и Анна Фетисовна».

[31] См. пояснения к этой подписи: *Жизнь Лескова*, с. 408—411.

[32] См. там же, с. 514.

[33] В ГМТ, кроме «суворинского», хранится еще два экземпляра указателя Быкова, одним из которых постоянно пользовался А. Н. Лесков, внесший в него много дополнений и уточнений. Об указателе Быкова Лесков писал не однажды; см., например: «Товарищеский подарок (письмо в редакцию)» и письмо к А. С. Суворину от 11 мая 1888 г. (т. 11, с. 238—239 и 387).

[34] См. об этом: Л. Н. Афонин. Н. С. Лесков — читатель Льва Толстого.— «Подъем», Воронеж, 1960, № 6.

[35] Н. А. Макшеева. Н. С. Лесков в последние годы своей жизни.— *РМ*, 1908, № 10, с. 184. См. также письма Лескова к Л. Н. Толстому от 1 и 28 июля 1893 г.— В кн.: «Л. Н. Толстой в переписке с русскими писателями». М., 1962, с. 563—564, 565—567.

[36] Там же, с. 553.

[37] Там же, с. 601.

[38] В «Русских общественных заметках» Лесков, указав, что эта история рассказана Г. Гейне в предисловии к поэме «Атта Тролль», писал: «Был матрос, безмерно преданный генералу Джаксону и многократно порывавшийся погибать за него, в чем, впрочем, генералу не было никакой нужды. И вот однажды этот матрос, пламенея преданностью Джаксону, вздумал выкинуть следующую штуку: плывучи на одном корабле, он влез в присутствии многих товарищей на верх мачты и, крикнув оттуда: «Я погибаю за генерала Джаксона!» — бросился в море и утонул несомненным дураком, соединив навсегда со своим глупым поступком и имя чтимого им генерала Джаксона» («Биржевые ведомости», 1869, № 352). См. также: Г. Гейне. Собр. соч. в 10 томах, т. 2. М., 1957, с. 182.

[39]
Горлицы любовью сыты,
Жаждут крови и воркуют,
Чтоб впрягли их в колесницу
Не Венеры, а Беллоны. Там же, с. 252

[40] Как видно из письма Лескова к А. С. Суворину от 19 апреля 1888 г. (т. 11, с. 380), в библиотеке писателя был также экземпляр «Путешествия», изданного Сувориным в количестве 100 экз. (СПб., 1888).

[41] *Жизнь Лескова*, с. 277—279.

[42] «Театральный мирок», 1870, № 11, с. 4.

[43] «Биржевые ведомости», 1870, № 68. См. также: т. 3, с. 364.

[44] «Литературная библиотека», 1867, ноябрь, кн. 2, с. 227—237.

[45] «Неделя», 1895, № 9.

[46] «Нива», 1892, № 8, с. 186.

[47] См.: М. С. Горячкина. Сатира Лескова. М., 1963, с. 3—140.

[48] Опубликованы в книге: *Жизнь Лескова*, с. 377.

[49] 18 марта 1894 г. Лесков писал о своей просьбе А. Н. Веселовскому, а 21 марта благодарил его «за ее исполнение» (ИРЛИ).

[50] См., например: *Лесков*, т. 9, с. 482; т. 10, с. 260.

[51] См., например, письмо к Б. М. Бубнову от 14 мая 1891 г. (т. 11, с. 490).

[52] *РМ*, 1908, № 10, с. 186.

[53] Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России, с. 156.

[54] «Вечерний звон и другие средства для искоренения разгула и бесстыдства».— «Исторический вестник», 1882, № 6, с. 596.

[55] Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России, с. 188—189.

[56] 13 августа 1893 г. Лесков сообщал Л. И. Веселитской, что в августовской «Книжке Недели» напечатана «очень хорошая статья Яковенко» о книге Морлея «О компромиссе», и спрашивал: «Отчего не вы перевели это чудесное сочинение? Пожалуйста, прочтите и то и другое» (В. Микулич. Встречи с писателями. Л., 1929, с. 192).

[57] «Псалтырь». СПб., 1871 (610/73). На книге дарственная надпись: «Творцу «Соборян», воспевшему тяжелый быт русского духовенства, усердно приносит искренний его почитатель дивные песни Давида. С⟨вященник⟩ Александр Желобовский. 1873 г., февраля 4». А. Желобовский, протопресвитер Морского ведомства, был в числе духовных лиц, с которыми Лесков «вел дружбу и переписывался» (А. И. Фаресов. Против течений, с. 81).

[58] См. рецензию Лескова: «Сочинения Фаррара о христианстве».— «Новое время», 1888, № 4347.

[59] Письмо к В. А. Гольцеву от 20 декабря 1891 г.— В сборнике: «Памяти В. А. Гольцева». СПб., 1910, с. 250.

[60] Письмо к Б. М. Бубнову от 21 мая 1892 г. (т. 11, с. 515).

[61] *РМ*, 1908, № 10, с. 186.

[62] «Северный вестник», 1894, № 1, с. 258.

[63] *Жизнь Лескова*, с. 457—458.

[64] «Новое время», 1892, № 5911, 13 августа.

[65] См.: *Жизнь Лескова*, с. 585—586.

[66] Там же, с. 67. В названии книги Лесков, вероятно, неточен. Правильно: «Сто двадцать четыре истории».

В. М. ГАРШИН

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

НЕДОПИСАННЫЕ РАССКАЗЫ

Сообщение и публикация Ю. Г. Оксмана

Материалы литературного архива В. М. Гаршина до сих пор не вошли еще ни в широкий читательский, ни в специальный научно-исследовательский оборот. Под спудом продолжают оставаться и рукописные редакции его рассказов, которые содержат существенные разночтения по сравнению с их печатными текстами, извращенными цензурой, и записные книжки, без которых невозможно уяснение творческой истории важнейших из его созданий, и многочисленные черновые заготовки к задуманным вещам, и наконец, даже несколько недописанных повестей и сказок, заметно расширяющих узкий круг его доселе известных художественных замыслов и начинаний [1].

Скудность прижизненных публикаций Гаршина необычайно повышает историко-литературную и биографическую значимость каждого нового творческого документа, связанного с его именем. Писал он мало, медленно и трудно; по многу лет вынашивал свои планы, десятки раз выправляя каждую новую строку.

«Ты знаешь, *что* я писал, и можешь иметь понятие, *как* доставалось мне это писание,— отмечал Гаршин в письме от 31 декабря 1881 г. к В. Н. Афанасьеву.— Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопрос посторонний; но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением» [2].

Темпы работы Гаршина замедлялись и осложнялись, однако, не только болезненным состоянием его психики. Исторически рассматривая и политически осмысляя художественную проблематику рассказов и сказок Гаршина, мы должны постоянно учитывать искусственное сужение путей молодого писателя цензурно-полицейскими рамками, постоянные опасения его выйти из границ «дозволенного к печати».

«Работа понемножку подвигается вперед,— писал Гаршин 25 апреля 1879 г. А. Я. Герду.— Двигалась бы, конечно, и не понемногу, если бы, работая, приходилось думать о том, *что писать*, а не о том, *чего не писать*. Иногда просто в мрачность приходишь при мысли: что если так придется всю жизнь?» [3]

О том, что жалобы эти были не случайны, а опасения оказались совершенно основательными свидетельствуют и трудности проведения в печать рассказа «Attalea princeps», и отказ от работы над повестью об ушедшей «в народ» учительнице Раисе Радонежской [4], и неоконченная повесть о петербургском банкире Брухе, и цензурные искажения в «Сказании о гордом Аггее», и многочисленные купюры в массовых изданиях «Четырех дней» и «Медведей». Очень характерно в этом отношении и одно из самых горьких признаний Гаршина по поводу особенностей всего того, что удалось ему провести в печать, сделанное в письме к матери от 28 января 1884 г.: «Начал я было писать ⟨повесть о Радонежской — *Ю. О.*⟩, да пришлось оставить: работы довольно много, и, кроме того, встречаются препятствия иного характера. О чем ни возьмись писать — везде наткнешься на стенку, за которую переходить нельзя. Пока

не пишу: все жду, не прийдет ли в голову *исключительный* сюжет (вроде всего, что я до сих пор писал) такой, где цензурные условия будут непричем» [5].

Об эту «стенку, за которую переходить нельзя», разбилась, как полагаем мы, и творческая инициатива Гаршина в его попытках реализации пяти рассказов, наброски которых впервые предлагаются ныне вниманию читателей [6].

Тексты набросков Гаршина (автографы хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР) даем в их последних редакциях, опуская все черновые варианты. Из зачеркнутых слов и строк сохраняются нами (в квадратных скобках) только те, которые не заменены другими или сколько-нибудь существенны в тематическом отношении.

1

Самый ранний из печатаемых нами рассказов относится, вероятно, к 1878 г. По крайней мере начало его сохранилось в тетради с черновыми записями Гаршина именно этой поры, а Н. М. Минский, вспоминая о своем знакомстве с автором «Красного цветка», относил «к первым годам» его литературной работы и неосуществленный якобы план сказки о фиалке.

«Сказка эта,— свидетельствует Минский,— была о том, как однажды Екатерина, гуляя по Летнему саду раннею весною, увидела в траве нераспустившуюся фиалку и, не желая сорвать ее и боясь забыть, где она растет, попросила поставить на том месте на несколько времени часового. Вскоре императрица забыла про фиалку, а начальство сада, не зная, в чем дело, распорядилось сменить часового другим, другого — третьим, и так далее, так что в течение ста лет ходили часовые по пустой дорожке, охраняя, сами не зная что. Гаршин хотел изобразить зимнюю ночь и вьюгу и мерзнущего часового, который утешает себя мыслью, что он исполняет свой долг и что-то сторожит. А нерасцветшая фиалка между тем давно ушла не только из-под ног часового, но даже из Летнего сада. Толкая под землею росток за ростком (Гаршин уверял, что фиалки именно таким образом размножаются), она выбралась на набережную, прошла под ложем Невы и после ста лет очутилась далеко-далеко за городом. Глядя на наших интеллигентных вождей, ничему не научившихся и ничего не забывших, мне хочется крикнуть им: «Цветок, который вы когда-то охраняли, давно ушел от вас, и чтобы найти его, нам надо самим сдвинуться с места и пойти вперед» [7].

Работа над сказкой, о которой Минский мог впервые слышать от Гаршина в 1878 — 1879 гг., была, вероятно, возобновлена в 1882 г., когда после двухлетней болезни он особенно интенсивно занят был реализацией своих старых беллетристических начинаний. Так, со сказкой о фиалке связываем мы данные одной строки из письма Гаршина от 23 июля 1882 г. к Н. М. Золотиловой: «Думаю к сентябрьской или октябрьской кн. «⟨Отечественных⟩ записок» непременно написать или об Венедикте (что я тебе рассказывал), или из войны, или сказку новую (давно уже у меня в голове вертится)» [8]. С этой же порой уже окончательно определившегося для Гаршина разочарования народнической идеологией легче всего ассоциировать и ту расшифровку политического смысла написанной в манере исторического повествования Андерсена сказки, которую вложил в уста ее автора Минский *

---

* Текст начала сказки, самим Гаршиным никак не озаглавленной, находится (кончая словами «во всей своей скромной красоте») в особой черновой тетради писателя, датируемой 1878 г. (ИРЛИ, ф. 70, № 9). Рукопись эта представляет собою перебеленную редакцию (с поправками в самом процессе переписки) несохранившегося черновика. Продолжение рассказа (от «приветливо» до «Русской старине») дается по беглой черновой записи на двух листках плотной почтовой бумаги малого формата, исписанных с обеих сторон (там же, № 49). Начало этой записи, частично соответствовавшее началу сказки в тетради 1878 г., утрачено, ввиду чего в нашем тексте получился пробел (судя по тому, что утрачен только один листок, причем самое начало его известно,— не достает лишь 10—15 строк). Последняя часть недописанной сказки (от слов «Прошли года» до «кожаный тюфяк») печатается нами по исчерканному, почти не поддающемуся разбору черновику, набросанному на восьмушке листа тонкой белой бумаги, исписанному с обеих сторон — частью карандашом, частью чернилами (там же).

‹ФИАЛКА›

I

В тысяча семьсот котором-то году — а котором именно, знают господа историки,— в весенний день, когда снег только что стаял и Нева только что прошла, в Летнем саду расцвел маленький цветочек. Летний сад тогда был не таким, как в наши дни, когда ему под двести лет; шестидесятилетние липы были уже очень велики, но еще не изрыты выгнившими дуплами и не носили на себе безобразных заплат из мертвой коры, прибитой железными гвоздями к живому дереву. Не было в саду и мраморных статуй, и криволицые и довольно благообразные Венеры Ливийские, Навигации, Анахарсис и Сатурны с целыми и приклеенными носами тогда белелись еще в густых садах польского магната, не завоеванные победоносными российскими войсками [9]. Не было также в Летнем саду продажи питей распивочно, павильонов с «косморамами», будочки для взвешивания и измерения публики и безобразного балагана для машин электрического освещения. И от всех этих причин в то утро, когда расцвел упомянутый цветочек, в Летнем саду было очень хорошо, чисто и весело. Липы только что начали распускать почки, а цветочек уже развернулся во всей своей скромной красоте.

. . . . . *

приветливо кланяясь на низкие поклоны редко попадавшихся навстречу гуляющих. Спутники держали себя почтительно, но непринужденно. Вообще все было хорошо. Екатерина («потому что это была она», как говорится в старых романах) в тот день особенно весела. Все удалось ей в это утро: и Вольтер написал милое письмо **, и Кучук-Кайнарджийский мир заключился, и Григорий Александрович был весел, и «О время!» *** она написала, и Пугачева изловила в клетку, и «Наказ» сочинила. Положим, что это пахнет анахронизмом, но у самого Вальтер Скотта Арденский вепрь сокрушает черепа своих неприятелей через много лет после своей собственной смерти; а мне-то уж бог простит.

Итак, Екатерина, сочинившая «Наказ» и «О время!», изловившая Пугача и пр., была довольна и счастлива, а следовательно, расположена к нежным впечатлениям. И как нарочно, в ту самую минуту, когда она говорила нарядному барину фразу, от которой у него от радости взыграла вся внутренность, ее взор встретил распустившийся голубенький венчик.

— Ach! Veilchen? — подумала она. И радостно воскликнула:

— Ах, фиалочка! Первая, первая!.. Но она не совсем распустилась,— грустно и нежно добавила она, наклонясь над цветком и сколь возможно грациозно придерживая платье, чтобы не замочить его обильной росою.— Я не могу сорвать его. Ах! его затопчут, сорвут! Как бы это сделать? — обратилась она к одному из своих спутников, пожилому господину.

Пожилой господин приятно осклабился; на лице его вместе с почтительностью и готовностью исполнить малейшее желанье государыни играло и едва уловимое выражение снисходительного презрения к вздорному и сентиментальному капризу женщины.

— Накрыть чем-нибудь, государыня.

— Накрыть...— Екатерина задумчиво остановила глаза на цветке.— Он задохнется, бедный. Ему будет темно.

Стоявший несколько позади молодой военный откашлялся и вытянулся. Государыня обернулась к нему.

---

* *Пропуск в рукописи нескольких строк, в которых дана была зарисовка выхода Екатерины II в Летний сад.*

** *К слову* письмо *начата, но не окончена позднейшая приписка*: в котором предпо...

*** *В рукописи ошибка...* «О нравы!»

— Вы хотите что-то сказать? — небрежно спросила она.

— Точно так, ваше величество,— держа руки по швам по-солдатски и покраснев, как пион, ответил молодой человек.

Он попал ко двору еще так недавно.

— О фиалке?— любуясь его смущением, ласково спросила Екатерина.

— Точно так, о фиалке, ваше величество.

— Вы, суровый герой, думаете о цветке.

— Чтобы угодить вашему величеству...— начал военный и запнулся.— Часового поставить, ваше императорское величество,— с сконфуженным и веселым лицом крикнул он, собравшись с духом.

— Ах, какой вы умный! какой вы умный! Благодарю вас. Вот, Никита Иванович,— обратилась государыня к пожилому господину,— вы с вашим умом не придумали, а он придумал... Поставьте часового, завтра я приеду посмотреть на это милое произведение натуры. Пойдемте, господа.

Во исполнение воли монархини часовой был поставлен. Но тут случились два обстоятельства. Во-первых, на другой день случился Кучук-Кайнарджийский мир, или что-то такое в этом роде — прошу извинить мое грубое незнание истории,— и Екатерина забыла о милом произведении натуры. Во-вторых, первые три часовых еще знали о том, что они поставлены сторожить цветок, а четвертый, который был уже другого гвардейского полка, сменившего караул в столице, был уверен, что поставлен сторожить просто пустое место и, расхаживая около дорожки, растоптал произведение натуры. Фиалка от этого именно не умерла: сила ее в корнях и один цветок ей ничего не значит. Целое лето она цвела и целое лето около нее стояли на часах разные рослые гвардейцы, бодро расхаживавшие десять шагов в одну и десять шагов в другую ⟨сторону⟩ и браво, со звоном, отдававшие честь ружьем гуляющим офицерам.

Что же касается до изобретательного молодого офицера, то дальнейшая судьба его мне не известна. Вероятно, сведения о его жизни можно найти в «Русской старине».

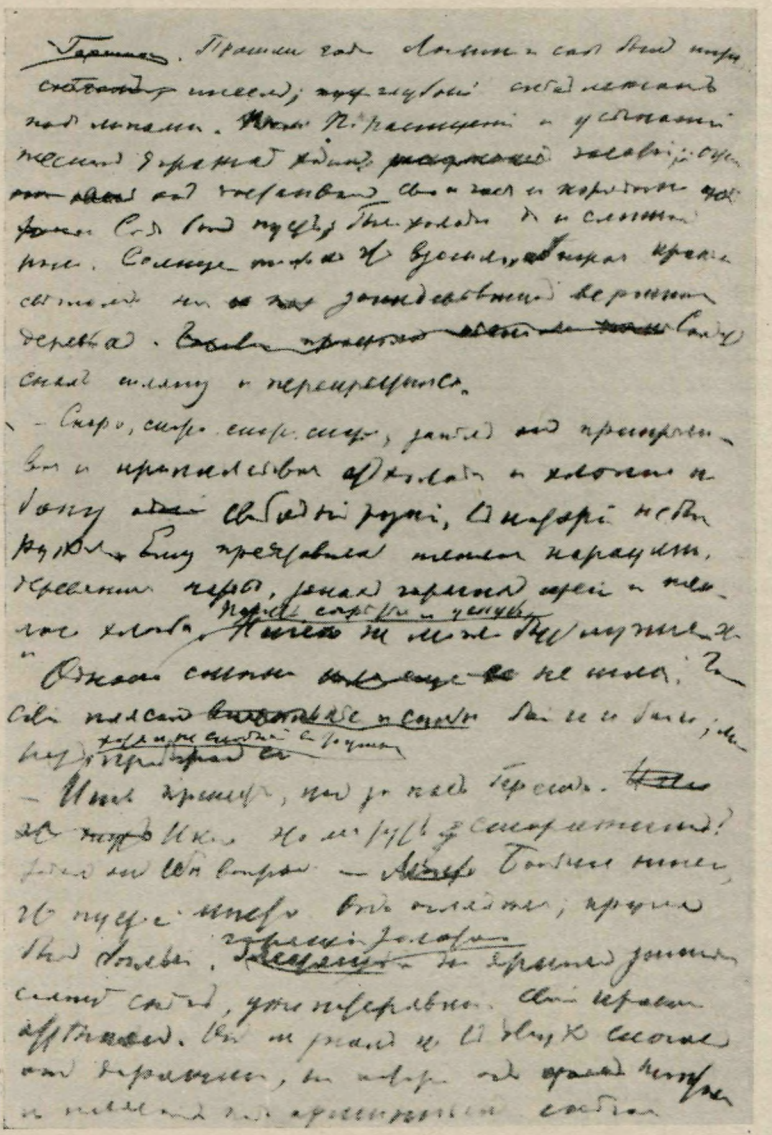
Прошли года. Летний сад был покрыт инеем; глубокий снег лежал под липами. По расчищенной и усыпанной песком дорожке ходил часовой; он достаивал свои часы и порядком [уходился]. Сад был пуст; было холодно да и слишком рано. Солнце только что взошло, играя красным светом на заиндевевших вершинах деревьев. Солдат снял шляпу и перекрестился.

— Скоро, скоро, скоро, скоро,— запел он, припрыгивая и приплясывая от холода и хлопая по боку свободной рукой, в которой не было ружья. Ему представилась теплая караулка, деревянные нары, запах горячих щей и теплого хлеба. Поесть, согреться и уснуть; ничего не могло быть лучше этого.

Однако смена не шла. Часовой плясал бойче и бойче; мороз, хотя и не сильный в то утро, пробирал его.

— Ишь, проклятый, как за нос берет. И кого это мы тут сторожим? — задал он себе вопрос.— Больше ничего, что пустое место.— Он огляделся; кругом был белый, горящий золотом на ярком зимнем солнце снег, уже потерявший свой красный оттенок. Он не знал, что в двух шагах от дорожки, на которой он топтался и плясал, под аршинным снегом расстилаются замерзшие побеги фиалки, а в земле ⟨*1 нрзб.*⟩ и живые корешки той же фиалки, которая росла на этом месте 30 лет назад и что эти-то корешки он и должен был сторожить.

Показалась кучка солдат; часовой вытянулся; через минуту он шептал на ухо сменявшему его товарищу таинственные слова: «не спать, не дре-



«ФИАЛКА»
Автограф В. М. Гаршина, ⟨1878⟩.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

мать, господам офицерам честь отдавать и прочее...» Когда он снимал с себя шубу и передавал ее новому часовому, один из солдат сказал ему:

— Савельев, бают, плохо дело, государыня померла.— На Савельева эта новость не произвела особенного впечатления. Он больше всего думал об теплой караулке и бодро зашагал рядом с капралом. Новый часовой остался охранять неведомую ему самому фиалку.

Екатерина действительно кончалась. Ее нашли пораженной ударом в гардеробе, вынесли оттуда и уложили на разостланный на полу кожаный тюфяк.

2

Наброски рассказа «Скипидар» (заголовок этот в рукописи зачеркнут, но другим не заменен) предположительно датируются нами 1879 г. Никаких упоминаний об этом произведении ни в переписке Гаршина, ни в воспоминаниях о нем не сохранилось. Фабула рассказа расшифровке не поддается, но центральные персонажи его наметились уже очень четко и даже остро. Беглое упоминание об интендантских процессах позволяет точно определить и время действия — 1878—1879 гг. *

[СКИПИДАР]

Я только что возвратилась с одного из моих уроков, измученная жарой и задохнувшаяся от пыли, как мимо окна моей комнаты прошла какая-то незнакомая фигурка.

— M-me Zoubinine, peut-on entrer? ** — раздался робкий голос.

Я, собственно говоря, не M-me Zoubinine, а просто Зубынина. Несомненно, пришла какая-то француженка. Я отворила дверь. Передо мной стояла седая дряхлая маленькая старушка, очень бедно одетая. На ней было ветхое, ветхое черное шелковое платье, все посекшееся, суконная тальма, бывшая когда-то черною, но теперь совершенно рыжая, особенно на плечах и на спине старушки, покрившейся от старости. Черная шляпка, служившая вероятно уже многие годы, обратилась в безобразный комок. Комок этот был привязан когда-то лиловыми лентами к маленькому морщинистому лицу. Одно это лицо внушало уже сострадание; лицо было так печально и худо, так жалобно смотрели маленькие красные глаза и красный носик и дрожащий подбородок. Она не была похожа на француженку, но говорила очень беглым французским языком, очень тихим и нежным голосом.

— Я прошу извинения у вас, M-me, вы меня не знаете, но мое положение ужасно, ужасно...— говорила она, сняв свой комочек, и усевшись против меня, робко и жалобно смотря на меня своими печальными глазками.

— Это вышло совершенно случайно... Я шла по улице и села немного отдохнуть на скамейку у ворот. Молоденькая девушка остановилась против меня и спросила: что я тут делаю. Я сказала, что ищу работы... Целый день, и я так устала... Ее зовут M-lle Штейн, она ваша ученица. Она посоветовала мне обратиться к вам. Она сказала, что вы так добры — у вас есть много знакомств... Если можно... Я прошу у вас извинения, но вы видите, в каком я положении...

При этом она заплакала.

— Вы француженка?

— О, нет,— заговорила она по-русски,—я русская, Иванова. Я воспитывалась в институте... очень давно.

Конечно давно, потому что ей было по крайней мере шестьдесят лет.

— Я сирота... Я всю жизнь жила гувернанткой, потом компаньонкой. Я двадцать лет жила компаньонкой и, конечно, забыла все, кроме французского языка. И теперь учить — это так трудно.. Новые методы, я ничего не умею... И не знаю, можете ли вы меня рекомендовать. Я не знаю

---

* Текст «Скипидара» представляет собою беглую черновую запись чернилами и, частью, карандашом на полулисте серой канцелярской бумаги, предварительно перегнутом пополам (ИРЛИ, ф. 70, № 51). Продолжение его с середины слова «содержательница» в записной тетради Гаршина, датированной с 16 октября 1878 г. по 1883 г. (там же, № 10, л. 63—64). Связь этого фрагмента с наброском «Скипидар» была установлена М. Д. Гургуловой (см.: «Годишник на Софийския университет...», с. 255).

** Мадам Зубинина, можно войти? (*франц.*).

В. М. ГАРШИН
Автопортрет (перо), конец 1870-х годов
Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

ничего, кроме французского языка и немножко музыки... Теперь везде Евтушевский... и новые методы, а я ничего не знаю. Прежде было довольно немного французского языка и музыки и я могла иметь свой кусок хлеба, но теперь везде эти новые методы... Нас не учили...

— У вас здесь нет ни родных, ни знакомых?

— Никого. Я приехала сюда два года назад с одним семейством. Отец служил в военной службе и потом, когда началась война, он поступил как это, vous savez... интендантом. Вы знаете у этих интендантов такие прекрасные доходы. Et puis... его отдали под суд. Я потеряла место и должна была поступить к моим настоящим патронам...

Она замолчала. А. П. извинилась и вышла, чтобы приготовить для гостьи кофе.

— Если бы вы знали, если бы вы знали, какие это ужасные люди и каково было жить у них мне, которая жила столько времени в лучших домах. Я не говорю об этом интенданте, но моя бедная покровительница, у которой я жила двадцать лет... О, она видит с неба мои страдания! Вы знаете,

M-me Zoubinine, я чуть не умерла с горя, когда это случилось. Это был такой неожиданный, ужасный, ужасный удар. Ах, зачем, зачем она скончалась,— патетически сказала старушка и, сложив руки, подняла глаза к небу.— Она могла жить еще так долго... Она была не так стара, чтобы ей нужно умереть и оставить страдать своего бедного несчастного друга...

— Сколько же ей было лет?

— О, не более семидесяти... Потом эти наследники... O mon Dieu, эти воспоминания... Я была выброшена на улицу и с тех пор — vous voyez...

Она вынула из старенького ридикюля скомканный носовой платок и привела его в действие.

— Теперь я получаю восемь рублей в месяц и ... должна учить двух детей. Это ужасные дети... они дразнят меня, издеваются. И это все было бы ничего (нужда научает смирению), но он, отец,— просто невыносим. Он не довольствуется тем, что я учу его детей, я нужна ему как прислуга. Третьего дня он послал меня на базар. Я не могу, у меня болят ноги... Но я все-таки пошла... Вчера я отказалась быть кухаркой. Я не могу, я не привыкла. И потом у них такой ужасный воздух. Полгода тому назад у детей был дифтерит, и с тех пор отец каждый день обрызгивает комнаты, как бы вы думали — чем? Скипидаром!! Он называет это дезинфекцией, а я задыхаюсь от этой дезинфекции и должна прятать свой плащ и шляпу в чулан, потому что иначе нельзя выйти на улицу,— когда я прохожу мимо, то все чуть не зажимают нос. Я прошу вас, M-me Zoubinine, если можно, если вы только найдете возможность...

Горничная Настя принесла кофе, и старушка дрожащими руками взяла чашку, отломила кусок булки и принялась пить и есть с жадностью, но сохраняя необыкновенно деликатную изящность в движении рук и губ. Так умеют пить и есть только институтки.

Анна П. сама испытала на своем веку довольно нужды, пока ей не удалось попасть на место учительницы гимназии. Притом она была добрая девушка и положение старушки ее тронуло. Ей пришла в голову мысль и она тотчас же попробовала привести ее в исполнение:

— M-lle Иванова, будьте добры, посидите у меня четверть часа; я попробую сделать для вас, что могу,— сказала она, вставая.

— О, как я благодарна вам за ваше участие, вы спасаете меня. Господь наградит вас.

— Я сейчас вернусь.— Она надела шляпу и направилась к своей соседке Шатуновой, содержательнице бакалейной лавочки. Три деревянные ступеньки вели вниз в полутемное помещение, наполненное мешками, ящиками, бочонками, банками со всевозможным товаром, начиная от иголок, и ниток, и табаку, мыла, до дешевых конфет, колбасы и сушеной рыбы, висевшей гирляндою около единственного окна лавочки. За грязным прилавком, украшенным огромными медными весами, сложив руки на животе, сидела владетельница торгового заведения сама госпожа Хапалова, женщина величественных размеров с остатками некоторой красоты на заплывшем жиром лице, облеченная в пространный ситцевый капот. Она была мать многочисленного семейства, оставшегося ей от двух мужей и, несмотря на свое кровное дворянское происхождение, не брезгала с утра до вечера сидеть в своей лавочке, кричать на своих детей, отвешивать патоку и мыло, ругать неисправную молочницу, поставлявшую в лавочку молоко, и неисправных должников и с удивительным искусством распространять самые невозможные сплетни. У нее была целая дюжина детей всевозможных возрастов, от 25 до [4] лет. Больше всего она гордилась старшею дочерью, хорошенькою и *⟨1 нрзб.⟩* полковою дамою 243 пехотного полка, супругою поручика, квартермистра этого полка, и гордость эта появилась с тех пор, как молодой, но опытный квартермистр начал при-

сылать жене «из-за Дуная» кожаные мешочки с новенькими золотыми чеканки 1877 г. Два из них украшали уши хозяйки лавочки ⟨и⟩ при каждом движении головы шлепали ее по жирной шее. Впрочем, она двигалась не очень много.

Катя, Соня, Лиза, ее дочери, были ученицами А. П. и довольно плохими ученицами, так как почти все время вне гимназии они проводили в лавочке, занимаясь торговлей под непосредственным руководством своей маменьки. На этот раз, кроме г-жи Хапаловой, в лавке никого не было. Когда А. П. вошла, г. Хапалова приветствовала ее безмолвным наклонением головы, причем очень ярко сверкнул один из полуимпериалов.

— Здравствуйте, Нимфодора Ивановна.

— Как поживаете, Анна Петровна,— ответила лавочница, перебирая большими пальцами рук, покоившихся на ее обширном животе.

— Благодарю вас. Я к вам по делу.

— Что угодно, [Анна] Петровна.

— Вы давно, кажется, хотели доставить вашим детям практику во французском языке.

— Хотела, Анна Петровна, да где ж ее взять.

— Я вам рекомендую гувернантку, если хотите.

— Отчего ж, можно. Нам бы подешевле.

— Она с удовольствием пойдет за пятнадцать рублей в месяц.

— Может быть и двенадцать?

— Нет, меньше пятнадцати ⟨*1 нрзб.*⟩.

Тогда Нимфодора Ивановна начала вздыхать, жаловаться на плохую торговлю и даже на золотую пошлину. Кстати упомянула о том, кто из соседей не платит ей долгов по лавочке, и в конце концов изъявила сожаление, что Бенден, зять, поручик, поторопился разменять свое золото на бумажки, так как теперь золото гораздо дороже.

— Говорила, подожди, не меняй, так нет же. Война, говорит, маменька, кончилась, теперь самое выгодное продать. Вот и продал. Несколько сот стало это удовольствие. Убытки, право, со всех сторон.

Все это вело к тому, что Нимфодора Ивановна никак не может дать пятнадцати, а только двенадцать рублей. Но так как А. П. была человек опытный и неуступчивый, то поладили на четырнадцати с полтиной.

— Кто же она такая?— спрашивала Н. И. по окончании торга.

— Старушка, Иванова, кончила курс в Институте.

— Да, может, она манерная какая, господь с ней.

3

Рассказ «Сон Павла Павловича», обогащающий небольшую галерею гаршинских образов эпохи грюндерства конца 70-х годов такими яркими персонажами, как петербургский банкир и железнодорожный делец Брух и состоящие в его свите дворянские последыши Павел Павлович Муратов и остзейский барон Ферншталь, мы относим ко времени между 1883 и 1885 гг. Именно в эту пору Гаршин по самому роду своей службы в секретариате Общего съезда представителей русских железных дорог непосредственно связан был с миром Брухов, Муратовых и Фернштале́й, и хотя оставался на этой работе и позже, но после некоторых страниц «Надежды Николаевны» к сатирической зарисовке персонажей современного ему буржуазного быта уже, как известно, не обращался. Возможно, что именно «Сон Павла Павловича» Гаршин имел в виду, когда писал 26 февраля 1884 г. матери:

«Получил от Мих. Евгр. ⟨Салтыкова.— *Ю. О.*⟩ записку, которая меня привела в затруднение и огорчение: просит дать что-нибудь к 8 марта. А у меня ничего нет. Хочется, очень хочется исполнить его желание, да не знаю выйдет ли что-нибудь. Начал рассказ, но он совсем не пишется» [10].

Судя по тому, что картина Яна Матейки «Битва при Грюнвальде» впервые выставлена была в Петербурге весною 1879 г.,— к этому же времени приурочено было Гаршиным и развертывание фабулы его неоконченного рассказа.

Никаких более конкретных данных об этом творческом начинании ни в переписке Гаршина, ни в мемуарных материалах о нем не сохранилось *.

СОН ПАВЛА ПАВЛОВИЧА

Перед огромной пятисаженной картиной Матейки «Битва под Грюнвальдом» стояла толпа хорошо одетых дам и господ и смотрела на статных смелых рыцарей, на их бешеных и прекрасных, летящих и валящихся коней, на развевающиеся знамена и блестящее оружие и великолепные одежды. И очень странно сравнить этих закованных в сталь и покрытых пестрыми шелковыми тряпками витязей с суровыми лицами и железными мускулами, с приличною и чинною толпою сидящих против, уставив на них бинокли. В толпе, позади трех прекрасных барышень-сестриц, сидящих на буковых стульях, стоит Павел Павлович и шепчет, наклоняясь, то одной, то другой из них, свои веские замечания относительно достоинств и недостатков знаменитой картины.

Павел Павлович [Сивцев] очень приличный молодой человек, такой приличный, что подобного ему по приличию он сам не встречал во всю свою жизнь. В будни с раннего утра он всегда облечен в превосходнейший сюртук, называемый сьютом и сшитый из какой-то удивительнейшей английской материи рубчиками и полосками, необыкновенные брюки, величественно нисбегающие на лакированные сапожки, и туго накрахмаленную белоснежную рубашку с вырезом на горле и широко торчащими в стороны концами воротника, завязанными черным атласным галстуком. На этом галстуке вышиты красные атласные петушки, в него воткнута булавка, настоящая золотая и с настоящим изумрудом, изображающим неизвестного вида жука с золотыми лапами, упирающимися в нежный атлас. Когда П. П. расстегивает свой сьют, чтобы посмотреть время, то на превосходном жилете является толстая, важно висящая золотая цепь. Павел Павлович очень доволен своею цепью. В тот день, когда он купил ее, через три месяца после поступления на место к господину Бруху, только приличие не позволяло ему ежеминутно смотреть который час. Зато ложась спать в своей маленькой комнате на антресоли в доме важного плутократа, он долго любовался ею и даже ночью, проснувшись, ощупывал рукою лежавшее на столике сокровище.

Он был одним из домашних секретарей великого человека. Занятия П. П. в доме Б. состояли исключительно в переписке разнообразнейшей корреспонденции, ежедневно рассылавшейся во все концы Европы; прекрасный почерк и некоторое знание французского, немецкого и английского языков и необыкновенная приличность делали его вполне достойным этой важной обязанности. Скромное, но [достаточное] жалованье вполне удовлетворяло его нужды. Они состояли между прочим, во-первых, в поддержании сьюта и прочего в должном состоянии; во-вторых, в поддержании самого П. П. на высоте современного образования, что Павел П. считал необходимым, чтобы не сидеть закрыв рот в дамском обществе, которое

* Рукопись «Сон Павла Павловича» представляет собою исчерканный черновик, набросанный на трех четвертушках простой канцелярской бумаги, исписанных с обеих сторон (ИРЛИ, ф. 70, № 48). При установлении последовательности набросков мы учли позднейшие отметки Гаршина о перестановке частей рассказа, первая редакция которого начиналась словами: «Павел Павлович очень приличный молодой человек». Нынешнее же начало рассказа в рукописи находилось между строками «свой драгоценный сьют» и «Впрочем, вообще и Брух и П. П. были прекрасные люди».

он очень любил. Для этой цели он усиленно посещал театры, различные общественные торжества *, приезжие музеи и редкости, концерты музыкальных знаменитостей, наконец, он никогда не пропускал ни одной выставки художественных произведений, в которых знал также толк.

— Да, рисунок недурен, но писано плохо,— говорил он, глядя на какую-нибудь знаменитую картину сквозь золотое пенсне.— Или: да, линейная перспектива соблюдена, но воздушной положительно нет.— Или просто заявлял: совершенное отсутствие лепки и крайне жареный колорит. Или еще проще: лизано.— Если было «лизано», то уж художника можно было считать совершенно погибшим в глазах П. П.

Не удивительно, что знакомые П. П., а особенно барышни, очень любили прогуливаться с ним по выставкам. А однажды даже сам Брух не без удовольствия прошелся с ним по залам Академии художеств и по его скромному совету купил четыре огромные холста, хотя и презирал русское искусство, так как считал себя европейцем.

Европеец родился в Шклове. Это был один из тех сильных характеров, направивших все свои способности и нечеловеческую энергию к одной цели — [зашибить деньгу], которых так много развелось в последнее время **. В четырнадцать лет Брух зубрил Талмуд и голодал, претерпевая оскорбления от местных уличных мальчишек. В восемнадцать ездил с отцом по ярмаркам в огромном, заваленном товарами фургоне, запряженном двумя невозможными клячами. В двадцать он исчез неизвестно куда. Двадцати пяти лет Брух был приличным (конечно, не таким, как П. П.) молодым евреем, жил уже в Харькове и занимался различными комиссиями. В тридцать поступил в русский городской поземельный, учетный и железнодорожный банк на жалованье в две тысячи рублей. Через пятнадцать лет он был директором этого банка, владельцем огромного дома на аристократической улице, человеком с сотнями тысяч годового дохода. Во все это время с двадцати до сорока пяти лет он среди нечеловеческого напряжения способностей, хитрости и владенья собою успел прочесть массу книг, успел приобрести настоящий русский выговор, изучил практически языки. Словом, сделался образованным и блестящим негоциантом. Это был великий человек.

Великие люди, как известно, бывают разные. Большинство из них презирают людей. И Брух тоже презирал людей, потому что видел в них только ползавших под его ногами червяков, которые когда-то чуть не растерзали его.

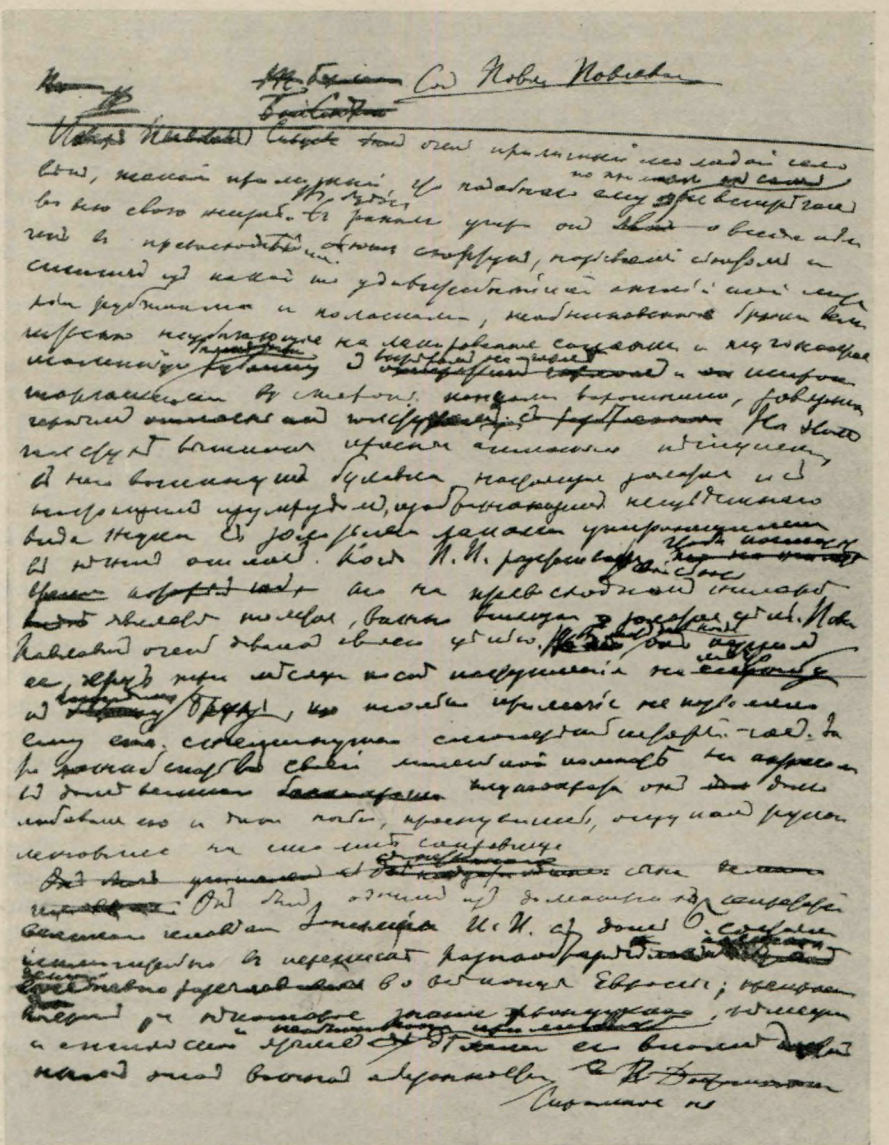
Павел Павлович трепетал перед Брухом всеми фибрами своей души. Одна только мысль иногда наполняла его сердце гордостью: одною только чертою он, без сомнения, превосходил Бруха. Банкир был жид, П. П. русский. Банкир был мещанин (хотя теперь был уже «декорирован» и перестал быть им) — Павел Павлович был чистокровный дворянин и знал, что он, Муратов, происходит от мирзы Амурата, во святом крещении Мартына Муратова, некогда ушедшего от палок из Золотой Орды к великому князю Иоанну Васильевичу, благосклонно даровавшему ему большое поместье в нынешней [Воронежской губ]. Конечно, Пав. Пав. никогда и никому не говорил этого, но все-таки иногда в душе своей гордился своими преимуществами. Никогда Брух не мог надеть так своего дорогого сюртука, как Пав. Павлович свой драгоценный сьют.

Впрочем, вообще и Брух и П. П. были прекрасные люди и по своему были очень счастливы. Бруху недоставало только одного — наступить на горло целому свету; Павлу П. недоставало нескольких лишних десят-

---

* *Слово* торжества *зачеркнуто в оригинале по ошибке.*

** *В оригинале начато исправление этого места*: *над зачеркнутым* зашибить деньгу *вписано*: и достигающих их; *а между* деньгу *и* которых *вставлено и зачеркнуто*: Прежде такие люди были в редкость.



«СОН ПАВЛА ПАВЛОВИЧА»
Автограф В. М. Гаршина, ⟨1883—1885⟩. Лист первый
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ков рублей в месяц. Тогда бы он носил сьют из материи в двенадцать рублей.

Вообще же он был совершенно невинный человек.

В картине Матейки особенно привлекла его внимание фигура магистра тевтонского ордена. С магистра сбили шлем и сейчас убьют его. Один литовец замахнулся топором, схватив магистра за пояс, другой тычет в него рогатиной, еще какой-то рыцарь взмахнул мечом над самой головой магистра. Бедный магистр! Павлу Павловичу очень понравились латы магистра и его валяющийся в пыли шлем. Он узнал в них что-то знакомое. Где-то он видел их раньше. И вдруг вспомнил: да ведь точно такие латы и шлем стоят в бильярдной комнате у Бруха. Еще недавно, играя с великим

человеком в пять шаров, он неловко махнул кием и ударил магистра по металлическому животу, отчего раздался звонкий удар.

Точно такие, точь-в-точь, думал П. П., только короны нет на шлеме. Он вспомнил, что латы эти продал Бруху Фернштaль, барон остзейский, постоянно состоящий при Брухе в качестве чего-то среднего между приятелем и комнатной собачкой. Брух иногда кормил его, иногда бил. Конечно, не в прямом, а в переносном смысле.

— Павел Павлович,— раздался вдруг голос Фернштaля, тоже очень приличного человека. И барон протянул П. П. превосходно обтянутую руку.

— Мое почтение, барон,— ответил П. П.,— как находите картину?

— Wunderbar, wunderschön,— сказал барон и сжал губы.— Знаете, П. П., вот эти лати (барон отчего-то выговаривал лати, а не латы), вы узнаете ли?

— Неужели те самые?

— О да, те самые. Мой папенька получил их от своего папеньки. Мы получили их от пе... от, как это, потомков. Они принадлежали магистру, который вот здесь на картине, видите в белом. Он подарил их жениху своей дочери барону Фернштaлю, и я очень горжусь этими великими трофеями.

4

«Не пропусти в газетах дело Немчиновых о подлоге,— писал 11 декабря 1885 г. Гаршин В. М. Латкину,— я был на нем присяжным и ужасно взволновался, пока мы наконец не обвинили *его* и не оправдали *ее*» [11].

Громкое дело разорившегося симбирского помещика Д. Т. Немчинова и его молодой жены, обвинявшихся в шантажировании корнета кавалергардского полка П. А. Родионова и в составлении от имени последнего фальшивого векселя на две тысячи рублей, слушалось в 1-м отделении С.-Петербургского окружного суда с 2 по 10 декабря 1885 г. Процесс Немчиновых произвел на Гаршина, судя по приведенному только что письму, большое впечатление. Однако еще больше, чем самым материалом «дела», писатель подавлен был организационными формами казенного правосудия, его архаически сложным аппаратом и бессмысленными обрядами. Наблюдения присяжного были уже 18 декабря 1885 г. использованы Гаршиным для натуралистически точной зарисовки всех запомнившихся ему процессуальных форм в новом рассказе, типажный материал для которого также взят был им, вероятно, из его недавней судебной практики. Но и этот рассказ, сохранившиеся части которого предвосхищали некоторые детали аналогичных сцен в «Воскресении» Льва Толстого, остался недописанным и оборвался на полуслове *.

‹ОБЪЯВИТЕ СУДУ ВАШЕ ИМЯ...›

— Объявите суду ваше имя,— порывисто спросил председатель.

Подсудимый, стоявший за длинным глухим барьером, отделявшим скамью подсудимых, не расслышал или не понял вопроса и молчал, подавшись всем телом по направлению к председателю и впившись в него испуганными глазами.

— Как вас зовут,— крикнул председатель.

— Иван Петров.

— Вы крестьянин?

---

* Текст этого наброска (беглая запись, сделанная набело, но с некоторыми стилистическими поправками в самом процессе письма) занимает три страницы плотной почтовой бумаги обычного формата. В левом верхнем углу первой страницы дата: 18.XII.85. (ИРЛИ, ф. 70, № 24).

— Мещанин-с.
— Чем занимаетесь?
— Парикмахером был.
— Который вам год?
— Двадцать шестой.
— Православный?
— Точно так.
— Копию обвинительного акта получили?
— Получил-с.
— Копию со списка гг. присяжных заседателей получили?
— Получили-с, так точно.

Наступила минута молчания, потому что сторожу нужно было время принести и поставить на судейский стол ящик с билетами, на которых были написаны имена присяжных заседателей.

— Налицо всех присяжных заседателей...— быстро, как заученный урок, начал председатель...

— Двадцать имеется 〈?〉,— подхватил черноусый пристав, театральным жестом придерживая свою серебряную цепь и со всею возможною изящностью сгибая свой стан перед судом.

— Предъявите к отводу...

И не успел пристав обернуться к прокурору, сидевшему на конце красного стола, и затем к защитнику, сидевшему перед подсудимым, так что приставу нужно было обратиться в совершенно противоположные стороны, как прокурор и защитник поднялись с места и почти в один голос проговорили:

— Не имею.
— Не имею.

И, поклонившись, сели.

Все шло чрезвычайно быстро. «В состав присутствия войдут следующие господа»,— продолжал председатель и, вынимая карточки, произносил имена. Вызванные господа один за другим вставали со скамей, поставленных в несколько рядов перед местами для публики, и, выходя на середину зала, становились перед решеткою, отделявшею места присяжных — двенадцать огромных мест, обитых полинявшим зеленым трипом, с массивными спинками из темного дуба. На этих местах они должны были сидеть все время, пока на их глазах разыгрывалась драма, героем которой был Иван Петров, по-прежнему стоявший, подавшись корпусом вперед и не отрывая глаз от спокойного и умного лица председателя. Он был одет в черном казенном пиджаке и гладко причесан; маленькая белокурая бородка была подстрижена клином. Лицо от четырех месяцев сиденья в одиночном заключении приобрело нежность и бледно-желтоватый, прозрачный оттенок.

Выборы присяжных были произведены очень быстро, и не успел председатель повернуться в угол комнаты, где у окна стоял полный и высокий священник, и сказать: приведите присяжных к присяге,— как батюшка уже стоял сбоку аналоя, на который положил крест и Евангелие, и в противуположность всему течению дела, необыкновенно медленно, с торжественной дикцией и пафосом начал говорить слова присяги. Присяжные, подняв руку в уровень с головою, смотрели на него; некоторые шептали про себя слова присяги, другие молчали. Произнеся формулу, которую он говорил в своей жизни несколько десятков тысяч раз, священник сказал:

— Целуйте крест и Евангелие и говорите *клянусь*! — Это «клянусь!» он говорил особенно торжественно. Так, должно быть, в средние века члены *〈1 нрзб.〉* произносили свои страшные клятвы. Затем он так же быстро, как появился, скрылся в свой угол.

Присяжные выбрали старшину, отмеченного в списке словами «действительный статский советник», и, медленно заняв свои торжественные седалища, устремили глаза на подсудимого. Это были все люди серьезные, младшему было лет тридцать пять, а старший, седой, худощавый и маленький купец, должно быть, приближался к пределу, за которым уже нельзя быть присяжным. Действительный статский советник, избранный старшиною и сидевший с краю, ближе к судейскому [столу], был известным университетским профессором. Его доброе печальное лицо

5

Пятый из печатаемых нами набросков связан с последним большим творческим начинанием Гаршина. Работал над ним писатель, уже будучи полубольным, летом 1887 г.

«...почти кончил рассказ, который вряд ли увидит свет,— писал Гаршин об этой своей работе 15 июня В. А. Фаусеку.— Не знаю, порвать его, или отложить. Очень деликатный для меня вопрос. Дело в том, что в рассказе фигурирует фантастический элемент и, можешь себе представить, наука. А так как действующие лица могут говорить о науке, не превышая уровня понимания автора, то выходит дело очень плохо. Так как я писал для себя, то для меня оно, может быть, и интересно: почему же и мне не говорить и не думать о науке («и кошка имеет право смотреть на короля»), но что сказали бы Скабичевский и бирюлевские барышни, если бы я задумал философствовать печатно. Горька моя судьба!...» [12]

При первом же свидании своем с Фаусеком после возвращения последнего в сентябре 1887 г. в Петербург Гаршин полностью развернул перед приятелем фабулу своей новой вещи.

«Это была странная история, с ярким фантастическим характером, с медиумическими явлениями и пространными диалогами научного и философского характера,— вспоминает Фаусек.— Общий смысл ее был — защита ересей в науке, протест против научной нетерпимости, против исключительной ортодоксальности людей ученого мира. Действующие лица повести были ученые, старые и молодые, профессора университета и ученики их, начинающие, но гордые знанием и враждебные ко всему, что «не научно» химики и физики. Между прочим там появлялись с своими теоретическими взглядами и действительные лица, не названные, конечно, но описанные с полным сохранением всех их индивидуальных черт, и между ними профессора Менделеев и Манасеин. Оба они были всегда предметом глубокого уважения В. М., и, лично знакомый с профессором Манасеиным, он отзывался об нем с симпатией, но, не будучи нисколько ни спиритом, ни гомеопатом, не одобрял их отношения к этим «ересям». В повести аргументация его основывалась главным образом на истории науки, на том, сколько раз уже учения и теории, казавшиеся и всеми признаваемые за нелепость, за грубые заблуждения, за суеверия,— оказывались основанными на вполне реальных фактах и открывали для научного исследования такие области, такие явления, самое существование которых никем не подозревалось.

Главными действующими лицами рассказа были два молодых приятеля, один начинающий ученый, молодой самодовольный педант, другой — тоже натуралист по образованию, но не занимающийся специально наукой, замкнутый в себе, странный, болезненный чудак, может быть, тоже с легким «психозом» и с сильною наклонностью к отвлеченному мышлению. Он вечно сидит один в своей комнате и думает, и додумался до медиумических явлений. По просьбе своего ученого друга, пораженного новыми и таинственными явлениями, он показал то, до чего он додумался, избранному обществу ученых скептиков — и поплатился, заранее это зная, за обнаружение своей «творческой силы» всей своей душевной деятельностью: после сеанса он впал в неизлечимое слабоумие. При этом в повести был описан Петербургский университет, здание физического кабинета, старинное здание, которое всегда интересовало Всеволода Михайловича.

Он передал мне весь рассказ последовательно и подробно, во многих местах, вероятно, прямо подлинными словами, как было написано, и все, что он рассказы-

вал, было очень умно и очень интересно; несмотря на отвлеченные рассуждения, самый интерес рассказа и фабулы все более и более возрастал, а фантастический элемент, полный странной, несколько болезненной поэтичности, придавал всему рассказу особенный, оригинальный оттенок. Вообще это была вещь в высшей степени оригинальная. Он написал ее в июне, кажется, всего в несколько дней, а когда заболел, то сжег рукопись, и теперь, рассказывая мне, глубоко сожалел об этом и говорил, что не сможет уж вновь написать позднее, «когда поправится» [13].

К вещи, о которой с такими подробностями Гаршин рассказал осенью 1887 г. Фаусеку, относится и найденный нами в бумагах писателя набросок, единственный документальный след его последнего большого художественного начинания *.

Подтверждая большую точность воспоминаний Фаусека о последнем замысле Гаршина, набросок этот позволяет установить наличие в герое недописанного рассказа — Александре Ивановиче — многих характернейших черт и деталей биографии самого писателя. Формально не связанный ни с одним научным учреждением, «недоучившийся студент» Горного института и вольнослушатель С.-Петербургского университета, Гаршин с гимназических лет вращался, однако, в кругу молодых ученых (кружок А. Я. Герда), очень внимательно следил за успехами точных наук, много занимался ботаникой, зоологией, минералогией, а в пору наибольшего расцвета своей творческой работы поддерживал постоянное дружеское общение не столько с профессиональными литераторами, сколько с учеными—горняками, физиками, химиками, математиками и проч. Из подлинных служителей науки писатель очень резко выделял тех академических чиновников и «самодовольных ученых педантов», которых и должна была заклеймить его последняя повесть. Признаки разложения некоторых групп петербургской интеллигенции, с которыми Гаршин ближайшим образом связан был в пору реакции 80-х годов, отмечались им еще задолго до работы над новою его вещью.

«6-го были мы вместе с Васей у Х ⟨амонтова.— *Ю. О.*⟩,— писал Гаршин 23 декабря 1883 г. В. М. Латкину,— собралось на именины человек 15 молодых учителей, адъюнктов, лаборантов и прочей ученой братии. Нехорошее я вынес впечатление. Разговоры об единицах, решение геометрических курьезов, разговоры о трихлорметилбензоломилоидном окисле какой-то чертовщины ⟨...⟩ это часть первая. Гнуснейшие в полном смысле анекдоты — соединение ужасной чепухи с бесцельной и неостроумной похабщиной (какая-то турецкая или ташкентская) — это вторая. Основательная выпивка — третья. И больше ничего. Ни одного не только разумного, а хоть сколько-нибудь интересного слова. Право, какое-то одичание» [14].

К впечатлениям начала 80-х годов восходили, однако, не только бытовые детали последней повести Гаршина. Самое положение молодого писателя в кругу его ученых друзей поразительно напоминало ситуацию, получившую отражение в печатаемом ниже наброске. Диалог «Александра Ивановича» с «Вагнером» кажется прямо выхваченным из известной нам переписки Гаршина. Даже такие сентенции его героя, как: «Я провожу на этой службе пять часов и не считаю себя занятым. Это полумеханическая работа. Я очень рад ей. Она нисколько не отвлекает меня... от того, что всегда составляло мою жизнь...» — лучше всего комментируются автопризнаниями писателя после поступления его на службу в секретариат Съезда представителей русских железных дорог: «На службе у нас теперь в летние месяцы положительно нечего делать: сижу, пью чай, пишу письма, рассказ и держу корректуру Гердовской зоологии. Дело по службе сделаешь по приходе в четверть часа, а остальные часа два-три совершенно свободен» [15], или: «Чувствую, что ежедневное хождение в определенное место и недолговременное там сидение (часа $2^1/_2$—$3^1/_2$) приносит мне большую пользу со стороны, так сказать, психо-гигиенической» [16].

---

* Текст наброска (перегнутая пополам четвертушка листа плотной бумаги) отражает не первичную черновую запись, а уже как бы вторую стадию работы — переписку набело, но с довольно большим числом поправок в самом процессе переписки (ИРЛИ, ф. 70, № 35).

‹ДА! ТАК ВОТ КАКИЕ ДЕЛА...›

— Да! так вот какие дела,— проговорил один из двух собеседников.

Дел, собственно говоря, никаких не было. Два приятеля молчали уже в течение по крайней мере десяти минут, и слова, которыми начинается это повествование, были сказаны только из приличия.

Один сидел на стуле, другой на низеньком широком диване, таком низеньком, что сидевшему было весьма неудобно доставать с возвышавшегося перед ним с самоваром и чайной посудой ломберного стола стакан с чаем, который он изредка и понемножку прихлебывал с видом человека, желающего хоть чем-нибудь убить время. Время же шло весьма медленно и для сидевшего на стуле. У него не было рессурса даже в прихлебывании чая: стакан был допит, это был уже третий. Сидевший на стуле, которому вовсе не хотелось четвертого стакана чая, обратил внимание на свою папиросу. Он стряхнул с нее пепел, потом, внимательно смотря на нее, как будто бы в ней было нечто достопримечательное, стал тушить о черную цинковую пепельницу. Все это, однако, было недостаточно для приличного препровождения времени, и сидевший на стуле нашелся вынужденным сказать:

— Ну, Александр Иванович, я очень рад, что ты все-таки устроился.

По пухлому, нежному, с розовыми щеками и белобрысой редкой растительностью лицу Александра Ивановича прошло облачко.

— Все-таки ты занят чем-нибудь,— продолжал приятель.

— Я не устраивался и ничем ровно не занят. Кроме того, чем был занят всегда.

Голос у Александра Ивановича был слабый и мягкий; выражение лица робкое, и он проговорил свою реплику таким тоном, как будто бы в чем-нибудь оправдывался.

— Все-таки служба... — сказал приятель, неизвестно почему вздохнув.

— Я провожу на этой службе пять часов и не считаю себя занятым. Это полумеханическая работа. Я очень рад ей. Она нисколько не отвлекает меня...

Он вдруг остановился, не прибрав слова как назвать это, от чего не отвлекает его служба маленького чиновника. Александр Иванович молчал, но приятель был не очень догадлив и спросил:

— От чего, Александр Иванович?

— От того... от того, что всегда составляло мою жизнь. От размышления. Ты знаешь...

Собеседник смотрел на него и сказал недоумевающим тоном:

— От размышления. Странно. Ты размышляешь? Над чем?

Александр Иванович смотрел в сторону и не отвечал. Его приятель показался ему вдруг ужасно чужим и маленьким человеком, точно он был от него на огромном расстоянии. Отвечать ли ему? Поймет ли он то, что волнует А. Ив.; он со своими маленькими великими делами, со своей наукой (*той* наукой!— подумал А. И.), которой он верно служит в классах двух средних учебных заведений и в стенах физического кабинета Н. университета, где он, как древний алхимик добывал золото, теперь добывает магистерскую степень. Вагнер...,— подумал А. И. с некоторым недоброжелательством.

— Ты размышляешь? — продолжал «Вагнер».— Ты, кажется, никогда особенно не интересовался наукой; в том смысле не интересовался, как понимаю это я. Ты не работал, Саша. Помнишь, в университете. Ты всегда относился слегка...

Александр Иванович, задвинутый ломберным столом, с большим трудом вылез из-за него и стал у окна — не глядя ни на что в особенности,

смотрел в окно. Приятель продолжал говорить, обращаясь к его низенькой, очень широкой и даже тучной спине на коротких неправильных ногах.

— Помнишь наш разговор после выпуска, после обеда. Я делаю то, что сказал тебе тогда. Я тружусь, правда, над очень маленьким уголком, но тружусь...

ПРИМЕЧАНИЯ *

[1] До настоящего времени не опубликовано еще 25 набросков художественных произведений и статей Гаршина (см.: *Клочкова*, с. 50—57).

[2] *Гаршин III*, с. 234.— Курсив наш.— *Ю. О.*

[3] Там же, с. 181.

[4] Набросков этой повести нам обнаружить не удалось ни в архиве самого Гаршина, ни в бумагах его родных и друзей.— *Ю. О.* См. о ней: *Гаршин III*, с. 493 и по указателю. Л. П. Клочкова предполагает, что набросок «Завтра экзамен...» относится к задуманной Гаршиным повести о Радонежской (*Клочкова*, с. 45). М. Костова-Гургулова возражает ей, находя в этом наброске автобиографические мотивы («Три неоконченных произведения В. М. Гаршина».— «Русская литература», 1962, № 2, с. 179—180). Перу Р. В. Радонежской принадлежит замечательное произведение об орловской деревне.— «Картины народной жизни. Записки сельской учительницы» («Орловский вестник», 1877—1878 гг.). Радонежской посвящена статья Л. Н. Афонина: «Героиня повести, задуманной Гаршиным» («Орловская правда», 1965, № 216, 12 сентября).

[5] *Гаршин III*, с. 308.

[6] В 1965 г. три рассказа из подготовленных к печати Ю. Г. Оксманом — «Скипидар», «Сон Павла Павловича» и «Объявите суду ваше имя...» — были опубликованы в Софии М. Костовой-Гургуловой («Годишник на Софийския университет, филологически факултет», т. LIX, 1, с. 271—280). В тексте публикации есть неточности.

[7] Н. М и н с к и й. Несколько слов о Гаршине по поводу десятилетия его смерти.— «Новости», 1898, № 96, 9 апреля.— К воспоминаниям Минского явно восходят и все данные о несохранившейся сказке Гаршина о фиалке, записанные С. Н. Дурылиным со слов художника М. Е. Малышева:

«Однажды ранней весной императрица Екатерина II совершала обычную свою прогулку по Летнему саду, одна, с любимой собачкой. В траве императрица увидела еще нераспустившуюся первую слабенькую фиалку. Она не хотела ее рвать, пока цветок не расцветет совсем, и боялась забыть место, на котором росла фиалка.

Придя во дворец, императрица приказала поставить на некоторое время часового около того места, где рос цветок, но никому не сказала, зачем это нужно было сделать.

Императрица забыла про фиалку, цветок расцвел, процвел, отцвел, а караульное начальство, исполняя приказ императрицы, сменило первого часового вторым, второго — третьим, и так установился постоянный караул на месте, где когда-то росла фиалка. Екатерина II умерла, умер ее сын, два внука императрицы, никто не помнил, почему поставлен караул, а часовые все сменялись и сменялись, и шагали с ружьем летом и зимой, сами не зная, что охраняют. В сказке Гаршина была картина поздней зимней ночи, свистящей вьюги, сугробов снега, завалившего Летний сад. Полузамерзший часовой с ружьем ходит на карауле, мерзнет, борется со сном и подбадривает себя тем, что он исполняет долг. Прошло сто лет. Фиалка, пустив свой корешок под землей, продвигая росток за ростком, вышла из Летнего сада на набережную, протолкала свои росточки под Невой и вынырнула из земли где-то далеко за городом, в открытом поле, и зацвела там. А часовой все ходит, все сторожит, и никто не знает, что он сторожит» («Погибшие произведения Гаршина».— «Русские ведомости», 1913, № 70, 24 марта. Ср. в его письме в редакцию — «О погибших произведениях Гаршина».— «Голос минувшего», 1914, № 3, с. 289).— *Ю. О.*

Любопытно сравнить с этим свидетельством строки в воспоминаниях Бисмарка, посвященные его пребыванию в Петербурге в 1859 г.:

«В первые весенние дни принадлежавшее ко двору общество гуляло по Летнему саду, между Павловским дворцом и Невой. Императору бросилось в глаза, что посреди одной из лужаек стоит часовой. На вопрос, почему он тут стоит, солдат мог ответить лишь, что «так приказано»; император поручил своему адъютанту осведомиться на гауптвахте, но и там не могли дать другого ответа, кроме того, что в этот караул зимой и летом отряжают часового, а по чьему первоначальному приказу, установить нельзя. Тема эта стала при дворе злободневной, и разговоры о ней дошли до слуг. Среди них оказался старик-лакей, состоявший уже на пенсии, который сообщил, что его отец,

---

* Настоящая публикация была подготовлена покойным исследователем в самом начале 1930-х годов, еще до выхода в свет в 1934 г. тома писем Гаршина под его редакцией. Ю. Г. Оксман работал тогда над неизданными письмами Гаршина. Нами сделаны в примечаниях ссылки на издание 1934 г. и на новейшую литературу.— *Примеч. К. П. Богаевской.*

проходя с ним как-то по Летнему саду мимо караульного, сказал: «А часовой все стоит и караулит цветок. Императрица Екатерина увидела как-то на этом месте гораздо раньше, чем обычно, первый подснежник и приказала следить, чтобы его не сорвали». Исполняя приказ, тут поставили часового, и с тех пор он стоит из года в год» (Б и с м а р к. Мысли и воспоминания, т. 1. М., 1940, с. 194).

[8] *Гаршин* III, с. 271.

[9] Гаршин излагает ошибочную версию о происхождении скульптур Летнего сада, бытовавшую в книгах о старом Петербурге, выходивших в последние десятилетия XIX — начале XX в. В действительности эти скульптуры приобретались в Италии при Петре I, Анне Ивановне, Елизавете и тогда же были установлены в Летнем саду (см.: Ж. М а ц у л е в и ч. Летний сад и его скульптуры. Л., 1936, с. 58—59). Гаршиным названы статуи: «Сивилла Ливийская» (ошибочно названа «Венерой») — работы Джованни Зорзони; Навигация — предположительно работы Пьетро Баратты (начало XVIII в); «Сатурн» — работы Франческо Пенсо, прозванного Кабианка. Скульптуры «Анахарсиса» в Летнем саду никогда не было; это имя восходит, вероятно, к герою романа Жан-Жака Баттиели «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1788; русский перевод, ч. 1—9, 1803—1819).

[10] *Гаршин III*, с. 312.

[11] Там же, с. 360.— О деле Д. Т. и М. П. Немчиновых — см. «Новое время», 1885, №№ 3516 и 3518, 10 и 12 декабря, а также *Гаршин III*, с. 578.

[12] Там же, с. 392.— Ироническое упоминание имени А. М. Скабичевского обусловлено серией фельетонов последнего под названием «Наши новые беллетристические силы» в «Новостях», 1885, №№ 31, 51, 72, 84.— В этих фельетонах критик уличал молодых писателей в «полном отсутствии у них всякого солидного и основательного образования». Юмористически сближенные с именем Скабичевского «бирюлевские барышни» — персонажи из «Затишья» Тургенева.— *Ю. О.*

[13] Воспоминания В. А. Фаусека.— В кн.: Полн. собр. соч. В. М. Гаршина. СПб., 1910, с. 58—59.

[14] *Гаршин III*, с. 305.

[15] Письмо к матери от 14 июля 1883 г.— Там же, с. 299.

[16] Письмо к В. А. Фаусеку от 9 июля 1883 г. — Там же, с. 297.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ ГАРШИНА «ТЕНЬ»

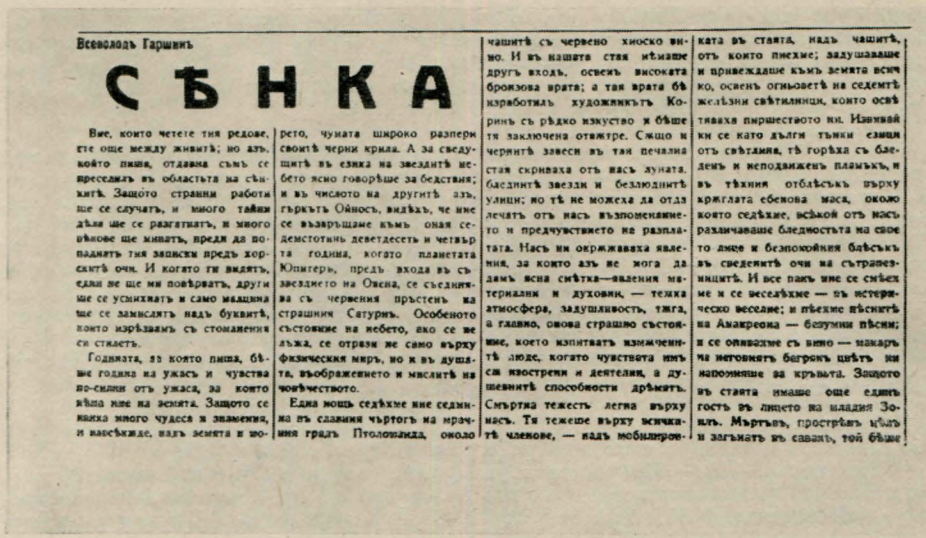
Предисловие и публикация М. Д. Г у р г у л о в о й
(НРБ)

В 1938 г. в газете «София», № 579, 4 июля, был напечатан рассказ Гаршина «Сянка» («Тень»). Эта публикация была обнаружена нами в 1963 г., при просмотре болгарской периодики с целью выявления материалов об отношении Гаршина к Болгарии и о восприятии его творчества в этой стране. В газете не было дано никаких комментариев и не были указаны имена публикаторов и переводчика. Архив газеты не сохранился, ее редактора Басила Павурджиева давно уже не было в живых.

Наши поиски автографа или каких-либо данных о том, как рассказ Гаршина попал в Болгарию, оказались безрезультатными. Мы можем только высказать предположение, что автограф (или копия с него) был вывезен из России кем-нибудь из русских эмигрантов. Известно, что в София с 1920 г. поселилось довольно много русских, среди которых были и писатели, критики, ученые. Некоторые из них, покидая родину, захватывали (полностью или частично) свои архивы. В составе одного из них вполне могла оказаться и рукопись Гаршина.

Рассказ «Тень» не вошел ни в одно издание сочинений писателя, упоминания о нем отсутствуют в известной нам литературе о Гаршине на русском и болгарском языках. Никаких следов его нет и в советских архивах, хранящих гаршинские фонды [1]. И тем не менее у нас нет оснований для предположения, что публикация 1938 г. явилась литературной мистификацией.

Текст «Сянки» изобилует русизмами и не свойственными болгарскому литературному языку оборотами. Это может служить подтверждением того, что перед нами действительно перевод с русского, а не оригинальный текст. Дополнительным свидетельством интереса болгарской газеты к творчеству Гаршина является факт помещения в предыдущем номере (№ 578) «София» перевода гаршинской сказки «То, чего не было» («Онова, което не е било»).



Всеволодъ Гаршинъ

СѢНКА

Вие, които четете тия редове, сте още между живитѣ; но азъ, който пиша, отдавна съмъ се преселилъ въ областьта на сѣнкитѣ. Защото странни работи ще се случатъ, и много тайни дѣла ще се разгатнатъ, и много вѣкове ще минатъ, преди да попаднатъ тия записки предъ хорскитѣ очи. И когато ги видятъ, едни не ще ми повѣрватъ, други ще се усмихнатъ и само малцина ще се замислятъ надъ буквитѣ, които изрѣзвамъ съ стоманения си стилетъ.

Годината, за която пиша, бѣше година на ужасъ и чувства по-силни отъ ужаса, за които нѣма ние на земята. Защото се наиха много чудеса и знамения, и навсѣкжде, надъ земята и морето, чумата широко разпери своитѣ черни крила. А за сведущитѣ въ езика на звездитѣ небето ясно говорѣше за бедствия; и въ числото на другитѣ азъ, гъркътъ Ойносъ, видѣхъ, че ние се възвръщаме къмъ оная седемстотинъ деветдесетъ и четвърта година, когато планетата Юпитеръ, предъ входа въ съзвездието на Овена, се съединява съ червения пръстенъ на страшния Сатурнъ. Особеното състояние на небето, ако се не лъжа, се отрази не само върху физическия миръ, но и въ душата, въображението и мислитѣ на човѣчеството.

Една нощь седѣхме ние седмина въ славния чъртогъ на мрачния градъ Птоломаида, около чашитѣ съ червено хиоско вино. И въ нашата стая нѣмаше другъ входъ, освенъ високата бронзова врата; а тая врата бѣ изработилъ художникътъ Коринъ съ рѣдко изкуство и бѣше тя заключена отвжтре. Сжщо и чернитѣ завеси въ тая печална стая скриваха отъ насъ луната, бледнитѣ звезди и безлюднитѣ улици; но тѣ не можеха да отдалечатъ отъ насъ възпоменанието и предчувствието на разплатата. Насъ ни окржжаваха явления, за които азъ не мога да дамъ ясна смѣтка—явления материални и духовни, — тежка атмосфера, задушливость, тжга, а главно, онова страшно състояние, което изпитватъ измжченитѣ люде, когато чувствата имъ сж изострени и деятелни, а душевнитѣ способности дрѣмятъ. Смъртна тежесть легна върху насъ. Тя тежеше върху всичкитѣ членове, — надъ мобилировката въ стаята, надъ чашитѣ, отъ които пиехме; задушаваше и привеждаше къмъ земята всичко, освенъ огньоветѣ на седемтѣ желѣзни свѣтилници, които освѣтяваха пиршеството ни. Извивайки се като дълги тънки езици отъ свѣтлина, тѣ горѣха съ бледенъ и неподвиженъ пламъкъ, и въ тѣхния отблѣсъкъ върху кржглата ебенова маса, около която седѣхме, всѣкой отъ насъ различаваше бледностьта на своето лице и безпокойния блѣсъкъ въ сведенитѣ очи на сътрапезницитѣ. И все пакъ ние се смѣехме и се веселѣхме — въ истерическо веселие; и пѣехме пѣснитѣ на Анакреона — безумни пѣсни; и се опивахме съ вино — макаръ на неговнятъ багрянъ цвѣтъ ни напомняше за кръвьта. Защото въ стаята имаше още единъ гостъ въ лицето на младия Зоилъ. Мъртъвъ, прострѣнъ цѣлъ и загънатъ въ саванъ, той бѣше

«ТЕНЬ»

Первая публикация рассказа В. М. Гаршина (в переводе на болгарский язык)

Газета «София», 4 июля 1938 г.

Не располагая прямыми доказательствами авторства Гаршина, мы можем все-таки привести некоторые косвенные аргументы, которые поддерживают версию о том, что «Тень» была написана им. В воспоминаниях некоего А. П. «Гаршин в ночь его смерти» приведены слова, сказанные писателем накануне самоубийства: «Вот, например, мне кажется следующее: за пределами нашей видимой жизни есть мир. Экспериментальная наука не сегодня-завтра поставит эти явления на позитивную почву. Призраки, духи, привидения — все это существует реально....» [2] Эти мысли могут быть поставлены в связь с некоторыми сюжетными мотивами рассказа «Тень». И, что еще важнее, общее настроение его близко жизненной концепции Гаршина и тому чувству душевной неустойчивости и подавленности, которые вызывали в нем общественная несправедливость и психическая болезнь [3].

В рассказе отчетливо намечены мотивы страдания людей, на которых обрушилось неотвратимое бедствие, и вместе с тем жажды жизни, веселья, которая заставляет выведенных здесь семерых «сотрапезников» собраться на пиршество, наслаждаться вином, петь «безумные песни» Анакреона. Очевидна внутренняя связь этих мотивов с «Пиром во время чумы» Пушкина — произведением, которое живо интересовало Гаршина. Как свидетельствует Я. В. Абрамов, весной 1879 г. Гаршин вспоминал о пушкинском «Пире» [4]. Не исключено, что уже тогда у него могла возникнуть мысль о самостоятельной творческой разработке пушкинской темы. Мы не знаем, как развернулось бы далее повествование, но, судя по началу рассказа с его настроением мрачной безысходности и обреченности, Гаршину было чуждо пушкинское преклонение перед силой, бесстрашием человека. Не хотел ли он развить мотив скорби о погибших друзьях — на эту мысль наводит последняя фраза публикуемого текста.

Рассказ «Тень» в обратном переводе на русский язык был напечатан нами в 1965 г. в «Ежегоднике Софийского университета» [5]. При проверке перевода для настоящей публикации устранены отдельные ошибки в нем, а весь текст выправлен с целью придания ему большей художественной цельности и стилевого единства *.

* Публикация «Тени» в 1965 г. в малодоступном болгарском издании прошла не замеченной большинством советских исследователей. Редакция «Литературного наследства» решила включить в настоящий том этот незаконченный рассказ, с тем чтобы привлечь к нему внимание изучающих творчество Гаршина и побудить их к поискам новых источников и новых аргументов, которые позволили бы безусловно подтвердить авторство Гаршина или же поставить его под сомнение.— *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нами были обследованы гаршинские материалы, находящиеся в ЦГАЛИ и в рукописных отделах ИРЛИ, ГБЛ, ГЛМ.

[2] «Раннее утро», М., 1909, № 173, 29 июля.

[3] По своей основной настроенности «Тень» может быть сопоставлена со стихотворением «Свеча» — последним произведением Гаршина, созданным в мае 1887 г.

[4] Я. А б р а м о в. Всеволод Михайлович Гаршин (материалы для биографии).— Сб. «Памяти Вс. М. Гаршина». СПб., 1889, с. 31—32.

[5] Мария К о с т о в а - Г у р г у л о в а. О некоторых неизвестных отрывках и произведениях В. М. Гаршина. «Годишник на Софийския университет», филологически факултет, т. LIX, 1, София, 1965, с. 280—282. Здесь же, на с. 263—267, изложены результаты нашего изучения рассказа «Тень». См. также кн.: М. Г у р г у л о в а. Творчество на В. М. Гаршин. София, «Наука и изкуство», 1967, с. 151—156.

ТЕНЬ*

Вы, которые читаете эти строки, находитесь еще среди живых, а я, кто пишет их, давно уже переселился в область теней. Потому что странные вещи произойдут, и много тайных дел будет разгадано, и много веков пройдет, прежде чем эти записки попадутся людям на глаза. И когда люди увидят их, одни мне поверят, другие усмехнутся и лишь немногие задумаются над буквами, которые я вырезаю своим стальным стилетом.

Год, о котором я пишу, был годом ужаса и чувств сильнее ужаса, для которых нет названия на земле. Потому что явилось много чудес и знамений, и всюду, над землей и морем, чума широко распростерла свои черные крылья. А для сведущих в языке звезд небо ясно говорило о бедствиях; и в числе других я, грек Ойнос, видел, что мы возвращаемся к тому семьсот девяносто четвертому году, когда планета Юпитер перед входом в созвездие Овна соединяется с красным кольцом страшного Сатурна. Особенное состояние неба, если не ошибаюсь, отразилось не только на физическом мире, но и в душе, воображении и мыслях человечества.

Однажды ночью мы сидели всемером в славном чертоге мрачного города Птоломеиды у чаш с красным хиосским вином. И в нашей палате не было другого входа, кроме высоких бронзовых врат, а эти врата, сработанные художником Корином с редким искусством, были заперты изнутри. И черные завесы в этой печальной палате также скрывали от нас луну, бледные звезды и безлюдные улицы; но они не могли отдалить от нас воспоминания и предчувствия расплаты. Нас окружали явления, о которых я не могу дать себе ясного отчета,— явления материальные и духовные,— тяжелая атмосфера, духота, тоска, а, главное, то страшное состояние, которое испытывают измученные люди, когда чувства у них обострены и деятельны, а душевные способности дремлют. Смертная тяжесть легла на нас. Она тяготела над всеми вещами — над убранством палаты, над чашами, из которых мы пили; душила и клонила к земле все, кроме огней семи железных светильников, которые освещали наше пиршество. Извиваясь длинными, узкими языками, они горели бледным и неподвижным пламенем, и в их отблеске на круглом эбеновом столе, вокруг которого мы сидели, каждый из нас различал бледность своего лица и беспокойный блеск опущенных глаз сотрапезников. И все-таки мы смеялись и веселились — в истерическом веселье; и пели песни Анакреона — безумные песни; и упивались вином — несмотря на то что его багряный цвет напоминал нам кровь. Потому что в палате был еще один гость — в образе молодого Зоила. Мертвый, весь вытянувшийся и завернутый в саван, он был гением и демоном всей этой сцены. Увы! он не принимал участия в нашем пиршестве, и только лицо его, искаженное от мук, и глаза его, в которых смерть еще не погасила пламени чумы, как будто взирали на нас, участвовали в нашем ве-

* Перевод с болгарского М. Д. Гургуловой.— *Ред.*

селье, насколько мертвые могут принимать участие в веселье тех, кто должен умереть. Но несмотря на то что я, Ойнос, чувствовал, что глаза покойника устремлены на меня, я старался не понимать их горестного выражения и, упорно глядя в глубину эбенового зеркала, громким и звучным голосом пел песни теосского певца. Но мало-помалу наши песни замерли, и их отзвуки, рассеянные между черными завесами, затихли и умолкли. И вот из-под этих черных завес, где только что исчезли последние звуки песни, появилась мрачная, смутная тень, похожая на ту, которую отбрасывает от человека луна, когда она находится низко над горизонтом; но это была тень не человека, не бога и не какого-либо другого известного существа. И, покачнувшись на один миг между завесами, она стала, наконец, во весь свой рост, полностью закрывая собой бронзовые врата. Но тень была смутная, бесформенная, неопределенная, и не была она тенью человека или бога — ни греческого, ни халдейского, ни египетского бога. И тень остановилась над громадными бронзовыми вратами, под аркой карниза, и не двигалась, и не произносила ни слова, но уплотнялась <?> все больше и больше и, наконец, застыла неподвижно. И врата, над которыми остановилась тень, если мне не изменяет память, возвышались против ног молодого Зоила, над его телом, завернутым в саван. Но мы, семеро сотрапезников, увидев, как тень выходила из-под завес, не смели посмотреть на нее и, опустив глаза, упорно вглядывались в глубину эбенового зеркала. И, наконец, я, Ойнос, прошептал несколько слов, чтобы спросить у тени, где она обитает и как ее зовут. И тень ответила: «Я — тень, и мое жилище находится близ катакомб города Птоломеиды, рядом с мрачными адскими равнинами, ограждающими нечистый канал Харона». И тогда мы семеро содрогнулись от ужаса на своих местах и вскочили, дрожа, пошатываясь и цепенея от страха; потому что звук голоса тени был звуком голоса не одного существа, а множества существ, и, меняясь в слоге <?>, он напоминал знакомые и родные голоса тысяч и тысяч погибших друзей.

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА «ХУДОЖНИКИ»

Предисловие и публикация Н. С. Дворциной

До настоящего времени единственным источником для установления текста «Художников» были прижизненные издания рассказа: журнальная публикация (*ОЗ*, 1879, № 9, с. 103—118) и первый сборник писателя (Всеволод Гаршин. Рассказы. СПб., 1882, с. 125—157). Из рукописных материалов к «Художникам» сохранились только краткий план и фрагмент ранней черновой редакции, озаглавленный «Конец Рябинина» [1].

В 1972 г. в Отдел рукописей ГБЛ в составе архива художника М. Е. Малышева поступил беловой автограф рассказа, содержащий его полный текст [2]. Рукопись состоит из 10 листов, исписанных черными чернилами с обеих сторон, и последнего, одиннадцатого, листа, который заполнен лишь с одной стороны. Здесь же, в конце, подпись Гаршина. В тексте имеется небольшое количество мелких авторских исправлений и зачеркиваний, сделанных теми же чернилами, очевидно, в ходе переписывания с несохранившегося черновика. Черным карандашом нанесена редакторская правка — отдельные места заключены в квадратные скобки, иногда взамен исключаемого слова тем же карандашом вписано новое. По тексту синим карандашом крупно проставлена нумерация страниц (1—21), по-видимому, при подготовке рукописи в типографии к набору. Таким образом, перед нами именно та рукопись, которая была передана автором Салтыкову и по которой производился набор.

Как известно, по твердо установившемуся распределению обязанностей между членами редакции «Отечественных записок» (М. Е. Салтыков, Н. К. Михайловский, Г. З. Елисеев) беллетристика неизменно находилась в ведении Салтыкова — он читал и правил рукописи, он вел и переговоры с авторами. Гаршин, постоянно сотрудничавший в журнале с осени 1877 г., не составлял в этом плане исключения. В письме к нему от 26 ноября 1878 г. Салтыков писал о рассказе «Трус»: «Я прочитал вашу вещь, уважаемый Всеволод Михайлович, и она мне понравилась. Но печатать ее в этом виде, при нынешних условиях, решительно нельзя. Поэтому, не будете ли вы так любезны зайти ко мне переговорить об этом предмете» [3]. В другом письме, от 10 февраля 1880 г., Салтыков писал о рассказе «Ночь»: «Прочитав ваш рассказ, я нашел его весьма хорошим, и думаю в мартовской книжке его поместить» [4].

Хотя мы не располагаем подобными прямыми свидетельствами в отношении «Художников», можно не сомневаться, что он тоже прошел через Салтыкова и, как и в случае с «Трусом», вызвал у него некоторые опасения по части цензурных трудностей. Главная часть редакторской правки в автографе была направлена на устранение «опасных» в цензурном отношении мест. Все такие места, отмеченные редакторским карандашом, в журнальном тексте отсутствуют. Кроме того, при сличении рукописи с первопечатным текстом обнаруживается еще несколько изъятий явно предцензурного происхождения — можно думать, что в корректуре редактор внес дополнительно эти исправления.

Насколько был при этом прав многоопытный Салтыков, показывает любопытный документ — направленное в С.-Петербургский цензурный комитет донесение о девятой книжке «Отечественных записок» цензора Н. Е. Лебедева. За помещение двух очерков Щедрина он предлагал подвергнуть книжку аресту, а о рассказе «Художники» отозвался хотя и несколько более сдержанно, но все же достаточно сурово. После краткого изложения сути рассказа он продолжал: «Находя такое содержание статьи, с одной стороны, тенденциозным в смысле противоположения тружеников, падающих

под гнетом работы, беззаботной жизни людей обеспеченных, а с другой, усматривая порицание нашей Академии художеств, цензор, не признавая этот очерк настолько вредным, чтобы он мог послужить поводом к аресту книжки, но тем не менее для характеристики «Отечественных записок» считает нужным о статье этой донести Главному управлению по делам печати» [5].

Новонайденный автограф «Художников» представляет значительную ценность прежде всего для установления канонического текста рассказа, а также для изучения работы писателя над ним на последних этапах создания произведения (правка в беловой рукописи и в корректуре журнальной публикации). Предстоит сложная и кропотливая работа текстологов. Не предвосхищая ее окончательных результатов, мы можем здесь, в рамках краткого предисловия, лишь наметить некоторые исходные положения.

Редакторские купюры, сделанные в предвидении возможных цензурных осложнений, должны быть, разумеется, восстановлены во всех последующих изданиях рассказа. Следует, по нашему мнению, отказаться от редакторских исправлений и в тех случаях, когда Салтыков, человек старшего поколения, заменял употребленные Гаршиным слова или формы на более архаические, например: «тоны» (у Гаршина: «тона́»), «работник» («рабочий»), «обхватывает» («охватывает»), «ворота́», («вороты») и т. п. Но в тех случаях, когда редакторская правка носила чисто стилистический характер и устраняла погрешности языка автора, она должна быть сохранена, тем более что автор ни в корректуре, ни при подготовке рассказа для сборника 1882 г. ее не отменил

Сличение автографа с текстом обоих прижизненных публикаций и с последующими изданиями позволяет выявить несколько ошибок, возникших на разных этапах. Даем перечень таких случаев. Во всех примерах сначала идет вариант по *Сочинениям 1955*, а затем предлагаемое исправление с указанием источника. После каждого примера даны пояснения и справки о вариантах промежуточных изданий. Упоминаемые при этом издания сочинений Гаршина обозначаются годом их выпуска.

1) окаймляющие берега залива (с. 73, 5 строка сн.) — окаймлявшие берега залива (по автографу). В *ОЗ* и *1882* ошибочное: окаймившие; в *1938* и позднее было введено произвольное исправление.

2) десятки пролетавших мимо меня пароходов и скользивших парусных кораблей и лайб (с. 73, 4—3 строки сн.) — десятки пролетавших пароходов и скользивших мимо меня парусных кораблей и лайб (*ОЗ*, с. 103, 23—24 строки св.). Мы предполагаем, что вариант *ОЗ* — результат авторского исправления фразы в корректуре. В 1938 и позднее было введено произвольное исправление.

3) Через пять минут все усаживаются на места (с. 75, 3 строка сн.) — Через пять минут всё снова усаживается на места (автограф). В автографе слово «все» написано через е (а не ѣ); вариант автографа повторен в *ОЗ* и в последующих изданиях. В 1938 введено произвольное исправление.

4) Доволен и счастлив невыразимо (с. 90, 18—19 строки св.) — Доволен и счастлив невероятно (автограф). Замена в *ОЗ* слова «невероятно» на «невыразимо» — ошибка наборщика, неточно прочитавшего это место в рукописи. Слово «невыразимо» не укладывается в контекст: счастье Дедова как раз было выражено на его лице, которое «сияет, как масляный блин».

Всюду, где текст *ОЗ* или издания 1882 г. дает вариант художественно более полный и более совершенный, возвращение к автографу было бы текстологической ошибкой. Приведем несколько примеров таких, по нашему мнению, авторских исправлений, улучшающих текст; первыми даем варианты *ОЗ*, в скобках — варианты автографа: набросал карандашом контур (набросал контур), особенным радостным чувством (особенным чувством), освещенного заходящим солнцем (освещенного солнцем), вечный вопрос (вопрос), все, шумя, собирали (все собирали) и т. п.

Ниже печатается «верхний» слой автографа. Места, исключенные редактором, сохраняются в основном тексте, но заключаются в квадратные скобки. Варианты первопечатного текста приводятся под строкой без обозначения источника (*ОЗ*). Варианты, зачеркнутые самим Гаршиным, также даются под строкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ИРЛИ, ф. 70, № 64, записная тетрадь 1878—1884 гг.; там же, № 63, записная тетрадь 1878—1882 гг. См.: *Клочкова*, с. 62 и 58—59. Отрывок «Конец Рябинина» опубликован в кн.: В. М. Гаршин. Соч. М.— Л., 1951, с. 436—437 (см. также: *Сочинения 1955*, с. 422—423).

[2] ГБЛ, ф. 218.1359.16, л. 1—11. О других гаршинских материалах, сохранившихся в бумагах М. Е. Малышева, см. наст. том, с. 255—256.

[3] Н. Щедрин (М. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. М., 1939, с. 115.

[4] Там же, с. 141.

[5] В. Э. Боград. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., «Книга», 1971, с. 489—490.

ХУДОЖНИКИ

I

ДЕДОВ

[Свобода, свобода, свобода!] Сегодня я чувствую себя так, как будто бы гора свалилася с моих плеч. Это счастье[1*] было так неожиданно! Долой инженерские погоны, долой инструменты и сметы... Но не стыдно ли мне[2*] так радоваться смерти бедной тетки, только потому, что она оставила мне наследство[3*], дающее мне возможность бросить эту ненавистную службу?[4*] Правда, ведь она, умирая, просила меня отдаться вполне[5*] моему любимому занятию, и теперь я радуюсь тому, что могу исполнить[6*] ее горячее желание.

Это было вчера... Какую изумленную физиономию сделал наш [главноуправляющий] шеф[7*], когда узнал, что я бросаю службу. А когда я объявил[8*] ему о цели, с которою я делаю это, он просто разинул рот.

— Из любви к искусству?... Мм... подавайте прошение.

И не сказал больше ничего, повернулся и ушел. Но мне ничего больше и не было нужно. Я свободен, я художник! Не верх ли это счастья.

Мне захотелось уйти куда-нибудь подальше от людей и от Петербурга; я взял ялик и отправился на взморье. [Я чувствовал себя, как царь, возвращенный своим подданным.] Вода, небо, сверкающий вдали на солнце город, синие леса, окаймлявшие[9*] берега залива, верхушки мачт на кронштадтском рейде, десятки пролетавших мимо пароходов и скользивших парусных кораблей[10*] и лайб — все показалось мне в новом свете. Все это мое, все это в моей власти, все это я могу схватить, бросить на полотно и поставить перед изумленною силою искусства толпою. Правда, не следовало бы продавать шкуру не убитого медведя[11*]; пока я еще[12*] не бог знает какой великий художник, [но что я буду им, о, может ли в этом быть сомнение.]

Ялик быстро разрезал гладь воды. Яличник, рослый, здоровый и красивый парень в красной рубахе, без устали работал веслами; он нагибался вперед и откидывался назад[13*], сильно подвигая[14*] лодку при каждом движении. Солнце закатывалось и так эффектно играло на его лице и на красной рубахе, что мне захотелось набросать его красками. Маленький ящик с красками и холстиками[15*] всегда при мне; [спасибо Фортуни за то, что выдумал его.]

— Перестань грести, посиди минутку смирно; я тебя напишу,— сказал я.

[1*] Счастье [2*]не стыдно ли [3*]оставила наследство [4*]бросить службу [5*]вполне — *вписано* [6*] я радуюсь, между прочим, и тому, что исполняю [7*]шеф — *вписано редактором*; *ОЗ* — наш шеф [8*]объяснил [9*]окаймившие [10*]пролетавших пароходов и скользивших мимо меня парусных кораблей [11*]еще не убитого медведя [12*]ведь пока я — еще [13*] он то нагибался вперед, то откидывался назад [14*]подвигал [15*]с холстиками, красками и кистями

Он бросил весла.

— Ты сядь так, будто весла заносишь.

Он взялся за весла, взмахнул ими, как крыльями[16*], и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал контур[17*] и принялся писать. С каким-то особенным чувством[18*] я мешал[19*] краски. Я знал, что ничто не оторвет меня от них уже всю жизнь.

Яличник скоро начал уставать; его удалое выражение лица сменилось[20*] вялым и скучным. Он стал зевать и один раз даже утер рукавом лицо, для чего ему нужно было наклониться головой к веслу. Складки рубахи совершенно изменились[21*]. Такая досада! Терпеть не могу, когда натура шевелится.

— Сиди, братец, смирнее.

Он усмехнулся.

— Чего ты смеешься?

Он[22*] конфузливо ухмыльнулся и сказал:

— Да чудно, барин...

— Чего ж чудно?[23*]

— Да нешто[24*] я редкостный какой, что меня писать. Будто картину какую.

— Картина и будет, друг любезный.

— На что ж она вам?

— Для ученья. Вот попишу, попишу маленькие, буду и большие писать.

— Большие?

— [Какие хочешь,] хоть в три сажени.

Он помолчал[25*].— Что ж, поэтому вы и образа можете?— серьезно спросил он[26*].

— Могу и образа, только я не пишу их, а все больше картины[27*].

— Так.— Он задумался и снова спросил:

— На что ж они?

— Что такое?

— Картины эти...

Конечно, я не стал читать ему лекции о значении искусства, я только[28*] сказал, что за эти картины платят хорошие деньги, рублей по восемьсот, по тысяче[29*] и больше. Яличник был совершенно удовлетворен и больше не заговаривал. Этюд вышел прекрасный (очень красивы эти горячие тона освещенного солнцем[30*] кумача), и я возвратился домой совершенно счастливый.

II

РЯБИНИН

Передо мной стоит в натянутом положении старик Тарас, натурщик, которому профессор Н. велел положить «рука на голова»[31*], потому что это «ошень классишеский поза»; вокруг меня целая толпа товарищей, так же как и я сидящих перед мольбертами с палитрами и кистями в руках. Впереди всех Дедов, хотя и пейзажист, но очень усердно[32*] пишет Тараса. В классе запах красок, масла и терпентина[33*] и мертвая тишина. Каждые полчаса Тарасу дается отдых, он садится на край деревянного ящика, служащего ему пьедесталом, и из «натуры» превращается в обыкновенного

[16*]как птица крыльями [17*]набросал карандашом контур [18*]особенным радостным чувством [19*] *Далее вачеркнуто*: сегодня [20*]скоро сменилось [21*] совсем пропали [22*] *Далее вачеркнуто*: как-то [23*]Чего же тебе чудно? [24*]нешто *вписано вместо вачеркнутого*: будто [25*]помолчал и потом серьезно спросил [26*] Что ж, вы поэтому и образа можете? [27*] только я пишу картины [28*] а только [29*]по тысяче, по две [30*]эти горячие оны освещенного заходящим солнцем [31*]«рука на галава» [32*]но усердно [33*]масла, терпентина

голого старика, разминает свои оцепеневшие от долгой неподвижности руки и ноги, обходится без помощи носового платка и проч. [и проч.] Ученики толпятся[34*] около мольбертов, рассматривая работы друг друга. У моего мольберта всегда толпа; я очень способный ученик Академии и подаю огромные надежды сделаться одним из «наших корифеев», по счастливому выражению известного художественного критика г. В. С., который уже давно сказал, что «из Рябинина выйдет толк». Вот отчего все смотрят на мою работу.

Через пять минут всё[35*] снова усаживается на места, Тарас влезает на пьедестал, кладет руку на голову, и мы мажем, мажем... И так каждый день.

Скучно? Не правда ли[36*]. Да я и сам давно убедился в том, что все это очень скучно. Но как локомотиву с открытою паропроводною трубою предстоит одно из двух: катиться по рельсам, до тех пор пока не истощится пар, или, соскочив с них, превратиться из стройного железномедного чудовища в груду обломков, так и мне... Я на рельсах, они плотно охватывают[37*] мои колеса, и если я сойду с них, что тогда? Я должен во что бы то ни стало[38*] докатиться до станции. Станция[39*] представляется мне какой-то черной дырой, в которой ничего не разберешь. Другие говорят, что это[40*] художественная деятельность; что это нечто художественное — спора нет, но что это деятельность...

Когда я хожу по выставке и смотрю на картины, я прежде всего вижу в них то, что они [в сущности] не что иное как холст, на котором[41*] наложены краски, расположенные таким образом, что они образуют впечатления[42*], подобные впечатлениям от различных предметов. Люди ходят и удивляются, как это они, краски, так хитро расположены. И больше ничего. Написаны целые книги, целые горы книг об этом предмете; многие из них я прочитал[43*]. Но из Тэнов[44*], Куглеров и всех, писавших об искусстве, до Прудона включительно, не явствует ничего. Они все толкуют[45*] о том, какое значение имеет искусство, а в моей голове[46*] непременно шевелится мысль: если оно имеет его. Я не видел хорошего влияния хорошей картины на человека; зачем же мне верить, что оно есть?

Зачем верить? Верить-то мне нужно, необходимо нужно; но *как* поверить? Как убедиться в том, что всю свою жизнь не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо еще, если только любопытству, а не чему-нибудь иному, возбуждению скверных инстинктов, например) и тщеславию какого-нибудь разбогатевшего желудка на ногах, который не спеша подойдет к моей [вымученной[47*]], выстраданной, дорогой мне[48*] картине, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, пробурчит: «мм... ничего себе», сунет руку в оттопырившийся карман, бросит мне несколько сот рублей и унесет ее от меня... Унесет вместе с волнением, с бессонными ночами, огорчениями[49*] и радостями, с обольщениями и разочарованиями. И снова ходишь [как неприкаянный,] одинокий среди толпы. Машинально рисуешь натурщика вечером, машинально пишешь его утром, возбуждая удивление профессоров и товарищей быстрыми успехами. Зачем делаешь все это? куда идешь?[50*]

Вот уже два[51*] месяца прошло с тех пор, как я продал свою последнюю картинку, а у меня[52*] еще нет никакой мысли для новой. Если бы выплыло что-нибудь в голове, хорошо было бы... Несколько времени полного забвения: ушел бы в картину, как в монастырь, думал бы только о ней одной. Вопросы «куда?», «зачем?» во время работы исчезают: в голове одна мысль,

---

[34*] теснятся [35*]*Далее вачеркнуто*: опять [36*] Скучно, не правда ли? [37*]обхватывают [38*] во что бы то ни стало — *вписано* [39*]до станции, несмотря на то, что она, эта станция [40*]что это будет [41*] на картины, что я вижу в них? Холст, на который [42*]*Далее вачеркнуто*: сходные с [43*]я читал [44*]Тэнов, Карьеров [45*]Они толкуют [46*]голове, при чтении их, [47*]к моей пережитой [48*]дорогой [49*]с огорчениями [50*]все это, куда идешь? [51*]четыре [52*]у меня *вписано вместо вачеркнутого*: в голове

одна цель, и приведение ее в исполнение доставляет[53*] наслаждение[54*]. Картина — это мир[55*], в котором живешь и перед которым отвечаешь. Здесь исчезает житейская нравственность: ты создаешь себе новую в своем новом мире и в нем[56*] чувствуешь[57*] свою правоту, достоинство или ничтожество и недостатки[58*] по-своему, независимо от жизни.

Но писать всегда нельзя. Вечером, когда сумерки перервут работу, вернешься в жизнь и снова слышишь вопрос[59*] «зачем?», не дающий уснуть, заставляющий ворочаться на постели в жару, смотреть в темноту, как будто бы где-нибудь в ней написан ответ. И засыпаешь[60*] мертвым сном, чтобы утром опуститься[61*] в другой мир сна, в котором живут только выходящие из тебя самого образы, складывающиеся и проясняющиеся перед тобою на полотне.

— Что вы не работаете, Рябинин?— громко спросил меня сосед.

Я такзадумался, что вздрогнул, когда услышал[62*] этот вопрос. Рука с палитрой опустилась; пола сюртука попала в краски и вся измазалась[63*], кисти лежали на полу. Я взглянул на этюд; он был окончен[64*] и хорошо кончен: Тарас стоял на полотне как живой.

— Я кончил,— ответил я соседу.

Кончился и класс. Натурщик[65*] сошел с ящика и одевался; все собирали[66*] свои принадлежности. Подошли ко мне[67*], похвалили.

— Медаль, медаль... Лучший этюд,— говорили некоторые. Другие молчали: художники не[68*] любят хвалить друг друга.

III
ДЕДОВ

Кажется мне, я пользуюсь между учениками[69*] уважением; конечно, не без того, чтобы на это не оказывал влияния мой сравнительно с ними солидный возраст: во всей Академии только один Вольский старше меня. Да, искусство обладает удивительною притягательною силою[70*]. Этот Вольский — отставной военный[71*], господин лет сорока пяти, с совершенно седою головою[72*]; поступить в таких летах в Академию, снова начать учиться, разве это не подвиг? Но он упорно работает: летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду, с каким-то самоотвержением; зимой, когда светло, постоянно пишет, а вечером рисует. В два года он сделал большие успехи, несмотря на то, что судьба не наградила его особенным[73*] талантом.

Вот Рябинин — другое дело: чертовски талантливая натура, но лентяй[74*] ужасный. Я не думаю, чтобы из него вышло что-нибудь серьезное, хотя все молодые художники[75*] его поклонники. Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам. Пишет лапти, онучи и полушубки, как будто бы мы не насмотрелись[76*] на них в натуре. А что главное[77*], он почти не работает. Иногда засядет и в месяц кончит картинку, о которой все кричат, как о чуде, находя, впрочем, что техника слабовата[78*] (по-моему, техника у него очень, очень плоха[79*]); а потом бросит писать даже этюды, ходит мрачный и ни с кем не скажет ни слова[80*], даже со мной, хотя от меня он удаляется, кажется, меньше[81*],

---

[53*] *Далее зачеркнуто*: спокойствие [54*] *Далее зачеркнуто*: Тогда живешь [55*] Картина —мир [56*] *Далее зачеркнуто*: по-своему [57*] *Далее зачеркнуто*: себя правым и виноватым [58*] ничтожество и ложь [59*] вечный вопрос [60*] засыпаешь под утро [61*] чтобы, проснувшись, опуститься [62*] услыхал [63*] вымазалась [64*] был кончен [65*] *Далее зачеркнуто*: оделся и [66*] все, шумя, собирали [67*] Поднялся говор. Подошли ко мне [68*] *Далее зачеркнуто*: не могут хва‹лить› [69*] между моими товарищами-учениками [70*] удивительной притягательной силой! [71*] офицер [72*] головой [73*] особенно большим [74*] но зато лентяй [75*] *Далее зачеркнуто*: от него [76*] не довольно насмотрелись [77*] *Далее зачеркнуто*: так [78*] оставляет желать лучшего [79*] очень и очень слаба [80*] ни с кем не разговаривает [81*] хотя, кажется, от меня он удаляется меньше

чем от других товарищей. Странный юноша! Удивительными мне кажутся эти люди, не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять, что ничто так не возвышает человека, как творчество.

Вчера я кончил картину, выставил, и сегодня уже спрашивали о цене. Дешевле 300 не отдам. А давали[82*] уже 250. Я такого мнения, что никогда не следует уступать с раз назначенной[83*] цены. Это доставляет уважение. А теперь тем более не уступлю, что картина непременно[84*] продастся; сюжет из ходких и симпатичный: зима, закат; черные стволы на первом плане резко выделяются на красном зареве. Так пишет К., и как они идут у него! В эту зиму[85*], говорят, до 20 000 заработал. Недурно! жить можно. Не понимаю, как это ухитряются бедствовать некоторые художники. Вот у К. ни один холстик не пропадает[86*], — все продается. Нужно только попроще[87*] относиться к делу: пока ты пишешь картину, ты художник, творец; написана она — ты торгаш, и чем ловче ты будешь вести дело[88*], тем лучше. Публика часто тоже норовит надуть нашего брата...

IV

РЯБИНИН

Я живу в пятнадцатой линии на Среднем проспекте и четыре раза в день прохожу по набережной, где пристают иностранные пароходы. Я люблю это место за его пестроту, оживление, толкотню и шум, и за то, что оно дало мне много материала. Здесь, смотря на[89*] поденщиков, таскающих кули, вертящих вороты[90*] и лебедки, возящих тележки со всякою кладью, я научился рисовать трудящегося человека.

Я шел домой с Дедовым, пейзажистом. Добрый и невинный, как сам пейзаж, человек и страшно[91*] влюблен в свое «искусство»[92*]. Вот для него так уж нет никаких сомнений — пишет, что видит: увидит реку и пишет реку, увидит болото с осокой[93*] и пишет болото с осокой[94*]. Зачем ему эта река и этот забор[95*], он никогда не думает[96*]. Он, кажется, образованный человек; по крайней мере кончил курс инженером. Службу бросил, благо явилось[97*] какое-то наследство, дающее ему возможность существовать без труда. Теперь он пишет и пишет; летом сидит с утра до вечера в поле или лесу[98*] за этюдами, зимой без устали компонует закаты, восходы, полдни, начала и концы дождя, зимы, весны и пр. и пр.[99*] Инженерство свое забыл и не жалеет об этом. Только когда мы проходим мимо пристани, он часто объясняет мне значение огромных чугунных и стальных масс — частей машин, котлов и проч.[100*], выгруженных с парохода на берег.

— Посмотрите, какой котлище притащили, — сказал он мне вчера, ударив в звонкий котел тростью[101*].

— Неужели у нас не умеют их делать? — спросил я.

— Делают и у нас, да мало, не хватает на Россию[102*]. Видите, какую кучу привезли. И скверная работа; придется здесь чинить его[103*]: видите, шов расходится?.. Вот тут[104*] заклепки расшатались... Знаете ли, как эта штука делается: это, я вам скажу, адская работа. Человек садится в котел и изнутри держит заклепку щипцами[105*], что есть силы напирая на них грудью, а снаружи мастер [дует] [106*] по заклепке молотом, чтобы сделать[107*] вот такую шляпку.

[82*]Давали [83*] отступить от раз назначенной [84*] наверно [85*]В одну эту зиму [86*]даром не пропадает [87*]прямое [88*]дело — *вписано вместо зачеркнутого*: себя [89*] *Далее начато*: раб‹очих› [90*]ворота́ [91*]страстно [92*]искусство [93*]с осокою [94*]с осокою [95*]и это болото [96*]не задумывается; *далее начато*: Кажет‹ся› [97*]Службу бросил, благо явилось — *вписано вместо зачеркнутого*: Не служит; получил [98*]на поле или в лесу [99*]и прочее [100*]котлов и разных разностей [101*]ударив тростью в звонкий котел [102*]не хватает. [03*]чинить [104*]тут тоже [105*]и держит заклепку изнутри клещами [106*]колотит [107*]и выделывает

Он показал мне на длинный ряд выпуклых металлических кружков на котле[108*].

— Да ведь[109*] это все равно, что по груди бить, [— закричал я].

— Все равно. Я раз попробовал было забраться в котел, так после четырех заклепок еле выбрался. Совсем грудь разбило[110*]. А эти как-то ухитряются привыкать. Правда, и мрут же они[111*], как мухи. Год-два[112*] вынесет, а потом, если и жив, то уже никуда не годится[113*]. Извольте-ка целый день выносить удары здоровенного молота по груди[114*], да еще в котле, в духоте, согнувшись в три погибели. Зимой железо мерзнет, холод, а он сидит или лежит на железе. Вот в том котле (видите, красный, узкий) так и сидеть нельзя; лежи на боку, да подставляй грудь. Трудная работа[115*] этим глухарям.

— Глухарям?

Ну да, рабочие их так прозвали. От этого трезвона они часто глохнут. И вы думаете, много они получают за такую каторжную работу? Гроши! Гривен шесть-семь на своих харчах в день...[116*] Сколько тяжелых впечатлений на этих[117*] заводах, Рябинин, если бы вы знали. Я так рад, что разделался с ними навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на все эти[118*] страдания... То ли дело с природою... Она не обижает, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплоатировать ее[119*]. Поглядите-ка[120*], каков сероватый тон[121*],— вдруг перебил он сам себя, показывая на уголок неба.— Пониже, вон там, под облачком... Прелесть... С зеленоватым оттенком. Ведь вот напиши такой[122*]— не поверят. А ведь недурно, а?

Я выразил свое одобрение, хотя, по правде сказать, не видел никакой прелести в грязно-зеленом клочке петербургского неба, и перебил Дедова, снова начавшего[123*] восхищаться[124*] каким-то «тонком» около другого облачка.

— Скажите мне, где можно увидеть[125*] такого глухаря?

— Поедемте вместе на завод; я вам покажу всякую штуку. Если хотите, можно даже завтра... Да уж не вздумали ли вы[126*] писать этого глухаря? Бросьте, не стоит; неужели нет ничего повеселее? А на завод, если угодно[127*], хоть завтра.

На другой день[128*] мы поехали на завод и осмотрели все. Видели и глухаря. Он сидел, согнувшись в комок, в котле[129*] и подставлял свою грудь под удары молота. Я стоял перед ним[130*] полчаса; в эти полчаса молот поднялся и опустился сотни раз. Глухарь корчился. Я напишу его[131*].

V

ДЕДОВ

Рябинин выдумал такую глупость, что я не знаю, что о нем и подумать[132*]. Третьего дня я возил его на металлический[133*] завод; мы провели там целый день, осмотрели все, причем я объяснял ему всякие производства (к удивлению моему, я забыл очень немного[134*] из своей профессии); наконец, я привел его в котельное[135*] отделение. Там в это время работали над огромнейшим котлом, [сажали на него заклепки]. Рябинин влез в котел и полчаса смотрел, как рабочий[136*] держит заклепки щипцами[137*].

[108*]идущий по шву котла [109*]Дедов, ведь [110*]разбило грудь [111*]и мрут они [112*]*Далее начато*: вытер<пит> [113*]то редко куда-нибудь годен [114*]грудью [115*]*Первоначально было*: Трудно [116*]Гривен шесть-семь — *вписано вместо зачеркнутого*: Да рубль; *ОЗ* — Гроши! Потому что тут ни навыка, ни искусства не требуется, а только мясо... [117*]на всех этих [118*]на эти [119*]эксплоатировать ее, как мы, художники... [120*]Поглядите-ка, поглядите [121*]тон! [122*]так, ну, точно так [123*]Дедова, начавшего [124*]*Далее зачеркнуто*: еще [125*]посмотреть [126*]не вздумалось ли вам [127*]если хотите [128*]Сегодня [129*]в углу котла [130*]я смотрел на него [131*]Я его напишу [132*]об нем и думать [133*]металлический — *вписано* [134*]немного — *вписано вместо зачеркнутого*: мало [135*] котельное — *вписано вместо зачеркнутого*: машинное [136*]работник [137*]клещами

В. М. ГАРШИН СРЕДИ ДРУЗЕЙ-ХУДОЖНИКОВ

Фотография, Петербург, 1878

Слева направо стоят: А. И. Данилевский, И. Е. Крачковский, И. Ф. Селезнев. Сидят: Н. Г. Богданов, Е. Е. Волков, неизвестная, Е. Н. Евреинова, В. М. Гаршин

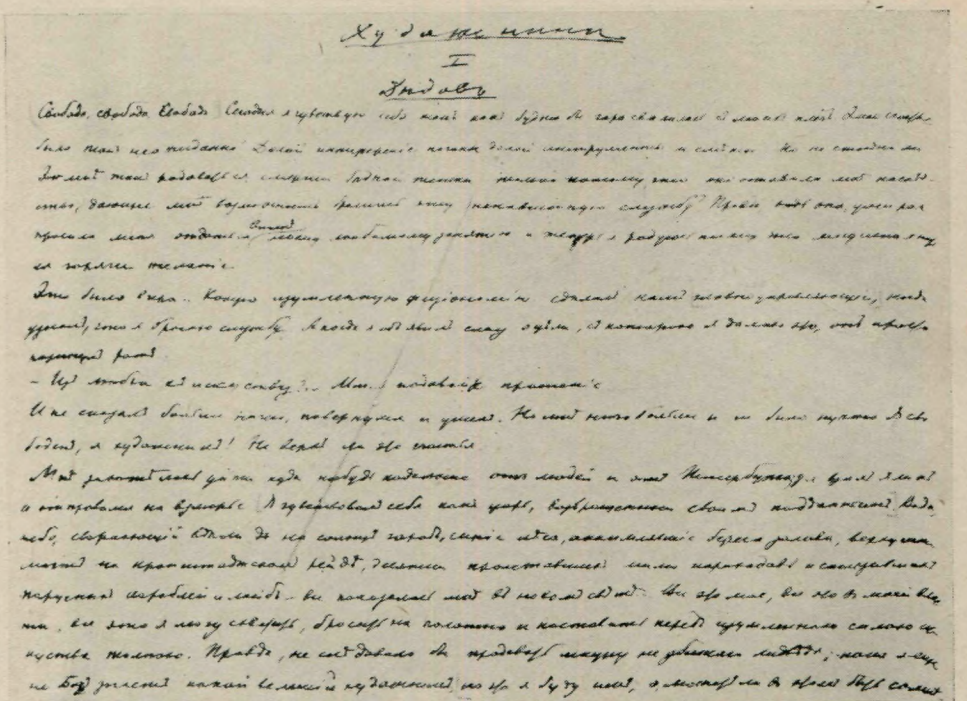
Литературный музей, Москва

Вылез оттуда бледный и расстроенный; всю дорогу назад молчал. А сегодня утром [138*] объявляет мне, что уже начал писать этого рабочего-глухаря. Что за идея! Что за поэзия в грязи. Здесь я могу сказать, никого и ничего не стесняясь, то, что [139*], конечно, не сказал бы при всех: по-моему вся эта мужичья полоса в искусстве — чистое уродство. Кому нужны эти пресловутые репинские «Бурлаки»? Нет спора, написаны они прекрасно [140*] но ведь и только. Где здесь красота, гармония, изящное? А не для воспроизведения ли изящного в природе и существует искусство.

То ли дело у меня. Вот уже немного осталось [141*] работы, и будет кончено мое тихое «Майское утро». Чуть колышется [142*] вода в пруде, ивы склонили на него ветви[143*]; восток загорается, мелкие перистые облака [144*] окрасились в розовый цвет. Женская фигурка идет с крутого берега за водой с ведром[145*], спугивая стаю уток. Вот и все; кажется, просто, а между тем я ясно чувствую, что поэзии в картине вышла пропасть. Вот это искусство! Оно настраивает человека на тихую, кроткую задумчи-

---

[138*]А сегодня [139*]то, чего [140*]Написаны они прекрасно, нет спора [141*]Еще несколько дней [142*]колышется — *вписано вместо вачеркнутого*: шевелится [143*]свои ветви [144*]облачка [145*]с ведром за водой



«ХУДОЖНИКИ»
Автограф В. М. Гаршина ⟨1879⟩. Лист первый
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

вость; смягчает душу. А Рябининский «Глухарь» ни на кого не подействует, потому что [146*] всякий постарается поскорее убежать от него, чтобы только не мозолить себе глаз одними этими [147*] безобразными тряпками и грязной рожей фигуры [148*]. Странное дело! Ведь вот в музыке не допускаются режущие ухо, неприятные созвучия, отчего же у нас, в живописи, можно воспроизводить положительно безобразные, отталкивающие образы? Нужно поговорить об этом с Л.; он напишет об этом статейку [149*] и кстати прокатит Рябинина за его картину. И сто́ит.

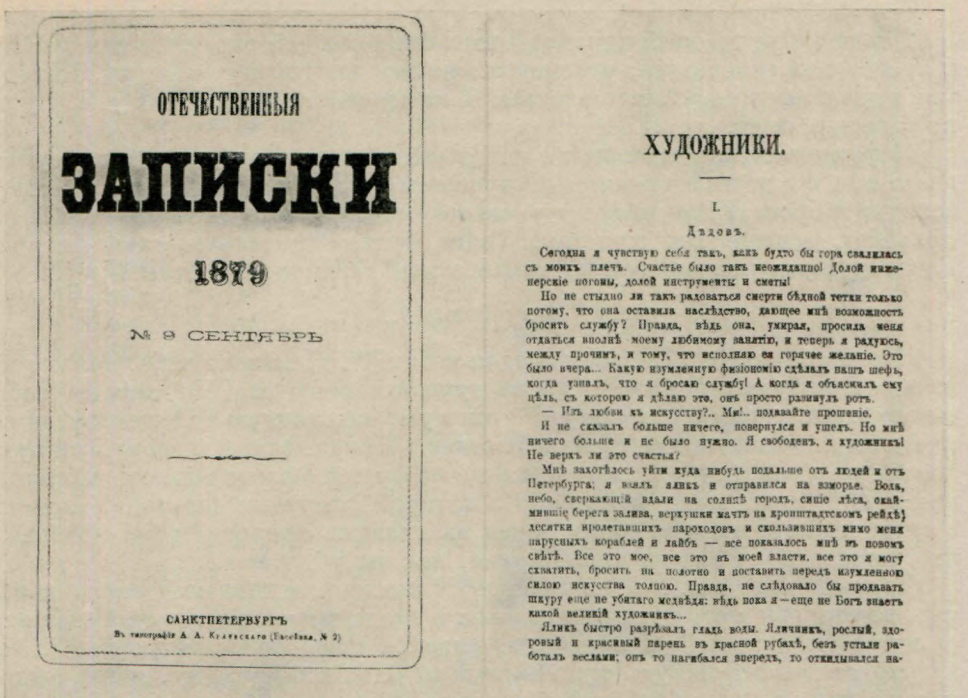
VI
РЯБИНИН

Уже [150*] две недели, как я перестал ходить в академию: сижу дома целые дни и пишу [151*]. Работа совершенно измучила меня, хотя идет успешно. Следовало бы сказать не хотя, а тем более [152*], что идет успешно. Чем ближе она подвигается к концу, тем все страшнее и страшнее то [153*], что я написал. И кажется мне [154*], что это моя последняя картина.

Вот он сидит передо мной в темном углу котла, скорчившийся в три погибели, одетый в лохмотья, [мокрый от пота] человек [155*]. Его совсем не было бы видно, если бы не свет, проходящий сквозь круглые дыры, просверленные для заклепок. Кружки этого света пестрят его одежду и лицо, светятся [156*] на его лохмотьях, на всклокоченных и закопченных волосах и бороде [157*],

---

[146*]уже потому, что [147*]глаза этими [148*]и этой грязной рожей [149*]напишет статейку [150*]*Было начато*: Вот уже [151*]сижу дома и пишу [152*] не *хотя*, а *тем более* [153*]страшнее кажется мне то [154*]мне еще [155*]задыхающийся от усталости человек [156*]светятся золотыми пятнами [157*]на всклоченной и закопченной бороде и волосах



ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1879

№ 9 СЕНТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ХУДОЖНИКИ.

I.

Дедовъ.

Сегодня я чувствую себя такъ, какъ будто бы гора свалилась съ моихъ плечъ. Счастье было такъ неожиданно! Долой инженерскіе погоны, долой инструменты и сметы!

Но не стыдно ли такъ радоваться смерти бѣдной тетки только потому, что она оставила наслѣдство, дающее мнѣ возможность бросить службу? Правда, вѣдь она, умирая, просила меня отдаться вполнѣ моему любимому занятію, и теперь я радуюсь, между прочимъ, и тому, что исполняю ея горячее желаніе. Это было вчера... Какую изумленную физіономію сдѣлалъ нашъ шефъ, когда узналъ, что я бросаю службу! А когда я объяснилъ ему цѣль, съ которою я дѣлаю это, онъ просто разинулъ ротъ.

— Изъ любви къ искусству?.. Мм!.. позвольте прошенье.

И не сказалъ больше ничего, повернулся и ушелъ. Но мнѣ ничего больше и не было нужно. Я свободенъ, я художникъ! Не верхъ ли это счастья?

Мнѣ захотѣлось уйти куда нибудь подальше отъ людей и отъ Петербурга; я взялъ яликъ и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающій вдали на солнцѣ городъ, синіе лѣса, окаймляющіе берега залива, верхушки мачтъ на кронштадтскомъ рейдѣ; десятки пролетавшихъ пароходовъ и скользившихъ мимо меня парусныхъ кораблей и лайбъ — все показалось мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Все это мое, все это въ моей власти, все это я могу схватить, бросить на полотно и поставить передъ изумленною силою искусства толпою. Правда, не слѣдовало бы продавать шкуру еще не убитаго медвѣдя: кѣдь пока я — еще не Богъ знаетъ какой великій художникъ...

Ялик быстро разрѣзалъ гладь воды. Яличникъ, рослый, здоровый и красивый парень въ красной рубахѣ, безъ устали работалъ веслами; онъ то нагибался впередъ, то откидывался на-

«ХУДОЖНИКИ»
Первая публикация рассказа В. М. Гаршина
«Отечественные записки», 1879, № 9
Обложка журнала и начало рассказа

на багрово-красном лице, по которому струится пот, смешанный с грязью, на жилистых надорванных руках и на измученной широкой и впалой груди. [Он приставил локти к этой груди и держит руками щипцы, напирая ими всею силою тела на заклепку] [158]*. Постоянно повторяющийся страшный удар[159]* обрушивается на котел и заставляет несчастного глухаря напрягать все свои силы, чтобы удержаться в своей невероятной позе. Насколько возможно [160]* было выразить это напряженное усилие, я выразил.

Иногда я кладу палитру и кисти и усаживаюсь подальше от картины, прямо против нее. Я доволен ею:, ничто мне так не удавалось, как эта ужасная вещь. Беда только в том, что это довольство не ласкает меня, а мучает. Это не написанная картина, это созревшая болезнь. Чем она разрешится ⟨я не знаю⟩ [161]*, но чувствую, что после этой картины мне нечего уже будет писать. Птицеловы, рыболовы, охотники со всякими экспрессиями и типичнейшими физиономиями [162]*, вся эта «богатая область жанра» — на что мне теперь она. Я ничем из всего этого не подействую, как [163]* этим глухарем, если только подействую...

Сделал опыт: позвал Дедова и показал ему картину. Он сказал только «ну, батенька!» и развел руками. Уселся, смотрел полчаса, потом молча [пожал мне руку] [164]* и ушел. Кажется, подействовало...[165]*

---

[158]**Далее зачеркнуто*: Насколько можно было выразить рисунком то стра⟨шное⟩ [159]**Первоначально было*: Страшный удар, постоянно повторяющийся страшный удар [160]*можно [161]*в автографе пропуск; *восстановлено по ОЗ* [162]**Далее зачеркнуто*: на что [163]*ничем уже не подействую так, как [164]**Первоначально было*: пожал руку; *ОЗ* — молча простился [165]*подействовало...Но ведь он все-таки художник

И я сижу перед своей картиной, и на меня она действует. Смотришь [166*] и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру. Иногда мне даже слышатся удары молота... Я от нее скоро сойду [167*] с ума. Нужно завесить ее [168*].

Полотно покрыло мольберт с картиной, а я все сижу перед ним, думая все о том же неопределенном и страшном, что так мучает меня. Солнце заходит и бросает косую желтую полосу света сквозь пыльные стекла на мольберт, завешенный холстом. Точно будто [169*] человеческая фигура. Точно дух земли в «Фаусте», как его изображают немецкие актеры.

Wer ruft mich?..

Кто позвал тебя? Я, я сам создал тебя [170*]. Я вызвал тебя, только не из какой-нибудь «сферы» [171*], а из душного [вонючего] [172*] котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту [173*] чистую, приличную [174*] ненавистную мне толпу, [ищущую приятных сюжетцев.] Приди, силою моей власти прикованный к полотну [175*], смотри с него на фраки, [белые жилеты] и трэны, крикни [176*] им: я Язва растущая, [с которой вместе вы гниете]. Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком [177*] во время их оргии... [178*] Убей их спокойствие, как ты убил мое...

Да, как бы не так... [179*] Картина [180*] кончена, вставлена в золотую раму; два сторожа потащат ее на головах в академию на выставку. И вот она стоит среди «полдней» и «закатов», рядом с «девочкой с кошкою» [181], недалеко от какого-нибудь трехсаженного «Иоанна Грозного, вонзающего посох в ногу Васьки Шибанова». Нельзя сказать, чтобы на нее не смотрели; будут смотреть и даже хвалить. Художники будут [182*] разбирать рисунок. Рецензенты [183*], прислушиваясь к ним, будут чиркать [184*] что-то карандашиками в своих записных [185*] книжках. Один г. В. С. выше заимствований; он смотрит, одобряет, превозносит, пожимает мне руку. Публика... Публика проходит мимо бесстрастно или с неприятной гримасой; дамы — те только скажут: «ah, comme il est laid, ce глухарь»— и проплывут [186*] к следующей картине, к «девочке с кошкою» [187*], смотря на которую [188*] произнесут «mais c'est joli»[189*], или что-нибудь подобное. Солидные господа с бычьими глазами поглазеют, опустят [190*] взоры в каталог, испустят не то мычанье, не то сопенье и благополучно проследуют далее[191*]. Художественный критик Л. с яростью набросится на бедного глухаря, будет кричать: «но где же тут изящное, скажите мне, где тут изящное», и разругает меня на все корки. И разве только какой-нибудь юноша или молодая девушка остановятся с вниманием [192*], прочтут в измученных глазах [193*], страдальчески смотрящих с полотна, вопль, вложенный мною в них [и перевернется молодая душа и обольется [194*] сердце кровью и тут же, быть может, перед этою картиною дастся безмолвная клятва].

Но довольно ли с меня этого? Юноша поймет мою картину, потому что и без нее в нем сильны добро и любовь и не мне учить его. Девушка и без меня давно научилась понимать страданье. Только потому они и остановятся перед картиной и прочувствуют перед нею то же, что чувствую теперь я.

[166*] *Было начато*: Находит на [167*] Я от него сойду [168*] его завесить [169*] Точно [170*] тебя здесь [171*] *Первоначально было*: из твоей «сферы» [172*] темного [173*] *Далее вачеркнуто*: глупую [174*] прилизанную [175*] *Далее вачеркнуто*: приди [176*] крикни — *вписано вместо вачеркнутого*: скажи [177*] призраком — *вписано вместо вачеркнутого*: страшным призраком [178*] во время их оргий...— *ОЗ* — нет [179*] *Далее вачеркнуто*: Ну вот [180*] *Далее вачеркнуто*: выставлена [181*] с кошкою» [182*] начнут [183*] *Далее вачеркнуто*: будут [184*] *Далее начато*: каранд‹ашиком› [185*] своих записных — *вписано* [186*] *Далее вачеркнуто*: мимо [187*] кошкой» [188*] *Далее вачеркнуто*: скажут [189*] скажут: «очень, очень мило» [190*] потупят [191*] *Красным карандашом указано*: *текст* Публика... ∞ проследуют далее *поместить ниже, после слов*: на все корки; *так в ОЗ* [192*] со вниманием [193*] *Далее вачеркнуто*: скорбно [194*] *Далее начато*: кровь‹ю›

Ну а дальше? Картина выставлена, куплена и увезена. Что же будет со мною? То, что я пережил в последние дни, погибнет ли бесследно? Кончится ли все только одним волненьем, после которого наступит отдых с исканием невинных сюжетов. Невинные сюжеты! Вдруг вспомнилось мне, как один знакомый мне хранитель [195*] галереи, составляя каталог, диктовал [196*] писцу:

— Мартынов, пиши! № 112. Первая любовная сцена: девушка срывает [197*] розу.

— Мартынов, пиши еще! [198*] № 113. Вторая любовная сцена: девушка нюхает розу.

Буду ли я [199*] по-прежнему нюхать розу или брошу это занятие? Сойду ли с рельсов? [200*]

VII
ДЕДОВ

Рябинин кончил [201*] своего «Глухаря» и сегодня позвал меня посмотреть. Я шел к нему с предвзятым мнением и, нужно согласиться, я должен был [202*] изменить его. Очень сильное впечатление. Рисунок прекрасный. Лепка рельефная [203*]. Картина без сомнения с достоинствами [204*], если бы не этот [205*] странный и дикий сюжет. Л. совершенно согласен со мною и на будущей неделе в газете « »[206*] появится его статья. Посмотрим, что скажет тогда Рябинин. Л-у будет трудно [207*] разобрать его картину со стороны техники, это правда, но он [208*] сумеет коснуться ее значения как произведения искусства [209*], которое не терпит, чтобы его низводили для служения [210*] каким-то [темным] [211*] и туманным идеям.

Сегодня Л. был у меня. Очень хвалил. Сделал несколько замечаний относительно разных мелочей, но в общем очень хвалил. Если бы профессора взглянули на мою картину его глазами! Неужели я не получу, наконец, того, к чему стремится каждый ученик академии — золотой медали? Медаль, четыре года жизни за границей, да еще на казенный счет, впереди — профессура... Нет, я не ошибся, бросив эту печальную будничную работу, грязную работу, где на каждом шагу натыкаешься на какого-нибудь Рябининского глухаря.

VIII
РЯБИНИН

Картина продана и увезена в Москву. Я получил за нее деньги и, по требованию товарищей, должен был устроить [выпивку] [212*] в «Вене». Не знаю, с каких пор это повелось, но почти все пирушки молодых художников происходят в угольном кабинете этой гостиницы. Кабинет этот — большая высокая комната с бронзовыми канделябрами и люстрою [213*], с коврами и мебелью, почерневшими от времени и табачного дыма, с роялем, много потрудившимся на своем веку под разгулявшимися пальцами импровизированных пианистов [214*]; только одно [215*] огромное зеркало ново, потому что оно переменяется [216*] дважды или трижды в году, всякий раз, как вместо художников в угольном номере [217*] кутят купчики.

[195*]знакомый хранитель [196*]крикнул [197*]срывает — *вписано вместо зачеркнутого*: нюхает [198*]еще пиши! [199*]*Первоначально было*: Тьфу! Буду ли я [200*]розу? Или сойду с рельсов? [201*]почти кончил [202*]нужно сказать, должен был [203*]*Далее:* Лучше всего это фантастическое и в то же время высокоистинное освещение. [204*]была бы с достоинствами [205*]только не этот [206*]*Название газеты в автографе не проставлено; ОЗ — нет ни названия, ни кавычек* [207*]конечно, будет трудно [208*]техники, но он [209*]искусства [210*]до служения [211*]низким [212*]устроить им увеселение [213*]с люстрой, с бронзовыми канделябрами [214*]пьянистов [215*]одно только [216*]*Далее зачеркнуто*: два или [217*]кабинете

Собралась целая куча народу: жанристы, пейзажисты и скульпторы, два молоденьких рецензента [218*] из каких-то маленьких газет, несколько посторонних лиц, начали пить; [разговоры лились рекой [219*].] Через полчаса всё было навеселе [220*]. И я тоже. Помню, что меня качали и я говорил речь. Потом целовался с рецензентом и пил с ним брудершафт... Пили, говорили и целовались много и разошлись по домам в четыре часа утра. Кажется, двое остались [221*] на ночлег в том же угольном номере гостиницы «Вена».

Я едва добрался домой и нераздетый бросился на постель, причем испытал что-то вроде качки на корабле; казалось, что комната качается и кружится вместе с постелью и мною. Это продолжалось минуты две; потом я уснул.

Уснул, спал и проснулся. Проснулся поздно [222*]. Голова болит, в тело точно свинцу налили. Я долго лежу, не раскрывая глаз [223*], а когда раскрываю их, то вижу мольберт — пустой, без картины. Он напоминает мне о пережитых днях, и вот все снова, сначала... Ах, боже мой, да надо же это кончить.

Голова болит больше и больше, туман наплывает на меня. Я засыпаю, просыпаюсь и снова засыпаю. И я не знаю, мертвая ли тишина вокруг меня или оглушительный шум, хаос звуков, необыкновенный, страшный для уха. [Он похож на тишину;] может быть, это и тишина, но в ней что-то звонит и стучит, вертится и летает. Точно огромный тысячесильный насос, выкачивающий [224*] воду из бездонной пропасти [225*], качается и шумит, и слышатся глухие раскаты падающей воды и удары машины. И над всем этим одна нота, бесконечная, тянущаяся, томящая. И мне хочется открыть глаза, встать, подойти к окну, раскрыть его [226*], услышать живые звуки, человеческий голос, стук дрожек, собачий лай и избавиться от этого вечного гама [227*]. Но сил нет. Я вчера был пьян. Глухарь напоил меня, и я должен лежать [228*] и слушать, слушать без конца.

И я просыпаюсь и снова засыпаю. Снова стучит и гремит где-то ближе, резче [229*] и определеннее. Удары приближаются и бьют вместе с моим пульсом. Во мне они, в моей голове, или вне меня? Звонко, резко, четко: раз-два, раз-два... Бьет по металлу и еще по чему-то мягкому [230*]. Я слышу ясно удары по чугуну, чугун гудит и дрожит. Молот сначала тупо звякает, как будто падает в вязкую массу, а потом бьет звонче и звонче и, наконец, как колокол, гудит огромный котел. Потом остановка, потом снова тихо, громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звон. Да, это так; сначала бьют по вязкому [231*], раскаленному железу, а потом оно застывает... И котел гудит, когда головка заклепки уже [232*] затвердела. Понял. Но те, другие мягкие звуки... [233*] Что это такое?

Я стараюсь понять, что это такое, но дымка застилает мне [234*] мозг. Кажется, что так легко припомнить, так и вертится в голове, мучительно близко вертится, а что именно, не знаю. Никак не схватишь... [235*] Пусть стучит, оставим это. Я знаю, но только не помню.

И шум увеличивается и уменьшается, то разрастаясь до чудовищных, оглушительных [236*] размеров, то точно исчезая [237*]. Мне кажется [238*], что не он исчезает, а я сам в это время не слышу [239*] ничего, не могу шевельнуть пальцем [240*] и рад бы двинуть рукою, крикнуть, но оцепенение охватыва-

---

[218*]два рецензента [219*]посторонних лиц. Начали пить и разговаривать [220*]все уже говорили разом, потому что все были навеселе [221*]расположились [222*]и проснулся очень поздно [223*]долго не могу раскрыть глаз [224*]*Первоначально было*: выкачивает [225*]*Далее вачеркнуто*: бесконечно [226*]*Далее вачеркнуто*: услыхать [227*]гама — *вписано вместо вачеркнутого*: грохота [228*]пьян. И я должен лежать [229*]резче, ближе [230*]и еще по чему-то [231*]вязкому — *вписано вместо вачеркнутого*: мягкому [232*]уже — *вписано* [233*]другие звуки... [234*]*Далее вачеркнуто*: глаза [235*]не схватить... [236*]до мучительно-чудовищных [237*]то будто бы совсем исчезая [238*]И кажется мне [239*]исчезаю куда-то, не слышу [240*]пальцем — *вачеркнуто, но без замены*

ет меня и ужас овладевает мною, и я просыпаюсь в жару [241*]. Просыпаюсь не совсем, а в какой-то другой сон. Кажется [242*] мне, что я опять на заводе, но не на том [243*], где был с Дедовым. Этот гораздо громаднее [244*] и мрачнее. Со всех сторон гигантские печи чудно́й, невиданной формы. Снопами вылетает из них пламя и коптит крышу и стены здания, уже давно [245*] черные, как уголь. Машины качаются и визжат, и я едва прохожу между ними [246*]; нигде ни души. Где-то стук и грохот: там-то идет работа. Там неистовый крик и неистовые удары; мне страшно идти туда, но что-то подхватывает меня [247*] и несет, и [248*] удары все громче и крики страшнее. И вот, все сливается в рев и я вижу. Странное [249*], безобразное существо корчится на земле от ударов, сыпящихся [250*] на него со всех сторон. Целая толпа бьет, кто чем попало. Тут все мои знакомые с [251*] остервенелыми лицами колотят молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибрал названия. Я знаю, что это все он же... Я кидаюсь, чтобы заступиться, чтобы освободить, хочу крикнуть [252*]: «перестаньте! за что?»— но вдруг [253*] вижу бледное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, как я сам, другой я сам, замахивается молотом, чтобы нанести неистовый удар,— и ярость овладевает мною, я кидаюсь, чтобы вцепиться в его горло, но молот опускается на мой череп... [254*] Все исчезло; некоторое время я сознавал еще мрак, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и сам исчез куда-то...

Рябинин лежал в совершенном беспамятстве до самого вечера. Наконец, хозяйка-чухонка, вспомнив, что жилец сегодня ни разу не выходил из комнаты, догадалась войти к нему и, увидев бедного юношу [255*], разметавшегося [256*] в сильнейшем жару и бормотавшего всякую [257*] чепуху, испугалась [258*], испустила какое-то восклицание на своем непонятном диалекте и послала девочку за доктором. Доктор посмотрел [259*], пощупал, послушал, помычал, присел к столу и, прописав рецепт, уехал, а Рябинин продолжал бредить и метаться.

IX
ДЕДОВ

Бедняга Рябинин заболел после вчерашнего кутежа. Я заходил к нему [после вчерашнего кутежа и совершенно напрасно, потому что он] лежит [260*] без памяти. Хозяйка ухаживает за ним. Я должен был дать ей денег, потому что у него в столе [261*] не оказалось ни копейки; не знаю, стащила ли [262*] проклятая баба или, может быть, все осталось в «Вене». Правда, кутнули вчера порядочно; было очень весело; мы с Рябининым пили брудершафт. Я пил также с Л. Прекрасная душа этот Л. и как понимает искусство. В своей последней статье он так прекрасно [263*] понял, что я хотел сказать своей картиной, как никто, за что я ему глубоко благодарен. Нужно написать для него [264*] маленькую вещицу, так что-нибудь à la Клевер, и подарить ему. Да, кстати, его зовут Александр; не завтра ли его именины?

[241*]пальцем, поднять веки, крикнуть. Оцепенение держит меня и ужас охватывает меня, и я просыпаюсь весь в жару [242*]Чудится [243*]только не на том [244*]громаднее — *вписано вместо зачеркнутого*: огромнее [245*]*Далее начато*: почер⟨невшие⟩ [246*]между вертящимися колесами и бегущими и дрожащими ремнями [247*]но меня подхватывает [248*]*Далее зачеркнуто*: я слышу [249*]Вижу: странное [250*]сыплющихся [251*]*Далее начато*: остервенев⟨ими⟩ [252*]Я кидаюсь вперед, хочу крикнуть [253*]и вдруг [254*]неистовый удар... Тогда молот опустился на мой череп. [255*]*Далее начато*: в силь⟨нейшем⟩ [256*]*Первоначально было*: разметавшимся; *ОЗ* — разметавшимся [257*]всякую — *вписано вместо зачеркнутого*: какую-то [258*]испугалась — *вписано* [259*]приехал, посмотрел [260*]Я заходил к нему и застал его лежащим [261*]в столе у Рябинина [262*]*Далее зачеркнуто*: все; *ОЗ* — стащила ли все [263*]тонко [264*]Нужно бы написать

Однако, бедному Рябинину может прийтись очень плохо: его большая конкурсная картина еще далеко не кончена, а срок уж не за горами. Если он проболеет с месяц, то не получит медали. Тогда — прощай заграница. Я очень рад одному, что, как пейзажист, не соперничаю с ним, а его товарищи, должно быть, таки потирают руки. И то сказать — одним местом больше. А Рябинина нельзя бросить на произвол судьбы: нужно свезти его в больницу.

X

РЯБИНИН

Сегодня, очнувшись после долгих [265*] дней беспамятства, я долго соображал, где я. Сначала даже не мог понять, что этот длинный белый [266*] сверток, лежавший перед моими глазами,— мое собственное тело, обернутое одеялом. С большим трудом повернув голову направо и налево, отчего у меня зашумело в ушах, я увидел слабо освещенную длинную палату, с двумя рядами постелей, на которых лежали закутанные фигуры больных; какого-то рыцаря в медных доспехах, стоявшего между больших окон с опущенными белыми шторами и оказавшегося просто [267*] большим [268*] умывальником, образ спасителя в углу, с слабо теплившеюся лампадкою, две колоссальные кафельные печи. Услышал я тихое, прерывистое дыхание соседа, клокотавшие вздохи больного, который лежал где-то [269*] подальше, еще чье-то мирное сопение и богатырский храп ⟨сторожа⟩ [270*], вероятно, приставленного дежурить у постели опасно [271*] больного, который, может быть, жив, а, может быть, уже и умер и лежит вместе с нами, так же как и мы, живые, на постели [272*].

«А я жив! [273*]— подумал я и даже прошептал эти слова [274*]. И вдруг то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывал с самого детства, нахлынуло на меня вместе с сознанием, что я далек от смерти, что впереди еще целая жизнь, которую я сумею [275*] повернуть по-своему (о, наверно, сумею), и я, хотя с трудом, повернулся на бок, поджал ноги, подложил ладонь под голову и заснул, точно так, как в детстве, когда, бывало, проснешься ночью возле спящей матери, когда в окно стучит ветер и в трубе жалобно воет буря и бревна дома стреляют, как из пистолета, от лютого мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь [276*] и желая разбудить мать, и она проснется, сквозь сон [277*] поцелует и перекрестит, и, успокоенный, свертываешься калачиком и засыпаешь с отрадой в маленькой душе.

Боже мой, как я ослабел! Сегодня попробовал встать и пройти от своей кровати к кровати моего визави [278*], какого-то выздоравливающего также от горячки студента [279*], и едва не свалился на полдороге. Но голова поправляется скорее тела. Когда я очнулся, я почти ничего не помнил, и приходилось с трудом вспоминать даже имена близких знакомых. Теперь все вернулось, но не как прошлая действительность, а как чудесный и мучительный сон [280*]. Теперь он меня не мучает, нет [281*] [Теперь я знаю, что я буду делать.]

Дедов сегодня притащил [282*] ко мне целый ворох газет, в которых расхваливается мой «Глухарь» и его «Утро». Один только Л. не похвалил ме-

---

[265*]многих [266*]*Далее зачеркнуто*: байковый [267*]*Далее начато*: медн⟨ым⟩ [268*]огромным медным [269*]лежавшего где-то [270*]сторожа — *в автографе пропущено*: *ОЗ* — храп сторожа [271*]опасного [272*]лежит здесь так же, как и мы, живые. [273*]Мы, живые... «Жив», [274*]это слово [275*]я наверно сумею [276*]*Далее зачеркнуто*: страстно [277*]сквозь сон — *вписано* [278*]соседа напротив [279*]какого-то студента, выздоравливающего от горячки [280*]а как сон [281*]нет. Старое прошло безвозвратно [282*]*Далее зачеркнуто*: ко

ня. Впрочем, теперь это все равно, это так далеко, далеко [283*]. За Дедова я очень рад: он получил большую золотую медаль и месяца через два [284*] уезжает за границу. Доволен и счастлив невероятно; сияет [285*], как масляный блин. Он спросил меня, намерен ли я конкурировать в будущем году, после того как теперь мне помешала болезнь. Нужно было видеть, как он открыл глаза, когда я ответил ему «нет».

— Серьезно?

— Совершенно серьезно [286*].

— Что же вы будете делать?

— А вот посмотрю.

Он ушел от меня в неописанном изумлении [287*].

XI
ДЕДОВ

Эти две недели я прожил в каком-то тумане и успокоился только сегодня [288*], сидя в вагоне Варшавской железной дороги. Я сам себе не верю: я — пенсионер Академии, художник, на четыре года едущий [289*] за границу совершенствоваться в искусстве! Vivat Academia!

Но Рябинин! Рябинин! Сегодня я встретился [290*] с ним на улице, усаживаясь с вещами в карету [291*]. «Поздравляю, говорит, и меня тоже поздравьте».— С чем же это? [292*] «Сейчас только выдержал экзамен в учительскую семинарию».

В учительскую семинарию! Художник, талант! Ну не сумасшедший ли он [293*].

Всеволод Гаршин

⟨1879⟩

[283*]все равно. Это так далеко, далеко от меня [284*]и скоро [285*]невыразимо; лицо сияет [286*]серьезно,— ответил я. [287*]в совершенном недоумении. [288*]прожил в тумане, волнении, нетерпении, и успокоился только сейчас [289*]едущий на четыре года [290*]виделся [291*]усаживаясь в карету, чтобы ехать на вокзал [292*]С чем это? [293*]талант! Да он пропадет, погибнет в деревне. Ну, не сумасшедший ли это человек? *Далее после отбивки и линейки, с красной строки*: На этот раз Дедов был прав: Рябинин, действительно, не преуспел. Но об этом — когда-нибудь после.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА К МАТЕРИ

Предисловие и публикация Е. М. Хмелевской

Мать писателя, Екатерина Степановна *Гаршина* (рожд. Акимова; 1828—1897) вышла замуж в 1848 г. Жизнь семьи сложилась несчастливо. Михаил Егорович Гаршин (1817—1870) страдал приступами психического расстройства и передал этот тяжелый недуг трем своим сыновьям (известно, однако, что случаи психоза наблюдались также и в семье Акимовых — см. «Русский евгенический журнал», т. I, вып. 3—4, М., 1924, с. 321—342).

В конце 1859 г. Екатерина Степановна уехала от мужа вместе с двумя старшими сыновьями, оставив маленького Всеволода у отца (последний сын ее, Евгений, родился уже в Петербурге). Больше трех лет Гаршин оставался в Старобельске, и только в 1863 г. мать взяла его к себе в Петербург (подробно о семейной драме Гаршиных и об ее влиянии на формирование внутреннего мира будущего писателя см.: Л. Ф. Филимонова. Истоки душевной трагедии В.М. Гаршина.— «Звенья», IX, М., Гослитмузей, 1951).

В 1871 г., после смерти мужа, Екатерина Степановна вернулась в Старобельск; Гаршин, в то время ученик и пансионер 7 реальной гимназии, оставался в Петербурге (*Гаршин III*, с. 417).

Письма к матери составляют большую часть эпистолярного наследия Гаршина (296 п., 1861—1888 — ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 61—72 и 185; кроме того, одно письмо хранится в ЦГАЛИ — ф. 137, он. 1, ед. хр. 9). Из писем матери к Гаршину сохранились лишь немногие: 38 п. (1862—1886) находятся в ИРЛИ (ф. 70, оп. 1, № 188 189 и 214), 2 п. (1883) — в ЦГАЛИ (ф. 137, оп. 2, ед. хр. 8).

В 1934 г. письма Гаршина к матери были опубликованы Ю. Г. Оксманом (*Гаршин III*; см. справку о них на с. 543—544 этого издания). Основной корпус публикации открывается письмом от 9 ноября 1874 г., а предшествующие ему детские и юношеские письма, написанные до окончания гимназии (23 февраля 1861 г.—6 мая 1874 г.), помещены в приложении. По неизвестным причинам в публикацию Ю. Г. Оксмана не вошли 12 писем, относящихся к периоду между 6 мая и 9 ноября 1874 г., т. е. к тому времени, когда Гаршин держал выпускные экзамены, готовился к поступлению в петербургский Горный институт (Институт горных инженеров) и начинал студенческую жизнь.

Письма эти, публикуемые ниже, не содержат существенно новых фактов биографии Гаршина, но являются необходимым дополнением к тому, что уже известно. Таковы, например, п. 11 и 12, в которых говорится о студенческих волнениях в Петербурге,— они предваряют другие письма, посвященные той же теме (*Гаршин III*, с. 19—23). О некоторых эпизодах жизни Гаршина, напротив, мы узнаем впервые именно из публикуемых писем, например, о его поездках в руководимую А. Я. Гердом колонию малолетних преступников (см. п. 3, 4, 6—8). Есть в них имена людей, не встречавшихся до сих пор в переписке Гаршина,— профессора П. В. Еремеева, артистов А. И. Барцала, А. П. Крутиковой, И. А. Мельникова, О. А. Петрова, В. И. Рааб, врача Н. Л. Гламы.

Все 12 писем публикуются по автографам (ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 63, л. 5—28) Ответные письма Е. С. Гаршиной не сохранились.

1

‹21 мая 1874 г. Петербург›

Дорогая мама!

Сегодня сдал экзамен из словесности (4, 4, 4). Уже сданы: русский язык, математика, французский язык, история, которые заняли *семь* экзаменов. Семь и осталось; какие — вы знаете.

Был я у Владимира Федоровича, справлялся о Жене [1]. Владимир Федорович советует мне, если вы хотите поместить Женю на казенный счет, отправиться к Кириллу Петровичу Яновскому (попечитель наш и Кронштадтской гимназии) и просить его о помещении Жени в Кронштадт; если же вы удовольствуетесь просто помещением Жени в пансион на свой счет, то идти в Ларинскую гимназию [2], где есть ваканции и где, если Женя не очень спустится (что он немного спустится, в этом я уверен), его примут на казенный счет.

Пишите мне как можно скорее: согласитесь ли вы бросить Женю совершенно на произвол судьбы в Кронштадте, или нет. Мне кажется, хлопотать о помещении в Кронштадт — просто безумие. Пишите скорей.

Письмо мое будет на этот раз очень коротко, потому что писать нечего, да и устал страшно. Сегодня мы провожали на кладбище нашего доктора Николая Леонтьевича Глама [3]. Не старый человек был, 42-х лет. В три дня скрутило воспаление легких; и схватил-то его из-за нашего лазарета. Он был болен, поехал в лазарет, простудился и заболел.

Уже совсем мало осталось до нашего свидания, дорогая мамаша! Сегодня 21 мая; через 24 дня у нас последний экзамен, а через 30 мы наверно увидимся. Я кладу 6 дней, потому что, как я вам уже писал, придется два-три дня прождать аттестата.

Володя [4] кланяется вам. Ему осталось только 3 экзамена; завтра кристаллография, потом богословие и геодезия. 30-го он едет с матерью в Усть-Сысольск.

До скорого свидания, дорогая мамаша! Крепко вас целую. Поклонитесь всем.

Ваш сын В. Гаршин

P.S. Лиза Пузино [5] кончила курс.

[1] Владимир Федорович *Эвальд* (1823—1891), директор 1 петербургского реального училища (б. 7 гимназии — см. наст. том, с. 251); Женя — Евгений Михайлович *Гаршин* (1860—1931), младший брат писателя, в то время жил с матерью в Старобельске, учился в местной прогимназии с 15 сентября 1871 г. (см. п. Е. С. Гаршиной к Гаршину от 21 сентября 1871 г.— ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 188, л. 39) и готовился к поступлению в среднее учебное заведение в Петербурге.

[2] 4 Ларинская мужская гимназия была открыта в Петербурге на Васильевском острове в 1836 г. на средства, оставленные купцом-меценатом П. Д. Лариным (1735—1778).

[3] Николай Леонтьевич (Николай Фридрих) *Глама* (1831—1874)— умер 17 мая и был похоронен на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге.

[4] Владимир Михайлович *Латкин* (1854 — после 1934), товарищ Гаршина по гимназии, а позднее — Горному институту. Окончил Институт в 1879 г., работал горным инженером, в 1934 г. был научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева. В Петербург Латкин приехал из Усть-Сысольска, где жила его семья.

[5] Елизавета Орестовна Пузино — одна из дочерей О. П. Пузино (см. п. 3, примеч. 6).

2

14 августа 1874 г. Петербург

Дорогая мама!

Дорога моя была неудачна; сидел сутки в Харькове, полсуток в Курске, столько же в Москве, так что в Питер добрался только вчера вечером. Приехал прямо к Мише [1], с которым и поселюсь. На мою долю придется

платить 5 р. в месяц; квартира, как видите, недорогая, а, главное, хозяева очень хорошие люди.

Вчера же пошел к Лизавете Ивановне. Приехал Василий Михайлович; в пятницу они повенчаются, в субботу едут в Усть-Сысольск [2].

Как думаешь, читатель мой?
На радость или горе? [3]

Он очень изменился.

Сегодня придется побывать во многих местах; завтра сяду за работу.

Чтобы обеспечить себя относительно исхода экзамена, пошлю прошение и в Петровскую академию [4]. Если здесь не выгорит (впрочем, выгорит наверное), так в Москву... Если бы Петровская академия была здесь, я не колебался бы нисколько и прямо поступил бы в нее. Кстати, туда меня примут без всякого поверочного экзамена.

Пишите мне о «домашних обстоятельствах». Были ли Жорж с Глафирой Васильевной у Филипповых [5]?

Об аренде пишите. Если земля будет отдана Голубу, у меня в шесть лет не будет минуты спокойной. Как хотите, мама, я все-таки повторю, что не отнимать земли у крестьян — наш нравственный долг; лучше тридцать раз надуть такого кулака-кровопийцу, как Иван Иванович, чем отнимать кусок хлеба у целой деревни. Скажите ему, когда будете окончательно объясняться, что я решительно не согласен на сделки с ним. Что хохол Голуб будет меньше истощать землю, чем крестьяне, пашущие сохами и кладущие удобренье,— это решительный абсурд, и хоть бы десять Старобельсков говорили мне, я не поверю; это противно здравому смыслу, конечно не хохлацкому [6].

Дорогая мама, тяжело мне теперь. Неизвестность того, что дома делается,— мучает. Ах, Жорж, бедный! Кланяйтесь им.

Буду писать больше, когда побываю везде, главное в институте. Варенье снесу сегодня, скажите это Авдотье Максимовне [7].

До свиданья, дорогая, милая мама. Женю поцелуйте. Вас крепко любящий, целую вас.

В. Гаршин

Выздоравливает ли Раиса Всеволодовна [8]?

[1] О М. Е. Малышеве см. наст. том, с. 248—250.

[2] Елизавета Ивановна *Трунева* (1853 — ?) упоминалась в письмах Гаршина к матери еще в 1872 г. (см.: *Гаршин III*, с. 423, 435). Василий Михайлович Латкин, ее будущий муж — брат товарища Гаршина, Вл. М. Латкина (см. п. 1, примеч. 4), член, впоследствии председатель Усть-Сысольской земской управы.

[3] Последние строки стихотворения Н. А. Некрасова «Прекрасная партия» (1852). Сомнения Гаршина оправдались. Латкины разошлись в 1876 г. (см. наст. том, с. 230).

[4] Петровская земледельческая и лесная академия, основанная в 1865 г., находилась близ Москвы, в казенном имении Петровское-Разумовское (ныне Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева). Для поступления туда требовалось только свидетельство об окончании полного гимназического курса. Экзамены же проводились лишь при переходе с одного курса на другой.

[5] Жорж — Георгий (Егор) Михайлович *Гаршин* (1849—1895), старший брат писателя. Был (с 1876 г.) секретарем съезда мировых судей Старобельского мирового округа, судебным следователем в Старобельске, затем в Харькове и Мстиславе. Окончил жизнь самоубийством. Глафира Васильевна — его первая жена. Филипповы — вероятно, семья Дм. Ив. Филиппова, председателя съезда мировых судей и почетного мирового суда в Старобельске.

[6] В 12 верстах от Старобельска находилось небольшое имение Гаршиных, унаследованное ими после смерти отца. Земля этого имения отдавалась в аренду, и арендные деньги Е. С. Гаршина делила между сыновьями. Очевидно, до 1874 г. земля отдавалась в аренду крестьянам, на продолжении чего и настаивает Гаршин.

[7] Авдотья Максимовна — старобельская знакомая Гаршиных.

[8] О Р. В. Александровой см. наст. том, с. 213—214.

3

20 августа 1874 г. Петербург

Дорогая мама!

Письмо это уже второе; первое было от 14 [1]. Получили ли вы его? Я забыл написать, что адрес мой тот же, что я вам дал (2 линия, д. № 60, кв. № 7) [2].

Был я в Горном; экзамены отложили в долгий ящик, до 5 (физика) и 9 (математика) сентября. А лекции начнутся в этом году не раньше октября. Теперь готовлюсь к экзамену.

16 августа я был шафером у Лизаветы Ивановны Труневой, ныне Латкиной, а 18 они уехали оба в Усть-Сысольск. Очень тяжело мне было прощаться с Лизаветой Ивановной, я так привык к ней [3]. Теперь, быть может, и не увидимся более.

Сейчас же после экзаменов ретируюсь в Колонию [4] и буду там до начала лекций. В городе тоска ужасная: Володя еще долго не приедет, Лизавета Ивановна уехала, Александры Григорьевны [5] и Пузино [6] тоже еще нет.

Вася Афанасьев [7], несмотря на свои уроки (55, а с 15 августа 35 р. в месяц), в первый же раз как увидел меня, так и попросил 10 р. в долг. Погиб для меня Вася! Я имел осторожность не дать.

На Москву, кажется, плюну вовсе, ибо наверно поступлю в Горный. Вопреки ожиданию, желающих поступить туда в этом году вовсе немного, не больше 100.

Если вы или Женя увидите Ивана Семеновича Головинского, то скажите ему, что вышлю краски и лак при первой возможности [8]. Теперь сижу по целым дням за логарифмами. На счастье не надеюсь.

Как решен вопрос о бабушке? [9] Пишите скорее, милая мама; вот уже двенадцать дней, как мы простились, и я ничего не знаю о вас. У меня на сердце постоянно тяжело, а когда еще Лизавета Ивановна уезжала, я чуть не разревелся. Как будто бы над головою меч Дамоклов висит. Скверно.

Буду писать к вам ровно 5 раз в месяц: 2, 8, 14, 20, 26 числа.

В городе перемен множество. Постройки повсюду. Сад Александровский (Адмиралтейский) открыт; что это за прелесть! Впрочем на 70.000 р. можно сделать что-нибудь. Везде цветы и цветы.

Погода скверная, на дворе холодно, дождь, в голове дурацкие синусы, косинусы и страшная неизвестность. Нестерпимо гадко. Хоть бы приехал Володя что ли. До свиданья, дорогая мама. Крепко вас целую. Женю поцелуйте. Жоржу и Глафире Васильевне кланяйтесь.

Ваш В. Гаршин

[1] См. п. 2.

[2] В адресе допущена ошибка: по 2 линии Васильевского острова стоят дома только с нечетными номерами.

[3] См. п. 2, примеч. 2.

[4] Земледельческая колония для малолетних преступников была открыта в конце 1871 г. в Петербурге на Охте, за Пороховыми заводами. Во главе ее стоял А. Я. Герд (см. ниже п. 4, примеч. 1). В конце 1874 г. его заменил П. А. Ровинский. Оба эти педагога создали из колонии выдающееся учебно-воспитательное заведение. В 1876 г. в колонии побывал Ф. М. Достоевский и посвятил ей один из разделов «Дневника писателя». Указав замеченные им достижения и недостатки, писатель заключил: «... я простился с колонией с отрадным впечатлением в душе» (Январь. Глава вторая, раздел III). Гаршин ездил в колонию, как на дачу.

[5] Александра Григорьевна *Маркелова* (ок. 1835—1916) — детская писательница, переводчица и публицистка, в молодости — член Слепцовской коммуны. Жена фотографа В. А. Каррика. Близкая знакомая семьи Гаршиных, постоянно упоминается в письмах Гаршина к матери (см.: *Гаршин III*, именной указатель).

[6] Семья Пузино состояла в дальнем родстве с Акимовыми — семьей матери писателя. Членами семьи Пузино были: Орест Поликарпович (1819—1891), в то время контр-адмирал; Шарлотта Самойловна (ум. 1893 г.), его жена; их дочери — Ольга,

Вера, Евгения, Екатерина, Елизавета и Юлия; сыновья — Александр, Константин (ум. 1884 г.) и Николай.

[7] Василий Назарович *Афанасьев* (185? — 1896), товарищ Гаршина по реальной гимназии, а затем по Горному институту. В апреле 1877 г. он вместе с Гаршиным оставил институт и поехал добровольцем в действующую армию, где они были зачислены в 138 пехотный Болховский полк.

[8] Иван Семенович Головинский — член дворянской опеки Старобельского уезда. О неудавшейся посылке ему лака и красок см. п. 4 и 8.

[9] Бабушка — Александра Степановна *Акимова* (рожд. Соловьева; ум. 1881 г.), мать Е. С. Гаршиной. Жила с одним из своих сыновей, а потом переехала к дочери.

4

29 августа 1874 г. Петербург

Дорогая мама!

Простите, что пишу на такой скверной бумаге (почтовая не случилась) и за то, что не исполнил обещание писать через 6 дней. Дело в том, что я целую неделю пробыл у Гердов [1], а оттуда писать неудобно. Оба ваши письма получил и завтра вышлю доверенность; надо еще получить удостоверение в личности от полиции [2].

Экзамены будут, как я писал, 5 и 11 сентября, желающих 200, вакансий —100. Как видите, поработать надо. Если не выдержу, чего боже сохрани, так останусь вольнослушателем, а в будущем году буду снова держать повторные экзамены.

Очень я рад, что отдаете землю мужикам [3].

Вы пишете, что Женя затрудняется математикой. Еще бы! Курса III класса он почти не знает, благодаря Трясуну [4]. Мне один раз довелось показать ему. Так что теперь у них легко будет учиться математике только тому, кто формулы и выводы будет задалбливать; следовательно, не Жене. Взял бы он Сомова или Давидова [5], да сам бы разобрал прошлогодний курс сначала и снова; было бы легче. Впрочем, совет хорош, но неудобен; я думаю, что долбни и без этого бездна.

Александр Яковлевич кланяется Александре Федоровне [6]. Карточку его я пришлю, когда будет. Работы у него, бедного, бездна такая; и работа страшная, напряжение постоянное, так как он всякую неудачу близко к сердцу принимает. Заставил бы я драгоценного И.И. работать так! [7]

Маркелова живет вкупе с Карриком на Морской, в фотографии; там приняняли другую квартиру по одной лестнице [8]. Петра Петровича ругает на чем свет стоит, а Виктории Тимофеевне удивляется [9]. Я тоже.

Вася Афанасьев вовсе исподличался [10]. Миша Малышев [11] влюблен снова, кажется, уже в седьмой раз. Алеша Афанасьев [12] отложил экзамен на офицера уже в третий раз, а Дроботухин [13]— в первый. Ленивые болваны.

Володя не приезжал. Какая славная его сестра Нина Михайловна. Добрая, умная. Всю неделю, когда я у них был, шел дождь страшный и мы сидели в комнате. Александр Яковлевич уходит на уроки, а мы говорим, говорим; *она ужасно любит разговаривать и как-то располагает других к тому же.*

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас, Жоржа, Женю.

Вас любящий Всеволод Гаршин

Ивану Семеновичу [14] скажите, или передайте, если можно, что краски высланы (если он не получил) и что у меня имеется расписка СПб. почтамта. Не написать ли мне?

В. Гаршин

Я и забыл, что бабушка приехала. Поцелуйте ее за меня.

Е. С. ГАРШИНА — МАТЬ ПИСАТЕЛЯ

Фотография Е. Лауферта, Петербург, 1862

На обороте — дарственная надпись Е. С Гаршиной сыну: «Другу моему Виктору от матери 1862 года. Екатерина Гаршина».

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[1] Александр Яковлевич *Герд* (1841—1888), прогрессивный общественный деятель, педагог, придерживавшийся трудовых методов обучения и воспитания, автор ряда книг и переводов по вопросам естествознания. Е. С. Гаршина была с ним знакома в молодости. В письме к Гаршину от 16 февраля 1872 г. она писала: «Я очень рада, что ты познакомился с А. Я. Гердом. Я его очень хорошо знала, он был в дни былые в числе деятелей, вместе с Николаем Утиным, Спасским, Гайдебуровым и проч. Много раз они собирались на моей квартире во время смуты 62 г., но тогда почти никто не знал моей фамилии. Я как теперь помню его большие голубые немного косые глаза, вследствие чего он и тогда носил очки ‹...› Герд один из немногих, уцелевших от того смутного времени: почти все или погибли в тундрах Севера, или стали благонамеренными гражданами» (ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 188, л. 58 об.— 59). Жена Герда — Антонина (Нина) Михайловна (1836—1906), была сестрой приятеля Гаршина Вл. М. Латкина, через которого и состоялось знакомство Гаршина с Гердами (см.: *Гаршин III*, с. 424).

[2] О сложностях, связанных с получением этого удостоверения, см. п. 5 и 6.

[3] См. п. 2, примеч. 6.

[4] Трясун — вероятно, прозвище учителя математики в Старобельске.

[5] Учебники по математике, авторами которых были: Иосиф Иванович *Сомов* (1815—1876), действительный член Академии наук по физико-математическому отделению, профессор Петербургского университета, и Август Юльевич *Давыдов* (1823—1885), профессор Московского университета по кафедре прикладной, позднее — чистой математики.

[6] Александра Федоровна — старобельская знакомая Гаршиных.

[7] Гаршин говорит о работе Я. А. Герда в колонии (см. п. 3). И. И.— вероятно Иван Иванович Голуб, о котором писатель так резко отзывается в п. 2.

[8] Об А. Г. Маркеловой см. п. 3, примеч. 5.

[9] Петр Петрович *Кончаловский* (1843—1904), в то время мировой судья в Купянском уезде Харьковской губ., и его жена Виктория Тимофеевна.

[10] См. п. 3, примеч. 7.

[11] См. п. 2, примеч. 1.

[12] Алексей Назарович Афанасьев — брат В. Н. Афанасьева.

[13] Григорий Григорьевич Дроботухин, родственник братьев Афанасьевых.

[14] См. п. 3, примеч. 8.

5

Петербург. 5 сентября 1874.
5 ч. пополудни

Дорогая мама!

Сейчас вернулся с экзамена физики, получив 5. Полдела сделано.

Доверенность выслать могу не раньше 9-го. Дело в том, что для засвидетельствования ее у нотариуса необходимо удостоверение в личности, которого без аттестата полиция не дает, несмотря на то что я прописан. Аттестат же из Горного мне не дадут раньше 9, то есть времени, когда решится, поступлю в институт или нет. Если не поступлю — дадут аттестат, поступлю — вид на жительство, с которым я и могу явиться в полицию.

Приписка к вашему письму меня вывела из себя. Будь я в положении Егора, я предложил бы Глафире Васильевне удалиться от отвратительной рожи; посоветуйте это ему и ей. Отвратительно [1].

Позвольте кончить письмо, дорогая мама! Экзамен ужасно утомил меня. С 9 до 4 я находился в возбужденном состоянии. Экзамены мешают мне исполнить обещание писать через 6 дней; после 9-го непременно буду строго соблюдать правила.

До свиданья. Целую братьев и бабушку.

Вас любящий В. Гаршин

Кстати счет деньгам:

Дорога	—38 (остановки сделали ее дороже)
Сапоги 1 пара больших и 1 ботинки на заказ	—19,75 (13 и 6¾)
Плед	—10
Обеды за август	—5
до 30 сентября	—7,50
Квартира за август и сентябрь	8
	88,25

Вычтя еще из остатка мелкие расходы, получаю денег не весьма много; впрочем до 1 октября всего хватит: за квартиру и стол заплочено, и деньги еще есть.

В институт внрсят 30 р. в год единовременно, около 1 октября.

Жду со дня на день Володю.

[1] О приписке Г. В. Гаршиной к письму, возмутившей писателя, говорится и в других письмах к матери. Вообще Гаршина чрезвычайно волновали нелады в семье его старшего брата (см. п. 6, 7).

6

11 сентября 1874. Петербург

Дорогая мама!

Вчера в 6 ч. сдал второй и последний экзамен; получил мало, всего 3, 16-го узна́ю, принят или нет; вернее первое, ибо Тиме [1] (профессор математики) никому больше 4 не ставил. Из физики у меня 5.

[Посылаю вам доверенность; раньше никак не мог, о чем я уже писал][2] «Русский вестник» искал на толкучке; одну книжку нашел, просят 2 рубля; всегда так дерут, если надо недостающую книжку журнала.

Сегодня исчезаю к Гердам; в городе делать нечего. Лекции начнутся 5 октября: впереди целый месяц свободный. Примусь хоть за английский язык. Работы покуда я себе не достал, но на примете есть.

У вас, я думаю, «борьба разразилась грозою»? Я удалил бы Глафиру Васильевну без всяких предисловий. Какою она сама рисует себя перед братом, описывая ему своего мужа, как негодного, отвратительного человека! [3] Содержанкою.

У Пузино бываю очень часто; близко, только переехать на ялике. Всего минут 15 ходьбы. Ольга Орестовна пополнела, Екатерина Орестовна не изменилась, Лиза выросла и сделалась почти хорошенькою, свежая и румяная. Старики оба совсем седые. Дети здоровы; Женя, совершенно поправившаяся, несколько дней тому назад схватила жабу; впрочем, и она поправляется. Александр Орестович вышел в отставку, живет у родителей и, в ожидании места по округу, бьет баклуши.

Вчера узнал настоящую цифру прошений, поданных в Институт горных инженеров,— 328.

Что вам еще сказать? Живем мы с Мишей дружно; хозяева люди отличные. Поступлю в Горный, работать буду как вол. Обещаюсь вам перейти одним из первых.

Пусть Жорж напишет мне, как имя и отчество Кисловского [4]; я сыщу его в адресном столе.

Фокков — женился!!! и назначен инспектором новой прогимназии (у Египетского моста). Вот идет-то человек! не Ренчицкому чета [5]. Инспектор прогимназии в Питере — вещь весьма важная.

До свиданья, дорогая мама! Давно ли мы прощались, а вот уж 5 недель прошло почти. Скоро время пройдет — свидимся. Эх, драгоценная Глафира Васильевна, на кой черт вы подвернулись! Жили бы мы теперь преблагополучно.

Ах, совсем забыл было. Скажите мне, прибежал ли назад наш драгоценный канцлер князь Бисмарк. Он нас проводил до самых Мостков, при въезде в которые отстал. Сообщите его судьбу Авдотье Павловне, чтобы она написала, когда будет писать Константину Павловичу; последний же поведает о сем предмете Шокотову [6]. Все мы весьма интересуемся несчастным псом.

Варенье Феофилактовым снес, но никого дома не застал. Теперь идти знакомиться уже неловко [7].

Целую вас, братьев, бабушку. Поклонитесь Авдотье Максимовне, Авдотье Павловне, Александровым [8].

Крепко целую вас.

Всеволод Гаршин

P.S. Сейчас был у нотариуса Рериха; отказал свидетельствовать, говорит, что надо наше (с вами) совместное пребывание (?). Расспросите хорошенько у Совенки или у Яблонского, в чем дело [9].

[1] Георгий Августович *Тиме* (1831—1910), профессор математики и прикладной механики в Горном институте.

[2] См. п. 4 и 5. Фраза зачеркнута в связи с обстоятельством, сообщенным в постскриптуме.

[3] См. п. 5 и примеч. 1 к нему.

[4] Кисловский — вероятно, Николай Васильевич Кислинский, товарищ старшего брата Гаршина, Егора; его имя встречается в последующих письмах к родным (*Гаршин III*, с. 569).

[5] Николай Федорович *Фокков* — преподаватель древних языков в 6 гимназии и в Училище правоведения в Петербурге. В 1870-х годах был окружным инспектором учебных заведений в Петербурге. Судя по письмам Е. С. Гаршиной к сыну, они были знакомы с ним. В конце 1871 и начале 1872 г. был проект перевода Фоккова в качестве инспектора в Старобельск, о чем она и писала Гаршину (см.: ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 188, л. 47 об. и 54 об.). Иронические слова Гаршина о Фоккове вызваны неприятными воспоминаниями о том, как еще в 1872 г. Фокков заявил, что не допустит поступления Гаршина в университет из-за недостаточного знания древних языков (см.: *Гаршин III*, с. 428). О Ст. Д. Ренчицком — см. наст. том, с. 219.

[6] Авдотья Павловна, Константин Павлович, Шокотов — лица не установленные.

[7] Вероятно, это знакомство так и не состоялось, в последующих письмах Гаршина фамилия Феофилактовых не встречается.

[8] О семье Александровых см. наст. том, с. 213.

[9] Константин Федорович *Рерих* (1837—1900) — петербургский нотариус. Совенко и Яблонский — по-видимому, юристы в Старобельске.

7

17 сентября ‹18›74 г. Петербург

Дорогая мама.

Я поступил в Горный институт. Наконец-то кончилось это томительное ожиданье; впрочем, безделье еще не кончилось, потому что лекции начнутся только 5 октября.

Володя приехал, кланяется вам. Сегодня мы с ним удаляемся в пустыню, к Гердам, дня на два. Изменился он мало, только оброс ужасно и глаз еще больше покосился.

Что дома? Я ничего не понимаю в отношениях Глафиры Васильевны к прочим членам нашей семьи и впредь свои суждения относительно этих отношений произносить решительно отказываюсь. Чувствую только скверность, больше ничего.

Вчера с Володей были в театре, «Руслана» смотрели. Мельников [1], Рааб [2], Крутикова [3] (контральто) великолепны (Петров [4] Фарлаф тоже, разумеется), но новый Финн — Барцал [5] из Киева (должно быть ‹...›) и Горислава — Калгина [6] из рук вон, особенно первый.— Что за музыка!

Ищу уроков, и, кажется, искания увенчаются успехом. Иван Егорович Малышев обещает доставить уроки, учить взрослого ‹..› русскому языку, но только через месяц [7].

Вася Афанасьев поступил тоже в Горный. Впрочем, надежда на то, чтоб он занимался, очень невелика. У него в голове уж не то. Он вырос совсем и окончательно ориентировался в свинстве.

Как Женина математика? Как бабушка поживает и ваши ученики [8]? Вы писали, что потеряли 15 р. в месяц; если добуду уроки, так это вознаградится.

Я чувствую себя весьма неопытным в житейской практике, сиречь в соразмерении прихода с расходом. Деньги идут, а куда — не видно. Впрочем, проживем, не умрем.

Учиться я намерен с возможным усердием, тем более, что все новое придется узнавать. Мы с Мишей уже подержали пари о том, что я перейду без троек на 2 курс. Пари на десять... копеек.

До свиданья, дорогая мама. Крепко целую вас. Кланяйтесь всем. Вас любящий

В. Гаршин

Студент I курса Института горных инженеров.

Шапку форменную надо покупать, да денег мало.

P.S. Что делать с доверенностью?

[1] Иван Александрович *Мельников* (1832—1906) — артист Мариинского театра (бас).

[2] Вильгельмина Ивановна *Рааб* (1848—1917) — оперная певица (сопрано); на сцене Мариинского театра выступала с 1871 по 1885 г.

[3] Александра Павловна *Крутикова* (1851—1919) — оперная певица (меццо-сопрано); пела в Мариинском театре до 1876 г.

[4] Осип Афанасьевич *Петров* (1806—1878) — знаменитый русский певец (бас), создатель русской вокальной школы. С 1860 г. до конца жизни — артист Мариинского театра.

[5] Антон Иванович *Барцал* (1847—1927) — оперный певец (тенор), по национальности чех. С 1870 г. жил в России и до 1878 г. выступал в театрах Киева, Одессы и Петербурга. С 1878 по 1903 гг.— пел в Большом театре в Москве. В 1898 — 1921 гг.— профессор Московской консерватории.

[6] Надежда Александровна *Калгина* — оперная певица (сопрано). В 1873—1875 гг. пела в Мариинском театре, но успеха не имела. В 1881 г. Э. Ф. Направник «засвидетельствовал бесполезность» вторичного приглашения ее в этот театр (Научно-исследовательский институт театра, музыки и кинематографии, ф.21, он. 1, ед. хр. 225, л. 56 об.).

[7] Иван Егорович *Малышев* (1840—1882), старший брат приятеля Гаршина художника М. Е. Малышева. Ученик Гаршина — Шершевский (см. *Гаршин III*, с. 21, 26—27).

[8] Е. С. Гаршина давала частные уроки, а одно время занималась «по всем предметам» с мальчиками частного пансиона Бражниковой, подготовляя их в приготовительный класс прогимназии (см. ее письмо Гаршину от 5 января 1872 г.— ИРЛИ, ф. 70, он. 1, № 188, л. 51—51 об.).

8

3 октября ‹1874 г. Петербург›

Дорогая мама!

Сегодня только получил я от вас деньги, сейчас же внес 30 р. в институт, заплатил за 2 месяца за квартиру и купил 60 билетов в кухмистерской. Вчера у нас начались лекции, то есть собственно лекций не было, был один молебен; сегодня были только две лекции, первая — английского языка, за который я намерен засесть.

Наконец-то у меня определенное положение, а то черт знает что такое; с 8 августа до 3 октября, почти два месяца, ровно ничего не делал. Володя тоже рад лекциям. Его финансы плохи: больше 25 р. в месяц он не берет, а жить на них не умеет, так что часто приходится обращаться к Герду.

Бываем с ним у Гердов очень часто; я с приезда уже шесть раз был у у них, большей частью, конечно, пешком, благо сапоги большие есть. В последний раз составляли каталог библиотеки Александра Яковлевича и в два дня переписали 629 *названий*, не считая брошюр. Переехали ли Филипповы в город? Если вы у них бываете, кланяйтесь А. Ф. и засвидетельствуйте нижайшее почтение à M-lle Célèstine [1].

Каменский [2] недавно был у нас с Мишей. Поселяюсь я окончательно с последним, преимущественно по причине хороших хозяев; да и Миша человек портативный.

Михаил Михайлович Латкин [3] знаком, как бы вы думали, с кем?— с С. Ф. Белецким [4]. Надо повидать его. Он уже женат и дети есть.

Старый дурак Иван Семенович [5] выкинул преглупую вещь: несмотря на то что на посылке стояло *мое* имя, послал вкупе с копиею с акта Лебова грозное письмо к Дациаро [6], требуя или двух рублей, или высылки вновь красок. По этому случаю сегодня несчастный приказчик Дациаро притащился с Невского ко мне на Малый проспект. Если можно, передайте ему сами или через Женю, что отправлял посылку не магазин Дациаро, а я, и что, следовательно, магазин в пропаже лаку и красок на 2 р. нисколько не виноват, разве только тем, что посоветовал мне послать лак в толстой бутылке. Раздавить могли и жестянку; не мог же я послать лак в чугунной бомбе.

Тем более досадно, что получив на все 2 р., я издержал ‹больше› 2р.50к.

Каково вы поживаете? Впрочем, что спрашивать? Знаю, что скверно!

Кланяйтесь Глафире Васильевне, скажите ей, что я сердечно рад, что она с вами в ладу живет. Пожалейте и ее, дорогая мама! Она такая бедная.

Поцелуйте Женю. Поздравляю его с словарем. Кланяйтесь бабушке и Жоржу.

Какое впечатление произвела гимназия в богоспасаемом граде Старобельске [7]?

Крепко вас целую. Всегда вас любящий Всеволод Гаршин.

[1] Вероятно, речь идет о членах семьи Филипповых (см. п. 2, примеч. 5).

[2] Андрей Васильевич Каменский — приятель Гл. И. Успенского, был близок к народническим кругам. Из последующих писем Гаршина видно, что он поддерживал с ним дружеские отношения (*Гаршин III*, с. 266, 299).

[3] Михаил Михайлович Латкин — секретарь Усть-Сысольской земской управы, брат Вл. М. Латкина.

[4] С. Ф. Белецкий — петербургский знакомый Гаршиных.
[5] См. п. 3, примеч. 8.
[6] Магазин С. Ю. Дациаро, торговавший картинами, эстампами, гравюрами, принадлежностями для различных художественных работ, находился на Невском пр., № 1.
[7] Земское собрание г. Старобельска приняло решение ходатайствовать о преобразовании прогимназии из четырехклассной в шестиклассную и ассигновало на постройку здания для нее 36 000 р. («С.-Петербургские ведомости», 1874, № 299, 30 октября).

9

СПб. 9 окт<ября> 1874 г.

Вот уже неделя, как начались у нас лекции, дорогая мама. Покуда все идет вяло: профессора манкируют, но студенты все являются; скоро будет наоборот.

Деньги, 80 р., я получил. 30 р. я внес за лекции; остальных мне хватит, я думаю, до 1 декабря. Как ни жмись, а меньше 25 р. не истратишь.

Уроков у меня покуда нет, вот в чем беда. У В. Афанасьева уроки рублей на 60 в месяц. Впрочем, надежды не теряю.

Скоро новый расход начнется — покупка записок и книг.

Работаю много; во-первых, над Гердовской работой, о которой я уже писал [1], во-вторых, над дифференциальным счислением, да будет оно проклято господом. Еще то несчастье, что и читает его Тиме прескверно [2]. Зато Еремеев (кристаллография) [3] и Лисенко (химия) [4] просто прелесть что такое. Начал к англичанину ходить и уже знаю, что фраза «I have an orange» значит —«у меня есть апельсин». Как видите, успехи быстрые.

В институте есть буфет с чаем, молоком, бутербродами, сосисками и пр., на который много денег идет. Зловредность его еще усиливается тем, что Григорий (содержатель) дает всякое едиво на запись.

Писать решительно нечего, не взыщите, дорогая мама. Пишите.

Простите за чересчур короткое письмо. Женю поцелуйте, бабушке, Глафире Васильевне и Жоржу кланяйтесь. Крепко целую.

Вас любящий В. Г а р ш и н

[1] См. п. 8.
[2] См. п. 6, примеч. 1.
[3] Павел Владимирович *Еремеев* (1830—1899) — профессор Горного института с 1866 г., где читал лекции по кристаллографии и минералогии; автор ряда печатных работ, изданных в России и за границей.
[4] Конон Иванович *Лисенко* (1837—1903) — горный инженер, профессор. В Горном институте преподавал химию в 1862—1891 гг.

10

16 октября 1874 г. СПб.

Дорогая мама!

Получил я последнее ваше письмо; оно навело меня на не совсем отрадные размышления. К чему идет Егор Михайлович? Я убедился, что, если он будет продолжать ту жизнь, которую ведет (которую вел даже летом), он долго не проживет [1]. Поездку в Питер он, кажется, оставил; да я и не знаю, что она может ему принести.

Вчера прочитал в газетах, что хутор Криничный Ивана Егоровича Гаршена назначен к продаже в Общество поземельного кредита [2]. Плохо, должно быть, пришлось. Был ли он на земском собрании? Каковы мужики-то! просто чудо. Если бы вы сообщили несколько более подробностей, можно было бы поместить в «Петербургских ведомостях».

Жизнь идет преоднообразно; утро в институте, вечера большей частью дома сидишь, занимаешься. Пока работы еще не очень много, но есть на-

дежда, что скоро прибавится. Миша имеет много. Недавно был у наших хозяев Чистяков, профессор (тот, что написал «Софья Витовтовна срывает пояс с Шемяки на свадьбе у Василия Темного»), и в наше отсутствие зашел к нам. Очень похвалил Мишу [3].

Хочу скоро сниматься; собираюсь заранее, потому что сбираться буду по своему обыкновению два-три месяца.

У меня есть к вам просьба: если можно, вышлите мне 1 декабря на платье 35 р., а потом высылайте каждый месяц по 20, вместо 25. Платья у меня вовсе нет; сюртук единственный становится плоховат. Если же вас это затруднит, пожалуйста, не высылайте; прохожу и до апреля.

Как ваши дела с живущими у вас детьми [4]? Как Яша учится? У Жени из математики 4; мы все, кроме Виктора [5], плохие математики; я, если не совершенно неспособен к ней, то искренно не терплю. Впрочем, дифференциалами занимаюсь усердно.

В театр с Володей ходим часто, в последний раз слушали «Бориса Годунова» Мусоргского. Что за музыка! Театр неистовствовал. На будущей неделе опять пойду на «Бориса». Александринку покинул; ни разу не был, да и не пойду.

Как здоровье бабушки? Когда она бывает именинница; я хочу ее поздравить.

Род Латкиных в волнении. Главный источник их доходов, знаменитая брусяная гора около Печоры, бывшая до сих пор у них на аренде, кажется, уйдет из их рук. Весною будут торги на новый срок аренды, и являются сильные конкуренты.

Третьего дня был на именинах у Прасковьи Андреевны [6] и видел тоже своего рода знаменитость — Николая Васильевича Латкина, человека с миллионным состоянием [7].

До свиданья, дорогая мама. Целую вас и Женю. Кланяйтесь Жоржу и Глаше. Бабушке поклон.

Всегда вас любящий

Всеволод Гаршин

Дяде [8] непременно напишу письмо.

[1] Очевидно, беспокойство Гаршина было вызвано не только семейными неурядицами брата, но и проявлениями его психической болезни.

[2] Среди имений, назначенных к продаже «по неплатежу взносов» в Общество взаимного поземельного кредита по Харьковской губ., было названо «Сельцо Криничны Старобельского уезда, 639 дес., Ивана Егоровича Гаршена» («С.-Петербургские ведомости», 1874, № 282, 13(25) октября). Речь идет об имении дяди писателя (фамилия напечатана с ошибкой). В своей «Автобиографии» Гаршин пишет, что его дяди жили «в Старобельском же уезде» (*Гаршин III*, с. 12), а в одном из писем к сыну Е. С. Гаршина упоминает о встрече в Старобельске с И. Е. Гаршиным (ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 188, л. 52 об.—53).

[3] Картина Павла Петровича *Чистякова* (1832—1919), за которую он в 1861 г. получил большую золотую медаль, называется «Великая княгиня Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого на свадьбе Василия Темного». В 1872—1892 гг. Чистяков был адъюнкт-профессором Академии художеств (позднее — академик); Малышев был ее студентом в 1871—1876 гг.

[4] Кроме преподавания, Е. С. Гаршина содержала дóма пансионеров (см. ее письмо к сыну от 5 января 1872 г. — ИРЛИ, ф. 70, оп. 1, № 188, л. 51 об.).

[5] Виктор Михайлович *Гаршин* (1850—1872) — второй брат писателя.

[6] Прасковья Андреевна Латкина — мать В. М. Латкина.

[7] Николай Васильевич *Латкин* (1832—1904) — крупный золотопромышленник, двоюродный брат молодых Латкиных.

[8] По-видимому, одному из братьев Е. С. Гаршиной: Дмитрию Степановичу или Владимиру Степановичу Акимову.

11

24 октября ‹18›74 г. СПб.

Дорогая мама!

Посылаю вам свою карточку; Володя тоже снялся и скоро вышлет вам свою. Все говорят, что карточка не удалась; Володина превосходна.

В институте все преблагополучно; недавно только какая-то дура барыня прибежала в классный корридор, сунула одному студенту сверток, со словами «вот ваши бумаги!» и исчезла. В свертке оказались преглупейшие прокламации.

В Питере несколько вопросов дня: дело Митрофании [1], беспорядки в Медицинской академии [2] и кампания, открытая Львом Толстым против Евтушевского, Бунакова и прочих столпов современной педагогии. Кампания открыта блистательно; вы, я думаю, читали «О народном образовании» в 9 кн. «Отечественных Записок» [3]. Педагоги поджали хвост и на своих собраниях говорят пошлости.

В Медицинской академии большой скандал из-за проф. Циона. Его освистали, кричали «вон!», 2-й курс закрыли, и студенты ждут академического суда. Арестов куча, вчера арестовали 20 человек. Вообще теперь прижимка большая.

Достал я наконец себе уроки, только небольшие, хотя выгодные. Учу взрослого еврея, сослуживца Ивана Егоровича Малышева [4], русскому языку, за это он платит мне по 1 $^1/_2$ р. за час. Только заниматься, жалко, редко, 2 часа в неделю; всего, следовательно, 12 р. в месяц.

Женя [5] опять больна: глаза болят. Она [6] посадила ее в темную комнату и сама там целый день сидит. Вот девочка несчастная; я решительно желаю ей смерти. Она больше времени больна, чем здорова.

В колонии давно не был; теперь Александру Яковлевичу не до нас с Володей; в колонии большая неурядица. Вообще этот год для нее несчастный [7]. Александр Яковлевич, который горячо относился к делу, постарел за этот год на десять лет.

Дорогая мама, извините, что письмо короткое; решительно нечего больше писать. Крепко, крепко целую вас и Женю. Кланяйтесь бабушке и Жоржу.

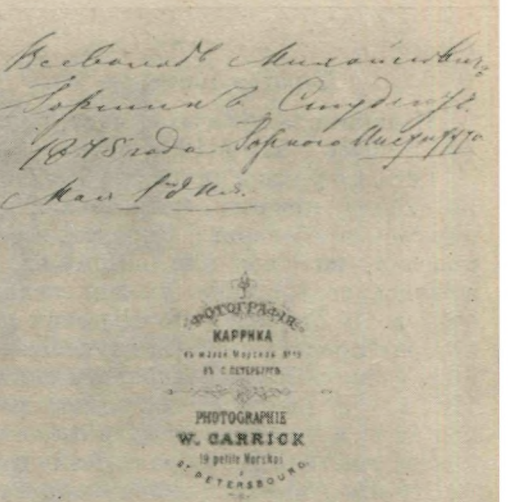
Володя и Миша Малышев вам кланяются.

В. Гаршин

Хутор Криничный, Ивана Егоровича Гаршена, назначен к продаже; я читал в объявлениях «СПб. ведомостей» [8].

[1] В октябре — ноябре 1874 г. в Петербургском суде разбиралось «Дело о начальнице Московской епархиальной Владычне-Покровской общины сестер милосердия и Серпуховского владычного монастыря игуменьи Митрофании и других, обвиняемых в разных преступлениях». Игуменья Митрофания (рожд. баронесса Прасковья Григорьевна Розен), используя свои светские связи и влияние, совершила ряд уголовных преступлений (фабрикация подложных векселей, фальшивого завещания, шантаж, мошенническое присвоение денег). Однако приобретенные суммы она не присваивала, а тратила на расширение подведомственных ей учреждений — основала школу, больницу, мастерские, приют для сирот. Суд приговорил Митрофанию к ссылке в Сибирь на 14$^1/_2$ лет; по «высочайшему повелению» ей было разрешено отбывать наказание в Крыму. Отчеты об этом процессе см. в газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости» (5/17 октября —12/24 ноября 1874 г.), а также в журналах: *03*, 1874, № 11 и «Вестник Европы», 1874, № 11. Позднее о нем писал А. Ф. Кони («На жизненном пути», т. I. СПб., 1912, с. 42—52), а также Е. И. Козлинина («Записки старейшей русской журналистки. За полвека. 1862—1912гг.». М., 1913, с. 184—206).

[2] Поводом к возмущению студентов Медико-хирургической академии послужило, по свидетельству Н. Н. Страхова, поведение профессора И. Ф. Циона: крайний реакционер по своим убеждениям, он попытался во время своей лекции раздавать студентам второго курса свою «полемическую брошюру ‹...› прибавляя разные объяснения» («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914, с. 54). Студенты потребовали его увольнения; их поддержали студенты университета. В результате Цион



В. М. ГАРШИН — СТУДЕНТ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

Фотография В. Каррика. Петербург, 1875

На обороте—надпись рукой Гаршина(?): «Всеволод Михайлович Гаршин. Студент Горного Института. 1875 года мая 1-го дня»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

был уволен (А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. III. Л., 1956, с. 324; см. также с. 322, 323, 469). Сообщая об этих событиях, газеты подчеркивали, что происходящее не является политической демонстрацией и вызвано простым недовольством студентов лекциями Циона, что претензии их рассмотрит «академический суд»; этому противоречили дальнейшие сообщения — о том, что для расследования «дела о студенческих беспорядках» назначена комиссия под председательством начальника секретного отделения при петербургском градоначальнике и что «кругом Академии стоят жандармы и полицейские» (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1874, № 293 и 294, 24 и 25 октября/5 и 6 ноября; «Голос», 1874, № 290, 292 и 295, 20, 22 и 25 октября/1, 3, 6 ноября).

[3] В статье «О народном образовании» (*03*, 1874, № 9) Толстой осуждает звуковой метод обучения грамоте, предложенный Н. Ф. Бунаковым («Родной язык как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом».— «Семья и школа», 1872, кн. 2, № 8—10). Критикует он и популярное «пособие» В. А. Евтушевского «Методика арифметики» (СПб., 1873). Толстой обвиняет обоих авторов в недооценке умственных способностей учеников, в неумении или нежелании определить степень развития детей, уличает их самих в плохом знании русского языка.

[4] См. п. 7, примеч. 7.

[5] Евгения Орестовна Пузино — см. п. 3, примеч. 6.

[6] Мать Жени — Ш. С. Пузино.

[7] В колонии произошел побег 10 человек, а затем драка, в результате которой один из воспитанников был убит. Судебное следствие установило, что многие воспитанники намеренно уменьшали свои годы, чтобы иметь право находиться в колонии — (см.: «Голос», 1874, № 296, 26 октября (7 ноября) и № 300, 30 октября (11 ноября).

[8] См. п. 10, примеч. 2.

12

2 ноября 1874 г. ‹Петербург›

Дорогая мама!

Извините за дурную бумагу; почтовая вышла, а покупать уже поздно, ибо я пишу к вам в 12 ч. ночи.

Сегодня у нас в институте был большой и бессмысленный дебош. Собрали сходку, кричали, потребовали директора Кокшарова [1] и предъявили ему свои «требования». Впрочем, все кончилось благополучно. Требований, конечно, не исполнили, потому что нельзя было исполнить, студенты разошлись; только перед уходом сделали субу Цытовичу скандал [2], кричали ему «вон!» Главное, что Цытович человек совершенно неповинный. Вся история произошла из-за глупейшего подражания технологам, у которых было то же самое, и Технологический институт закрыт на несколько дней [3]. Ну да у них, действительно, завелись было такие порядки, что хоть вон беги, а у нас начальство самое смирное; все не чиновники, а ученые, как всякий знает, добродушнейшие мужи совета.

Пузино переехали вчера на другую квартиру; эти два вечера я помогал им убираться. Вот новый адрес: В. О., 8 линия, д. № 27, Кнопа [4]. Теперь мне до них очень недалеко.

В колонии случилась скверная вещь, которую описывать не буду, потому что вы можете прочесть о ней в газетах [5]. Скажу только, что Александр Яковлевич еще весною задумал передать колонию и ехать заграницу «доучиваться», а теперь совсем решился и в декабре едет. Надо еще прибавить, что газеты передают историю не совсем так, как она случилась. Герд пишет статью в «Отечественные записки» или «Вестник Европы»,— не знаю,— о колонии, и там изобразит все в подробности [6].

В городе плач и скрежет зубовный, по случаю вынимания жребия [7]. Пойду посмотреть.

Вот и у нас зима настала; снег два дня как лежит, но Нева еще чиста. Ну да скоро морозы и ее остановят.

До свиданья, дорогая мама. Ах, забыл сказать о своей беде: я писал вам, что достал уроки; первый месяц буду давать только *один* урок в неделю, а не два.

Прощайте, дорогая мама; крепко целую вас. Кланяйтесь бабушке, Жоржу, Глафире Васильевне. Женю крепко поцелуйте.

Вас любящий сын Всеволод Гаршин

P.S. Напишите, когда вам можно будет выслать деньги. Я хотел бы получить к 1 декабря хоть часть, потому что за квартиру плачу каждое первое число.

[1] Николай Иванович *Кокшаров* (1818—1892) был директором Горного института в 1872—1881 гг.

[2] Поводом для возмущения студентов была бестактность суб-инспектора Горного института И. И. Цытовича по отношению к одному из студентов, исключенных за невзнос платы (см.: *Гаршин III*, с. 19). О событиях в Горном институте Гаршин сообщал также в письмах к матери от 9, 17 и 26 ноября 1874 г. (там же, с. 19—22).

[3] «Случившееся в Медицинской академии,— писал А. В. Никитенко, — повторилось в Горном корпусе, в Технологическом институте и в университете ‹...› В Горный корпус и Технологический институт потребовалось послать жандармов ‹...› в газетах обо всем этом ничего не пишут. . . .» (А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. III. Л., 1956, с. 323).

[4] Э. Х. Кноп — домовладелец, врач.

[5] См. п. 11, примеч. 7.

[6] Статья Герда в этих журналах не появлялась.

[7] Призыв на военную службу в 1874 г. был определен в 150 тысяч человек и производился с 1 ноября по 15 декабря, а в Сибири с 15 октября по 31 декабря 1874 г. Ему подлежали молодые люди, достигшие к 1 января 1874 г. 20 лет. Каждый участок должен был представить определенное количество призывников путем жеребьевки (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1874, 8 (20) ноября, № 308); «Вестник Европы», 1874, № 11, с. 375; *03*, 1874, № 12, с. 403.

ПИСЬМА к Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Предисловие и публикация А. Н. Дубовикова

Раиса Всеволодовна *Александрова* (в замужестве Несмеянова, 1859 — после 1917) провела ранние годы в уездном городе Харьковской губернии Старобельске, с которым была тесно связана и семья Гаршиных. Сестра Александровой Н. В. де Лазари вспоминала: «Жили мы с Гаршиными в Старобельске почти рядом»; «наши семьи были связаны крепкой старинной дружбой...» [1] Юношу Гаршина, приезжавшего на каникулы из Петербурга два-три раза в год, привлекал дом Александровых, где собиралась дружная, веселая компания молодежи. Здесь и зародилась его «долгая юношеская любовь» к Александровой. Е. С. Гаршина, которой принадлежит это определение, впоследствии вспоминала: «Не только для меня, но и ни для кого из нашего кружка не была тайной эта любовь, длившаяся целые годы, и все смотрели на них, как на помолвленных» [2].

Н. В. де Лазари рассказывала, что увлечение Гаршина ее сестрой Раисой «явственно стало определяться» в ту пору, когда он вышел после ранения из лазарета и жил некоторое время в доме у матери в Харькове [3]. Но, вероятно, это произошло не в 1878 г., а значительно раньше. Впервые имя Александровой появляется в письмах Гаршина в августе 1874 г. (см. наст. том, с. 200); августом 1875 г. датирован в автографе лирический отрывок, род стихотворения в прозе, начинающийся словами: «Она была милая девушка...» [4] И в этом отрывке, и в письмах 1875—1876 гг. явственно видна не только заинтересованность девушкой и ее будущей судьбой, но и более глубокое чувство, уже вышедшее за пределы простой дружбы.

Александрова обладала известными музыкальными способностями и охотно играла в домашних условиях на фортепиано. Вероятно, под влиянием Гаршина у нее пробудилось желание заняться музыкой по-настоящему. Осенью 1875 г. она поселилась на зиму в Харькове и поступила в Музыкальные классы, открывшиеся незадолго до этого (в 1871 г.) при Харьковском отделении Русского музыкального общества. Гаршин полностью одобрял этот ее поступок — он верил в ее музыкальную одаренность и, кроме того, видел в этом предпосылку для того, чтобы она могла вырваться из пошлой и затхлой атмосферы уездного городка и выйти в мир более широких интересов, более разумных и свободных человеческих отношений.

После трех лет успешных занятий в Харькове у Александровой родилась смелая мысль перебраться в Москву и поступить в Московскую консерваторию. Очевидно, старания Гаршина помочь превращению провинциальной барышни во взрослого, самостоятельного человека с определенными целями в жизни не остались бесплодными.

В сентябре 1878 г. Александрова была принята в консерваторию «сверхкомплектной ученицей». А по окончании учебного года, 25 мая 1879 г. она была «постановлением Художественного совета переведена за прилежание и успехи из сверхкомплектных в комплектные» [5].

В первые годы (1878—1881) Александрова занималась в классе фортепиано у преподавателя Вильборг, а с 1882 г.— в классе профессора П. А. Пабста [6]. Среди ее учителей были также: К. К. Альбрехт (класс сольфеджио и теории музыки, 1878/1879 и 1881 гг.), Н. А. Губерт (класс гармонии, 1880/1881 г.), А. С. Аренский (класс гармонии, 1882/1883 и 1883/1884 гг.). Весной 1884 г. она числилась по классу проф. Пабста на VIII курсе. В журнале успеваемости за 1883/1884 г. проставлены ее оценки за занятия (весьма средние), а экзаменационные оценки отсутствуют [7]. К этому времени относится, по-видимому, постановление Художественного совета: «Ученица Александрова

(Пабст, VIII) может кончить курс по педаг〈огике〉 ф. п. в нынешнему году, в будущем же году сдать остальные экзамены» [8]. После 1884 г. имя Александровой в списках учащихся консерватории и в экзаменационных листах не встречается. Нет его и в списках окончивших консерваторию. Очевидно, какие-то причины, нам неизвестные, помешали ей закончить курс.

О дальнейшей жизни Александровой нам известно очень немногое. В Харьков или Старобельск она больше не вернулась, осталась в Москве. Впоследствии она стала женой популярного в Москве врача-стоматолога, доктора медицины Николая Алексеевича Несмеянова [9]. Последнее упоминание о ней удалось найти в справочнике «Вся Москва» на 1916—1917 гг.

Увлечение Гаршина Александровой было не очень прочным. Судя по его письмам к матери, окончательный разрыв между ними произошел в начале 1879 г., хотя дружеские отношения их как будто после этого не оборвались [10]. Н. В. де Лазари в цитированных уже воспоминаниях рассказывала: «Уже говорили о них как о женихе и невесте, но, ввиду болезненной наследственности в семье Гаршиных как мать В. М., так и мать моя старались, по возможности мягко, отвлечь молодых людей от мысли сочетаться браком» [11]. К этому можно добавить, что со стороны Е. С. Гаршиной определяющим ее отношение к будущему браку было не это опасение, а вернее всего чувство ревности матери к женщине, которая готова отобрать у нее сына. Однако в 1880 г., после того как Гаршин уже познакомился с Н. М. Золотиловой, мать писателя в борьбе с новой «опасностью» решила использовать в качестве орудия Александрову и приложила немало усилий для восстановления отношений между нею и сыном. Летом 1880 г., когда Гаршин после жестокого приступа душевной болезни, вызванного казнью Млодецкого, лечился на Сабуровой даче под Харьковом, Е. С. Гаршина уверяла, что он очень хочет видеть Александрову, и сама привезла ее в больницу. Но эта встреча с выздоравливающим — по-видимому, последняя в их жизни — ничего не изменила, и Александрова осталась для Гаршина чужим человеком [12].

Письма Гаршина к Р. В. Александровой были напечатаны впервые Н. А. Крашенинниковым в январе 1917 г. в «Русской мысли» [13]. Из сообщения самого Крашенинникова и на основании некоторых других источников выясняются обстоятельства, при каких была осуществлена эта публикация.

Будучи летом 1916 г. на лечении в Ессентуках, Крашенинников познакомился там с младшей сестрой Р. В. Александровой Антониной (Ниной) Всеволодовной, в замужестве де Лазари. Он записал ее воспоминания о Гаршине (очень неточные) и получил, по-видимому, разрешение на публикацию этой записи — она составила первую часть материалов, напечатанных в «Русской мысли». Не приходится сомневаться, что от нее же Крашенинников получил сведения о ее старшей сестре Раисе, жившей в Москве. По возвращении в Москву он, вероятно, сразу же познакомился с нею. Трудно сказать определенно, знал ли он уже о хранящихся у нее письмах Гаршина, но вернее всего, что де Лазари упоминала о них в своих беседах. Во всяком случае, результатом его встреч с Р. В. Несмеяновой было то, что ему были показаны письма и дана возможность снять с них копии для публикации.

Дальнейшая судьба автографов неясна, местонахождение их в течение многих лет было неизвестно. Поэтому письма к Р. В. Александровой были напечатаны в книге *Гаршин III* по текстам «Русской мысли». И только в 1938 г. подлинники этих писем поступили в Отдел рукописей ГБЛ (ф. 178, 8646) от некоей А. В. Духовской [14]. За прошедшие с тех пор 35 лет автографы эти не привлекали внимания исследователей.

Изучение подлинников писем и сличение их с текстами, напечатанными в «Русской мысли», показало, что опубликованы тогда они были весьма неисправно, со многими неточностями и пропусками. Имена большинства упоминаемых лиц были обозначены только инициалами, а в ряде мест совсем опущены. Часть купюр вызвана была, несомненно, соображениями политической цензуры, особенно жесткой в связи с военными условиями и с надвигавшимся крахом самодержавия. Так, в п. 5 было исключено сообщение о смерти вел. кн. Марии Николаевны с пренебрежительным отзывом о ней. Самая значительная купюра была сделана в п.6: в тексте стихотворения Гаршина, на-

писанного в день пятнадцатой годовщины крестьянской реформы, были отсечены последние три строки, придававшие раздумьям автора особенно острый политический смысл:

Прочь, муза, прочь! С меня довольно песен!
Противны мне их звуки! Месть велит
Перо сломать и взять кинжал убийцы![15]

Кроме того, сокращению в публикации «Русской мысли» подвергались многие высказывания о семейных делах, суждения о родных, друзьях или знакомых; здесь, можно думать, действовала инерция «домашней» цензуры — почти 30 лет, прошедшие со дня смерти Гаршина, считались, очевидно, сроком, еще недостаточным для полной публикации писем.

В ГБЛ поступили автографы девяти писем к Р. В. Александровой. Среди них оказалось два письма, никогда не публиковавшихся (п. 1 и 10). С другой стороны, в этой связке отсутствует автограф августовского письма 1876 г. (п. 8), вошедшего в публикацию «Русской мысли». Предпринятые нами поиски этого утраченного автографа оказались успешными: он был обнаружен в одном из альбомов, принадлежавших Крашенинникову, который был неутомимым коллекционером, в течение всей своей жизни собиравшим автографы литературных деятелей. Как оказалось, это письмо Гаршина было подарено ему адресатом, о чем свидетельствует надпись на первом листе автографа: «Н. А. Крашенинникову. Р. Несмеянова. 1916 г., октября 16-го»[16].

Таким образом, всего нами было выявлено 10 автографов писем Гаршина к Р. В. Александровой, 1875—1876 гг.— все они печатаются ниже. Нет никаких сомнений, что переписка с Александровой продолжалась и в последующие два года, по 1878 г. включительно, когда произошел разрыв между Гаршиным и ею. Эти позднейшие письма остаются полностью неизвестными. Не сохранились также и письма Александровой к Гаршину.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *РМ*, 1917, № 1, с. 45. Запись Н. А. Крашенинникова.
[2] «Русское обозрение», 1895, № 2, с. 878.
[3] *РМ*, 1917, № 1, с. 47.
[4] Впервые опубликован: *РМ*, 1917, № 1, с. 65; см. также: *Гаршин III*, с. 455.
[5] ЦГАЛИ, ф. 2099, Московской государственной консерватории, оп. 1, ед. хр. 33, л. 13.
[6] Павел Августович *Пабст* (1854—1897) — выдающийся пианист, был приглашен в Московскую консерваторию Н. Г. Рубинштейном в 1879 г., в 1881 г. получил звание профессора. Среди его учеников были А. Б. Гольденвейзер и К. Н. Игумнов.
[7] ЦГАЛИ, ф. 2099, оп. 1, ед. хр. 79, л. 1 об.— 2.
[8] Там же, ед. хр. 33, л. 88. Сохранился только черновик протокола заседания Художественного совета, помеченный 20 апреля (год не указан).
[9] Н. А. Несмеянов умер, по-видимому, в 1914 г.— в справочнике «Вся Москва» на 1915 г. его имя уже не встречается.
[10] См. письма от 17 февраля, 5 марта и 9 июля 1879 г.— *Гаршин III*, с. 177, 179 и 183.
[11] *РМ*, 1917, № 1, с. 47.
[12] См. об этой встрече в письмах П. Г. Попова к Н. М. Золотиловой. — *Гаршин III*, с. 530—532.
[13] «Материалы по истории русской литературы и культуры. К биографии В. М. Гаршина». Сообщил Н. А. Крашенинников <...> II. Письма В. М. Гаршина.— *РМ*, 1917, № 1, с. 53—64.
[14] Сообщено Ю. П. Благоволиной.
[15] В черновом автографе стихотворения (ИРЛИ, ф. 70, № 106, л. 21) этих заключительных строк еще не было. Текст стихотворения из письма к Александровой, дающий позднейшую редакцию, воспроизводится — в усеченном цензурой виде — во всех советских изданиях сочинений Гаршина.
[16] ЦГАЛИ, ф. 1086, оп. 2, ед. хр. 153, л. 30—31. В другом альбоме вклеен также подаренный Крашенинникову Р. В. Несмеяновой листок с автографом лирического этюда «Она была милая девушка. . .» На листке дарственная надпись: «От той Р..., которой были написаны В. М. Гаршиным эти строки, Н. А. Крашенинникову. 1916 г., сентября 23-го» (там же, ед. хр. 154, л. 3).

1

Харьков, 3 сентября ‹1875 г.›

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Еще раньше вашего письма к Жене мы получили известие о вас от Глафиры Васильевны и тотчас же направились (я и Женя) к Илье Николаевичу [1]. Сей последний ничего особенно утешительного не сказал, но, впрочем, и неутешительного тоже нет. Никулин ответит вам, когда найдет новую квартиру [2]. Илья Николаевич, кроме того, сказал нам, что в письме к вам он выразил «свой взгляд на это дело». В чем состоит этот взгляд, вы, должно быть, уже знаете и, верно, не оставите нас в неизвестности относительно вашего положения.

Если бы даже (предположив самое худшее) Никулин отказался принять вас к себе, не унывайте, не падайте духом, дорогая Раиса Всеволодовна. Уверяю вас, что возможно будет устроиться и без помощи Никулина; конечно, если на это последует и пр. и пр...

Главное — не робейте и не огорчайтесь, а то у вас сейчас же зубы заболят, щека распухнет и вы сделаетесь ни на что негодны.

Около 20 сентября я увижусь с вами в Старобельске; мне придется ехать вместо матушки [3]. Тогда поговорим толком.

Что сказать о себе? Скука страшная, особенно когда мама уйдет на урок; впрочем, эта скука помогает мне заниматься английским языком, в котором я сделал большие успехи. К зиме буду брать у Рени (редактор «Отдельных романов») переводы, которые он мне по знакомству наверно доставит [4]. Торчу целый день до обеда дома, потом иду скитаться по окрестностям города в сопровождении достопочтенного пса Сокола; когда ноги заноют от усталости, плетусь понемножку домой, потом чай, потом опять английский язык до 11—12 ч., потом спать. Скверно совсем; делать нечего; особенно досадно смотреть на Женю: всегда человек занят. Просто стыдно перед ним. Ну да в Питере наверстаю потерянное время.

С Новиковым познакомился [5]. Человек неглупый, только чересчур [уверен в се‹бе›] занят собою. Не снаружи, а внутри, конечно. Говорить с ним очень приятно; один из немногих людей, с которыми можно спорить.

Что поделывает ваша орда? Буйствует, должно быть, кроме «Курпияна». Что Андрюша?

Впрочем, я задаю вам вопросы, как будто уверен, что вы ответите мне на это письмо. Надо сперва попросить хорошенько; черкните, дорогая моя, хоть строчку. Вы не знаете, как будет рад ей ваш скучающий друг.

До свиданья и, притом, скорого. Кланяйтесь Марии Николаевне за меня. Александре Кузминишне, Нине и Наде поклон до земли. Поцелуйте добрейшего и уважаемого Николая Всеволодовича [6].

Всегда ваш Всеволод Гаршин

Не робейте.

Мама кланяется.

Вашего письма к Жене я не читал [7]. Женя сам не дал, а просить неловко. Поэтому я о вас ничего не знаю.

[1] Женя — младший брат писателя Евгений (см. наст. том, с. 199). Глафира Васильевна — первая жена его старшего брата Егора (Георгия) Михайловича (см. наст. том, с. 200). Илья Николаевич — харьковский знакомый Гаршина, сведений о нем найти не удалось.

[2] Никулин — муж тетки Р. В. Александровой (со стороны матери) — Прасковьи Николаевны. Они жили постоянно в Харькове. Здесь и ниже речь идет о задуманном Александровой переезде в Харьков, где она хотела учиться музыке (см. п. 2).

[3] Эта поездка была, очевидно, связана с делами по родовому имению (см. о нем наст. том, с. 200).

[4] С Р. Е. Рени Гаршин был знаком по дому своих родственников Пузино. План сотрудничества в «Собрании романов» не осуществился (см. письмо к матери от 19 октября 1875 г.— *Гаршин III*, с. 47).

Р. В. АЛЕКСАНДРОВА
Фотография, 1870-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

[5] Павел Михеевич *Новиков* (1850—1902) — близкий знакомый Гаршина сначала по Харькову, затем по Петербургу. «Он всем нашим очень и очень понравился, да и в самом деле хороший и умный человек. Мы в самых дружеских отношениях», — писал Гаршин матери 19 ноября 1876 г. (*Гаршин III*, с. 105; справку о Новикове см. там же, с. 579).

[6] Мария Николаевна — мать Р. В. Александровой. Александра Кузьминишна — воспитанница в семье Александровых. Нина — сестра Р. В. Александровой Антонина (см. о ней выше, с. 213—214). Надя — сестра их Надежда Всеволодовна; Николай Всеволодович — их брат.

[7] Это письмо Александровой к Евгению Гаршину остается неизвестным.

2

Петербург, 30 октября 1875 г.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Простите мне мою дерзость: я решился писать к вам. Хотя вообще подобные переписки принадлежат к числу вещей, на которые окружающие смотрят косо и подозрительно, но я не думаю, чтобы это могло служить непреодолимым препятствием к получению от вас нескольких строчек. Тем более, что вы уже написали мне одно письмо из Старобельска [1].

После этого краткого предисловия выражаю вам мой телячий восторг по случаю вашего поступления в Музыкальное общество [2]. Наконец-то вы если не на ногах, так на одной ноге! Только зачем вы предпочли барыню Слатину; последний человек очень известный и серьезный музыкант [3]. Напишите мне, что вы играли на пробу и какое впечатление произвели; матушка пишет, что все были в восторге [4], только я хотел бы знать это от вас самих: тогда я был бы более уверен, потому что вы себя никогда не хвалите.

Живу я однообразно, довольно скучно, но в полном душевном спокойствии. Видеть вокруг себя опять *всё* человеческие лица, слушать вещи, не приводящие каждую минуту в раздражение, не подвергаться опасности быть поставленным в положение, когда не остается ничего более

делать, как воткнуть вилку в чье-нибудь толстое брюхо,— согласитесь, что все это имеет свои приятности. Работаю много: утром Институт, потом у Пузино [5] учу мальчишку 7 лет грамоте [6], потом, в виде вознаграждения, обедаю у них же, потом домой, до 8 занятия; в 8 ч. приходит Володя Латкин с «Историческими письмами» Миртова, и мы читаем их вместе [7]. Одному читать ни мне, ни ему невозможно: не хватит терпенья, а книжку прочесть непременно нужно. В 11 ч. Миртов уносится, и я остаюсь один. Говорила ли вам матушка, что я, вероятно, буду сотрудничать в «Петербургском листке»? По случаю этого обстоятельства после 11 ч. я сижу еще часа по два-три и пишу. Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов («Земское собрание») и на этой неделе понесется в редакцию [8].

Само собою, что матерьял беру отчасти из жизни нашего милого Старобельска. Не говорите об моей работе покуда никому, даже мамаше и Жене.

Все бы было хорошо, если бы можно было хоть раз в неделю посмотреть на матушку с Женей, да (зачем скрываться?) на вас. Дороже у меня нет никого на свете.

Когда я виделся с вами последние дни в Старобельске, как тошно мне, как скучно было толковать о неизбежном Егоре Михайловиче и не менее неизбежной Глафире Васильевне, о Лебедевых, Ренчицких и прочей братье [9]. Мне было вовсе не до них. Мне хотелось просто молчать и смотреть на вас; мне казалось отчего-то, что вы не вырветесь из Старобельска и засядете [там] на неопределенный срок в трясине, из которой одно замужество вырывает уездных барышень. Да и как большею частью вырывает? Вырывает, чтобы бросить в еще более грязную глубокую яму, из которой нет уже спасенья. Я не говорю об исключениях; впрочем, в Старобельске я их не видел. Для тех, кто утратил в себе всякое внутреннее подобие божие, конечно, замужество идеал, вот, например, Глафира Васильевна. Хотя у нее муж и так себе, не очень-то удовлетворяет строгим требованиям чего хотите, но все-таки она [мне кажется] больше довольна, чем недовольна своим замужеством.

Раиса Всеволодовна, неужели вы вырвались на год из Старобельска, чтобы снова попасть в него? И когда попасть! Когда хоть немного попробуете другого, свежего воздуху, когда легкие уже не перенесут удушливых миазмов, именуемых в нашем милом отечественном городе, неизвестно по какой причине,— жизнью.

Дорогая моя, пишите, бога ради! Если вам что-нибудь не нравится в моем письме, скажите. Я посокращусь. А то, в самом деле, не слишком ли я разоткровенничался с вами; впрочем, что же мне и скрывать-то от вас?

Если сниметесь, пришлите карточку. Своей обещать скоро не могу. Мы на днях будем сниматься втроем: А. Я. Герд [10], Володя и [я] ваш покорнейший слуга и снимем только три группы — для себя [11]. Дело в том, что Александр Яковлевич, вероятно, покинет нас в Питере и уедет куда-нибудь в провинцию. Этого провинция не съест! Выдержит [12]!

Будете писать домой, кланяйтесь всем, Александре Кузминишне особо. Скажите ей, что пари я не совсем еще проиграл.

До свиданья.

Всегда ваш друг Всеволод Г а р ш и н

Пишите.

Напишите, можно ли мне писать к вам *прямо* по вашему адресу в квартиру Никулиных? Я ведь ничего не знаю об их отношениях к вам.

[1] О письмах Александровой к Гаршину см. наст. том, с. 215.

[2] Отделение Русского музыкального общества в Харькове было создано в 1871 г. При нем в октябре того же года были открыты музыкальные классы; в 1883 г. они были преобразованы в Харьковское музыкальное училище.

[3] Илья Ильич *Слатин* (1845—1931) — пианист и дирижер, основатель и директор Харьковского отделения Русского музыкального общества. Вел занятия по классу рояля. Вторым преподавателем по классу рояля была Е. М. Мясоедова, окончившая курс в Московской консерватории.

[4] Это письмо Е. С. Гаршиной не сохранилось.

[5] Семья контр-адмирала Ореста Поликарповича Пузино (см. наст. том, с. 201).

[6] Коля Пузино — младший сын О. П. Пузино.

[7] О В. М. Латкине см. наст. том, с. 199. «Исторические письма» П. Л. Лаврова публиковались в 1868—1869 гг., под псевдонимом П. Миртов, в газете «Неделя». В 1870 г. они вышли отдельным изданием.

[8] Вскоре Гаршин отказался от намерения отнести свой сатирический очерк «Подлинная история Энского земского собрания» в редакцию «Петербургского листка». Очерк появился в газете «Молва» (1876, № 15, 11 апреля).

[9] Лебедевы — найти сведения об этой семье из Старобельска не удалось. Ренчицкие — семья Станислава Дмитриевича Ренчицкого, инспектора Старобельской мужской прогимназии. 15 марта 1875 г. Гаршин писал матери: «Летом непременно напишу наиподробнейшую корреспонденцию из Старобельска об гимназии и Ренчицком. Что за скоты! Достаточно экзаменов (вступительных) прошлого года, чтобы их оконфузить» (*Гаршин III*, с. 37). Через год, 5 марта 1876 г., он сообщал матери о задуманных очерках, один из которых должен был называться «История прогимназии»: «План для этих очерков у меня составлен. Старобельск дает обильный материал» (там же, с. 71).

[10] Об А. Я. Герде см. наст. том, с. 203.

[11] Эта группа была снята В. А. Каррико м несколько позднее — в феврале 1876 г. (см. ее воспроизведение — наст. том, с. 221).

[12] В провинцию А. Я. Герд не поехал в связи с длительной командировкой в Англию (см. п. 4).

3

18 $\frac{27}{XI}$. 75. СПб.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Много я виноват перед вами своим долгим молчанием в ответ на ваше письмо. На это были причины, о которых умолчу. Спасибо вам за то, что не оставили без ответа мое послание; на второе хоть и не отвечайте, потому что скоро увидимся. Около 20 декабря я поеду отсюда в Харьков.

Получил я от матушки печальное известие о брате (Егоре Михайловиче), в чем оно состоит, вы уже, конечно, знаете. Матушка прислала мне его письмо; с отчаянием пишет человек, читать страшно. Что-то у них будет с уважаемой хозяйкой! Скверно кончится дело [1].

Я живу по-прежнему, так себе, потихоньку да полегоньку. Достал себе уроки: готовлю некоторую молоденькую и весьма миловидную девицу на экзамен домашней учительницы из арифметики и геометрии. Связываться с «Петербургским листком» я не решился, а [вчера] сегодня снес свое маленькое произведение к А. С. Суворину (Незнакомец) [2]. Принял он меня так хорошо и тепло, что я от него в восторге; мой очерк оставил для прочтения. Во вторник пойду на страшный суд. Что-то он скажет [3]? Я не думаю покуда нигде печататься; с меня будет довольно только суворинского одобрения; писать начать всегда успеешь, был бы талант.

Страшно! Письмо это к вам дойдет, должно быть, раньше вторника, и в этот день прошу вас прочесть акафист св. Всеволоду, князю Псковскому. Все-таки лучше заручиться.

Если будете мне писать до Рождества (и карточка?), то напишите о Старобельске, что знаете. А больше всего пишите о себе!

Весьма рад, что наконец вы с Глинкой познакомились; жаль только, что «Руслана» не играете. Это еще лучше «Жизни за царя». Мы, то есть наша компания, состоящая из 8—9 человек, ходим в театр еженедельно, с примерною аккуратностью. Я здесь семь недель и был в опере тоже семь раз: «Фауст», «Жизнь за царя», «Руслан», «Гугеноты», «Тангейзер», «Фауст», «Русалка». Последнюю оперу видел в первый раз, и она мне очень понравилась.

Был раз на репетиции симфонического собрания и слушал симфонию Листа — «Divina Comedia», то есть «Божественная комедия» [4]. Впечатление страшное. Первые аккорды действительно переносят вас прямо в ад. Ах, милейшая музыкантша, зачем вы не слышите настоящего, хорошего оркестра! Что бы вы сказали! Никакой рояль, даже если и вы на нем играете, не может мне заменить несравненного Направника со аггелами его. А ваш Щуровский — это нечто ужасное [5].

У Пузино уроки мои идут успешно: ученик мой уже начал читать. Только неудобно — ужасно времени идет много на урок и на обед. Поэтому после Рождества брошу Пузино. Довольно того, что читать выучил *.

Сегодня четверг; до вторника осталось пять дней. Как только получу благоприятный ответ — сейчас же извещу вас и матушку. Ну, а если вдруг неблагоприятный?

Не скрою от вас, что он был бы для меня жестоким ударом.

Совсем забыл! Во вторник был в Художественном клубе вечер медицинских барышень; я, конечно, там присутствовал и встретил Софью Михайловну Лобковскую. Она действительно учится медицине, только не в Академии, а на курсах при Калинкинской больнице [6]. Это первый земляк, которого я встречаю в Петербурге за несколько лет. Был еще Клевцов [7], да тот, как вы, я думаю, знаете, застрелился.

Не устроит ли ваше «Отделение» концерта в пользу герцеговинцев [8]? Вы бы выписали из Старобельска Глафиру Васильевну и сыграли бы с нею увертюру «Отелло» в четыре руки. Успех был бы огромный; на Глафиру Васильевну все бы взяли билеты.

До свиданья, дорогая моя! Скоро увидимся, меньше чем через месяц.

Ваш друг Всеволод Гаршин

[1] Это письмо Е. С. Гаршиной к сыну до нас не дошло.

[2] «Маленькое произведение» — очерк «Подлинная история Энского земского собрания» (см. о нем п. 2, примеч. 8). А. С. Суворин в это время имел еще репутацию передового деятеля, близкого к либеральным и демократическим кругам. Большим успехом пользовались его фельетоны «Недельные очерки и картинки», которые он печатал в течение ряда лет в газете «С.-Петербургские ведомости» под псевдонимом «Незнакомец». В феврале 1876 г. он приобрел газету «Новое время» и вскоре после этого открыто перешел в лагерь реакции.

[3] Ближайший вторник, когда Гаршин должен был снова идти к Суворину, приходился на 2 декабря. Но не исключено, что посещение было перенесено на следующий вторник — 9 декабря. Именно в этот день Гаршин писал матери: «Был я у Суворина. Начинания мои он похвалил, сказал, что написано «литературно», живо и интересно. Советует снести в «Неделю»; там, мол, наверно напечатают» (*Гаршин III*, с. 58).

[4] Симфонические концерты («собрания») устраивало в Петербурге с 1859 г. Русское музыкальное общество. Э. Ф. Направник руководил собраниями в 1869—1887 гг. «Симфония к «Божественной комедии» Данте» была написана Листом в 1855 г. Она состояла из трех частей — «Ад», «Чистилище», «Magnificat».

[5] Петр Андреевич *Щуровский* (1850—1908) — пианист, дирижер и композитор.

[6] Женские курсы «для образования ученых акушерок» были открыты при Медико-хирургической академии в Петербурге в 1872 г. С 1876 г. они были отделены от академии и существовали при Николаевском военном госпитале. Были упразднены в 1882 г. (В. Альбицкий. Высшие учебные заведения России. 2-е изд. СПб., 1884).

[7] Сведений о Клевцове найти не удалось.

[8] В 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание против турецкого ига. Широкие круги русской общественности выражали сочувствие борьбе восставших и стремились оказать им помощь. В апреле 1876 г. Гаршин писал матери о своем желании поехать в Герцеговину «драться» (*Гаршин III*, с. 79).

* Далее одна строка зачеркнута.

В. М. ГАРШИН, А. Я. ГЕРД, В. М. ЛАТКИН

Фотография В. Каррика. Петербург, 1876

Институт русской [литературы АН СССР

Ленинград

4

23 января 1876 г. СПб.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Насилу собрался я написать вам. Собирался я так долго по очень простой причине: не было матерьяла для письма. Теперь, хотя писать, по правде сказать, тоже нечего, все-таки пишу, потому что надеюсь получить от вас ответ.

Поселился я на Васильевском острове, в 6 линии [1]. Комната порядочная, только высоко очень — 84 ступени. Недалеко от Института и Пузино — мест моего постоянного посещения. Жаль только, что от Латкина далеко; теперь мы видимся не каждый день, что заметили товарищи и знакомые и уже посмеиваются.

11 апреля у нас начнутся экзамены; как видите, времени осталось немного; приходится засесть за работу. Впрочем, я рад [тому], так как экзамены и кончатся раньше, в 20-х числах мая.

В среду я был у Латкиных и произвел большой скандал. К ним собрались гости: были Герды; Сидорова, миллионерша, жена северного промышленника [2]; Самарская, супруга одного из присяжных поверенных; все, как видите, люди почтенные. Стали заниматься спиритизмом, столик вертеть [3]. Между нами были люди совсем неверующие в эту ерунду, как, например, Прасковья Андреевна Латкина [4]. Вдруг, ко всеобщему изумлению, столик начинает ходить, подниматься на одной ножке, стучать, давать стуком ответы и пр. и пр. «Явления» эти продолжались часа $2^1/_2$, потом столик бросили. Начались разговоры о спиритизме, о сущности спиритических явлений, все, даже неверующие, уже уверовали, как вдруг я объявляю, что все движения столика были произведены моими руками.

Половина стала на мою сторону и благодарила меня за то, что я «разубедил», а другая обиделась. Линочка Латкина [5] объявила даже, что это «подвость» (она не произносит «л»). Заметьте еще, что все в то время, как мы вертели столик, сначала подозревали меня в мошенничестве и смотрели на мои руки; я все-таки ухитрился надуть. Из этого можете вывести, как легко ловкому фокуснику производить все эти «явления».

Вчера мы с Володей и Гердом снимались втроем у Каррика, но неудачно; пригласил пересняться. Группу эту мы затеяли по той причине, что Александр Яковлевич (Герд) уезжает на полгода в Англию. Там, в Кенсингтонском дворце, будет педагогическая выставка и съезд, в котором примут участие английские ученые и представители других стран. От России поедет Александр Яковлевич [6].

Другого Герда, брата его, посылает военное министерство в Америку, на Филадельфийскую выставку, тоже в качестве уполномоченного [7]. Счастливые люди! А ты сиди здесь и кисни. Когда-то, наконец, удовлетворится моя жажда шатанья по белому свету?

В ту самую минуту, как я пишу эти строчки, ваше лицо посмотрело на меня из рамки (ваша карточка у меня на столе) и точно будто бы засмеялось. Впрочем, немудрено, что мне мерещится; уже час ночи, и я так долго сидел за аналитикой, что в голове точно мутовкой помешано.

Завтра кончу письмо. Сегодня перо валится из рук. Покойной ночи.

Ваш В. Г.

24 января

Сегодня воскресенье. Я встал в скверном расположении духа и жалею, что нужно кончать вам письмо *. Впрочем, кончать не буду, а просто попрощаюсь и попрошу передать поклон Прасковье Николаевне и Зинаиде Ивановне [8].

Ах, Раиса Всеволодовна, дорогая моя, когда я вас увижу! Хоть бы на минутку поглядеть на вас. Пишите, пожалуйста. Если нечего писать, так хоть размышления о погоде и бренности человеческой жизни, а все-таки пишите.

Вам горячо преданный В. Гаршин

P. S. Был у меня Егор Петрович Киселев, но не застал дома. Его назначили в лейб-гусары, в Царское Село.

Сегодня 24, я уехал из Харькова 10-го, а до сих пор от матушки не получал ни строчки, хотя сам пишу аккуратно. Что это значит? [9]

[1] После возвращения из Харькова, где он провел рождественские каникулы, Гаршин поселился на новом месте: Васильевский остров, 6 линия, д. № 1, кв. 25.

[2] Михаил Константинович *Сидоров* (1823—1887) — сибирский золотопромышленник и исследователь Севера; был женат на дочери В. Н. Латкина Елене Васильевне, которая приходилась двоюродной сестрой молодым Латкиным, друзьям Гаршина.

[3] Увлечение спиритизмом возникло в России в начале 1870-х годов и особенно распространилось в 1874—1875 гг. Трезво мыслящая часть общества доказывала, что явления спиритизма основаны на обмане (см.: «Материалы для суждения о спиритизме». СПб., изд. Д. И. Менделеева, 1876).

[4] Прасковья Андреевна Латкина — мать В. М. Латкина.

[5] Магдалина Михайловна *Латкина* («Линочка», 1861—1911) — сестра В. М. Латкина. Позднее окончила Петербургские (Бестужевские) Высшие женские курсы по историко-филологическому факультету, затем преподавала историю в Саратове, Баку.

[6] Информация о том, что в Лондоне, в Южно-Кенсингтонском музее, устраивается «весьма интересная выставка предметов и аппаратов для научных целей», появилась в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, № 54, 24 февраля). По приглашению правительства Великобритании в выставке приняли участие многие страны, в связи с чем она приобрела международный характер. Открытие выставки было назначено на 1 апреля н. с. 1876 г. А. Я. Герд был командирован на выставку Педагогическим музеем военно-

* Далее зачеркнуто четыре слова.

учебных заведений в качестве представителя русского отдела и пробыл в Лондоне с апреля по сентябрь 1876 г. (см.: Н. К. Ермолин. Очерк жизни А. Я. Герда. СПб., 1889, с. 57).

[7] Шестая всемирная выставка 1876 г. в Филадельфии была приурочена к празднованию столетия независимости Соединенных Штатов, ее открытие было назначено на 10 мая. Россию представляли на выставке 500 экспонентов. Брат А. Я. Герда Иван Яковлевич был воспитателем во 2 Петербургской военной гимназии.

[8] О Прасковье Николаевне Никулиной см. п. 1, примеч. 2, Зинаида Ивановна — харьковская подруга Р. В. Александровой.

[9] О своем беспокойстве по поводу молчания матери Гаршин писал ей 23 и 28 января 1876 г. (*Гаршин III*, с. 59, 61—62). Как оказалось, ее письмо от 14 января пропало на почте (см. там же, с. 62).

5

<Между 10 и 13 февраля 1876 г. СПб.> [1]

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Не знаю, как благодарить вас за ваш подарок, за карточку вашу и Зинаиды Ивановны, которой также прошу вас передать мою благодарность. Карточка ваша для меня была совершенным сюрпризом. Вернулся я однажды домой вечером, злой, почти больной (о причинах умолчу), настроение было самое скверное, но ваше письмо развеселило меня, показав, что и у меня есть друзья, которые меня не забывают.

Во втором вашем письме вы пишете, что первое наполнено глупостями и тому подобное; я решительно не понимаю вас. Глупостей в письме нет никаких, разве не очень умно только то, что письмо очень коротко: впрочем, и второе не длиннее. Зачем вы хотите рисоваться письмами перед кем бы то ни было; пишите, что пишется, посылайте, что написалось. А если вы будете стараться писать только умные вещи, что из этого выйдет? Что может быть хуже, чем то, что человек «притворяется умным», как говорил мой покойный батюшка про мать.

Извините за это рассуждение и за то, что письмо испачкано помарками.

Вчера я весело провел время. Собралась компания человек в 25 студентов и барышень и отправились на чухонских лошадях за город * на 7 санях. За городом по Парголовской дороге остановились в пустой даче и устроили пляс, выпивку и тому подобное. Поехали днем, приехали поздно вечером. Приняв во внимание хорошую погоду и то обстоятельство, что мы сами правили и страшно летели туда и назад, можно с достоверностью утверждать, что поездка удалась вполне.

Я сегодня расположен выражаться витиеватым слогом. Пишу такое, что и сам мало понимаю.

Петербург в трауре; повсюду висит черное сукно и белый коленкор; офицеры обтянули погоны и кокарды крепом. Мария Николаевна умерла как раз в то время, когда всем хочется веселиться, и поэтому все ее ругают.

Господи! жила — ругали и умерла — тоже ругают, зачем умерла [2].

Экзамены наши если не на носу, то недалеко от оного, почему я и засел за работу. Вчерашнее путешествие прервало ее, впрочем, я не жалею, потому что весело провел время. Сколько было гаму и визгу! Одни сани перекувырнулись, и публика, трое мужчин и дама, очутились в канаве, в снегу, откуда мы с превеликим трудом вытащили их.

Пишите, Раиса Всеволодовна, пожалуйста! Да не старайтесь писать мне только то, что вам кажется умным; ведь я знаю уже вас немного, и об вашем уме составил некоторое приблизительное понятие, которое ваши

* На масленицу в Петербург приезжает страшное количество чухонцев-извозчиков, вроде ваших ванькòв. Они возят только одну неделю, не платя за то никаких денег. Лошади у них очень маленькие, но очень быстро бегают и замечательно выносливы (*примеч. Гаршина*).

письма, будь они умны или глупы, изменить не могут. Человек не письмами сказывается.

Пишите, что придет на ум; только пишите непременно. Прежде я только просил вас об этом, а теперь больше чем прошу, потому что получать ваши письма для меня потребность. Не сочтите это за фразу и не забывайте вашего друга

Всеволода Гаршина

Поклон всем вашим.

Посылаю вам марки и желаю узнать цель, с которой вы их собираете. Что поделывают ваши в Старобельске?

[1] В кн.: *Гаршин III* напечатано с неточной датой: «Около 15 февраля 1876 г.». Предлагаемая нами датировка — между 10 и 13 февраля — основывается на следующих фактах. Масленица в 1876 г. была с 8 по 14 февраля; вел. княгиня Мария Николаевна умерла 9 февраля, 12-го гроб был перевезен в Петропавловскую крепость; похороны состоялись 13 февраля, после чего общий траур был снят: с 14-го все императорские театры возобновили спектакли. Поскольку письмо было написано еще в дни траура, 14 и 15 февраля исключаются как возможные даты.

[2] Мария Николаевна, дочь Николая I, была президентом Академии художеств в 1852—1876 гг. В письме к матери от 12 февраля 1876 г. Гаршин возмущенно писал: «Подлец «Голос» не преминул разлиться скорбью в своей передовой статье об августейшей покойнице, которая и нравственность-то являла, и общественной деятельностью занималась, и Академию художеств на высокую ногу поставила. А она в Академию художеств, несмотря на то что была ее президентом, никогда не заглядывала» (*Гаршин III*, с. 64).

6

$18\frac{22}{II}$76. СПб.

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Сегодня 22 февраля; ровно через три месяца у нас последний экзамен. Если вы действительно не уедете в Старобельск до 15 июня, то я вас застану в Харькове и буду иметь удовольствие лицезреть около трех недель.

Поэтому я заранее ликую.

Что за человек ваша новая сожительница? Вы пишете: «умная»; правда ли это? Вы что-то уж слишком скоро убедились в ее уме.

Матушка пишет мне, что в Харькове уже все растаяло. Вот счастливые! У нас морозы, ветер, снега на поларшина, темно, скучно. Моя тетка Ольга Орестовна [1] уезжает во вторник в Крым (и, вероятно, заедет к матушке). Там, говорят, уже деревья распустились. Впрочем, я и здесь, в Петербурге, как-то чувствую весну: мало спится, много работается, а в особенности бегается. На днях предстоит очень и очень неприятная вещь (для меня, конечно): Александр Яковлевич Герд 6 марта уезжает [2]. Одним, да, по правде сказать, и единственным истинно хорошим человеком стало меньше на целых полгода. Он приедет в сентябре. Жена его [3] тоже едет за границу, так что, как вы видите, мои знакомые поредеют.

По случаю 19 февраля написались у меня стихи. Простите, что без вашей просьбы привожу вам их. Вам, может быть, мое стихоплетство вовсе не нравится; по крайней мере я не знаю вашего мнения об этом предмете.

За последнее время я что-то сильно расписался. И для чего? Господь ведает! Сидишь целый час и пишешь и пишешь; рифмованные и нерифмованные стихи *ложатся* в огромном количестве на бумагу, а после вместе с бумагой *кладутся* в печь; стихи горят; через два дня операция повторяется. Послушайте.

Пятнадцать лет тому назад Россия
Торжествовала, радости полна,
Повсюду в скромных деревенских храмах

Моленья богу возносил народ;
Надежды наполняли наши души,
И будущее виделось в сияньи
Свободы, правды, мира и труда.

Над родиной «свободы просвещенной»
Ты засияла, кроткая заря,
Исполнилось желание поэта *,
Когда, народным горем удрученный,
Он спрашивал грядущее тоскливо,
Когда конец страданиям народа,
Прийдет иль нет освобожденья день?

Свершилось! Ржавые оковы с звоном
Упали на землю. Свободны руки!
Но раны трехсотлетние остались,
Натертые железом кандалов,
Изогнута спина безмерным гнетом,
Иссечена безжалостным кнутом,
Разбито сердце, голова в тумане
Невежества; работа из-под палки
Оставила тяжелые следы.
И, как больной опасною болезнью,
Стал тихо выздоравливать народ.

О ранами покрытый богатырь!
Спеши, вставай, беда настанет скоро!

Она пришла! Бесстыдная толпа
Не дремлет; скоро вьются сети,
Опутано израненное тело
И прежние мученья начались!..
. . . . . .
. . . . . .
Прочь, муза, прочь! С меня довольно песен!
Противны мне их звуки! Месть велит
Перо сломать и взять кинжал убийцы! [4]

В. Г. $18\frac{19}{11}76$

Да, месть велит! А ты сидишь тут и киснешь! Пописываешь дрянные стишонки, наполненные фразами, а чтобы сам что-нибудь сделать — ни шагу.

Впрочем:

Когда науки трудный путь пройдется
Когда в борьбе и жизни дух окрепнет,
Когда спокойным оком, беспристрастно
Я в состояньи буду наблюдать
Людей поступки, тайные их мысли
Читать начну своим духовным взором,
Когда пойму вполне ту тайну жизни,
Которой смутно чую бытие,—
Тогда возьму бесстрашною рукою
Перо и меч и изготовлюсь к бою [5].

---

* Пушкина *(примеч. Гаршина)*.

Сегодня у меня «стих нашел» писать белые стихи. Извините, что надоедаю.

Скоро снимусь и пришлю карточки вам и Зинаиде Ивановне.

До свиданья, дорогая моя! Прощанье это больше относится к вам, чем ко мне, потому что вы всегда, всегда со мною.

Поклонитесь вашим.

Ваш друг Всеволод Гаршин

При этом письме посылаю целую кучку марок. Две из них — китайско-английские из Гонконга.

Прислал их на письме Пузино [6].

[1] Ольга Орестовна Пузино, старшая дочь О. П. Пузино.

[2] См. п. 4, примеч. 6.

[3] Об А. М. Герд см. наст. том, с. 203.

[4] Об исключении по цензурным соображениям трех заключительных строк этого стихотворения см. наст. том, с. 215. Подцензурный текст стихотворения воспроизводился во всех советских изданиях сочинений Гаршина. В полном виде оно печатается здесь впервые.

[5] Это стихотворение, как и предыдущее, впервые было опубликовано в «Русской мысли», 1917, № 1; по этому тексту, точно воспроизводящему автограф, оно печатается во всех собраниях сочинений Гаршина.

[6] В 1875—1877 гг. контр-адмирал О. П. Пузино командовал Тихоокеанским отрядом судов русского флота, совершавшим плавание у берегов Китая, Японии и Северной Америки (см.: «Общий морской список», ч. XI, СПб., 1900, с. 291).

7

СПб., 18$\frac{26}{III}$76

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Уже две недели как я получил ваше последнее письмо, а отвечаю на него только теперь. Причина тому та, что я все хотел послать вам карточку, да так и не успел сняться все это время. То времени нет, то денег.

Матушка писала мне о ваших блистательных успехах [1]. Искренно поздравляю вас. Теперь я твердо убежден, что мои предположения относительно ваших концертов в европейских столицах, о громадном успехе и пр. и пр., которые я однажды, сидя у вас в гостиной, имел честь высказать, эти предположения, говорю я, непременно сбудутся. Быть может, и я в качестве ничтожного и смиренного писаки-фельетониста буду восторгаться вашим «туше» и чувством, буду сравнивать вас с Листом и Рубинштейном. Тогда не осмелюсь я писать вам писем, подобных этому, а только разве за скромный рубль куплю себе местечко в концерт и буду слушать... Далее моя дерзость не простется.

На поприще скромного писаки я уже выступил. Я послал одну из моих писулек в «Молву» и получил известие от редактора, что писульку напечатают в одном из следующих номеров газеты [2]. Вот уже три воскресенья прошло, а статья, подписанная буквами Р. А., все еще не появляется [3]. Впрочем, не беда и подождать немного; я счастлив тем уже, что мои первые литературные опыты были одобрены таким хорошим ценителем, как А. С. Суворин, и не отвергнуты порядочным журналом.

Я надеюсь, что вы не будете в претензии на меня за то, что я украл у вас начальные буквы вашего имени для подписи. Быть может, они принесут мне счастье.

Рассказывала ли вам матушка о Квитке, одном из моих товарищей, который чуть не умер от антонова огня?[4] Должно быть, да. Теперь он совсем поправляется; но все-таки около него нужен постоянный уход; нужно промывать раны, накладывать компрессы, делать перевязки. Так как опасность уже прошла, то почти все Квиткины товарищи перестали ходить

к нему на дежурство, особенно студенты-медики (им очень далеко, верст 5—6); поэтому мне, Володе Латкину, да отчасти Коновалову [5] приходится постоянно быть при бедном Семене.

А действительно бедный. Здесь есть музей Гасснера; [6] в нем, между прочим, есть коллекция отвратительных сифилитических язв, сделанная прекрасным образом из воска. Несмотря на то что у этого Гасснера собрано все, что только можно было найти ужасного по части ран и язв, раны Квитки было гораздо ужаснее. Огромные, черные, как уголь, и с невообразимым, невозможным зловонием. Сначала было очень трудно возиться со всем этим, но через день или два я совершенно привык. Так что теперь я горько сожалею, что не попал в Медицинскую академию.

До свидания, дорогая моя. Пишите мне, если будете столь добры, что напишете, *прямо на квартиру*, а не в Институт. Адрес мой: Васильевский остров, 6 линия, д. № 1, кв. 25. А то теперь в Институте я почти не бываю; некогда — с одной стороны Семен, а с другой — долбня записок.

Передайте поклон Зинаиде Ивановне и Прасковье Николаевне. Когда будете писать в Старобельск, не забудьте засвидетельствовать почтение Александре Кузминишне и прочим.

До свиданья.

Всегда ваш В. Гаршин

P. S. Глафира Васильевна-то! Вот удивила мир! Льщу себя мыслью о том, что я *дядюшка*! Какая честь! [7]

[1] Это письмо Е. С. Гаршиной остается неизвестным.

[2] 5 марта 1876 г. Гаршин писал матери: «Сейчас только Ольга Васильевна, моя сервантка, подала мне письмо от А. Жемчужникова, редактора «Молвы», письмо, где он пишет, что мой маленький очерк будет помещен в «Мо лве». Ликованию моему несть пределов» (*Гаршин III*, с. 70).

[3] Очерк был напечатан 11 апреля (см. п. 2, примеч. 8), но с опечаткой в подписи — Р. Л. вместо Р. А.

[4] Семен Кузьмич Квитка — студент Горного института, окончил его в 1879 г. Подробно о его болезни Гаршин писал матери 12 марта 1876 г. (*Гаршин III*, с. 72). В последующих письмах он регулярно извещал мать о ходе болезни и далее о выздоровлении Квитки. О Квитке рассказывает И. Я. Павловский в воспоминаниях «Дебюты В. М. Гаршина» («Красный цветок». Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПб., 1889, с. 18).

[5] Дмитрий Петрович *Коновалов* (1856—1929) — студент Горного института, впоследствии крупный ученый-химик, действительный член Академии наук СССР с 1923 г.

[6] Анатомический музей Гасснера был открыт в Пассаже в 1876 г. В рекламных объявлениях сообщалось, что «Удостоенный премий и известный во всей Европе Музей Гасснера» содержит «более 1000 замечательных предметов» — «механическая модель человеческого глаза», «механическая модель человеческой руки», «Дривола, замечательная красавица из волшебного мира» и др.

[7] У старшего брата Гаршина Егора Михайловича и его жены Глафиры Васильевны родился сын Александр.

8

‹Петербург, 27 или 28 августа 1876 г.› [1]

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Не поверите, как мне горько было уезжать, не повидавшись с вами хоть на минутку, да делать нечего; пришлось опять отказаться от возможности видеть вас на полгода, а может быть и навсегда.

Навсегда, в том случае, если наконец мои хлопоты увенчаются успехом и мне дадут заграничный паспорт. Если вы видели мою матушку, то она наверно сказала вам, как я [было] хотел уехать в Сербию и как меня не пустили [2]. Здесь, где у меня много знакомых и очень влиятельных, я, вероятно, добьюсь своего [3]. Если меня пустят, прощайте, моя дорогая: живой я, должно быть, не вернусь. Не поминайте дурным человека, который любил вас более всего на свете, кроме, разве, одной правды.

О правде я вам скажу несколько слов. Как мне ни горько говорить вам резкие слова, я все-таки скажу, что вы залезаете в грязь. Смотрите, чтобы она вас не проглотила. Сколько я знаю, вы остаетесь у Никулиных, несмотря на ваши обещанья. Если *нельзя* жить нигде кроме них — живите, что делать; только помните всегда, каждую минуту, что́ это за люди и что вы живете с ними по необходимости. От вас нельзя требовать решительного поступка, чтобы вы покончили одним взрывом все разом: вы чересчур мягкая девушка; грубые люди вас могут мять как воск; умоляю только вас, живя в грязи, постарайтесь, чтобы она к вам не прилипла, чтобы вы сохранили вполне тот чистый образ, который представляется мне, когда я о вас думаю.

Дорогая моя, ответьте на это письмо. Может быть, для меня это будет ваша последняя ласка. Не откажите в ней, напишите мне письмо, хоть маленькое, но искреннее, не о «тете» и «дяде», а о себе, о той, одно слово о которой мне ближе и дороже тысяч разных дядей и своих и чужих.

Что вам сказать о себе? Жил я в Харькове отвратительно. Писать к вам не мог, от вас получил всего одно письмо. С матерью отношения были дурные (относительно, конечно), так как оба мы всегда были раздражены [4].

Познакомился с Гинзбургами [5]; хваленая «Мотя» оказалась такой гадостью, таким настоящим ⟨...⟩

Работать в моем настроении было невозможно... [6]

До свиданья, если только оно будет. Писать не могу больше, взволновался. Да пора и на урок идти.

Прощайте, моя жизнь, моя радость.

Ваш Всеволод Гаршин

Пишите по следующему адресу: Офицерская ул., д. № 33, кв. 36. В. М. Г.

Пишите, бога ради.

[1] В «Русской мысли» это письмо было опубликовано без даты; в кн.: *Гаршин III* — с редакторской датой: «Около 29 августа 1876 г.» — очевидно по связи с письмом к матери, начало которого помечено 29 августа. Здесь Гаршин также сообщает свой новый адрес на Офицерской улице. В предыдущем письме к матери, написанном 26 августа, на другой день после приезда Гаршина в Петербург, о новой квартире еще нет речи; следовательно, настоящее письмо не могло быть написано 26 августа. С другой стороны, 29 августа Гаршин сообщал матери много петербургских новостей, рассказывал о встречах с друзьями и знакомыми. Ничего этого нет в письме к Р. В. Александровой: оно целиком погружено в события харьковской жизни. Поэтому наиболее вероятной нам представляется датировка 27 или 28 августа.

[2] 18 июня 1876 г. Сербия объявила войну Турции, которая ответила отказом на требование передать Боснию и Герцеговину в управление Сербии и Черногории. Сербская война вызвала большой поток добровольцев из русской молодежи. Гаршин, находясь летом в Харькове, просил о выдаче ему заграничного паспорта, но харьковский губернатор Д. Н. Кропоткин отказал ему, как подлежавшему воинской повинности (см.: «Русское обозрение». 1895, кн. 2, с. 878).

[3] Гаршин уже в начале сентября отказался от намерения ехать добровольцем в Сербию. Главную роль в этом сыграло, вероятно, понимание неизбежности войны между Россией и Турцией.

[4] О тяжелых отношениях с матерью во время летнего пребывания в Харькове Гаршин писал ей 26 августа 1876 г. (*Гаршин III*, с. 86—87).

[5] Борис Михайлович Гинзбург и его дочь Матильда Борисовна — харьковские знакомые Гаршина.

[6] Речь идет о литературных опытах Гаршина.

9

Петербург. [9] 10 сентября 1876 г. [1]

Ваше письмо, дорогой мой друг, и обрадовало меня и огорчило. Обрадовало, потому что оно такое хорошее, искреннее; огорчило, потому что я увидел, как вам скверно и тяжело. Господи, если б вы знали, как меня

В. М. ГАРШИН
Портрет работы Э. Черчейт (масло), 1875
На обороте — рукой Гаршина: «За Владимиром Латкиным право владения этим портретом утверждаю 18 $\frac{2}{X}$ 75»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

мучает полнейшая невозможность помочь вам чем-нибудь, кроме ободренья. Не смотрите так мрачно, подумайте, что ведь это долго тянуться не может, что у вас впереди непременно будет лучшее будущее, хорошая жизнь. Две-три капли воды, попав в гранитную скалу и не находя выхода, разрывают ее; неужели вы думаете, что ваше положение не такое же, как этих капель. Я всегда утешаюсь подобным образом: это уже чересчур скверно, и поэтому должно так или иначе кончиться. Логики тут мало, а правда есть.

Ходите, пожалуйста, к матушке: она искренно и горячо вас любит. Что касается до того, знает ли она о нашем объяснении, скажу вам, что она может догадываться обо всем. Да разве это и трудно? Шила в мешке не утаишь. Да если она и догадалась, то беды тут особенной нет.

Живу я вместе с В. Н. Афанасьевым [2]. Лекций покуда еще нет. Хожу на урок; достали мы с Афанасьевым еще чертежную работу. Живем понемножку; если бы еще из Харькова приходили хорошие вести, так было бы ничего. А то — вы пишете письмо печальное, матушка — еще того скорбнее. В Сербию уехать оказалось решительно невозможным. Мы с Владимиром Михайловичем (Латкиным) бегали целую неделю по разным особам, влиятельным и невлиятельным, и ничего не добились. Да, правду сказать, я теперь уже не так и стремлюсь: вести оттуда приходят уже не такие печальные; справятся и без меня. Недавно Малышев [3] писал к Суворину (издателю «Нового времени») письмо, спрашивая, ехать ему в Сербию или не ехать, и получил такой ответ: «М. Г., мое мнение ничего не значит, а вот мнение [г⟨енерала⟩] Черняева: [4] он говорит, что ему нужны *только* офицеры и солдаты».

Так что вы напрасно горюете, что лишитесь «дорогого и искреннего друга». Дорогая моя, спасибо вам за эту фразу. Когда вы так долго не писали мне из Старобельска, я думал уже, что лишился всех прав на это звание, которое дороже мне всех чинов. Мучительное было для меня это лето, и не в этом одном только отношении. Я чувствую, что я за эти три месяца ужасно постарел, не телом, конечно. Моя обыкновенная веселость куда-то исчезла; многие меня спрашивают ни с того, ни с сего: «о чем вы, В. М., задумались?»— хотя я ни о чем и не задумывался.

Писать опять начинаю: в Харькове решительно не мог. Матушка вам даст прочесть, конечно, мои стихи по поводу Сербии. Не напечатали их за строчку

«Мы не идем по прихоти *владыки*».

Выкинуть или изменить эту строчку я не умею [5].

Даю вам слово, что в эту зиму вы увидите мое имя в печати. Я должен идти по этой дороге во что бы то ни стало. Помните, я сказал вам, что не кончу курса в Институте: потому, дескать, что предметов много и что их знать невозможно. Вы тогда меня неверно поняли, подумав, что их невозможно знать *для экзаменов*. Это-то пустяки, экзамены меня нисколько не устрашают, и будь охота, кончить курс в Институте было бы вовсе не трудно. Трудно только работать с сознанием, что, несмотря на все удачные экзамены, ты все-таки знать не будешь ничего. Да и карьера горного инженера пугает меня. Я знаю многих из них: все разделяются на три категории: одни — дельцы, загребающие деньги, чины, места; другие — спившиеся люди, третьи — кандидаты во вторую категорию, люди хорошие, честные, страдающие из-за того, что стоят не у дела, а у пустого места. Да разве это не пустое место — набивать мошну какому-нибудь неучу. Или провести полжизни на Монетном дворе (как А. С. Дорошенко, один из моих хороших знакомых [6]), день за днем отвешивая золото, серебро, кислоты и проч. и проч. Я не хочу такой жизни. Я чувствую в себе силы для известной деятельности, и ей отдам свою жизнь.

Впрочем, если совсем уже не опротивеет, дотяну и наш курс. Окончание его имеет важность: даст положение.

Дорогая моя, не скоро еще я увижу вас! Целых три месяца. Будем, по крайней мере, писать друг к другу. Если бы вы всегда писали *так*, как написали это письмо!

Бедный Володя остался на 3 курсе. Все наделала болезнь Квитки! Вчера приехала в Петербург из Усть-Сысольска Елизавета Ивановна Латкина, наш общий друг. Она, кажется, расходится с мужем, хотя официально они об этом молчат. Она поступает в Медицинскую Академию [7].

Снимусь сейчас же, как только будут деньги, и снимусь у Каррика, и тотчас же вышлю карточки вам и Александре Кузминишне. Пора кончить письмо. Бумага кончается и время — тоже; сейчас иду на урок. До свиданья. (Уж теперь не напишу «прощайте»). До свиданья, дорогая моя

Вечно вас любящий Всеволод Г а р ш и н

[1] В *РМ* это письмо опубликовано с ошибочной датой: 19 сентября; эта же ошибка повторена и в кн. *Гаршин III*. В автографе первоначально было: 9 сентября, затем цифра «9» переправлена на «10». Правильность последней датировки подтверждается сообщением о приезде Е. И. Латкиной («Вчера приехала...») — в письме к матери от 9 сентября Гаршин сообщал: «Сегодня приехала Лизавета Ивановна Латкина» (*Гаршин III*, с. 92).

[2] Об В. Н. Афанасьеве см. наст. том, с. 202.

[3] Об М. Е. Малышеве см. наст. том, с. 248—250.

[4] Михаил Григорьевич *Черняев* (1828—1889) — русский генерал; во время серботурецкой войны 1876 г. командовал одной из сербских армий, затем был назначен главнокомандующим.

[5] Гаршин послал это стихотворение в «Новое время». О том, что оно не было напечатано из-за одной строки, Гаршин писал матери 8 сентября 1876 г. (*Гаршин*

III, с. 90). В этом же письме он привел полный текст стихотворения. Впервые оно было опубликовано в кн: «Путь-дорога». Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., изд. К. М. Сибирякова, 1893, с. 326.

[6] Алексей Семенович Дорошенко — приятель Гаршина, окончил Горный институт в 1876 г.

[7] О женских курсах при Медико-хирургической академии см. п. 3, примеч. 6. Об Е. И. Латкиной (рожд. Труневой) см. наст. том, с. 200.

10

Для передачи Р. В.

⟨Сватово, около 2 мая 1877 г.⟩ [1]

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Окажите мне услугу, которой я ввек не забуду. В том *ломберном столе, что стоит у нас на галерее*, лежит целая куча писем матушки и других ко мне. Через Маланью, выньте их, конечно, чтобы «хозяйка» и Жорж даже не знали, запечатайте и спрячьте [2]. Если их там нет, то их утащила, значит, Глафира Васильевна, что для меня более чем неприятно. Пишу к вам из Сватовой, сейчас только вспомнил об этом печальном обстоятельстве. Едем благополучно. Кланяйтесь Марии Николаевне, Александре Кузминишне, Наде № 1, Наде № 2 [3] и С⁰.

Тысячу раз целую ваши руки.

Ваш Всеволод Г.

P. S. Федя Паньков ⟨?⟩ [4] на прощанье совсем разрыдался, бедный.

[1] Сватово — железнодорожная станция и город в 190 км, к юго-востоку от Харькова. По месту отправления письма и его содержанию относим его к 1877 г. Сразу после объявления Россией войны Турции (12 апреля 1877 г.) Гаршин и В. Н. Афанасьев решили ехать в Кишинев, где располагалась русская армия. 21 апреля Гаршин выехал из Петербурга в Харьков, где пробыл несколько дней у матери. Здесь к нему присоединился Афанасьев, задержавшийся в Петербурге. В Кишинев они приехали 4 мая. Отсюда можно предположить, что из Харькова они выехали 2 мая. Этим и определяется приблизительная датировка письма.

[2] Волнение по поводу забытых писем и забота об их сохранении подтверждают наше предположение, что письмо относится ко времени отъезда Гаршина на театр военных действий.

[3] Надя № 1 — сестра Р. В. Александровой Надежда; кто назван «Надей № 2», установить не удалось.

[4] В подлиннике фамилия написана неразборчиво.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

Публикация К. П. Богаевской и А. П. Оксман

Предисловие и примечания К. П. Богаевской

Письма Гаршина впервые были собраны в 1934 г. Ю. Г. Оксманом — в единственном вышедшем в свет томе задуманного им полного собрания сочинений писателя (*Гаршин III*).

В этот том вошло свыше 500 писем. До тех пор в печати было известно всего лишь 96 писем, да и то помещенных в малодоступных изданиях, часто в цитатах или отрывках, порой в искаженном цензурой виде.

К сожалению, переписка Гаршина сохранилась далеко не полностью. Уничтожены или не выявлены до сих пор известные только в цитатах письма Гаршина к В. Н. Афанасьеву, Н. С. Дрентельну, И. Е. Малышеву, В. А. Фаусеку и др. Частично погибли автографы его писем к А. Я. Герду, В. М. Латкину, Н. А. Лейкину, С. Я. Надсону. Вероятно, количество утраченных писем Гаршина составляет несколько сот.

За время с 1934 г. до наших дней в печати появилось только 14 неизвестных писем Гаршина: 1) к М. Т. Лорис-Меликову, от 25 февраля 1880 г. («Красный архив», 1934, № 3, с. 143—144); 2) к какому-то официальному лицу, ⟨1877—1878 гг.⟩ («Звезда», 1945, № 2, с. 137); 3) к Ф. Ф. Павленкову, от 29 ноября 1883 г. («Литературный Саратов», кн. 14, 1951, с. 236); 4) незначительная записка к Я. П. Полонскому, от 10 апреля 1887 г. («Русская литература», 1958, № 2, с. 144); 5) записка П. И. Вейнбергу, от 25 февраля 1887 г. (*Клочкова*, с. 66); 6) девять писем к М. Е. Малышеву, 1883—1887 (см. о них наст. том, с. 255).

Нами публикуется шесть неизвестных писем Гаршина, находившихся в собрании Ю. Г. Оксмана (ныне передано в ЦГАЛИ — ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 224, 225, 227). Покойный исследователь не успел опубликовать их сам. Им был намечен и начат ряд работ о Гаршине, но занятия творчеством Пушкина, Герцена, Тургенева помешали ученому вернуться к гаршинским материалам.

В дополнение нами печатаются еще три письма Гаршина, хранящихся в ЦГАЛИ. Кроме того, там находятся две незначительные записки писателя: одна к И. И. Горбунову-Посадову, от 15 марта 1886 г. (ф. 122, оп. 3, ед. хр. 57); другая к неустановленному лицу, на визитной карточке и без даты (ф. 137, оп. 2, ед. хр. 5).

Ж. А. ПОЛОНСКОЙ

Жозефина Антоновна *Полонская* (рожд. Рюльман; 1844—1920) — скульптор, жена поэта Я. П. Полонского (см. о ней статью: Н. Н. Фонякова. Скульптор Ж. А. Полонская.— «Тургеневский сборник», III. Л., 1967, с. 279—292).

Гаршин провел с семьей Полонских лето 1882 г. (с конца июля до середины сентября) в Спасском-Лутовинове у Тургенева. 20 августа он писал оттуда Н. М. Золотиловой о Полонской: «...дама очень милая, и мы с нею большие друзья» (*Гаршин III*, с. 275).

Существует еще одно незначительное письмо Гаршина к Полонской от 18 января 1887 г. (там же, с. 377). Письма ее к Гаршину не известны.

⟨Петербург. 20 ноября 1882 г.⟩

Простите меня, дорогая Жозефина Антоновна: я решительно не могу ехать сегодня с вами в Симфоническое собрание [1], несмотря на все свое

желание и сопровождать вас и послушать музыку. Я обещал сегодня быть в другом месте, где меня непременно будут ждать; если бы не это обстоятельство, я, конечно, не преминул бы случаем воспользоваться вашим добрым предложением.

Искренно ваш В. Гаршин

1882, 20 нбр.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, ед. хр. 91.

[1] О петербургских Симфонических собраниях см. наст. том, с. 220.

Ф. Ф. ФИДЛЕРУ

Федор (Фридрих) Федорович *Фидлер* (1859—1917) — переводчик русской литературы на немецкий язык и педагог. Коллекционировал автографы писателей и создал у себя «Музей русской литературы» (часть его собрания перешла к собирателю А. Е. Бурцеву, остальное утеряно).

В 1883—1884 гг. Фидлер перевел «Красный цветок» и «Attalea princeps», в 1887 г. написал рецензию на сборник рассказов Гаршина («St.-Petersburger Herold», № 142, 22 мая).

О Фидлере см: H. Pohrt. Friedriech Fiedler und die russische Literatur.— «Zeitschrift für Slawistik» (Berlin), 1970, Bd. XV, Heft 5, S. 694—718 (о Гаршине — с. 698—701).

Гаршин познакомился с Фидлером осенью 1883 г., когда тот был студентом 4-го курса историко-филологического факультета Петербургского университета. Молодой человек явно вызвал симпатии Гаршина. В письме к матери от 11 февраля 1884 г. он назвал Фидлера «милым немцем» (*Гаршин III*, с. 311) и неоднократно сочувственно упоминал его имя в своей переписке.

Впоследствии Фидлер использовал в воспоминаниях о Гаршине записи из своего дневника за 1883—1888 гг. («Литературные силуэты». — «Новое слово», 1914, № 1, с. 68—75). 25 мая 1913 г. он обратился к Е. М. Гаршину с вопросами об его брате. Евгений Михайлович ответил 26 июля 1913 г. из Алушты. Приводим выдержки из этого письма, касающиеся писателя:

«Для твоих воспоминаний тебя интересует «Алексевна» (о ней см.: «Литературные силуэты», с. 69 — *К. Б.*). Это хорошая старая женщина, случайно поступила кухаркой в ménage * Всеволода и его супруги Надежды Михайловны и раньше сего ни ко Всеволоду, ни ко всей нашей семье никакого отношения не имела. Это была большая богомолка благодушного типа, и Всеволод любил с ней беседовать рано поутру и попивать с ней кофеек, который ему воспрещался его супругой, вооруженной, как тебе известно, медицинскими познаниями. «Алексевна» в свободное от службы время уходила на богомолье, в места более или менее отдаленные, и мечтой Всеволода было пойти с нею вместе постранствовать.

Вот все, что я могу вспомнить об этой женщине. Быть может, Надежда Михайловна более тебе осветит этот образ, если ты вызовешь ее на воспоминания о ее муже. Ведь ты знаешь, должно быть, что Надежда Михайловна живет в Вологде и состоит на службе ординатором психиатрического отделения губернской земской больницы.

Что касается твоего музея, то я готовлю для него достойный вклад. Только этой осенью я приступил к разбору моего архива и даже посильной его разработке. В печати появилось, как ты, должно быть, знаешь, два моих этюда: «Как писался «Рядовой Иванов» (в «Солнце России») и «Литературный дебют Всеволода Гаршина» (в «Русской мысли» за апрель с. г.). Раньше, все эти 15 лет моей провинциальной деятельности, в борьбе с невежественным обществом, в борьбе с недугами своими собственными, с болезнями моей жены и дочери (от первого брака) — и я, дорогой мой, через это прошел — все было некогда, и я перевозил с места на место вороха неразобранных бумаг,

* семью, дом (*франц.*).

писем и прочего. Только теперь, в благодатном крымском климате, я чувствую себя как бы нашедшим себя и на 53-м году жизни работаю более или менее спокойно ‹...›

Напиши мне, пожалуйста, кто такое Юргенсон и какое его отношение к литературе. Он ко мне обратился с просьбой об автографе Всеволода. Я ему ничего не отвечал, как человеку мне совершенно неведомому, а теперь опять за него в том же направлении просит Л. И. Веселитская (Микулич, автор «Мимочки» в разных видах), к которой я в свое время был чуточку неравнодушен...» (Автограф.— ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 228).

До сих пор было известно только одно письмо Гаршина к Фидлеру от 3 марта 1884 г. (*Гаршин III*, с. 315). Мы публикуем еще четыре письма из собрания Ю. Г. Оксмана (ед. хр. 227); было ли их больше или этим исчерпывается все —остается неизвестным.

В архиве Гаршина сохранилось два письма Фидлера к нему: от 2 марта и начала ноября 1884 г. (ИРЛИ, ф. 70, № 125). На первое письмо Гаршин ответил 3 марта; второе — с приглашением на литературный вечер, видимо, не требовало ответа.

1

‹Петербург. 17 октября 1883 г.›

Многоуважаемый Федор Федорович!

Простите, что не могу назначить вам времени раньше завтрашнего дня (вторник, 18); мы с женой немного завертелись: сегодня идем в театр, а завтра — в концерт, который начнется в 8 часов. Поэтому, если вы придете в $5^1/_2$, 6 или $6^1/_2$ часов, то это будет весьма удобно. Весьма вероятно, впрочем, что до того времени я явлюсь к вам [1].

Преданный вам В. Г а р ш и н

$18\frac{17}{X}83$

[1] Свидание Гаршина с Фидлером было вызвано желанием последнего перевести на немецкий язык «Красный цветок». Об этом свидетельствует городская записка к Фидлеру Е. М. Гаршина, так же, как и он, студента-филолога, от 7 октября 1883 г.:

«Любезный товарищ!

Я передавал моему брату ваше желание перевести его новую повесть, которая появится в октябрьском № «Отечественных записок», и брат очень сочувственно к этому отнесся. Он предлагает вам взять у него рукопись и начать (а, пожалуй, и сделать) перевод, до появления «Красного цветка» в «Отечественных записках». Брат мой Всеволод очень рад будет с вами познакомиться и просит вас без чинов зайти к нему в это воскресенье (9 октября),— до часу дня он будет вас ждать. Адрес моего брата Всеволода Михайловича: Пески, уг. Дегтярной и 9-й улицы, д. 20/37, кв. 10. В будние дни брата застать трудно: он служит» (автограф.— ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 228).

Фидлер вспоминает, что свидание их действительно состоялось 9 октября и Гаршин подарил ему рукопись «Красного цветка» («Новое слово», 1914, № 1, с. 69; там же с рядом неточностей процитировано письмо Е. М. Гаршина).

О переводе Фидлера см. следующее письмо.

2

‹Петербург. 7 ноября 1883 г.›

Спешу ответить вам, многоуважаемый Федор Федорович [1]. Конечно, следует согласиться подождать у З.-Мазоха [2]; до февраля вовсе не так долго. А что касается до гонорара за оригинал, то я на него никогда и не рассчитывал; на этот счет поступайте как вам будет угодно. С меня совершенно достаточно того, что «Красный цветок» переведен, а деньги я уже получил с «Отечественных записок» в совершенно удовлетворительном количестве.

Искренне ваш Всеволод Г а р ш и н

7 н‹оя›бря 1883. СПб.

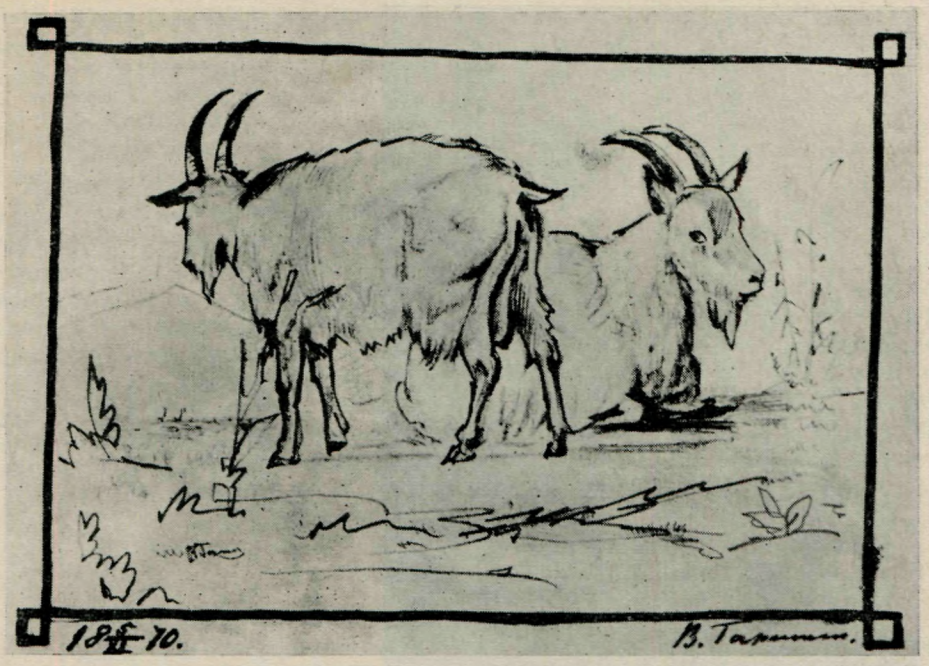


РИСУНОК В. М. ГАРШИНА
Карандаш, перо. 5 ноября 1870 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

[1] Письмо Фидлера, на которое отвечает Гаршин, не известно.
[2] Леопольд *Захер Мазох* (1835—1895) — немецкий беллетрист, издавал в 1882—1885 гг. в Лейпциге литературный журнал «Auf der Höhe». Здесь и появился перевод «Красного цветка», выполненный Фидлером (1884, № 11, с. 4—18).

3

‹Петербург. 29 января 1887 г.›

Любезный Федор Федорович!

Я на обеде 31-го ни в каком случае не буду [1], о чем уже сказал приглашавшему меня Гамме-Градовскому [2]. Яков Петрович [3] и Плещеев [4] тоже не будут. Будет Нотович и К° [5].

Ваш В. Гаршин

29/I 87

[1] Обедом 31 января 1887 г. писательская общественность отмечала пятидесятилетие со дня гибели Пушкина. Характерно, что и Н. С. Лесков также отказался присутствовать на этом обеде, считая такую форму недостойной памяти великого поэта (письмо Лескова к В. О. Михневичу от 27 января 1887 г.— «Прометей», кн. 10. М., 1975, с. 408—409).
[2] Григорий Константинович *Градовский* (псевдоним Гамма; 1842—1915) — публицист, издатель журнала «Русское обозрение» (1876—1878); активный член Литературного фонда.
[3] Яков Петрович *Полонский* (1820—1898) — поэт, друг Гаршина.
[4] Алексей Николаевич *Плещеев* (1825—1893) — поэт; также находился с Гаршиным в дружеских отношениях. В ИРЛИ хранится неизданное письмо Гаршина к Плещееву от 23 марта 1886 г. (Р. III, оп. 2, № 1529).
[5] Осип Константинович *Нотович* (1849—1914) — журналист; с 1876 г.— редактор-издатель газ. «Новости». В конце 1877 г. у Гаршина произошел конфликт с Нотовичем, кончившийся полным разрывом. В ИРЛИ имеется неизданное письмо Гаршина к Нотовичу от 2 января 1878 г. с просьбой вернуть его рукопись (ф. 207, оп. 2, № 1). См. также письма Гаршина к матери от 1 января 1878 г и к А. И. Эртелю от 17 июля 1884 г. (*Гаршин III*, с. 148 и 330—331).

Н. М. ГАРШИНА (ЗОЛОТИЛОВА)
Фотография Степанова. Вологда, 1875
Институт русской литературы. АН СССР, Ленинград

4

‹Петербург. 19 февраля 1887 г.›

Дорогой Федор Федорович,

никаких билетов не будет, а будет публикация в газетах; кто хочет быть на юбилее Якова Петровича, тот пусть внесет назначенную сумму распорядителям, и будет записан, куда надо, а потом пущен на обед [1]. «Сигнал» с удовольствием посылаю [2], а за присылку благодарю.

Ваш В. Гаршин

19/II 87

[1] О предполагаемом праздновании пятидесятилетия поэтической деятельности Я. П. Полонского Гаршин сообщал С. Я. Надсону 20 декабря 1886 г. (*Гаршин III*, с. 375). Чествование состоялось 10 апреля 1887 г. Гаршин и Фидлер на нем присутствовали (см. там же, с. 516—517). Гаршин написал к этому дню стихотворение — «Чудо! В Гурзуфе я был и видел там призрак поэта...» («Русская литература», 1958, № 2, с. 146).

[2] Рассказ Гаршина «Сигнал» опубликован в «Северном вестнике», 1887, № 1.

А. А. ДАВЫДОВОЙ

Александра Аркадьевна *Давыдова* (1848—1902) — жена директора Петербургской консерватории, композитора и виолончелиста Карла Юльевича *Давыдова* (1838—1889); в 1880-х годах была секретарем журнала «Северный вестник».

С 1884 г. Гаршин бывал у Давыдовых (см. его письмо брату Евгению от 24 января 1884 г. и последующие письма за тот же год.— *Гаршин III*, с. 307 и далее). Под его влиянием А. А. Давыдова организовала помощь больному С. Я. Надсону (там же, с. 345—346).

В архиве Гаршина сохранилось письмо Давыдовой (начало декабря 1884 г.), посвященное подготовке концерта в пользу Надсона (ИРЛИ, ф. 70, № 97). Письма Гаршина к Давыдовой неизвестны.

‹Петербург. 7 октября 1885 г.›

Душевно благодарю вас, многоуважаемая Александра Аркадьевна, за память об нас (я только вчера, повидавшись с матушкой, узнал от нее о том, что она виделась с вами и что́ вы говорили ей). Теперь мы живем в такой дали, что мне, право, трудно собраться куда-нибудь в город вечером, после того как усталый приедешь со службы (которая для меня теперь очень тяжела) [1]. Через несколько дней мы переедем в город и тогда явимся к вам. Только уж позвольте не воспользоваться вашим добрым и деликатным предложением, а явиться к вам без всякого предуведомления: я хотя и уныл и угнетен, но вовсе не хочу быть важной персоной, из-за которой вам пришлось бы отказывать кому-нибудь из знакомых.

Поклонитесь Карлу Юльевичу и всем вашим. Надя кланяется.

Искренно преданный вам

В. Гаршин

7 октября 1885

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 137, оп. 2, ед. хр. 4.

[1] Гаршин занимал должность секретаря Общего съезда представителей железных дорог. О своем тяжелом душевном и физическом состоянии он писал также В. М. Латкину 29 сентября 1885 г. (*Гаршин III*, с. 358—359).

Н. Н. БАХМЕТЬЕВУ

Николай Николаевич *Бахметьев* (1847—1902) — секретарь редакции «Русской мысли» в 1880-х годах. Весной 1884 г. и позднее настойчиво приглашал Гаршина сотрудничать в этом журнале (см. письма Гаршина к матери от 6 мая 1884 г. и к Н. М. Минскому от 23 июня 1884 г.— *Гаршин III*, с. 320, 326). Начало этому сотрудничеству положила публикация рассказа «Надежда Николаевна» (*РМ*, 1885, № 2 и 3). 17 марта 1886 г. Гаршин хлопотал о принятии Бахметьева в члены Общества Литературного фонда (*Гаршин III*, с. 368).

Сохранилось еще одно письмо Гаршина к Бахметьеву — от 11 февраля 1885 г. (там же, с. 352). Письма Бахметьева к Гаршину не известны.

‹Петербург. 1 апреля 1886 г.›

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Искренно благодарен вам за скорый ответ. Корректуру «Аггея» вы получите с этим письмом; я сделал кое-какие небольшие исправления — поправки вообще неважные; хотелось бы, однако, чтобы *примечание*: «Пересказ старинной легенды»— не было выпущено. Хотя я не оставил от этой легенды почти ничего и из двух крупного шрифта страниц ее сделал десять, но все-таки не хотел бы быть обвиненным в скрываньи источника [1].

Будьте добры, многоуважаемый Николай Николаевич, распорядиться о высылке мне десяти оттисков, когда они будут готовы.

Душевно преданный вам В. Гаршин

1 апреля 1886 г.
СПб. 7 улица Песков, д. 9, кв. 12.

Рукописная копия. ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 321, л. 5. Сохранилась среди бумаг издателя «Русской мысли» В. М. Лаврова, в составе подготовленной к публикации подборки: «Письма разных лиц к Н. Н. Бахметьеву».

[1] «Сказание о гордом Аггее» появилось в апрельской книжке «Русской мысли» за 1886 г. Сюжет его заимствован из «Пролога» — сборника житий святых, назидательных рассказов и легенд (X—XI вв.), однако конец легенды об Аггее Гаршин сильно изменил (см. об этом: Ф. Д. Батюшков. Памяти Гаршина.— «Современный мир», 1908, № 4, с. 99; И. А. Шляпкин. Памяти В. М. Гаршина.— «Русский библиофил», 1913, № 4, с. 84).

Н. А. ЛЕЙКИНУ

Николай Александрович *Лейкин* (1841—1906) — писатель-юморист, редактор-издатель журнала «Осколки».

До сих пор было известно только одно письмо Гаршина к Лейкину, от 12 октября 1886 г. (*Гаршин III*, с. 371) — по поводу подготовки Комитетом Литературного фонда вечера в память А. Н. Островского, скончавшегося 2 июня.

В обеих публикуемых нами записках речь идет, несомненно, о том же вечере, который, как свидетельствует первая из них, намечался на 4 января 1887 г. (о роли Гаршина в организации этого несостоявшегося вечера см. также наст. том, с. 240—241).

Из писем Лейкина к Гаршину до нас дошло только одно — от 21 января 1887 г., посвященное выдвижению А. П. Чехова в члены Литературного фонда («Красный архив», 1939, № 6, с. 177—178).

1

‹Петербург. 21 декабря 1886 г.›

Многоуважаемый Николай Александрович!

Убедительно прошу вас простить меня за запоздалый ответ. До сего дня невозможно было решить, будет вечер или нет. Если можно, просили оставить зал на *четвертое* [1]. Завтра утром зайду к вам, чтобы потолковать.

Ваш преданный В. Гаршин

21/XII 86

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 12.

[1] Вечер памяти Островского предполагалось провести в зале Кредитного общества; переговоры об этом велись через Лейкина (*Гаршин III*, с. 371).

2

‹Петербург. Конец декабря 1886 г. — начало января 1887 г.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Прибегаем к вам с просьбою: П. А. Стрепетова [1] захворала, и вряд ли будет в состоянии читать в воскресенье [2]. Комитет просит вас заменить ее и прочесть одну из ваших сценок в случае, если Пелагея Антипьевна не будет в состоянии приехать. Само собою разумеется, что мы вывесим, если это будет нужно, печатный анонс.

Будьте благосклонны, не откажитесь. О своем согласии быть готовым про запас не откажите уведомить Н. С. Таганцева (Кирочная, 3) [3].

На всякий случай оставляю вам два билета по 5 р. и три по 3. Может быть, кому-нибудь и сбудете, а если нет, то и обратно возьмем.

Искренно ваш В. Гаршин

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 225.

Датируется по связи с предыдущим письмом (см. примеч. 2).

[1] Пелагея Антипьевна *Стрепетова* (1850—1903) — драматическая актриса; состояла в труппе Александринского театра в 1881—1890 гг. С особенным успехом исполняла роли героинь Островского (Катерина, Кручинина и др.).

[2] В предыдущем письме Гаршин сообщал, что вечер намечается на 4 января 1887 г. На это число приходилось воскресенье.

[3] Николай Степанович *Таганцев* (1843—1923) — юрист, специалист по уголовному праву, один из защитников в «процессе 193-х»; в 1880-е годы — деятельный член Комитета Литературного фонда. В 1886—1887 гг. Гаршин неоднократно обращался к Таганцеву с просьбами оказать помощь нуждающимся литераторам или членам их семей.

П. В. ЗАСОДИМСКОМУ

Павел Владимирович *Засодимский* (1843—1912) — беллетрист-народник и детский писатель.

Ему принадлежат воспоминания о встречах с Гаршиным в 1886 г. («На могиле Гаршина. 26 марта 1888 г.» — П. З а с о д и м с к и й. Из воспоминаний. М., 1908,с. 324—331).

До сих пор было известно только одно письмо Гаршина к Засодимскому, от 7 февраля 1887 г. (*Гаршин III*, с. 379). Письма Засодимского к Гаршину не известны.

‹Петербург. 9 февраля 1887 г.›

Дорогой Павел Владимирович,

бога для, будьте сегодня к 7 часам у Н. С. Таганцева [1], чтобы кончить дело Венгерова с Павленковым [2]. Николай Степанович не ответил вам потому, что вы в письме к нему не написали своего адреса.

Ваш В. Г а р ш и н

Автограф на визитной карточке Гаршина. ЦГАЛИ, ф. 2567 (Ю. Г. Оксмана), оп. 2, ед. хр. 224.

Датируется по связи с записками Гаршина к Н. С. Таганцеву, С. А. Венгерову и П. В. Засодимскому по тому же вопросу, от 4 и 7 февраля 1887 г. (*Гаршин III*, с. 379).

[1] Об Н. С. Таганцеве см. предыдущее письмо.

[2] Известный историк литературы С. А. Венгеров обвинил издателя Ф. Ф. Павленкова в передаче его векселя постороннему лицу. «Дело» разбиралось на заседании товарищеского суда 9 февраля 1887 г. Суд признал претензии Венгерова неосновательными (в архиве Гаршина сохранился черновой автограф протокола этого заседания, написанный его рукой.— ИРЛИ, ф. 70, № 56; подробнее см.: *Гаршин III*, с. 518—519).

ПИСЬМО к В. Н. ДАВЫДОВУ

Публикация В. П. Нечаева

Владимир Николаевич *Давыдов* (настоящие имя и фамилия: Иван Николаевич Горелов, 1849—1925) — выдающийся русский артист. В 1867—1880 гг. играл в провинции. В 1880 г. дебютировал на сцене петербургского Александринского театра и был принят в труппу; работал в этом театре до 1924 г., затем — актер Малого театра. В 1886 —1888 гг. играл в театре Корша в Москве. В 1922 г. Давыдову присвоено звание Народного артиста республики. Давыдов является автором книги воспоминаний «Рассказ о прошлом». (Л.— М.,1962).

В творческой жизни Давыдова драматургия А. Н. Островского занимала большое место. В его пьесах Давыдов сыграл более 80 ролей. Лучшие из них — Хлынов («Горячее сердце»), Бальзаминов («Праздничный сон — до обеда»), Подхалюзин («Свои люди — сочтемся»), Каркунов («Сердце — не камень»). Островский высоко ценил талант Давыдова и сам поручал ему роли в своих пьесах. Все это и дало Гаршину основание обратиться к Давыдову с просьбой принять участие в вечере, посвященном памяти недавно скончавшегося драматурга.

Давыдов был знаком с А. Н. Островским, Л. Н. Толстым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Г. И. Успенским, А. П. Чеховым, Д. В. Григоровичем и другими писателями. Вместе с Гаршиным и А. Н. Плещеевым неоднократно участвовал в музыкально-литературных вечерах, в частности, 9 (21) декабря 1886 г. в зале городского Кредитного общества и 8 (20) марта 1887 г. в зале Кононова (см. объявления в газете «С.-Петербургские ведомости» — № 339 от 9 декабря 1886 г. и № 66 от 8 марта 1887 г.).

‹Петербург. 17 ноября 1886 г.›

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

С большим огорчением пишу вам это письмо. Вечер [1], в котором вы обещали Алексею Николаевичу Плещееву [2] принять участие, силою обстоятельств должен быть отменен. Комитет фонда не знает, как благодарить вас за согласие приехать 23—25 в Петербург, но устройство вечера встретило такие препятствия, что приходится отложить его на некоторое неопределенное время. Мы думаем созвать драматургов и писали уже об этом в Москву, но драматурги молчат; сегодня понедельник, программы нет, следовательно, нельзя продавать и билетов; кроме того, Давыдов (не *тот* Давыдов, не Владимир Николаевич, а другой, Карл Юльевич [3]) заболел, (нервы у него расходились), и мы остались без всякой музыки. Наконец,— что, по-настоящему, следует поставить не на конец, а в начале,— помещения расхватали: тут и Кропивницкий [4], и выборы в Кредитке [5], и Арма Зенкра [6], и их же имена ты, господи, веси. Одним словом, вышел оррер [7] и больше ничего.

Комитет прибегает к вам с умильным прошением: не найдется ли у вас двух свободных дней, начиная от 30 ноября? Чувствует сей комитет свою вину и поэтому просит робко и с опаскою. Ежели будет какая-либо надежда, отпишите хоть на мое имя, или же Николаю Степановичу Таганцеву [8] (Кирочная, 3), или Алексею Николаевичу (Спасская, 1).

Простите нас, Владимир Николаевич, за то, что этим откладыванием поселяем беспорядок и смуту: мы и сами пришли в некое умосмятение, ибо вечер нужен, денег нет, а устроить его 23, 24, 25 оказалось решительно невозможным.

Буду ждать от вас ответа самого коротенького, строчки в две.

Глубоко преданный вам В. Гаршин

17/XI 86.

СПб. Невский, д. 84, кв. 52, Всев. Мих. Гаршину

Автограф. Частное собрание (Москва)

[1] По поручению Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) Гаршин принял участие в устройстве вечера в память А. Н. Островского. Вечер неоднократно откладывался по разным причинам, и так и не состоялся (см. также наст. том, с. 238).

[2] А. Н. Плещеев (см. о нем наст. том, с. 235) был членом Комитета Литературного фонда.

[3] О К. Ю. Давыдове см. наст. том, с. 236).

[4] Марк Лукич *Кропивницкий* (1840—1910) — украинский драматург, театральный деятель и режиссер, актер, композитор, художник. В 1882 г. организовал первую украинскую профессиональную труппу, в которую вошли выдающиеся актеры — М. Заньковецкая, Н. Садовский, П. Саксаганский, И. Карпенко-Карый. С ноября 1886 г. в Петербурге проходили спектакли труппы Кропивницкого.

[5] В конце ноября 1886 г. состоялись выборы в городское Кредитное общество, в зале которого предполагалось провести вечер (см. наст. том, с. 238). Отчеты о выборах см.: «С.-Петербургские ведомости», 1886, № 326 и 328, 26 и 28 ноября.

[6] Арма *Зенкра* (настоящая фамилия Харинес; 1864—1900) — скрипачка. В 1877—1888 гг. совершала концертные турне по Европе. В ноябре 1886 г. гастролировала в Петербурге.

[7] Оррер (франц. horreur — ужас) — выражение, заимствованное из IX гл. «Мертвых душ»: «ну, просто, оррер, оррер, оррер!..»).

[8] Об Н. С. Таганцеве см. наст. том, с.239.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГАРШИНЕ

ГАРШИН В ОКУНЕВЫХ ГОРАХ

(ВОСПОМИНАНИЯ ЕГО ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРЫ)

Предисловие и публикация А. Н. Дубовикова

Об авторе этих воспоминаний мы знаем только то, что она в них сама рассказала о себе. Двоюродная сестра писателя, она была дочерью самой младшей из сестер М. Е. Гаршина, которая вышла замуж за помещика, жившего в Курской губернии. Имени своего автор не сообщает, фамилия ее тоже остается неизвестной, так как конец воспоминаний, где стояла, вероятно, подпись, не сохранился.

Но предпринятые нами разыскания привели все же к некоторым (пока еще не вполне достоверным) результатам. Наиболее обширные, хотя и не полные сведения о нескольких поколениях гаршинской семьи, главным образом о детях и внуках Егора Архиповича Гаршина (деда писателя), собраны в специальной работе, опубликованной в 1924 г.[1] Здесь перечислены не все 19 детей Е. А. Гаршина, а только 8; последней в этом ряду названа Ольга Егоровна И—ко, у которой было восемь человек детей; среди последних указана дочь, которой во время собирания данных о семье, т. е. в 1922—1923 гг., было 58 лет, а значит в 1878 г. ей должно было быть 13—14 лет. Если предположить, что эта дочь и является автором наших воспоминаний, то ее фамилию и фамилию ее матери по мужу надо искать в справочниках по Курской губернии. Их существует немного и извлечь из них ничего не удалось. Более результативным оказался просмотр издания, примыкающего к «Трудам редакционной комиссии для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». В качестве приложения к этим «Трудам» тогда же, т. е. накануне реформы, были собраны и изданы «Сведения о помещичьих имениях». В первом томе их (СПб., 1860, с. 20), в перечне имений по Льговскому уезду Курской губернии встречаем как будто подходящую к нашим поискам фамилию: «П. А. Иваненко — дер. Журавля, 303 души. Земли усадебной 20,5 дес., пахотной 615 дес.». Предположение, что за этим Иваненко была замужем младшая из теток Гаршина, находит поддержку в письме его к матери от 14 марта 1879 г. Он пишет здесь, что некая Елизавета Петровна Кисляковская «объявила» одной их общей знакомой, «что я ей родственник. Как-то через Иваненковых» (*Гаршин III*, с. 180).

Так как более точными сведениями мы пока не располагаем, то остановимся на допущении, что автор воспоминаний принадлежала к семье Иваненко. Сохранила ли она эту фамилию до старости или сменила ее в связи с замужеством, мы не знаем и потому будем далее называть ее этой фамилией условно.

Иваненко дважды указывает в своих воспоминаниях, что со времени описываемых событий прошло более полувека. Но, несмотря на то что за этот долгий срок память могла изменить ей, этого не случилось. Придирчивая проверка упоминаемых ею событий и лиц подтверждает достоверность ее рассказа — от самого факта приезда Гаршина с матерью и братом в Окуневы горы летом 1878 г. до сведений о лицах, которых они нашли среди обитателей и гостей усадьбы Костромитиновых [2]. По-видимому, для юного тогда автора встреча с Гаршиным, близким родственником и уже известным писателем, явилась одним из тех ярких впечатлений, которые неизгладимо врезываются в память и сохраняются в ней на всю жизнь. Мелкая ошибка в указании тогдашнего возраста Гаршина, конечно, вполне простительна и не может поколебать наш вывод о достоверности этих воспоминаний.

В мемуарной литературе о Гаршине преобладают рассказы о последних годах его жизни, о его болезни и трагической смерти. Есть довольно много воспоминаний, посвященных детству и годам учения Гаршина, а также его участию в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Но среди более чем шестидесяти зарегистрированных в библиографии воспоминаний очень мало рассказывающих о коротком и почти безоблачном периоде, который наступил в жизни Гаршина после возвращения его из армии и трагически завершился сильнейшим приступом болезни в феврале 1880 г. Об этом времени и рассказывает Иваненко, рисуя Гаршина в кругу веселой и беззаботной компании молодежи, собравшейся в то лето в Окуневых горах [3]. Воспоминания ее непритязательны, они не претендуют на большую значительность, но в них создан живой образ молодого Гаршина в пору начала его литературной работы. В этих воспоминаниях запечатлены и некоторые существенные для понимания личности Гаршина и его литературно-эстетических вкусов штрихи: мастерское чтение им монолога Поприщина и (несколько неожиданно) державинской оды «Бог», любовь к Лермонтову и высокая оценка романса «Душа моя мрачна...».

Воспоминания «О Гаршине» публикуются по автографу, сохранившемуся среди бумаг И. Р. Эйгеса (ЦГАЛИ, ф. 2218, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1—10). Окончание текста утрачено. Архивное определение документа как «рукописной копии» следует считать ошибочным: наличие в автографе авторских исправлений и вставок характерно для авторской рукописи, а не для копии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. Г. Галачьян и Т. И. Юдина. Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи (из психиатрической клиники 1 Московского государственного университета).— «Русский евгенический журнал», 1924, г. I, вып. 3—4, с. 321—342. По вполне понятным причинам фамилии членов гаршинской семьи обозначены здесь только начальными буквами, что, конечно, осложняет пользование материалами, приводимыми в статье.

[2] О пребывании в Окуневых горах Гаршин упоминает в письме к матери от 24 августа 1878 г., посланном из Москвы, куда он приехал, очевидно, прямо из усадьбы Костромитиновых (*Гаршин III*, с. 162). В позднейших письмах к матери и к брату Евгению мы также находим немало упоминаний об Окуневых горах (там же, с. 171, 172, 186, 190, 191). Справки о лицах, названных в воспоминаниях, см. в примеч. к ним.

[3] Е. М. Гаршин в своих воспоминаниях о брате, написанных сразу после его смерти, пишет о лете 1878 г.: «Это лето, проведенное в Орловской губернии, в привольном имении нашей покойной тетки, было предпоследним, когда я видел Всеволода веселым, бодрым и вполне здоровым и когда он с увлечением предавался незамысловатым летним удовольствиям» (В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. СПб., 1910, с. 15; первоначально: журнал «Родник», 1888, № 6).

О ГАРШИНЕ

С моим двоюродным братом Всеволодом Гаршиным я провела лето 1878 г. у нашей общей тетки Александры Егоровны Костромитиновой, урожденной Гаршиной.

У нашего деда Егора Архиповича Гаршина было 19 человек детей. Александра Егоровна была старшей, Михаил (отец Всеволода) третьим, а моя мать девятнадцатой. На девятый день после ее рождения бабушка моя умерла, и Александра Егоровна, которая уже пять лет была замужем за Орловским помещиком Костромитиновым [1], взяла на воспитание младшую сестру, так как своих детей у нее не было. Вскоре судьба послала им еще одного воспитанника Володю Завистовского, племянника ее мужа. Дети росли вместе.

В 1878 г. моя мать была уже давно замужем, а Володя превратился во Владимира Фаддеевича, женился и остался жить со стариками [2]. Дядя

передал ему управление всем имением, кроме большого старинного сада, который считался собственностью тетушки и в котором она выстроила себе маленький домик, где и жила одна вдали от большого шумного дома. Из детей моей матери я была ее любимицей и часто в детстве живала с ней в этом домике целыми годами.

В 1878 г. мне было 14 лет, а Всеволоду 24 [3].

В силу каких-то семейных обстоятельств родные не очень ладили с матерью Всеволода, так что ни раньше, ни позже этого лета мы с ним не видались, и мои воспоминания будут в сущности воспоминаниями 14-летней девочки.

Отец Всеволода давно уже умер [4]. После его смерти Всеволод и его три брата жили с матерью, и мои родные совсем потеряли их из виду.

В этом же году появился в «Отечественных записках» рассказ Гаршина «Четыре дня» [5]. Тетушка Александра Егоровна прочла его, подумала, что в нем Всеволод описал то, что случилось с ним самим, пришла в ужас, растрогалась и написала Екатерине Степановне письмо, приглашая ее приехать на лето с сыновьями. В это время с Екатериной Степановной жили только два младших сына; старший где-то служил, а средний недавно застрелился[6]. Она приняла приглашение и написала, что приедет с Всеволодом, только что оправившимся от раны, полученной на войне, и с Евгением, гимназистом восьмого класса.

В середине мая 1878 г. я со своей гувернанткой приехала из Курской губернии погостить к тетушке в Окуневы горы (так называлось имение).

Съезд в это время был громадный. Достаточно сказать, что за стол нас садилось тридцать человек. У Завистовского было восемь человек детей и гостили братья и сестры его жены, из которых одна была замужем за певцом Хохловым, сделавшимся впоследствии московской знаменитостью. В то время он только что кончил университет, заканчивал свое музыкальное образование, голос его был в полном расцвете, он пел нам целыми днями и вечерами, и, кажется, никогда, ни до, ни после, он не пел так много и так хорошо [7].

Среди многочисленных репетиторов и учителей детей выделялись студент художник Ярцев, рисовавший на всех нас карикатуры [8], и пианистка Курбатова, великолепно аккомпанировавшая Хохлову [9].

Когда мы приехали, большой деревенский дом, летний флигель в саду, все было набито битком. Меня и мою гувернантку поместили в тетушкин домик и там же приготовили комнату для матери Гаршиных. Но Всеволода и Евгения было решительно некуда деть. По счастью, рядом с тетушкиным домиком находилась оранжерея и в ней полуподвальная комната для садовников. Ее выбелили, повесили на окна белые кисейные занавески, поставили две кровати и стол, и вышло очень уютное и оригинальное помещение.

До сих пор у меня в памяти сохранилось впечатление яркого солнца, белых стен, теплого, влажного и душистого воздуха, все это неразрывно слилось с воспоминаниями о Всеволоде, для которого, казалось, нельзя было создать более подходящей обстановки.

Как сейчас помню их приезд. Доложили, что приехали Гаршины. Мы с Лидией (младшая сестра жены Владимира Фаддеевича, моя ровесница, с которой я была очень дружна [10]) выскочили на крыльцо и увидали маленькую полную старушку, а за ней высокого хромого офицера, опирающегося на палку, и невысокого, некрасивого гимназиста.

Мы обе сразу без ума влюбились во Всеволода, что ничуть не поколебало нашей дружбы [11]. Все его портреты, не исключая и репинского в Третьяковской галерее, очень похожи, но совсем не передают ежеминутно менявшегося выражения его лица. Высоко поднятые над переносицей брови придавали скорбное выражение верхней части лица, между тем как

«В БОЛГАРИИ. ЭПИЗОД ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДОВ»
Картина М. Е. Малышева (масло), 1879
Третьяковская галерея, Москва

губы улыбались весело и совсем по-детски, а про глаза я и до сих пор не могу сказать, какого они были цвета, кажется, светло-карие, но иногда казались серыми, иногда черными. В нем не было ничего резкого: голос был тихий, двигался он медленно, может быть, от простреленной ноги. Он сам про себя говорил: «Что я? Подстреленная галка, и больше ничего».

Теперь, через пятьдесят с лишком лет, у меня в памяти сохранились только некоторые моменты нашей совместной жизни в Окуневых горах. Помню, как он потерял в саду свои серебряные часы; мы с Лидией встали в пять часов утра и отправились их искать. Каждая в душе молилась богу, чтобы именно ей удалось их найти. Проползавши безрезультатно часа три в мокрой от росы траве, мы собирались уже идти пить чай, как вдруг Лидия закричала: «Я нашла, я нашла!» Зажав часы в руке, она опрометью бросилась в большой дом, я за ней. Лидия торжествующе вручила Всеволоду часы. Он очень просто взял их, поблагодарил, спрятал в карман, но для него так и осталось тайной, каких трудов нам стоило их найти и каким событием было это в нашей жизни.

Помню еще, как я набрала ему малины в большой лист лопуха и подошла с ней к открытому окну оранжереи. Всеволод сидел за столом и что-то писал. В это лето он усиленно куда-то готовился и брал уроки латыни у своего брата гимназиста Евгения [12]. Я присела на подоконник и протянула ему малину. И вдруг он подтолкнул снизу вверх мою руку, так что вся малина рассыпалась по столу. «С какой стати ты набираешь мне малину,— сказал он.— Я понимаю, если бы ты принесла ее тетке, или моей матери, а я сам могу нарвать, когда мне захочется».

Я сидела на окне, опустив голову и глотая слезы. Он собрал малину, вышел из оранжереи и сел рядом со мной. «Ну, перестань плакать,— сказал он,— давай вместе есть малину, сестричка, только в другой раз таких глупостей не делай».

Как-то раз я, Всеволод и Евгений сидели в саду на краю крутого спуска к реке. Всеволод расшалился, он был очень весел в это утро. Сшил себе плащ из листьев хрена, скрепляя их травинками, и читал нам

на память «Записки сумасшедшего» Гоголя. Он тогда еще не знал, что через год он сам будет сидеть в сумасшедшем доме. Но, очевидно, зародыш болезни в нем уже таился. До сих пор помню, как у него задрожал голос, когда он дошел до обращения к матери: «Матушка, спаси своего бедного сына!» Потом речь зашла о Державине. «Ну, кто же теперь читает Державина,— сказал Евгений,— скучно и напыщенно!»—«Эх, вы, молодежь, ничего вы не понимаете,— ответил Всеволод.— Одна ода «Бог» чего стоит! Ни раньше, ни позже никто не возвысился до такого определения божества». И он наизусть прочитал нам всю оду, гораздо лучше, чем «Записки сумасшедшего».

Один раз все отправились пить чай в лес. На большой поляне разостлали ковер, расставили посуду. Все расположились кругом на траве, как бывает всегда на всех пикниках. Всеволод рассказывал о войне, о том, как он был ранен, потом речь зашла о теме, которую каждый взял бы для произведения. Всеволод сказал: «А я собираюсь написать о пальме, которая пробила потолок оранжереи и замерзла». Очевидно он думал о своей «Attalea princeps» [13]. «Вы что же хотите сказать,— спросил Владимир Фаддеевич,— что свобода нам не по климату?»—«Если хотите, да. Может быть, в отдаленном будущем, во всяком случае, не теперь»,— ответил Всеволод.

В плохую погоду все собирались в диванной слушать Хохлова. Любимой вещью Всеволода был романс малоизвестного композитора Офросимова на слова Лермонтова «Еврейская мелодия» («Душа моя мрачна...») [14]. Хохлов, зная впечатление, которое она всегда производила на Гаршина, пел ее особенно часто. Всеволод обыкновенно садился верхом на стул, клал голову на скрещенные на спинке стула руки и так слушал.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки.
Я говорю тебе, я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.

Удивительный баритон Хохлова наполнял всю комнату и хватал за сердце. Когда Всеволод вставал со стула, я каждый раз на глазах его видела слезы.

Неожиданно пришло письмо от матери, что мне пора возвращаться домой. На прощанье мы решили всем обществом устроить грандиозный пикник за 15 верст, в имении жены Хохлова — Ясенки. Все разместились в трех экипажах. Я ехала в коляске с женой Завистовского, а на передней лавочке сидел Всеволод.

Дорога шла рожью, синели васильки. «Ты умеешь плести венок? Я нарву васильков»,— сказал Всеволод. Я ни теперь, ни тогда венков плести не умела. Пришлось в этом признаться. Всеволод попросил кучера остановиться, мы вышли из коляски и набрали целый сноп васильков. Он положил их ко мне на колени, сплел, пока мы ехали, широкий венок и надел его мне на шляпу. «Каждая девочка должна уметь плести венки»,— сказал он нравоучительно.

В Ясенках все шло по заведенной программе: пили чай в березовой роще, много пел Хохлов. Вне программы пошел дождь. Все бросились относить вещи в дом. Мы с Всеволодом накрылись большим тяжелым ковром и потащили его на плечах. Как завидовала мне Лидия!

Пережидать дождик уселись на террасе, и Всеволод затеял игру «Благовест».

«Бли-и-ин, бли-и-ин»,— медленно начинал бас. «Полблина, полблина»,— в тон ему вступал Хохлов, «Четверть блина, четверть блина»,— подхватывал Всеволод. «Три блина, три блина, пять блинов, пять

блинов»,— все выше и все быстрее раздавались женские голоса. «Блины, блины, блины, блины»,— скороговоркой на самых высоких нотах заливалась Лида. Выходило похоже, и все хохотали.

Через день я уехала и никогда уже не видала Всеволода.

С тех пор прошло больше полувека, и многое стало мне понятнее и яснее. Тогда я случайно услыхала разговор между Завистовским и Хохловым.

«Скажи мне, пожалуйста, Паша, что находят женщины в этом плаксе?»— сказал Завистовский.

«На их языке это называется сложной натурой»,— насмешливо ответил Хохлов.

Теперь я вижу, что это было *⟨на этом рукопись обрывается.⟩*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Николай Федорович Костромитинов, владелец сельца Окуневы горы, Ливенского уезда, Орловской губернии.

[2] Владимир Фаддеевич Завистовский был женат на Варваре Николаевне Коротневой, которая умерла в 1879 г. (см. письмо Гаршина к матери от 5 февраля 1879 г.— *Гаршин III*, с. 176).

[3] Неточность: летом 1878 г. Гаршину было 23 года.

[4] Михаил Егорович Гаршин умер осенью 1870 г. (см. упоминание о его смерти в письме Гаршина к матери от 22 октября 1870 г. — *Гаршин, III*, с. 408).

[5] Рассказ «Четыре дня» был напечатан: *ОЗ*, 1877, № 10.

[6] Старший брат Гаршина — Егор Михайлович (см. о нем наст. том, с. 200). Второй брат Виктор застрелился 30 декабря 1873 г.

[7] Павел Акинфиевич *Хохлов* (1854—1919) окончил юридический факультет Московского университета в 1878 г. В 1879—1900 гг. был солистом Большого театра в Москве. В 1876 г. женился на Ольге Николаевне Коротневой, сестре В. Н. Завистовской.

[8] Григорий Федорович *Ярцев* (1858—1918) был студентом естественного факультета Московского университета в 1877—1882 гг. С гимназических лет увлекался живописью, впоследствии стал художником, был членом Товарищества передвижных выставок. С 1894 г. жил в Крыму, встречался в Ялте с Чеховым, Горьким и другими писателями. В 1907 г. был административно выслан из Ялты и с тех пор жил в Москве. Прекратив после 1905 г. занятия живописью, увлекся затем строительным искусством, которым и занимался до конца жизни. См. о нем: А. В. Ярцева ⟨жена⟩. Записки о детстве и юности Григория Федоровича (ЦГАЛИ, ф. 934, Г. Ф. Ярцева, оп. 1, ед. хр. 55) и О. Г. Ясковская ⟨дочь⟩. Биография Г. Ф. Ярцева (там же, ед. хр. 56).

[9] Сведений о пианистке Курбатовой обнаружить не удалось.

[10] Лидия Николаевна *Коротнева* (1863—1919) — младшая из сестер Коротневых, впоследствии участница революционного движения, член партии эсеров. В письме к брату Евгению от 2 февраля 1882 г. Гаршин писал, что она «вообще-то девушка не совсем ординарная» (*Гаршин III*, с. 242)

[11] О влюбленности Лидии в Гаршина летом 1878 г. вспоминала позднее и ее сестра О. Н. Хохлова (см. там же, с. 487).

[12] 7 августа 1878 г. Гаршин писал (очевидно, из Окуневых гор) Н. С. Дрентельну: «А все-таки поступлю в университет. Конечно, биологией заниматься не буду ⟨...⟩ Долблю латынь, которая приносит мне все-таки некоторое утешение, читаю Куно Фишера» (*Гаршин III*, с. 162).

[13] «Attalea princeps» была закончена Гаршиным в марте 1879 г. 12 марта он отнес ее М. Е. Салтыкову для *ОЗ*. Отвергнутая Салтыковым, «сказка» появилась в «Русском богатстве», 1880, № 1 (см.: *Гаршин III*, с. 180, 182, 186, 190 и 473). Сюжет «сказки» был разработан Гаршиным еще в 1876 г. в стихотворении «Пленница».

[14] Романс «Душа моя мрачна...» на слова Лермонтова был написан М. Н. Офросимовым в 1876 г. и в том же году издан.

ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ М. Е. МАЛЫШЕВА

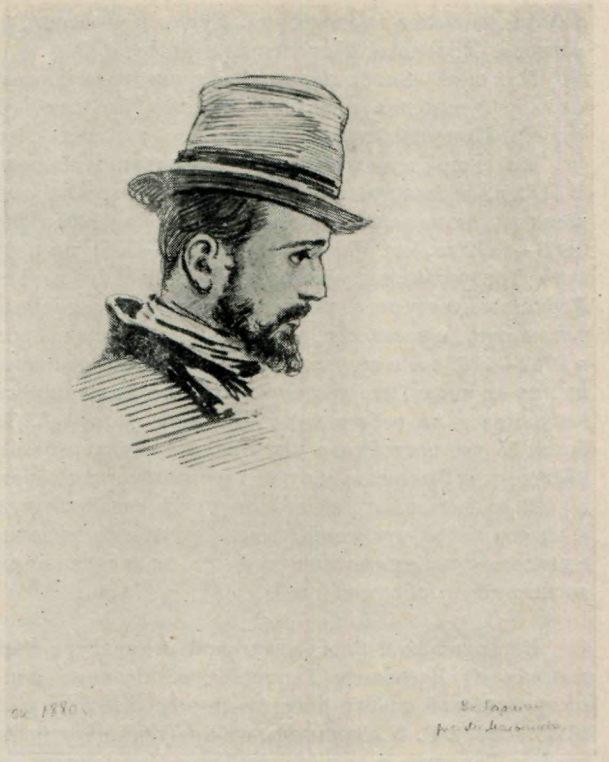
Предисловие и публикация Н. С. Дворциной

Михаил Егорович Малышев (1852—1912) был одним из самых близких друзей Гаршина. Гаршин ценил в нем душевную деликатность, доброту и отзывчивость, развитой ум и преданность искусству. Их дружба продолжалась более 20 лет, и только трагическая смерть писателя оборвала ее.

Встретились они еще мальчиками в 7 Петербургской реальной гимназии, во второй класс которой Малышев поступил в 1865 г. (Гаршин учился там с 1864 г.). В гимназии Малышев оставался до 1871 г., а затем, движимый любовью к живописи, поступил в Академию художеств, где проучился пять лет [1]. Тесная связь его с Гаршиным продолжалась и в эти годы, когда каждый из них выбрал свой путь в жизни. Через Малышева Гаршин, уже студент Горного института, сблизился с кружком молодых художников, учившихся в Академии, и «стал непременным членом их собраний, названных «Пятницами». На этих собраниях «читались впервые некоторые из произведений» Гаршина. «Дружбу и симпатию к некоторым членам этого кружка он сохранил до самой своей смерти, и воспоминание о «Пятницах» всегда было одним из лучших его юношеских воспоминаний» [2]. Общение с художниками, в частности с теми из них, которые заняли позднее видное место в кругу передвижников, нашло отражение в литературной деятельности Гаршина: здесь он нашел материал для рассказа «Художники» и научился понимать искусство, что способствовало его дальнейшим выступлениям в печати в качестве художественного критика.

Друзей объединял не только интерес к искусству и его современным задачам, но и сходные общественные настроения и симпатии. Оба они горячо сочувствовали обострившейся к середине 1870-х годов освободительной борьбе славянских народов против турецких поработителей. Летом 1876 г., когда Сербия вступила в войну с Турцией и в ней приняли участие многие русские добровольцы, Гаршин и Малышев обсуждали в письмах друг к другу вопрос о том, чтобы отправиться в Сербию и принять непосредственное участие в военных действиях. В августе 1876 г. Малышев писал Гаршину в ответ на (не сохранившееся) письмо последнего: «Насчет Сербии и я подумывал, да потом пришел к тому, что, если явлюсь туда, могу ли принести пользу-то, ведь таких, как мы, там много, туда надо офицеров, врачей, а не пушечного мяса, которое требует пищи, одежды, помещения лазаретов, докторов и денег в виде лекарств и пр., вот что меня смущает, если будет у нас война, тут мы поговорим, а войны у нас ждут не дождутся все, даже простые мужички. Вчера я сидел в парке и читая газету. Вдруг ко мне подошел какой-то, как видно, отставной кавалер, рваненький довольно, и попросил сообщить о положении дел в Сербии. Он с таким вниманием, с таким сочувствием слушал мое чтение, что мне хотелось обнять его; в конце концов он заявил, что «надо помочь, свинство ждать столько времени и позволять делать мерзости, что Россия обязана помочь». Это глас народа, и рассказанный мною факт не единственный, даже в деревнях сборы в пользу славян делаются» [3].

Эти стремления обоих друзей укрепились в 1877 г., после того как в войну с Турцией вступила Россия. Первым удалось осуществить свое намерение Гаршину: в начале мая он выехал вместе с В. Н. Афанасьевым в Кишинев, где они и добились (сначала неофициально, а затем и по всей форме) зачисления рядовыми в 138 пехотный Болховский полк [4]. В июле 1877 г. получил разрешение ехать в армию «охотником» и Малышев. Когда он, следуя «с командой» в полк, прибыл в августе в болгарский город Белу (ныне Бяла), он нашел здесь Гаршина, уже побывавшего в бою, получившего



В. М. ГАРШИН
Рисунок М. Е. Малышева (тушь, перо). Около 1880 г. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ранение и помещенного в походный госпиталь. 23 августа 1877 г. Гаршин писал матери: «Третьего дня я был поражен и обрадован внезапным появлением Миши Малышева. Он поступил-таки охотником. Он «следовал» с командою от Фратешти сюда и далее в полк и, узнав, что я лежу здесь, прибежал. Очень мне было приятно поболтать часок с ним» (*Гаршин III*, с. 142).

Участие в русско-турецкой войне нашло отражение в творческой биографии обоих друзей. Гаршин, как известно, дебютировал в литературе рассказом «Четыре дня» (1878), а первым выступлением Малышева как художника была его картина «В Болгарии. Эпизод войны 1877—1878 годов», написанная в 1879 г. и тогда же приобретенная П. М. Третьяковым для его галереи [5].

Малышев не обладал большим и самобытным художественным талантом, в истории русского искусства он не оставил глубокого следа. Но он был художником, неутомимо работавшим в области рисунка и живописи. В течение многих лет он сотрудничал в юмористических журналах «Стрекоза», «Осколки» и др. Гаршин несколько иронически отзывался в письмах к матери о журнальных карикатурах своего приятеля, хотя и оправдывал его тем, что он вынужден был делать свои рисунки по темам, присланным из редакции, добавляя, что к его рисункам нередко придиралась цензура (см. *Гаршин III*, с. 174, 178) [6].

Гораздо более сочувственно оценил Гаршин рисунок Малышева к поэме Некрасова «Мороз, Красный нос»: «Миша преуспевает решительно, и я убежден, что у него солидный талант. Написал он Дарью, знаете:

А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

Вот эту самую штуку и изобразил. И как хорошо! Некрасова понял до тонкости» (письмо к матери от 6 марта 1875 г.— *Гаршин III*, с. 36).

Этот рисунок был, по-видимому, одним из первых опытов художника по созданию иллюстраций к произведениям русских писателей — в этой области он работал в даль-

нейшем наиболее плодотворно. Кроме Некрасова, он иллюстрировал Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Короленко и др.[7]

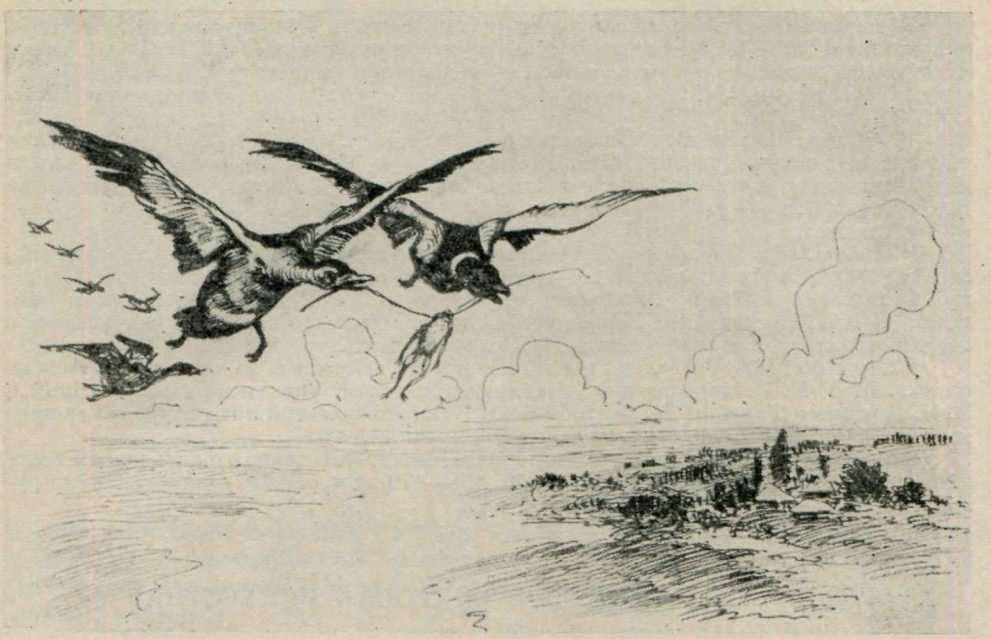
Малышев явился первым по времени иллюстратором Гаршина. Им были выполнены рисунки для народного издания рассказа «Четыре дня»; он иллюстрировал сказку «Лягушка-путешественница», рассказ «Медведи» [8].

По своим художественным убеждениям Малышев был близок к передвижникам. В 1882 г. он был принят в число экспонентов X Передвижной выставки [9]. В последующие годы он не только выставлял свои картины и рисунки на передвижных выставках 1888—1892 гг. (см. *Гаршин III*, с. 574—575), но и принимал в качестве уполномоченного Товарищества участие в организации параллельных выставок в провинции. Верность идеям передвижников Малышев сохранил до конца жизни. Об этом свидетельствуют, в частности, его статьи по общим вопросам искусства, которые он печатал в 1907—1909 гг. в журнале Петербургского общества архитекторов «Зодчий». В одной из них он писал, что деятельность передвижников «не прошла бесследно для русского искусства и их работа будет отмечена историей. Тесно сплотившись, они в течение более 25 лет настойчиво указывали в своих работах русскому обществу то, что в их убеждениях было самым существенным, самым дорогим» [10]. Опираясь на эти традиции, Малышев настаивал на необходимости «идейной художественной работы» в искусстве и на его демократизации, писал о слабости художественной критики, о недостатках в деятельности Академии художеств, привлекал внимание к вопросам художественного воспитания и образования [11].

В гаршинской биографической литературе хорошо известны воспоминания Малышева «О Всеволоде Гаршине», написанные под непосредственным впечатлением от трагической смерти писателя и напечатанные в сборнике «Памяти В. М. Гаршина» (СПб., 1889). С. Н. Дурылин, собиравший на рубеже 1910-х годов материалы для биографии Гаршина и встречавшийся с Малышевым, сообщал позднее о его воспоминаниях: «Написанные наспех, они не отражали и на четверть того, что знал о Гаршине Малышев. Художник дал мне слово написать о Гаршине большие воспоминания, но откладывал это из года в год» [12]. Сожалея, что смерть помешала художнику выполнить это намерение, Дурылин писал далее: «Мне приходится довольствоваться немногими его сообщениями в дополнение к его печатным воспоминаниям» [13]. Однако биографу при этом осталось неизвестным, что через 20 лет после смерти Гаршина Малышевым был написан еще один мемуарный очерк, в котором освещался вопрос об отношении Гаршина к искусству. Эти, тоже весьма краткие, воспоминания были предназначены для вечера, посвященного 20-й годовщине со дня смерти Гаршина и состоявшегося в Петербурге 23 марта 1908 г.[14] Тогда же Малышев напечатал их в журнале «Зодчий» (1908, № 14), где, однако, они прошли незамеченными и в дальнейшем никто из писавших о Гаршине, к ним не обращался [15]. Малышев рассказывает здесь об отношении Гаршина к русскому искусству и к художникам, о присущем ему глубоком понимании искусства, характеризует его как художественного критика, защищавшего принципы идейности, требовавшего от художников, чтобы они откликались «своими произведениями на все жгучие вопросы, захватившие его время и волнующие все сознающее и мыслящее». Написанные в напряженной полемической атмосфере художественной жизни начала XX в., эти воспоминания подчеркивали непреходящую ценность той эстетической программы, которую проводили в своей деятельности передвижники и Гаршин.

Воспоминания «Всеволод Гаршин в вопросах искусства» публикуются нами по беловому (с авторскими исправлениями) автографу, сохранившемуся в архиве Малышева, который поступил в 1972 г. в Отдел рукописей ГБЛ (ф. 218.1359.9, л. 1—8). Из зачеркнутых вариантов автографа воспроизводятся лишь немногие, наиболее значительные; мелкие же исправления стилистического характера в публикации не отражены.

Краткое описание других гаршинских материалов, находящихся в архиве Малышева, дано в приложении к настоящей публикации [16].



«ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА»
Иллюстрация М. Е. Малышева к рассказу В. М. Гаршина
Тушь, перо, 1887
Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О жизни и деятельности Малышева коротко рассказал недавно Е. Д. Петряев в статье «Папка старого художника» (Е. Д. П е т р я е в. Люди, рукописи, книги. Литературные находки. Киров, 1970, с. 155—170). Здесь неточно сообщается, что Малышев «окончил реальное училище» (с. 157). В действительности он закончил только пять классов 7 реальной гимназии, которая в 1872 г. была преобразована в реальное училище. Заметим кстати, что Гаршин, закончивший курс в 1874 г., принадлежал к последнему выпуску по программе реальной гимназии (см.: Г. М. К н я з е в. Исторический очерк С.-Петербургского первого реального училища. 1862—1912. СПб., 1912, с. 29—44, 50, 90, 150). Та же ошибка, что у Петряева, допущена в биографической справке о Малышеве (см.: *Гаршин III*, с. 574).

[2] М. Е. М а л ы ш е в. О Всеволоде Гаршине.— В сб.: «Памяти В. М. Гаршина». СПб., 1889, с. 125.

[3] ЦГАЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 5, л.

[4] См. наст. том, с. 231, а также: С. К. М и х е е в. История 138 пехотного Болховского полка. М., 1903, с. 112 и 53. Малышев участвовал в военных действиях также в составе 138 Болховского полка.

[5] Эта картина и сейчас находится в фондах ГТГ. См.: «Каталог живописи XVIII—XX вв. Государственной Третьяковской галереи». М., 1952, с. 269.

[6] См.: М. Е. М а л ы ш е в. Сборник карикатур. СПб., 1888. В архиве художника сохранился «Патриотический альбом», содержащий политические карикатуры, выполненные в 1905—1909 гг. Этот альбом заслуживает самостоятельного исследования.

[7] См.: М. Е. М а л ы ш е в. 120 рисунков к Лермонтову. Художественный альбом. СПб., изд. Ф. Ф. Павленкова, 1891; «Стихотворения А. В. Кольцова», под ред. П. В. Быкова. Изд. 2. СПб., 1895.

[8] С. Д у р ы л и н. Вс. М. Гаршин. Из записок биографа.— «Звенья», т. V. М.— Л., 1935, с. 573; журнал «Родник», 1887, № 7, с. 575, 579, 581; сб. «Памяти В. М. Гаршина», между с. 224 и 225 (Малышев был одним из организаторов этого сборника и принял большое участие в его художественном редактировании).

[9] См.: «Протоколы общих собраний Товарищества Передвижных художественных выставок».— ГТГ, 69/10. Об этом порадовавшем его событии Малышев шутливо рассказал Гаршину в апрельском письме 1882 г. (приведено в статье Е. Д. Петряева, с. 160—161).

[10] «Зодчий», 1908, № 7, с. 52. Статья «В единении сила (по вопросам художества)».

[11] Указываем статьи Малышева в журнале «Зодчий»: «По вопросу о художественной критике» (1907, № 1); «По вопросу об обучении рисованию» (1907, № 37); «Почему наши «художественные выставки» так серы, бесцветны и скучны» (1908, № 12); «По поводу реформ в деле русского искусства» (1908, № 33); «Наши живописцы-пейзажисты» (1908, № 36).

[12] С. Дурылин. Вс. М. Гаршин.— «Звенья», т. V, с. 573. Устные сообщения Малышева, дополняющие его ранние воспоминания, были записаны Дурылиным и использованы, в частности, при освещении эпизода о Гаршине и его посещении М. Т. Лорис-Меликова.

[13] Там же.

[14] Заметка об этом вечере была помещена в газете «Современное слово», СПб., 1908, № 166, 23 марта. В числе двадцати предполагавшихся участников вечера в газете были названы: Н. Ф. Анненский, А. И. Куприн, Малышев (с ошибкой в инициале), Н. А. Морозов, М. В. Новорусский и др. Отчета о состоявшемся вечере в петербургских газетах конца марта 1908 г. обнаружить не удалось.

[15] Воспоминания «Всеволод Гаршин в вопросах искусства» не учтены в тщательно составленном Н. И. Мордовченко «Библиографическом указателе воспоминаний о В. М. Гаршине» (*Гаршин, III*, с. 534—542). В биографической литературе о Гаршине мы тоже не обнаружили о них никаких упоминаний.

[16] Впервые информация об этих материалах, не вполне точная в датировках, была дана в статье Е. Д. Петряева (с. 157—159, 161—170). См. также: «Записки отдела рукописей» ГБЛ, вып. 36. М., 1975, с. 80—82.

ВСЕВОЛОД ГАРШИН В ВОПРОСАХ ИСКУССТВА

24 марта 1888 г. не стало Всеволода Гаршина.

20 лет прошло с этого дня, а Гаршин-писатель не только не забыт, но становится день ото дня дороже сердцу всех, кто искренне любит и уважает родное искусство.

В наше эгоистичное время память о людях не переживает их долго и умирает почти вместе с ними, но Гаршин-человек так же жив в памяти тех, кого судьба столкнула с ним на жизненном пути, как и Гаршин-писатель, и трудно встретить человека, который обмолвился бы дурным словом об этом в высшей степени духовно чистом и хорошем истинном образе и подобии божием.

[Когда устроители настоящего вечера, всецело посвященного памяти покойного писателя, обратились ко мне с предложением поделиться с публикою воспоминаниями о дорогом друге, я не счел себя вправе отказать им, хотя и не привык выступать публично. Я полагаю, что если я и не скажу ничего такого, что бы не было уже сказано о Гаршине, все-таки публике, собравшейся почтить его память, будет приятно услышать новое доброе слово о любимом писателе из уст человека, близко его знавшего с детства.]

Поэтому я, близко знавший покойного с малых лет, позволяю себе, не затрагивая деятельность Гаршина как писателя, так как эта сторона освещена достаточно, и не говоря о нем как о человеке, так как и об этом достаточно сказано в его биографии и воспоминаниях о нем, как художник, остановить внимание читателя на его деятельности в сфере художества, на его отношении к русскому искусству и художникам.

За всю мою жизнь я не встречал человека, не исключая и господ художников, среди которых я живу с юных лет, кто бы так интересовался искусством, так пылко любил и так глубоко понимал его, как Гаршин, и должен сказать, что с его смертью художники потеряли истинного умного и сердечного друга и серьезного художественного критика.

Правда, не много напечатал он по вопросам художества, но те, кто близко знал Гаршина, кто слышал его живое, горячее слово по вопросам художества, кто посещал с ним художественные выставки, те, в особенности в наши дни, горько чувствуют всю глубину утраты его для художества;

«НАПАДАЮТ ВРАСПЛОХ»
Картина В. В. Верещагина (масло), 1871
Третьяковская галерея,
Москва

и хотя скромный Всеволод Гаршин сам и не доверял своим способностям в области художественной критики («какой же я критик»,— говорил он частенько), но вернее и тоньше его нельзя было разобраться в художественных трудах.

Сам Гаршин не учился ни рисовать, ни писать красками, и те мелкие шалости его карандаша, которые сохранились, конечно, не дают права говорить о его художественно живописных способностях, но творить и понимать — дело совершенно различное.

Сколько можно указать художников, виртуозов техники, не понимающих ни значения, ни задач искусства, и, наоборот, кому не случалось встречать людей, не умеющих держать в руках карандаша, но глубоко понимающих и чувствующих искусство, тонко изучивших его и умеющих в нем серьезно разобраться. Вот к этим последним и можно причислить Всеволода Гаршина. Его сведения в вопросах искусства были очень обширны, художественно он был очень начитан, и этим можно объяснить отчасти, почему художники так любили и ценили Гаршина [1].

Его личные художественно-литературные труды, такие изящные и по идее и по форме, сами говорят ясно, *что именно* любил и ценил Гаршин в искусстве. Красота в высшем смысле слова, красота во всем, и внутренняя, и внешняя, по мнению В. Гаршина, являлась непременным условием для того, чтобы произведение *могло быть признано* художественным.

Несмотря на то, что Всеволод Михайлович был знаком со всеми художниками и вхож в различные художественные кружки, он не принадлежал ни к какой партии в искусстве, и хотя тяготения его, как и всех интеллигентных людей того времени, были на стороне «передвижников», являвшихся тогда самым живым и свободным элементом в искусстве, но его сердцу были дороги и художники, не входившие в состав «товарищества передвижных выставок». Национальности в искусстве для Гаршина не существовало, и иностранные художники так же находили в нем друга, как и русские; не отрицал он, несмотря на царившую уже тогда моду, и старых мастеров и постоянно советовал молодым товарищам-художникам повнимательнее присматриваться к их произведениям и изучать их посерьезнее.

Когда открылась первая Туркестанская выставка картин В. В. Верещагина, Гаршин [один из первых] был всецело захвачен ею и ходил сам не свой. «Вот это художник, это художник!..»— говорил он в волнении и со страстью и жаром защищал Верещагина от сыпавшихся на него со

всех сторон обвинений в нехудожественности взятых им на себя задач и неправильности его взглядов на художество [2].

Под влиянием охватившего его чувства он, который очень редко прибегал к поэтической форме — стиху, написал большое стихотворение, посвященное этой выставке, которое напечатано в собрании его сочинений, но я позволю себе все-таки напомнить из него одно место, производившее особенное впечатление и выражавшее настроение Гаршина от выставки:

... Увидел смерть, услышал вопль людей,
Измученных убийством, тьмой лишений...
Не люди то, а только тени
Отверженников родины своей.
Ты предала их, мать! В глухой степи — одни,
Без хлеба, без глотка воды гнилой,
Изранены врагами, все они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до последней капли крови
За родину, лишившую любови,
Пославшую на смерть своих сынов...
Кругом — песчаный ряд холмов,
У их подножия — орда свирепая кольцом
Объяла горсть героев. Нет пощады!
К ним смерть стоит лицом!..
Они ей рады:
И, может быть, не стоит жить-страдать!..
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись, чтобы проклятия детей,
Погибших за тебя в глухих песках степей,
Не отозвались через много лет
В годину поражения и бед.

Эти стихи [хотя и не были-тогда напечатаны], являвшиеся пророческими, ходили по рукам в списках и производили сильное впечатление [3].

По мнению Гаршина, идейность в искусстве не только не может служить обвинением художнику в тенденции, но является доказательством интеллигентности художника, который, живя жизнью страны, невольно откликается своими произведениями на все жгучие вопросы, захватившие его время и волнующие все сознающее и мыслящее.

Потому-то он и ставил очень высоко в искусстве покойного, не любимого художниками Ярошенко и был с ним близок, ближе, чем с другими художниками.

С тяжелым сердцем приходится констатировать факт, что художественная грамота далеко еще не захватила массы, что искусство стоит так еще далеко от жизни, что не редкость встретить вполне интеллигентного во всем другом человека, прогрессивного деятеля, спокойно и с сознанием своей правоты говорящего: «Я не хожу на выставки, некогда, есть дела поважнее!» И когда такой прогрессивный деятель становится во главе газеты или журнала, что́ может он сказать в нем об искусстве!.. И этот неважный, по его мнению, отдел поручает он первому, кто сумеет убедить его, художественно неграмотного, в своем праве на критику.

Что мои слова имеют серьезное основание, подтверждает уже тот факт, что громадное большинство русской интеллигенции не посещает совсем художественных выставок: из почти полуторамиллионного населения Петербурга на выставках бывает тысяч 10, 15, а в Москве и провинции и того меньше. Русская интеллигенция настолько мало интересуется искусством, что у нас в России нет ни одного художественного журнала и изданий, если не считать технически хорошо издаваемый ультрадека-

дентский журнал «Золотое руно», и в вопросах искусства удовлетворяется вполне рекламно-репортерскими отчетами о выставках художественно неграмотных в большинстве господ, печатающих свои «непогрешимые мнения» по вопросам искусства в разных повременных изданиях.

Кто виноват в таком положении дела — вопрос другой и настолько серьезный, что может и должен служить темой отдельного доклада. По этому поводу мною были уже высказаны мысли в статье «По вопросу о художественной критике», напечатанной в № 1 журнала «Зодчий» за прошлый год. Но все же факт остается фактом, и его приходится признать и считаться с тем, что люди, не имеющие никаких прав и данных говорить об искусстве, являются в нем решающим голосом и пишут ему законы.

В русской художественной критике можно указать немного истинно прекрасных статей за последние годы; придется вспомнить покойных Крамского, Перова, пожалуй частию Стасова, но ведь это капля в море из всего того, что уже написано и еще пишется об искусстве, и потому-то, зная близко Гаршина, зная его тонкую и чуткую художественную натуру, зная его любовь и уважение к искусству и понимание его и его взгляды, я смело утверждаю, что его голос не молчал бы в наши дни, а раздавался бы громко в вопросах художества, и его глубокие, полные правды и таланта статьи многим помогли бы разобраться в искусстве более сознательно, чем это делается теперь, а кстати поставили бы в надлежащие рамки и господ, именующих себя ныне художественными критиками и вершителями его судеб.

Вот почему все искренне любящие искусство и близко знавшие Гаршина художники свято чтут и до наших дней память покойного писателя и глубоко скорбят об утрате этого так рано сошедшего с арены сильного борца за святое, чистое искусство.

М. Малышев

Март 1908. Васильевский остров, 10 линия, 43, 45.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. Н. Дурылин, ссылаясь на «рассказы покойного художника М. Малышева», сообщал, что к писанию статей о живописи принуждали Гаршина сами художники: «В их глазах он был таким идеальным зрителем, что они настоятельно желали, чтобы он стал их идеальным критиком» (С. Дурылин. Репин и Гаршин. М., 1926, с. 26).

[2] Первая Туркестанская выставка картин В. В. Верещагина открылась в Петербурге в марте 1874 г. Подробное описание выставки, которая имела огромный успех и вызвала ожесточенные споры, было дано В. В. Стасовым в статье «Василий Васильевич Верещагин» (см.: В. В. Стасов. Избр. соч. в 3 томах, т. 2. М., 1952, с. 239—248).

[3] Стихотворение «На первой выставке картин Верещагина» было написано Гаршиным весной 1874 г. как непосредственный отклик на выставку. При жизни Гаршина оно не печаталось; впервые было опубликовано в газете «День», СПб., 1888, № 39. Отрывок, приведенный Малышевым, выражает впечатление от диптиха «Нападают врасплох» (1871) и «Окружили, преследуют» (1872). Последние строки стихотворения в печатном тексте читаются несколько по-иному:

Молись! Стенания детей,
Погибших за тебя среди глухих степей,
Вспомянутся чрез много лет,
В день грозных бед!

Не исключено, что Малышев располагал подлинным текстом стихотворения, в то время как в печати заключительные строки могли быть смягчены при первой публикации под давлением цензуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ГАРШИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ В АРХИВЕ М. Е. МАЛЫШЕВА

1. «Художники». Беловой автограф рассказа (наборная рукопись) с исправлениями цензурного характера, а также со стилистической правкой. Публикуется в наст. томе, с.181 --197 (ГБЛ, ф. 218. 1359. 16, л. 1—11 *).

2. Стихотворения Гаршина в списках Малышева с воспроизведенной им подписью-монограммой Гаршина: «Злак благодатный...», «На лето 1871 года», «Отчего, скажи, мой милый друг...», «Нет, не дана мне власть над вами...», «На смерть Некрасова. 30 декабря 1877 г.»

Последнее стихотворение известно по черновому автографу ИРЛИ (см.: *ЛН*, т. 49-50, с. 636—637). По сравнению с этим опубликованным текстом копия Малышева содержит ряд разночтений:

НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА

30 декабря 1877

Прощай, прощай, прощай! Не будет песен больше:
Певец умолк навек;
Быть может, он и мог бы петь их дольше,
Но он был человек,
И умер. Умерла в нем раньше правда жизни.
Пусть не подумает никто,
Чтоб пошлостью бесцельной укоризны
Хотел я имя то,
Что возбуждало в нас чистейшие порывы,
Позорить или запятнать.
Но были ли они в самом нем живы? —
Кто может то сказать?

Его могучий дух, его, быть может, гений
Царил всегда над ним самим,
Над пошлостью его пустых стремлений...
Он умер вместе с ним.

Плачь, русская земля! Не человека, силу
Похоронила ты навек...
Плачь, потому что гений сшел в могилу,
Хоть умер — человек.

3. Рассказ «Надежда Николаевна», оттиск из *РМ*, 1885, № 2, с. 353—368, и № 3, с. 224—261, с дарственной надписью: «Моему другу Мише Малышеву. 1885. В. Гаршин» (17).

4. Рассказ «Сказание о гордом Аггее», оттиск из *РМ*, 1886, № 4, с. 225—233 (18).

5. 9 писем Гаршина к Малышеву, 1883—1887. Опубликованы в книге Е. Д. Петряева, с. 161—166, с неточностями в тексте и датировках. До сих пор не было известно ни одного письма Гаршина к Малышеву. Кроме этих девяти писем, существовали, несомненно, еще другие письма, судьба которых неизвестна; можно лишь предполагать, что по предсмертному желанию Гаршина они были уничтожены Малышевым (см. ниже пункт 9). Известно 27 писем Малышева к Гаршину: ИРЛИ, ф. 70, № 109 (23 письма, 1875—1884); ЦГАЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 5 (2 письма, 1876 и 1878); там же, оп. 2, ед. хр. 11 (2 письма, 1883 и 1886).

6. Рисунки Гаршина (карандаш): «Козы», с автографической подписью Гаршина и датой: $18\frac{5}{XI}70$ (см. наст. том, с. 235); «Мольберт», с подписью-монограммой Гаршина, без даты (20, л. 1—2).

---

* Ниже шифры даются сокращенно: указываются только номера единиц хранения и листы.

7. Портрет Гаршина. Рисунок Малышева (тушь, перо, карандаш). Внизу карандашом помета неустановленного лица: «Ок. 1880 г. Вс. Гаршин. Рис. М. Малышева». См. наст. том, с. 249 (3).

8. «Лягушка-путешественница». Три рисунка Малышева (тушь, перо). Представляют собой наброски и варианты иллюстраций к этой сказке в первой ее публикации: журнал «Родник», 1887, № 7. См. наст. том, с. 251 (4, л. 1—3).

9. «О Всеволоде Гаршине». Воспоминания Малышева, автограф. Опубликовано в сб.: «Памяти В. М. Гаршина», с. 124—130. Здесь текст напечатан с редакторскими изменениями (смягчены некоторые места, исправлен стиль) и сокращениями (опущено в начале обращение к редактору сборника Я. В. Абрамову, а в конце — отрывок, касающийся писем Гаршина). Приводим этот отрывок:

«Много писем осталось после Гаршина, но так как он неоднократно определенно высказывался по этому поводу, в особенности после появления в печати писем Тургенева, то я и считаю неудобным предавать их тиснению, чего Всеволод Михайлович страшно боялся.

«Дружище Мишунай,— говорил он незадолго до своей смерти,— если ты сохранил мои письма, прошу тебя, в случае моей смерти, не давай их для печати. Больше же всех, смотри, берегись Е., ты знаешь, что он будет очень рад заставить говорить о себе» (л. 13); Е.— это, конечно, Евгений, младший брат писателя (8, л. 1—14).

10. «Всеволод Гаршин в вопросах искусства». Воспоминания Малышева (9, л. 1—10).

НОВОНАЙДЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ к А. С. СУВОРИНУ

Предисловие и публикация В. П. Нечаева

Переписка Чехова с Алексеем Сергеевичем *Сувориным* (1834—1912) началась 21 февраля 1886 г. (знакомство Чехова с Сувориным произошло в конце 1885 г.) и поддерживалась в течение восемнадцати лет до 1 июля 1903 г. Период наиболее активного обмена письмами — 1888—1892 гг. До сих пор было известно 331 письмо Чехова к Суворину. Письма эти представляют собой богатейший источник для изучения жизни Чехова и его литературной деятельности. Ответные письма Суворина были возвращены ему после смерти Чехова сестрой писателя Марией Павловной. Дальнейшая судьба этих писем (за исключением немногих) неизвестна. «Видимо, он ⟨Суворин⟩ боялся, что они тоже когда-либо могут стать достоянием гласности,— вспоминала впоследствии М. П. Чехова,— что при его положении было ему нежелательно. Я была вынуждена выполнить просьбу и отдала ему его письма» (М. П. Чехова. Из далекого прошлого. М., 1960, с. 84).

Публикуемые ниже шесть вновь найденных телеграмм Чехова к Суворину написаны в период с октября 1898 г. по апрель 1899 г. Связаны они с двумя далекими друг от друга событиями: заключение Чеховым издательского договора с А. Ф. Марксом на продажу своих сочинений и суд чести над Сувориным по поводу его «Маленьких писем».

Следует напомнить, что сотрудничество Чехова в суворинском «Новом времени» прекратилось в 1893 г., а с 1898 г. встречи его с Сувориным стали чрезвычайно редкими, и переписка их приобрела эпизодический характер. Еще 23 февраля 1898 г. в письме к брату Александру Павловичу Чехов писал о своих взаимоотношениях с Сувориным в связи с позицией «Нового времени» в деле Дрейфуса — Золя: «В деле Золя «Новое время» вело себя просто гнусно. По сему поводу мы со старцем обменялись письмами (впрочем, в тоне весьма умеренном) и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писем...» (*ПССП*, т. XVII, с. 235).

В январе 1899 г. Чехов начал переговоры с А. Ф. Марксом о продаже ему права на издание всех своих произведений. Суворин в это время уже приступил к печатанию собрания сочинений писателя. Это обстоятельство, однако, не помешало Чехову закрепить «довольно неудачную», по его словам, сделку с Марксом договором, который 26 января 1899 г. подписал по доверенности писателя П. А. Сергеенко. Печатание собрания сочинений в типографии Суворина было прекращено. В момент заключения соглашения Чехов писал брату Ивану Павловичу: «Эта продажа имеет две очень хорошие стороны: 1) получу сразу 75 тысяч и во-2) избавлюсь от суворинских беспорядков» (письмо от 18 января 1899 г.—т. XVIII, с. 23). Таким образом, Чехов порывал с Сувориным и деловые и личные отношения. Развернувшиеся вскоре события, которых касаются и публикуемые ниже телеграммы, подтвердили правильность принятого решения.

В начале февраля 1899 г. в Петербургском университете началась студенческая забастовка. Поводом к ней послужило объявление, в котором ректор предлагал студен-

А. П. ЧЕХОВ

Фотография. Ялта, 1900

С дарственной надписью: «Христине Алексеевне Алчевской от Антона Чехова. 1900. 22/IV»

Институт литературы АН УССР, Киев

там не нарушать 8 февраля — в день празднования годовщины основания университета — «общественной тишины и порядка». «Маленькие письма» Суворина по поводу студенческих волнений, помещенные в «Новом времени» (№ 8257 и 8259 от 21 и 23 февраля 1899 г.), вызвали всеобщее возмущение. В них Суворин распространялся о «великодушии», «любви» к народу царя, назначившего комиссию для расследования беспорядков, и резко осудил студенческие забастовки (об отношении Чехова к этим событиям см. в статье А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.» — *ЛН*, т. 68, с. 449—476). Комитет Союза взаимопомощи русских писателей привлек Суворина к суду чести, который состоялся в марте — мае 1899 г. Суворин на суд не явился, но представил письменное объяснение. Переписка, возникшая между Союзом и Сувориным, была набрана в типографии последнего и распространялась им среди знакомых. В письме к Суворину от 4 марта 1899 г. Чехов писал по поводу его «Маленьких писем»: «Ваши письма о беспорядках не удовлетворили — это так и должно быть, потому что нельзя печатно судить о беспорядках, когда нельзя касаться фактической стороны дела. Государство запретило вам писать, оно запрещает говорить правду, это произвол, а вы с легкой душой по поводу этого произвола говорите о правах и прерогативах государства — и это как-то не укладывается в сознании. Вы говорите о праве государства, но вы не на точке зрения права» (*ПССП*, т. XVIII, с. 98).

В письме к Суворину от 24 апреля 1899 г., уже после получения оттиска с перепиской по поводу суда чести, Чехов отрицал общественную целесообразность этого «суда» и вместе с тем решительно осуждал суворинскую газету за ее выступления по политическим вопросам, вызвавшие враждебное отношение к ней со стороны русского общества (см. там же, с. 137).

Вся линия «Нового времени» и поведение Суворина в связи с процессом Дрейфуса и студенческими беспорядками окончательно убедили Чехова в неизбежности разрыва с Сувориным. Позднее, в письме к М. П. Чехову от 22 февраля 1901 г., писатель дал такую характеристику Суворину: «Новое время» в настоящее время пользуется очень дурной репутацией‹...› Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, то есть он говорит искренно, может быть, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот» (там же, т. XIX, с. 43).

Публикуемые ниже шесть телеграмм Чехова сохранились в фонде Суворина (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4618, л. 92, 101, 103, 117, 118, 119).

1

‹Ялта. 27 октября 1898 г.›

Температура нормальна. Кашель не больше прежнего. Самочувствие хорошее. Не опровергайте. Лучше пренебречь [1].

Чехов

Телеграфный бланк. Число и год проставлены в телеграмме, месяц установлен по содержанию.

[1] В газете «Новости», 1898, № 294 от 25 октября, была напечатана телеграмма от специального корреспондента об ухудшении здоровья Чехова: «Одесса. 24 октября. Состояние здоровья поселившегося в Ялте писателя Чехова ухудшилось: постоянный кашель, колебания температуры, временами кровохаркание». 27 октября, после отправления телеграммы, Чехов писал Суворину: «В своей телеграмме я просил вас не писать опровержение. Когда обо мне пишут, это меня неприятно волнует» (*ПССП*, т. XVII, с. 345).

2

‹Ялта. 16 января 1899 г.›

Маркс предлагает право собственности 50 000. Прошу 75 000. Телеграфируйте ваше мнение [1]. Что делать. Кланяюсь.

Чехов

Телеграфный бланк. Датируется по телеграфным отметкам.

[1] В тот же день Суворин ответил Чехову следующей телеграммой: «Вопрос права собственности только на изданные сочинения. Не правда ли. Я не понимаю, зачем вам торопиться с правом собственности, которое будет еще расти. Во всяком случае, на первый вопрос отвечайте. Понедельник переговорю с Колесовым. Семь раз отмерьте сначала. Разве ваше здоровье плохо. От вас давно нет писем. С у в о р и н» (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 318, л. 5).

3

⟨Ялта. 19 января 1899 г.⟩

Главное побуждение: хочется привести свои дела ⟨в⟩ некоторый порядок. Продолжаю торговаться. Прошу за будущие произведения 250 ⟨рублей за⟩ лист и надбавки каждые пять лет по 250 ⟨рублей⟩. Пришлите календарь. Благодарю сердечно за телеграмму [1]. Кланяюсь.

Чехов

Телеграфный бланк. Датируется по телеграфным отметкам.

[1] 18 января Суворин телеграфировал Чехову: «Сидел три часа с Петром Алексеевичем ⟨Сергеенко⟩. Маркс дает 75 000. Толстой говорит, что за одно приложение к «Ниве» ваших вещей можно дать 50 000. «Нива» этого не избегнет года через два. Надо бы знать ваши побуждения, причины продавать не только настоящее, но и будущее. Последнее особенно тяжело, это своего рода кабала. Десять листов в год вам дадут пять тысяч, а он не дает пяти тысяч за книжку в полную собственность. Подождите продавать. Напишите мне, что вас заставляет это делать. Не знаю, какая сумма вас может вывести из затруднения, но если вы можете обойтись двадцатью тысячами, я вам их тотчас вышлю. Это я могу и хотел бы сделать от всей души. Не решайтесь так быстро. Подумайте. Всего лучшего, милый Антон Павлович. С у в о р и н» (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 318, лл. 1—1об.).

4

⟨Москва. 26 апреля 1899 г.⟩

Объяснения мало выразительны [1]. Надо отстаивать главным образом право журналиста свободно, искренно выражать свои мнения. Я лично признаю за Союзом право широкого обсуждения, негодования, протеста, чего хотите, но не суда, который считаю в данном случае не соответствующим достоинству писателей и опасным.

Чехов

Телеграфный бланк. Датируется по телеграфным отметкам.

[1] В своем дневнике Суворин сделал следующую запись от 26 апреля: «Я писал Чехову. Послал ему свое объяснение суду чести. Он нашел его «мало выразительным» («Дневник Суворина», М.— П., изд. Л. Д. Френкеля, 1923, с 199).

5

⟨Москва. 26 апреля 1899 г.⟩

Превосходно написано [1], но обилием частностей вторая половина лишает выразительности, заслоняет первую, трактующую ⟨с⟩ общей точки зрения о праве журналиста выражать свободно свое мнение.

Чехов

Телеграфный бланк. Датируется по телеграфным отметкам.

[1] См. комментарий к предыдущей телеграмме.

6

‹Москва. 27 апреля 1899 г.›

Прекрасная статья для газеты, но как объяснение не удовлетворит судей [1] по причинам, изложенным ‹в› моем последнем письме [2]. Скажите ‹в› конце, что хотя не признаете суда, но даете объяснение потому, что вы, литератор, признаете за литераторами право широкого обсуждения, что отказ — высокомерное отношение ‹к› призыву литераторов, составляющих Комитет, был бы не ‹в› вашем характере, не ‹в› ваших традициях. Последние четырнадцать строк исключите.

Чехов

Телеграфный бланк. Датируется по телеграфным отметкам.

[1] Имеется в виду письменное объяснение Суворина суду чести.
[2] В письме от 24 апреля 1899 г.— см.: *ПССП*, т. XVIII, с. 136—138.

К ИСТОРИИ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ «ОСТРОВ САХАЛИН»

Статьи и публикация Е. Н. Дунаевой

ФОТОГРАФИИ ДЛЯ КНИГИ «ОСТРОВ САХАЛИН»

Замысел книги о Сахалине, острове русской каторги, возник у Чехова в конце 1889 г. Чехов тщательно готовился к предстоящей поездке, разрабатывал маршрут, знакомился со специальной литературой. Общий план, направление, даже примерный объем книги были намечены им еще до отъезда из Москвы. Тогда же он начал писать первые страницы своих очерков — краткий географический обзор и историю исследования Сахалина.

Среди прочих дел Чехов обдумывал тогда и возможность иллюстрирования книги. «Вы высказывали как-то мнение, что если бы по возвращении издать иллюстрированное путешествие или описание Сахалина, то дело это могло бы быть выгодно в материальном отношении, следовательно и обеспечено от произведенных затрат»,— писал Чехову его знакомый, художник А. А. Сахаров [1]. Сахаров выражал желание сопровождать Чехова, но, не имея для этого достаточных средств, рассчитывал получить значительный аванс от А. С. Суворина. Свое отношение к планам Сахарова Чехов выразил в письме к Суворину от 11 апреля 1890 г.:

«Сейчас сидит у меня Е. К. Маркова, которая когда-то жила у вас. Она вышла замуж за художника Сахарова, очень милого, но нудного человека, который во что бы то ни стало хочет ехать со мной на Сахалин рисовать. Отказать ему в своем обществе у меня не хватает духа, а ехать с ним — это сплошная тоска ⟨...⟩. Мне, конечно, было бы приятно иллюстрировать свою книгу, но когда я узнал, что Сахаров за это надеется получить не менее тысячи рублей, то у меня пропал всякий аппетит к иллюстрации...» [2] Сахаров не был желательным попутчиком, и Чехов, сам стесненный в средствах, не оказал ему содействия. Но в письме Чехова к Суворину отметим слова: «Мне, конечно, было бы приятно иллюстрировать свою книгу...» Проезжая через Сибирь, восхищаясь оригинальной красотой Енисея, Байкала, Чехов в письмах к родным дружески поругивал Левитана за то, что тот не поехал с ним. Вряд ли серьезно могла идти речь об участии Левитана в путешествии, но понятно сожаление Чехова о невозможности запечатлеть своеобразные пейзажи.

Мысль об иллюстрациях для книги, очевидно, вновь возникла у Чехова, когда он на Сахалине познакомился с фотографиями местного чиновника И. И. Павловского. Знакомство с Павловским могло произойти в июле-августе 1890 г. на Северном Сахалине — в Александровском посту или в Дуэ, где Павловский заведовал телеграфной станцией. В сентябре 1890 г. они встречались на Южном Сахалине, в Корсаковском посту, куда Павловский приехал в отпуск. «...Вы сами были свидетелем, как я снимал при вас в Корсаковском» [3], — писал впоследствии Павловский.

Сведения о сахалинском знакомом Чехова скудны. Иннокентий Игнатьевич Павловский служил на Сахалине с 1881 г. сначала в почтовом, потом в тюремном ведомстве. В свободное от работы время он занимался фотографией и сделал в этой области большие успехи. Он, несомненно, выделялся среди других фотографов-любителей, не случайно именно ему был поручен важный заказ — подготовить альбом фотографий для поднесения ожидавшемуся на Дальнем Востоке наследнику престола.

В архиве Чехова сохранились три письма к нему Павловского за 1890—1891 гг., письма Чехова к Павловскому неизвестны.

Первые два письма были написаны Павловским в те дни, когда Чехов еще находился на Дальнем Востоке. Пароход «Петербург», на котором он должен был воз-

вращаться, 11 октября вышел из Александровского поста на Южный Сахалин, чтобы 14 октября уйти из Корсаковского поста во Владивосток и далее — в обратный рейс на Одессу. Сахалинские знакомые, помогавшие Чехову в сборе материалов, готовили посылки на «Петербург». В их числе был и Павловский, вернувшийся к этому времени в Дуэ. 1 октября 1890 г., сообщая Чехову о выполненных поручениях, он упомянул и о фотографиях:

«Сообщаю вам, что документы, составленные для описания путешествия вокруг Сахалина или, вернее, с севера на юг, подобрал и пошлю на «Петербург», а также получил копию с протокола американских китобоев, фотографию с них, аинцев в типичных костюмах и еще 2—3 самых лучших удавшихся видов, все пошлю на «Петербург», затем на «Байкал», но нет необходимости спешить.

Все, что буду посылать вам после и впредь, будете располагать по своему усмотрению, а мне, что полагается, положа руку на сердце, то мне не посылайте, а будете, какие копейки перепадут, сдавать в какую-нибудь сберегательную кассу в Москве на имя дочери моей Марии Павловской до востребования» [4].

Второе письмо Павловского было скорее всего получено Чеховым во Владивостоке, куда его мог доставить пароход «Байкал». Павловский просил Чехова поддержать его ходатайство в Главное тюремное управление о разрешении ему беспрепятственно фотографировать на Сахалине. В этом письме он вновь писал о фотографиях: «Бараки, кажется, на днях сниму, обещал людям водки, денег, согласились расположиться на берегу так же, как они располагаются ночью. Посылаю еще один снимок мельницы поселенца-домохозяина в селе Крестах» [5].

По этим двум письмам Павловского видно, что Чехов заинтересовался его фотографиями, хотел их приобрести и рассчитывал на присылку новых снимков в дальнейшем. Он даже подсказывал Павловскому желательные сюжеты (бараки для поселенцев в Дуэ). Общее количество фотографий Павловского, привезенных в 1890 г. Чеховым с Сахалина, было невелико, не более 6—7, подборка их совершенно случайна — Павловский выбирал технически лучшие, наиболее удавшиеся.

В декабре 1890 г. Чехов вернулся в Москву. Связь его с Сахалином и сахалинцами не прерывалась несколько лет.

11 марта 1891 г. пароход «Петербург» отправился в очередной рейс из Одессы на Сахалин, на его борту было до 2000 томов книг, собранных Чеховым для сахалинских школ. Этим же рейсом были отправлены письма сахалинским знакомым, в том числе и Павловскому.

30 марта из Флоренции Чехов писал М. П. Чеховой: «Пошлите скорее телеграмму такого содержания: Сахалин. Павловскому. Повидайте доктора Щербака. Чехов» [6].

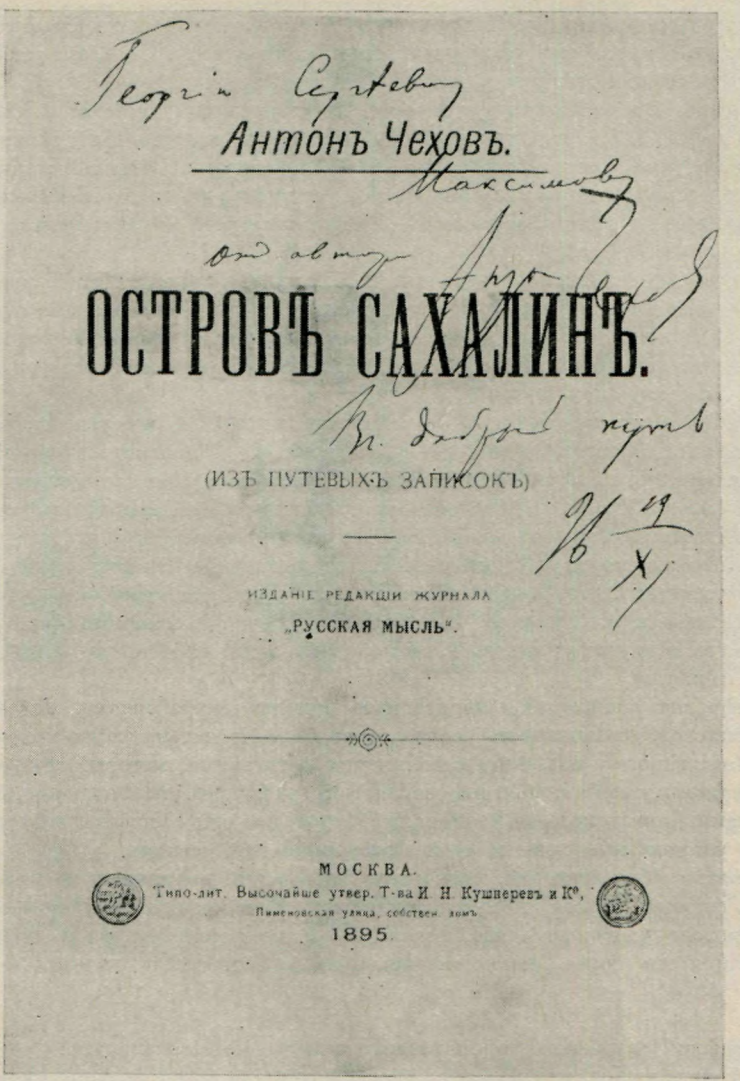
Доктор Щербак, судовой врач «Петербурга», должен был передать Павловскому письмо Чехова. Само письмо до нас не дошло, но содержание его можно реконструировать по ряду источников.

Сахалинский чиновник Д. А. Булгаревич сообщал Чехову: «Передавая мне посылку, доктор Щербак передал также и эту прилагаемую записочку, в которой вы просите Павловского выслать ему некоторые виды» [7].

Павловский ответил Чехову 21 июня 1891 г.: «Виделся с доктором Щербаком, передал ему около 20 фотографий, какие были у меня тогда налицо, остальные же по списку вашему, вернувшись из Владивостока, куда ездил снимать наследника; преодолев известное вам препятствие, снял еще слишком 20 видов, самых бытовых, которые и посылаю, надеюсь, что вы будете ими довольны». И дальше: «Вы спрашиваете через т. Щербака о цене за помещение в вашем «Описании Сахалина» моих видов, то я, право, затрудняюсь, цены редакции предлагают различные, и я редакциям пока не посылаю ввиду помещения видов в вашем издании.

Я предоставляю определить плату вам самим, потому что вы знаете, почем редакции платят, но вас прошу назначить дешевле» [8].

Итак письмо Чехова Павловскому, написанное в начале марта 1891 г., содержало список-заказ на фотографии для его книги и вопрос о цене на них. О списке говорят оба корреспондента Чехова — и Павловский, и Булгаревич. Чехов составил этот список фактически до начала обработки привезенных с Сахалина материалов. В январе-


Георгію Сергѣевичу
Антонъ Чеховъ.
Максимову
отъ автора
ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.
(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ".
МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утверж. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1895.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ «ОСТРОВ САХАЛИН» (М., 1895)
с дарственной надписью:
«Георгию Сергеевичу Максимову от автора. Антон Чехов. В добрый путь.
96 $\frac{19}{XI}$»
Титульный лист
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

феврале 1891 г. он работал над повестью «Дуэль», но, не желая упускать оказии, отослал на Сахалин с доктором Щербаком заказ, который мог ему пригодиться впоследствии.

Павловский, выполняя заказ по списку Чехова, отослал ему дважды примерно по 20 фотографий. «Известное препятствие», о котором он пишет,— очевидно, затруднения со стороны тюремной администрации,— на этот раз были успешно преодолены: в ответ на прошение Павловского, посланное в Петербург, начальник Главного тюремного управления М. Н. Галкин-Враский предложил начальнику острова «оказывать полное содействие Павловскому свободно заниматься фотографией», о чем Павловский сообщил Чехову в цитированном выше письме от 21 июня 1891 г. К сожалению,

мы не знаем, предпринимал ли Чехов какие-нибудь шаги, чтоб поддержать ходатайство Павловского в Главном тюремном управлении, как тот его просил. Во всяком случае, в 1891 г. Павловский мог делать снимки беспрепятственно.

Получение первой партии фотографий подтверждается письмом А. В. Щербака Чехову 17 июля 1891 г. из Одессы: «Поручения ваши относительно Сахалина выполнил 〈...〉 получил разные фотографии от Павловского» [9]. О второй партии Чехову писали из одесской конторы магазина «Нового времени»: «С парохода «Москва» доставлен в магазин ящик с фотографическими снимками острова Сахалина с просьбой переслать его вам» [10].

В личном архиве Чехова, переданном в 1922 г. его сестрой в Музей имени Чехова, существовавший тогда в Москве, сохранились фотографии, связанные с поездкой писателя на Сахалин и обратным кругосветным плаванием. В настоящее время эта коллекция, насчитывающая 109 фотоснимков, входит в состав Чеховского фонда Государственного Литературного музея [11].

Изучение и определение этих фотографий стало возможным только после сложнейшей реставрации, проведенной в 1967—1968 гг. Т. Н. Ютановой. Автору статьи, совместно с хранителем Чеховского фонда И. В. Гавриковой, удалось выделить из состава коллекции фотографии И. И. Павловского. Решение этой задачи облегчалось тем, что на многих снимках стоит штамп фотографа: «Павловский». Таких фотографий оказалось 24. Несомненно, Павловскому же принадлежат еще 15 фотографий (14 сюжетов), не имеющих штампа. Доказательством тому служит однотипность бумаги и формата, а также — и это главное — идентичность почерка в аннотациях, сделанных на обороте тех и других снимков. Таким образом, нами определено 39 работ Павловского (38 сюжетов).

Расшифровка аннотаций, написанных крайне неразборчиво, была сделана И. В. Гавриковой. Правильность расшифровки была проверена ею же путем сличения снимков Павловского с альбомом сахалинских фотографий, который также хранится в Литературном музее (в альбом вклеено 60 фотографий, из них 17 полностью совпадают с работами Павловского из коллекции Чехова; все они снабжены аннотациями) [12]. Так были установлены сюжеты всех фотографий Павловского.

Это имеет особое значение, поскольку Павловский посылал свои снимки, руководствуясь списком Чехова, до нас не дошедшим. Установив содержание его фотографий, мы сможем представить себе, каковы были намерения Чехова в отношении иллюстрирования его книги, какие задачи он ставил перед Павловским.

Фотографии Павловского можно разделить на видовые и жанровые. Среди видовых фотографий мы находим снимки Александровского поста, Жонкиерского маяка, селений Ново-Михайловское и Красный Яр, поста Дуэ и его окрестностей — все эти места входили в Александровский округ Северного Сахалина. На Южном Сахалине Павловским были сняты в Корсаковском округе виды Корсаковского поста, Березников, Голого мыса, Третьей пади.

Жанровых сцен немного, но в них документально отражены важные моменты труда, быта каторжан и поселенцев (раскомандировка на работы, добыча угля, вечерняя поверка, обед) и их наказаний («заковка в кандалы», арестанты, прикованные к тачкам).

Книга Чехова «Остров Сахалин» композиционно делится как бы на две части: в первых главах, кончая четырнадцатой, дается, по определению Чехова, «обзор населенных мест», в последующих главах Чехов, по его словам, переходил «к частностям, важным и неважным, из которых в настоящее время слагается жизнь колонии».

Можно предположить, что и в письме Чехова речь шла о двух планах иллюстрирования книги: о видах сахалинских поселений и о сценах каторжного быта. Последние, очевидно, интересовали Чехова больше. Это можно понять по таким словам в письме Павловского: «К концу лета у меня будет до 100 экземпляров видов самых бытовых» [13].

АМЕРИКАНСКИЕ КИТОБОИ

Фотография И. И. Павловского <?>, 1890

Из коллекции А. П. Чехова

Литературный музей, Москва

<1890>. 18 сентября. Корсаковский пост. Допрашивали в полицейском управлении американцев-китобоев, потерпевших крушение. Пять американцев и один черный. Они рассказали, что капитан судна послал их на шлюпке вдогонку за китом; они загарпунили кита и пошли за ним на буксире, от сильного хода шлюпка дала течь; пришлось обрезать буксир и пустить кита. Наступили потемки, судна не было видно. Утром туман. Штормовали потом в море четверо суток, имея при себе только 10 фунтов хлеба. Выбросило их на юго-восточном берегу Сахалина у мыса Тонина («Из Сахалинского дневника». XII, 331)

Сопоставляя фотографии Павловского с содержанием «Острова Сахалина», нетрудно убедиться, что иллюстрации распределяются по главам крайне неравномерно. Нет ни одной фотографии селений Тымовского округа. Из 22 селений Корсаковского округа снято только 6. Зато Александровский пост, пост Дуэ и каменноугольные копи сняты во многих видах.

В жанровых сценах также лишь частично запечатлены стороны каторжной жизни, освещенные Чеховым. В съемках этих сцен были свои трудности — технические и, так сказать, внутриполитические. Технические трудности заключались в необходимости большой выдержки, из-за чего расположение групп каторжников было искусственным, а их позы напряженными. Павловский называл такие снимки «деланными». Осложнения другого рода были вызваны как подозрительным отношением островного начальства к работам Павловского, так и нежеланием ссыльно-каторжных фотографироваться,— не случайно ведь Павловскому пришлось пообещать водки и денег, чтобы снять бараки поселенцев.

В какой мере Павловский выполнил заказ Чехова? К сожалению, мы не можем дать определенного ответа на этот вопрос. В письме от 21 июня 1891 г. Павловский сообщает только, что не может выслать снимок Корсаковской школы с детьми и прочие корсаковские виды, потому что Нойтаки (фотограф-любитель; очевидно, конкурент Павловского) забрал себе негативы и поставил на фотографиях свой штамп.

Мы не знаем, был ли удовлетворен Чехов снимками Павловского, отвечали ли они его пожеланиям; неизвестна нам и дальнейшая судьба самого фотографа. Но если в целом иллюстрации и не отвечают требованиям полноты, то каждая фотография, за немногим исключением, может быть соотнесена с текстом книги Чехова и становится подлинной ее иллюстрацией. Иногда соответствие бывает удивительно близким. Сошлемся на фотографию «Главная улица в Дуэ». Широкая гладкая улица, полосатые будки и столбы, чистенькие домики, деревянная церковь, перегораживающая улицу,— все это мы находим и у Чехова, и на фотографии Павловского как бы в одинаковом ракурсе.

Вглядываясь в фотографии Павловского, мы различим многие реалии, известные нам по описаниям Чехова: реку Дуйку, имеющую вид «длинной узкой лужи», церковь, недостроенную мечеть с минаретом, казенные дома на главной улице Александровского поста, где нет ни одной каменной постройки, типичный дом поселенца в Красном Яру, остов недостроенной деревянной церкви в Ново-Михайловском, избушки без дворов и без зелени в слободке близ Дуэ. Мы увидим пудовые санки, в которых рабочий возит уголь; тачки, к которым цепями прикованы арестанты.

Фотографии показывают нам, с какой документальной точностью писал Чехов свои очерки Сахалина, опираясь прежде всего на подробный дневник, который он вел во время поездки. Вместе с тем фотографии Павловского могли быть для Чехова источником, по которому он поверял свою память и свои дневниковые записи.

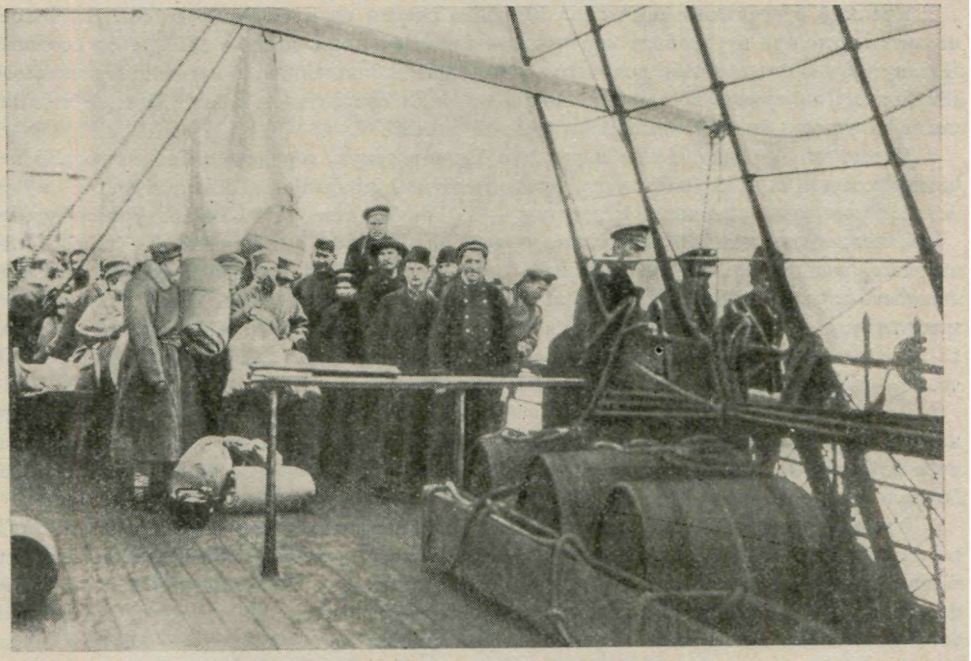
Павловский прислал Чехову еще одну фотографию: «Американские китобои». Из его письма от 1 октября 1890 г. не ясно, получил ли он эту фотографию вместе с протоколом допроса американцев или прислал свою. Непосредственного отношения к книге «Остров Сахалин» фотография эта не имеет, но она отражает событие, случившееся во время пребывания Чехова на Сахалине, и дополняет сахалинский изобразительный материал, собранный писателем. Об американских китобоях (см. о них наст. том, с. 298) Чехов писал матери 6 октября 1890 г., а также в отрывке из сахалинского дневника, опубликованном в альбоме «Пером и карандашом» (приложение к журналу «Осколки» за 1891 г.).

Фотографиями Павловского не исчерпывается сахалинская тема в коллекции Чехова. Он получал фотографии и из других источников. Так, его сахалинский корреспондент Д. А. Булгаревич послал ему 5 июня 1891 г. фотографию Александровской тюрьмы, полученную им от начальника Александровского округа о-ва Сахалин С. Таскина [14]. По-видимому, это была фотография с видом тюремного двора, сохранившаяся в коллекции Чехова. На обороте ее стоит штамп: «П. Е. Нойтаки. О-в Сахалин. Фотограф-любитель». Возможно, впрочем, что это тоже фотография Павловского; последний, жалуясь в письме Чехову от 21 июня 1891 г. на Нойтаки, писал, что тот украл у него негативы Александровской тюрьмы и дома генерала.

Особую группу составляют фотографии, переданные Чехову А. В. Щербаком, судовым врачом парохода «Петербург».

Александр Викторович *Щербак* (1848—1894) был личностью незаурядной [15]. Он пользовался широкой известностью как врач и как литератор. В годы учения в Медико-хирургической академии он был активным участником студенческого движения, проходившего под влиянием пропаганды С. Нечаева, в 1869 г. подвергался аресту. Во время сербско-турецкой войны, а затем русско-турецкой войны Щербак работал в отрядах Красного Креста, заведовал врачебными пунктами. Прекрасный организатор, он в качестве старшего врача участвовал в Ахал-Текинской экспедиции генерала Скобелева. После работы в петербургской Александровской больнице для чернорабочих Щербак поступил судовым врачом на корабли Добровольного флота и неоднократно сопровождал партии ссыльных на Дальний Восток. Его перу принадлежат книги: «Черногория и ее война с турками в 1877—78 гг.» (СПб., 1878) и «Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 годах» (СПб., 1884). Щербак сотрудничал в газетах «Голос», «Порядок», в последние годы жизни он был корреспондентом «Нового времени». Еще до знакомства с этим интересным человеком Чехов должен

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ТЮРЬМА
Фотография, ⟨1890⟩. На обороте штамп: «П. Е. Нойтаки. О-в Сахалин. Фотограф-любитель»
Из коллекции А. П. Чехова
Литературный музей, Москва



АРЕСТАНТЫ НА ПАРОХОДЕ ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ
Фотография А. В. Щербака, 1880-е годы
Из коллекции А. П. Чехова
Литературный музей, Москва

был обратить внимание на статьи Щербака в «Новом времени» о рейсах с ссыльно-каторжными на Сахалин, печатавшиеся в феврале и марте 1890 г., возможно, говорил о нем с А. С. Сувориным.

По возвращении в Москву Чехов написал Суворину: «Познакомился с д-ром Щербаком. По-моему, это замечательный человек. Там, где он служит, все его любят, а я с ним почти подружился. В прошлом у него такая каша, что сам черт увязнет в ней» [16]. В свою очередь Щербак тепло отозвался о Чехове: «С Корсаковского поста были взяты на пароход ‹...› два классных пассажира: иеромонах отец Ираклий и симпатичный доктор А-П-Ч, окончивший свою любопытную экскурсию по Сахалину» [17].

Знакомство Чехова и Щербака произошло 13 октября в Корсаковском посту, расстались они 5 декабря в одесском порту. Их переписка продолжалась два года, сохранилось 16 писем Щербака Чехову за 1890—1892 гг.; судьба писем Чехова неизвестна. Щербак умер 5 октября 1894 г.[18] во время рейса, похоронен в Нагасаки,— все его имущество было передано на хранение мировому судье 8-го участка г. Одессы для передачи наследникам. В описи имущества среди других вещей значатся: альбом с карточками и конверт большой с письмами [19].

Щербак был фотографом-любителем. Вероятно, именно им были сделаны фотографии Чехова на борту парохода «Петербург»: Чехов и мичман Глинка (с мангустами) и Чехов на палубе парохода «Петербург» [20].

У Щербака были снимки различных эпизодов перевозки ссыльно-каторжных на Дальний Восток на пароходах, часть этих снимков Чехов мог видеть во время плавания, другие хранились в Одессе.

Начиная со второго письма, написанного 10 декабря 1890 г. (через пять дней после отъезда Чехова из Одессы), Щербак постоянно пишет Чехову о своих фотографиях, то обещает изготовить отпечатки, то предлагает выслать негативы. Наконец, вернувшись после рейса в августе 1891 г., Щербак выслал Чехову несколько своих фотографий и передал в его полное распоряжение негативы [21].

Пробные отпечатки с негативов Щербака сделал по просьбе брата Ал. П. Чехов, но затем отложил эту работу «до лучших времен»; лишь весною 1895 г. он сообщил Чехову: «Отпечатал я тебе всю твою сахалинскую коллекцию с негативов покойного Щербака. При случае доставлю». Чехов получил отпечатки в мае 1895 г., в те дни, когда «Остров Сахалин» вышел отдельной книгой [22].

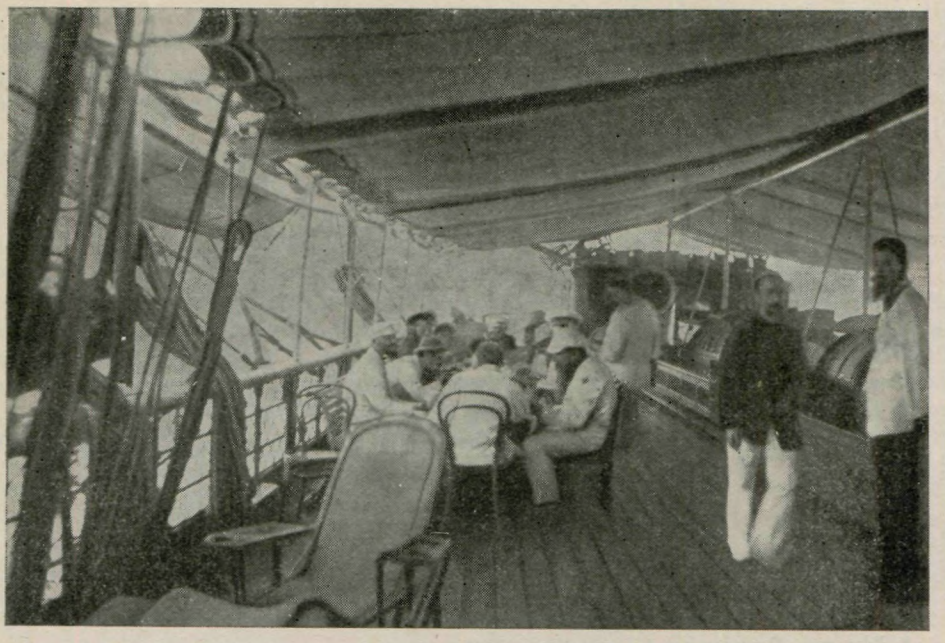
Негативы Щербака Чехов передал в Таганрогскую городскую библиотеку, отпечатки оставил себе. В настоящее время негативы хранятся в Литературном музее А. П. Чехова (Таганрог), отпечатки — в Государственном Литературном музее.

С полной достоверностью можно определить, что 14 фотоотпечатков (плюс 7 повторных, меньшего размера) сделаны Ал. П. Чеховым с негативов Щербака. Принадлежность этих снимков Щербаку подтверждается сопоставлением их с сохранившимися негативами, а также с отпечатками, сделанными в 1929 г. (в Таганроге хранится 13 негативов, в ГЛМ — 16 отпечатков, присланных в 1929 г. С. Д. Балухатым, в том числе — четыре с утраченных ныне негативов).

Кроме того, в составе коллекции Чехова имеется еще 11 фотографий, автором которых предположительно можно считать Щербака. Это 6 снимков, сделанных на палубе парохода (арестанты и матросы), и 5 снимков, сделанных с борта корабля (виды берегов и моря).

Все фотографии Щербака не имеют надписей и могут быть аннотированы лишь по содержанию. Они посвящены одной теме — пересылке каторжных морским путем. Часть их снята, очевидно, в Одессе: прибытие арестантов по железной дороге, медицинский осмотр мужчин и женщин в канцелярии, погрузка на корабль. Затем идут эпизоды, снятые на корабле,— расковка арестантов, молебен, судовой лазарет, отпевание покойника, различные группы арестантов на палубе и, наконец, подготовка к спуску с корабля во Владивостоке или в одном из Сахалинских портов. Так как Щербак передавал Чехову свои старые негативы, то о времени съемки можно сказать только, что она производилась в 1880-х годах — до 1891 г.

В книге «Остров Сахалин» тема пересылки каторжных почти не нашла отражения. Лишь в XVI главе говорится о «женском вопросе», о распределении доставленных на



А. П. ЧЕХОВ НА ПАЛУБЕ ПАРОХОДА «ПЕТЕРБУРГ»
Фотография А. В. Щербака, 1890
Из коллекции А. П. Чехова
Литературный музей, Москва

пароходах женщин, и в VI главе, в «Рассказе Егора», говорится о крушении парохода «Кострома», доставлявшего каторжных на Сахалин; подробности этого крушения Чехов мог слышать от Щербака, который был участником драматически закончившегося рейса.

Постоянная заинтересованность Чехова в фотографиях по пересылке каторжных, собирание других материалов (Чехов получил от Щербака копию врачебно-санитарного отчета и инструкцию судовому врачу по сопровождению ссыльно-каторжных) говорят о том, что тема эта не была ему безразлична. Перед исследователями «Острова Сахалина» должен встать вопрос: были ли исчерпаны Чеховым в книге собранные им материалы, полностью ли реализованы его первоначальные планы? Стоит обратить внимание на незавершенность очерков. Настораживает то обстоятельство, что книга, исполненная глубокого скорбного чувства, насыщенная авторскими лирическими размышлениями, обрывается на выписках из статистических отчетов.

Правда, в черновой рукописи Чехов поставил слово: finis. Но это же слово повторено в письме к В. М. Лаврову от 19 марта 1895 г. в несколько двусмысленном контексте: «Больше ничего не будет — Finis» [23] — как будто бы и автор и редакторы журнала рассчитывали на продолжение книги.

Не став при жизни Чехова иллюстрациями к его книге, фотографии сахалинской коллекции в наши дни приобрели значение важного исторического документа, источника дополнительных сведений о творческой истории «Острова Сахалина».

Некоторые фотографии из коллекции Чехова воспроизводились в ряде изданий. Назовем основные публикации:

«Письма А. П. Чехова». Изд. М. П. Чеховой, т. 3. М., 1913, с. 133, 135, 136, 139, 142, 143; Ю. В. Соболев. Чехов. М., Журнально-газетное объединение, 1934, с. 144, 145; *ПССП*, т. XV, с. 120—121, 144—145; *Летопись Чехова*, с. 270, 273, 274; «А. П. Чехов в портретах, иллюстрациях, документах». Л., 1957, с. 185—192; М. В. Теплинский, Б. Н. Бурятов. А. П. Чехов на Сахалине. Южно-

Сахалинск, Книжная редакция «Советский Сахалин», 1957, с. 21, 43; А. П. Чехов. Собр. соч. в 12 томах, т. 10. М. Гослитиздат, 1963, с. 32—33, 288—289, 352—353, 416—417. В некоторых изданиях к числу фотографий, принадлежащих Чехову, ошибочно была отнесена фотография «Каторжные работы на Сахалине», полученная Музеем имени Чехова в 1920-х годах от Д. И. Иванова [24].

В настоящей публикации воспроизводится 38 снимков И. И. Павловского (ГЛМ, Ф — № 180, 181, 195, 198, 200, 201, 203, 207, 209, 214, 265, 266, 268—271, 273, 319—325, 332—335, 337—339, 342, 344—346, 654—656), а также фотография американских китобоев (№ 340) и вид Александровской тюрьмы (№ 208).

Фотографии Павловского располагаются в последовательности глав книги «Остров Сахалин», они сопровождаются его аннотациями (подписями) и выдержками из тех мест книги, с которыми они могут быть соотнесены. Цитаты даются по изданию: *ПССП*, т. X (в ссылках указываются только страницы). К фотографии американских китобоев дается сопроводительный текст из сахалинского дневника Чехова. Фотографии, имеющие штамп «Павловский», отмечены звездочкой.

Кроме того, публикуются 4 фотографии Щербака (см. наст. том, с. 269, 271 и 295).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГБЛ, ф. 331. 58.17. Письмо от 21 марта 1890 г.

[2] *ПССП*, т. XV, с. 56.

[3] ГБЛ, ф. 331. 55.5. Письмо от 21 июня 1891 г.

[4] Там же.

[5] Там же. Письмо от 15 октября 1890 г.

[6] *ПССП*, т. XV, с. 182.

[7] Цит. по ст.: М. В. Теплинский. Новые материалы о сахалинском путешествии А. П. Чехова.— Сб. «А. П. Чехов». Южно-Сахалинск, Сахалинское книжное изд-во, 1959, с. 198.

[8] ГБЛ, ф. 331. 55.5.

[9] Там же, 64.3.

[10] Там же, 40.38. Письмо от 21 августа 1891 г.

[11] На принадлежность Павловскому фотографий, хранящихся в ГЛМ, указал в общей форме М. В. Теплинский (указ. статья, с. 200).

[12] ГЛМ. Б-29933/1-60. Альбом был приобретен Литературным музеем в 1937 г. у Н. А. Вершининой. История его неизвестна. Некоторые предположения позволяет сделать надпись на обложке: «О-в «Сахалин». Возможно, что альбом был сделан по заказу акционерного общества «Сахалин», которое владело угольными разработками на острове.

[13] ГБЛ, ф. 331.55.5 Письмо от 21 июня 1891 г.

[14] М. В. Теплинский. Указ. статья, с. 98.

[15] См. о нем: некролог в газ. «Новое время» (1894, № 6689, 12 октября; перепечатан в «Историческом вестнике», 1894, декабрь, с. 900); некролог в газ. «Новости» (1894, № 281, 12 октября); некролог в журн. «Всемирная иллюстрация» (1894, № 17, т. 52, 22 октября); Брокгауз - Ефрон. Энциклопедический словарь; «Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь», т. I, ч. 2, М., 1928, стлб. 477.

[16] *ПССП*, т. XV, с. 136.

[17] А. В. Щербак. С ссыльно-каторжными.— «Новое время», 1891, № 5381, 20 февраля.

[18] Дата смерти Щербака в заметке «Плавание парохода «Петербург» («Одесские новости», 1894, № 3142, 9 декабря) подтверждается телеграммой агента Добровольного флота в Петербург от 7 октября 1894 г.: «Петербург, задержанный три дня Нагасаки, вышел Кучиноту, умер доктор Щербак. Терентьев» (ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 371).

[19] Там же.

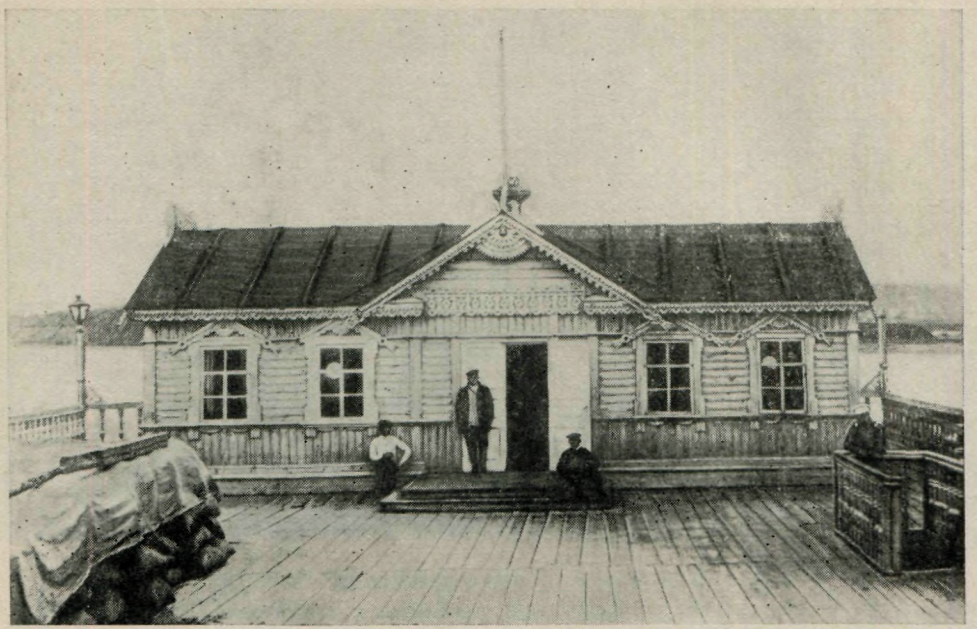
[20] Первую фотографию см.: «Письма А. П. Чехова», изд. М. П. Чеховой. М., 1913, т. 3, с. 181; вторую — наст. том, с. 271.

[21] Письмо от 4 августа 1891 г.— ГБЛ, ф. 331. 64.3.

[22] «Письма к А. П. Чехову его брата Александра Павловича». М., 1939, с. 310, 311, 312.

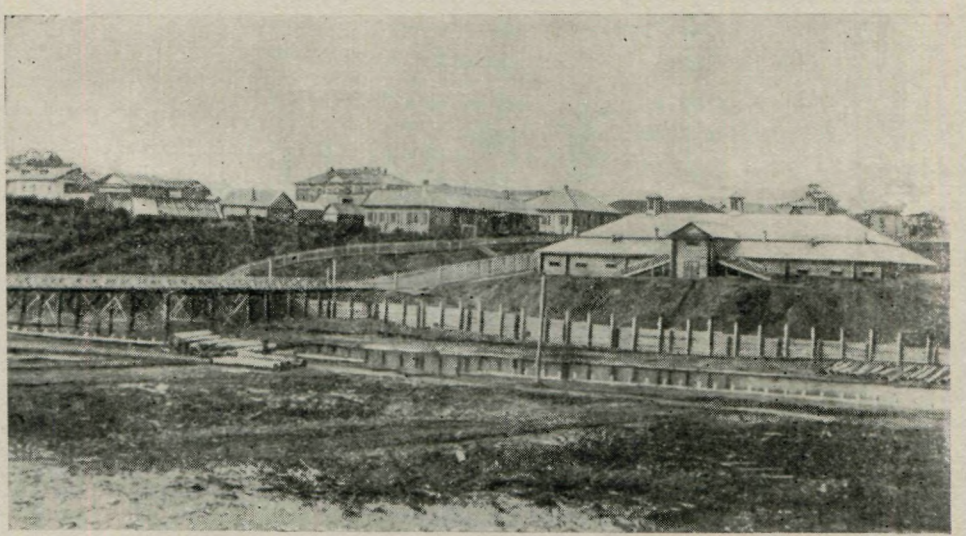
[23] *ПССП*, т. XVI, с. 226.

[24] Там же, с. 160—161; М. В. Теплинский, Б. Н. Бурятов. А. П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, Книжная редакция «Советский Сахалин», 1957, с. 37; «А. П. Чехов в портретах, иллюстрациях, документах». Л., Учпедгиз. 1957, с. 190; А. П. Чехов. Собр. соч. в 12 томах, т. 10. М., Гослитиздат, 1963, с. 96—97.



ДЕЖУРНЫЙ ДОМИК НА МОРСКОЙ ПРИСТАНИ В ПОСТУ АЛЕКСАНДРОВСКОМ *

Пристань есть, но только для катеров и барж. Это большой, в несколько сажен сруб, выдающийся в море в виде буквы Т(...). На широком конце Т стоит хорошенький домик — контора пристани — и тут же высокая черная мачта. Сооружение солидное, но недолгозечное (X, 22).



ПОСТ АЛЕКСАНДРОВСК. ГЛАВНАЯ НАБЕРЕЖНАЯ*

Александровский пост, или, короче, Александровск, представляет из себя небольшой благообразный городок сибирского типа, тысячи на три жителей. В нем нет ни одной каменной постройки, а все сделано из дерева, главным образом из лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации (X, 23).

ГЛАВНАЯ УЛИЦА ПОСТА АЛЕКСАНДРОВСКОГО*

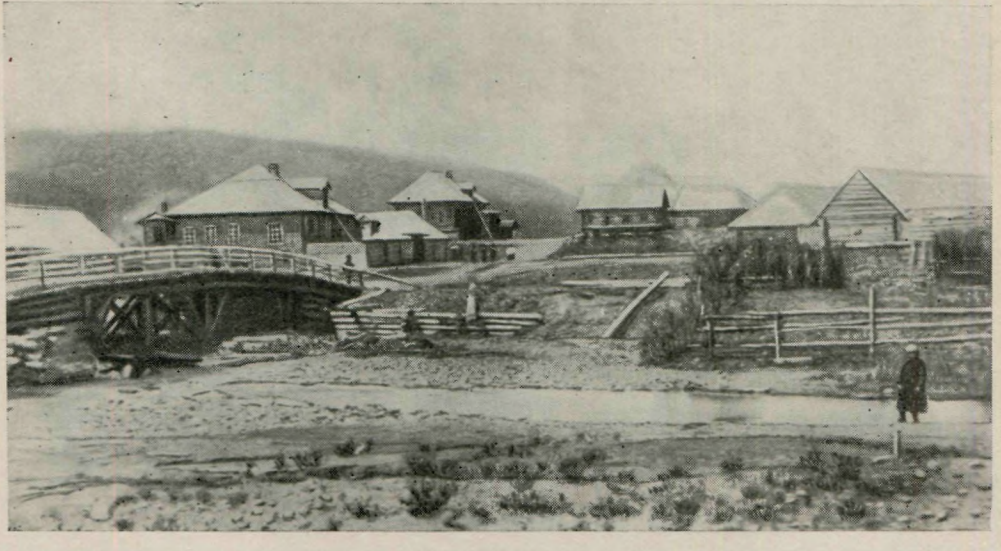
Главную суть поста составляет его официальная часть: церковь, дом начальника острова, его канцелярия, почтово-телеграфная контора, полицейское управление с типографией, дом начальника округа, лавка колонизационного фонда, военные казармы, тюремная больница, военный лазарет, *строящаяся* [мечеть с минаретом, казенные дома, в которых квартируют чиновники, ссыльно-каторжная тюрьма с ее многочисленными складами и мастерскими (X, 49).

ЗАКОВКА В РУЧНЫЕ КАНДАЛЫ «ЗОЛОТОЙ РУЧКИ». ТЮРЕМНЫЙ ДВОР ДУЙСКОЙ ТЮРЬМЫ*

Из сидящих в одиночных камерах особенно обращает на себя внимание известная Софья Блювштейн — Золотая Ручка, осужденная за побег из Сибири в каторжные работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым, старушечьим лицом. На руках у нее кандалы... (X, 54—55).

ЖОНКИЕРСКИЙ МАЯК (БЛИЗ ПОСТА АЛЕКСАНДРОВСКОГО)*

Днем маяк, если посмотреть на него снизу,— скромный белый домик с мачтой и с фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом. Дорога к домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокруг горы, мимо старых лиственниц и елей. Чем выше поднимаешься, тем свободнее дышится; море раскидывается перед глазами, приходят мало-помалу мысли, ничего общего не имеющие ни с тюрьмой, ни с каторгой, ни с ссыльною колонией, и тут только сознаешь, как скучно и трудно живется внизу (X, 71).



СЕЛО НОВО-МИХАЙЛОВСКОЕ

В Ново-Михайловке телеграфная станция, школа, казарма для богадельщиков и остов недостроенной деревянной церкви (X, 81).

ПУТИ СООБЩЕНИЯ НА О. САХАЛИНЕ — ПРОСЕКА*

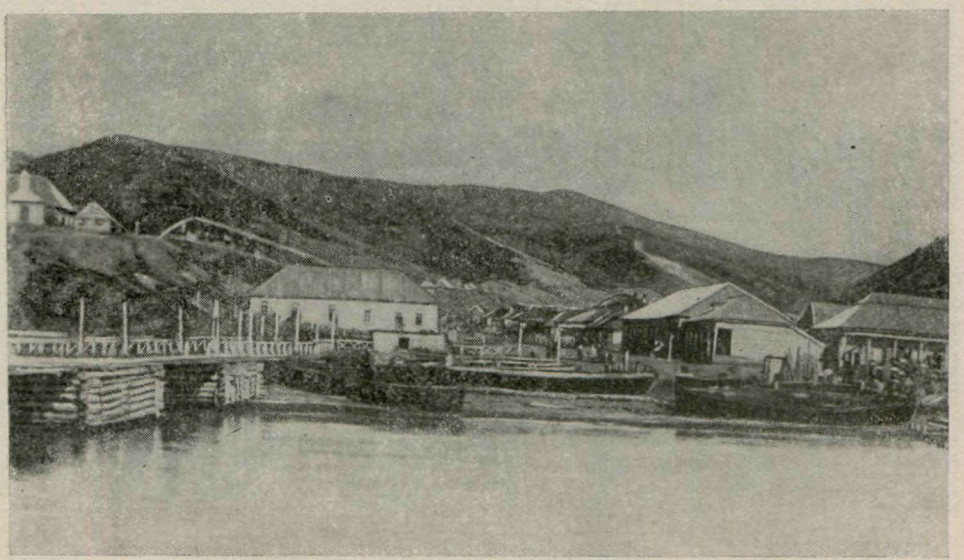
Первую половину пути к Красному Яру, версты три, мне пришлось ехать по новой, гладкой и прямой, как линейка, дороге, а вторую по живописной тайговой просеке, на которой пни уже выкорчеваны и езда легка и приятна, как по хорошей проселочной дороге. Крупные строевые экземпляры деревьев по пути почти везде уже срублены, но тайга все еще внушительна и красива (X, 82).

КРАСНЫЙ ЯР, НЕ ДОЕЗЖАЯ ДО НЕГО 1 ½ ВЕРСТЫ*

По обе стороны, где кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стеной стоят хвойные леса из пихт, елей и лиственниц, выше их опять лиственный лес, а вершины гор лысы или покрыты кустарником. Таких громадных лопухов, как здесь, я не встречал нигде в России, и они-то, главным образом, придают здешней чаще, лесным полянам и лугам оригинальную физиономию (X, 83).

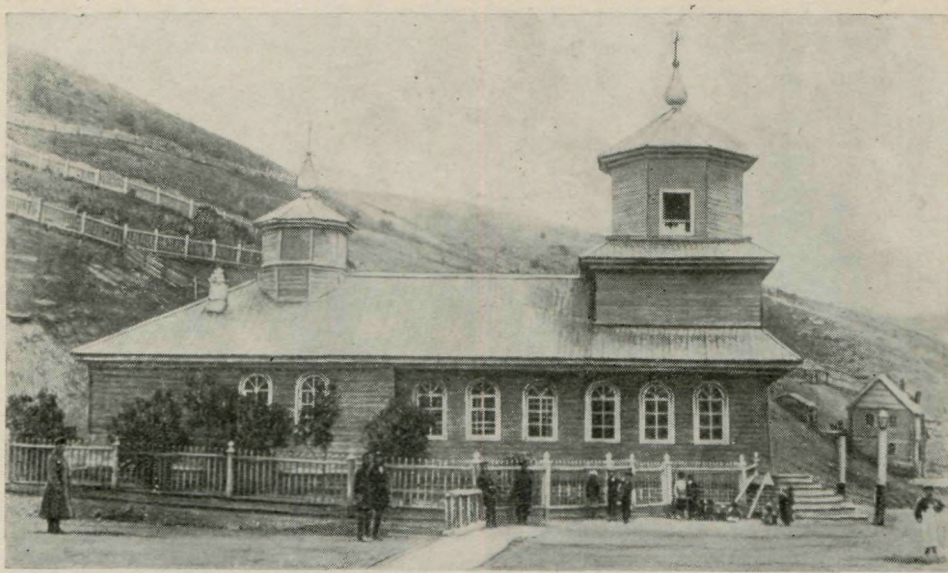
УСАДЬБА ПОСЕЛЕНЦА, ДОМОХОЗЯИНА БЕДНЯКА (в д КРАСНОМ ЯРУ)*

Все избы здесь на одинаковый фасон, двухоконные, строятся из плохого и сырого леса, с единственным расчетом — отбыть как-нибудь поселенческий срок и уехать на материк (X, 84).



ВИД ПОСТА ДУЭ И ЧАСТЬ ПРИСТАНИ*

Южнее Александровска по западному побережию есть только один населенный пункт — *Дуэ*, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди (X, 91).



ЦЕРКОВЬ В ДУЭ*

Там, где короткая улица кончается, поперек ее стоит серая деревянная церковь, которая загораживает от зрителя неофициальную часть порта; тут расщелина двоится в виде буквы «игрек», посылая от себя канавы направо и налево (X, 93).

ГЛАВНАЯ УЛИЦА В ДУЭ

В первую минуту, когда въезжаешь на улицу, Дуэ дает впечатление небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки, белые чистенькие домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатления не хватает только барабанной дроби. В домиках живут начальник военной команды, смотритель дуйской тюрьмы, священник, офицеры и проч. (X, 93).

СЛОБОДКА ССЫЛЬНО-КАТОРЖНЫХ, ЖИВУЩИХ ВНЕ ТЮРЬМЫ (ПОСТ ДУЭ)*

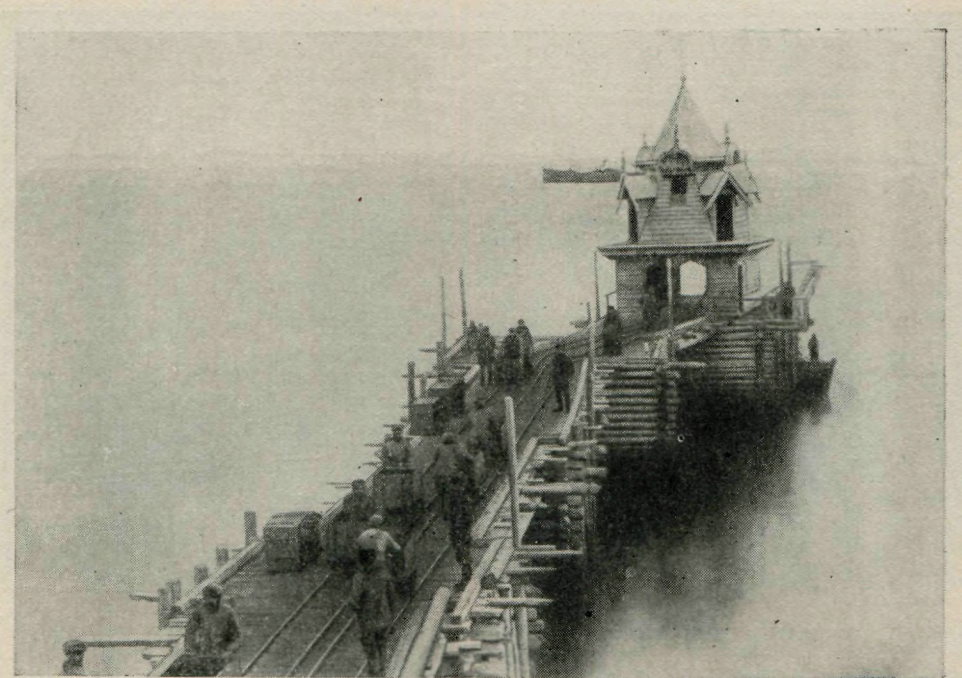
...тут уже нет белых чистеньких домиков; избушки ветхие, без дворов, без зелени, без крылец, в беспорядке, лепятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горе (X, 93).

ЗАКОВКА В КАНДАЛЫ И К ТАЧКАМ ВНОВЬ ПРИБЫВШИХ АРЕСТАНТОВ (ДУЙСКАЯ ТЮРЬМА)*

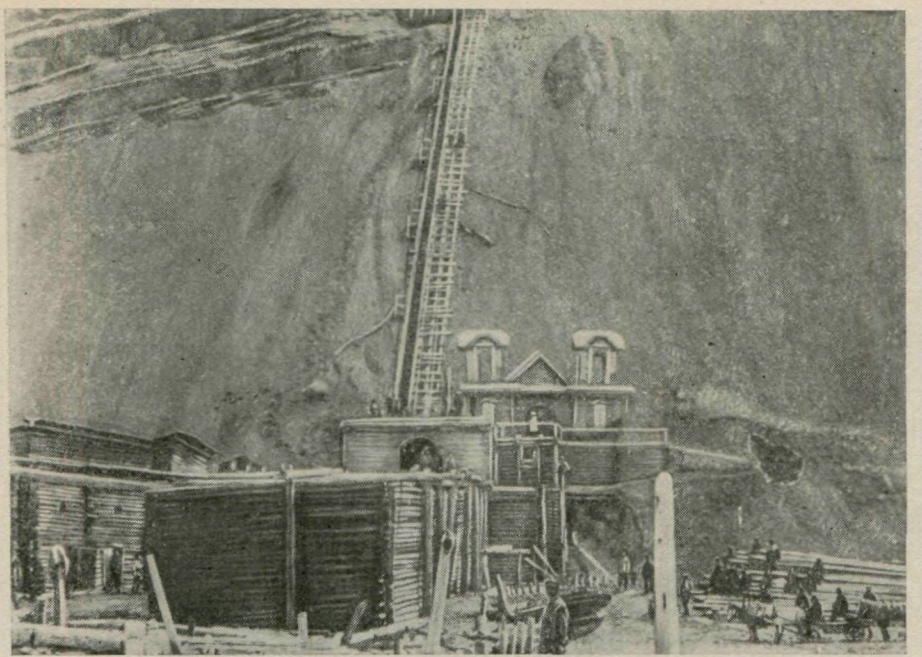
В дуйских карцерах содержатся тяжкие преступники, большею частью рецидивисты и подследственные. На вид это самые обыкновенные люди с добродушными и глуповатыми физиономиями, которые выражали только любопытство и желание ответить мне возможно почтительнее (X, 96).

ПРИСТАНЬ ОБЩЕСТВА «САХАЛИН» И РУДНИК

В настоящее время дуйские копи находятся в исключительном пользовании частного общества «Сахалин», представители которого живут в Петербурге. По контракту, заключенному в 1875 г. на 24 года, общество пользуется участком на западном берегу Сахалина на две версты вдоль берега и на одну версту в глубь острова... (X, 100—101).

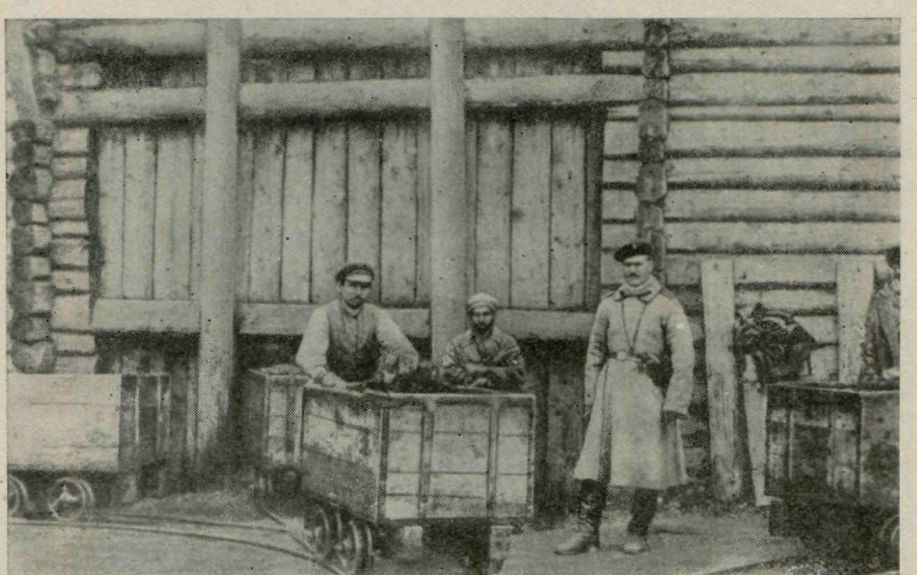


РУДНИЧНАЯ МОРСКАЯ ПРИСТАНЬ ОБЩЕСТВА «САХАЛИН»*



КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РУДНИК ОБЩЕСТВА «САХАЛИН»: ВИД БРЕМСБЕРГА, ПО КОТОРОМУ СПУСКАЮТ УГОЛЬ В ВАГОНАХ ИЗ ШАХТЫ*

Имеется два рудника: старый и новый. Каторжные работают в новом (X, 102).

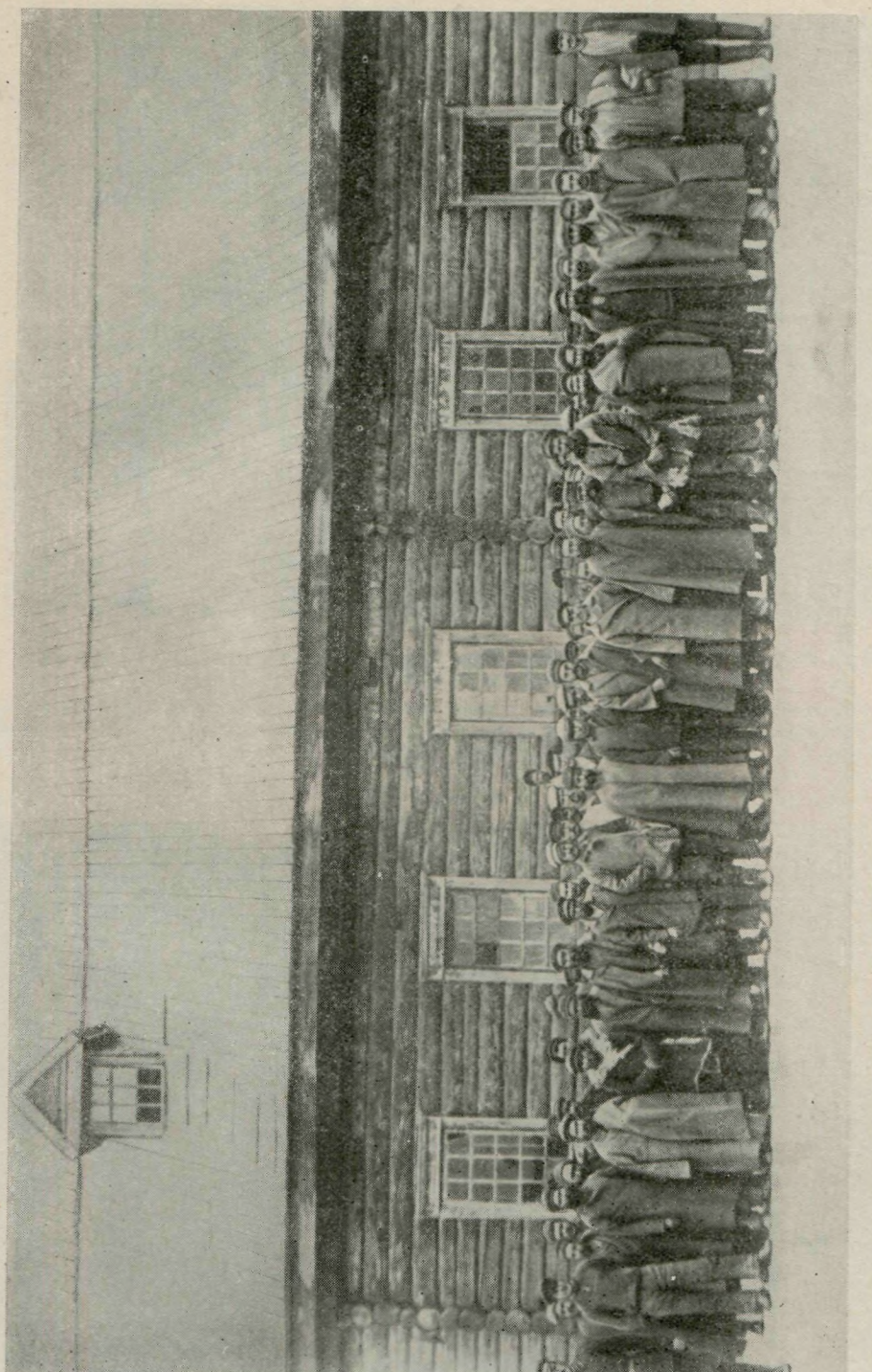


ДОБЫЧА УГЛЯ. ОБЩЕСТВО «САХАЛИН»

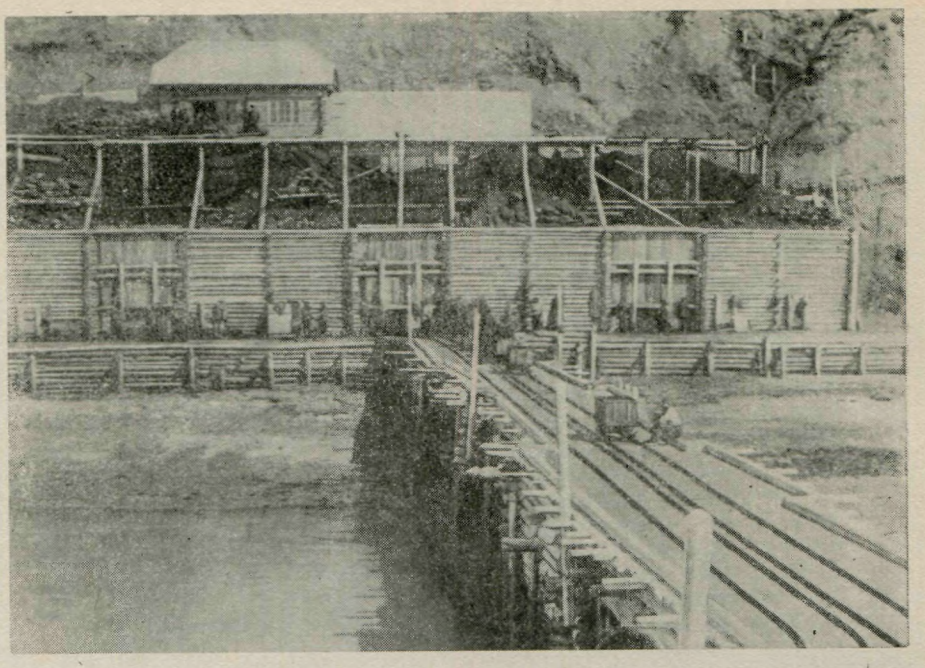
Рабочий с санками, которые весят пуд, взбирается ползком вверх темным и сырым коридором: это самая тяжкая часть работы; потом, нагрузив сани углем, возвращается назад. У выхода уголь нагружается в вагонетки и по рельсам доставляется в склады. Каждый каторжный должен подняться вверх с санками не менее 13 раз в день... (X, 102—103).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО РАБОТАМ ИЛИ РАСКОМАНДИРОВКА ПО РАБОТАМ В УГОЛЬНЫЕ ШАХТЫ ОБЩЕСТВА «САХАЛИН»

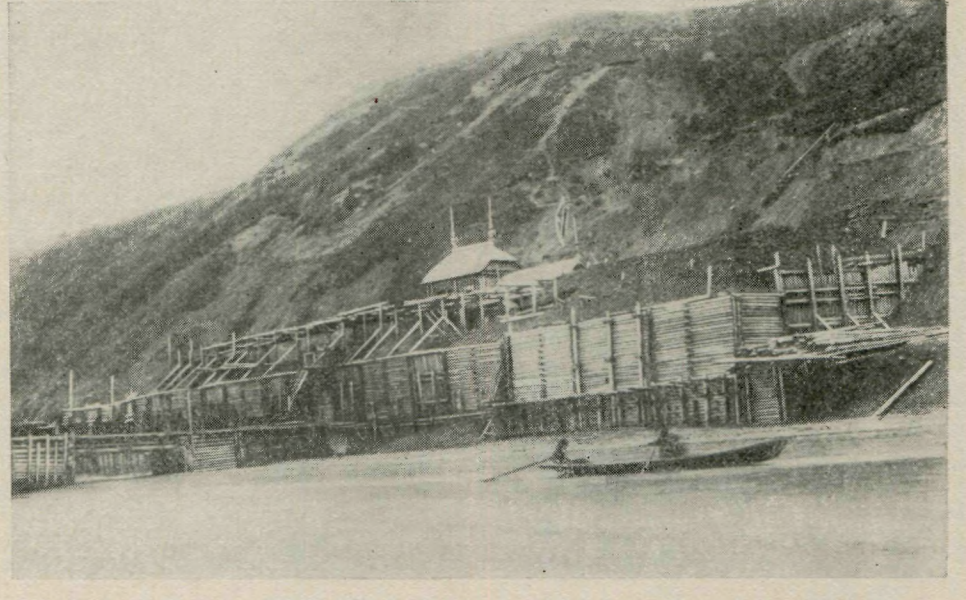
Назначенные на работу в руднике в пятом часу утра, на так называемой раскомандировке, поступают в ведение рудничной администрации, то есть небольшой группы частных лиц, составляющих «контору». От усмотрения этой последней зависит назначение на работы, количество и степень напряжения труда на каждый день и для каждого отдельного каторжного (X, 102).



ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА АРЕСТАНТОВ (ВОЕВОДСКАЯ ТЮРЬМА)*

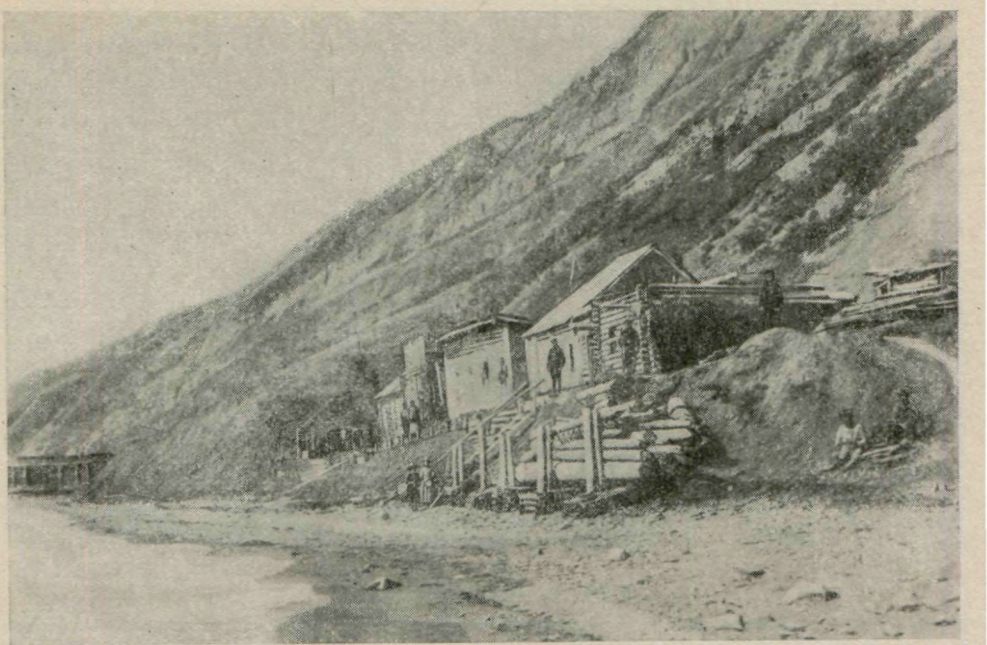


УГОЛЬНЫЕ СКЛАДЫ ОБЩЕСТВА «САХАЛИН»



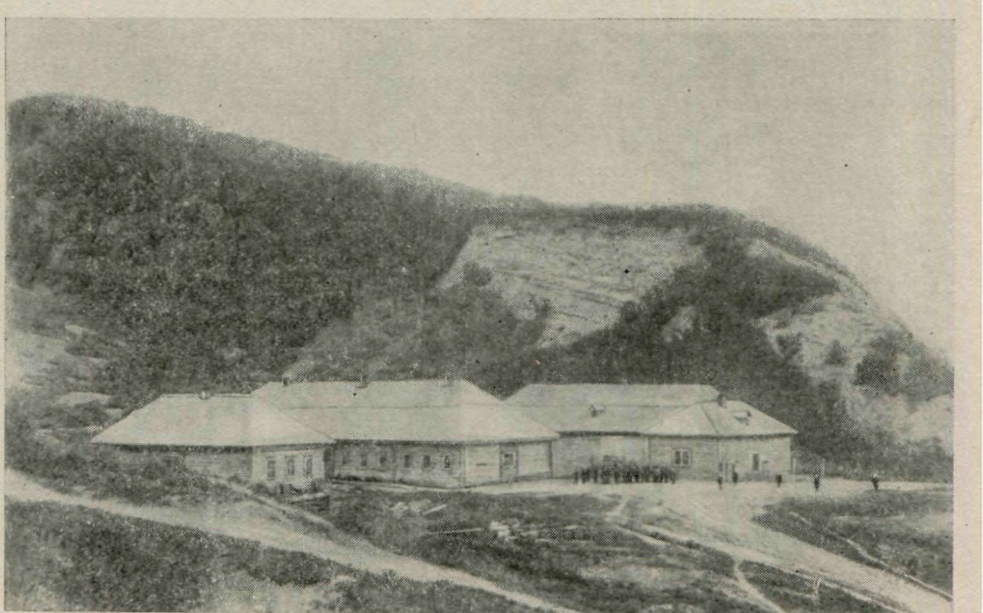
ОБЩИЙ ВИД УГОЛЬНЫХ СКЛАДОВ И НАДШТОЛЬНЫХ ПОСТРОЕК РУДНИКА ОБЩЕСТВА «САХАЛИН»*

Работа в дуйских рудниках тяжела также потому, что каторжник здесь в продолжение многих лет видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель между глинистым берегом и морем (X, 104).



КОНТОРА РУДНИКА ОБЩЕСТВА «САХАЛИН» (БЛИЗ РУДНИКА НА БЕРЕГУ МОРЯ, ГДЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ БАРАКИ) *

Около рудничной конторы стоит барак для поселенцев, работающих в копях, небольшой старый сарай, кое-как приспособленный для ночевки. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! (X, 104).

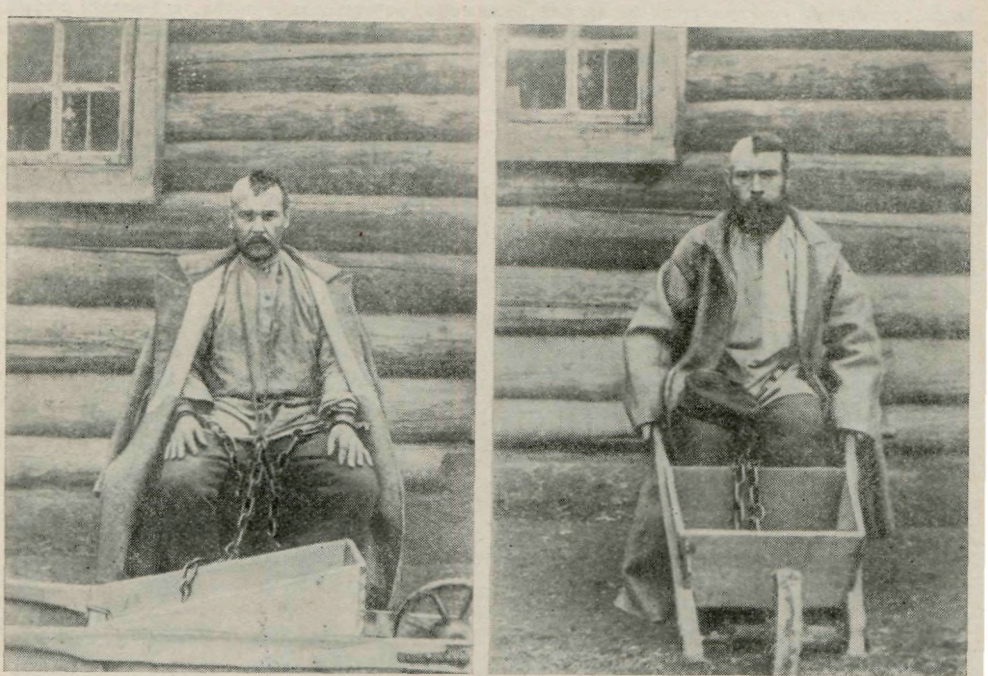


ВОЕВОДСКАЯ ТЮРЬМА *

В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная, которая уцелела от реформ вполне, так что может служить точною иллюстрацией к описаниям старых порядков и старых тюрем, возбуждавших когда-то в очевидцах омерзение и ужас. Воеводская тюрьма состоит из трех главных корпусов и одного малого, в котором помещаются карцеры (X, 105).

ПРИКОВАННЫЕ К ТАЧКАМ

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные к тачкам. Всех их здесь восемь человек. Живут они в общих камерах вместе с прочими арестантами и время проводят в полном бездействии (X, 105).



ПРИКОВАННЫЕ К ТАЧКАМ. ВОЕВОДСКАЯ ТЮРЬМА

Каждый из них закован в ручные и ножные кандалы; от середины ручных кандалов идет длинная цепь аршина в 3—4, которая прикрепляется ко дну небольшой тачки. Цепи и тачка стесняют арестанта, он старается делать возможно меньше движений, и это, несомненно, отражается на его мускулатуре (X, 105).

КОРСАКОВСКИЙ ПОСТ*

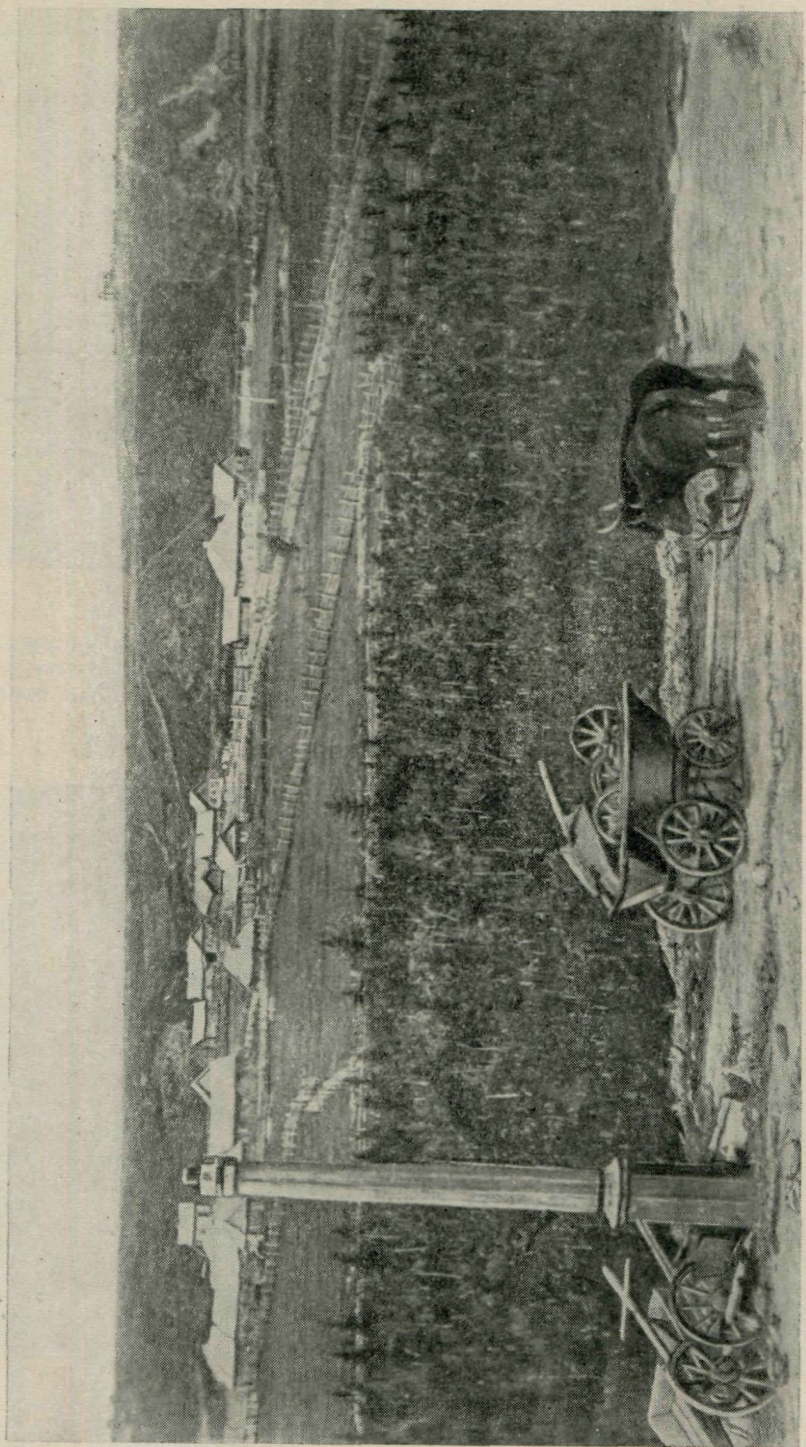
Главная улица шоссирована и содержится в порядке, на ней тротуары, фонари и деревья, и метет ее каждый день клейменый старик. Тут только присутственные места и квартиры чиновников, и нет ни одного дома, в котором жили бы ссыльные. Дома большею частью новые и приятные на вид, и нет той тяжкой казенщины, как например в Дуэ (X, 153).

ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЕЛЕНИЯ. ГОЛЫЙ МЫС

Первое селение по Сусуе — *Голый мыс*; существует оно лишь с прошлого года, и избы еще не достроены. Здесь 24 мужчины и ни одной женщины. Стоит селение на бугре, который и раньше назывался Голым мысом. Речка здесь не близко от жилья — надо к ней спускаться; колодца нет (X, 164).

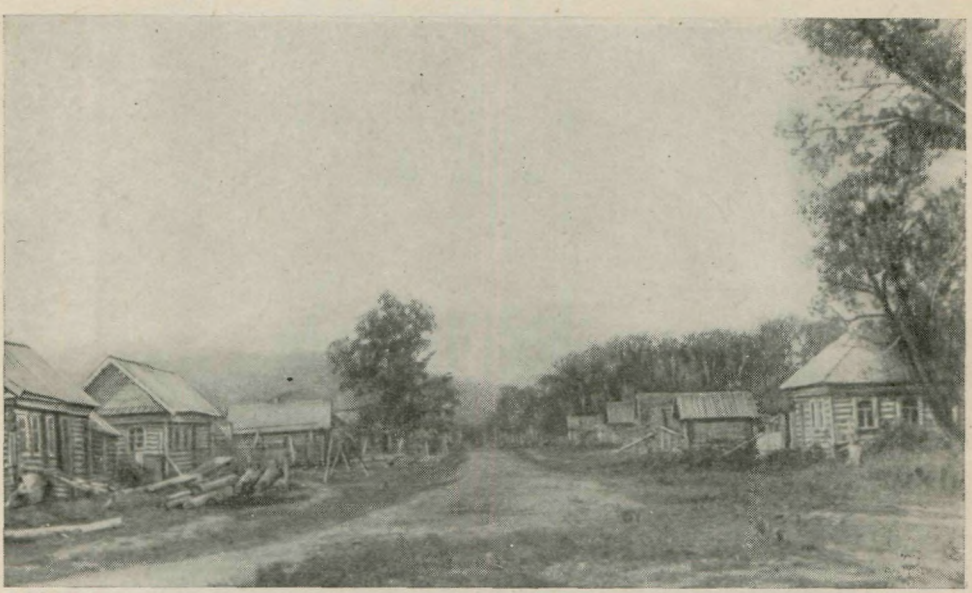
ДВА ГОДА. ПЕРВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ. ТРЕТЬЯ ПАДЬ

Люди здесь все основательные, зажиточные, имеют много скота и некоторые даже промышляют им. Главною причиной такого благосостояния следует признать, вероятно, климат и почвенные условия 〈...〉 Примера этих трех маленьких селений, я думаю, достаточно, чтобы, наконец, взять за правило, что в настоящее время, пока еще колония молода и не окрепла, чем меньше хозяев, тем лучше, и что чем длиннее улица, тем она беднее (X, 161).



МАЛОЕ ТАКОЭ (?)

В Такойской же долине, в 4½ верстах от Большого, находится *Малое Такоэ* на небольшой речушке, впадающей в Такоэ. Основано селение в 1885 г. (X, 173).



БЕРЕЗНИКИ. СЕЛ〈ЕНИЕ〉. 2 ГОДА

Из всех южных селений это самое большое. 〈...〉 Уже есть четыре улицы и площадь, на которой, как предполагают, со временем будут выстроены церковь, телеграфная станция и дом смотрителя поселений. Предполагают также, что если колонизация удастся, то в Березниках будет волость (X, 171).

МЕЛЬНИЦА ПОСЕЛЕНЦА-ДОМОХОЗЯИНА В С〈ЕЛЕ〉КРЕСТАХ*

В версте от Большого Такоэ на реке стоит мельница, построенная по приказанию ген. Кононовича немцем Лакосом, каторжным 〈...〉. Для мельницы пришлось рыть канал и строить плотину (X, 173).

АЙНЫ*

Айно смуглы, как цыгане; у них большие окладистые бороды, усы и черные волосы, густые и жесткие; глаза у них темные, выразительные, кроткие. Роста они среднего и сложения коренастого, черты лица крупны, грубоваты... (X, 182).

АРЕСТАНТЫ ЗА РАБОТОЙ

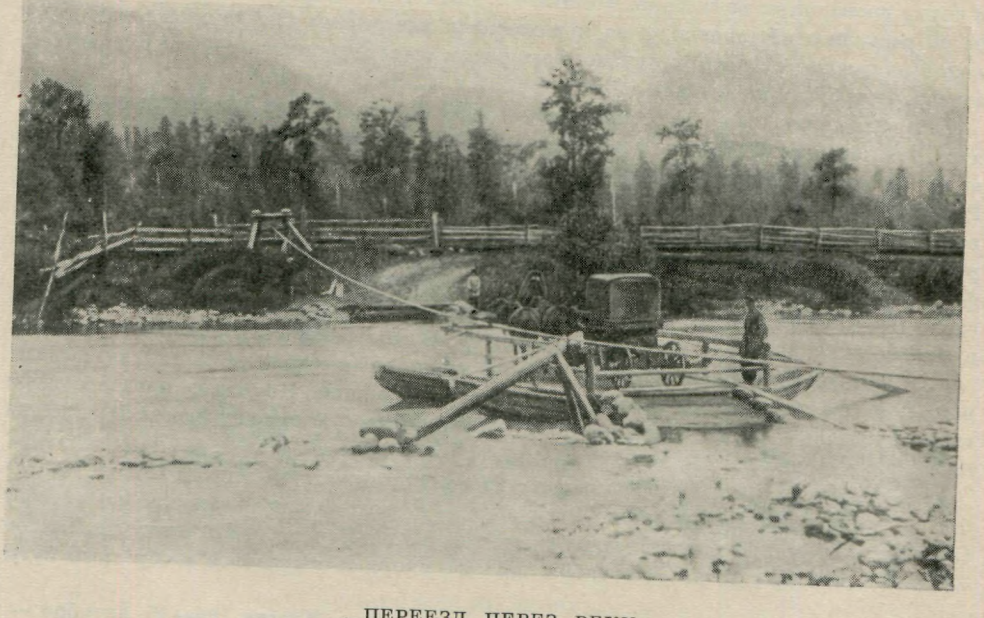
Мысль о приурочении труда ссыльно-каторжных и поселенцев к сельскому хозяйству <...> возникла в самом начале сахалинской ссылки <...>, и эта мысль имела успех; по крайней мере до последнего времени главным занятием ссыльных на Сахалине считалось сельское хозяйство... (X, 238).

АРЕСТАНТЫ НА ПОЛЕВЫХ РАБОТАХ

Как едят арестанты? Столовых нет. В полдень к бараку или постройке, в которой помещается кухня, тянутся арестанты гусем, как к железнодорожной кассе. У каждого в руках какая-нибудь посуда. <...> Получив свои порции, арестанты идут прочь; одни едят на ходу, другие сидя на земле, третьи у себя в нарах (X, 260).

АРЕСТАНТЫ НА ПОЛЕВЫХ РАБОТАХ

ЗИМОЙ НА НАРТАХ



ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ РЕКУ

ПЛАВАНИЕ А. П. ЧЕХОВА НА ПАРОХОДЕ «ПЕТЕРБУРГ»

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА «ДОБРОВОЛЬНОГО ФЛОТА»)

Морское плавание Чехова осенью 1890 г. на пароходе Добровольного флота «Петербург» с Дальнего Востока в Одессу известно лишь в общих чертах. Источниками сведений об этом путешествии служат письма Чехова, дополненные воспоминаниями М. П. Чехова, передавшего со слов брата рассказ о трех эпизодах многодневного плавания. В «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» приведены всего 4 даты: 13 октября — отъезд с Сахалина, 17 октября — получение заграничного паспорта во Владивостоке, 12 ноября — Коломбо (авторская дата под рассказом «Гусев»), 8 декабря — возвращение в Москву [1].

Просмотр вахтенного журнала парохода «Петербург» [2] и некоторых других документов пароходного общества «Добровольный флот», а также газет «Владивосток» и «Одесские новости» за 1890 г. позволяет определить хронологическую канву всего рейса, ввести в летопись жизни Чехова новые даты, проверить достоверность известных фактов.

Кроме того, что особенно важно, эти материалы дают возможность расширить реальный комментарий к рассказу «Гусев».

В 1895 г. ялтинский знакомый Чехова Л. В. Средин прислал Чехову фотографию «Петербурга», получившего к тому времени новое название — «Березань». «Ваша «Березань» напомнила мне о многом,— отвечал Средину Чехов.— Ведь я пробыл на ней 50 дней! Когда я теперь закрываю глаза, то вспоминаю все до мельчайших подробностей, даже выражение глаз у нашего ресторатора, отставного жандарма» [3].

Пароход был построен в 1870 г. на шотландской верфи в Гриноке; в 1878 г. он был приобретен русским Добровольным флотом и переименован из «Тюрингии» в «Петербург». Судно совершало по два рейса в год между Одессой и Владивостоком. В 1889 г. «Петербург» был приспособлен для перевозки ссыльно-каторжных. В 1893 г. корабль был продан морскому министерству и стал называться «Березанью». «Это прекрасный океанический корабль, около пятидесяти сажен длины, с двумя желтыми трубами и двумя громадными железными мачтами ⟨...⟩ Это судно старого типа, когда гонялись не за роскошью обстановки, а за мореходными качествами ⟨...⟩ оказывается, что я попал на лучшее судно при лучшем возможном составе экипажа»,— так охарактеризовал «Петербург» плававший на нем в 1891 г. С. Н. Южаков [4].

Из вахтенного журнала осеннего рейса 1890 г. нам известен состав команды парохода. На кораблях Добровольного флота служили офицеры Главного морского штаба, опытные моряки, совершившие не одно дальнее плавание. Командир корабля — Рудольф Егорович Гутан, его помощники — лейтенант Святослав Ардалионович Андреев, поручик Анатолий Федорович Бубнов, лейтенант Константин Иванович Шишмарев, лейтенант Николай Эдуардович Громашевский, старший механик Алексей Трифонович Сивоконенко, 2-й механик Всеволод Васильевич Кастальский, 3-й — Александр Николаевич Симаго, врач Александр Викторович Щербак. Из всего этого состава в литературе о Чехове известно лишь имя А. В. Щербака (см. о нем выше, с. 268).

Об остальных членах судовой команды мы не располагали пока никакими сведениями, имена их впервые вводятся в биографию Чехова. Но Чехов провел с ними полтора месяца — и как знать! — может быть, встреча с этими людьми не прошла бесследно для писателя.

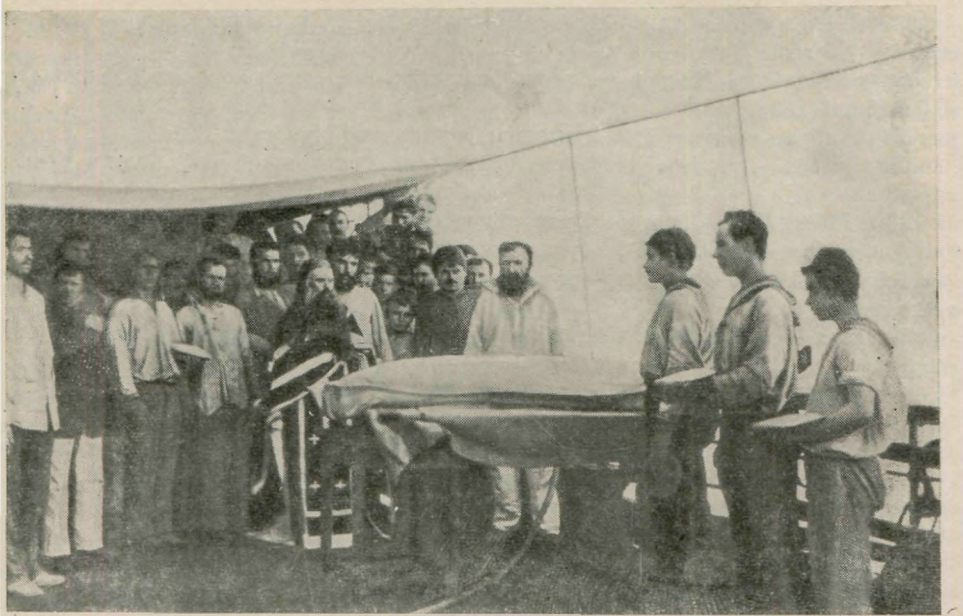
«Петербург» вышел в очередной рейс из одесского порта 15 августа 1890 г. 1 октября он прибыл во Владивосток, 8 октября — в пост Александровский на острове Сахалин. Вечером 12 октября корабль стал на рейд в Корсаковском посту на Южном Сахалине. в ночь с 13 на 14 октября снялся с якоря и отправился в обратный путь.

С этого момента началось кругосветное плавание Чехова. 14—15 октября — корабль шел Японским морем из Корсаковского поста во Владивосток.

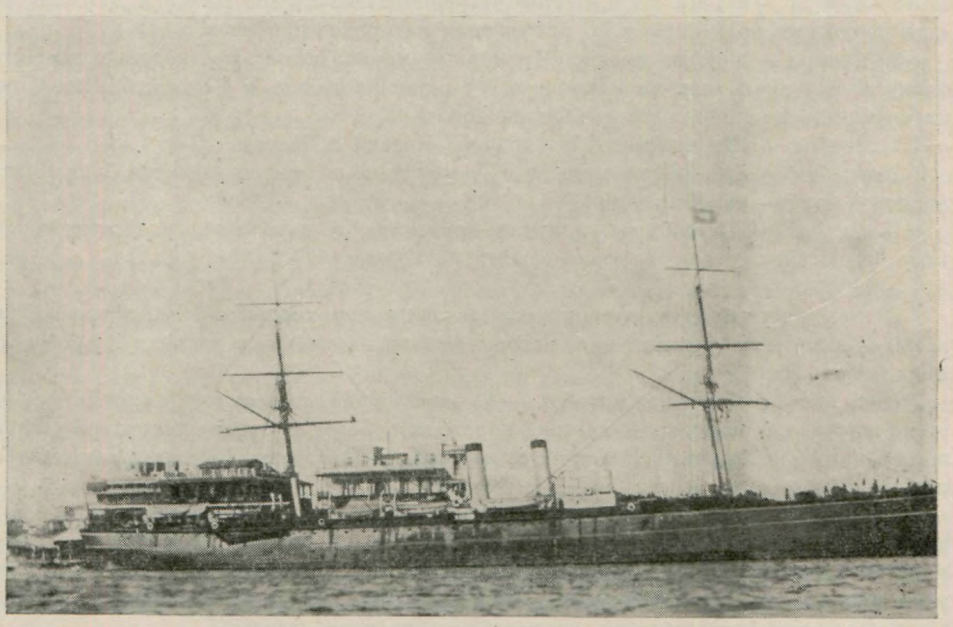
16 октября — в 9 ч. 30 м. «Петербург» стал на якорь в бухте Золотой Рог.

17—18 октября — пароход находился на Владивостокском рейде.

19 октября — в 9 ч. 30 м. подняли якорь и дали ход.



ОТПЕВАНИЕ ПОКОЙНИКА АРЕСТАНТА НА ПАЛУБЕ ПАРОХОДА
Фотография А. В. Щербака, 1880-е годы
Из коллекции А. П. Чехова
Литературный музей, Москва



ПАРОХОД «ПЕТЕРБУРГ»
Фотография А. В. Щербака, 1890
Из коллекции А. П. Чехова
Литературный музей А. П. Чехова, Таганрог

20 и 21 октября — пароход шел Японским морем, с полдня 21-го — западным каналом пролива.

22—24 октября — курс корабля помечен: «Идя Восточным морем из Владивостока в Гонконг».

25 октября — «Петербург» проходил Формозским проливом.

26 октября — утром «Петербург» пришел на Гонконгский рейд, затем прошел в док.

27 и 28 октября — корабль стоял в доке, вышел из него к вечеру 28-го.

29 октября — в 16 ч. 40 м. судно снялось с якоря и покинуло Гонконг.

С 30 октября по 2 ноября — курс корабля: «Идя Китайским морем из Гонконга в Сингапур».

3 ноября — в 18 ч. 30 м. «Петербург» ошвартовался у пристани Borneo C° в Сингапуре.

4 ноября — в 16 час. 05 м. пароход ушел из Сингапура.

5—6 ноября — корабль шел Малаккским проливом.

7—9 ноября — курс корабля: «Идя Индийским океаном из Сингапура в Коломбо».

10 ноября — в 10 ч. 30 м. «Петербург» отдал якорь на рейде в Коломбо.

12 ноября — в 20 ч. 15 м. «Петербург» покинул гавань Коломбо.

13—18 ноября — пароход шел Индийским океаном из Коломбо в Суэц.

19—20 ноября — судно проходило Аденским заливом.

21—23 ноября — курс корабля: «Красным морем из Коломбо в Суэц».

24 ноября — «Петербург» вошел в Суэцкий залив.

25 ноября — «Петербург» проходил Суэцкий канал.

26 ноября — корабль вышел из Суэцкого канала, в 2 ч. 30 м. ошвартовался в Порт-Саиде, в тот же день в 15 ч. 15 м. снялся с якоря.

27 ноября — «На ходу в Средиземном море».

28—29 ноября — Средиземное море — архипелагом из Порт-Саида в Канак.

29 ноября — в 14 ч. 30 м. «Петербург» пришел в местечко Канак в Дарданеллах «для получения практики», т. е. разрешения на проход проливов.

30 ноября — пароход прошел Мраморным морем, сделал кратковременную остановку в местечке Канак на Босфоре и, не останавливаясь в Константинополе, под карантинным флагом вышел в Черное море.

1 декабря — «Черное море. На ходу из Канака в Одессу».

2 декабря — «Петербург» пришел в Одессу, был поставлен на 3 дня близ Платоновского мола — на обсервацию.

5 декабря — «Петербург» «получил практику», ошвартовался у Платоновского мола, пассажирам было разрешено сойти на берег.

О нескольких днях из путешествия Чехова можно говорить более подробно, выделяя те жизненные впечатления, которые нашли отражение в письмах и произведениях писателя.

День приезда Чехова на корабль — 13 октября 1890 г. Весь этот день «Петербург» стоял на рейде Корсаковского поста. С парохода на берег на буксирном катере и барже перевозили ссыльно-каторжных и их семьи, выгружали грузы. Выгрузка закончилась поздно вечером.

Большинство ссыльно-каторжных было доставлено в Александровский пост,— в Корсаковский пост привезли 68 человек, из них 17 женщин. В XVI главе книги «Остров Сахалин» Чехов очень подробно описывает прибытие на остров женщин-каторжанок, в том числе в Корсаковский пост. В этих описаниях чувствуется не только осведомленность исследователя, но и наблюдательность очевидца.

Первая большая остановка «Петербурга» была во Владивостоке. В течение 3 суток пароход стоял на рейде, принимая уголь, провизию, грузы, пассажиров.

По случайному совпадению за два дня до приезда Чехова во Владивосток в местной еженедельной газете была напечатана статья «Современное состояние Камчатки и Сахалина» за подписью «Е», в которой говорилось о недавней поездке на Сахалин барона Корфа, генерал-губернатора Приамурского края. В ней Чехов мог прочесть:

«Посетив остров пять лет назад, барон А. Н. Корф имел ныне полную возможность подвести итоги пятилетней деятельности администрации Сахалина, сравнения настоящего его положения с тем, что было. Мы от многих слышали, что заметные успехи по благоустройству острова, положению каторжных работ и содержанию преступников произвели на начальника края самое благоприятное впечатление ⟨...⟩ Весьма опрятные домики поселенцев, сравнительно нарядные дома служащих, высокие просторные тюрьмы, более похожие на благоустроенные казармы, чем на места заключения, почти полное отсутствие часовых, которые поставлены, как и везде, лишь у складов, у казенного ящика, у фронта гауптвахт и т. п., по-видимому, совершенно свободно ходящие за десятки верст каторжные,— вот что бросается посетителю в глаза, ожидающему встретить мрачные места ссылки» [5].

Со взглядом барона Корфа на Сахалинскую каторгу Чехов познакомился еще при личной встрече на Сахалине 22 июля, о чем подробно написал во второй главе своей книги [6]. Выводы, которые сделал Чехов после своего трехмесячного пребывания на каторжном острове, были диаметрально противоположны официальной точке зрения.

Во Владивостоке Чехов должен был получить заграничный паспорт и приобрести билет у агента Добровольного флота В. А. Терентьева. Вместе с Чеховым оформляли в эти дни свои документы другие пассажиры. В деле Добровольного флота «По перевозке частных пассажиров и грузов» за 1890 г. мы находим несколько телеграмм, посланных из Владивостока в Петербург, в Комитет пароходного общества; они проливают свет на порядки того времени. По существующим правилам лица «благородного звания» не допускались к проезду в III классе парохода.

Приведем некоторые телеграммы:

«Ввиду неимения средств выехать в Россию семейству, состоящему жены трех детей, чиновника Брэна благоволите разрешить проезд из Владивостока Одессы на Петербурге третьим классом» [7].

«Благоволите разрешить агенту выдать билет третьего класса Одессу пароход Петербург бедному чиновнику Томашевскому, страдающему чахоткой, с десятилетним сыном Терентьев» [8].

«Обераудитор штаба отдела коллежский советник Флоров случае упразднения должности оставлен за штатом собственных средств не имеет прошу разрешить провоз его женой шестью малолетними детьми Одессу пароходом Петербург взяв палубную плату вперед полностью» [9].

За каждой телеграммой — нелегкая судьба людей, трагедия безденежья, болезни. Все эти люди были пассажирами «Петербурга», спутниками Чехова в течение 50 дней.

Наконец, еще одна телеграмма, имеющая близкое отношение к Чехову, послана из Владивостока 17 октября 1890 г.:

«Разрешите проехать Одессу билетом третьего класса служил Сахалине восемь лет, не имею средств. Отвечайте Терентьеву. Иеромонах Ираклий» [10].

С иеромонахом Ираклием Чехов познакомился на Северном Сахалине, они вместе проехали на юг острова, вместе возвращались в Россию, в Москве Ираклий останавливался у Чеховых. Разумеется, Чехов не мог не знать о мытарствах своего спутника во Владивостоке, не мог не принимать участия в его хлопотах.

Телеграммы Ираклия и других пассажиров служат важным комментарием к одному эпизоду в рассказе Чехова «Гусев». Павел Иванович, человек духовного звания, не может получить билет третьего класса и не имеет денег на первый. «Казны я не грабил, инородцев не эксплоатировал, контрабандой не занимался, никого не запорол до смерти, а потому судите: имею ли я право восседать в первом классе, а тем паче причислять себя к российской интеллигенции? Но их логикой не проймешь... Пришлось прибегнуть к надувательству. Надел я чуйку и большие сапоги, состроил пьяную хамскую рожу и иду к агенту: «Давай, говорю, ваше высокоблагородие, билетишко...»[11]

На основе реальных наблюдений Чехова родился анекдотический сюжет, которому писатель придал трагическую окраску; эпизод этот с особой силой и остротой выявляет систему социального неравенства, узаконенного лицемерия.

Другие эпизоды и детали рассказа «Гусев» имеют также реальную почву во владивостокских впечатлениях Чехова. По соглашению с морским ведомством на борт

«Петербурга» во Владивостоке было принято 364 матроса и 72 солдата, окончивших службу на Дальнем Востоке и возвращающихся на родину. Бессрочно-отпускные заняли на палубе и в трюмах парохода места ссыльно-каторжных, некоторых из них сопровождали жены и дети. 19 октября «Петербург» вышел из Владивостока, а уже на следующий день в вахтенном журнале была сделана запись:

«20 октября. Японским морем из Владивостока в Гонконг. С полуночи. В $10^1/_2$ часов дали обед пассажирам; умер бессрочно-отпускной рядовой Александровской морской команды Иван Чублинский от хронического воспаления легких. С полудня. В $^1/_2$2. Разбудили команду. Развели по судовым работам. Предали воде тело умершего бессрочно-отпускного рядового Ивана Чублинского» [12].

И эта запись возвращает нас к рассуждениям Павла Ивановича из рассказа «Гусев». Он возмущается, что на пароход сажают тяжело больных, чтобы отвязаться от них. «В толпе четырехсот здоровых солдат и матросов пять больных не бросаются в глаза; ну, согнали вас на пароход, смешали со здоровыми, наскоро сосчитали и в суматохе ничего дурного не заметили, а когда пароход отошел, то и увидели: на палубе валяются параличные да чахоточные в последнем градусе...» [13].

Здесь уместно вспомнить, что судовым врачом «Петербурга» был А. В. Щербак, с которым Чехов, конечно, успел познакомиться достаточно близко со времени прихода «Петербурга» во Владивосток. Чехов несомненно участвовал в осмотрах больных в судовом лазарете и оказывал им вместе со Щербаком врачебную помощь.

В письме к А. С. Суворину 9 декабря Чехов писал: «По пути к Сингапуру бросили в море двух покойников» [14]. В вахтенном журнале запись о вторых похоронах сделана 29 октября, сразу по выходе из гавани Гонконга:

«29 октября. С полудня. В 2 ч. 40 мин. снялись с якоря и пошли по указанию командира.

В 3 ч. предали воде тело умершего бессрочно-отпускного Федора Кудрявцева» [15].

Вспомним еще один эпизод в «Гусеве»:

«— Я домой не написал,— вздыхает Гусев.— Помру, и не узнают.

— Узнают,— говорит басом больной матрос.— Когда помрешь, здесь запишут в вахтенный журнал, в Одессе дадут воинскому начальнику выписку, а он пошлет в волость или куда там...» [16]

Некоторые исследователи склонны соотносить рассказ «Гусев» с сахалинскими впечатлениями Чехова. Так, Г. Бердников говорит о Гусеве: «...простой русский мужик, прослуживший на острове рядовым». В другом месте: «...видится Гусеву вовсе не его сахалинская жизнь». Павел Иванович, по мнению Г. Бердникова, занимал «...какую-то небольшую должность в сахалинской администрации» [17]. Эти предположения не имеют никаких реальных оснований в тексте рассказа. Напротив, если отвлечься от философской проблематики и говорить только о конкретно-фактической стороне, рассказ «Гусев» представляет собою художественное преображение жизненного материала, с которым Чехов соприкоснулся во время своего морского плавания. Претворение реальных явлений в художественные образы было исключительно интенсивным; Чехов начал писать рассказ еще во время путешествия. Отдавая «Гусева» для рождественского номера «Нового времени» 1890 г., автор поставил под рассказом дату: «Коломбо, 12 ноября».

В вахтенном журнале содержится еще несколько записей, представляющих интерес для биографии Чехова.

26 октября — «С полуночи. 8 ч. 20 м. Придя на Гонконгский рейд, отдали левый якорь. В $9^1/_2$ час. сдали агенту Добр. флота 6 человек пассажиров американцев» [18].

Американские китобои, гнавшиеся на вельботе за китом, отстали от своего барка и после нескольких дней скитаний по океану добрались до Сахалинского берега, местные жители доставили их в Корсаковский пост. На пароходе «Петербург» они плыли до первого порта, в котором имелся американский консул, т. е., как видно из записи в журнале, до Гонконга [19].

В письме к Суворину от 9 декабря 1890 г., говоря о главных событиях во время плавания, Чехов писал: «Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и вашего покорнейшего слуги, скот убили и бросили в море» [20]. В вахтенном журнале

это происшествие отражено (без упоминания имени Чехова) в записи 30 октября: «Идя Китайским морем из Гонконга в Сингапур. С полуночи. В $9^1/_2$ — признанные судовым врачом больными 5 быков были выброшены за борт и помещение их на верхней палубе дезинфицировано» [21].

В Гонконге корабль стоял трое суток, из них большую часть времени в доке.

Стоянка в Сингапуре была кратковременной, Чехов мог сойти на берег всего на несколько часов. «Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно, я чуть не плакал» [22],— писал Чехов. Зато в Коломбо на Цейлоне в распоряжении Чехова было более двух суток. «Затем следует Цейлон — место, где был рай» [23],— читаем мы у Чехова. Дальше в письме сказано: «От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки» [24]. В вахтенном журнале в эти дни идут ежедневные однообразные записи об уборке корабля, чистке меди, окачивании палубы, о завтраках, обедах, ужинах, кипятке для бессрочных и для пассажиров 3 класса.

Однообразие этих дней было нарушено только один раз 20 ноября:

«Сего числа окрещен младенец женского пола, родившийся 19 ноября сего года у Авдотьи Новоселовой, жены бессрочно-отпускного матроса Сибирского экипажа, названный во св. крещении Марья. Восприемниками были матрос Сибирского батальона 5 роты Алексей Барцов и жена матроса Устинья Рашкова.

Таинство крещения и миропомазания совершал иеромонах Ираклий» [25].

25 ноября «Петербург» подошел к Суэцкому каналу.

В журнале записано: «С полночи 8.45 вошли в канал. У входа в канал встретили фрегат «Память Азова», «Владимир Мономах» и канонерскую лодку «Запорожец» [26]. Это был отряд судов наследника, будущего императора Николая II, совершавшего свое кругосветное плавание из Европы на Дальний Восток. Суда простояли на рейде всего несколько часов, «дав возможность повидаться со знакомыми и разменять кронштадтские новости на владивостокские и наоборот», как писала газета «Владивосток» [27].

Кругосветное плавание наследника широко освещалось в верноподданнической прессе. Чехов же хранил полное молчание по поводу этой встречи. Приобретая в 1896 г. по просьбе П. Ф. Иорданова для Таганрогской библиотеки роскошно изданное трехтомное описание этого путешествия, Чехов отметил его крайнюю дороговизну, прибавив, что библиотеки должны получать подобные книги не иначе как путем благотворительности. И в этом случае он удержался от упоминания о встрече в Суэцком канале.

В вахтенном журнале не нашел отражения эпизод спасения французского парохода, севшего на мель, рассказанный М. П. Чеховым в его воспоминаниях. Очевидно, в этом случае память изменила мемуаристу.

Остается сказать несколько слов о прибытии Чехова в Одессу. 1 декабря «Петербург» прошел Черное море, в вахтенном журнале отмечено: «Снег и туман». Утром 2 декабря пароход вошел в одесскую гавань, командир уехал с бумагами в Одессу, а корабль был поставлен кормой к Платоновскому молу под карантинным флагом. Обсервация продолжалась трое суток, только 5 декабря утром началась выгрузка.

День 5 декабря подробно описан в газете «Одесские новости»:

«Пароход Добровольного флота «Петербург», прибывший из плавания на Дальний Восток, вчера утром, после трехдневной обсервации, получил практику и подтянулся кормой к пристани Платоновского мола. Как только пароход ошвартовался и была установлена сходня, немедля стали высаживаться запасные нижние чины, служившие на Дальнем Востоке. По досмотре таможней их багажа, они в числе до 500 человек направились в управление уездного воинского начальника. Затем было приступлено к таможенному досмотру пассажиров и всех помещений парохода. Досмотр затянулся до 4—5 ч. вечера» [28].

В вахтенном журнале записано:

«В 8.40 начали спускать на берег бессрочно-отпускных.

В 11.30 сдали всех пассажиров и бессрочно-отпускных» [29].

Чехов отметил в Одессе свой заграничный паспорт и в тот же день курьерским поездом выехал в Москву через Киев, Конотоп, Орел и Тулу. 7 декабря на вокзале в Туле его встретили родные. 8 декабря Чехов приехал в Москву. Кругосветное путешествие было закончено.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Летопись Чехова*, с. 280—281.
[2] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 71—125.
[3] *ПССП*, т. XVI, с. 213.
[4] С. Н. Ю ж а к о в. «Доброволец «Петербург». СПб., 1894, с. 1,4.
[5] «Владивосток», 1890, № 41, 14 октября.
[6] *ПССП*, т. X, с. 31—32.
[7] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 204, л. 324.
[8] Там же, л. 336.
[9] Там же, л. 303.
[10] Там же, л. 337.
[11] *ПССП*, т. VII, с. 305.
[12] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 78 об.— 79.
[13] *ПССП*, т. VII, с. 302—303.
[14] *ПССП*, т. XV, с. 130.
[15] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 88.
[16] *ПССП*, т. VII, с. 308.
[17] Г. Б е р д н и к о в. А. Чехов. Идейные и творческие искания. Л., Гослитиздат, 1970, с. 270—271.
[18] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 84 об.
[19] Об американских китобоях см. также наст. том, с. 267—268.
[20] *ПССП*, т. XV, с. 130.
[21] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 88 об.
[22] *ПССП*, т. XV, с. 130.
[23] Там же, с. 130.
[24] Там же, с. 130—131.
[25] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 109 об.
[26] Там же, л. 114 об.
[27] «Владивосток», 1891, № 6, 10 февраля.
[28] «Одесские новости», 1890, № 1797, 6 декабря.
[29] ЦГИАЛ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 499, л. 124 об.

ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

В. Л. КНИППЕР (НАРДОВ)

«ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С ЧЕХОВЫМ»

Публикация Н. И. Гитович

Владимир Леонардович *Книппер* (по сцене Нардов; 1876—1942), младший брат О. Л. Книппер-Чеховой,— певец (тенор), оперный режиссер, педагог, заслуженный артист РСФСР. Член Коммунистической партии с 1941 г. В 1902 г. окончил юридический факультет Московского университета, одновременно учился пению у своей матери — профессора Московского филармонического училища. Юридической деятельностью занимался недолго и стал совершенствоваться как певец — в Берлине и Дрездене.

В 1914 г. дебютировал в Московском оперном театре Зимина. В 1920—1936 гг. режиссер в Большом театре. С 1936 г. занимался педагогической деятельностью. С 1940 г.— профессор Московской консерватории.

Свои воспоминания о последней встрече с Чеховым в Берлине в начале июня 1904 г. вместе с копией открытки к нему Чехова из Баденвейлера В. Л. Книппер передал исследователю Чехова А. Б. Дерману, в бумагах которого они сохранились (ГБЛ, ф. 356.2.19).

Эти короткие воспоминания представляют особый интерес потому, что они опровергают еще до сих пор бытующее представление о Чехове как о писателе, не разбиравшемся в политической обстановке России кануна 1905 г.

В то же время воспоминания Книппера не являются полной неожиданностью. Еще в 1910 г. один из редакторов ялтинской газеты «Крымский курьер» А. Я. Бесчинский напечатал воспоминания, в которых рассказал о беседе с Чеховым в начале апреля 1904 г., когда шла война с Японией и русские терпели поражение. Чехов говорил Бесчинскому о своем «двойственном чувстве» при известиях о поражениях русской армии. «Он сознавал,— писал Бесчинский,— что неудачная война может дать толчок к коренным реформам, но ему не хотелось и поражений» («Приазовская речь», 1910, № 48).

Мы располагаем еще воспоминаниями Н. А. Рубакина о его беседе с Чеховым о революции — в марте 1902 г. В этом году было издано нелегально, без указания автора, несколько брошюр Рубакина революционно-пропагандистского характера («Правда о бедствиях простого народа», «Долой полицию!», «Несправедливое устройство русского государства» и др.). В самой доходчивой — для крестьянских масс — форме Рубакин писал о причинах «бедствий простого народа», о людях, стремящихся донести до народа «настоящую правду» и потому особенно «опасных для правительства», и призывал народ к борьбе за свои права «не в одиночку, и не враздробь, а сообща, собравшись в толпу».

Одну из этих брошюр, именно «Правда о бедствиях простого народа. Почему не всякому разрешено помогать крестьянам, пострадавшим от неурожая», Рубакин показал Чехову. Он вспоминает, что перед тем, как показать Чехову эту книжку, он имел с ним «длинный разговор о революции». «Чехов проводил мысль, что «студенты и рабочие это лишь пушечное мясо», что он «поверит в революцию только тогда, когда ее станут делать люди не моложе 40 лет». Прочитав же эту книжку (а я автора не назвал), Чехов сказал: «Если такие книжечки стали появляться, то я, пожалуй, в революцию верю»» («Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 26. М., 1963, с. 65—66).

А. П. ЧЕХОВ
Фотография Д. Асикритова.
Москва, <1894>
С дарственной надписью: «Варваре Константиновне Харкеевич на добрую память от А. Чехова. Март/94»
Дом-музей А. П. Чехова, Ялта

С А. П. Чеховым я виделся в последний раз весной 1904 г. в Берлине, где он с сестрой остановился на несколько дней проездом в Баденвейлер. Я только что обосновался в Дрездене, чтобы готовиться там к сцене у профессора Рихарда Мюллера. Этот перелом в моей жизни, тревога за будущее [1] и намечавшееся расхождение с первой моей женой Э. И. Книппер (рожденной Бартельс) сильно повлияло тогда на меня. От чуткого Антона Павловича мое душевное состояние не укрылось. Он спросил о причине моей подавленности, но я отделался какой-то шуткой. Я никогда не переписывался с Антоном Павловичем и вдруг 29 июня н/с получаю от него открытку. Почему он написал мне? Все, кто знал его чуткость и внимание к людям, сразу скажут: из-за двух последних слов —«Будьте веселее»... [2]

Это последнее свидание с Антоном Павловичем мне особенно памятно еще по одной детали. Увлекаясь игрой на скрипке и пением, я совершенно не задумывался над политическими событиями, войной с японцами и близостью революции. И когда я выразил надежду на победу русских войск, то отлично помню, как сидевший на диване Антон Павлович, волнуясь, снял пенснэ и своим низким голосом веско мне ответил: «Володя, никогда не говорите так, вы, очевидно, не подумали. Ведь наша победа означала бы укрепление самодержавия, укрепление того гнета, в котором мы задыхаемся. Эта победа остановила бы надвигающуюся революцию. Неужели вы *этого* хотите?» Я был сражен и уехал пристыженный, глубоко задумавшись над этими словами и тем волнением и силой, с которыми они были сказаны Антоном Павловичем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Незадолго до этого, осенью 1903 г., В. Л. Книппер оставил свою работу адвоката и стал совершенствоваться как певец.

27 сентября 1903 г. Чехов писал О. Л. Книппер: «Ах, бедный Володя, зачем он слушает своих родственников! Певца из него не выйдет, а адвокат, хороший и усердный, уже выходил из него. И почему вас так пугает карьера адвоката? Разве порядочным адвокатом хуже быть, чем петь в театре тенорком в течение десяти лет, по 4500 р. в год, а потом уходить в отставку? Очевидно, вы понятия не имеете о том, что значит присяжный поверенный, адвокат» (*ПССП*, т. XX, с. 140).

[2] Чехов писал: «Дорогой Владимир Леонардович, «Новости дня» получаю, большое вам спасибо, много лет вам здравствовать. Мы живем в Баденвейлере, местечке уютном, но до чрезвычайности скучном. Оля здравствует, мое здоровье тоже поправляется, все хорошо, только вот почему-то сплю плохо.

Поклон и привет Эле. Завтра Оля уезжает на несколько часов в Базель, там галерея Бёклина.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Будьте веселее.

Ваш А. Чехов

15/28 июня 1904».

Эта открытка (автограф) была подарена О. Л. Книппер-Чеховой Мелиховскому музею. Текст ее опубликован в книге Ю. Авдеева «В чеховском Мелихове». М., 1968, с. 99—100.

ЗАПИСИ О ЧЕХОВЕ В ДНЕВНИКАХ С. И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ

Публикация Н. И. Гитович

Софья Ивановна *Смирнова* (1852—1921) — писательница, жена актера Александринского театра Н. Ф. Сазонова. Ее первый роман «Огонек» был напечатан в «Отечественных записках» 1871 г. До конца 1870-х годов она поместила там же еще четыре романа. В 1890-х годах ее произведения печатались преимущественно в «Новом времени». Тогда же у нее установились дружеские отношения с А. С. Сувориным.

Смирнова познакомилась с Чеховым на музыкальном вечере у Суворина в феврале 1895 г. Позднее она изредка встречалась с Чеховым в Петербурге и в Ялте, но всегда они оставались людьми, чуждыми друг другу. Об этом свидетельствует следующий характерный эпизод: в ноябре 1892 г. Суворин получил от Чехова письмо, написанное по поводу «Палаты № 6» и содержавшее исключительно важные мысли писателя об общественном назначении литературы. Суворин послал это письмо Смирновой, а затем ее ответ отправил Чехову. 3 декабря 1892 г. Чехов писал Суворину: «Под влиянием ее письма вы пишете мне о «жизни для жизни». Покорно вас благодарю. Ведь ее жизнерадостное письмо в 1000 раз больше похоже на могилу, чем мое. Я пишу, что нет целей, и вы понимаете, что эти цели я считаю необходимыми и охотно бы пошел искать их, а Сазонова пишет, что не следует манить человека всякими благами, которых он никогда не получит... «цени то, что есть», и, по ее мнению, вся наша беда в том, что мы все ищем каких-то высших и отдаленных целей. Если это не бабья логика, то ведь это философия отчаяния. Кто искренно думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука. Я не браню Сазонову, а только хочу сказать, что она далеко не жизнерадостная особа. По-видимому, она хороший человек, но все-таки напрасно вы показали ей мое письмо. Она для меня чужая, и мне теперь неловко» (*ПССП*, т.XV, с. 450—451; см. об этом ниже запись от 28 ноября 1892 г.).

Сохранились обширные дневники С. И. Смирновой — 69 тетрадей за 1877—1919 гг. (ИРЛИ, ф. 285, № 2—70). В них, наряду с записями семейного характера, нашли отражение многие факты литературной, театральной и общественно-политической жизни Петербурга. Имеются здесь и записи о Чехове. Помимо личных впечатлений Смирновой от встреч и бесед с писателем, они содержат сведения о постановках его пьес в Александринском театре, о чеховских спектаклях Московского Художественного театра во время его петербургских гастролей и др. Смирнова сплошь и рядом обнаруживает при этом непонимание творчества Чехова, однако приводимые ею факты и суждения представляют для исследователя известный историко-литературный интерес. Дневник Смирновой содержит также сведения, существенные для понимания углублявшихся с годами принципиальных расхождений Чехова с Сувориным; сведения эти заслуживают тем большего внимания, что исходят от человека, принадлежавшего к близкому окружению Суворина.

Для настоящей публикации из дневников Смирновой отобраны записи о Чехове и его творчестве за 1888—1904 гг. Пропуски строк, не имеющих отношения к Чехову, внутри приводимых записей обозначены обычным знаком ‹...›; пропуски между записями не обозначаются.

Несколько записей Смирновой, касающихся постановки «Чайки» в 1896 г., были опубликованы в сб.: «В. Ф. Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы». М.— Л., «Искусство», 1964.

1888

30 августа. Николай ⟨Сазонов⟩ прочел нам вслух фельетон «Нового времени», драматическую сцену «Медведь» ⟨...⟩ фельетон его пленил, говорит, что хорошо бы эту сценку сыграть. Она в три лица, как раз он, Савина и Варламов. Хотел даже спросить в телефон, кто автор [1].

27 ноября. Музыкальный вечер у Вышнеградских с благотворительной целью. Николай, Савина и Варламов играют в первый раз чеховского «Медведя» [2].

9 декабря. Выходя из театра, Николай встретил Чехова, с которым Анна Ивановна [3] стояла у подъезда, дожидаясь лошадей. Николай объяснился с Чеховым по поводу «Медведя», которого он играет в двух министерствах без авторского разрешения [4]. Савина сказала ему, что роль эта назначается Давыдову. Чехов говорит, что он никому ее раньше не назначал, а Давыдов сам писал ему и просил роль [5].

1889

15 января. Задал Чехов работы с «Ивановым». Давыдов эту роль играть не хочет, Николай тоже, а кроме их некому. Мы еще раз перечитали эту пьесу, все ее дикости и несообразности еще больше бьют в глаза [6].

31 января. Юбилейный бенефис Федорова. Идет чеховский «Иванов» с большим успехом [7].

6 февраля. Первый раз играют в Александринке чеховского «Медведя»; весь спектакль из чеховских пьес: «Иванов» и «Медведь».

9 октября. Вечером Николай у директора на чтении пьесы Чехова «Леший», которую Свободин хочет поставить в свой бенефис. Говорит, пьеса так слаба, что директор не хочет ее ставить [8].

1892

2 марта. У меня был Суворин. ⟨...⟩ Он говорил о том ⟨...⟩ как у него сотрудники не любят, когда он сам что-нибудь напишет или пропустит в газету что-нибудь талантливое не из редакции, например чеховскую «Дуэль» [9].

28 ноября. Суворин прислал мне чеховское письмо, чтобы я «не сомневалась, что он сходит с ума». Но я после этого письма думаю, что он себе на уме. Суворину не понравилась «Палата № 6», он ему и грянул резкое письмо. Тот, видимо уязвленный, отвечает, что по нынешним временам лучше писать нельзя. Вы, говорит, горький пьяница, вам спирту нужно, а я вам лимонаду предлагаю [10].

Села писать ответ на суворинское письмо.

1 декабря. Были на Фонвизинском юбилее. Два антракта провела с Сувориным. Он мое письмо послал Чехову. Мне дал чеховское прочитать, а ему мое [11].

1893

28 января. Суворин рассказал мне содержание своего романа и чеховской повести [12].

26 февраля. Поздно вечером был Суворин ⟨...⟩ Рассказывал свою поездку за границу с Чеховым и сыновьями. ⟨...⟩ В Риме Чехов говорит — «Эх, на траве бы теперь полежать» [13].

2 декабря. «Русской мысли» дано второе предостережение за какую-то статью о социологии. Но эта статья только предлог. На самом деле это кара за чеховский «Сахалин». Начальник Тюремного управления Галкин-Враский им возмущен [14].

1894

2 февраля. Читала с Николаем рассказ Чехова «Бабье царство», где он, по моему разумению, вывел Анну Ивановну Суворину [15].

12 сентября. От Суворина письмо. Он едет с Чеховым за границу, в Аббацию [16].

9 октября. Письмо от Суворина из Ниццы. Они с Чеховым друг другу надоели, оба скитаются и оба молчат. Чехов все ищет заглавие для своего рассказа [17].

16 октября. В Одессе Чехову не хотели давать заграничного паспорта: требовали удостоверения по месту жительства, что нет препятствий к его выезду. Суворин написал резкое письмо градоначальнику Зеленому. Сейчас же оттуда послы, ночью отперли канцелярию и паспорт был Чехову сейчас же выдан [18].

1895

9 февраля. Поехала обедать к Сувориным, не подозревая, что у них будет музыкальный вечер ⟨...⟩ В 7-м часу сели за стол, я между Сувориным и Григоровичем, против меня хозяйка с Кривенкой [19]. Я познакомилась наконец с Чеховым. Молча пожали друг другу руки и ни одного слова не сказали. Чехов за столом молчал. Когда заговорили о винах, посоветовал только не пить русских вин, потому что от них скоро стареют. Говорили за всех Скальковский [20] и Григорович. Разговоры вполне анархические! злая критика всей нашей администрации: кто сколько украл, каких глупостей наделали. Суворин привык спать после обеда и сидит через силу, даже реплик не подает. Чехов ушел к себе в комнату (ему отведена библиотека), собрал там свою компанию и потом уехал к Лейкину [21].

14 февраля. Заспорили мы о том, может ли быть священник не женатый. Он ⟨Суворин⟩ пошел справляться об этом у Чехова, который завтра уезжает в Москву, а теперь сидит у себя в комнате и к нам не вышел.

15 февраля. Была на музыкальном вечере у Сувориных. У них поют итальянцы Маркони, Баттистини, Нинети. Зембрих тоже была, но по нездоровью не пела: ее заменила Бакмансон. Итальянцы обедали и пели с 7 часов: мы приехали в 10-м: встретили на лестнице Суворина, который спускается в редакцию. Сидели у Чехова в комнате, говорили о процессе Палем, ⟨...⟩ застрелившей студента-путейца. Это просто публичная женщина, требовавшая, чтобы студент на ней женился. Наши газеты, особенно «Новости», берут ее под свою защиту. В «Петербургской газете» описываются трогательные подробности: «...она два раза подносила платок к глазам; жест этот был грациозен, округлен и полон глубокого трагизма». «Увидав платье убитого, она издала раздирающий душу стон». И все в этом роде. Меня это возмущает, я говорила о ⟨Палем⟩ с ненавистью. Чехов защищает ее: она психопатка, жертва общественного темперамента [22].

Прошу Чехова обратить внимание Алексея Алексеевича Суворина [23] на статью «Колонизация нашего Дальнего Востока», за которую хлопочет доктор Терещенко ⟨...⟩.

Маркони поет «pour monsier Souvorine» «La donna e mobile» как-то особенно, по-опереточному. Баттистини спел арию перед портретом. Николай им недоволен, говорит, что он не то выражение ей придал. Он слушает пение из кабинета. Там же сидит молчаливый Чехов.

15 марта. Была у Суворина. Мы до того с ним много говорили, что даже я устала, точно я десять верст пешком прошла.

У Чехова был роман с девицей Мизиновой. Он хотел жениться, но должно быть не сильно, потому что Суворин отговорил его. Потом с этой девицей сошелся Потапенко и оставил ее... [24]

21 декабря. Прочла чеховскую «Чайку». Удручающее впечатление [25]. В литературе только Чехов, в музыке Шопен производят на меня такое впечатление. Точно камень на душе, дышать нечем. Это что-то беспросветное. После такой «комедии» надо смотреть что-нибудь до глупости веселое.

1896

4 января. Я еду к Суворину. ⟨...⟩ Застаю у него гостей, только что вставших из-за обеда. Дамы ни одной! Григорович, Маслов, Плющик, Немирович, Черниговец [26] и Чехов, сегодня только приехавший из Москвы. На этот раз он не остановился у Суворины, а где-то в гостинице, чтобы ему не мешали писать. Суворин едет с ним на бенефис Яворской [27].

5 января. Вечером была у Суворина. ⟨...⟩ Успех «Принцессы Грезы» мало его радует. Чехов над этой принцессой издевается. Говорит, что это романтизм, битые стекла, крестовые походы. Про Танечку Куперник, стихами которой все восхищаются, говорит:

— У нее только 25 слов. Упоенье, моленье, трепет, лепет, слезы, грезы. И она с этими словами пишет чудные стихи. Яворскую в «Принцессе Грезе» он называет прачкой, которая обвила себя гирляндами цветов. ⟨...⟩.

Гнедич [28] приехал спросить, когда идет моя пьеса. Павильон еще не заказан и декорацию последнего акта не начинали писать. Он при мне пишет декоратору Панаевского театра, не возьмется ли он.

Я, услыхав это, говорю Чехову:

— Антон Павлович, не давайте никогда пьес в Малый театр [29]. Утопят!

Показывается ненадолго сын Суворина, Леля. Чехов уехал в ресторан на сходку [30]. Там будет он, Потапенко, Мамин-Сибиряк, Амфитеатров. Суворин жалеет, что не может с ними ехать.

— А вы отличный товарищ,— говорит Чехов.— Вы за всех платите.

11 января. Памятный для меня день. Завтра первое представление, а я до 12 часов ночи не знала, идет моя пьеса или нет [31]. На репетиции вышел скандал. Яворская не явилась и прислала письмо, что если пьесу не отложат, то чтобы передавали ее роль другой. Это накануне первого представления на генеральной репетиции и после того, как она вчера, извиняясь передо мной, что она не знает роли, уверяла, что она вечером ее выучит, чтобы я была спокойна. Все актеры собрались и ждут, чем это кончится. Карпов [32] вне себя, задыхается от злости, говорит, что ему совестно передо мной. Послали за Суворинным, велели разбудить его. Тот приехал, и с ним ⟨...⟩ Чехов. Суворин так взбешен, что в первую минуту готов Яворскую выгнать, прямо выгнать из труппы. Садится писать ей письмо. ⟨...⟩ Никто не может решить, как теперь быть. ⟨...⟩ А Суворин все пишет. Рвет бумагу и пишет. Наконец не хватает бумаги. Чехов говорит, что ни один фельетон он так долго не писал, как это письмо. ⟨...⟩ Чехов предлагает поехать к ней для переговоров. Это отвергнуто. Карпов предлагает отдать роль Холмской [33] и посылает за ней, не дождавшись моего согласия. Но от Холмской ответ, что она больна ⟨...⟩ А Суворин все пишет. Чехов ему диктует. Я слышу фразу «вы обидите автора и товарищей, если не приедете». Я протестую, говорю, что такие любезности писать нельзя ⟨...⟩. Наконец письмо забраковано, и Суворин под мою диктовку пишет другое: «Пьеса должна идти завтра. Прошу вас заняться ролью и завтра в 11 часов пожаловать на репетицию». Послали письмо и ждем ответа. ⟨...⟩ Наконец ответ приходит: «Ваше приказание

исполню, играть завтра буду». Посланный говорит, что его два раза вернули с лестницы. Суворин сразу отошел и уехал с Чеховым домой.

12 января. Первое представление моего «Муравейника» в Малом театре. Сбор неполный, успех тоже неполный, хотя вызвали меня раз десять. ⟨...⟩ Второе действие, на которое я больше всего возлагала надежд, тоже прошло холодно. Иду курить в режиссерскую. Чехов хвалит мне пьесу. Я так тронута, что готова броситься ему на шею. Успех начался с третьего акта ⟨...⟩ Меня почти силой вытащили из режиссерской на сцену. В ложу и режиссерскую приходила тьма знакомых ⟨...⟩ Чехов, Кугель, Карабчевский, Лебедев [34], Суворин, всех не припомню.

31 января. Прочла чеховскую «Ариадну» [35]. Не важно. Должно быть, какая-нибудь жестокая женщина насолила ему, а он, чтобы облегчить свою душу, описал ее. ⟨...⟩

В 10 часов Чехов поехал к Яворской, а мы с Сувориным в Малый театр на последнее представление моего «Муравейника».

2 февраля. ...едем в залу Павловой. Застаем 3-й акт назарьевской «Правды»[36]. Это Гамлет, переложенный на русские нравы. ⟨...⟩ На эту ерунду в последнем акте приехали Суворин с Чеховым. Их появление произвело эффект. Началось зрелище еще более печальное — чествование калеки Костромитинова [37]. За опущенной занавесью шум и смятение. Я хотела бежать за сцену, думала, что кого-нибудь ушибло декорацией. Но занавес поднимается и разбитому параличом старику читают стихи, говорят речи. Чехову кажется, что он в Кременчуге. Потом длиннейший антракт ⟨...⟩

Наконец в первом часу играют «Молчание». Любочка [38] бледна, неинтересна, платье со сцены не хорошо, пьеса не имеет успеха. Николай, ожидавший чего-то блистательного, сидит сам не свой. Каждый промах дочери ему нож в сердце ⟨...⟩ Любочка, по его мнению, играла отвратительно. Суворин говорит, что очень мило, но что она не умеет еще держаться и не умеет сердиться.

— Этому ей надо бы у мамаши поучиться.

Чехов просит ей передать, что он все руки отхлопал.

6 февраля. Ответный обед Жулевой [39]. Затеяли его для чего-то за городом у Эрнеста; три четверти часа качка в карете. И зала холодная, бывшая дача Вяземского. ⟨...⟩ Речей за обедом мало: приветствие Давыдова, шутка Погожева [40] ⟨...⟩ Моими соседями за столом были два Аякса: Карпов и Молчанов [41]. Напротив сидела Любочка между Сувориным и Чеховым. ⟨...⟩ Он ⟨Суворин⟩ лобызается с Сигмой, которому нельзя подавать руки ⟨...⟩ Оплеван⟨ный⟩ Сигма пригрет Сувориным. Чехов этим возмущается. На сегодняшний обед беллетристов Сигма рассылает приглашения. Чехов думает, что никто не пойдет и что обеды эти погибли [42].

13 февраля. Суворин нынче уезжает с Чеховым в Москву. С ними едут две актрисы: Холмская и Никитина [43].

3 июня. Цензура не пропускает чеховскую «Чайку» [44]. Чехов в меланхолии, Суворин тоже. Одному обидно за пьесу, другой жалуется на немощи и старость. ⟨...⟩ Ходили на Ваганьково смотреть могилы задавленного на Ходынке народа [45].

9 октября. Наши все в «Гибели Содома» [46]. ⟨...⟩ Видели там Чехова. Он пришел смотреть нашу труппу, с которой очень мало знаком. Прошлую зиму он все ходил в Малый театр.

12 октября. Савина ушла из «Чайки», поняла, что она стара для этой роли и что даже в труппе все смеются, что она играет младенцев. Чайку будет играть Комиссаржевская. Савина взяла было роль у Читау, но узнав, что та в обиде, вернула ее [47].

15 октября. Была на репетиции «Чайки», забраковала грим Николая — седую голову с рыжей бородой [48], сам по себе он хорош, но для этой роли

не годится. Репетиция без автора, без декорации и без одного актера. Писарев [49] болен,— а послезавтра первое представление. Конец еще не слажен, пьеса идет чуть ли не с трех репетиций. Давыдов [50] и Николай защищали Комиссаржевскую от Карпова, который по своей неопытности заставляет ее вести главную финальную сцену у задней кулисы, загородивши ее столом. Давыдов уверяет, что это говорящая голова. Много было разговоров о том, можно ли в простыне выходить на авансцену. Карпов подсел ко мне, но когда я ему сказала, что пьеса плохо срепетована, ушел и больше не возвращался.

Званый обед с актерами и Кривенками. Звали Чехова, но он не пришел.

17 октября. Неслыханный провал «Чайки» [51]. Пьесу ошикали, ни разу не вызвав автора. И это после успеха Пашенек и Нотовичевской галиматьи [52]. Одного из лучших наших беллетристов, Чехова, освистали как последнюю бездарность. Публика была какая-то озлобленная, говорила — что это черт знает что такое, скука, декадентство, что этого даром смотреть нельзя, а тут деньги берут. Кто-то в партере объявил: «c'est de Meterlink». В драматических местах хохотали, все остальное время кашляли до неприличия. Ума, таланта публика в этой пьесе не разглядела. Акварель ей не годится. Дайте ей маляра, она поймет. Ее мрачного, безнадежного колорита публика не поняла, а кричала: скучно! непонятно! Самый треск этого провала на сцене, где всякая дрянь имеет успех, говорит в пользу автора. Он слишком талантлив и оригинален, чтобы тягаться с бездарностями.

Чехов все время скрывался за кулисами, в уборной у Левкеевой, а после конца исчез [53]. Суворин тщетно искал его, чтобы успокоить его сестру, которая сидела в ложе. Перед началом он был только нервен, но еще полон надежд. Сам повязывал Надежде голову белым, когда она вышла тенью [54].

Чествование Левкеевой за 25 лет прошло как всегда с речами, подношениями, поцелуями товарищей и слезами бенефициантки <...> Освиставши нашего лучшего после Толстого писателя, публика неистово хлопала посредственной актрисе.

18 октября. Суворин приезжал к Карпову переговорить о чеховской «Чайке» [55]. Он сваливает вину на актеров. Просит, чтобы Сазонов играл погорячее. Николай ответил Карпову, что не видит в роли данных, чтобы играть ее горячо.

21 октября. Второе представление «Чайки» — полный успех [56]. Вызывали актеров и автора. Но автор на другой же день после провала уехал из Петербурга с первым товаро-пассажирским поездом [57].

1897

3 января. В шекспировском обществе Боборыкин сделал скандал Урусову за то, что тот в своем реферате превознес чеховскую «Чайку» [58]. Боборыкин имени Чехова не может слышать.

— А мы что же! — подскочил он к Урусову.— Мы, значит, все посредственности!

— Позвольте, а я об вас и не говорил совсем.

— Вот именно, вы об нас не говорили... Мы значит не существуем [59].

28 марта. Чехова Суворин оставил в Москве, в клинике. У него кровь горлом пошла. Доктора хоть и уверяют, что это кровь геморроидальная, но все-таки положили в клинику [60].

23 апреля. За «Мужиков» в «Новом времени» два хвалебных фельетона Чехову [61]. Потапенко его выше Толстого ставит. Это звучит как похоронный звон. Должно быть, он очень плох, и они его отпевают. Действительно, говорят, что дни его сочтены.

3 мая. Суворин на свою телеграмму о каком-то издании получает от Чехова ответ: «Согласен. Буду в конце мая. Женюсь на богатой красивой вдове. Беру 400 тысяч, два парохода и железоделательный завод». Суворин ему телеграфирует: «Благодарим за согласие. Находим, что приданого мало. Просите еще бани и две лавки. Маслов женился, взял 800 тысяч» [62].

12 июля. Сам он ⟨Суворин⟩ сидит в городе, ожидая Буренина и Чехова. Буренин должен сменить его в газете, а с Чеховым он хочет ехать за границу [63].

1899

21 июля ⟨Ялта⟩. На набережной встретила Чехова. Он постарел и выглядит не знаменитым писателем, а каким-то артельщиком. Говорит, что он тут в ссылке, приговорен на всю жизнь проводить тут зиму. Где-то около мечети у него дача тут строится, за Лиманами есть другая дача — три десятины земли с садом и домиком. Говорил, что продался Марксу, получил за это 75 тысяч [64]. Хвалит французов, ругает русских. Он был во Франции во время процесса Золя, французская интеллигенция ему очень понравилась. О Суворине и нововременцах отзывается не особенно сочувственно [65]. Говорит, что он всех там боится, Буренина боится, Сигму боится. Звали его к себе, но он не мог с нами пойти, ждет какую-то даму, чтобы вместе с ней пообедать.

24 июля. Чехов с московской актрисой, которая играла у него в «Чайке», поехал в Массандру [66].

26 июля. Обедали в городском саду и весь обед слушали ужасное пение какой-то барыни, которая увечила романс Полины из «Пиковой дамы». Такого фальшивого голоса я никогда еще не слыхала. После дождя в саду обеденные столы сушатся. Все обедают на террасе ⟨...⟩. Встретили там Чехова, который подсел к нашему столу. Он ходит в серых штанах и отчаянно коротком синем пиджаке. Жалуется, что зимою в Ялте его одолевают посетители. Он нарочно поселился подальше, чтобы меньше к нему ходили, но и это не помогает. Придет какая-нибудь барыня за пожертвованием на бедных, получит рубль и сидит. Спрашивает: «Не скучаете ли вы здесь? Чем вы нас подарите?» Потом сидит и молчит. Сам Чехов не из разговорчивых. Как Люба ни старалась его занимать, оживленного разговора не вышло. Он или нехотя отвечает, или начинает изрекать, как Суворин: «Ермолова плохая актриса, она не интеллигентна, от нее Москвой несет... Федотова лучше. Если актриса не играет в комедии, она не актриса. Горький хороший писатель, у него доброты много. Энгельгардта [67] нельзя читать, потому что он полон злобы». Я заметила, что его нельзя читать не потому, что у него злобы много, а потому, что у него таланта нет. «Нет, главное не талант, а доброта. Наша русская злость лишена всякого таланта. Это просто болезнь печени».

30 июля. Видела на набережной Чехова. Сидит сиротой на скамеечке.

31 июля. Уехали из Ялты ⟨...⟩ Люба ждала, не сядет ли в Бахчисарае Чехов, но увы! он остался там должно быть ночевать [68].

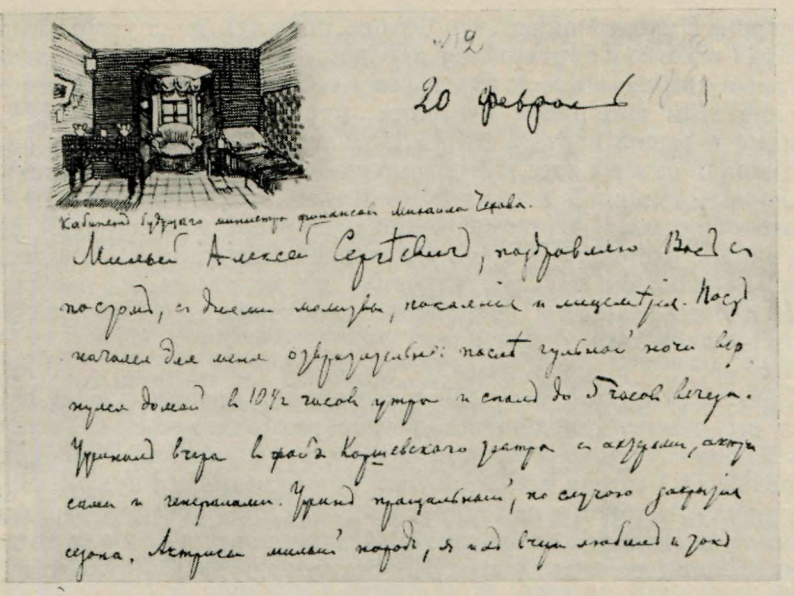
1900

7 февраля. Прочли чеховскую повесть «В овраге». Это одна из лучших его вещей. Он давно уж такой сильной вещи не писал [69].

23 марта. В Ялте Николай был у Чехова, Чехов был у него [70].

24 июня. Два письма от Николая — мне и мамаше. Чехов похвалил его именье, долго сидел на камне, потом, вздохнув, сказал: «Все бы так сидел тут и любовался».

9 июля. Чехов от гостей уезжал в Керчь [71].



ПИСЬМО ЧЕХОВА А. С. СУВОРИНУ

Автограф. 20 февраля 1889 г. (фрагмент)

Вверху — рисунок М. П. Чехова «Кабинет будущего министра финансов Михаила Чехова», изображающий его комнату в доме на Садово-Кудринской улице (Москва)

Библиотека СССР им. В. И Ленина, Москва

1901

1 марта. Смотрели чеховскую драму «Три сестры» [72]. Московская труппа решительно производит революцию в драматическом искусстве. После ее представлений по старому пути нельзя больше идти. Казенную рутину надо оставить. Петербургская публика каждый вечер устраивает овации Станиславскому. После конца молодежь в шубах бросается к рампе, вскакивает на стулья. Впечатление то же, как в «Дяде Ване». Нас приводят в чужой дом и вскрывают нам до мелочей всю его будничную жизнь. Мы вместе переживаем все ее горести и радости. Ведут нас в спальную, в сад, за чайный стол. Мы видим, как они влюбляются, женятся, изменяют, задыхаются в этой серенькой жизни. Видим их днем и ночью, зимой и летом. Одна и та же декорация. В первом акте летний день. Балкон открыт, птицы поют, все залито солнцем. Во втором зимний вечер. Дверь на балкон заколочена и обита войлоком. В комнате темно. На улице едут под окном с колокольчиком. Это катанье на масляницe. И все так идет, как в жизни. Никто не читает монологов у суфлерской будки. Одно только для меня необъяснимо: зачем был в пьесе пожар? Он никакого отношения к драме не имеет. Больше всех потрясла драма Е. В. [73] Она ушла из театра вся в слезах. История Маши с артиллерийским полковником — это ее собственная история. Когда батарею переводят в другой город, и полковник уезжает и Маша бьется в рыданиях на крыльце, Е. В. представила себе, что так когда-нибудь уедет Ионов, и рыдать в одиночестве будет она. Ионов был в театре. Тут тоже драма, ему пришлось сидеть не с женой, а с мужем. Кривенко сам темнее ночи и не пустил жену сесть рядом с Ионовым.

4 марта. Николай прочел чеховские «Три сестры» и говорил, что если б эту пьесу представили в Комитет, когда он был там членом, то он бы не пропустил ее, так она плоха.

26 марта. Николай пишет, что Чехова, пожалуй, ждет участь Надсона [74]. Его уморит чахотка и буренинские пародии [75]. Да еще кто-то порадел ему — напечатал в газетах, что он будто бы у себя на даче предлагает даровое помещение всем школьным учителям, приезжающим в Крым [76]. Чехов в отчаянии и решил ехать в Батум, как только появится хоть один учитель. Николай ездил с ним в свое имение, приглашен к нему пить чай.

29 марта. Николай вернулся из Крыма. ⟨...⟩ Утешал там Чехова, когда его обругали в «Новом времени». Буренинская пародия на «Трех сестер» сильно огорчила Чехова. Он должен был ехать с Николаем в Ай-Николу, прислал сказать по телефону, что не может.

— Полноте! отчего вы не можете? — говорил ему Николай тоже по телефону.— Поедемте! Я вас жду.

— Не могу... У меня дамы.

— Знаю я этих дам! Это девять сестер. Вы прочли «Новое время» [77]. Стал его стыдить, подбодрил и уговорил ехать.

У Чехова во дворе стережет дом не собака, а журавль. Ручной журавль ходит ночью по двору и поднимает крик, ежели придет чужой. Чехов напугал старуху, которая у них живет на покое [78] и обожает этого журавля. Показывает на Николая и говорит: «Бабушка, вот они хотят купить у меня журавля. Дают десять целковых. Я думаю продать». Старуха напугалась.

1902

30 октября. Федоров ⟨...⟩ пришел с радостной новостью, что Чехов расхвалил его «Стихию» [79], хочет ее ставить у Станиславского ⟨...⟩ После провала «Старого дома» он, по его словам, жаждет выдержать переэкзаменовку.

15 ноября. Первое представление возобновленной «Чайки» [80]. Успеха она не имела. Было скучно, томительно. Играли по-станиславски, с паузами, с настоящей травой в саду. Комнаты ставили углом, амфиладой, с арками. Первое действие играли в такой темноте, что ни одного лица не было видно. И если хотели передать, как скучно жить в деревне, то этого достигли вполне. Несколько лет тому назад, когда пьеса провалилась, она исполнялась гораздо лучше. Теперь была хороша только Савина, да пожалуй Санин и Ходотов. Селиванова в первых актах подкупала своим голосом и фигуркой, но в конце у нее пороху не хватило. Лучшая сцена пропала. Было много всхлипываний, рыданий, она металась по сцене, но чувства ни на грош. Варламов, которого возили на кресле, как беспомощного старика, как ни старался говорить тенором, а нет-нет да и даст полный голос, свой варламовский голос. Вместо него говорил шопотом Шувалов, игравший беллетриста.

1903

6 мая. Другое письмо от Чехова ⟨Иллариону Кривенко⟩, он сам мне показывал. Чехов советует ему чем-нибудь заняться, химией или биологией [81].

1904

3 июля. Печальное известие! Чехов умер. ⟨...⟩ О Чехове мы только что на днях читали в газетах, что ему лучше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Одноактная пьеса-шутка Чехова «Медведь» была напечатана в «Новом времени», 1888, № 4491, 30 августа, за подписью: А. П.

[2] «Медведь» был поставлен 27 ноября 1888 г. на музыкально-драматическом вечере, устроенном с благотворительной целью у министра финансов И. А. Вышнеградского. Роли исполняли: М. Г. Савина (Попова), Н. Ф. Сазонов (Смирнов), К. А. Варламов (Лука).

[3] *А. И. Суворина* (1858—1936) — вторая жена А. С. Суворина.

[4] Второй раз «Медведь» был поставлен 15 декабря 1888 г. в помещении министерства иностранных дел на музыкально-драматическом вечере, устроенном женой дипломата А. Ф. Гамбургера в пользу Красного креста.

[5] Письма В. Н. Давыдова Чехову, в котором бы он просил дать ему роль в «Медведе», в архиве Чехова нет.

[6] По-видимому, пьеса читалась в первой измененной редакции. О том, что Давыдов (игравший уже роль Иванова, когда пьеса в ее первоначальном виде шла в 1887/88 г. в театре Корша), «по слухам», не хочет играть Иванова,— Чехову телеграфировал Суворин в начале января 1889 г. На запрос Чехова Давыдов ответил 15 января: «Относительно моего участия в вашей пьесе «Иванов», скажу вам, что я с величайшим удовольствием буду играть в ней всякую роль, какую бы вы мне ни назначили: пьеса мне очень нравится, и я от всей души желаю, по мере моих сил, способствовать ее успеху» (ГБЛ, ф. 331. 42.1). И только после того, как Давыдов познакомился с вторичной переработкой роли Иванова, он писал Чехову 22 января: «...я еще несколько раз прочитал роль Иванова в новой редакции и положительно не понимаю его теперь». Он просил Чехова оставить Иванова, каким он был в первой переделке,— «иначе я его не понимаю, и боюсь, что провалю» (там же). Но, прочитав последнюю редакцию пьесы в целом (а не только роль Иванова), и после второй личной беседы с Чеховым о роли Иванова Давыдов уже больше не колебался и с большим успехом исполнял эту роль.

[7] В первый раз пьеса «Иванов» — в новой редакции — была поставлена 31 января 1889 г. в бенефис режиссера Александринского театра Ф. А. Федорова-Юрковского. Спектакль прошел с большим успехом.

[8] 9 октября 1889 г. П. М. Свободин читал новую пьесу Чехова «Леший» «неофициальному театральному комитету», в составе директора Александринского театра И. А. Всеволожского, писателя Д. В. Григоровича, заведующего репертуаром Александринского театра А. А. Потехина и артиста Н. Ф. Сазонова. Пьеса была признана не подходящей для постановки на сцене. 11 октября Свободин писал В. М. Лаврову: «Леший», которого я жаждал поставить в бенефис мой, не годится по мнению импровизированного комитета (директор, Григорович, Потехин, Сазонов и я) потому, что в нем нет крыловских эффектов, пережеванных положений и лиц, глупых, бездарных пошлостей, наводняющих Александринскую сцену. Он скучен, растянут и странен, как и все даровитое и глубокое, перед судом ничего не смыслящих людей. Я и сам скажу, как говорил тебе в Москве еще, что «Леший» не комедия по форме, но живые лица, живые речи и характеры таковы, что вся александринская дребедень не стоит и половины пьесы Чехова. Несценичность, в угоду которой расплодилось столько драматических мастеров, поставлена тут также в число недостатков пьесы. Все это вместе — огорчение Чехова, мои труды и хлопоты, пропавшие даром, заставили меня отказаться от бенефиса, я уступил свое время Варламову» (ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 189).

[9] Когда в «Новом времени» печаталась «Дуэль», Чехову писал брат Александр Павлович: «Никогда на твою голову не падало столько ругани, сколько теперь — после того, как твоя «Дуэль» заняла фельетоны вторников и сред» («Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, с. 249). Чехов ответил ему 24 октября 1891 г.: «Печатают меня по средам и вторникам или вовсе не печатают,— для меня решительно все равно. Отдал я повесть, потому что был должен «Новому времени», и если бы не последнее обстоятельство, то повесть моя печаталась бы в толстом журнале, где она вошла бы целиком, где я больше бы получил и где не было бы жужжанья моих уважаемых товарищей ⟨...⟩ Попроси Суворина, чтобы он отдал среды — разве они мне нужны? Они мне так же не нужны, как и мое сотрудничество в «Новом времени», которое не принесло мне, как литератору, ничего кроме зла» (*ПССП*, т. XV, с. 256).

[10] Это было письмо Чехова А. С. Суворину от 25 ноября 1892 г. (там же, с. 445—447). Запись Смирновой подтверждает, что Суворин совершенно не понял главного в этом очень важном для творческого самосознания Чехова письме: его гневного осуждения литературы бескрылой, лишенной больших идей, не способной звать людей к лучшему будущему, к жизни, «какая должна быть».

[11] О прочитанном письме Смирновой Чехов написал Суворину 3 декабря 1892 г. (см. об этом в предисловии к настоящей публикации).

[12] Суворин читал «Рассказ неизвестного человека» в корректуре, привезенной Чеховым в Петербург.

[13] Суворин писал в воспоминаниях о Чехове: «Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчас же по приезде в Рим ему захотелось за город, полежать на зеленой траве. Венеция захватывала его своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцом дожей и проч. В Помпее он скучно ходил по открытому городу — оно и действительно скучно, но сейчас же с удовольствием поехал верхом на Везувий, по очень трудной дороге, и все хотел поближе подойти к кратеру» («Новое время», 1904, № 10179, 4 июля).

Писал он об этом и Григоровичу, который, защищая Чехова, ответил: «Венеция и Флоренция и т. д.— ничего больше, как скучные города для человека даже умного ⟨...⟩ кроме того, Чехов принадлежит к поколению, которое заметно стало отклоняться от Запада и ближе присматриваться к своему...» («Письма русских писателей к

А. С. Суворину». Л., 1927, с. 31). Это письмо Григоровича Суворин отослал Чехову, а 27 мая 1891 г. Чехов ответил ему: «Надо быть быком, чтобы, приехав первый раз в Венецию или во Флоренцию, стать «отклоняться от запада». В этом отклонении мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается, кто оповестил всю вселенную о том, что будто заграница мне не понравилась? Господи ты боже мой, никому я ни одним словом не заикнулся об этом. Мне даже Болонья понравилась. Что же я должен был делать? Реветь от восторга? Бить стекла? Обниматься с французами? Идей я не вывез, что ли? Но и идеи, кажется, вывез. Ваша статья об ипподроме больше моя, чем ваша, ибо я вам все уши прожужжал про эту новую форму театра» (*ПССП*, т. XV, с. 209).

[14] «Остров Сахалин» печатался в «Русской мысли» с октября 1893 г. В ноябрьской книжке, помимо продолжения «Острова Сахалина», была напечатана статья В. А. Гольцева «Социология на экономической основе». Но главная причина полученного «предостережения» заключалась именно в «Острове Сахалине» — об этом свидетельствует письмо В. А. Гольцева Чехову от 12 ноября 1893 г.: «М. Н. Галкин-Враский нажаловался Феоктистову, не знаю, за что именно. Теперь все прошло благополучно. Пришла телеграмма не задерживать книжки» (ГБЛ, ф. 77.10.37). О жалобе М. Н. Галкина-Враского начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову, в результате которой ноябрьская книжка «Русской мысли» «была задержана дня на три», см. письмо Чехова Суворину от 25 ноября 1893 г. (*ПССП*, т. XVI, с. 103). В «Русской мысли» было напечатано 19 глав «Острова Сахалина» (1893, № 10—12; 1894, № 2, 3, 5—7), затем публикация была остановлена цензурой. Отдельным изданием (в полном составе — гл. I—XXIII) книга вышла в 1895 г. Подробно о цензурной истории «Острова Сахалина» см. : *ПССП*, т. X, с. 308, 425—426.

[15] Рассказ Чехова «Бабье царство» напечатан в «Русской мысли», 1894 г., кн. 1. В литературе о Чехове нет указаний, которые подтверждали бы это мнение Смирновой. Вопрос об источниках «Бабьего царства» исследован в статье: П. С. Попов. Прообраз «Бабьего царства» (сб. «В творческой лаборатории Чехова». М., «Наука», 1974, с. 202—207).

[16] Это была вторая поездка Чехова за границу. Были в Вене, Аббации, Триесте, Фиуме, Венеции, Милане, Генуе, Ницце, Париже.

[17] Чехов писал в это время повесть, названную им «Три года».

[18] В записной книжке Чехова имеется текст телеграммы, которую он послал или предполагал послать в связи с появившимися осложнениями при получении заграничного паспорта: «Благоволите донести Одесскому градоначальнику об неимении препятствий отъезду за границу» (*ПССП*, т. XII, с. 286).

[19] Василий Силыч *Кривенко* (1854—1928) — журналист, театральный критик, сотрудник «Нового времени». Был председателем Совета Русского театрального общества в 1898—1900 гг.

[20] Константин Аполлонович *Скальковский* (1843—1906) — директор Горного департамента, журналист, сотрудник «Нового времени».

[21] Вечером 9 февраля у Н. А. Лейкина были, кроме Чехова, И. Н. Потапенко, М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. С. Лазарев-Грузинский и Л. А. Авилова (см.: Л. А. Авилова. Чехов в моей жизни.— В сб.: «Чехов в воспоминаниях современников». М., 1960, с. 220).

[22] Дело Ольги Палем слушалось Петербургским окружным судом с 14 по 18 февраля 1895 г. Ольга Палем в течение нескольких лет была в близких отношениях со студентом-путейцем Александром Довнаром, который обещал жениться на ней по окончании института, а затем решил совсем порвать с ней. На последней встрече в номере гостиницы Палем выстрелила в него, а затем в себя. Убив его, сама она оказалась только раненой. Палем, которую на суде защищал Н. П. Карабчевский, была оправдана. Но после пересмотра дела кассационной инстанцией этот приговор был отменен. При новом рассмотрении суд признал Палем виновной в убийстве, совершенном в запальчивости и раздражении, и с учетом этого обстоятельства приговорил ее к тюремному заключению на десять месяцев.

[23] Алексей Алексеевич *Суворин* (1862 — 1937) — сын А. С. Суворина. С конца 1880-х годов вместе с отцом руководил «Новым временем».

[24] Дружеские отношения Чехова с Л. С. Мизиновой, с которой он познакомился в конце 1889 или начале 1890 г., продолжались много лет. Известны 67 писем Чехова к Мизиновой с 1891 до 1900 г. (см.: *ПССП*, т. XV—XVIII). В архиве Чехова сохранилось 98 писем к нему Мизиновой за те же годы (ГБЛ, ф. 331. 52.2). Об отношениях Чехова с Мизиновой см. : Л. П. Гроссман. Роман Нины Заречной (сб. «Прометей», т. 2. М., 1967); Г. П. Бердников. Чехов. М., «Молодая гвардия», 1974, с. 346—356.

[25] Это была первая редакция «Чайки». 21 ноября 1895 г. Чехов писал Суворину: «Ну-с, пиесу я уже кончил ⟨...⟩ Хотя это только еще остов пьесы, проект, который до будущего сезона будет еще изменяться миллион раз, я все-таки заказал напечатать 2 экземпляра на ремингтоне ⟨...⟩ — и один пришлю вам. Только вы никому не давайте читать» (*ПССП*, т. XVI, с. 285—286). Как явствует из записи Смирновой, эту просьбу Чехова Суворин не выполнил.

[26] Алексей Николаевич *Маслов* (псевд. Бежецкий; 1852 — ?) — писатель; Яков Алексеевич *Плющик-Плющевский* (1845—1916) — чиновник Министерства иностранных дел, один из директоров театра Литературно-артистического кружка; Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1848—1936) — писатель; Федор Владимирович *Черниговец* (Вишневский, 1838—1916) — журналист.

[27] 4 января 1896 г. в бенефис Л. Б. Яворской в театре Литературно-артистического кружка была поставлена пьеса Э. Ростана «Принцесса Греза», в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

[28] Петр Петрович *Гнедич* (1855—1926) — писатель, историк искусства. В 1896—1900 гг.— управляющий труппой театра Литературно-артистического кружка.

[29] Имеется в виду театр Литературно-артистического кружка, спектакли которого некоторое время происходили в здании петербургского Малого театра.

[30] В данном случае под «сходкой» подразумевалась товарищеская встреча писателей.

[31] Пьеса «Муравейник», премьера ее состоялась 12 января 1896 г.

[32] Евтихий Павлович *Карпов* (1857—1926) — драматург и театральный режиссер, в 1896—1900 гг. главный режиссер Александринского театра.

[33] Зинаида Васильевна *Холмская* (1866—1936) — артистка театра Литературно-артистического кружка.

[34] Александр Игнатьевич *Лебедев* (1826—1898) — художник.

[35] Рассказ «Ариадна» напечатан в «Русской мысли», 1895, кн. 12.

[36] «Зал Павловой» был открыт в 1887 г. на Троицкой ул., д. 13 (ныне ул. Рубинштейна). Его владелица А. И. Павлова сдавала зал внаем под театральные спектакли, концерты, балы и т. п. 2 февраля 1896 г. в зале Павловой в Петербурге были поставлены комедия К. В. Назарьевой «Правда» и водевиль В. В. Билибина «Молчание».

[37] Николай Иннокентьевич *Костромитинов* (1834—1900) был учредителем и бессменным (в течение 10 лет) председателем столичного артистического кружка — до его реорганизации в 1895 г. в Литературно-артистический кружок. Затем — был учредителем Драматического кружка любителей, помещавшегося в зале Павловой.

[38] Любовь Николаевна *Шувалова* (1878—1920) — дочь Сазоновых, артистка Драматического кружка любителей, а с 1898 г. Александринского театра.

[39] 6 февраля 1896 г. состоялся подписной обед в честь артисток Е. Н. Жулевой и Е. А. Сабуровой.

[40] Владимир Петрович *Погожев* (1851—1935) — управляющий Петербургской конторой императорских театров в 1882—1900 гг.

[41] Анатолий Евграфович *Молчанов* (1856—1921), редактор «Ежегодника императорских театров» (1892—1899), вице-президент Русского театрального общества (1902—1917).

[42] Сигма — псевдоним Сергея Николаевича *Сыромятникова* (1864—1934), постоянного сотрудника «Нового времени». Резко отрицательное отношение Чехова (как и многих других передовых литераторов) к Сыромятникову определялось и его крайней реакционностью, и литературной нечистоплотностью: сохранились свидетельства Короленко о его недостойных с точки зрения писательской этики поступках (см. : *ЛН*, т. 68, с. 523—524 и 526). По данным архива Сыромятникова, часть которого находится в ЦГАЛИ (новое поступление), он с 1906 г. стал негласным редактором газеты «Россия», органа министерства внутренних дел; это назначение исходило от П. А. Столыпина, которому Сыромятников был «лично известен». В 1911 г., поздравляя его с пятилетием «России», Столыпин писал, что «в годину лихолетия она ‹газета› с успехом боролась с антиправительственными выступлениями левой печати» (сообщено В. П. Нечаевым).

В 1909 г. В. И. Ленин назвал «Россию» «полицейски-продажной газетой» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 19, с. 55).

[43] Александра Павловна Никитина — артистка театра Литературно-артистического кружка, а с сентября 1896 г. Александринского театра.

[44] Е. П. Карпов писал А. С. Суворину 14 июня 1896 г.: «Вчера, приехав в город, узнал о запрещении цензурой пьесы Чехова «Чайка» и тотчас же отправился к Литвинову. Он говорит, что и не думал запрещать пьесу, а хотел бы только, чтобы Чехов несколько «гасировал» (его подлинное выражение) отношения сына к матери по поводу ее сожительства с беллетристом ‹...›. Литвинов советует Чехову написать в Главное управление, в отделение драматической цензуры, чтобы ему возвратили рукопись для некоторых исправлений, а затем вновь ее представить в цензуру...» (ГБЛ, ф. 331.47.21).

[45] Запись в дневнике Чехова: «1-го июня были на Ваганьковском кладбище и видели там могилы погибших на Ходынке» (*ПССП*, т. XII, с. 333). «На Ваганьковском кладбище был с Чеховым, неделю спустя после катастрофы. Еще пахло на могилах. Кресты в ряд, как солдаты в строю, большей частью шестиконечные, сосновые. Рылась длинная яма, и гробы туда ставились друг около друга. Нищий говорил, что будто гробы ставились друг на друга, в три ряда» («Дневник А. С. Суворина». М., 1923, с. 112).

[46] 9 октября 1896 г. в Михайловском театре шла драма Г. Зудермана «Гибель Содома».

[47] М. Г. Савина писала Е. П. Карпову: «Прочтя еще раз ночью пьесу, перечитав несколько раз роль Нины, я решила, что не могу играть эту роль... Мне очень неприятно огорчать отказом автора и бенефициантку, и, если нужно, я готова сыграть Машу» (Евт. К а р п о в. История первого представления «Чайки».— В сб.: «О Чехове». М., 1910, с. 66). В интервью, данном сотруднику «Петербургской газеты» (1910, № 16, 17 января), Савина рассказала: «...чтобы доказать, что я желаю играть в пьесе Чехова, я просила дать мне третьестепенную роль Маши, дочери управляющего. Но и тут вышла неудача: актриса, которой поручили эту роль (Читау), ни за что не хотела ее уступить даже для одного раза».

[48] Н. Ф. Сазонов исполнял в «Чайке» роль Тригорина.

[49] М. И. Писарев исполнял в «Чайке» роль Дорна.

[50] В. Н. Давыдов исполнял в «Чайке» роль Сорина.

[51] Первый спектакль «Чайки» в Александринском театре, как известно, кончился провалом, о чем сохранилось много свидетельств современников, присутствовавших на спектакле. Один из них, драматург и критик С. В. Танеев, на статью которого в журнале «Театрал» (1896, кн. 45) ссылается в своем дневнике Чехов, писал, что «это было какое-то издевательство над автором и артистами, какое-то неистовое злорадство некоторой части публики, словно зрительный зал переполнен был на добрую половину злейшими врагами Чехова. Представление «Чайки» шло буквально под аккомпанемент шиканья, свистков, хохота, крика «довольно».

18 и 19 октября в петербургских газетах появились рецензии на премьеру «Чайки». В анонимной заметке газеты «Новости» (№ 288, 18 октября) сообщалось, что «такого головокружительного провала, такого ошеломляющего фиаско» не испытывала ни одна пьеса. В этой же газете (№ 289, 19 октября) напечатана рецензия Н. А. Селиванова уже не на спектакль, а на пьесу, которая, по его словам, «производит впечатление какой-то творческой беспомощности, литературного бессилия лягушки, раздутой в вола». В «Биржевых ведомостях» (№ 288, 18 октября) И. И. Ясинский, подписавшийся буквой: Я, выразился о пьесе так: «Это не чайка, а просто дичь». В «Петербургском листке» (№ 288, 18 октября) анонимный рецензент писал, что «Чайка» — «очень плохо задуманная, неумело скомпонованная пьеса с крайне странным содержанием, или, вернее, без всякого содержания. От каждого действия веяло отчаянной скукой, фальшью, незнанием жизни и людей». В «Петербургской газете» (№ 288, 18 октября) А. Кугель (Homo novus) писал, что «Чайка» производит «удручающее впечатление».

На защиту пьесы выступил А. С. Суворин («Новое время», № 7416, 19 октября): «Написать такую оригинальную, такую правдивую вещь, как «Чайка», рассыпать в ней столько наблюдений, столько горькой жизненной правды, может только истинный драматический талант (...), но для сценического успеха необходима и ремесленность, от которой автор бежал». Пьеса написана «почти вне общепринятых условий сцены».

Неуспех спектакля Суворин объяснял тем, что «пьеса плохо и наскоро срепетована, что роли были нетвердо выучены, что исполнители далеко не были на надлежащей высоте, что роли были распределены не совсем удачно, что в mise en scène были ошибки, которые трудно было устранить до первого спектакля, походившего скорей на генеральную репетицию». По мнению Суворина, была вина и автора, «но вина, зависящая более всего от сценической неопытности».

Высокая оценка пьесы была дана еще в «Письме в редакцию» Л. А. Авиловой (подпись: Л. А.-ва), напечатанном в «Петербургской газете» (№ 290, 20 октября).

[52] В первой половине октября 1896 г. в Александринском театре несколько раз шла пьеса Персияниновой «Пашенька». Какую пьесу Нотовича имела в виду Сазонова, не выяснено. В репертуаре театра за сезон 1895/1896 г. и до 17 октября следующего сезона пьесы Нотовича не обнаружено. Возможно, что Сазонова ошиблась, приписав Нотовичу пьесу другого автора.

[53] Суворин записал 17/18 октября 1896 г.: «Он пришел в 2 часа. Я пошел к нему, спрашиваю:

— Где вы были?

— Я ходил по улицам, сидел. Не мог же я плюнуть на это представление. Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы. В этой области мне неудача.

Завтра в 3 часа хочет ехать. «Пожалуйста, не останавливайте меня. Я не могу слушать все эти разговоры» («Дневник А. С. Суворина», с. 125).

[54] Надежда Ивановна *Смирнова* (? — 1906) — артистка Александринского театра, сестра Смирновой-Сазоновой.

[55] 18 октября 1896 г. Суворин записал: «Сегодня был у Карпова, говорил о «Чайке» Чехова, просил его сделать репетицию и изменить mise en scène. Написал Чехову. Он сегодня уехал с поездом в 12 час. дня, очень недовольным. Я ему послал вслед телеграмму, просил вернуться, чтобы подготовить пьесу к понедельнику» («Дневник А. С. Суворина», с. 126).

[56] Для второго представления «Чайки» — 21 октября 1896 г.— Суворин и Карпов сделали небольшие купюры в тексте пьесы и изменили отдельные ремарки.

22 октября Чехову писал К. С. Тычинкин: «Кое-что в пьесе изменили, монолог

свой Комиссаржевская говорит только в 1-м и 4-м действиях — в сцене с Машей он пропущен, Давыдов ‹Сорин› не остается на сцене в последнем действии, а уходит вслед за другими, не стелят также ему постель, так что Нина декламирует, не набросив на себя простыню: так вышло лучше» (ГБЛ, ф. 331.60.64).

Об успехе спектакля Чехову писала Комиссаржевская: «Сейчас вернулась из театра ‹...› Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть» (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 295). Телеграфировал И. Н. Потапенко: «Большой успех. После каждого акта вызовы, после четвертого — много и шумно. Комиссаржевская идеальна, ее вызывали отдельно трижды. Звали автора. Объявили, что нет. Настроение прекрасное. Актеры просят передать тебе их радость» (ГБЛ, ф. 331.56.36).

[57] Чехов уехал из Петербурга в Мелихово 18 октября с двенадцатичасовым товаро-пассажирским поездом.

[58] Александр Иванович *Урусов* (1848—1900) — известный адвокат и театровед. Поклонник чеховской драматургии. Критик А. А. Андреева вспоминает: «...один раз я, не понимая его увлечения «Чайкою» Чехова, пристала с расспросами: почему именно нравится ему эта вещь? отчего? Что он в ней находит? — Он высказал, не помню какими словами или полусловами, что эта пьеса почти до физической боли волнует и радует его верностью наблюдения: он знал ту среду, которую там рисует Чехов, и видел ее жизнь так же, как ее видит Чехов» («Князь Александр Иванович Урусов», т. II—III. М., 1907, с. 415).

[59] Из писем Боборыкина Чехову конца 80-х годов, а также из его воспоминаний («Встречи с Чеховым».— ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 327) мы знаем, что Боборыкин очень высоко ценил творчество Чехова. Так что, очевидно, в дневнике Сазоновой речь шла только о непонятой Боборыкиным «Чайке», которую он смотрел в Александринском театре.

Об обсуждении пьесы в Шекспировском кружке вспоминает сам Боборыкин:

«...когда «Чайку» разбирали в нашем «шекспировском кружке», в докладе о ней П. И. Вейнберга, весьма отрицательно ее оценившего, безусловным защитником пьесы явился всего один сочлен, покойный князь Урусов.

И прения были очень горячие, и те, кто строго оценивали «Чайку»,— оказались в большинстве».

Позднее, в конце 1899 года, когда Боборыкин смотрел «Чайку» в постановке Художественного театра, он изменил свое мнение о пьесе. 12 октября он писал своей жене С. А. Боборыкиной: «Чайка» в этом театре получила для меня другой колорит, и я почувствовал возможность иначе к ней отнестись, чему я душевно рад» (ИРЛИ, ф. 29, № 178, л. 106—107).

[60] 21 марта 1897 г. Чехов приехал в Москву на съезд сценических деятелей и на другой день заболел. После повторившегося 25 марта легочного кровотечения его положили в клинику проф. Остроумова.

Суворин записал 24 марта 1897 г.: «Третьего дня у Чехова пошла кровь горлом, когда мы сели за обед в «Эрмитаже». Он спросил себе льду, и мы, не начиная обеда, уехали. Сегодня он ушел к себе в «Большую Московскую гостиницу». Два дня лежал у меня. Он испугался этого припадка и говорил мне, что это очень тяжелое состояние. «Для успокоения больных мы говорим во время кашля, что он — желудочный, а во время кровотечения, что оно — геморроидальное. Но желудочного кашля не бывает, а кровотечение непременно из легких. У меня из правого легкого кровь идет, как у брата и другой моей родственницы, которая тоже умерла от чахотки» («Дневник А. С. Суворина», с. 150—151).

[61] В «Новом времени» были напечатаны две статьи, в которых дана высокая оценка рассказа «Мужики»,— в № 7587, 11 апреля, статья В. П. Буренина «Критические очерки», гл. III и в № 7594, 20 апреля, статья И. Н. Потапенко (за подписью: Фингал) «О критиках и о мужиках».

[62] Эти телеграммы не сохранились.

[63] Чехов 23 июля приехал в Петербург, но за границу с Сувориным не поехал. В этот день Суворин записал: «Чехов приехал. В субботу 26 выезжаю в Париж. Чехова не мог убедить ехать. Ссылается на то, что ему все равно придется осенью на зиму уезжать за границу, хочет на Корфу, Мальту, а если поедет теперь, то надо возвращаться» («Дневник А. С. Суворина», с. 164).

[64] 26 января 1899 г. был заключен договор с издателем А. Ф. Марксом на приобретение им права литературной собственности на сочинения Чехова. Гонорар (75 000 р.) Чехов должен был получить в несколько приемов в течение двух лет. История продажи им своих сочинений А. Ф. Марксу освещается в кн.: И. П. Видуэцкая. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. М., «Наука», 1977 (печ.).

[65] Пребывание Чехова во Франции (с сентября 1897 г. по 1 мая 1898 г.) совпало со временем острой политической борьбы, в ходе которой демократические и радикальные круги требовали пересмотра дела Дрейфуса с целью его оправдания. О том, что стоит за фразой Смирновой «хвалит французов, ругает русских», дает представление письмо Чехова к Ф. Д. Батюшкову от 23 января 1898 г.: «У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина, от его про-

тестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что слава богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться. Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — хоть брось. «Новое время» просто отвратительно» (*ПССП*, т. XVII, с.219; см. также письма к Суворину от 6 февраля 1898 г.— там же, с. 227—230, и к Ал. П. Чехову от 23 февраля 1898 г.— там же, с. 235).

[66] О прогулках с Чеховым в окрестностях Ялты писала в своих воспоминаниях О. Л. Книппер-Чехова (О. Л. Книппер-Чехова. Из первых встреч с Чеховым в Ялте.— В кн.: Н. А. Сысоев. Чехов в Крыму. Симферополь, 1954, с. 7—8).

[67] Николай Александрович *Энгельгардт* (1867—1942) — критик и публицист, сотрудник «Нового времени».

[68] Чехов выехал из Ялты в Москву 2 августа.

[69] Повесть Чехова «В овраге» напечатана в журнале «Жизнь», 1900, кн. 1.

[70] Н. Ф. Сазонов приезжал в Крым, в связи с получением в наследство имения на Южном берегу Крыма, которое было им названо «Ай-Никола».

[71] Вероятно, это были поездки не в Керчь, а в Гурзуф (см.: *ПССП*, т. XVIII, с. 373).

[72] Московский Художественный театр гастролировал в Петербурге с 19 февраля до 22 марта 1901 г.

[73] Евгения Васильевна Кривенко — жена В. С. Кривенко.

[74] Семен Яковлевич *Надсон* (1862—1887) умер от чахотки. В последние месяцы его жизни Буренин в «Новом времени» глумился над больным поэтом (см., например: «Новое время», 1886, 7 и 21 ноября и 1887, 16 января).

[75] В «Новом времени», 1901, № 8999, 18 марта напечатана, за подписью: Граф Алексис Жасминов, пародия Буренина на пьесу «Три сестры», озаглавленная: «Домашний театр «Нового времени» — «Девять сестер и ни одного жениха» или «Вот так бедлам в Чухломе». Символическая драма в 4-х действиях с настроением».

[76] 11 марта 1901 г. в газете «Курьер», № 69, напечатана заметка «Симпатичное предложение». Сообщалось, что «Ант. П. Чехов предложил учащим в земских школах Серпуховского уезда, желающим ехать в Крым, стол и квартиру в своем имении».

Чеховым же летом 1899 г. было сделано предложение — «дать приют на южном берегу Крыма одному из нуждающихся в поправлении здоровья учителю или учительнице».

[77] См. примеч. 75.

[78] У Чеховых жила «на покое» прослужившая у них с 1880-х годов кухарка М. Д. Беленовская (Марьюшка).

[79] А. М. Федоров, приехавший в Петербург для постановки своей пьесы «Стихия», незадолго до этого, в октябре 1902 г., получил письмо Чехова, в котором он очень хвалил эту пьесу (*ЛН*, т. 68, с. 636—637).

[80] В Александринском театре была возобновлена постановка «Чайки». Упомянутые в дневнике артисты исполняли роли: М. Г. Савина — Аркадина, А. А. Санин — Шамраев, Н. Н. Ходотов — Треплев, Л. В. Селиванова — Нина Заречная, К. А. Варламов — Сорин, И. М. Шувалов — Тригорин.

[81] Илларион Васильевич *Кривенко* (1881—1913) — сын В. С. Кривенко, больной юноша, в судьбе которого Чехов принимал участие. В архиве Чехова находится 13 писем И. В. Кривенко. Письма Чехова к нему не сохранились.

ЗАПИСИ О ЧЕХОВЕ В ДНЕВНИКАХ Б. А. ЛАЗАРЕВСКОГО

Предисловие и публикация Н. И. Гитович

Борис Александрович *Лазаревский* (1871—1936) — писатель-беллетрист. Печататься начал в 1894 г. в газете «Киевлянин». Первая книга его рассказов, «Забытые люди», была издана в Одессе в 1899 г., вторая — «Повести и рассказы» — в Москве в 1903 г. Лазаревский сотрудничал в «Журнале для всех», «Ниве», «Русском богатстве», и других периодических изданиях. В 1906—1908 гг. вышли еще две книги его «Повестей и рассказов», в 1913—1914 гг. собрание сочинений в семи томах и позднее еще 9 книг рассказов. В 1920 г. Лазаревский эмигрировал за границу. В Константинополе, Берлине и Париже издано пять его новых книг.

До конца жизни Лазаревский вел дневники. «...Иногда думается,— писал он,— что самое важное, что я сделал и написал,— это мои дневники с фотографическими и карандашными иллюстрациями, которые я веду с 1886 года» (Автобиография.— ЦГАЛИ, ф. 278, оп. 1, ед. хр. 10, л. 6). В дневниках — записи о встречах с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, М. Горьким, В. Г. Короленко, А. И. Куприным, Л. Н. Андреевым, В. Э. Мейерхольдом и др. В них вклеены газетные вырезки, главным образом рецензии на сочинения Лазаревского и сочинения писателей-современников, а также наиболее интересные письма к нему.

Как сказано в некрологе («Последние известия», Париж, 1936, 25 сентября), после его смерти осталось до 60 объемистых томов дневников.

Уезжая за границу, Лазаревский оставил их на родине. Они находились у доктора Н. П. Студенцова, у коллекционера Э. П. Юргенсона, у И. П. Чехова (который передал их Книппер-Чеховой), у Ф. Ф. Фидлера, у А. А. Шахматова.

В настоящее время эти дневники хранятся в государственных архивах: за 1889—1899 гг.— в ГПБ; за 1900—1902 гг.— в ГБЛ; за 1903—1904, 1907—1908 и 1910 гг.— в ЦГАЛИ; за 1892, 1905—1906, 1909 и 1911—1917 гг.— в ИРЛИ.

Из дневников, которые Лазаревский вел в эмиграции, известна судьба двух тетрадей с записями, сделанными в 1925 и 1928—1929 гг. Они были найдены в 1945 г. советскими поэтами И. И. Гончаренко и Б. А. Слуцким в румынском городе Крайова среди кипы русских книг, награбленных фашистскими оккупантами в публичных и частных библиотеках (см.: «Радуга», Киев, 1966, кн. 4).

Юрист по образованию — Лазаревский по окончании Киевского университета служил несколько лет секретарем и следователем Военно-морского суда в Севастополе. В эти годы (1899—1903) он часто бывал в Ялте, где навещал Чехова. Из писем Чехова к О. Л. Книппер и из воспоминаний доктора И. Н. Альтшуллера мы знаем, как тяготили писателя в последние годы жизни частые посещения Лазаревского. Но из деликатности он никак не показывал этого и иногда подолгу беседовал с ним.

Разговоры с Чеховым Лазаревский часто записывал тут же, в Ялте. Достоверность их не вызывает сомнений. В письме к В. С. Миролюбову от 29 июля 1904 г. Лазаревский писал: «Я веду дневники, и в них записан каждый разговор с Чеховым детально»; «...за шесть лет я каждый раз записывал с фотографической точностью все, что говорил и делал Антон Павлович, и все, что говорилось и делалось возле него другими в этот день»,— повторил он в письме от 27 ноября 1904 г. (ИРЛИ, ф. 185, № 700).

К сожалению, отсутствуют записи, сделанные после марта 1902 г. и до ноября 1903 г. Как видно из дневника, одну тетрадь украли у Лазаревского в Ростове н/Д, куда он поехал после посещения Толстого в Ясной Поляне. Записи о разговоре с Толстым о Чехове (3 сентября 1903 г.) Лазаревский затем восстановил по оставшимся у него запискам, сделанным на отдельных листках.

Во все годы знакомства с Чеховым Лазаревский переписывался с ним. В архиве Чехова (ГБЛ и ЦГАЛИ) находятся 92 письма Лазаревского. Из писем Чехова к нему сохранилось только четырнадцать (опубликованы в *ПССП*, т. XVIII—XX).

Воспоминания Лазаревского о Чехове напечатаны (в разных вариантах): «Журнал для всех» (1905, № 7), «Биржевые ведомости» (1906, 17 января), в кн. Лазаревского «Повести и рассказы», т. 2 (М., 1906), «Русская мысль» (1906, № 11), газ. «Свободные мысли» (1907, 2 июля), «Новый журнал для всех» (1909, № 9), «Ежемесячный журнал науки и общественной жизни» (1914, № 7). В газете «Одесские новости» (1910, 23 января) напечатан ответ Лазаревского на анкету газеты, озаглавленный им «Думы о Чехове».

Ниже печатаются, за небольшими исключениями, записи Лазаревского о встречах и разговорах с Чеховым из дневников за 1899—1903 гг., а также некоторые позднейшие записи, относящиеся к Чехову, из дневников за 1904, 1906, 1908 и 1910 гг.

Пропуски внутри приводимых записей обозначаются знаком ⟨...⟩. Пропуски между записями не отмечаются.

Письма Лазаревского к Чехову, которые цитируются в примечаниях, хранятся в ГБЛ (ф. 331. 49. 29).

1899

2 сентября. Завтра пойду искать Чехова. Что будет — не знаю. Живет он на своей даче в верхней Аутке.

4 сентября. Мы взяли извозчика и поехали на гору. Не доезжая до дачи Чехова в Аутке, я посоветовал Н. Н. вернуться, а сам пошел пешком, до дачи А. П. оставалось не более десяти саженей. Прошел, вижу строится дача двухэтажная, еще и окна не вставлены. В небольшом дворе работают не то турки, не то татары в фесках.

Спрашиваю «Чья дача»? — «Чехова». — «А сам он дома?» — «Дома». — «А куда же к нему пройти?» — «А вон», — и показали на флигелек, тоже еще не отделанный, но уже со вставленными окнами и крашеным полом. Я поднялся по небольшому крылечку и вошел в комнату. Все по-студенчески, неустроено еще. Чемоданы стоят, столик небольшой письменный и другой, круглый. Масса газет и книг. На круглом столике лежала моя книжка, раскрытая и заложенная на середине «Маленькой истории».

— Здравствуйте.

Антон Павлович вопросительно и строго посмотрел на меня.

— Я Лазаревский, — сказал я.

— А, — и его лицо сейчас же разошлось в ласковую, приветливую улыбку. — А я только что читал вашу книжку... Ну можно ли было так убиваться из-за того, что в «Крымском вестнике» там какой-то написал эту статью [1]. Мало ли какой чепухи о нас не пишут! Ведь это пустяки, нельзя же на это в самом деле обращать внимание!.. А вы разве не на железной дороге служите?

— Нет. — И я объяснил, какое имею отношение к железной дороге [2].

— Ага. Ваши рассказы как рассказы, беллетристика как беллетристика. Белов у вас замечательно хорошо очерченный тип. Это действительно существующий тип?

— Да.

— Очень, очень хорошо очерчен. Ну а таких, как Кубович [3], много. Это постоянно встречающийся тип. Затем вы сделали страшную ошибку, что издались в провинции. Нельзя этого делать. Так и останетесь незамеченным. Нужно непременно в столице издавать. И для рецензии так зря нельзя посылать. Ведь вы знаете, как в редакциях. Придет какая-нибудь барышня редакционная, увидит хорошенькую книжку, спрячет ее в карман

и уйдет. Вот вам и рецензия! Вы пошлите в «Жизнь» — Горькому. А знаете, когда будете посылать в журнал, то не посылайте, пока я не буду в Москве. Вы уроженец какой губернии?

— Я родился в Полтаве, а жил всю юность в Черниговской, Конотопского уезда, на границе с Полтавской.

— Это и видно. Во всех рассказах это проглядывает, так и слышится. Я тоже южанин и ужасно люблю море, так как родился хоть и над паршивеньким, но морем.

— Ну, А. П., может, вам нужно идти?

— Да, сейчас пойду. У нас сегодня обед, на котором будет Максимов. Мы пишем с ним адрес (куда и какой — я почему-то не спросил) [4].

— Мустафа! — позвал Антон Павлович одного из своих турок. А. П. выговорил «Мустяфа». На зов пришел высокий турок в феске [5].

— На, чисти,— сказал А. П., подавая ему пиджак.

— Отчего вы произнесли с их акцентом «Мустяфа»?

— А так всегда говорят с инородцами, я ему иногда говорю вместо «Иди на почту» — «Ходил на почта» 〈...〉

Мы вышли и стали спускаться среди татарских хаток в город. На небе ходили тучи.

Я сказал, что вся Ялта представляется мне «гнилой магнолией», что люди здесь живут слишком богатые и счастливые, но порочные и развратные, с гнилью.

— Нет, здесь много несчастных, больных. Здесь тяжело жить многим.

— Вы, А. П., все-таки один из счастливейших.

— Почему?

— Все у вас есть, богатство и известность, можете сказать себе: «Достиг я высшей власти».

— Какое же у меня богатство? Кроме того, я не могу даже жить там, где хочу, а должен жить здесь благодаря своему здоровью. Здесь счастья и счастливых мало, это только кажется так.

Только мы вышли в город, как вдруг разразился страшнейший ливень. Чехов раскрыл зонтик, но он плохо закрывал от дождя и его и меня. Пришлось встать около «стрихи» *. Обождав минут пять, мы пошли через городской сад в книжный магазин. Я забыл чей он **. Здесь А. П. чувствовал себя как дома. Между прочим, он спросил человека, стоявшего за прилавком: «А что у вас нет еще рассказов Лазаревского?» — «Нет, еще нет». Здесь А. П. записал мой адрес и обещал прийти, когда будет в Севастополе.

Мы условились, что если А. П. успеет после своего обеда прийти к четырем часам в этот же книжный магазин, то поедем с ним на эскадру. Но к четырем часам его не было.

Общее впечатление было чудное; я никак не ожидал, что он так ласково меня примет, и все боялся, не надоел ли я ему.

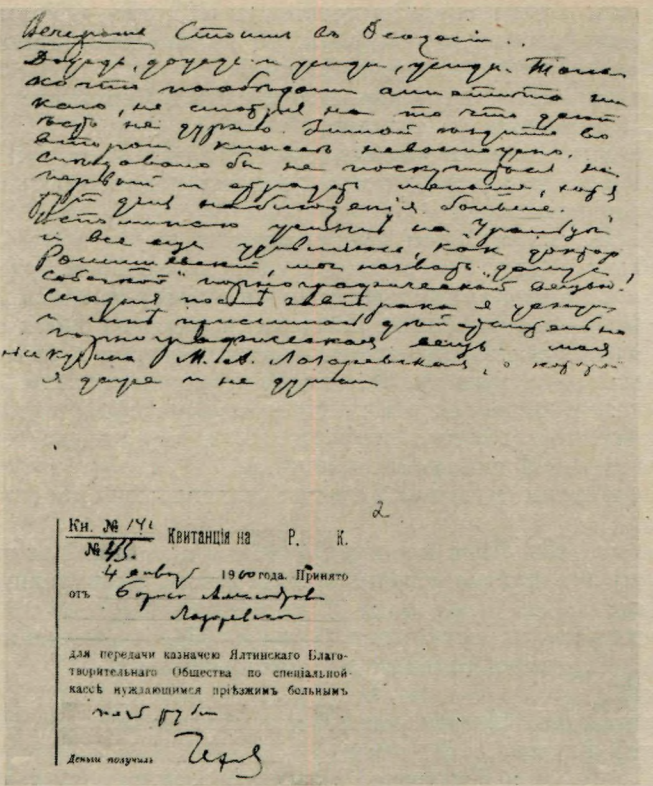
3 октября. Сегодня получил от А. П. Чехова его чудный фотографический портрет с автографом и письмо, приложенное здесь... Если бы я сам не видел, в каком виде его дача, я бы, пожалуй, подумал, что ему лень писать мне... [6] Да и в самом деле, мы раз виделись!

24 октября. Если получу от Носа деньги, поеду в Ялту хоть на один день к Чехову... Вероятно, после сегодняшнего моего письма он подумает, что у меня в голове не совсем ладно. В этом письме лучшее — виньетка, но написать ему мне ужасно хотелось [7]. Я люблю его очень — это настоящий художник. Россия рано или поздно поймет, что он не меньше Тургенева будет — русский Мопассан.

---

* застрехи (*укр.*).

** *Позднее вписано*: Синани.



Кн. № 141 Квитанція на Р. К.
№ 45.
4 января 1900 года. Принято
отъ Бориса Александровича Лазаревскаго
для передачи казначею Ялтинскаго Благотворительнаго Общества по спеціальной кассѣ нуждающимся пріѣзжимъ больнымъ
Деньги получилъ

КВИТАНЦИЯ, ВЫДАННАЯ ЧЕХОВЫМ Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ В ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕГО ВЗНОСА В ЯЛТИНСКОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ ПРИЕЗЖИМ БОЛЬНЫМ

4 января 1900 г.

Вклеена в дневник Лазаревского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

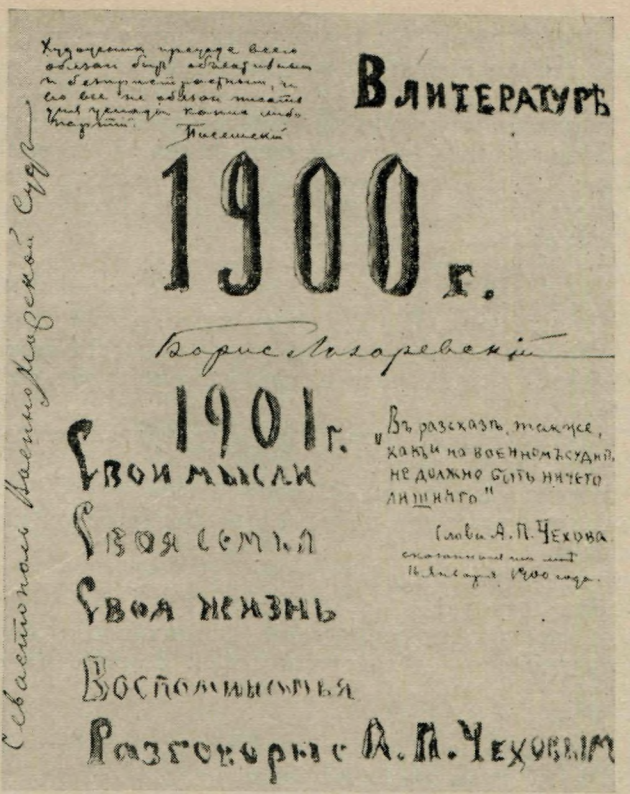
28 ноября. Ялта. В Ялту не опоздали, пришли ровно в шесть часов. Я сейчас же взял извозчика и поехал к А. П. Ч. У него застал целых трех дам. Одна была его мать, другая большая поклонница — начальница местной гимназии [8], а третья что-то бесцветное. Их общество порядочно меня стесняло ⟨...⟩

А. П. Чехов уже живет в большой даче. Устроена очень комфортабельно. Кабинет очень удобный, с большой нишей. За письменным столом в этой нише стоит диван, над которым висит картина Левитана, изображает она речку, в которой А. П. когда-то купался [9]. На стенах много фотографий. Из ручных картин очень интересна акварель И. Н. Потапенки, изображающая петербургскую улицу, сделанная крайне неумело [10]. Другая акварель, уже мастерская, напоминающая работы Веры Карасевой (но хуже), Ал. Ал. Хотяинцевой [11], потом ее же масляная: «Хатка и церковь» [12]. Комфорт у Чехова большой, но и туберкулез зато несомненный. Sic. Говорить при дамах было не о чем.

А. П. встретил меня фразой, которой он всегда, как я заметил, встречает каждого входящего человека:

— Что нового?

⟨...⟩ Потом А. П. начал спрашивать о знаменитой «Панаме» [13]. Я ответил нехотя, надоела уже очень она мне ⟨...⟩



ДНЕВНИК Б. А ЛАЗАРЕВСКОГО ЗА 1900—1901 ГОДЫ
Титульный лист. Автограф.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

29 ноября. В 10 часов утра я опять катил, т. е. виноват, на этот раз плелся пешком в гору к А. П. Его застал за работой, но не литературной,— он рассылал воззвания к людям, имеющим карманы, с просьбой пожертвовать деньги для «санатория» убогим актерам и людям искусства [14]. На этот раз разговор был гораздо интереснее.

— Прежде всего, что вы теперь пишете?— спросил он меня. Я рассказал содержание «Наташи».

— Ага, так. Только вот что: слово «туберкулин» вы непременно замените, а то через 5—10 лет ведь оно сделается совершенно неизвестным. Вы знаете, я в Воронеже смотрел свой водевиль «Медведь» и от слова «турнюр» просто в ужас пришел и в новом издании сейчас же его и вычеркнул [15].

Потом заговорили о Мельшине. Я выразил свою несимпатию к этому автору за излишнюю тенденциозность ⟨...⟩

— Что же делать? — сказал А. П.,— нельзя требовать от человека, который в каторге так долго пробыл, беспристрастия при оценке даже и невольных своих мучителей, трудно ему отрешиться от ненависти к «бравому штабс-капитану» [16]. ⟨...⟩

Чехов для «Жизни» приготовил уже рассказ, пойдет он в январской книжке. Другой рассказ лежал начатый на столе. Я попросил его показать, как он пишет, много ли перечеркивает. Он показал. То же, что и у меня в работе и, я думаю, у всех пишущих. Мне запомнилась только одна фраза: «Херес был кисловатый и отдавал сургучом» [17]. Когда-нибудь

я увижу ее в печати. Как называется эта новая вещь, я не спросил принципиально, так как и Чехов и я одного мнения, что заглавие — последнее дело.

〈...〉 А. П. попросил меня дать несколько адресов лиц, которые могли бы что-нибудь пожертвовать на санаторию. Я сел за его письменный стол и написал адреса: А. В. Лазаревского (пускай 〈*1 нрзб.*〉 раскошеливается), А. М. Лазаревского (папы), М. И. Мартос, Ив. Ив. Балаклеева, К. Ф. Кулябко и еще нескольких — не помню.

— Ах, знаете, скверная новость,— сказал А. П. 〈...〉

— А что такое?

— Последние известия, что Толстому хуже, умрет, должно быть [18]. Ведь такая он каланча в искусстве был, такой колосс! Знаете, право, есть люди, которые боятся делать пакости только потому, что жив Толстой еще. Да, право же!

Когда мы остались одни, Чехов стал жаловаться на тоску...

— За границу бы.

— Ну и удирайте и мамашу с собой берите.

— Ну да, возиться там с ней. То у нее зубы болят, то она плачет, тоскует по родным местам.

— Работается, значит, плохо?

— Ну, конечно, плохо!

— Понимаю вас, филантропической деятельности мешает литературная, а литературной — филантропическая. Значит, ни богу, ни Мамоне.

— Ну да, в этом все.

Очень меня порадовало и заинтересовало мнение Чехова о Горьком:

— Большой поэт! громаднейший талант!

— Немного рисуется своим прошлым,— сказал я.

— Это есть, есть, да пускай его, это даже идет к нему.

11 декабря. Я познакомился с Карабчевским [19], передав ему поклон от А. П. Чехова, как сей последний просил меня еще в Ялте.

Кстати, теперь, вспоминая иногда часы, проведенные в обществе Чехова, я считаю нужным записать многие ускользнувшие в свое время из головы мелочи из разговоров с ним. Имеют значение эти мелочи потому, что с такими людьми, как Чехов, судьба сводит не так часто. Помню, например, как, когда мы спускались в этот мой приезд в Ялту с горы в город, Чехов сказал:

— Помните и прошлый раз, когда мы шли с вами здесь, шел дождь.

Я мотнул головой и добавил:

— Вот здесь, под этой стрихой, и стояли еще, впрочем, у меня это записано.

— Зачем? — спросил Чехов.

— Да так, я с тринадцати лет записываю почти все, привычка образовалась.

— Толстой, так тот каждый день все записывает,— ответил А. П. и зашагал быстрее, так как дождь усиливался 〈...〉

Когда мы заговорили с ним о процессе Дрейфуса, А. П. сказал:

— 〈...〉 Если бы дело Дрейфуса было неправое, то такой человек, как Золя, не вступился бы. Я как раз в это время был во Франции и там вся интеллигенция была на стороне этого дела [20].

Потом А. П. спросил меня, что я намерен делать с собою потом. Я ответил в том смысле, что служба для меня не составляет особой приманки, а главное — писательство.

— Ну, а если это писательство вам когда-нибудь надоест? 〈...〉

— Ну вряд ли, вам же оно не надоело?

— Ой, как надоело, опротивело.

Я усумнился.

— Да, да, опротивело,— подтвердил А. П.,— я не писатель — я врач.

— Ну, какой вы врач?

— Нет, врач...

1900

5 января. ⟨...⟩ В Ялту пришли во время ⟨...⟩, пошел к А. П. Его я застал в кабинете, по обыкновению работающим. Он был веселее обыкновенного.

⟨...⟩ я заметил новость — на камине была написана масляными красками картина, длинненькая, в декадентском вкусе. Изображает она копны сена в лунную полночь.

— Ах, какая прелесть! — сказал я.

— Это Левитан написал [21].

Действительно, от картины просто-таки мокрым сеном пахнет.

⟨...⟩ Потом я дал А. П. новую свою повесть [22], трепеща и мучась за его мнение, которое, вероятно, узнаю дней через десять.

А. П. взял тетрадку.

— А из вас писателя не будет.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Вы мало пишете. Разве так можно?.. Нужно страх сколько писать. Я много, много писал.

⟨...⟩ Чехов подарил мне оттиск «Дамы с собачкой» с собственноручной надписью [23]. ⟨...⟩

Новороссийск, 9 часов вечера. ⟨...⟩ После обеда я с помощниками капитана забрались в курительную, с нами еще молодой ветеринар Горовой, и читали поочередно «Даму с собачкой» А. П. Чехова. Я был убежден, что им сначала не понравится. Но очень понравилось всем [24].

21 января. ⟨...⟩ Пятнадцатого января в четыре утра наш пароход «Пушкин» был уже в Ялте. Еще не светало. Я походил по кают-компании и опять заснул, проснулся около 7 часов утра и размышлял, ехать ли мне к Чехову или нет. Пошел в агентство и по телефону соединился с Чеховым. Сейчас же услыхал его бас...

— А. П., боюсь ехать к вам, могу опоздать на пароход, а остаться в Ялте не могу.

— Почему вы не можете остаться в Ялте?

— Денег нет.

— А... так вот что, может быть, я сам приеду на пароход.

— Да, а впрочем, может, я успею, а назад вместе поедем ⟨...⟩

Беру извозчика и сломя голову мчусь. Одна лошадь больше, другая меньше, это замедляет.

Наконец чеховская дача. Подойти к ней трудно — грязь невылазная. Его я застал в столовой с матерью, пьющими чай. ⟨...⟩

— Ну садитесь... Да, что вам сказать о вашей повести. Начало плохо, в том смысле, что лишнего много. Дилетантизм чуется. Дальше лучше, а конец совсем по-юношески, уже сила и страсть слышны в нем очень хорошо.

— Так можно посылать?

— Куда?

— В «Жизнь».

— Конечно, можно, только непременно еще раз и непременно собственноручно перепишите.

— Времени мало.

— Ну, это необходимо. А вот что, вы вообще мало пишете. Нужно больше, больше писать. Мы с Потапенкой ужас сколько писали в ваши годы. Бумаги бы не хватило всего напечатать. Страх как много нужно

писать. К тридцати летам обязательно нужно определиться. Всегда все к этому времени определялись. Исключение составляет только Сервантес. Да и невозможно ему было раньше писать, а потом тоже очень трудно было писать в тюрьме.

— Да, да... Знаете, как нужно, чтобы была написана хорошая повесть. Ничего лишнего не должно быть. Вот вы знаете, как на военном судне,— ничего лишнего,— так и в хорошем рассказе.

Дальше я рассказал А. П. о включенной выше газетной заметке по поводу Буренина и Потапенко [25]. Он очень заинтересовался. Буренина он, видимо, не любит.

— Как это Буренин еще к Толстому не прицепился? — сказал я.

— О, он его боится, ужасно боится.

Потом А. П. встал и пошел в кабинет написать письмо И. Н. Потапенко по поводу этой статьи [26]. 〈...〉

Спрашивал он меня еще о деле на «Уральце» [27]. Я сказал, что никого не привлек.

— Так и надо.

6 февраля. 〈...〉 Получил я на днях письмо от А. П. Чехова, по обычаю короткое, но ласковое. Утешает, что «желтуха болезнь пустая». Пишет, что напишет в «Жизнь» по поводу моей повести «На уроке», хотя я и не просил его об этом! [28]

1 марта 〈...〉 Вчера я получил чудное письмо от А. П. Чехова. Он пишет о «Машинисте»: «Это лучшее, что вы до сих пор написали». Затем он делает довольно подробный анализ техники. «Силенка» он называет «милым». Заканчивается письмо фразой: «Если бы я был редактором «Жизни», я бы всегда принял этот рассказ». Я обрадовался, и как не радоваться, если такой большой человек земли русской, как Чехов, сказал свое слово веское о моих работах, ведь мне по этому поводу так редко приходилось что бы то ни было слышать о себе 〈...〉 [29]

11 апреля 〈...〉 Два-три дня назад я получил от Чехова письмо, в котором он пишет, что папки, нарисованные ему мною, очень понравились и что в Севастополе будет он не ранее мая... [30] Вдруг сегодня узнаю у Чулкова (наш будущий кандидат, человек из ряда вон безусловно выделяющийся), что вчера на «Дяде Ване» был автор, его вызывали, и он, стесняясь и неумело (был выведен), на сцене раскланивался [31]. Спадало пенсне. Я отправился в театр, чтобы взять билеты. Смотрю, на лавочке сидит Чехов. Он, вероятно, почувствовал мой взгляд и, прищурившись, взглянул на меня, поздоровались. Обычный вопрос:

— Что нового?..

〈...〉 Я пошел и взял два билета по 3.20 на «Чайку», потом опять вернулся.

Чехов спросил меня, был ли я вчера. К стыду, пришлось ответить отрицательно, но причина была жестоко уважительная — не было денег.

— А сегодня идете?

— На что?

— На гауптмановских «Одиноких».

— Нет. Не по средствам. Я и так 7 р. на «Чайку» затратил.

— Ну что «Чайка». Нужно, чтобы вы пошли на «Одиноких». Как бы это устроить?.. Вы не видали Немировича-Данченко?

— Нет.

Пошли искать. Я говорю:

— Вон что-то в цилиндре с баками ходит. Оно?

— Оно самое.

— Есть у тебя один билет для меня лично? — спросил Чехов.

— Для тебя лично?

— Ну да, для меня.

Б. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ
Фотография, 1901—1902 . Вклеена в дневник Лазаревского за 1901—1902 годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Немирович-Данченко покрутился, потом сбегал в кассу и, наконец, принес билет.

— Ну вот вам,— передал его мне А. П.

Начались «Одинокие» Гауптмана. Не могу... не мое амплуа быть рецензентом. Но никогда я еще не был так потрясен сценой. Что-то необычайное. Героиня — Андреева-Желябужская. Потрясающе хорошо провела свою роль. Да и сама она потрясающе хороша! Сильное впечатление произвел на меня и Мейерхольд, (на сцене) ее муж [32]. ⟨...⟩

В антрактах я был или за сценой с Чеховым, или разговаривал с знакомыми. Пшерадский и Воеводский дали такие рецензии...— чисто прокурорские и следовательские, а вернее, чиновничьи. Не стоит о них и вспоминать. По поводу их я Чехову сказал:

— Знаете, мне вспомнились ваши слова: «И зачем вы с ними говорите о таких вещах!» — Да и да.

Пятого акта я досидеть не мог. Я боялся, что этот акт меня добьет и чего доброго я разнервничаюсь вконец. Актриса Книппер стала мне противна своей ролью [33] так, что казалось, если бы я с нею познакомился в жизни, то и тут она осталась бы такою же противной.

Я и этим поделился с Чеховым.

12 апреля. ⟨...⟩ Вечером я попал опять в театр, благодаря тому же милому А. П. Чехову.

Когда он меня представляет кому-нибудь, то к фамилии всегда присоединяет слово «литератор», и мне от этого и радостно и больно. ⟨...⟩

24 апреля. По обыкновению очень много пропущено, приходится записывать кратко. Я не записал ничего о «Чайке». Пьеса вся меня не так заинтересовала, как отдельные лица ее, особенно Тригорин — это и Чехов, и я, и всякий пишущий. «Если по небу плывет облако, похожее на рояль, то я думаю, что вот в каком-нибудь рассказе это нужно поместить».

В конце пятого акта я думал удариться в бегство, не желая присутствовать при «застрелении», но в проходе партера, в самом его конце, меня остановил автор «Чайки».

— Куда?

— Да думал уйти.

— Ну что вы...

Я и остался. Были и овации. Читали адрес от публики [34].

29 июня. Ялта ⟨...⟩ В три часа пришли в Ялту. Прошелся по набережной! По афишам увидел, что назначено большое гулянье и лотерея-аллегри в пользу недостаточных легочных больных. Во главе этого общества стоит А. П. Чехов ⟨...⟩ Вечером я отправился в городской сад. Гулянье едва начиналось. Народ был, но еще мало. Проходя по одной из аллей, я увидел сидевшего одиноко на лавочке Чехова и поздоровался с ним.

— Вы каким образом?

— А так. Было очень скучно и много работы, захотелось освежиться, вот и приехал.

Потом я спросил его, сердит ли он на меня за письмо, которое О. Белецкая вздумала передавать — пересылать через него.

— Да полноте. Что вы. Пустяки какие. Никогда и ни за что я не был на вас сердит. Если бы был сердит, то написал бы.

Каждую его фразу я помню дословно и даже тембр его баса.

На душе у меня посветлело, а то было тяжело и мрачно. Ух, как мрачно!

— Здесь Желябужская и Книппер,— сказал Чехов.

Я удивился и обрадовался, что увижу этих двух необыкновенно милых женщин.

Мы прошли к одному из лотерейных колес. Тут была уже толпа. Я поздоровался с М. Ф. Желябужской. Так же хороша. Взял несколько билетов. Все оказались пустыми. ⟨...⟩

На главной аллее был сервирован чайный буфет. Сидели за ним дамы, в числе их Книппер и Мария Павловна Чехова, которую я по первому абцугу не узнал. Я спросил себе чаю и прислушивался к разговорам. Чехов присел за Книппер и выглядывал оттуда. Одет он был, не в пример Горькому, положительно франтом. Запонки золотые, желтые ботинки, пиджак, пальто,— все это самое элегантное. Через несколько времени к столу подошла и Желябужская. Она утомилась, стоя у рулетки. И как только она подошла, у меня сейчас же мелькнула мысль, что Чехов к ней чувствует больше чем обыкновенную симпатию. Я боялся надоесть Чехову и поэтому только наблюдал, не вступая в разговоры.

— Что это, право, у вас ленты на шляпах,— сказал он, обращаясь к Марии Павловне,— точно растопыренные пальцы,— и показал рукою, как именно растопырены пальцы.

Потом мы еще раз прошлись с ним по дорожкам, и я пожаловался, что из «Жизни» мне лично до сих пор ничего не отвечают.

— Ну это что же, летнее время, коли мне вот до сих пор ничего не отвечают...

Я разъяснил, что не только не отвечают, но даже не уведомили, что не принят рассказ, и Никонов сообщает, что его передали уже в «Северный курьер» [35].

— Вот вам и обнадежили. Просто рассказ ни к черту не годится.

— Этого не может быть, что-нибудь да не так. Я сам спрошу Поссе. Что-то не так...

11 июля (Запись за 30 июня). ⟨...⟩ в начале 3-го часа поехал к Чехову. Немного пришлось обождать. Я сидел на веранде и пересматривал журналы. Ко мне подошла и стала ласкаться белая собачка шпиц. Минуты через

две послышалось, как на лестнице кто-то насвистывает и твердо ступает, и завиднелся Чехов.

<...> В кабинете мне бросилась в глаза начатая и, вероятно, оконченная, потому что на ней уже было заглавие, рукопись «Калека» [36]. Разговор начался с того, что Чехов заметил мне о моем неправильном произношении с малорусским акцентом. Я постарался ему объяснить, что это не совсем так. Выговор-то у меня действительно с сильным акцентом, но в данном случае неправильность и негладкость речи происходит от того, что я с ним. Когда близко видишь человека, которого давно не видал и которого любишь, то боишься быть сентиментальным, язык заплетается и несешь черт знает что вместо ровных, осмысленных фраз.

Я сказал ему о водевиле, который пишу теперь,— «Злодей»...

— Ну и напрасно, испортите только себе и слог и время даром потратите.

Заговорили об Андреевой-Желябужской.

— Да, это замечательная женщина,— сказал задумчиво А. П., и мне опять показалось, что для его сердца она близка.

Я спросил, как достать ее карточку.

— Поехать к ней да и попросить, она даст.

Так я потом и сделал.

В это время пришла гостящая у Чеховых барышня звать пить чай. Мы несколько минут посидели, потом спустились вниз в столовую, по элегантной дубовой лестнице. Из столовой дверь выходит и на веранду и в сад. Скоро пришла Мария Павловна, задумчивая и грустная и, как она сама сказала, немного больная. Потом мамаша, которая всегда молчит и почему-то удивительно симпатична, и наконец Иван Павлович из Гурзуфа с фотографическим аппаратом. Через несколько минут вошла и О. Л. Книппер, мы поздоровались, не будучи представленными, потому что еще из Севастополя знали друг друга.

Я сказал, вот все молчат, потому что есть посторонний,— я.

— Нет, у нас всегда так, теперь хоть что-нибудь говорим, а то и совсем ничего,— сказал А. П.

Впрочем, сейчас же зашел разговор об «Эде Габлер».

Я сказал, что понимаю всякую месть со стороны оскорбленной женщины,— ну можно избить, облить серной кислотой, выколоть глаза, но сжечь неизданную рукопись — это уже подлость...

— Да, а иметь рукопись большого, серьезного произведения в одном экземпляре, разве это не подлость? — сказал А. П.

Я засмеялся.

— Да, пожалуй, вы и правы. Ведь автор никогда не имеет рукописи в одном экземпляре.

Потом все куда-то разошлись. Остались я и Мария Павловна. <...> я сказал, что хочу достать фотографию Желябужской.

— Вот, значит, еще есть поклонник. И что в ней находят, право! Ведь играет она совсем уже не так особенно. Не нравится мне она. Она у нас часто бывает. Вот О. Л. Книппер, это другое дело, это прелесть что за человек и какая большая артистка! Как я люблю ее! Это мой лучший друг.

Я слушал Марию Павловну, и она мне была страшно симпатична. Любит она действительно и Ольгу Леонардовну, должно быть, сильно, и Антошу и чует, может быть, для него врага в этой Желябужской. Я стал расспрашивать Марию Павловну о Хотяинцевой, с которой мне так хочется познакомиться.

— Она большая насмешница, но очень талантлива.

Потом Мария Павловна рассказала о том, как она пришла в отчаяние, когда за неимением вакансий ей не удалось первый раз поступить в Мо-

сковское училище живописи и ваяния и как она была счастлива, когда поступила [37]. Я никогда не забуду Марию Павловну. Бесконечно хорошее есть в ней что-то.

〈...〉 мы с Чеховым ушли к нему в кабинет, где заговорились серьезно и долго. О Гаршине. О Мопассане. О моем «печальном человеке». О суде. Еще и еще о Желябужской. О браке. О мужьях. Об «Одиноких» и об «Эде Габлер». О Толстом.

18 июля. Киев. 〈...〉

Разговоры с А. П. Чеховым

Улучив более или менее свободный вечер, хочу дописать о Чехове. Сидя в кабинете, мы перебрали много тем. Я слушал, ловил каждое слово. А. П. не считает Гаршина серьезным или особенно даровитым писателем.

— «Записки рядового Иванова» — это хорошая вещь, а все остальное, и в особенности «Художники»,— это наивные вещи,— вот, что он сказал.— Теперь к писателю предъявляются гораздо более серьезные требования и сделаться известным слишком трудно. Мопассан взял мировую славу и известность, и все остальное в этом роде кажется публике уже повторением, и уже слабым повторением.

Стали мы говорить о браке.

— Хороший муж или дурной муж данный человек, сказать трудно и невозможно — это «тайна»,— сказал А. П. Меня поразила верность этого суждения. Я молчал [38].

— И я лично, когда бывал мужем, то бывал и хорошим мужем и дурным мужем,— добавил он потом.

〈...〉 Заговорили о красоте женщин. «К красоте быстро привыкаешь»,— произнес А. П. и, облокотившись на спинку дивана, задумался.

〈...〉 Стали говорить об «Эде Габлер» и «Одиноких» снова. Я все удивлялся, почему Воеводскому и Пшерадскому «Эда» нравится больше, а «Одиноких» они называют чепухой (ведь интеллигенты же они все-таки).

— Почему? — переспросил Чехов,— да потому, что ваши эти чиновники живут еще в 30-х годах, просто несовременные они люди...

Потом А. П. долго меня расспрашивал о нашем военном суде.

〈...〉 Мы стояли на балконе в саду. Садик самый небольшой, но изящный. В нем ходит журавль. Это добрая, симпатичная птица.

Наконец прояснилось. А. П. оделся, попрощались с М. П. и вышли в город.

Я рассказал, что получил от секретаря Л. Н. Толстого (какого-то С. С.) письмо о том, что Толстой находит мои рассказы написанными хорошо [39]. И только вам я об этом говорю. Я добавил, как гнетет меня сознание того, что книжка была издана глупо, что там мало рассказов и что нужно переиздаться.

— Обождите года три.

— Поки сонце зійде, роса очи виїсть.

— Это пустяки. Мы не так с Горьким в свое время мучались... Вы что? Вы аристократ перед нами. Вот сразу в толстые журналы хотите попасть, а мы?.. Да вы себе и представить не можете всего пережитого нами, всех нравственных страданий. Вы образование получили, у вас жена — любящая, прекрасная женщина, а у Горького ничего, ничего этого не было, да и у меня, кроме образования, ничего. Прежде чем так жить, как мы живем теперь, сколько пришлось перемучиться...

Дошли до какой-то очень красивой и высокой дачи. На веранде стояла О. Л. Книппер и кивала головой. А. П. распрощался со мной. Милый, дорогой мой писатель-человек!

А. П. ЧЕХОВ

Фотография с пометой Чехова на обороте: «Ницца 24 янв〈аря〉 1901 г.» Послана Чеховым О. Л. Книппер в письме от 24 января 1901 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

6 сентября. 〈...〉 Написал я А. П. Ч. большое письмо[40], а ответа все нет, и это досадно и мучительно. Ведь не так часто я надоедаю ему моими письмами.

16 сентября. 〈...〉 Ответ от А. П. Чехова я уже получил, как и всегда краткий, ясный, теплый, простой[41].

12 ноября 〈...〉 слыхал, будто Чехов женился... Не верю. А впрочем, на Андреевой разве. Нет, не может быть. Книппер разве?[42] 〈...〉

16 ноября. Вчера вечером мой двоюродный брат Леня Лагунский поссорился со своей мамой. Ссора была тяжелая, со взаимными колкостями и взволновала меня. Тем не менее я наслаждался этой ссорой. Это была, и сначала и до конца, точная копия сцены ссоры Треплева со своей матерью из «Чайки». Чехов большой художник.

2 декабря 〈...〉 Купил 2-й том Чехова, там часть бывших «Пестрых рассказов» и часть новых, т. е. не появлявшихся отдельным изданием. Когда я перечел эту книжку, то удивился легкомыслию А. П.— зачем было продавать Марксу эти рассказы. Они положительно плохи, а рассказ «Трагик» грубо тенденциозен. Это фельетончик. Я бы этот том выбросил — он недостоин автора «Чайки», «Скучной истории», «Черного монаха» и т. д. На днях я ему написал, только не об этом. Зачем делать больно?[43]

1901

4 января. 〈...〉 Получил 3-й том Мопассана с портретом и литературной характеристикой, последняя очень хорошо написана и навела меня на многие мысли [44].

Что-то общее есть у Мопассана с Чеховым: 1) избегание всякой популярности, 2) проповедование, будто он своего занятия не любит и смотрит на него как на ремесло, которое сильно ему надоело.

Больше всего меня интересует — совпадение это или А. П. Чехов прокоптился Мопассаном, как я Чеховым.

3 июня. 〈...〉 Чехов женился 25 мая — на Книппер О. Л. [45] 〈...〉

20 июня. 〈...〉 Вчера от А. П. я получил на редкость ласковое и приветливое письмо. Говорит, что он в Уфимской губернии и там ему скучновато. Спрашивает, что я теперь пишу, советует написать письмо Горбунову в «Посредник». Интересуется делом Рощаковского. Хорошее письмо [46]. Обрадовало оно меня очень. Не зазнается он, будучи *уже* великим и несомненно сознавая это. Дорога память такого человека. 〈...〉

21 августа. Пароход «Св. Николай». До Херсонесского маяка. Писать пока можно. Как я рад, что сегодня именно выехал. Только что я взял билет и вошел в салон I класса, чтобы съесть чего-нибудь, как слышу знакомый голос:

— Борис Александрович, Борис Александрович,— Оглядываюсь, никого не вижу; оглядываюсь еще, смотрю — А. П. Чехов. Поздоровались.

— А я жену вчера провожал в Москву [47].

— А я в Ялту к Татариновой [48] и вообще отдохнуть.

Разговорились об Авиловой. Он называет ее очень милой, старой знакомой [49] 〈...〉

Наверху у книгопродавца была выставлена масса открытых писем с портретами писателей. Я нарочно спросил:

— Есть портрет Чехова?

А. П. на меня зацыкал, чтобы я громко не упоминал его фамилии.

Я кивнул головой в знак того, что отлично это понимаю, и снова пошел к книгопродавцу спрашивать портрет А. П.

— Все вышли. Чехова и Сенкевича все решительно портреты проданы.

А. П. встретил какого-то старого знакомого, военного доктора, и разговорился с ним [50]. В это время студент-электротехник в синей рубахе и тужурке поверх подошел и спросил меня:

— Это не Чехов?

— Да, только, пожалуйста, не распространяйте этого — ему будет неприятно.

Студент кивнул головой, бывшая с ним девица все время рассматривала усиленно А. П.

〈...〉 когда снова пошел на палубу и заговорили о марксовском издании «Трех сестер», которое А. П. ругает, то он сказал:

— Бросьте вы говорить о литературе, ну ее, вот о крене говорили и будем.— Потом он посмотрел на швабру, которой боцман убирал палубу, и сказал: «Сколько такая штука вбирает грязи!»

Стал он расспрашивать о Военно-морском суде, но эта тема для меня была скучна. 〈...〉

3 ч. 40 м. Совсем тихо.

Сейчас опять болтал с А. П. Он отозвал меня к борту и тихо сказал:

— Я не потому не хочу говорить о литературе, что мне не интересно, а потому что кругом слушают и могут узнать меня. Скажут, что это за литераторы едут? — А Авиловой скажите, что Чехов хвастался, что раз 50 ее видел и на юбилейных обедах с ней выпивал. Так и скажите, что хвастался, и без кавычек. 〈...〉

В четыре часа пошли обедать. Пассажиров было необычайно много, обед был в две смены, и мы попали в первую — вероятно, человек 80—90 обедало.

Чехов был в хорошем расположении духа и даже выпил капельку водки.

— А потом пойдем наблюдать бешенство буфетчика, который ожидал, что будет качка, и теперь должен дать по крайней мере 50 обедов. Непременно пойдем...— несколько раз повторил он.

Подавали очень медленно. Чехов очень хвалил мне Ф. К. Татаринову и ее главного сотрудника Яковлева [51].

— Вы поезжайте прямо к Татариновой, у нее и остановитесь, вы увидите, что это за милая женщина. <...>

Когда подали барашка, Чехову попался плохой кусок с косточкой, он что-то сказал неодобрительное. Сидевшая vis-à-vis старушка вдруг протянула ему свою тарелку и сказала:

— Вот у меня мягкий кусочек, будьте добры, возьмите мою порцию, а я вашу, я люблю косточку...

А. П. на секунду смутился, потом видно было, что он понял старушку и не захотел ее лишить удовольствия сделать любезность «Чехову». Он сейчас же обменялся тарелками. Вся эта моментальная, почти незаметная сцена меня очень тронула.

В шесть часов стали подходить к Ялте и подходили, а потом выворачивались и приставали добрых полтора часа.

И меня и Чехова это ужасно злило. Пока приставали, разговаривали.

— Не пейте много водки, выпить в месяц раз-два, это еще можно,— ничто так не тормозит работы писателя, как водка, а вы теперь только начали.

Потом мы заговорили относительно моего вечного самоанализа, мешающего мне положительно жить:

— Отучайтесь от этого, это ужаснейшая вещь, очень тяжелая для самого же себя <...>

22 августа вечером. Ялта. <...> Я все наблюдал Марию Павловну. Кажется, это первая и последняя старая дева, симпатичнейшая, чем все самые красавицы дамы, девицы и барышни. Что-то прелестное есть в выражении ее глаз, что-то умное и вместе страдальческое. Как необыкновенно хороша, должно быть, она была в молодости <...> 1 сентября я встречу ее в Севастополе и буду провожать с курьерским поездом в Москву.

<...> Память у А. П. громадна, вчера он, например, спросил меня, а что сделали с матросом Мазараки, о котором я рассказывал ему два года назад.

Вчера же Чехов рассказал, что Мачтет умер от холерины <...> приступы холерины были не очень сильны, но сердце не выдержало — паралич [52].

На пароходе Чехов ужасно возмущался продажей порнографических карточек на открытых письмах.

— Вы знаете, *во Франции* даже продажа этих вещей карается уголовными законами. Эти мерзости окончательно портят вкус.

С дачи Чехов поехал с нами <...> и пошел сдавать на почту корректурные листы V тома марксовского издания [53].

Как-то мы говорили о моих отношениях с моим отцом, и я рассказал, что он лишил меня наследства в пользу моих детей и что я очень доволен, ибо ни Верушка, ни Всевочка нищими не останутся.

— И отлично, и отлично,— сказал А. П. и потом добавил: как бы я был рад, если бы кто-нибудь те деньги, которые я получил от Маркса, взял от меня раньше, а то от них уже ничего не осталось <...>

24 августа. <...> поехал к Чехову. Он вышел и сейчас же занял свою позицию на диване в нише. Вид у него был плохой, желтый он был и

грустный. У меня мелькнула тяжелая мысль, что, может быть, мы видимся в последний раз.

〈...〉 А. П. стал расспрашивать о деле Рощаковского — кто, по моему мнению, украл деньги. Я сказал, что подозреваю квартирмейстера Шульгу, у которого много было краденых вещей и который в ту ночь самовольно съезжал с «Буга» на берег. Чехов хорошо знает мать Иловайского и говорит, что у нее ровно, ровно ничего нет, чем бы она могла заплатить долги [54].

Потом перешли на К. А. Яковлева. Я сказал, что мне жаль его как молодого вдовца.

— Ну это что ж, может еще жениться,— проговорил А. П.

— По-моему нет,— не должен, у него дети есть.

— Дети не должны быть эгоистами, у отца жизнь одна, он может жениться и второй и третий раз.

〈...〉 А. П., видимо, утомился. Я собрался идти, как позвонили. Пришел Дорошевич — автор сахалинских очерков. Громадный, здоровый, весь бритый человек. Он вызывается в Одесскую судебную палату в качестве обвиняемого за клевету в печати, а А. П.— свидетелем. Дело в том, что Дорошевич упомянул где-то в своих записках, как по распоряжению одного из сахалинских администраторов нещадно был выпорот один каторжник. Чехов все спрашивал, как ему законно не явиться в суд. Я рассказал. Дорошевич откланялся. Он ехал с какой-то дамой в Алупку. Чехов пригласил его на следующий день обедать [55].

〈...〉 я попросил у А. П. «Трех сестер», давно мне обещанных, и откланялся. Вошла Мария Павловна.

— Ты устал, Антоша?

— Да.

Вид у него был очень болезненный, действительно.

Деликатен он слишком, а еще удерживал Дорошевича. Я с тяжелым сердцем ушел в этот раз от него.

Неужели не станет тебя, дорогой мой писатель 〈...〉

Еще одно. Я спросил А. П., что он думает о моих письмах, когда получает послание на 8—12 страницах.

— Ничего, читаю с удовольствием, а потом складываю в отдельную папку и все картинки берегу.

3 сентября. Ялта. Дача Чехова. Без $^1/_4$ *8 утра.*

〈...〉 Боясь опоздать на пароход, который уже давно у мола, я приехал в половине восьмого. А. П. еще спит. Я не приказал его будить, а сам сижу в саду. Ранний час еще чувствуется. Мимо дачи проезжают мажары и позвякивают бубенчиками. Изредка курлычет чеховский милый журавль, а откуда-то издалека слышна родная, дорогая моим ушам малороссийская «дівчача пісня». Поют «бідны» дівчатки с татарских табачных плантаций — эти рабыни, с которыми обращаются, как со скотом.

Я нарвал себе немножко каких-то голубых цветов, и мне хорошо.

(*Записано дальше на пароходе «В. кн. Константин»*).

В это время пришла горничная и сказала — вас зовут. Мы встретились в столовой.

— А я еще в 7 часов встал,— сказал А. П.,— зачем же вы не приказали о себе сказать?

Я поздоровался с его мамашей. И по тону голоса А. П. и по движениям я видел, что он здоров и весел, и мне было до страсти приятно его видеть, и поэтому я не ревновал его к матери, как это бывало раньше. Старушка милая и простая. Она налила мне стакан чая. Я рассказал со всеми подробностями, как я провожал Марию Павловну 〈...〉

Давно-давно я не видал А. П. таким веселым. Он расспрашивал о спектакле [56]. Что же было сказать хорошего — почти ничего.

— Вы не пишите, что худо,— сказал он.

Я сказал, что худо об Орленеве не отзывался, а только жалел, что ему пришлось играть с любителями.

— Что, он пьян был?

— Нет, но на туалете стояли какие-то бутылки. За ним все Татаринова ходит и даже арестовала его кассу, чтобы он всего не пропил,— сказал я.

— Ничего не поделает. Придет и отберет у нее деньги.

Чехов замечательно понимает Татаринову. Она много делает для артистов, литераторов и художников, но сама она ни то, ни другое, ни третье, и с этим согласиться не хочет, и в этом ее болезнь. Самой ей выступать хочется, но это невозможно:

— Вся Ялта разбежится, если узнает, что Татаринова вздумала играть.

Снова перешли к разговору об Орленеве, а потом о Достоевском. Чехов мне сообщил интересные подробности о ненависти Достоевского к Тургеневу.

— Однажды Достоевский сделал очень гадкий поступок, почти преступление, потом пошел к Тургеневу и сказал: «Вы знаете, что я вас ненавижу?» — «Знаю».— «Ну, так слушайте». И Достоевский подробно рассказал о той своей гадости, которую сделал. — Ну, к чему такие выходки,— сказал А. П.— Ах, как Достоевский испортил «Карамазовых» этими речами прокурора и защитника.

В этот день А. П. был весел и выглядел молодцом. Мне он сказал много приятных вещей,— что не считает меня чужим и всегда просит заходить запросто обедать <...>

17 сентября. <...> Позавчера я снова видел А. П. Чехова. Случилось это так. Ко мне пришел Гридин и говорит, что слыхал от знакомого, будто приехал Чехов. Я сообразил, что это 15-е число, когда он собирался в Москву. Захотелось его увидеть ужасно. Он у Шапошникова [57],— сообразил я. Пойти к Шапошникову был предлог — я ему остался должен два рубля. Пойти и отдать их. Так и сделал <...>

— А вы же говорили, что уедете в Баку, почему же не уехали? — этой фразой меня встретил А. П., и я понял, что понимать ее следует так: вы не сердитесь, что я к вам не зашел, я думал, что вы уже в Баку.— Затем разговор пошел своим порядком.

— Издавать газету может только тот, кто имеет настолько средств, чтобы перед своим домом поставить электрический дуговой фонарь,— говорил А. П.— Есть 50 тысяч годового дохода — можно издавать газету, а нет — и говорить не о чем. Поэтому такие газеты, как, например, «Ялтинский листок», должны погибнуть, да и вести ее они не умеют. Я убедился в полнейшей бездарности Яковлева. Да, у Ф. К. Татариновой большой обед был, был Орленев, Назимова,— сказал он, обращаясь ко мне.

— И вы были?

— И я был.

Улучив минуту, когда супруги Шапошниковы заговорились, я сказал А. П.:

— Да, я получил известие, что мой рассказ взяли в «Журнал для всех».

— А! Это журнал исключительный. Он сейчас имеет 50 000 подписчиков, а через год будет иметь 150 000, я в этом уверен. Там особенные условия. Он и с почтовым ведомством как-то устроил так, что за пересылку платит меньше других, и когда об этом начать говорить, то Миролюбов всегда сердится [58].

— А сколько мне там платить будут?

— А это как вы там условитесь. Мне там платят 500 р. с листа.

Потом, не помню по какому поводу, заговорили о таланте.

— Таланту подражать нельзя, потому что каждый талант есть нечто своеобразное. Мопассану, например, никогда и никто подражать не может, как бы об этом ни говорили, потому что Мопассан один, — он сам по себе.

— Как же формулировать талант? — спросил я.

— А никак. Талант есть талант,— сказал А. П.

Я не долго посидел, а отправился домой 〈...〉 и потом к отходу курьерского поезда поехал на вокзал 〈...〉

Наконец звонок. Чехов, я и Шапошниковы спокойно поднялись и пошли к вагону. Купе было № 3, а место внизу. К нашему удивлению, место внизу заняли уже два студента — один технолог, другой — гражданский инженер. Увидев претендента на нижнее место, они несколько заспорили и даже предложили А. П. перейти в следующее купе, но тот остался непреклонен. Потом, когда мы отошли, Шапошников что-то поговорил со студентами и оба они сделались кротки, как ягнята. Я уверен, что Шапошников сказал им, кто едет, но попросил не выдавать того, что они узнали.

— Теперь я научился ездить совсем без багажа,— сказал А. П., выходя из вагона на платформу.— Иногда гораздо выгоднее бывает купить вещь, чем везти ее с собою.

Лицо у него было довольное, видно было, что он рад тому, что скоро будет в Москве.

— Собственно говоря, это разврат, что студенты ездят в первом классе,— сказал я.

— Отчего же. Когда-то, будучи гимназистом старшего класса, я сидел в первом ряду,— улыбнулся Чехов,— а некоторые из товарищей были на верхах и оттуда кричали в антракте: «Антон! Чехов! Антон!»

Мы с А. П. отделились от Шапошниковых и заговорили снова о «Журнале для всех».

— Что, у Миролюбова есть чутье? — спросил я.

— Да есть, есть, только угрюмый он какой-то.

— А кто такой Сементковский?

— Сементковский — редактор «Нивы», бездарность он, большая бездарность [59]. 〈...〉

Я стараюсь записывать решительно буквально каждую фразу Чехова. Вот еще вспомнил, как он мне говорил:

— Вам непременно нужно пожить в Москве. Несколько лет пожить, а то вы совершенный провинциал. 〈...〉

23 сентября. 〈...〉 Около девяти часов утра мы были в Таганроге, на родине Чехова, и по этому случаю я чуть-чуть там не остался. Сел писать ему письмо [60] и после третьего звонка едва добежал до своего вагона. Писал я Антону о том, что со мною в одном вагоне едет армяночка — такая самая, как в его рассказе «Красавицы» 〈...〉

23 октября. 〈...〉 Сегодня я в первый раз в жизни прочел «Записки неизвестного человека» Антона Чехова [61]. Тяжелое впечатление, как после Достоевского 〈...〉

21 ноября 〈...〉 Сейчас я у А. П. Поговорили о том, о сем. Его я застал за работой. Зная, как неприятно, когда сидят в кабинете, когда рукопись на столе в ходу, я ушел... Побеседовал с его мамой, симпатичной, милой и хорошей, во многом очень похожей на него и несомненно очень умной и не мудрствующей, как большинство наших барынь 〈...〉

Хотелось бы увидеть Горького, да не хочется идти к нему, а к Чехову он сегодня вряд ли придет.

8 *ч. вечера.* А. П. угнетает мысль, что завтра будут поставлены ужаснейшей труппой «Три сестры» [62]. Поразил меня А. П. и тем, что серьезнейшим образом начал доказывать, что Бальмонт большой поэт и место его в истории русской литературы тоже большое [63]. Я не мог согласиться.

Сегодня я много разговаривал с его матушкой. Что за славная старушка! Не знал я ее раньше. И любит же она Антошу!

Завтра я пойду к нему попрощаться.

КАБИНЕТ ЧЕХОВА
В ЯЛТИНСКОМ ДОМЕ
Автолитография С. М. Чехова
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

22 ноября. 〈...〉 поехал в Аутку к А. П. Его я застал в хорошем расположении духа. Поговоришь хорошо с ним и сейчас оживаешь. Наш разговор постоянно перебивал телефон, и мне вспомнилась фраза, сказанная вчера его мамой,— как он выразился: «Мама, вы знаете, я когда-нибудь возле телефона умру».

Сегодня А. П. все еще продолжал волноваться по поводу постановки «Трех сестер» отвратительнейшей труппой.

Он спросил меня о моем отце, на что я достал «Энциклопедический словарь» Брокгауза и открыл место, где напечатана биография отца [64].

Я рассказал А. П. о дяде Феде и его жизни и смерти. На него все это произвело тяжелое впечатление, я видел это по лицу.

Шатаясь по кабинету, я стал перед камином с нарисованным на нем пейзажем работы Левитана, потом, опустив глаза от картины, я взглянул вниз,— в камине много было всякого сору, больше всего небольших бумажных кулечков с мокротой, а на одном кулечке была и кровь! 〈...〉

— А. П., скажите, в своих суждениях о литературе я — публика или не публика? — спросил я.

— Когда судите о своих, то не публика, а когда о чужих, то публика.

Вчера я спросил его, когда он в рассказе описывает сны, то чем он руководствуется — опытом своим или наблюдениями и рассказами других людей.

— Никогда я снов не описывал ни в одном рассказе.

— Позвольте, а в «Учителе словесности», а в «Гусеве»?

— Да, да, верно.

А. П. говорит, например, что уже не помнит содержания своих «Огней» [65]. Я и верю и не верю.

Я побыл недолго у него, но на душе у меня очень повеселело.

— Ну,—сказал я,—чтобы маслом каши не испортить, прощайте.

— Ну,— прощайте. Вот что, если завтра вы не уедете, то приходите часа в три.

— А что будет в три часа?

— Так приходите, ничего.

Я страшно обрадовался. Значит, ему приятно меня видеть, значит, он хочет меня видеть. А я вчера еще тревожился и мучился сомнениями, приятно или нет А. П. быть со мной.

Сегодня я между прочим сказал ему:

— Вы суровый человек, вы похожи на моего отца.

— Нет, я не суровый.

— Ну, так значит, вы сентиментальный, но боитесь эту сентиментальность показать и напускаете на себя суровость.

А. П. засмеялся.

〈...〉 Вечером Фанни Карловна с детьми все-таки были в театре, сунулся и я. Как взглянул на одного Чебутыкина, так на меня ужас напал, и я ушел. 〈...〉

23 ноября. 〈...〉 поехал к Чехову. Он уже успокоился, спектакль прошел.

В этот день он был очень оживлен, не жаловался на перебои сердца и много говорил. Мы спустились в столовую пить чай. Там сидела и его милая, милая старушка-мать. Когда А. П. вышел, она мне все жаловалась, что вот Антоша ничего не хочет есть: «Наскоро съест суп, спросит, что будет второе, и, если не нравится, уходит, а угодить ему трудно. Мяса ему нельзя, нужно или ножки, или рыбу».

— Когда и что он пишет, и не узнаешь. Боже сохрани его спросить, что ты теперь пишешь. Так, разве где-нибудь книжку его достану, то прочту, а сам не дает никогда. Все жалуется на свою бесхарактерность. Иной раз за обедом укажет на меня да и говорит: «Вот весь в эту особу я,— никому и ни в чем не могу отказать».— Бывало, студентом все что-то пишет. Кто же его знал, что он таким писателем выйдет. 〈...〉

Когда я поднялся наверх, А. П. сидел на своем любимом месте. Не помню, с чего уж разговор начался, кажется, снова съехали на Бальмонта.

— Вот тот поэт,— сказал А. П.,— которого вы вчера слыхали,— чудеснейший поэт, но Бальмонт выше. У Бальмонта свое. Нужно быть самим собой. Хоть комар да комар, а ни на кого другого не похож. 〈...〉

Рассказал А. П. о некоем Белоусове, живущем в Москве. Белоусова он ужасно любит и собирается написать его биографию, если тот умрет раньше. Белоусов и переводчик с малорусского, и оригинальные статьи пишет, но замечателен тем, что по профессии — он портной и занятия своего не оставил. Днем шьет штаны и жилеты, а вечером пишет [66].

А. П. поделился со мной своей радостью — на Рождество приезжает его жена Ольга Леонардовна.

— Скажите, А. П., отчего вас считают олимпийцем и совершенно недоступным человеком, между тем как вы — ни то, ни другое?

— Да оттого, что я никуда не показываюсь и сижу дома. 〈...〉

1902

3 января. После обеда я взял извозчика и поехал к Чехову.

Во дворе меня встретила горничная и сказала, что Марии Павловны нет дома и что она просила передавать всем приходящим, чтобы не давали повода А. П. много говорить, потому что он очень болен.

Я это все и без нее знал.

Застал я Чехова в кабинете за разборкой писем, собравшихся за год, то есть за той самой работой, которую и я так люблю делать и только на днях закончил. А. П. заметно похудел, побледнел, но на лице у него выражение было спокойное и счастливое. Я рассказал ему о своем вчерашнем

свидании с Миролюбовым. Он очень хохотал по этому поводу. Я никогда не видал, чтобы Чехов так от души смеялся. Вообще он с любовью, но и с большой иронией относится к Миролюбову.

Я передал ему, что Авилова просила передать: «Кланяется старая матушка» [67].— Чехов подумал и сказал: «А действительно, она на попадью похожа» ‹...›

Потом заговорили о Гольцеве: «В литературе беллетристической он мало смыслит,— если нет «конституции», то рассказ не годен,— но зато он ученый» [68].— Потом говорил о том, как нужно издаваться. Что Леонид Андреев стал пользоваться большой популярностью.

— А вот,— сказал А. П.,— есть такой очень талантливый человек — Куприн,— не вовремя издался и промелькнул незамеченным [69].

Я спросил его о Лоэнгрине, приезжавшем к Горькому и не принятом Чеховым [70], и рассказал, что в рождественском номере «Южного обозрения» помещен портрет Горького и Чехова тоже, который тогда еще и не обещал своего сотрудничества [71]. А. П. помолчал и сказал:

— Да, есть и такие господа, которые соглашаются с несколькими редакциями, чтобы их рассказ был помещен именно в таком-то номере и в такой-то день. Рассказ помещается, и гонорар разом берут из двух-трех редакций, а объяснение уже потом [72].

А. П. все советует мне переезжать в столицу и в столицу. На мой вопрос об его мнении, выбьюсь ли я в писатели, он ответил:

— Для этого прежде всего нужно хоть некоторое время пожить в столице ‹...›

Я сказал А. П., что не нахожу его очень больным.

— Теперь я совсем поправился, я по шести яиц уже съедаю,— сказал он многозначительно и напомнил мне одного из его героев в рассказе «Гусев», который, умирая от чахотки, говорил: «Теперь мне уже совсем лучше, я даже лежать могу!..»

Лицо у А. П. было бледное, но походка бодрая и выражение глаз веселое, доброе. ‹...›

4 января. Сегодня мы с Мисей и Верушей поехали к Яковлевым. Из их квартиры видна дача Чехова. Я не вытерпел и пошел туда через дачу графа Ностица.

Шел снег, должно быть, первый и последний раз в Ялте.

Среди графского парка искусственное озеро и там плавают лебеди. И снег белый, и они белые, а кипарисы по аллее зеленые уходят в перспективе. ‹...›

Чехов сказал, что сегодня у него ночевал Горький и что был он какой-то кислый [73].

— Хороший парень этот Горький,— добавил А. П. Хорошее настроение Чехова продолжалось.

Мария Павловна просила меня зайти в книжный магазин Синани и сказать, чтобы в половине шестого оттуда послали извозчика.

Я это исполнил. ‹...›

Звоню. Голос А. П.

— Ну что, приехал извозчик?

— Нет, но наши уже уехали.

— На чем?

— Да ко мне приехал Горький, так они на его извозчике.

Я сейчас же забыл Кулябок, к которым собирался идти, оделся, взял извозчика и помчался.

Приехал. В передней сейчас же мне бросилась в глаза барашковая, à la скуфья, шапка Горького.

Я захватил с собой ужаснейшую статью из «Московских ведомостей» под названием «Циничная проповедь бесстыдства», составляющую якобы

критический разбор романа Горького «Трое» [74]. Утром меня еще просил <А. П.> привезти эту мерзость.

Когда я вошел в кабинет, Чехов представил меня. Горький поздоровался и посмотрел, как мне показалось, очень недружелюбно на меня. Я сделал вид, что не хочу его рассматривать и не интересуюсь с ним разговором, а приехал специально к А. П—чу. Чехов взял лист газеты и вслух прочел:

— «Циничная проповедь бесстыдства».

— Это про меня? — оживляясь, спросил Горький.

— Да, да.

— Это интересно.

— Как нужно исподличаться и изолгаться, чтобы написать такую вещь,— сказал я.

— Кто это писал, Басаргин? — спросил Горький.

— Да,— ответил Чехов.

— А говорят, он очень искренний человек.

— Ну, какое там,— протянул Чехов, улыбаясь.

Потом разговор ушел в сторону. Говорили о «Восемь лет на Сахалине» Миролюбова [75]. Говорили много кое о чем.

Недружелюбный тон и взор Горького улетучились. Передо мной был такой симпатичный типичный железнодорожный рабочий в образе писателя или, скорее, наоборот.

— Если вам что-нибудь нужно, то вы не пишите, ибо на письма я не мастер,— сказал он,— а лучше приезжайте.

Я говорил о чем-то с Чеховым. Горький ходил по комнате, потом остановился и спросил А. П.:

— Что вы думаете о Толстом?

— Да вот то, что думает и Альтшуллер и другие доктора. Человек здоров, но стар и поэтому может и 20 лет прожить, может и завтра умереть [76].

Боясь стеснить и А. П. и Горького, я посидел немного и уехал <...>

В общем хороший сегодня день, и я никогда не забуду тех моментов, когда сидели втроем,— я, А. П. и Горький и говорили<...>

Я-таки исполнил свое заветное желание и сказал Горькому, что «Ярмарку в Голтве» ужасно неприятно читать, так искажены там малороссийские фразы.

— Я не знаю малороссийского языка, не знаю, может быть,— сознался он.

Чехов счел нужным вступиться:

— Я настоящий малоросс, я в детстве не говорил иначе, как по-малороссийски, и не заметил никаких неправильностей.

Но я хорошо знал и чувствовал, что А. П. говорит это по своей дивной привычке заботиться о том, чтобы никому не было неприятно.

6 января. <...> Сегодня в 1 час дня нужно отбывать повинность и идти смотреть «Лес», который Фанни Карловна уже третий раз ставит за праздники [77].

Чехов ужасно возмущался, что «Лес» ставится для народа.

— «Грозу» бы! — говорит он.

7 января. <...> Я, Веруша, Мися и Аня Татаринова были у Антона милого.

Вошли в переднюю, разделись. Веруша с места вошла в кабинет А. П. Через минуту он вышел ей навстречу:

— Здравствуй, здравствуй.

Веруша спокойно подала ему руку. А. П. взял и положил ей свою руку на голову и сказал мне:

— Ну вот ваше желание и исполнилось.

Я так и просиял. ⟨...⟩

Мы с А. П. заговорили о Горьком... Я спросил, читал ли сам Горький тот безобразный фельетон, который я третьего дня ему принес.

— Вслух читали все у Средина [78].

— Ну что же Горький?

— Ничего. Все очень смеялись, и он смеялся. ⟨...⟩

Мария Павловна должна была с нами в город ехать, но предварительно позвала всех вниз пить чай. В это время черт принес какую-то размалеванную барыню, поклонницу А. П.

Сошел вниз и А. П., в руках он нес коробку конфет. Как-то неумело поставил ее между Мисей и Верушей и сел возле меня пить из чашки чай. ⟨...⟩

Потом он ушел наверх. Я с Верушей тоже поднялись. А. П. взял ее на колени и гладил по головке.

— Как я счастлив,— сказал я.

— Да? Вот что. Давайте ей рыбий жир. Уши у нее очень тонкие. Маленькая она какая. ⟨...⟩

— Нужно вам непременно пожить в Петербурге, год, два. Иначе никогда не будете писать о том, о чем нужно. Жизнь нужно знать. И издаваться нужно тогда, когда вас свои узнают ближе.

— Кто свои?

— Ну, Горький, Потапенко и другие...

9 января. ⟨*Севастополь*⟩. ⟨...⟩ Впечатления от А. П. еще бродят в голове. Не желая ни одной секунды приблизить себя к нему как к большой величине, я все-таки не мог не заметить, как много у меня с ним общего. Боязнь высоты, на которую он мне жаловался, всегда была и моей страшной, но скрытой болезнью. Я тоже не могу перейти через док иначе, как приказав матросу держать меня под руку.

— А ведь это психоз,— говорит А. П. ⟨...⟩

18 января. Позавчера я получил письмо — ответ на это, от дорогого моего А. П., он успокаивает меня, говоря, что Миролюбов ко мне даже расположен и рад моему сотрудничеству. А. П. кланяется Веруше [79]. Милый, добрый А. П.!

1903

Уж очень интересный был этот год. Ужасно, ужасно жаль моего старого дневника, который у меня украли в Ростове. Хочется возобновить события хоть отчасти, по месяцам. Хоть главное. Не выйдет... Но лучше что-нибудь [80].

Январь. Несколько дней в Ялте. Несколько часов возле Чехова [81]. Серая погода, бурное море хлещет через мол. Помню, он поглядел в окно и сказал: «Вот в такую погоду застрелиться бы». В этот день, как и всегда в декабре и январе, он был занят разборкой писем, полученных за год. Я разглядывал книги, лежавшие на столе. Заметив небольшую брошюрку со стихами, я спросил его:

— Разве вы стихи любите?

— Иногда, да и некоторые.

Он развернул брошюрку посредине и, указав на одно стихотворение, произнес:

— Вот.

Там было написано:

Шарманка за окном на улице поет,
Мое окно открыто. Вечереет.
Туман с полей мне в комнату плывет.
Весны дыханье ласковое веет.

Не знаю, почему дрожит моя рука,
Не знаю, почему в слезах моя щека...
Вот голову склонил я на руки глубоко,
Взгрустнулось о тебе, а ты... ты так далеко.

Стихи были Федорова [82]. <...>

Апрель. Была Пасха, когда приехала труппа Мейерхольда, бывшего актером Московского Художественного театра [83]. Мы с ним близко сошлись. Это воплощенное оскорбленное самолюбие и самое утонченное декадентство. Мы часто ужинали с ним и проводили целые ночи и в ресторанах и у нас. Мейерхольд с увлечением читал бальмонтовское «Отцвели» [84] <...> Мейерхольд — один из несчастнейших людей. Искренний и истинный служитель искусства, он отбился от Художественного театра, его там заклевали, а сам не поднимется — деньги нужны.

Удивительно хорошо шли у них «Дядя Ваня», «Геншель» и особенно «Потонувший колокол» [85]. Удивительно холодно отнеслась севастопольская публика к этим актерам по призванию <...>

Мейерхольд любит Чехова, и тот его любил [86], пока Книппер не наговорила вздору <...>

Был в Севастополе проездом Горький. Был на «Мещанах», сказал, что пьеса провалена [87].

Май. Не помню, которого числа проехал Чехов [88]. Он расспрашивал на вокзале, как сошла пьеса Чирикова [89]. Он радовался, что едет в Москву, и собирался за границу, да не пришлось ему [90]. На вокзале за Чеховым ходила толпа гимназисток-восьмиклассниц и с завистью смотрела на меня.

Август. В Ялте мы пробыли двое суток. Я был у Чехова. <...>

Его вместе с Ольгой Леонардовной я застал на террасе. Мне очень не понравилось, что он не один, но делать было нечего. Влюбленный в жену, он был счастлив.

— Вы оба совсем теперь такие, как в Аксенове — на фотографии,— сказал я [91].

— Это оттого, что Антон надел такую фуражку — с плоским козырьком,— добавила Ольга Леонардовна.

Потом заговорили о смерти, сам А. П., но мягко, добродушно, и это было еще страшнее... в его устах,— желтый он.

— Страшно умирать в море...— сказал он.

— Как Гусев [92]?

— Да...

И я, и Ольга Леонардовна постарались перевести разговор на другое. Говорили о моей книге. А. П. очень хвалил еще «Доктора» [93].

Потом я ушел к Марии Павловне. Она была грустная, грустная.

— Что вы такая?

— Да отчасти из-за вас. Вы знаете, Ольга Леонардовна была против того, чтобы вас приняли [94]. Теперь уже и я вижу Антона не тогда, когда хочу, меня к нему не пускают...

— Ну что вы?

— Да, да.

— Борис Александрович, идите чай пить,— раздался снизу голос А. П.

Я подумал: он не хочет, чтобы я говорил с Марией Павловной о нем,— и спустился вниз в столовую. <...>

Когда все разошлись и мы остались вдвоем с А. П., он сказал:

— Попробуйте написать пьесу, я сам берусь провести ее в Художественный театр. Видите ли, у вас разговорный язык хороший. Вот, например, рассказы Горького гораздо сильнее ваших, но язык у него плохой разговорный,— так не говорят на самом деле, а у вас люди говорят между собою так, как это бывает на самом деле.

— Не могу я...

— Ну что там «не могу», попробуйте, непременно...

Потом говорили о Художественном театре и о Мейерхольде, и теперь А. П. уже говорил о Мейерхольде другим, неприветливым голосом [95]. Влияние Ольги Леонардовны. С ее приездом у них в доме всё и все напряжены. Словно висит что-то.

3 августа мы выехали на Одессу пароходом (из Севастополя). <...>

Не могу не записать еще одной трогательной подробности. Вечером, когда я возвращался от Чехова, мы встретились с Митей. Он сказал, что только что Чехов по телефону вызывал меня из гостиницы. Я пошел к Миролюбову, он всегда останавливается в «России», и отсюда соединился с Чеховым.

— Вы звали меня, Антон Павлович?

— Да. Вот что, я тогда постеснялся спросить вас... Да... Не нужно ли вам денег, возьмите у меня.

— Нет, нет.

— Да возьмите, что за пустяки...

— Нет, спасибо.

— Ну, как хотите.

— Спасибо, мой хороший, мой дорогой *<3 нрзб.>*.

Вот душа большая, всех лаской своей охватывающая.

В Москве <...> несколько раз я был и у милого, действительно незабвенного Ивана Павловича Чехова. Он директор Городского училища имени императора Александра II. Удивительное училище. Идеал школы. Я уверен, что в России ничего подобного нет больше.

У Ивана Павловича я видел два больших писанных масляными красками портрета А. П.— без бороды и усов он чрезвычайно, на редкость похож на Антона Рубинштейна [96] — и портрет Николая Павловича, покойного художника.

Много рассказывал мне Иван Павлович о юности А. П. В рассказе «Припадок» изображены покойные Николай Павлович Чехов, Левитан (Гаршин) и архитектор Шехтель.

Рассказ «Винт» писан Антоном Павловичем, который в винт не умеет играть, со слов. Объяснял ему значение ходов Иван Павлович [97].

Иван Павлович поражался моему знанию рассказов А. П. Чехова. Хорошее я вынес впечатление от пребывания у Ивана Павловича, дивное.

3 сентября. Точно предчувствуя, что у меня пропадет дневник, я вписал в него записки с тех листов, которые заполнил в Ясной Поляне. Дневник в Ростове погиб, а заметки, сделанные на бумаге, взятой в комнате у Льва Львовича [98], остались и помогают теперь сделать мне самые подробные записки о дне моего пребывания в Ясной Поляне.

<...> Я сказал ему <Л. Н. Толстому>, что недавно видел Чехова и очень боюсь за его здоровье. Потом сразу перешли на разговор о Чехове и Горьком. На мое замечание, что Чехов советует мне писать пьесу, Лев Николаевич особенно оживленно заговорил:

— Вот как нужно быть снисходительным ко всякого рода сильным мира сего, когда они делают и говорят глупости. Если Чехов, такой действительно умный человек, советует молодому, начинающему писателю писать пьесу только потому, что у него хороший разговорный язык в рассказах, то чего же требовать от других, менее умных? Чехов вот не понимает, что его пьесы никуда решительно не годятся.

— Но они современные очень,— сказал я.

— Этого мало. Если мы будем читать пьесу Островского, то мы увидим, что это действительно пьеса, и поймем ее, а чеховскую пьесу в чтении никто не поймет.

— Ну, а «На дне»?

— И «На дне» то же самое, это не пьеса. Зачем пишутся такие пьесы?..

— А вы, Лев Николаевич, видели вообще постановку и игру актеров в Московском Художественном театре?

— Видел «Дядю Ваню», и не понравилось мне [99].

〈...〉 Лев Николаевич очень любит рассказы Чехова.

— Я выбрал из них самые сильные и переплел в отдельную книгу,— сказал он [100].— Чехов — это маленький Пушкин [101]. 〈...〉

21 ноября. 〈...〉 Сегодня мне захотелось к Антону Чехову. Он мне снился несколько ночей подряд. Я пошел утром к ялтинскому телефону и поговорил с ним, сказал, что приеду сегодня, а он завтра собирается в Москву, и, вероятно, я завтра же с ним вернусь в Севастополь [102]. 〈...〉

Мы были у Ялты. Швартовались недолго. Лунная ночь великолепна. Я взял извозчика и полетел прямо в Аутку к Чехову.

Его я застал одного. Совсем одного в целом большом доме. Сидит в кресле возле письменного стола. Поднял голову.

— А...

Почти сейчас же он стал говорить о том, что ждет телеграммы от жены или от матери, чтобы ехать завтра в Москву, но поехать уж не придется,— вероятно, в воскресенье. 〈...〉

На столе лежала книжка «Образования», сентябрьская. Я спросил, где октябрьская.

— А, должно быть, батюшка взял [103].

— Вы читали там статью Ашешова о моей книжке [104]?

— Нет, а что?

— Да опять сравнение с вами.

— Ругать вас нужно. Вот мне все некогда, а я бы написал статью о вас... Нужно же быть самим собой. Вы то колокольчиком зазвоните, то козликом запрыгаете, и выходит это у вас удивительно хорошо, но все на разные лады. Да, да, да...— Он засмеялся ласковой улыбкой.— Пишите чепуху, какую хотите, но чтобы это была *ваша* чепуха... А вы хорошо пишете, но не по-своему.

Я подумал, что это не совсем так. «Элегия», «Доктор» — там все только *мое*.

Потом я показал А. П. мою статью о нем в «Елисаветградских новостях». Я видел, что она ему очень понравилась [105].

— Спасибо. Вот это у вас хорошо окончание: «больше говорить не о чем, да и незачем». 〈...〉

Я рассказал А. П. о своем горе с потерей дневника.

— И отлично. Совсем не нужно вести дневник.

— Да я его восемнадцатый год веду.

— Ну, а на девятнадцатый бросьте.

— Нет.

Я говорил искренне,— нет. Некоторые из моих дневников ценнее моих рассказов, я это чувствую, и несмотря на грустные и нехорошие вещи в них, со временем детям моим будут интересны.

Боясь, как и всегда, утомить Антона Павловича, я стал прощаться и сказал, что еду к Татариновой.

— Вот вы читали про Терезу Эмбер? [106]

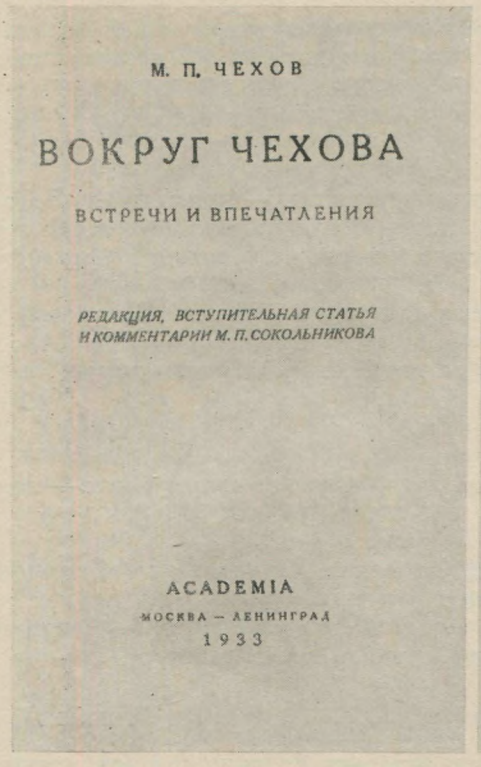
— Да.

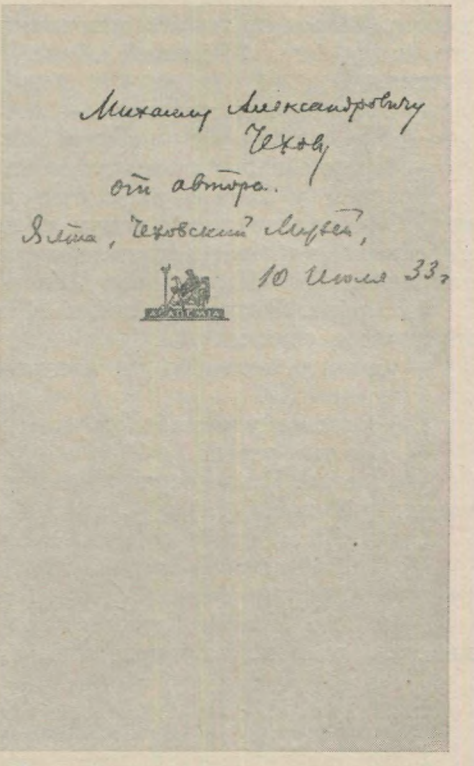
— Так вот мне Татаринова представляется такою.

Я подумал, что это не совсем так. Попрощался до завтра и уехал к Ф. К. Татариновой.

22 ноября. 〈...〉 Позавтракал со всеми и поехал к А. П.

К моей досаде, у него оказалась начальница местной гимназии и классная дама, молоденькое пухлое существо [107] 〈...〉 А. П. выглядел хорошо.





М. П. ЧЕХОВ. «ВОКРУГ ЧЕХОВА». М.—Л., 1933
Обложка и форзац с дарственной надписью: «Михаилу Александровичу Чехову от автора. Ялта, Чеховский музей, 10 июля 33 г.»
Собрание А. Н. Дубовикова, Москва

сравнительно, был весел и много шутил. Сейчас я могу записать его слова, как они были произнесены:

— Как-то я приношу рассказ в редакцию, еще молодым будучи. В. Немирович-Данченко в качестве редактора принял меня чрезвычайно сухо. Потом он мне его возвратил. Теперь этот рассказ вошел в сборник — хвалили его» [108].

Заговорили об отношениях писателей конца XIX века, о вражде Достоевского и Тургенева, Тургенева и Некрасова, о том, как они ненавидели друг друга.

— Ну и отношения тогда между писателями были,— сказала начальница.

— Да,— протянул А. П.— Теперь лучше живут. ⟨...⟩

Я спросил А. П. о Ясинском.

— На него много клеветали.

А. П. сказал, что получил письмо от Мейерхольда, что у него идет горлом кровь [109]. Он сказал, что из Художественного театра Мейерхольда никто «не выживал», а он сам себя «выжил» интригами.

Я подумал, что А. П-чу наговорила это Книппер, и ручаюсь, что это так.

— Нервный он ужасно,— продолжал А. П. о Мейерхольде.— Совсем ему не следует читать таких вещей, как Бальмонт и Пшибышевский. А он их любит.

Потом говорили о Ляпунове, который сейчас вечером должен был быть у Татариновой. А. П. очень интересовался, как его доктора лечат [110],

и просил меня узнать это доподлинно и потом телефонировать. Я спросил его, когда будет 25-летний юбилей, которого ждет так вся образованная Россия.

— Я вас всех проведу...— А. П. засмеялся.

— Ну, а юбилей Короленко [111]?

— Тоже совершенная глупость... <...>

Вечером у Татариновой был милый писатель — крестьянин Ляпунов. Он отлично читал вслух свои стихи «Пахарь» и «Сапожник», напечатанные в «Образовании». Интересный и хороший человек, недаром его так любит Лев Николаевич Толстой [112].

5 декабря. Вчера проехал в Москву счастливый Чехов. Вспомнилось мне, как я сказал:

— Самому писателю решительно не видно, хороший или дурной рассказ он написал.

Начальница удивилась и протянула:

— Ну уж разве?

— Да, да. Разве через десять лет, когда читаешь как чужое, — подтвердил Чехов. <...>

Потом А. П. много говорил о Бальмонте.

— Я был как-то у него в Париже. Он женат. И видно, что Бальмонту скучно, скучно в своей семье. Пьет он очень... [113]

8 декабря. Прочел Гарина, как советовал Чехов [114]. Гарин — большой писатель, умеющий производить очень сильное впечатление. <...>

1904

1 января. Чехов уговаривал совсем оставить дневник, но это трудно. Пишешь и точно делишься с кем. Суррогат облегчения.

3 января. Сегодня получил письмо от милого моего А. П. Чехова, пишет, что в «Курьере» есть рецензия от 29 декабря [115].

17 января. Именины Чехова, и сегодня же идет в Москве в первый раз его «Вишневый сад».

18 января. Вчера вечером я послал Чехову телеграмму, хоть вспомнит обо мне.

21 января. После обеда пришла газета московская. Прочел о «Вишневом саде». Успех средний. Надо полагать, «Вишневый сад» слишком художественное произведение и даже слишком от души писано, а там — «Москва».

25 января. Вчера я много говорил с Шапошниковым и еще раз не мог себе ответить на вопрос, что может быть общего у этого чиновника с милым, широко мыслящим А. П. Чеховым.

25 марта. Сегодня день, полный впечатлений, вернее, полный писем... От Чехова со всякими хорошими пожеланиями [116]. <...>

5 июля. Сейчас телеграмма, что умер Антон Павлович Чехов, и точно половину и моей жизни оторвали...

Это более чем страшно...

7 июля. Чехов не идет из головы. Природа перехитрила его прозорливость, я уверен, что он ждал смерти от кровоизлияния гортани, от слабости и т. д., а она его — раз и готово. Кажется мне почему-то, что смерть его была похожа на смерть Коврина в «Черном монахе». Я непременно напишу большую статью «Чехов в жизни» и начну ее приблизительно так: «Уже много лет подряд я веду свой дневник и самым ценным для других и самым дорогим для себя я считаю в нем те записи, в которых говорится о моих встречах и разговорах с А. П. Чеховым. Как о художнике я редко записывал свои мысли о нем. Эти мысли всегда были для меня вне сомнений, и рассуждать на тему об этом не было нужно. Скажу только,

что это был писатель огромной, необычайной способности понимать причины всего происходящего вокруг него, отсюда и его всеобъемлющий объективизм. Кто все понимает, тот не может сердиться, потому что все понять — значит и все простить. Часто на губах у него подолгу не сходила улыбка, когда он слышал длинные разговоры и даже споры вокруг себя. Я убежден, что улыбка эта как бы говорила: «Ах, как смешно, кто прав, а кто не прав, и возражать совсем бесполезно, как лечить глухонемого...»

Нужно еще будет там упомянуть о том, как осел Лоэнгрин иногда пытался лягнуть полубога, и не по убеждению, а за то, что тот как-то, в Ялте, осадил его холодом, который этот болван принял за высокомерие [117]. А у Чехова тогда был непрерывный понос и шла горлом кровь.

11 июля. Сегодня уже есть телеграмма о похоронах Чехова. Никак не могу представить себе его смерти, так как жив он для меня и всегда будет жить 〈...〉

Вспомнились два факта: один — как князь Долгорукий сказал, что «Вишневый сад» произвел на него впечатление, как гибель четырех «Петропавловсков» [118] 〈...〉. Затем, что 7 июля моему некрологу не хватило места (о Чехове), потому что нужно было поместить телеграмму Рейтера что ли? 〈...〉

12 августа. Закончил достаточно оригинальную статью «Мысли о смерти Чехова» [119]. Но вряд ли современным людям втолкуешь, кто был Чехов и что он сделал.

1905

12 июля. Я все думаю о тех, которые вопили о недостатке гражданственности у Чехова. Ах, слепые! Да он сделал в тысячу раз больше, чем все те, которые подделываются под Горького.

13 октября. Вспомнил я, что рассказывал мне М. П. Чехов о матросе. Чехов поминал не военного матроса, когда умирал, а сына Александра Павловича [120]. Показывал мне еще Михаил Павлович замечательную библиографическую редкость — кусочек ненапечатанной пьесы А. П. Чехова. Действие происходит в церкви... идет венчание. Все молитвы целиком. В конце врывается любовница... [121]

1906

31 января. Вспоминаю вчерашний свой разговор с В. Г. Короленко о Чехове.

— Я часто спорил с покойным Михайловским относительно выписывания Чеховым деталей, мы расходились с ним в этом. Он часто бывал неправым [122]. 〈...〉

1907

5 мая. После обеда я зашел к Книппер. Постарела она. Ум гибкий, как у Каменского. Заговорили об Л. Андрееве. Книппериха рассказала следующее:

— Как-то я сидела на диване, а Антон читал на веранде. Потом входит с книгой («Василий Фивейский») [123], подсел ко мне и говорит: «Знаешь, дуся, как я сейчас напугался, ужас как страшно стало»,— а у самого выражение лица хитрое такое, веселое, и глаз один прищурился.

4 июля. Далеко Андрееву до Чехова — душа пошире была у Антона Павловича...

5 июля. Я получил от Леонида Андреева с возвращением «Нравственности» письмо. Вот, переписываю его целиком:

«Простите, что «Борис» знаю, а как дальше — не ведаю. И то, что вчера не послал рукописи,— был занят слуга.

Мне рассказ ваш не понравился прежде всего потому, что по форме, духу и содержанию (sic — мое) он очень, слишком напоминает Чехова. И отсюда его неправдивость, ибо то, что было правдою в чеховские дни, теперь стало неправдою. Того же глубокого и большого, что делает Чехова правдивым для всех дней прошедших, настоящих и будущих,— того в вашем рассказе нет. И отсюда, при полной внешней литературности рассказа — он скучен. Не посетуйте на меня за прямоту, но хвалить в литературе то, что не нравится, я считаю очень дурным и очень вредным и для литературы, и для литераторов.

Ваш Леонид А н д р е е в»

Все письмо умно, но... «то, что было правдою в чеховские дни, теперь стало неправдою»,— этого я уразуметь не могу, ибо сущность правды в ее вечности. <...>

15 августа. Один из последних дней в Куоккала! <...> Поехал к Андрееву <...> Как-то так случилось, что мы прежде всего заговорили об Арцыбашеве, собственно об его статье о Чехове [124].

«Чехов умер вовремя». С этой фразой мне трудно было помириться. Может, Арцыбашев и прав, но это жестокая правота! Андреев же прямо возмутился.

— Он <Арцыбашев> знает это, что Чехов ничего больше в эту эпоху не создал бы? Он это знает?..

— Мне кажется и казалось, что вы не любите Чехова.

— Нет, очень люблю и, пожалуй, даже больше всех из новейшей литературы.

На душе у меня стало веселее, и к Андрееву сердце уже не задерживалось враждебно.

1908

2 июня. В четыре часа мы уехали в Москву и остановились у дочери Сергеенко, Марины Петровны Сергеенко <...> Оказывается, что она была любимицей Чехова, который даже осматривал ее и лечил. Рассказывала она, что за $^1/_2$ часа до своего венчания Чехов сидел в Большом Московском трактире с приятелями и говорил:

— Какие дураки те, которые женятся, да еще на артистках.— Потом вынул часы, поглядел и добавил:

— Мне нужно по делу.

Попрощался, поехал и повенчался с Книппер.

1910

16 января. Мария Павловна повела меня в свою комнату и с восторгом показывала мне многое множество писем Антона Павловича Чехова к ней — это целых два тома,— и вообще к семье, с Сахалина и более раннего периода. Ее лицо сияло, морщинки казались лучами солнца.

Затем она показала мне письма к Чехову, его рукой рассортированные по алфавиту, в том числе и мои: «Лазаревский Борис». Кто-то и когда будет их читать?

17 января. Именины Антона Павловича Чехова. Это были действительно именины всей Москвы и всей России. Я попал на Новодевичье кладбище вовремя. Возле могилы только что началась панихида. Стояли Книппер, Мария Павловна и Иван Павлович — совсем Антон Павлович издали, да и вблизи. <...>

18 февраля. Обедал у добрейшего библиографа Петра Васильевича Быкова, принимали меня там, как знаменитость: пять блюд, все барышни приоделись, осветили всю квартиру.

Старуха Быкова рассказывала, как у них обедал Чехов и когда пришел, то Петра Васильевича дома не было и лампы не были зажжены.

Рассказывал Быков, что Чехов в этот день произнес фразу:

— Ей богу же, я ни одного из своих рассказов не выдумал, а брал их из жизни [125].

9 июня. Последний день в Ялте долго не забудется 〈...〉 Мы с Всевой поехали попрощаться с Чеховыми. Мария Павловна была как-то особенно ласкова и внимательна. Мы долго сидели с ней в кабинете А. П. и в его спальне. Хорошо говорилось.

Поразило одно меня — Мария Павловна сказала, что Антон Павлович часто влюблялся 〈...〉

Еще и еще говорили о письмах Антона Павловича.

ПРИМЕЧАНИЯ *

[1] 26 августа 1899 г. в севастопольской газете «Крымский вестник» появилась анонимная рецензия на первую книгу Лазаревского («Забытые люди. Очерки и рассказы». Одесса, 1899): «Внешний вид ее весьма недурен, но далеко нельзя сказать того же о ее внутреннем содержании 〈...〉 шаблонные темы, скучные герои, еще более шаблонные описания». В тот же день Лазаревский послал свою книгу Чехову и написал ему первое письмо:

«Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Сегодня я послал вам книжку своих рассказов, этим мне хотелось хоть как-нибудь выразить и любовь и доверие, которые всегда чувствую к вам.

Может, я поступил бестактно, так как не знаком с вами и рассказы-то мои неважные. Но мне так хотелось, чтобы вы прочли, особенно после сегодняшней заметки в «Крымском вестнике», № 220. Заметка, может, написана пропорционально достоинству рассказов, только видно, что г. критик или не читал их или читал очень плохо, так как нигде никакого начальника станции я не выводил, нет в моих рассказах и чахоточного офицера. А что о паровозных машинистах не думают и почти не пишут, так это правда, а делают они много и спасают от смерти многих, иногда и не подозревающих о ее близости людей. Зачем г. критик заканчивает свою заметку нелепыми стихами «У попа была собака»,— я не знаю.

Но на душе тяжело ужасно.

Дорогой Антон Павлович, скажите мне, как добрый и честный человек, права ли редакция «Крымского вестника» с г. Спиро во главе, говоря, что все рассказы можно свести к вышеупомянутой песенке, которую ни один студент, вероятно, не пел?!.. Что делать? Неужели не писать ничего, что иногда так волнует?.. Думаю, что вы ответите мне.

Пишу по адресу вашему прошлогоднему, не зная точно настоящего.

Всегда любящий и уважающий вас

Бор. Лазаревский

$18\frac{26}{VIII}$ 99 г.»

[2] На эту мысль Чехова натолкнуло содержание рассказов «Депо» и «Сходство». Летом 1896 г. Лазаревский-студент действительно служил на железной дороге помощником машиниста.

[3] Белов, Кубович — персонажи рассказа «Депо».

[4] Сергей Васильевич *Максимов* (1831—1901) — писатель-этнограф; в сентябре 1899 г. находился в Ялте. Возможно, что Чехов говорил не об адресе, а об адресах для рассылки воззвания о помощи туберкулезным больным (см. примеч. 14).

[5] О Мустафе см. письмо Чехова М. П. Чеховой от 10 февраля 1899 г. (*ПССП*, т. XVIII, с. 75).

[6] 29 сентября 1899 г. Чехов писал Лазаревскому: «...у меня стучат плотники, очень шумно, писать негде, и я поневоле должен быть краток» (*ПССП*, т. XVIII, с. 233). Фотография с надписью Чехова Лазаревскому неизвестна.

[7] В этом письме (на первой странице его нарисована виньетка — украинский деревенский пейзаж) Лазаревский писал: «Много думаю и о вас, почему я вас так люблю... Знаете как — так, как Катя в вашей «Скучной истории» любила профессора того. 〈...〉 всякое мое письмо к вам портится боязнью: 1) намногословить и 2) показаться в ваших глазах смешным. А кратким быть трудно, так как нет почти явления, видя

---

* В дневнике встречаются имена знакомых, сослуживцев и родственников Лазаревского — сведения о них не даются.

которое, я не думаю: а как бы его нарисовал Чехов? Симпатично ли оно ему или нет? <...> Все, что вы говорили со мной, для меня интересно и денно, но я до сих пор не могу согласиться с одной вашей фразой, что рассказы «нужно как блины делать», но сказали вы это с улыбкой...»

[8] Начальница Ялтинской женской гимназии Варвара Константиновна Харкеевич (? — 1932). Фотографию Чехова, подаренную ей, см. наст. том, с. 302.

[9] Река Истра в Бабкине, где Чехов жил летом в 1885—1887 гг.

[10] Акварель И. Н. Потапенко «Вид из окна».

[11] Карикатура художницы А. А. Хотяинцевой, изобразившей себя на этюдах.

[12] Лазаревский ошибся — это был этюд П. А. Сергеенко «Хутор». Историю его появления в кабинете Чехова см.: «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте». М., 1937, с. 69—70.

[13] «Панама» — нашумевший судебный процесс во Франции (1892—1893), возникший в связи с крахом акционерного общества, основанного для сооружения Панамского канала. В 1899 г. интерес к этому делу возродился в связи с энергичными мерами, предпринятыми США с целью монополизировать права на будущий канал и форсировать его постройку.

[14] Чехов рассылал сочиненное им и отпечатанное в типографии воззвание, в котором призывал к сбору средств на постройку санатория для приезжающих в Ялту туберкулезных больных (не только для «людей искусства», а для всех нуждающихся).

[15] Чехов смотрел водевиль «Медведь» в Воронежском театре 3 февраля 1892 г. При переиздании водевиля (А. П. Чехов. Пьесы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1897) он в четырех местах снял слово «турнюр», но выражение «турнюрная логика» осталось в этом и в более поздних изданиях.

[16] В 1899 г. вышла книга Л. Мельшина <П. Ф. Якубовича> «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», т. 1 (2-е изд.) и т. 2. Ср. оценку Мельшина в письме Чехова к Л. А. Авиловой от 9 марта 1899 г.: «...это большой, не оцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал» (*ПССП*, т. XVIII, с. 107). В 1896 г. Чехов послал Мельшину, находившемуся на поселении в Кургане, свою книгу «Остров Сахалин» с надписью: «Петру Филипповичу Якубовичу от его почитателя, искреннего друга его симпатичной книги Антона Чехова. 96 21/XI (*ЛН*, т. 68, с. 292). В ответ Якубович послал Чехову книгу «В мире отверженных» (т. 1, СПб., 1896) с надписью: «Уважаемому писателю Антону Павловичу Чехову, в знак искренней признательности за сердечный и ободряющий привет от автора» (сб. «Чехов и его среда», Л., «Academia», 1930, с. 359). 19 ноября 1898 г. Якубович послал Чехову второй том своей книги с краткой надписью (там же).

[17] Как следует из приведенной фразы, это был рассказ «В овраге» («Жизнь», 1900, № 1). Лазаревский не понял Чехова, думая, что речь идет о двух рассказах.

[18] Л. Н. Толстой тяжело заболел 21 ноября 1899 г. в Москве. В конце месяца здоровье его улучшилось, но Чехов не знал об этом (см. его письмо к М. П. Чеховой от 1 декабря 1899 г. — *ПССП*, т. XVIII, с. 271).

[19] С адвокатом Николаем Платоновичем Карабчевским (1851—1925) Чехов встречался в Москве и в Ялте.

[20] Об отношении Чехова к делу Дрейфуса и к выступлению в его защиту Эмиля Золя см. наст. том, с. 317, прим. 65.

[21] И. И. Левитан был у Чехова с 24 декабря 1899 г. до 5 января 1900 г. О пейзаже, написанном им на камине ялтинского кабинета, Чехов писал О. Л. Книппер 2 января (*ПССП*, т. XVIII, с. 293).

[22] Вероятно, повесть «На уроке» (см. примеч. 28).

[23] Этот оттиск из *РМ* (1899, № 12) неизвестен.

[24] В тот же день, 5 января 1900 г., Лазаревский писал Чехову об этом чтении: «Читали поочередно, чтобы не устать. Я думал, что слушателям, помощникам капитана, не понравится. Понравилось, и поняли, хорошо поняли, что хотя этого, может, и не было, но это правда <...> Когда я кончил читать, помолчали, потом еще раз сказали, что это сама жизнь, и рассказали несколько случаев. И хорошо стало мне среди этих мало знакомых людей».

[25] В дневник вклеена вырезка со статьей: «О г. Потапенко и г. Буренине» (по поводу появившейся в «Новом времени» статьи Буренина, в которой он нападает на Потапенко за его новую повесть «Встреча»).

[26] Это письмо Чехова к И. Н. Потапенко неизвестно.

[27] С 7 по 13 января 1900 г. Лазаревский производил в Батуме следствие по делу о гибели «шести нижних чинов» на канонерской лодке «Уралец».

[28] Письмо от 30 января 1900 г. (*ПССП*, т. XVIII, с. 320). О повести «На уроке» Чехов написал В. А. Поссе, редактору журнала «Жизнь», 5 февраля (там же, с. 325). Как видно из письма Лазаревского к Чехову от 23 февраля 1900 г., повесть была ему возвращена.

[29] Письмо от 26 февраля 1900 г. Оно вклеено в дневник Лазаревского; большая часть первого листа вырезана и остается неизвестной (не хватает именно «подробного анализа техники»). Впервые было напечатано (по копии, без указания на недостающую

часть) в *Письмах Чехова* (т. VI) и в том же виде перепечатано в *ПССП*, т. XVIII, с. 341. Лазаревский цитирует слова Чехова неточно. Рассказ «Машинист» был впервые опубликован в сборнике Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1903).

[30] Письмо от 2 апреля 1900 г (*ПССП*, т. XVIII, с. 359).

[31] Чехов приехал в Севастополь на гастроли Московского Художественного театра 10 апреля 1900 г. В этот день ставили «Дядю Ваню». «Первый акт был принят холодно. К концу успех вырос в большую овацию. Требовали автора. Он был в отчаянии, но все же вышел» (К. С. Станиславский. Собр. соч., М., 1958, с. 341).

[32] М. Ф. Андреева (Желябужская) исполняла в «Одиноких» роль Кэт, В. Э. Мейерхольд — роль Иоганна Фокерата.

[33] О. Л. Книппер исполняла роль Анны Мар.

[34] Адрес артистам Художественного театра от севастопольской публики был поднесен 13 апреля 1900 г. (ныне хранится в Музее МХАТ).

[35] По-видимому, рассказ «Машинист» (см. примеч. 29).

[36] Был ли окончен рассказ «Калека», неизвестно. Сохранилось только его начало в черновой недатированной рукописи (ГБЛ, ф. 331. 1.7). Этот рассказ Чехов хотел дать в «Неделю» или в «Книжки Недели». 12 августа 1900 г. ему писал редактор этих изданий М. О. Меньшиков: «Что с «Калекой»? Жду не дождусь, уже начинаю тревожиться»; 1 сентября он запрашивал Чехова об этом рассказе телеграммой, а 13 сентября просил «написать хоть кратко, в каком положении рассказ» (ГБЛ, ф. 331, 51.55). 17 сентября Чехов ответил: «...все сие время, то есть почти весь сентябрь, я был нездоров и ничего не делал ‹...› Вам пришлю, тщусь прислать повесть и пришлю к ноябрю» (*ПССП*, т. XVIII, с. 394). Рассказ к этому времени не был готов, а 20 марта 1901 г. Меньшиков сообщил Чехову, что издание «Недели» прекращается.

[37] В первый раз М. П. Чехова пыталась попасть в Училище живописи, ваяния и зодчества, вероятно, в 1883 г. Позднее, в конце 1890-х годов она занималась в вечернем классе Строгановского училища и в частной студии, в которой преподавали В. А. Серов и К. А. Коровин.

[38] Французский писатель Селин сообщал: «Из того, что рассказывал покойный Борис Александрович ‹Лазаревский› о Чехове, вспоминаются некоторые мелочи. Как-то при Чехове говорили о разных супружеских парах. Такие-то живут хорошо, такие-то ссорятся, эти несчастливы, те счастливы... Чехов задумчиво заметил:

— Ничего нельзя знать... Счастливы ли муж и жена, известно только им да господу богу. Больше никому» («Последние новости». Париж, 1936, 1 октября).

[39] В дневник вклеено письмо: «Милостивый государь! Лев Николаевич благодарит вас за присылку вашей книги и считает ее написанной хорошо. На вопрос же ваш относительно издания еще двух рассказов, по его словам, можете ответить только вы сами. С. С. Ясная поляна. Июнь 1900 г.»

[40] Письмо от 29 августа 1900 г.

[41] Это письмо Чехова неизвестно.

[42] Этот слух был ложным — см. примеч. 45.

[43] Письмо от 24 ноября 1900 г.

[44] «Собрание сочинений Г. Мопассана (в трех томах)», т. III. Перевод с французского П. Д. Доброславина. Вступ. статья Рене Душана. Киев, 1900.

[45] В дневник вклеена газетная вырезка — сообщение о состоявшейся в Москве 25 мая 1901 г. «свадьбе А. П. Чехова и О. Л. Книппер».

[46] Это письмо, от 14 июня 1901 г. из Аксенова Уфимской губ., см.: *ПССП*, т. XIX, с. 102. О деле Рощаковского см. примеч. 54.

[47] О. Л. Книппер пробыла в Ялте с 9 июля до 20 августа 1901 г., Чехов провожал ее до Севастополя.

[48] Фанни Карловна *Татаринова* (1863—1923) в 1901 г. издавала газету «Ялтинский листок».

[49] С писательницей Лидией Алексеевной *Авиловой* (1864—1943) Чехов познакомился в 1889 г. Ее воспоминания («А. П. Чехов в моей жизни») см.: «Чехов в воспоминаниях современников». М., 1960.

[50] Военный доктор — А. С. Шишков. В этот день, на пароходе «Св. Николай» Чехов подарил ему свои «Рассказы» (СПб., 1901) с надписью: «Александру Семеновичу Шишкову на добрую память о нашей встрече на пароходе «Николай», 21 августа 1901 г. в Севастополе и Ялте. Антон Чехов» (*ЛН*, т. 68, с. 291).

[51] К. А. Яковлев — сотрудник газеты «Ялтинский листок», позднее зять Ф. К. Татариновой.

[52] Григорий Александрович *Мачтет* (р. 1852) умер в Ялте 14 августа 1901 г.

[53] Это была, по-видимому, запоздавшая корректура рассказа «Хорошие люди» — не для V, а для VI тома «Полного собрания сочинений» Чехова, изд. А. Ф. Маркса.

[54] Дело лейтенанта Рощаковского слушалось в Севастопольском военно-морском суде в мае 1901 г. Рощаковский, плававший в должности ревизора на минном транспорте «Буг», заявил, что у него похищены казенные деньги, которые он хранил в своей каюте. Виновный не был обнаружен. Рощаковский высказал подозрение, что в краже повинен мичман Иловайский. Возмущенный Иловайский ударил его по лицу. Дело

кончилось дуэлью, на которой Иловайский был убит. Чехов интересовался этой историей, потому что хорошо знал семью Иловайских: он познакомился с ними в Воронеже в 1892 г.; позднее Иловайские переехали в Ялту, и в 1898 г. Чехов жил у них на квартире. Несколько писем его к К. М. Иловайской обнаружено в Лондоне в 1965 г. (см.: «Книга», вып. 13. М., 1966).

[55] Писатель Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) весной 1897 г. ездил на Сахалин. В конце 1897 г. в «Одесском листке» печатались его сахалинские очерки. Отдельное издание их — «Сахалин. (Каторга)», ч. I—II. М., 1903. В одном из очерков Дорошевич сообщил, на основании рассказов каторжан, о неблаговидной деятельности смотрителя дуйской тюрьмы А. С. Фельдмана. Фельдман, живший с 1891 г. в Херсоне, объявил это сообщение клеветой («Новороссийский телеграф», 1897, № 7321, 2 декабря). Началось судебное дело, которое длилось несколько лет и закончилось оправданием Дорошевича. Дорошевич обращался к Чехову с просьбой выступить свидетелем на суде не только в августе 1901 г., но и ранее — в апреле 1900 г., однако Чехов от участия в судебном разбирательстве уклонился (*ЛН*, т. 68, с. 231).

[56] 2 сентября 1901 г. в зале ялтинского Общественного собрания состоялся спектакль труппы П. Н. Орленева. Поставлены были четыре картины по роману Достоевского «Братья Карамазовы» (инсценировка К. Д. Дмитриева). Орленев исполнял роль Мити, А. А. Назимова — Грушеньки, В. М. Бежин — Алеши. Анонимная рецензия Лазаревского на этот спектакль напечатана в газ. «Ялтинский листок», 1901, № 88, 5 сентября.

[57] Александр Константинович *Шапошников*, служащий Севастопольского банка,— знакомый Чехова.

[58] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель «Журнала для всех», выходившего в Петербурге в 1896—1906 гг.

[59] Ростислав Иванович *Сементковский* (1846—1918) — редактор (до ноября 1904 г.) журнала «Нива» и «Ежемесячных литературных приложений» к нему.

[60] Письмо от 23 сентября 1901 г.

[61] «Рассказ неизвестного человека».— А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. VI, СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1901.

[62] 22 ноября 1901 г. в зале ялтинского Общественного собрания шел спектакль «Три сестры» в исполнении труппы Московского товарищества русских драматических артистов под управлением И. А. Добровольцева. Об этом спектакле Чехов писал О. Л. Книппер 24 ноября: «Здесь, в Ялте, шли «Три сестры» — отвратительно! Офицеры были с полицейскими погонами. Маша говорила хриплым голосом. Сбор был полный, но публика ругала пьесу отчаянно» (*ПССП*, т. XIX, с. 175).

[63] 7 мая 1902 г. Чехов писал К. Д. Бальмонту: «Вы знаете, я люблю ваш талант и каждая ваша книжка доставляет мне немало удовольствия и волнения» (*ПССП*, т. XIX, с. 281).

[64] Александр Матвеевич *Лазаревский* (1834—1907) — украинский историк. См. о нем: Брокгауз — Ефрон. Энциклопедический словарь, п/т 33.

[65] Рассказ «Огни» впервые напечатан в журнале «Северный вестник» (1888, № 6). В Полное собрание сочинений Чехов его не включил.

[66] Иван Алексеевич *Белоусов* (1863—1929) — поэт, переводчик Шевченко, член «Среды». См. о нем: Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1958 (глава «Портной Белоусов и профессор Грузинский»).

[67] В письмах к Л. А. Авиловой Чехов часто называл ее «матушкой».

[68] Редактор «Русской мысли» Виктор Александрович *Гольцев* (1850—1906), юрист по образованию, вел в своем журнале отдел «политического обозрения». Ему принадлежит ряд книг по истории государственного права, а также по вопросам литературы и искусства. Чехов был с ним в дружеских отношениях, высоко ценил его эрудицию юриста, но к литературным взглядам Гольцева относился весьма скептически (ср.: *ПССП*, т. XIV, с. 62, 71, 76).

[69] Очевидно, Чехов имел в виду первую книгу А. И. Куприна «Миниатюры (Очерки и рассказы)». Киев, 1897. Автор подарил ее Чехову с надписью «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову с чувством большой робости автор. Одесса, 1901, 13 февраля» (сб. «Чехов и его среда», Л., «Academia», 1930, с. 246).

[70] Лоэнгрин — псевдоним одесского журналиста Петра Титовича *Герцо-Виноградского* (1867—1921), сотрудника газет «Южное обозрение» и «Одесские новости». Однако в этот раз к Чехову приезжал, вероятно, не он, а заведующий редакцией «Южного обозрения» Изгоев (А. С. Ланде); 13 декабря 1901 г. он писал Чехову: «10 декабря в седьмом часу вечера, возвращаясь от Горького из Олеиза, я заехал к вам, но ваша прислуга так убедительно заявила мне, что «Антон Павлович, *ей-богу*, болен, лежит в постели», что у меня не хватило духу настаивать и я уехал, не оставив карточки» (ГБЛ, ф. 331.40.50).

[71] В рождественском номере «Южного обозрения» (1901, № 1691, 25 декабря), в объявлении о подписке было помещено пять портретов писателей — будущих сотрудников «Южного обозрения». В их числе были Чехов и Горький. Сообщение о согласии Чехова сотрудничать в этой газете было опубликовано только 8 января (№ 1701): «А. П. Чехов изъявил свое согласие принять участие в «Южном обозрении» и обещал

в непродолжительном времени прислать свой рассказ». Однако рассказы его в этой газете не появлялись.

[72] Это были, по-видимому, не совсем точно понятые слова Чехова о «синдикате частных газет», о котором Изгоев писал ему 13 декабря 1902 г.: «...наша редакция поручила мне пригласить вас хоть изредка сотрудничать в «Южном обозрении» (...), меня обнадеживают два обстоятельства: 1) Владимир Галактионович Короленко и М. Горький (...) обещали фактическое сотрудничество. Алексей Максимович Пешков, вероятно, сообщал вам о своеобразном «синдикате частных газет» Поволжья, решившихся совместно печатать в один и тот же день произведения крупных писателей. При помощи этого соглашения сразу достигается несколько целей: 1) произведения писателей находят сразу большую демократическую аудиторию, по численности значительно превышающую журнальную; 2) при необременительности гонорара для каждого издания в отдельности, в общем, однако, получается сумма, достаточная для оплаты произведений известных писателей; 3) участие крупных имен в газетах идейных дает им возможность бороться с коммерческими спекулятивными изданиями, которых немало и в провинции. (...) «Южное обозрение» решило примкнуть к поволжскому союзу. Предлагая поэтому сотрудничество вам у нас, мы вместе с тем предлагаем сотрудничество в целом ряде изданий, участие в которых, во всяком случае, не может быть для вас компрометирующим» (ГБЛ, ф. 331. 40.50).

[73] 3 января 1902 г. Чехов писал О. Л. Книппер о «мрачном настроении» приехавшего к нему Горького (*ПССП*, т. XIX, с. 213).

[74] 29 декабря 1901 г. в «Московских ведомостях» (№ 358) была напечатана статья А. Басаргина (псевд. Ал. И. Введенского) «Циничная проповедь бесстыдства. «Трое» М. Горького.— Рассказы, том V».

[75] Книга И. П. Миролюбова (псевд. И. П. Ювачева) «Восемь лет на Сахалине» (СПб., изд. А. С. Суворина, 1901). С ее автором, политическим ссыльным, Чехов встречался на Сахалине в 1890 г.

[76] О том же Чехов писал П. А. Сергеенко 29 декабря 1901 г. (*ПССП*, т. XIX, с. 208).

[77] Ф. К. Татаринова ставила «Лес» Островского. Это был любительский спектакль в пользу Ялтинского благотворительного общества.

[78] Леонид Валентинович *Средин* (1860—1909) — ялтинский врач, близкий знакомый Чехова и Горького.

[79] Письмо от 12 января 1902 г. (*ПССП*, т. XIX, с. 218).

[80] Неизвестными остаются дневники Лазаревского с апреля 1902 г. до ноября 1903 г. Записи за январь — ноябрь 1903 г. он пытался восстановить по памяти. В утерянной части дневника был, вероятно, записан разговор с Чеховым об опечатках, о котором Лазаревский сообщил в своих воспоминаниях:

«Я не знаю лично и никогда не слыхал ни об одном авторе, на которого бы опечатки производили такое гнетущее впечатление. Все лицо Чехова сразу тускнело, и он начинал ругать и корректора, и типографию, и редакцию. И настроение пропадало надолго.

В прелестной, удивительной «Степи», в марксовском издании, Антон Павлович увидал один из таких перлов и ужаснулся.

Священник о. Христофор молился «и намеренно громко, чтоб другие крестились, говорил трижды:

— Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!

Наконец, он улыбнулся, поглядел вверх на небо и, кладя псалтырь в карман, сказал:

— Fini!»

Так и напечатано. Наборщик и корректор приняли латинское *s* за восклицательный знак, и вышло, что православный священник ни с того, ни с сего после «аллилуя» произнес французское слово, да еще многозначительно, с восклицательным знаком.

Все это обнаружилось уже после того, как книга вышла отпечатанная в огромном количестве экземпляров.

— Точно в меня выстрелили,— рассказывал потом Чехов» (Борис Лазаревский. Сильный человек.— «Новый журнал для всех», 1909, № 9, с. 77—78).

[81] Лазаревский был у Чехова 5 января 1903 г.

[82] Из книги А. М. Федорова «Стихотворения» (СПб., изд. О. Н. Поповой, 1903), полученной Чеховым от автора с надписью: «Одному из самых любимых моих писателей — Антону Павловичу Чехову от преданного ему всей душой А. Федорова. Одесса, 12 декабря 1902 г.» («Чехов и его среда». Л., «Academia», 1930, с. 303). Это стихотворение Чехов послал О. Л. Книппер в письме 17 декабря 1902 г. (*ПССП*, т. XIX, с. 394).

[83] В. Э. Мейерхольд ушел из Московского Художественного театра вместе с артистом А. С. Кошеверовым. Они организовали труппу русских драматических артистов, которая в 1902—1904 гг. работала в Херсоне (с 1903 г. называлась «Товарищество русской драмы»). В Севастополе труппа гастролировала с 7 апреля по 6 июня 1903 г.

[84] Стихотворение К. Д. Бальмонта «Отцвели» в его сборнике «Горящие здания. Лирика современной души». М., 1900.

[85] «Геншель» и «Потонувший колокол» — драмы Г. Гауптмана.

[86] Позднее драматург А. К. Гладков записал слова В. Э. Мейерхольда: «Чехов меня любил. Это гордость моей жизни, одно из самых дорогих воспоминаний» (А. Гладков. Реплики Мейерхольда.— «Театральная жизнь», 1960, № 5, с. 21). Личные и творческие связи Чехова и Мейерхольда прослежены в статье Э. А. Полоцкой «Чехов и Мейерхольд» (*ЛН*, т. 68).

[87] Спектакль «Мещане», поставленный труппой Мейерхольда, состоялся в присутствии автора, приехавшего в Севастополь, 19 апреля 1903 г.

[88] Чехов был в Севастополе проездом в Москву 22 апреля 1903 г.

[89] Пьеса Е. Н. Чирикова «Во дворе во флигеле» была показана труппой Мейерхольда в Севастополе 18 апреля 1903 г.

[90] Чехов предполагал провести лето 1903 г. в Швейцарии, но по совету профессора Остроумова поселился на даче под Москвой.

[91] Фотография — Чехов и Книппер на крыльце дома в Аксенове (Уфимская губ., 1901); воспроизведена в *ПССП*, т. XIX.

[92] Герой одноименного рассказа Чехова.

[93] Книга Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1903) была послана Чехову 24 июля 1903 г. с надписью: «Я не знаю, что написать вам, дорогой Антон Павлович, но одна мысль, что вы будете читать эти рассказы,— дает большое счастье. 1903.VII. 24» (сб. «Чехов и его среда», с. 248). 28 июля Чехов писал Лазаревскому: «Рассказы однотонные, трудно сказать, какой из них лучше, но если долго выбирать, как выбирают, например, папу (римского), то я остановился бы на «Докторе» 〈...〉» (*ПССП*, т. XX, с. 121).

[94] Вероятно, это было вызвано тем, что О. Л. Книппер знала, как посещения Лазаревского утомляли Чехова. 21 ноября 1901 г. Чехов писал ей: «Каждый день что-нибудь мешает жить и писать; сегодня, например, с утра явился Лазаревский (писатель в морской форме) и сидит, сидит, мучительно сидит, и неизвестно, когда его унесет нелегкая»; на другой день снова: «Сегодня нет письма от тебя, радость моя. Поэтому я не в духе. И оттого, что опять был Лазаревский» (*ПССП*, т. XIX, с. 173, 174). Книппер писала Чехову 25 ноября 1901 г.: «Гони скучных людей, вроде Лазаревского» («Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер», т. II. М., 1936, с. 101).

[95] Некоторую перемену в отношении к нему Чехова заметил и Мейерхольд. 1 сентября 1903 г. он писал ему: «Дорогой Антон Павлович! Мне кажется, что вы за что-то сердитесь на меня. Скажите откровенно. Почему так кажется? Вот вы ответили Лазаревскому на наше послание (фотографическая карточка), а мне ни строчки. Мне очень больно. 〈...〉» (*ЛН*, т. 68, с. 445). Ответ Чехова на это письмо неизвестен. Но уже 23 сентября Мейерхольд писал ему: «Я так рад, что вы не сердитесь. Простите, что я высказал вам свое подозрение» (там же, с. 446).

[96] Это были, вероятно, портреты молодого Чехова, написанные И. И. Левитаном и Н. П. Чеховым (ныне находятся в Доме-музее А. П. Чехова в Москве). Большое сходство молодого Чехова с А. Г. Рубинштейном отмечал также А. С. Лазарев-Грузинский в письме к Н. М. Ежову от 13 февраля 1888 г. (ЦГАЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 7).

[97] Рассказ «Винт» (в первой публикации назывался «Новинка (вниманию гг. винтеров)».— «Осколки», 1884, № 39, 29 сентября) был написан в начале сентября 1884 г. И. П. Чехов вспоминает, как, приехав из Воскресенска, рассказывал, что в их уезде все играют в винт: «Антон Павлович заинтересовался. Кому-то пришла фантазия масти назвать министерствами. А. П. сел за стол и написал рассказ. Но Лейкин рассказ возвратил: нецензурно. Пришлось переделать и масти назвать казенной палатой, губернским правлением и т. п. В таком виде рассказ прошел» («Русское слово», 1910, № 13, 17 января).

[98] Лев Львович — сын Л. Н. Толстого.

[99] Л. Н. Толстой смотрел в Художественном театре «Дядю Ваню» 24 января 1900 г. Об этом вспоминает А. А. Санин в письме к Чехову от 12 марта 1900 г. (*ЛН*, т. 68, с. 873).

[100] 25 мая 1903 г. сын Толстого Илья Львович писал Чехову, что Лев Николаевич отметил и разделил его рассказы «на два сорта». К первому сорту отнесены: «Детвора», «Хористка», «Драма», «Дома», «Тоска», «Беглец», «В суде», «Ванька», «Дамы», «Злоумышленник», «Мальчики», «Темнота», «Спать хочется», «Супруга», «Душечка». Ко второму сорту— «Беззаконие», «Горе», «Ведьма», «Верочка», «На чужбине», «Кухарка женится», «Канитель», «Переполох», «Ну, публика», «Маска», «Женское счастье», «Нервы», «Свадьба», «Беззащитное существо», «Бабы» (ГБЛ, ф. 331. 60.45).

[101] В письме к Чехову от 5 сентября 1903 г. и затем в своих воспоминаниях Лазаревский передал этот отзыв Толстого в иной редакции: «Чехов — это Пушкин в прозе»; 20 октября 1904 г. он писал В. С. Миролюбову: «Когда в сентябре 1903 г. я был в Ясной Поляне, то Л. Н. сказал мне о Чехове так: «Чехов — это Пушкин в прозе» (ИРЛИ, ф. 185, № 700). Вал. Сперанский также вспоминает слова Толстого: «Талант Чехова я ставлю гораздо выше собственного. Только Чехов создал новый, собственный тип письма. Чехов умеет одним словом выразить то, что другие не скажут и целыми страницами. Чехов — это Пушкин нашей прозы» («Речь», 1915, № 307, 7 ноября). 3 сентября 1903 г., в день пребывания Лазаревского в Ясной Поляне, Толстой записал в дневни-

ке: «Разговаривая о Чехове с Лазаревским, уяснил себе, что он, как Пушкин, двинул вперед форму. И это — большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54. М., 1959, с. 191).

[102] В этот же день Чехов писал О. Л. Книппер: «Только что меня позвали к телефону: говорил Лазаревский из Севастополя; сообщил, что вечером приедет ко мне, пожалуй, останется ночевать, и опять я буду злиться» (*ПССП*, т. XX, с. 188).

[103] Вероятно, ялтинский священник С. Н. Щукин, с которым Чехов был близко знаком.

[104] Рецензию Н. П. Ашешова на книгу Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1903) см.: «Образование», 1903, № 10.

[105] В газ. «Елисаветградские новости» (1903, № 4, 18 ноября) напечатана статья Лазаревского «О направлении в творчестве Чехова». Автор защищал Чехова от рецензентов, упрекавших его в объективизме. «После прочтения этой мимолетной полемики,— писал он,— нам стало чрезвычайно грустно за судьбу русского писателя-художника вообще. Непонятной показалась и цель всех этих статей (...). Разве из сотен его рассказов не достаточно ясно, что для Чехова дороже всего правда о русской жизни, которую он выводит на божий свет».

[106] Тереза Эмбер, которой будто бы было завещано многомиллионное наследство американца Крауфорда, получала в долг громадные суммы, которыми пользовались всякого рода темные дельцы. Когда выяснилось, что никакого наследства не существует и что в сейфе, где будто бы хранились миллионы Крауфорда, находится газетная бумага, а сам Крауфорд — мифическое лицо, Тереза и ее муж (сын бывшего министра юстиции Франции) бежали от предстоящего суда в Испанию. В конце 1902 г. они были арестованы и присуждены к пяти годам тюрьмы. Тереза Эмбер вела себя и до ареста и на суде так, что многие считали ее невинной жертвой клеветы.

[107] Об этом посещении Чехов писал О. Л. Книппер 23 ноября 1903 г. (*ПССП*, т. XX, с. 190).

[108] О каком рассказе вспоминал здесь Чехов, неизвестно. Лазаревский, по-видимому, ошибся, назвав редактором Немировича-Данченко: ни к Василию Ивановичу, ни к Владимиру Ивановичу эта запись не может относиться.

[109] Это письмо Вс. Э. Мейерхольда от 16 ноября 1903 г. см.: *ЛН*, т. 68, с. 446.

[110] Поэт-крестьянин В. Д. Ляпунов лечился в Ялте от туберкулеза.

[111] 15 июля 1903 г. отмечалось 50-летие В. Г. Короленко и 25-летие его литературной деятельности.

[112] Упомянутые стихотворения Ляпунова в журнале «Образование» напечатаны не были. Л. Н. Толстой послал их 5 апреля 1897 г. в «Русскую мысль», где «Пахарь» был опубликован с его предисловием (1898, № 1). Об отношении Толстого к Ляпунову сообщает С. Т. Семенов: «Лев Николаевич рассказал, как к нему пришел один парень и принес ему стихи. Лев Николаевич, вообще сурово относившийся к стихам, малоприветливо отнесся к нему, но, познакомившись со стихами, он увидел в них глубокое содержание. В одном стихотворении изображались муки пахаря, в другом — жизнь мальчика-сапожника.— Это так хорошо, как у Никитина! — воскликнул Лев Николаевич» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., с. 349). Стихи Ляпунова собраны в книге: «В. Д. Ляпунов — молодой поэт». М., 1912.

[113] Встречи с К. Д. Бальмонтом в Париже могли быть в апреле — мае 1898 г. В письме к Чехову от 25 декабря 1901 г. Бальмонт писал: «Мне хочется сказать вам, что теперь, после наших встреч в Крыму, вы неизмеримо ближе и дороже душе моей, чем после встреч в Париже, хотя я и о них вспоминаю, как о чем-то хорошем» (ГБЛ, ф. 331.36.16).

[114] В 1903 г. в издательстве «Знание» начало выходить «Полное собрание сочинений» Н. Г. Гарина (Михайловского). Чехов обратил внимание на этого писателя сразу же после появления его первого произведения «Несколько лет в деревне» (1892). Он писал А. С. Суворину 27 октября 1892 г.: «Прочтите, пожалуйста, в «Русской мысли», март, «Несколько лет в деревне» Гарина. Раньше ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй, искренности. Начало немножко рутинно и конец приподнят, но зато середка — сплошное наслаждение. Так верно, что хоть отбавляй» (*ПССП*, т. XV, с. 440).

[115] Рецензия на «Повести и рассказы» Лазаревского за подписью «М. С.» напечатана в газете «Курьер», 1903, № 300, 29 декабря. В тот же день Чехов сообщил ему об этом (*ЛН*, т. 68, с. 254).

[116] Письмо от 22 февраля 1904 г. (*ПССП*, т. XX, с. 231—232, текст неполный; полностью — *ЛН*, т. 68, с. 262).

[117] Лоэнгрин (см. о нем примеч. 70) напечатал воспоминания о своей единственной встрече с Чеховым, состоявшейся 4 мая 1902 г. («Южное обозрение», 1904, № 2540, 4 июля).

[118] Возможно, что имеется в виду П. Д. Долгоруков, один из лидеров партии кадетов.

[119] Статья напечатана в газете «Владивосток» (1904, № 33) за подписью «Б. Л».

[120] Берлинский корреспондент «Русских ведомостей» Г. Б. Иоллос писал о последних минутах жизни Чехова: «Проснувшись в 4-м часу ночи, Антон Павлович стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах...» («Русские ведомости»,

1904, № 189, 9 июля). Михаил Павлович Чехов полагал, что он вспомнил своего племянника Николая Александровича, который служил на морском флоте.

[121] «Татьяна Репина» — шуточный эпилог Чехова к одноименной драме А. С. Суворина; написан в 1899 г. Суворин напечатал его в своей типографии в двух экземплярах. Переиздан с предисловием М. П. Чехова (М., ГИХЛ, 1924).

[122] О том, что Короленко спорил с Михайловским относительно творчества Чехова, узнаем впервые из этой записи Лазаревского. Ни в дневниках Короленко, ни в его письмах к Михайловскому эти споры не отражены. Упрек в «небрежности», которую, с точки зрения Михайловского, Чехов допускал в «деталях», был высказан им в разборе повести «Мужики» («Литература и жизнь».— «Русское богатство», 1897, № 6, с. 117—118).

[123] Повесть Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» напечатана в «Сборнике товарищества «Знание», кн. I (СПб., 1904).

[124] Статья М. П. Арцыбашева «О смерти Чехова» («Трудовой путь», 1905, № 7).

[125] Петр Васильевич *Быков* (1843—1930) — критик и библиограф. Об этой встрече с Чеховым он вспоминал в письме к М. П. Чеховой от 7 апреля 1910 г.: «Антон Павлович как-то, обедая у меня, сказал, что «со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему их стыдиться нечего» (ГБЛ, ф. 331.87.58).

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЖУРНАЛИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕДОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1860—1880-х ГОДОВ

Н. И. УТИН О «ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ» И УРОКАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 60-х ГОДОВ

Вступительная статья *Ш. М. Левина*.

Ниже перепечатывается большая статья «Пропаганда и организация», опубликованная в женевском журнале «Народное дело» [1], № 2—3, в октябре 1868 г. На эту статью в последнее время неоднократно встречались ссылки в исследовательской литературе. Впервые же, насколько нам известно, она была использована в качестве источника по истории революционного движения 1860-х годов в работе П. Л. Лаврова «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.», напечатанной в 1895—1896 гг. за границей, а впоследствии дважды издававшейся в России (в 1907 и 1925 гг.).

Лавров называл авторов статьи «людьми, которые должны были хорошо знать дело» (имея в виду под этим «делом» задачи тайного общества «Земля и воля» начала 1860-х годов) [2]. Содержание статьи «Пропаганда и организация» действительно свидетельствует о том, что она написана активным участником движения начала 1860-х годов, осведомленным об обстоятельствах студенческого движения и деятельности «Земли и воли», а в частности — об истории переговоров между «Землей и волей» и польскими революционерами. Этим признакам удовлетворяет Н. И. Утин, центральная фигура в кружке издателей «Народного дела», в дальнейшем — один из главных организаторов так называемой «Русской секции» Международного товарищества рабочих, в свое время являвшийся одним из руководителей петербургских студенческих волнений 1861 г., состоявший в 1862—1863 гг. членом центра «Земли и воли», участвовавший в конце 1862 г. со стороны «Земли и воли» в переговорах с поляками. Его и следует считать наиболее вероятным автором статьи «Пропаганда и организация». Тот же вывод подтверждается сопоставлением интересующей нас анонимной статьи с другими документами, без всякого сомнения исходящими от Утина (см., например, совпадение ряда мыслей в статье и в письме Утина к Герцену от 16 декабря 1864 г., опубликованном в «Литературном наследстве» (т. 62, с. 673—678). Не исключено, конечно, при этом, что в составлении или редактировании статьи Утину помогали некоторые из его товарищей по изданию «Народного дела», например, бывший участник польского восстания А. Д. Трусов.

Статья «Пропаганда и организация» представляет собою обзор революционного движения 1860-х годов, в первую очередь его практической стороны, составленный в значительной части на основании личных впечатлений автора, отводящий, впрочем, главное место не самим его «мемуарам», а размышлениям и выводам из них.

Тематика статьи довольно разнообразна. После краткого введения и небольшой первой главки, посвященных некоторым общим соображениям, следует глава о студенчестве, условиях его жизни, истории и значении его борьбы. Третья глава посвящена прокламациям 1861—1862 гг. (собственно — «Великоруссу» и «Молодой России»), четвертая — «Земле и воле», пятая (одна из самых пространных), продолжая рассказ о «Земле и воле», уделяет особое внимание вопросам, поставленным польским восстанием. Шестая глава содержит характеристику реакции после 1863 г. и вместе с тем

освещает вопрос о деятельности возникшего в обстановке реакции ишутинского кружка. В седьмой главе автор пытается охватить ряд вопросов, относимых им к «положительной, внутренней стороне революционного дела»; это — вопросы построения «нового здания разумного быта», нравственной революции, так называемый женский вопрос. Лишь последняя, совсем краткая, восьмая глава посвящена непосредственно тем современным задачам в области пропаганды и организации, для решения которых весь предшествующий исторический обзор должен был, по мысли авторов, послужить материалом и обоснованием [3].

Вышедшая из-под пера деятельного участника революционного движения начала 1860-х годов внутри России, в дальнейшем игравшего заметную роль в делах русской «молодой эмиграции», статья «Пропаганда и организация» представляет бесспорный интерес с точки зрения задач восстановления подлинной картины движения 1860-х годов. Поскольку в истории этого движения еще немало темных и неясных мест, введение в широкий научный оборот малоизвестной утинской статьи является необходимым и целесообразным. В то же время нельзя упускать из виду известного субъективизма, вносимого автором публикуемого документа в освещение и в оценку тех или иных вопросов.

Мы не задаемся целью дать исчерпывающий обзор и критику всех кажущихся нам спорными или неясными утверждений и положений статьи. В наши задачи не входит также оттенение всех тех моментов в статье, которые существенны (в положительном смысле) для уточнения отдельных фактов истории 1860-х годов. Однако на нескольких вопросах, возбуждаемых статьей, мы считаем полезным остановиться.

В своей статье Утин немалое место отводит выяснению передовой роли русской учащейся молодежи, противопоставляемой остальной части «образованных классов». Еще в своем пространном письме к Герцену, упоминавшемся выше, Утин проводил мысль, что «живой и годный» элемент «лежит в *молодежи*», что «пока мы можем только думать о молодежи, потому что только из ее групп выйдут дальнейшие реальные *проводники* нашей пропаганды в народ»; одновременно Утин писал Герцену о «полной исторической справедливости пессимистического отношения» к образованным классам в целом. О значении «юношества», студентов и семинаристов «по преимуществу», с большим подъемом говорится в статье «Пропаганда и организация», и справедливо при этом подчеркивается ведущее место разночинца в освободительном движении, развертывавшемся среди молодежи. Отмечается инициативная роль кружка харьковских студентов, на долю которых выпал «первый погром» [4]. Сжато, но ярко описаны обстоятельства, при которых возникли осенние студенческие волнения 1861 г. Однако недостатком этого раздела статьи является игнорирование дифференциации среди студенчества, которое неправомерно рассматривается автором как вполне единое целое.

Слишком обобщенно, огульно говорится — в начале третьей главы — и о самом «обществе», которое будто бы «всё» с «большим сочувствием» встретило «первые шаги революционной партии». Даже если иметь в виду только «Великорусс» (он не назван Утиным, но речь в указанном месте идет именно о нем), то сочувствие ему с самого же начала вовсе не было столь единодушным, как это изображено в статье (в дальнейшем в особенности враждебная оценка «Великорусса» со стороны не только реакционно-крепостнических, но и тех или иных либеральных и полулиберальных элементов выразилась очень ясно).

Характерно, с другой стороны, что автор явно рассматривает «Великорусс» («первые листки») как проявление деятельности «революционной партии». Разумеется, единой, сплоченной, сколько-нибудь организованной революционной партии еще не было в 1861 г. Термин «революционная партия» для этого времени следует понимать в смысле совокупности отдельных разрозненных пока революционных кружков или групп, причем все они, однако, получали идейные импульсы из одних и тех же источников — от Чернышевского, Добролюбова, всего тесного круга «Современника», от Герцена, Огарева, их «Колокола».

В связи с только что сказанным приходится отметить неточность формулировки автора, открывающего третью главу словами: «Здесь (т. е. примерно после разгрома правительством студенческого движения в конце 1861 г.— *Ш. Л.*) начинается другой

Н. И. УТИН
Фотография Давлей. Остенде, 1860-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

деятельный период, знаменующийся переходом молодых сил от первоначальной явной оппозиции некоторым мерам правительства к сознанной потребности не оппозиции и не противодействия, а прямой неуклонной борьбы со всем правительством, не для отмены той или другой меры, а для отмены его самого». О ком говорит в этих строках автор? Если даже «молодые силы» — только студенчество, то и в этом случае надо признать, что потребность прямой борьбы со всем правительством как таковым была уже до волнений сознана его (студенчества) активным и сознательным авангардом. Под влиянием волнений и последовавших за ними репрессий пополнились (и значительно) ряды этого авангарда. Однако неточность автора усугубляется, если в состав «молодых сил» включить (а для этого имеются все основания) передовые демократические элементы из лагеря разночинцев, не принадлежавшие к студенчеству. Ведь и Чернышевский, и Добролюбов, и братья Серно-Соловьевичи, и Слепцов, и другие не могут быть исключены из понятия тогдашних «молодых сил»; между тем решимость действенно бороться против самодержавия у них была налицо задолго до разгрома студенческого движения.

Наиболее важная для нас часть статьи «Пропаганда и организация» посвящена обществу «Земля и воля» и вопросам, непосредственно связанным с его деятельностью. И здесь не все утверждения автора вызывают в одинаковой степени признание и доверие. Убедительно звучит его заявление о том, что «Земля и воля» не была «основою» (т. е. началом) тайных обществ, что они уже существовали в разных местах (автор даже говорит: во многих [5]) и что, наконец, задачей «Земли и воли» именно было сплотить в одно целое, способное к дружному действию, все существующие кружки.

До «Земли и воли» такого объединения еще не было, о чем достаточно ясно говорит хотя бы известный «Ответ Великоруссу» в «Колоколе» от 15 сентября 1861 г., а также примечание редакции «Колокола» к этому «Ответу» [6]. Интересна датировка образования «Земли и воли», организовавшейся, по словам автора, «среди разгара правительственной и общественной реакции», т. е. примерно в середине — второй половине 1862 г. Но, думается, надо понимать это указание в том смысле, что тайное общество в это время именно «организовалось», приняло более или менее твердую и определенную форму: зарождение «Земли и воли» должно быть отодвинуто к осени 1861 г. или к зиме 1861—1862 гг.

По словам автора, «Земля и воля» считала необходимым создание в первую очередь («прежде всего») стройной, крепко сплоченной и широко разветвленной «Организации пропагандистов», которая должна была способствовать позднее образованию «другой широкой Народной организации вооруженных борцов». Трудно сказать, соответствует ли сколько-нибудь точно это сообщение действительно проектировавшейся в «Земле и воле» схеме построения организации. Не вполне ясно также значение — во втором названии — слова «Народной»: видимо, оно должно было указывать не только на народные задачи, но и на народный состав будущей организации,— другими словами, на необходимость широкого вовлечения народа в революционную организацию при практическом подходе к решению задачи вооруженного восстания. Вызывает недоумение отсутствие упоминаний в данной связи о войске, о военной организации.

Определяя «ближайшую цель» «Земли и воли» (общество «стремилось к самосозванному Народному собранию» и т. д.), автор повторял в общем соответствующие положения программного листа землевольцев — «Свобода» № 1. Вместе с тем в его статье выдвинуты положения, которых не было в «Свободе». По его словам, «Земля и воля» хотела «помешать возможной случайности созвания правительством официального Земского собора, т. е. дарования какой-нибудь непристойной конституции»; и далее: «Общество «Земля и воля» видело столько же пользы в Собрании Народном, сколько зла в государственном». Что общество «Земля и воля» добивалось созыва подлинно представительного собрания, состоящего из народных избранников, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но действительно ли оно так боялось маневра царизма с «дарованной» конституцией? По крайней мере в выступлениях Н. П. Огарева, относящихся к 1863 г. (а Огарев особенно в то время, судя по имеющимся данным, оказывал серьезное влияние на идейно-политическую линию «Земли и воли»), вопрос ставился несколько по-иному. В статье «Конституция и Земский собор» Огарев писал, что «дарованная» конституция, сочиненная императорскими чиновниками, не удовлетворит потребностей русского народа. Но «дарованной» конституцией, если она станет фактом (Огарев признавал это сомнительным), надо было бы «воспользоваться как льготой, облегчающей достижение Земского собора» [7] («Земский собор» Огарева равнозначен «Народному собранию» землевольческой «Свободы» и позднейшей утинской статьи).

Формулируя дальше программу «Земли и воли», Утин (в пятой главе) выдвинул тезис, что «революционная партия» (под которой в данном случае подразумевается именно и только «Земля и воля») подготовляла в России революцию «на коренных социалистических началах». Что такая задача, если бы она тогда ставилась «Землей и волей», являлась бы утопической, об этом, разумеется, не может быть двух мнений. Но существен другой вопрос: имел ли Утин веские основания, в своей статье 1868 г., приписывать «Земле и воле» начала 1860-х годов такую цель? Быть может, некоторым комментарием к приведенному утверждению Утина должно служить заявление (сделанное им в той же статье, несколько ниже) о том, что в тот момент «распространение революции (из Польши.— *Ш. Л.*) на Россию означало бы прежде всего имущественный переворот и вступление народа в его полные права на землевладение». Осуществление крестьянством его «права на землю» при общинном владении, как известно, в глазах, например, Герцена являлось началом социализма. Переход земли к крестьянству при сохранении общины составлял одно из программных требований «Земли и воли». Не это ли Утин и разумел, говоря о «коренных социалистических началах»? Сомнительно, однако, чтобы в целом землевольцы рассматривали себя в качестве борцов за коренное социалистическое переустройство страны. Гораздо правдоподобнее предположить

(опираясь на программные заявления землевольцев), что «Земля и воля» (во всяком случае, в лице ее наиболее авторитетных руководителей) считала себя революционно-демократической и политической организацией, не связанной непосредственными задачами социалистического характера.

Любопытно, что П. Л. Лавров, имевший известное отношение (детально не вполне установленное) к «Земле и воле» начала 1860-х годов и располагавший, несомненно, данными о ее задачах и стремлениях, характеризовал ее в «Народниках-пропагандистах» как «чисто-политическое тайное общество», «чисто-политическое движение» [8].

Объективно весь характер и весь смысл деятельности «Земли и воли» заключался в стремлении к уничтожению самодержавия, к установлению демократического государственного устройства, во-первых, и к решению в интересах крестьянства аграрного вопроса в России, во-вторых. В статье Утина имеется одно место, дающее хотя и косвенное, но — сравнительно точное — представление об аграрных требованиях «Земли и воли» в их, по крайней мере, максимальном варианте.

Говоря о плодотворном влиянии, какое могла бы оказать польская революция на Россию, если бы «польская программа» расширилась «до непременной постановки социального вопроса», Утин заявлял: «Очевидно было, что если бы польские крестьяне получили во имя революции всю землю без всякой платы и выкупа, то сознание о возможности такого овладения распространилось бы между смежными русскими селами и охватило бы все русское крестьянство». Передача крестьянам всей земли, без всякой платы и выкупа — таково было, очевидно, в своем наиболее последовательном выражении требование «Земли и воли» в крестьянском вопросе.

Позиции «Земли и воли» в польском вопросе и польскому вопросу вообще в статье «Пропаганда и организация» уделено много внимания. Как прежде «Земля и воля», автор исходил из полного и безоговорочного признания права Польши на освобождение «от насильственного захвата императорского правительства».

Следует подчеркнуть признание автором заслуги «заграничной русской прессы» (в данном контексте — изданий Герцена и Огарева), которая «неутомимо указывала на необходимое развязывание польского вопроса». Мы потому особо это отмечаем, что в некоторых других местах статьи нетрудно вскрыть выпады в адрес «Колокола» [9]. Характеристика планов и задач русской военной организации в Польше дается Утиным, по существу, вполне в духе тех соображений, которые высказывались по этому поводу в начале 1860-х годов Герценом и Огаревым.

Определенную ценность представляют те строки статьи «Пропаганда и организация», которые посвящены переговорам в конце 1862 г. между «Землей и волей» и польским революционным комитетом [10], переговорам, в которых, как выше уже отмечено, Н. И. Утин принимал непосредственное участие. Это, так сказать, аутентичный источник, в чем его преимущество, например, сравнительно с воспоминаниями Л. Ф. Пантелеева, который писал на основании сообщений, исходивших прежде всего от того же Утина. Интересна близость некоторых формулировок статьи с сохранившимся и много позднее найденным в архиве текстом соглашения между представителем польского Центрального Национального комитета Падлевским и центром «Земли и воли». В официальном тексте говорилось (перевод с французского): «Центральный Национальный комитет признает, что Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени» [11]. У Утина: «Русский комитет тщательно предупреждал комитет польский о том, что еще не скоро можно надеяться на восстание в России, что поэтому польская революция одна и сама по себе рискует погибнуть, если вспыхнет преждевременно». Все же вызывает сомнение в этой части статьи утверждение относительно «чисто стратегического» характера сношений землевольцев с польским революционным комитетом. Обсуждение и принятие в ходе переговоров в качестве основы соглашения и союза основных начал известного письма польского Центрального Национального комитета к редакции «Колокола» уже вносило существенный идейно-политический элемент в эти переговоры.

Остроумное объяснение Утиным позиции русского помещичье-буржуазного общества в отношении польского восстания нельзя тем не менее не признать однобоким и неполным. Революции «образованные классы» (в своей привилегированной, эксплуа-

таторской части) действительно «боялись как заразы», угрожающей России. Но необходимо считаться также с влиянием распространенного тогда национализма и великодержавного «патриотизма».

Несколько туманными и странными представляются рассуждения автора статьи «Пропаганда и организация» «об одной непоследовательности революционной партии (в связи с польским вопросом.— *Ш. Л.*), весьма благоприятной для ее врагов». «Каким образом,— спрашивает он,— она допускала безнаказанно обвинение ее в измене, в предательстве русского народного дела?» Известно, однако, что «революционная партия» вовсе не проходила мимо этого обвинения. Она отвечала на него,— прежде всего в многочисленных статьях «Колокола», а кроме того — и в нелегальных листках «Земли и воли»,— пламенным разоблачением разбойничьего характера царской политики в Польше, раскрытием гнусности и подлости катковской агитации и всего помещичье-буржуазного «патриотизма», доказательством законности и правомерности национально-освободительных стремлений польского народа и, в конечном итоге, обоснованием правильности и прогрессивности своей собственной позиции. Утин, видимо, недооценивал значение этой борьбы; он намекает на то, что «революционная партия» не использовала еще других средств борьбы, не стала бить врага его же оружием — оружием террора, направленного против отдельных лиц, отдельных руководителей. Это намек на то, что можно было убрать, например, Каткова.

Тут у автора некоторая недоговоренность, неясность по вопросу о целесообразности индивидуального террора как средства революционной борьбы. Она, впрочем, в значительной мере «снималась» несколькими замечаниями, сделанными в той части труда (последней, на которой мы считаем нужным остановиться), которая трактовала ишутинское дело. Так, автор высказывал там мысль, что «положение изменяется не от перемены одного лица, а от изменения всего порядка вещей». Немного далее он замечал, что «правительство столь же тщетно казнит юношей с целью истребления нового, несовместного с его существованием, направления, сколь тщетна была бы смерть одного человека, поставленного во главе правительственной иерархической машины, для уничтожения современного порядка» [12]. Но автор без достаточных оснований приписывал этот свой взгляд самим ишутинцам [13] и утверждал поэтому, будто «отдельный случай выстрела, конечно, не мог входить в программу тех людей». Если, как нам теперь известно, инициатива Каракозова не встретила одобрения у большинства его ближайших товарищей, то это находит объяснение не в принципиальном расхождении по вопросу о терроре, а в разногласиях по поводу уместности и целесообразности покушения на царя в данное время.

Следует отметить, что в целом характеристика взглядов и деятельности ишутинцев в статье «Пропаганда и организация» носит сильно идеализированный характер, свидетельствуя, между прочим, о том, что сам автор разделял те или иные из их (ишутинцев) ошибочных, мелкобуржуазно-утопических представлений. Неубедительно звучит утверждение автора, что ишутинцев, «по их трезвому пониманию революционно-социалистической деятельности, по их практическому отношению», «можно смело назвать первыми русскими практическими революционерами-социалистами». Масштабы организационной и пропагандистской работы ишутинцев и ее практические достижения в статье очень преувеличены, отдельные планы, находившиеся еще в стадии подготовки, выдаются за нечто реализованное и т. п. Конечно, наши оговорки и возражения не относятся к тем моральным оценкам участников ишутинской группы, в том числе Каракозова, которые содержатся в статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Народное дело» — революционный журнал, основанный в Женеве группой русских эмигрантов (Н. И. Жуковский, О. С. Левашова, М. К. Элпидин, Н. И. Утин) во главе с М. А. Бакуниным. В 1868—1869 гг. было напечатано четыре выпуска этого издания (№ 1, 2—3, 4—6 и 7—10), хотя предполагалось, что журнал будет выходить два раза в месяц. С апреля 1870 г. «Народное дело» стало органом Русской секции I Интернационала (вышли № 1, 2, 3, 4, 5, 6—7).

Принципиальные разногласия, обнаружившиеся между Бакуниным и «молодой эмиграцией», привели после выхода первого номера журнала к расколу в редакции

и выходу из нее Бакунина, Жуковского, а затем и Элпидина. Руководящую роль в новой группе, издававшей журнал (Е. Дмитриева (Е. Л. Томановская), А. Д. Трусов, В. И. и Е. Г. Бартеневы), занял Н. И. Утин. Направление «Народного дела» постепенно изменилось (см.: Б. П. Козьмин. Русская секция первого Интернационала. М., 1957, с. 176—183). Новая редакция повела ожесточенную борьбу против бакунинского анархизма и его авантюристической агитации в пользу немедленного переворота, противопоставляя бакунинскому «вспышкопускательству» доказательства необходимости тщательной подготовки к народному восстанию. В 1870 г. группа, издававшая «Народное дело», организовала Русскую секцию первого Интернационала (о «Народном деле» см. также: *ЛН*, т. 62, с. 624—625; Б. С. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964).

[2] П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. 2-е исправл. изд. Л., 1925, с. 14.

[3] Статья имеет подзаголовок «Дело прошлое и дело нынешнее», но фактически задачи «дела нынешнего» оказались в ней затронутыми очень бегло и бедно.

[4] Автор имел в виду дело харьковского кружка Муравского, Бекмана, Завадского, Ефименко и др. Кружок действовал в 1856—1857 гг. Участники кружка, раскрытого властями лишь позднее, подверглись различным репрессиям в 1860 г. В 1862 г. они действительно были вновь арестованы — не прямо «по поводу петербургских пожаров», а в связи с «крамольными» письмами Муравского и др., которые были найдены при обысках (впервые — при обыске у Николая Серно-Соловьевича). История харьковского кружка рассказана в работе Б. П. Козьмина «Харьковские заговорщики 1856—1858 годов» (Харьков, 1930). О дальнейших злоключениях бывших участников кружка см. в статье М. К. Лемке «Молодость «отца Митрофана» (М. Д. Муравского.— *Ш. Л.*) в его книге «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (СПб., 1908).

[5] Конечно, наименование «тайного общества», пожалуй, чересчур громкое для большинства, по крайней мере, тех кружков, которые примкнули так или иначе к «Земле и воле».

[6] «Все‹...› личности, родные по убеждениям, по стремлениям, по вражде к существующему порядку, но разъединенные, разбросанные одиноко по всей России, а потому бессильные, должны дружно сплотиться в один союз, идущий к одной цели, действующий как один человек. Достигнув этого, уже не трудно будет сойтись с народом». «Надо только, чтоб образовалось зерно; правительственные сумасшествия, чиновничьи грабежи, помещичьи зверства не замедлят превратить его в глыбу» («Ответ Великоруссу».— «Колокол», л. 107, от 15 сентября 1861, с. 894).

[7] «Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и Земский собор. (Окончание)».— В кн.: Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 640).

[8] П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, с. 14.— Там же Лавров прямо цитирует место статьи «Пропаганда и организация», говорящее о подготовлении революции в России «на коренных социалистических началах», и как бы в полемическом смысле заявляет: «не видно ни из каких данных, чтобы «тайное потебневское общество» или «офицерский комитет» имел в виду классовую борьбу представителей труда и капитала» (с. 14—15). Позже автор «Истории русского революционного движения» Л. Кульчицкий (Мазовецкий), ставя вопрос, была ли «Земля и воля» социалистической организацией, отвечал на него категорически отрицательно, хотя и отмечал факт участия в ней сторонников социализма. «Как целое,— писал Кульчицкий,— она не была социалистической, ибо чисто-социалистических требований не выставляла,— в чем, конечно, нельзя ее и упрекать» (цит. по русскому изданию книги Кульчицкого. СПб., 1908, с. 292—293). В народнической литературе начала XX в. мнения Лаврова и Кульчицкого оспаривались; М. Д. Ратнер в книге «Аграрный вопрос и социал-демократия» (М., 1908, с. 180—181) подбирал «доводы против отрицания социалистического характера» «Земли и воли» 1860-х годов (впрочем, и сам признавая все же, что «вопрос, конечно, остается спорным»).

[9] Эти выпады являются отголоском прежних трений между представителями «молодой эмиграции» и Герценом; в известной мере они оказались предвестником позднейших, еще более резких (и, частью, совершенно неосновательных) обвинений, выдвигавшихся Утиным против Герцена. Нападки на Герцена и «Колокол» (без открытого их упоминания) содержатся в начале главы II и в главе III статьи «Пропаганда и организация». В этих нападках справедливые замечания (критика надежд на «Зимний дворец» и прежних выступлений Герцена против тех, кто подобные надежды энергично обличал) перемешаны с неправильными по существу и недопустимости по форме заявлениями. Между прочим, безусловно необоснованным является утверждение Утина, что до его статьи о движении 1860-х годов будто бы «не было сказано ни одного правдивого слова»: немало «правдивых слов», немало ценных фактов и глубоких наблюдений об этом движении можно было найти в трудах Герцена и Огарева.

[10] Это место статьи отчасти использовано в работе польского историка Юзефа Ковальского «Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше» (русский перевод под ред. И. М. Белявской. М., 1953).

[11] Ю. Ковальский. Указ. соч., с. 210.

[12] Характерно, вместе с тем, что Утин не решился в печати высказаться с той определенностью и резкостью, с какими он это сделал в 1867 г. в письме (от 14 февраля) к Огареву, где выразил полное согласие с оценкой покушения Каракозова «Колоколом». «...Самый акт был положительно вреден. Это вполне верно, и я готов бы сказать это публично»,— писал Утин Огареву. Публично он этой оценки все-таки не повторил, может быть, считаясь с настроениями части эмигрантской среды, у которой, как было известно автору, такое заявление вызвало бы недоброжелательную реакцию.

[13] Отмечая, что участников группы, из которой вышел Каракозов, окрестили «названием каракозовцев или ишутинцев», автор справедливо устанавливал: «Последнее название, конечно, вернее, так как Ишутину принадлежало действительно значение одного из главных инициаторов».

ПРОПАГАНДА И ОРГАНИЗАЦИЯ.
ДЕЛО ПРОШЛОЕ И ДЕЛО НЫНЕШНЕЕ *

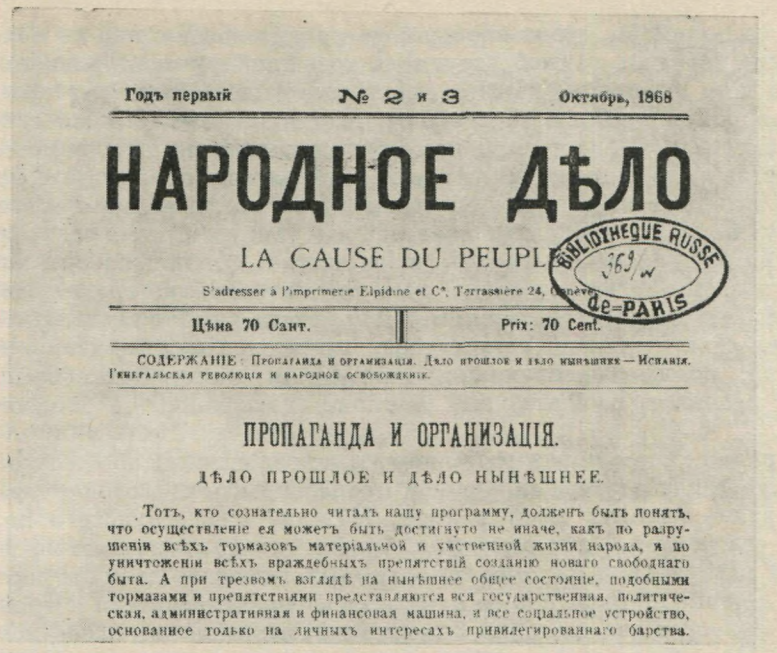
Тот, кто сознательно читал нашу программу [1], должен был понять, что осуществление ее может быть достигнуто не иначе, как по разрушении всех тормозов материальной и умственной жизни народа и по уничтожении всех враждебных препятствий созданию нового свободного быта. А при трезвом взгляде на нынешнее общее состояние подобными тормозами и препятствиями представляются вся государственная, политическая, административная машина, и все социальное устройство, основанное только на личных интересах привилегированного барства [2]. Там же, где существуют противоположность интересов и враждебность стремлений, где новый жизненный строй требует смены старого безобразия, там идет борьба за взаимное уничтожение, и тем ожесточеннее, чем противоположнее интересы борющихся сторон. До сих пор жизнь человечества всегда слагалась так, что никогда еще ни один шаг на пути к свету и свободе не совершался мирно, и каждая ступень, ведущая в мир новых начал, полита горячей кровью. Англия, пресловутая своим мирным прогрессом, прошла не менее, чем через шестьдесят кровавых революций, и мы видели, какой гигантской борьбой, не оконченной и теперь, достигается освобождение четырех миллионов негров в наиболее свободной из всех стран, в Америке. Вот почему, не имея никакого основания предвидеть и в России возможность иного хода дела свободы, как путем революции, мы полагаем, что свободный русский журнал имеет смысл только тогда, когда он является *органом революционной* пропаганды, который хочет служить интересам русского революционного движения.

I

Во избежание всяких недоразумений и увлечений мы должны заранее определить характер нашей пропаганды, указать, к кому она будет обращена и против кого направлена, в чем ее задача и какая ее конечная цель?

Если б под словом «революция» мы разумели случайный, местный переворот в виде свержения династии или принуждения ее принять известные конституционные гарантии, то мы очень затруднились бы высказать наши прямые воззрения и обозначить наших противников и единомышленников, так как, с одной стороны, мы не знали бы, кто именно не желает того или другого изменения в правительстве, кто его искренние друзья и его тайные враги; с другой стороны, мы недоумевали бы, насколько наше высказывание может предупредить правительство от застижения его врасплох. Но мы иначе понимаем революцию и потому знаем очень определенно, кто должен быть ее врагом и кто может быть ее приверженцем. Для нас

* Текст публикации подготовлен редакцией «Литературного наследства».



Годъ первый № 2 и 3 Октябрь, 1868

НАРОДНОЕ ДѢЛО

LA CAUSE DU PEUPLE

S'adresser à l'imprimerie Elpidine et Cie, Terrassière 24, Genève

Цѣна 70 Сант. | Prix: 70 Cent.

СОДЕРЖАНІЕ: Пропаганда и организація. Дѣло прошлое и дѣло нынѣшнее.—Испанія. Генеральская революція и народное освобожденіе.

BIBLIOTHEQUE RUSSE 369 de PARIS

ПРОПАГАНДА И ОРГАНИЗАЦІЯ.

ДѢЛО ПРОШЛОЕ И ДѢЛО НЫНѢШНЕЕ.

Тотъ, кто сознательно читалъ нашу программу, долженъ былъ понять, что осуществленіе ея можетъ быть достигнуто не иначе, какъ по разрушеніи всѣхъ тормазовъ матеріальной и умственной жизни народа, и по уничтоженіи всѣхъ враждебныхъ препятствій созданію новаго свободнаго быта. А при трезвомъ взглядѣ на нынѣшнее общее состояніе, подобными тормазами и препятствіями представляются вся государственная, политическая, административная и финансовая машина, и все соціальное устройство, основанное только на личныхъ интересахъ привилегированнаго барства.

ЖУРНАЛ «НАРОДНОЕ ДЕЛО» (ЖЕНЕВА, 1868, № 2—3)

Страница первая. Фрагмент

В этом номере журнала опубликована статья Н. И. Утина «Пропаганда и организация».

революция означает целый новый быт, целый строй общественности, в котором все противоположено и иначе, чем в нынешнем порядке, в котором иное развитие ума, иное нравственное отношение, иное материальное устройство. Обусловленная разрушением существующего порядка, революция, естественно, приобретает себе напряженных врагов во всех пользующихся исключительными удобствами такого порядка, т. е. во всех, кто входит в состав правительственных, привилегированных и имущественных классов. Ставя вопрос таким образом, нам не к чему будет колебаться в своей пропаганде и принимать в ней извилистую линию вместо прямой. Нам нечего рассчитывать на игру в жмурки с правительством, мы хорошо знаем друг друга и нам нечего обольщать скромностью российское образованное общество, оно все равно яростно завопит на всякое революционное проявление. Революция все равно заставит его отказаться от нынешних интересов и воззрений. Таким образом, все, что не только против нас, но даже и не вполне за нас, отшатнется с первого раза, пока позже, может быть, поймет и свой личный интерес в одном общем.

Приверженцы нашей пропаганды очень хорошо знают, вместе с нами, что от прямого, открытого высказывания видимое число сочувствующих ей уменьшается; но это явление для нас нисколько не прискорбно, а напротив — полезно, потому что, в сущности, от того ничуть не уменьшается, а увеличивается внутренняя стоимость, содержание наших единомышленников. В эту минуту с нами окажутся только закаленные и непоколебимые, и хотя бы число их было гораздо меньше, чем оно есть, оно непременно будет расти и, взростая, явится силою, с которою уже поневоле придется считаться именно вследствие грозящего уничтожения всем партиям, враждебно ли, легкомысленно ли относящимся к революционному делу.

Точно так же отстраняется возможный упрек в неосновательности разоблачения пред правительством наших стремлений и целей. Революция,

как мы ее понимаем, стоит вне всякого правительства; она не может быть закуплена тою или другою уступкою, тою или другою дарованною льготой. Но в то же время, как правительство ничего не может сделать для удовлетворения требований свободы, обусловленным его же гибелью,— оно не смеет, при общем глубоком сознании запутанного экономического и общественного положения страны, отказаться от личины прогресса и провозглашает себя правительством не застоя, а реформ. Бессильное, чтобы уничтожить наши требования, оно, вместе с тем, со всех сторон обнажено для нашей критики,— и не только с точки зрения наших социалистических начал, но и вообще с житейской точки зрения, доступной его близоруким доброжелателям. Поэтому каждый ежедневный промах правительства, каждое неизбежное противоречие, каждая келейная проделка, помимо преступлений при белом свете, будет приниматься нами в расчет и, изобличённое, ускорит его падение и близость революции.

Устраняя таким образом сомнение в пользе или ущербе делу от прямого радикального выражения нашей пропаганды, мы, в свою очередь, считаем крайне важным иной вопрос. Падение существующего порядка и замена его новым — вне сомнения. Наши начала, создаваемые экономически и исторически на точных, истинных выводах, должны восторжествовать в конце концов, ибо то начала свободы, безбедности и процветания не для меньшинства и не для большинства даже, а для всей численности народа. Пред нами только стоит *вопрос времени*: когда, скоро ли приблизится возможность осуществления новой жизни? вопрос важный вовсе не из пустого рьяного нетерпения, а потому, что мы знаем, что пока эксплуатация жизни остается в ведении привилегированных классов, до тех пор, во все время такого зазорного господства, наносится жестокая гибель, кровавая трата народным силам. Вопрос этот находит себе ответ в главной и существенной задаче нашего дела, от быстрого или медленного разрешения которой зависит медленность или быстрота его успеха. Задача заключается в уменье отыскать доступ в народ для нашей пропаганды — для того, чтобы проникнуться взаимным общим пониманием и объединить с ним наши революционные воззрения для совокупного требования осуществления их.

Так, достижение пути в народ, умелость сказать ему наше полное открытое слово и вызвать в нем, в свою очередь, живое согласное слово, обусловливает выполнение первой цели нашего дела — падение нынешних порядков. Вот почему, для того чтобы быть живой и осмысленной, наша речь должна опираться на живых людей, которые понимали или поймут, что для осуществления стремлений свободы требуется, помимо слова, железная воля и непоколебимая энергия, зовущая жизнь на гармонию слова и дела, а не на разлад меж ними, разбивающий речь в праздную риторику. Вот почему наша пропаганда должна быть направлена на формирование стойких и умелых проводников революционного промысла в народ, на образование потребной для народного дела сплоченной организации из всех находящихся под руками и в разброс революционных элементов.

Где же эти элементы? найдутся ли такие проводники? возможна ли такая организация?

II

Всюду кроются эти элементы, везде найдутся те люди, всегда возможна такая организация, потому что уже были такие люди и уже существовала такая организация [3]. Про то знают и наши друзья, утратившие лучших из нас, и наши враги, казнившие их. Строя наше дело на связи с прошлым революционным делом, обновляя традицию его прошлых участни-

ков, тем более должны мы напомнить теперь о движении шестидесятых годов, что о нем никогда еще не было сказано ни одного правдивого слова. Трусливые враги его молчали до первого казавшегося поражением свободного дела, и потом стали кидать в него наглой клеветой и глупой бранью; а малодушные друзья его, начав с дилетантской сентиментальности, кончили тем, что покаялись и высказали слезное сожаление и сомнение о силе и годности дела, за которое, может быть, и не стоило проливать кровь! [4]

Самые участники дела молчали. Да и где им было говорить? Уцелевшие должны были продолжать свою работу; другим надо было бороться с судными комиссиями в крепостях и острогах; третьи отшатнулись и, раскаявшись, ушли в мирное течение законами огражденной жизни; четвертые, наконец, не считали возможным выставлять дело преждевременно, так сказать, на исторический суд того образованного общества, которого они не признавали и не признают за своих судей; время не пришло ранее, и бессмысленно было бы давать возможность лишним казням. Вместе с тем, все дело движения было слишком живо и близко, чтоб требовалось напоминать о нем людям, способным сочувствовать ему и участвовать в нем.

Теперь же пришла пора выяснения, и мы сделаем это, хотя предупреждаем, многое останется недосказанным и неразоблаченным; праздному любопытству мы не дадим пищи, а люди одного толка с нами сами поймут то, что надо, и то, что требует умолчания, переходя неоглашенное из уст в уста и созывая людей на работу. Кроме того, мы не нарушим строгого принципа всех людей того времени: мы не назовем ни одной из личностей и не станем выставлять отдельно деятельность того или другого; то было дело, которому личность отдавалась с полною, безрассудною преданностью, и бескорыстно скрывалась в общем единодушном стремлении по пути к задуманной цели. То было дело не отдельных авторитетных зачинателей, а целых кружков и ассоциаций, выросших одновременно повсюду на русской почве и отовсюду искренно шедших к общему объединению.

Быстро выросшее, смело провозглашенное, случайно сорванное с избранной дороги, то дело могло быть временно разбито, но никогда не убито; оно могло смолкнуть, но не умереть, оно могло порваться, но не сгибнуть. Наши единомышленники свяжут его снова, и зарученные прошлым опытом, наученные нашими ошибками, крепкие, закаленные среди всех неудач, убежденные в непреложной необходимости дела, сильные и смелые своей преданностью, они восстановят его в большей полноте и в улучшенной системе действий. Таким людям прошлое дело известно, и не для них должны мы напоминать о движении 60-х годов. Но есть другие, которые станут такими же; они пришли на наше поле позже и потому прошлое дело не вполне знакомо им; когда они лучше узнают его, оно и для них станет близким, станет насущною потребностью их жизни. Есть и еще люди, юные скептики, в силу незнания и непонимания вовсе неудовлетворенные официальным прозябанием, чахнущие в мещанском застое и в то же время не идущие к трезвому исканию единственного выхода. Для их пробуждения столь же потребно знание прошлого, сколько и убеждение в осмысленности настоящего дела, и тогда они могут стать серьезными участниками организации. Для таких и для многих, подобных им людей, для такой живой связи настоящего с пробужденной и возобновленной традицией, будем мы знакомить в журнале с историей 60-х годов [5], и на этот первый раз постараемся напомнить, хотя в очень общих чертах, о первых проявлениях революционной партии, о ее побуждениях и путях, о связи партии в самой себе в разное время, о препятствиях и неудачах, и наконец об общем значении всего движения.

С первого же слова мы должны заговорить и остановиться на одном только слое из всех образованных классов, на юношестве. Оно одно на-

своих плечах выносило все движение, при неблагодарности роли всего остального общества. Впрочем, это так и должно было быть и вполне понятно; стоит только взглянуть на состав нашего юношества. Студенты и семинаристы по преимуществу, они пришли в университет и духовные академии, или не дошли до оных, всё же все идя по большей части одним и тем же путем, путем побоев и нищенства, путем наглого презрения к их личностям дома и в казне, путем мрака школьной книжки и ненависти к ней. Они шли в центральные города с иллюзией, не в конец разрушенной «всероссийскими розгами», с надеждою целых годов на свет иной какой-то науки, на приобретение образования — труда для обеспечения существования. Дети села и близкие к народу, многие шли за образованием с осознанной или даже полуосознанной целью поделиться позже образованием с народом, воспользоваться образованием для изыскания средств к *улучшениям* в народном быте.

В отрицательном смысле, «высшее образование» у нас тоже не дурная школа среди многих других, представляемых общественной обстановкой для подготовления революционеров. Понятно, какое поражение ждало в университетах молодые умы. А между тем благодушное царствование готовило юношеству западню, подобно которой не измышлял весь николаевский период [6]. Принужденное спасаться от очень уж грубого невежества и казнокрадства, правительство захотело допустить в свои канцелярии и более просвещенных верных служителей. С этой целью, прикрытою самоотверженным либерализмом, было отменено ограничение числа студентов. Юношество бросилось в университеты со всех концов России, пешком, на последние гроши. Здесь, во взаимном обмене понимания и воззрений, между людьми всех сословий и состояний, всякого происхождения и самых разнообразных пластов; здесь, в товариществе, гораздо более в университетских коридорах, чем в аудиториях, гораздо более за серьезной книжкой и живою беседою в тесных кружках, чем за тетрадью официальной схоластики, совершалось самообразование и самовоспитание тысячной толпы пролетариев того особого смысла, которого экономисты еще не раскусили. Только правительство раскусило следующее обстоятельство: тысячная толпа оказалась крамольною и буйною; они вовсе не думали готовить себя в верноподданные писаря, они предпочитали идти в писаря народные *. Правительство не поняло только того, что, с одной стороны, молодость, до тех пор, пока общество устроено так, что человек быстро дряхлеет в нем и изнашивается в корыстных дрязгах, молодость физиологически составляет стихийную силу, двигающую вперед все остальные расслабленные элементы, или сталкивающую их за негодностью в сторону. С другой стороны, большинство юношей, вышедшее не из столичного салона, а из провинциальной, более близкой к народу среды, естественно сохранило здоровое неразвращенное отношение к народу, как к единому полновластному владетелю и распорядителю своей страны.

Уже из такого положения ясным представляется, почему движение студентской и семинарской молодежи началось одновременно с общим движением, с крестьянским вопросом. Правительство думало сначала усмирить и исправить бунтовщиков келейным образом; первый погром выпал на долю Харьковского и Киевского университетов [8]. Юноши собирались в Харькове в кружок и толковали не о карьере и чинах, а о народе и осво-

* В 1862 г. был циркуляр министра внутренних дел, запрещающий допускать студентов в должность сельских писарей под предлогом, что высшее образование студентов не соответствует такому ничтожному занятию (каково понимание цели образования!) [7]. И заметьте, это было тогда, когда правительство должно бы было нуждаться в такой сильной и честной помощи для осуществления своих реформаторских замыслов, если б оно только серьезно о них думало. Кроме того, в приговорах над студентами в 1861 г., между прочими лишениями, было недопущение в волостные писаря.

бождении. Юноши возымели неосновательность не увлекаться и не верить правительственным сердобольным возгласам, при самом же начале; одновременно с появлением первого циркуляра о предпринимаемом улучшении крепостных, появился в Харькове писанный памфлет, строго и обстоятельно разбиравший этот циркуляр [9]. Появилась вскоре за тем и военная комиссия, аресты, заточение в крепости и далекая ссылка. Позже тех же юношей не оставили в покое даже и в ссылке, и в 1862 г., по поводу петербургских (!) пожаров, их снова воротили в Петропавловскую крепость — изо всех отдаленных концов России [10]. Одни из них умерли, зачахнув в ссылке, другие в каторге; третьи остаются и до сих пор в ссылке; немногие смирились и успокоились.

Таков был первый исправительный прием правительства; мы указали на него, как на прообраз всех последующих противодействий свободному движению и чтоб не иметь надобности повторить того же самого по поводу каждого гласного проявления борьбы.

Едва улеглась харьковская история, как студентство в Казани высказало свое омерзение к либеральному правительству и свое единомышленное с народом отношение к «казенной воле», по поводу бездинского усмирения [11]. Правительство решилось «пресечь зло в корне» новоизобретенною небывалою мерою. Снова и прямо ограничить число студентов неудобно, значило бы признаться в своей глупости. Решено было отменить бесплатность для неимущих и чрез то лишить их возможности оставаться в университете. Более счастливых, родные коих имели бы 50 руб. в год, отдать под строгий дисциплинарный надзор университетской полиции [12]. «Возмущение студентов», охватившее одновременно (в 1861 г.) почти все университеты, осветило собою два начала, присущие сознанию молодежи: *начало социального равенства*,— все учащееся юношество требовало равного и одинакового для всех права образования и напоминало правительству, что, требуя бесплатного обученья, оно вовсе не требует дарового, ибо раз что существует казна, обирающая и давящая народ налогами, то гораздо лучше было бы возвращать хоть миллионную ее часть на его образование, чем содержать на нее шпионов и усмирительные команды. Другое начало, *политическое*, выражалось в сознании неизбежности борьбы с правительством. Поводом к студентской истории было покушение на все студентские учреждения [13]. В течение нескольких лет студенты добивались возможности устроить кассу взаимовспоможения и ссуд, для обеспечения существования многих из товарищей в продолжение курса; завели на общие средства читальню и библиотеку, где находились необходимые газеты, журналы и книги; образовали, наконец, особый, так сказать, самосуд, с одной стороны, для ограждения себя от притязательного вмешательства начальства, с другой,— для строгого преследования в своей собственной среде всякого скверного и подлого поступка. Даже из этих нескольких слов видно, что все эти учреждения были существенно потребны для студентства: уничтожение их являлось равносильным для многих — в иных университетах для большинства — уничтожению самой возможности существования в университете, уничтожению доступного, при помощи студентских библиотек, самообразования, и наконец, уничтожению всякой солидарности, всякой взаимной ответственности и поруки в среде студентской за честность друг друга. Такова действительно была цель правительства, и оно опять не рассчитало, в каком виде представляется оно, какое презрение вызывает оно в беспристрастных людях, когда открыто сознается, что не может в своих интересах допустить образования и честности всего молодого поколения *. Такое покушение на человеческое развитие

* Что правительство своими мерами желало именно довести студентов до невозможности существовать в университетах, это оно заявляло и позже, запрещая, напр., студентам объявлять в газетах об искании ими уроков, этого главного источника содер-

молодежь встретила решимостью отстаивать свои права и убеждения до крайних пределов, не взирая ни на какие угрозы. Правительство отвечало солдатами и крепостью, закрытием университетов, исключениями и ссылками на родину и в отдаленные губернии.

Правительство смирило и разогнало юношество из университетов, но крепость и остроги оказались иными воспитующими университетами. Движение с этих пор приняло ход весьма последовательного развития. Если нельзя сходиться и обмениваться мыслями явно, то всегда возможно тайно; если препятствуют умеренным явным действиям, то никакими средствами не могут препятствовать энергическим тайным действиям. Это простое логическое размышление, естественно, должно было представляться каждому, кому грозило правительственное насилие.

III

Здесь начинается другой, деятельный период, знаменующийся переходом молодых сил от первоначальной явной оппозиции некоторым мерам правительства к сознанной потребности не оппозиции и не противодействия, а прямой неуклонной борьбы со всем правительством, не для отмены той или другой меры, а для отмены его самого.

Первые шаги революционной партии, первое проявление ее были встречены всем обществом с большим сочувствием, точно так же, как и студентские истории. Печальное, пагубное сочувствие, из-за которого партия поплатилась многими ошибками и промахами! Беда заключалась в том, что и общество и революционная партия находились тогда в особенном положении. При начале своего образования, на новой, невзрытой еще почве, партия не сразу распознала, какие элементы пригодны и какие должны быть отброшены за негодностью. Осуждение правительства, презрение к нему охватило тогда все слои общества. Агитация, агитационная борьба или вернее спорная игра с правительством из-за того, кто кого одолеет, оно ли достигнет нашего смирения, или мы вынудим его на новый ряд компрометирующих, скандалящих и позорящих его мер? Расчет, на чьей стороне более приверженцев: на стороне ли правительства или на стороне его порицателей, все это интриговало и бесконечно занимало все общество. Увлечение шло до того, что в тайные общества и заговоры шли не только молодые люди и не только те дорогие исключения, которые всегда были и будут и которых молодежь всегда ценит в своей среде, как любимых братьев и полезных друзей, а вообще шли люди всякого возраста, и весьма различных общественных положений [15]. Единственное препятствие, которое представлялось тогда для дальнейшего распространения агитации, заключалось в сомнении многих о том, возможно ли, удобно ли начинать борьбу не на легальной почве. Люди эти очевидно забыли, что никакой легальной почвы у нас и не существует, и не понимали, что борьба всегда возможна. Следовало прибегнуть к тому или другому доказательству и уверению, так как в то же время правительство начинало снова преследовать печать и литературу [16], боясь свободного слова, то и сочтено было нужным показать ему возможность свободного слова иным путем. Отсюда рождается появление прокламаций, подметных листков [17].

жания [14]. Другая очевидная причина такого запрещения — боязнь правительства за «вредные идеи», разносимые студентством. Кроме того, должно вообще обратить внимание еще на одно из главных побуждений, руководивших правительством в его поведении с студентами; прежде прямого уничтожения касс и библиотек оно задумало только изменить их сущность и состав: отдать кассы в ведение университетского правления, которое само избрало бы из студентов распорядителей. Естественно, таким вмешательством оно хотело внести в студентскую среду подкуп, покровительство своим угодникам и гонение своим порицателям в молодежи. Молодежь, конечно, не поддалась на такую ловушку.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЖАРЫ
Горят здания Щукина двора, Апраксина двора и Министерства внутренних дел
Гравюра по рисунку Кузнецова
«Illustration», 5 июля 1862 г.

Первые листки встречены одобрением, с ними носились, громко толковали о них, рассуждали и вполуслух о тайных комитетах. Значит общество сочувствовало им?— Какое же было их содержание? Ответ на этот вопрос сразу объясняет и гражданское отношение и умственное положение нашего образованного общества. Первые листки говорили об ошибках правительства, о его неумелости управлять делами страны, о потребности единомыслия и единодушия в стремлении к переменам в свободном смысле; объяснялось при этом о составлении кружков для агитации конституционного вопроса. Общество не видело никакого риска в сочувствии конституционализму, тем более, что поговаривали, будто и «сам царь» не прочь от конституционного соблазна. Винить общество в наивной и трусливой надежде на царя нельзя. В то время в прессе, и даже очень либеральной, возлагались надежды преимущественно на «Зимний дворец»; люди, смевшие глумиться над трогательными взываниями ⟨к⟩ освободителям ⟨из⟩ Зимнего дворца, провозглашались желчными, слепыми догматиками и юродствующими демагогами [18].

Таким образом, общество охотно принимало конституционную агитацию и снисходительно относилось к приглашению составлять кружки: пусть-де в них идет прыткая молодежь, это дело не важное!

Когда же в мае 1862 г. раздалась прямая, ясная речь *Молодой России*, общее положение и взаимное положение партий определилось: дилетанты, хлестаковы и репетиловы отбросились от молодой партии с ужасом, все образованное общество оттолкнулось, убоясь близости расправы, устрашась, что юношество идет не на пустословный союз с ним, а на серьезный союз с народом [19]. Дрогнули и иеремии либеральной прессы и оплакали

судьбу погибших от своего увлечения юношей, которых народ-великан не признал за своих детей и побил в темную ночь!.. [20]

Никакой темной ночи не было, напротив, все было очень ясно. Придирка правительства к пожарам, налыгание на молодежь, будто она поджигает, только показывала, до какой степени правительство растерялось при первом громком слове и до какой степени оно шатко, если должно прибегать к мерам, подобным несообразной клевете, пущенной в ход при увеличении полицейских чинов в одном Петербурге на целую тысячу воинов! [21] Тут же оказалось, что переряженные будочники и опоенные лабазники вовсе не народ и что народ не признал за своих детей не юношей, а военные команды. Урок был дан не нам, а правительству: в разных местностях народ энергически отказывал во всяком доверии к правительству, гнал вон его команды * и сам брался за ружье или топор для ограждения от поджогов со стороны официальных наездов.

Небывалый погром вздумало произвести правительство: со всех концов везли людей в крепости, наполняли остроги, метались из угла в угол с ночными обысками, хватали стариков и детей, юношей и женщин. Совершенно излишне было бы скрывать: ловко воспользовавшись клеветой о поджогах для своих замыслов, выбили, выхватили из революционных рядов нескольких или многих. Но, во-первых, какое большое число схвачено было непричастных к революционному делу лиц, и скольких чрез то восстановляло против себя правительство? во сколько семей вносило оно непримиримую вражду к себе, на скольких отдаленных концах России оповещало оно о существовании грозящего ему гибелью революционного общества и скольких приучало чрез то к мысли о возможности его гибели? во-вторых, если б можно было разбить одним погромом всю революционную силу, весь ее состав, то не стоило бы и говорить о ней как о ничтожной, судьба которой подвергалась случайному погрому.

IV

Погром 1862 г. открыл только пред всеми, что враги правительства кроются и там, где оно вовсе не ждало того, в «верном воинстве». За год пред тем, во время студентской истории, правительство думало о том, «не протрезвить ли юных людей в рядах русского воинства»; молодые люди, в свою очередь, стали тоже думать, не протрезвить ли ряды русского воинства? и молодые люди те были не только студенты, а преимущественно

---

* Во время известного Симбирского пожара в 1864 г., истребившего весь город, симбиряками чуть не был убит полковник Самарского полка, квартировавшего тогда в городе; и только благодаря прыжку лошади удар дубины, направленный в полковника, пришелся по заду лошади. На второй день полк, по настоянию жителей, был удален из Симбирска в Самару. Справедливая ненависть к *защитникам отечества* была дотого велика, что народ, поймав двух офицеров того полка, начал их бить, и один из них тут же поплатился жизнью, а другой, избитый, был посажен в острог. Что народ в этом случае не был увлечен слепою, бессознательною яростью, это доказывается тем, что оставшийся в живых офицер привлечен был к следствию по пожару, равно как и полковник потом был арестован и уличен несколькими солдатами в участии в поджогах, заключавшемся в подкупе поджигателей и раздаче зажигательных материалов (солдаты содержатся в тюрьме и теперь), и если бы не смерть Жданова, то последнему, вероятно, не сдобровать бы. Но вскоре после таинственной смерти Жданова, который, переводя производство следствия в Петербург, распорядился было перевести туда и Бендерского (фамилия полковника), последний был освобожден. Оно и понятно: улики, бывшие у Жданова, исчезли при его внезапной смерти. Администрация в лице губернатора и полиции пользовалась не большим доверием и в продолжение нескольких дней была совершенно устранена от всякого вмешательства в дела погорельцев. Симбиряки энергично заявили, что если администрация раньше мало заботилась о них, так они теперь и подавно в ней не нуждаются, и действовали так, как будто бы ее и не существовало.

Губернатор и полицмейстер были вскоре затем удалены [22].

офицеры. В том поколении молодых офицеров, в академиях и высших военных училищах, революционное дело встречало многих готовых служить ему [23]. С тех пор союз между юношеством всех различных положений не порывался, а ковался крепче и энергичнее, связанный общим преследованием. А правительство, видя врагов повсюду, должно было сознаться громогласно, что оно может опереться только на невежество народа: воскресные школы были закрыты по всей России, в них молодежь сообщалась с народом, что и признавалось опасным: «бессмысленные идеи мятежных фанатиков» оказывались сочувственными народу [24]. Правительство заявляло во всеуслышание, что народ читал в школах «Молодую Россию» и не растерзал юношей!! Среди разгрома правительственной и общественной реакции революционное дело вступало в новый период своего образования. Организовалось тайное общество, известное публике под именем «Земля и воля». Оно вовсе не было основою тайных обществ, они уже существовали во многих местностях, и каждое из них, отдельно взятое, могло бы представить весьма интересную и поучительную историю. Конспирационное же значение общества «Земля и воля» заключалось в поставленной им задаче слить все отдельные революционные общества и кружки в одно целое, связанное для дружного, общего действия всюду в одинаковом единодушном смысле. Ближайшая цель «Земли и воли» была высказана им самим: оно столько же стремилось к самосозванному Народному Собранию, сколько хотело помешать возможной случайности созвания правительством официального Земского Собора, т. е. дарования какой-нибудь непристойной конституции. Общество «Земля и воля» видело столько же пользы в Собрании Народном, сколько зла в государственном; оно открыто сознавало, что Народное Собрание обусловливается предварительным уничтожением правительства, и оно ставило последнею задачею своего существования ограждение Народного Собрания, посредством своей разветвленной организации, от всяких привилегированных и имущественных интересов; оно хотело таким образом вызвать Народное Собрание для того, чтоб народ сам, собранный в лице своих избранных доверителей,— поставил главные основы для своего нового быта.

Средством к достижению такой цели «Земля и воля» считала прежде всего стройную, крепко сплоченную и широко разветвленную «Организацию пропагандистов» ввиду способствования для позднейшего образования другой широкой «Народной организации вооруженных борцов». Первые организации, конечно, образовывались все из того же жизненного элемента среди образованных сословий, который один и мог бы нести в народ сознанный революционный помысл. В этом-то и заключалось стремление «Земли и воли» при образовании революционных узлов и сетей повсюду в России и между всею молодежью, начиная с уездного училища и проходя через семинарии, институты, корпуса, академии, университеты и разные служебные места.

V

Развитие общества «Земля и воля» и его дальнейших действий было остановлено тем крайне серьезным вопросом, в котором русские революционеры стояли в совершенно исключительном положении. В 1862 г. периодически польский вопрос поднялся во всем своем разгаре. Многое в разрешении его находилось в связи с тем, как отнесутся к нему русское общество, войско и народ?— Никогда, может быть, ни в одном вопросе правительство не зависело в такой степени от мнения и расположения общества в ту или другую сторону. Мы прямо скажем, что если поляки были обмануты французским и английским правительствами и обществом, то обвинение в обмане должно пасть и на русское общество. Оно легко-

мысленно кокетничало с поляками, с их освобождением, и потом остервенело кинулось потворствовать казням их.

В цензурной журналистике до самого польского восстания не появлялось никаких ярых возгласов против поляков; даже статьи передовых журналов, говорившие сочувственно о справедливом желании поляков освобождения, не встречали себе опровержения в тех журналах, которые позже сделали своим ремеслом завывания о польской измене. Так называемое образованное общество продолжало умиляться и нежничать с заграничною русскою прессою, которая неутомимо указывала на необходимое развязывание польского вопроса. Более того, образованное общество отнеслось сочувственно к «Великоруссу», который проповедовал освобождение поляков уже не по царской инициативе, а по инициативе самого же русского общества, выставляя ему на вид все финансовые разорения, всю трату народных сил в войске для насильственного владения Польшею [25], и приглашая его требовать от правительства освобождения Польши. Позже, в 1862 г., назначение в Польшу *царского брата*, выражавшее собою кокетничание петербургского правительства, породило в обществе слухи, толки об отделении Польши под скипетром польского царя Константина; и толки эти встречались сочувственно [26]. Мы увидим немного ниже, как образованное общество испугалось потом, испугалось, конечно, из личных, корыстных причин и как бросилось заглаживать вину своих увлечений.

Совершенно иное, не пустословное, а строгое и обдуманное было отношение к польскому вопросу в революционной партии. Вначале, когда раздались в Варшаве первые выстрелы по протестующим полякам (в марте 1861 г.), в Петербурге была совершена университетскою молодежью публичная демонстрация: панихида в католической церкви по убитым полякам, в которой приняли участие все студенты [27]. Панихида кончилась пением польского революционного гимна. Смысл демонстрации, конечно, заключался не в религиозной обстановке, которая служила только неизбежным предлогом, смысл лежал в порицании, в протесте против правительства за его насилие над чужеземным народом. Демонстрация получила еще больше значение через то, что накануне молодежь своим присутствием и своими речами на похоронах Шевченка точно так же протестовала и против гнета, душащего малороссийскую народность [28]. Когда же правительство вздумало преследовать польских студентов за панихиду, то должно было остановиться, потому что увидело, что все русское студенчество открыто решилось принять на себя ответственность вместе с поляками, что русские студенты, протестуя против отдельного изгнания поляков, объявляли свое намерение подвергнуться общему исключению, если будут исключены некоторые из польских студентов.

Идя все вперед, революционное движение молодого поколения охватывало собою всё более элементов, находя себе поборников (как мы указали уже выше) не только в университетах и семинариях, но и в военных училищах, корпусах и академиях. Молодое офицерство являлось многозначительным подспорьем надеждам революционной партии. Но положение его было столь же просто в самой России, сколь тяжело и запутано в Польше. В России оно могло принимать участие в пропаганде между войском и выжидать момента вооруженного восстания против правительства. В Польше оно должно было вполне сообразоваться с польским движением, быстро шедшим к взрыву.

Какую же роль могли играть в Польше русские офицеры? Протестовать в одиночку против насилия *своего* правительства и отказываться вести солдат на поляков? Такое честное поведение, купленное гибелью, всегда рисковало остаться не более как исключением.— Переходить в лагерь поляков? Оно не достигало бы цели, т. е. препятствия войне, если б так

поступили немногие; если же многие оказались бы готовыми на то,— то им предстояла бы другая возможность действий. Вместо того, чтобы просто переходить в лагерь поляков и чрез то, с одной стороны, оставлять солдат все же воевать под начальством других офицеров; с другой стороны, свести все свое революционное стремление на стремление *чисто* польское, вместо такой пассивной роли они хотели внести свое энергическое участие в дело, которое должно было охватить самую Россию. Желание такого участия основывалось на том, что русские офицеры молодой партии, стоявшие в Польше, ничуть не рознились в своих воззрениях от всей революционной партии в России [29]. У этой партии было свое дело — подготовление Революции в России на коренных социалистических началах; она считала себя по самому положению и знакомству своему способною действовать только на русской почве. Естественно, что русские офицеры в Польше искали возможности одного общего союзного дела с своими единомышленниками, оставшимися дома. В этих видах было образовано в Польше тайное общество, известное под именем Потебневского, по имени одного из его учредителей и принявшее за знамя свое «Земля и воля»! [30] Оно было основано для пропаганды между русским войском, для убеждения его в подлости и преступлении воевать с поляками по приказанию Петербургского правительства, «насильственно» захватившего Польшу; и наконец для побуждения войска принять единственный плодотворный выход из трудного положения: стать освободителями своей родной земли,— оставить Польшу в момент, когда она окончательно заявит с оружием в руках требование своей независимости, и обратить свое оружие на уничтожение в самой России ее самого злейшего врага — Петербургского правительства.

Для осуществления такой цели офицерский комитет соединился с обществом «Земля и воля». Общая пропаганда, проникая через проводников организации в народ, должна была приготовить почву для выступления и встречи русских военных отрядов из Польши, идущих с провозглашением Земли и Воли, с установлением всюду, на пройденном пространстве, нового, народного порядка...

Дальнейшие связи и сношения общества «Земля и воля» с польским революционным комитетом имели чисто стратегический характер. Естественно, что для той и другой стороны обоюдное одновременное действие против одного и того же врага, т. е. против Петербургского правительства, было бы большим или меньшим ручательством за успех. Два важные пункта, соблюденные при переговорах, освещают взаимное отношение к революционному делу.

I. Польский комитет, стоявший осенью 1862 г. во главе польского движения, вполне принимал условия, необходимые для возможности общего действия, именно: полное признание за всеми народностями — не только Украины, но и Литвы — независимо и самостоятельно располагать своею судьбою, устройством своего политического и социального быта. Общность действий обусловливалась обоюдным искренним соблюдением такой гарантии и строгим энергическим ограждением Украины и Литвы от всякого вмешательства с какой бы то ни было стороны.

II. Русский Комитет тщательно предупреждал Комитет польский о том, что еще не скоро можно надеяться на восстание в России, что поэтому польская революция одна и сама по себе рискует погибнуть, если вспыхнет преждевременно. Польские революционеры, в свою очередь, вполне сознавали опасность преждевременного восстания и никогда не решились бы вызвать его в то время, если бы не были вынуждены крайними мерами русского правительства *.

* Набор, равносильный лишению Польши ее самой энергической поддержки в тех тысячах юношей, которые должны были бы отправиться в полки отдаленных губерний России [31].

В высшей степени важно было при этом указание русских на причину, по которой в России восстание зреет медленно; русские настоятельно указывали на различие в постановке вопросов: у вас (поляков) каждый поляк с вами, потому что вы ставите дело на национальную почву, вы ищете освобождения от чужеземного ига; у нас же вопрос революции не только вопрос не национальный, но даже и не чисто политический; дело нашей революции заключается в вопросе *социальном*; поэтому против нас будет не только правительство, но и вообще все образованное общество. Наша революция зреет медленно, хотя зато прочнее. Наши революции пойдут дружно вместе, когда польская программа расширится до непременной постановки социального вопроса.

С этой постановкой связан был в глазах русских успех польского движения в самой Польше, ибо тогда на изгнание русского правительства вставал весь край, уже не шляхта и духовенство, а все крестьянство.

С этой же постановкой социального вопроса в Польше связана была и надежда русских на *плодотворное влияние* польской революции на Россию; очевидно было, что если бы польские крестьяне получили во имя революции всю землю без всякой платы и выкупа, то сознание о возможности такого овладения распространилось бы между смежными русскими селами и охватило бы все русское крестьянство.

Здесь не место рассказывать известные нам внутренние тайные перемены, происходившие в среде Польских Комитетов, заправлявших дело. Всем известно, однако, что красная, радикальная партия была смещена интригами, угрозами и насилием партии белых, партии католических аристократов [32]. Такая перемена ясно предвещала собою неизбежное падение польской революции, погубленной своими шляхетскими предводителями, обманом и предательским вмешательством иностранных держав, на котором аристократическая партия воображала основать свое торжество.

Гибель тайной организации русских офицеров была вполне связана с уничтожением красной партии [33]. Трудные, запутанные отношения становились долее невозможными при нетерпимости аристократо-дворянской партии ко всему не только русскому, но и ко всему противоположному привилегированным интересам. А отступление было невозможно, точно так же, как уход в Россию: поставленные между возможным обвинением в измене союзу с польской революцией и между выбором преждевременной смерти — русские офицеры предпочли последнее, и не один Потебня погиб в битве с войском русского императора [34].

Другие утраты невольно наносились русскому делу преждевременным взрывом польской революции и ее поворотом от своего первоначального широкого смысла к устарелому притязанию привилегированной партии. Дело заключается в том, что даже образованные классы, вероятно, не вздумали бы протестовать против отделения Польши, если б оно могло осуществиться всяким иным путем, но только бы не путем революции. Революции же образованные классы боялись как заразы, которая угрожала перейти в Россию, а они знали, что, особенно в тот момент, распространение революции на Россию означало бы прежде всего имущественный переворот и вступление народа в его полные права на землевладение. Высказать такую боязнь прямо ни привилегированные образованные классы, ни их литературные представители не посмели бы, не желая давать революционной партии столь сильное орудие против себя в глазах народа. Бумажным вмешательством иностранных держав [35], манифестом аристократической партии о границах 1772 г.[36],— как нельзя ловче воспользовались и привилегированное общество и наемные публицисты. Общество сыграло в патриотизм и потянулось длинным хвостом к стопам царя, будто «неся на алтарь отечества свою жизнь и достояние» [37]. В сущности же оно крало с этого «алтаря» последние гроши, возбуждая на разорительную войну.

В высшей степени любопытна статистика пожертвований в пользу раненых, вдов и сирот, точно так же, как и статистика заведенных тогда братств для возвращения в лоно православия душ, заблудившихся в папизме. Сумма пожертвований на такие патриотические цели была гораздо ничтожнее, чем даже сумма, потраченная на телеграммы, бумагу и чернила для заказных адресов. А между тем своими патриотическими вакханалиями привилегированное общество сумело оттеснить на задний план весь крестьянский вопрос, и за такую сделку дало правительству взятку: стало рукоплескать казням своих же родных детей и преследованию лиц, выхваченных из его же среды без всякой законной причины.

Удар, нанесенный революционной партии в России таким положением дел, был значителен. Здесь же неможно умолчать об одной непоследовательности революционной партии, весьма благоприятной для ее врагов. Каким образом она допускала безнаказанно обвинение ее в измене, в предательстве русского народного дела? Изобретателем этих обвинений был Катков. Обвинение, не пресеченное сразу, повторялось потом ежедневно на все лады, с самыми безобразными клеветами всеми газетчиками, наперерыв стремившимися отличиться перед III Отделением. Запевалою и дирижером в хоре доносчиков оставался Катков. Объявляя русских революционеров изменниками отечества, он требовал у правительства, от имени всей России, беспощадной казни людей, которых он называл почти по имени, и целой молодой партии [38]. И действительно, правительство прибегло к мерам, противоречащим даже русским законам. Так, революционерам, по наущению Каткова, отказывалось даже в соблюдении какой бы то ни было общепринятой законности; они объявлялись людьми, стоящими вне всякого закона, людьми, против которых все решительно средства позволены. Что было бы, если б революционеры приняли такой вызов и применили с своей стороны такой же способ действий относительно своих врагов, начиная с Каткова? И это тем более могло случиться, что правительство открыто признавало для себя вред во влиянии одной или другой личности и вырывало из свободолюбивой среды именно те личности, которые считало дорогими для нее и губило их, не стесняясь никаким отсутствием законности. Революционная партия, вероятно, могла тоже признать для себя опасность той или другой личности... Этими словами мы, конечно, хотели сказать не более, как то, насколько опасную игру затевали продажные публицисты, и каким роковым образом могла бы она разыграться для них, если б на беду революционеры вздумали соображаться в своих мерах с их же собственными требованиями...

Возвращаясь к польскому вопросу, к дальнейшим отношениям двух партий действия — русской и польской, мы должны прямо сказать, что с тех пор (лето 63 года, гибель Потебни и манифест о границах) очевидно стало, что эти партии руководятся разными воззрениями и держатся разных путей. Русская революционная партия должна была решиться ждать возможности иного, нового союза с польской революционной партией до того времени, когда польская партия признает прямою целью всего своего дела — революцию социальную, опирающуюся на народ и имеющую единственным предметом своим народ. Мы не сомневаемся, что придет время такого отношения поляков к революции; мы знаем, что уже и теперь в среде польской молодежи есть личности, принимавшие не менее других энергическое участие в восстании 63 года и вместе с тем умеющие относиться к революционному делу согласно с социалистическим пониманием. До тех же пор, совершенно отстраняясь от общего действия, мы тем не менее всегда будем желать Польше освобождения от насильственного захвата императорского правительства и всегда стали бы сочувствовать всякому успеху поляков, одержанному над императорским господством.

Остается прибавить только одно замечание для людей, которые имеют право на внимание нашего журнала. Это люди, которые вовсе не пропитаны скудоумным раболепием и фальшивым патриотизмом, но которые, желая оставаться свободолюбивыми русскими людьми, в то же время совершенно искренно считают невозможным какое бы то ни было сочувствие так называемому «польскому вопросу» и совершенно искренно готовы будут обвинять нас в предательстве и измене русским интересам. Еще и еще раз повторяем мы для таких людей: мы изменили бы и предали бы наше дорогое дело, дело русской революции, если б не были последовательны. Мы прямо сказали, что, по нашему убеждению, «*интересы русского народа всегда и во всем совершенно противоположны интересам русского императорства*», мы стремимся и проповедуем уничтожение императорства; мы поэтому будем сочувствовать всему, что способно нанести удар и ускорить разрушение императорства. Мы вдвойне будем сочувствовать польскому освобождению, потому что, кроме того, оно избавило бы русский народ от невольной солидарности с кровавым гнетом императорства.

История и злоупотребления столь тесно связали вопросы о Литве и о Украине с вопросом польским, что мы обязаны — во избежание всяких недоразумений — теперь же сказать по этому поводу наше прямое слово, оставляя до другого раза необходимое обстоятельное выяснение двух совершенно самостоятельных вопросов — малороссийского и литовского.

Социалисты-революционеры могут быть только врагами всякого авторитарного государственного социализма. Поэтому вопрос о Малороссии и Литве не разрешится даже принятием русскою или польскою партией широкой социалистической программы: насильственный союз во имя социалистического переворота столь же мало может быть навязан той или другой народности, сколь и нынешний насильственный союз во имя бессмысленной государственной необходимости. Мы должны сознавать, что начала, проповедуемые нами, сами по себе влекут соседние народности к союзу с тою, в которой те начала находят себе осуществление. Мы должны помнить, что единственный союз, допускаемый нами,— это *социально-федеративный*, т. е. федеративная связь народностей, устроившихся на социалистических началах [39]. А федеративная связь полагает существенным условием своим — полное всестороннее самобытное развитие как каждой особой народности, так и вообще всякой группы, сплоченной одними и теми же интересами, одними и теми же понятиями. Государственный же союз всегда вел и ведет к полному уничтожению не только всего самобытного, но и вообще всего жизненного в захваченной народности. Мы слишком хорошо знаем, какое зло, какой гнет терпели и терпят Малороссия и Литва от того или другого господства. Как русские и как социалисты, мы не только не страшились бы отделения Литвы и Малороссии от *русской империи*, но напротив мы желаем той и другой стране полного освобождения. Мы знаем, сколько трат понес малорусский народ, как губили его особое миросозерцание, выявлявшееся в его литературе, в его народных песнях; как покусилися даже на грамотность в малорусском народе, как и до сих пор отнимают у него его родной язык [40]. К счастью, все это только еще более послужило неопровержимым доказательством живучести малорусского народа, в котором весь гнет целых веков не мог убить его самобытности, его стремления к своей свободной жизни. То же самое должно быть сказано и о населении Литовского края.

Таким образом, считая, что малорусский народ, как и народности Литвы, могут с пользою внести и свою долю в *общий всенародный вклад мысли и дела*, мы всегда готовы работать вместе с украинцами и литовцами для свержения императорского ярма, и мы радостно приветствовали бы Ук-

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 года
Взятие дворца графа Замойского в Варшаве
Гравюра
«Illustration», 10 октября 1863 г.

раину и Литву, если б та или другая страна положила начало распадению русской империи, для того чтоб великорусский народ мог сам по себе вступить с ними в свободный социально-федеративный союз.

VI

В конце 1863 года ясно было, что польское восстание еще раз погибло, заявив пред всем миром своим кровавым протестом невозможность какой бы то ни было сделки между польской национальностью и русской империей. В конце же 63 года тайные общества в России должны были прекратить свои внешние действия, чтоб не давать более повода губить напрасно людей. Должна была создаться другая система действий; поэтому и общество «Земля и воля» перестало существовать гласно [41]; была сознана полезность прекратить прокламационную агитацию, которая выполнила уже свою задачу, т. е., с одной стороны, доказала обществу и правительству возможность борьбы с правительством гласным путем прессы, несмотря на все цензуры; с другой стороны, указала свободолюбивым людям на необходимость дружного соединения для прямой борьбы. Вместе с тем прекратилась потребность в организации распространителей, которая и была распущена.

Время борьбы сменилось лютым систематическим преследованием смолкнувшей партии. Правительство, снова успокоенное со стороны Польши, перенесло свою тамошнюю систему расправы на Россию [42]. Это было естественно и последовательно: «наши внутренние изменники страшнее внешних»,— пояснял все тот же безнаказанный Катков [43]; наши внешние враги вышли в открытое поле и в леса и встречены победоносной армией;

между тем как наши внутренние враги укрываются в недрах российского народа. Давно ли то время (1862 г.), когда горсть смельчаков терроризировала весь Петербург и повергла его в совершенно революционное состояние, когда перед несколькими крикунами в ужасе умолкало все благонамеренное и честное!». Эти внутренние враги являлись, по учению Каткова, не более как слепым орудием той же польской измены! Очевидно, с ними следовало поступать точно так же, как с поляками,— казнить и не миловать.

Эшафоты воздвигались в Польше, Литве и России в течение всего 63 и 64 годов [44]. Аресты тянулись в Москве, Петербурге и других городах до самого конца 64 года, когда все уже давно затихло. В Алексеевском равелине, в губернских острогах морили дорогих и полезных для дела личностей по целым годам; все, что только казалось опасным или даже подозрительным правительству и его литературным соглядатаям, было осуждено на каторгу, на поселение, на острог, на ссылку, на изгнание. Вместе с тем вся русская учащаяся молодежь была осуждена на «невежество и разврат» по самой утонченной и изощренной системе. Университеты не были закрыты, напротив, они снова наполнялись юношами, но им уже нечего было искать здесь и тени образования: университетские кафедры, наполовину пустые и при смещении всех сколько-нибудь годных профессоров, стали служить орудием для притупления всей мозговой способности, для пропаганды полицейского и солдатского величия русской империи. И собрания студентов были допущены, только не на университетских сходках и не в библиотеках, а в танц-клубах, повсеместно устроенных под покровительством правительства: молодежь, посещавшая их, проводившая ночи в безобразных плясках и попойках, находилась у полиции на хорошем счету; в то время как молодежь удалявшаяся уже чрез это одно находилась в подозрении; а это значило, что при первом требовании III Отделения представить виновных того или иного «возмутительного покушения» полиция вырывала наобум ту или другую жертву из числа «подозрительных».

Общество наслаждалось реакцией. Под предлогом зловредности студентов — дети во многих семействах оставались без всякого обучения (правда, за то и деньги оставались в карманах родителей для более полезного увеселительного употребления). Правительство и общество были убеждены, что пришел конец крамольному существованию молодой революционной партии. Они полагали, что сделали с своей стороны все для подавления ее, и, по их мнению, увлеченные юноши радикальной партии должны были, раскаиваясь, броситься в открытую для них широкую дверь служения царю и отечеству, в дверь чиновничьего и полицейского служения. Такой расчет должен был оказаться крайне ошибочен. Очевидно, что враждебное современному порядку понимание жизни, однажды созревшее и двинувшее своих приверженцев на светлый, хотя и опасный путь осуществления новой жизни, очевидно, что такое понимание никоим образом, никоими мерами не может быть уничтожено в том слое общества, который постоянно растет, принимая в себя новых прозелитов, новое поколение. Тем менее могло быть разбито новое понимание жизни — средствами, выбранными правительством и обществом; и если верно, что реформенное движение могло заставлять многих останавливаться на полдороге и принимать за действительный прогресс обманчивый призрак, за перемену порядка одну измененную формальность, то столь же верно и то, что реакционное мракобесие должно было сделать только неизменным и окончательным полный разрыв двух лагерей.

С отброшением всех внешних проявлений революционного движения, ставших мешать ее беспрепятственному ходу, радикальная партия устремилась к выполнению двух задач: образованию самой себя своей среды;

перенесению пропаганды и всего революционного дела на другую почву. Проделками правительства относительно университетских и других училищ — была уничтожена для передовой молодежи всякая возможность какого бы то ни было образования. А между тем необходимость образования, знания, совершенно основательно представлялась революционерам существенною потребностью для здравого отношения к делу, для построения его на началах, выработанных сознанными потребностями народных масс и формулированных — хоть и далеко не полно еще — теми немногими честными проводниками научной истины, которые шли искать ее в недра народной жизни. Новые люди радикальной партии стали оставлять университеты и искать помощи себе во взаимности, во взаимном обучении, в общном занятии наукою и ее выводами, с отброшением всякой схоластики. Вместе с тем они на деле хотели осуществлять главное условие нормальной жизни, поставленное физиологией и социологией: соединение мускульного труда с нервным. Стремясь к самообразованию, юноши решились применить на самих себе, несмотря на все неудобства того при ненормальном порядке, требования новой жизни: стали искать средств существования не в зависимом от каприза барина пропитании уроками и т. п., а в более производительном труде, в труде ремесленном, в типографиях, переплетных, на различных фабриках.

С небольшими средствами, в короткое время, среди общей реакции группа юношей дружно сошлась между собою и стала заводить с изумительною быстротою и ловкостью всякие школы для обучения безграмотных юношей из так называемого простого народа, всякие ассоциации и, наконец, даже фабрики [45]. И не на одной Москве сосредоточивалось все их внимание к работе; сеть их стремлений раскидывалась дальше; они шли на фабрики в разные губернии, они во многих местностях обучались ремеслам и в то же время обучали народ грамотности, чтению хороших книжек, издание которых тоже имелось ими в виду. Они не считали нужным заявления о себе; они действительно не допускали никакой легкой речи с народом, ограничивающейся только революционной фразеологией. Получив сознание, что русское дело не стоит еще накануне Революции, что требуется предварительная долгая подготовка в среде самого народа для того, чтоб революционное дело или было поднято самим народом, или нашло себе энергическую поддержку в нем, они брались не за агитацию среди общества, а за пропаганду в среде самого народа, не только словом, но и делом, путем действительного сближения, путем общения и разделения с народом и его труда и его быта.

Внося в народную сферу, в народное понятие об артели более широкий смысл всесторонней ассоциации, основанной на развитии и взаимности всех интересов соединявшейся производительной группы, новые пропагандисты, заслуживая своим личным трудом доверие народа, расширяли горизонт рабочего люда; указывали ему на возможность такого устройства и фабричности и земледелия, при котором было бы обеспечено не только материальное прокормление, но при котором все производство, точно так же как и орудия и источники производства — принадлежат самим производителям и возделывателям. Они указывали, что только при таких условиях рабочий быт включает в себя не только труд, но и отдых, досуг и наслаждение всеми сторонами жизни — умственною и нравственною сторонами.

Этим пропагандистам нечего было бояться, что правительство набросится на их дело и станет разорять ассоциации (как и сделало это позже); тем хуже было бы для самого правительства: народ и тысячи учащейся молодежи все же убеждались бы, что начало ассоциации ведет к иной, безбедной жизни и в то же время видели бы, что правительство признает опасным для себя общее стремление к той безбедной жизни: стремление

чрез то нисколько бы не уменьшилось бы, а только увеличилось бы недоверие к правительству, озлобление на него, изобличение его в несостоятельности для какой бы то ни было помощи народной жизни.

Такова была задача московских пропагандистов 1864—1866 гг.; таково было их значение. По их трезвому пониманию революционно-социалистической деятельности, по их практическому отношению их можно смело назвать первыми русскими практическими революционерами-социалистами. Здесь не место говорить об обширном круге их действий, об их энергии и умелости, об их преданности и выдержанности. Случай, наделавший много шуму, остановил их работу и погубил их преждевременно, окрестив их названием каракозовцев или ишутинцев [46]. Последнее название, конечно, вернее, так как Ишутину принадлежало действительно значение одного из главных инициаторов. Отдельный случай выстрела, конечно, не мог входить в программу тех людей: они очень хорошо знали, что положение изменяется не от перемены одного лица, а от изменения всего порядка вещей. Они знали, что не только выстрелом, но даже вообще так называемой дворцовой революцией не достигается еще полная желанная перемена, и они знали притом, как сравнительно малочисленны были они для полного повсеместного действия в один и тот же момент. Но вместе с тем тот выстрел, бывший более или менее неожиданною случайностью относительно программы ишутинцев [47], является во всем своем историческом значении, если судить о нем, принимая во внимание тогдашнее поведение правительства и состояние общества. Мы сказали уже, что раз завязанная борьба не могла пресечься; правительство в своем гонении с каждым днем шло все далее, давая все более разгула своей наглости и лютости; точно так же должно было итти вперед по своему пути и движение передовой партии. Мы сказали и то, что общество в то же время не представляло никакой возможности удовлетворения или примирения: оно являлось безусловным враждебным лагерем относительно всего молодого и живого. Оно не переставало потворствовать правительству во всех его кознях, и тем более рукоплескало, чем ожесточеннее расправлялось правительство. Естественно, что такое отношение могло вызвать подобное же настроение в той или другой личности из радикального лагеря: естественно, что тому или другому могло в свою очередь явиться аналогическое же ожесточение к врагам своим и что сами же меры правительства могли натолкнуть человека и утвердить его в мысли о кровавом ответе на кровавую расправу. Полезность или вредность подобного поступка имеет столько же смысла или неосновательности, сколько и полезность или вредность такой же правительственной системы. Очевидно, что правительство столь же тщетно казнит юношей с целью истребления нового, несовместного с его существованием направления, сколь тщетна была бы смерть одного человека, поставленного во главе правительственной иерархической машины, для уничтожения современного порядка. Этим рассуждением мы и ограничимся. Раз что для нас не существует понятие о какой-то царской исключительности из рода человеческого и все подобные византийские легенды, мы можем относиться к бывшему случаю только так, как отнеслись бы ко всякому подобному случаю с другим лицом. Несмотря на громадную ответственность, которую фигура русского царя принимает на себя, мы считаем, что ответственность эта должна быть подвергнута свободному суду в известный день вместе со всеми другими причастными лицами, а именно в тот момент, когда признание виновности подобных лиц поведет в народе к такому сознанию, которое сделает невозможным возврат подобных легендарных фигур.

От такого взгляда на выстрел героическая самоотверженность и высокая преданность Каракозова делу русской свободы нисколько не уменьшается, и, припоминая все его поведение с минуты ареста и до виселицы,

каждый революционер отнесется к нему как к выдержанной, законченной и на все готовой личности.

История после Каракозова и до настоящего времени представляет собою только одну мрачную полосу то разъяренной, то дремлющей реакции. Еще раз, по-видимому, побиты революционеры, еще раз правительство и общество целые два года оставались вне всякой тревоги; им никто не мешал, ни Польша, ни «сепаратизм», ни «горсть диких фанатиков». Что же они сделали в это время? чем облегчили они участь народа?

Вся жизнь в России за эти два года выражается в немногих словах, смысл которых слишком горько испытывает на себе народ: Россия доведена правительственным порядком до голода, до денежного, умственного и нравственного банкротства!

VII

В предварительном коротком напоминании заключается только внешняя сторона революционного движения; сторона, которая могла быть столь же известна каждому, сколько и нам. Мы предупредили, что умолчим пока о многом и кое о чем будем говорить в другие разы. Какой же смысл лежит в указанной стороне движения? Что можно вывести из всего изложенного здесь? Конечно, множество господ скажет, что все сие не более как отдельный ряд детских попыток, справедливо каравшихся правительством. И не заметят эти господа логического противоречия в своем определении: если то были детские попытки, то с ними не сообразуется строгость правительственной кары, и правительство, даже с точки зрения тех господ, как сила, призванная опекать, а не разрушать общественный строй,— оказывалось бы преступным и зверским. Естественно, что само правительство было сметливее своих ярых приверженцев, видя в попытках боровшихся с ним целый последовательный ряд одного и того же направления, стремившегося подорвать его, изобличить и, наконец, произвести взрыв для полного уничтожения его. Наши же единомышленники прибавят к этому несколько более положительных заключений и выводов. Ожесточенные казни правительства, трусливый рев общества ясно показали, что и те и другие сочли для себя опасным совершавшееся движение, сознали в нем угрозу своему существованию, хотя в то же время сами же кричали и старались уверить друг друга, будто врагов современного порядка немного, ничтожная часть безумных людей.

Конечно, в общей сложности и при строгом разборе, сравнительно с массою, оставававшеюся в стороне от деятельного союза, революционеров было немного. И эти немногие могли пошатнуть правительство и заставили его прибегнуть для поражения их к таким средствам, которые обличали его полную несостоятельность и немощь бороться против них самим им же установленными законами; для поражения их оно должно было стать поджигателем и подделывателем фальшивых документов! Этого размышления слишком достаточно, чтобы убедиться не только в возможности, но и в относительной легкости разрушительного действия против правительства. Еще более очевидным представляется наше утверждение при воспоминании о двух следующих обстоятельствах: с одной стороны, революционеры делали и не могли не делать много ошибок, для них все было ново в стремлении образовать тайную организацию, основанную на предварительном тайном сплочении в один помысел и в одно обобщенное стремление всех разбросанных революционных элементов. С другой стороны, самые обстоятельства и события того периода, ставя перед ними непредвиденные, слишком важные препятствия, заставляли совершать даже сознательные ошибки и неизбежные уклонения, и все же, как ни мало их было при самом начале, число сообщников одного и того же дела увеличивалось чрез-

вычайно быстро, принимая в расчет краткость времени, и не в одном месте, а всюду и во всех слоях. С точки зрения верхоглядов и оптимистов противного и дилетантов нейтрального лагеря — все это решительно ничего не доказывает; если и была возможность организовать силу, она все же побита, лопнула и ничего от нее не осталось — то значит было марево, взбаламученное море, сухие листья и бумажные змеи! [48]

Разуверять подобных публицистов мы, конечно, не станем и будем говорить теперь только с людьми той полосы молодого поколения, которая должна была стать теперь на черед вместо нас и рядом с нами. Если б у них осталось туманное сомнение или неполное выяснение прошлого дела — то это было бы для нас действительно важно и действительно грустно, потому что их роль, их деятельность в деле нынешнем должна быть соответственною нашей в деле прошлом; вот почему для прочного союза, для единодушного хода вперед напоминаем мы здесь о положительной, о внутренней стороне революционного дела, свободной пропаганды. Люди могут не признавать ни важности, ни даже серьезности тайного общества подпольной пропаганды,— но одного явления той эпохи никто не посмеет отрицать и объявлять небывалым: явления, родившегося, выросшего и сказывавшегося в то время. Оно вызвало против себя целую бурю московских и иных громовержцев [49]; оно было намеренно искажено и обезображено; для циничного оклеветания его были подкуплены газеты и журналы; полицейские романисты и писатели изящного света создали целую лубочную литературу для осмеяния того явления [50].

Риторы враждебного лагеря окрестили то явление прозвищем *нигилизма*; нам ничего не стоило бы принять такое название, как условный термин для обозначения известной партии. Не раз в истории известная партия, люди известного направления и даже целые массы, сплоченные революционной борьбой, спокойно принимали и удерживали за собой навсегда прозвища, данные им врагами в виде насмешки и презрения. Так остались в истории французские якобинцы и санкюлоты, голландские нищие и многие другие [51]. Самое название *нигилизм* не заключало бы в себе ничего отталкивающего для нас, принятое в смысле нигилирования, отрицания возможности всего существующего порядка. Но беда в том, что, с одной стороны, риторы не сумели ни на иоту очертить типы и характеристические свойства молодой, передовой партии, так что в их очерках высказывалось только полное невежество и непонимание; с другой стороны, в самой же юной среде люди, не сумевшие проникнуться истинным смыслом передовой партии, изуродовав своими дешевыми выходками и внешним ухарством понятие о деятельности, стремлениях и отношениях передовой партии, вместе с тем сами вздумали величать себя нигилистами, Базаровыми... Таким образом, молодая, передовая партия должна была отстранить от себя придуманное для нее прозвище, чтобы не стать солидарною с теми неблаговидными поступками и разглагольствованиями, которые, прикрываясь формою радикализма, лишены всякого серьезного, продуманного и прочувствованного содержания. А именно в таком содержании, а не в пустом прозвище, и заключается весь смысл, вся сущность молодой революционной партии. Она никогда не думала ограничиваться только внешнею борьбою и громкими проявлениями той борьбы с правительством и обществом; напротив, самое то проявление, самая та борьба были только неизбежным, естественным следствием стремлений партии к более широкой цели, к перенесению, к осуществлению в жизнь ее нового миросозерцания, совершенно иного, чем в современном порядке. Молодая партия вырабатывала, воспитывала в себе целостный круг воззрений, кладя в основу их строгую, беспощадную критику, возводя в жизненный, а не в философский принцип свое требование иных личных, социальных и политических отношений в обществе. В силу убеждения в непременной

верности своих начал, она проникалась тою страстною преданностью им, которая будит людей и ведет их по пути к осуществлению их цели, несмотря ни на какие преграды и не допуская никакой сделки.

Исходя от потребности свободы всеобъемлющей и реальной, а не исключительной и призрачной, молодая радикальная партия ставила в основу свободного разумного быта производительный труд каждого члена общества; — труд для возможности существования и права наслаждения жизнью; и самая свобода представлялась ей возможною только при равенственной, взаимной гарантии каждому лицу приобретения жизненных средств производительным трудом. Вместо такого отношения радикальная партия встречала в современном порядке обеспечение жизни только в праздных классах, наследственное или благоприобретенное путем обкрадывания и вымогательства. Вместо выработанного наукою и жизнью великого начала производительной ассоциации равноправных членов, как самого необходимого условия для плодотворного труда и общедоступного наслаждения, радикальная партия встречала в жизни только круговую поруку угнетения и обирания народной массы государственною фикцией и привилегированным барством. Таким образом, и наука и жизненный опыт говорили, что всеобщий, всем доступный и обеспеченный труд возможен только при совершенном изменении всех условий богатства и производства, и отсюда вытекала неизбежная потребность коренного изменения всех условий народной жизни в смысле социалистической организации.

На этой насущной потребности строилось все новое здание разумного быта в своем целостном применении к народной жизни. И при этом самая среда людей, в которых росло сознание о новой жизни, самые качества среды, на которые мы указывали выше, ручались за то, что ее стремления вызывались не абстрактным философствованием, которым ограничивались предшествовавшие поколения в своих заоблачных изящных мечтаниях о человеческой личности, о ее достоинстве и свободе,— здесь двигала людьми слишком черствая, вечно напоминающая о себе действительность. Передовой общественный слой дилетантов-философов и романтиков, выделив из себя только нескольких серьезных пропагандистов, сменился передовым слоем социалистов-революционеров, большинство которых понимало и чувствовало прежде всего на самих себе все материальное и умственное нищенство людей, лишенных родовых поместий или чиновных мест. По своим затраченным силам знали они, как тяжело достается возможность выбраться даже на их обидно-неудовлетворительный путь и как совершенно лишен даже этой возможности весь миллионный мир простолюдинов. А между тем для неизвращенных, здраво-развитых людей не мыслимо и не понятно свободное, светлое существование, если оно является, как исключительная привилегия немногих, на счет всех других, а не как принадлежность всей великой ассоциации, т. е. всеобщности народа. Стремление к новой жизни, обобщенное и расширенное в своих требованиях до непременного условия внесения ее в самый быт народа, давало сразу радикальной партии силу содержания, состоятельности, открывало для ее пропаганды широкий путь.

И еще драгоценные силы шли сами навстречу образовавшейся радикальной партии. В этих силах смело проявлялся схороненный смысл и забитая энергия целой отчужденной половины общества. Русские молодые женщины своим глубоким сочувствием и прямым участием в действиях радикальной партии сразу заняли то место, которое принадлежит каждой из них по тому же самому праву труда, развития и дела, по какому достается оно личностям мужского пола [52]. Нравственная сила, нравственное развитие, полученное революционной партией от вклада в ее дело понимания и воли женщин, были настолько важны — что, конечно, ими вполне окупаются жертвы правительства, выхваченные из среды наших

женщин. Ими окупаются и те жертвы, которые забиты, замучены на полдороге к нам своим благородным обществом, своими любящими семьями. Нигде столь ярко, как на так называемом женском вопросе, не выразилась несовместность, невозможность примирения и какой бы то ни было сделки между старым отживающим порядком и новым направлением [53].

Правительство и общество ухватились с злорадством за женский вопрос, думая осилить радикальную партию своей циничной клеветой и уничтожить взаимное стремление двух элементов юности к союзу на общее дело. Остервенение врагов пало на их же голову — ввиду их преследований, при заточении правительством женщин, при изгнании родителями дочерей за малейшее проявление самостоятельности — ряды женщин между тем густели; девушки действительно оставляли родительский дом, женщины действительно отталкивали своих плантаторов и предпочитали новую работящую жизнь при личном или ассоциационном труде гнету семейного очага и разврату супружеского рабовладения. «Они отвергают семью,— вопили с угрозою негодующие публицисты и отцы семейств,— они уничтожают брак, они ведут наших дочерей в публичные дома, устроенные под фирмою каких-то мастерских! Невежи отвергают науку и смеют толковать об общем праве на какое-то образование!» [54] Действительно, радикальная партия отвергала и ⟨до⟩ сих пор отвергает семью современного общества и не признает, чтобы в современном порядке могло осуществляться какое бы то ни было здоровое и честное понятие о группе лиц близких и дорогих друг другу вследствие взаимного влечения, понимания, уважения и представления каждому независимого развития. «Суровые фанатики революции» вовсе не отвергают чувства любви и дружбы, горячей привязанности и бескорыстной преданности, но они отвергают в настоящем порядке и его обществе присутствие условий для существования всех таких проявлений чувств. И практический опыт только подтвердил тяжелыми примерами их убеждение в несовместимости истинных принципов человечности с нынешним общественным разложением. Вместо пресловутой любви и привязанности отцов к детям, вместо горячего участия к их вольно избранной деятельности молодое поколение встретило в старом только самолюбивый эгоизм и презренное покушение сломить волю «мальчишки или девчонки» из-за каприза или еще чаще из-за расчета: сын-де не сделает блестящей лакейской карьеры, да еще отцу повредит в мнении влиятельных лиц; дочь-де как есть уйдет от выгодной партии и ославит благородный дом своим ослушанием. Дряхлые мозги не могли понять, что выгодные партии, браки по родительскому заказу, обольщение жениха кукольною дрессировкою девушки и, в свою очередь, продажность жениха девушке вследствие публично оповещенного приданого — все это бы вело многие брачные союзы действительно к образованию публичных домов, в которых освящалась привилегия иметь сколько угодно тайных любовников и наложниц. Если же грязное воображение старцев вносило свои клубничные подозрения и бредни даже в рабочие мастерские, где юношество обоего пола надрывалось для честного существования над новым, часто непривычным мускульным трудом,— то радикальная партия была вполне права, отвечая на ярые обвинения долгим равнодушным молчанием.

Да, молодое поколение не признало таинства брака, потому что вообще никаких таинств не признает; не признало святости уз, освященных церковью и богом, потому что вообще не признает ни полицейской церкви, ни мифического бога, как и всякого иного идола, т. е. болванопоклонства. Не признала и болванопоклонства пред скудоумною молвою и закоснелыми предрассудками: основывая союз не на денежном расчете, а на любви, руководствуясь при заключении союза не мещанскими выгодами и приличием, не игривою фантазией о неизвестной красавице, а знанием друг дру-

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ КАРТИНЫ И. Е. РЕПИНА «НЕ ЖДАЛИ»
Масло, 1883
Третьяковская галерея, Москва

га, взаимной оценкой и дружбой,— молодое поколение открыто заявляло, что союз преступен там, где нет более чувств, обусловливающих его; там, где они утратились, вследствие неравномерного хода в развитии двух соединившихся личностей, вследствие розни в принятых ими путях, вследствие прогрессивного выяснения себе новых требований от самого близкого друга или подруги.

И вместо обмана и заедания двух жизней разладом и неудовлетворенностью молодая партия провозглашала свободное расхождение и не бросала камня в людей, не захотевших обманывать друг друга или губить жизнь бесплодной, раздражающей борьбой. Такое отношение к лицу нисколько не мешало, а напротив, вследствие сознания обоюдной независимости скорее поддерживало прочность союза между новыми людьми.

Что общего между новыми женщинами с их смелою истинностью в отношениях и свободной искренностью в чувствах и между фривольными, развращенными барынями высшего света, этого мы никак не можем понять, несмотря на забавное сравнение их, изысканное разными публицистами. Когда-нибудь поговорим более обстоятельно о таком некрасивом легкомыслии при суждении о серьезных и не всегда доступных светскому пониманию предметах, а теперь остановимся на подведении итогов в борьбе двух поколений, двух миров, мы могли бы сказать — двух совершенно разнородных рас. Инвалиды старого быта, преследуя стремления новых людей, понося секту стриженых и безкринолинных девушек, только и могли заметить в секте отсутствие кос и кринолина (сообразно с направлением своей мысли) и не могли понять, что не в стрижке волос и не в отсутствии кринолинов заключался смысл «секты», ее содержание и сила, а в совершении ее приверженцами целой нравственной революции по пути к революции социально-политической.

Нравственная революция совершалась во имя отрицания старого лицемерия, семейного гнета и торга женщиною, во имя строгого, честного признания за женщиною не в идиллической теории, а в самой жизни совершенно одинакового права и вполне однородного участия во всех политических делах и социальных отношениях. Самый критический вопрос, пред-

ставляющийся столь неразрешимым в Европе, вопрос экономический, о конкуренции, о том, что руки женщины отнимут и без того недостаточный труд у мужчин и, во всяком случае, понизят заработную плату,— этот вопрос разрешался радикальной партией просто и трезво. Юноши делили с женщинами, вошедшими в их среду для труда, всю добываемую работу, начиная от ремесла типографского и переплетного и до занятий уроками, переводами и перепиской, если добытые средства от такой подлинной работы уменьшались, то, с одной стороны, потеря искупалась сравнительными выгодами ассоциации, с другой стороны, люди радикальной партии, стесненные и часто полусытые, никогда не думали вести борьбу за существование с женщиной, как будто ей легче было бы голодать, чем им, и как будто их удовлетворяла бы сытость, обусловленная голодом женщины; напротив, их обоюдное положение вело их на еще более сознательную и неотступную союзную борьбу за существование с современным порядком для уничтожения его, потому что без этого уничтожения являлась невозможною справедливая и равенственная организация труда.

Вместе с переворотом в нравственных отношениях радикальная партия стремилась к коренному изменению всех воззрений в умственном мире. Простое трезвое отношение к жизни говорило, что рядом с собственностью и государством новый быт несовместим и с третьим вековым злом: что человеческая воля не мирится и требует уничтожения давящего авторитета, развращающего мозг и нравственность; что взамен грубой и лживой религиозности, только лицемерно прикрывающей собою государственную и привилегированную эксплуатацию, быт новых людей обусловливается полным обеспечением развития пытливого ума до его естественных, ничем не стесняемых пределов. Уже из этого одного вытекало, как естественное последствие, рушение всей официальной науки, отвержение всей ученой синагоги, всего отжившего научного доктринерства. Не науку отвергало молодое поколение, а невежество, рядящееся в фразу схоластики, возводящее в догмат мертвечину и проповедующее умиление пред прогрессом и благами современного порядка.

Истинная же наука должна дать отвращение к нынешнему общественному устройству, а не внушать надежды на годность той или иной хронической заплаты, именуемой прогрессивными реформами. Истинная наука представляет собою обобщение социально-физиологических данных, которые подтверждают непреложную потребность нового свободного строя; основы новой науки лежат в оправдании веками истории и гениями человечества нашей пропаганды о необходимости общего переворота в его полном смысле.

Та же новая наука, руководствуясь только одной бесстрашной правдой, без всякой расчетливой сделки, выяснила уже некоторые из начал, на которых будет созидаться новая жизнь. Развитие новых начал, понимание всеобъемлющей человечности их, сравнение существенной противоположности их с нынешней заедающей жизнью — возбуждает в человеке страстную потребность работы для приближения новой жизни, вызывает в нем фанатическую преданность, всецелую сосредоточенность на той работе и возводит ту работу в единую жизненную цель, без которой самая личная жизнь перестает иметь смысл. В этом заслуга и слава новой науки, в этом порука за успех нашего революционного дела и за выдержку людей, сознательно отдавшихся ему!

Таким образом, являлось новое целостное миросозерцание, создавался целый новый мир, с новыми нравами, с новыми идеями. А там, где совершается переворот в нравственной и умственной сфере, там революция пускает глубоко свои корни, там нельзя вырвать этих корней. Революционная нравственность и помысел идут в своем росте, несмотря ни на какие

невзгоды и неудачи; скрытые — если им не дают развиваться на свободе — они все же идут в ширь и глубь и, не уклоняясь ни на шаг от своего движения вперед, неминуемо приближают время рушения старого мира и начало нового.

VIII

Живые люди поймут из всего сказанного, был ли смысл, была ли сила в революционном движении 60-х годов; поймут, что такое движение не могло сгибнуть бесплодно, что его следы еще свежи и оно сродно и дорого каждому, кому сродна мысль о свободе и дорого стремление к ней. Оно ищет себе продолжателей и обновителей, оно собирает вокруг себя новые расцветшие силы.

Пусть эти силы, пусть новые люди, в которых они кроются, примут из прошлого традицию преданности, энергии и честного отношения к революционному делу и сами изыщут, если понадобится, новые способы, новые приемы, имеющие ту же общую цель. Пусть же они собираются в стройное целое, группируются и выясняются сами себе, расширяют свои группы чрез связи одного лица с другим и раскидывают сеть своих связей по всем местностям и во всех слоях. Дело от небольшого кружка, от сплочения одного кружка с другим идет к сформированию строго составленной *организации*.

Новая организация прежде всего должна избегнуть невольной ошибки прежних: сознавая, что расчет, развязка нашего дела не произойдет ни сегодня и ни завтра еще, коренные составители организации будут вполне осмотрительны в подборе людей. Принимая участие каждого, готового принести хоть какую-нибудь помощь революционному делу, принимая в расчет каждого, осуждающего современный порядок, они допустят в свои смыкающиеся ряды единственно тех людей, которые совершенно согласны с ними в приемах, образе действий, в своем предположенном способе развязки, в поставленной конечной цели революционных стремлений. Людей с такими свойствами организаторы примут в свою среду, когда их предварительное участие в деле удостоверит, что для них нет ни раскаяния, ни возврата; когда убедятся, что общее революционное дело стало их личным делом, что новые адепты сами слились с ним и для них нет дела вне его. Только тогда и при выполнении таких условий личности смело могут быть впущены в внутреннюю, схороненную от праздного глаза организацию, потому что только тогда каждая из новых личностей явится активным деятелем, способным успешно вести дело вперед, в каком бы месте, в каком бы положении он ни оказался. Для таких личностей уже нечего будет толковать об основном принципе, отступление от которого не раз губило напрасно многих людей и наносило обидный ущерб делу; о принципе полнейшего уничтожения празднословия и словопрения, полнейшего недопущения между собою всякого лишнего слова, всякого праздного сообщения, касающего⟨ся⟩ тайного дела, даже самому близкому доверенному, если в том нет настоятельной необходимости для дальнейшего хода дела вперед. Только тогда достигнет организация истинного значения и действительного могущества в своем развитии, когда самим составом ее и системой ее устройства будет пресечена возможность не только историй, подобных истории Андрущенка, Ветошникова, Кельсиева и многих других, где болтливость пред следственной комиссией и совершенно невынужденное выдавание лиц доходило до позорного цинизма,— но и вообще самая возможность выдачи даже двух лиц хотя бы под пыткою! [55] Достижение такого требования — не утопия, а вполне возможно при развертывании и известном переплетении сношений, при сознательном отношении каждого члена организации к серьезности дела и ответственности пред ним.

Крепко сплоченное на таких основаниях ядро организаторов будет расти верным и прочным путем. Такие организаторы легко найдут доступ и все способы для революционной пропаганды во всех тех сферах, из которых могут быть извлечены люди, годные для формирования новых членов организации.

Организация и пропаганда — неразлучны между собой, и одна без другой бессильны. Пропаганда, т. е. печатное слово, выясняющее революционное сознание и его отношение к старому и новому миру, необходимость, неизбежность истинного переворота, какою бы ценою он ни был куплен, и затем живое слово, разносящее всюду те же самые убеждения, сзывающее на битву за осуществление в жизни этих убеждений,— такая пропаганда должна и будет неизменно сопутствовать организации, прочное и успешное дело которой основано, как мы сказали вначале, на союзе между людьми революционной интеллигенции и силами и волей народа.

Дело организации, элементы ее, люди и средства существуют в самой России и только люди, находящиеся в ней, могут и должны положить этот краеугольный камень социальной Революции. Делу же пропаганды может служить и в настоящее время и с большим удобством, чем в самой России, орган, издающийся за границей. Такую цель хочет иметь пред собою журнал «Народное дело»; и от русских людей зависит поддержать его вкладом своей мысли и своего совета и чрез то придать ему полное значение органа русской революционной партии.

«Народное дело» («La Cause du Peuple»),
№ 2-3, октябрь 1868 г. Женева, с. 25—51.

ПРИМЕЧАНИЯ

Составила И. А. Желвакова

[1] Речь идет о программе, изложенной в первом номере «Народного дела», в статьях Бакунина «Необходимое объяснение» и «Наша программа» (в написании последней статьи, очевидно, участвовал Н. И. Жуковский).

[2] Это заявление показывает, что автор статьи в это время еще не освободился от воздействия идей Бакунина.

[3] Н. И. Утин вспоминает о «Земле и воле», самой крупной революционной организации 1860-х годов, созданной во второй половине, точнее, осенью 1861 г. (см. вступительную статью к настоящей публикации). О структуре, программе и практической деятельности «Земли и воли» см.: М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам).— «История СССР», 1957, № 1; Она же. Возникновение первой «Земли и воли».— Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. 1. М., 1960; Я. И. Линков. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964, и др.

[4] «Трусливые враги» — либералы. «Малодушные друзья» — несомненный выпад в адрес издателей «Колокола». О характере расхождений «молодой эмиграции» и Герцена, о необоснованности ряда обвинений в его адрес см. выше, с. 363, а также *ЛН*, т. 62, с. 620—624.

[5] Ряд ценных сведений по истории «Земли и воли» был дан в других статьях Утина, опубликованных в «Народном деле»: «Александр Александрович Серно-Соловьевич» (№ 7—10, 1869) и «Крестьянская реформа и общинное землевладение» (№ 2, 1870). Истории русского революционного движения 1860-х годов были посвящены статьи: «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе» (№ 7—10, 1869), «Юбилейное торжество С.-Петербургского университета» и «Студентские дела и профессорско-полицейские беспорядки» (там же). Б. П. Козьмин считал несомненной принадлежность Утину первой из них и вполне вероятным участие Утина в написании двух остальных (см.: Б. П. Козьмин. Русская секция первого Интернационала, с. 114—115).

[6] Двойственный характер политики царизма по университетскому вопросу выразился в ряде противоречивых правительственных постановлений. С одной стороны, в начале царствования Александра II было отменено введенное в 1849 г. ограничение числа студентов до 300 человек в каждом университете и «высочайше» разрешен неограниченный прием учащихся. С другой стороны, был принят ряд крутых мер для ограничения притока в университеты разночинной молодежи и уничтожения университет-

ских свобод, завоеванных во второй половине 1850-х годов. Этому способствовали новые правила Министерства народного просвещения от 31 мая 1861 г., дополненные 21 июля того же года. Эти так называемые «путятинские» правила (по имени министра народного просвещения Е. В. Путятина) всей своей тяжестью обрушились на демократическую часть студенчества: они запрещали публичные сходки и диспуты, кассы взаимопомощи и библиотеки и резко ограничивали число освобожденных от платы за обучение.

[7] Текст циркуляра не обнаружен ни в «Сборнике циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1858—1861 гг.» (собрал и издал Д. Чудовский. СПб., 1873), ни в том же издании за 1862—1864 гг. (СПб., 1873), ни в официальном органе Министерства, газете «Северная почта» за 1862—1863 гг.

[8] В феврале 1860 г. властями было раскрыто Харьковско-Киевское тайное студенческое общество, возникшее в Харьковском университете в 1856 г. В 1859 г. руководящее ядро организации обосновалось в Киеве, где развернуло энергичную революционную деятельность (см.: А. З. Барабой. Харьковско-Киевское тайное общество 1856—1860 гг.— «Исторические записки», т. 52, 1955, с. 235—265). После ареста в феврале 1860 г. учредители и главные деятели общества — Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, П. С. Ефименко, П. В. Завадский, В. В. Ивков и др.— были заключены в Петропавловскую крепость. В апреле — мае того же года участники дела о «харьковских заговорщиках» были высланы в различные города России.

[9] Относительно содержания и времени распространения потаенного памфлета Н. И. Утин ошибается. Первый рескрипт, явившийся официальным правительственным актом по подготовке крестьянской реформы, был дан Александром II генерал-губернатору Западного края В. Назимову 20 ноября 1857 г. Харьковский памфлет был расклеен на улицах города 15 апреля 1856 г. и пародировал высочайший манифест по поводу Парижского мира 18 марта 1856 г.

[10] В 1862 г., в связи с наступлением реакции в России, использовавшей, в частности, петербургские пожары для усиления натиска на демократическое движение, бывшие участники Харьковско-Киевского общества, не прекратившие в ссылке активной революционной деятельности, были вторично арестованы, заключены в Петропавловскую крепость и вновь осуждены. О судьбе бывших членов Харьковско-Киевского общества см.: указ. ст. А. З. Барабоя, с. 254—257, и автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Р. А. Таубина («Общественное движение в России в 50-е годы XIX в.». М., 1965, с. 35—39).

[11] 16 апреля 1861 г. членами Казанского революционного «Кружка», студентами университета и духовной академии была организована панихида в память участников Бездненского восстания. На панихиде присутствовало около 400 человек, с речью выступил профессор Казанского университета А. П. Щапов.

[12] «Путятинские» правила (см. выше примеч. 6) увеличивали в университетах плату за обучение до 50 рублей в год и разрешали освобождать от нее только по двое студентов от каждой губернии, входившей в учебный округ. По сведениям С. Я. Гессена («Студенческое движение в начале шестидесятых годов». М., 1932, с. 55), в Петербургском университете, например, в 1859 г. из общего числа 1019 студентов было освобождено от платы 659, или около 65%. Новые правила предоставляли эту возможность только 12 лицам, т. е. немногим больше, чем 1% студенчества.

[13] Студенчество ответило на политику самодержавия массовыми демонстрациями протеста. Осенью 1861 г. студенческие волнения охватили все университеты России, кроме Дерптского.

[14] Текст этого правительственного «запрещения» найти не удалось, время его публикации неизвестно. Но, вероятно, оно действовало уже с осени 1861 г., с момента начала студенческих волнений, так как в крупнейшей столичной газете «С.-Петербургские ведомости» всякие объявления о поисках студентами уроков отсутствуют вплоть до декабря 1861 г., когда они вновь появляются на ее страницах.

[15] Возраст, социальный состав и имущественное положение участников некоторых тайных обществ конца 1850 — начала 1860-х годов выявлен в ряде исследований. О социальном составе Харьковского тайного общества см.: Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858 годов, с. 74—82. Свод данных о возрасте, сословной принадлежности и имущественном положении членов кружка Сераковского-Домбровского, а также других петербургских революционных организаций в среде офицеров приведен в статье: В. А. Дьяков. Петербургские офицерские организации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей («Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII. М., 1964, с. 278—279, 358—359).

[16] С начала 1861 г. рядом распоряжений предписывалось усилить цензуру над сочинениями и статьями по крестьянскому вопросу (см.: «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год». СПб., 1862, с. 457—458). Цензурой не должны были допускаться к печати сочинения, «в которых выставляются яркие описания революций» (там же, с. 459). Циркулярами по цензурному ведомству от 29 апреля и 31 мая 1861 г. повелевалось не допускать к печатанию в газетах статей, имеющих «целью действовать на умы в смысле восстановления независимости Польши» или «кло-

нящихся к поддержанию народности польской». Наступление правительства на печать и литературу в 1861 г. закончилось «высочайшим» утверждением 12 мая 1862 г. «временных правил по цензуре», еще более усиливших правительственный нажим и контроль за печатью (см. там же, с. 469—482).

[17] Речь идет о листках «Великорусса», периодическом подпольном издании (первый листок вышел 30 июня, второй — 7 сентября, третий — 20 октября 1861 г.), выпущенном революционной организацией, называвшей себя Комитетом «Великорусса» (см.: Н. Н. Новикова. Комитет «Великорусса» и борьба за создание революционной организации.— «Вопросы истории», 1957, № 5). О реакции правительственного лагеря на появление прокламации см: Н. Н. Новикова. Революционеры 1861 года. М., 1968, с. 381.

[18] Критика Утина, направленная в адрес Герцена, содержит также намек на полемику вокруг «обличительной литературы», развернувшуюся на страницах «Колокола» и «Современника» (см.: Т. И. Усакина. Статья Герцена «Very dangerous!!» и полемика вокруг «обличительной литературы» в журналистике 1857—1859 гг.— В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. 1. М., 1960).

[19] Прокламация «Молодая Россия» была напечатана и распространена в мае 1862 г. кружком московских студентов во главе с П. Г. Зайчневским и П. Э. Аргиропуло. Воззвание провозглашало революцию единственным выходом для России из ее «гнетущего, страшного положения». Текст прокламации см. в книге: «Политические процессы 60-х гг.». Под ред. Б. П. Козьмина, т. 1. М.—Пг., 1923, с. 259—269; см. также статью: Ю. В. Кулик ов. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия».— В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. II. М., 1962.

[20] «Иеремии либеральной прессы» — Герцен и Огарев. О необоснованности ряда выпадов Утина против издателей «Колокола» см. во вступительной статье (с. 363). Свой выпад против Герцена Утин заканчивает, перефразируя его слова о «народе великане» (см. *Герцен*, т. XVI, с. 205).

[21] В июне 1862 г. к столичной полиции было прикомандировано 950 нижних чинов гвардии, а расход на полицию увеличен на 200 000 рублей в год (см.: «Северная почта», 1862, № 122, 7 июня).

[22] Пожары в Симбирске в августе — октябре 1864 г. истребили почти полторы тысячи домов, убытки исчислялись в пять с половиной миллионов рублей. Следственная комиссия, работавшая в течение года под председательством сенатора С. Р. Жданова, не установила виновных и должна была отказаться за неимением улик от обвинений, первоначально выдвинутых против ссыльных поляков. Однако по ее приговору были расстреляны (очевидно невиновные) два солдата расквартированного в городе полка (см. комментарии С. А. Рейсера к «Воспоминаниям» Л. Ф. Пантелеева. М., 1958, с. 767—768). Версия о симбирских «зажигателях», аналогичная изложенной Утиным, рассказана в «Дневнике» А. В. Никитенко (т. 2. М., 1955, с. 540—541). За разбором «дела» внимательно следил Герцен. Ряд заметок в «Колоколе» («Война, чума и пожар», «Убийство в Симбирске», «Симбирские поджигатели» и др.— лл. 188, 190, 211 от 15 августа, 15 октября 1864 г. и 1 января 1866 г.— т. XVIII, с. 255, 502; т. XIX, с. 14) содержал фактические сведения о событиях. С. Р. Жданов, закончив следствие, выехал в Петербург, но по дороге скоропостижно умер. Распространились слухи, что он был отравлен чинами симбирской администрации, боявшейся разоблачений.

[23] Наиболее крупной и деятельной была революционная организация 1 армии (1861—1863), возглавлявшаяся «Комитетом русских офицеров в Польше». В военной среде Петербурга в середине XIX в. действовало много кружков: офицеров Генерального штаба (или кружок Сераковского-Домбровского, 1857—1863 гг.), военных инженеров (кружок в Инженерной академии и училище), кружок в Артиллерийской академии (во главе с П. Л. Лавровым), кружок в Царскосельской офицерской стрелковой школе и т. д. См. ст. В. А. Дьякова, указанную в примеч. 15, с. 305—359; см. также: Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг.— В сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, с. 489—637; В. А. Дьяков. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов (Библиографический словарь). М., 1967.

[24] Воскресные школы, возникшие в конце 1850-х годов по инициативе революционно настроенной интеллигенции, стали одной из наиболее действенных форм легальной пропаганды среди народа (см.: Г. Ионова. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации.— «Исторические записки», т. 57, 1956, с. 177—209). Правительство, обеспокоенное «вредным направлением» в некоторых петербургских воскресных школах, постановило «впредь до преобразования» воскресные школы закрыть («Северная почта», 1862, № 127, 13 июня).

[25] Конкретные требования «Великорусса» в отношении Польши сводились к ее «безусловному освобождению» и признанию права самостоятельно решать свою судьбу (см.: «Колокол», л. 109, 15 октября 1861 , с. 913—914).

[26] 27 мая 1862 г. наместником Царства Польского был назначен в. кн. Константин Николаевич (1827—1892), имевший репутацию либерала. Это было воспринято обще-

ством как предзнаменование будущей автономии. Однако в специальной инструкции царь напоминал Константину Николаевичу, что «Царство Польское должно навсегда остаться достоянием России», что «речи быть не может» о новых льготах и уступках, «а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии» (см.: М. В. Миско. Польское восстание 1863 г. М., 1962, с. 99).

[27] 15 февраля 1861 г. царскими войсками в Варшаве была расстреляна мирная манифестация, требовавшая освобождения поляков, арестованных 13 февраля 1861 г. во время демонстрации в память польского восстания 1830—1831 гг. Актом солидарности с польским народом была панихида по пяти убитым в Варшаве, состоявшаяся 1 марта 1861 г. в католической церкви в Петербурге (см. заметку Герцена «Панихида в Петербурге» — *Герцен*, т. XV, с. 54).

[28] Похороны Т. Г. Шевченко состоялись в Петербурге 28 февраля 1861 г. Они превратились в грандиозную общественную манифестацию (см. сб.: «Смерть и похороны Т. Г. Шевченко» (документы и материалы). Киев, 1961).

[29] Об офицерской организации 1 армии (1861—1863 гг.), возглавленной «Комитетом русских офицеров в Польше», см.: В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964, с. 5—201; Я. З. Черняк. К истории революционного «Комитета русских офицеров» в Польше.— *ЛН*, т. 61, с. 534—540; М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1855—1863 гг.).— Там же, с. 459—522.

[30] «Комитет русских офицеров» в Польше получил название «потебневского» по имени своего руководителя подпоручика А. А. Потебни (1838—1863), видного деятеля «Земли и воли».

[31] Царское правительство, стремясь предотвратить назревавшее в Польше восстание, предприняло там внеочередной рекрутский набор. В составленные заранее списки были включены все подозреваемые в революционной деятельности.

[32] Возникновение наименований «красные» и «белые» как обозначения основных политических направлений в польском национальном движении относится к весне 1861 г., но особенно четко определились эти два направления в 1863 г. «Красные» были сторонниками активной борьбы и восстания; «белыми» называли деятелей, уповавших на реформы «сверху».

[33] Деятельность офицерской революционной организации, возглавляемой «Комитетом русских офицеров» в Польше, фактически замерла в середине 1863 г., после спада повстанческого движения.

[34] А. А. Потебня был убит 4 марта 1863 г. возле местечка Скала во время одного из сражений. В борьбе с царскими войсками погибли также многие видные деятели польского повстанческого движения.

[35] В 1863 г. в связи с польским восстанием Англия, Франция и Австрия развернули против России «дипломатическую интервенцию». Ультиматумы этих государств России (5/17 апреля и 15/27 июня 1863 г.), требовавшие перемирия с повстанцами, созыва европейского конгресса для решения польских дел и т. п., не имели практических последствий. Бездействие западных держав доказывало, что их побуждающим мотивом было не желание помочь Польше, а стремление изолировать Россию на международной арене (см.: В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957).

[36] Требование восстановления Польши в границах 1772 г. (т. е. до первого раздела страны) выражало стремление вернуть господство над Украиной, Белоруссией и Литвой. 31 июля 1863 г. повстанческое «июньское» правительство «белых», тесно связанное с заграничным центром — аристократической группировкой кн. Чарторыского, — обратилось с воззванием к польскому народу, подтверждая ранее объявленные цели восстания — «восстановление независимости Польши в границах 1772 г.» (см.: М. В. Миско. Указ. кн., с. 106, 244—248; В. Г. Ревуненков. Указ. кн., с. 112).

[37] Политика царизма, направленная на удушение Польского восстания, получила полную поддержку не только русских реакционеров, но и либералов. Глашатаем «патриотического остервенения» (Герцен) стал Катков. Его «Московские ведомости», славянофильская газета И. С. Аксакова «День», «Отечественные записки» Краевского требовали установления военной диктатуры в Польше и полного ее слияния с Российской империей. Свою преданность престолу часть дворянства, реакционная профессура Московского университета, раскольники и др. выразили верноподданническими письмами, адресами на имя Александра II, а также многочисленными молебнами и депутациями, сопровождавшими празднование дня рождения царя (17 апреля 1863 г.).

[38] Утин пользуется здесь фразеологией статей Каткова из «Русского вестника» и «Московских ведомостей», введенной в обиход в условиях подъема революционно-демократического движения начала 1860-х годов и получившей широкое распространение во время Польского восстания. Катков, а вслед за ним другие публицисты реакционно-охранительного лагеря, связывая действия польских повстанцев с русским революционным лагерем, способствовали дальнейшему усилению правительственного террора против революционеров.

[39] В отличие от польского повстанческого правительства, которое не сумело преодолеть шляхетской ограниченности и справедливо решить вопрос о судьбах литовского, белорусского и украинского народов, русская революционная демократия выдвигала требования независимости для каждого из них. Идею федерации поддерживал и Герцен.

[40] Преследование украинского языка царской администрацией усилилось во второй половине XIX в. в связи с развитием украинской культуры. Специальные указы запрещали издание на украинском языке книг, «назначенных для первоначального чтения народа», сценические постановки на украинском языке, печатание украинских текстов к музыкальным произведениям («История СССР», т. V. М., 1968, с. 384). Особенно жестокими мерами проводилась русификация «Юго-Западного края» после 1863 г., так, например, русский язык вводился как обязательный «в школах, в присутственных местах, кофейнях, кондитерских и т. д.» («Московские ведомости», 1864, № 126, 7 июня, передовая статья). На страницах своей газеты Катков упорно доказывал, что Украина «никогда не имела отдельной истории, <...> малороссийского языка никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до этого времени не существует» (см.: «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1969, с. 470).

[41] В первой половине марта 1864 г. Центральный комитет «Земли и воли» разослал сообщение «о временном свертывании общественного знамени и полном приостановлении всякой работы» (см.: Я. И. Линков, указ. кн., с. 429—433). Фактически это было решение о самоликвидации «Земли и воли». Но и после этого в Петербурге сохранилась центральная группа из деятелей бывшей «Земли и воли», которая в течение некоторого времени представляла русское революционное движение.

[42] Систематическое преследование революционной демократии началось в России еще в 1862 г. О борьбе царизма с революционно-освободительным движением 1860-х годов см.: Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. Изд. 2. М.—Пг., 1923; «Политические процессы 60-х гг.». Под ред. Б. П. Козьмина. М.—Пг., 1923.

[43] Утин и здесь использует фразеологию, характерную для статей Каткова периода Польского восстания и времени после его подавления. В это время Катков усматривал главную опасность уже не в «кознях иноземных революционеров» или в «элементах, пришлых со стороны», а в действиях внутренних «злоумышленников». Скорее всего, Утин контаминирует несколько характерных высказываний Каткова (см.: М. Н. Катков. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. II. М., 1887, с. 1187—1188; Он же. 1864 год. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». Выпуск третий. М., 1887, с. 180, 678).

[44] С весны 1863 г., когда генерал-губернатором Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями был назначен М. Н. Муравьев, усилились бесчинства царских усмирителей в Польше. К апрелю 1864 г. даже по сильно преуменьшенным официальным данным в Польше и Литве было повешено около 2 тысяч человек (см. комментарии к статье А. И. Герцена «Мясоеды самодержавия».— *Герцен*, т. XVIII, с. 532), в одной Польше было казнено 396 повстанцев (см.: М. В. Мисько. Указ. кн., с. 317).

[45] Речь идет о революционном кружке ишутинцев, который возник осенью 1863 г. в Москве как небольшая землевольческая ячейка и вскоре стал центром объединения московских и некоторых периферийных организаций. Учредителями кружка были Н. А. Ишутин, Н. П. Петерсон, П. Д. Ермолов, Н. П. Странден, активную роль в нем играли Д. В. Каракозов, Д. Юрасов и др. Кружок ставил своей конечной целью — преобразование страны путем социальной революции. Программа ишутинцев предусматривала практическую деятельность по созданию ассоциаций, школ и артелей как непременное звено тактики текущего, подготовительного момента (см. кн.: Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, с. 183—301; Р. В. Филиппов. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова (1863—1866). Петрозаводск, 1964; см. также ст. Ш. М. Левина (наст. том, с. 364).

[46] 4 апреля 1866 г., после неудавшегося покушения на Александра II, совершенного Д. В. Каракозовым, кружок был разгромлен. Каракозов был повешен, а его товарищи осуждены на каторгу и ссылку.

[47] Выстрел Каракозова не шел вразрез с разработанной ишутинцами программой действий, направленных на уничтожение самодержавия. Проект цареубийства рассматривался в этой программе как акт, возбуждающий массы к революционной инициативе (см. Э. С. Виленская, указ. кн., с. 471). Речь могла идти лишь о несвоевременности покушения. Относительно осведомленности руководства кружка о предполагавшемся цареубийстве и об отношении к этому замыслу Ишутина в литературе нет единой точки зрения (см. там же, с. 414—434; указ. кн. Р. В. Филиппова).

[48] Утин намекает на антинигилистические романы В. П. Клюшникова «Марево» (1864) и А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863).

[49] Имеются в виду выступления М. Н. Каткова на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей», Н. Ф. Павлова в «Нашем времени» и других представителей реакционно-охранительной печати, начавших в 1862 г. ожесточенную травлю «нигилистов».

[50] Речь идет об антинигилистических сочинениях 1860-х годов, прежде всего романах (указанные романы А. Ф. Писемского и В. П. Клюшникова, «Некуда» Н. С. Лескова, дилогия В. П. Авенариуса «Бродящие силы»).

[51] Гёзы (от франц. gueuses — нищие) — прозвище нидерландских народных повстанцев, которые в XVI в. вели борьбу с испанским игом.

[52] Известны имена женщин — участниц революционно-освободительного движения 1860-х годов. Например, по «процессу 32-х» привлекалась М. А. Челищева, по «делу Андрущенко» проходили члены «Земли и воли» — В. А. Зайцева и А. Третьякова. Под постоянным надзором полиции находилась Н. П. Суслова, первая женщина-врач, видная участница радикальных кружков. К деятельности книжного магазина А. А. Черкесова была причастна А. Н. Энгельгардт.

[53] В преддверии первой революционной ситуации 1859—1861 гг. одним из злободневных российских вопросов стал вопрос о женском равноправии, о преобразовании семейных и общественных отношений женщин. Полемика по женскому вопросу началась статьями прогрессивных публицистов М. В. (Вернадской) «Женский труд» («Экономический указатель», 1858, № 60) и П. Славинского «Общественная самостоятельность женщин» («С.-Петербургские ведомости», 1858, № 55). Революционно-демократическая критика в лице М. Л. Михайлова, провозглашенного «творцом женского вопроса» в России, впервые решала этот вопрос в связи с революционно-освободительной борьбой («Парижские письма», «Женщины в университете» и др.— «Современник», 1859, № 1, 1861, № 4).

[54] Заключенные в кавычках слова — не цитата, они передают общий смысл статей реакционных и консервативных публицистов по женскому вопросу.

[55] И. А. Андрущенко, активный член «Земли и воли», был арестован летом 1863 г. и дал на следствии откровенные показания. Результатом его предательства был арест многих членов «Земли и воли», а также лиц, к ней причастных (М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам).— «История СССР», 1957, № 1, с. 105—134).

П. А. Ветошников был арестован в июле 1862 г. по приезде из Лондона в Петербург. Захваченная у него конспиративная корреспонденция Герцена и Огарева, адресованная Н. Серно-Соловьевичу, дала правительству основание для многочисленных арестов по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (см.: Мих. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, с. 18—230).

О В. И. Кельсиеве и его ренегатстве см.: *ЛН*, т. 41—42, с. 253—470.

СТАТЬЯ КАРАКОЗОВЦА П. Ф. НИКОЛАЕВА О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ

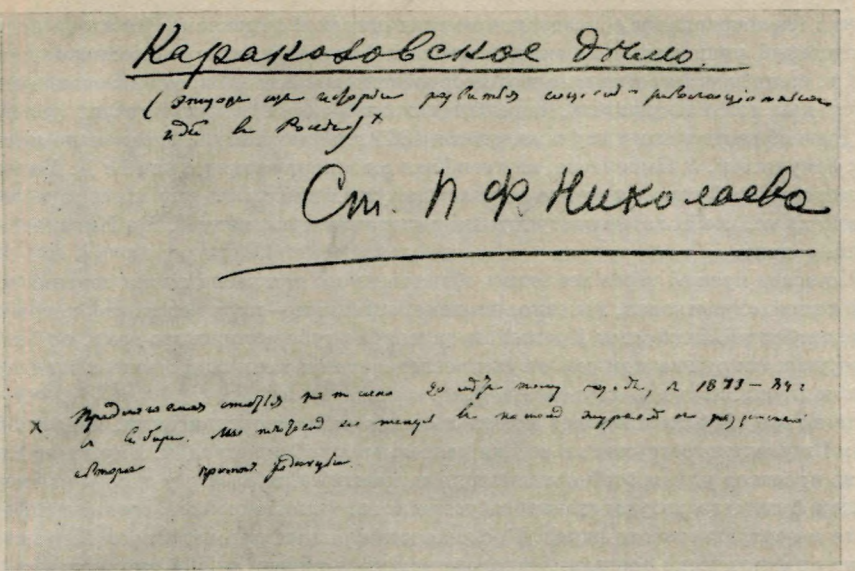
Вступительная статья и публикация Э. С. Виленской

В 1888 г. в революционных кружках России появился нелегально выпущенный небольшой сборник статей. На его обложке значилось: «Социальный вопрос. Сборник № 1. Изд. группы социалистов-народников. 1888». Место издания указано не было и заменено просто словом «Россия». В этом сборнике и был опубликован печатаемый ниже «Очерк развития социально-революционного движения в России», подписанный буквой «N» [1]. Властям не удалось раскрыть ни издателей сборника, ни тайной типографии, где он печатался, ни даже города, где он был выпущен. И лишь сорок с лишним лет спустя из воспоминаний участников казанского чернопередельческого кружка — Ю. А. Бородина, Е. Ф. Печоркина, Э. И. и М. В. Гауэнштейн — стало известно, что именно этот кружок издал «Социальный вопрос», отпечатав его в Казани в созданной им нелегальной типографии. Автором «Очерка» мемуаристы считали В. Г. Короленко, проживавшего тогда в Нижнем Новгороде, откуда был привезен и шрифт для типографии; они полагали, что «Очерк» был им написан специально для сборника [2]. Трудно сказать, то ли казанские народники забыли, кому именно принадлежал этот «Очерк», то ли вообще не знали подлинного его автора.

Впервые сомнения относительно принадлежности «Очерка» перу Короленко были выражены в 1951 г. литературоведом Е. Г. Бушканцем в статье «К вопросу об авторе письма «Русского человека» в «Колоколе» А. И. Герцена» [3]. Имеющаяся в «Очерке» ссылка автора на «багаж личных воспоминаний» привела исследователя к заключению, что «Очерк» писался участником революционных событий 1860-х годов, а скорее всего лицом, привлекавшимся по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II, которое потому и освещено здесь наиболее подробно. Е. Г. Бушканец предположил, что рукопись действительно передал издателям Короленко, получивший ее от кого-то из «каракозовцев», возвратившихся к середине 1880-х годов из Сибири.

Эти соображения исследователя полностью подтвердились. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) нами была обнаружена рукопись статьи «Каракозовское дело (эпизод из истории развития социально-революционных идей в России)», хранящаяся в коллекции «вещественных доказательств, изъятых жандармскими управлениями и охранными отделениями при обысках редакций журналов и газет и при обысках и арестах лиц». На отдельном листке рукою редактора журнала «Былое» В. Л. Бурцева, кроме заглавия, указывалось: «Ст⟨атья⟩ П. Ф. Николаева». Тут же следовало и редакционное примечание: «Предлагаемая статья написана 20 лет тому назад, в 1883—84 г. в Сибири. Мы печатаем ее теперь в нашем журнале по разрешению автора» [4]. На первой странице рукописи стояла следующая надпись: «Просим дополнить и возвратить рукопись в редакцию «Былого», 25, Спасская ул., СПб.». Сохранился также конверт, в котором статья отсылалась для дополнений Николаеву в Чернигов. Судя по почтовым штемпелям — петербургский от 1 января 1906 г., черниговский — от 18 января 1906 г.— рукопись в редакцию не вернулась и была изъята не в «Былом» (как это значится в архивном деле), а при одном из многочисленных обысков у самого автора.

В одном из подстрочных редакционных примечаний говорилось, что статья составляла вторую часть написанного автором «Очерка развития социально-революционных идей». Это, хотя и неточное заглавие, навело на мысль сличить статью с «Очерком» из сборника «Социальный вопрос», в результате чего выяснилась ее полная идентичность с последней главой «Очерка». Так был установлен автор последнего, П. Ф. Ни-



ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ П. Ф. НИКОЛАЕВА «КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО» И РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К НЕЙ:

«Предлагаемая статья написана 20 лет тому назад, в 1883—84 г. в Сибири. Мы печатаем ее теперь в нашем журнале по разрешению автора. Примеч. редакции»

Автограф В. Л. Бурцева, декабрь 1905 г.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

колаев, действительно осужденный по каракозовскому делу в числе первой, т. е. основной, группы обвиняемых. Издателям сборника запомнилось имя Короленко, должно быть, потому, что рукопись «Очерка» поступила к ним от него. Письмо Короленко к П. Ф. Николаеву от 27 сентября 1888 г. свидетельствует об их близком личном знакомстве и о том, что Николаев посылал свои работы писателю [5].

Инициатива опубликования «Каракозовского дела», по-видимому, принадлежала редакции «Былого», где и была снята рукописная копия с текста, опубликованного в сборнике, причем оговоренные в конце последнего опечатки не были внесены переписчиком в текст. В таком виде рукопись и была послана Николаеву, сделавшему в ней некоторые поправки.

Что же известно о самом авторе «Очерка»? Петр Федорович *Николаев* (1844—1910) почти забыт и как деятель революционного движения второй половины XIX — начала XX в. и как публицист. Между тем он был одним из незаурядных участников революционной борьбы разночинского периода, почти всю свою жизнь проведшим то на каторге и поселении, то в ссылках, то под надзором полиции. Краткие о нем заметки имеются в некоторых энциклопедиях [6]. Более подробные сведения о его жизни, конечно, без особо интересных для нас фактов о делах революционного подполья, содержатся в его неопубликованной автобиографии, хранящейся в архиве С. А. Венгерова в Рукописном отделе ИРЛИ [7]. На рукописи автобиографии стоит дата — 1 января 1905 г. Писал ли ее Николаев по просьбе Венгерова и попала ли рукопись тогда же к составителю словаря,— неизвестно [8]. В деле, где она хранится, есть открытка из Женевы от Е. Е. Колосова, датированная 10 октября 1913 г. В ней Колосов сообщал, что он располагает рукописью автобиографии Николаева. Возможно, что он и передал ее Венгерову. Еще до этого один из экземпляров автобиографии (возможно, тот же, что затем оказался у Колосова) был частично использован в некрологе Николаева, написанном Г. Рентаром [9].

Уроженец г. Владимира, Николаев принадлежал к чиновничьей семье, дослужившейся до дворянства. По воспитанию и образу жизни он был типичным разночинцем.

Получив первоначальное образование во владимирской гимназии, Николаев поступил в Московский университет на математический факультет, который, однако, покинул в 1861 г. из протеста против новых университетских правил. Свое образование он продолжил как вольнослушатель, посещал лекции разных факультетов и, увлекшись в эти годы общественными науками, сдал в 1865 г. кандидатский экзамен по юридическому факультету. У Николаева, как сообщал в воспоминаниях о нем К. Д. Бальмонт, был превосходный голос, и кто-то из власть имущих предлагал ему ехать за казенный счет в Италию, чтобы затем поступить на императорскую сцену [10]. Но Николаева влекли иные цели.

Николаев прошел через все этапы общественного движения эпохи падения крепостного права. «Участвовал, конечно, и в демонстрациях,—писал он в автобиографии,— был в знаменитой битве «под Дрезденом» у генерал-губернаторского дома, но благополучно ушел, сокрушив при сем двух преследовавших меня здоровенных жандармов. Писал и прокламации к студентам» [11].

Не позже 1864 г. Николаев вошел в состав тайной организации, известной под именем Ишутинского кружка, и весьма деятельно в ней участвовал. Ему принадлежал один из проектов устава этой организации и изъятый при аресте у одного из ишутинцев план будущего государственного устройства, основанный на сочетании федеративного и централистского начал. После ареста главных организаторов Ишутинского кружка он фактически возглавил продолжавшуюся работу тайной организации, пока не был выдан предателем, студентом И. И. Корево. 19 апреля 1866 г. Николаев был арестован, отправлен в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость и после следствия, проводившегося М. Н. Муравьевым («Вешателем»), предан вместе с другими членами так называемых «Организации» и «Ада» Верховному уголовному суду. В условиях еще не сложившихся норм поведения революционеров на суде он впервые в последнем слове подсудимого защищал не себя, а свои убеждения.

Осужденный к каторжным работам на 12 лет (по высочайшей конфирмации срок был сокращен до 8 лет), Николаев был направлен вместе с некоторыми другими ишутинцами в Нерчинский округ Забайкалья, на Александровский завод. Здесь он встретился и на протяжении почти пяти лет был близок с Н. Г. Чернышевским. Об этом периоде Николаев так писал в автобиографии: «...моя пятилетняя каторга была окрашена сожительством, общением и, смею сказать, дружескими отношениями с Н. Г. Чернышевским ⟨...⟩ Его влияние литературное уже и раньше вошло как крупный фактор в мое развитие. Во многом мы не были согласны и спорили,— но несомненно, что от общения с ним открывались новые умственные перспективы и работа мысли направлялась на вопросы, раньше не бывшие в черте моего кругозора. Но нравственное влияние этой высоко благородной и могучей личности было, без сомнения, громадным. И всего больше я ценю встречу и сожительство с ним потому, что только тогда я выучился впервые любить и ценить человека как человека. Я горячо, даже страстно любил его... Да и кто из знавших не любил его?..» [12] Николаеву принадлежат воспоминания о Чернышевском, ценные тем, что в них изложено содержание произведений великого русского революционного мыслителя, созданных на каторге [13]. По свидетельству С. И. Мицкевича, он выступал и с устными воспоминаниями. «Я присутствовал,— пишет Мицкевич,— на одном докладе П. Ф. Николаева о Чернышевском, организованном студентом-народовольцем М. М. Молчановым (потом известный профессор-невропатолог) в классе городского училища (у Триумфальных ворот), в котором учительницей была его невеста. Николаев был на каторге вместе с Чернышевским, и его доклад был посвящен воспоминаниям о совместной их жизни на каторге, а также характеристике Чернышевского.

Николаев во всех своих высказываниях развивал мысль о необходимости всем оппозиционным и революционным направлениям слить свои силы и сосредоточить их на одном пункте — свалить самодержавный режим, добиться конституции. Это был господствующий лозунг момента среди радикальной и либеральной интеллигенции*.

* Я говорю здесь, конечно, о тех кругах интеллигенции, чрезвычайно малочисленных в то время, в которых еще сохранялись политические интересы (*примеч. С. И. Мицкевича*).

В этом духе издавался нелегальный журнал того времени «Самоуправление», в 1888 и 1889 годах его вышло четыре номера. Николаев принимал деятельное участие в «Самоуправлении». В 1894 году на этой платформе образовалась «партия Народного права». Николаев вместе с Натансоном были главными организаторами этой партии, которая просуществовала, правда, очень короткое время и была вскоре разгромлена без остатка.

Заичневский, Сабунаев, Николаев — это все были «последние могикане» старой революционной рати. Они делали последние попытки возродить движение на старой утопической основе, но время для них прошло, и попытки эти были обречены на неудачу» [14].

В 1871—1872 гг. Николаев был выпущен на поселение в Якутии, где и находился более десяти лет. Тут он дважды привлекался по политическим делам, и его ссылали в самые глухие места Якутского края. Должно быть, в это время он и познакомился с Короленко [15]. В 1883 г., когда почти ко всем участникам каракозовского процесса была применена амнистия (разрешение возвратиться в Европейскую Россию и восстановление в правах), Николаев оказался изъятым из ее действия: ему позволили только проживание в одном из городов Западной Сибири. Он избрал Томск, где и пробыл два года. И лишь почти через 20 лет после каторги и поселения он получил право проживать в центральных губерниях, сначала у матери во Владимире, а затем в Москве.

Но и здесь его ожидала нелегкая судьба. «Да и не жизнь это была,— писал Николаев в автобиографии,— но какая-то непрерывная мартирология... Аресты, обыски, высылки из Москвы, привлечение к разным политическим делам, годы подследственного надзора...» [16]. По словам Бальмонта, он в качестве «советника» участвовал в студенческих волнениях 1887 г., вызванных новым (реакционным) университетским уставом [17]. В те же и в последующие годы Николаев привлекался за участие в нелегальном журнале «Самоуправление», преследовался как член народнических и народовольческих кружков, партии «Народное право», а также и за свою легальную деятельность публициста и редактора. Он принимал участие в составлении программы партии социалистов-революционеров, в которую входил как один из ее основателей. Последние годы своей жизни Николаев провел в Чернигове, почти непрерывно находясь под надзором полиции.

Еще в юношеские годы определилась у Николаева и тяга к литературной деятельности. «В течение всей жизни,— признавался он,— мне «борьба мешала быть поэтом», хотя меня всегда тянуло к литературе и я всегда считал звание литератора высшим после звания борца за свободу. То-то и есть, что «после». А литература ревнива, ревнива и борьба за свободу» [18]. Тем не менее Николаев оставил довольно обширное и разнообразное литературное наследство, не собранное и даже не выявленное. В своем подавляющем большинстве это были газетные статьи, касавшиеся текущих вопросов и событий. Но были среди них и литературно-критические и даже беллетристические опыты. Как считал Бальмонт, Николаев оказал огромное влияние на направление его поэтического творчества. В частности, он обратил внимание начинающего поэта на Шелли, все произведения которого Бальмонт и перевел позднее на русский язык [19]. Большое место в его литературной деятельности занимали социологические проблемы, а в последнее десятилетие — переводы научных трудов по истории, философии, социологии.

Еще в начале 1860-х годов Николаев начал сотрудничать в московских газетах. Систематическое же его участие в журналистике относится к годам якутской ссылки. С середины 1870-х годов он стал выступать в сибирской и отчасти центральной легальной демократической печати. Был одним из ближайших и постоянных сотрудников газеты «Сибирь», «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения», издававшегося в Петербурге видным сибирским общественным деятелем и ученым Н. М. Ядринцевым. По возвращении в Москву Николаев вместе с одним из участников Ишутинского кружка, А. Колачевским, издавал недолго просуществовавшую еженедельную газету «Эпоха», а в конце 1890-х годов являлся фактическим издателем и редактором также недолговечной одесской газеты «Жизнь Юга», неоднократно подвергавшейся цензурным и полицейским преследованиям. На рубеже 1880—1890-х годов Николаев сотрудничал в «Русской мысли», публикуя преимущественно статьи по социологическим проблемам.

Некоторые свои социологические статьи он объединил в сборнике «Активный прогресс и экономический материализм», выпущенном в 1892 г. и пользовавшемся известным успехом.

Склонность к обобщениям и поиски исторических закономерностей сказались и в печатаемом «Очерке развития социально-революционного движения в России». «Очерк» — как это видно из редакционного предисловия,— был значительно сокращен издателями из-за большого объема. Отточия в тексте, видимо, и обозначают редакционные купюры. Местонахождение рукописи, с которой он печатался, неизвестно.

В. Л. Бурцев датировал «Каракозовское дело» (а стало быть, и «Очерк») 1883—1884 гг. Однако некоторые данные в самом тексте «Очерка» позволяют уточнить эту датировку. «Очерк» писался не позже первой половины 1880-х гг., так как о второй их половине говорится еще как о будущем времени. В нем упоминается газетная статья Г. И. Успенского о 1860-х годах, которая была напечатана в июне 1885 г. (см. примеч. 14 к тексту «Очерка»). Из воспоминаний Бальмонта видно, что в декабре этого же года во Владимир приезжал Короленко и тогда же там находился и Николаев [20]. Видимо, тогда-то рукопись и была передана писателю. Датировка «Очерка» важна главным образом потому, что позволяет понять данную в нем постановку вопроса.

«Очерк» писался в то время, когда русское революционно-народническое движение пережило важнейший идейный перелом — переход от аполитизма к признанию значения борьбы за политическое преобразование. В период аполитизма все представлялось достаточно ясным и простым. Политические свободы, как в том, казалось, должен был убедить опыт Западной Европы, укрепляли капиталистическое развитие, социально-экономическое неравенство и эксплуатацию, а следовательно, противостояли идее некапиталистического пути развития России, т. е. основной идее русского или крестьянского социализма. Политическая борьба рассматривалась как целиком подчиненная борьбе за социальные преобразования, как вторичный, производный фактор. Сама же по себе она представлялась знаменем буржуазного либерализма, с которым народнические идеологи — представители демократической тенденции в России, по характеристике В. И. Ленина, [21] — вели непрерывную борьбу.

С признанием значения политической борьбы, провозглашенным «Народной волей», все старые представления смещались. Идеи, еще недавно казавшиеся взаимоисключающими, оказались неотделимыми одна от другой. Вопрос о соотношении между политической борьбой и социализмом потребовал полного пересмотра, нового теоретического обоснования.

Впервые в народнической литературе этот вопрос был поднят в конце 1870-х годов публицистом «Отечественных записок» Н. К. Михайловским в его нелегальных «Политических письмах социалиста», печатавшихся за подписью «Гроньяр» во втором и третьем номерах «Народной воли» (1879—1880). Здесь Михайловский доказывал, что политическая борьба не только не противоречит интересам социализма, но, напротив, прокладывает путь борьбе за социальные преобразования. В недавнем отказе от борьбы за политические свободы он усматривал и ошибку движения и жертву, которую приносила интеллигенция во имя интересов народа, нуждавшегося именно в социально-экономических преобразованиях.

Насколько животрепещущим являлся вопрос о соотношении идей политического и социального преобразований в эти годы, можно судить по тому, что именно этот вопрос привел вчерашнего народника Г. В. Плеханова, остававшегося и после раскола «Земли и воли» 1870-х годов на позициях аполитизма, к коренному теоретическому пересмотру народнической доктрины и переходу к марксизму. Знаменателен тот факт, что именно этой проблеме и была посвящена его первая марксистская работа «Социализм и политическая борьба», писавшаяся, кстати, в то же самое время, что и печатаемый «Очерк» Николаева. Однако последний пытался решить (или, скорее, поставить) ту же проблему, оставаясь на народнических позициях.

В «Очерке» Николаева вопрос о политической и социалистической тенденциях в русском революционном движении и был поставлен во главу угла. Его философско-социологической основой являлся преимущественно контовский позитивизм в его российской демократической переработке, принадлежавшей главным образом П. Л. Лав-

рову и Н. К. Михайловскому. Отсюда у Николаева отрицание отвлеченных и априорных умозаключений или абстрактных построений как метафизических (по терминологии Конта). Отсюда и заглавие первого раздела «Очерка» — «Метафизический и эклектический социализм» и отнесение к области метафизических конструкций утопически-социалистических учений Сен-Симона, Фурье, Кабе, так же как и их российских последователей. Но отсюда же и то значение, какое он придавал опыту истории, рассматривая, однако, последний как смену одних идей, себя не оправдавших, другими идеями — т. е. в отрыве от породившей их материальной основы.

Николаев сознательно ограничил свою задачу одним лишь историческим экскурсом в прошлое освободительного движения, не претендуя на решение поставленной проблемы, на теоретическое обоснование синтеза политических и социалистических начал. Он пытался лишь подвести итоги, опираясь на которые, революционная мысль будущего, возможно и ближайшего, должна будет решить в теоретическом плане вопрос о неразрывности, об органическом слиянии политических и социалистических идей. Надо сказать, что в этом теоретическом поиске вскоре принял участие и сам Николаев. Однако от частного вопроса о соотношении политических и социалистических идей и их синтеза он углубился в более общие теоретические проблемы — в проблемы взаимосвязи идей вообще и их «первопричины».

В социологических статьях Николаева конца 1880 — начала 1890-х годов наметилась вполне ощутимая попытка преодолеть идеалистическую концепцию как представление, «будто право развивалось само по себе, этика сама по себе, экономика опять отдельно», и поставить вопрос, «существует ли какая *общая* им причина, связывающая их в одну целую систему» [22]. Эту общую «причину» он усмотрел в экономическом факторе. Сама постановка вопроса была связана у Николаева с его явным интересом к марксистской историко-философской теории о соотношении базисных и надстроечных явлений в общественной жизни. Николаев, пожалуй, ближе всех своих современников из народнического лагеря подошел к пониманию коренного марксистского положения, правда, усматривая в нем только гипотезу, нуждающуюся в проверке путем анализа исторических фактов. Свое главное внимание он при этом сосредоточил на вопросе об обратном воздействии идеологической надстройки на экономику (как «первопричину»). С этой точки зрения он особо акцентировал значение общечеловеческого исторического опыта, благодаря которому идеи, порожденные экономическими условиями, приобретают как бы самостоятельную жизнь и становятся достоянием общественной мысли в странах, не достигших этих условий, а следовательно, способных их предотвратить. Так пытался он повернуть и марксистскую «гипотезу» к народнической доктрине, к идее некапиталистического пути развития России. Эта попытка Николаева являлась прежде всего одним из свидетельств того, какой силой стал марксизм в 1880-е годы.

В «Очерке» еще отсутствовала такая постановка вопроса. Здесь Николаев стремился проследить наличие политических и социальных идей в революционной борьбе прошлого, характеризуя их соединение то как эклектическое, то как попытку синтеза, однако научно еще не обоснованного. С такой точки зрения он рассматривал движение декабристов и идеи петрашевцев, мировоззрение Герцена и борьбу демократических сил в эпоху падения крепостного права, замыслы ишутинцев и аполитизм «семидесятников». Отсюда же шла и его характеристика «писаревщины», как выпадающей и из эклектического соединения двух начал и из попыток их синтезировать.

Неудачу синтеза 1860-х годов Николаев объяснил ошибочными представлениями о роли народа в политической революции, идеализацией народных масс, точнее — крестьянства. И именно проблема народа, его места в освободительном движении являлась узловой в той постановке вопроса о синтезе политических и социальных идей, которая составляла основу николаевского «Очерка». Эта проблема и в 1880-х годах оставалась для народников таким же камнем преткновения, каким она была и у «семидесятников». Решение же «шестидесятников», как показал исторический опыт, оказалось ошибочным. Их вера в то, что крестьянство, только что вышедшее из крепостной зависимости, способно подняться не только против помещиков, но и против политического гнета, не оправдалась. А отсюда и поиски новых средств борьбы, проявившиеся сначала в движении ишутинцев, а затем в «хождении в народ».

Поставив вопрос о синтезе политических и социальных идей, Николаев смог указать только на негативную сторону проблемы, на не оправдавший себя опыт прошлого. Но позитивной постановки вопроса он не мог дать потому, что исходил из мысли о том, что основной движущей силой революции, хотя и не ее инициатором, явится крестьянство. Рабочий класс, который стал массовым носителем того, что назвал Николаев синтетической идеей, рассматривался им, как и всеми народниками, только как часть того же крестьянства.

Тем не менее «Очерк развития социально-революционного движения в России» представляет немалый интерес как показатель движения народнической теории в новых исторических условиях, как одно из проявлений поисков пути к осуществлению заветных идеалов человечества.

«Очерк» печатается по тексту сборника «Социальный вопрос» с учетом отмеченных в нем опечаток. Вступление принадлежит редакции сборника. Поправки, внесенные Николаевым в рукопись статьи «Каракозовское дело», носят преимущественно стилистический характер. В тех случаях, когда эти поправки уточняют смысл, они приводятся в подстрочных примечаниях без специальных оговорок; там же приводятся наиболее значительные примечания редакции журнала «Былое».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кроме печатаемой статьи, в состав сборника входили вступительная заметка программного характера «От издателей» и статьи: П. Б. А к с е л ь р о д. Переходный момент нашей партии (перепечатка из журнала «Община», 1878, № 8-9); Х. Социализм и народничество; П-ч. Социализм в революционном движении интеллигенции 70-х гг. (Историко-критический этюд). Сборник был издан в количестве около 200 экземпляров. Предисловие «От издателей» и статья Х. «Социализм и народничество» были перепечатаны Н. Сергиевским в «Историко-революционном сборнике». М., 1926, № 3. В настоящее время известны экземпляры, хранящиеся в ЦГАОР, ГБЛ и в библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС.

[2] См.: «Каторга и ссылка», 1930, кн. 10 (71), с. 127.

[3] См.: «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, № 2, с. 180—181.

[4] ЦГАОР, ф. 1167, оп. 1, ч. 1, № 2417.

[5] См. В. Г. К о р о л е н к о. Полн. собр. соч., т. LI. Харьков — Полтава, 1923, с. 69—70.

[6] См.: «Большая энциклопедия». Под ред. С. Н. Южакова, т. 22. СПб., 1909; «Новый энциклопедический словарь», т. 28. СПб. — Лейпциг, 1916. См. также примеч. 8.

[7] ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 6—35.

[8] В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, выходившем в 1889—1904 гг., имя Николаева отсутствует; его же «Источники словаря русских писателей», публиковавшиеся в 1900—1917 гг., не были закончены и обрывались на Некрасове. Сведения о Николаеве попали во II том готовившегося второго издания «Словаря» («Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки»), вып. 4. Пг., 1916.

[9] «Киевские вести», 1910, № 350, 30 декабря.

[10] «Видящие глаза. Страницы воспоминаний К. Д. Бальмонта. Памяти В. Г. Короленко, П. Ф. Николаева и профессора Н. И. Стороженко».— Газета «Утро», Нью-Йорк, 1922, 25 и 26 февраля (сообщено А. В. Храбровицким).

[11] ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 15.

[12] Там же, л. 20 об.—21.

[13] См.: П. Ф. Н и к о л а е в. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе). 1867—1872. М., 1906.— Любопытна история этих воспоминаний, рассказанная Николаевым в автобиографии, когда они еще не были опубликованы. «В 1889 г.,— сообщал он,— после кончины Н. Г. Чернышевского, полагая, что запрещение снято с имени этого великого писателя, я написал краткие воспоминания. Ради цензурных условий я ограничился в этой статье только изложением ненапечатанных и даже ненаписанных, но прочитанных нам, товарищам по тюрьме, беллетристических произведений Николая Гавриловича. Расчет мой, однако, не оправдался: ни «Русская мысль», ни «Русская старина» (при М. И. Семевском) не добились права напечатать статью. Это жаль потому, что она вполне цензурна и открыла бы публике многое из мира мышления Чернышевского. Во всех воспоминаниях, какие мне удалось прочесть,— г. Шаганова, г. Короленко, доставленных «Русскому богатству» Пекарским, много пробелов именно в этом отно-

шении, а то и просто фактических неверностей... конечно, невольных и (у Шаганова) не сознательных <...> С моей статьи в Москве было сделано много снимков, но все они, вероятно, пропали — во всяком случае, когда ко мне позже обратился В. И. Семевский с просьбой прислать эту статью, я не разыскал ее нигде. Возможно, что она имеется в бумагах покойного А. Н. Пыпина, которому, по его просьбе, выслала экземпляр редакция «Русской мысли». Жалею, что статья пропала, так как теперь ее, наконец, можно бы было напечатать» (ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 34 об.—35). В архиве «Русской старины» (там же, ф. 265, оп. 2, № 3045) действительно хранится рукопись воспоминаний Николаева о Чернышевском. С некоторыми сокращениями воспоминания перепечатаны в кн.: «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. II. Саратов, 1959, с. 152—183.

[14] С. И. Мицкевич. Революционная Москва. М., Гос. изд-во «Художественная литература», 1940, с. 79.

[15] См.: Вл. Короленко. Дневник (1881—1893 гг.), т. I. <Полтава>, Госиздат Украины, 1925, с. 285.

[16] ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 27 об.—28.

[17] К. Д. Бальмонт. Указ. воспоминания.

[18] ИРЛИ, ф. 377, № 2017, л. 18.

[19] К. Д. Бальмонт. Указ. воспоминания.

[20] Там же.

[21] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, с. 176.

[22] См.: П. Николаев. Активный прогресс и экономический материализм. М., 1892, с. 107.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Нам попался случайно в руки очерк русского революционного движения до 70-х гг., написанный одним из старых деятелей движения, много пережившим и передумавшим на своем веку. Значительная часть заключений автора основана на его собственном опыте, на том, что ему самому довелось видеть и испытать. Если рассказ его, быть может, по своей легкости, и не дает вполне ясного представления о развитии социально-революционного движения в России, то намечает все-таки некоторые черты из истории этого развития. Во всяком случае, очерк дает представление о непрерывности движения, об его цельности, а такое представление позволяет верить в торжество общей идеи, положенной в основание попыток, в частности неудачных.

Обозреть развитие движения, хотя бы в легком очерке важно в том отношении, что такой обзор определяет место отдельных фазисов движения в его целом, кладет основание синтезу идей, ведущих к обособленности, раз теряется нить, связующая их с прошедшим. К сожалению, мы не могли, вследствие самых размеров очерка, напечатать его целиком. Делая извлечения, мы постараемся не исказить нигде мысли автора, исключив лишь многочисленные отступления, любопытные сами по себе, но не существенные в целом рассказа.

Быть может, в нашем изложении руководящая мысль очерка сделается несколько яснее, по крайней мере мы этого искренне желали бы.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Сороковые годы — это старые боли и старая грусть для нового русского человека, уже двадцать лет тому назад запевшего новые, даже и в Европе не слыханные песни о народной жизни, народных идеалах и о постройке целого миросозерцания на основании этих идеалов.

Трудно человеку новой России ориентироваться в той неясной массе стремлений, мыслей и желаний, которые обуревали мыслящую Россию в 40-е годы.

Их боли — будто и не наши боли, их страдания — будто не наши страдания. И однако, все-таки, в этом чужом нам много и родного; в этих старых, и быть может, наивных по своей молодости песнях прозвучит нередко нота, которая нам совсем близка и совсем родна.

Эта нота — жажда правды, любовь к народу как к рабочему и страдающему классу, а всего больше вражда и ненависть к грубой силе. Два эти элемента — симпатия к народу и ненависть к власти — уже тогда, в старые годы неясного метафизического мышления, намечали два потока, слившиеся в одно русло социалистической и чисто политической борьбы.

Говоря строго, трудно в истории России привести примеры, кроме разве движения декабристов, в котором бы эти течения были резко разграничены. Даже и у декабристов, по крайней мере в крайней их фракции республиканцев-федералистов, мысль общественного переворота не отделялась от мысли о переустройстве политическом.

Политическая форма в русских движениях являлась всегда почти только носителем и представителем известного общественного строя, для переделки которого нужно было прежде всего сокрушить политическую форму. Люди сороковых годов, так называемые либералы, были в этом случае продолжателями движения, намеченного уже декабристами. Пусть они остановились только на мысли об освобождении крестьян с землею и не шли дальше, но уже одна эта мысль представляла, если сравнить ее с преобладающими течениями тогдашней западноевропейской мысли, целую социальную революцию.

Притом и идти им было больше некуда. Современная им наука обществоведения не давала для этого никаких указаний, кроме метафизических построений тогдашних социалистических школ: сен-симонизма, фурьеризма и коммунизма (в учении Кабе [1]).

Не место здесь вдаваться в объяснение, почему эти, часто блестящие по гениальности их основателей, социалистические учения следует назвать метафизическими. Заметим только, что в них уже заключались зерна будущих экономических учений, получивших научные основания.

Сен-симонизм, например, в лице Базара [2] и его учеников, близко подошел к так называемой научной социалистической школе, выставив основной принцип обобществления труда в мануфактуре. Блестящие и широко захватывающие гипотезы Фурье, привлекавшие многих последователей, делают его учение весьма важным в истории развития социалистического движения в России, хотя к идеям экономического переворота он имеет более отдаленное отношение, чем Сен-Симон или даже Кабе.

Чрезвычайно трудно проследить те каналы, через которые вливались в общественную русскую жизнь учения тогдашних социалистических школ. Несомненно то, что при невообразимом для современного человека общественном гнете, при беспросветном произволе царящего крепостного склада жизни, эти каналы были случайны и, так сказать, побочны. Как это ни странно, но, быть может, в этом отношении большое значение в истории общественного развития России имели романы Жорж Занд, этого «Христа женщин», как ее назвал, кажется, Герцен [3]. Во всяком случае, можно сказать, что наши новейшие историки литературы: Пыпин и пр.— в своих исследованиях тогдашних общественных течений, привлеченных сильным влиянием на жизнь русского общества, и особенно московских кружков, систем немецкой метафизики, проглядывают другое, параллельное влияние,— влияние французской литературы. О силе и характере этого влияния можно получить понятие, сравнив медленное и довольно мучительное развитие Белинского с быстрым и блестящим развитием Герцена. Последний выступает в литературе уже вполне готовым революционером с социалистическим оттенком.

П. Ф. НИКОЛАЕВ
Фотография. Полтава, 1900-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Вообще же в московских либеральных кружках течение социалистическое было весьма слабо, за исключением небольшого кружка Герцена, и таким оно было именно в самых близких по духу последующей революционной партии кружках, в западнической фракции тогдашних молодых людей.

Политическая мысль, слишком юная и потому самому слишком горячая, захватывала все мышление. Народническая мысль — впрочем, очень мало похожая на последующее народническое движение,— скорее всего проявилась в смешанной куче прогрессивно-регрессивных мыслей, известных под общим названием «славянофильство». Первое явление, которое в известной степени отразило в общественной жизни течение мыслей, бродивших в обществе, пытавшееся реализовать эти мысли в какой-нибудь конкретной форме,— было так называемое дело Петрашевского. Тут в первый раз в истории движения мы наталкиваемся на явление, так сказать, роковое для русских социалистов-революционеров, роковое именно потому, что оно неизбежно обусловливается обстоятельствами русской жизни и русской борьбы. Впоследствии это явление не раз повторялось в русской общественной жизни и всегда на один и тот же манер. Чайковцы, народные пропагандисты, и в более позднее время народники и их продолжатели чернопередельцы пережили в этом отношении совершенно

то же, что и петрашевцы, по крайней мере психологическая подкладка была совершенно одинакова. Начиная с разработки чисто социалистических вопросов (дорога и метод разработки были, конечно, совершенно различные), русские деятели весьма быстро убеждались самым опытом жизни в бесплодности и невозможности чисто социалистической деятельности, почему переходили к той или другой форме политической борьбы.

Повторяем, что ту же историю пережили и петрашевцы. Собственно говоря, обстоятельства их дела очень мало известны, чуть ли не один приговор, по которому нельзя составить ясного представления о задачах деятелей [4]. Несомненно, кажется, одно — что этот кружок начал с разработки теоретических положений социализма, тогда еще метафизического (это был первый кружок русских последователей фурьеризма), и весьма быстро перешел на политическую почву. Известно, что такой процесс совершился под исключительным влиянием Петрашевского, который в этом отношении, по-видимому, был целой головой выше своих товарищей по делу. В то время, когда другие члены кружка еще возились с чтением и переводами Фурье, Петрашевский весьма недвусмысленно заявил о необходимости реальной политической деятельности. При этом следует отметить тот особенный факт революционной наивности или, иначе говоря, революционной веры, что в головах руководителей тогдашнего дела, и в особенности у Петрашевского, сознание назревшей политической мысли было уже настолько сильно, что эта мысль приписывалась и даже навязывалась первому встречному. Думалось, что общество совершенно созрело для переворота и что нужна только кой-какая организация, чтобы нанести удар всем опротивевшему крепостнически-военному деспотизму, и этот деспотизм развеется в прах. Эта отчасти вера, а отчасти бессилие бродящих в темноте людей, поневоле бросавшихся в разные стороны, и была причиной того, что, по мысли Петрашевского, только и нужно было вербовать и вербовать людей, водить их на бывавшие в кружке сходки, а после-де разберемся. С нашей настоящей точки зрения трудно даже понять подобную систему действий, но людям, пережившим 60-е годы, время общественного пробуждения, психологическая подкладка такого явления весьма понятна. Как в 40-е годы, так и в 60-е, люди были слишком молоды и слишком цельны, чтобы доходить до такой организации, к какой пришлось прибегнуть после [5]. Верилось, что довольно одного смело сказанного слова, чтобы все желаемое совершилось по этому слову.

Приняв себе за правило — указывать в изложении основные оттенки социально-революционных идей, остановимся несколько на самой личности Петрашевского, составляющего одну из вех на той дороге, по которой шла русская общественная мысль. Руководителем кружка его сделала неутомимая энергия его характера, хотя, как кажется, она не была у него уравновешена твердо сложившимся общественным миросозерцанием. Такого миросозерцания, как равно и ясно установленной программы, у него не было, но была живая натура, способность отзываться на всякий вопль и страдание, как бы лично и мелко это страдание ни было. На это указывает и вся последующая жизнь его в Сибири, где до сих пор можно услышать рассказы о его борьбе с местной администрацией, о его заступничестве за всех униженных и оскорбленных. Такой умственной организации, как Петрашевского, было естественно явиться тем, чем он явился в истории революционного движения в России, т. е. первым, и, можно сказать, единственным, если не считать Ткачева, представителем той европейской политической школы, которая носит название якобинизма. Последующий якобинизм имел с ним очень мало общего и, напротив, очень много общего с позднейшим социально-революционным движением так называемого народничества.

В царствование Николая Павловича петрашевцы были единственным в своем роде явлением и надолго остались без подражателей.

Правда, были еще высылки нескольких лиц из среды студенческих московских кружков, например, Козлова, братьев Феррано, Рыбникова [6]; но все они были завзятые фурьеристы, кажется, и в мысли никогда не приходившие к политическому мышлению, почему прошли бесследно в истории развития социально-революционного дела в России. Во время полного разгула николаевского деспотизма с 49—55 года, когда все живое и честное в России, казалось, исчезло куда-то, притаилось, вся русская протестующая мысль сосредоточилась в одной блестящей фигуре, почти грандиозной, если бы она не была лишена той могучей искры самобытности, которая отличает гения. Вы догадываетесь, конечно, что речь здесь идет о Герцене [7]. Он сыграл в истории развития в России революционного движения такую громадную роль, что почти невозможно указать никого другого, равного ему по значению. В сущности говоря, его дух положил свой отпечаток даже на те поколения, которые его мало знали. Деятели начала 60 годов, действовавшие под другими, современными им влияниями, если не более глубокими, то совсем иными, находились, хотя и сами не сознавая этого, под сильным влиянием герценовских идей. Вообще же трудно найти хоть какое-нибудь позднейшее направление, где бы хотя косвенным образом, в какой-нибудь детали иногда не отразилось влияние Герцена. Даже народничество, по-видимому, наиболее чуждое такого западника, как Александр Иванович, даже оно, пожалуй, может считать свое родословие с его письма к Мишле о русской общине, где весьма ясно высказаны основные принципы народничества — развитие социалистических учреждений из чисто народного общетрудового начала [8]. Из факта его отзывчивости на весьма различные по принципу направления социализма ясно, что он сам и в политическом и в общественном смысле был блестящим, неподражаемым эклектиком. Время для научного синтеза политического и социального направлений еще не пришло, ибо самое направление не только не выработалось, но даже и недостаточно обозначилось. Нужно было много лет теоретического мышления и фактической борьбы в попытках реализации этого мышления, чтобы совершилось уяснение этих течений. Синтез же, как кажется, еще вопрос далекого или близкого будущего.

И тем не менее роль Герцена в истории революционного движения громадна. Его «Колокол» был неумолкаемым призывом к политической борьбе, призывом, действующим всеми средствами — от желчной иронии до серьезной постановки вопросов, от мелкой обличительной насмешки над каким-нибудь сановником до воинственных поэтических взрывов революционной страсти и горького отчаяния в настоящем. До одного никогда не доходил Герцен — до отчаяния в будущем. Он был тем римским консулом, разбитым Ганнибалом, который заслужил благодарность отечества за то, что не отчаивался в его спасении [9]. Герцен звонил и звонил в набат, и не только дурацкий ночной колпак, но и железная каска деспотизма и рабский убор крепостничества, надвинутый на уши, по-видимому, спящего общества, не гарантировали этих ушей от опасного для деспотизма набата. Фактических результатов этот набат, правда, не имел и не мог иметь, попыток реализации революционных стремлений не было и не могло быть.

В 60-х годах, в эпоху расцвета политической жизни в России, несмотря на громадное распространение герценовских идей, не создалось все-таки ни одного политического направления, ни одного течения, которому можно бы было присвоить название герценовского. Но причиной этого было то, что само это учение, если не было достаточно глубоким, то зато было слишком широким и ярким, чтобы быть приуроченным к какому-нибудь одному направлению.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И 60-е ГОДЫ

С первого взгляда может показаться странным, что прямо от Герцена мы переходим к Н. Г. Чернышевскому. Между тем связь между ними в мышлении и во влиянии их на развитие революционной идеи в России не только несомненна, но и вполне необходима с философской точки зрения *. В истории наук эклектизм часто предшествует критике и развитию какой-либо отдельной науки на новых началах. Из истории философии во Франции, например, эклектизм Кузена [12] несомненно прокладывал дорогу позитивизму. В астрономии эклектизм Тихо-де-Браге логически стоял перед Кеплером и Галилеем [13]. В политической экономии, в этой новейшей из наук, несомненно критицизм и эклектизм были одним из стимулов возвращения науки к истинным научным методам и служили переходом к Марксу, Лассалю и Н. Г. Чернышевскому. То же можно сказать и относительно развития русской научной мысли, где эклектизм Герцена самым непосредственным образом предшествовал научному мышлению Чернышевского, и это не только в науках социальных, но и в некоторых других сферах мышления. Например, в философии статья «Антропологический принцип» имела предшественницей «Письма об изучении природы». Сам Герцен, кажется, понимал эту генетическую связь между собою и Чернышевским, если верить слуху, будто он хотел передать ему руководительство заграничной русской печатью.

Не понявши хорошо значения Н. Чернышевского в русской жизни, навряд ли можно понять не только это полузабытое прошлое, которое называется 60-ми годами, но мало будет понятно и настоящее. Отпечаток этой личности слишком еще силен и очевиден, даже те уклонения от истинной научной дороги, которыми Чернышевский соприкасался с метафизическим социализмом, имели громадное влияние на современное общество. Здесь совсем не место вдаваться в сколько-нибудь подробную характеристику литературной деятельности этого писателя и обрисовку его характера,— тем более, что все это мы должны предположить известным. Но полагаем, не будет лишним сказать, что именно художественной и сердечной своей стороной Чернышевский представляется стоящим на перепутье между строгим мышлением и блестящими гипотезами фурьеризма. К этому отделу, если можно так выразиться, принадлежат, например, его взгляды на так называемый женский вопрос и на разные общественные и психологические стороны этого вопроса. Таким характером научно-мечтательным отличались и вообще так называемые 60-е годы.

Один из наших известных и симпатичных писателей г. Успенский в какой-то из своих мелких газетных статей с глубоким благоговением вспоминает время непродолжительного расцвета русской мысли в 60-х гг.[14]

Не только благоговение и любовь к этому прекрасному прошлому русского общества, но и призывы к основным, характерным идеалам его звучат в каждой строчке его статьи. Увы! история не возвращается. Как бы то ни было, не мешает вспоминать чаще это время, когда во всех слоях общества была разлита светлая гуманность, хотя несколько темная и неясная, но тем не менее реальная. Вера в близкое счастливое, прекрасное будущее, уверенность в своем желании и в своих силах создать его —

---

* Мы, конечно, употребляем здесь слово «революционный» в самом широком его значении, потому что в подпольной агитации Чернышевский никогда не участвовал [10] и пострадал лишь за свою литературную деятельность в цензурных рамках: характерно для его дела заявление одного из членов следственной комиссии по каракозовскому делу, Огарева, который заметил, что Чернышевского он «охотно бы повесил, хотя, по правде сказать, он ни в чем не виноват» [11].

вот тот нравственный идеал, который проникал, по мнению г. Успенского, все образованное общество.

Из другого лагеря профессор Иванюков в своей речи о развитии пессимизма в русском обществе берет ту же тему [15]; он также страстно призывает 60-е годы всеми силами своей души как образец, достойный подражания, и характеризует их почти так же, как и г. Успенский.

Правда, тон несколько другой, у народника Успенского на первом месте народные нужды и стремления, у либерала и катедер-социалиста Иванюкова — общие гуманные принципы и идеал общечеловеческих неотъемлемых прав. Но на то они и люди все-таки разных лагерей, хотя, очевидно, и тут нашлась точка соприкосновения, наметился, если не вполне высказался, тот синтез, который, по нашему мнению, будет задачей теоретического мышления и практической деятельности во второй половине 80-х годов. Да, надо было пережить всю эту идейную, страстную сумятицу, которую представляют 70-е годы, надо было выстрадать искание новых истин и новых начал, характеризующее эти годы, и надо было попасть после этих честных исканий, после этой разнокалиберщины мыслей, убеждений, гипотез и чувств в ту омерзительную помойную яму, без воздуха и просвета, в это царство торжествующей свиньи, именуемое 80-ми годами,— надо было перетерпеть все это, чтобы серьезно и с благоговением обратиться, как обращается верующий магометанин к своей каабе [16], к этому золотому веку русского общества. Да, золотой век, и по совести сказать, как всякий золотой век,— весьма туманный и весьма проблематический.

Понятно, что мы не можем иметь претензии рассказать интимную историю 60-х годов с их стремлениями, их духом и их отличительными чертами. Слишком смело только почти при багаже личных воспоминаний браться очертить такую важную сторону русской жизни, как появление и развитие социально-революционной идеи с разнообразными и сложными, определяющими ее факторами.

Только одно то соображение, что что-нибудь в этом отношении должно быть сделано, дает нам смелость попытаться указать хотя несколько черт из этой интимной истории. Прежде всего, на этом пути мы встречаемся с глубокой верой в неизбежность переворота — неизбежность, ясную для всех. Начиная от правительственных агентов и до крайних радикалов, с сознанием, что живешь накануне чего-то великого и решающего судьбу всякого человека в России,— вот характерная черта того времени. Далее крестьянский топор, крестьянская, имеющая естественно, сама собой произойти революция,— для одних пугало, для других желательное и немного страшное неизвестное — вот фон всего революционного мышления того времени. Все готово, все сделано, и делать больше нечего в этом смысле, кроме того разве, чтобы бросить искры в готовый для горения материал... И сомнений никаких нет относительно тех жгучих пунктов несогласия идей и даже интересов народа и интеллигенции, тех пунктов, над которыми мучилось и погибало, делаясь нервозными, больными, целое поколение 70-х гг. Все просто и ясно... Воля и Земля, Земля и Воля — вот лозунг, всепоглощающий, всеобъемлющий, из которого могут быть выведены все законные требования и удовлетворения, все нравственные нужды интеллигента. Вдали звучит прекрасная, всепримиряющая песнь торжествующего труда:

Слава святому труду!
Счастье и труд,
Вместе живут... [17]

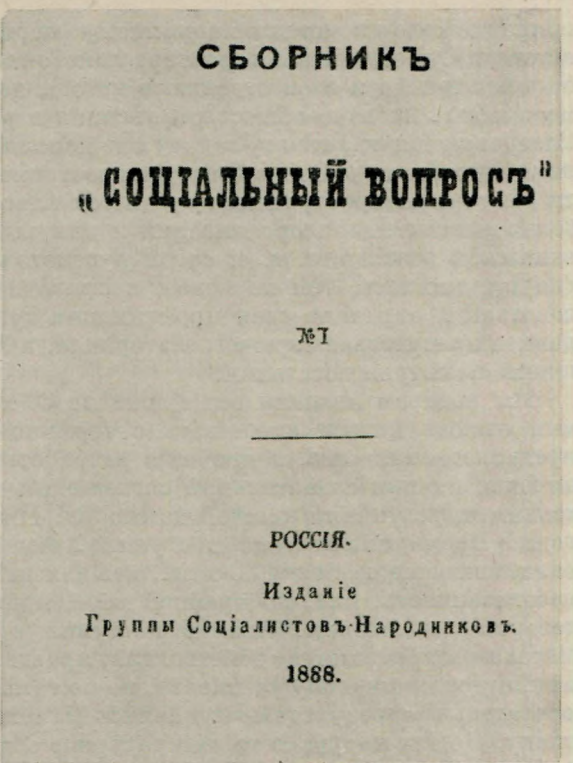
В огромном лозунге: «Земля и Воля» — сходятся все самые разнородные элементы, решительно не сознавая своих основных несогласий,— и либе-

ралы, и революционеры. Все сознают, что это лозунг самой жизни, что ничего другого русская жизнь не может дать и что только при торжестве этого принципа можно вообще жить. А торжество неизбежно. Небольшая кучка людей, вроде Волгина (как называет себя Чернышевский в романе «Пролог»), может сомневаться, может не верить, но и она уступает течению. Что за дело до их сомнения, до их неверия, когда верит все, окружающее их... Да и Волгин не верит и сомневается не столько в силу идей, сколько в силу темперамента. По крайней мере, рядом с ним стоящий Добролюбов, не веря ни в политическую зрелость русского общества, ни в именины сердца русского правительства, верит в мужицкий топор и всеми силами своей могучей, страстной натуры призывает этот топор, как единого спасителя из дебрей либеральной болтовни [18].

Он тут не видит противоречия так же, как не видели его и все другие... Да этого противоречия и нет. Требования интеллигенции не расходятся с требованиями народа. А идеалы его? Да есть ли эти идеалы? Даже навряд ли вопрос такой задается, а если бы и задавался, то с общеевропейской научной точки зрения вопрос о народном идеале как об идеале массовом получил бы отрицательный ответ. Единственный, или почти единственный, писавший тогда ярый народник Левитов описывает народное горе, народную нужду, народное невежество, описывает симпатические черты, сохранившиеся в народе, несмотря на крепостной гнет [19]. Но цельных социальных и тем менее политических идеалов в народе он не видит так же, как не видят их социалисты-европейцы школы «Современника». «Земля и Воля» — великий и осмысленный идеал для интеллигенции, идеал, заключающий в себе целые, ясно определенные, твердо установившиеся категории политических и общественных мыслей, для народа только смутно представляющаяся потребность, его живой интерес, бессознательная идея, говоря научным языком. Даже в существование идеи «царизма», которая играет большую роль в сознании последующих поколений, даже в существование этой идеи в народном сознании люди 60-х годов не верят, да история и не давала почвы для такой веры, а будущее для них было слишком светло, чтобы допустить возможность подобного давящего кошмара.

Несомненно, что настроение всего общества положило свой отпечаток на революционное движение той эпохи. Прежде всего, самое, так сказать, всеобхватывающее, синтетическое свойство мысли исключило возможность анализа и отделения политических идей от чисто социалистических. Вообще все движение того времени следует назвать общественным в широком смысле этого слова, т. е. политическим по форме, с богатым содержанием различных социалистических мыслей и с сильным социалистическим оттенком. В смысле же методов действия и средств оно не могло быть никаким другим, как прокламационным [20]. Повторяю, что в умах всех передовых людей того времени горючий материал представлялся вполне готовым и в революционном отношении делать было нечего, как только бросить искры. Такими искрами были непрерывно и целыми массами сами являющиеся прокламации... Не было места, где бы они не встречались, не было лица, сколько-нибудь выдающегося в обществе, которое не получало бы их прямо по почте и совершенно невольно не делалось распространителем их, храня их у себя и читая своим знакомым. Герценовская жилка, герценовская манера слишком очевидны во всех этих тогдашних прокламациях, хотя, понятно, мы совсем не думаем сказать этим, что прокламации исходили от него. Нет. Действовало отнюдь не одно лицо: действовала, думала, а, думая, и писала целая масса лиц [21], но они, эти лица, всецело отражали в себе революционный дух Герцена. Вот почему, говоря раньше о Герцене, мы утверждали, что никто, быть может, из деятелей не положил такого яркого отпечатка на целую эпоху, как Герцен. И эти прокламации,

СБОРНИК «СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС», № 1
⟨Казань⟩, 1888
Обложка
Здесь напечатана статья П. Ф. Николаева «Очерк развития социально-революционного движения в России»


СБОРНИКЪ
„СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ"
№1
РОССІЯ.
Изданіе
Группы Соціалистовъ-Народниковъ.
1888.

сообразно своему назначению быть искрами, были ими действительно. Они ничего не разъясняли, не выставляли никаких принципов, никаких идеалов будущего, даже не указывали никаких методов революционного действия — и этим рельефно отличались от всей последней подпольной литературы. Да и понятно: к чему было все это, когда идеалы известны, цели ясны, разъяснений никаких не надо, ибо все понимают, что нужно, указание методов лишнее, ибо метод только есть один, и этот метод известен всем — это просто народное восстание, всеобщее, охватывающее всю Россию. Понятно, что при таких основных идеях прокламации были не чем иным, как воззванием к мужицкому топору. И при этом еще отметим одну черту. Пугачевщина в смысле какого-нибудь главенства была столь же далека от мысли людей 60-х годов, как и Пестелевщина в смысле заговора. Ни заговора, ни народного царя, даже ни народного героя, а только единый, всемирный, всеобъемлющий и всеобхватывающий народ, вполне способный к самоопределению и если не знающий своих бойцов, то инстинктивно идущий с ними рука об руку. Одною из числа сильно рельефных таких воззваний к топору была и известная «Молодая Россия», зовущая народ к ниспровержению не только трона, но и алтаря, за которую был сослан Михайлов, подлежал аресту накануне смерти Добролюбов и за расклейку которой были сосланы двое юношей, почти мальчиков, Васильев и Волков [22].

Трудно не улыбнуться теперь, читая или вспоминая эту прокламацию, но тогда улыбаться никому не приходило в голову, да философски мыслящий человек не улыбается и теперь. Он поймет, что идеи времени требовали именно такого, а не иного выражения.

Следует, впрочем, отметить, как переходное к последующей эпохе явление, попытку организации революционных сил, проявившуюся в образовании тайного общества «Земля и воля». Но это общество всецело

принадлежало к прокламационному периоду русской революционной истории. Оно не носило характера какого-нибудь заговора, имеющего свои отдельные цели и свои отдельные методы действия. Нет, оно всего скорее может быть названо обществом писания и распространения прокламаций. Следует признать, что эту задачу оно исполняло блестящим образом. Прокламации «Земли и Воли» были распространены весьма широко [23]. Не найдя сбыта и распространения среди тех классов общества, на которые особенно рассчитывала организация и для которого преимущественно издавала свои воззвания, т. е. среди русского крестьянства, «Земля и Воля» ⟨не⟩ усумнилась, тем не менее, в пригодности прокламационного плана действий и отсылала свои прокламации туда, где она предполагала усиленное присутствие горючего материала, в Литву и Белоруссию, находившиеся накануне восстания.

Мы недаром назвали все движение 60-х гг. синтетическим. Этот термин отнюдь нельзя смешивать с термином «коалиционный». Последнее предполагает анализ, подробную разработку в основных идеях и разграничение их при сознательном соглашении между идеями, часто с значительными уступками каждой из сторон. Ничего подобного не было в 60-е годы. Время анализа не наступило. Именины сердца, со всех сторон охватывающие человека 60-х гг., мешали разобраться в идеях и видеть их несогласимость, или, по крайней мере, принадлежность их к разным категориям мышления. Анализ наступил с реакцией и разочарованием. Школа «Современника» действовала, правда, и тогда уже в этом направлении, отделяя пшеницу от плевел, но по самым условиям этой деятельности осязательные результаты сделались заметными только в последующую эпоху. До тех пор даже то литературное общественное явление, о котором мы скажем ниже и которое назовем общим названием «писаревщины», не представлялось не только стоящим в противоречии с основными социально-революционными мыслями, но даже и не представлялось и серьезным уклонением от этих основных мыслей. Синтетический характер эпохи выражается часто в таких общественных явлениях, которые в эпохи последующие, в эпохи неверия и анализа, были бы названы и не могли быть иначе названы, как изменой делу, но тогда не носили такого позорного имени потому, что не противоречили основным мыслям эпохи. Приведем два, три факта для объяснения сказанного: после манифеста об освобождении крестьян с землей Герцен в «Колоколе» предложил пить за здоровье Александра II. Правда, это вызвало протест со стороны молодого поколения, заявление, что Герцен отстал от движения и не понимает его, и полный грустного достоинства ответ Герцена [24]. Но слово «измена» произнесено не было, да и сами обвинители Герцена стояли на той же почве, на которой стоял и он. Чтобы понять, какая это почва, приведем другой случай: известный, после сосланный и умерший в Иркутске революционер Серно-Соловьевич лично подал государю докладную записку с радикальным оттенком о крестьянском деле. На этой записке Александр II положил резолюцию: «Объявить Серно-Соловьевичу, что его записку прочел с удовольствием» [25]. Крестьянин Мартьянов написал Александру резко свободолюбивое, почти республиканское, но полное доверия письмо, за которое потом и умер в Сибири [26]. Эти факты весьма характерны. Человек, признающий себя несомненным революционером, пишет представителю монархической власти и указывает ему путь, по которому тот должен идти для блага России. Теперь это непримиримое противоречие, дикая идея, или измена, а тогда только одна сторона огромной синтетической мысли. Дело-то именно и заключается в том, что для революционеров 60-х гг. Александр II что-нибудь одно: или он представитель старого деспотизма, и тогда должен быть низвергнут и немедленно замещен самостоятельно управляющимся народом, вполне готовым к политической жизни, или же

он не царь, а просто человек, случайно попавший на трон и могущий фактически произвести переворот, который уже произведен в психии массы и только должен быть оформлен. Деятели 60-х годов, те же самые Герцен, Серно-Соловьевич и др., стояли несомненно на первой точке зрения, но первая точка не противоречила и второй; по крайней мере, не впадая во внутреннее противоречие сами с собой, люди 60-х гг. временно могли перестать смотреть на Александра II как на царя и начали смотреть на него как ⟨на⟩ человека эпохи. Когда несколько позднее Бакунин издал брошюру: «Пугачев, Пестель и Романов» [27], отдавая предпочтение последнему, он стоял еще на точке зрения 60-х годов, способный слить все, даже идею царя с идеей революции...

И, быть может, только один человек составлял исключение из всей массы тогдашних деятелей, подвергая общественное направление скептическому анализу, в чем его великая общественная заслуга [28].

Революционная волна охватила все проявления общественной жизни, даже самые мелкие, даже такие, которые по своей сущности не имели, собственно говоря, никакого отношения к революционной идее. Даже то движение, которое можно назвать социалистским, которое непосредственно примыкает, с одной стороны, к метафизическому социализму, а с другой, к лозунгу: «прожить свято», т. е. к тому направлению, которое выступило в последующий период как писаревский нигилизм,— даже это движение, широко распространенное во всех интеллектуальных центрах России и из всех явлений 60-х гг. уцелевшее дольше всех, именно по своей мелкости, по своей метафизичности, даже оно в головах своих участников было проникнуто несомненным революционным духом. Представляя на практике просто жалкие попытки устройства товарищеских ассоциаций, или, как говорили тогда, «коммун», т. е. не имея по сущности никакого отношения к широкой синтетической мысли о «Земле и Воле», тем не менее и оно окрашивалось в головах участвовавших лиц революционным оттенком; для них «коммуны» были светильники, на горе стоящие, для освещения пути в близкое, прекрасное будущее, характеризуемое лозунгом: «Земля и Воля».

Нечего и говорить про такие явления, как студенческие истории 60-х годов, они в глазах публики не имели другого характера, как революционный, и в качестве таковых пользовались всеобщей и громадной популярностью.

Чтобы не погрешить против полноты, следует, говоря о синтетическом духе времени, упомянуть также об отношениях русской революционной и отчасти либеральной (не забывайте, что они тогда стояли близко друг к другу) партии к польскому и малорусскому движениям. В этих отношениях как нельзя лучше проявляется синтетический характер тогдашнего революционного мышления. В большинстве, по крайней мере, русские революционеры смотрели на дело польское как на свое дело. Не забывая своего, чисто русского, чуть было не сказали мы «народнического», лозунга: «Земля и Воля», русские революционеры принимали фактическое участие в польском деле. Польская «неподлеглость» не смутила и не могла смутить революционеров 60-х гг., потому что она целиком входила в более широкий принцип «Земля и Воля»... Движение областное, известное тогда под названием «хлопомании», появилось почти одновременно на двух, почти противоположных концах России: хлопомания литовская (Куржина, адъютант Мерославского *) и хлопомания малорусская [29]. Последняя распалась на польскую и чисто малорусскую. Представьте себе их, и вы пой-

* В печатном тексте во всех трех словах допущены искажающие смысл *опечатки*: «кружина адъютанта Мероманского»; в списке опечаток исправлена только фамилия Мерославского.— *Ред.*

мете, как велика была синтетическая сила русской революционной мысли, умевшей охватить и объединить эти разнородные движения одним, чисто социалистическим лозунгом: «Земля и Воля». Для этой мысли подлинно не было ни еллина, ни иудея [30], а были одинаковы все народы, входившие в состав России и определяющие сами свою судьбу на основании единого принципа — социалистического в общественном смысле и свободолюбиво-гуманного в политическом. И этот принцип, не будучи строго научным, так как он не прошел через стадию разложения и научного анализа, имел в себе великое достоинство синтетической общности, а стало быть, идеальности.

В заключение скажем, что это было счастливое время, замечательно наивное и человечное, умевшее даже всякий пустяк обливать лучезарным светом идеала гуманности и правды, и не вина этого времени, не вина людей этого времени, что свет оказался лишь блеском мишурной позолоты.

Счастливы были они, эти верующие в русский народ и в русскую революцию люди... И однако мы ошибаемся, говоря о мишурном блеске, почему поспешим взять свои слова назад. Нет! Это не мишурный был блеск, хотя за ним и последовали долгие годы мучительных разочарований и исканий грядущего града, а пока в настоящем результате волчье логовище 80-х годов. Нет, не мишурный это был блеск! Если в чем и ошибались люди 60-х гг., то только в своем мнении, что они живут накануне великой фактической революции, тогда как на самом деле они жили среди не менее великой, но скрытой общественной революции, которая худо ли, хорошо ли создала новую Россию. Этой новой России, России кающейся и исстрадавшейся, России разночинца, уверенного в своих силах, России, наконец, еще не родившегося, но уже чреватого будущим народа как общественного деятеля, этой новой России предстоит произвести ту фактическую революцию, о которой мечтали люди 60-х гг.

КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

Медленно и последовательно наступающая реакция с 62 и 63 гг. с трудом может быть объяснена* историей, если она остановится только на внешних фактах общественной жизни и не сумеет уловить характерные черты как предыдущего, так и нового периодов. Было бы слишком поверхностно и слишком мелко объяснить все дело только правительственным гнетом, начавшим действовать достаточно беззастенчиво, и экономической политикой правительства, стремившегося все интенсивнее заменить идеалы 60-х гг. культом золотого тельца. Несомненно, впрочем, что эти две причины играли весьма видную роль в разрушении основных идеалов 60-х гг., идеалов социального и политического переворота, производимого самим народом путем внезапного и радикального низвержения всего старого. Несомненно также, что общество подкупалось экономической политикой правительства, открывавшей поприще беспечального и по внешности почетного существования,— и для кающегося и в то же время, правду сказать, разоренного и не знающего куда деваться дворянина, и для разночинца, все большими массами выбрасываемого наверх волнами взбудораженного социальной реформой общества. Подкупалось общество и другой стороной правительственной деятельности — продолжавшимися реформами.

Навряд ли в то время был хоть один человек, который бы ясно понимал истинное значение крестьянского дела, который сознавал бы, что вновь вводимые реформы суда и местного самоуправления не стоят в прямой

---

* *Исправлено на*: навряд ли может быть удовлетворительно объяснена

связи с освобождением крестьян [31]. Тогда были бы удивлены, если бы кто сказал, что они стоят с ним в связи отрицательной, регулирующей крестьянское дело, как выражались несколько позже, а вернее сказать, просто создающей и организующей такие общественные силы, которые роковым образом должны были разрушить развитие экономической жизни народа на общинно-социалистических началах, направив ее на путь капитализма. Разработка вопроса с указанной выше точки зрения пала на долю 70-х гг., которые и исполнили свою задачу блестящим образом, оставив нам богатое наследство теорий и фактов, из которого современному, да и будущим, вероятно, поколениям остается только черпать полными пригоршнями, чтобы опять дойти на новых основаниях до того синтетического революционного мышления, которое по нашей характеристике отличало 60-е гг.; люди начала 60-х гг., в силу своего существенно революционного, а стало быть антиправительственного направления и своей веры в создающие силы народа как политического деятеля, не имели прямо повода заниматься мелкими, но сложными вопросами, ежеминутно выдвигаемыми жизнью и правительственной деятельностью. Для них в этом отношении всякая реформа, всякое действие правительства отнюдь не имели значения какого-либо решающего фактора будущего; они представлялись этим людям просто или задержкой, или облегчением недалекого переворота, который произведет сам народ. При таком взгляде подробности устройства суда, самоуправления, общественного преподавания* были просто мелочами, не имеющими связи с настоящим делом жизни, а разве дающим интеллигенции возможность выказать солидарность научных результатов с народными требованиями. Да и это ведь в виду близкого радикального переворота не важно....

Но для людей первой русской общественной реакции, для людей второй половины 60-х годов, дело обстояло несколько иначе. Для них именно эти реформы представляли настоящее дело потому, что в их представлении они давали готовые рамки, в которые можно влить пробудившиеся общественные силы. Антиправительственны эти люди были даже более, чем их непосредственные предшественники,— по крайней мере тогда уже сделались невозможны такие факты, которые мы приводили, говоря о начале 60-х гг.,— но революционны они были несомненно меньше.

Постараемся выяснить эту разницу. Второе поколение 60-х гг., потеряв веру во многое другое **, потеряло ее и уже окончательно и бесповоротно и в правительство. Правительственная реакция внутри России, подавление польского мятежа унесли все, еще могущие оставаться в этом отношении иллюзии. Никому уже не могло прийти в голову смотреть на Александра II как на человека эпохи, он опять входит в свою роль монарха ***, и весь вопрос относительно его сводился просто к тому, может ли он быть монархом конституционным или нет. Думать же о нем, как о временном народном царе и диктаторе, делающем народное дело и вместе с тем удовлетворяющем требованиям интеллигенции,— было логической невозможностью. Нельзя сказать, чтобы последняя мысль была обыкновенной и распространенной и в людях первого поколения, но она не противоречила их основным идеям, тогда как для наследников их она была, как сказано выше, невозможна. Даже и вопрос об его конституционности, так сказать, т. е. о способности стать окончательно на новую дорогу ввиду ярких фактов совершающегося, для многих подлежал сомнению. Впрочем, в обществе, в клубе, в театре, на бульваре ****, даже в официальных учрежде-

---

* *Зачеркнуто*: общественного преподавания; *вставлено*: школы и пр.
** *Зачеркнуто*: другое
*** *Исправлено на*: монарха-самодержца
**** *Исправлено на*: в клубах, в театрах, на бульварах

ниях слышались со всех сторон весьма громкие и вполне открытые разговоры о конституции, которая будто бы уже пишется в Петербурге и не сегодня — завтра будет опубликована.

Очевидно, из идеалов 60-х гг. это только и осталось в головах публики, и для нее весь вопрос состоял в том, подпишет или нет, годен Александр II как конституционный монарх, или он остановился уже на проектированных и уже объявленных реформах. И это все. Произошел замечательнейший, в некотором роде небывалый исторический факт *: о народе забыли, о том самом народе, который составлял прежде и центр, и окружность, одним словом, все ** в истинных идеалах 60-х гг. В мышлении русского общества произошел или громаднейший переворот, или просто приостановка. Из скорлупы политического мышления вывалилось и куда-то исчезло социалистическое ядро. Люди второй половины 60-х годов, оставаясь либералами, антиправительственными мыслителями, радикальными политическими реформаторами, перестали быть социалистами и вместе с этим неизбежно перестали быть и революционерами.

Последнее представляет характернейшее обстоятельство, определявшее прежде, определяющее теперь и имеющее впредь определять все течение русской мысли. Не быть для русского социалистом — значит не быть и революционером. С другой стороны, невозможно быть социалистом, не будучи революционером. В этом лежит характерное различие истории современной России от истории Европы.

Возвращаясь к предмету, заметим, что основное различие двух рядом стоящих поколений, можно даже сказать, одного и того же поколения, но только в разные эпохи его политического развития, и сделали возможными такие странные факты, как защита Писаревым и его сподвижниками по журналу «Русское слово» тургеневского Базарова [32]. На всю читающую Россию раздались решительные и еще неслыханные и просто невозможные в первый период описываемой эпохи слова Базарова: «Что мне за дело, что у мужика будет белая хата, когда в то время из меня уже лопух расти будет» [33]. Такое заявление, существенно эгоистическое и построенное прямо на началах личности, до сих пор чуждых русским партиям, было лозунгом истинного нигилизма, того явления русской жизни, которое можно окрестить общим названием «писаревщины». Тип Базарова, страстно принятый этим направлением, возбудил протест в людях, верных прежним началам, и произвел в прогрессивной интеллигенции раскол. Как ни слабы были эти протесты, как ни жалка была чуть не личная перебранка Антоновича с Писаревым и Зайцевым, но люди, проникнутые еще идеалами 60-х гг., примкнули к Антоновичу и вознегодовали на Писарева.

Куда же девалась вера в народ, в его способности к активной роли, бывшая лозунгом 60-х гг. и управлявшая революционной деятельностью того времени? Куда девался этот самый народ, тот таинственный незнакомец, который составлял альфу и омегу всего русского мышления? Почему он, никогда еще не выступавший на практическую арену, быстро сошел и с арены теоретического мышления? По нашему мнению, существенная причина этого кроется в совершенно особом психическом состоянии, охватившем все общество, состоянии, которое может быть названо недоумением. Общество действительно недоумевало, недоумевало оно перед происшедшим коренным социальным переворотом, которого экономические последствия еще были очень не ясны, очень туманны, и социальная сторона которого производила пока одну муть и пену...

---

* *В тексте, посланном Николаеву, отсутствовало слово* исторический, *имевшееся в списке опечаток*; *слово* факт *зачеркнуто*; *вставлено*: поворот.

** *Подчеркнуто*: все

Сделано ли что-нибудь для мужика и что сделано, оставалось вполне непонятным, а он не говорил ничего, он только бунтовал, но бунтовал не в смысле * идей 60-х годов, а на коленях перед агентами власти...

Идея царизма, как давящий кошмар, уже начала наваливаться на мыслящую часть общества... Картина горькая и возмутительная.... А верой без дел жить долго нельзя, и делать без веры невозможно. Между тем верато и исчезла, а анализ ничего еще не разложил, ничего не выделил из общей массы идей, кроме неприкосновенности общечеловеческих прав личности, т. е. ту же мечтательную метафизику, только в другом стиле. В это время на поверхности общественной жизни выделились, взаимно дополняя друг друга, типы двух общественных групп. Кающийся дворянин [34], *отдав* по евангельскому слову имущество нищим, попробовал работать в народе в смысле устроителя его судеб (много тогда было этих благородных, но ничего не понимающих устроителей), попробовал слиться с ним в его принципах физического труда, убежал при неудаче этой попытки работать куда-нибудь в Европу, в Америку, и зрелым и вместе с тем же разочарованным вернувшись оттуда, стоял все с тем же недоумением и перед тем же таинственным незнакомцем — народом, как и в начале своего трагического поприща. Разночинец, которого общественная дифференциация только что начала выбрасывать в жизнь и который до тех пор был крепко присосавшимся паразитом к связной и неделимой гнили крепостного права, разночинец слишком знал народ, чтобы верить в него, слишком исстрадался вместе с ним и слишком ненавидел, чтобы любить; ему, измученному вместе с народом, слишком дороги ** приобретаемые им теперь права, слишком дорога открывавшаяся перед ним светлая, как он полагал, приобщенность к началам европейской науки и цивилизации, которых он прежде и не нюхал, чтобы он всей душой не прильнул к этой стороне общественного движения. Он был естественный нигилист по отношению ко всему существующему, даже и к народу, с которым он, по-видимому, был неразрывно связан. Наука и цивилизация, обещавшие ему все, для него лично в данный исторический момент нужные и дорогие, дадут, думалось ему, без сомнения все и народу.

Такова была, нам кажется, общественная психия периода, о котором мы говорим, и только она одна объясняет тот громадный успех, каким пользовалось литературное направление, названное нами для краткости «писаревщиной». Обращаясь к этому направлению, следует заметить, что оно было отступлением от социально-революционных идеалов 60-х годов и не было прогрессивным явлением в развитии русской мысли, но являлось продуктом эпохи приостановки этой мысли. До каких поразительных нелепостей доходило оно и самый его весьма влиятельный и талантливый родоначальник в полнейшем непонимании общественных явлений, с поразительной ясностью доказывает то обстоятельство, что он пресерьезным образом советовал Щедрину бросить свою сатиру и заняться популяризацией последних результатов естественных наук [35]. Но характеризуя отрицательную сторону влияния на общество этого направления, не следует забывать и положительной; это положительное влияние было чисто приготовительным, как и вообще весь этот период может быть назван приготовительным ***. Было бы совершенно неестественно думать, чтобы общественная мысль России могла остановиться на нигилистической фазе своего развития. Нигилизм, как объяснено выше, был только естественным и первым шагом вступления разночинца на поприще общественной деятельности. Масса молодежи, вновь выдвинутая на историческое поприще, жадными устами припала к источнику европейской науки, уничтожающей и низ-

* *Зачеркнуто*: в смысле; *вставлено*: в роли
** *Исправлено на*: дороги были
*** *Исправлено на*: подготовительным

Д. В. КАРАКОЗОВ
Фотография, 1866
Центральный исторический архив, Ленинград

вергающей все старые устои русской жизни, всю ту умственную и нравственную гниль, среди которой жили неисторические до тех пор слои народа. В этом смысле приготовления целых масс людей писаревщина и ее нигилизм сослужил большую службу. Всякий деятель последующих, а именно 70-х гг. засвидетельствует, что когда он вступал на дорогу агитации и пропаганды, он везде, даже в глуши какой-нибудь, находил массу живого матерьяла, готового по первому призыву идти по социально-революционному пути. И этот матерьял был приготовлен направлением, если не антиреволюционным, то во всяком случае внереволюционным, одним словом, писаревщиной.

Говоря о господствующем настроении русского общества, мы, конечно, не утверждаем, чтобы прежнее недавнее направление исчезло совершенно. Если какое-либо направление жизненно, если корни его глубоко заложены в общественной психии и в существенных интересах массы народа, оно никогда не погибнет бесследно даже и на время; это не феникс, возрождающийся из пепла, а вечно живущее солнце, только на время не светящее потому, что закрыто мрачными тучами, но имеющее засиять неизбежно в близком будущем. Говоря проще, такое направление живет непрерывно в большей или меньшей группе людей, смотря по общественным условиям. Это можно утверждать и относительно социально-революционной идеи, потому что она, по нашему мнению, неизбежно вытекает из самого склада русского общества. Выше мы говорили уже, что даже нигилизм и представляющая его в литературе писаревщина не остались без отпора и протеста. Да иначе и быть не могло: аналитическая мысль общества, работая в смысле разложения идеалов 60-х гг., работала в некоторых людях и в смысле

Н. А. ИШУТИН
Фотография А. Гофмана. Иркутск, 1868
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

укрепления и, так сказать, уяснения и переформировки этих идеалов. Фактически на поприще деятельности революционной аналитическая работа мысли в этом последнем направлении проявилась только в 66 г., но понятно, что самая-то работа существовала во весь этот период в самый разгар нигилизма. Вы понимаете, конечно, что речь здесь идет о так называемом каракозовском деле. Приговор прямо свидетельствует, что те кружки, которые потом участвовали в этом деле, существовали со времени студенческих движений и тогда еще отличались ярким социалистическим характером. Если же проследить биографии всех главных участников дела, то будет очевидно, что после студенческих движений они пережили и многие из тех форм революционного движения, которые были свойственны началу 60-х гг. Дело это по своему характеру уже довольно резко отличается от тех форм революционной деятельности, которые были свойственны недавнему прошлому. На этом основании Петр Лаврович Лавров в своем очерке социально-революционного движения в России упомянул о нем как о первом со сколько-нибудь ясно выраженным революционным характером [36]. Между тем из предыдущего изложения развития социально-революционной идеи очевидно, что это, собственно говоря, совсем не так *. Но несомненно, впрочем, что это было первое дело, где социально-революционная идея, подвергшая анализу идеалы 60-х гг., видоизменив их, выразилась вполне и начертала определенную и обоснованную на русско-социалистических принципах программу действия. Характерно то, что в этом процессе никто из участников не выдавался каким-либо талантом —

* *Исправлено на*: не совсем так.

литературным, ораторским, даже агитаторским. Этот процесс представляет, быть может, единственный в России пример полной заурядности деятелей при огромности поставленной ими себе задачи *. История как бы хотела показать, что идея, если она жизненна и коренится в самых основах и требованиях современности, если она ясно сознана как единый возможный идеал будущего, может сделать из своих носителей, как бы ординарны они ни были, героев мысли, если не дела. Единственное условие, которое при этом идея, так сказать, ставит своим представителям, это — ясное сознание ее самой. В том-то и состоит заслуга всей группы людей 66 г., что среди еще царящего нигилизма, среди вяло и жалко несомого в литературе знамени идеалов 60-х гг. **, полной дезорганизации всех умственных сил России, они сознали новую социально-революционную идею и смело подняли ее знамя. Не беда, что они сами были ординарны в умственном, и, может быть, хуже, чем ординарны, в нравственном смысле, что знамя их и их программа пропали *** бесследно пред продолжающим недоумевать обществом. Будущее, и будущее близкое было за них.

Известно, что процессы, если они даже ведутся с полным соблюдением судебных формальностей, с полной гласностью и публичной защитой, весьма редко дают хотя приблизительное представление о настоящих задачах и основных мыслях участников дела. Разве среди процесса появится какой-нибудь из участников, обладающий выдающимися способностями формулировать эти мысли и задачи, а также и с ораторскими способностями, и найдет по обстоятельствам дела возможным высказать основные положения самого дела. Но это редко случается, еще реже бывает, чтобы ему дали говорить. Не случилось этого и в каракозовском процессе. Сколько нам известно, перед судом была произнесена только речь одного из участников ****. И что это за жалкая была речь, если принять во внимание важность излагаемых положений и их значение для будущих программ партии [37]. Ничего похожего на прекрасные речи Алексеева, Бардиной [38] и др. Но дело, конечно, не в достоинстве речи. Важно было именно то, что здесь в первый раз пред глазами агентов власти публично было развернуто знамя социально-революционной идеи, в первый раз правительство могло понять, с каким направлением оно имеет дело. Это внезапно развившееся знамя было красным лоскутом для разъяренного быка; недаром председатель Верховного уголовного суда Гагарин [39], с видимым старанием избегавший всякого скандала, всякой резкости, видимо, желавший соблюсти все европейские процессуальные формы, по окончании речи не удержался, чтобы не высказать говорившему: «Уже то, что вы теперь сказали, составляет государственное преступление!» Вот по этой-то причине мы считаем не лишним передать здесь существенные черты этой речи.

Говорящий начал с того, что крестьянская реформа недостаточна, что она обманула надежды русской демократии, что из принципов, положенных в ее основу, неизбежно вытекает будущее разорение крестьянства; этот результат для всякого сколько-нибудь мыслящего человека выясняется все больше и больше. «Меня назвали здесь,— продолжал оратор,—

* Исключение, во всяком случае, составлял Худяков, еще молодой человек, но уже подававший большие надежды как этнограф и исследователь народного быта (фольклора). Да и вообще при этом общем отзыве автора следует помнить, что все деятели процесса пошли в Сибирь молодыми людьми и вернулись больными и разбитыми стариками. Трудно поэтому сказать, что они могли дать России при других, нормальных условиях жизни. Несомненно также и то, что и Каракозов и Ишутин были далеко не заурядными людьми. Во всяком случае, они были очень яркими революционными типами. (Примеч. редакции «Былое».)

** *Со слова*: вяло — *вычеркнуто*.

*** *Вместо*: пропали — прошли

**** В известной книге «За сто лет» сообщается, что оратор, о котором идет речь в тексте, автор этой статьи, П. Ф. Николаев. Этим до известной степени объясняется и характеристика речи в статье. (Примеч. редакции «Былое».)

фанатиком науки, начитавшимся Прудона и других запрещенных писателей (так обозвал говорящего его собственный адвокат, полагая, очевидно, что такой аргумент прекрасно послужит целям защиты). Не в этом, конечно, дело, и я отвергаю такое объяснение моей деятельности, тем более, что не одного же я Прудона и запрещенные книги читал».

Уясняя причины своего направления *, оратор говорил о правительственной поддержке дворянского землевладения и зарождающегося капитализма, тогда как, по мнению оратора, единственная надежда и спасение России в крестьянстве. Меры правительства разрушают общинное производство, совпадающее у русского народа с тем типом производства, который в Европе называется социалистическим и для нас составляет единственное возможное. Оратор ставил правительству дилемму: или стать на почву реальных русских интересов и поддержать именно крестьянство и его производство, или, оставаясь на той дороге, по которой оно идет теперь, вызвать революцию. Самую задачу тайного общества он определил так: посредством организации всех революционных сил в России и воздействия этой организованной силы на общество произвести нравственное, а в случае необходимости и физическое, хотя главным образом нравственное **, давление на правительство и заставить его стать на почву народной экономической политики ***.

Вот приблизительно сущность этой речи, хотя, быть может, мы изложили несколько иными словами и в иных выражениях [40]. Понятно, что теперь она не заключает в себе ничего нового и интересного. Все это известно и переизвестно теперь чуть не каждому гимназисту ****. Аналитическая разработка социалистических идей сделала свое за этот двадцатилетний период. Но тогда дело обстояло совсем иначе. Тогда это были неслыханные еще никогда и нигде речи, точка зрения представлялась настолько новой, что ее не поняло правительство, да если бы речь была опубликована, то поняли бы разве немногие и из общества. В самом деле, говорить о неизбежности крестьянского разорения благодаря освобождению его — это так дико казалось, что даже могло возбудить обвинение в крепостничестве, если бы рядом не стояли другие положения. Ведь для массы публики и особенно для либералов, а отчасти и для нигилистов писаревского направления — мужик, если не благоденствует теперь, то неизбежно заблагоденствует, когда уляжется экономическая неурядица, произведенная переворотом. Да и не в мужике в данную минуту дело, а в достижении для всех общечеловеческих прав... А тут говорится о неизбежности разорения крестьян при всех правах, и говорится именно в то время, когда все общество и само правительство полагали, что и в этот переходный период мужику «хоть не уедно, да улежно». Еще страннее, конечно, среди полнейшего разгара капиталистических поползновений и правительства и общества слышать слова об единственном возможном типе народного, как противуположного капиталистическому, производства. Когда В. В. через много лет высказал ту же самую мысль, и тогда еще очень многие не понимали тех выводов, какие вытекают из нее [41]. Между тем В. В. высказал ее как раз во время, когда общественный мозг был приготовлен к восприятию этого экономического положения. А тут вдруг перед важными генералами Верховного суда в 66-м году излагаются такие теории, и кем же излагаются? Почти юношей, только что сошедшим с студенческой скамьи и никогда нигде не печатавшим ни строчки.

---

* *Зачеркнуто*: своего направления; *вставлено*: защищаемых им положений

** *Слова*: хотя главным образом нравственное — *вычеркнуты*.

*** *Здесь помета Николаева*: вставка. *Этой вставки в архивном деле нет.*

**** Особо напоминаем читателю, что эти слова написаны в 84 году под сильным влиянием расцвета народовольчества, и автору естественно было думать, что действительно эти идеи знакомы «всякому гимназисту». (Примеч. редакции «Былое».)

Мы остановились на этом обстоятельстве именно затем, чтобы показать, что часто под влиянием жизненной идеи, по евангельскому слову, «из уст младенцев сущих исходит истина». Говорящий в смысле теоретическом именно представляется младенцем, и однако этот младенец сыскал * уже тогда, в 66-м году, теоретические основы всего грядущего социально-революционного движения. Из изложения его речи видно, что этого нельзя сказать про практическую сторону каракозовского дела. Тут очевидные недомолвки, умолчания и даже извращения, весьма понятные на суде. Но все-таки кое-какие заключения можно сделать из приговора и из следствия и даже из самой речи. В последней заслуживает внимания заявление о цели общества — организовать революционные силы, существующие в России. Цель весьма важная в партиозном отношении. Очевидно, что русская революционная идея пережила уже период синтеза 60-х гг., отделила себя от всех других, слитных с ней идей и почувствовала потребность стать на дорогу тайных обществ и заговоров. Это возвращение к старому, исконному пути при совершенно новых, обоснованных на результатах новой экономической науки задачах партии указывало ясно, что этот путь признается единственно возможным для России.

Относительно задачи тайного общества характерно то обстоятельство, что оно не имело, собственно говоря, никакого названия [42]. Тот большой лозунг 60-х гг., о котором мы говорили выше как об охватывающем все движение этих лет —«Земля и Воля»,— не удовлетворял уже людей движения. Правда, он не потерял своей общности и пригодности в этом смысле, потому что опять появился позже (в 1878—9 гг.) [43], пока не был заменен другим, вероятно, более туманным и более мистическим лозунгом «Народная воля». Но в 66-м г. он, очевидно, не годился в силу практических соображений. Слишком он напоминал недавние именины сердца, к которым относились теперь скептически, напоминал прокламационный метод действия. Отметим, кстати, тот факт, что при арестах 66-го г. не было найдено ничего компрометирующего, ни одной бумажки [44]. Следствие доказало, что программы писались и обсуждались. Даже были приняты какие-то, но на деле не нашли ни одной из них. Очевидна из этого реакция против прокламационного метода действия, и отсюда и против лозунга прежнего периода. Такая перемена коренилась в резком изменении взгляда на народ и на его настроение по сравнению со взглядом в 60-х гг. Люди 66-го года недаром прожили нигилистический период, недаром по сущности своих убеждений были сами разночинцами и людьми народа, недаром также присутствовали при бунтах народа на коленях. Верить в народ как в активного политического деятеля они уже не могли. Они исправили этим логическую непоследовательность людей 60-х гг., которые, отрицая особый идеал у народа, верили все-таки в его политическую активность и в способность к самостоятельной роли.

В тесной связи с представлениями деятелей каракозовского процесса находилась их программа действий. Отрицая народ как активного деятеля **, веря только в активную деятельность единиц для блага народа, они начертали себе программу захвата партией власти. Крестьянство, единственная общественная сила в России, примкнет, думали они, к той партии, которая сумеет доказать ему, что ее действия совпадают с его кровными интересами. Надо, следовательно, организовать сильную централизованную партию, чтобы начать борьбу с правительством, которое не имеет в стране серьезной опоры.

Несомненно, что после целого ряда революционных деяний, и притом деяний чисто террористического характера, власть неизбежно растеряет-

---

* *Зачеркнуто*: сыскал; *вставлено*: излагал

** *Вставлено*: в данный момент

ся, и бразды правления упадут в уличную грязь и кровь, откуда поднять их может только та же централизованная партия.

Таковы были замыслы и предположения людей 66-го г., начертавших тогда уже программу террористических действий, хотя на других несколько основаниях, чем она осуществилась позже. Выстрел Каракозова, не имевший ничего общего с делом организации [45], погубил ее в самом зародыше, чтобы все предположения и планы ее обратить в пустые мечтания *.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этьен *Кабе* (1788—1856) — автор фантастического «Путешествия в Икарию» (1842), в котором изложено его утопически-коммунистическое учение. В конце 1840-х годов вместе со своими последователями переселился в Америку и основал «коммунистическую» колонию, просуществовавшую несколько лет.

[2] Сент Аманд *Базар* (1791—1832) — приверженец Сен-Симона; пытался внести практический характер в отвлеченные идеи своего учителя. Один из первых утопистов, обративших внимание на роль частной собственности на средства и орудия производства как на основное условие эксплуатации рабочих капиталом. Основу его теории составляла идея преобразования собственности, опиравшаяся, однако, на уничтожение права наследования, и постепенного перехода к производительным ассоциациям трудящихся, владеющих средствами производства.

[3] «Христом женского рода» назвал Жорж Санд В. П. Боткин, о чем упоминает в своем дневнике 1846 г. жена Герцена — Н. А. Герцен (см.: *Герцен*, т. IX, с. 275).

[4] Кроме приговора над петрашевцами, публиковавшегося в 1849 г. в ряде петербургских газет («Русский инвалид», «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.), некоторые материалы об этом деле были напечатаны в Лондоне А. И. Герценом: «Доклад генерал-аудитора по делу петрашевцев» («Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», 1861, кн. 2); И. П. Липранди. Записка о деле петрашевцев («Полярная звезда», 1862, кн. VII, вып. 1). Следственные материалы, впервые использованные В. И. Семевским в ряде его статей конца XIX и первых десятилетий XX в., были опубликованы лишь в советское время («Петрашевцы», т. I—III. М.— Л., 1926—1928; «Дело петрашевцев», т. I—III. М.— Л., 1937, 1941, 1951).

[5] Подразумевается партия «Народной воли», выдвинувшая на первый план борьбу за политические свободы путем террористической тактики.

[6] Алексей Александрович *Козлов* (1831—1901) привлекался уже по окончании университета по делу «вертепников» (1858) — фурьеристского кружка, возглавлявшегося П. Н. Рыбниковым, затем по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами (1862) и за связь с ишутинцами (1866). Впоследствии профессор философии Киевского университета, порвавший с демократическим движением. Павел Николаевич *Рыбников* (1831—1885) — этнограф, собиратель былин и песен; в 1859 г. был выслан по делу «вертепников» в Петрозаводск. Братьями Феррано, по ошибке памяти, названы, повидимому, братья *Орфано* — Александр Герасимович (1834—1902) и Алексей Герасимович (1837—1891); привлекались в 1862 г. по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами, а в 1866 г. по каракозовскому делу в связи с устройством в их имении на средства ишутинцев ватной фабрики на артельных началах.

[7] Эта оценка Герцена весьма субъективна. Возможно, что на нее оказало влияние отношение к Герцену Чернышевского. Последний, как известно из его примечаний к письмам Н. А. Добролюбова, высоко ценил блестящий литературный талант Герцена, но холодно отзывался о нем еще в 1856 г. (см.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. IX. М.— Л., 1964, с. 251). По свидетельству С. Г. Стахевича (в передаче Н. А. Виташевского) о его беседах с Чернышевским на Александровском заводе, Чернышевский говорил: «Герцен — не более как очень талантливый писатель» (см.: «Чернышевский в воспоминаниях современников», т. II. Саратов, 1950, с. 214).

[8] Статья Герцена «Русский народ и социализм» впервые была опубликована на французском языке в парижской газете «L'Avènement du Peuple» в ноябре 1851 г. под заглавием «Le peuple russe. Lettre à M. Y. Michelet, professeur au Collège de France». В нем была сформулирована идея общинного социализма, которая лежит в основе народнических теорий (*Герцен*, т. VII, с. 307—339).

[9] Римский диктатор Квинт Фабий *Максим* (Кунктатор), спасший от гибели войска второго диктатора Рима Марка Минуция в битве с полководцем Карфагена Ганнибалом (217 г. до н. э.), несмотря на поражение, был официально признан Сенатом спасителем отечества.

[10] Вопрос об участии Чернышевского в революционных конспирациях эпохи падения крепостного права остается спорным в советской литературе. По свидетельству

---

* *Исправлено на*: и все предположения и планы ее превратил в пустые мечтания

А. А. Слепцова, Чернышевский не принимал прямого участия в создании и в деятельности тайного общества «Земля и воля» из-за занятости работой в «Современнике», но целиком поддерживал эту деятельность (см.: А. И. Герцен. Поли. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVI. Пг., 1920, с. 75). Но по его же словам, Чернышевский участвовал в так называемом «прокламационном плане» весной 1861 г., а по свидетельству Н. В. Шелгунова, был автором не увидевшей свет прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах, т. I. М., 1967, с. 243).

[11] Константин Ильич *Огарев* (1816—1877), генерал-майор, входил в состав учрежденной в 1862 г. следственной комиссии от управления Санктпетербургского генерал-губернатора. По свидетельству А. В. Никитенко, мнение о невиновности Чернышевского было всеобщим в петербургском обществе. «Как было осудить его,— писал он в дневнике 24 мая 1864 г.,— когда не было никаких юридических доказательств? Так говорят почти все, даже не красные» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2 ⟨М.⟩, 1955, с. 441—442).

[12] Виктор *Кузен* (1792—1867) — французский буржуазный философ, основатель эклектической школы. Николаев видел в нем предшественника позитивизма потому, что Кузен, подобно О. Конту, отрицал метафизику, но как эклектик пытался примирить это отрицание с метафизикой Шеллинга и Гегеля.

[13] Тихо *Браге* (1546—1601) — датский астроном. Стоял перед немецким астрономом Иоганном *Кеплером* (1571—1630) не только «логически», но и хронологически. Наблюдения Браге за движением Марса привели Кеплера к открытию законов планетных движений. Николаев называет его эклектиком потому, что Браге отвергал одновременно систему Коперника, противопоставив ей собственную.

[14] Николаев вспоминает статью Г. И. Успенского «Общественное дело» на нашей памяти», напечатанную в «Русских ведомостях», 1885, № 163, 16 июня (это была четвертая статья из цикла «Несбыточные мечтания»). См. также: Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. IX. М.— Л., изд-во АН СССР, 1949, с. 299—309.

[15] Иван Иванович *Иванюков* (1844—1912) — профессор, буржуазно-либеральный экономист и публицист. Сведений об упомянутой его речи найти не удалось.

[16] *Кааба* — храм в Мекке, важнейшая святыня у мусульман.

[17] Рефрен (цитируется неточно) из стихотворения Беранже «Песнь труда» («Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина». СПб., 1858).

[18] По мнению Е. Г. Бушканца, выраженному еще до установления авторства Николаева, эти слова служат подтверждением того, что Добролюбову принадлежало известное письмо «Русского человека» к Герцену, содержавшее призыв «К топору зовите Русь!» и опубликованное вместе с ответом Герцена в 64 л. «Колокола» от 1 марта 1860 г. («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, № 2, с. 180—181). Предположение Е. Г. Бушканца подкрепляется тем, что Николаев, лично общаясь с Чернышевским, мог от него получить эти сведения.

[19] «Деревенские рассказы и очерки» А. И. Левитова печатались в разных журналах с начала 1860-х годов, затем они были выпущены отдельным изданием под заглавием «Степные очерки» (т. I—II. СПб., 1865—1866; т. III. М., 1867).

[20] «Эпохой прокламаций» называл эти годы, совершенно независимо от Николаева, и Н. В. Шелгунов (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. I, с. 242).

[21] Здесь еще одно подтверждение слов Н. В. Шелгунова о том, что прокламации исходили не из единого центра, а писались людьми, часто ничего не знавшими об авторах других прокламаций (там же, с. 158—159, 242).

[22] В результате ошибки памяти здесь ряд неточностей. Прокламация «Молодая Россия» принадлежала перу П. Г. Зайчневского и была выпущена весной 1862 г. М. Л. Михайлов был присужден к каторге еще в 1861 г. за прокламацию «К молодому поколению», написанную Н. В. Шелгуновым. Н. А. Добролюбов умер до выхода «Молодой России», в 1861 г. Студент петербургского университета Н. В. Васильев и отставной канцелярский служитель Н. Н. Волков были приговорены к каторжным работам — первый за составление и оба за распространение прокламации «К гражданам» (1862—1863 гг.).

[23] За подписью общества «Земля и воля» и с его печатью вышли прокламации «Свобода» № 1 (декабрь? 1862), «Льется польская кровь...» (февраль 1863), «Свобода» № 2 (июль 1863), а также печатался непосредственно в западных губерниях, но из-за арестов не увидел света «Земля и воля. Журнал, издаваемый обществом «Земля и воля». От Русского народного комитета» (январь 1863). Кроме того, в связи с так называемым казанским заговором в марте и начале апреля были выпущены две прокламации, а несколько прокламаций от имени «Земли и воли» были написаны Н. П. Огаревым и изданы в Лондоне.

[24] В 95 л. «Колокола» (от 1 апреля 1861 г.) сообщалось, что Вольная русская типография в Лондоне и издатели «Колокола» празднуют 10 апреля «начало освобождения крестьян». На празднество приглашались все русские. Однако в следующем же 96 л. (от 15 апреля 1861 г.) была опубликована статья Герцена «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», в которой говорилось: «... мы хотели поднять наш стакан и предложить

неслыханный при такой обстановке тост за *Александра II, освободителя крестьян*! ⟨...⟩ Но рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти» (*Герцен*, т. XV, с. 64, 65). Со стороны молодого поколения не было непосредственного отклика на намерение предложить этот тост. Николаев, вероятно, имел в виду отзыв о Герцене в прокламации П. Зайчневского «Молодая Россия», по поводу которого Герцен писал в статье «Молодая и старая Россия»: «Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем ...» (там же, т. XVI, с. 204).

[25] Этот факт, который был широко известен тогда в общественных кругах, описан в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой со ссылкой на собственный рассказ автора «записки» (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. II, с. 117—118).

[26] Выходец из крестьян П. А. Мартьянов, находясь в Лондоне, написал 3 (15) апреля 1862 г. письмо Александру II и послал его по почте. Оно было опубликовано в 132 л. «Колокола» (от 8 мая 1862 г.), а также в брошюре Мартьянова «Народ и государство» (конец 1862). В брошюре (как и в письме) содержалась резкая критика сословно-бюрократических порядков в России и выдвигалась идея внесословной монархии во главе с земским царем. По возвращении в Россию Мартьянов был арестован, присужден к каторжным работам на 5 лет с последующим пожизненным поселением в Сибири.

[27] Точное название брошюры «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?» (Лондон, 1862).

[28] Подразумевается Н. Г. Чернышевский.

[29] Людовик *Мерославский* (1814—1878), генерал, участник восстаний в Польше 1830—1831 гг. и 1863 г., в феврале 1863 г. провозглашенный диктатором. Ян *Кужина* (Куржина; 1833—1865) — ближайший сотрудник Мерославского в эмиграции, был его адъютантом во время боевых действий в Царстве Польском. «*Хлопомания литовская*» — ошибка памяти. К литовскому национально-освободительному движению Кужина причастен не был. К самому этому движению термин «хлопомания» не применялся. Он возник на Украине и означал сознательную украинизацию польских шляхтичей для слияния с простым народом. Охватывал два направления — демократическое (Т. Рыльский) и буржуазно-националистическое (В. Антонович).

[30] Слова из «Послания к римлянам апостола Павла» («Несть бо разнства иудееви же и еллину: той бо бог всех богатай во всех призывающих его»).

[31] Судебная реформа была проведена в 1866 г., местного самоуправления, т. е. земская — в 1864 г.

[32] Оценка Базарова была дана в статье Д. И. Писарева «Базаров» («Русское слово», 1862, кн. 3), положившей начало резкой полемике между двумя демократическими журналами — «Современником» и «Русским словом». Эта оценка была им же повторена и развита в статьях «Реалисты», «Посмотрим!» и др.

[33] Неточная цитата из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (гл. XXI).

[34] Термин «кающийся дворянин», получивший широкое распространение, как и самая постановка вопроса о двух взаимно дополняющих друг друга социальных типах, принадлежал Н. К. Михайловскому («Литературные и журнальные заметки».— *ОЗ*, 1874, № 4); мысль эта была впоследствии развита им в очерках «Вперемежку», 1876 г. (см.: Н. К. Михайловский. Соч., т. II. СПб., 1896, с. 647—649; т. IV. СПб., 1897, с. 205—382).

[35] Д. И. Писарев. Цветы невинного юмора («Русское слово», 1864, кн. 2).

[36] Статья П. Л. Лаврова «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма» впервые опубликована в «Календаре Народной воли на 1883 г.», перепечатывалась нелегально, а в 1906 г.— легально отдельным изданием.

[37] В последнем слове подсудимого Николаев, в отличие от остальных обвиняемых, излагал свои политические взгляды (см. примеч. 40).

[38] Выступления на суде по «Процессу 50-ти» 9 марта 1877 г. членов «Всероссийской социально-революционной организации» рабочего-революционера Петра Алексеевича *Алексеева* (1849—1891) и Софьи Илларионовны *Бардиной* (1853—1883); тогда же были опубликованы в лондонском издании П. Л. Лаврова «Вперед!», т. V (см. сб. документов «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. М., 1964, с. 352—357, 363—367).

[39] Павел Павлович *Гагарин*, князь (1789—1872) — председатель Комитета министров (1864—1872). В 1866 г. был назначен председателем Верховного уголовного суда по делу о покушении Каракозова. По новым судебным уставам председательское кресло в суде полагалось председателю Государственного совета, т. е. великому князю Константину Николаевичу. Это сочли неудобным, т. к. Константин был братом царя, подвергшегося покушению, и к тому же его имя фигурировало в процессе в связи с «константиновской партией», якобы инспирировавшей выстрел Каракозова. Поэтому Гагарин был назначен вице-председателем Государственного совета и на этом основании председателем Верховного уголовного суда.

[40] Николаев изложил содержание своей речи довольно близко к тому, как она воспроизведена в стенографическом отчете, опустив лишь свои рассуждения о цареубийстве («Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Ху-

цякова, Н. Ишутина и др.», т. II. М.— Л., 1930, с. 333—337). Защитник Н. А. Ишутина Д. В. Стасов так рассказывает о впечатлении, произведенном речью Николаева: «Не могу не привести при этом одного эпизода во время судебных прений. В числе подсудимых 1-й группы был Петр Федорович Николаев (дворянин 21—22 лет), кандидат Московского университета, готовившийся сдавать экзамен на магистра политической экономии. Защитником его по назначению был присяжный поверенный В. Э. Краузольд. В речи своей, разумеется, он старался всячески умалить приписываемую Николаеву вину и объяснял разные высказывавшиеся им на допросах идеи молодостью, необдуманностью и т. д. 〈...〉 Николаев, очень пылкий, горячий, умный и развитой молодой человек, стал говорить, что он совершенно не согласен с защитником, стал развивать социалистические теории и между прочим говорил, что вопрос о цареубийстве — вопрос философско-политический, что теорию об этом развивали очень многие знаменитые ученые уже в Средние века, например, знаменитый Кампанелла и еще такие-то и т. д. Кн. Гагарин, который очень внимательно выслушивал всех защитников и был, по-видимому, очень доволен речью Краузольда, старался остановить несколько раз Николаева и говорил ему: «Молодой человек, остановитесь, что вы говорите: ваш защитник так прекрасно объяснил все ваши побуждения и ваш образ мыслей». Но тот не унимался, и Гагарин насилу остановил его, стараясь замять его речь» («Былое», 1906, № 4, с. 280). Изложение речи Николаева было дано также в статье «Белый террор», печатавшейся в 1867 г. в «Колоколе» и принадлежавшей Н. А. Вормсу. В то время, когда в революционных кругах еще не выработались определенные этические нормы поведения на следствии и суде, речь Николаева была осуждена его единомышленниками. Это и сказалось в рассказе Вормса. Заметив, что «без живой, сердечной симпатии нельзя было глядеть на коренастую и бородатую фигуру и честное лицо этого смелого человека, который с резким, решительным и никаких возражений не допускающим видом проповедовал великие революционные идеи двум принцам, двум министрам и дремлющей развалине дряхлого инквизитора 〈...〉», автор заключал, однако: «Поступать так, как поступал Николаев, значит собственными руками выдавать себя врагам и завязывать петлю на своей шее 〈...〉 Не доблестно, но преступно и не разумно, из-за удовольствия кинуть презрением в глаза своих врагов,— заковать свои руки и ноги, из рабочей силы превратиться в каторжника и обречь на бездействие все свои способности» («Колокол», л. 233—234 от 1 февраля 1867 г.). В письме к Н. П. Огареву от 12 января 1867 г. Вормс сообщал, что так же расценивали речь Николаева и его сопроцессники (*ЛН*, т. 62, с. 51), которые, впрочем, и сами оказались обреченными на бездействие.

[41] Под псевдонимом В. В. в начале 1880-х годов печатался экономист-народник Василий Павлович *Воронцов* (1847—1918). В 1883 г. вышла его книга «Судьбы капитализма в России», в которую вошли статьи, опубликованные в *ОЗ* и других журналах.

[42] В литературе это общество носит название Ишутинского кружка или организации Ишутина — Худякова. На предварительном и судебном следствии слову «организация» был придан смысл собственного наименования тайного общества.

[43] Народническая партия «Земля и воля» 70-х годов.

[44] Из опасения арестов после покушения Каракозова участники тайного общества сожгли проекты устава (программы) и другие документы. Однако некоторые материалы, характеризующие их идеи и деятельность, но не столь криминальные с юридической точки зрения, все же сохранились в судебно-следственных делах.

[45] О покушении, готовившемся Каракозовым, знали только его ближайшие друзья, и не все они одобряли эту акцию, считая ее преждевременной.

«ОБЩЕЕ ДЕЛО» И ЕГО ЗАКУЛИСНЫЙ РЕДАКТОР

Предисловие и публикация С. А. Макашина

Имя врача-терапевта и публициста Николая Андреевича *Белоголового* (1834—1895) было хорошо известно в либерально-демократических кругах русской литературы и общественности 1860—1880-х гг. Ныне оно основательно забыто. Его нет в новейших энциклопедиях и справочниках, за исключением медицинских. Единственная же книга Белоголового — «Воспоминания и другие статьи», выпущенная в свет в 1897 г. после смерти автора Г. А. Джаншиевым, была последний раз переиздана три четверти века тому назад (4-е издание — СПб., 1901).

Вошедшие в книгу воспоминания о декабристах, Некрасове, Тургеневе, Герцене, Салтыкове-Щедрине, Л. Толстом и других с полным основанием пользуются репутацией серьезнейших и достовернейших. Однако воспоминания Белоголового до сих пор не изданы в полном составе сохранившихся материалов. В бумагах его архива, находящегося в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, мы обнаружили рукописи двух важных мемуарных текстов, не вошедших в издание, подготовленное Джаншиевым. Содержание первого посвящено взаимоотношениям Герцена и «молодой эмиграции» середины 1860-х гг. Эти страницы (они зачеркнуты в рукописи самим Белоголовым) обнародованы нами, с предисловием Б. П. Козьмина, в «Литературном наследстве» (т. 63, с. 560—564). Второй текст, предлагаемый вниманию читателя в настоящей публикации — не вполне доработанная глава из воспоминаний Белоголового о его закулисном участии в самой долголетней газете русской эмиграции XIX в. «Общем деле», выходившем в Женеве в 1877—1890 гг. Глава, несомненно, не была включена в издание Джаншиева по причинам цензурного характера.

Рассказ о важнейшем общественном деле своей жизни Белоголовый сопровождает некоторыми общими автобиографическими сведениями и политическими признаниями. Слишком фрагментарные, они нуждаются в некоторых дополнительных справках для воссоздания более полного представления об авторе публикуемого документа, представляющего несомненный интерес для истории русской общественной мысли.

Н. А. Белоголовый родился в Иркутске в старинной купеческой семье среднего достатка. Его отец, человек развитой, следил за литературой, имел свою библиотеку и водил знакомство со ссыльными декабристами. Он сумел обеспечить детям хорошее образование. Первыми учителями Белоголового, заронившими в его сознание семена свободомыслия и гуманизма, были декабристы П. И. Борисов, А. П. Юшневский и А. В. Поджио. Среднее образование он получил в Москве в пансионе Эннеса. Здесь он обучался вместе со знаменитым впоследствии медиком С. П. Боткиным, дружбу с которым сохранил на всю жизнь. После окончания в 1850 г. пансиона, Белоголовый мечтал поступить на один из гуманитарных факультетов Московского университета, но более или менее случайно поступил на факультет медицинский. Закончив его в 1855 г., Белоголовый уехал на родину в Иркутск и работал там в должностях городового и окружного врача. В 1861 г. мы находим его вновь в Москве, где он готовит докторскую диссертацию, защищенную в 1862 г. В середине 1860-х годов Белоголовый поселяется в Петербурге, где быстро приобретает популярность в качестве врача. В 1870-х годах, сблизившись с литературно-общественной группой редакции «Отечественных записок», становится лечащим врачом и другом всех руководителей журнала — Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Елисеева. Еще раньше он заводит дружеские связи с Тургеневым и Толстым. Почти каждый год Белоголовый уезжал на лето за границу, где познако-

мился со многими политическими эмигрантами, в том числе с Герценом, Огаревым, Лавровым, Лопатиным, Зайцевым, Христофоровым и другими.

В 1877 г. в Берлине Белоголовый увидел первый номер «Общего дела», газеты русских политических эмигрантов, основанной в Женеве А. Х. Христофоровым при содействии М. К. Элпидина. О своем отношении к «Общему делу» и позднейшем участии в нем Белоголовый подробно рассказал в публикуемом отрывке из его воспоминаний.

Призванное по замыслу инициаторов заменить герценовский «Колокол», прекратившийся за десять лет до этого, новое издание и по условиям исторического времени и по составу своих сотрудников оказалось не в состоянии выполнить эту задачу. «Общее дело», хотя и помещавшее иногда статьи революционного содержания, стало зарубежным органом русской либеральной оппозиции. Политические взгляды Белоголового наложили значительный, а в последнее десятилетие существования газеты определяющий отпечаток на ее направление.

Каковы же были эти взгляды? Они правдиво и достаточно подробно изложены в публикуемом документе. Нам остается поверить их другими источниками, сгруппировать и исторически осмыслить.

Белоголовый крайне отрицательно относился к «порядку вещей» современной ему самодержавно-помещичьей России. Еще в 1861 г. в одном из своих писем к родным, рассказывая о мерах предосторожности, принятых правительством в связи с предстоящим объявлением манифеста об отмене крепостного права, Белоголовый писал: «Или они там в Питере без смыслу трусливы, или же хороша должна быть та свобода, которую иначе нельзя возвестить народу, как с пистолетом в руке...» [1].

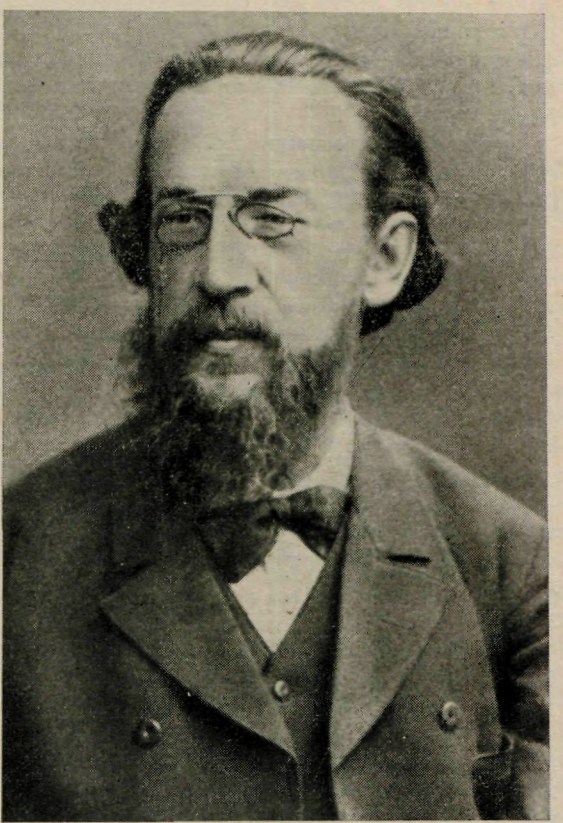
Положение пореформенной России Белоголовый находил «совершенно безвыходным» и полагал, что в ней неизбежна «народная дикая революция». Этой революции, «пути Пугачева», он страшился.

На таких же политических позициях Белоголовый оставался и позже. Правда, в период демократического подъема конца 1870-х годов Белоголовый «склонялся» к «пути Пестеля» — к пути революционных или радикальных преобразований, но без участия широких народных масс. Этим определялась поддержка, которую оказывал Белоголовый на страницах «Общего дела» революционному движению,— несмотря на то, что оно в его глазах являлось «крайним и прискорбным проявлением духа прогрессивного общественного самосознания» [2]. «Хотя я и не вашего прихода,— писал Белоголовый Лаврову, — а жаль, что партия «Народной воли» сходит со сцены, все же это была организованная партия протеста» [3].

К середине 1880-х годов, в связи с углублением реакции в России, в политических настроениях Белоголового происходят сдвиги вправо. Он теряет и ту небольшую, нетвердую веру в активные силы русского общества, которая была у него раньше. «Наша интеллигенция,— пишет он Лаврову,— самым добродушным образом ковыряет у себя в носу, а вы все ждете, что она вот-вот двинется на какие-то баррикады. Ну и ждите, вы— блаженноверующие!» [4]. Иными словами, редактор «Общего дела» был не революционером, а либералом. Он и сам всегда называл себя «постепеновцем», «человеком умеренных взглядов», щедринским «средним человеком».

Товарищ Белоголового по редактированию «Общего дела» А. Х. Христофоров писал о нем: «Он не был революционером, потому что в тогдашних условиях не допускал возможности народной революции в России; не верил он и в успех пропаганды идеалов социализма в темных массах простого народа, хотя и не отрицал морального значения этих идеалов и их властной роли в будущем» [5]. В 1887 г., отмечая десятилетие «Общего дела», Белоголовый следующим образом сформулировал программу издания, которое уже ряд лет вел, в редакторском отношении, единолично: «Она заключается в борьбе с самодержавием посредством обнаружения во всей наготе его отживших форм и порядков» [6].

Действительно, признание необходимости борьбы с самодержавием с целью введения конституции объединяло всех сотрудников «Общего дела» — В. А. Зайцева и Н. А. Юренева, М. П. Драгоманова и П. Ф. Алисова, М. И. Венюкова и Н. А. Морозова, С. А. Подолинского и Н. В. Соколова, З. Стоянова и Н. М. Ядринцева и др. Од-



Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ
Фотография В. М. Остроги
Из альбома С. Я. Надсона
Институт русской литературы
АН СССР,
Ленинград

нако в вопросе о формах этой борьбы они значительно расходились друг с другом, что видно и из публикуемого документа [7]. Что касается Белоголового, то он, в согласии со своим либерально-просветительским мировоззрением, делал ставку на мирное преобразование страны путем поднятия в ней образованности. Еще в первой статье своей в «Общем деле» — «Источники деспотизма», он писал: «Только истинное знание есть сила 〈...〉 поэтому мы должны стремиться к систематическому образованию и развитию привычки к труду. Увеличится сумма знаний в нашем обществе, поднимется уровень образования, будет у нас больше солидных агрономов, архитекторов, техников и других специалистов, тогда подымется и уровень педагогии и литературы,— и только тогда романовская корона 〈...〉 будет немыслима и падет силою вещей» [8].

После прекращения в 1890 г. «Общего дела» Белоголовый оставался за границей до 1894 г., когда переехал в Москву, где в скором времени умер. Когда именно была написана публикуемая записка об «Общем деле», явно незаконченная, в точности неизвестно, но несомненно в последние годы жизни автора, после прекращения издания.

Печатаемый текст представляет интерес в нескольких отношениях. Во-первых, это важный первоисточник для истории «Общего дела». Особенное внимание исследователей должны привлечь свидетельства Белоголового о том внимании, которое он, как редактор, проявлял к делу собирания и обнародования на страницах «Общего дела» тех фактов и событий русской общественной и политической жизни, публикация которых была невозможна по цензурным условиям в самой России. В исторической литературе еще нет работ, сколько-нибудь точно освещающих информационную ценность «Общего дела». А она несомненно значительна [9]. Во-вторых, публикуемая записка, излагающая общие принципы одного из наиболее характерных изданий русского либерализма, представляет существенный интерес в качестве одного из программных документов этого направления русской общественной мысли второй половины XIX в. В-третьих, «исповедальная» записка Белоголового, повествующая о его закулисной

редакционной деятельности в «Общем деле», представляет существенный автобиографический интерес. Наконец, обнародование неизвестных доселе страниц «Воспоминаний» Белоголового завершает собирание всех частей этого важного мемуарного памятника.

Отрывок из воспоминаний Белоголового публикуется по черновому автографу (ГБЛ, ф. 22.2.9). Из зачеркнутых мест воспроизводятся (в квадратных скобках) только те, которые имеют смысловое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. «Записки Отдела рукописей». Вып. 2, М., 1939, с. 50.
[2] Там же, с. 67.
[3] ЦГАЛИ, ф. 285, П. Л. Лаврова, оп. 2, ед. хр. 35, л. 64—65.
[4] Там же, ед. хр. 38, л. 40—41.
[5] А. Х. Христофоров. «Общее дело». История и характеристика издания. Штуттгарт, изд. «Освобождение», 1903, с. 30.
[6] «Общее дело», 1887, № 97.— «Хроника».
[7] Подробнее об этом см.: Б. П. Козьмин. Из истории русской нелегальной прессы (газета «Общее дело»).— «Исторический сборник. Труды исторической комиссии АН СССР», т. 3. Л., изд-во АН СССР, с. 163—218.
[8] «Общее дело», 1878, № 15.
[9] Некоторые относящиеся к этой теме интересные наблюдения см. в статье С. С. Борщевского «Новое о Салтыкове-Щедрине».— «Новый мир», 1938, № 7, с. 258—260.

⟨НЕЗАКОНЧЕННАЯ ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО⟩

Писать автобиографии я не имею намерения и не потому, чтобы отрицал их пользу; напротив, в наш век ломки старых нравственных устоев, когда давние и общепринятые истины житейской мудрости ветшают и люди бродят впотьмах и с понятною настойчивостью и старанием ищут новой истинной путеводной нити, которая должна их руководить в преобразованной жизни, в такие времена автобиографии и мемуары составляют ценное подспорье. Как химический анализ нам необходим, чтобы определить состав и свойства исследуемого нами органического и неорганического тела, так и путем автобиографий и мемуаров должны нами выясняться причины различных человеческих побуждений и поступков. Но тут сходство и кончается, потому что химик в своих исследованиях идет по пути точно установленных законов и правил, а автобиограф подчиняется чисто субъективным свойствам своей натуры и, для того чтобы быть хорошим автобиографом, надо обладать известной даровитостью, тонким психическим анализом, осторожностью в выводах и свежею памятью. У меня если и были такие способности, то по причине моих физических недугов, давно сплыли и утратились до того, что моя автобиография вышла бы теперь простым пересказом фактов личной жизни, мало интересных и еще менее поучительных. В течение моей 25-летней медицинской деятельности, протекшей частью в Иркутске, частью в Петербурге, я приобрел себе репутацию добросовестного врача и правдивого человека, насколько репутация эта была заслужена — судить не мне, но могу одно утверждать, что никогда я не старался искусственно упрочивать ее за собой, никогда не старался казаться быть не тем, чем я был действительно по своей натуре и убеждениям. Только позднее, когда мне исполнилось 47 лет и болезнь выгнала меня из России, со мной произошло нечто такое, что заставило меня, живя за границею, изменить своему обычному открытому характеру и надеть на себя до некоторой степени личину скрытности и какой-то фальши; шила в мешке не утаишь, и мое шило неминуемо должно выплыть на свет, если не скоро, то тотчас же после моей смерти, а потому я считаю необходимым

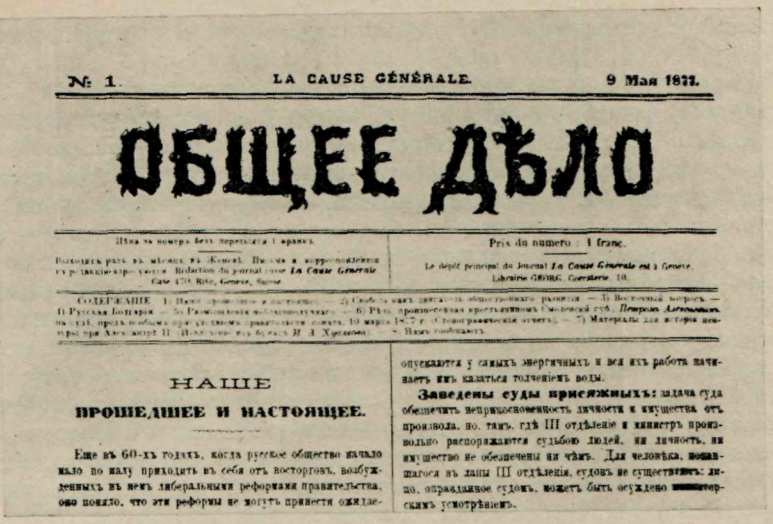
оставить после себя мое публичное покаяние, которое должно выяснить мотивы, которые заставили меня под конец моей жизни скрытничать, действовать из-за угла, ломать какую-то комедию, словом, действовать не так, как я поступал дотоле: я хочу рассказать о той контрабандной роли, какую мне пришлось играть в «Общем деле».

Практикуя как врач в Петербурге, я работал всегда усиленно, свыше моих сил, так что к весне каждого года утомлялся до крайности и чувствовал настоятельную потребность в отдыхе. Лучший отдых для меня представляла изолированная жизнь за границею, куда я и уезжал обыкновенно в первых числах июня. В конце 60-х годов я особенно облюбовал Женеву и туда направлялся прямо по выезде из Петербурга; сюда меня привлекала прежде всего река Арва, вытекающая из ледников Монблана, необыкновенно холодная и быстрая, и купаясь в которой, я освежался и чувствовал, как в короткое время возвращались мои растраченные за зиму силы. Температура в Арве, несмотря на летний женевский зной, всегда держалась равномерно около 7—8°, и резкость впечатления ее холода увеличивалась еще тем, что при быстроте своего падения река несла массу мелкого песка, который острыми иглами впивался в тело при погружении и делал температуру ее холодной до боли; и для смягчения этого неприятного ощущения выработался такой прием: всякий купающийся становился прежде под душем той же температуры и когда кожа его от водяной струи, так сказать, закалевала и теряла свою чувствительность, тогда он бросался в бассейн, и, окунувшись быстро раза три, как ошпаренный, выскакивал назад и одевался; оставаться дольше не было никакой возможности, потому что болезненные судороги начинали вести мышцы икр и ступней. Вот ради этих-то купаний я и наезжал каждое лето и селился на окраинах города в пансионе, ближайшем к Арве. Жизнь я вел уединенную и почти никого не знал в Женеве; старый декабрист Поджио, к которому меня привязывала чуть не сыновняя любовь, живший постоянно в Женеве, уезжал на летние жары в горы и возвращался только к началу августа в город. Из старых эмигрантов я знал только Герцена и Огарева, но Герцен в это время уже покинул Швейцарию и жил во Флоренции; Огарев же тогда представлялся полуразрушенным человеком, добрым и приветливым, но до того утратившим вследствие потери памяти интересы, что я заходил к нему изредка только, чтобы навестить его и как бы по обязанности. Молодой эмиграции в Женеве тогда было немного, но я уклонялся от знакомства и сближения с нею, потому что все в них — незаконченность их образования и вследствие того поверхностность их суждений, их бездельничание, их постоянные распри и сплетни, не ограничивавшиеся домашними скандалами, но выносившиеся в печать в форме грубых полемических брошюр, все это делало мне этих людей не симпатичными и не вызывало желания даже хоть сколько-нибудь узнать их. Спешу оговориться, я и тогда хорошо понимал, что юная эмиграция была невольным и фатальным продуктом нашего общества и что к ней строго относиться и порицать ее было бы, по меньшей мере, несправедливо, но так как зимние передряги заставляли меня искать прежде всего в Женеве личного покоя, то вступление в бурный и страстный водоворот эмигрантских ссор прямо противоречило бы целям моего приезда. Впоследствии мне пришлось, однако, перезнакомиться со многими, сделалось это помимо меня, а именно они обратились ко мне как к врачу.

Летом 1870 года отыскал мой заброшенный пансион старушки Crochet Эльпидин и явился посоветоваться относительно своей болезни. Он уже тогда имел небольшую типографию и занимался изданием Чернышевского, а потому во второй его визит ко мне у нас зашел разговор о литературе, и я высказал свое недоумение, отчего, несмотря на уже довольно почтенные размеры русской эмиграции и на постоянный приток све-

жих сил, до сих пор после прекращения «Колокола» в среде эмиграции не затевается никакого периодического издания, и высказал мнение, что Эльпидину как собственнику типографии скорее чем кому-нибудь другому следовало взяться за это дело. Он отвечал на это, что был бы не прочь, но что в эмиграции царствует такой разлад мнений, и так все между собою перессорились, что нельзя набрать сотрудников; тогда я ему указал на П. Лаврова, бежавшего в этом году из России, как на человека очень разносторонне образованного, талантливого и имеющего большой навык в литературной работе, и советовал вступить с ним в переговоры. Я и забыл об этом разговоре, как приблизительно через месяц, встретившись снова с Эльпидиным, узнал от него, что он-таки написал Лаврову и получил от него ответ, но весьма неутешительный: Лавров выражал искреннее сочувствие намерению издавать газету, но отказывался от участия в ней, так как он всегда специально и исключительно занимался естественными науками и совсем невежда в политических вопросах. На том тогда дело и остановилось.

В 1871 году я женился и, хотя и продолжал каждое лето на три месяца выезжать за границу, но в Женеву не попадал, а отдыхал или в восточной Швейцарии или в Германии. У меня, как у старика Кошелева, была тоже привычка по выезде за границу, в Берлине, тотчас же бежать к книгопродавцам Бэру и Штуру и накупать все, что вышло на русском языке в нецензурной прессе в течение года, и потом постепенно просматривать все эти брошюры и газеты, хотя обыкновенно жатва эта была далеко не удовлетворительна, ни в качественном, ни в количественном отношении,— издавалось и мало, и почти исключительно в крайнем направлении, притом тоном жестким и неубедительно; литература эта поражала своею непрактичностью; она брала темы и идеалы западного радикализма и социализма и применяла их к России, не заботясь нисколько о том, насколько эти взгляды и принципы, оказывавшиеся утопичными и в культурной Европе, применимы к нашей полудикой стране, где освобождение крестьян, дав первый толчок к материальной независимости, еще не пробудило в массах той духовной стороны, которая заставляет стремиться к освобождению нравственной личности. Газета «Вперед», например, самым серьезным образом предлагала произвести революцию с тем, чтобы по уничтожении существующего строя предоставить самому народу сорганизовать новое идеальное государство, вполне удовлетворяющее благосостоянию народа. Конечно, взрослому человеку трудно было бы читать без смеха подобные проекты наших кровожадных, а в сущности весьма наивных заговорщиков, но наша зеленая молодежь набрасывалась на эти доктрины с того берега, принимала их на веру и делала из них реальную подкладку своих тайных заговоров. В этом страшном хаосе кровавой борьбы ультрарадикальных доктрин, принесенных с Запада, с бешеным и потерявшимся от злости деспотизмом — положение среднего человека было воистину трагическим: с одной стороны стояли крайние идеалисты, задумавшие водворить на земле всеобщее счастье, уравнять общий раздел материальных богатств и доставить массам наслаждение жизнью в той же мере, в какой до сих пор это составляло привилегию меньшинства; эти люди решили достигнуть такой гигантской задачи быстро, на протяжении своей индивидуальной жизни, а так как подобный внезапный переворот не может совершиться правильно и покойно, то они решили произвести его насильственно, взять, так сказать, с бою, и сочли себя в праве для достижения своей высоконравственной задачи не брезговать никакими средствами на основании иезуитского правила: цель оправдывает средства; поэтому они сошли с пути мирной пропаганды своих идей и обратились к старым приемам, завещанным нам историею любой варварской борьбы,— ко всяким насилиям, убийствам и т. п. [Мог ли средний человек искренно сочувствовать людям этой



№ 1. LA CAUSE GÉNÉRALE. 9 Мая 1877.

ОБЩЕЕ ДѢЛО

Prix du numéro : 1 franc.

НАШЕ ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Еще въ 60-хъ годахъ, когда русское общество начало мало по малу приходить въ себя отъ восторговъ, возбужденныхъ въ немъ либеральными реформами правительства, оно поняло, что эти реформы не могутъ принести ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ, что они не удовлетворяютъ и не успокаиваются у самыхъ энергичныхъ и вся ихъ работа начинаетъ имъ казаться толченіемъ воды.

Заведены суды присяжныхъ: задача суда обезпечить неприкосновенность личности и имущества, отъ произвола, но, такъ, гдѣ III отдѣленіе и министръ произвольно распоряжаются судьбою людей, ни личность, ни имущество не обезпечены ни чѣмъ. Для человѣка, попавшагося въ лапы III отдѣленія, судовъ не существуетъ: лицо, оправданное судомъ, можетъ быть осуждено министерскимъ усмотрѣніемъ.

ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ОБЩЕЕ ДЕЛО»
Женева, 9 мая 1877 г.
Лист первый. Фрагмент

партии?] Против этих-то новаторов и революционеров на защиту существующего порядка в России выступило самодержавие с своими легионами чиновников и войска; простояв прочно и вне всяких посягательств и критики, оно вдруг увидело, что существованию его грозит опасность, и возненавидело раздавить не только взбунтовавшиеся элементы, но и тот дух прогрессивного общественного самосознания, крайним и прискорбным проявлением которого явилась русская революционная партия. Отсюда ряд мер правительственного терроризма: ссылались молодые люди и девушки, едва вышедшие из юношеского возраста, за ничтожные увлечения, за чтение и пропаганду антиправительственных книжек, потом последовали казни за вооруженное сопротивление, ко всему этому примешивались гонения на университеты, науку, литературу и печать, на все, в чем являлось сколько-нибудь самостоятельное развитие русской мысли. Таким образом, перед средним человеком, т. е. человеком либеральных взглядов и постепенного развития, происходила отчаянная борьба между старым, отжившим самодержавием и партиею молодых утопистов, желавших наделить угнетенный русский народ всеми возможными материальными земными благами. К которой же из этих двух партий лежали симпатии либерала? Искренний либерал — прежде всего человек прогресса как в личном, так и в общественном и государственном отношении, а потому, понятно, между ним и нашим правительством, отрицающим и насильственно задерживающим всякое развитие и полагающим удержать страну в тех окаменелых формах государственности, как то было 100, 200, 300 лет назад, не могло быть ничего общего; его совесть и убеждения не могли оправдывать ни самодержавной формы правления вообще, ни тем более нашего, совсем потерявшего самообладание, а также они не могли мириться и с крайними теориями вообще, и с насильственными способами, с какими они пропагандировались, в частности. Но не сочувствуя ни самодержавной, ни террористической партии и ⟨не⟩ приходя с каждой из них в соприкосновение, либерал хотя и держал строго свой нейтралитет, но несомненно больше склонялся симпатиями к последней, потому что она неумело, непрактично и чересчур поспешно, но все же стремилась к осуществлению лучших идеалов, чем те, какие давала нам действительная жизнь,

тогда как правительство и от этой жизни старалось передвинуться еще назад.

Вот почему я очень обрадовался, когда, приехавши весной 1877 г. в Берлин, нашел у книгопродавца Штура первый № только что появившегося «Общего дела» и, пробежав, увидал, что новая газета обещает быть органом людей умеренных, не заскакивающих чересчур вперед и признающих, что обнародование конституции должно послужить первым шагом, который должен вывести Россию на дорогу западноевропейского развития. Время для успеха нового издания было весьма благоприятное: начиналась русско-турецкая война, Россия выходила из своего полусонного состояния и начинала более внимательно вчитываться в газеты и приглядываться к своему положению; спрос на русские газеты достиг до небывалых дотоле размеров, и тем более он должен был явиться на русскую газету, не стесняемую никакими цензурными придирками, а говорившую свободным и смелым языком; конечно, газета эта не могла проникать в Россию, но ничто не препятствовало свободному обращению ее среди масс русских офицеров, наполнивших вместе с войсками тогда Румынию и Болгарию, и среди многочисленного чиновничества, сопровождавшего армию. Поэтому я тотчас же послал редактору Эльпидину сочувственное письмо, приветствуя новый орган и рассыпаясь в самых искренних благопожеланиях, и тут же на зубок новорожденному приложил 300 р. Новорожденный, однако же, не оправдал моих надежд: вышел он каким-то хилым и недоношенным созданием с задержанным ростом и, видимо, не внушал к себе симпатий в своих читателях; наполнялся он или статьями, хотя и не дурными и честными, но слишком теоретическими Христофорова, или пасквилями в огромном случае весьма дешевого и балаганного остроумия, принадлежавшими перу Зайцева, и иногда статьями Алисова, о которых лучше и совсем умолчать. Чувствовалось, что глашатаи «Общего дела» взяли ноту, на которую не встречалось отзвука в публике, а между тем они, несмотря на свою талантливость, а в силу отсутствия в них политического чутья, продолжали упрямо тянуть ее,— но бесконечные и однообразные шуточки раздражали и надоедали страшно, особенно в такое время, когда положение все делалось серьезнее и русская кровь потоками проливалась на Балканах.

Но я все не терял надежды, что дело поправится и, главное, рассчитывал, что газета, как умеренный орган, привлечет более свежие и практические силы со стороны, которые дадут ей более живое и более соответствующее цели направление, а потому продолжал поддерживать издание небольшою денежною субсидиею, а в 1878 г., осенью, перед отъездом в Россию, дал первую свою статью «Источники деспотизма», в которой пытался доказать, что русское самодержавие получает свою главную силу из невежест⟨венности⟩ общества, его разрозненности, увлечения крайними доктринами, и советовал искать своего идеала не в далеком тумане западных социалистических учений, а прежде всего в собственном своем упорядочении и в конституции. После этой первой писательской попытки у меня сделалось правилом во время ежегодного моего выезда летом за границу писать для «Общего дела» разные корреспонденции и мелкие статейки, передавая в них разные выстоявшие⟨ся⟩ факты, происшедшие за зиму в Петербурге и в Москве; сам я во все это время в Женеву не заезжал и личных свиданий с Эльпидиным не имел и только изредка с ним переписывался, причем о материальном положении издания решительно ничего не знал, и хотя меня крайне интересовал количественный сбыт газеты, как мерило большего или меньшего ее успеха, но я находил неделикатным расспрашивать о том.

В 1878 г. осенью я в первый раз увидел А. Х. Христофорова в Париже, и мы тотчас же сошлись с ним. Это был человек очень симпатичный, честный и необыкновенно скромный, чуждый всякого мелочного самолюбия

и глубоко преданный изданию «Общего Дела». По внешности он был небольшого роста, глуховатый, с сиплым глухим голоском и с резкою асимметрией лица, и чрезвычайно напоминал собою тип хилого, заморенного русского мужичка; но под этою невзрачною оболочкою скрывалось богатое знакомство с социальными вопросами, много самолично передуманного и переиспытанного и значительное мастерство излагать свои мысли в печати; большой недостаток в нем составляла чрезмерная апатия и лень, которые, впрочем, в значительной степени объяснялись его болезненностью. В прошлом своем Христофоров проделал ту почти неизбежную школу, которую проделали почти все его современники, т. е. юноши, охваченные движением начала царствования Александра II: будучи студентом Казанского университета, он попался в какой-то политической истории и провел несколько лет в административной ссылке сначала в Архангельской губернии, а потом — на Волге. По окончании ссылки он выехал во Францию, где у него жила сестра, бывшая замужем за французом, и, имея небольшой наследственный капиталец, поселился в этой семье — сначала в окрестностях Парижа, а потом с нею же перебрался в Швейцарию. Давний выезд из России не мог не повлиять на него в том отношении, что он не совсем ясно и правильно понимал русскую действительность, ибо не мог вблизи наблюдать за метаморфозами общественного мнения, происшедшими в 1870-х годах, и ко всем последующим событиям относился с точки зрения, вывезенной им более 10 лет назад из России. Вся натура Христофорова так располагала к искренности и доверию, он сам так увлечен был «Общим делом», что у меня сразу установились с ним самые откровенные отношения и я не находил нужным скрывать от него своего желания поддерживать издание как денежно, так и статьями.

Совсем иначе держал я себя с другим столбом «Общего дела» Зайцевым, с которым познакомился весною 1880 г., когда впервые попал в Ментону. Зайцев, после многих коловратностей в своей эмиграционной жизни, жил тогда в этом городе с женою и дочерью в семье одного польского эмигранта, у которого за стол и квартиру занимался уроками с сыном,— и, кроме того, давал уроки в нескольких русских семьях Ниццы и Ментоны. Он, в противоположность смирному Христофорову, владел большим апломбом человека, приобретшего известность, и высказывал в своих суждениях непререкаемую самоуверенность, несимпатичную мне тем более, что суждения эти и взгляды так и застыли в Зайцеве в той форме, в какой лет 15 назад проповедовались Писаревым и им самим; он так и остался чистокровным нигилистом 60-х годов, всеотрицающим, не уважающим никаких традиций и практических условий и требований времени и не терпимым к несогласным с ним взглядам. А между тем несомненно он был человек даровитый и с обширными и солидными познаниями и, если бы обстоятельства жизни не вытолкнули его из нормальной колеи правильной жизни, ему наверно суждено было бы занять видное место в истории русской литературы,— тогда как теперь он пописывал только свои скоморошные статейки в «Общем деле», в которых часто, пожалуй, и замечалось остроумие, но слишком мелочное, а главное, слишком радикальное, чтобы достигать какого-нибудь практического результата. Этою своею непрактичностью его юмористические статьи меня просто злили, и я считал, что они много задерживают успех «Общего дела». Все это вместе взятое сделало то, что я, прожив шесть недель в Ментоне и видясь с Зайцевым чуть не ежедневно, не заводил с ним ни разу разговора об «Общем деле», хотя в этом году участвовал уже очень усердно в газете и, именно живя в Ментоне, написал «25-летие царствования Александра II», одну из самых длинных моих статей.

Чтобы уяснить всю разнокалиберность состава статей в «Общем деле» и разность во взглядах ее сотрудников, может отчасти служить эпизод,

происшедший по поводу названной моей статьи: я в конце ее высказал мысль, что народная революция в России грозит уничтожением даже тех немногих зачатков европейской культуры, которые она уже усвоила, и отбросить народ назад в давно пережитую уже эпоху. Это суждение вызвало протест со стороны Зайцева и Морозова, впоследствии сосланного в Сибирь, а в это время изредка помещавшего в газете небольшие статейки; они отказывали в дальнейшем сотрудничанье, если только в «Общем деле» будут проводиться такие взгляды на русскую революцию. Эльпидин прислал мне эти протесты, и я их принял к сведению.

Между тем, связь моя с газетой все становилась крепче, так что я, проводя зиму 1880—1881 г. в Петербурге, даже оттуда нашел возможность прислать две корреспонденции, а когда в 1881 г. бросил совсем практику и выехал за границу на неопределенное время, то стал работать на газету постоянно. Выезд мой из России, конечно, главнейшим образом зависел от моего болезненного расстройства, состоявшего в крайнем истощении нервной системы и невозможности заниматься своими медицинскими обязанностями так ревностно, как я делал до того; я стал замечать, что мои домашние приемы больных начинают меня не только утомлять, но и раздражать против пациентов, и делать капризным в сношениях с ними, что никогда не входило в мой нрав, всякая лишняя консультация ставила мою голову в невозможность разобрать с обычною обстоятельностью представлявшийся случай,— и в конце концов я пришел к убеждению, что так дальше нельзя продолжать дело, как без ущерба для себя, так и для пациентов. Очень может быть, что будь общественные условия жизни в России попригляднее, я бы не решился так радикально перерубить затягивавшийся на моей шее узел, а сначала попытался бы распутать его, т. е. попробовал бы ограничить себя в занятиях, уменьшить число приемных дней и число визитов,— но как раз тут подошло убийство Александра II, падение графа Лорис-Меликова, обнародование манифеста от 29 апреля о намерении царя укреплять самодержавие,— словом, обнаруживались все такие признаки времени, которые ясно говорили, что жизнь в России для человека моих взглядов и убеждений станет еще тяжелее и непривлекательнее, чем была дотоле,— и я в конце мая выехал из России с намерением вернуться только тогда, когда условия русской жизни изменятся, хотя можно было предвидеть, что это произойдет не скоро.

В наступившей затем для меня праздной жизни вечного туриста участие в «Общем деле» являлось и развлечением и удовлетворением тому чувству протеста, которое постоянно скапливалось на душе при виде совершающихся безобразий как со стороны правительства, так и общества, а потому я стал давать свои статьи уже для всякого номера. Скоропостижная смерть Зайцева в Кларане в 1881 г. была мне скорее на руку, потому что устраняла из газеты сотрудника, который, по моему мнению, только вредил ей и своим радикализмом и шутовским тоном своих статей,— и я стал надеяться, что Христофоров и я, оставшись вдвоем, своею умеренностью сумеем привлечь к изданию новые и свежие силы, особенно я рассчитывал, что летом, когда такое множество русской интеллигенции, профессоров, литераторов, выезжает для отдыха или для лечения за границу, ко мне будут присылаться статьи и разные сообщения из России как в единственный орган свободного русского слова; мне казалось, что всякий интеллигент, вырывающийся из России, как из душной бани, через Вержболово, должен более или менее ощущать потребность [если не] высказаться [то выругаться] и излить то, что у него накопилось горького на душе, и рассчитывал, что «Общее дело» может послужить для этих целей. Однако и это предположение не сбывалось,— не только не приходило новых сил к нам на подмогу, но ниоткуда не получалось даже простого сочувствия нашему предприятию. Сбыт газеты также был весьма неудовлетворитель-

ный, правда, точной цифры его никогда ни Христофоров, ни я не знали и предоставили типографскую и хозяйственную часть в полное распоряжение Эльпидина, но по более чем скромной жизни последнего можно было заключить, что и с этой стороны дела газеты идут далеко не блестяще. Правда, в начале 80-х годов у нас в заграничной печати было немало конкурентов,— так в 1881 году начало выходить в Женеве умеренное «Вольное слово»; газета эта располагала хорошими материальными средствами, выходила сначала еженедельно и, когда поступила под редакцию Драгоманова, дала много солидных и интересных статей, но прекратилась, не просуществовав и году. Кроме этого умеренного органа, подходившего по умеренному направлению к «Общему делу», выходили революционный сборник книжками «Вестник Народной воли» и весьма странная газетка с анархическим пошибом «Правда», издававшаяся неким Климовым, который, как впоследствии обнаружилось, был тайным полицейским агентом, и самое издание его имело провокаторское назначение.

В сентябре 1882 г. я впервые через 10 лет попал в Женеву, куда меня привлек международный Женевский конгресс, и то благодаря тому случайному обстоятельству, что я жил тогда на Женевском озере. При таком удобном случае я устроил свидание и с Эльпидиным и с Христофоровым, проживавшими тогда летние месяцы всегда в Женеве; результатом его вышло мое полное разочарование в Эльпидине. То, что при переписке с ним казалось мне недодуманностью с его стороны и шероховатостями, которым не следует давать значения, тут, при личном обмене мыслей, сразу и резко ударило в глаза. Я нашел в нем не только совершенное отсутствие определенных политических взглядов, но самый бестолковый и невежественный взгляд на печать. Притом вся его внешность и манеры [грубостью своих приемов производили отталкивающее] производили своею неотесанностью весьма невыгодное впечатление. Сын сельского священника Симбирской губернии, он так и оставался бурсаком, несмотря на многолетнее пребывание за границей; говорил бессвязно, чавкая, ерзая на стуле и затрудняясь в выражениях, а между тем в сметке ему отказать нельзя, но именно в сметке [кабатчика или кулака] неотесанного простолюдина, не имеющего ничего общего с качествами, требуемыми для редакторского дела. До чего он имел дикий взгляд на свою газету, достаточно привести один факт; я все горевал, что не является свежих сил на поддержку издания, и пугал его тем, что оно может остаться совсем без материала. Тогда он самым серьезнейшим образом предложил: «Да нельзя ли перепечатывать старые статьи, помещенные 3 или 4 года ⟨назад⟩? У нас читатель переменный и не скоро узнает, что это — старые вещи». Но, несмотря на все мои разочарования в Эльпидине, я уж слишком втянулся в издание, мне все хотелось добиться от него чего-нибудь путного, сделать его органом либеральных людей, и мы решили продолжать дело сначала на прежних основаниях, но, вскоре убедившись, что эти основания слишком не прочны, я решился испробовать новую комбинацию.

Едучи в 1883 г. на зимовку в Ментону, в октябре я остановился в Лионе, где назначил свидание для переговоров с Эльпидиным. Здесь я предложил ему выпускать аккуратно по одному месячному номеру в печатный лист и обязывался немедленно по выпуске такового уплачивать типографии по 100 франков; взамен этого я настаивал на том, чтобы ни одна статья не появлялась в газете без моего предварительного просмотра, ибо хотел удержать ее в программе либерального органа с задачей пропагандировать идею о конституции, добиваясь последней мирными, не революционными путями; ставя себя цензором всякой статьи, я надеялся, что в «Общее дело» не будут впредь попадать чересчур резкие и радикальные статьи, как это до того зачастую случалось по причине снисходитель-

ности и уступчивости Христофорова и большой бестактности Эльпидина, и которые могли отпугнуть от газеты ⟨как⟩ наиболее подходящих сотрудников, привлечение которых было наиболее желательным, так и тот контингент читателей умеренных воззрений, органом которых должно было служить издание. Эльпидин не только без всякого возражения, но с большой радостью принял мое предложение принять ⟨на⟩ себя все хлопоты по изданию русской газеты при бесконтрольном пользовании им доходами его газеты. [И таким образом я стал закулисным редактором «Общего дела».] Материально операция эта представлялась для него довольно выгодной: печатание номера по его расчету обходилось в 135 рублей, из них 100 рублей должно было с этого времени покрываться моим взносом; печаталась газета в количестве 500 экземпляров, значительная часть которых раскупалась, особенно в летнее время, когда русские туристы в большом количестве появлялись за границей, но немалая часть оставалась нераспроданной в руках книгопродавцов или комиссионеров в разных странах Европы и возвращалась впоследствии назад к издателю. Таким образом, доход с каждого номера получался неравномерный, не подлежащий точному учету, но все же небольшой был и мог служить некоторым подспорьем в далеко не богатой жизни Эльпидина с семьей, и в виду этого он легко поступился своим главенством в редакторстве.

Таким образом я сделался фактически главным редактором «Общего дела». Не раз задумывался я над вопросом, не выступить ли мне открыто из-за кулис и не признать ли печатно себя главным руководителем газеты? Если бы я был убежден, что подобный поступок обратит большее внимание на газету, поможет ее [большему] распространению и вызовет действительное содействие ее успеху в виде обмена мыслей, сообщения фактов, корреспонденций и т. п., тогда бы я не задумался выставить открыто свое имя, и притом считал бы такое самопожертвование для себя не особенно чувствительным и вовсе не героическим. Трусить мне было нечего: за невозможностью вернуться снова к медицинской деятельности я считал свою карьеру в России завершенной и, уезжая за границу, привел свои финансовые дела в такой порядок, что мог прожить с женой за границей до нашей смерти совершенно безбедно, тем более, что мы оба были люди очень расчетливые и умеренные в житейских потребностях; стало быть, с этой стороны мои корабли для возвращения в Россию при существующем режиме могли быть сожжены без особенных лишений. Сделавшись добровольным изгнанником, я не мог бояться и того, чтобы длинная рука русского правительства могла бы когда-нибудь достать и схватить ⟨меня⟩, потому что при умеренности моих убеждений и строго конституционной пропаганде ни одна европейская держава, под сенью которой я бы устроил свое местожительство, не имела бы ни повода, ни права признать мою деятельность опасной и выходящей за пределы дозволенной по ее внутренним законам. Так что ирвозных ⟨!⟩ последствий для меня лично ниоткуда быть не могло, а удержала от открытого выступления в качестве редактора прежде всего забота об успехе самого издания. Я сознавал, что я писатель и публицист более чем заурядный и далеко не обладавший таким талантом, чтобы глаголом жечь сердца читателей, а потому не мог рассчитывать на большой успех [одной] только идейной пропагандой превосходства конституционного порядка над самодержавным, пришлось бы пережевывать все одно и то же, и, конечно, такое повторение одной темы, излагаемое без большого блеска и даровитости, скоро бы надоело читателям. Гораздо больше шансов для распространения газеты представляло собирание и обнародование тех фактов и событий в нашей государственной жизни, о которых цензура в России запрещает говорить или которые передаются русскими газетами в такой форме, что совершенно извращают общественное мнение и суждение о них, а между

тем надлежащая группировка и освещение таких фактов лучше всяких рассуждений доказывают, как самодержавная форма постепенно, несмотря на всю свою внешнюю силу и могущество, становится бессильной и неспособной справиться с управлением страной по тем многочисленным и разнообразным задачам и требованиям, которые предъявляются теперь ко всякому государству, вынужденному удовлетворять дух современной эпохи и европейской цивилизации. Наконец, думалось мне, что если, в худшем случае, наше издание и не встретит сочувствия у современников, то значительный склад в нем таких фактов, которые невольно должны были быть замолчены русской журналистикой, пригодится для потомков как материал для изучения нашего времени не по одним только подцензурным органам.

Установивши таким образом на первом плане сообщение закулисных фактов, я не мог не сообразить, что в этом отношении признание себя редактором заграничного органа может только повредить изданию. Оно бы только закрыло для меня самый главный источник, из которого я рассчитывал собирать этот фактический материал, потому что, наверное, отдалило бы от меня тех старых знакомых и многочисленных больных, которые, выезжая за границу, разыскивали меня или чтобы повидаться со мной, или чтобы посоветоваться. Недостаток гражданского мужества в наших интеллигентных соотечественниках был мне хорошо известен, и я был убежден, что стоит только мне открыто выступить перед правительством врагом существующего порядка, как если не все, то огромное большинство отхлынет от меня,— и я останусь как рак на мели, без всяких сведений, новостей и без возможности послужить газете тем материалом, в котором видел главный залог успешной пропаганды необходимости конституции. Вот по этим-то соображениям я и решился хранить втайне свою редакторскую деятельность.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ

КАК ПОДГОТОВЛЯЛОСЬ ЗАКРЫТИЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Предисловие и публикация С. А. Макашина

Правительственное запрещение в апреле 1884 г. «Отечественных записок», крупнейшего демократического издания своего времени, неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Последнее по времени и по учету новых документальных источников изложение этого события дано в монографии М. В. Теплинского, посвященной журналу Некрасова и Салтыкова-Щедрина [1]. В этой книге приведено несколько цитат из машинописной (вариантной по тексту) копии того документа, который является предметом данной публикации. Еще раньше, в 1949 г., автором настоящих строк был напечатан отрывок из этого документа, относящийся к Некрасову [2].

В подлиннике рукопись не имеет ни заглавия, ни подписи, только дату: «24 августа 1883 г.» Но в архивном делопроизводстве она именуется: «Записка о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России».

Содержание «Записки» — краткий очерк истории «неблагонамеренной», то есть революционно-демократической и либерально-оппозиционной легальной печати в России за период с 1848 г. по 1883 г. «Записка» возникла в стенах высшего органа политической полиции царизма. Она составлялась на основании сведений, извлеченных из розыскных и следственных «дел» Третьего отделения и сменившего его в 1880 г. Департамента полиции. Задачей «Записки», как сказано в ее тексте, было «удостоверить связь известного литературного направления с ростом крамолы, черпающей нравственную силу в этом сочувствии к ее злодеяниям, которое читается между строк, а иногда и в самом тексте произведений этого направления».

Директор Департамента полиции В. К. Плеве держал в курсе работы по составлению «Записки» своего коллегу по государственно-политическому контролю в империи, министра внутренних дел и шефа жандармов гр. Д. А. Толстого. Это видно из следующих слов письма Д. А. Толстого к В. К. Плеве от 10 августа 1883 г.: «Приятно мне было также узнать, что подвигается работа по изложению связи журналистики с нигилистическою партиею: вы знаете, что всегдашнее мое убеждение было, что тут именно весь корень зла, поэтому фактическое подтверждение этой мысли, по моему мнению, весьма важно ...»[3].

Когда «Записка» была закончена, она тотчас же была отослана Д. А. Толстому. Подтверждая ее получение, он писал к Плеве:

27 августа 1883 г. Городище

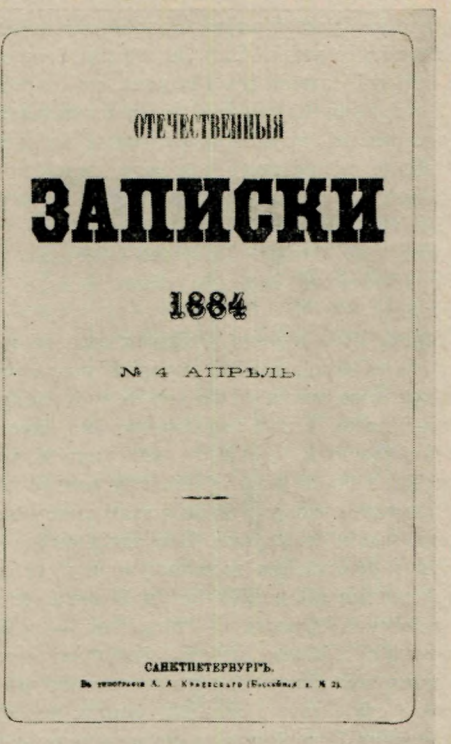
Очень благодарю вас, многоуважаемый Вячеслав Константинович, за все сообщенные сведения и за составленную записку об отношениях известной части нашей журналистики и революционной партии. Конечно, ее можно было бы многим дополнить; но и в том виде, как есть, она представляет много интересного, потому что основана на фактах. Я посылаю ее государю, и прошу вас приказать отправить мой пакет в Копенгаген. Там у государя более свободного времени, чем в Петербурге, значит, он прочтет эту записку с полным вниманием. ⟨...⟩

Еще раз благодарю вас.

Искренне преданный гр. Д. Толстой [4]

Залакированная надпись в левом верхнем углу первого листа рукописи — «Читал» — указывает, что «Записка» была доставлена Александру III и прочитана им.

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» 1884, № 4
Обложка


ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ
1884
№ 4 АПРѢЛЬ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

С какою же практическою целью высшие «блюстители порядка» самодержавной власти предприняли этот жандармско-историографический труд? Ответ не вызывает сомнений. «Записка» понадобилась для выработки более убедительной, в глазах общества, мотивировки предрешенного запрещения «Отечественных записок».

Назначение в 1882 г. Д. А. Толстого, ярого представителя реакции, министром внутренних дел и шефом жандармов свидетельствовало, что самодержавие в основном преодолело, на том этапе, кризис конца 1870-х — начала 1880-х годов и перешло от колебаний «диктатуры сердца» Лорис-Меликова и «народной политики» Игнатьева к жесткому курсу. Убеждение, высказанное Толстым в цитированном письме к Плеве, что «корень зла» всех враждебных правительству сил находится в оппозиционной («нигилистической») печати, не могло не диктовать ему репрессивных мер и на литературно-журнальном участке внутренней политики. И даже в первую очередь на этом участке.

Главным врагом правительства среди всей тогдашней печати Толстой, вместе со своими идеологическими единомышленниками Победоносцевым и Катковым, считал «Отечественные записки». Триумвират этих лидеров реакции 1880-х годов был единодушен в политической квалификации журнала как легального органа революционной партии, как кафедры, с которой на всю страну раздавалась проповедь, направленная на подрыв существовавшего порядка вещей.

Однако, по свидетельству ближайшего и ревностного сотрудника Д. А. Толстого, начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, все же не Толстой сыграл роль primum mobile в ликвидации «Отечественных записок». Толстой, пишет Феоктистов в своих «Воспоминаниях», «колебался» принять решение о закрытии журнала Салтыкова «отчасти потому, что Салтыков был некогда его товарищем,— оба они воспитывались в Александровском лицее,— а, главным образом, 〈...〉 из опасения возбудить неудовольствие в обществе» [5]. Салтыков знал об этих колебаниях Толстого и, в какой-то мере, питал надежду, что весы этих колебаний могут склониться в пользу сохранения журнала. В письме к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому от 9 марта 1884 г. Салтыков писал: «Я вчера был у Феоктистова, 〈...〉 он мне обе-

щал, что не будет принято против «Отечественных записок» мер без предварительного соглашения со мной. ⟨...⟩ Он же мне сказал, что и гр. Толстой не желает предпринимать что-либо лично против меня, по старому товариществу» [6].

Биография Салтыкова знает несколько случаев, когда бывшие однокашники писателя, ставшие крупными фигурами в правительственном аппарате, «питомцы славы», подчиняясь неписаному кодексу лицейского товарищества, отклоняли или смягчали удары, угрожавшие Салтыкову в его служебной и литературной деятельности.

Не вызывает сомнений и вторая из указанных в воспоминаниях Феоктистова причина «колебаний» Толстого — боязнь возбудить запрещением авторитетнейшего демократического издания общественное недовольство до опасного, критического градуса.

Существует немало документального материала, уже известного в печати и еще ждущего обнародования, который подтверждает обоснованность опасений «министра борьбы», как звали Толстого современники. Ликвидация «Отечественных записок» действительно сильно активизировала оппозиционные силы в русском обществе. Можно с достаточным основанием утверждать, что эта правительственная акция послужила одним из толчков к наступившему вскоре перелому — от реакционного упадка начала десятилетия к новому демократическому подъему. Вопрос этот, однако, нуждается в специальном освещении. Возвращаясь же непосредственно к конкретной истории закрытия журнала, мы должны уяснить, что́ же все-таки заставило Толстого покончить с владевшими им колебаниями. Ответ на этот вопрос находим в тех же воспоминаниях Феоктистова. «Однажды,— пишет он,— граф Толстой пригласил меня на совещание с Оржевским [7] и Плеве, которые сообщили, что редакция «Отечественных записок» служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников этого журнала существуют сильные улики, что один из них уже выслан административным порядком из Петербурга и что необходимо разорить это гнездо...» [8].

Совещание у Толстого с высшими руководителями политической полиции происходило, по-видимому, в конце марта или в самом начале апреля 1884 г. Это явствует из того, что уже 5 апреля Н. А. Любимов писал в Москву своему другу и единомышленнику М. Н. Каткову: «Обнаружилось, что близкие сотрудники «Отечественных записок» и «Новостей» (Кривенко в «Отечественных записках», Греков в «Новостях») замешаны в революционной организации. Раскрытия, сделанные в ⟨...⟩ * это обнаружили. ⟨Пред⟩положено * [(Феоктистов передал мне это под секретом)] «Отечественные записки» и «Новости» закрыть и объявить причину в «Правительственном вестнике». На Святой будет совещание 4-х министров, и это решится. Доклад уже заготовлен. Легальные и нелегальные, действительно, оказываются одно и то же. Феоктистов просил пока никому об этом не говорить» [9].

Таким образом, колебания Толстого были прекращены прямым вмешательством высшего органа политического надзора в империи. Данное обстоятельство с полной авторитетностью подтверждается следующим письмом Феоктистова к Плеве:

Милостивый государь Вячеслав Константинович

Препровождаю при сем вашему превосходительству проект правительственного сообщения с редакционными поправками, сделанными К. П. Победоносцевым. Их немного, но они очень удачны, и мне кажется, что необходимо воспользоваться ими.

Засим,— вы ли изволите привезти совершенно готовый проект этот в заседание, или нужно переписать его на бланке Главного управления по делам печати? С одной стороны, резолюция основана на временных правилах о печати, а потому подлежит Главному управлению, с другой же, *вся инициатива дела исходит от Департамента полиции*. Извольте решить сами, так как для меня совершенно все равно, ибо это вопрос о простой формальности. Говорю же я об этом на тот случай, что если бы вы сочли нужным предоставить изготовление бумаги Главному управлению, то соблаговолите сегодня доставить мне прилагаемый при сем проект: другого экземпляра у меня не

* Подлинник поврежден.— *Ред.*

имеется. Если не получу его от вас, то это будет значить, что вы возложите изготовление документа на ваш департамент.

С глубоким уважением и преданностью

ваш покорнейший слуга Е. Феоктистов

12 апреля 1884 [10]

Документ — проект Правительственного сообщения о прекращении издания «Отечественных записок» — был «изготовлен» на бланке Главного управления по делам печати. На другой день, 13 апреля, он был утвержден на совещании четырех министров — Д. А. Толстого, И. Д. Делянова, Д. Н. Набокова и К. П. Победоносцева. «Всеподданнейший доклад» Толстого Александру III о принятом решении состоялся 19 апреля, а на другой день, 20 апреля, оно было обнародовано в «Правительственном вестнике» (№ 89).

Заключительные слова Правительственного сообщения гласили: «Совещание министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора Святейшего синода, на основании пункта III высочайше утвержденного в 27-й день августа 1882 года положения Комитета о временных правилах для периодической печати, постановило: Прекратить вовсе издание журнала «Отечественные записки».

Таким образом, резолютивная часть Правительственного сообщения исходила из обвинения редакции «Отечественных записок» в нарушении ею цензурных правил. Но вся предшествующая этой части мотивировка Правительственного сообщения — документа слишком хорошо известного, чтобы приводить его здесь — носила куда более грозный характер. В ней редакция журнала и его сотрудники обвинялись в политическом деликте, в прямых связях с революционным подпольем. Это явствует из приведенного выше письма Плеве. Инициатором этого обвинения был Департамент полиции, который и доставил Главному управлению по делам печати соответствующие сведения в публикуемой «Записке». В истории закрытия журнала Щедрина этот документ должен рассматриваться в ряду источников первостепенной важности, вместе с самим Правительственным сообщением.

Извещая Н. А. Белоголового 24 апреля 1884 г. о катастрофе с «Отечественными записками», Салтыков писал: «Выходит, что журнал прекращен не за содержание, а за то, что некоторые из сотрудников его арестованы. Но и в департаментах арестуют чиновников, а департаменты не закрывают. (...) Я ни мало не сомневаюсь, что в настоящее время всего нужнее — уморить меня, и что тут главным подстрекателем Катков» [11].

Катков, действительно, был ожесточенным врагом Салтыкова и его журнала. В качестве одного из лидеров реакции редактор «Московских ведомостей», конечно, внес свой «вклад» в подготовку идеологической почвы для закрытия «Отечественных записок». Но мы не располагаем никакими документальными сведениями о непосредственной причастности Каткова к осуществлению самой акции прекращения журнала. Акция эта была по существу полицейской. Не располагаем мы никакими документальными данными и об участии Каткова в составлении текста Правительственного сообщения. Текст этот, по-видимому, написан Феоктистовым, с использованием сведений, доставленных Плеве, и отредактирован Победоносцевым, а, может быть, и Толстым [12].

Публикуемая «Записка» не нуждается в комментариях, дополнительных к изложенному выше. Содержащиеся в ней сведения известны каждому читателю, сколько-нибудь осведомленному в истории русской печати, литературы и революционного движения XIX в. Ограничимся всего лишь тремя справками.

Не названные повести молодых авторов в «Отечественных записках» и «Современнике» 1848 г., привлекшие к себе внимание цензуры и самого Николая I,— это «Запутанное дело» Салтыкова, принесшее ему арест и ссылку, и «Сорока-воровка» Герцена.

Авторство Чернышевского в отношении студенческой прокламации, распространявшейся в Петербурге в сентябре 1861 г., указывается в «Записке» лишь на основании агентурных сведений, документально до сих пор не подтвержденных (прокламация с эпиграфом «Наш век железный, век царей...», начинавшаяся словами: «Правительство бросило нам перчатку»). Арест и предание Чернышевского суду упоминаются лишь

для констатирования того, что эти репрессии не имели влияния на его образ мыслей и убеждения. Но, что весьма примечательно, ни словом не упомянуто об официальном обвинении, сфабрикованном в III Отделении при помощи провокаторов, на основании которого Чернышевский был судим и отправлен на каторгу.

Автором прокламации «К молодому поколению» назван только Михайлов, тогда как она написана Шелгуновым при участии Михайлова. Но последний на следствии принял авторство и распространение прокламации целиком на себя, за что и поплатился каторгой. Таким образом, полная правда об одной из важнейших прокламаций 1860-х годов и о подвиге революционного товарищества, совершенном Михайловым, и в 1883 г. оставалась неизвестной высшему органу политической полиции царизма.

Текст «Записки» публикуется по копии, снятой в 1941 г. с подлинника (писарской список): ЦГИАМ (ныне ЦГАОР), ф. 102, ДП, 1 Секретный архив, № 1763, л. 257—288.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М. В. Теплинский. «Отечественные записки». 1868—1884. Южно-Сахалинск, 1966, с. 112—138.

[2] *ЛН*, т. 49—50, с. 524—526.

[3] ЦГАОР, ф. 586, В. К. Плеве, оп. 1, ед. хр. 1156, л. 17—17 об. Сообщено Н. Д. Эфрос.

[4] Там же, л. 19—20. Сообщено Н. Д. Эфрос.

[5] «Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Ред. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Л., «Прибой», 1929, с. 242.

[6] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Книга вторая. М., 1939, с. 395—396.

[7] Генерал-лейтенант П. В. Оржевский с 1882 по 1887 г. занимал должность товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов.

[8] «Воспоминания Е. М. Феоктистова...», с. 242.

[9] ГБЛ, ф. 120, Каткова. 6. 31, л. 15—15 об. Сообщено Ю. П. Пищулиным.

[10] ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, ед. хр. 1189, л. 1—1 об. Сообщено в 1949 г. Н. Д. Эфрос. Курсив мой.— *С. М.*

[11] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XX. М., 1937, с. 42.

[12] В предисловии анонимного издателя «Собрания сочинений С. Н. Кривенко» (т. I. СПб., 1911, с. XXXIX) о Правительственном сообщении сказано: «Текст этого беспримерного в истории русской литературы документа составлен, если не ошибаюсь, М. Н. Катковым...» Однако, это позднее указание неизвестного лица, данное к тому же с оговоркой, не имеет значения документального свидетельства. Скорее всего оно восходит к ошибочной версии самого Салтыкова.

⟨ЗАПИСКА О НАПРАВЛЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В РОССИИ⟩

Читал *

Одну из главных причин общественных бедствий, удручающих наше отечество, следует искать в области особого мира идей и понятий, в котором замечается присутствие и даже господство воззрений позитивизма и материализма, обхватившего довольно заметный круг лиц образованного класса. В этих воззрениях чуется сила фанатизма и убеждений в высшей степени превратных, движущих нередко на преступную деятельность и посягающих на бытие существующего законного порядка. С прискорбием необходимо признать, что этот мир идей и понятий, построенных на фантастической и отвлеченной почве, находит себе деятельную опору в некоторой части печати и в особенности периодической: политические журналы являются источниками умственной и нравственной смуты, а газеты отголосками и популяризаторами их вредных учений. Целые десятилетия русское общество и в особенности молодежь, читая журналы

* Помета Александра III.— *Ред.*

и газеты, питается плодами брожения незрелого и преждевременного знания, которое выдается прессой образчиком культуры.

Печать наша в лице ее представителей либерального толка упорно стоит на мысли, что все отрицательные стороны современной русской жизни могут быть искоренены помощью государственного переустройства, и частью пассивно и злорадно присутствует в созерцании противоправительственного движения с надеждой, что власть скоро сознается в своем бессилии и начнет переустраивать Россию по шаблону их мечтаний и желаний, частью же становится в ряды борцов этого движения. Под влиянием этого последнего течения создались литературные произведения тенденциозного направления с наклонностью в воззрениях на государственный строй к республике, в общественно-экономических к коммунизму, в религиозных вопросах к атеизму. Произведения этого рода стали евангелием известной части современного общества и толкнули наиболее незрелые его силы, по преимуществу учащуюся молодежь, на путь отчаянной борьбы с современным строем, запятнавшей страницы нашей новейшей истории несмываемыми злодеяниями.

Не имея никаких положительных идеалов, представители неблагонамеренной печати, называя себя партией либерального прогресса, поддерживают в обществе раздражение и отрицание, способное только злобить и мертвить, ничего не видя позади отрицания. Называя свои издания органами общественного мнения, они путем такого обмана стараются возбудить к себе доверие публики для проповеди ложных теорий и средств борьбы с правительством. Дошло дело до того, что со стороны печати были делаемы попытки извинять, смягчать, ослаблять, иногда даже оправдать, возвеличить, возвести на степень героизма и мученичества злодейские подвиги подпольных деятелей крамолы.

Документальное исследование этого часто неуловимого, но всегда бедственного по своим последствиям влияния печати на возникновение и развитие субверсивных идей в обществе, а затем и на практические попытки провести эти идеи в жизнь, представляет интерес первостепенный и по обилию материала могло бы составить обширный трактат с подлинными выдержками из произведений периодической прессы за последние двадцать пять лет, но и краткий очерк сведений, извлеченных из некоторых дел бывшего III-го Отделения его императорского величества канцелярии и Департамента полиции дает возможность удостоверить связь известного литературного направления с ростом крамолы, черпающей нравственную силу в этом сочувствии к ее злодеяниям, которое читается между строк, а иногда и в самом тексте произведений этого направления.

Предвестники нигилизма.— Первыми пионерами назревавшего в некоторых литературных кружках отрицательного отношения к историческому призванию нашего нынешнего государственного строя и к основам существующего общественного быта, первыми провозвестниками идей, впоследствии получивших наименование нигилистических, были журналы: «Отечественные записки» и «Современник». Оба эти журнала обратили на себя внимание еще в 1848 году статьями нескольких молодых авторов, причислявших себя к так называемой натуральной школе. Новое направление вызвало высочайшее повеление об учреждении комитета, которому было поручено рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому журналу программы. Государь император Николай Павлович, прочитав выписки из этих журналов, изволил признать, что они допускают в статьях своих мнения в высшей степени преступные, могущие поселить в нашем отечестве правила коммунистические, неуважение к вековым и священным учреждениям, к заслугам людей всеми почитаемых, к семейным обязанностям и

даже религии, повредить народной нравственности и вообще приготовить у нас те пагубные события, которыми в то время были потрясены западные государства, и повелел объявить за подпиской редакторам этих журналов Андрею Краевскому и Ивану Панаеву, чтобы они под опасением строгой ответственности не дозволяли себе помещать в издаваемых ими журналах статей столь вредного направления.

Кружок «Современника» и «Русского слова».— К прискорбию, эти в высшей степени мудрые предположения оправдались: при первых признаках понижения уровня цензурных требований, ознаменовавших первые годы царствования в бозе почившего государя императора Александра Николаевича, в двух журналах, наиболее распространенных в то время,— «Русское слово» и «Современник» — обозначилось резкое отношение к существующему порядку вещей и стремление к пропаганде социалистических идей. Направление это проводилось кружком писателей, душой которого были известные Чернышевский и Добролюбов, указывавшие пути целому ряду менее громких имен, носители коих сделали неиссякаемый и поныне вклад превратных учений в небогатую серьезными умственными силами среду современного общества, большинство коего способно воспринимать без должной оценки всякие парадоксы, лишь бы таковые предлагались под модным ярлыком и притом в легкой форме. Из числа этих имен достаточно вспомнить фамилии Благосветлова, Михайлова, Писарева, Зайцева, Шелгунова, Лаврова и проч., чтобы определить, каким характером должна была отличаться вдохновляемая ими пресса. Для правильного заключения в сем отношении нет надобности изучать их сочинения, а достаточно привести лишь некоторые биографические о них подробности.

Чернышевский, Добролюбов и Благосветлов.— В 1861 году Благосветлов и Чернышевский произнесли в собрании литераторов в Hôtel de Paris по случаю празднования освобождения крестьян речи в крайне возбуждающем общественные страсти тоне. Из этих двух лиц Чернышевский, писатель несомненно талантливый, был до крайности увлечен учением социалистов. Литературная деятельность его посвящена была исключительно защите и развитию этого учения, имевшего сильное и весьма вредное влияние на учащуюся молодежь, в среде которой он высказывался еще резче и решительнее, чем в печати. Когда в сентябре 1861 г. возникла студенческая история, то Чернышевский с первого дня принял в ней живое и зловредное участие, побуждая ее к явному неповиновению начальству округа. Он составил и распространял в публике возмутительное воззвание и дерзкий адрес государю императору. В ноябре того же года, на похоронах Добролюбова, Чернышевский произнес речь, в которой прямо высказал мысль, что виновником смерти молодого писателя было правительство, стесняющее свободу печати. Арест и предание суду, по-видимому, не имели влияния на образ мыслей и убеждения Чернышевского. Содержась под стражей в Алексеевском равелине, он занимался переводом политической экономии Милля, к которому присовокуплял собственные примечания, и там же написал известный роман «Что делать», напечатанные затем в журнале «Современник». Ранее этого вслед за смертью Добролюбова появилась в «Современнике» статья Чернышевского под заглавием «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Здесь, в письмах Добролюбова, находятся такие, например, места: «Еще с утра, на лекции Срезневского у меня вдруг родился целый ряд идей о том, как можно бы и как хорошо бы уничтожить это неравенство состояний, делающее всех столь несчастными, *или по крайней мере повернуть все вверх дном, авось потом как-нибудь получше установится все*» (стр. 310). «Я отчаянный социалист, хоть сейчас готов вступить в небогатое общество с равными правами и общим имуществом всех членов» (стр. 311). Осуще-

ствить в жизни отрицательное отношение к установившемуся порядку вещей Добролюбову не пришлось.

Михайлов.— Решительнее его оказался товарищ его по редакции «Современника» Михайлов, автор и распространитель одного из первых воззваний, которым открылось противоправительственное движение последних двадцати лет, а именно воззвания «К молодому поколению», появившегося в Петербурге в сентябре 1861 г. В воззвании этом развивались следующие взгляды: не народ существует для правительства, а правительство для народа. Романовы не оправдали надежд народа. Долой их! Мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, нам нужен не император, а выборный старшина, получающий за свою службу жалование. Правительство возбудило неудовольствие всех сословий и, положив конец помещичьему праву, подкосило свою собственную власть. Недовольные везде. Императорская Россия разлагается. Лишь в молодом поколении находятся люди, способные пожертвовать личными интересами благу всей страны. Они вожаки народа, призванные спасти его. Они должны объяснить народу, что помеха тому царь и его министры.

Конституционные и экономические тенденции ведут к консерватизму. Россия должна не подражать Европе, а прийти к новым порядкам, неизвестным даже в Америке. Она призвана внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Если для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, то не следует пугаться этого.

В заключение заявляются следующие требования:

Избрание и ограничение верховной власти; свобода слова! развитие в народе начала самоуправления; отмена привилегий, равенство всех перед законом и во всех государственных тягостях, податях и повинностях; финансовая отчетность правительства; открытый и словесный суд; уничтожение полиции явной и тайной, отмена телесных наказаний; отмена частной поземельной собственности; общинное владение землей, с переделами через большие сроки; раздача казенных земель бывшим дворовым людям, уничтожение переходного состояния освобожденных крестьян и немедленный выкуп их личной земельной собственности, уничтожение мещанства, сокращение расходов на армию и сроков службы нижних чинов, сокращение расходов на все управление, на императорскую фамилию, упразднение министерств: государственных имуществ, императорского двора, удельного ведомства; освобождение и возвращение из ссылки всех осужденных за политические преступления, а также возврат на родину всех политических выходцев, изменение основных законов, в особенности 1 статьи I-го тома Свода о самодержавной и неограниченной власти государя.

Молодое поколение приглашалось действовать не теряя ни одной минуты.

Осуждение Михайлова и протест литераторов.— Сознавшись в распространении этого преступного листка, Михайлов определением Правительствующего сената был осужден на ссылку в каторжные работы на 12 лет и шесть месяцев, каковое наказание ввиду искреннего раскаяния, выраженного им в собственноручной записке, приложенной к делу, смягчено было по монаршему милосердию наполовину. Между тем как сам Михайлов приносил повинную в содеянном преступлении, взывая к великодушию государя, двадцать восемь литераторов, собравшись у графа Кушелева-Безбородко, составили и подписали протест по поводу ареста их сотоварища в форме письма на имя министра народного просвещения, которому оно было вручено графом Кушелевым-Безбородко, теперешним издателем «Голоса» Краевским, а также Громекою, следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся редакторы и сотрудники петербургских газет и журналов, с глубоким прискорбием узнали, что вчера один из наиболее уважаемых литераторов подвергся аресту после вторичного обыска, произведенного у него на квартире полицией.

Известие это тем более поразило нас, что еще недавно обнародован был закон об отделении судебной власти от полиции; закон, по которому каждый из русских подданных огражден от произвольного вторжения полиции в его жилище. Вся русская литература с сочувствием приветствовала появление этого закона, никак не ожидая, что благодеяние его не распространяется на одних служителей литературы.

Мы не знаем, в чем обвиняется М. И. Михайлов, и сам г. Михайлов, как говорят, не знает этого. Мы знаем только, что вся литературная деятельность этого писателя направлена была к самым благородным и высоким целям и постоянно клонилась к уменьшению в человечестве страданий и преступлений, а не к увеличению их. Поэтому мы никак не можем допустить, чтобы г. Михайлов мог быть виновен в каком-либо чрезмерном преступлении, для которого необходимо было забвение всех установленных по наказу судебных следователей правил. Соображения эти дают нам смелость обратиться к вашему сиятельству, как к прямому и естественному защитнику русской литературы, с убедительнейшей просьбой принять под свою защиту дальнейшую участь г. Михайлова — как одного из лучших и благороднейших представителей литературы. По нашим законам, интересы каждого подданного ограждены, при судебно-полицейском следствии, заступничеством и присутствием депутата от того сословия или ведомства, к которому принадлежит обвиняемый. Одни только литераторы лишены этой защиты. Смеем думать, что они не заслужили такого печального исключения из общих правил народа. Поэтому мы льстим себя надеждой, что ваше сиятельство не откажете защитить интересы литераторов в нынешнем прискорбном для них случае и примете к сердцу глубокое несчастье, постигшее одного из лучших наших товарищей. Г. Михайлов живет одним только литературным трудом. Занятия его внезапно прерваны к ущербу его собственных интересов и интересов литературы. Г. Михайлов арестован и лишен всякой помощи, всякой защиты. Неопытный в судебно-политических делах, он может быть запутан в ущерб истине и справедливости. Позвольте, граф, надеяться, что вы не откажете испросить освобождения г. Михайлова, а если этого невозможно, то, по крайней мере, исходатайствуете дозволение назначить к нему в помощь по нашему избранию депутата для ограждения его гражданских прав во время судебно-полицейского исследования поступков, в которых он обвиняется».

Письмо подписано следующими фамилиями: Николай Альбертини, Александр Афанасьев-Чужбинский, Константин Бестужев-Рюмин, Григорий Благосветлов, Николай Вессель, Александр Гиероглифов, Степан Громека, Владимир Зотов, Дмитрий Кожанчиков, Андрей Краевский, Валериан Кречинин, Василий Курочкин, Григорий Елисеев, Николай Крон, граф Кушелев-Безбородко, Петр Лавров, Сергей Максимов, Дмитрий Минаев, Иосиф Паульсен, С. Н. Палаусов, Михаил Стопановский, Николай Степанов, Николай Добролюбов, Михаил Достоевский, Аполлон Майков, Алексей Писемский, Иван Панаев и Николай Некрасов.

Писарев и Шелгунов.— Подобно Михайлову, и прочие члены названного выше литературного кружка не были чужды преступной деятельности по осуществлению на практике вредных учений, проводимых ими в сознании общества путем журнальной литературы. Так Писарев, сотрудник «Русского слова» и наиболее чтимый молодежью популяризатор материалистических воззрений, оказался по следствию, произведенному в 1862 г., причастным к делу об устройстве студентом С.-Петербургского

университета Баллодом первой подпольной типографии, где между прочими преступными изданиями была напечатана статья Писарева «Русское правительство под покровительством Шедоферроти». Памфлет, направленный против барона Фиркса, выступившего в заграничной печати под псевдонимом Шедоферроти против революционной деятельности Герцена. Последствием этого дела для Писарева было присуждение его Правительствующим сенатом к заключению в крепости на 2 года и 8 месяцев. Другой сотрудник того же «Русского слова», отставной подполковник корпуса лесничих Шелгунов, привлекался к делу о составлении возмутительных воззваний к «солдатам» и распространении другого не менее возмутительного листка к «барским крестьянам»; по решению генерал-аудиториата он присужден к ссылке на жительство в одну из отдаленных губерний под строгий надзор полиции.

Лавров и Зайцев.— Наконец, известный в настоящее время эмигрант Лавров *, бывший в начале шестидесятых годов преподавателем Михайловской Артиллерийской Академии, и литератор Зайцев, товарищ Шелгунова и Писарева по изданию «Русского слова», оказались скомпрометированными по делу Каракозова и, после административного взыскания, оба эмигрировали.

Мнение графа Муравьева о тогдашней журналистике.— Всеподданнейшая записка, поданная 9 июня 1866 г. во время производства дела о Каракозове председателем особой следственной по сему делу Комиссии генералом от инфантерии графом Муравьевым, признает вредное влияние печати на молодежь одной из главных причин, подготовивших злодеяние 4 апреля. В ней говорится: «Настоящее прискорбное дело является последствием полного нравственного разврата нашего молодого поколения, подстрекаемого и направляемого к тому в продолжении многих лет необузданностью журналистики и вообще печати, которая, проповедуя социалистические и в высшей степени разрушительные начала, постепенно колебала основы религии, общественной нравственности, чувство верноподданнической преданности к государю и повиновения властям». Те же мысли высказываются еще с большей определительностью в заключительном докладе графа Муравьева 9 августа 1866 г. «Общий ход дела ясно указывает, что редакторы и сотрудники некоторых журналов, разделяя противоправительственные идеи, систематически распространяли в продолжении многих лет всевозможные разрушительные учения, стремящиеся к ниспровержению порядка и государственного управления. Лица сии, более или менее состоящие уже на замечании правительства, были в сношениях с государственными преступниками и вместе с своими сотрудниками по редакции составляли те социалистические, противоправительственные средоточия, которые при слабом местном за ними надзоре, прикрываясь легальностью предоставленного им права издания, безвозбранно группи-

* Деятельность Лаврова за границей с 1870 г., т. е. со времени его побега из административной ссылки, посвящена не только популяризации идей позитивизма и социализма, но и борьбе с существующим порядком в России. В начале семидесятых годов, сплотив своим влиянием кружки русской учащейся молодежи в Швейцарии и Париже в тайное общество, члены которого, возвратившись в отечество, стали в ряды первых пропагандистов, он руководил их действиями посредством издаваемого им журнала «Вперед» вплоть до возникновения в русских социалистических кружках народнического направления (1877 г.). В последнее время Лавров присоединился к народовольческой программе, провозгласившей необходимость политической борьбы с правительством, и состоит одним из редакторов «Вестника Народной воли», о предстоящем выходе в свет коего последовало в недавнее время объявление.

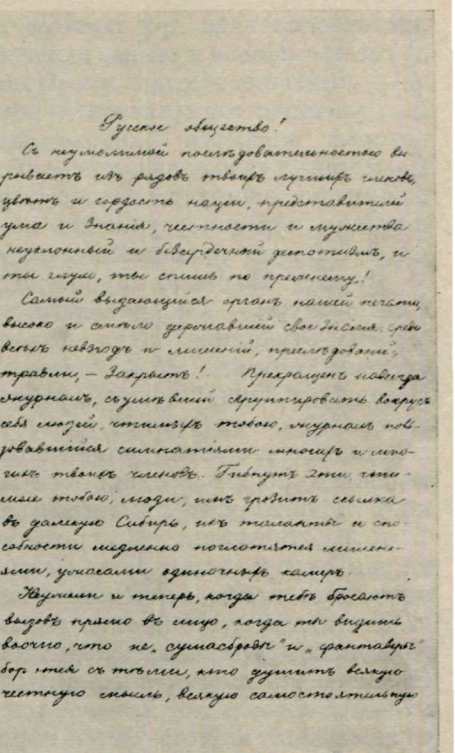
Не менее вредным борцом в журнальном походе против основ современного быта был другой эмигрант, Зайцев, умерший в январе 1882 г. в Кларане после тринадцатилетнего пребывания за границей, где он состоял членом Международного общества рабочих и участвовал в издании женевского журнала «Общее дело». В февральском номере за 1882 г. этого журнала почтена его деятельность соответственным некрологом.

ровали вокруг себя все нечистые и зловредные элементы общества и гласно посредством своевольной прессы громили основы общественной нравственности и государственного строя». В дальнейшем изложении дела доклад продолжает: «Комиссией также обнаружены в столицах некоторые отдельные тайные деятели, которые под фирмой литературных занятий были руководителями разных социалистических изданий, переводов, учебников для народа и иных книг, в видах распространения социалистического учения. Они также были участниками в составлении разных обществ, читален, артелей, бесплатных школ и иных учреждений, имевших целью под видом благотворения соединять и объединять в социалистическом и противоправительственном направлении мысли молодого поколения».

Закрытие «Современника» и «Русского слова». Их возрождение в иной форме.— В связи, очевидно, с этими разоблачениями последовало распоряжение о прекращении издания журналов «Современник» и «Русское слово», закрытых по особому высочайшему повелению.

Мероприятию этому не суждено было, однако, положить предел деятельности литературных кружков, сплотившихся в редакциях закрытых журналов: редакция «Отечественных записок», издаваемых тем же Краевским, который обратил на себя внимание еще в 1848 г., гостеприимно раскрыла свои двери кружку «Современника», распределив его силы между обоими изданиями Краевского (кроме «Отечественных записок», Краевский издает, как известно, ежедневную литературно-политическую газету «Голос»), издатели же «Русского слова» основали журнал «Дело». Необходимо, впрочем, оговориться, что последнее издание, поставленное при самом его возникновении в особые цензурные условия, хоть и не изменило вредного направления, отличавшего журнал той же литературной клики, тем не менее, будучи лишено возможности проводить это направление с прежней резкостью, пользуется весьма ограниченным кругом читателей, так как подписчики предпочитают ему «Отечественные записки», «Вестник Европы» и издаваемую с недавнего времени в Москве «Русскую мысль», т. е. журналы, где с большей определительностью высказываются суждения о необходимости заменить устаревшие формы общежития новыми, положив в основу конституционные теории или мечтания социально-революционного направления.

Журналистика конца шестидесятых и начала семидесятых годов.— Время конца шестидесятых и начала семидесятых годов было периодом осуществления ряда преобразований, задуманных еще в начале прошедшего царствования: земское и городское самоуправление в связи с судебной реформой, открывали, казалось, пути всестороннему развитию и мирному преуспеванию общественных сил. По-видимому, периодической печати также открывалась возможность путем уяснения плодотворных начал, положенных в основу совершившихся изменений в общественном строе, сослужить службу обновленной России, закрепив в то же время, на почве благоговейной признательности, вековую связь между верховной властью и народом, которой искони был силен наш государственный строй. В действительности оказалось иначе: журналы, а за ними и газеты, злобно радуясь всякой неудаче правительства, не переставали представлять себя как бы инициаторами в совершенных преобразованиях, ослабляя или стушевывая значение в них самой власти. Объединяясь общим чувством неприязни не только к правительству, но и к русскому народу (этой по характерному выражению «Голоса» того времени «святой скотине»), журнализм вредно отзывался на существовании противоправительственных течений в земских собраниях, городских думах, ученых обществах, нагло издеваясь над неудавшимся по мнению либеральных экономистов «Вестника Европы» и «Отечественных записок» делом освобождения



ОБРАЩЕНИЕ «ОБЩЕСТУДЕНЧЕСКОГО СОЮЗА» К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ В СВЯЗИ С ЗАКРЫТИЕМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Включено в литографированное издание «Сказок для детей изрядного возраста М. Е. Салтыкова» (выпуск II. Изд. «Общестуденческого союза». Москва, апрель 1884 г.)

Обложка и текст обращения

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

крестьян, обделенных будто бы при наделе их землей. Наряду с ними в периодической прессе не иссякала струя антигосударственной пропаганды. Для исследования этой стороны деятельности нашей прессы за конец 60-х и начало 70-х годов представляют интерес мотивы некоторых взысканий, постигших тогда повременные издания: а) журналу «Деятельность» объявлено предостережение за оправдание проступков воспитанников учебных заведений относительно их наставников; б) то же явление, а именно возбуждение в учащихся как неуважения к учащимся и преподавателям, так и неудовольствия против вводимой системы образования, удостоверено Управлением по делам печати и по отношению к «Отечественным запискам»; в) «С.-Петербургские ведомости», редактированные в то время Валентином Коршем, обратили на себя внимание корреспонденцией профессора Казанского университета Лесгафта (о нем, как о наиболее симпатичном ей учителе, вспоминает в своих показаниях известная Вера Фигнер), в которой он публично, в крайне неприличной форме порицал свое начальство, попечителя Казанского учебного округа и Университетский совет. Наконец, г) журнал «Всемирный труд», издававшийся евреем Ханом, был закрыт по высочайшему повелению, так как в статьях его выражалось сочувствие начинавшейся тогда революционной пропаганде в народе и обнаруживалось стремление подорвать уважение к правительственным властям, постоянно проводить в читающую массу социа-

листические идеи при полном отрицании основных религиозных начал. д) газета «Новое время», выходившая в то время под редакцией Нотовича — нынешнего редактора «Новостей», выразила явное сочувствие к вредным учениям социалистов и резкое порицание экономических основ, на которых зиждется жизнь благоустроенных гражданских обществ, и е) журнал «Неделя» в статье «Реальное мышление» поместил апологию так называемому нигилистическому реализму и сочувственные отзывы по отношению к распространению ложных и вредных понятий, извращающих общественную нравственность.

Период хождения пропагандистов в народ. Народническая школа в литературе.— Молодое поколение, выраставшее в атмосфере легкомысленного отрицания начал, положенных в основание его образовательной системы, прежде всего сделалось жертвой журнальной пропаганды. Вслед за обильной жатвой, собранной Нечаевым в среде высших учебных заведений обеих столиц как ведомства министерства народного просвещения, так и прочих, стали возникать повсеместно не только в этих заведениях, но и в средних так называемые кружки саморазвития, члены коих стали изучать сочинения: Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Бакунина, Прудона и Лассаля. Несколько месяцев подобной школы превращали кружки саморазвития в политические клубы, где обсуждались наиболее сложные государственные и общественные вопросы. Не заставившее себя долго ждать решение этих вопросов вызвало в молодежи новое стремление: поделиться плодами своего мышления с народом. Не опасаясь впасть в ошибку, позволительно утверждать, что революционный период так называемого «хождения в народ» создан двумя группами: одной из них были парижские и швейцарские адепты Лаврова, другие — члены кружков саморазвития, руководимые лицами, прошедшими школу заговорщиков каракозовского и нечаевского периода. Журналистика, конечно, не замедлила отозваться на этот ею же подготовленный порыв молодежи: в повременных изданиях появился целый ряд произведений народнической беллетристики, в которых или популяризовался западноевропейский социализм или же, рядом измышленных или ложно освещенных явлений народного быта, доказывалось бедственное положение народа (сочинения Наумова, Глеба Успенского, Златовратского и т. п.). Эти произведения на первое время и служили орудием пропаганды, стремившейся привить народу чувство недовольства его положением и внести в его сознание учение, признаваемое фанатиками социализма средством врачевания всех общественных зол.

Некрасов.— Здесь нельзя пройти молчанием то губительное влияние, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя, стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением.

Двиньтесь вперед,
Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте, спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.

Тот же Некрасов с злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое, конечно, постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающих. Глубокое впечатление производили следующие места его стихотворений:

В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,

И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Какое ж адское коварство
Он помышлял осуществить —
Разрушить думал государство
Или инспектора побить.

Или:

В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел
Подле лица молодого прекрасного
С саблей усач...
Брат, удаленный с пóста опасного,
Есть ли там смена? Прощай.

А также:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка.

Группа народников-пропагандистов и отношение печати к первым политическим убийствам.— Период социалистической пропаганды среди народа завершился в феврале 1878 г. процессом 193-х. Приговор суда возвратил свободу большей части обвиняемых. Почти все освобожденные судом тотчас же вступили в ряды нового тайного общества, образовавшегося в Петербурге в 1877 г. по уставу, составленному Юрием Богдановичем (Кобозевым) и Иванчиным-Писаревым. Новое общество, не отказавшись вовсе от распространения в народе учений, которые должны были вести к разрушению существующего строя, включило в программу своей деятельности устройство в Петербурге центрального кружка для объединения провинциальных групп, занятых пропагандой, и для борьбы с правительством, допускавшейся по первоначальному уставу лишь для защиты партийных интересов. Ввиду этого крамола стала стягивать в столицу лучшие свои силы в сознании, что решительный момент действительно наступает. Покушение на жизнь генерал-адъютанта Трепова, убийство шефа жандармов Мезенцева, выстрел в генерал-адъютанта Дрентельна и злодеяния Соловьева были выдающимися событиями этого времени. Наряду с обострившейся деятельностью революционеров-практиков стало заметным напряжение сил и в лагере журналистов, сочувствующих революционному движению. Всем памятны статьи, сопровождавшие оправдание Веры Засулич, и наиболее замеченная из них статья Григория Градовского в фельетоне «Голоса». Но напряжение это сказалось не только в подъеме тона журнальной полемики с законным порядком, оно выразилось в возникновении ряда новых журналов, издатели и сотрудники коих оказались в непосредственном общении с вожаками крамолы. К числу таких изданий следует отнести журнал «Знание» и газеты «Русская правда» и «Северный вестник».

Журнал «Знание». «Русская правда» и «Северный вестник».— Издателем «Знания» был литератор Гольдсмит, женатый на одной из цюрихских студенток, подруге Веры Фигнер: в то время как в его журнале находили себе помещение исключительно статьи материалистического содержания, контора редакции была сборным пунктом всех выдающихся деятелей народнического сообщества и служила им конторой посреднических услуг для сношений с провинциальными группами. Удостоверено это было в январе 1878 г. при аресте возвращавшейся из Петербурга в Самару дворянки Чепурновой, которая, приехав по своим делам в Петер-

бург, была рекомендована Верой Фигнер супругам Гольдсмит, прожила у них несколько недель и, уезжая из Петербурга, взяла с собой для доставления в Самару письма и посылки, предназначавшиеся Иванчину-Писареву, Юрию Богдановичу и др. лицам, действовавшим в то время в Самарской губернии, в составе образовавшегося там незадолго перед тем социалистического поселения. Случай с Чепурновой прошел для Гольдсмита безнаказанно и лишь впоследствии, ввиду снова полученных указаний на его сношения с революционной средой, он был выслан административным порядком из столицы.

«Северный вестник», прекращенный после непродолжительного существования по особому высочайшему повелению за вредное направление, был издаваем присяжным поверенным Коршем, сыном бывшего издателя «С.-Петербургских ведомостей», при содействии группы молодых людей, принимавших участие и в подпольной литературе изданием листка с социалистическим направлением «Начало».

Некоторые из этих молодых людей были сотрудниками «Вестника», другие заведовали его хозяйственной частью. Из числа последних отставной мичман Луцкий в 1878 г. был привлечен к делу о распространении подпольных изданий: помянутого выше листка и появившейся впервые около этого времени революционной газеты «Земля и Воля», содержался в тюрьме более года, а затем, по освобождении, эмигрировал за границу. Что же касается до самого издателя, то о нем казненный ныне государственный преступник Квятковский свидетельствовал, что Корш был хранителем денежных средств народнической партии и часть этих средств утаил. (Корш сослан в Сибирь за мошенничество по делу с церемониймейстером князем Урусовым).

Не более продолжительным было существование и другой газеты противоправительственного направления, «Русской правды», выходившей под редакцией отставного поручика лейб-гвардии саперного батальона Дмитрия Гирса, причем хозяйственная часть газеты была ведена дворянином Головиным. Головин в 1879 г. судился в петербургском военно-окружном суде за укрывательство государственного преступника Мирского, которого он, после совершения Мирским покушения на жизнь генерал-адъютанта Дрентельна, поместил на квартире родственников своей жены. Для характеристики Гирса и той среды, взгляды и убеждения которой должны были найти себе выражение в его газете, необходимо привести из Архива III Отделения следующий эпизод:

4 июля 1868 г. утонул в м. Дуббельне, около Риги, сотрудник «Русского слова» Дмитрий Писарев. Тело его с дозволения министра внутренних дел было перевезено в С.-Петербург и погребено на Волковском кладбище, рядом с могилой Белинского и Добролюбова.

Похоронами распоряжался издатель сочинений Писарева отставной артиллерии поручик Флорентий Павленков. Им заказан для покойного гроб без креста и открыта без надлежащего разрешения подписка на памятник Писареву. На могиле последнего произнесены были речи Павленковым, литераторами Благосветловым и Гайдебуровым и отставным поручиком Дмитрием Гирсом, который в своей речи отрицал между прочим бессмертие души.

По распоряжению III-го Отделения были задержаны: Павленков, Гирс и состоявшая с Павленковым в любовной связи сестра покойного Писарева девица Вера Писарева. При этом оказалось, что Павленков проживал без прописки вида у товарища своего по Артиллерийской академии, воспитателя 2-й военной гимназии, артиллерии штабс-капитана Владимира Черкасова. Произведенным в квартире последнего обыском обнаружено множество запрещенных заграничных изданий, портреты государственных преступников, стихи и карикатуры на правительственных

лиц и обширная переписка Павленкова с девицей Писаревой и товарищами по корпусу и Артиллерийской академии в высшей степени предосудительного содержания.

По административному распоряжению Павленков, как личность с зловредным и враждебным направлением, выслан в одну из отдаленных губерний под надзор полиции с воспрещением на будущее время издательской деятельности и въезда в столицы. Гирс также выслан под надзор полиции в одну из отдаленных губерний на два года с правом по истечении этого срока избрать себе другое местожительство за исключением столиц; Писарева отправлена к родителям в Тульскую губернию под их поручительство и надзор местных властей. Черкасов удален от должности воспитателя при военной гимназии.

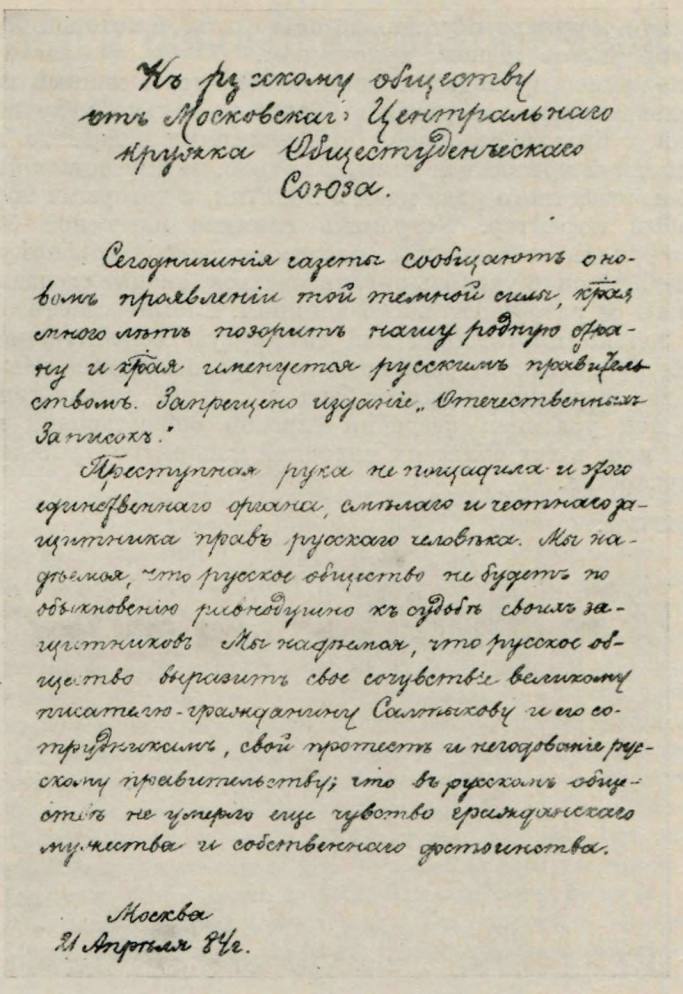
«Русская правда» в 1879 г. была приостановлена за вредное направление на четыре месяца и в том же году, вслед за возобновлением издания, подверглась той же каре, но уже на пять месяцев. По истечении этого последнего срока газета больше не появлялась.

Терроризм и новые веяния.— Два года, предшествовавшие катастрофе 1-го марта, были временем наиболее благоприятным для противоправительственных элементов. При ретроспективном обзоре этого времени нельзя не заметить, что, параллельно росту подпольной борьбы, на столбцах журналов и газет получили особое развитие так называемые новые веяния.

Осенью 1879 г. наиболее энергичные люди различных революционных групп того времени сомкнулись для ниспровержения законного порядка в крепкую организацию: «Исполнительный комитет Народной воли», поставивший себе ближайшей целью привести в расстройство правительство рядом террористических актов. Члены «Исполнительного комитета» обширными связями в тех общественных слоях, в которых революционная идея всегда была популярна, главным образом в среде лиц так называемых либеральных профессий и молодежи высших учебных заведений, обеспечили новой организации и денежные средства и значительное количество людей, готовых на всякую услугу тайному обществу. Ряд злодеяний ознаменовал разрушительную деятельность «Исполнительного комитета», и через восемнадцать месяцев после Липецкого съезда ему удалось покрыть позором Русскую землю, обагрив ее мученической кровью царя-освободителя. Политические журналы и газеты во второй половине указанного двухлетнего периода, заручившись небывалым дотоле влиянием на ход государственного управления путем непосредственного воздействия некоторых представителей литературных кружков либерального пошиба на деятелей высшей администрации, усыпляли бдительность последних обманчивыми и льстивыми уверениями об ослаблении противоправительственного движения, которое будто бы потеряло смысл существования вследствие принятого правительством решения удовлетворить общественным требованиям об увенчании здания совершившихся реформ введением правового порядка (для популяризации этого порядка открыта была издателем «Вестника Европы» Стасюлевичем особая газета). Одновременно, однако, с этим, увлекавшим правительственные сферы потоком либеральных веяний, замечалось в журналистике и иное течение, подготовлявшее умы к более радикальному решению вопросов государственного и общественного быта, чем то, которое могла предложить западноевропейская система управления, перенесенная на русскую почву. Направление это, свив себе гнездо в некоторых изданиях, как например, в «Неделе», закрытом в 1880 г. «Слове», отчасти в «Москве» и «Русском курьере», наполняло столбцы этих газет сведениями о народных бедствиях и рассуждениями о темных явлениях русской жизни, исцеление коих возможно лишь путем полного изменения форм общест-

венного быта и коренного переустройства государственного строя. В показании государственного преступника Рысакова, вступившего вслед за совершением им злодеяния на путь откровенных признаний,— имеется характерное указание на значение, которое имели в 1880 г. некоторые легальные издания. Передавая следователю различные сведения о деятельности террористического кружка в Петербурге и знакомя его с приемами пропаганды среди рабочих, в которой Рысаков участвовал сам, он, между прочим, показал, что для просвещения рабочих были употребляемы, конечно, подпольные издания, когда же таковых в распоряжении агитатора почему-либо не оказывалось, обращались к упомянутой уже «Москве» (редактор Полетика), и «Стране» (редактор Полонский). Давая это показание, Рысаков, конечно, не знал передовой статьи первого из указанных им изданий по поводу злодеяния 1-го марта. Это потрясающее событие, вызвавшее ужас и негодование в целом мире, дало редакции «Москвы» случай в день погребения усопшего императора объявить во всеуслышание публичного слова, что он пал жертвой недостаточно решительного его образа действий в вопросе о даровании управляемой им стране политической свободы.

Современное отношение прессы к законному порядку.— В заключение этого очерка представляется полное основание утверждать, что в течение последних двух лет периодическая пресса, разумея при этом большинство распространенных столичных журналов и газет, не оставляет прежнего оппозиционного отношения к правительству, проявляя это отношение более или менее резко в зависимости от большей или меньшей энергии в способах проявления правительственного за ней надзора. Нельзя не признать, что Управлению по делам печати удалось в течение истекшего года рядом решительных мер уменьшить число изданий с противоправительственной программой. Едва ли, впрочем, ему будет под силу сломить окончательно враждебное существующему порядку настроение прессы, до тех пор, по крайней мере, пока состав литературного кружка, руководящего журналами и газетами, не изменится. В настоящее же время кружок этот состоит почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против существующего порядка вещей. В Петербурге десять изданий, и в том числе наиболее читаемых публикой, ведутся людьми, фамилии которых упоминаются в предыдущем изложении, или же были достоянием политических процессов. Таким образом, «Отечественные записки», издаваемые Краевским, редактируются Салтыковым (Щедриным) при деятельном участии Григория Елисеева и Михайловского, в сотрудничестве с несколькими ссыльными и поднадзорными. Об Елисееве было упомянуто выше. Что же касается до Михайловского, то поводы его недавней высылки из Петербурга (возбуждение молодежи в речи, произнесенной на балу в Технологическом институте) достаточно выясняют его воззрения на жгучие современные вопросы. Тому же Краевскому принадлежит «Голос». Связанные с «Вестником Европы» имена Стасюлевича и Пыпина (наиболее близкого человека к Чернышевскому) объясняют в достаточной мере направление издания, особливо же если при этом иметь в виду, что журнал избирает своих сотрудников или в среде эмигрантов и поднадзорных, или же в кружках писателей народнической группы: в последних книжках журнала обращает, например, внимание статья: «Очерк новейшей итальянской литературы» (приписываемая убийце генерал-адъютанта Мезенцева Кравчинскому), сочувственно относящаяся к современным итальянским писателям наиболее крайнего лагеря по их политическим и экономическим воззрениям. «Дело», принадлежащее вдове Благосветловой, находится в аренде у подполковника Шелгунова и еще недавно выходило под редакцией отставного лейтенанта Станюковича, дяди государственного преступника Тригони,



Къ русскому обществу
отъ Московскаго Центральнаго
кружка Общестуденческаго
Союза.

Сегодняшняя газета сообщаетъ о новомъ проявленіи той темной силы, которая много лѣтъ позоритъ нашу родную страну и которая именуется русскимъ правительствомъ. Запрещено изданіе „Отечественныхъ Записокъ."

Преступная рука не пощадила и этого единственнаго органа, смѣлаго и честнаго защитника правъ русскаго человѣка. Мы надѣемся, что русское общество не будетъ по обыкновенію равнодушно къ судьбѣ своихъ защитниковъ. Мы надѣемся, что русское общество выразитъ свое сочувствіе великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникамъ, свой протестъ и негодованіе русскому правительству; что въ русскомъ обществѣ не умерло еще чувство гражданскаго мужества и собственнаго достоинства.

Москва
21 Апрѣля 84 г.

ВОЗЗВАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КРУЖКА «ОБЩЕСТУДЕНЧЕСКОГО СОЮЗА» ПО ПОВОДУ ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Литографированное издание. Москва, 21 апреля 1884 г.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

и лица, изобличенного в укрывательстве государственных преступников Мирского и Любатович. «Неделя» издается Гайдебуровым, участником похорон Писарева, этой антиправительственной и антирелигиозной манифестации. «Новости» в руках у Нотовича, доказавшего свою неблагонадежность еще в то время, когда им было издаваемо «Новое время». «Русское богатство» принадлежит Леониду Оболенскому, судившемуся и осужденному по Нечаевскому процессу. «Судебная газета», далее, ведется, при подставных редакторах, Григорием Градовским, автором известной статьи по поводу оправдания Веры Засулич и оратором всех манифестационных с противоправительственной целью сборищ. «Восточное обозрение», посвященное преимущественно интересам Сибири, издается бывшим государственным преступником Ядринцевым, наконец, «Устои» обязаны своим существованием кружку лиц, причисляющих себя, по выражению руководителя кружка минского еврея Венгерова, к партии «непримиримых». Редактор «Устоев» этот же Венгеров; известен, кроме того, по по-

мещенной им в журнале «Русская мысль» статье, в которой он уподобляет русских террористов первым христианам.

Все изложенное приводит к заключению, что в данный исторический момент правительство находится в борьбе не только с кучкой извергов, которые могут быть переловлены при успешных действиях полиции, но с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, т. е. с миром известного рода идей и понятий, с которыми борьба должна иметь особый характер. Устранить влияние известной литературной клики на журнальное дело, т. е. расстроить внешнюю форму, в которую этой враждебной силе удалось организоваться, значит сделать только шаг к ослаблению ее разрушительного влияния. Сломить же ее окончательно возможно только противопоставив ей другую подобную же духовную силу — силу религиозно-нравственного перевоспитания нашей интеллигенции, а такой результат может быть достигнут только годами усилий и притом под условием введения строгой общественной дисциплины, по крайней мере в тех областях народной жизни, которые доступны контролю государства.

24 августа 1883 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДЕЯТЕЛЕЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА Л. И. МЕЧНИКОВА

Вступительная статья и публикация А. К. и О. В. Лишиных

ЛЕВ МЕЧНИКОВ — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУБЛИЦИСТ И УЧЕНЫЙ

Русское общественное движение второй половины XIX в. формировало людей, многие из которых поражают историков своей исключительностью. Различными были пути и масштабы их деятельности, но верность идее освобождения народа составляла их главную отличительную черту. Борьбе за эту идею они отдавали все свои силы и всю свою жизнь.

Нередко случалось, что условия подполья или неустроенность эмигрантской жизни мешали накоплению и сохранности личных архивов. Далеко не все успели оставить потомкам свои воспоминания. В результате имена некоторых бойцов того славного времени лишь с опозданием на десятилетия смогли занять подобающее им место в летописях русского революционного движения и в истории русской общественной мысли.

К ним относится имя Льва Ильича *Мечникова* (1838—1888) — публициста и художника, беллетриста и социолога, путешественника и педагога, революционера и ученого, на долю которого выпала почетная и сложная задача — почти тридцать лет представлять за границей русскую революционную мысль, русскую культуру и науку. Несмотря на давний интерес историков и литературоведов к жизни и деятельности Мечникова, его научная биография до сих пор еще не составлена, не изучено сколько-нибудь обстоятельно его литературное и научное наследие, не освещена его роль в русском и международном общественном движении того времени. Причина кроется не только в недостатке документальных источников. Слишком уж широк диапазон его интересов и круг вопросов, которые он рассматривал в своих работах — авторских и переводческих (Мечников владел более чем десятью языками, в том числе японским, китайским, турецким и арабским). Кроме того, часть трудов, особенно научных, была написана им на иностранных языках и опубликована в разное время в самых разных зарубежных изданиях [1]. Задача осложнялась и тем, что значительную часть своих работ, преимущественно на русском языке, он подписывал псевдонимами или криптонимами [2].

За двадцать восемь лет эмигрантской жизни Мечников, в качестве ученого и журналиста, успел объездить, не считая европейских стран, Ближний Восток, Северную Африку, Японию, побывать в Корее, Индокитае, Китае, Соединенных Штатах Америки, принять участие в русском, польском, итальянском, испанском, французском революционном движении. Он внес весомый вклад в борьбу колониальных народов за свою независимость, стал выдающимся географом-ориенталистом, одним из первых русских востоковедов, написал и издал десятки статей по вопросам этнографии, антропологии, истории, литературы, экономики, социологии, психологии, педагогики, истории религии, ряд политических обзоров и путевых заметок, две научных монографии.

Его педагогическая деятельность в Швейцарии и Японии снискала ему репутацию талантливого педагога и просветителя. Его знали и уважали многие современники. Имя его известно историкам различных стран, а в некоторых из них, например, в Японии, оно окружено глубоким уважением.

Личный архив Мечникова дошел до нас как составная часть архива его приемной дочери Н. В. Кончевской [3]. Официальные справки о Мечникове и другие материалы, касающиеся его семьи, можно найти в делах департамента полиции [4]. Кроме того, неопубликованные письма Мечникова к Л. Ф. Маклаковой (Нелидовой) сохранились в ее архиве [5].

Все эти документы — письма Мечникова, а также письма, адресованные ему и его жене, Ольге Ростиславовне (по первому мужу Скарятиной), записные книжки, рукописи и гранки статей, дорожные паспорта и визитные карточки, проспекты публичных лекций, газетные вырезки, некрологи, рукописные воспоминания О. Р. Мечниковой, фотографии, стихи и рисунки — позволяют полнее представить образ Мечникова, известный до сих пор по воспоминаниям современников, по очеркам его первых биографов и исследователей и по весьма немногим документальным источникам. С этой точки зрения заслуживают внимания также беллетристические и мемуарные произведения Мечникова. Среди них, помимо широко известных «Записок гарибальдийца» [6] и воспоминаний о Бакунине [7], следует назвать повести «Смелый шаг» [8] и «На всемирном поприще» [9], которые носят, как нам удалось установить, автобиографический характер.

Особый интерес представляют материалы, касающиеся второй половины жизни Мечникова, освещенной в отечественных исследованиях значительно слабее, чем первая, связанная с Италией, гарибальдийским движением и участием в деятельности «молодой эмиграции» [10].

1

Лев Ильич покинул Россию в 1859 г. в составе направленной в Малую Азию дипломатической миссии генерала Мансурова, где он занимал место переводчика. Сведения о раннем периоде жизни Мечникова, почерпнутые главным образом из неоконченных воспоминаний его жены, из автобиографической повести «Смелый шаг» и ряда архивных документов, можно найти в статье А. К. Лишиной «Русский гарибальдиец Лев Ильич Мечников», посвященной первой половине жизни Мечникова и его связям с итальянским освободительным движением [11].

Не повторяя здесь сказанного в этой статье, отметим только, что первое открытое выступление Мечникова на стороне русской революционной эмиграции прозвучало летом 1863 г. на митинге во Флоренции, где он горячо высказался в защиту польских повстанцев. Герцен в «Колоколе» назвал это выступление «первым словом проснувшейся русской совести»[12]. Осенью 1863 г. произошла встреча Мечникова с Герценом на парадном обеде во Флоренции, устроенном эмигрантами в честь патриарха русской бесцензурной печати [13]. А вскоре Мечников по просьбе Герцена взял на себя переброску, «верную и даже безденежную», лондонских изданий из Ливорно в Константинополь и далее в Одессу [14]. По нашим данным, деятельность Мечникова по пересылке через итальянских подпольщиков нелегальной литературы непосредственно в Петербург, Николаю Курочкину, продолжалась и в январе 1865 г. (*Лишина*, с. 184—185). Таким образом, начало сотрудничества Мечникова с русской революционной эмиграцией следует отнести к лету и осени 1863 г.

Спустя год, в декабре 1864 г., Мечников с семьей переезжает из Италии в Швейцарию, в Женеву. Есть основания полагать, что до отъезда он успел побывать в Цетинье, где его радушно встретили черногорские повстанцы, однако к участию в боях с турками они его не допустили. Намек на этот эпизод можно найти в повести «На всемирном поприще», где описан визит главного героя в Цетинье, его переговоры с руководителями повстанцев и дана зарисовка черногорского костюма, висящего в комнате героя рядом с рубашкой гарибальдийца [15].

Интерес и горячее сочувствие к национально-освободительной борьбе угнетенных народов всегда были отличительной чертой Мечникова. Сочувствие это, как правило, не оставалось теоретическим. Об этой его черте свидетельствует, в частности, рекомендательное письмо, полученное им в связи с поездкой в Испанию в октябре 1868 г. Письмо составлено от имени Польского центра Всеобщего республиканского союза «Ognisko republicanckie Polskie» * и подписано Людвиком Булевским, одним из руководителей левого крыла польских революционеров, человеком, связанным с Марксом и решительно выступавшим накануне восстания 1863 г. за наделение землей польских крестьян. Письмо написано по-французски. Его текст в переводе на русский язык гласит: «Мы рекомендуем гражданина Мечникова, капитана при штабе корпуса под

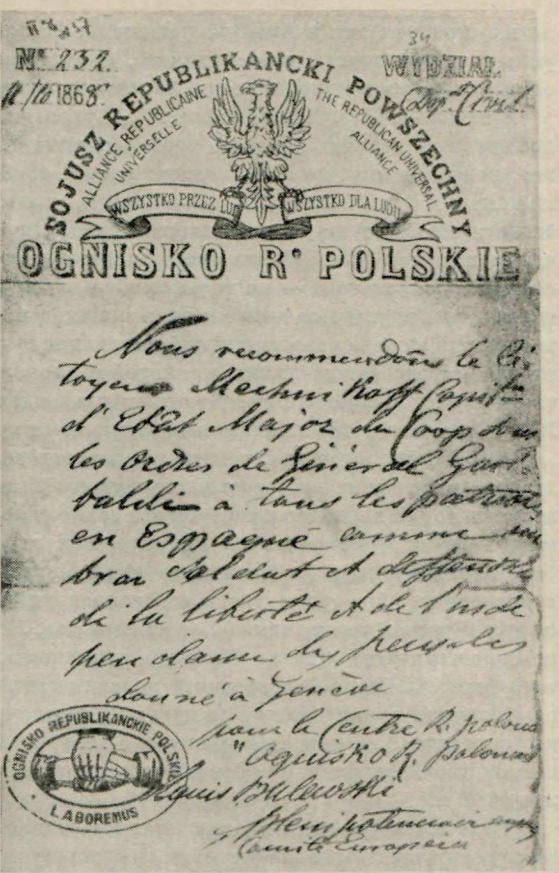
* «Польский республиканский светоч» или «очаг» (*польск.*).

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, ВЫДАННОЕ Л. И. МЕЧНИКОВУ ОТ ИМЕНИ СОЮЗА «ПОЛЬСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ОЧАГ»:

«Мы рекомендуем гражданина Мечникова, капитана при штабе корпуса под командованием генерала Гарибальди, всем патриотам в Испании как храброго солдата и защитника свободы и независимости народов»

Женева. Октябрь 1868 г.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва



командованием генерала Гарибальди, всем патриотам в Испании как храброго солдата и защитника свободы и независимости народов» (*Лишина*, с. 167; см. также наст. страницу).

Поездка Мечникова в Испанию была предпринята им в связи с начавшейся там революцией. Текст рекомендательного письма подтверждает предположение Б. П. Козьмина, что целью поездки было установление контактов между русской революционной эмиграцией и испанскими революционерами [16]. Вместе с тем необходимо отметить, что русские революционеры, в том числе Мечников, еще в августе 1868 г. ясно отдавали себе отчет в характере предстоящей испанской революции: «В Испании собирающиеся генералы все либерального свойства: стало быть, там будет не война, а революция; и это предположение подтверждается отчасти прибытием в Португалию орлеанистского принца Наполеона, начинающего свое поприще кандидата на могущие оказаться вакантными престолы,— герцога Монпансье» [17]. Стоит сопоставить эту характеристику приближающихся событий в Испании с замечаниями относительно задач «настоящего революционаризма» (№ 7, с. 102), чтобы стал понятным иронический смысл приведенного высказывания. Впечатления от поездки в Испанию были изложены Мечниковым в серии статей, опубликованных в «Отечественных записках» (1869, № 2—5, 8, 11, 12).

В начале 1870-х годов Мечников много ездит по странам Западной Европы, что связано, по-видимому, с революционной работой, с оказанием помощи преследуемым парижским коммунарам [18]. Живя в Швейцарии, он, по определению полицейской справки, «очень способствовал развитию социализма и нигилизма в среде русских студентов. . .» [19].

Практическое участие в революционном движении разных стран и характерное для Мечникова пристальное внимание к социальным проблемам не только в Европе,

но и в странах Азии и Америки расширяет его политический кругозор и усиливает его роль революционного пропагандиста. Оружие революционного волонтера, верно послужившее ему в молодые годы, Мечников меняет на перо публициста.

В начале 1867 г. Мечников и Н. И. Жуковский обратились к Н. П. Огареву с предложением об издании русского трехмесячника [20]. Однако это предложение, как и другие, подобные ему, не было поддержано. В 1868 г. Мечников и Н. Я. Николадзе, а по нашим данным еще и С. Я. Жеманов [21], предпринимают издание научно-теоретического и общественно-политического журнала под названием «Современность». Он начал выходить в Женеве в апреле и окончил свое существование на седьмом номере в октябре того же года — не только из-за недостатка средств у его издателей. Была, очевидно, и другая, не менее веская причина прекращения журнала: он не встретил поддержки в среде революционной эмиграции из-за своего направления, существенно отличавшегося как от линии, принятой «Колоколом», так и от взглядов значительной части «молодой эмиграции». Издатели предвидели и такой поворот событий, когда в № 1 «Современности» поместили краткую заметку от редакции:

«Мы предполагаем выпустить под этим заглавием несколько *пробных* нумеров. Если они сумеют заинтересовать читающую публику, мы придадим изданию регулярный периодический характер и сделаем все возможное для того, чтобы оно служило серьезным обозрением современной политической и общественной жизни» (№ 1, с. 2).

До сих пор журнал Мечникова и его соиздателей связывается у литературоведов и историков в первую очередь со скандальной историей, развернувшейся вокруг статьи «Русская эмиграция» («Современность», № 3) и резкого ответа на нее А. А. Серно-Соловьевича в брошюре «Миколка-публицист». Некоторые современные исследователи вслед за Серно-Соловьевичем назвали статью «Русская эмиграция» клеветой на революционную эмиграцию [22]; в одном из справочников по русской журналистике журнал определен как «издание буржуазно-либерального характера» [23]. Непосредственное знакомство с материалами «Современности» показывает, как далеки от справедливости эти оценки.

Издатели журнала, не подписывая ни одной статьи, в шестом номере настоятельно советуют читателям не интересоваться авторством публикуемых материалов. Они предлагают заглядывать «в душу», а не в физиономию редакции, выставляющей напоказ «не фамилии сотрудников или редактора, а знамя или название журнала» (№ 6, с. 82). Это позволяет судить о взглядах Мечникова по всем опубликованным в «Современности» материалам, тем более, что многие из них носят явный отпечаток его литературного стиля [24].

Круг вопросов, поднимаемых журналом, широк. В нем обсуждаются задачи, стоящие перед русскими революционерами, говорится о роли революционера в современном обществе, об обострении социальных противоречий в России в результате половинчатых реформ 1860-х годов, о месте земства в пореформенной России, о роли и месте просвещения в современном обществе, о значении революций в истории общества и о значении так называемых переворотов, с иронией говорится о терроре как средстве борьбы, анализируется роль личности в историческом процессе, выясняется природа либерализма и его буржуазная сущность. Экономическая необходимость оценивается издателями как основа исторического развития. В принципиальной полемике с первым номером «Народного дела» «Современность» критикует «Народное дело» за поверхностное отношение к философской науке, к философии естествознания, за анархистские высказывания против государства, за недостаточное внимание к экономике, недооценку объективных законов общественного развития и революционное прекраснодушие.

Задача революционеров, с точки зрения издателей «Современности», состоит в том, чтобы самым серьезным и добросовестным образом изучать потребности народных масс, их стремления и нужды, с тем, чтобы в момент, когда в силу объективных причин правительственный механизм ослабнет, быть готовыми не только взять, но — и это самое главное — удержать власть. Народные массы, «более всяких агитаторов чувствующие на себе правительственный гнет», являются, по мнению издателей, основной силой революции (№ 7, с. 102—103). Только тот «истинный революционер, кто хоть на волос облегчит тяжелое бремя существования для массы тружеников» (там же). В то же вре-

мя издатели «Современности» считали, что «дело настоящего революционаризма, стремящегося к тому, чтобы людям на свете жилось легче, вольнее и разумнее», нисколько не выиграет, если удастся «выгнать из столицы Икса XXXXVI-го или заставить Зета XXXIX-го подписать лист бумаги» (там же).

Статья «Русская эмиграция», вызвавшая в свое время так много шума, вместе с аналогичной по содержанию статьей «Два поколения» (№ 6), не содержит и тени клеветы на революционную эмиграцию. Острие статей направлено лишь против поверхностного восприятия идей революционного преобразования России. В статьях анализируются настроение и эволюция той части молодежи, которая, усвоив критическую сторону революционной идеологии, и то лишь поверхностно, не имеет за душой никакой серьезной положительной программы, не пытается ее выработать. Эта часть молодежи, лишенная подлинной революционной убежденности, усвоившая лишь идеологию протеста и разрушения, отказывалась в условиях спада революционной волны от борьбы, предавала, как Кельсиев, разочаровывалась, как позднее это случилось со Львом Тихомировым. Именно отсутствие ясной положительной программы было слабым местом многих членов «молодой эмиграции». В специфических условиях эмигрантской жизни такая слабость становилась опасной, мешающей развитию русского революционного движения. Это обстоятельство и заставило издателей «Современности» выступить с резкой критикой революционного прекраснодушия, увлеченности идеями вместо убежденности, догматизма вместо знания жизни. Анализируя причины отступничества Кельсиева, автор статьи «Два поколения» пишет:

«Он пленился идеалами, свыкся с фразами запрещенных книг, влюбился, со слов г. Герцена и наших патриотов 1853—1855 гг., в величие русского народа и русской земли и пошел чистосердечно проповедовать ненависть к тиранам и великое будущее славян вообще и русских в особенности. Между тем в русской литературе — не запрещенной и не беллетристической, и потому не пользовавшейся вниманием г. Кельсиева и подобных ему деятелей, — происходила иного рода работа: представители тогдашнего молодого поколения, Чернышевский и Добролюбов, выясняли причины и условия гнета, давившего тогда русскую жизнь, и неутомимо доказывали в длинных и коротких статьях, в «Свистке» и в критических рассуждениях, что этот гнет не так призрачен, как кажется многим юношам, и что гнусные стороны русской жизни заключаются не в одних жандармах и не в одном третьем отделении. При всяком удобном и неудобном случае они старались провести мысль, что бесполезно расточать громкие фразы против общего строя государственной жизни или делать против него бесплодные вылазки, что теперь необходимы более осмысленные и практические попытки изменить в более или менее узких границах не нравившийся нам быт и строить свою личную жизнь и жизнь приближенных лиц на началах, казавшихся честными и справедливыми, чтобы этим создать и увеличивать мало-помалу силу для более широкой и реальной переделки основ общественных отношений» (№ 6, с. 84).

В целом для взглядов издателей «Современности» — и Мечникова в том числе — характерно неприятие как либеральных надежд на правительственные реформы, так и анархистской программы Бакунина (№ 7, с. 105), как планов немедленной социалистической революции в России, так и мелкобуржуазной революционности Прудона. Мечников рассматривает революцию как результат объективного общественного развития, как смертельную схватку неимущих слоев с имущими, которая не кончается, а лишь начинается захватом власти. Он призывает русскую революционную молодежь к изучению опыта общественного развития и экономики России и других стран, к внимательному анализу происходящих событий с точки зрения неимущих классов и идеала, заложенного в социальной революции (№ 7, с. 103). Он предупреждает, что господство тех или иных взглядов и теорий в обществе определяется «не личными талантами и энергиею провозвестников этого взгляда», а стечением обстоятельств, «благоприятно настраивающих умы общества к усвоению известного взгляда на вещи» (№ 4, с. 54).

Постоянное внимание к русским делам и широкие международные связи, путешествия и знание языков помогали Мечникову успешно накапливать факты, а эрудиция и убеждения давали возможность осмысливать их с революционных позиций. Рассматривая область социальных явлений, Мечников продолжил в своих статьях ма-

териалистическую и диалектическую линию, намеченную Чернышевским и Добролюбовым, подчеркивая при каждом удобном случае, что в основе революционного движения лежит не борьба принципов, не проявление «исторического предназначения», а простая «борьба людей за существование» (№ 2, с. 23—26).

Чрезвычайно характерна для «Современности» оценка социальных противоречий в Турции и на Балканах. Основными противоречиями на Балканах издатели считают не национальное, не религиозное, а только классовое угнетение: «Положение народа ничуть не изменится оттого, что его будут угнетать не турки, а единоплеменники или единоверцы» (№ 5, с. 78). Причину же обострения общественных отношений в Турции они рассматривают как результат крайней экономической отсталости страны, прямой и жестокой эксплуатации народа, не смягченной «утонченными способами, как это делается в Европе и как это начинает делаться у нас в России» (там же, с. 77).

Мы не имеем оснований утверждать, что Мечников был последователем Маркса, но знаем, что в начале 1870-х годов, когда у Мечниковых в Женеве гостила Л. Ф. Маклакова, она изучала «Капитал» под его руководством [25]. Следовательно, к этому времени сам Мечников знал «Капитал» достаточно хорошо и считал нужным пропагандировать его среди молодежи.

О том, какую важную роль отводил Мечников печати в деле организации революционного движения, свидетельствует один из документов его архива. Это черновой набросок программы подпольной газеты, ставящей целью создание в России революционной партии. Текст документа написан рукой Мечникова и датируется нами по содержанию 1878 или 1879 г. [26] Этот набросок является составной частью письма неизвестному адресату, в котором затрагиваются также организационные вопросы издания и переброски газеты в Россию. Верный своему принципу тесной связи с массой, изучения нужд и потребностей народа, Мечников выдвигает проект газеты-организатора, органа, стремящегося «объединить общественные элементы в действующую партию на возможно широких основаниях. Отсюда является необходимость найти такие практические требования, которые обнимали бы интересы как народа, так и интеллигенции, независимо от различия в отдаленных теоретических идеалах последней (интеллигенции)» (л. 1). Указав далее, что «чисто социалистические требования» имеют в данный момент «для России скорее чисто теоретический интерес» (л. 1 об.), Мечников подчеркнул тем самым, что не разделяет народнических надежд на близкие перспективы социалистической революции в России конца 70-х годов, так же как не разделял их в конце 60-х годов, если судить по журналу «Современность». В условиях развивающегося в России капитализма, обострения революционной борьбы и кризиса народнической тактики, он считал правильным выдвижение в России в качестве первоочередных лозунгов требования буржуазно-демократических свобод (л. 1 об.), причем «первой работой» газеты он считает «критику существующего с точки зрения его внутренних противоречий» (л. 2), т. е. одно из главных положений, которое практически было осуществлено в «Современности».

Интересно в этой связи отметить, что отношение Мечникова к революционному народничеству было двойственным. Отдавая должное героизму молодежи, воспитанной, как он считал, на традициях «Современника», Мечников в то же время называл народническое движение «геройским подвигом», не имеющим под собой сколько-нибудь прочной социально-экономической основы [27]. Отмечал он у молодого поколения и черты догматизма, аскетизма и фанатизма, всегда ему претившие [28]. Идейные и тактические расхождения с революционными народниками не мешали Мечникову относиться ко многим из них с глубоким уважением и симпатией. Многолетняя дружба связывала его с семьей С. М. Степняка-Кравчинского, с В. И. Засулич. Молодежь платила ему признанием. Об этом говорит и поздравительная телеграмма от русских студентов в Женеве в день его пятидесятилетия [29], и подписной лист на сбор средств для установки памятника на его могиле в Кларане [30], и некролог, написанный, по-видимому, Г. В. Плехановым [31].

Резко отрицательно относился Мечников к либеральному народничеству, в особенности к попыткам совместить народнические теории с толстовским морально-религиозным учением и тем самым идейно разоружить русскую революционную интел-

лигенцию. В 1886 г. Мечников набрасывает черновик письма издателю «Русского богатства» Л. Е. Оболенскому, в котором четко определяет свое отношение к либеральному народничеству и к толстовству. «Журнал ваш с каждым № все решительнее окрашивается тем направлением, которое я считаю по преимуществу предосудительным в настоящее время в России и на борьбу с которым я желал бы посвятить остающийся еще в моем распоряжении слабый запас сил» [32]. Одной из наиболее вредных сторон толстовства, по мнению Мечникова, была вражда к прогрессу, свойственная и теориям либерального народничества. В связи с этим он ядовито советует Оболенскому в том случае, если им с Толстым удастся повернуть историю вспять, вовремя остановиться хотя бы на эпохе Возрождения, чтобы не укатиться прямо ко временам зарождения Земли в космическом пространстве. По своей остроте, полемическому блеску и остроумию письмо Мечникова к Оболенскому является чрезвычайно интересным документом, но, к сожалению, местами оно трудно поддается расшифровке, так как писал его Мечников, по-видимому, во время болезни [33].

Приведенные материалы говорят о том, что Мечников был одним из последователей Чернышевского и пронес верность идеалам и традициям «Современника» через всю свою жизнь.

2

Первым выступлением Мечникова в печати была статья о сражении у стен Неаполя, помещенная в журнале «Indépendente», выходившем под редакцией А. Дюма-отца в занятом гарибальдийцами городе [34]. Возможно, что публикация этой статьи послужила толчком к подготовке «Записок гарибальдийца», первого, насколько нам известно, произведения Мечникова, напечатанного в России.

Почти все тридцать лет жизни в эмиграции сотрудничество в русской легальной печати оставалось для Мечникова главным источником заработка. В своих рукописных автобиографических заметках «Встречное и поперечное» (1884) Мечников писал: «С лишком двадцать лет я существовал почти исключительно работою в русских журналах; работою подневольною, из-за куска хлеба, при которой размеры и архитектуру каждой статьи приходится сообразовать с итогами счетов, подлежащих к уплате не позже следующего месяца. Что еще хуже — работою подцензурною, при которой тщательно надо было гнать безжалостно прочь именно каждый такой оборот, который выражал всего прямее и всего проще мою мысль во всей ее силе и яркости, — при которой писать приходилось решительно обо всем, кроме того, о чем чувствовалась потребность писать в данную минуту...» [35]

В начале 1860-х годов Мечников печатал статьи, посвященные в основном итальянской тематике. В 1861—1862 гг. несколько корреспонденций из Италии появилось в приложении к «Русскому вестнику», где незадолго до этого были напечатаны «Записки гарибальдийца». В 1862—1864 гг. семь статей Мечникова были опубликованы в «Современнике». Какое-то число статей осталось, по-видимому, неопубликованным. Сменивший Чернышевского на посту редактора «Современника» после ареста последнего А. Ф. Головачев 3 июня 1863 г. сообщал Мечникову, что из пяти его статей, находящихся в редакции, только три имеют шансы быть опубликованными (*Лишина*, с. 132).

Во второй половине 1860-х годов Мечников печатался главным образом в «Отечественных записках». В архиве сохранилось письмо Некрасова Мечникову от 15 апреля 1868 г. с уведомлением, что статья «Очерки швейцарской жизни и нравов» принята и будет напечатана с продолжением [36]. В 1869 г. в «Отечественных записках» появилась серия статей Мечникова, посвященных поездке в Испанию.

Расцвет журналистской деятельности Мечникова приходится на 1870-е — начало 1880-х годов, когда он сотрудничал в «Деле». Только в 1879 г. в этом журнале им было напечатано 32 с четвертью авторских листа, и лишь за три первых месяца 1880 г.— десять с небольшим печатных листов (см. наст. том, с. 483).

Тематика статей, напечатанных Мечниковым в «Деле», особенно разнообразна. Здесь можно встретить работы по вопросам истории, этнографии, экономической географии, социологии, педагогики, литературы. За каждой из них стоит огромная эруди-

ция, незаурядная работоспособность, напряженный труд. Статьи эти стоили автору сильного нервного напряжения. Он сам отметил это во «Встречном и поперечном»: «Написанная страница становится злейшим моим врагом, и даже с геройскими усилиями над собою, я не всегда могу заставить себя перечитать оконченную статью...»[37]

О своеобразной манере Мечникова работать над статьями рассказывает в своих воспоминаниях его жена: «Я никогда даже не слыхивала о такой способности работать и так сосредоточиваться на своей работе: он никогда, ничего, не только статьи, но даже свои книги не писал начерно. Часто статьи посылались даже неперечитанными. Обыкновенно он читал мне начало статьи; потом завязывался разговор, он увлекался и рассказывал мне продолжение ее. Пока он ее писал, он уже ни о чем другом не мог думать, им овладевала лихорадка и его нельзя было оторвать от нее ни для еды, ни для сна. Когда работа была кончена, напряженные нервы разом опускались, ему было скучно и противно ее перечитывать, и он успокоивался только тогда, когда статья была запечатана. Его нельзя было оторвать от начатой работы, но он мог ее писать под шум разговоров в той же комнате, он даже слышал эти разговоры и вмешивался в них. Только в последние 2—3 года ему стали разговоры мешать писать»[38].

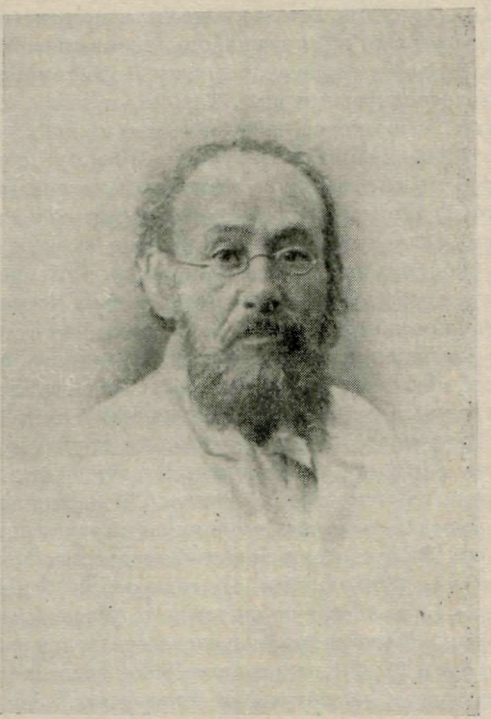
Среди разнообразных работ Мечникова особняком стоят его беллетристические произведения. Их немного, и они, как правило, автобиографичны.

Анализ повести «Смелый шаг» и сопоставление ее с документами архива, в первую очередь с воспоминаниями О. Р. Мечниковой, дают убедительную картину внутреннего развития личности и становления мировоззрения главного героя Богдана Спотаренко. Фамилия эта выбрана не случайно. Один из предков семьи по отцовской линии, Николай Спотарь Милешту, выходец из Молдавии, талантливый переводчик, дипломат, путешественник, был приближенным царя Алексея Михайловича и первым учителем Петра Первого. Биограф Мечникова М. Гродецкий передает фамилию предков Мечникова как Спадаренко, снабжая это место своей статьи примечанием: «Румынское слово spada в переводе на русский язык значит меч. Отсюда и Spadarenko-Мечниковы»[39]. В повести описаны детство, юность и студенческие годы героя, история его увлечения русской литературой, естествознанием, поиски своего пути, пробуждение общественных интересов.

В главной героине, Л. Г. Стретневой, нетрудно узнать О. Р. Мечникову (Скарятину), в Н. С. Стретневе — В. Д. Скарятина, ее первого мужа. Герои повести, как и герои романа Чернышевского «Что делать?», появившегося на страницах «Современника» тремя месяцами ранее, в марте — мае того же 1863 г.— это новые люди, восставшие против принятых общественных норм, люди, готовые, по выражению Мечникова, «постоять за то, что по их душевному убеждению заслуживает быть отстоянным»[40]. Важное место в повести занимает психологическая эволюция Лизы Стретневой, для понимания которой много дают воспоминания О. Р. Мечниковой и ее письма к А. И. Герцену[41].

Сходство между «Смелым шагом» и романом Чернышевского прослеживается не только в сюжете, но прежде всего в идейной позиции героев. Мысль Писарева по поводу романа «Что делать?» о том, что «в жизни новых людей не существует разногласия между влечением и нравственным долгом» и что именно это «позволяет им быть человеколюбивыми и честными по тому непосредственному сильному влечению природы, которое заставляет каждого человека заботиться о своем самосохранении...»[42], перекликается с монологом героя повести «Смелый шаг»: «А встреть я хоть одну, которой бы действительно нужен был этот выход, неужели ты думаешь, что я не отдал бы жизнь за то, чтобы стать ей ступенькою? И вовсе не из-за какого-нибудь священного долга, бескорыстной любви к человечеству, а просто из-за того, увы! прозаического побуждения, из-за которого проголодавшийся человек предпочтет хороший обед гнилым щам в грязной харчевне». В другом месте повести герой утверждает: «Для меня дорог тот человек, который сумеет отстоять против общей пошлости то, с чем хорошо живется людям. Для себя или для других, это мне решительно все равно»[43].

Среди документов архива сохранился отзыв неизвестного лица о повести «Смелый шаг», написанный, по-видимому, в связи с рецензией на нее, появившейся в одном из русских журналов. «Рьяный публицист, в невинном увлечении своем,—говорится в



Л. И. МЕЧНИКОВ
Фотография, 1880-е годы
Собрание А. К. и О. В. Лишиных, Москва

этом отзыве,— видит какую-то угрожающую доктрину даже там, где, в сущности, нет ничего другого, кроме простого рассказа из современной общественной жизни. Это повесть, повесть, повесть,— и ничего больше... кроме разве того, что повесть эта, по внутреннему своему содержанию, несравненно более нравственна, нежели те паскудные произведения легкого клубницизма, которыми, тоже под фирмою повестей, отравляет свою публику «Русский вестник» [44].

Повесть «На всемирном поприще» (сам Мечников называет эту работу очерком) посвящена жизни русской эмиграции в Париже. Перед читателем проходят люди разных профессий и разных социальных слоев: от аферист до художника и изобретателя — революционного эмигранта. Главному герою Степану Васильевичу Калачеву автор придал некоторые автобиографические черты: он художник, а Мечников в молодости мечтал стать профессиональным художником; он, как и Мечников, учился в Харьковском университете, служил в армии Гарибальди, ездил в Америку. Даже описание комнаты героя заставляет думать, что оно сделано с натуры: «Здесь классический арапник степного помещика былых времен, любителя крепостных девок и собачьих свор, повис над красною фланелевою рубашкою гарибальдийского волонтера, любовно переплетаясь с портупеею кавалерийской сабли, с заржавленною медною бляхою, на которой с трудом можно было разобрать каббалистические буквы U.— L. G. G., долженствующие обозначать Unita — Liberta, Giuseppe Garibaldi» [45]. Упомянут в повести и «раззолоченный и расписной диплом, снабженный всеми должными печатями и гербами, ради приложения которых Степан Васильевич и по два пальца к небу поднимал и по два доллара платил, как водится в присутственных местах по ту сторону Атлантики» [46]. Такой диплом о присвоении Мечникову гражданства Соединенных Штатов Америки сохранился в его бумагах [47].

Единственное произведение Мечникова мемуарного характера, рассказывающее о жизни флорентийской колонии русских эмигрантов, появилось в печати спустя девять лет после смерти автора, и это не случайно. В заметках «Встречное и поперечное» (запись 24 марта 1884 г.) Мечников высказал опасение, что сделанные им зарисовки современников, «как политических друзей, так и врагов», могут быть использованы для того, чтобы «бросить грязью в того или другого из революционеров наших дней»

(*Лишина*, с. 168). Это опасение было вызвано тем, что Мечников знал за собой способность трезвого и беспощадного анализа человеческих характеров. Оно усилилось, вероятно, после обращения к нему Л. Тихомирова 27 января 1884 г., за два месяца до этой дневниковой записи. Тихомиров писал Мечникову: «Один из наших общих знакомых, литераторов, передавал мне на днях, что вы давали ему читать свои записки или воспоминания о Бакунине. Не могу не упрекнуть вас, уважаемый Лев Ильич, за то, что вы, говоря со мною о возможном вашем сотрудничестве в «Вестнике Н⟨ародной⟩ в⟨оли⟩», ничего не упомянули об этих записках, о которых упомянутый наш общий знакомый отзывается как о в высшей степени интересных. Не можете ли вы что-нибудь из них дать нам? Мемуары, особенно касающиеся таких крупных революционеров, вообще крайне желательно иметь в журнале. Надеюсь, что вы не откажете мне в этой просьбе»[48].

Глубокая принципиальность Мечникова, переходящая в этом вопросе в щепетильность, не позволила ему дать согласие на публикацию воспоминаний. Они были изданы под названием «Бакунин в Италии в 1864 г.» Н. Викторовым в «Историческом вестнике» только в марте 1897 г. Каких-либо других воспоминаний Мечникова о его друзьях и знакомых — С. М. Степняке-Кравчинском, П. А. Кропоткине, Элизе Реклю,— насколько нам известно, не осталось. Во всяком случае, начатая им в 1884 г. «Встречным и поперечным» тетрадь воспоминаний так и не была заполнена до конца. Может быть, это объясняется еще и большой занятостью Мечникова в последние годы жизни, и его болезнью. 1880-е годы — это годы работы над книгой «Цивилизация и великие исторические реки», которую он так и не успел закончить, годы сотрудничества в редакции «Всемирной географии» и преподавательской работы в Невшательской академии в Швейцарии, где Мечников в начале 1880-х годов получил место профессора экономической географии и сравнительной статистики.

Говоря о мемуарных очерках Мечникова, посвященных его современникам-революционерам, нельзя обойти молчанием брошюру о М. Л. Михайлове, изданную в Русской Вольной типографии в Женеве не позднее 15 октября 1865 г. без имени автора [49]. В своем сообщении Е. Кушева, не располагая прямыми доказательствами, пришла к предположению, что автором брошюры скорее всего был Мечников. В архиве Мечникова нами была обнаружена недатированная записка без подписи и обращения, написанная, судя по почерку, П. И. Якоби:

«Л. П. забыла сказать вам, что М⟨ихайлов⟩ учился в Петерб⟨ургском⟩ университете вместе с Чернышевским; они и жили вместе, и крайне бедствовали, занимая друг у друга по двугривенному. Чернышевский в университете был верующий до фанатизма (он сын попа), на своих тетрадях и книгах ставил кресты и писал «во имя Отца и Сына и т.д.»; Мих⟨айлов⟩, напротив, и тогда был в этом отношении нигилистом и наставлял Ч⟨ернышевского⟩ на путь истинный. Ч⟨ернышевский⟩ впоследствии всегда говорил, что первый толчок в развитии был дан ему Михайловым» [50].

Текст записки почти буквально совпадает с текстом брошюры: «Образование свое он окончил в Петербургском университете, где товарищем его был Чернышевский; некоторое время они даже жили вместе. Чернышевский в университете был верующим до фанатизма. Михайлов успел гораздо раньше отделаться от всякого мистицизма и догматизма. Юношеский жар своей души, требовавшей фанатических привязанностей и страстной любви, он перенес на дело свободы и мысли. Чернышевский впоследствии всегда говорил, что первый толчок на пути к развитию был дан ему Михайловым» [51].

Сопоставление обоих текстов показывает, что именно записка послужила источником тех сведений о взаимоотношениях Чернышевского и Михайлова, которые нигде, кроме брошюры, не встречаются.

Под стоящими в начале записки инициалами «Л. П.» подразумевается, вероятнее всего, Людмила Петровна Шелгунова, так как другой женщины из этого кружка, к которому были близки Якоби и Мечников, с такими же инициалами мы не знаем. Таким образом, подтверждается предположение Кушевой о тесной связи автора брошюры с Шелгуновой, от которой были получены основные сведения о Михайлове. Очевидно, П. И. Якоби присутствовал при беседе Мечникова с Шелгуновой, а затем, по ее просьбе, сообщил ему запиской те сведения, которые Шелгунова «забыла сказать».

И хотя все еще нельзя считать окончательно доказанным, что записка адресована именно Мечникову, так как в ней нет обращения, однако то, что она сохранилась в личных бумагах Мечникова, может служить веским подтверждением предположения Е. Кушевой.

3

Архив Мечникова не содержит прямых доказательств его научных занятий вплоть до 1872 г., когда он был принят в число действительных членов Парижского Этнографического общества [52]. И тем не менее к этому времени он уже завоевал в широких научных кругах репутацию серьезного ученого и педагога. Иначе трудно объяснить полученное им в конце 1872 г. приглашение от имени японского министерства просвещения ехать в Токио на преподавательскую работу. Такое приглашение получили немногие ученые Европы и Америки. В течение 1873 г. улаживались формальности. К декабрю вопрос о поездке был решен уже окончательно.

Сам Мечников связывал с этой поездкой большие планы. Он писал о себе: «...я еще до отъезда из Европы освоился с японским языком и свел обширные знакомства с главнейшими из руководителей японского прогрессивного движения, а потому, живя в самой стране, я мог довольно основательно войти в японскую жизнь, общественную и домашнюю, гораздо полнее и глубже, чем это удается большей части европейских туристов» [53]. Среди визитных карточек в бумагах Мечникова сохранились карточки с именами Куки Рюити, Иидзука Осаму, Имадзуми Юсаку, Танака Мицуаки [54].

Помимо чисто практической возможности выбиться из постоянной нужды и обеспечить приемной дочери возможность учиться в университете, поездка представляла для Мечникова большой научный и общественный интерес. В декабре 1873 г. Г. Е. Благосветлов писал Мечникову: «В Японии все пересоздается заново, пробуждение ее полное и особенно интересное для наблюдения европейца. На первый раз для «Дела» было бы хорошо дать общий обзор тех внутренних реформ, которые она совершила в последнее время ⟨...⟩ Затем отношение Японии к Востоку могло бы составить предмет для другой работы. Во всяком случае, экономическое положение страны, дающее ключ к пониманию всех прошлых и текущих событий, по моему мнению, должно стоять на первом плане. Без него факты не поддаются обобщению» (см. наст. том, с. 479). Статьи Мечникова о Японии появились в журнале «Дело» (1876, № 10; 1877, № 2).

Начало 1874 г. ушло на подготовку к отъезду, а в апреле Мечников, по данным агентов III Отделения, «выехал из Швейцарии с намерением отправиться в Японию для занятия там профессорской кафедры» [55]. Однако дата выезда Мечникова из Швейцарии должна быть уточнена, так как в бумагах его архива хранится уже упоминавшийся нами «раззолоченный диплом», свидетельствующий о том, что 21 марта 1874 г. Л. И. Мечников, находясь в Нью-Йорке, принял гражданство Соединенных Штатов. Не исключено, что поездка в Штаты была совершена по поручению японского министерства просвещения. В биографической статье о Мечникове Элизе Реклю пишет, что Мечников проделал огромную работу по привлечению в Японию видных европейских и американских ученых [56].

Причины принятия им американского гражданства остаются пока неясными. Возможно, это было вызвано какими-либо препятствиями формального порядка, затруднявшими русскому революционному эмигранту въезд в Японию и работу там.

Интересно, что агентура III Отделения не поверила в отъезд Мечникова в Японию и осталась в уверенности, что этот опытный конспиратор «в сущности ⟨...⟩ поехал в Париж, где сошелся с находящимися там кавказцами *Николадзе* и другими, с которыми продолжал свою революционную деятельность» [57].

Японский ученый С. Сато относит приезд Мечникова в Японию к апрелю-маю 1874 г., так как 6 июня он уже подал в Токийский муниципалитет прошение о прописке (см. наст. том, с. 506). Нам представляется более вероятным временем приезда конец мая или даже начало июня, если учесть, что 21 марта он был еще в Нью-Йорке, затем вернулся в Европу и отправился в Японию через Суэцкий канал, Красное море и Индийский океан, как он сам сообщает об этом в своей монографии «L'Empire Japonais» («Японская империя»). Вряд ли это путешествие заняло меньше двух месяцев. До своего

СОЛДАТ-ГАРИБАЛЬДИЕЦ
Акварель Л. И. Мечникова, 1860
Центральный архив
Октябрьской революции,
Москва

отъезда в Японию Мечников успел сдать экзамены на звание геометра, показав глубокие теоретические и практические знания в области алгебры, геометрии, тригонометрии и других специальных дисциплин и получить свидетельство об этом от швейцарских властей [58].

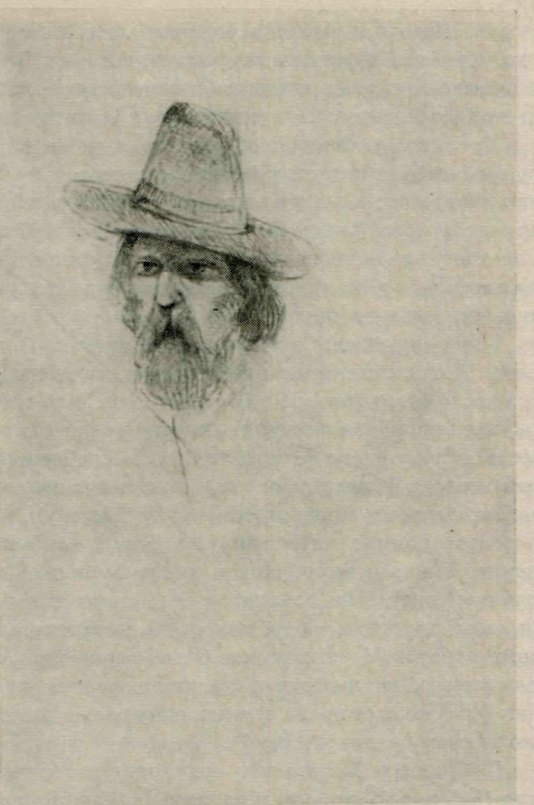
Два года, проведенные Мечниковым в Японии, были очень насыщенными. За это время он проделал большую работу по сбору материала для будущей книги «L'Empire Japonais» и целого ряда работ, посвященных Японии. Нужно отметить, что материалы, собранные в эти годы, легли в основу не только монографии о Японии, но и восьмого тома «Всемирной географии» Элизе Реклю, изобилующего ссылками на научные статьи Мечникова, опубликованные в «L'Extrême Orient» за июнь и июль 1877 г., в «Studies on Japan», и на его рукописные заметки о Японии. Эти ссылки касаются очень широкого круга вопросов: мятежа тайпинов 1848 г. в Китае и сведений по истории Кореи в японских летописях, фольклора Японии и литературного стиля старых японских писем, грабежа Японии португальцами в XVII в. и японского кустарного производства.

Монография «L'Empire Japonais» вышла из печати в 1881 г. в Женеве на французском языке. Она была оформлена рисунками автора в японском стиле и фотографиями его работы.

Судя по материалам С. Сато, за Мечниковым укрепилась в Японии слава отличного педагога. Это не противоречит отзыву о его педагогическом таланте, полученному им в швейцарском частном пансионе Thudicum и сохранившемуся в его архиве: «Его преподавание ясно, точно и в высшей степени действенно. Он умеет поддерживать превосходную дисциплину, что должно приписать как твердости и благородству его характера, так и интересу, который он умеет внушить своим ученикам...» [59]

Мечников пробыл в Японии до конца 1875 г. Во всяком случае, в январе 1876 г. он писал Л. Ф. Маклаковой уже из Сан-Франциско: «Сижу я здесь в следующем живописном положении: умирать я пока еще не буду, но заявить о своем пребывании в области живых могу еще только пока самыми элементарными процессами, более свойственными званию грудного младенца, чем мужа и отца... Долго ли продлится сие вре

КРЕСТЬЯНИН-ГАРИБАЛЬДИЕЦ
Рисунок Л. И. Мечникова, 1860
Центральный архив Октябрьской революции, Москва



менное положение? — известно одному Богу; но уже и теперь им нарушен срок, разрешаемый японским правительством для болезни своим европейским адептам. Стоит мне моя болезнь чёртову пропасть, но так как денег у меня вообще очень мало, то это бы еще не беда, то есть много я издержать все равно не могу. А вот, что уж совсем скверно: о какой бы то ни было работе еще долго не может быть и речи, а между тем сроки проходят. Моя рукопись застыла в неоконченном виде»[60].

Возвращение Мечникова из Японии домой, в Европу, было вынужденным: тяжелая болезнь повлекла за собой, по-видимому, нарушение контракта.

Вернувшись в Швейцарию, Мечников преподает в Невшательской академии, выступает с лекциями и научными сообщениями по материалам своего путешествия. В декабре 1876 г. он получает свидетельство о приеме в число действительных членов Женевского Географического общества[61]. На собрании членов этого общества он выступал с сообщением о бедственном положении в Соединенных Штатах эмигрантов из Европы, в частности из Швейцарии. По наблюдениям Мечникова, очень немногие приспосабливаются к новым условиям. Большинство эмигрантов из-за своего невежества и полного отсутствия всякой информации о стране, в которую они стремились попасть как в «землю обетованную», становятся жертвами мошенников и грабителей, нередко гибнут от болезней и голода не только на пути в Америку, но и в самой стране[62]. Мечников был связан, судя по переписке, также с Женевским и Лондонским обществами ориенталистов.

С начала 1880-х годов Мечников работает секретарем в редакции «Всемирной географии», которую возглавлял Элизе Реклю. По словам часто заменявшей Мечникова во время болезни, а впоследствии сменившей его на этой должности Н. В. Кончевской[63], работа эта заключалась в следующем: нужно было «составить библиографический список всех сочинений, относящихся к тому тóму, который в этом году писался; список этот составлялся сначала в алфавитном порядке, а затем — по странам; на это уходило месяца два-три; затем надо было классифицировать по странам и отделам те

тысячи вырезок и выписок, которые постоянно набирались для работы; затем, конец года уходил на держание корректур, которых бывало до 15. Кроме того, в течение года надо было держать в порядке библиотеку и вести деловую переписку со всеми странами мира относительно нужных книг и их выписки...» [64]

Мечников упоминает об этом периоде своей жизни во «Встречном и поперечном», где говорит, что подцензурная работа настолько вымотала его, что он перестал считать себя писателем: «Сам я в этом так глубоко и искренне убежден, что после двадцатилетней авторской карьеры ухватился, как за спасительный якорь, как утопающий за соломинку, за первую попавшуюся возможность добывать семью часами ежедневного, без праздников, полумеханического труда полувозможность самого скромного существования еле не впроголодь» [65].

И все-таки даже в эти трудные времена Мечников не бросает научных исследований. Заслуживает упоминания его статья о бушменах и готтентотах, опубликованная уже после смерти автора в «Bulletin de la Société Neuchateloise de Géographie» (v.1890). Не упуская случая выступить против расистских теорий колониалистов, Мечников пишет об африканцах: «Чтобы не быть истребленными хищными зверями, чтобы не умереть с голоду и спастись от многочисленных врагов — язычников и христиан, они должны были изо дня в день проявлять большой ум, наблюдательность, сообразительность, добросовестность, инициативу, здравый смысл, присутствие духа, воображение, решительность и волю. Никто лучше бушменов не знал этих обширных пространств. Бушмен никогда не покидал в беде своих товарищей, подлость ему незнакома. ⟨...⟩ Им очень дорога свобода, они очень талантливы» (перевод с французского). В других своих работах Мечников еще более резко высказывается против расистских идей и, пользуясь обширным историческим и этнографическим материалом, доказывает, что ни один факт не дает права ставить одну расу в привилегированное положение по отношению ко всему человечеству [66].

В бумагах Мечникова сохранился дорожный паспорт, выданный ему в начале 1885 г. для поездки в научную командировку в Марокко через Францию и Испанию [67]. Поездка эта состоялась. В том же 1885 г. Мечников успел организовать турне по Швейцарии с целью пропаганды естественнонаучных знаний. В одном из писем к Л. Ф. Маклаковой он рассказывает: «Кажется, в момент вашего кратковременного сияния на нашем горизонте шла речь о моем проекте организовать по Швейцарии ряд космографических чтений с туманными картинами. Проект был осуществлен, задал мне немало волнений и хлопот и именно теперь прогорает, оставляя в моем дырявом кармане печальный след в виде более тысячи франков дефицита» [68]. Швейцарские газеты 1885 г. в высшей степени похвально отозвались о публичных лекциях профессора Мечникова и его «технического помощника» г. Жеманова [69].

В 1885 г. наступило резкое ухудшение здоровья Мечникова: обострился туберкулезный процесс в легких. С этого времени здоровье его неуклонно ухудшалось. За год до смерти, в 1887 г., он пишет Л. Ф. Маклаковой: «...главное, впрочем, не кашель, а какое-то ничем не заглушаемое дохлое чувство; сознание того, что я уже не живу, а только донашиваю жизнь, страшно уже истрепанную, но которая чего доброго и несколько лет еще не свалится с плеч сама, если не сбросить ее энергичным жестом» [70]. И в другом письме, 1888 г.: «...существенного улучшения здоровья я не ощущаю, а сознаю в себе все тот же разрушительный процесс, который решительно отравляет последние годы моего существования. Жить так жить, то есть иметь возможность здраво воспринимать впечатления, думать, работать. Растягивать же на возможно долгое время процесс постепенного умирания... право, не весело» [71].

Мечников скончался 30 июня 1888 г. в швейцарской деревушке Кларан на берегу Женевского озера в возрасте пятидесяти лет, не успев дописать свою последнюю научную работу. Ее рукопись была завершена и издана Элизе Реклю под названием «La Civilisation et les grands fleuves historiques» (Paris, 1889). Подписной лист на сбор средств на памятник Мечникову сохранил автографы многих русских революционеров, которые знали, уважали и любили Мечникова, в том числе Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и других [72].

В своей статье, посвященной памяти Мечникова, Плеханов назвал его «одним из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература» [73]. «Лев Ильич был не только ученым,— продолжает Плеханов,— он был борцом, который умел с оружием в руках отстаивать дело свободы. Само собою понятно, что при современных русских условиях такой ученый должен был умереть изгнанником. ⟨...⟩ Забывать таких людей, как Лев Ильич Мечников, было бы совсем непростительно. Их безупречная жизнь наглядно показывает, как умели бороться и работать «люди шестидесятых годов» [74].

Называя Мечникова «одним из самых замечательных и самых симпатичных» людей своего поколения, Плеханов, по-видимому, высказывал не только собственное мнение. Такая репутация установилась за Мечниковым в последние годы жизни среди тех, для кого он был живым свидетелем минувшей революционной эпохи.

М. Гродецкий писал о Мечникове: «Он постоянно горел, непрерывно носился с самыми разнообразными и разнородными проектами различных общественных и личных предприятий и болел душою за каждый из них. ⟨...⟩ Ему ничего не стоило оставить важный для него научный вопрос и заняться чьим-либо чужим делом, а затем нагонять потерянное, работая по ночам до изнурения. Способностью Мечникова живо откликаться на чужие запросы пользовались, между прочим, его домашние, когда желали отвлечь его на время от занятий и заставить отдохнуть. Тогда на сцену появлялись маленькие дети (внуки Мечникова)*, тащившие заработавшегося ученого на вольный воздух, в горы или на луг. Это было не только любопытное зрелище. Особенное чувство охватывало окружающих, наблюдавших, с каким добродушием этот пожилой серьезный человек подчинялся всем детским желаниям и капризам, несмотря на то, что возня с детьми всегда была для него утомительна» [75].

Много лет спустя Н. В. Кончевская, несомненно исповедуя ту самую веру, носителем которой всю жизнь оставался Мечников, писала А. П. Чехову: «...я счастлива, потому что никогда не утрачивала смысла жизни и всегда находила, что пока есть кого-то любить — то и жить стоит, и глубоко убеждена, что интенсивная любовь к людям дает именно то счастье, которого никто и ничто отнять не может. ⟨...⟩ Самые счастливые люди и именно — *человечно* счастливые, которых мне приходилось встречать, были те, в которых надо всем остальным царила любовь к людям...» [76].

«Он никогда не желал ничего наполовину,— писала в своих воспоминаниях жена Мечникова,— желание переходило в страстное увлечение, которое его охватывало всего, и он ценой жизни готов был купить его исполнение⟨...⟩Завтра для него не существовало, он весь отдавался настоящей минуте и жил в ней всецело. Он буквально ни одной минуты не мог остаться в бездействии. Его пожирала какая-то вечная лихорадка. У него всегда в кармане был карандаш и какой-нибудь лоскуток бумаги, на которой он рисовал, не случалось бумаги, он рисовал на газете, которую читал, на обложке книги. Живопись была его страстью. Вообще это была натура в высшей степени артистическая. Стихи ему давались очень легко. Даже в своих рассказах он был живописцем: перед вами вставали живые и яркие образы. От всех стран, в которых я сама не была и которые знаю только по его рассказам, у меня такое яркое представление, точно я сама все это видела. Речь его была блестящая, живая, остроумная и лилась совершенно свободно, никогда он не искал слов; о чем бы он ни говорил, в его распоряжении всегда был самый разнообразный и громадный запас выражений. Он был необыкновенно находчив, никогда нельзя было взять его врасплох, на всё и всегда у него был готов ответ. Память его была поразительна, он знал массу стихов, помнил то, что в детстве учил,— катехизис Филарета, целые страницы турецких и арабских текстов. ⟨...⟩ Ум его был глубокий, ясный, точный. Когда он развивал вам какую-нибудь идею—это была математическая формула, в которой ничего нельзя было ни прибавить, ни убавить; все держалось крепко; ни скачков, ни пробелов; все обусловлено предыдущим и логически вытекало из него. Способность систематизации в нем была замечательная. Читал он массу, и все это переваривалось и ассимилировалось; у него не было ненужных знаний и фак-

* Внучка была одна — дочь Н. В. Кончевской Ольга.

тов, которые бы без пользы мотались и сбивали с толку; всякий факт находил свое место, приурачивался к целому. ⟨...⟩

Та бесконечная мягкость, которая всех к нему привлекала, явилась позже. Когда я его узнала, он подходил к людям во всеоружии, как будто ожидая в каждом встретить врага, готового нанести ему удар, и был всегда наготове, чтобы отразить этот удар. Я объясняю себе эту привычку быть вечно на осадном положении тем, что он тогда только что вышел из-под ферулы всяких наставников и начальников. Все мы еще помним Россию в 50-х годах и знаем, что немного было из людей власть имущих таких, которые были способны признать и уважить в ребенке чувство собственного достоинства. Малейшая претензия на уважение личности, заявлявшаяся детьми или подчиненными, преследовалась как фанаберия и дерзость и считалась подлежащею искоренению. И понятно, что такая сенситива, как Лева, должен был стать в военные отношения с ними. Притом он был страшно вспыльчив, своей жизнью не дорожил и готов был броситься с ножом на человека за один взгляд, в котором бы ему почудилось намерение оскорбить его. ⟨...⟩ Еще одна характеристичная его черта — это какое-то безумное прожигание жизни. Он не жалел себя ни в работе, ни в наслаждении, ни даже в простом удовольствии, никогда и ни в чем» [77].

Сам Мечников остался на всю жизнь верен идеалам своей молодости, воспитанным в нем эпохой «Современника». «*Я* не возьмусь ни за что, ни за какое дело, которое не будет способствовать моему счастью или чьему-нибудь счастью, все равно»,— писал он в 1863 г. [78] А в 1886 г. он мог повторить: «Мой идеал — сознательный работник, строящий свое благополучие в самом греховном и плотском смысле этого слова, на служении такому же благополучию всех людей» [79].

Между этими двумя высказываниями — вся жизнь, служащая им подтверждением.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так, в письме от 5 ноября 1881 г. к Шарлю Моннуару, генеральному секретарю Парижского Географического общества, Мечников перечисляет и аннотирует семь самых крупных своих работ только на французском языке, вышедших до времени написания письма (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1, 2, 2 об.).

[2] См.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. IV. М., 1960, с. 311.

[3] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 1—95, 199, 218—222. Надежда Владимировна *Кончевская* (1856—1930) была дочерью О. Р. Скарятиной и ее первого мужа В. Д. Скарятина. Фамилию Кончевская (по первому браку) она сохранила и позднее, когда стала женой известного революционера-семидесятника Л. Э. Шишко.

[4] ЦГАОР, ф. Д—3, оп. 1872, ед. хр. 573, л. 8 об., 10 об. (Справка о Л. И. Мечникове и других Мечниковых); ф. ДДП — 3, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 1—6 (Дело о возвращении из-за границы самовольно отлучившегося из России Льва Мечникова); ф. Д — 3, оп. 1885, ед. хр. 537, л. 1—3 (О проживании в Кларане Мечникова); ф. ДПОО, оп. 1898, ед. хр. 377, л. 9—10 об., 86—89 об. (Материалы Департамента полиции о революционных связях и революционной деятельности Н. В. Кончевской за 1897 год); ф. Д — 3, оп. 1904, ед. хр. 2236, л. 6—16 об. (Протокол № 2 допроса Н. В. Кончевской от 1 сентября 1898 г.).

[5] ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 213, л. 1—39.

[6] «Русский вестник», 1861, № 9, 10, 11.

[7] «Бакунин в Италии в 1864 году».— «Исторический вестник», 1897, № 3.

[8] «Современник», 1863, № 11.

[9] «Дело», 1882, № 2, с. 1—28.

[10] Большой интерес в связи с этим представляет книга: З. М. Потапова. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX века. М., «Наука», 1973. Литературному творчеству Мечникова итальянского периода уделено значительное место в главах 1 и 4.

[11] Сб. «Россия и Италия». М., «Наука», 1968, с. 167—185. Далее при ссылках на эту статью указывается в тексте только автор и страница.

[12] «Точка поворота».— «Колокол», л. 170, 1 сентября 1863 г. См. также публикацию Б. П. Козьмина: «Л. И. Мечников — Герцену и Огареву» (*ЛН*, т. 62, с. 389).

[13] Там же, с. 390.

[14] Там же.

[15] «Дело», 1882, № 2, с. 3, 20. В Черногории после поражения в войне с Турцией 1862 г. и размещения в стране турецких гарнизонов не прекращались вспышки партизанской борьбы против поработителей.

[16] *ЛН*, т. 62, с. 389.

[17] «Современность», 1868, № 5, с. 78 (об этом журнале см. с. 464—466). Далее при ссылках на «Современность» в тексте указывается номер и страницы.

[18] В архиве Мечникова сохранилось письмо-обращение Женевской секции пропаганды I Интернационала о сборе средств для помощи коммунарам и их семьям (ЦГАОР, ф. 6753, он. 1, ед. хр. 38, л. 35).

[19] ЦГАОР, ф. ДДП —3, он. 1881, ед. хр. 37, л. 3 об.

[20] *ЛН*, т. 62, с. 622.

[21] См. письмо С. Я. Жеманова к Н. В. Кончевской, датируемое по содержанию 1888 г., после смерти Мечникова (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2—2 об.).

[22] *ЛН*, т. 67, с. 704 (статья Б. П. Козьмина).

[23] «Русская периодическая печать. 1702—1894». М., 1959, с. 513.

[24] Здесь уместно вспомнить слова Герцена о том, что из «молодой эмиграции» «один Мечников умеет писать» (*ЛН*, т. 62, с. 390). Этот отзыв Герцена о способностях Мечникова дает основания думать, что Мечников был в издательской тройке ведущим.

[25] В. М. Спасская. Некролог Л. Ф. Маклаковой-Нелидовой (рукопись).— ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 2, ед. хр. 5, л. 13.

[26] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1, 1 об., 2, 3, 3 об. Далее в тексте даются только ссылки на листы.

[27] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 20 (записная книжка № 3), л. 1, 1 об., 33—34 об.

[28] «Дело», 1882, № 2, с. 27.

[29] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 222, л. 2.

[30] Там же, ед. хр. 86, л. 1—15.

[31] Г. В. Плеханов. Соч., т. VII. М., 1925, с. 327—329 (см. также на с. 11 указание редакции о том, что принадлежность некролога Плеханову не установлена документально). Плеханову принадлежит статья: «О книге Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» («Социал-демократ», 1890, № 1).

[32] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 20 (записная кн. № 3), л. 1.

[33] Частично расшифрованное письмо опубликовано в работе: А. К. Лишина. Русский эмигрант о Толстом и толстовщине («Прометей», т. 2, М., 1967, с. 154—161).

[34] История подготовки этой статьи изложена Мечниковым в «Записках гарибальдийца» («Русский вестник», 1861, № 10, с. 431).

[35] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 22, л. 2. Часть документа опубликована в сб. «Россия и Италия» (с. 167—168).

[36] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 61, л. 1.

[37] Там же, ед. хр. 22, л. 3.

[38] Там же, ед. хр. 88, л. 12—12 об.

[39] М. Гродецкий. Л. И. Мечников (биографический очерк).— В кн.: Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. 2-е изд. СПб., 1899, с. 5.

[40] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 22, л. 6.

[41] Там же, ед. хр. 88, л. 1—24; Н. П. Анциферов. Из переписки Герцена с О. Р. Скарятиной (*ЛН*, т. 63, с. 94—98).

[42] Д. И. Писарев. Соч., т. 4, 1955, с. 18.

[43] «Современник», 1863, № 11, с. 29 и 37.

[44] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 92, л. 8.

[45] «Дело», 1882, № 2, с. 3. Упоминание о быте степного помещика связано с тем, что Мечников вырос в степном поместье Панасовка, Купянского уезда Харьковской губернии.

[46] Там же.

[47] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 17, л. 6.

[48] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 74, л. 1—1 об.

[49] См.: Е. Кушева. Эмигрантская брошюра «На смерть М. Л. Михайлова».— *ЛН*, т. 25-26, с. 593—605.

[50] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 81, л. 5.

[51] *ЛН*, т. 25-26, с. 597.

[52] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 38, л. 17.

[53] Письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину, датируемое предположительно 1881—1883 гг. (*ЛН*, т. 13—14, с. 361—362).

[54] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 84, лл. между 56 и 73. Выражаем благодарность востоковеду К. Гамазкову за составление справок о названных японских государственных и общественных деятелях:

Куки Рюити (Хосидзаки) родился в Сэтцу, в префектуре Хёго, в 1852 г. Он обучался в Кэйо гидзюку, предшественнике старейшего университета Японии Кэйо, а затем поступил на работу в Министерство просвещения. В 1884 г. в качестве министра просвещения Японии он был командирован в США. После возвращения оттуда он стал главным библиотекарем императорского двора, а затем начальником императорского музея. Впоследствии Куки Рюити основал императорскую Ассоциацию просвещения и стал главой объединения, созданного для охраны памятников старины Японии — древних пагод и храмов. *Идзука Осаму* (Сэйко) был поэтом и ученым, борцом за граж-

данские права у себя на родине. *Имадзуми Юсаку* (Якэн) был ученым, сотрудником Дальневосточного музея изящных искусств в Париже, автором монографии по истории японской керамики, впоследствии директором Политехнической школы изящных искусств в Киото. *Танака Мицуаки* занимал должность секретаря посольства Ивакура Томоми в Европе и в Америке.

[55] ЦГАОР, ф. ДДП — 3, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 1, 3 об.

[56] Э. Р е к л ю. Предисловие к третьему русскому изданию книги Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки». М., 1924, с. 25.

[57] ЦГАОР, ф. ДДП, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 5.

[58] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 17, л. 3.

[59] Там же, ед. хр. 17, л. 5. В этом пансионе Мечников преподавал русский язык, географию, историю и математику.

[60] ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 2, ед. хр. 213, л. 2—2 об.

[61] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1.

[62] Там же, ед. хр. 94. Доклад на французском языке, напечатанный в бюллетене общества.

[63] Впоследствии за большую работу по изданию «Всемирной географии» Н. В. Кончевская была избрана членом Российского географического общества.

[64] ЦГАОР, ф. Д — 3, оп. 1904 г., ед. хр. 2236, л. 8 об.

[65] Там же, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 22, л. 4.

[66] См.: Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. VII, с. 18.

[67] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 17, л. 7 (дорожный паспорт) и л. 11 (командировочное удостоверение).

[68] ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 213, л. 22.

[69] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 35, л. 11, 12, 17, 23.

[70] ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 213, л. 39.

[71] Там же, л. 36.

[72] См. примеч. 30.

[73] Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. VII, с. 327.

[74] Там же, с. 329.

[75] М. Г р о д е ц к и й. Указ. статья, с. 15—16.

[76] Письмо от 11 апреля 1900 г.— ГБЛ, ф. 331. 48. 19. Сама Н. В. Кончевская, выросшая под большим влиянием Мечникова, была именно таким человеком. Недаром Е. П. Пешкова, вспоминая о годах ее первой эмиграции, назвала Надежду Владимировну своей второй матерью.

[77] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 88, л. 11—14 об.

[78] «Смелый шаг». —«Современник», 1863, № 11, с. 37.

[79] ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 20 (записная кн. № 3), л. 2 об., 3 об.

ПИСЬМА Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА
(1873, 1880)

Григорий Евлампиевич *Благосветлов* (1824—1880) — публицист, член первой «Земли и воли», в 1860—1866 г. редактор журнала «Русское слово», в 1866—1880 гг. издатель и фактический руководитель журнала «Дело» (СПб., 1866—1888).

В 1870-е годы Благосветлов привлек к участию в журнале значительную группу русских эмигрантов-революционеров. Постоянным сотрудником «Дела» становится и Мечников, впервые выступивший здесь в 1870 г. под псевдонимом «А. Денегри». Этим псевдонимом, варьируя его («Эм. Денегри», «Эмиль Денегри», «Э. Д.»), он пользовался до отъезда в Японию (одна из его статей имеет подпись «М»). С августа 1870 г. до февраля 1874 г. Мечников напечатал в «Деле» 9 статей (1870—№ 8, 10, 11; 1871 — № 2, 4 и 5, 10; 1872 — № 5 и 6, 12; 1873 — № 9; 1874 —№ 2). В эти годы его статьи представляют собой обзоры современной западноевропейской литературы или «литературные этюды» об отдельных писателях (Ж. Занд, Э. Сю, В. Гюго, Ф. Гверацци).

По возвращении в Европу Мечников становится одним из самых активных сотрудников «Дела». С октября 1876 г. до конца 1880 г. почти в каждой книге журнала печатаются статьи, подписанные его собственным именем или псевдонимами («Н. Басардин», «Виктор Басардин», «В. Басардин», «М.», «Л. М.— В. Л.».). Всего за эти годы в «Деле» опубликовано 29 статей Мечникова (1876 — № 10—12; 1877 — № 2, 5, 6, 8, 10—12; 1878 — № 3—12; 1879 — № 1—12; 1880 — № 1—3, 5—12). Круг вопросов, которые в них затронуты, необычайно велик— Мечников выступает как автор литературно-критических статей и рецензий, политических обозрений, очерков по истории цивили-

зации, статей, посвященных проблемам современной экономики, социологии и психологии.

Несомненно, что столь активное сотрудничество повлекло за собой не менее активную переписку Мечникова с редактором «Дела». К сожалению, переписка эта почти не сохранилась: письма Мечникова Благосветлову неизвестны, а из писем Благосветлова к нему до нас дошло всего пять — за 1873 и 1880 гг. Письма эти характеризуют Благосветлова как руководителя одного из наиболее значительных демократических изданий 1870-х годов и прежде всего — те требования, которые он предъявлял сотрудникам литературно-критического отдела своего журнала.

Автографы публикуемых писем хранятся в архиве Мечникова (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 43).

1

(Петербург, 11 декабря 1873 г.)

Милостивый государь,

Редакции было бы приятно сохранить ваши добрые отношения к «Делу», тем более что, оставляя старую Европу с ее рутиной и предрассудками, вы отправляетесь в страну, начинающую новый период жизни. В Японии все пересоздается заново, пробуждение ее полное и особенно интересное для наблюдения европейца. Следовательно, говорить есть о чем.

На первый раз для «Дела» было бы хорошо дать общий обзор тех внутренних реформ, которые она совершила в последнее время. Подведенные к общему итогу и выясненные хорошо, они были бы назидательны для нас. Затем отношение Японии к Востоку могло бы составить предмет для другой работы. Во всяком случае, экономическое положение страны, дающее ключ к пониманию всех прошлых и текущих событий, по моему мнению, должно стоять на первом плане [1]. Без него факты не поддаются обобщению.

Уведомьте, желаете ли вы иметь непосредственные отношения с редакцией «Дела» или, как прежде, через г. Чиколини [2]. И тот и другой способ сношений хорош, но в первом сообщите подробный ваш адрес.

Вторую статью об испанской литературе мы предназначаем для 2-й книжки «Дела» за 1874 год [3]. Теперь спешим помещением окончаний.

Уведомьте также, как и через кого передавать вам деньги.

Душевно желаю вам полного успеха в вашем предприятии.

Григ. Благосветлов

11 дек. 1873 г.

Письмо написано перед отъездом Мечникова в Японию. Благосветлов рассчитывает, что результатом поездки явится «общий обзор» экономических реформ, которые осуществила Япония в результате буржуазной революции 1868 г. Для журнала, одной из главных задач которого было обсуждение вопроса о капиталистическом характере пореформенного развития России, информация об экономических сдвигах в стране, едва вступившей на путь капитализма, представляла особый интерес: реформы, проведенные в Японии, могли быть, по мнению Благосветлова, «назидательны» и для России.

[1] Обзору реформ, явившихся следствием революции 1868 г. в Японии, Мечников посвятил две статьи: «Эра просвещения Японии (Мей-Дзи)» и «Эра японского просвещения (Мей-Дзи)» («Дело», 1876, № 10; 1877, № 2). Во второй статье он бегло коснулся вопроса об отношении Японии к странам Востока.

[2] Петербургский знакомый Мечникова.

[3] В 1873—1874 гг. Мечников напечатал в «Деле» две статьи под общим заглавием «Очерки новой испанской литературы» (1873, № 9: 1874, № 2).

2

‹Петербург. После 27 марта 1880 г.›

Многоуважаемый Лев Ильич,

Работая с вами постоянно вот уже 3 года и печатая ваши статьи в каждой книжке, я тем самым даю вам полнейшую уверенность в том, что в основаниях, в самой сути дела мы не расходимся. Напротив, ваши работы желательны, они всегда по своей идее поучительны и статьи ваши читаются. Следовательно, дело не в принципах, не в сущности, а в подробностях и мелочах. Остается порешить: имеют ли они какую-нибудь важность и стоит ли на них обращать какое-нибудь внимание? Очень стоит, отвечаю я в силу моей долговременной опытности. Журнал, издаваемый не кабатчиком, а человеком, уважающим литературу, посвятившим ей все свои силы и жизнь,— такой журнал не может не относиться с полным уважением к себе. Его может распинать и опошливать грубая сила цензуры,— это понятно каждому,— но в крошечной сфере его независимого положения он должен дорожить всем; для него нет такой мелочи, которая бы не была важностию, тем более, что многим хорошим он уже невольно жертвует в пользу цензурного Ваала.

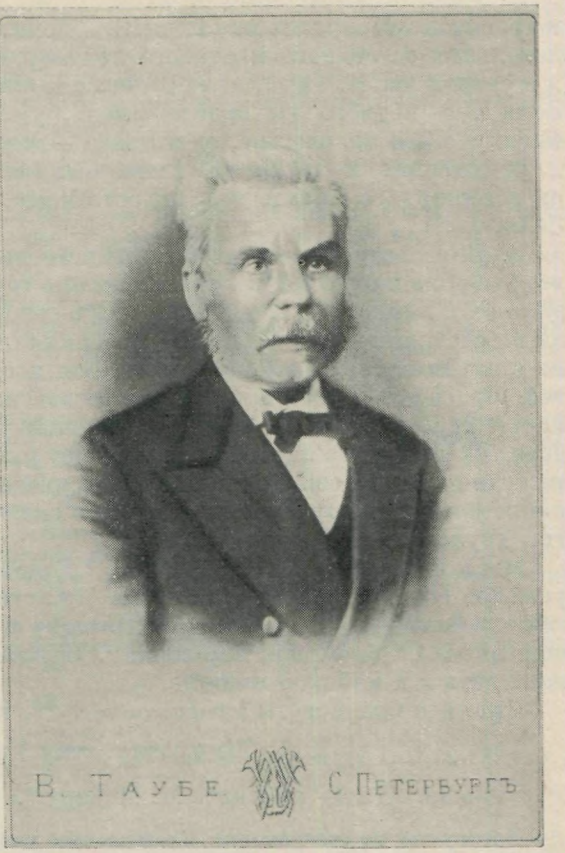
Я уже несколько раз писал вам, как дорожит редакция «Дела» литературной формой; вы сами знаете, что только хорошо написанная книга имеет право на успех, что только она читается с удовольствием. Это аксиома. Нет сомнения, что пошлая или подлая идея, изложенная блистательно, все-таки останется и пошлой, и подлой, но мы говорим об идеях другого порядка. Притом подлые идеи редко находят последователей в людях талантливых; они носят сами в себе и свою внутреннюю мерзость, и внешнюю гадость. Это почти так же верно, как $2 \times 2 = 4$. Но идея честная, благотворная и здоровая, выпускаемая в обращение между людьми, только тогда и делается общедоступной и популярной, т. е. не складывается в запасный чулан, когда выражается ясно, энергично и сама собою напрашивается на внимание читателя. Конечно, журнал не классический «Сборник избранных произведений» и, составляясь под впечатлением минуты, не может претендовать на особенную роскошь идей и изложения, но он — та монета, которая только под хорошим чеканом (frappe) может идти в люди, не возбуждая сомнений в подделке и фальсификации. Добролюбов и Писарев не бог знает как были богаты идеями, но их артистическое слово приковывало к ним массы читателей. Теперь позвольте, для примера, остановиться на вас: дайте более обработанную, более изящную форму вашим статьям, и у вас с руками бы их отняли для отдельного издания. Данченко — дрянь сравнительно с вами; у него ни образования, ни развития, ни определенных убеждений, но его статьи, печатаемые в журналах, потом расходятся тысячами в отдельных изданиях. Почему? Потому, что мастер писать [1]. Я привел бы вам целые десятки таких примеров.

Вы напрасно говорите, что «*la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a*»*. Вы не *la plus belle fille*, но вы обладаете той гибкостью ума и чувства, которая может дать гораздо больше, чем вы думаете. Только стоит поработать немного над собой, и этот труд окупится сторицей. Позвольте указать вам на те пункты, на которые следовало бы вам обратить особенное ваше внимание.

1. Вы спешите, не пересматривая ваших статей, не работая нисколько над тем, как бы лучше построить целый план статьи и отделать ее подробности [2]. Поэтому вы строго не выдерживаете основной идеи статьи, а отклоняетесь по сторонам и теряетесь в подробностях, иногда совершенно

* самая прекрасная девушка не может дать больше того, что она имеет (*франц.*).

Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ
Фотография В. Таубе. Петербург, начало 1870-х годов
Литературный музей, Москва



мешающих главной цели, главному выводу. Это ослабляет общий тон статьи и часто наводит на мысль, что сам автор не уяснил себе своей задачи, не составил определенного плана. Вот это-то и спутало вашу статью о Золя. В ней есть выражения, которые резко расходятся с тем же, о чем вы говорите дальше. Если вы помните вашу статью хорошо, то потрудитесь прочитать ее внимательно в мартовской книжке в несколько переделанном виде и подумайте, что именно в ней несколько фальшиво. Я совершенно с вами согласен, что Золя, гоняясь за популярностью бульварного гения, предается эротизму, как старая проститутка, только ради того, чтобы огорошить и привлечь толпу; я согласен и с тем, что он и протоколист плохой, но все это не то, с чего его можно взять под самое ребро. Он не реалист, если только реализм не есть балаган, не есть копия с уличных сцен и полицейский протокол. Реализм нашего времени опирается на ту или другую социальную или политическую идею, на изучение действительности не ради ее фотографии и простой бессмысленной группировки в образы поэта или публициста, а ради освещения ее лучшими идеями нашего времени, лучшими стремлениями нашего поколения. Пушкин наш был тоже реалист, но чёрт его возьми с его реальными описаниями гусарских попоек и прижиманий горничных в темных коридорах. Вот почему вы не правы, говоря о *колодках реализма*; дело не в колодках, а в самом достоинстве этого поддельного реализма. Потому-то вы напрасно и нападаете на русский реализм: в нем много дряни, полное отсутствие творческого воображения, невыносимая скука, но его великая заслуга в том, что он привил к общественному сознанию сочувствие народу, его страданиям, он воспитал в *барине — человека*. Некрасов как поэт, с общечеловеческой мерки, не стоит

и гроша, но Некрасов как будитель новых чувств в нашем обществе, как печальник за бедного и слабого неизмеримо выше Пушкина. Поэтому-то я и указал на В. Гюго, на которого с таким остервенением набрасывается Золя [3]. У первого вы видите мысль, умственную и нравственную подкладку в его творчестве, у второго — политического подлеца, без идей и убеждений. Если бы В. Гюго был во сто раз больше идеалистом, он все-таки, со всеми его недостатками, стоял бы неизмеримо выше Золя.

2. Вам следует выбросить из вашего *русского* весь ненужный балласт, все эти славянские *обретается*, *тщетно* (русское *напрасно* ничем не хуже *тщетно*), *показует* и т. п. Ведь все это совершенно ненужный сор. Хорошо бы вы сделали, если б оставляли с ваших статей снимки и потом сравнивали их с напечатанными уже статьями. Это послужило бы вам указанием, что надо бросить под стол и чего придержаться. Если только сохранились мои корректуры статьи ⟨о⟩ Золя, то я прикажу выслать вам их, чтобы вы видели, какого каторжного труда требуют разные мелочи и неловкости в выражении идеи, чтобы сгладить их. Но уже цельность теряется, и часто мои поправки очень неудачны, потому что спешишь и делаешь это между других двух дел.

Мы к празднику à coup de force * должны выпустить 4-ю книжку. Это решено. Пасха русская 20 апреля ст. стиля, следовательно, 16 или 17 должна быть выпущена книжка. Поэтому прошу вас выслать статью, если пожелаете не опоздать, пораньше [4]. Относительно окончания о Золя можете дать и к майской книжке.

Примите мои советы à coeur ouvert **, как я их выражаю вам.

Жму вашу руку Григ. Благосветлов

Книжки «Дела» посланы М. Мейеру [5].

Датируется по содержанию: Благосветлов упоминает, как только что вышедшую, мартовскую книгу «Дела» за 1880 г. (ценз. разр. 27 марта) и просит прислать «пораньше» статьи для апрельского номера, который предполагает выпустить 16—17 апреля.

Статья Мечникова «Новейший нана-туризм» («Дело», 1880, № 3 и 5) посвящена критике «натурализма» и теории «экспериментального романа» Э. Золя. Поводом для ее написания послужил роман «Нана», опубликованный зимой 1879—1880 гг. во французском журнале «Voltaire». Роман стал причиной резкого падения авторитета Золя в глазах русского демократического читателя. Статья Мечникова была первой среди вызванных этим романом выступлений критиков-демократов, защищавших «истинный реализм» против «поддельного реализма» Золя (ср.: Н. Михайловский. Нана. Роман в двух частях Эмиля Золя ⟨...⟩ — *ОЗ*, 1880, № 5; С. Темлинский. Золаизм в России. М., 1880; М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом, гл. VI.— *ОЗ*, 1881, № 1).

Придавая этой статье программное значение, Благосветлов позволил себе (или просил автора) внести в нее некоторые принципиальные положения, которые получили развитие в заключительной главе статьи («Дело», 1880, № 5 — см. ниже, примеч. 3).

То, что Благосветлов обсуждает как уже известный автору факт исправления в еще ненапечатанной части, позволяет сделать некоторые предположения об истории публикации статьи Мечникова. По-видимому, полный текст ее был получен в марте 1880 г. Понимая, насколько актуальна эта статья, Благосветлов поспешил опубликовать ее начало в ближайшей — мартовской — книге «Дела». На согласование с автором поправок, сделанных в этой части, времени уже не было, но окончание статьи, отложенное до следующего номера, Благосветлов вернул Мечникову со своими исправлениями и пожеланиями. Ответом явилось не дошедшее до нас письмо, в котором Мечников выражал сомнение в своей пригодности к сотрудничеству в «Деле»; на это и отвечал Благосветлов публикуемым письмом. В результате Мечников переработал статью в соответствии с его указаниями. По-видимому, именно эта новая редакция позднее вызвала восторженную оценку Благосветлова (см. п. 4).

---

* силою обстоятельств (*франц.*).

** по-доброму; *букв.*: с открытым сердцем (*франц.*).

[1] Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1848—1936) — популярный в конце XIX в. беллетрист, автор многочисленных романов, повестей и рассказов, составивших 18-томное собрание его сочинений (М., 1912—1915). В 1879 г. в «Деле» (№ 2) была напечатана анонимная рецензия на его роман «Гроза», иронический тон которой перекликается с характеристикой Немировича в письме Благосветлова; возможно, что он был автором этой рецензии.

[2] Об особенностях работы Мечникова см. в его автобиографической заметке «Встречное и поперечное», а также воспоминания О. Р. Мечниковой (наст. том, с. 467—468).

[3] В 1875—1880 гг. Золя печатал в «Вестнике Европы» «Парижские письма» и среди них — статьи, посвященные обоснованию теории «натурализма». Одно из основных положений его теории — объективность: писатель «должен строго держаться фактов», он «хранит про себя свое волнение», ибо «романист, негодующий на порок и рукоплещущий добродетели, портит собранные им документы». С этой точки зрения Золя подверг уничтожающей критике субъективность писателей-романтиков и в первую очередь — вождя романтизма Гюго. В глазах Золя Гюго — всего лишь «великий ритор», гражданский пафос которого лишает его произведения объективной ценности («Парижские письма. XXIII. Виктор Гюго и его «Légende des siècles».— «Вестник Европы», 1877, № 4). Благосветлов считал выступление Золя против Гюго убедительным доказательством несостоятельности его теории. В этом духе и была перестроена завершающая глава статьи Мечникова в ее окончательной редакции: мысль о «колодках реализма», в которые заключает себя Золя, уступила место размышлениям о принципах «подлинного реализма», сильного своей связью с «лучшими идеями нашего времени», глубоко «выстраданной правдой и сочувствием к народным скорбям»; статью завершает развернутое противопоставление «чистоты и гуманности воззрений» Гюго отсутствию «идей и убеждений» у Золя, его проповеди «умышленной бессодержательности» («Дело», 1880, № 5, с. 104—106).

[4] Четвертая книга «Дела» вышла без участия Мечникова; его статьи, предназначенные для нее («Переворот в Египте» и «Хлебный вопрос в Америке и Европе»), вошли в пятый номер (см. п. 3).

[5] Лицо неустановленное.

3

<Петербург, середина апреля 1880 г.>

Многоуважаемый Лев Ильич,

Если вы не усмотрите в 4-й кн. ни одной вашей статьи, то не припишите этого нежеланию напечатать «Хлебный вопрос». Он набран, а «Переворот в Египте» даже прошел цензуру и совсем готов к печати, но и то, и другое отложено до майской книжки благодаря двум статьям, которые, по разным обстоятельствам, чисто-филантропическим, впрочем, должны были войти в 4-ю книжку. Они-то и отбили место у «Хлебного вопроса».

Но в следующих книжках это вознаградится. Окончание о Золя *непременно* надо напечатать в майской книжке, а то первая статья забудется. Его, т. е. окончание о Золя, пожалуйста, вышлите.

Чтобы не нарушать вашего домашнего бюджета, на праздниках вышлю вам 100 р.

Позвольте, кстати, исправить маленькую ошибку, вкравшуюся в моем расчете, сделанном в прошлом письме. Я по ошибке сосчитал запись в редакционной книге за прошлый год, приняв его за нынешний. Разница, впрочем, пустая. Я сосчитал вам, что из 300 р. погашено 226 р. 25 к., а между тем — только 206 р. 50 к. Следовательно, остается долгу не 73 р. 75 к., а 93 р. 50 к.

Для пояснения прилагаю на обороте общий счет за весь год — 1879 [1].

Будьте благополучны

Гр. Благосветлов

Датируется по содержанию: четвертая книга «Дела» за 1880 г., в составе которой прошла цензуру упоминаемая статья Мечникова, была разрешена 16 апреля.

[1] На обороте — гонорарные расчеты, из которых следует, что общий объем статей Мечникова, напечатанных в «Деле» с января 1879 г. по март 1880 г., составляет 42,5 печатных листа.

4

⟨Петербург⟩ 7/19 мая 1880 г.

Многоуважаемый Лев Ильич, только что пробежал в корректуре окончание «Нана-туализма». От души благодарю вас за него. Это такая статья, какой я лучше никогда не пожелал бы для «Дела». Прекрасная форма, верность взгляда, огонь публициста — все в ней есть и всего в ней в меру. И вы говорите, что вы не публицист! Это ваша клевета на самого себя. Вы подавили эту струйку в себе, и, если я не ослеп до куриной слепоты, то положительно утверждаю, что эта струйка — ваша сила, ваш нерв, ваше существо,— только откройте ее в себе и заставьте бить живым ключом. Напишите вы несколько таких статей, и вас будут читать нарасхват; а я каждые 10 листов таких статей буду продавать нашим издателям по 250—300 р. в вашу пользу. Вероятно, летом увидимся, и я потолкую с вами подробно [1]. Еще раз благодарю вас за последнюю статью.

Драгоманову передайте, что я охотно приму его статьи, только боюсь, как бы волнения немецких студентов не истолковала наша проницательная цензура за аналогию непозволительного свойства. Статья о кооперативном движении в Англии совершенно безопасна [2].

Что же касается рецензий, то я подумаю об этом и напишу особо [3].

Жена и мальчики шлют вам самые сердечные поздравления и вас, и Ольги Ростиславовны с праздником.

Кончайте поскорее вашу «Японию» и отдохните [4].

В майской книжке печатаются ваши три статьи [5].

Жму вам руку крепко.

Григ. Благосветлов

[1] Летом 1880 г. Благосветлов приезжал в Женеву и виделся с Мечниковым (см. п. 5).

[2] По-видимому, М. П. Драгоманов предложил «Делу» статью о студенческих волнениях 1878 г. в Германии. Благосветлова беспокоила возможность нежелательных ассоциаций у цензора: рубеж 1880-х годов был отмечен в России подъемом студенческого движения, связанным с подготовкой нового университетского устава. Ни эта, ни другая статья, предложенная Драгомановым (о кооперативном движении в Англии), в «Деле» за 1880 г. не появились.

[3] По-видимому, и здесь речь идет о предложении Драгоманова. Однако рецензии, подписанные его именем или одним из его известных псевдонимов, в «Деле» за 1880 г. не появлялись.

[4] О книге Мечникова «Японская империя» см. наст. том, с. 472.

[5] См. п. 3.

5

⟨Гомбург. Июль 1880 г.⟩

Многоуважаемый Лев Ильич,

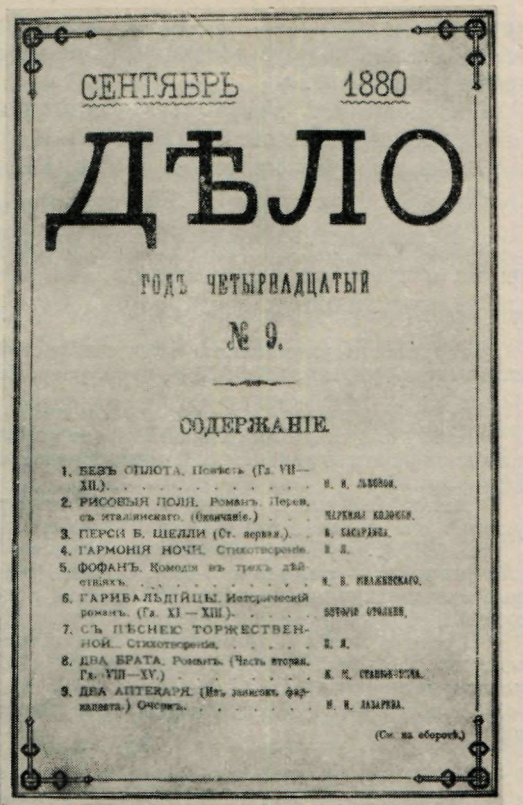
Благодарю вас за ваше ходатайство перед Катцем. Часы я получил и очень жалею, что поднял пустую тревогу. Дело в том, что я давно уже знаком с немецкой глупостью, но все-таки не знал ее вполне. Отправить часы в таможню и молчать, что они там лежат,— это было верхом немецкого дурачества. Совершенно случайно я узнал об этом, и когда дамские часы, которые весят не более 12 золотников, положили на весы, на которых прикидывают стопудовые ящики, то оказалось, что их весить нельзя и следовало отправить прямо на почту. Вот в чем — вся история, возбудившая во мне сомнение в добродетелях женевского еврея [1].

Шелгунов извещает меня, что статья ваша «Социологические заметки» отдана в набор, следовательно, она готовится в 7-ю книжку; о «Шелли» он ничего не пишет, да и трудно ему знать вслед за выходом книжки полный состав следующего номера [2]. Вероятно, я уведомлю вас уже из Харькова. Но если женевская температура не мешает вам творить, то продолжайте и «Шелли» — он будет напечатан.

«ДЕЛО», 1880, № 9

В этом номере напечатана статья Л. И. Мечникова «Перси Биши Шелли» (под псевдонимом «В. Басардин»)

Обложка



СЕНТЯБРЬ 1880

ДѢЛО

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. БЕЗЪ ОПЛОТА. Повѣсть (Гл. VII—XII.) . . . . . Н. И. ЛЬВОВОЙ.
2. РИСОВЫЯ ПОЛЯ. Романъ. Перев. съ италіянскаго. (Окончаніе.) . . . МАРКИЗЫ КОЛОМБИ.
3. ПЕРСИ Б. ШЕЛЛИ (Ст. первая.) . . В. БАСАРДИНА.
4. ГАРМОНІЯ НОЧИ. Стихотвореніе. Н. Я.
5. ФОФАНЪ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. . . . . Н. В. ШКАЖЕНСКАГО.
6. ГАРИБАЛЬДІЙЦЫ. Историческій романъ. (Гл. XI—XIII.) . . . . . ВИТОРІО ОТОЛЕНИ.
7. СЪ ПѢСНЕЮ ТОРЖЕСТВЕННОЙ... Стихотвореніе. . . . . Н. Я.
8. ДВА БРАТА. Романъ. (Часть вторая. Гл. VIII—XV.) . . . . . К. М. СТАНЮКОВИЧА.
9. ДВА АПТЕКАРЯ. (Изъ записокъ фармацевта.) Очеркъ. . . . . Н. И. ЛАЗАРЕВА.

(См. на оборотѣ.)

Мысль ваша о Монтене — счастливая мысль; но он будет сух сам по себе, если вы не оросите его характеристикой его времени и общества вообще. О д'Аламбере было и в «Деле». После Золя не мешало бы поговорить и о Доде; он, конечно, приличнее Золя, но, в сущности, того же поля ягода. Это было бы и ново, и интересно. Кроме того, у нас, то есть в русской журналистике, ничего не было о Теккерее; но я не знаю, насколько трудно собрать о нем хорошие материалы. Кажется, у немцев о нем говорилось и больше, и лучше, чем у самих англичан [3].

У Драгоманова я был перед самым отъездом из Женевы и толковал с ним о научной хронике; но прошу вас передать ему при свидании, что дать ему из Гомбурга положительный ответ не могу, потому что не получил на этот счет уведомления от Ткачева, а между тем сегодня в 5 часов оставляю Гомбург и прямо в родные болота! Следовательно, уведомлю о научной хронике Михаила Петровича уже из Петербурга. Деньги ему уже на пути .

И Кравчинскому идут 50 р., которые тоже получатся дня через 2 или 3. Но я боюсь, что он надавал мне и письменно, и лично так много обещаний, что я, с своей стороны, не ручаюсь даже запомнить их все. Если «Рисовые поля» не будут посланы немедленно, то пусть и не высылает их; до октябрьской или ноябрьской книжки протянется другой роман [5].

Я попрошу вас очень — взять от Тюдикума [6] небольшой ящик, но не ранее, как уведомлю вас об этом. Вы сделаете мне большое одолжение, если приютите его на несколько дней у себя, когда вернетесь с дачи, а я тем временем, может быть, найду кого-нибудь из знакомых, едущих в Женеву, чтобы захватить с собой что-нибудь из его содержимого.

Оба мы очень жалеем, что заехали в Гомбург. Здесь и сыро, и холодно, а в Харькове, пишут нам,— жарко. На этот раз мы променяли соловья на

кукушку. Обоим нам как-то не по себе, может быть, потому, что уже ⟨очень⟩ большой груз оставлен за спиной. Оба мы уж слишком чадолюбивы и мнительны.

Жена посылает вам, Ольге Ростиславовне и Надежде Владимировне свой искренний поклон. Поклонитесь и от меня.

Жму вашу руку крепко и до свидания!

Григор. Благосветлов

Зайцев утверждал, что русские жандармы были причиной его сердцебиения; я чувствую что-то похожее на правду, когда собираюсь переступить родную границу.

Датируется по упоминанию о подготовке к печати статьи Мечникова «Социологические этюды» («Дело», 1880, № 7, ценз. разр. 26 июля).

[1] Подробности этого дорожного инцидента неизвестны.

[2] Н. В. Шелгунов был ближайшим сотрудником Благосветлова и в его отсутствие оставался в качестве редактора. Статью Мечникова «Перси Биши Шелли» см.: «Дело», 1880, № 9 и 10.

[3] Статьи Мечникова о Монтене и д'Аламбере в «Деле» не появлялись. Не были осуществлены и предложения Благосветлова.

[4] В 1880 г. рубрику «Открытые вопросы науки» вел А. Москвин (псевдоним А. Л. Эльсница — см. о нем с. 499). С июня 1880 г. в «Деле» появилась рубрика «Научные и литературные новости» (№ 6, 9) за подписью «Жане». Возможно, «Жане» — псевдоним Драгоманова (это подтверждается сообщением, что ему посланы деньги).

[5] «Рисовые поля» — роман итальянской писательницы Марии Торелли-Ториани (псевдоним «Маркиза Коломби»); напечатан («Дело», 1880, № 8, 9) без указания имени переводчика.

[6] Тюдикум — владелец швейцарского пансиона, где учились сыновья Благосветлова.

ПИСЬМА К. М. СТАНЮКОВИЧА
1882—1884

Константин Михайлович *Станюкович* (1843—1903) — известный писатель и публицист, с 1872 г. один из ведущих сотрудников журнала «Дело». После смерти Г. Е. Благосветлова играл активную роль в руководстве журналом, официальным редактором которого с марта 1881 г. стал Н. В. Шелгунов.

В 1882 г. участие в «Деле» эмигрантов-народников, привлеченных Шелгуновым, послужило поводом к его аресту и последующему отстранению от должности редактора. В том же году владелица журнала Е. А. Благосветлова ходатайствовала об утверждении Станюковича официальным редактором. Ходатайство это было отклонено, поскольку Департамент полиции охарактеризовал его как «личность противоправительственного направления» (поводом для такой характеристики были связи Станюковича с революционной эмиграцией). Этот отказ вынудил Станюковича пойти на приобретение прав на издание журнала, и в декабре 1883 г. он стал полным владельцем «Дела». Роль Станюковича в руководстве «Делом» после смерти Благосветлова, обстоятельства приобретения им прав собственности на это издание, а также деятельность его как издателя освещены в книге: В. П. Вильчинский. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 199—213.

Под руководством Станюковича «Дело» остается одним из ведущих органов демократической печати. Как видно из публикуемых ниже писем его к Мечникову, «первым и настоятельным вопросом на очереди» новый издатель считает «вопрос политический», т.е. завоевание «хоть каких-нибудь человеческих прав», ибо «без решения политического вопроса немыслимо решение других». В таком духе, по мнению Станюковича, следует вести каждый прогрессивный орган печати.

Одну из задач «Дела» Станюкович видел в материальной поддержке сосланных или эмигрировавших публицистов — таких, как П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский, Н. Ф. Анненский, С. М. Степняк-Кравчинский, П. Н. Ткачев, Г. В. Пле-

ханов, Л. А. Тихомиров (И. Кольцов), Л. И. Мечников и др., — эту задачу он подчеркивает в одном из публикуемых писем. Такую линию, принятую еще Благосветловым и продолженную Шелгуновым, линию, которую можно назвать негласной традицией русской демократической журналистики, Станюкович выдерживал твердо и последовательно.

Что же касается литературного отдела, Станюкович и Шелгунов, негласно участвовавший в руководстве журналом, заметно изменили профиль «Дела». Оба они были недовольны уступками нетребовательному вкусу, которые делал Благосветлов в погоне за подписчиком,— показательно в этом отношении письмо Станюковича Мечникову от 28 апреля 1883 г.

Изменение литературного курса привело к некоторому падению подписки. Но у Станюковича были, по-видимому, все основания ожидать, что журнал переживет этот временный кризис. Однако в апреле 1884 г. он был вызван из-за границы, где лечился, в Петербург. Там он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и затем сослан. Предлогом для ареста и ссылки послужили связи Станюковича с эмигрантами и ссыльными литераторами. С арестом Станюковича «Дело» как демократический журнал перестало существовать и резко изменило свое направление с приходом нового редактора.

Публикуемые письма Станюковича к Мечникову охватывают период с мая 1882 г. по январь 1884 г. и свидетельствуют о тесной связи между петербургским редактором и его швейцарским сотрудником. Судя по этим письмам, Станюкович высоко ценил Мечникова как публициста и очень считался с его мнением, видя в нем не просто единомышленника, но человека, способного мыслить широко и объективно.

Из писем Станюковича видно, насколько был труден путь, избранный русскими журналистами революционно-демократического лагеря. Мечников, например, писал свои блестящие литературные обзоры, живя в швейцарской деревушке Кларан, не имея под рукой ни библиотеки, чтобы брать книги, ни средств, чтобы их покупать. В таком положении работали и многие его коллеги. Издатели же «Дела» продолжали свою линию в руководстве журналом, несмотря ни на какие цензурные трудности, зная, что рано или поздно им придется поплатиться за это. Вся их деятельность была тяжелой каждодневной борьбой за существование русской демократической печати, сознательное подвижничество русской демократической интеллигенции.

Переписка Станюковича с Мечниковым почти полностью утеряна. Все, что от нее сохранилось,— это четыре письма, публикуемые нами по автографам из архива Мечникова (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 73).

1

СПб., Спасская, 16, кв. 31 ‹18›82, V, 22

Многоуважаемый Лев Ильич,

Опять хлопоты мои не увенчались успехом. Цензор не пропускает «Очерков мистицизма» на июньскую книжку. Просит повременить [1].

Могу заверить вас, Лев Ильич, что я принимаю близко к сердцу интересы авторов непропускаемых статей, но чем же виноват я, если, несмотря на хлопоты, статья не пропускается? Полагаю, было бы удобнее для вас и для нас, если бы вы предупреждали о темах...

Затем, Лев Ильич, позвольте сказать несколько слов в ответ на письмо ваше от 10/22 мая и оправдаться от упреков — упреков едва ли справедливых и заслуженных мною.

Вы, между прочим, пишете, что я до сих пор не дал вам, как и Шелгунов ранее, категорического ответа на вопрос ваш: «расчетливо ли с вашей стороны посвящать небольшое количество свободных часов в день работе для русских журналов?» Мне кажется, вы ошибаетесь, Лев Ильич. Я давал этот ответ не раз в моих письмах заявлением, что вашим статьям

мы будем всегда рады. Какой же другой, более категорический ответ мог я дать вам?

Сообщая о том, что статьи ваши желательны, я вполне рассчитываю, что вам хорошо известны условия относительно возможности уделять место статьям постоянных наших сотрудников. Журнал, как я и писал вам, выходит в количестве 28 листов (я принужден был сократить на 2 листа, чтобы справиться в этом году с бюджетом); исключая беллетристику (около 15 листов) и текущие отделы (около 8 листов), у нас для статей, так называемых «серьезных», остается около 5 листов. Постоянных же сотрудников, пишущих такие статьи, пять человек [2]. Я не говорю уже о случайных статьях, иногда выдающихся и заслуживающих помещения. Решайте сами, Лев Ильич, как тут быть, чтобы избежать нареканий? Ведь и Шашков, и Берви, и Никитин тоже были старыми сотрудниками «Дела» и, кажется мне, могут рассчитывать на помещение своих статей. Миртов тоже нуждается в работе...

Материальное положение этих лиц находится в непосредственной зависимости от сбыта статей. Шашков в параличе; Берви в ссылке и принужден жить с четырьмя детьми в двух маленьких комнатах. Никитин и Миртов тоже бедствуют.

Вы пишете, Лев Ильич, что ваших статей лежит в редакциях на 2000 франков. Честное слово даю вам, что статей Шашкова по крайней мере на 10 тысяч франков. Половина из них запрещена, а половина лежит, и когда статьи эти пойдут, бог знает. Берви тоже прислал немало статей, но что же мне делать, научите бога ради!?

Я считаю, что единственный справедливый выход в соблюдении очереди, то есть, чтобы каждый из старых наших сотрудников мог рассчитывать на помещение своих статей по мере их поступления. То же самое я всегда говорил Шелгунову. Так рассчитываю я поступать и теперь. Было бы, разумеется, очень желательно, чтобы каждый из постоянных сотрудников мог рассчитывать на помещение своих статей ежемесячно, но ведь тогда надо выпускать книжки по крайней мере в 32 листа, не говоря уже о том, что статьи Анненского (в ссылке и бедствует), Кольцова и других никогда бы не могли появляться в «Деле» [3].

Я очень хорошо понимаю, Лев Ильич, как неприятны неудачи с романом [4] и «Очерками мистицизма», но ведь все мы, пишущие в русских журналах, находимся всегда под страхом таких неудач. У нас в редакции много непропущенных статей. Я, например, очень часто пишу фельетоны в двойном размере, оставляя половину на цензорские помарки и, таким образом, заранее себя обрекаю на напрасный труд. Это одно из удовольствий работы в подцензурном издании. Впрочем, и в бесцензурных не лучше.

Вы пишете еще, что в этом году помещена только одна ваша повесть [5]. Совершенно верно. Но, кроме повести, я имел в этом году только роман и «Очерки». «Очерки» были назначены в майскую книжку и не пропущены. Что же касается до начала вашего романа, то вы знаете о моих хлопотах. Чем же виноват я, что они были безуспешны?

Мне кажется, я даже уверен, что не дал вам, Лев Ильич, ни малейшего повода считать мои отношения к вам в каком-либо отношении недоброжелательными, а между тем из письма вашего, к сожалению, явствует, как будто вы упрекаете меня. Это обидно, Лев Ильич, и тем более обидно, что несправедливо.

Нечего, само собою, говорить и о том, что как я не решился бы предложить вам «литературного» сотрудничества, так точно и вы не приняли бы его. Мы оба слишком хорошо знаем, что журнал не филантропическое заведение. Еще на днях пришлось возвратить Берви статью, как ни тяжело было это делать, зная его материальные условия. Статья — сухая, длинная, совсем не журнальная. Место ей в сборнике каком-нибудь, а не в жур-

нале для публики, требующей (и совершенно резонно) популярных статей, а не трактатов, которые остались бы неразрезанными. Когда я несколько раз писал вам, Лев Ильич, что статьи ваши желательны, то, разумеется, я имел в виду лишь пользу журнала, так как привык относиться к вашим журнальным работам, как читатель, с большим уважением. Если бы я думал иначе, то при всем личном моем уважении к вам, я не согласился бы высказать свое мнение по моему крайнему разумению, так как я привык в журнальных отношениях руководствоваться не добрыми отношениями и не личным знакомством или личной неприязнью. Александр Леонтьевич [6] может засвидетельствовать вам, сколько пропало даром переводов у наших переводчиков, и я уверен, они за это не сердятся и не смеют сердиться на меня, если сколько-нибудь уважают меня.

Еще раз повторяю, многоуважаемый Лев Ильич, то, что вы, казалось бы, должны давно знать: сотрудничество ваше желательно, и статьи ваши найдут всегда радушный прием. Об этом нечего и говорить, но в то же время я должен просить вас, Лев Ильич, не быть в претензии, если статьи ваши не будут появляться в каждой книжке. При всем желании это невозможно. Пришлось бы отнимать место у других старых работников «Дела» и совсем закрыть двери для молодых сил, как Кольцов и другие,— как делал покойный Благосветлов. И еще просьба: не давайте, по возможности, очень длинных статей, которые бы пришлось разбивать на несколько книжек. Это затруднительно, тем более, что поневоле придется их прерывать и печатать через книжку, а этого читатель не любит. Разумеется, я говорю относительно. Бывают исследования и крайне интересные, которые не могут быть исчерпаны в двух-трех статьях.

В заключение мне остается просить вас, Лев Ильич, не сердиться за некоторую, быть может, резкость этого оправдания. По совести говоря, я не считаю себя виноватым, и мне было крайне обидно получить от вас, именно от вас, упреки...

Впрочем, довольно... Как ни жаль, что не удастся лично с вами поговорить, я все-таки надеюсь, что мы и в письмах сговоримся и что вы не будете иметь более причин жаловаться на «цесаризм» «Дела»...

По крайнему моему убеждению, первый и настоящий вопрос на очереди — вопрос политический. Сперва надо добиваться хоть каких-нибудь человеческих прав, а потом уже идти далее. В таком духе, мне кажется, должен вестись каждый приличный орган печати. Без решения политического вопроса немыслимо решение других.

Роман ваш отправлен в редакцию «Русской мысли». Надеюсь получить оттуда ответ в скором времени (хоть редакция там и ленивая), так как комиссионером будет одна моя знакомая, Некрасова, сотрудница «Русской мысли». Ее хорошо знает и Александр Леонтьевич.

Жаль, что не придется побывать в ваших злачных местах. Шелгунов болен и уехал в отпуск на 2 месяца. Бажин тоже похварывает. Жена моя все еще не поправляется, но надеюсь, что болезнь ее кончится месяца через полтора или два.

Все мы шлем привет вашей супруге и вам. Крепко жму вашу руку, Лев Ильич.

Искренне уважающий вас

К. Станюкович

P. S. Присылайте что-нибудь. Ведь бог знает этого цензора. Быть может, и в июле он попросит «повременить» с «Очерками».

[1] Статья Мечникова под таким заглавием в «Деле» не появлялась.

[2] Далее Станюкович называет четырех из этих пяти сотрудников (пятым был Мечников). Серафим Серафимович *Шашков* (1841—1882) — публицист, с 1867 г. один из ведущих публицистов «Дела» (печатался под своим именем и под псевдонимами: «Н. С.», «С. С. Ш.», «С. Ш.», «Серафини», «С. Ставрин», «С. Ш.-в»); с 1874 г. находился

в ссылке, последние 10 лет был тяжело болен, сильно нуждался. Василий Васильевич *Берви* (1829—1918) — публицист-социолог, в 1867—1882 гг. печатался (с перерывами) в «Деле» под псевдонимами: «Навалихин», «Н. Ф-ий», «Флеровский», «Земец». Никитин — Петр Никитич *Ткачев* (1844—1885)— революционер-народник, публицист и литературный критик; с 1869 г. был одним из основных сотрудников «Дела», печатался под псевдонимами (главный из них — «Никитин»; другие: «Все тот же», «Гл-и», «Гра-ли», «Гр-ли», «Гр-оли», «Грачиоли», «Нионов», «П. Н.», «П. Т.»,«По поручению все того же», «Постный», «N»); с 1873 г. жил в эмиграции, в 1882 г. из-за болезни прекратил литературную деятельность. *Миртов* — П. Л. Лавров (см. о нем наст. том, с. 508—601); в 1871—1881 гг. был постоянным сотрудником «Дела» (псевдонимы: «Миртов», «Л. Кедров», «П.», «П. Л.», «П. У.», «П. Э.», «П. П-ский», «П. Стоик», «Л. У-в», «П. У-ов», «П. Угрюмов»); с 1873 г. жил в эмиграции.

[3] Николай Федорович *Анненский* (1843—1912) — экономист и публицист, деятель народнического движения; в 1880—1883 гг. был в административной ссылке; в 1881 г. Станюкович привлек его в «Дело», где он печатался под своим именем. «Кольцов» — Лев Александрович *Тихомиров* (1852—1923) — публицист, один из руководителей партии «Народная воля», после ее разгрома (1883) эмигрировал; в 1881—1884 гг. был одним из самых активных сотрудников «Дела» (псевдонимы: «И. Кольцов», а также «К. М. Григорьев», «И. К.», «И. Х.», «И. К-в», «К-ъ»).

[4] Этот роман неизвестен. Ни в «Деле», ни в «Русской мысли», куда послал его Станюкович, он не был напечатан.

[5] Очерк Мечникова из жизни русской эмиграции «На всемирном поприще» см.: «Дело», 1882, № 2, 3.

[6] Об А. Л. Эльснице см. наст. том, с. 499.

2

‹18›83.IV.28

«Пассаж», о котором вы сокрушались, многоуважаемый Лев Ильич, свершился. Запродажная запись подписана. Условия покупки далеко не выгодные, но обстоятельства так сложились — о них я писал Александру Леонтьевичу — что другого исхода не было. Журнал куплен за 50.000, из коих 30.000 «вдова» получила в виде задатка; остальные 20.000 она получит в два срока: в январе 1884 и в январе 85 г. По условию запродажной записи, через две недели после выхода декабрьской книжки настоящего года Благосветлова обязана совершить продажный акт, рискуя в противном случае возвратить мне задаточные деньги и сверх того уплатить неустойку 30 000.

Сокрушаться поздно. Я знал и знаю, что будет трудно (особенно в настоящем году), и заручился кредитом типографии и бумаги; кроме того, нашлись люди, ссудившие деньгами. Придется еще долго путаться в долгах, если подписка не увеличится, а если еще уменьшится — и того дольше, но я рассчитываю, что не все же будет такая глухая пора и, наконец, не должно же быть дальнейшего усиленного падения подписки.

Вы знаете, вероятно, что в нынешнем году подписка значительно упала. Теперь 3 400 подписчиков: следовательно, к концу года можно рассчитывать на 3 500—3 550, не более. В прошлом году было 4 100. В позапрошлом 5 000.

Помимо общих причин — безденежья и неуверенности в прочности журналов, выразившихся в этом году общим понижением подписки во всех изданиях,— главная причина падения подписки в «Деле», мне кажется, кроется в перемене тона журнала за последнее время. По крайней мере, я вижу, что многие старые подписчики уходят; на смену им являются новые, но, разумеется, не в таком количестве. Словом, у нас совершается перемена «подписчика», и журнал переживает переходное время.

Говоря беспристрастно, я полагаю, что теперешнему «Делу» нечего конфузиться перед прежним. Напротив! Вы, вероятно, заметили, Лев Ильич, что мы избегаем старой благосветловской ругани, того хлыщества, восхищавшего гимназистов и с кондачка решавшего сложнейшие вопросы науки и жизни на основании двух, трех прочитанных книжек,— которым, если вы припомните, щеголяло прежде «Дело»; мы не даем буль-

варных и кровожадных романов, вроде «Тайн Бальды» [1] и тому подобных, вследствие чего и происходит, мне кажется, бегство старого подписчика. Зато новый является с более широким читательским цензом, а старый недоволен. Недавно один из таких жаловался мне на журнал так: «Прежде,— говорил он,— «Дело» *отделает*, так отделает — прелесть, а нынче не то... и романы не такие любопытные...»

Подобные отзывы не единичны. Немало писем получается редакцией, в которых жалуются на серьезность (у нас-то!) и на недостаток площадных романов. Я заинтересовался контингентом наших прежних подписчиков и пришел в ужас! Последнее время, при Благосветлове, читательский уровень подписчиков, судя по их профессиям, был очень низмен!

Несомненно, что Григорий Евлампиевич знал свою публику и, к сожалению, под конец своей деятельности даже угождал нетребовательным ее вкусам. Я помню, как однажды на мой вопрос: «Как не стыдно «Делу» печатать статьи, отрицающие в графе Л. Толстом даже талант»,— Благосветлов ответил, что делает это ради «цвета», ради «оригинальности» [2]. Само собой разумеется, что ни вы, ни я никогда не подумали бы о такой оригинальности и о *таком* успехе... Уж тогда логичнее было бы прямо издавать сборники похабных романов!

Все это припомнил *я*, чтобы уяснить причины падения подписки. Ведь уж не так же скверно ведется журнал, чтобы объяснить падение неумелостью! Очень было бы приятно, Лев Ильич, знать ваше мнение по этому поводу, мнение беспристрастное, чуждое боязни оскорбить самолюбие. Слава богу, я не болею самообольщением и первый неудовлетворен «Делом». Разве таким должен быть журнал?

Я знаю, что оригинальная беллетристика плоха (но где она хороша?), что нередко наши статьи не могут удовлетворить серьезного читателя и в то же время не по плечу любителям «Тайн Бальды»; я знаю, что в «Деле» нет того единства духа (я говорю не об узкой односторонности), который должен проходить живой струей через всю книжку журнала; я вижу, что недостает выработанной программы, которая не позволила бы появляться статьям чисто случайно: сегодня — американские женщины: завтра — китайские пагоды, послезавтра — новгородские сябры [3]. Все эти прорехи я вижу и понимаю, что не одна цензура в них виновата. Но я не теряю надежды, что мы «подберемся», хотя знаю, как трудно достигнуть не только удовлетворения, но даже не испытывать горького чувства при каждом выходе книжки. Видишь, что не то, совсем не то, чего бы хотелось! Из опыта двух лет я убедился, как трудно иметь статьи, желательные в журнале, то есть, чтобы они были и «журнальны» и обстоятельны, хорошо написаны и полны сведений и знаний... Да мало ли какие есть еще затруднения в этом деле... Всего не перескажешь вам, Лев Ильич, а на вас наведешь тоску... Смотрите же, не откажите в просьбе: поругайте нас, укажите недостатки... Ведь со стороны гораздо виднее...

Я уже просил вас в последнем письме давать нам статьи для первого отдела, помимо иностранных обозрений. На первый раз, позвольте, Лев Ильич, поделиться с вами темой, которая, мне кажется, была бы по времени и при известной российской писательской ловкости могла бы благополучно пройти цензурные узкости. Тема эта — общественное движение на Западе после Венского конгресса. Чтобы не испугать цензуру и не повторить вещей, более знакомых читателям, можно было бы оставить в стороне Францию и Англию (куда до них!) и пока, для первого этюда, возобновить в памяти читателя общественное движение и добывание политических прав хоть в одной только Германии. (Кстати, ее и Катков похваливает.) Пусть полюбуются, как даже скромный немец выбивался из-под лап самодержавия и не сидел сложа руки даже и тогда, когда репрессивные силы стремились задавить проявление всякой мысли... В теперешн-

К. М. СТАНЮКОВИЧ
Фотография Дьяговченко. Москва, 1880-е годы
Собрание К. П. Станюковича, Москва

нее время, когда общество так гнусно трусливо, напомнить об этом было бы полезно; не менее поучительно было бы напомнить и о Штейне, в виду царства наших государственных баши-бузуков [4].

Что скажете вы, Лев Ильич, о таком этюде статьи на две? Если тема эта одобряется вами — не дадите ли вы нам такой этюд? Черкните словечко. Года два назад Шашков дал нам работу в таком роде об Австрии («Австрия в эпоху реакции»), но статья была ужасно искалечена цензором вследствие неумения Шашкова избегать резких выражений... [5]

Ваше иностранное обозрение получено, набрано и пропущено цензором. За что, Лев Ильич, вы только раздразнили аппетит читателей (и мой в том числе), упомянув вскользь о мемуарах мадам Карлейль? Сами же вы говорите, что они очень интересны (то же я слышал от одного лица, читавшего их), и о мемуарах — два слова, точно вы предполагаете, что читатели «Дела» их читали? Не поговорите ли вы о них подробнее в следующем обозрении [6].

Я очень хорошо понимаю, что на листе, много-много листе с четвертью (вот рамки, которые можно отвести обозрению), невозможно роскошествовать разнообразием; иначе в конце обозрения поневоле придется давать краткий перечень, вроде газетного отчета, из которого читатель не познакомится с сущностью книги и не узнает отношения к ней автора. Поэтому, мне кажется, придется ограничиться знакомством читателя с выдающимися явлениями иностранной литературы и держать его «au courant» * движения европейской мысли, не особенно заботясь о разнообразии...

Я написал это и чувствую себя виноватым, вспомнив, что вы в Кларане, где нет библиотек и где, следовательно, трудно пользоваться книгами и

---

* в курсе (*франц.*).

журналами... Покупать же книги при том скудном гонораре, который пришлось установить теперь, немыслимо. Вот вам еще одна дилемма, дорогой Лев Ильич, в числе многих, о которых я говорил раньше...

Знаете ли вы новую книгу о Байроне — «The Real lord Byron: New Views of the Poets Life»? Говорят, интересная книга. Если это правда, если в ней действительно «новый» взгляд на жизнь поэта, то было бы интересно познакомить с ней читателя... Быть может (если книга действительно хороша), вы найдете удобным сделать из нее небольшую статейку? [7]

Однако, довольно о делах. Чай, я уже надоел вам ими? А обо многом еще хотелось бы поговорить с вами, но это удовольствие я оставляю до нашего свидания, на что надеюсь. В конце мая или начале июня собираюсь поехать в Вильдунген (есть такая немецкая дыра), серьезно лечить свой запущенный мочевой пузырь, который не дает мне покоя. Доктора еще в прошлом году посылали меня туда, но... но, если бы не брат Александра Леонтьевича [8], обещавший меня ссудить деньгами на поездку, то, вероятно, я и в нынешнем году не собрался бы, так как «дела» очень туги. Если средства позволят спуститься в Швейцарию — конечно, спущусь.

С февраля мы все приютились в Царском Селе. И детям полезно, и карману. Сообщение удобное: полчаса до Петербурга. Теперь все у нас здоровы, а сын цветет и служит общей семейной игрушкой.

Люба шлет вашей супруге и вам свой искренний привет. Такой же передайте супруге вашей и от меня. До свидания. Крепко жму вашу руку и прошу не забывать

искренне уважающего вас К. Станюковича

P. S. Вчера из редакции зашел к Надежде Владимировне [9]. Думал пробыть $^1/_4$ часа, а проболтал с ней целых два. В начале мая собирается к вам. Здорова, а ее дочь в полном смысле цветущий ребенок. Обещала до отъезда побывать у нас в Царском.

К. С.

[1] «Тайна Бальды» — роман А. Маттеи («Дело», 1879, № 1, 2, 4).

[2] В 1875 г., в связи с публикацией «Анны Карениной», в «Деле» (№ 5) был напечатан анонимный «Критической фельетон», в крайне развязной форме критиковавший романы Толстого. Станюкович неточен: автор признавал в Толстом «бездну художественного дарования», но, возмущаясь «растленной моралью» «Войны и мира» и «скандальной пустотой содержания» «Анны Карениной», заключал фельетон вопросом: «стоит ли говорить о великом художестве, если оно потрачено в изобилии на совершенно вздорное и даже, если хотите, растленное содержание?»

[3] Сябёр, сябр — то же, что смерд, мужик, холоп.

[4] В 1882 г. в «Деле» появились две статьи С. С. Шашкова, посвященные эпизодам политической истории Европы XIX в. и написанные с позиций, сформулированных в публикуемом письме («Австрия после Венского конгресса» — № 2; «Политические движения в Германии» — № 11). В первой из них рассматривалась реакционная политика Австрии вплоть до 1873 г., когда «наступил расчет» и страну охватил экономический кризис; первоначальное название («Австрийские уроки») было запрещено цензурой. Вторая статья посвящена истории зарождения социалистической партии в Пруссии. Статья Мечникова «Национальное единство и федерализм в Германии» («Дело», 1883, № 8, 9) также отвечала намеченной Станюковичем программе. Генрих Фридрих *Штейн* (1757—1831) — глава правительства Пруссии в 1807—1809 гг.; отменил крепостную зависимость крестьян и провел ряд либерально-буржуазных реформ в области государственного управления; наступившая после Венского конгресса реакция свела на нет почти все его реформы.

[5] В анонимном некрологе С. С. Шашкова отмечалось, что, вопреки всем цензурным искажениям, «жизненность статьи чувствовалась в каждом ее слове» и внутренняя политика России «находила себе полное осуждение в критике недавнего австрийского опыта» («Дело», 1882, № 10).

[6] В майском обзоре «Новости иностранной литературы» («Дело», 1883, № 5) Мечников, упомянув о только что вышедшем издании писем Томаса Карлейля, отметил, что «Письма и мемуары» его жены («Letters and memorials of Jane Welsh Carlyle», v. 1—3. L., 1883) «читаются с гораздо большим интересом», чем его собственные письма. В дальнейшем к этой книге Мечников не возвращался.

[7] В отзыве о труде Джона Джефферсона «Подлинный Байрон. Новый взгляд на биографию поэта» (John J e a f f e r s o n. The Real lord Byron. New reagard of poets life, v. 1—3. Leipzig, 1883) Мечников поставил автору в заслугу то, что он «первый из всех писавших о Байроне» пытался уяснить, насколько Байрон в действительности «отвечает тем представлениям о творце байронизма, которые укоренились повсюду» («Дело», 1883, № 7, «Новости иностранной литературы»).

[8] Герман Леонтьевич Эльсниц, брат А. Л. Эльсница.

[9] См. наст. том, с. 476.

3

Wildungen Bad. Badelogierhaus, 47 .<18> 83, VII, 16

Многоуважаемый Лев Ильич,

Вчера получил гнусную телеграмму из Петербурга, известившую меня, что Лебедев не утвержден редактором [1]. Через четыре дня, не окончивши лечения, еду в Петербург хлопотать о новом редакторе. Надеюсь — даже уверен,— что эта новая каверза Департамента государственной полиции — просто каверза, не более, так как закрыть журнал подцензурный им нет резона, и, наконец, если бы и был, они могли бы сделать это иначе.

Вероятно, вы получили от Германа Леонтьевича вашу рукопись? Я прочел ее с удовольствием и позволил себе только сделать карандашом знак против имени Збышевского. Он никогда графом не был. Я его знал, когда он служил во флоте (в кругосветном плавании вместе были), тогда он был большой «дантист», как выражались в старину, а в последнее время он сделался большим «дельцом», был, как говорят, в фаворе у Бонту и года два тому назад приезжал в Петербург для устройства какого-то коммерческого дела [2].

Крепко жму вашу руку, Лев Ильич, и прошу передать глубочайший привет Ольге Ростиславовне и Надежде Владимировне.

Весь ваш К. С т а н ю к о в и ч

P. S. Не откажите в просьбе: переведите, пожалуйста, следующую латынь Спинозы и пришлите перевод. «Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat et ejus sapientia non mortis sed vitae meditatio est.— Beatitudo non est virtutis premium sed ipse virtus» *

P. P. S. Вы, разумеется, получили деньги от Германа Леонтьевича. Сергею Михайловичу тоже послано 100 франков.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте храброго, но злополучного издателя.

К. С т а н ю к о в и ч

N. B. Писал Эльсницу в Женеву насчет будущих сношений с редакцией. Впрочем, вас я не боюсь — Кларан не Женева.

Уеду отсюда в четверг. Надеюсь еще иметь от вас весточку.

К. С.

См. наст. том, с. 502.

Станюкович возвратил Мечникову (через Г. Л. Эльсница) рукопись его воспоминаний «М. А. Бакунин в Италии в 1864 году», две главы которых посвящены рассказу о подготовке морской экспедиции польских повстанцев в Средиземное море под руководством морского офицера Сбышевского (см. об этом: А. И. Г е р ц е н. Былое и думы, ч. VII, гл. V); воспоминания Мечникова см.: «Исторический вестник», 1897, № 3. «Дантист» — так называли офицеров, практиковавших кулачную расправу с подчиненными. Эжен Бонту — президент одного из крупнейших парижских банков 1870-х годов.

* «Свободный человек менее всего думает о смерти, и мудрость его в том, что он думает не о смерти, а о жизни.— Блаженство не награда за добродетель, но сама добродетель».

4

СПб. ‹18›84, I, 29. Воскресенье.

Простите ли вы, многоуважаемый и дорогой Лев Ильич, за мое воистину позорное молчание? Вы еще в декабре требовали ответа, а я — ни гу-гу.

Смею надеяться, что в конце концов вы великодушно произнесете: «виновен, но заслуживает снисхождения». И если только вы дадите снисхождение, то, право, не погрешите против справедливости. Дело в том, что над нами стряслась беда, о которой вы, верно, слышали. Весь декабрь наша вторая девочка (Люба) прохворала; в конце того месяца (28-го) доктора решили увезти больную из Петербурга, грозя в противном случае смертью девочки, и в январе (по русскому стилю) жена, Люба и я уже ехали в Ментон. Устроив их в Ментоне и поручив дочку вниманию Белоголового, я спешно вернулся назад и погрузился в омут разных хлопот. Вы сами знаете, что время самое горячее...

Теперь здоровье моей девочки, судя по письмам жены, улучшается, и есть надежда, что Люба совсем поправится под теплым солнышком. Но, по всей вероятности, придется ей провести не одну, а две зимы на юге. В таком случае, если так решат доктора, в апреле я перевезу все остальное семейство в Швейцарию, куда приедет и Люба с больной, и они проведут лето и осень где-нибудь на берегу Женевского озера, вероятно, в Кларане, если только моя девочка к тому времени избавится от страха перед грозами... Если нет, то придется искать других мест.

Вот, Лев Ильич, какую переделку приходится выносить благодаря этому адски-гнусному петербургскому климату.

Затем, Лев Ильич, изложив по чистой совести все свои «смягчающие обстоятельства»,— перехожу к делам.

Драму Фр. Коппе, о которой вы писали, не переводите для «Дела». Нам решительно невозможно скоро ее поместить [1]. Мы запаслись огромным романом Ардова (Бларамберг) и еще с ноября приняли две драматические вещи, которые надо поскорей напечатать, так что брать новые вещи решительно нельзя [2].

Но если мы богаты в этом году беллетристикой (хотя и не блестящей), то серьезными статьями для первого отдела не особенно богаты, и я надеюсь, что вы, Лев Ильич, будете вкладчиком по этому отделу... Нет ли у вас подходящих тем? Черкните словечко...[3]

Есть у меня, кроме того, специальное для вас предложение. В настоящее время вышел, кажется, уже четвертый том сочинений Н. Михайловского. Об этом публицисте, философе и критике нет до сих пор нигде сколько-нибудь обстоятельного слова, а он его, по моему мнению, во всяком случае заслуживает. Как никак, а Михайловский читался и почитался молодежью и разобрать его, я думаю, не мешало бы человеку, который был бы чужд узкопартийному пристрастию в ту или другую сторону. Мне кажется, что вы могли бы отлично это сделать. Если не о самом Михайловском, то по поводу его можно было бы дать прелюбопытную статью о нашем критико-публицистическом развитии за последнее время. Что вы на это скажете? Если согласны, то я вам немедленно вышлю все вышедшие томы [4].

Ваше последнее (январское) обозрение — просто прелесть и положительно одна из лучших статей январской книги. Вот какие обозрения нам бы иметь всегда! Ваш отзыв о «Лондонской голытьбе» возбудил во мне такой интерес к самой книге, что, по моему мнению, не мешало бы познакомить читателей «Дела» с этой книгой подробнее. Всю сплошь перевести, конечно, нельзя, а если бы сделать из нее извлечения, выбрав наиболее характерные места, то было бы очень кстати. Не возьметесь ли сделать

это? Если да — то нужно сделать поскорей как можно, иначе где-нибудь появится раньше. Если вам некогда — не попросите ли взять на себя эту работу Александра Леонтьевича?[5] За такие компиляции (полупереводы) мы платим от 30 до 40 р. с листа... Ответьте, пожалуйста, что вы думаете насчет этого предложения?

Дела «Дела» в этом году чуть-чуть лучше, и есть надежда, что будет около 4 000 подписчиков. Год будет трудный, так как долг на журнале изрядный, но я, по свойственной мне отваге, не боюсь, тем более, что даже небольшой прирост доказывает кое-что... И есть люди, которые дают мне кредит. Между прочим, интересное явление... Из 3 200 подписчиков, которых мы имеем в настоящую минуту, около 1 000 новых, и много рассроченных, благодаря объявлениям о рассрочке. Радоваться ли такой перемене читателя — покажет будущее, но что контингент читателя «Дела» меняется, в этом нет сомнения, и об этом я вам писал еще в прошлом году[6]...

Надежда, что будет до 4 000 подписчиков, заставила меня чуть-чуть возвысить гонорар. К сожалению, только чуть-чуть... Больше пока невозможно...

Крепко жму вашу руку и прошу передать искренние приветы вашей супруге и Надежде Владимировне.

Весь ваш К. Станюкович

[1] По-видимому, Мечников предлагал перевести драму Франсуа Коппе «Северо Торелли» (1883), имевшую большой успех в Париже. Перевод ее в «Деле» не появился.

[2] Е. Ардов — Елена Ивановна *Апрелева* (рожд. Бларамберг; 1846—1923). Ее роман «Руфина Каздоева» см.: «Дело», 1884, № 1—5. «Две драматические вещи» — по-видимому, «Бабий бунт» А. И. Эртеля (№ 1) и комедия А. И. Пальма «Милочка» (№ 2).

[3] На это предложение Мечников откликнулся статьей «Школа борьбы в социологии» («Дело», 1884, № 4, 5).

[4] Статья Мечникова о Собрании сочинений Н. К. Михайловского в «Деле» не появлялась.

[5] Значительная часть январского обозрения «Новости иностранной литературы» посвящена вопросу о «борьбе с нищетой в английской публицистике» («Дело», 1884, № 1). Предметом разбора Мечникова были книги Эндрью Мэрнса «Горький крик отверженных Лондона» (Andrew M e a r n s. The Bitter Cry of out cast London. L., 1883) и Гектора Франса «Лондонская голытьба» (Hector F r a n c e. Les Vaun-pieds de Londres. P., 1883). Последняя книга, автор которой ставил целью «сорвать со старой Англии личину ложной добродетели», интересна, по словам Мечникова, «прежде всего своей правдивостью». Сокращенный перевод ее см.: «Дело», 1884, № 3.

[6] См. п. 2.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ с С. М. СТЕПНЯКОМ-КРАВЧИНСКИМ

Предисловие и публикация Е. А. Таратуты

В самом конце 1878 г. С. М. Кравчинский вынужден был покинуть Россию и поселиться в Швейцарии. Тогда он полагал, что пребывание его в Западной Европе будет недолгим. Однако судьба его сложилась так, что на родину он больше не вернулся. После Швейцарии он жил в Италии, а последние одиннадцать лет жизни провел в Англии.

Так же как большинство русских политических эмигрантов той поры, Кравчинский не имел никаких средств к существованию. Лишь очень немногие получали какую-то материальную помощь от родных из России, остальные же терпели горькую нужду. Единственным доступным для них видом заработка был литературный труд. Они занимались переводами, писали статьи, очерки, корреспонденции для русской печати. Путь в западноевропейскую прессу для большей их части был закрыт; лишь Лавров, Кропоткин и впоследствии Кравчинский систематически печатались в научных и общественно-политических газетах и журналах Западной Европы.

Сохранившаяся небольшая часть переписки Кравчинского с Л. И. Мечниковым отражает условия существования русских политических деятелей 1870—1880-х годов в эмиграции. Точное время начала их знакомства не установлено, но мы знаем, что отношения их были весьма близкими. Причем Мечников, обладавший значительно бóльшим опытом эмигрантской жизни и бóльшими связями, во многом помогал Кравчинскому.

Наиболее тесные связи установились у русских политических эмигрантов с журналом «Дело», в котором, кроме Мечникова и Кравчинского, печатались А. Л. Эльсниц, Л. А. Тихомиров, П. Н. Ткачев и др. Почти каждый год в Швейцарию приезжали редакторы «Дела»— Благосветлов и, позднее, Станюкович. И здесь они договаривались с эмигрантами об их работе в журнале.

В «Деле» были напечатаны в переводе Кравчинского многие романы —«Рисовые поля» итальянской писательницы Марии Торелли-Ториани, писавшей под псевдонимом «Маркиза Коломби» (1880, № 8 и 9), ее же «Потеря идеала» (1883, № 1 и 4), «Спартак» Р. Джованьоли (1880, № 8—12; 1881, № 1—8; в этой работе ему помогала О. Любатович), «Эндимион» английского политического деятеля Дизраэли (1881, № 1), «Депутат либеральной партии» немецкого писателя Роберта Бира (1882, № 1—4), «Золотой фонтан» испанского писателя Бенито Переса Гальдоса (1882, № 5—9), «Президент» К. Франсоза (1883, № 7—8), а также множество рассказов Дж. Верга, Э. Кастельнуово и др. Во всех этих публикациях имя переводчика не было указано. Кроме того, в «Деле» была напечатана большая статья Кравчинского «Ирландские дела» (1881, № 8—9, подпись: Б.) и очерк «Джузеппе Гарибальди» (1882, № 9, подпись: С. Горский). Готовил Кравчинский и другие переводы и статьи для «Дела», но из-за ареста Станюковича они не были напечатаны.

В делах Петербургского губернского жандармского управления сохранилось объемистое дело, озаглавленное: «Дознание о писателе К. М. Станюковиче, обвиняемом в связях с русскими эмигрантами Кравчинским Сергеем, Павловским Исааком и издателем «Вестника Народной воли» Тихомировым Львом» [1]; в нем имеются показания самого Станюковича, а также подробные выписки из гонорарных книг, из изъятых писем, копии посланных телеграмм и т.п. Эти материалы рисуют картину широкого участия русских эмигрантов в журнале.

Мечников помогал также Кравчинскому прокладывать путь в английскую прессу. После выхода в 1882 г. в Милане на итальянском языке книги «Подпольная Россия» английская печать весьма положительно отозвалась о ней, а в 1883 г. в Лондоне вышел ее английский перевод, также вызвавший отклики во многих лондонских газетах и журналах. В частности, одобрительную рецензию на нее опубликовала Элеонора Маркс.

Когда некоторые английские журналы предложили Кравчинскому сотрудничать у них, Мечников помогал ему, переводя его очерки на английский язык. Один мемуарист сохранил для нас отзыв Мечникова о «Подпольной России». Отвечая Степняку, недовольному языком своей книги, Мечников говорил: «Могу только повторить, что сказал: очень живо и хорошим итальянским языком написана... Ну, может быть, кой с чем я и не согласился бы в вашем предисловии. Мне кажется, например, что вы недооценили тип нигилиста 60-х годов — я ведь сам шестидесятник,— но портреты современных революционеров вполне рельефны. Перовская и Клеменс мне особенно понравились» [2].

Очерк о Степане Халтурине, над которым Степняк работал очень много, как бы продолжал серию портретов «Подпольной России». И получилось так, что пока он дополнял и переделывал очерк, Мечников должен был заняться собственными срочными работами и не располагал более временем для перевода «Халтурина» [3].

Публикуемые письма хранятся: ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 54, л. 1—12 (п. 1—7); там же, ф. 5805, ед. хр. 193, л. 5 (п. 8).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАОР, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 7.
[2] Н. С. Русанов. В эмиграции. М., 1929, с. 43.
[3] Подробнее об этом см.: Евгения Таратута. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973, с. 299—306.

1. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

〈Женева. 1883, до 24 марта〉 [1]

Дорогой Лев Ильич!

Премного благодарен вам за двойную любезность: во-первых, за Станюковича [2], во вторых — за ваши 150. Только сегодня вечером получил. Так как всех мне было много, то я отдал 100 франков Драгоманову [3], объяснив, за что и откуда, так что за мной всего 50, которые и возвращу к сроку. Драгоманов просил вас очень благодарить, потому что сидел без медного сантима за отправкой дам в Биарриц.

Будьте здоровы. Кланяюсь вашим. Надеюсь завернуть к вам как-нибудь.

Да, кстати: вышло некоторое недоразумение по части заказов. Я спрашивал С〈танюковича〉 от имени Евгения (Дмитриева) [4], подойдет ли ему тема «Университетские движения в Германии в период реакции». С〈танюкович〉 сказал, что тема ему очень нравится и уполномочил меня передать Евгению, чтоб он писал. Затем, когда мы с вами ушли, пришел сам Евгений с Жоржем [5], тоже для уловления заказов.

Заговорил Евгений, и Ст〈анюкович〉 повторил ему благословение писать. А потом, когда Евгений отошел и к С〈танюковичу〉 приступил Жорж, сей последний, покончивши разговор о своих темах, вздумал по приятельству заговорить об Евгеньиной, и тут произошел конфуз. С〈танюкович〉 вдруг говорит: «Отличная тема, мы уже заказали статью об этом Мечникову». Жорж ничего не знал о моих переговорах и потому ничего не ответил и, восприяв в свое сердце грустный ответ, передал его Евгению.

Я уверяю, что это недоразумение. Мы ушли с вами вместе и как раз перед тем о теме я говорил ясно и согласие его получил категорическое.

Он не мог заказать ту же работу и вам. Он просто до такой степени засыпан был темами и предложениями, что ляпнул невпопад. Но, кроме того, я уверен, что если бы и случился заказ двум лицам одной темы (очень мало вероятная вещь), то вы, узнавши, что это — человек, много работавший над своей статьей и почти написавший ее, да к тому же очень нуждающийся,— и говорить не станете о каких бы то ни было правах и преимуществах [6].

Ваш Сергей

[1] В письме 3 от 24 марта 1883 г. Степняк-Кравчинский сообщает о скорой уплате долга в 50 фр., в этом письме извещает о получении этих денег.

[2] Очевидно, Мечников известил Степняка-Кравчинского о приезде Станюковича.

[3] Михаил Петрович Драгоманов, живший в 1876—1889 гг. в Женеве; Степняк-Кравчинский очень уважал его и дружил с ним.

[4] Евгений Дмитриев — Лев Григорьевич *Дейч* (1855—1941) — революционный народник, член «Земли и воли», после раскола этой организации вошел в «Черный передел». В 1883 г. стал одним из участников группы «Освобождение труда».

[5] Жорж — Георгий Валентинович Плеханов.

[6] Об этой статье см. п. 5 и 6.

2. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

⟨Женева. 1883, до 24 марта⟩

Посылаю вам, дорогой Лев Ильич, конец моей статейки [1] и очень благодарю за присланную через Эльсница [2] первую половину. Перевод с точки зрения языка, насколько могу судить, превосходный, но только в некоторых местах вы слишком удалились от оригинала, чего в данном случае делать невозможно вот почему: ведь я составлял ее по «Халтурину» «Календаря» [3], который излезет ⟨!⟩ же когда-нибудь, и тогда обнаружится, что мы им воспользовались слишком свободно. У вас, например, сказано, что комитет не принял было предложения Халтурина [4]. Я понимаю вашу цель и, с своей стороны, тоже впустил несколько умиротворяющих капель, но нельзя доходить до полного противоречия тексту (где сказано, что Исполнительный Комитет *принял* и даже *разумеется* прибавлено. Есть еще несколько подобных местечек. Уж будьте добры, переведите еще раз эти кусочки — это дело получаса, а мне здесь искусника не найти. Я отдал читать одному господину и на днях пришлю листки.

Затем я хотел предложить вам вообще для будущих работ, которых предполагаю очень много наделать с божьей помощью, конкордат вот какой: мой «Cornhill» [5] и, как писал Чайковский [6], некоторые другие возможные для помещения журналы имеют благороднейшую из всех возможных привычек платить деньги вперед сполна тотчас *по принятии*. Вот за свою «Ольгу» [7], которую, наконец, перевели, я получил 15 фунтов = = 375 франков. По моему расчету оказывается вычет в 125 ⟨*Конец письма утрачен*⟩

[1] Свой очерк «Степан Халтурин» Степняк писал на итальянском языке, а Мечников переводил его на английский.

[2] Александр Леонтьевич (Людвигович) *Эльсниц*, барон (1849—1907) — революционер-народник, эмигрировал в 1871 г. Печатался в «Деле» под псевдонимом: Москвин.

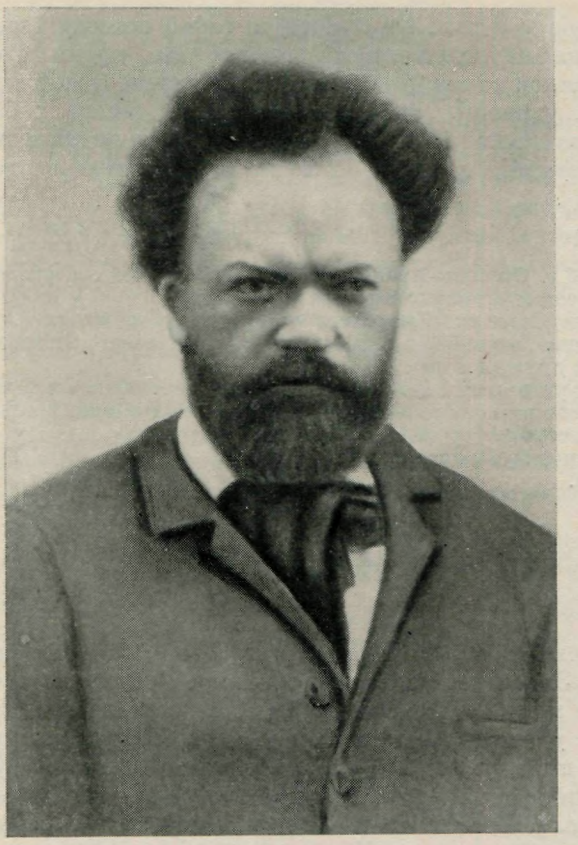
[3] «Календарь Народной воли» на 1883 год. Женева, 1883. Для этого издания Л. Тихомиров написал статью «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце», на основе которой Степняк составил начало своего очерка.

[4] Речь идет о предложении Халтурина устроить взрыв в Зимнем дворце.

[5] «Cornhill Magazin» — английский журнал, в котором сотрудничал Степняк.

[6] Николай Васильевич *Чайковский* (1850—1926) — народник, жил в те годы в Лондоне.

[7] Очерк Степняка об Ольге Спиридоновне Любатович был напечатан в «Cornhill Magazin» только в ноябре 1884 г.



С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ
Фотография
Институт русской литературы
АН СССР,
Ленинград

3. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

‹Женева› 24 марта ‹1883 г.›

Дорогой Лев Ильич!

Записку вашу вместе с рукописью получил. Очень обидно, что заставил вас поработать даром. Но если вы немножко сердитесь, то простите, когда узнаете, что это была за удивительная личность. Настоящий русский Камил Демулен. Было бы просто грешно оставить его в виде бледной тени с расплывчатыми очертаниями, как было у меня [1].

Вы спрашиваете: зачем перевод, раз в «Cornhill»? Вот зачем: перевод моей *первой* статьи продержали месяц и одну неделю. Может статься, что вторую продержат еще гораздо дольше, потому что им, может быть, захочется напечатать сперва первую. Ну, а, с одной стороны, «Календарь» весь в долгу и деньги ему нужны до зарезу, с другой, желательно, чтобы по-английски вещь вышла как можно скорей — если возможно *до выхода* «Календаря», потому что тогда кто-нибудь motu proprio * возьмет да и переведет его на немецкий или французский, а это будет вдвойне неприятно: и с денежной и с нравственной стороны, как скандал перед англичанами.

Вот почему я и не переменил цикла движения статьи, решив послать в «Cornhill». Если б было иначе, то я, конечно, не стал бы злоупотреблять вашей любезностью.

Ну, а теперь уж будьте добры, позвольте иметь вас в виду. Я сделаю вещь самую коротенькую, чтоб только годилась для печати. Потом в от-

* по собственному побуждению (*лат.*).

дельном издании можно будет дополнить. Стрельниковскую историю [2] и жизнь *после* взрыва рассказывать не буду. Вам, значит, не более как на два вечера будет. Но и то, впрочем, я написал одному менее вас занятому, но, к сожалению, и менее искусному переводчику — не возьмется ли он. Если нет, то уж позвольте обратиться снова к вам.

Ваш Сергей

P. S. Надеюсь, вам никакого огорчения от того, что я не отдал вам 50 франков из английской получки? Отдам из Деловой [3], как обещал, неукоснительно, чтобы впредь повадно было...

[1] Об очерке «Степан Халтурин» и работе Мечникова над его переводом см. п. 2. Камиль *Демулен* (1760—1794) — деятель Великой французской революции 1789—1793 гг.

[2] «Стрельниковская история» — см. наст. том, с. 570.

[3] «Деловая» получка — гонорар из журнала «Дело», в котором печатался роман Маркизы Коломби «Потеря идеала» в переводе Степняка (1883, № 1 и 4; опубликован без подписи переводчика).

4. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

‹Женева. 1883, март› [1]

... потому что у нас деньги будут от заклада одних типографий скоро. Кроме того, из Парижа от поляков (Мендельс‹она›[2]) и русских — На‹алии› Алекс‹андровны› Герц‹ен›[3] — должны быть. Мы бы выиграли, значит, дней 5 времени, а это, может быть, и было бы нашим спасением.

Жму вашу руку.

Попросите очень извинения у Реклю [4]. Писать ни о чем другом не могу.

Ваш Сергей

[1] Сохранился только конец письма. Датируется приблизительно.

[2] Станислав *Мендельсон* (1858—1913) — польский эмигрант, живший в Лондоне; позднее перешел на позиции буржуазного национализма.

[3] Наталья Александровна *Герцен* (1844—1936) — старшая дочь А. И. Герцена.

[4] Жан Жак Элизе *Реклю* (1830—1905) — французский ученый-географ, революционер, анархист. Был дружен с П. А. Кропоткиным, Степняком и другими русскими эмигрантами, часто оказывал им помощь. С чем связано беспокойство Степняка, неизвестно.

5. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

‹Женева. 1883, после 16 июля› [1]

Дорогой Лев Ильич!

Не отвечал на ваше милое письмо, потому что думал получить [на днях] ответ от патрона [2]. Но оного пришлось бы, пожалуй, ждать долго, и это вот почему: Эльсниц получил от него письмо, где он объясняет, что должен скоропалительно лететь в Петербург по телеграмме Шелгунова, из коей явствует, что Управление по делам печати (оно, кажется?) запретило их подставного редактора и не позволило ему подписать даже июльскую книжку [3]. Это, пишет Станюкович, можно понимать двояко: простая придирка или косвенный способ закрыть журнал, как со «Словом» было [4]. Он полагает, что первое, и надеется уладить дело, подыскав подставного редактора с литературным именем [5]. Во всяком случае, пока налагается карантин на все идущее из-за границы. Очищение писем от всего личного, могущего дать повод предположить близкое знакомство: а именно, не называть по имени и отчеству, а Милостивый государь! или Г-н редактор, не посылать поклонов и вообще ничего неофициального, и третье — писать не на квартиру, а прямо на редакцию.

Все это, впрочем, вам сообщил уже, вероятно, Александр Леонтьевич[6], и я пишу только на всякий случай.

Затем, заключение по поводу «беспорядков». Скорого ответа получить невозможно, и потому, если милость ваша будет, то предлагаю следующее, раз вы хотите принести в жертву первую половину своей статьи, вам, как самое лучшее, даже единственное — не возьметесь ли вы написать свою статейку quand même * и послать к августовской книжке с изложением своего условия (чтоб в августовской же шла) [7]. Ведь это статья уже одобренная в теме, и потому вы ничем не рискуете: в случае несогласия редакции, что трудно предположить, статейка ваша только полежит до своей очереди в редакции вместо того, чтоб лежать в вашей голове. Точно так я не допускаю мысли об уничтожении или возвращении вашей «половины». Она тоже должна полежать, потому что статейка Евгения [8] может очень оказаться неудовлетворительной.

Как вы об этом думаете?

Теперь две новые просьбы: во-первых, скажите, пожалуйста, Реклю, что Клеменс [9] пишет из Сибири (Минусинск), что у них в Музее (которым он почти заведует) имеется коллекция каких-то удивительных мхов и лишаев, до сих пор не получивших определения, так не пожелает ли кто-нибудь заняться этим и на каких условиях (последнего вопроса я не понимаю, но передаю как есть. Главное — есть ли у Реклю знакомые лишаевики, охотники до этой работы). Во-вторых, тот же Клеменс спрашивает, не нужно ли самому Реклю каких-нибудь этнографических или иных сведений об области верховьев Енисея. Тут Клеменс об «условиях» не поминает, но я думаю, что ему было бы приятно, если б эта работа могла рассчитывать на некоторое денежное вознаграждение. Может быть, Реклю может поместить подобную работу в какой-нибудь журнал.

Наконец, еще одна (не знаю, уж которая по счету) просьба. Дайте ему же прочесть отрывок из «Justice», и пусть он рассудит по всей строгости законов, каков перевод, т. е. годится ли для печати [10]. Это я потому спрашиваю, что открывается перспектива для издания книжки моей по-французски. Получили как-то рекомендательное и одобрительное письмо от Альфонса Доде [11]. Так я хочу знать, можно ли свою переводчицу пустить в ход или нет.

Извините, голубчик, что столько просьб насыпал на вас и к тому же намерен прикинуть еще одну: ответьте поскорее.

Крепко жму вашу руку.

Ваш С.

Адрес мой, имя то же — Carouge, Rue Lancy, № 552 (Каруж непременно, потому что есть другая Rue Lancy). Génève.

Кусочек [верните на всякий случай.] не посылаю, потому что нашел здесь знатока, который мне решит.

[1] Датируется приблизительно по связи с письмом Станюковича к Мечникову от 16 июля 1883 г. (см. наст. том, с. 494).

[2] От К. М. Станюковича.

[3] После того как на просьбу издательницы Е. А. Благосветловой об утверждении редактором журнала Станюковича был получен отказ, была выдвинута кандидатура владельца типографии, где печаталось «Дело», Н. А. Лебедева, который должен был стать фиктивным редактором (им подписана — «За редактора» — 6-я книжка журнала). Этот замысел был разгадан Главным управлением по делам печати, и 19 июля 1883 г. новая кандидатура была также отклонена, в связи с чем над журналом нависла угроза закрытия (см.: В. П. Вильчинский. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество, с. 206—207).

[4] В журнале «Слово», издававшемся с 1878 г., сотрудничали некоторые из революционных народников, а также политические эмигранты. В 1881 г. «Слово» было закрыто за «вредное направление».

* все-таки (*франц.*).

[5] Редактором «Дела» с июля 1883 г. был приглашен В. П. Острогорский. Кн. 7 и 8 вышли с его подписью: «За редактора». С кн. 9, после утверждения его, он стал официальным редактором журнала.

[6] А. Л. Эльсниц — см. п. 2, примеч. 2.

[7] Статья Мечникова «Национальное единство и федератизм в Германии» была опубликована в «Деле», 1883, № 8 и 9. Настоящее письмо и п. 6 свидетельствуют, что часть статьи была написана Л. Г. Дейчем.

[8] См. п. 1, примеч. 4.

[9] Дмитрий Александрович *Клеменц* (Клеменс; 1848—1914) — революционер-народник. В 1881 г. был сослан в Сибирь, где занимался этнографическими исследованиями.

[10] Отрывки из книги Степняка «Подпольная Россия» были напечатаны в парижской газете «La Justice» 31 октября 1882 г. Перевод с итальянского языка на французский был выполнен В. Н. Никитиной (см.: Е. Тарапута. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель, с. 272—273).

[11] А. Доде был знаком со многими русскими эмигрантами, переписывался со Степняком. Отдельной книгой на французском языке «Подпольная Россия» вышла только в 1885 году: «La Russie souterraine». Trad. Hugues Le Roux. Paris, 1885, 426 p.

6. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

‹Женева. 26 июля 1883 г.› [1]

Дорогой Лев Ильич!

Уничтожать вашу статью нет никакой возможности. Даже предлагать замену ее Байроном и Шелли я не решился бы после Станюковичева письма, в котором есть, между прочим, и о том, что ему Германское политическое движение очень нравится как тема по широте и современности [2]. А насчет Шелли и Байрона сказ‹ал› довольно кисло, что уже говорилось об этом сюжете в «Деле», да и не представляет интереса современности и жизненности. Ему была бы очень неприятна, по-видимому, такая замена. Об этом я не писал, потому что считал дело оконч‹ательно› реш‹енным› и очень торопился. Кроме того, он пишет, что в августе пустит ее непременно. (Это тоже, думал, вам не ново.) Никак не могу представить, чтоб о таком широком и интересном сюжете нельзя было вместо 4 написать 6 печатных листов, сиречь всунуть в виде дополнения новых 2 печатных листика Евгения [3]. Нужно только сговориться. Он, вероятно, заедет к вам на днях с этой нарочитой целью.

[1] Открытка. Датируется по почт. шт.: Génève, 26.VII.1883.

[2] См. п. 5, примеч. 7.

[3] См. п. 1, примеч. 4.

7. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — МЕЧНИКОВУ

24 октября ‹1884 г. Лондон›
50 Maitland Park Rd. Haverstock Hill. N. W. [1]

Дорогой Лев Ильич!

Кланяйтесь от меня Реклю и извинитесь, что я не ответил. Я думал, что Анка [2] вам сообщит.

Вот как обстоит дело с переводом на венгерский [3]. По моему письму она повидала немца, и тот сказал, что переводчик мой (какой-то старый гарибальдиец) уже сделал половину перевода, но издателя еще не нашел. Он, переводчик, где-то в богадельне на казенный счет содержится. Он переводил украдкой, из страха, чтоб начальство, узнав, какие вещи он переводит, не выгнало его. Поэтому-то он переводит медленно и издателя тоже не нашел, вероятно, от того же: ведь и его нужно искать украдкой. Что из этого воспоследует, я не знаю (т. е. найдет ли он когда издателя или, как это случилось с немецкой переводчицей, ничего не выйдет, пока мимо его носа другой не переведет). Во всяком случае, мне остается только ждать, потому что нельзя же отнять у человека работу. Вот все. Я напишу Анке, чтоб в случае чего нового она вам сообщила.

Затем насчет денег. Напишу об этом Вере Ивановне [4]. Она бывает в Кларане довольно часто и зайдет поговорить с Реклю. Знаю только, что теперь их дела очень плохи, и едва ли отдать что будут в состоянии. С своей стороны могу только обещать, что сделаю все зависящее, чтобы эти деньги были отданы. Заем произведен при моей прикосновенности. Я это помню. Мне это напоминание Реклю еще потому грустно, что я сам ему должен. Если Реклю напоминает, значит ему деньги очень нужны. А тут все равно, от кого они бы ни получились. Пока у меня ни фунта свободного не было. Скоро будут (я кончил пробные главы) [5]. Конечно, из первых отошлю ему.

Ну, до свидания, т. е. до следующего письма, так как в ваши края не собираюсь [6]. Здесь, что ни говори, лучше. Вот воскресеньями только допекают англичане.

Кланяюсь вашим. Надежде Владимировне [7] насчет ее поручения отвечу в понедельник.

Жму вашу руку Ваш С е р г е й

[1] Степняк переехал в Лондон в июле 1884 г.
[2] Анка — Анна Михайловна *Эпштейн* (1843—1895) — народница.
[3] Речь идет о переводе книги «Подпольная Россия».
[4] Вера Ивановна Засулич.
[5] «Пробные главы» книги Степняка «Россия под властью царей», задуманной еще в 1882 г. Первое издание (на английском языке) вышло в мае 1885 г.—«Russia under the Tzars», by Stepniak, v. I—II. London, 1885; на русском языке была издана только в 1964 г. в переводе М. Е. Ермашевой (изд-во «Мысль»).
[6] Степняк не мог приехать ни в Швейцарию, ни во Францию, ни в Италию, так как в этих странах ему грозила выдача царскому правительству.
[7] Надежда Владимировна Кончевская — см. о ней наст. том, с. 476.

8. МЕЧНИКОВ — СТЕПНЯКУ-КРАВЧИНСКОМУ

‹Кларан› 7 декабря 1884 года

Дорогой Сергей Михайлович, дело Станюковича стоит так: его административно ссылают в Сибирь [1]. Если удастся собрать средства, то он может ехать сейчас же приличным образом; если нет,— его должны продержать в тюрьме и отправить с этапною партиею. Ввиду этого Александр Леонтьевич и я решили переслать ему все, что могли наскрести из наших скромных ресурсов, итого 180 рублей серебром. К этому, конечно, присоединяется и Р‹ек›лю [2], но еще неизвестно, в каких размерах, так как я только сегодня пишу ему об этом в Париж. Обращаться ко многим по этому делу нельзя: иначе мы своею непрошенною помощью в лоск добьем Константина Михайловича. Но вас я счел себя обязанным уведомить о нашей коллекте. В вашем желании присоединиться к этому делу мы не сомневаемся, но вашей возможности в настоящую минуту прийти на помощь нашему общему другу мы не знаем. Если можете выслать что-нибудь, то адресуйте поскорее прямо в Женеву Эльсницу.

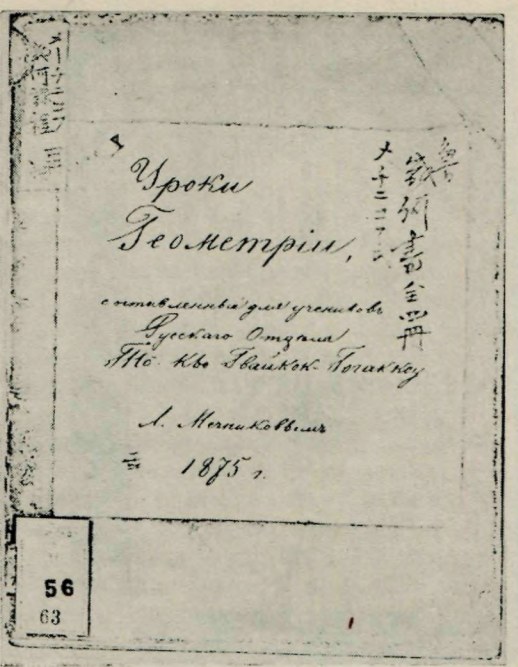
Наш дружеский привет Фанни Марковне [3] и вам.

Жму вашу руку Л. М е ч н и к о в

P. S. Само собою, что если вы сочтете возможным переговорить об этом деле с кем-нибудь из ваших знакомых в Лондоне, то «всяко даяние благо», а из маленьких ручьев составляются большие реки.

[1] К. М. Станюкович был арестован 21 апреля 1884 г. на пограничной станции Вержболово при возвращении из заграничной поездки (см.: В. П. В и л ь ч и н с к и й. К. М. Станюкович. Жизнь и творчество, с. 210—214). 24 апреля 1885 г. Александр III подписал «высочайшее повеление», в котором предписывалось «выслать Константина Станюковича под надзор полиции в местности Западной Сибири на три года» (там же, с. 225). В начале лета того же года Станюкович выехал в Томск.
[2] В подлиннике середина фамилии вырезана.
[3] Фанни Марковна *Степняк* (урожд. Личкус; 1853—1945) — жена Степняка.

«УРОКИ ГЕОМЕТРИИ»
Пособие,
составленное Л. И. Мечниковым
для учеников «Школы
иностранных языков в Токио»
Автограф, ⟨1874—1875⟩
Библиотека Института
Хитоцубаси, Токио



ПРИЛОЖЕНИЕ

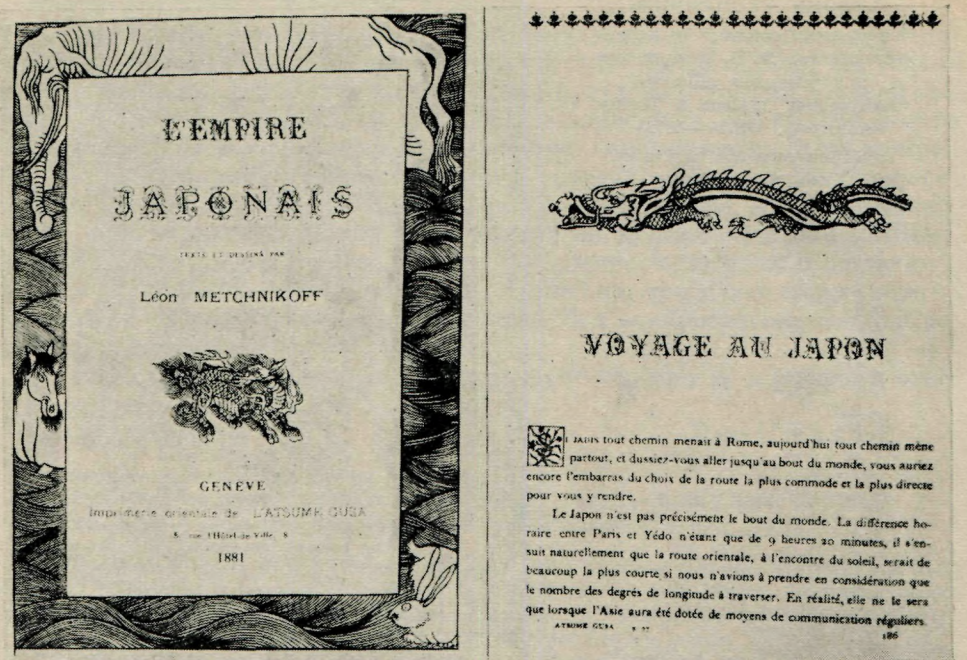
МЕЧНИКОВ В ЯПОНИИ

Сообщение С. Сато (Осака)

Мысль о поездке в Японию возникла у Мечникова, по-видимому, в начале 1870-х годов. Гродецкий в биографическом очерке о Мечникове сообщает, что он «посвятил часть 1873 года на изучение японского языка» [1]. Японские источники также свидетельствуют, что в 1873 г. Мечников уже владел японским языком и стремился к усовершенствованию своих знаний в этой области. В дневнике генерала Ивао Оямы сохранилась запись о встречах с Мечниковым в Женеве осенью 1873 г.: «Однажды вечером один русский — Мечников — посетил меня. Он хорошо понимает по-японски. ⟨...⟩ По его словам, он изучил японский язык во Франции. На самом деле, он умеет читать по-японски. Это мне очень удобно. Мы оба обещали учить языки друг друга» [2]. Автор биографии Оямы, из которой взята эта выдержка, относит первую встречу с Мечниковым к 18 сентября 1873 г. и указывает, что они с тех пор встречались так часто, что возникла мысль о том, чтобы Ояма поселился у Мечникова. Однако это намерение не осуществилось.

Ивао Ояма (1842—1916) был одним из видных сторонников обновления Японии. Будучи военным, он принимал участие в незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. (Мэйдзи исин) и позднее играл видную роль в создании новой японской армии. В 1870 г. он был направлен в Европу для изучения франко-прусской войны, а затем, после короткого перерыва, с ноября 1871 г. по сентябрь 1874 г. изучал военное дело во Франции. В дальнейшем он был военным министром, а во время русско-японской войны 1904—1905 гг. — главнокомандующим сухопутными вооруженными силами Японии в Маньчжурии.

Внук генерала Оямы, лектор университета Мэйдзи, Адзуса Ояма сообщает, что его дед пригласил Мечникова приехать в Японию, чтобы принять участие в составлении новых законов об образовании. Но это сообщение не подтверждается известными фактами и вообще вызывает сомнение, потому что эти законы были приняты еще в 1872 г., то есть за два года до приезда Мечникова в Японию.



КНИГА Л. И. МЕЧНИКОВА «ЯПОНСКАЯ ИМПЕРИЯ»
Женева, 1881
Издание на французском языке. Оформление по рисункам автора
Обложка и первая страница

В русских и советских источниках обычно указывается, что Мечников прибыл в Японию в начале 1874 г., или, без уточнения,— в 1874 г. [3] Японские данные позволяют установить, что он приехал в Японию весной 1874 г., вероятнее всего, в апреле или мае, так как 6 июня того же года он подал заявление в Токийский муниципалитет о разрешении ему жить в Токио. Заявление это сохранилось в архиве муниципалитета.

В том же архиве сохранились списки иностранцев, приглашенных японским правительством, и иностранцев, проживающих в Токио. Эти списки позволяют установить, что Мечников поселился в доме Синдзи Цудзи, в Дзинбо-тё, Канда, Токио. Так как Синдзи Цудзи был тогда директором Школы иностранных языков в Токио (ныне Государственный институт иностранных языков), то можно считать, что уже вскоре после приезда в Японию Мечников начал работать в качестве учителя в этой школе.

В изложении этого эпизода жизни Мечникова советские источники допускают ряд неточностей, которые необходимо исправить. Так, во втором издании БСЭ (т. 27, 1954) сказано: «Находясь в Японии (1874—1876), читал лекции в Токийском университете». Но Токийский университет был основан только в 1877 г., уже после возвращения Мечникова в Европу. Б. П. Козьмин допустил ряд ошибок, когда писал: «По приезде в 1874 г. в Японию он занял место руководителя русской школы в Иеддо» [4]. Иеддо (или Эдо) — это старое название Токио, упраздненное еще в 1868 г. Учебное заведение, в котором преподавал Мечников, никогда не называлось «русской школой». Точное его название: Токио Гайкокуго Гакко — Школа иностранных языков в Токио. И руководителем ее Мечников никогда не был.

Школа иностранных языков была средним учебным заведением, куда поступали после окончания элементарной (начальной) школы. Средний возраст учащихся был 13—14 лет. Срок обучения длился 5 лет, из них подготовительный курс — 2 года, основной — 3 года. Количество учащихся, с которыми занимался Мечников, можно

приблизительно определить в 70—100 человек. Некоторые из них стали впоследствии видными деятелями японского государства и общества. Назовем несколько имен:

Сэйдзиро Муто — консул Вансан в Корее; Тайдзиро Кодзима — старший член военной миссии; Тосихико Каваками — консул в Москве в 1912 г., затем директор Южно-Маньчжурской железной дороги; Отохэй Сузуки — профессор Токийского института иностранных языков, составитель первого русско-японского словаря; Кэнсукэ Андо — губернатор префектуры Гифу, позднее мэр г. Иокагамы; Ёсабуро Сузуки — интендант военно-морского министерства и др. [5]

В 1875 г. директором школы был назначен Тёмин Наказ, известный просветитель, учившийся в Париже у французского социалиста, члена I Интернационала, Эмиля Аколлы; по возвращении в Японию Накаэ перевел на японский язык «Общественный договор» Руссо — эта книга оказала большое влияние на развитие демократической мысли в Японии. Учеником Наказ был Сюсуй Котоку, революционный деятель, друг Сен Катаямы, казненный в 1911 г. Не приходится сомневаться, что Мечников и Накаэ во многом были единомышленниками.

Точная дата отъезда Мечникова из Японии остается неизвестной. Советские источники (БСЭ, Б. П. Козьмин) указывают 1876 г. По-видимому, это правильно, хотя в архиве Токийского муниципалитета хранится вторичное заявление Мечникова о проживании в Токио до 6 июня 1877 г. Но мы можем предположить, что Мечников, получив такое разрешение, не использовал предоставленного ему времени полностью и покинул Японию в 1876 г. Причиной этого обычно указывают болезнь. М. Гродецкий пишет: «Сильное малокровие заставило его покинуть гостеприимную страну...» [6] Так, очевидно, и было, потому что летом в Японии слишком душно и иностранцы с трудом переносят это время.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. очерк Мих. Гродецкого в кн.: Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. СПб., 1898, с. VII.

[2] «Биография маршала князя Ивао Оямы». Токио, изд-во Когэйся, 1935 (на японском языке), с. 352—353.

[3] См.: Мих. Гродецкий. Указ. очерк, с. VII; Б. П. Козьмин. Предисловие к публикации писем Мечникова к Герцену и Огареву (*ЛН*, т. 62, с. 389).

[4] *ЛН*, т. 62, с. 389.

[5] Некоторые японские авторы (Мицуо Накамура в книге «Биография Фтабатэй Симэй», Одагири Хидзо в книге «Фтабатэй Симэй») указывают, что учеником Мечникова по Школе иностранных языков был и Фтабатэй Симэй (Тацуносукэ Хосэгава, 1864—1909), основоположник новейшей японской литературы, переводчик на японский язык произведений Гоголя, Тургенева, Горького, Леонида Андреева. Но он поступил в школу в 1881 г., когда Мечникова давно уже не было в Японии.

[6] Мих. Гродецкий. Указ. очерк, с. VII.

ПЕРЕПИСКА П. Л. ЛАВРОВА с В. Н. НИКИТИНОЙ

Публикация М. Е. Ермашевой

Вступительная статья редакции «Литературного наследства»

Основную часть обширного и далеко еще не исчерпанного публикаторами и исследователями архива Петра Лавровича Лаврова [1] составляет его переписка с деятелями русского и западноевропейского революционного движения, а также с русскими писателями, журналистами, издателями и т. д. В подавляющем большинстве здесь представлены письма корреспондентов Лаврова и в очень малом количестве его собственные письма.

Среди этих материалов своеобразное место занимает двусторонняя переписка Лаврова с В. Н. Никитиной. Будучи убежденной социалисткой, искренне сочувствуя русским революционерам 1870—1880 годов, сама Никитина не была членом партии народовольцев. Ее переписка с Лавровым охватывает время с середины 1881 г. до конца 1884 г., когда он был тесно связан с деятельностью Красного Креста Народной воли, а затем стал одним из редакторов «Вестника Народной воли», когда он вел большую конспиративную переписку с членами партии, работавшими в России. Но все эти важнейшие стороны деятельности Лаврова не нашли, естественно, отражения (если не считать нескольких глухих намеков) в его письмах к Никитиной. Ценность этой переписки состоит в другом: она представляет собой важный источник для изучения биографии Лаврова и дает возможность воскресить образ одной из замечательных русских женщин, воспитанных на идеях 1860-х годов и ставших в ряды борцов за торжество социализма.

Широко отражены здесь история изгнания Лаврова из Франции в феврале 1882 г., обстоятельства развернувшейся в связи с этим общественной кампании в защиту русского революционера, выступления в Палате депутатов представителей левых группировок, участие в этой борьбе прогрессивной парижской печати и влиятельных французских радикалов. Энергичное участие в борьбе за возвращение Лаврова принимала и Никитина. Напечатанная ею статья «Петр Лавров» была прочитана предварительно самим Лавровым и исправлена по его замечаниям. И это придает почти забытой исследователями статье значение надежного биографического источника.

В письмах к Никитиной содержатся также высказывания Лаврова по таким существенным вопросам, как отношение его к Бакунину и к проблеме насильственной революции, конфликт с русскими лавристами и его уход из редакции «Вперед», деятельность его в защиту Парижской Коммуны, работа над «Историей мысли» и многие другие.

Переписка с Никитиной дает возможность ближе узнать Лаврова как человека. Строгий к себе, очень скупой в выражении своих чувств, Лавров обычно не раскрывал своего внутреннего мира перед людьми. Но он не был холодным педантом, каким его иногда изображали. Близкий к нему в 1880—1890-е годы Н. С. Русанов писал, что он «далеко не был засушенной душой, он мог испытывать сильные чувства. Но он боялся инстинктивных поступков и против эмоций вооружался крепкой логикой и сознательно поставленным идеалом» [2]. В письмах к Никитиной Лавров был менее замкнут, чем обычно. Этому способствовала, очевидно, и самая личность его корреспондентки, преданного, заботливого друга и единомышленника, принимавшего одинаково близко к сердцу и житейские невзгоды, связанные с вынужденным переездом Лаврова в Лондон, и интересы его научной и литературно-публицистической деятельности.

Публикуемая переписка воссоздает и живой образ самой Никитиной, убежденной последовательницы социалистических идей, талантливой писательницы, завоевавшей

своими статьями во французских газетах и журналах широкое общественное признание во Франции, но оставшейся почти совсем неизвестной в России. Письма этой незаурядной женщины увлекательны по форме и чрезвычайно содержательны. Она рассказывает в них о людях, с которыми встречается, делится своими мыслями и наблюдениями над общественной жизнью Франции и ее политическими деятелями, живо интересуется вестями из России, особенно сведениями о непрекращающейся там революционной борьбе. В ее письмах мы встречаем разнообразные, часто очень тонкие высказывания о литературе, о музыке, о прочитанных ею книгах. Ее художественная натура раскрывается в живых, проникнутых тонким лиризмом рассказах о поражавшей ее красоте Пиренейских гор, о восхождениях на некоторые их вершины, о прослушанных ею музыкальных творениях Бетховена и других великих композиторов.

До настоящего времени о жизни Никитиной было известно очень немногое. Литература о ней исчерпывалась некрологом, написанным Лавровым [3], его же надгробной речью [4] и кратким биографическим очерком, автором которого был Шарль Летурно [5]. Сведения, содержащиеся в этих источниках, при всей их ценности не обладают ни полнотой, ни точностью. Произведенные редакцией «Литературного наследства» разыскания позволяют обрисовать личность Никитиной и историю ее рано оборвавшейся жизни несколько более полно и конкретно.

Варвара Николаевна *Жандр* (в замужестве Никитина) родилась 15 декабря ст. ст. 1842 г. в Кронштадте, в семье морского офицера Н. П. Жандра. Ее предки были выходцами из Франции, гугенотами, переселившимися в конце XVII в. в Россию,— они бежали от новой волны религиозных гонений, последовавших после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта. Жандры принадлежали, очевидно, к третьему сословию — во всяком случае права потомственного дворянства на новой их родине были присвоены деду Никитиной, Павлу Андреевичу Жандру только в 1844 г. [6] Род Жандров выдвинул на протяжении XVIII — XIX вв. нескольких деятелей, оставивших след в русской истории и литературе. Семен Осипович Жандр (1738—1795) был офицером, участвовал в Семилетней войне и в первой русско-турецкой войне, начавшейся в 1768 г.; окончил жизнь в чине генерал-майора, будучи с 1766 г. Казанским обер-комендантом [7]. Старший сын его брата Андрея Осиповича, Андрей Андреевич (1789—1873), был талантливым драматургом и переводчиком, другом Грибоедова и А. И. Одоевского; в 1826 г. привлекался к следствию по делу декабристов, но был освобожден без последствий. После 1829 г. он отошел от занятий литературой и театром, много лет служил в морском ведомстве; в 1853 г. был назначен сенатором, в 1864 г. получил чин действительного тайного советника [8]. Родной дядя Никитиной, Александр Павлович (1825—1895), был морским офицером, участвовал в обороне Севастополя, был флаг-офицером при адмирале В. А. Корнилове. Им была написана книга: «Материалы для истории обороны Севастополя и биографии В. А. Корнилова» (СПб., 1859), к которой до сих пор обращаются историки как к ценному источнику. Умер он вице-адмиралом и сенатором [9].

Его родной брат Николай Павлович (1818—1895), отец Никитиной, в молодости тоже был морским офицером, служил на Черном море, в 1839 г. был переведен в Балтийский флот. В 1851 г. он вышел в отставку [10] и определился на службу по удельному ведомству, позднее перешел в Министерство государственных имуществ. Хотя он дослужился до чина действительного статского советника (в 1869 г.), служба не играла в его жизни главенствующей роли. Своим призванием он считал литературу, к занятиям которой он обратился еще в годы морской службы [11]. Н. П. Жандр не обладал сколько-нибудь крупным поэтическим дарованием и до конца жизни оставался в литературе эпигоном: он нередко пытался подражать Пушкину, но, по существу, не сумел выйти за пределы романтического направления 1830—1840-х годов [12].

Детские годы В. Н. Жандр прошли в Кронштадте и затем в Петербурге, куда переехала семья, после того как отец оставил морскую службу. В 1852 г., когда девочке было неполных десять лет, родители взяли ее с собой в заграничное путешествие — по Германии, Италии, Швейцарии [13]. После возвращения в 1853 г. в Россию Н. П. Жандр получил назначение управлять Межигорской фабрикой фаянсовых изделий (под Киевом) и поселился с семьей в Киеве.

Под влиянием матери девочка рано полюбила книги. Постоянное чтение и уроки домашних учителей развили ее ум. И когда умерла мать [14], она стала настойчиво просить у отца, чтобы он определил ее в какое-нибудь учебное заведение, где она могла бы закончить образование. Отец долго отказывался, упрекал ее в неблагодарности, но в конце концов вынужден был согласиться. В 1855 г. В. Жандр была принята в Киевский институт благородных девиц и, проучившись там три года, окончила его с золотой медалью [15]. Годы, проведенные в институте, оказались во многом решающими для развития молодого сознания: именно в это время у девушки пробудились мысли и стремления, которые определили в дальнейшем ее судьбу.

Говоря об этих годах, Летурно отмечает парадоксальный факт — результаты пребывания В. Жандр в институте оказались противоположными тому, чего желало институтское начальство. Институт, состоявший под покровительством императрицы, «взрастил девушку свободомыслящую и республиканку» (*Études*, с. V). О постановке преподавания в институте он пишет далее: «Лучшие профессора Киевского университета вели занятия в Институте благородных девиц. Они даже выходили за пределы установленной программы и позволяли себе смелость читать воспитанницам (при закрытых дверях) вещи разрушительного свойства, как-то: произведения Герцена, воспоминания Орсини и др.» (там же). Сообщение Летурно можно дополнить свидетельством Лаврова: «В Киевском институте, под влиянием того общественного пробуждения, которое совпадало в России со второй половиной пятидесятых годов, проснулась и ее мысль. Зачитываясь страницами истории, которая рассказывала бурные годы первой французской революции, она открыла мир, где люди могут жить широкою общественною жизнью, жертвуя собою и перерабатывая общественные формы» [16].

Из профессоров Киевского университета, преподававших в институте в разные годы со времени его основания (1838) и до начала 1880-х годов, можно назвать пятерых, которые были учителями или инспекторами института в те годы, когда в нем училась В. Жандр. Это были: А. И. Линниченко (русская словесность), В. Я. Яроцкий (русская словесность), Н. К. Ренненкампф (русская история), Н. Х. Бунге (география) и В. Я. Шульгин (всеобщая история) [17].

Кто же из них сыграл наибольшую роль в умственном развитии В. Жандр? Не рискуя ошибиться, мы можем назвать имя Виталия Яковлевича Шульгина (1822—1878), талантливого историка и педагога, преподававшего с 1846 г. в институте всеобщую историю, а с 1849 г. и до выхода в отставку в 1871 г. бывшего также инспектором классов. По словам биографа, «влияние его на воспитанниц не ограничивалось только сообщением им положенных по программе сведений и преподаванием в тесном смысле: нравственное его влияние было еще значительнее» [18]. Образ Шульгина как лектора выразительно обрисован в воспоминаниях А. В. Романовича-Славатинского [19]: «В своих лекциях по всеобщей истории он умел в изящной форме, в отчеканенной рельефной фразе художественно воссоздавать исторических деятелей и драматизм исторических событий ⟨...⟩ В его лекциях перед очарованным взором слушателей проходили со всеми своими индивидуальными особенностями великие исторические фигуры Гуса, Лютера, Кальвина, Кромвеля, Робеспьера, Наполеона I и др., и во всем своем драматизме развивались и совершались такие мировые события, как ренессанс, реформация, английская и французская революции, конституционно-либеральное движение Западной Европы первой четверти 19 века, параллельно с реакцией. ⟨...⟩ Шульгин обладал удивительной силой владеть своей аудиторией: аудитория сливалась с лектором, переживая вместе с ним изображаемую им историческую эпоху, вместе с ним страдала страданием изображаемых им исторических героев и радовалась их радостям» [20]. Такими же были, несомненно, и лекции Шульгина в институте, где, по свидетельству его биографа, он «сделался любимейшим преподавателем институток» [21].

Влияние одного, хотя и выдающегося педагога не могло, конечно, оказать решающего воздействия на формирующееся сознание. Как правильно отметил в приведенной выше цитате Лавров, главную роль в развитии В. Жандр сыграло «общественное пробуждение», та могучая волна революционного подъема, которая определила основное содержание эпохи, вошедшей в историю под названием «шестидесятые годы».

После окончания института В. Жандр провела два года в доме отца. Здесь насту-

пило неизбежное столкновение ее с отцом, стремившимся вернуть девушку к подчинению общепринятым взглядам, которыми жила дворянско-чиновничья среда. Обострению конфликта немало способствовала и «молодая мачеха, полька, ревностная католичка», как ее характеризует (очевидно, по рассказам самой Никитиной) Летурно (*Études*, с. VI). В этой нелегкой семейной обстановке В. Жандр «с мягким упрямством стояла на своем» (там же).

Выход из создавшегося трудного положения В. Жандр нашла в замужестве: в 1860 г. [22] она стала женой гвардейского подполковника Никитина, вдовца, имевшего двух взрослых дочерей. Об этом шаге она говорила впоследствии как о тяжелой своей ошибке. В новой семье она вынуждена была вести обычный для светской женщины образ жизни, с чем она не могла примириться. Летурно пишет: «Тем не менее даже тогда она продолжала идти по своему пути, продолжала развивать свой ум и читала Дарвина, Бюхнера, Бокля и т. д., предоставляя другим женщинам думать о нарядах» (*Études*, с. VI). Существенное дополнение к этому находим в надгробной речи Лаврова: «Ее героями стали борцы восставшей Польши и воодушевленной влиянием Гарибальди Италии» (там же, с. XV) [23].

В середине 1860-х годов открывшаяся болезнь легких заставила Никитину уехать для лечения в Италию. Через два года она вернулась в Россию с твердым решением расторгнуть брак. Муж согласился дать ей развод, после чего она снова уехала в Италию. По рассказу Летурно, это было в 1867 г. Здесь она прожила 11 лет. Об этом времени мы располагаем очень немногими сведениями. Известно, что во Флоренции она познакомилась с сыном Герцена А. А. Герценом и с его семьей, встречала там Н. А. Тучкову-Огареву и ее дочь Лизу Герцен; там же состоялось ее знакомство с Шарлем Летурно. О значении итальянского периода в жизни Никитиной хорошо сказано у Лаврова: «До 1878 г. В. Н. прожила в Италии, климат которой мог единственно поддержать надолго ее слабое здоровье. Ее любовь к природе, ее любовь к поэзии, к вопросам философским и нравственным вообще могла быть вполне удовлетворена. Но та более широкая задача служения передовым стремлениям нашего времени, которую она смутно чуяла с ранних лет, оставалась для нее неясною. Блестящий кружок, среди которого она жила, стоял если не совсем, то большею частью в стороне от той напряженной борьбы социализма со старым миром, которая давно уже кипит в Европе и которая особенно с 1864 года приняла вполне определенный научный характер» [24].

Переселение в 1878 г. в Париж явилось важной вехой в жизни Никитиной и в развитии ее мировоззрения. Характеристику этого периода также находим у Лаврова: «Здесь ее неопределенные стремления к правде в мысли и в жизни, ее инстинктивная жажда лучшего общественного идеала, получили сознательную форму. Она ознакомилась с социализмом. Она узнала ближе то самоотверженное движение, которое влекло в России в продолжении пяти лет русскую молодежь на борьбу с подавляющим общественным строем, с развращающей властью императорского деспотизма, с развивающеюся и в России во всех своих прелестях силою капитала. Она стала ученицей Маркса. Она стала социалисткой. Ее небольшой салон стал центром, где свободные мыслители и радикалы Парижа научились яснее понимать и задачи социализма вообще и стремления русских «нигилистов». Она стала нашим товарищем» [25].

Лавров, по понятным причинам, умолчал при этом о своей роли в переходе свободомыслящей русской женщины на почву социализма. Никитину познакомили с ним, по-видимому, в середине 1881 г. [26] Уже к началу следующего года между ними установились дружеские отношения, особенно упрочившиеся за время изгнания Лаврова из Франции. Беседы с Лавровым во многом способствовали расширению ее научного и философского мировоззрения. Об этом писал Летурно: «Бессознательная социалистка, В. Жандр становится социалисткой в научном смысле слова под руководством таких выдающихся личностей, как г-н П. Лавров, который держит ее в курсе социалистической литературы. Таким образом, ничем не пренебрегая, она с увлечением читала труды по политической экономии, по демографии и др. Великое произведение К. Маркса «Капитал», которого к их собственной и к нашей невыгоде, не знает большинство наших политиков, произвело на В. Жандр непреодолимое впечатление» (*Études*, с. VIII).

Никитина преклонялась перед Лавровым, ценила его сильный ум, его поистине энциклопедические знания, его готовность делиться этими знаниями с молодежью. Ее покоряло благородство характера Лаврова, его непоколебимая принципиальность. А для Лаврова, жившего одиноко, поглощенного революционной работой и литературными трудами, дружба с Никитиной (как и с ее приятельницей Е. Ф. Блонской) имела также немалое значение — она вносила в его жизнь элемент душевного тепла, сердечного внимания, житейского уюта. Э. А. Серебряков, народоволец, бежавший из России в 1883 г., писал в воспоминаниях о Лаврове: «Раза два, три в неделю П. Л. обедал в семье у кого-нибудь из друзей. И, если был свободен, там же проводил вечер,— и это было праздником для той семьи, где он оставался, так как весь вечер проходил в задушевной, интересной и умной беседе. Особенно часто обедал он у писательницы В. Н. Жандр (Никитиной), с которой был очень дружен; там я видел его в совсем иной обстановке, а именно, за чтением драм Шекспира. И нужно отдать справедливость,— читал он их прекрасно, вкладывая в свое чтение много чувства и смысла. Его чтение производило сильное впечатление на небольшую группу слушателей. В это время забывалось, что П. Л. кабинетный ученый, и казалось, что перед вами сидит вдохновенный старец, обладающий сильным поэтическим чувством» [27].

В годы жизни в Париже определилось литературное призвание Никитиной: своими статьями во французской прессе она приобрела репутацию талантливого литератора, смелого публициста и критика, острого полемиста. В изданный посмертно сборник ее работ вошла 21 статья; в помещенной здесь библиографии названо 57 статей, написанных за пять с половиной лет — 1879—1884 (см. приложение к наст. публикации). Все свои статьи Никитина подписывала девичьей фамилией: B. Gendre.

Впервые она выступила в печати в апреле 1879 г. со статьей «Г-н Тэн и женское образование», в которой защищала права женщин, стремящихся к получению знаний [28]. В дальнейшем она публиковала статьи по вопросам социологии и философии, психологии и антропологии, причем обычно брала в качестве исходного материала какой-нибудь вновь вышедший научный труд, к которому нужно было привлечь внимание общества [29].

С середины 1881 г. она сотрудничала преимущественно в газете французских радикалов «La Justice», с редактором которой Жоржем Клемансо ее познакомил, вероятно, Лавров. Именно здесь 24 февраля 1882 г. появилась ее статья «Петр Лавров», в которой она обрисовала историю жизни и деятельности русского революционера и ученого, показав тем самым полную необоснованность клеветнических слухов о том, что его работа в Париже представляет опасность для Франции. Статья вызвала большой интерес в различных кругах французского общества и сделала имя ее автора известным в литературном мире Парижа.

Литературное наследие Никитиной остается до настоящего времени не изученным, хотя оно безусловно заслуживает внимания со стороны историков русской общественной мысли [30]. Предоставляя выполнение этой задачи будущим исследователям, мы можем в рамках настоящей вступительной статьи определить содержание ее литературной работы только в самых общих чертах.

Лавров писал в посвященном памяти Никитиной некрологе: «Предметы литературных трудов В. Н. были весьма разнообразны. Развитая женщина, она отстаивала права женщин; убежденная материалистка, она восставала против переживания старых религиозных и идеалистических призраков; но главная доля ее литературной деятельности была посвящена борьбе, которая кипела на ее родине, и борьбе, которую во всем цивилизованном мире вели социалисты» [31]. Действительно, в статьях Никитиной отчетливо выделяются две области, в наибольшей мере привлекавшие ее внимание: рост социальных противоречий в различных странах Западной Европы и революционная борьба в России.

Она писала о положении рабочих в Италии, рассказывала о героической жизни Гарибальди (в статье, написанной в связи с его смертью), о национально-освободительной борьбе в Ирландии, о втором съезде социалистической рабочей партии Германии, проходившем нелегально в Копенгагене, о французской буржуазии с ее моральным упадком, с ее хищничеством и лицемерием (в статье по поводу романа Э. Золя «Накипь»);

В. Н. НИКИТИНА

Фотография, 1870-е годы

Вклеена в экземпляр книги В. Н. Никитиной «Études sociales, philosophiques et morales» (Paris, 1886), принадлежавший Е. Ф Блонской

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в отдельно изданной брошюре она рассказала о жизни французского пролетария Огюста Демулена, ставшего видным общественным деятелем [32].

Русскому революционному движению и его участникам посвящено 15 статей Никитиной. Когда-то Герцен поставил перед собой в качестве одной из важнейших задач ознакомление западноевропейского общества с развитием освободительной борьбы в России, и он выполнил эту задачу с присущим ему блеском и талантом. В 1880-е годы такую же роль призвана была играть книга С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Никитина, которая рассказала в одной из своих статей французским читателям об этой книге и собиралась подготовить ее полный перевод на французский язык, преследовала в своих оригинальных статьях ту же цель: показать, что, несмотря на резко усилившиеся после 1881 г. преследования со стороны самодержавия, освободительная борьба в России не прекращается; раскрыть перед французским обществом моральную чистоту, исключительное мужество и непоколебимую стойкость людей, которых царская пропаганда пыталась изобразить закоренелыми злодеями и преступниками. Помимо двух статей о Лаврове [33], ею были написаны статьи о «движении ни-

гилистов» в России, об аграрных волнениях, о судебных расправах над борцами за свободу. Когда редакция «La Justice» предложила ей регулярно помещать статьи в форме корреспонденций из России, она охотно согласилась; при содействии Лаврова, помогавшего ей советами и посылавшего ей нужные для работы вырезки из русских газет, и при помощи некоторых других русских эмигрантов она написала в 1882—1884 гг. четыре статьи-корреспонденции, каждая из которых была озаглавлена: «Письмо из России». К этому циклу примыкает непосредственно и статья «Революционная Россия», помещенная в журнале «La Nouvelle Revue» 1 апреля 1884 г. Кстати, это единственная статья Никитиной, которая была позднее переведена на русский язык и издана отдельной брошюрой [34].

К статьям о революционной России примыкают две статьи, написанные в связи со смертью Тургенева: «Неизданное стихотворение Тургенева» [35] и «Иван Тургенев и русский реализм». Во второй из них Никитина характеризует отличия русского реализма от реализма французского, от того направления, которое было связано с творчеством Золя. Своеобразие русского реализма она видит в его «идеалистическом характере», понимая под этим постоянное стремление «чутко отзываться на явления социального порядка», привлекать «внимание к самым крохотным росткам надежды, едва пробивающимся из русской почвы», облекать в форму и слово «чаяния каждого поколения». Именно всем этим объясняется то, что русские поэты, романисты, критики стали «подлинными воспитателями нации». В творчестве Тургенева она ценит его «сочувствие пламенной молодежи, отважно ринувшейся на завоевание свободы и справедливости», его пристальное внимание к «новому человеку». Фигуры его героев — Базарова, Нежданова, Марианны, Машуриной и других — не лишены странностей, слабостей и противоречий; но при всем этом они «не оставляют ни малейшего сомнения в симпатиях автора; именно за ними сохраняет он ореол нравственной чистоты, которого безжалостно лишены защитники прошлого». В конце статьи Никитина определяет отношение русских революционеров к умершему писателю: «Революционная партия в своем органе «Народная воля» достойно почтила память знаменитого писателя, которого потеряла родина. Социалисты отнюдь не приписывают покойному взглядов, не разделявшихся им при жизни; но они славят в лице Тургенева одного из зачинателей новой эпохи, писателя, чьи произведения, исполненные здоровья и живительной силы, оказали мощное воздействие на умственное развитие страны, наконец, человека, который любил русский народ и страстно ненавидел общего врага всех, кто мыслит и чувствует в России,— рабство,— как духовное, так и физическое».

Статья Никитиной о Тургеневе перекликается отчасти с известной статьей Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества», начатой в осенние месяцы 1883 г. и напечатанной в 1884 г. в «Вестнике Народной воли», № 2. Можно думать, что Никитина писала свою статью под влиянием общения с Лавровым, его рассказов о Тургеневе, его оценок умершего писателя. Так, вслед за Лавровым Никитина отнесла создание стихотворения в прозе «Порог» к первой половине 1881 г., считая, что «тень Софьи Перовской витала, вероятно, над писателем, когда его перо создавало эту трогательную дань уважения русской революционерке» [36].

После характеристики «Порога» Никитина включила в статью его полный текст в своем переводе на французский язык. Это был вообще первый перевод «Порога» на иностранный язык [37]. Он был сделан, очевидно, с русского текста, напечатанного в народовольческой листовке, которая была выпущена в Петербурге к дню похорон Тургенева [38].

К 1884 г. состояние здоровья Никитиной значительно ухудшилось. Ни ежегодный отдых и лечение в Пиренеях, ни рекомендованные врачами летом 1884 г. морские ванны не смогли помочь ей. Случайная простуда вызвала воспаление легких, которое и привело к роковому исходу: Никитина умерла 17 декабря 1884 г. [39]

Прощальные речи над ее могилой произнесли Лавров и Летурно. «На ее похороны 18 декабря 1884 г., рядом с тесным кружком ее друзей, сошлось много народу. Тут были и представители русских левого берега Сены, желавших почтить одни — товарища по убеждениям, другие — русскую женщину, быстро завоевавшую себе литературную известность среди французов, где так трудно пробиться иностранцу, а тем более

иностранке. Тут были Клемансо и Камиль Пельтан. Были Лафарг, Лонге и Малон. Был секретарь г-жи Адан. Русские, поляки, немцы, французы, испанцы, голландцы окружали могилу той, которая, оставаясь русской в душе и в симпатиях, была проникнута самым широким интернационализмом» [40].

Письма Лаврова к Никитиной были возвращены ему после ее смерти и сохранились в его архиве: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 39 (14 писем); там же, ед. хр. 85 (письмо от 20 февраля 1882 г.). Письма Никитиной также хранятся в архиве Лаврова: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 329 (48 писем; часть из них написана рукой друга Никитиной Е. Ф. Блонской). Переписка дошла до нас не полностью. Неизвестными остаются многие письма Лаврова, недостает и нескольких писем Никитиной.

Ниже публикуются все 15 писем Лаврова и 47 писем Никитиной (одно ее письмо, незначительное по содержанию, в публикацию не включено — без даты, л. 96—96 об.). В приложении к публикации помещен библиографический перечень статей Никитиной, перепечатываемый из трудно доступного сборника (*Études*, с. 409—410).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАОР, ф. 1762.

[2] Н. С. Русанов. В эмиграции. М., 1929, с. 131.

[3] П. Л⟨а в р о в⟩. Варвара Николаевна Никитина (некролог).—«Вестник Народной воли», № 5. Женева, 1886, отд. II, с. 176—179.

[4] Французский текст речи напечатан в кн.: *Études*, с. XIV—XVII; в русском переводе она вошла (с некоторыми сокращениями) в брошюру: В. Жандр (Никитина). Революционная Россия. Пер. с франц. К. Д. СПб., 1907.

[5] *Études*, с. I—X. Шарль Жан Мари *Летурно* (1831—1902)—французский антрополог и социолог.

[6] А. Бобринский. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи, ч. II (от начала XVII столетия до 1885 года). СПб., 1890, с. 653.

[7] Русский биографический словарь, т. VII, Жабокритский-Зябловский. Пг., 1916, с. 8—9.

[8] Общий морской список, ч. XII. СПб., 1900, с. 490—492; Русский биографический словарь, т. VII, с. 6—8. В качестве исторического курьеза отметим, что, будучи (с 1865 г.) «первоприсутствующим сенатором в департаменте герольдии», А. А. Жандр только в 1872 г. был «по личным своим заслугам признан в потомственном дворянстве» (А. Бобринский. Указ. соч., ч. II, с. 724). В. Н. Жандр приходилась ему внучатой племянницей.

[9] Общий морской список, ч. X. СПб., 1891, с. 115—118; см. также: Е. В. Тарле. Крымская война.— Собр. соч., т. IX. М.— Л., 1959, с. 120, 135.

[10] Общий морской список, ч. X, с. 118—119.

[11] По-видимому, самым ранним его опытом в области литературы был перевод первой песни «Дон Жуана» («Дон Жуан. Поэма лорда Байрона». Пер. Н. Жандр. СПб., 1846). В начале 1840-х годов он вошел в круг петербургских литераторов, познакомился с П. А. Вяземским и Ф. И. Тютчевым (ГПБ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 18, л. 4 об.).

[12] Об этом свидетельствуют его произведения: «Свет. Роман в стихах» (СПб., 1857), трагедия «Нерон» (поставлена на сцене Мариинского театра в 1869 г.), историческая драма «Марфа-посадница» («Русская старина», 1874, № 6 и 7). Его лирические стихотворения и поэмы собраны в издании: «Полное собрание сочинений Н. П. Жандра» (не закончено; вышли тома I и II. СПб., 1888).

[13] В бумагах Н. П. Жандра сохранились его рукописные воспоминания об этом путешествии (ГПБ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 3, 4 и 5). По ним устанавливается, что они побывали в Берлине и Дрездене, в Милане и Вероне, в Люцерне.

[14] Точное время ее смерти не выяснено. Можно думать, что это случилось в 1854—1855 гг.

[15] «История Киевского института благородных девиц. 1838—1888». Сост. М. М. Захарченко. Киев, 1889, с. 122.

[16] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 176.

[17] См.: В. С. Иконников. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884.

[18] Там же, с. 765.

[19] Александр Васильевич *Романович-Славатинский* (1823—1910)—историк, профессор Киевского университета. На университетском акте в память В. Я. Шульгина 9 января 1879 г. он произнес речь, большая выдержка из которой приведена в некро-

логе «Виталий Яковлевич Шульгин». — «Киевский университет св. Владимира. Университетские известия», 1879, № 2, с. 1—26 (автором некролога был проф. А. И. Линниченко).

[20] Там же, с. 9.

[21] Там же, с. 8.

[22] Летурно пишет, что В. Жандр вышла замуж в возрасте 20 лет, т. е. в 1862 г. Однако это противоречит его же сообщению, что после окончания института она провела в семье два года. Вообще в биографическом очерке, который был написан, очевидно, на основе слышанных им рассказов самой Никитиной, есть и другие хронологические неясности. Замужество В. Жандр отнесено к 1860 г. в ее некрологе («Исторический вестник», 1885, № 2, Смесь, с. 464—465).

[23] В русском переводе речи это место было смягчено: «Ее любимыми героями стали люди, сражающиеся за свободу в Польше и Италии» (см.: В. Жандр (Никитина). Революционная Россия, с. 10).

[24] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 177. В конце приведенной выдержки имеется в виду создание в 1864 г. Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

[25] Там же.

[26] Общий тон ее писем 1881 г. и официальное обращение: «Многоуважаемый Петр Лаврович», говорят о недавнем знакомстве.

[27] Э. А. Серебряков. П. Л. Лавров (по личным воспоминаниям).— В кн.: П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пб., 1922, с. 456.

[28] Поводом к написанию этой остроироническая статьи явился отказ И. Тэна разрешить ей, как женщине, посещать его лекции в парижской Школе изящных искусств.

[29] Таковы ее статьи: «Социология по данным этнографии», написанная по материалам одноименной книги Ш. Летурно, и «Психопатия в истории и социологии», в которой использована книга: P. Jacoby. Études sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. Paris, 1881.

[30] Изучение статей Никитиной, не вошедших в посмертный сборник, затруднено тем, что комплекты газет и журналов, в которых она печаталась, не всегда можно найти в библиотеках.

[31] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 177—178.

[32] Точные названия этих статей и данные об их публикации см. в библиографии (приложение к наст. публикации).

[33] Почти в одно время с названной уже статьей «Петр Лавров» она опубликовала ее более популярную редакцию под заглавием: «Изгнанник».

[34] В. Жандр (Никитина). Революционная Россия. СПб., 1907.

[35] К сожалению, нам не удалось ознакомиться с этой статьей.

[36] Ср. у Лаврова: «Я отношу «Порог» к первой половине 1881 года, так как это произведение, очевидно, было навеяно образом Перовской (как и заметил критик в «Justice» 8 января 1884)...» (см. сб.: «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М.— Л., Academia, 1930, с. 68; замечание в скобках подразумевает статью Никитиной). В действительности «Порог» был написан в мае 1878 г. (*Тургенев. Сочинения*, т. XIII, с. 169 и 654—655).

[37] И. Я. Павловский опубликовал свой перевод «Порога» на французский язык в 1887 г., предварив его текст пояснением: «Il n'existais en français que dans la mauvaise traduction d'après l'anglais, d'un mauvais livre de M. Stepniak»* (Isaak Pavlovsky. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887, p. 246). Павловский имел в виду, конечно, перевод, помещенный в «La Justice»; эту его оценку перевода Никитиной следует признать в корне неверной и продиктованной, вероятно, не вполне благовидными побуждениями. Никитина превосходно владела французским языком и была опытным переводчиком. Сличение ее перевода с русским текстом «Порога» подтверждает его высокие литературные качества и точное соответствие оригиналу. Версия Павловского, что перевод был сделан с английского, также остается на его совести (как и пренебрежительная оценка книги Степняка-Кравчинского).

[38] Об этой прокламации, выпущенной П. Ф. Якубовичем, см. *Тургенев. Сочинения*, т. XIII, с. 652. Это была первая публикация «Порога» в русской нелегальной печати; вторая была осуществлена Лавровым в «Вестнике Народной воли», № 2. Женева, 1884 (номер вышел 24 апреля 1884 г., т. е. спустя три с половиной месяца после появления в печати перевода Никитиной).

[39] Летурно в биографическом очерке и Лавров в некрологе указывают, что Никитина умерла 16 декабря. Но в бумагах Лаврова сохранилось траурное приглашение на гражданские похороны Никитиной. Здесь указана дата ее смерти—17 декабря (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 50, л. 2).

[40] «Вестник Народной воли», № 5, отд. II, с. 179.

---

* «На французском языке не существует ничего, кроме плохого перевода, сделанного с английского, по плохой книге г. Степняка» (*франц.*).

1 НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› 14 июня 1881 [1].

Многоуважаемый Петр Лаврович,

В половине третьего мы были у ваших дверей. Перо отказывается изобразить вам наше сокрушение, когда мы убедились в том, что пришли *поздно*. Сокрушение это, изобразившееся на наших физиономиях, доходило до комизма и возбудило бы, вероятно, в вас взрыв сердечного смеха.

Остается письменно пожелать, чтобы вы долгие еще годы трудились для развития русской мысли и чтобы вам удалось видеть созревание в нашем отечестве семян, брошенных вашей рукой!

Хотели принести вам цветы, как это делается в Италии; но убоялись насмешек над женской сентиментальностью. Позвольте же поднести русскому философу труд философа француза [2], прося вас быть снисходительным к последнему, а еще более к глубоко уважающим вас

В. Никитиной
Като Тавдгиридзе

[1] 14 июня н.с. — день рождения Лаврова. В 1881 г. ему исполнилось пятьдесят восемь лет.

[2] Это, видимо, была книга Шарля Летурно «La sociologie d'après l'ethnographie». Paris, 1880; русский перевод под названием: «Социология, основанная на этнографии». СПб., 1895.

2. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Hautes Pyrénées. Luz. Maison Cazajus
8 июля ‹1881 г.›

Многоуважаемый Петр Лаврович,

Вот мы и в Пиренеях, в нашем живописном захолустье, откуда спешу послать вам мой *точный* адрес в надежде, что когда-нибудь он вам да пригодится. Помните только, что здесь меня зовут madame Dumont.

Несмотря на все ваши насмешки над деревней, здесь, право, очень хорошо, и «журчание ручьев, и запах сена» составляют самый приятный контраст с шумом парижских улиц и весьма неблаговонными их запахами. Запахи! каковы они были ночью в вагоне, и с какой тоской я думала о будущем, где, пожалуй, такие запахи будут à l'ordre du jour *. Нет, прочь такой пессимизм, навеянный вашим насмешливым умом.

Благодаря книгам надеюсь здесь не соскучиться, хотя все-таки по временам жаль будет Парижа, особенно по четвергам, да и по понедельникам [1]. Сведения о книгах, привезенных Летурно, еще не могу вам сообщить, видела его всего раз; но в будущем письме сообщу. Намерена приняться за деятельное чтение Якоби и, когда окончу его благополучно и напишу статью, перешлю его вам не медля [2].

Желаю вам хорошего здоровья, быстрого успеха в вашей работе и прошу вас не забывать. Дружески жму вашу руку.

Душевно преданная вам В. Никитина

Книга Якоби будет служить опытом в труде, который вы мне поручили. Очень бы хотелось вам угодить и хоть этим показать, насколько я дорожу счастливым случаем, которому обязана вашим знакомством.

Год определен по адресу и по началу письма. В письмах 1882 и последующих годов обращение «Многоуважаемый» не встречается — его заменило более теплое и дружеское: «Дорогой».

---

* в порядке дня (*франц.*).

[1] По четвергам у Лаврова собирались его друзья и близкие знакомые.
[2] Павел Иванович *Якоби* (1840—1910)—врач-психиатр, участник польского восстания 1863 г.; эмигрант, работал в парижской больнице. Его книга: P. J a c o b y. Études sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. Paris, 1881. По предложению Лаврова Никитина готовила статью об этой книге (см. п. 6).

3. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

14 августа ‹18›81.
Luz (Hautes Pyrénées)

Многоуважаемый и добрейший Петр Лаврович,

Я покраснела до ушей, читая ваше письмо. Я так виновата перед вами, до сих пор не поблагодарила вас за немедленную высылку книги. Будьте снисходительны и не судите d'après les apparences *: я только не *высказала* моей благодарности, но была очень тронута вашей необыкновенной добротой. Книга так скоро пришла, что я опомниться не успела. Не могу понять, как вы находите время быть столь необыкновенно обязательным и как жизненный опыт не исправил вас,— ведь не раз должны были злоупотреблять этой добротой.

Но всему есть свой contre-poids **, и нельзя сказать, чтобы вы блистали особенной добротой в отношении бедных французов. За что вы на них так осерчали? Ланесана [1] я слишком мало знаю, чтобы горячо за него заступаться. Если он искренен в своих убеждениях (в чем ни вы, ни я не имеем до сих пор права сомневаться), то мне кажется желательно, чтобы его выбрали в депутаты. А если доктор барежских вод [2] (этого я вам не подарю) не ставит своей кандидатуры, так это именно потому, что в нем нет тени шарлатанизма. Его самый большой недостаток, это что он кристаллизировался слишком скоро, но он, право, хороший человек и вы к нему будьте снисходительны.

Я радуюсь, что «Исторические письма» переводят, но очень жалею, что не мне это выпало на долю [3]. Я считаю французов способными прочитать эту книгу, *если* она будет переведена легким и элегантным французским языком. Для них, если перевод плох,— то дело пропало.

Очень вас благодарю за ваше участие к судьбе моей статьи; конечно, она теперь не появится; а разве когда я приеду и пристану к Клемансо [4]. Отчего вы мне ничего не пишете про вашу работу? Не мешает ли вам парижская жара работать? Не желаете ли вы, чтобы я вам прислала заметки, взятые в книге Якоби? [5] Теперь я читаю Маркса с величайшим интересом и беру заметки для вас со страхом и трепетом. А что как не в ту категорию помещу и провалюсь таким образом в вашем мнении? Ведь это хуже, нежели провалиться в пропасть Пиреней, что со мной может случиться не далее как послезавтра; так как мы отправляемся в горы с доктором барежских вод. Если останусь жива, то скоро будете иметь известие обо мне — а иначе не поминайте лихом.

Лизавета, а не Софья Фоминична, вам кланяется, а я, если позволите, крепко жму вашу руку. Глубоко вас уважающая

В. Н и к и т и н а

P. S. Я надеялась, что вы поймете тонкий намек и пришлете на прочтение «Progrès anthropologique» [6], но доброты у вас на это не хватило. Я вам бы возвратила с благодарностию, так как имею собственный экземпляр.

---

* по видимости (*франц.*).
** противовес (*франц.*).

[1] Жан Мари Антуан *Ланесан* (Lanessan; 1843—1919)—французский политический деятель и натуралист; с августа 1881 г. член Палаты депутатов от партии радикалов, в октябре основал газету «Le Réveil»; впоследствии перешел в республиканскую партию.

[2] Так Никитина называет Шарля Летурно (см. предисловие).

[3] «Исторические письма» Лаврова были напечатаны впервые (под псевд. П. Миртов) в «Неделе», 1868—1869 гг., и отдельной книгой (СПб., 1870). На французском языке: Pierre Lavroff. Lettres historiques. Paris, 1903 (перевод и предисловие Марии Гольдсмит).

[4] Жорж *Клемансо* (1841—1929)—французский политический деятель, в молодости бланкист, затем радикал-социалист, в 1876 г. избран в палату депутатов, где возглавил группу крайней левой; основал газету «La Justice», был ее главным редактором (directeur en titre). О газете см. п. 5, примеч. 1.

По свидетельству Н. С. Русанова, Лавров находился в это время «в личных дружественных отношениях» с Клемансо и «питал большую слабость к этому тогда наиболее блестящему представителю французского радикализма, хотя и сожалел, что тот не был социалистом» (Н. Русанов. В эмиграции. М., 1929, с. 95).

[5] О П. И. Якоби см. п. 2, примеч. 2.

[6] Вероятно, Никитина имеет в виду брошюру: «L'idée du progrès dans l'anthropologie par M. Lavroff». Paris, 1872 (с сообщениями на эту тему Лавров выступал на заседаниях Антропологического общества в Париже 1 февраля и 18 апреля 1872 г.). Брошюра была выпущена в свет в виде отдельного оттиска из «Бюллетеней» Общества.

4. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz (Hautes Pyrénées)
19 авг⟨уста 18⟩ 81

Многоуважаемый Петр Лаврович.

Очень благодарю вас за присылку моей статьи [1]. Признаюсь, меня удивило ее появление в настоящую минуту. Бывают же приятные сюрпризы, а на этой неделе на мою долю выпало два: я влезла *пешком* на одну из высочайших вершин Пиреней, 2.803 метра, к великому удивлению сопровождавшего меня доктора барежских вод. Я так возгордилась, что наверху воскликнула: «Quel plaisir d'être fort!» *, чем вызвала совершенно нелогичный хохот моего спутника. Я загорела, как цыганка, и два дня пролежала после этого удовольствия. Когда будете иметь свободную минутку, дайте весточку о себе, а пока примите дружеское пожатие руки и большое искреннее спасибо.

В. Никитина

[1] Статья «La renaissance du matérialisme».—«La Justice», 17 августа 1881 г., подпись: B. Gendre.

5. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz (Hautes Pyrénées).
27 августа ⟨18⟩ 81

Так как вы сами, Петр Лаврович, живая энциклопедия, вы, кажется, воображаете, что все подобно вам могут писать о всевозможных предметах. Расстаньтесь с сим приятным заблуждением, по крайней мере касательно вашей покорной слуги. Вы мне предлагаете писать статью о Мольере, да еще для «Revue Nouvelle» или «Revue des deux Mondes». Je reste écrasée par ces perspectives de grandeur et je crois bien que j'y renonce **. Я вам очень благодарна за вашу заботливость и, может быть, когда по возвращении моем ознакомлюсь с книгами, то переменю мнение. Но теперь одна мысль писать о Мольере приводит меня в уныние. C'est un sujet qui ne me dit rien ***. Я как нарочно перечла здесь «Мизантропа» и нашла его страшно скучным и через меру расхваленным, что послужило мне пово-

* Как хорошо быть сильной! (*франц.*).

** Я совершенно подавлена этими величественными перспективами и, конечно, отказываюсь (*франц.*).

*** Это тема, которая мне ничего не говорит (*франц.*).

дом к выходке против французов. Если угодно, я напишу против Мольера.

Зато ваше другое предложение — написать статью об «Исторических письмах» — мне весьма улыбается. Оно немного и страшно,— а что как я не сумею достойным образом исполнить мою задачу? Точно влезть на высокую гору — и страшно, и хочется: пожалуй, шею сломаешь, зато влезешь и гордости твоей не будет меры. Смелым бог владеет, и я попробую полезть. Только где поместить такую статью? В «Justice» [1] не стоит, а для Revue Ланесана [2] я боюсь, что неподходящая по сюжету. Есть, говорят, новая Revue: — «La Révolution», издаваемая Reynard'ом [3]. Вернувшись в Париж, я отправлюсь к сему Reynard'у с письмом от доктора барежских вод, если окажется, что мои «знаменитые статьи» еще недостаточно ознакомили всех с моим именем...

Что касается сведений, которые вы желали иметь, все что Летурно знает по этому предмету (немного!), заключается в главе: «Parure»* его «Социологии», в рассказе о какой-то птице, украшающей свое гнездо [4]. Кажется, что остроумная выдумка искалечивать себя ради самоукрашения принадлежит исключительно человечеству. Гордиться, признаться, нечем.

Если книга Шеффле небольшая и если вы скоро получите экземпляры ее, я вам буду очень благодарна, если пришлете мне для прочтения [5]. До пятого сентября я буду еще здесь, но пятого или шестого мы переезжаем на 15 дней в Бареж, где мой адрес будет: Madame Dumont. Poste restante. Там-то я нагуляюсь вдвоем с доктором барежских вод; мы даже затеваем лезть на какой-то высокий-превысокий glacier **; если я себе шеи не сверну, значит она крепка. В таком случае буду иметь удовольствие в конце сентября, сидя в вашем большом кресле, покорно слушать вполне заслуженную нотацию о моей односторонности (по поводу Мольера). Но до этого еще месяц, и вы не надейтесь, добрейший Петр Лаврович, чтобы я вас оставила до тех пор в покое.

Полуфиаско Гамбетты и избрание моего Ланесана привели меня, каюсь, в телячий восторг [6]. Не сердитесь. Лиза вам очень кланяется. Прощайте, многоуважаемый Петр Лаврович; от души жму вам руку.

Искренно преданная вам В. Никитина

[1] «La Justice»— ежедневная газета, орган крайних радикалов, выходила с 1880 до октября 1897 г.; в газете работали радикал Камиль Пельтан, зять Маркса Шарль Лонге, бланкист Виктор Жаклар, сотрудничали В. Никитина-Жандр, П. Лавров, Вильгельм Либкнехт и др.

[2] См. п. 3, примеч. 1 и п. 6, примеч. 2.

[3] Журнал «La Révolution française. Revue d'histoire contemporaine». Выходил в 1881—1934 гг. Главный редактор — Ж. Рейнар.

[4] Ch. Letourneau. La sociologie d'après l'ethnographie. Кн. II, гл. VI.

[5] Перевод книги немецкого экономиста Альберта Шеффле (Schäffle, 1831—1903): «Сущность социализма». А. Шеффле. Пер. А. Тарковского с его предисл. и с примеч. П. Лаврова. Женева, 1881 (серия популярно-научных брошюр «Русской социально-революционной библиотеки», предпринятая П. Лавровым и Г. Плехановым).

[6] «Полуфиаско» Гамбетты Никитина, по-видимому, называет его попытку летом 1881 г. укрепить свое положение после отстранения его с поста председателя Палаты депутатов президентом республики Жюлем Греви. Гамбетта рассчитывал на новые выборы и на то, что новая избирательная система может привести к избранию большего числа республиканцев; ему удалось добиться принятия Палатой депутатов новой системы выборов, но сенат ее отклонил.

---

* «Украшение» (*франц.*).

** ледник (*франц.*).

6. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges (Hautes Pyrénées)
Maison Laborde, près de l'église.
9 сентября ‹18› 81

Вы меня так избаловали вашими письмами, многоуважаемый Петр Лаврович, что ваше сравнительно долгое молчание начинает меня беспокоить. Уж не рассердились ли вы на меня за то, что, злоупотребляя вашей добротой, я позволила себе обратиться к вам с такой скучной комиссией? В таком случае не делайте ее, только не сердитесь и напишите два слова. К тому же я знаю, что Клемансо и Пельтан [1] оба путешествуют. А я богата будущими благами: Ланесан основывает журнал и предлагает мне постоянное в нем сотрудничество. Он бы желал, чтобы я давала два раза в месяц «Variétés littéraires, philosophiques ou autres» *, а два раза в месяц «des articles sur la politique étrangère» **. Я не решаюсь принять последнее предложение, боюсь, что мне времени не станет, и не имея привычки писать постоянно, тем более о политике; а еще более опасаюсь, что чтение различных газет (английские, например, печатаются таким мелким шрифтом) утомит мои глаза. Они и так не в великолепном состоянии. Газета Ланесана будет называться «Réveil» [2].

Моя статья о книге Якоби, гораздо более пространная и серьезная, нежели та, которую я вам послала для «Justice», появится в будущем номере «Revue des Sciences biologiques» [3]. Мне хочется, если вы одобрите, послать ее Якоби.

Вот уже несколько дней как мы в Бареже, где, конечно, постоянно видим «доктора барежских вод», читаем вместе Шекспира в лесу и таскаемся по горам до полнейшего изнеможения моей подруги. Все эти дни погода была великолепная, но сегодня мы промокли насквозь. Были более часу под дождем; но здесь и дождь имеет такую оригинальную форму, что им нельзя не любоваться. Это густой туман, который мало помалу окутывает горы, спускается на верхушки деревьев и ползком подкрадывается к вам — и вот вы под дождем.

Как видите, мне очень везет, и работу выгодную предлагают, да еще в каких дружеских выражениях, и горы хороши, и мой друг философ настолько мил и оживлен, насколько его натура способна. Лиза говорит, что это не много. Но для моего полного благополучия недостает письма от вас. Вы не знаете, как я дорожу вашим расположением и хотя бы самыми короткими весточками от вас. Душевно преданная вам

В. Никитина

Лиза просит передать вам ее самый дружеский поклон.

[1] Шарль Камиль *Пельтан* (Pelletan; 1846—1915) — ответственный редактор «La Justice» (directeur en chef).

[2] В «Le Réveil» Никитина напечатала осенью 1881 г. три статьи: «La théorie du progrès d'après les sociologistes modernes», 25 октября 1881 г.; «La journée de travail», 13 ноября; «Les heures de travail», 19 ноября того же года.

[3] Статья Никитиной о книге д-ра Якоби под названием «La psychopathie dans l'histoire, et la sociologie» была напечатана в журнале «Revue internationale des Sciences», 15 октября 1881 г. (см. также: *Études*, p. 244—269). В «La Justice» статья (короткая, популярная ее редакция) появилась в середине сентября (см. п. 7).

---

* «Литературную, философскую или прочую смесь» (*франц.*).
** статьи об иностранной политике (*франц.*).

7. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges (Hautes Pyrénées). Maison Laborde.
19 Sep‹tembre 1881›

Многоуважаемый Петр Лаврович,

Письмо ваше очень меня обрадовало, и я крайне вам благодарна за то, что вы мне так скоро ответили. Право, я начинаю серьезно бояться, что надоела вам,— ведь всякой же доброте есть граница. Письма вашего, адресованного в Люз, я так и не получила и потому не знаю, каким волшебством вы так блистательно исполнили мою комиссию. Быстрое появление моей статьи меня приятно изумило, но зато как же они, варвары, ее изувечили: попропускали и попеременяли слова, попереносили на другую строчку против всякого человеческого смысла, а о знаках препинания лучше умолчать. Если бы не страдало авторское самолюбие, право было бы даже смешно, точно безграмотная писала. Якоби я хочу послать эту статью (конечно поправленную) вместе с другой, которая должна появиться в Revue Ланесана; она гораздо серьезнее, а эту для «Justice», я вам признаюсь, я просто писала для забавы, для того чтобы доказать Letourneau, что можно писать совсем в другом духе статьи по одному и тому же предмету.

Вы рады, что у меня будет постоянная работа, а я несколько озабочена перспективой писать так часто статьи. Что если у меня будет зимой так пусто в голове, как теперь? Я совершенно опьянела от горного воздуха и только и думаю, как бы днем и ночью лазить по горам. Уж мои спутники кряхтят, а мне все мало.

В конце месяца надеюсь с вами видеться. Как только приедем, сейчас прибегу. Еще прежде получения вашего письма я написала Ланесану, что не берусь делать политические résumés *, но это можно будет поправить. Что касается того, что вы мне пишете о вашей работе, я очень жалею, если вы встретили какие-нибудь препятствия. Конечно, делайте как вам удобнее, но помните, что я была бы очень рада быть вашим секретарем и нахожу это занятие более полезным для своего развития, нежели, например, faire de la politique étrangère pour «Le Réveil»** (это будет газета формата «Justice».) До свидания, скоро обо всем переговорим. От всей души жму вашу руку. Ваша почитательница

В. Никитина

Моя Лиза вам очень кланяется.

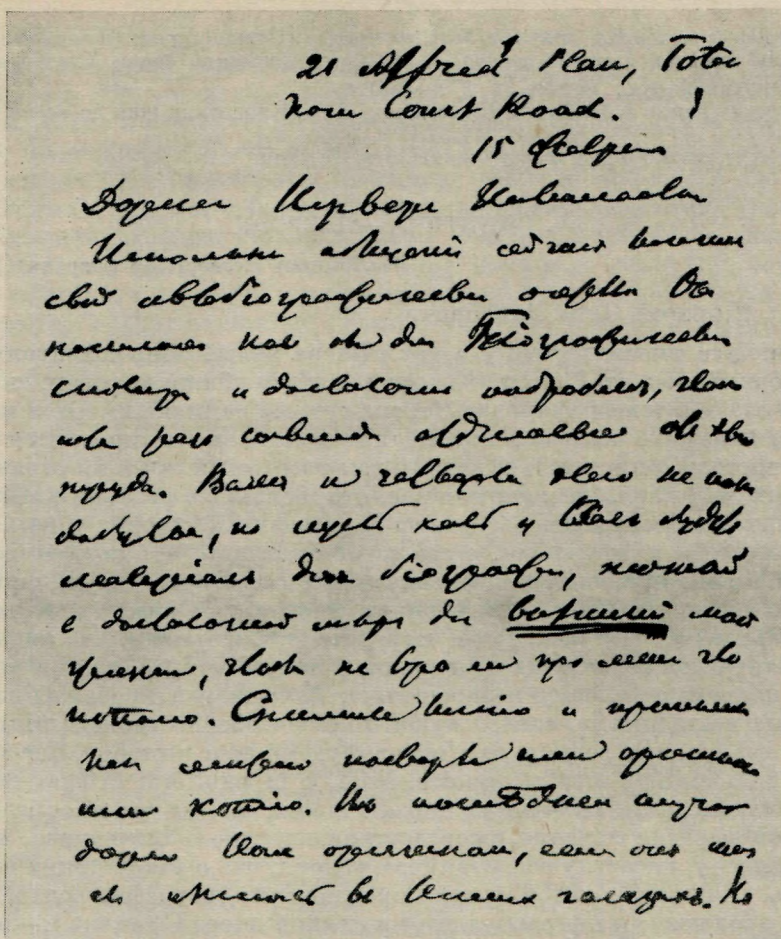
8. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 21 Alfred Place, Tottenham Court Road.
15 февраля ‹1882 г.› [1]

Дорогая Варвара Николаевна,

Исполняя обещание, сейчас выслал свой автобиографический очерк [2]. Он написан как бы для Биографического словаря и достаточно подробен, чтобы как раз совсем отделаться от этого труда. Вам и четверти этого не понадобится, но пусть хоть у вас будет материал для биографии, точный в достаточной мере для *внешней* моей жизни, чтобы не врали про меня что попало. Снимите копию и пришлите как можно поскорее — или оригинал, или копию. В последнем случае дарю вам оригинал, если он имеет ценность в ваших глазах. Но, пожалуйста, пришлите поскорее. Нужно и здесь: Кропоткин просил [3]. На особом листке вставки. Кое-какие годы не помню точно и ставлю вопросительные знаки. Большей

* обзоры (*франц*).
** вести обзоры иностранной политики в «Réveil» (*франц.*).



ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВА к В. Н. НИКИТИНОЙ
Лондон, 15 февраля 1882 г.
Автограф, лист первый
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

частью вы легко справитесь, а то и вовсе не нужно упоминать годов в том, что *вам* нужно. Только в копии сохраните вопросительные знаки.

Ну, не имею времени писать много. Как видите, благополучно приехал. Живу в маленькой комнатке в доме знакомого, адрес которого даю. В пятницу, вероятно, перееду в большую комнату, в № 13 той же улицы. Но вы пишите по данному в начале адресу. Это можно и потом, так как хозяин № 21 мой знакомый. Но я об этом напишу. Больше нечего сказать. Флакон, данный мне на дорогу, раздавился. Апельсины частью съел, частью ем еще. Сообщите свидание с Клемансо. Вообще пишите. Поклон Лизавете Фоминишне, Летурно и всем. Также Ольге Николаевне и ее матери [4]. Жму руку.

П. Л.

[1] По декрету правительства Фрейсине от 10 февраля 1882 г. Лаврову было предписано в три дня покинуть пределы Франции. Поводом к его высылке послужило опубликование во французской печати Обращения заграничного отдела «Общества Красного Креста Народной воли» о сборе денежных средств для политических ссыльных. Обращение было подписано уполномоченными Общества за границей Верой Засулич и Петром Лавровым. Лавров уехал из Парижа в Лондон 13 февраля.

[2] Никитина готовила для «La Justice» статью «Петр Лавров» (помещена 24 февраля). Для справок Лавров послал ей автобиографический очерк. Статья вошла в книгу Никитиной (см.: *Études*, с. 377—384).

[3] После изгнания в 1881 г. из Швейцарии, П. А. Кропоткин жил до осени 1882 г. в Лондоне.

[4] Глебовы, знакомые Лаврова, жившие в Париже.

9. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Четверг, 16 февраля ‹1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович,

Наконец-то имеем весточку о вас. Вчера целый день прождали carte postale и вдобавок от Горвата [1] получила строжайший выговор, за то что не упросила вас телеграфировать. А мы тут все вами занимаемся и имеем большую надежду, что ваше пребывание в Лондоне не продлится долго. Лежу в постели с мигренью и потому дам вам самый краткий отчет о треволнениях этих дней. Проводивши вас, отправились в редакцию «Gaulois», где прочли две бессмысленные статьи [2], отосланные сегодня к вам, и, пообедавши, чтобы убить время, я в 6 часов была в редакции «Justice». Немедленно была допущена в лицезрение *самого Клемансо*. Принял он вашего посланца очень любезно, с вниманием прочел два раза ваше письмо [3] et il a daigné me faire part de ses impressions *. Объявил, что письмо появится завтра же без всяких изменений, и на мой вопрос, не может ли это письмо повредить вашему возвращению, он еще раз пробежал глазами некоторые места письма, сделал какой-то ему особенно свойственный жест руками, говоря: «En somme, ce n'est un mystère pour personne, que M. Lavroff est un socialiste-révolutionnaire. Non, je la publierai intégralement — c'est une belle lettre et quant à moi du moins, elle ne me choque pas»**. Только он выразил желание, с согласия вашего уполномоченного, вычеркнуть приписку, касающуюся «Gaulois», говоря, что о такой дряни не стоит говорить. С большой охотой принял предложение биографии вашей. Когда он меня провожал, я попросила его протекции перед Constant [4],— он рассмеялся, но узнав, что моя статья два месяца лежит, пришел в негодование. «Soyez tranquille, Madame, votre article va paraître sous peu; c'est moi qui vous le promet» ***. Вы видели, что он сдержал обещание. Не могу вам сказать, как я была рада увидеть мою статью в том же номере, где ваше письмо. Спасибо за это Клемансо, а еще большее ему спасибо, если он действительно поможет вашему возвращению. Все эти дни бегала за Lanessan'ом, чтобы его нашпиговать и заставить, может, хоть раз в жизни послужить хорошему делу. Он мне сказал положительно, что интерпелляцию *не следует* делать, так как она, наверно, не удастся и только испортит дело, но что Freycinet [5], которого он допрашивал, сказал ему, во-первых, что через самое непродолжительное время вы можете вернуться, en étant sûr de ne pas être inquiété****, а во-вторых, что министерство *непременно* в самом непродолжительном времени предложит изменение закона [6]. Как вы знаете, вопрос уже поднят в министерстве и докладчиком назначен Humbert [7]. Успех почти несомненный, и Ланесан обещал мне самым торжественным образом, прося передать вам, «qu'il veillera à ce que l'affaire marche vite, qu'il l'a soulevée et qu'il la mènera à bonne fin, sans laisser

---

* и он соблаговолил поделиться со мной своими впечатлениями (*франц.*).

** В общем, ни для кого не секрет, что г. Лавров социалист-революционер. Нет, я опубликую его полностью — это прекрасное письмо, и меня, во всяком случае, оно ничуть не смущает (*франц.*).

*** Будьте покойны, сударыня, ваша статья вскоре появится; это я вам обещаю (*франц.*).

**** будучи уверенным, что вас не потревожат (*франц.*).

le ministère lambiner. Espérons qu'au moins une fois Numa Rumestan tindra ses promesses. Une fois n'est pas coutume» *.

Сегодня в Антропологическом обществе Летурно поднял этот вопрос и говорил о вас в самых теплых, сочувственных выражениях и нашел деятельную поддержку в Mortillet и Thulié [8]. Несмотря на предложение идиота-подлеца (т. е. Топинара) [9] отложить дело до будущего заседания Comité central, решили собраться сейчас же после заседания, чтобы принять надлежащие меры. Летурно имеет уже blancseing ** с подписями многих членов,— ему поручена редакция письма к министру; завтра он соберет еще много подписей и в три часа передаст его Thulié, а тот от имени Общества вручит министру. Thulié, впрочем, уже объявил собранию, qu'il avait déjà vu Camescasse [10] pour cette affaire, *comme c'était son devoir*, pour s'informer quelles étaient les démarches à faire. Camescasse aussi prétend que le ministère est très contrarié et ne va pas tarder à présenter la modification de la loi. A la demande de Thulié si vous pouvez revenir en toute sécurité — venir la loi une fois modifiée, Camescasse a répondu tout-à-fait affirmativement et explicitement. Ils prétendent tous que ce changement de la loi aura lieu pas plus tard que dans 15 jours ***.

Смотрите, дорогой Петр Лаврович, не устраивайтесь в проклятом Лондоне. *До свидания*, я измучена всеми этими треволнениями, а нужно выспаться хорошенько, чтобы написать вашу биографию. Благодарю вас за позволение сохранить оригинал, копию вышлем завтра. Лиза вам очень кланяется,— Летурно, Глебовы и Горват просили тоже передать вам поклоны. Крепко жму вам руку. Всей душой вам преданная

В. Никитина

[1] Алексей Николаевич *Хорват* (1836 — после 1916) — приятель Лаврова, русский врач; с 1883 г. профессор общей патологии Казанского университета (1883—1896).

[2] 10 февраля в парижской консервативной газете «Le Gaulois» появилась статья, в которой говорилось, что Лавров «пользовался покровительством Тургенева». В тот же день Тургенев послал редактору «Le Gaulois» открытое письмо, в котором возражал против того, что его имя примешано к рассказу о высылке Лаврова. Письмо было напечатано 13 февраля (см.: *Тургенев. Письма.* Т. XIII, кн. 1, с. 191, 368—369). В то же время Тургенев, по собственной инициативе, поехал к префекту парижской полиции Камескасу, чтобы просить его дать Лаврову отсрочку на несколько дней.

[3] 14 февраля в «La Justice» было напечатано открытое письмо Лаврова, написанное перед его отъездом в Лондон (подробное изложение текста письма см. п. 10, примеч. 6).

[4] *Констан* — один из редакторов «La Justice».

[5] Шарль Луп *Фрейсине* (Freycinet, 1828—1923)—председатель Совета министров в 1882 г., умеренный республиканец, представитель промышленной буржуазии.

[6] Проект изменения закона об иностранцах 1849 г. В Петербурге известие об изменении этого закона было встречено в штыки. 2 марта Н. А. Белоголовый сообщал Лаврову: «В «Journal de St.-Pétersbourg» нападают на французское правительство за то, что оно не поднимало вопроса о законе 49-го года, когда выслан был Карлос, а хочет изменить теперь, когда дело коснулось цареубийцы Лаврова» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 31, л. 13—13 об.).

[7] Альфонс *Эмбер* — член Палаты депутатов, близкий к социалистам.

[8] Луи Лоран Габриель *де Мортийе* (1821—1898)—французский археолог и антрополог, участник революции 1848 г. во Франции. Анри Жан Батист *Тюлье* (1832—?)—президент Антропологического общества в Париже.

[9] Поль *Топинар* (Topinard; 1830—1911) — французский антрополог.

[10] Жан Луи Эрнест *Камескас* (1838—1897)—префект парижской полиции в 1881—1885 гг.

---

* что он позаботится, чтобы дело прошло быстро, ибо он его возбудил и доведет до благополучного конца, не давая министерству мешкать. Будем надеяться, что хоть раз Нума Руместан сдержит свои обещания. Один раз не в счет (*франц.*).

** чистый бланк с подписью (*франц.*).

*** что он уже видел Камескаса [10] по этому делу,— *ибо его долгом было* узнать, какие надо предпринять шаги. Камескас тоже утверждает, что министерству очень досаждают и оно не замедлит с представлением об изменении закона. На вопрос Тюлье, будет ли вполне безопасно для вас вернуться, раз изменение закона пройдет, Камескас ответил утвердительно и самым определенным образом. Они все полагают, что изменение закона произойдет не позже, чем через две недели (*франц.*).

10. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
18 февраля ‹1882 г.›

Многоуважаемая Варвара Николаевна,

Только что вертлявая house-maid * моего нового жилища принесла мне кофе, и я попросил ее сбегать через улицу в № 21, где я жил до вчерашнего дня, и принести мне письма и газеты, если есть, а она мне говорит: «O yes, Sir, here are letters for you» **, и подает уже пересланные мне ваши два письма. Мне просто совестно, сколько я вам хлопот наделал с моей notice ***. Будет ли она вам годна на что-либо? В копии оказалось много неверностей и неразобранных мест (как и можно было ожидать), поэтому посылаю вам ряд поправок на этом же листке [1]. Для вашей notice они вовсе не нужны (кроме первой, может быть), но это уж дань педантической аккуратности. Если вы хотите, можете мне прислать оригинал, подчеркнув сомнительные или неразобранные места, и я вам верну с прибавкою четко написанных этих мест. Кто переписывал первые страницы?

Почему вы Хорвата называете Горватом? К чему ему была нужна телеграмма? Точно я к зулусам ехал или под огнем нескольких батарей пробирался. Из Парижа в Лондон ездят и для прогулки, хотя и на этом пустячном переезде могут постигнуть большие, очень, очень печальные потери... [2] Ну, да об этом говорить нечего. Расскажу вам лучше, как живу. У меня весьма просторная комната на солнце и на двор, на одной из самых тихих, хотя и центральных улиц Лондона. Сижу и пишу вам среди комнаты за столом весьма порядочного размера для меблированной комнаты, в достаточно мягких креслах. День для Лондона достаточно светлый. Хожу обедать во французский ресторан очень недалеко (ближе чем Trin от 328, St. Jacques) и плачу почти то же, что у Trin, только число кушаний меньше, но порции большие и изготовлено как будто лучше. В Музее [3] еще не был, но, может быть, пойду сегодня хлопотать о билете, так как старый билет у меня пропал. Очень благодарите Летурно, Ланесана и других за хлопоты обо мне. Я не верю, чтобы дело могло так скоро обделаться. К тому же я боюсь, чтобы мне не пришлось *просить* о возвращении, на что едва ли я решусь. Здесь мне все говорят, что, вероятно, придется.

Благодарю вас и за присланные газеты: смеялся я над статьями «Gaulois», но задумался над одною фразою,— правда или неправда, что мой девиз: «Rien ne m'est plus, plus ne m'est rien» [4]****. Вашу статью о Renan [5] я еще не прочел, потому что один приятель захватил ее прочесть и хотя принес мне вчера же вечером, но я не знаю, куда положил. Мне очень интересно знать, какое впечатление вообще произвело мое письмо (если произвело). Говорят, Times перепечатал [6]. Сегодня принимаюсь посерьезнее за работу, как только кончу письма.

Крепко жму вам руку. Поклон всем, кто помнит меня не лихом.

П. Л.

Ответ на п. 9

[1] На 3 и 4 страницах письма помещены «Поправки»—перечень исправлений ошибок в копии автобиографической справки Лаврова, всего 27 пунктов (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 39, л. 4 — 4 об.).

[2] При переезде из Парижа в Лондон у Лаврова пропал бумажник с дорогими ему письмами; видимо, это были письма А. П. Чаплицкой (см. п. 16).

[3] В читальном зале Британского музея.

---

* горничная (*англ.*).

** Да, сэр, тут есть письма для вас (*англ.*).

*** заметкой (*франц.*).

**** Ничто больше для меня не существует; то, что существует, для меня ничто» (*франц.*).

[4] Девиз Валентины Миланской (1364—1408), жены герцога Орлеанского, убитого в 1407 г.; вдова была безутешна и спустя год умерла от горя.

[5] Никитина написала для «La Justice» статью о Ренане: «M. Renan et le christianisme» (помещена 15 февраля 1882 г.).

[6] «Times» напечатал письмо Лаврова в изложении своего парижского корреспондента: «Французское правительство, заявляет Лавров, действовало в соответствии со своим положением, хотя и в вопиющем противоречии с девизом, расклеенным на стенах Парижа. Оно желает дать Российской империи свидетельство своей дружбы, однако последняя может не оценить этого или же потребовать новых уступок. Все же его, Лаврова, изгнание послужит уроком для французов, верящих в постепенное и мирное преобразование своей страны. Лавров с иронией благодарит правительство за то, что оно не посадило его за решетку или не препроводило к границе в наручниках, как это произошло 28 месяцев назад с несколькими его друзьями, которые столь же мало были причастны к французской политике, как и он. Лавров надеется, что его изгнание побудит многих французов внести свое имя в подписной лист фонда помощи жертвам русского деспотизма — фонда, который будто бы был причиной его высылки, — и тем самым каждый честный француз получит возможность протестовать против раболепства перед деспотическим и тупым правительством. Лавров верит, что республиканцы-радикалы рано или поздно примкнут к социальной революции, вынужденные к этому той исторической необходимостью, которая заставляет правительства, какими бы либеральными они ни прикидывались, изобличать республиканский либерализм, который они якобы исповедуют» («Times», 15 февраля 1882 г.; перевод с английского).

11. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

〈Париж〉 Воскресенье 〈19 февраля 1882 г.〉

Дорогой Петр Лаврович, прежде всего горячо вас благодарю за дружеские строки, только что полученные, за подробности о вашем житье-бытье в Лондоне. Я имею *твердую* надежду, что оно не продолжится, что вы вернетесь к вашим парижским друзьям без всяких просьб и démarches * с вашей стороны, c'est moi qui vous le dit, homme 〈de〉 si peu de foi **.

А теперь вот в чем дело. Я написала два биографических очерка и хотела сегодня же вечером отвезти один, более серьезный и подробный, в «Justice», но вдруг на меня напал страх. А что, если я сказала что-нибудь, что в каком-〈нибудь〉 отношении может вам повредить или просто быть неприятным? Это было бы слишком больно,— я надеюсь никогда не причинить вам и тени неприятности. Вот что я придумала. Очень важно, чтобы биография ваша появилась как можно скорее. Clemenceau этого желает, а к тому же в четверг в Камере будет поднят вопрос о вашем деле, как вы это увидите из прилагаемых вырезок из журналов. Если вы ничего не найдете вам вредного или неприятного в статье, пожалуйста, немедленно известите телеграммой,— тогда я могу завтра же вечером отвезти ее Clemenceau, а во вторник другую Рошфору [1]. Il est bien entendu ***, 〈что〉 вы вовсе не имеете права de gêner la liberté de mes appréciations personnelles**** и отнять у очерка жизнь и интерес, выпуская все характеристическое. Обратите внимание на место, где я говорю о ваших сочинениях—оно меня более всего тревожит, не может ли это повредить журналам, где вы писали, а главное печатанию вашего нового труда, от которого, вы знаете, в каком я восторге [2]. Я бы себе никогда не простила этого. Может быть, лучше вовсе не упоминать об «Опыте мысли»? Летурно вчера вечером читал биографию и нашел ее очень занимательной.

Я все это время так занята вами, дорогой Петр Лаврович, что еще не вполне *осязаю*, так сказать, той пустоты, которую ваш отъезд оставил 〈в〉 нашей жизни; она нахлынет 〈на〉 меня, я знаю, с тем большей силою, когда отвезу мои статьи и вернусь к обычным занятиям. Эти два дня я сов-

---

* хлопот (*франц.*).

** это я вам говорю, маловер (*франц.*).

*** Само собой разумеется (*франц.*).

**** ограничивать свободу моих личных оценок (*франц.*).

сем не выходила, так была поглощена моими очерками. Я писала со страхом и трепетом,—с одной стороны, страх повредить вашему возвращению, выставив вашу деятельность и вашу личность в настоящем свете,— с другой, страх уменьшить и то, и другое — не угодить вашей партии, не угодить вам,— желание, горячее желание, чтобы все вас поняли и оценили так, как я вас ценю. Как видите, сложный психологический процесс.

Девиз Valentine de Milan, приложенный к вам в «Gaulois», остановил и мое внимание, но впечатление было неодинаково. В вас он вызвал сомнение, во мне — негодующий протест. Я верю в вашу живую душу — не будь ее, вы бы не были тем, ⟨кто⟩ вы есть. Всей душой преданная вам

В. Никитина

Лиза очень кланяется. Первая страница переписана Глебовой [3].

Ответ на п. 10.

К письму приложен текст очерка Никитиной о Лаврове — рукопись на французском языке, без начала (см.: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 329, л. 15—17 об.).

[1] Анри Рошфор (Rochefort; 1830—1913)—французский публицист и общественный деятель. В 1880-е годы был членом Палаты депутатов, принадлежал к крайней левой. Редактор газеты «L'Intransigeant», основанной им в 1880 г.

[2] «Опыт истории мысли»—философский труд всей жизни Лаврова; он должен был охватить историю человеческого общества, эволюцию общественных форм и их влияние на развитие мысли. В 1876 г. в «Невском сборнике», т. I, появилась (с подписью: П-ов) статья Лаврова «Несколько мыслей об истории мысли». Через четыре года были опубликованы его «Очерки систематического знания» — журн. «Знание», 1871, № 11; 1872, № 1 и 3 (подпись: П. М-в). Затем была напечатана книга: «Опыт истории мысли», т. I, вып. I (СПб., 1875, без указания автора; первоначально в журн. «Знание», 1874, № 1, 2, 8 и 9). В связи с цензурными трудностями издание не было продолжено. Лавров решил перенести издание этого труда за границу, где были выпущены: «Опыт истории мысли нового времени», т. 1, ч. 1—2. Женева, ⟨1888⟩ — 1894; «Очерк эволюции человеческой мысли». Женева, 1898. Следующей в этом ряду явилась книга: С. С. Арнольди (псевдоним Лаврова). Задачи понимания истории (М., изд. М. М. Ковалевского, 1898). Посмертно вышел труд, также изданный М. М. Ковалевским,— «Важнейшие моменты в истории мысли» (под псевдонимом А. Доленги). М., 1903.

[3] Первая страница копии автобиографической справки Лаврова. О Глебовой см. п. 8, примеч. 4.

12. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
20 февр⟨аля 1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Только что получил ваше письмо со вложенной статьей и спешу написать, что там есть маленькие неточности, которые необходимо исправить, тем более, что биография, данная вами, будет принята, как писанная по данным, доставленным мною. Я нахожу ее чрезмерно, совершенно чрезмерно [похвальной] хвалебной. Вы мне запретили до этого касаться, хотя нахожу, что хваля излишне, мы невольно вызываем в читателях желание унизить хвалимого.

Вот неточности:

1) Я был не только редактором философского отдела, но главным редактором всего Энциклопедического словаря со второго тома [1].

2) Я просидел 9 месяцев в *предварительном* заключении, а не в наказание. 3 месяца, на которые меня осудила военно-судная комиссия, были отменены аудиториатом, ввиду имевшего место 9-месячного заключения. Сидел я не в крепости, а в ордонансгаузе. Можно просто сказать prison *.

3) Никакого великого князя не было в следственной комиссии и никакой немец не допрашивал меня. Допрашивал меня сенатор Бэр [2] и очень

* тюрьма (*франц.*).

П. Л. ЛАВРОВ
Фотография, 1890-е годы
Архив «Литературного наследства», Москва

любезно. Это совершенно необходимо поправить, да и нужно ли приводить ваш анекдот?

4) Пожалуйста, измените то, что вы написали о Тотьме. По многим причинам это мне неудобно и неприятно. Во-первых, ничего такого и не было, и Тотьма не рисковала никогда обратиться в «foyer révolutionnaire»*. Во-вторых, меня вовсе не удалили оттуда насильно, а перевели с моего желания в Вологду. Из Вологды же в Кадников насильно выслали уже потом, через месяц, ⟨так что⟩ я не имел времени и в Вологде организовать «foyer révolutionnaire». В-третьих, у меня есть личные причины не желать вызывать в памяти разных лиц некоторые факты этого времени. Не напирайте на мое пребывание в Тотьме, а упомяните об этом мимоходом [3].

5) Место, где вы говорите о разнице моей теории от Бакунина, вообще не точно, и я не желал бы, чтобы на это смотрели так, как бы ⟨на⟩ признанное мною. Я никогда не был против «moyens violents»**, то есть против насильственной революции, только я настаивал, что ее надо подготовить, а не предполагать, что к ней все готово в России. Я считал всегда, что приобретение знаний революционером есть одно из подготовлений к энергической деятельности (пропагандистской, агитационной или организационной), а нисколько не рассчитывал на «*долговременное* изменение идей,

* революционный очаг (*франц.*).
** насильственных действий (*франц.*).

чувств и привычек». Может выраженное вами очень часто высказывалось, но я внутренне протестовал против него и очень не желал бы, чтобы думали, что я сам так смотрю на свою деятельность.— Последние события, когда в 1878 г. «la lutte y revêtait un caractère plus acharné» *, происходили вне влияния Бакунина (умершего в 1876) и моего. Колебания в отношении нашего влияния относились лишь к 1873—75 годам [4].

6) Лучше бы место о моих курсах (которые я читал в Цюрихе и в Париже, но не в Лондоне) сделать несколько бледнее. Оно достаточно верно для Цюриха, но вовсе не верно для Парижа, где сначала ко мне относились более оппозиционно, да и никогда не были так симпатичны, как вы говорите [5].

7) Фразу «dissentiments dans la rédaction» ** надо изменить. Я был *единственным* редактором. Но группа, поддерживавшая «Вперед» *в России*, не захотела продолжать *газеты* и высказала некоторое неудовольствие по некоторым пунктам ведения дела. Тогда я передал редакцию и вышел. Выразитесь тут особенно осторожно, вследствие разных личных отношений [6].

Теперь еще замечания другого рода:

1. Упоминание о моей деятельности под псевдонимами я считаю возможным и не опасным. Для полноты биографии (не для ваших статей) прибавлю уточнение, что около 60-го года я прочел в Пассаже в Петербурге три лекции о значении философии в настоящее время, которые были *первыми* лекциями, публично читанными по этому предмету в России вне духовных заведений со времени запрета курсов философии в университетах Николаем I, кажется, ⟨в⟩ 1849 г. Лекции привлекли многочисленную публику и были напечатаны особой брошюрой (она есть в переплетенном сборнике у вас, и год ее выхода я вас попрошу мне сообщить) [7]. Находите ли вы нужным умолчать, что я, будучи в Брюсселе и в Лондоне, хлопотал о Коммуне? Также, что я говорил речь о Коммуне и напечатал о ней брошюру? [8] Если вам посоветовали эту политику, то я, конечно, в нее не мешаюсь.

Извините, что я прибавляю вам работы, но я очень благодарен вам, что вы спросили меня. О запрещенной области прибавлю еще: не слишком ли хвалебно?

Употребляйте более прочные конверты. Письмо пришло с оторванным углом и с весьма поврежденным конвертом.

Не верю скорому возвращению, и Энгельс, у которого я вчера провел вечер, разделяет мои сомнения [9]. Угодить и мне, и нашей партии, и читателям во Франции, и наблюдателям в России — почти ⟨?⟩ невозможно. По-моему, *опасность* никогда не следует брать в соображение.

Жму крепко руку. Поклон всем.

П. Л.

Ответ на п. 11.

[1] «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861—1863 гг.), выходил под общей редакцией А. А. Краевского, а со второго тома — П. Л. Лаврова; всего вышло шесть томов (буквы А — Е). Словарь был запрещен после ареста поэта М. Л. Михайлова, редактора отдела словесных наук, и некоторых других сотрудников словаря.

Об этой деятельности Лаврова П. Д. Боборыкин потом писал: «Он считался тогда в Петербурге самым замечательным энциклопедистом и по философии, и по истории точных знаний, и по общей истории, и по общественным наукам» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. I. М., «Художественная литература», 1965, с. 384).

[2] Борис Иванович *Бэр* (1805—1869)—сенатор, тайный советник. Следствие по делу о полковнике П. Л. Лаврове велось следственной комиссией под председательством М. Н. Муравьева.

---

* «борьба приняла там более ожесточенный характер» (*франц.*).

** «разногласия в редакции» (*франц.*).

[3] В Тотьме, уездном городе Вологодской губ., Лавров находился с 17 февраля до 29 августа 1868 г., а затем по его просьбе (со ссылкой на расстроенное здоровье) он был переведен в Вологду. По словам М. П. Сажина, жившего тогда в ссылке в Вологде, «в Тотьме Лавров был центром тамошней ссылки. На его квартире очень часто собиралась вся ссылка, приходили, кроме того, учителя и некоторые из местных жителей» (М. П. Сажин. Воспоминания 1860—1880-х гг. М., 1925, с. 29). В Тотьме Лавров занимался главным образом научно-литературной работой.

[4] Позднее, в 1895 г., Лавров так сформулировал расхождения между бакунистами и лавристами: «...возникли две враждебные фракции. «Вперед» появился с программой рабочего социализма, выставив задачу «подготовления» социальной революции в России...», а бакунисты проповедовали, «во имя анархического социализма непосредственное обращение к революционным приемам, отрицая более или менее медленные меры «подготовителей» (П. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 года. Гл. 1—2. ⟨Париж⟩, 1895, с. 51). Об отношении Лаврова к «насильственным действиям» свидетельствуют следующие его слова из письма к Е. А. Штакеншнейдер от 10/22 октября 1871 г.: «Но для тех, кто истинно желает прогресса человечеству, кто знает, что лишь на пути социального переворота этот прогресс в настоящем возможен, кто привык всматриваться глубже в ход истории и не пугается некоторого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества, для того Парижская Коммуна — одно из замечательнейших явлений истории, один из интереснейших и убедительнейших ответов» («Голос минувшего», 1916, № 7-8, с. 134—135).

[5] В конце 1872 г. Лавров начал читать в Цюрихе курс лекций «Задача истории мысли» для русских студентов (в 1872 г. в Цюрихе было более 200 человек русской учащейся молодежи). Всего им было прочитано четыре лекции, которые пользовались большим успехом. По поводу одной из этих лекций В. Н. Смирнов писал А. С. Бутурлину 30 декабря 1872 г. из Цюриха: «Сегодня была вторая и последняя лекция П. Л. о славянах. Народу набралось еще больше, чем в прошлый раз. ⟨...⟩ Лекция произвела потрясающее впечатление; долго и много рукоплескали ему взволнованные слушатели, и не одному десятку из них запали глубоко в душу страстные речи о том, что отжила свой век старая буржуазная цивилизация, что пришла пора нового порядка вещей, что задача полного социального переворота поставлена и что каждый должен способствовать ей всеми силами, каждый должен готовиться к ней, воспитывая в себе беззаветную преданность делу, вырабатывая критическое мышление и набирая возможно больше положительных знаний» (ЦГАОР, ф. 1737, оп. 1, ед. хр. 26, л. 33 об.— 34).

В Париже в 1877 г. Лавров читал у себя на квартире, а потом в русской библиотеке на улице Паскаль лекции для русской эмигрантской молодежи по вопросам теории социализма и истории мысли; на этих лекциях бывало до 20—30 человек.

[6] Лавров вышел из редакции «Вперед» вследствие своих расхождений с петербургским кружком лавристов, инициатором издания, финансировавшим и распространявшим его в России. В декабре 1876 г. петербургские лавристы созвали в Париже съезд, на котором делегатами от петербургского кружка были Л. С. Гинзбург (1851—1918) и ближайший помощник Лаврова в редакции «Вперед», Валериан Николаевич Смирнов; делегатами из Лондона были А. Л. Линев и Лавров, как редактор «Вперед», из Киева — К. И. Гриневич, из Одессы — Г. А. Попко (*Архив В. Смирнова*, т. I, с. 211). На съезде Лавров потребовал придания газете более политического и боевого характера. Но делегаты из России предлагали на первый план выдвигать пропаганду и агитацию в народе, а также ставили вопрос о замене двухнедельной газеты «Вперед» двухмесячными сборниками (см. недатированное письмо Л. С. Гинзбурга в редакцию «Вперед» от мая — июня 1876 г.— *Архив В. Смирнова*, т. II, с. 309). На съезде Лавров заявил о своем выходе из редакции.

Н. С. Русанов, близко стоявший к Лаврову в последние годы его жизни, писал потом, что «Лавров был сам настроен много крайнее своих учеников, особенно тех, которые группировались в России вокруг умного, но отнюдь не революционного Г⟨инзбурга⟩, к 1877 году превратившего окончательно лавристов в партию культурников с легкой социальной прожилкой» (Н. С. Русанов. П. Л. Лавров.—«Былое», 1907, февраль, с. 274).

[7] 22, 25 и 30 ноября 1860 г. Лавров прочитал в зале Пассажа в Петербурге три публичных лекции в пользу Литературного фонда «О современном значении философии», в которых развивал идею о единстве знания, творчества и мысли. Лекции были напечатаны в «Отечественных записках» (1861, № 1) и вышли отдельным изданием — «Три беседы о современном значении философии». СПб., 1861. Посвящено А. Г⟨ерцену⟩ и П. П⟨рудону⟩. Лекции Лаврова, по словам, Е. А. Штакеншнейдер, имели огромный успех: «...сегодня это был уже не успех, а триумф. Вызовам и восторгу конца не было» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.— Л., 1934; запись 30 ноября, с. 275).

Кафедры философии в русских университетах были закрыты в 1849 г. вместе с кафедрами государственного права европейских держав.

[8] Лавров отправился из осажденного Парижа в начале мая 1871 г. в Брюссель, где выступил перед бельгийским федеральным советом Интернационала. Он сообщил о

критическом положении коммунаров и предложил устроить несколько крупных манифестаций рабочих на французской границе; с тем же он обратился в Лондоне к Марксу. Лавров указывал позднее: «Имея в виду содействие коммунарам, я по своей инициативе поехал в Лондон и Брюссель, когда уже дела Коммуны шли плохо (я, однако, сообщил об этом Варлену и его товарищам)» (А. Т у н. История революционных движений в России. Л., 1924, Приложение II, с. 178).

Речь о Парижской Коммуне Лавров прочитал у себя на квартире в 1879 г., в годовщину Коммуны. Его брошюра —«18 марта 1871» (Женева, 1880).

[9] Лавров был у Энгельса 19 февраля 1882 г., что подтверждается письмом Энгельса к нему от 18 февраля (см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 35, с. 227).

13. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

〈Париж〉 Четверг 〈23 февраля 1882 г.〉

Посылаю вам, дорогой Петр Лаврович, сегодняшний номер «Justice» с вашей биографией. Прошу вашего снисхождения и умоляю помнить одну вещь: пишете ее не *вы* и даже не член какой-нибудь партийной группы, а вольный застрельщик, человек, стоящий в стороне и только лично ответственный за свои мнения. Никому в голову не придет приписывать вам мои неразумные суждения.

Статья была уже *composée* (набрана?), когда я получила ваше письмо,— я сделала на корректуре все желаемые вами изменения, насколько было возможно. Как я вижу, вы бы все живое и интересное выбросили из скромности и остался бы один голый перечень фактов.

Биографией остались очень довольны в «Justice» и не согласились напечатать несколько строк, в которых «l'auteur entend assumer la responsibilité toute entière des appréciations sur le rôle politique et les doctrines de Mr L〈avroff〉» * (я думала сделать этим вам угодное). Сказали, что редакция вполне разделяет все мною сказанное. Имени своего я не подписала,— оно очень уж известно в русском посольстве.

Прибавить о Коммуне было бы очень неполитично, а о лекциях 〈по〉 философии нашла лишним,— по их мнению и так уже было, вероятно, assez de faire scientifique» **. Вы забываете, что я пишу во французских журналах и для французской публики,— поневоле приходится к ней применяться. Русские, читающие вашу биографию, должны помнить, что она не так написана, как бы следовало для русской публики.

Во всем этом я имею одно утешение — Белоголовые, у которых я хотела справиться насчет подписки в «Голосе», читали оба очерка в рукописи — я желала знать мнение и впечатление ваших лучших друзей [1]. Они остались вполне довольны — нашли, что ваша нравственная личность удачно и верно схвачена, а также разница между вашим направлением и направлением Бакунина. Впрочем, в этом случае меня ввело в заблуждение одно место, написанное вами же в биографических документах, вероятно, дурно мной понятое. Старалась его изменить,— знаю сама, что неудачно. Enfin, je vous ai peint selon le coeur des vos meilleurs amis et le mien et je suis résigner pourtant ***.

Что касается другого очерка, il a eu lieu des péripéties!**** Проездившись два раза в Neuilly, я увидела, наконец, фразерку Donan. Оказалось, что это она говорила по внутреннему убеждению, а вовсе не по поручению редакции «Intransigeant». Дала мне письмо к Rochefort и после двух дней, проведенных в побегах за ним, вчера утром он лично принял статью, обе-

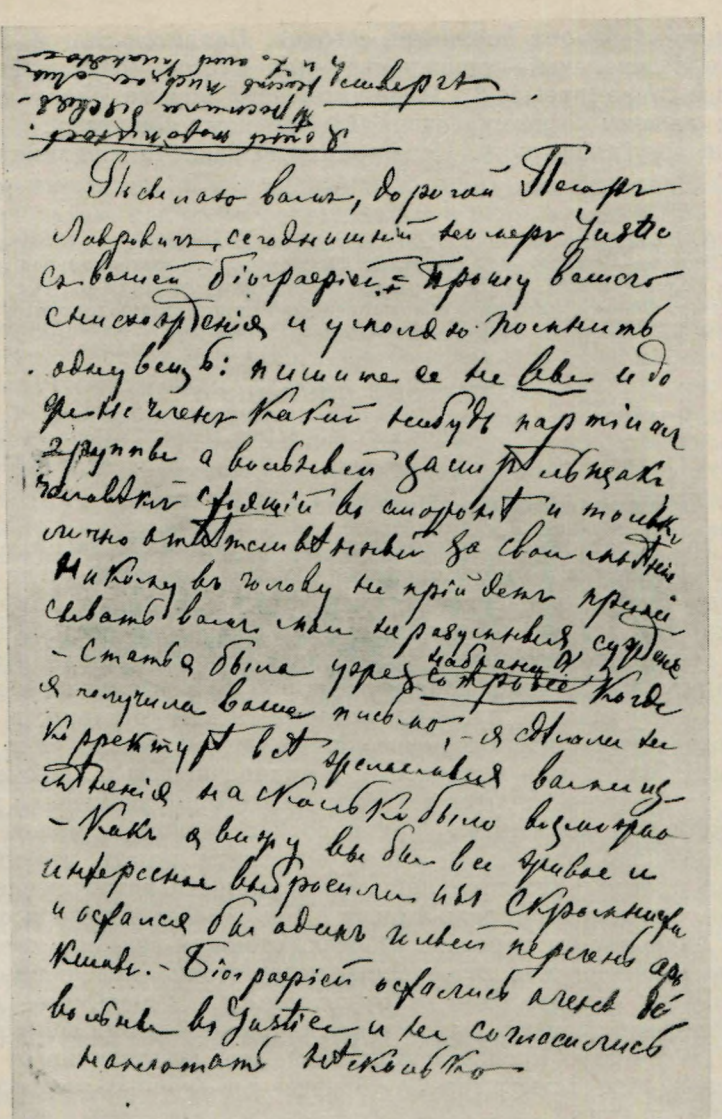
---

* «автор готов взять на себя всю ответственность за оценку политической роли и научных теорий г. Л〈аврова〉» (*франц.*).

** достаточно заниматься наукой (*франц.*).

*** В конце концов, я показала вас, следуя велению сердец ваших лучших друзей и своего, и я смирилась (*франц.*).

**** тут были всякие осложнения! (*франц.*).



ПИСЬМО В. Н. НИКИТИНОЙ к П. Л. ЛАВРОВУ
Париж, 23 февраля 1882 г.
Автограф, лист первый
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

щая торжественно, что она появится *завтра*, то есть сегодня, в один день со статьей «Justice». Вчера же вечером я вхожу в редакцию его с намерением сказать, чтобы не подписывали моей фамилии, слишком известной русскому посольству (мне это все советовали, и вы видите, что я сочинила какое-то неподобное русское имя по требованию Constant), и мне вдруг объявляют, что Rochefort, сам приказавший ⟨на⟩ днях напечатать статью, только что прислал телеграмму pour ne pas le faire passer...* Статья была набрана, и мне подали корректурные листы. Я ее, не долго думавши, свезла в «Citoyen» [2], где ее приняли как манну небесную, но уже было позд-

* чтобы ее не пускали (*франц.*).

но, для того чтобы она появилась сегодня. Появится завтра. Вы будете еще более недовольны,— назначенная для пустого «Intransigeant», она нечто вроде crème fouettée *. Пришлите, если можете, скорее отпущение в грехах вашему бедному, очень измученному биографу.

Крепко жму вашу руку. Недостойная ваша почитательница

В. Н.

[1] О Н. А. *Белоголовом* см. наст. том, с. 429. Жена Белоголового — Софья Петровна.

[2] «Le Citoyen»— ежедневная социалистическая газета, выходила под разными названиями в Париже с 1881 по 1884 г.; в состав редакции входили Ж. Гед, П. Лафарг, Б. Малон и др. Очерк Никитиной был напечатан в газете под заголовком «L'éxpulsé» («Изгнанник»), 26 февраля 1882 г.

14. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон›. 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
24 февраля ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна.

Пишу вам в настоящий лондонский день. Теперь 10 часов, а я только что потушил свечу и не могу сказать, чтобы совершенно четко разбирал собственные буквы: лондонский туман. Тому час как я получил ваше письмо, но «Justice» еще не получил. Само собою разумеется, что я и не прочел статьи в окончательной форме, знаю, что мне приходится только поблагодарить вас за ваши добрые желания, за незаслуженные похвалы и особенно за громадные хлопоты, которые я вам доставил: я с ужасом думаю, что́ делается с вашими переводами в эти две недели. Но и вы не обвиняйте меня слишком в мелочности, в привязчивости к словам, в филистерстве. Я был только против тех отзывов, которые заключали прямо неверные данные, а так как вы, моя короткая знакомая, могли получить эти данные только от меня, то я имел основание думать, что мне припишут частью и даже в значительной мере неточности, встречавшиеся в первом очерке. Относительно разногласия с Бакуниным я в своем очерке написал так, как мог бы написать человек, стоящий совсем в стороне: что *бакунисты находили* мои стремления недостаточно революционными,— не высказывая, как это *было действительно*. Я думаю, что читавшие «Государственный элемент» и «18 марта» в этом отношении сомнений иметь не могут [1], а я в этих произведениях ни на шаг не отступил от того, что писал в передовых статьях газеты «Вперед» и в главных статьях журнала «Вперед» до того.

О допросе великим князем, о грубости допроса с моей стороны рассказывать было бы чистой ложью. Относительно сочувствия публики на моих лекциях в Париже в 1877 и 1878 годах может говорить лишь тот, кто на них не был. Я сблизился более с парижским обществом лишь с дела Гартмана [2], да и то... Что касается до моей «пропаганды» в Тотьме, здесь как раз живет один из свидетелей моей жизни там (тот самый, который написал мне любезное письмо, когда узнал о моей высылке, и написал после пяти лет разрыва) [3]. Ему будет смешно читать это, так как он отлично знает, как мало общественная деятельность играла роль в моей тамошней жизни: то был эпизод другого сорта. Я, сидя в ордонансгаузе, более агитировал, конспирировал и действовал общественно, чем из Тотьмы и вообще из ссылки, где моя общественная деятельность была чисто литературной. Это меня и заставило настаивать на изменениях, хотя мне и было совестно давать вам лишний труд. Я послал вам телеграмму об остановке статьи около 2 часов или ранее, в понедельник, и тогда же отдал на

---

* взбитых сливок (*франц.*).

почту письмо, которое, как я думал, вы получите во вторник утром и отвезете статью вечером. Ну, да дело сделано и об этом толковать нечего.

Вы советовались, вы говорите, с Белоголовыми. Ну, какие же они советники в деле человека партии? Они — прекрасные люди, мои очень хорошие приятели, и я думаю, что искренно любят меня, но они никак не могут стать мысленно на мое место как политического деятеля. Они подумают только о том, как бы *оберечь* меня. Но у меня, кроме обереганья, есть кое-какие другие, совсем иные интересы. Цакни был бы несравненно лучший советник, хотя он мне вовсе не очень близкий человек, да и в партии член вовсе не особенно деятельный, скорее скептик, но понимает, что́ значит принадлежать партии и быть в некоторой ⟨?⟩ степени ответственным за отзывы, которые вы хотя бы *допустили* [4]. Мне пришлось долго завоевывать то положение, которое я занимаю среди русских революционеров, завоевывать против холодности, нерасположения, подозрительности, прямого противодействия, и притом не делая никаких уступок в моих убеждениях. Рядом с той внешней рамкой моей деятельности, которую я дал в посланном вам очерке, не лишена значения внутренняя история развития этой деятельности, которую я как-нибудь, если будет время, напишу (я говорю о внутренней истории моей общественной деятельности, а не интимной жизни, до которой никому нет дела), и она, может быть, будет иметь свой интерес; во всяком случае, позволительно дорожить с моей стороны этим положением и не желать потерять его или снова поколебать его неосторожным поступком. Всяческие восхваления, излишнее выдвигание вперед, излишняя осторожность или отречение, хотя бы кажущееся,— это некоторых демагогов, даже второстепенных, может быть, в этом случае более восстановит, чем можно бы думать. Об осторожности этой и опасности некоторых неудобств мне и думать не следует. В этом случае прав ⟨?⟩ Щедрин в его последней статье, как раз присланной ⟨?⟩: «Что с меня взять-то, подумайте! Ведь и измучить меня всласть нельзя — умру, только и всего» [5]. Мои истинные друзья должны это понимать, как я. Ну, да, вероятно, Кропоткин в английской газете осветит совсем иную сторону. Во всяком случае, так как вы знакомы с Цакни (Луцкого [6], который дает уроки у Глебовых, вы, кажется, мало знаете), то поговорите с ним (или с Луцким) при случае *от себя*, о впечатлении, произведенном вашей статьей на людей партии, и напишите мне. Только они едва ли вам откровенно выскажутся. Ну, да довольно об этом.

У меня есть к вам и другое дело. По старости и слабеющей памяти я не знаю, показывал ли я вам антропологическую статью — предисловие к переводу Тайлора, появившуюся, конечно, без моего имени [7]. Я теперь получил лишний экземпляр. Поговорите с Летурно: не было ли бы уместно, чтобы я послал эту книгу в Общество, при чем подноситель (им может быть и Деникер [8], если не побоится), может высказать à mots couverts *, что предисловие принадлежит члену Парижского антропологического общества, который не нашел удобным выставить свое имя, словом намекнуть, что оно мое. А если оно покажется вам годным (может быть, вы и читали его), оно может быть помещено вами в переводе у Lanessan'a или в «Revue Nouvelle» (?) [9]. Все-таки вам будет работа. Если Летурно найдет поднесение ненужным, то я, если вы пожелаете, пошлю книгу вам, в вашу библиотеку. Не посылаю сейчас, потому что, в случае поднесения, сделаю надпись на книге.

Ну кончаю. Жму вашу руку крепко, извиняюсь за длинное и неразборчивое письмо и прошу писать чаще: я здесь живу совсем одиноко. Даже привыкнуть трудно. Но привыкну.

П. Л.

---

* в завуалированной форме (*франц.*).

Сию минуту получил «Justice». Могу только еще и еще поблагодарить. Особенно за сделанные исправления. А все-таки поговорите с Ц⟨акни⟩ или Л⟨уцким⟩.

Ответ на п. 13.

[1] «Государственный элемент в будущем обществе»—«Вперед», т. 4, вып. 1. Лондон, 1876. О брошюре «18 марта 1871» см. п. 12, примеч. 8.

[2] В 1880 г. в Париже был арестован народоволец Л. Н. Гартман, участник покушения на царский поезд 19 ноября 1879 г. под Москвой; ему грозила выдача русскому правительству. Лаврову, в результате энергичной кампании среди французских радикалов и социалистов, удалось с помощью Жоржа Клемансо и Виктора Гюго добиться разрешения для Гартмана выехать из Франции.

[3] Александр Логинович *Линев* (1843—1918) — участник революционного движения 1870-х годов, по профессии инженер. После выстрела Каракозова был сослан в Тотьму, в 1872 г. эмигрировал; в Цюрихе и Лондоне заведовал технической частью редакции «Вперед».

[4] Николай Петрович *Цакни* (1851—1904) — член московского кружка чайковцев; по «делу 193-х» был выслан в Архангельскую губернию, откуда в 1878 г. бежал за границу. В 1887 г., получив разрешение вернуться в Россию, поселился в Одессе, занимался журналистикой. Мнение Цакни об очерке Никитиной сообщила Лаврову Е. Ф. Блонская (см. наст. том, с. 537—538).

[5] Н. Щ е д р и н. Письма к тетеньке. V. *ОЗ*, 1882, № 1, с. 270.

[6] Владимир Владимирович *Луцкий* (1854—1904) — морской офицер, член Морского кружка в Морской академии в Петербурге. В 1881 г. эмигрировал и жил в Париже.

[7] Эдуард Барнет *Тайлор* (Tylor; 1832—1917) — английский исследователь первобытной культуры. Его основной труд вышел на русском языке в переводе и с предисловием П. Л. Лаврова: «Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации)». Эд. Б. Тайлора. Перевод с английского д-ра И. С. Ивина. СПб., 1882. Предисловие было подписано «Редактор»; в предисловии даются краткие сведения о развитии антропологии, современных ее задачах, ее содержании, методах, отношении к смежным наукам. Русский перевод был первым переводом книги Тайлора на иностранный язык.

[8] Иосиф (Жозеф) Егорович *Деникер* (1852—1918) — антрополог, русский по происхождению; с 1877 г. жил и работал в Париже.

[9] «Nouvelle Revue»— журнал республиканского направления, основанный Жюльеттой Адан, выходил с 1879 до 1929 г.

15 НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 25 ф⟨евраля⟩ 1882

Благодарю вас, дорогой Петр Лаврович, за длинное ваше письмо, полное такого дружеского доверия.

Я вполне понимаю причины, заставляющие вас быть не совсем довольным моим очерком, но ⟨по⟩ймите и вы то психическое настроение, в котором я писала к вам в последний раз. Ведь больно было чувствовать, что я, несмотря на все горячее желание, не угодила вам. Я не теряла ни минуты из виду ваше политическое положение, только настаивать на вашей интернациональной деятельности находила крайне неудобным *теперь*, и уверена, что редакция «Justice» не допустила бы этого. Они в вашей биографии хотели иметь оружие, чтобы бороться с министерством, а не *давать* ему оружие. В первый раз на мой вопрос: пройдет ли моя статья intégralement *, мне ответили: «Nous ne pouvons nous engager à rien, surtout pour un article de ce genre dans ce moment» **. Это меня так испугало, что я обратилась к Pelletan с просьбой ничего не выбрасывать, его ответ был: «Je ferai mon possible» ***.

Я понимала, что если они выбросят некоторые места из осторожности, это вам будет крайне неприятно, так как вы и так уже найдете, что я недостаточно опирала на вашу революционную деятельность. Все-таки, мне

* полностью (*франц.*).

** «Мы в настоящий момент не можем давать никаких обязательств, особенно в отношении такого рода статьи» (*франц.*).

*** «Я сделаю все, что в моих силах» (*франц.*).

казалось, что о русской революционной деятельности я сказала все, что было возможно в коротенькой статье. Одну фразу, единственно для сокращения, они изменили: я говорю, что вы были «unique rédacteur de la revue «Avant» en même temps que principal collaborateur» *, — они поставили только последнее.

О впечатлении статьи на русскую часть публики, увы! — ничего не знаю. Французам она очень нравится. Летурно был на обеде вчера, где говорили, что «La Justice» ce matin a publié une charmante étude sur L⟨avroff⟩ **, но это вас мало интересует, да и меня также. Но поступок Rochefort заставил многих сильно призадуматься, и объясняют его многие самым неблаговидным образом, чуть ли не подкупом всех газет (которые можно купить) русским правительством pour ne pas faire ce tapage sur votre affaire ***. Я ему написала довольно резкое письмо, которое он, конечно, не удостоил ответом.

«Justice», как видите, продолжает воевать за вас,— посылаю вам вырезки из сегодняшнего номера. Прискорбно, что в Камере вопрос был поднят шутом гороховым — C. Hugues [1].

Я только вчера услышала от Глебовых о вашей пропаже и меня это очень огорчило и встревожило. Что именно пропало? Бумаги ли важные, или листки вашего труда? Если последнее, не может ли это повлиять на появление его? Есть ли у вас копия? Как могли вы мне об этом не писать? Это проделка полиции, о которой бы стоило упомянуть в газетах.

Посылаю номер «Le Citoyen», в котором напечатана статья (еще, конечно, более легкая и пустая), назначавшаяся для «Intransigeant», но ведь разве «Intransigeant» принял бы иную? При первой возможности постараюсь выведать у Цакни, что будет можно, и вам сообщу.

Письмо ваше в «Justice», как вы знаете, конечно, было хоть частью перепечатано почти всеми радикальными газетами, оно, я слышала, многим очень понравилось. Переписывала первые страницы вашего очерка Варвара Николаевна Г⟨лебова⟩, вызвавшаяся помочь Лизе.

До свиданья, надеюсь до скорого, писать буду часто, иначе было бы уж очень грустно,— без вас так холодно и пусто. А вы пишите, когда имеете свободное время.

Всей душой ваша В. Н.

К письму приложено письмо Е. Ф. Блонской:

Многоуважаемый Петр Лаврович. Только что был у нас Цакни и Варя с ним много говорила о вашей биографии, в таком духе, как вы желали. Он не разделяет вашего мнения и даже находит, что и так много пропустили из вашей революционной деятельности и что настаивать более было невозможно, не принеся вам, да и партии, вреда без всякой взамен пользы. И он и другие находят, что о Коммуне не следовало упоминать, не давая этим оружия министерству против русских. Вообще они очень благоразумны. Что же касается вашего влияния на движение русское, он вполне разделяет мысли Вари, касающиеся времени вашего пребывания за границей; но он находит, что *она*, лично *она*, не жившая *тогда* в России и не принадлежавшая к партии, преувеличила значение вашего влияния в ту эпоху. Вот вам точные и искренние его замечания. Теперь напишите откровенно,— хотите ли, чтобы в «Justice» напечатали вскрытие вашего чемодана и пропажу бумаг? Варя похлопочет. Какие они подлецы!

Летурно советует вам послать ваш труд в Антропологию, а если вас затрудняет поручить это дело Деникеру, он охотно предлагает свои

---

* единственным редактором журнала «Вперед» и одновременно его главным сотрудником (*франц.*).

** сегодня «Justice» напечатала прелестный очерк о Л⟨аврове⟩ (*франц.*).

*** чтобы не подымать такого шума вокруг вашего дела (*франц.*).

услуги. Адресуйте тогда книгу ему. Docteur Letourneau. Boulevard S.-Michel 70. Постарайтесь, чтобы он получил ранее четверга.

Нам очень, очень грустно без вас. Варя не решилась ни разу пройти по S.-Jacques — так тяжело вспоминать, что в вашей уютной келии нет того, кто ее одушевлял. Но есть надежда, что вы скоро вернетесь. На днях должен был писать к вам Talandier[2], объясняя виды и мнения лисы Freycinet.

До скорого свидания, добрейший Петр Лаврович. Всегда располагайте нами.

Л. Блонская

Ответ на п. 14.

[1] Кловис *Гюг* (1851—1907) — французский поэт, публицист и политический деятель, участник Парижской Коммуны; был приговорен к тюремному заключению. С 1881 г.— депутат от департамента Буш де Рон. 24 февраля, на заседании Палаты, при обсуждении проекта изменения закона 1849 г. об иностранцах, Гюг заявил: «Человек изгнан: этот человек, этот иностранец, который давно уже принес в жертву свою жизнь и свою свободу, может быть, сам по себе, в том смысле, что он лишь случайно участвовал в революции, не заслуживает, чтобы вопрос о его изгнании был вынесен на эту трибуну; но когда во Франции нарушают право гостеприимства, когда иностранца высылают из Франции при правительстве, которое именует себя демократическим, когда изгоняют человека, поверившего в наше гостеприимство, то посягают на свободу, посягают на самый принцип республики. Впрочем, мы принадлежим к тем, кто полагает, что для Франции не существует иностранцев» («Revue des deux Mondes», t. 50, 1 апреля 1882 г., p. 657; перевод с французского. О Гюге см. также п. 29).

[2] О Таландье см. п. 17, примеч. 1.

16. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

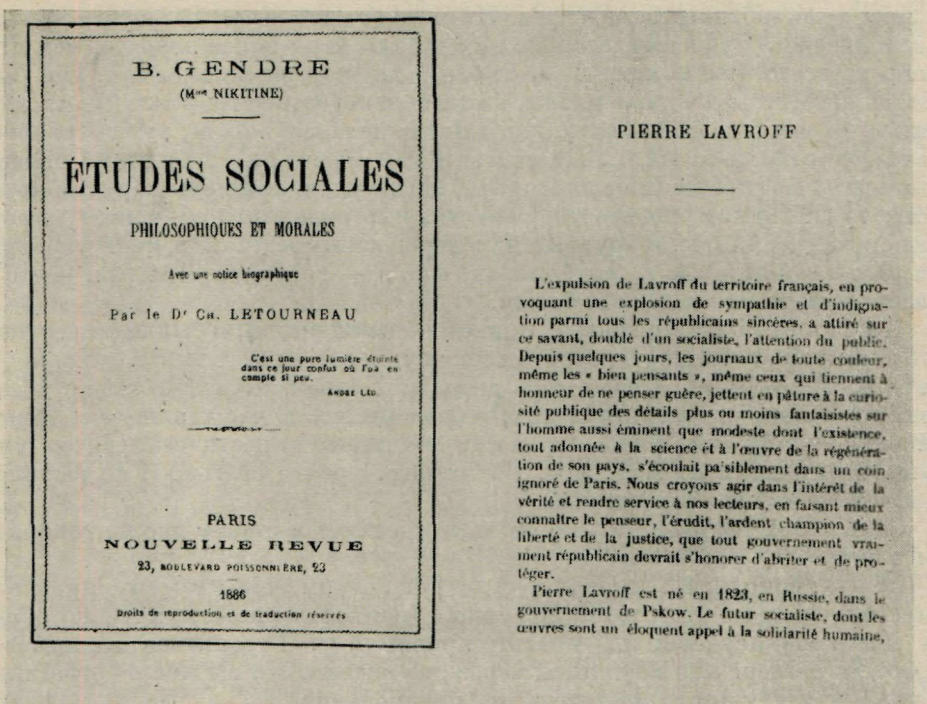
‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
28 февраля ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Не знаю, с чего вы берете, что я недоволен вашими статьями. Во всей моей довольно долгой жизни никто и никогда меня так не хвалил печатно, никто и никогда так решительно не выступал за меня, а я еще буду недоволен! Мне совестно читать такие хвалебные статьи, но вот и все. Мое прошлое письмо было написано под впечатлением, что вы не имеете в виду сделать все исправления, которые я просил сделать, а вы сделали все. Посланный вами номер «Justice» с вашей статьей я получил, когда письмо уже было написано и мне ‹оставалось› только прописать в углу мою благодарность за сделанные поправки. Я совершенно понимаю, что «Justice» в данную минуту не могла печатать о некоторых сторонах моей деятельности, а, как теперь подумаю, из-за чего мне было хлопотать и относительно членов партии? Точно я действительно особенно дорожу мнением Ашкинази[1] и tutti quanti! Ведь никто из моих сторонников,— даже тогда, как у меня они были, специально отличавшиеся кличкою, и когда их личный интерес вызывал бы их выступать за меня,— не выступали в минуты гораздо серьезнейших и прямых обвинений![2] Нечего думать о пустяках...

В вашей статье в «Citoyen», за которую я вас тоже очень благодарю, есть место, которое заставило меня улыбнуться, но его неверность могут заметить лишь крайне немногие люди, оставшиеся из моих знакомых петербургского периода. Но эти едва ли прочтут «Citoyen», да и много ли их вообще осталось. Поправку делаю собственно для вас, так как она важности не имеет. Никаких «hautes relations» * у меня никогда не бывало, термин «l'aristocratique colonel» [3]** вызвал бы улыбку во всех моих знакомых и моя «fortune» *** принадлежала к очень умеренным [4]. Между

* «связей в высшем обществе» (*франц.*).
** «полковник-аристократ» (*франц.*).
*** «обеспеченность» (*франц.*).



B. GENDRE
(Mme NIKITINE)

ÉTUDES SOCIALES

PHILOSOPHIQUES ET MORALES

Avec une notice biographique

Par le Dr Ch. LETOURNEAU

C'est une pure lumière éteinte dans ce jour confus où l'on en compte si peu.
ANDRÉ LÉO

PARIS
NOUVELLE REVUE
23, BOULEVARD POISSONNIÈRE, 23
1886
Droits de reproduction et de traduction réservés

PIERRE LAVROFF

L'expulsion de Lavroff du territoire français, en provoquant une explosion de sympathie et d'indignation parmi tous les républicains sincères, a attiré sur ce savant, doublé d'un socialiste, l'attention du public. Depuis quelques jours, les journaux de toute couleur, même les « bien pensants », même ceux qui tiennent à honneur de ne penser guère, jettent en pâture à la curiosité publique des détails plus ou moins fantaisistes sur l'homme aussi éminent que modeste dont l'existence, tout adonnée à la science et à l'œuvre de la régénération de son pays, s'écoulait paisiblement dans un coin ignoré de Paris. Nous croyons agir dans l'intérêt de la vérité et rendre service à nos lecteurs, en faisant mieux connaître le penseur, l'érudit, l'ardent champion de la liberté et de la justice, que tout gouvernement vraiment républicain devrait s'honorer d'abriter et de protéger.

Pierre Lavroff est né en 1823, en Russie, dans le gouvernement de Pskow. Le futur socialiste, dont les œuvres sont un éloquent appel à la solidarité humaine,

КНИГА В. Н. НИКИТИНОЙ «ЭТЮДЫ СОЦИАЛЬНЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ»
Париж, 1886
Обложка и начало статьи «Петр Лавров»

«Современником» и мною лежала черта литературного несогласия. Мне их «свистопляска» не нравилась, так как я этому жанру не сочувствовал никогда [5], хотя в настоящее время, умудренный годами, признаю его практическую силу и раза два-три (против де Роберти, например) сам сошел на эту почву [6]. Но тогда я был молод и более ожесточителен. С другой стороны, они, видя меня в рядах их литературных (хотя и не принципиальных) противников (в «Библиотеке для чтения» Дружинина, в «Отечественных записках» Дудышкина) [7] и находя в моих статьях слишком много *книжности* (это был всегда недостаток значительного числа моих работ), смотрели на меня подозрительно и помещали сначала совсем ругательные статьи, а потом весьма холодные, и их холодность погубила «Энциклопедический словарь» гораздо более, чем преследования (между нами сражений не было, но я всегда молчал, когда устанавливалась эта легенда, которая теперь, кажется, установилась) [8]. После падения «Современника» отношения изменились, и одним из больших внутренних удовольствий для меня было, когда Антонович, написавший против меня самую ругательную статью, сделался моим сотрудником [9]. Но уже тогда помочь делу было поздно.

Относительно дела о моих мешках и пропаже печатать не нужно. Я почти уверен, что это дело не полиции, а простых воров. Там лежали письма и бумаги очень старые, восходящие за несколько лет. Засунул я, помню, туда кое-какие давние письма и потому именно не желаю, чтобы это дело получило огласку. Воры, вероятно, уничтожили или уничтожат бумаги, для них не составляющие никакого интереса, но если поднять дело, и если бумаги еще существуют, то могут быть проданы с выгодой, а я, по правде сказать, имею самое смутное понятие о большинстве содер-

жания туго набитого бумажника. Но это о *большинстве*. Было там *кое-что* политического значения не имеющее, но для меня более дорогое, чем что-либо из всего, что у меня было и есть. Эта потеря *незаменима*. Она мне так тяжела, что мне даже писать о ней больно. Никаких усилий восстановить я не имею даже нравственного права делать. Словом, тут оборвалось нечто, чем когда-то жил... Но оставим это. Бумажник этот я при переездах всегда бросал в мешок, который был в руках, и теперь поручил положить туда. Но там, по неосторожности, которую долго объяснять, в этот мешок навалили очень трудные для переноски предметы и меня уговорили сдать в багаж. А я, в хлопотах, *забыл* — вообразите! *забыл*,— что в мешке бумажник, и сдал в багаж.

Когда я вам писал о девизе, приведенном «Gaulois», я был поражен тем, что перенес эту страшную потерю, точно будто это была только багажная ⟨?⟩ потеря. Не думаю, чтобы этот девиз мог означать отсутствие убеждений и решимости жить для них, но он выражает, что такая кора обросла около души, что личные радости и личные горести становятся уже тупыми орудиями и бессильны. Вот отчего, прочтя статью, я не решился сам себе ответить: так ли это?

Само собой разумеется, что об этом предмете я прошу вас не говорить ни с кем.

Об «антропологии» перепишусь с Деникером. Мне самому приятнее было бы, если бы это сделал Летурно (Деникер верно сглупит), но обойти Деникера неудобно по многим причинам [10]. Торопиться же нечего: в этот ли четверг или в будущий через две недели. Но вы мне не ответили: читал я вам или давал ли читать мое предисловие?

Вчера работал в первый раз при электрическом освещении в Музее: очень недурно и, кажется, что как будто не вредно. Работа идет, но придется выписывать из Парижа немало книг, которых здесь нет.

Будьте здоровы и сообщите мне о ваших работах. Поклон Лизавете Фоминишне и всем знакомым. Видели ли вы Хорвата? Не говорил ли он что о Подолинском? [11]

П. Л.

Ответ на п. 15.

[1] Михаил Осипович *Ашкинази* (1851—1914) — участник революционного движения 1870-х годов, с 1878 г. жил в Париже; переводчик на французский язык сочинений Льва Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина (псевдоним — Michel Delines).

[2] Лавров имеет в виду В. Н. Смирнова и других своих бывших сотрудников по редакции «Вперед» (см. также п. 12, примеч. 6).

[3] П. Л. Лавров вел свою родословную от служилого дворянского рода, известного с XVII века, но не принадлежащего к русской аристократии. Поместья отца Петра Лавровича, Лавра Степановича, находились в Псковской губернии.

[4] После смерти отца и старшего брата Лавров в 1852 г. унаследовал два имения в Великолуцком и Торопецком уездах Псковской губернии; хотя они давали мало дохода, он материально не нуждался.

[5] Лавров имеет в виду «разносительную» литературную критику в «Современнике» и особенно в добролюбовском «Свистке».

[6] Евгений Валентинович *Де Роберти де Кастро* (1843—1915) — русский философ-позитивист и социолог; видный тверской земец, конституционалист, вынужден был эмигрировать, после того как выступил за представительное правление; в Париже сотрудник «Revue philosophique». Лавров говорит о своей рецензии на книгу Де Роберти «Социология» (1880), написанной в необычном для Лаврова резком, обидном для автора тоне: «Единственный русский социолог (о социологии Де Роберти)».—«Дело», 1879, № 12.

[7] В *ОЗ* были опубликованы следующие статьи Лаврова: 1) «По поводу вопроса о воспитании» (1857, № 9); 2) «Механическая теория мира» (1859, № 4); 3) «Очерк теории личности» (1859, № 11 и 12); 4) «Современное состояние психологии» (1860, № 4); 5) «Иностранная литература» (1860, № 5); 6) «Ответ г. Страхову» (1860, № 12); 7) «О современном значении философии» (1861, № 1); 8) «Обзор иностранной литературы» (1861, № 3 и 4).

В «Библиотеке для чтения»: 1) «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей» (1858, № 2); 2) «Гегелизм» (1858, № 5 и 9); 3) «Практическая философия Гегеля» (1859, № 4); 4) «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. Соч. Лессинга» (1860, № 3); 5) «Дарвин и его теория образования видов» (1861, № 11 и 12); 6) «Разные направления в психологии» (1863, № 5); 7) «Иностранная литература» (1863, № 12).

[8] М. А. Антонович напечатал в «Современнике» статью «Два типа современных философов» («Современник», 1861, № 4), в которой с материалистических позиций критиковал теорию Лаврова о личности как главном двигателе истории (позднее эта теория легла в основу «Исторических писем»). Однако возглавлявший тогда журнал Чернышевский, по словам Антоновича, «очень хорошо относился к Лаврову, который пользовался его глубоким уважением и доверием. Более того, Чернышевский смотрел даже на Лаврова как на человека своего лагеря в широком смысле слова, несмотря на известное расхождение во взглядах» (П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников.—«Голос минувшего», 1915, № 9, с. 132).

В своей автобиографии Лавров писал по поводу закрытия «Энциклопедического словаря»: «Издание это вызвало многочисленные доносы архиереев и духовных журналов (особенно Аскоченского, требовавшего церковной анафемы и уголовного наказания каторгою) и должно было прекратиться на первых же буквах, встретив в либеральной литературе того времени прием довольно холодный, потому что Лавров стоял совершенно в стороне от руководителей тогдашней либеральной мысли в «Современнике», сблизившись несколько с Чернышевским лишь в последние месяцы деятельности последнего перед его арестом» («Биография-исповедь. 1885—1889».— В кн.: П. Л. Лавров. Философия и социология, т. 2. М., 1965, с. 620).

[9] М. А. Антонович писал в своих воспоминаниях: «Лавров предложил мне сотрудничество ‹в «Энциклопедическом словаре»›, и я, склонившись на его очень резонные, основывавшиеся и на моей рецензии убеждения, принял его предложение» (см. «Шестидесятые годы. Воспоминания М. А. Антоновича...». М., 1933, с. 245).

[10] См. п. 14.

[11] Сергей Андреевич *Подолинский* (1849—1883) — участник революционного движения 1870-х годов, в Цюрихе главный помощник Лаврова по организации издания «Вперед»; позднее примкнул к украинофильскому движению, руководимому М. П. Драгомановым. Получив в Париже диплом доктора медицины, занимался научной деятельностью, но вскоре психически заболел и был увезен в Россию, где и умер. Вопрос Лаврова, видимо, вызван беспокойством о его здоровье.

17. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 4 марта ‹1882 г.›

Как я предвидела, так и есть. Жизнь вошла в обычную колею, и все живее и глубже чувствуется — не хочу сказать потеря,— но отсутствие такого друга и руководителя, как вы.

Так было хорошо, даже в самые скверные минуты, знать, что вы тут, недалеко. Стоило только набросить шубу и шляпку и через четверть часа уже бывало входишь в вашу скромную келью, где все как будто дышало мыслью, трудом, чем-то высоким и спокойным, так что становилось совестно за свои мелкие треволнения и личные страдания. Никогда я не забуду часов, проведенных в вашем кабинете, и того настроения, с которым я часто выходила оттуда, точно — не смейтесь пожалуйста,— точно верующий из храма. Вы имеете все, чтобы быть лекарем больной души, вы будите мысль, точно расширяете горизонт перед ней, а вместе с тем вы говорите, что ваша душа заросла корой, но столько еще в ней жизни и тепла, что она находит в себе отголосок на всякое страдание. Вы умеете касаться больного места, не раздражая его, а так немногие это умеют. Да, Петр Лаврович, ни с кем не было мне так светло и вместе тепло, как с вами, — а вы знаете, как я люблю свет и теплоту. Простите этот крик эгоизма и поймите, что у кого в жизни мало и кто вдруг неожиданно нашел источник отрады и силы, тому не легко примириться с его потерей. Я недавно говорила Лизе: «Видишь ли, *это было слишком хорошо* и потому продолжаться не могло, судьба нашла, что довольно баловать».

Я пишу под очень грустным настроением, потому что, судя по словам Цакни, которого видела третьего дня, вы уже примиряетесь с мыслью остаться в Лондоне, и наша молодежь собирается, как вам, вероятно, уже

известно, переслать вашу библиотеку на счет общества Красного Креста. Меня это известие сильно поразило, так как я была полна надежды. Вечером того же дня видела у M-me Sleyden Talandier, он уверяет, будто бы Freycinet находит ваше возвращение возможным уже и теперь, а что между тем закон изменят и вы тогда будете совершенно в безопасности [1]. Camescasse сказал то же самое президенту Антропологического общества Тюлье,— но можно ли на все это полагаться? Вернетесь ли вы при таких условиях? Конечно, не друзьям вашим на этом настаивать. Talandier сказал, что будет сам к вам писать и взял у меня ваш адрес. Lanessan уверяет, что лучше было не поднимать вопроса в Камере; пожалуй, что он и прав, особенно поручая дело такому оратору, как Hugues,— говорят, его речь была общим посмешищем.

Не проходит почти дня, чтобы в «благородной» «Justice» не было хоть намека на ваше дело; сегодня посылаю вам прекрасные слова Pelletan о приговоре, произнесенном в России над *одиннадцатью* социалистами [2]. Что себе думает царь? И скоро ли всему этому будет конец?.. Мороз пробегает по коже, когда подумаешь об этих страшных жертвах.

Я совершенно понимаю, что вы не желаете поднимать вопроса о вашей пропаже. Летурно полагает, что вор был не более не менее как русский шпион. Понимаю также все, что эта пропажа в вас возбудила, и вполне горячо вам сочувствую. Немногие, тем более в ваши годы, так бы отнеслись к подобной вещи. Нет, нет, не заросла корой ваша «живая душа», не оковал ее льдом жизненный опыт, и девиз Valentine de Milan к вам не относится!

Что вы решаете насчет книги Тайлора? Я вас еще не поблагодарила за доброе намерение подарить ее мне,— но вы поймете, что я предпочитаю, чтобы она была преподнесена Антропологическому обществу, думая, что там более ее место. Предисловия вашего, увы! вы мне не прочли и не давали читать, а только о нем говорили. Как бы мне его прочесть? Я очень была бы рада перевести его для «Revue des Sciences». «Pensée Nouvelle», кажется, будет основана, но не будет ли ваша статья слишком длинна и серьезна pour cette feuille éphémère 3*. Я надеюсь, что со временем там будет возможно поместить статью (или отрывки) об «Исторических письмах», так как словечко о них уже заброшено в «Justice». Кстати, ваша биография многим, многим очень нравится; мне с разных сторон передавали,— и нравится русским также (мне об этом говорил Шполянский).

Вчера вечером у меня были Глебовы и ваша знакомая (в Швейцарии, кажется, она вас знала) Ковалевская [4]. Вы *духом* были между нами; читались ваши стихи и успех был большой,— в особенности Ковалевская, тонкая ценительница, была в восторге. В другой раз соберемся читать «Теорию и практику прогресса» [5], это полезно всем нам, а в особенности молодому существу, у которой целая жизнь впереди. Вы видите, что и я в своей крошечной сфере занимаюсь пропагандой. Работы переводной накопилось пропасть, и я работаю по шести часов в день.

Пишите, дорогой Петр Лаврович, ваши письма очень мне дороги, от них веет теплом больше, чем от живого слова других. Скажите, думаете ли вы вернуться, есть ли надежда? Если нет, надеюсь навестить вас,— разве папаша прекратит высылку денег, что-то страшно он сделался неаккуратным. Все вам кланяются. Хорвата не видела давно,— ему со мной *неудобно*, командовать нельзя ему и тон слишком презрительный тоже найдет отпор.

Крепко и дружески жмем обе вашу руку. Если имеете какие-нибудь поручения, располагайте нами.

Всей душой ваша В. Никитина

---

* для этого эфемерного листка (*франц.*).

Ответ на п. 16.

[1] Альфред *Таландье* (1822—1890) — французский политический деятель и публицист, участник революции 1848—1849 гг. во Франции; после государственного переворота 1851 г. эмигрировал в Лондон, где близко сошелся с А. И. Герценом; член Генерального совета Интернационала (1864). Вернувшись во Францию, избирался депутатом Национального собрания, примыкал к крайней левой (1876—1880, 1881—1885).

В письме к Лаврову от 1 марта 1882 г. И. Шполянский, студент-медик, работник русской библиотеки в Париже, писал: «...Таландье мне говорил — я был у него,— что Фрейсине ему сказал, будто вы смело можете возвратиться, и пока он министром, никто трогать вас не будет» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 493).

[2] С 9 по 19 февраля 1882 г. в Петербурге происходил процесс «20-ти»; среди подсудимых было 11 членов Исполнительного комитета «Народной воли», в том числе Александр Михайлов, Николай Суханов, Николай Колодкевич, Михаил Фроленко, Татьяна Лебедева, Анна Якимова и др. Особым присутствием сената Н. Суханов и десять его товарищей были приговорены к смертной казни через повешение; казнили одного Суханова, он был расстрелян в Кронштадте. Остальные были осуждены на каторжные работы в крепости и в Сибири.

[3] См. п. 14.

[4] См. п. 18, примеч. 6.

[5] Статья Лаврова «Теория и практика прогресса».—«Слово», 1881, № 4.

18. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
6 марта ‹1882 г.›

Любезная Варвара Николаевна,

Я уже начинал беспокоиться, что долго от вас не имею известий, так вы меня избаловали, но получив и прочтя ваше письмо, сию минуту написал наскоро письмо... не вам, а Цакни. Что за возмутительный слух вы мне сообщили с его слов! Как это мог кто-нибудь думать только о том, чтобы *на счет Красного Креста Народной воли* пересылать мою библиотеку! Я еще не дожил до такой степени дряхлости, чтобы обирать русских мучеников. Я еще могу работать и имею личный кредит; 10 или 12 человек мне предлагали денег при моей высылке. Если понадобится, я займу у частных лиц, но взять из Красного Креста! Нет, мне кажется, что вам это или показалось так, или Цакни очень уж неточно выразился. Я ему, впрочем, не пишу, кто писал мне об этом.

«Примирился ли я с мыслью остаться в Лондоне?» Не знаю как и сказать. Может быть, именно всего вреднее для моих занятий и для моего настроения духа, что я сейчас смотрю на себя, как ‹если› бы я жил на биваках, что я еще проникнут чувством как бы нереальности того, что́ меня окружает, что я больше живу мыслью в Париже, чем в Лондоне. Это очень мешает спокойной работе, и работаю я плохо. Но термин «примириться», вами употребляемый, не точен. Против подобных вещей, как пребывание там или здесь, «враждовать» не стоит, следовательно, и «примиряться» не с чем. Это — большее или меньшее неудобство, и к этому можно более или менее «приспособиться» и только. Но я вам признаюсь, что, на мой взгляд, я буду здесь совсем или почти совсем бесполезен для кого бы то ни было, кроме себя самого. Работать здесь будет лучше (когда приспособлюсь и усвою чувство реальности моего пребывания в Лондоне), но личное действие дойдет до крайне жалкого minimum'а. Поэтому, если будет возможность вернуться в Париж (до пересылки библиотеки), я, вероятно, вернусь, даже если это будет несколько опасно.

А вот вы мне не сообщили (да, впрочем, и не знали), что меня воспели в французских стихах, и даже не очень дурно. Я достал сие произведение в «Émancipation sociale» от 19 февраля, издающемся в Narbonne, но мне пишут, что это стихотворение напечатано и в двух других журналах, одном лионском, «Droit social», другом парижском-венсенском «Le Socialiste». Так и озаглавлено: «A Pierre Lavroff» [1]. Мне просто смешно подумать, из-за каких пустяков мое имя стало предметом таких заявле-

С. В. КОВАЛЕВСКАЯ
Фотография, 1887
«Литературные сочинения С. В. Ковалевской». СПб., 1893

ний, и от каких лиц, которые меня совсем не знают и не могут читать, исходят эти заявления. Если вы не достанете, то я вам пришлю прочесть.

Но у меня к вам дело. Не поместите ли вы в «Justice» небольшой заметки об успехе здесь пропаганды «Красного Креста Народной воли» и о заявлении немецких социалистов Парижа по поводу теперешнего возбуждения раздора между русскими и немцами [2]. Я вам пошлю, вероятно, завтра или послезавтра материал о здешнем движении (которому глупый аттентат Маклина сильно повредил [3]), а Цакни пишу, чтобы вам передали немецкое письмо мне депутата рейхстага Vollmar'а по этому поводу, для извлечения из него наиболее существенного [4]. При нынешнем «Скобелевском вопросе» это может иметь интерес и для политических газет. Если мои приятели найдут удобным, то вы можете сделать извлечение и из моего ответа Vollmar'у, который я им переслал. Если же они отдали уже, то я вам пошлю, если понадобится, черновую.

Книгу Тайлора я пошлю вам на днях. Деникер не ответил мне ни слова. Вы, как прочтете предисловие, передайте Летурно для представления в Общество. Ведь время терпит. А там сами увидите, что можно сделать.

Я очень рад, что вы познакомились с Ковалевской (вероятно — жена палеонтолога). Я ее видел только раз, обедал с нею в Цюрихе у ее сестры, Жаклар [5], но она произвела на меня самое симпатичное впечатление (можете передать это ей). Но ее муж — порядочная дрянь (что, конечно, она знает), а об ней ходили в последнее время слухи, будто она приблизилась к консерваторам, что́ было бы очень жаль (и что́, конечно, пишу *не* для передачи ей). Вы знаете, что она — известный математик [6].

Замечаю, что пишу хуже обыкновенного и извиняюсь перед вашими глазами. Кланяйтесь всем помнящим меня. Мне очень приятно, что у вас собираются «во имя мое» и еще более приятно, что я могу служить поводом пропаганды.

Таландье мне не писал. Мало верю я в возможность вернуться, но желал бы уже иметь возможность знать наверное, где я окончательно усядусь. Жму крепко руку.

Пишите, когда можете.

П. Л.

Ответ на п. 17.

[1] В письме к Лаврову из Парижа от 1 мая 1882 г. один его французский почитатель, Шонмори, сообщает, что изгнанию Лаврова из Франции посвящены стихи Люсьена Пенжана, напечатанные в газетах «Le Droit social», Лион; «L'Émancipation sociale», Нарбонн; «Le Socialiste», Париж и др. (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 492).

[2] Обострение отношений между Россией и Германией было вызвано подготовкой Тройственного союза, направленного против России и Франции (заключен 20 мая 1882 г.), а также повышением таможенных пошлин. Н. А. Белоголовый писал Лаврову 9 марта 1882 г.: «Россия продолжает до того задирать немцев, что война почти несомненна» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 31, л. 17 об.).

[3] Родерик (Фредерик) *Маклин* стрелял 2 марта 1882 г. в королеву Викторию на вокзале в Виндзоре; королева не пострадала. Лавров имеет в виду, что покушение Маклина, отпугнув англичан, помешает сбору пожертвований в фонд «Красного Креста Народной воли».

[4] Георг *Фольмар* (1857—1922) — немецкий социал-демократ, в 1879—1880 гг. редактор газеты «Der Sozialdemokrat», в 1881—1887 гг.— член рейхстага. Фольмар направил Лаврову следующее письмо из Парижа:

Paris. 27.2.82

Geehrter Gesinnungsgenosse,

Meine hiesigen Genossen beauftragen mich Ihnen den nachstehenden, mit besonderer Bezugnahme auf die gegen Sie verfügte unwürdige Massregel gefassten Beschluss mitzuteilen.

Angesichts des gegenwärtig vor einem zarischen Scheingericht stattfindenden *Monstrprozesses* gegen russische Freiheitskämpfer; angesichts der *internationalen Verfolgung* der russischen Revolutionäre; sowie angesichts der glücklich gelungenen Befreiung der mutigen Bürgerin *Sofia Bardina* aus den Händen der zarischen Henker; ferner im Hinblick auf die gegenwärtig zu dinastischen Zwecken betriebenen schmachvollen *Hetzereien zwischen Deutschen und Slaven*, sprechen die *Sozialdemokraten Deutscher Zunge in Paris* ihren tatkräftigen und opferkühnen Brüdern von der russischen Revolutionspartei aufs neue ihre volle Sympathie und ihre wärmste Wünsche für den Erfolg ihrer Anstrengungen im Kampfe für das Wohl ihres Volkes und das gemeinsame Ziel, den internationalen Sozialismus aus.

Es freut mich Ihnen mitzuteilen zu können, dass dieser Beschluss *einstimmig* gefasst wurde und dass in der Versammlung die Ansicht zum Ausdruck kam, dass die sozialistischen Parteien Russlands, Polens und Deutschlands von allen anderen das Interesse und die Pflicht des *engsten* brüderlichen Verkehrs haben, insbesondere im Hinblick darauf, dass diese Parteien in der herankommenden Umwälzung in mehr als einer Beziehung zum *unmittelbaren* Zusammenwirken berufen sein werden.

Indem ich Sie ersuche mir baldgefälligst einige Nachricht darüber zu kommen zu lassen, wie Sie die Reise aus der ungastlichen «Republik» nach der gastlicheren Monarchie überstanden haben und wie es mit Ihrer Gesundheit steht, grüsst Sie, geehrter Gesinnungsgenosse, herzlichst

Ihr Vollmar

1, rue Michel

Париж. 27.2.82

Уважаемый единомышленник,

мои здешние товарищи поручают мне сообщить вам нижеследующее решение, принятое в связи с недостойными гонениями, которым вы подвергаетесь.

В свете происходящего сейчас перед царским судилищем *чудовищного процесса* против русских борцов за свободу; в свете *международных преследований* русских революционеров; а также в связи с удавшимся освобождением мужественной гражданки *Софьи Бардиной* из рук царских палачей и, сверх того, учитывая позорное натравливание друга на друга, в династических целях, немцев и славян, *социал-демократы немецкого языка в Париже* вновь выражают своим энергичным и самоотверженным собратьям из русской революционной партии свою полную симпатию и самые горячие пожелания успеха их стремлениям в борьбе за благо их народа и за нашу общую цель — международный социализм.

Я рад сообщить вам, что это решение было принято *единогласно* и что на собрании было выражено мнение, что на социалистических партиях России, Польши и Германии, больше всех в этом заинтересованных, прежде всех других лежит обязанность *самого тесного* братского общения, особенно ввиду того, что эти партии при надвигающемся перевороте будут призваны к *непосредственным* совместным действиям во многих отношениях.

Прошу вас поскорее известить меня, как вы перенесли путешествие из негостеприимной «республики» в более гостеприимную монархию и в каком состоянии ваше здоровье, и шлю вам, уважаемый единомышленник, самый сердечный привет.

Ваш Ф о л ь м а р

1, rue Michel

(ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 73, л. 3; копия рукой Е. Ф. Блонской).

[5] Анна Васильевна *Жаклар* (рожд. Корвин-Круковская; 1844—1887) — сестра Софьи Ковалевской, писательница; в 1869 г. выехала из России в Париж, вышла там замуж за члена Интернационала Шарля Виктора Жаклара и приняла вместе с ним участие в Парижской Коммуне. По возвращении в Россию в 1874 г. с мужем и сыном, сотрудничала в журналах «Слово», «Дело», «Северный вестник» и др.

[6] После возвращения в Париж в мае 1882 г. Лавров ближе познакомился с Софьей Ковалевской. С 1883 г. Ковалевская переписывалась с ним. В своей речи 6 апреля 1891 г. в Париже в память Ковалевской Лавров говорил о ее умении «не только сочувствовать, но и содействовать широкому социальному движению нашего времени». «Ее близкие приятели,— сказал Лавров,— прямо говорят, что «она была социалисткой» и между рукописями, ею оставленными, находится роман «из жизни нигилистов», где она с теплым сочувствием относится к русскому революционному движению» (П. Л а в р о в. Русская развитая женщина. В память Софьи Васильевны Ковалевской. ⟨Париж, 1891⟩). Резкий отзыв Лаврова о муже Ковалевской, Владимире Онуфриевиче Ковалевском (1842—1883), объясняется, вероятно, упорными слухами, возникшими еще в 1866 г., о его связях с III Отделением. Позднейшими исследованиями было установлено, что слухи эти носили клеветнический характер (см.: *ЛН*, т. 62, с. 259, 264—271).

19. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 6⟨—7⟩ марта ⟨1882 г.⟩

С большой радостью посылаем вам, Петр Лаврович, прилагаемую выписку. Мне кажется, что новый проект закона, «approuvé par tous les ministres» *, формулирован так, что вам можно сейчас же возвращаться, особенно при благосклонном расположении Freycinet и Camescasse. Закон пройдет в Камере,— это верно, и если его поспешили предложить, так это именно имея вас в виду. Что же вы решите?

Несмотря на все желание, не удалось кончить вам этого коротенького письма, а сегодня получаю ваше, подающее нам большую надежду. Цакни у меня сегодня не был. Когда он мне передаст присылаемое вами, постараюсь сделать, что могу, и поместить в «Justice». Беда в том, что времени мало. Бюхнера [1] должна перевесть к известному сроку (к 1 июня) и переводы Lanessan на руках.

Сегодня пишу вам несколько слов, чтобы рассказать о предложении, которое мне сделали в «Justice», а именно — быть «корреспондентом по России», группировать в форме писем все те отрывочные сведения, которые наша партия помещает в журнале. Я вчера говорила об этом с Цакни, спрашивая, не возьмется ли кто доставлять мне материалы из журналов, равно как и неофициальные сведения. Я в продолжение трех месяцев буду слишком занята, чтобы читать сама газеты русские. Конечно я предлагаю половину моего гонорария. Мне кажется (и Цакни того же мнения), это предложение имеет выгодную сторону и для партии, не говоря лично о себе, и упускать его не следует, а мне нет решительно времени отдаться вполне этому. Предложение мне это сделал «сам Constant», сообщая, что биография ваша a fait sensation ** и что — вот что, по мнению редакции, я бы могла делать. Что вы на это скажете? Если вы мне посылаете с Цакни нечто вроде готовой статьи, то я сама переведу и передам от вашего имени; если это только материалы, находите ли вы удобным, чтобы они вошли в состав первого письма? Как бы мне было нужно ваше руководство, ведь это для меня дело непривычное, и я сильно опасаюсь сделать глупость.

* «одобренный всеми министрами» (*франц.*).

** произвела сенсацию (*франц.*).

Получила от батюшки письмо самого неприличного содержания, на которое ответила бурным посланием [2].

До свидания,— ведь да? Крепко обе пожимаем вашу руку. Пришлите прочесть стихи. Буду скоро писать.

Душевно вам преданная

В. Никитина

Сегодня «Intransigeant» опять поднял вопрос о вашем возвращении. Ругает Freycinet и требует изгнания du père Gambetta qui a fait à la France cadeau de son gros garçon, lui qui n'est pas naturalisé *.

Ответ на п. 18.

[1] Людвиг Карл Кристиан *Бюхнер* (Büchner; 1824—1899) — немецкий философ-материалист и естествоиспытатель. Никитина переводила на французский язык его книгу «Aus dem Geistesleben der Tiere», Berlin, 1876.

[2] В письме к отцу Никитина писала: «Не видеть в социализме ничего, кроме наивной галлюцинации простаков или ловкости мошенников, которые под уважительным предлогом хотят залезть в чужой карман,—это отнюдь не беспристрастная оценка учения, которое насчитывает в своих рядах таких людей, как Стюарт Милль, Кондорсе, Луи Блан, Лассаль, Карл Маркс, Р. Оуэн и многие другие! Никто еще не называл этих людей мошенниками или слабоумными. ⟨...⟩ С другой стороны, осмелишься ли ты утверждать, что все прекрасно в этом лучшем из миров и совершенно незачем беспокоиться о том, чтобы облегчить судьбу бедного и невежественного трудового люда?» (*Études*, с. XI; перевод с французского).

20. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
9 марта ⟨1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Очень уж быстро вы даете себя ласкать надеждам. Так уж «можно сейчас возвращаться», по-вашему? Ну, еще протечет не мало воды и под мостами Темзы и под мостами Сены, когда это, действительно, будет возможно. Подождем и посмотрим, а если будет возможность, то поверьте, останусь в Англии лишь до первого поистине ⟨?⟩ ветреного дня. Но оставим надежды на будущее, а поговорим о делах настоящего.

Я знаю, как вы теперь заняты и не стал бы взваливать на вас большой работы. Полагаю, что извлечение займет менее столбца, и это можно будет сделать между прочим. Мне возвратили письмо, мною полученное, ранее чем успели передать вам, и, хотя возможно, что сняли копию, но на всякий случай посылаю вам и письмо Vollmar'a (депутата рейхстага) ко мне и мой ответ ему в черновой. Вы мне при случае верните. Вы сами увидите, что извлечение можно сделать небольшим: существенны лишь практические постановления, ввиду современных шовинистических возбуждений между русскими и немцами и, может быть, те места моего письма, которые к этому же относятся. Это лишь и может быть интересно для французов. Но об одном обстоятельстве вам придется справиться в Париже у Цакни или у Луцкого. Я поручил спросить Vollmar'a, удобно ли *для него*, чтобы во французских газетах или в «Народной воле» было упомянуто его имя как посредника в этом деле. Я еще ответа не имею и попрошу вас справиться.

Я очень рад, что вам предложили из «Justice» быть корреспондентом из России. Если я вернусь в Париж, то дело будет очень просто: я буду передавать вам газеты русские, отмечая красным карандашом, что в них стоит прочесть для корреспонденций, и передавать вам новости, которые

* папаши Гамбетты, который, сам не имея гражданства, подарил Франции своего толстого малого (*франц.*).

мы получаем прямо. Буду еще доставлять вырезки немецких газет о России, которые иногда получаю и которые бывают очень интересны. Отсюда пересылка газет с отметками представит некоторые затруднения, но устроить это будет можно. Надо бы мне знать, как часто можно будет вам помещать корреспонденции. Вероятно, не чаще раза в неделю, а то и реже. Но я надеюсь, что вам за это будут платить. Вообще сообщите мне подробности, переговорите еще с Constant (он, я думаю, вернее Clemenceau и Pelletan). Кстати, если вы с ним или с редакцией часто видитесь и можете иногда говорить о посторонних делах, то я, может быть, поручу вам маленькое дельце, меня лично интересующее. Так напишите, как вы с ними. Так как я не получаю «Justice», то не знаю, печатается ли ваш перевод с итальянского, но думаю, что если бы печатался, то вы прислали бы [1]. Отчего же он не печатается? Я послал автору предисловие к этому труду, которое он желал иметь от меня. Если он возвратит, как я просил, то я пошлю вам прочесть.

Надеюсь, что вы получили книгу Тайлора, вам посланную. Если Летурно будет так любезен и возьмется представить, то пусть при представлении выразится, не называя меня автором предисловия, так, чтобы слушателям было ясно, что я автор его, но пусть переговорит с секретарем, чтобы это не было внесено в протокол и не было напечатано в бюллетенях. Расскажите ему, когда прочтете, главное содержание предисловия. Торопиться нечего. Обратите внимание на то, что я, не упоминая имени Вырубова [2], собственно опровергаю его нападения на антропологию с точки зрения позитивизма, так как именно напираю на авторитет Ог. Конта, доказывая, что антропология имеет право называться особой наукой.

Ну довольно. Каждый раз мне совестно, глядя на свой почерк, что я утруждаю вас его разбором, ну да как же этому помочь?

Поклон Лизавете Фоминишне и другим, помнящим меня.

П. Л.

Да, позабыл один пункт. Если вам покажется возможным дать известие о решении немцев и о моем ответе автору письма, то отчего же нет. Только удобно ли «корреспонденту *из России*» писать о том, что делается в Париже и Лондоне? — Успех публикаций «Красного Креста Народной воли» слишком невелик (вследствие покушения), чтобы о нем печатать.

Ответ на п. 19.

[1] Лавров имеет в виду перевод Никитиной очерков из «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского; отрывки из книги и статья Никитиной о книге были напечатаны в «La Justice» 31 октября 1882 г.; 24 ноября и 5 декабря 1882 г. «La Justice» поместила большую статью Никитиной «Le mouvement nihiliste», в которой она снова писала о «Подпольной России». Кравчинский в письме к Н. П. Цакни из Италии (конец 1882 г.) говорил по поводу этой статьи: «Отлично задуманная и написанная статья. Благодарю Никитину за ее симпатичные и задушевные строки о моей книжице» («Каторга и ссылка», 1928, № 11 (48), с. 74).

[2] О Г. Н. Вырубове см. п. 32, примеч. 2.

21. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

1882 г. 13 марта. ‹Париж› Rue d'Assas 48

Не сердитесь на меня, дорогой Петр Лаврович, за то что я до сих пор не исполнила вашего поручения в «Justice». Дело в том, что я не могу добиться никакого ответа от Цакни насчет того, желает ли Фольмар, чтобы письмо было подписано его именем. Боюсь, что слишком много времени потеряно для этого сообщения, и никак не могу понять, почему Луцкий не передал его прямо мне, как вы этого желали. Ведь письмо Фольмара

от 27 февраля, а у нас теперь 13 марта, и поводом к заявлению Фольмара и немецких социалистов послужил ваш отъезд, со времени которого прошло уже, увы! месяц. Мне кажется, что для журнала, да еще французского, l' actualité de la chose est passée et pour nous autres, peuples légers, tout est là *. Надеюсь, вы не припишете моих слов лени; труд такой маловажный, что о нем и говорить не стоит.

Что вы скажете о речи Клемансо, посланной вам Лизой вчера? Для человека, который не социалист, она весьма смела и страшно скандализировала Камеру и весь буржуазный мир [1]. Мне удалось попасть в этот день в Камеру — заседание было бурно и в высшей степени интересно. Речь Ланесана была так слаба и так снисходительна к министерству, что мне не раз приходило желание его встряхнуть хорошенько, да вообще было видно, что партии социалистической нет в Камере и тени. Нападают на социализм с яростью, а единственный защитник его... Клемансо!

Очень благодарю за доброе желание помочь мне даже издалека в составлении корреспонденций, но боюсь, что это было бы для вас затруднительно. Вот если бы вы вернулись скорей, тогда другое дело. Конечно, прежде нежели предпринять это дело, надо серьезно переговорить с Клемансо; разве на Constant'а можно полагаться? Ведь вот три месяца не печатает моего перевода; ну, и что с ним поделаешь; а я как нарочно в самом апатическом настроении духа, от физического нездоровья, благодаря которому придется, пожалуй, слечь. Я сильно кашляю и к этому примешались разного рода другие недуги. Вот почему я теперь не пишу к вам сама. Очень грустно было нам прочитать, что еще много воды утечет, пока мы вас увидим. Надеюсь все-таки, что это будет раньше моего отъезда в Пиренеи. Я, впрочем, не могу отдать себе отчета, отчего вы откладываете ваше возвращение на такой долгий срок. Мне кажется, что опасности нет никакой и теперь, а когда закон (хотя и не великолепный) пройдет в Камере, то ее и вовсе не будет.

Вы спрашиваете, в каких я отношениях с редакцией «Justice». Да как всегда. По поводу вашей биографии и ее корректуры видела Pelletan и Constant — оба были, как я вам говорила, любезны. Я догадываюсь более или менее, какое дело вы мне желаете поручить, и, мне кажется, лучше всего было бы уполномочить меня переговорить об этом с Longuet [2].

Вчера мы слышали конференцию Renan'а, благодаря которой я окончательно расхворалась. Слушая его, я думала о других субботних лекциях, между нею и ими — разница веков.

Крепко, дружески жмем обе вашу руку. Душевно преданная вам

В. Никитина.

Ваша книга будет в четверг передана Антропологическому обществу, а я сейчас прочту предисловие. Не стыдно вам не прислать нам биографию, сделанную Кропоткиным?

Ответ на п. 20.

[1] 9 марта Клемансо сделал в Палате депутатов запрос по поводу вмешательства войск 7 марта в стачку шахтеров департамента Гар, в шахтах Гранд Комб и Бассеж, обвинив правительство в том, что оно «хочет сохранить монархическую политику и монархические учреждения в республиканском государстве». Клемансо заявил: «В основе всех наших революций лежит социальное зло, так же как и политическое зло, и реформация республиканская должна в то же время стать реформацией политической и социальной» (Annales de la Chambre des Députés. Tome V. 1882, с. 324).

[2] Шарль *Лонге* (1833—1903) — деятель французского рабочего движения, член Генерального совета I Интернационала, член Парижской Коммуны; муж дочери Маркса Женни; один из редакторов «La Justice». Никитина имеет в виду оплату статей Лаврова в «La Justice» (см. п. 23).

*злободневность этого миновала, а для всех нас, людей легкомысленных, это главное (*франц.*).

22. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› 13 марта, 2 часа ‹1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович,

Сегодня утром Лиза бросила письмо, которое я ей продиктовала вчера вечером. Сегодня же, чувствуя себя немного бодрее и глядя потому на все с бóльшим оптимизмом, я перевела письмо Фольмара и, в надежде получить сегодня ответ от Цакни, собиралась отвезти оба письма в «Justice». Но вот что произошло, Петр Лаврович. Я узнала от Цакни, что письмо уже переведено под редакцией Фольмара и будет прямо послано в «Justice» или передано мне, если я захочу непременно сама его отвезти. Я, конечно, не настаивала, но спешу вам объяснить этот факт и отсылаю при этом прилагаемые письма. Другой факт: я неделю тому назад говорила с Цакни о предложении, сделанном мне «Justice», спрашивая, не захочет ли кто из русских за половину моего гонорария помогать мне собиранием документов. Он, по-видимому, отнесся к этому очень хорошо и до сегодняшнего дня не дал никакого ответа. Я на днях поеду в «Justice», чтобы переговорить с Клемансо о сделанном мне предложении. Цакни, между прочим, говорил, что половина моего гонорария могла бы идти на дело Красного Креста, и был готов, по-видимому, взять на себя этот труд. Спешу окончить письмо, чтобы оно пошло еще сегодня.

Крепко жму вашу руку

В. Никитина

23. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham. Court Road.
14 марта ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Вчера послал вам carte postale, беспокоясь о вашем молчании, а сегодня имею два письма и номер «Justice» (в скобках: на бандероли «Justice» позабыт № дома и потому дошло днем позже, а могло и вовсе не дойти; кстати, Mister не пишут, а просто Mr). Не понимаю, почему дело с Vollmar'ом приняло другой путь. Я думаю, что ему не хочется придавать ему гласность. Относительно материала для вашей работы в «Justice», я думаю, вам удобнее будет вести дело со мной, так как я аккуратнее, хотя и дальше. На первый раз: имеете ли вы обвинительный акт процесса?[1] Если нет, я вам пришлю «Русский курьер», где он напечатан (я получил вчера), и напишу Луцкому, чтобы тот передал вам все вырезки из «Daily News» и немецких журналов, сюда относящиеся. C'est une actualité *. Мне лишь надо знать, как часто вы будете помещать статьи. Если раз в две недели или даже раз в неделю (чего не думаю), то материала придется пересылать немного.

За «Justice» благодарю очень. Речь Clemenceau действительно очень хороша и сильна; но, в сущности, она может значить лишь риторическое самоуслаждение: можно ли требовать от буржуазного правительства, чтобы оно действовало против интересов буржуазии? Ведь это противоречиво. Только низвергнув правительство буржуазии и захватив ее средства, рабочие могут обеспечить себе будущее.

Я так занят спешной корреспонденцией эти дни, что не имею времени писать много. Но по вашему желанию прилагаю по-французски резюме моего дела в «Justice» [2], о котором и прошу вас переговорить с Longuet, показав ему этот листок. Прибавлю, для того чтобы кассир легче вспомнил, что я ему представил une note в тот день, когда получил от него швед-

---

* Это злободневный материал (*франц.*).

ский mandat par la poste в 100 fr., а другой из Ниццы в 50 fr. В книгах должно быть отмечено.

Жму крепко руку. Будьте здоровы.

П. Л.

Никакой биографии у Кропоткина нет. По крайней мере, он мне ничего не говорил и не возвратил до сих пор моей копии биографии, в которой будто бы нуждается.

Неправда ли, не вы послали мне из Парижа на прошлой неделе коробку? Надеюсь, что не вы.

Ответ на п. 21.

[1] См. п. 17, примеч. 2.

[2] На приложенном к письму листке дан перечень статей Лаврова, помещенных в «Justice», и сведения о полученных им суммах.

24. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, четверг, *числа неизвестного* ⟨17 марта 1882 г.⟩

Приходится за столь многое вас благодарить, дорогой, многоуважаемый Петр Лаврович, что не знаю с чего начать. Принимая в уважение важность и серьезное значение факта, прежде всего следовало бы поблагодарить за предложение присылать мне материалы для корреспонденций — это предложение показывает всю вашу доброту неизреченную,— но я все серьезные соображения и вещи оставляю в стороне и, прежде всего, благодарю горячо за коротенькую, дружескую вашу carte postale. Она показывает не только доброту, но и дружеское расположение, которым я страшно дорожу. Иной враг нашего пола сейчас бы сказал: «toujours l'inutile avant l'essentiel» *. Еще бы! только и есть приятного в жизни, что *мнимое* бесполезное. А ваша carte postale показала мне, между прочим, насколько, однако, природа человеческая скверна, по крайней мере в экземпляре, известном вам под именем В⟨арвары⟩ Ник⟨олаевны⟩ Н⟨икитиной⟩. Ведь по совести, я бы должна была покраснеть, получив ее, и почувствовать сильнейшие угрызения,— положим, я их почувствовала, но в умеренной степени (успокоенная мыслью о двух только что отправленных вам письмах), а удовольствие зато имела очень большое. Вот вам моя исповедь— карайте.

Теперь серьезные дела. Завтра или послезавтра надеюсь удастся лицезреть «самого» Clemenceau и переговорить с ним о корреспонденции, а также поручить его благосклонности перевод с итальянского. Longuet тоже непременно увижу на днях; если не поймаю его в субботу в «Justice», то поеду в Argenteuil. Проехаться было бы даже очень полезно для моего здоровья, я так расклеилась последнее время, что возбудила даже беспокойство в Letourneau: et vous le savez pourtant, si les bûches, même philosophiques, s'émeuvent facilement **. Бедный Letourneau, и за что только я его ругаю! Право, весной и летом он гораздо более живой человек, чем зимой, и мы иногда как будто бы друг друга понимаем. Ну а зимой застывает совершенно... В настоящую минуту этот человек, находящийся под таким сильным влиянием матери природы, представляет Антропологическому обществу вашу книгу, соблюдая все ваши инструкции. Кстати, ведь вы знаете, что Антропологическое Общество подало министру просьбу о вашем возвращении. Президент вручил министру письмо или прошение

* бесполезное всегда прежде существенного (*франц.*).

** а ведь вы знаете, легко ли поддаются волнению чурбаны, даже философские (*франц.*).

с множеством подписей. Министр принял, но министры не отвечают. Такое уж положение. Многих я знаю, которые были бы, единственно ради этого права, в восторге быть министрами.

Писала ли я вам, что с большим удовольствием и глубочайшим вниманием прочла ваше введение и передала в кратких словах содержание Летурно. Его место было бы в «Revue d'Anthropologie», но она не платит ничего, да и Летурно заметил, que pas un chat ne la lit *. Положим, что то же замечание относится к «Revue des Sciences»!

Петр Лаврович, сегодня небо голубое, я пишу с открытыми окнами, около самого балкона, где стоят горшки с цветами,— так светло и пахнет сиренью и гиацинтами. Грустно и больно подумать, что вы сидите среди лондонских туманов... Когда же вы думаете, что будет возможность вернуться и покинуть British Museum с его электрическим освещением,— не заменить ему солнечного освещения, а Париж как нарочно с некоторых пор отличается последним.

До свиданья, будьте здоровы. Я сегодня много работала, потому, вероятно, так много вздору вам написала. Теперь выйду погулять и бросить письмо,— уже четыре часа. Жму крепко вашу руку,— хотелось бы с вами погулять, побеседовать, послушать новые страницы, вами написанные. Когда же?

Душевно вам преданная В. Н.

Имеете ли вы общество хотя бы немногих приятелей и как живете — сами или с кем-нибудь? Лиза очень кланяется.

Ответ на п. 23.

Датируется по дню недели и по связи с п. 23.

25. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 19 марта ‹1882 г.›

Только что получила письмо ваше, многоуважаемый, дорогой Петр Лаврович, и не раз перечла его с самым сосредоточенным вниманием и сильным душевным волнением. Как больно мне было вспомнить о моем веселом, беззаботном письме, писанном именно тогда, когда вы были поглощены самыми серьезными мыслями и заботами, тогда, когда в жизни вашей совершался перелом... [1] Вот какой диссонанс вводит разлука даже между людьми, связанными самой живой симпатией и искренно преданными друг другу!

Будьте спокойны. Все что вы мне высказали, останется *между нами*; я вполне понимаю всю важность этого для вас, и с моей стороны слишком дорожу вашим доверием, чтобы делиться им с кем-нибудь.

Вы поймете легко, как работает моя головушка над каждым словом вашего письма и какое тревожное чувство овладевает мной,— точно когда близкий, дорогой друг пускается в далекое плавание по бурному морю, плавание опасное, которому ни пределов, ни конца предвидеть нельзя... Я смутно понимаю, в чем дело, расспрашивать, конечно, не смею; надеюсь, что ваше тонкое нравственное чутье вам говорит лучше всех моих слов, насколько я сочувствую всему, что вас касается, и что я (насколько это возможно) всегда буду посвящена в вашу жизнь. Одно я ясно понимаю,— это что вам, пожалуй, придется отказаться от вашей любимой работы [2]. Это жертва тяжелая и,— простите меня,— я себя спрашиваю, вправе ли вы ее принести? Ведь такие труды, каким ваш обещает быть, драгоценное приобретение для многих поколений, тем более в России, где еще ничего

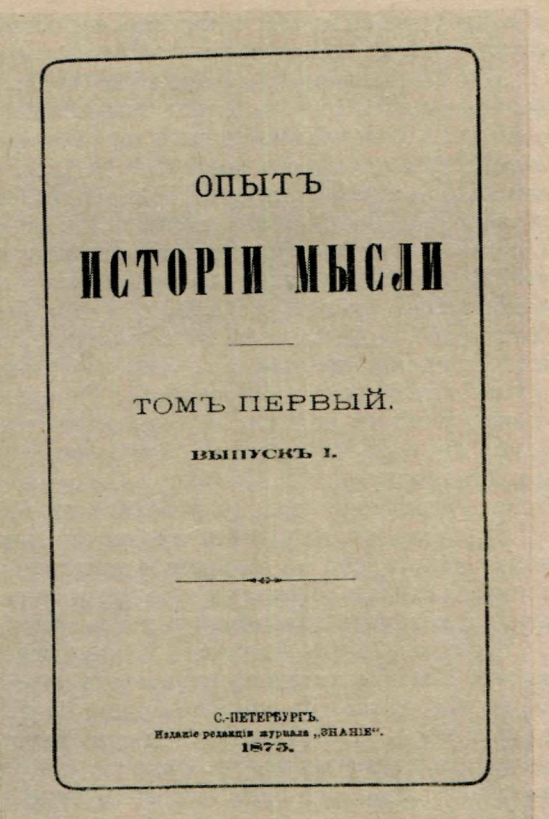
* что ни одна собака ее не читает (*франц.*).

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ТРУДА П. Л ЛАВРОВА «ОПЫТ ИСТОРИИ МЫСЛИ»

С.-Петербург, 1875

Книга вышла без указания имени автора

Обложка



подобного нет,— ведь в *этом* вас заменить никто не может. Люди, обладающие тем богатым запасом сведений и той широтой и силой мысли, которые необходимы для осуществления подобной задачи,— везде и всегда одиночные явления. Жаль, невыразимо жаль подумать, что ваша книга может прерваться в начале,— то, что я чувствую при этой мысли, дает мне возможность понять, что должны чувствовать вы сами. Я понимаю, какого рода соображения заставляют старый, но еще крепкий корабль снова пускаться в путь, но поневоле овладевает раздумье; польза, которую вы можете принести на том пути, куда вас теперь толкают, так ли велика и верна, как та, которую вы принесете на пути умственной деятельности? Ведь иные книги, появляющиеся в данные минуты общественного брожения, имеют громадное влияние,— возьмите Энциклопедию Diderot, «Contrat Social», «Капитал» Маркса,— возьмите ваши «Исторические письма», влияние которых на события в России всеми признается.

О том, что в ваши лета вы, может быть, имели бы право на отдых, я говорить не стану, такого рода соображения вас не остановят, и я это вполне понимаю.

Простите, что я не могла не высказать вам хоть часть того, что возбудили во мне сообщаемые вами загадочные известия. Вы, конечно, все взвесили, все сообразили и решили, как *должно*,— только, поневоле, зная вас, вашу силу самопожертвования и вашу скромность, ставишь вопрос: при вашем решении, не уменьшили ли вы значение того умственного труда, которому вы себя было посвятили, и не согласились ли вы на новое дело, менее вам улыбающееся, именно потому, *что оно тяжелее*... Очень мучительно так мало знать, в чем именно дело, но и за то, что вы высказали, горячее вам спасибо. Помните, Петр Лаврович, что вы имеете во

мне преданного друга, в котором во всем и всегда найдете ответ и живое сочувствие.

Мне было вчера так хорошо на душе, потому что удалось устроить ваше дело в «Justice»,— деньги вам немедленно вышлют с большими извинениями и Longuet вместе высылает номера, нужные вам, и ряд своих очень интересных статей о Grande Combe [3]. Замедление произошло никак не от нежелания платить, а от бестолковости, царствующей, во-первых, в голове самого добродушного Longuet, во-вторых, в редакции. Clemenceau и Longuet оба очень радушно вам кланяются. Clemenceau остался очень доволен, что *вы* довольны его речью. Насчет корреспонденций просит меня одно письмо сделать на пробу, а там увидим,— если можете, пришлите материалы,— письма, во всяком случае, не будут часты. Clemenceau принял мою новую статью [4] и обещал, что перевод скоро появится,— сказал, *прямо к нему* всегда обращаться. Теперь все в редакции так со мной любезны, что я не надивлюсь, а всем этим кому я обязана? Все вам — c'est pour l'amie de Mr L⟨avroff⟩ qu'on est si aimable *, а Longuet хочет даже представлять меня К. Марксу. Сегодня отправляемся на conférence Pelletan — сравнение между революцией 1793 г. и 1871.

Здоровье мое из рук вон плохо, спать не могу без опиума,— такие припадки кашля, сил ни на грош и аппетиту также. И все это еще без всяких треволнений нравственных, все меня балуют, наперерыв, кроме, впрочем, отца, с которым находимся в письменной полемике [5].

Жаль мне, Петр Лаврович, что вы все вечера проводите в таком одиночестве. Как бы хотелось перелететь *море-окиян* и проболтать вечер с вами за чашкой чаю... Да это еще будет. За подробности о жизни вашей очень благодарю,— всякая мелочь меня интересует. А теперь пойду на conférence, где, вероятно, все время продумаю о том, будет ли продолжаться известная книга, ведь видеть ее оконченной и напечатанной сделалось моей мечтой.

Все вам кланяются. Я никакой коробки вам не посылала [6]. Крепко жму, насколько силенки хватает, вашу руку и чувствую большую гордость, при мысли, что эта рука протягивается ко мне с дружеским доверием.

Лиза была на заседании, когда Letourneau подавал книгу, и говорит, что он это сделал с большим сочувствием и очень заинтересовал общество. Имя ваше не будет занесено в протокол.

Душевно вам преданная В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Лавров 3/15 марта ответил согласием на предложение Исполнительного комитета Народной воли стать редактором (вместе с С. М. Кравчинским) заграничного органа Народной воли (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 62). Кравчинский, который вначале согласился, позднее отказался быть соредактором «Вестника Народной воли» и вторым редактором стал приехавший из России Лев Тихомиров.

[2] Никитина говорит о труде Лаврова «Опыт истории мысли» (см. п. 11, примеч. 2).

[3] См. п. 21, примеч. 1.

[4] Статья Никитиной «La sociologie et la question sociale», напечатанная в «La Justice» 5 апреля 1882 г.

[5] См. п. 19, примеч. 2.

[6] Коробку Лаврову послала его знакомая, писательница А. А. Виницкая, находившаяся в то время в Париже.

26. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Париж, 23 марта 1882 г.⟩

Многоуважаемый Петр Лаврович, вы меня так избаловали, что, не получая несколько дней письма от вас, я начинаю беспокоиться, здоровы ли вы? Не в очень ли скверном расположении духа? Или, может быть,

* это с приятельницей г-на Л⟨аврова⟩ все так любезны (*франц.*).

не довольны чем-нибудь в моем письме? Скорее всего, что очень заняты. Получили деньги из «Justice»? Я так занята переводом Бюхнера, что начинаю сомневаться, чтобы я могла предпринять корреспонденции, тем более, что данные в «Курьере» такие сухие, что я не знаю, что из них извлечь [1]. Жму вашу руку.

В. Н.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris, 23 mars 82.

[1] См. п. 23.

27. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
25 марта ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Третий день берусь за перо, чтобы писать вам, и все откладываю, откладываю совершенно добровольно, потому что уверен, что сообщу неприятную вам весть, и можете судить, как она мне тяжела. Но как просто течение судьбы решает вопросы, над которыми мы, бедные, ломаем себе головы! Как я вам писал, что не знаю, как и быть с моим любимым, дорогим трудом при предпринимаемых мною авантюрах; вы мне пишете милые и любезные наставления о том, имею ли я право подвергать его опасности или оставлять совсем. А в то время, как мы переписывались, вопрос уже решился давно сам собой. По-видимому, вслед за телеграфическим сообщением в Россию о конфетке, поднесенной мне французским правительством 10 февраля, пошло из России письмо в Испанию, оттуда пошло в Лондон, оттуда в Алжир, оттуда вернулось снова в Лондон и 21 марта явилось, наконец, в мое жилище на Alfred Place, чтобы известить меня, что издатель «Эволюции мысли» при настоящих обстоятельствах находит неудобным продолжать издание, отлагая его до неопределенного времени [1]. Вопрос решился помимо всех наших мудрых соображений.

Ну, конечно, надо было принять меры, чтобы не остаться без денег и без хлеба. Написаны письма, куда нужно, и еще напишутся [2]. Но это мало интересно. Я употреблю все возможные усилия, чтобы в той или другой форме продолжать работу, но осуществление ее делается еще сомнительнее. Судьба! Судьба!

Эти дни я читал очень плохо газеты и потому не могу сказать, есть ли там что интересное для ваших корреспонденций. Получили ли вы «Русский курьер» с обвинительным актом? [3] Получили ли от Луцкого вырезки? Посылаю вам еще несколько мне присланных: авось понадобятся. Сохраните это у себя, пока я не напишу.

А как ваше здоровье? Что ваш перевод? Появились ли, наконец, в «Justice» переводы с итальянского? [4] Я получил несколько номеров «Justice» со статьями Longuet, но денег никаких до сих пор они не высылали. Если это удобно вам, то сообщите, чтобы, если вышлют mandat par la poste*, адресовали бы в Post-Office на углу Store-Street и Alfred Place или на Tottenham Court Road, если первого нет в почтовых списках; а то здесь такие громадные расстояния, что на центральную почту далеко таскаться.

Ну, жму вам руку и посылаю поклоны всем. Извините, что сообщил неприятную весть, но не скрывать же ее. Мне теперь необходимо при первой возможности съездить в Париж, хотя бы ненадолго, так как мне нужен мой рукописный и книжный материал, которого без меня не найдут. Еще раз жму руку.

П. Л.

---

* почтовый перевод (*франц.*).

Сейчас получил письмо, в котором есть сведенье, которое и вам может пригодиться для корреспонденций и, кроме того, я попрошу вас сообщить моим приятелям, которым сегодня не пишу. В «Berliner Tageblatt» пишут об аресте Стефановича следующее: по доносу арестовали какого-то молодого человека на пути его с московского дебаркадера в отель и в чемодане нашли, кроме прокламаций, и адрес Стефановича в Москве, куда тотчас же телеграфировали об аресте и высылке его в Питер, что и было исполнено [5]. Пишут также (в «Tageblatt»), что Москва сделалась центром террористической деятельности. Я знал уже об аресте Стефановича, но думал, что, может быть, настоящего имени арестованного не узнали.

[1] По предложению Ковалевского, московский издатель Медичис, связанный с книгоиздательством Солдатенкова, взялся издать труд Лаврова «Опыт истории мысли». В середине марта Алексей Н. Веселовский, работавший тогда у Солдатенкова, известил Ковалевского, что печатание рукописи «будет приостановлено на довольно долгое время» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 576, л. 7). 26 марта Ковалевский снова писал Лаврову из Севильи: «Смысл письма А. В⟨еселовского⟩ тот, что страха ради иудейского Медичис временно не имеет намерения вступать с вами в какие бы то ни было сношения, как с человеком, явно зловредным и опасным, что на меня поэтому возлагается обязанность вести вашу рукопись, так как своя рубашка ближе к телу» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 223, л. 27).

[2] По просьбе Лаврова Н. А. Белоголовый написал М. Е. Салтыкову. В ответном письме ему от 20 марта (ст. ст.) 1882 г. Салтыков писал: «Что готово ⟨из статей Лаврова⟩, то присылайте, но не стесняйте сроками печатания; денег же вышлем, сколько требуется, вперед. Впрочем, разумеется, не станем и печатанием медлить» (Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Кн. 2. М., 1939, с. 268).

Получив этот ответ, С. П. Белоголовая писала Лаврову 6 апреля: «Посылаю вам письмо Салтыкова, очень оно нас порадовало вчера, признаюсь, я побаивалась отказа ⟨...⟩ Не лучше ли будет вам рукопись прислать нам, а мы тотчас же, в тот же день отправим в редакцию ⟨...⟩ таким образом даже английской почтовой марки в редакции не будет и кроме Салтыкова никто не может заподозрить, что такой опасный человек, как вы, сотрудничает в «Отечественных записках» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 31, л. 32—32 об).

[3] Обвинительный акт по делу «20-ти»; см. п. 17, примеч. 2.

[4] См. п. 20, примеч. 1.

[5] Яков Васильевич *Стефанович* (партийная кличка Дмитро; 1853—1915) — землеволец, член группы южнорусских «бунтарей», в 1876—1877 г. один из организаторов «Чигиринского дела» (вместе с Л. Г. Дейчем и И. В. Бохановским) — подготовки крестьянского восстания в Чигиринском уезде Полтавской губернии с целью захвата помещичьих земель; в 1880 г. эмигрировал, в 1881 г. вернулся в Россию, член Исполнительного комитета Народной воли, был арестован в феврале 1882 г., судился по делу «17-ти» народовольцев в 1883 г. в Москве; был приговорен к девяти годам каторги.

28. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 26 марта 1882

Сердце чуяло беду и чуяло недаром. Известие, сообщаемое вами, мой дорогой и многоуважаемый друг, сильно меня огорчило и за вас, и за идею,— эта потеря, право не вознаградится теми ничтожными деньгами, которые собрали мы для Красного Креста. И досадно, и больно. Вы видели из моего последнего письма, в какое волнение меня бросала одна идея, что вам, пожалуй, придется бросить ваш труд, и потому можете себе представить, как подействовал на меня этот грубый способ судьбы разрезать гордиев узел. Я вчера получила письмо ваше очень поздно, во втором часу, когда обыкновенно письма из Лондона приходят утром, и поэтому начинала сильно тревожиться, а как получила письмо, как прочла его, так руки и опустились. Конечно, вчера же в пять часов отправилась в проклятую «Justice» осведомиться насчет ваших денег, узнала, что их еще не выслали и дала адрес bureau de poste. Кассир взваливает вину на администратора. К сожалению, его тут не было, но я адресовалась к Constant, который в свою очередь притащил ко мне какого-то долговязого господина (кажется, секретаря Clemenceau), и все они втроем, как хор

греческой трагедии, поклялись, что в понедельник деньги будут высланы. Во вторник вечером я буду в редакции, чтобы поправить корректуру одной статьи моей. Тогда, если узнаю, что деньги еще не высланы, обращусь прямо к Clemenceau. A Longuet стыдно, что он поступил так небрежно в этом деле.

Меня мучает мысль, что вы, вероятно, сидите без денег. Что вы теперь предпримете? Вы говорите, что вам даже нужно вернуться в Париж и что вы сделаете это при первой возможности,— да мне кажется, что вы могли бы совершенно безопасно сделать это теперь. Вас не посмеют тронуть, так как общественное мнение слишком резко выразилось по поводу этому, да, наконец, Freycinet это сам говорит, и проект закона уже подан, проект, в котором есть один пункт, явно вписанный для вас, о том, чтобы высланные прежде составления закона, могли вернуться через два месяца. Никто не сомневается, что проект пройдет, а 13 апреля будет как раз два месяца, как вы уехали. Памятны вам будут эти два месяца: вы потеряли в течение их и связь с прошедшим, и светлую надежду на будущее,— судьба вас тщательно и бережно обокрала... насколько от нее зависело.

К счастью, то, что хранится внутри нас, недоступно никаким ударам и никаким насилиям, там, помимо всех вещественных потерь, прошедшее может жить и будущее создаваться, хотя бы в данную минуту мы не имели никаких средств его осуществить. Но больно думать, Петр Лаврович, что вы переживаете такие тяжелые минуты в полном одиночестве, и я сильно опасаюсь, чтобы это не подействовало на ваше здоровье. Поэтому еще бы сильнее хотелось перетащить вас в Париж.

Лиза отправилась вчера к Луцкому, чтобы передать сообщаемое вами известие. Он говорит, что есть очень интересные сообщения из России и будто бы il se fait fort de me fournir des documents pour mes correspondances *,— но я что-то сомневаюсь, чтобы из этого вышел какой-нибудь толк,— эти господа отличаются истинно славянской неаккуратностью. Перевод мой подвигается — 75 стр. уже готовы. Lanessan согласился дать мне «отпуск» на один месяц.

Здоровье лучше и сегодня еду слушать Девятую симфонию Бетховена,— зачем не с вами! Все возвращаюсь к одному — книга, книга ваша; жаль ее и только об этом и думаю со вчерашнего дня. Крепко, крепко жму вашу руку. Лиза кланяется. Хорвата *никогда* не вижу. Душевно вам преданная

В. Н.

Ответ на п. 27.

29. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

48, rue d'Assas. Париж, 30 марта 1882

Какой энергией дышит ваше письмо, дорогой Петр Лаврович! Видно, что ни физически, ни нравственно вы не поддались удару. Я рада этому, но не вполне доверяю оптимизму вашего письма, слишком уж стараетесь вы успокоить меня — и здоровы-то вы, и работа сейчас же найдется, и деньги-то у вас есть... Да и как можно, чтобы их не было в запасе у такого практического человека, как вы! Вот в этом-то,— представьте мою дерзость, мой скептицизм!— я себе и позволяю сомневаться и буду очень рада узнать, что вы, наконец, получили ваши деньги из «Justice». Была я в редакции третьего дня вечером, но никого путного мне не удалось видеть, так как час был неудобный (10 ч. вечера).

---

* он готов взять на себя обязательство доставлять мне документы для моих корреспонденций (*франц.*).

А вот что плохо. На днях начинаются вакации Камеры и эти... хотела употребить крепкое словцо из лексикона Золя,— но испугалась вашего чувства изящного... итак, эти болваны разойдутся, вероятно, прежде, нежели пройдет закон об иностранцах. Ведь это очень обидно, потому что таким образом, ваше возвращение будет отсрочено еще на несколько недель. Я надеюсь, по крайней мере, что вы не будете дожидаться «решения дряхлого сената».

Очень вам благодарна за выписки из немецких газет; достала, наконец, и выписки из английских, находившиеся у Луцкого. Но многие из этих известий уже напечатаны в газетах, и в этой самой «Justice». Если мне не удастся найти между здешними русскими аккуратного и деятельного сотрудника, я не возьму на себя быть корреспондентом. Лиза видела Луцкого и говорила с ним, он, равно как и Цакни, нашел, что это отличное дело, выгодное для всех во всех отношениях, но до сих пор, вот уже скоро неделя, не собрался зайти ко мне и дать мне ответ (он вызвался найти мне нужного, за недостатком времени необходимого). Брать же на себя обязательства, не будучи уверена, сдержу ли я их, я не хочу. И вот почему я не пишу корреспонденции, а следовательно, прошу вас не трудиться пока присылать мне выписки.

Я очень занята моим переводом. Завтра будет готова третья часть, пришлось много читать о солнце, его оболочках, пятнах, революциях и т. д. Очень интересно и напомнило один незабвенный вечер, когда вы заставили меня несколько часов *жить* среди небесных пространств, присутствовать при зарождении, развитии и смерти миров,— видеть, как загораются и тухнут светила. Петр Лаврович, нужно всячески отстаивать ваш грандиозно задуманный труд от ударов мачехи-судьбы. Когда вы говорите, что будете стараться *то же самое* одеть в более легкую форму журнальных статей, я вижу перед собой стройное, грандиозное здание, уже начинавшее воздвигаться, общие контуры уже готовы, охватываешь весь ensemble, и вдруг толпа вандалов (я вижу между ними русского царя, вот тут и Freycinet!) его разрушает... архитектор берет уже готовые, изящно отделанные колонны и капители и употребляет их на более легкие, мелкие постройки. Если бы насмешник Летурно прочел это, он бы вам объяснил мой лиризм тем, que j'ai fait ces jours-ci des orgies musicales *. Так как переход от вашего труда к музыке Бетховена менее странен, чем бы это показалось, конечно, такому профану в музыке, как Летурно, то я вам скажу, что имела на днях огромное удовольствие. Слышала мессу Бетховена в Notre Dame,— более полного музыкального наслаждения трудно себе представить,— музыка вдохновенная, глубокая, исполнение превосходное, а где же найти более поэтическую обстановку, как величественные своды готического храма? Я была на хорах и села нарочно так, чтобы не видеть вовсе комедии, происходившей внизу, что, впрочем, не трудно с моими глазами, и уверяю вас, что провела часа два в каком-то сне. Это не был «Сон в летнюю ночь», но «Сон в Notre Dame» под звуки Бетховена. Иногда мне приходит в голову, что во мне живет «немой» поэт, такое богатство образов, ощущений, мыслей теснится в голову в иные минуты сильного потрясения,— но это, вероятно, кажется всем впечатлительным людям, которые действительно имеют одну общую черту с поэтами: нервный темперамент, сильно все воспринимающий. Беда от него чаще всего, но иногда и хорошо, и тогда, точно в вознаграждение, начинаешь рассказывать себе самому всякие чудеса и небылицы, за неимением языка, на котором бы можно было оповестить их миру. Как это счастливо-то для мира! Представьте себе, если бы все «немые» поэты заговорили, ведь

---

* что я предавалась в эти дни музыкальным оргиям (*франц.*).

и так уже достаточно людей, облеченных правом говорить всякий вздор в стихах.

Кстати о поэтах. У Летурно нет «La Justice» Sully Prudhomme, иначе я вам бы прислала, но читали ли вы в той книге, которая в British Museum, стихотворение «Le Gué»? Я его очень люблю и не могу читать без волнения [1]. Если вы его читали, то вы знаете почему,— так как вы принадлежите к редкому, к счастию, числу людей, для которых чужие сердца открыты, и они в них читают, как мы простые смертные в книгах,— пожалуй и лучше, так как многие читают книгу, не понимая ее.

Только что получила вашу Carte postale. Очень благодарю за извещение. Значит, хор греческой трагедии сдержал обещание.

До свидания, Лиза и я, мы обе крепко пожимаем вашу руку. Берегите здоровье.

В. Н.

P. S. Я ничего не слышала об обеде в Palais Royal 18 марта, но весьма вероятно, что о вас упоминали. Ваше дорогое нам имя часто произносится теперь при всяком удобном случае и всегда с таким уважением и сочувствием, что отрадно слышать. Например, в воскресенье 19 марта Hugues на конференции, где он говорил о законе, предлагаемом Freycinet и вообще о законах подобного рода, упоминал и о вас. Он чисто народный оратор, его несколько вульгарное, но картинное и страстное красноречие должно, конечно, скандализировать прилично облизанную Камеру, но на простых людей оно сильно действует. Нужно бы только желать более стройности и цельности в голове оратора, где, мне кажется, царствует еще порядочный хаос.

До свиданья.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова

[1] Рене Франсуа Арман *Сюлли-Прюдом* (1839—1907) — французский поэт. В поэме «La Justice» («Справедливость», 1878) он говорит о том, что после тщетных поисков справедливости в общественной жизни и в устройстве вселенной вообще, он нашел ее в совести человека. В стихотворении «Le Gué» («Брод», 1866) поэт рассказывает о старом крестьянине, командире партизанского отряда, взятом в плен у мелководной реки. Желая скрыть, что ее можно перейти вброд, кинутый в воду, он, став на колени, тонет и, обманув так врага, спасает свой отряд, только что перебравшийся здесь на другой берег.

30. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж. Понедельник, вечер ‹3 апреля 1882 г.› [1]
45, Rue d'Assas

Дорогой Петр Лаврович,

Оттого ли, что я много работала, оттого ли, что я вот уже второй день страшно хандрю, но у меня глаза порядком разболелись, и поэтому, к счастью для ваших глаз, вы сегодня лишены моего собственного царапанья. Ваше письмо заставило меня сильно призадуматься. Конечно, я обрадовалась известию, что есть надежда на продолжение труда, которым я так живо интересуюсь; но признаюсь вам, эта надежда обставлена такими затруднениями, такими тяжелыми для вас условиями, что радость моя далеко не полная. Скажу вам правду: мне кажется просто невозможным, чтобы вы могли вести de front * любимую работу, ваши многосложные дела по общественной деятельности (более сложные, чем когда-либо) и тот серьезный, всеобъемлющий труд, для которого нужно такое сосредоточение мысли. Эта задача очень мудреная, так как при всевозможной деятельности, все же день состоит из известного количества часов, да и самый мо-

* одновременно (*франц.*).

гучий мозг способен только к известной доле труда. Я бы на вашем месте просто обратилась к друзьям более обеспеченным (у вас водятся ведь и такие), и не сомневаюсь, что между ними нашелся бы человек, который с радостью бы вас ссудил суммой, необходимой для полугодовалого прожитья. Это даже вовсе не личная услуга, а дело общественной пользы и любви к науке. Вы мне на это возразите: а если издатель не решится? Ну, что же делать, ссуженная сумма пропадет для того, кто занял, да и то, вероятно, на время. И не на такие дела люди рискуют, и не такие суммы. Подумайте сами, если вы будете писать статьи одновременно с вашим трудом, почти невозможно, чтобы последний не пострадал и чтобы вы сами не поплатились здоровьем. Сильно опасаюсь, что все мое красноречие пропадет даром. И что это покажет то, что, как я вам не раз говорила, и у вас есть предрассудки.

Подлейшая Камера разошлась, отложивши в долгий ящик ваше дело, хотя накануне еще Pelletan предлагал его вотировать. Итак, надежда вас увидеть опять удалена на неопределенное время; я уверяю вас, Петр Лаврович, что в Париже очень скверно и «холодно» без вас. Прежде бывало, как подойдет прилив тоски, пойдешь к вам, послушаешь ваше слово или несколько страниц, и опять как-то светлей делается и голова работает. А теперь не к кому и пойти; все остальные или сами пребывают в таких же «промежуточных» пространствах, как я, или уж обретаются в таких холодных, что им ни до кого нет дела. Для полноты жизни мало переводить Бюхнера!

Что вы себе, скажите пожалуйста, вообразили о Хорвате? Перестал он у нас бывать просто без всякой причины, потому что ему так заблагорассудилось. У Трэна он не бывает тоже, да и мы бываем редко. Есть дают скверно, а тут еще постоянно вспоминаешь о веселых обедах с вами и просто кусок в горло не идет. Знаете ли, я ни разу не была на вашей квартире, хотя даже и нужно пойти, чтобы отыскать там бедную мою «Epopée terrestre» [1], превратившуюся теперь в странствующую Одиссею,— все по той же причине. Глебовы уезжают на днях; мы с ними в последнее время совсем не виделись. До свидания, крепко жму вам руку, и очень прошу всегда как можно более о себе сообщать. Даже одна мысль ограничиться *«тремя строчками»* по этому вопросу — вполне непростительна. Вот если вы начнете ваши геркулесовские труды, понимаю, что тогда придется довольствоваться краткими известиями, но надеюсь, по крайней мере, частыми. Я же буду продолжать писать вам всякий вздор,— авось найдете время его читать. Берегите себя. Душевно вам преданная

В. Н.

Вторник. Сегодня вышла статья Вари, которую я вам посылаю [2]. Она простудилась. «Justice» делает успехи в социализме. До свидания, многоуважаемый Петр Лаврович; надеемся *все*, до скорого.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова. Е. Б.

Датируется по дню недели и по сообщению, что «Камера разошлась» (последнее заседание Палаты депутатов перед пасхальными каникулами состоялось 1 апреля).

[1] «Epopée terrestre» («Земная эпопея»)— поэма А. Лефевра. О нем Никитина писала в статье «La poésie de combat» («La Justice», 19 septembre 1883; см. также: *Études*, с. 335—337).

[2] См. п. 25, примеч. 4. По-видимому, указание на «вторник» ошибочно: статья Никитиной появилась в среду 5 апреля.

31. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Париж⟩ 7 апреля ⟨1882 г.⟩

Сегодня получила ваше письмо поздно, дорогой Петр Лаврович, когда уже не надеялась получить и собиралась писать carte postale, чтобы спросить у вас о вашем здоровье. То, чего я так боялась, сбылось,— вы хвораете, и это тем более грустно, когда подумаешь о вашем одиночестве. Берегите себя, пожалуйста, ради общего дела, ради вашего труда, на осуществление которого я все-таки не теряю надежды, ради всех тех (число их значительно!), кто вас ценит и уважает, ради тех, наконец, кто вам искренно и горячо предан.

Вы получите мое письмо в день «светлого» праздника, для нас давно он утратил свое значение, а все-таки в такие дни как-то больше еще думаешь о далеких дорогих людях, и как-то живее, больнее чувствуешь их отсутствие. Для вас не веселы будут праздники, так как вы привыкли проводить такие дни в дружеском кругу,— а для меня праздником меньше в жизни вообще, с тех пор как вы уехали. Поистине, всякий вечер, проводимый с вами, я считала «светлым» для души и для ума.

Вчера мы были у Jaclard, где я познакомилась с Выш⟨инской⟩ [1]. Общая симпатия к вам сейчас нас сблизила,— она тоже собиралась к вам писать сегодня. Мы не разошлись с Глебовыми, а просто перестали часто видеться, потому что они последнее время закружились в «вихре» удовольствий и знакомств. Они барышни хорошие, но скучноватые, и между нами общего-то немного. Вот Ковалевская очень интересная личность. Сегодня все мы были на Stabat Mater в St. Eustache [2]. Целой колонией, такой точно, как вчера у Jaclard.

Вы мне говорите, что ваше «предисловие» переведено на итальянский язык,— я полагаю, что вы говорите о предисловии к «Антропологии». Очень буду рада его иметь, но только вы подчас не приводите в исполнение ваших благих намерений, témoin * речь, произнесенная вами 18 марта в каком ⟨-то⟩ английском собрании [3]. Вы собирались ее мне прислать и даже говорили, что, может быть, «Justice» напечатала бы, и не прислали ее совсем. А письмо Vollmar'a так и не попало, видно, в «Justice», я следила, но его не было. Столько времени потеряли в проволочках, что, видно, нашли или что поздно подавать в «Justice», или редакция нашла, что поздно печатать.

Я совсем отвыкла от светской жизни и очень устала от вчерашнего вечера и сегодняшнего концерта. Простите поэтому бессодержательность письма, и также царапанье,— вечером буквально не вижу, и слова, строчки и буквы как-то переплетаются. Говорила вчера с Луцким,— очень подбивает писать корреспонденции и все *обещает* принести сведения,— увидим.

Вчера много о вас говорили и все поручили мне вам кланяться. До свиданья, мой дорогой, добрый друг, я тоже крепко, что есть силенки жму вам руку. Очень прошу уведомить par carte postale о вашем здоровье, оно меня сильно тревожит, а также и ваши денежные ⟨дела⟩. Ne vous en déplaise **, я не очень верю вашим оптимистическим объяснениям, que tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes ***. Когда же мы вас увидим? Вы за совет благодарите, но не принимаете. Увы, я это знала, и это не был даже совет — не мне давать их вам,— а просто я вам высказала мое мнение. Мне и теперь кажется, что вы не правы, жертвуя *общим* добром и пользой из-за излишней *личной* деликатности. Воля ваша, это не личное

---

* об этом свидетельствует (*франц.*).
** Не прогневайтесь (*франц.*).
*** что все идет к лучшему в этом лучшем из миров (*франц.*).

ЛОНДОН, АЛЬФРЕД-ПЛЭЙС
Вид от дома № 13, где в феврале — мае 1882 г. жил П. Л. Лавров
Фотография Н. В. Филипповой, 1975

дело и не личное одолжение, а просто долг для всякого порядочного человека. Ведь и вы точно также рассуждали бы, если бы дело шло не *о вас*. Еще раз жму руку.

Всей душою преданная В. Н.

Я тоже надеюсь перевесть в Revue Lanessan ваше предисловие, но месяца через два,— теперь не могу.— В «Justice» я никогда ничего не писала о книге Letourneau,— а в «Revue des Sciences»[4] и мельком в «Réveil».

Мои умственные способности вчера были так плохи, что я не поняла, что вы пишете о предисловии об истории революционного движения на итальянском языке[5]. Конечно, я очень желаю, чтобы вы мне его прислали. *Когда* появятся эти эскизы, одному Констану известно. Уверяет, что через три недели, а я думаю, что не раньше летних вакаций.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Мария Вышинская — участница революционного движения 1870-х годов; студентка Медицинской школы в Париже.

[2] Stabat Mater — первый стих гимна, который исполняют в католических церквах в праздники «семи страстей святой Девы», на Страстной неделе и 15 сентября. Гимн был переложен на музыку многими композиторами: Перголезе, Гайдном, Шубертом, Россини, Верди, Дворжаком и др.

Церковь Св. Евстахия (1223 г.) расположена в центре Парижа; после Собора Парижской Богоматери это самая большая церковь во французской столице; славится своим великолепным органом.

[3] Лавров выступил в Лондоне 19 марта с речью о Парижской Коммуне.

[4] Никитина поместила статью о книге Летурно «Социология по данным этнографии» в «Revue internationale des Sciences» 15 января 1881 г. (см. также: *Études*, с. 270—296).

[5] Лавров писал о своем предисловии к «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского.

32. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› British Museum. Reading Room № 3.
10 апреля ‹1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна!

Как вы могли думать, что здесь, в благочестивой Англии, мы получаем письма в воскресенье или даже в Easter-day! * Ваше письмо (от 7 (?)) я получил только сегодня утром и сейчас же отвечаю, пока не принесли мне заказанные книги. Тороплюсь особенно потому, что, судя по письму Белоголового, сегодня полученному, от вчерашнего дня, вы будете писать в «Justice» о невероятном факте в Montreux, связанном с моим именем [1]. Если еще есть время, то советую вам припустить долю скептицизма. Во всяком случае, если уже напечатали, пришлите мне номер «Justice», где будет: я пошлю несколько строк с выражением своей позиции, потому что я *уверен*, что суд покажет нелепость всей конструкции этого дела. Ведь шуты имели время и до того. Я так живу, что подослать убить меня и в Париже и в Лондоне не стоит ни малейшего труда, а их шпионы верно знают отлично мой способ жизни. Это или помешанная, или немец наврал в своем отчете. Я считаю, что надо газете стать на скептическую точку зрения, которая немедленно оправдается на суде.

О моем здоровье не знаю что сказать: по утрам ничего, а каждый вечер почти не совсем хорошо; вчера вечером кашель очень усилился, а сегодня, кажется, опять ничего.

Что вам за охота рассказывать всем, будто я скучаю: во-первых, я не скучаю и никогда не скучал; тоска бывает более или менее сильная, но тоска и скука — cela fait deux**. А тут вдруг люди, которые и о существовании моем забыли, пишут и считают себя обязанными писать соболезновательные письма! Это даже возмутительно... А, впрочем, вчерашний праздник для меня прошел не совсем без разнообразия. Лежу я на кровати и собираюсь дремать, как вдруг стучат в дверь и влетают три парижанина (русских), приехавших провести неделю здесь [2]. Вот и пасхальный визит. Привезли поклоны, хоть я уверен, что никого из моих более близких приятелей даже не видали. Ну а будучи в Лондоне, как же не зайти... Очень можно...

Ну, сообщу вам две новости, которые, конечно, лучше хранить про себя. 1) По всей вероятности, недели через 3—4 я приеду в Париж (*с о в с е м м е ж д у н а м и*: министр просил моего приятеля, чтобы я *не* сообщал им [3]). 2) Я получил ответ на предложение работы и самый неожиданный: из кусков храма устроить гульбище для публики. Мой план таков: в апреле и до половины мая работать для журнала и писать хлебные статьи [4], а с половины мая до сентября продолжать постройку храма (который все-таки, вероятно, останется недостроенным). Вы совсем ошибаетесь, когда хлопочете о моих материальных средствах. Денежные дела мои почти совсем устроились, и мне надо только суметь пережить небольшой промежуток, что́ уже и хорошо комбинировалось, и вы напрасно ехидно сомневаетесь в моей практичности. Только рядом с улажением двух будет *третье*, и вот это-то *может* помешать и тому и другому [5]. Ну, да этому уже я никак помочь не могу. Это — долг. Жму вам руку. Книги пришли. Нужно приниматься за дело. Поклон всем.

П. Л.

Ведь моя речь была ‹у› меня в экстракте [6], а так как, судя по вашим письмам, я думал, что в «Justice» не нужно, я и не счел нужным присылать

---

* день пасхи (*англ.*).
** это вещи разные (*франц.*).

экстракт. Предисловие к итальянским очеркам пришлю или привезу. Что касается до речи, вы ее, вероятно, через некоторое время прочтете вполне.

Ай — клякса! ну, уже переписывать некогда — извините.

Ответ на п. 31.

[1] 3 апреля в Монтрё «Священной дружиной» было организовано покушение на Лаврова; покушавшаяся, некая Михалева, приняла за Лаврова какого-то немца и стреляла в него.

[2] Один из приезжих «парижан» был Александр Петрович Черепахин, участник революционного движения 1870-х годов; он учился в Медицинской школе в Париже.

[3] Этот «приятель» — Григорий Николаевич *Вырубов* (1843—1913) — философ-позитивист, либерал. С 1867 г. поселился в Париже; во время франко-прусской войны участвовал в обороне Парижа в рядах национальной гвардии, при Коммуне — в качестве врача военного лазарета. Был близок с А. И. Герценом в последние годы его жизни; приятель И. С. Тургенева, М. М. Ковалевского.

7 апреля Вырубов, принимавший живое участие в деле Лаврова, сообщил ему о своем посещении министра внутренних дел Рене Гобле: «Сейчас только возвратился от Goblet, с которым объяснялся о вашем деле. Ответ его на мой вопрос был самый неожиданный, самый изумительный! ⟨...⟩ Вот, почти текстуально, что мне сказал гражданин министр: «Возвращение г-на Лаврова в настоящую минуту, быть может, несколько преждевременно, но скажите ему, что когда он сочтет возможным возвратиться, чтобы он об этом не сообщал правительству. Это во всех отношениях удобнее». Последнее повторил он мне еще раз на прощание, с весьма знаменательной улыбкой. Переводя все это на общечеловеческий язык, оказывается следующее: подождав еще недельки четыре, вы можете спокойным манером укладывать чемодан и брать свой billet direct * в Париж. Тем временем побываю я у Casalle и префекта полиции, чтобы предотвратить недоразумения со стороны мелких чиновников. Разумеется, надо вам будет, по крайней ⟨мере⟩ на первое время, жить смирно, а там мало-помалу все забудется» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 96, л. 72—72 об.).

[4] Под «хлебными статьями» Лавров подразумевает оплачиваемые гонорарами статьи для легальных русских журналов и для иностранной прессы.

[5] «Третье дело» — редактирование «Вестника Народной воли».

[6] См. п. 31, примеч. 3.

33. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Париж⟩ Понедельник ⟨10 апреля 1882 г.⟩

Что с вами, дорогой мой друг, и отчего нет ни строчки сегодня? Я очень встревожена и боюсь, что вы или нездоровы или уж очень расхандрились, а и то и другое весьма неутешительно. А тут еще это странное покушение на вашу жизнь, бывшее в Montreux и произведшее, конечно, тяжелое впечатление на всех ваших друзей [1]. Как ни повторять себе, что вы в Лондоне и что поступок этой сумасшедшей не имеет, следовательно, никаких последствий для вас, но мысль одна, что *хотели в вас* стрелять, заставляет сердце болезненно сжаться. Я об этом узнала только в субботу от Белоголовых; в «Justice» известие это появилось только вчера, а я ведь «Temps» не читаю, да и Letourneau как-то проглядел его. Кстати, скажите мне ваше мнение — полагаете ли вы, как, например, Белоголовые, что женщина, стрелявшая в немца, которого она принимала за вас, принадлежит к антинигилистической лиге, о существовании которой газеты когда-то много говорили? Мне очень советуют написать об этом небольшую статью, указывая на предупреждение, когда-то появившееся (именно в сентябре) в «Общем деле» [2]. Впрочем, мне сказали ваши друзья, что вы мне об этом напишете, и я тем более ждала сегодня, хотя бы краткую carte postale.

Мне так грустно, когда я подумаю о вашем одиночестве в Лондоне, да еще представляю себе, что вы больны, что будь у меня деньги, сейчас бы к вам поехала. К сожалению, безденежье у меня полное и даже будущее шатко, вследствие небольшой размолвки, происшедшей между мной и отцом. Он меня вызвал на довольно резкое письмо, на которое и не от-

* Билет прямого сообщения (*франц.*).

ветил [3]. Увидим, что последует в мае, когда обыкновенно он мне посылает деньги.

До свиданья, голубчик Петр Лаврович. Крепко, крепко жму вашу руку, берегите дорогое ваше здоровье и не падайте духом. Вы вернетесь в Париж, и более прежнего вас все будут лелеять. Узнала от Белоголовых, что вам гораздо хуже в Лондоне и что вы более хандрите, чем высказываете это в ваших письмах ко мне... Петр Лаврович, это называется изменой дружбе! Недаром я и так не верила оптимизму, проявлявшемуся в ваших письмах. Вы со мной обращаетесь не как с другом, а как с ребенком.

Ваша В. Н.

Датируется по дню недели и по упоминанию о покушении в Монтрё, о котором Никитина узнала «только в субботу», то есть 8 апреля.

[1] О покушении в Монтрё см. п. 32, примеч. 1.

[2] В «Общем деле» (1881, № 44, сентябрь), в передовой статье, озаглавленной «Белый террор», говорилось: «Русское правительство ⟨...⟩ намерено создать особое сообщество, названное им «Дружиной спасения», цель которого насильственно устранять главных не только русских революционеров (Кропоткина, Гартмана, Дейча и др.), но и западных (Рошфор) ⟨...⟩ Для убийства на первый раз Рошфора и Кропоткина нанят некий искусный бретер, который должен, оскорбив их, подать повод к дуэли и затем порешить их».

[3] См. п. 19, примеч. 2.

34. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
13 апреля ⟨1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Хотел писать вам и третьего дня и вчера, но едва-едва могу написать сегодня. У меня опять был период громадных, длиннейших писем, которые приходилось еще писать чуть не микроскопическими буквами на такой тонкой бумаге, что глаза болели, а потом еще, и еще, и еще [1]. Ну, утомился до невозможности, и сейчас только могу написать вам хоть коротенькое письмо. Вы, конечно, знаете теперь, что праздники имели влияние и на опоздание вашего письма и на отсутствие ответа моего.

Здоровье мое все плохо, но только вы уж слишком черно рисуете. Я не был уже так беспомощен, чтобы нуждаться в ухаживании, выходил каждый день, а если бы стало и хуже, то ведь во всех цивилизованных странах, тем более в Лондоне, есть для больных госпитали.

Относительно несчастного дела в Montreux я никаких более подробностей не имею, но все-таки уверен, что дело окажется вздором. Ну к чему? — А «тяжелое впечатление», о котором вы говорите, совсем уже лишнее. Ведь мои лучшие приятели должны же сознавать, что мне скоро 60 лет, что неизбежны дряхлость, упадок умственных и нравственных сил, вместе с физическими, придет неизбежно, да и приходит уже постепенно, и что гораздо выгоднее для меня теперь погибнуть от пули какой-нибудь личности, чем разваливаться, делаться предметом сожалений, а, пожалуй, и посмеяний etc, etc. Право, взвешивая рассудительно пассаж ⟨?⟩, я нахожу, что неизвестная мне личность (если бы все это было серьезно) оказала бы мне немалую услугу. Есть бремя, которое нести нелегко, но сбросить не имеешь права, как представитель не только своей личности, но общественного направления, а если другие помогут, да еще при приличной драматической обстановке,— это совсем недурно. Но вы возмущаетесь и браните меня, я это чувствую и потому перестаю. Туман. Погода непривлекательная. Сейчас иду в Музей. А приехавшие сюда русские парижане не нахвалятся Лондоном. Может случиться (хоть мало вероятно),

что я с ними пришлю вам один документ, так что не удивляйтесь, если вам принесут, и не распечатывайте при посторонних. Впрочем, возможно, что я сам привезу, когда приеду, так как дело не так уж спешно.

Меня беспокоит ваше отношение к вашему отцу. Ну что же вы делать будете, если там совсем разорвется? И к чему писать резкости, когда они *не могут* подействовать? Пожалуйста, сообщите о ваших делах. А меня вы браните за какие-то будто бы умолчания: мало ли что показалось доктору! Но он, очевидно, еще преувеличил при рассказе вам.

Крепко жму руку. Поклон Лизавете Фоминишне. П. Л.

Много ли занята теперь Лизавета Фоминишна? Мне надо бы знать.

Ответ на п. 33.

[1] Лавров писал позднее по поводу полученного им предложения, что он отвечал Исполнительному комитету Народной воли подробными письмами, указывая условия, при которых считает возможным для себя редактировать орган партии; в духе этих условий он вместе со Степняком выработал программу «Вестника Народной воли» (см.: «Биография-исповедь».— П. Л. Лавров. Философия и социология, т. 2, с. 628).

35. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж, 14 апреля ⟨1882 г.⟩

Странный вы, право, человек Петр Лаврович! Из вашего письма выходит просто, что ваши друзья должны бы сожалеть о том, что покушение на вашу жизнь не удалось, так как ничего лучшего для вас и желать нельзя. А мы, видите ли, такие неразумные эгоисты, что никак не можем стать на эту высоту.

Я вполне понимаю, что должны быть минуты, когда вы этого желаете, когда вы так думаете и чувствуете,— я иду дальше и скажу, что если бы действительно вы были на пороге того умственного и физического разрушения, о котором вы говорите, люди вам искренно преданные, с грустью бы склонили голову, предпочитая для вас смерть такой жалкой жизни, особенно при тех обстоятельствах, в каких вы поставлены. Но ведь дело совсем иначе стоит. Вы — наша гордость, вы — огромная нравственная сила, толкающая и будящая других, ваши сочинения, ваше живое слово, ваш пример могут еще принести столько добра и пользы, вы окружены такими горячими симпатиями, что ваши личные друзья имеют не только *право*, но и обязанность желать сохранить вас как можно подольше. Воля ваша, кто, как я, читал ваш новый труд, тот не может бояться за вас преждевременной и скорой дряхлости! В этом труде чувствуется полная сила творчества и зрелость мысли, и вы сами, отложив ложную скромность в сторону, не можете этого оспаривать. Подумайте, дорогой Петр Лаврович, о том громадном влиянии, какое может иметь подобный труд, а ведь я начинаю надеяться, что грандиозный храм воздвигнется-таки.

В последнее время судьба действительно так вас потормошила во всех отношениях, что ваше мрачное настроение духа вполне понятно,— все разом нахлынуло, оторвало вас от вашей уже сложившейся жизни, от кружка, где у вас были хоть кой-какие близкие люди, почти было отняло надежду продолжать любимый труд, а тут еще пропажа, сильно вас расстроившая, и гнет материальных забот, нахлынувший на вас сильнее прежнего, одиночество, лондонские туманы и т. п. Вот вы и расхандрились, но я надеюсь, что придут для вас минуты более светлого настроения. Лишь бы было возможно вам поселиться опять в Париже,— тут и условия жизни приятнее, и климат лучше и, наконец, есть люди, искренно вас любящие, которые не дадут вам слишком сильно чувствовать «холод жизни», ощущение тяжелое, слишком мне знакомое.

Кстати, Петр Лаврович, вы меня совсем напрасно бранили в последнем письме за то, что я говорю всем, что вы сильно скучаете в Лондоне. Я только раз Глебовой сказала, в ответ на ее вопрос, что вы живете очень одиноко, а других я никого даже не видела, да и вообще сообщать никому бы не стала о том, что́ вы мне пишете. К тому же, о вашей хандре я более слышала от других,— от той же Глебовой, которой говорили ваши корреспонденты, и от Белоголовых. Я даже упрекнула вас в последнем письме за то, что мне не пишете откровенно, как другу, точно щадите неразумное дитя.

Лишнее вам говорить, как я рада надежде вас скоро увидеть,— только вы не пишете совсем, надолго ли вы собираетесь сюда, и вот это меня сильно смущает. Неужели вы не думаете поселиться здесь?

Уступая советам Белоголовых, Ковалевской и других, я написала коротенькую статью в «Justice» о покушении ⟨в⟩ Montreux и Лиге спасения,— написала весьма осторожно и скептически, но чего-то не печатают. Нет ли какой-нибудь хорошей новой книги на свете? В «Justice» начинают нравиться мои разборы, и мне предлагают написать что-нибудь «вроде» последней статьи о книге Летурно. Русское движение будут печатать во время вакаций [1], что для пропаганды весьма неудобно, да и для газеты глупо, но что поделаешь с Constant?

Вы меня упрекаете за резкое письмо отцу. Право, нельзя было иначе поступить, нужно иногда защищать свое собственное достоинство и еще более отстаивать свои убеждения, *какие бы ни были последствия*. Именно потому, что я завишу от отца в материальном отношении, я не могла позволить ему бросать грязью во все, что мне дорого и свято. Будет, что будет, и заранее об этом нечего тревожиться.

Лиза вам очень кланяется, — занята-то она очень, но если нужно переписать что-нибудь небольшое, она найдет время,— перевод и переписка не поглощают нас.

Жму вам крепко руку.

В. Н.

Ответ на п. 32 и 34.

[1] Публикация в «La Justice» перевода очерков из «Подпольной России» С. М. Степняка-Кравчинского была осуществлена не во время пасхальных каникул Палаты депутатов, а значительно позднее (см. п. 20, примеч. 1).

36. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

⟨Лондон⟩ 13, Alfred Place. Tottenham Court Road.
16 апр⟨еля 1882 г.⟩

Дорогая Варвара Николаевна,

Эти дни моя жизнь совсем изменилась, так как один хороший приятель на проезде из Франции в Нью-Йорк заглянул в Лондон на три дня, и мы все свободное от работы время проводили вместе [1]. Поэтому я и пишу вам этот раз наскоро. О самом существенном скажу прежде всего: мне кажется, есть две книжки, которые вы могли бы сделать предметом статей: это недавно вышедшая английская книжка Сюлли об иллюзиях [2] и книга одного итальянца о самоубийстве [3]. Я даже думал, что они обе, или, по крайней мере, одна, уже появились в переводе на французском, но не могу в настоящую минуту найти у себя в списках журналов и в каталогах. Имя итальянца, кажется, Морселли, но я еще поищу и сообщу вам. Книгу Sully я мог бы вам добыть и прислать по-английски.

Теперь о разном житейском. Я надеюсь скоро приехать в Париж и постараюсь остаться там так долго, как будет возможно, но думаю, что колеблющиеся обстоятельства принудят меня переселиться совсем в Лон-

дон, а в Париж только приезжать. Но когда это будет, и будет ли — уже не в моей воле.

Я почерпнул из вашего же письма, что вы встретили Вышинскую и говорили с нею обо мне, а на другой же день от нее получил письмо (чего, конечно, ей и в голову не пришло бы сделать), где она писала, что слышала, как я скучаю etc, etc. Из сближения этих двух фактов я и вывел умозаключение.

Я предпочел не посылать вам документа, о котором шла речь,так как в аккуратности приезжавших сюда лиц далеко не уверен, а вам они, кажется, и не знакомы.

Кашель все меня преследует и общее чувство нездоровья не оставляет, но хуже особенно не делается.

Надо написать еще письма три, и я прошу извинения, что кончаю, желаю вам всего хорошего. Поклон Лизавете Фоминишне.

П. Л.

Ответ на п. 35.

[1] В Лондоне проездом был М. М. Ковалевский, приглашенный в Соединенные Штаты Америки для чтения курса лекций.
[2] James S u l l y. Illusions. A Psychological Study. 1881.
[3] Enrico M o r s e l l y. Suicide. An Essay on Comparative Moral Statistics. 1881.

37. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Париж. Пятница, 21 апреля ⟨1882 г.⟩

Хотела вчера писать к вам, дорогой Петр Лаврович, и к величайшей моей досаде разные непредвиденные обстоятельства и посещения отняли совершенно возможность вовремя написать письмо. У меня теперь завелись новые знакомства, очень приятные, но отнимающие время, которое все-таки могло бы быть лучше употреблено, как на приятные разговоры. Вот третьего дня я провела вечер, оставивший мне самое приятное впечатление: в крошечной комнатке Marie ⟨Вышинской?⟩ [1] мы втроем — Лиза, Marie и я, читали и толковали от 8 до 12 вечера, и предмет чтения был: «Теория и практика прогресса». Мне так и не удалось прочесть эту статью с Глебовой, да и я полагаю, что толку бы не было много, барышня несколько деревянного сорта,— а моя Маруся живая душа и жадный ум,— только о некоторых вопросах она мало думала. Вчера вечером у М-ше Sleyden опять вы были «духовно» между нами — Ковалевская переводила М-ше André Léo страницы вашей книги о Коммуне, где вы говорите о ее деятельности [2]. André Léo пресимпатичная личность, и я думаю, вам будет приятно с ней познакомиться. Она удивительно мила ко мне, и я даже несколько озадачена ее вниманием, так я мало его заслуживаю.

Все это хорошо, но когда вы, наконец, не только «духовно» будете между нами? Ведь я презренная материалистка и весьма ценю la présence réelle *. Если вы приедете и останетесь здесь, и будете мочь продолжать вашу книгу, и по-прежнему будете благоволить к вашей недостойной почитательнице и если мы будем довольно часто видеться,— как видите, очень много *и*! — тогда будет очень хорошо, так хорошо, что даже и не верится, чтобы все это исполнилось. Вы знаете, «недовольство настоящим и желание невозможного» свойственно человеку, и особенно такому, как я.

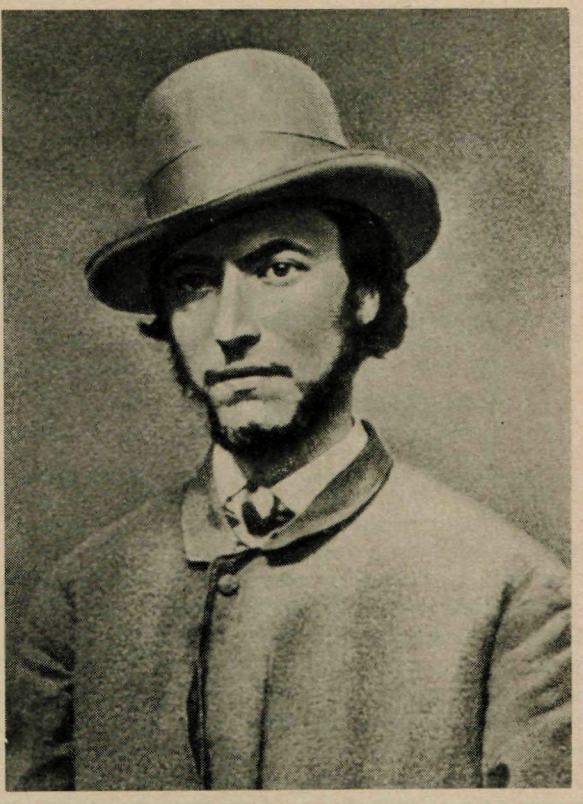
Я рада, что близкий приятель вас навестил в Лондоне,— не тот ли это, посредством которого идут у вас переговоры с издателем?— и очень благодарна вам за то, что вы все-таки нашли время написать ко мне, да еще и думать о книгах, полезных мне. Книгу о «самоубийстве» Морселли я могу найти здесь, а английскую об «иллюзиях» не трудитесь присылать,—

* реальное присутствие (*франц.*).

ШАРЛЬ ЛОНГЕ, РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «JUSTICE»

Фотография

Из книги: Georges Bourgin. La Guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1939



она, вероятно, философская или по психиатрии и для «Justice» навряд ли будет годиться. Советуют мне написать статью по поводу vie psychique des Bêtes *, но исключительно о социализме у насекомых,— что вы на это скажете?

Я надеюсь, дорогой Петр Лаврович, что вы мне напишете, когда именно вы приезжаете, я сюрпризов, даже приятных, не люблю, они мне нервы расстраивают. Зато нахожу, что нет ничего приятнее в жизни, как ожидание чего-нибудь радостного, а ведь увидеть вас будет великая радость. Напишите же хоть два слова,— насколько я слышала, Черепахин говорил, что вы приедете на днях. Я зла на Черепахина, ни перед отъездом в Лондон, ни после возвращения не мог зайти ко мне, а это было бы, кажется, очень просто. По-моему, обязательность — первая ступень альтруизма.

Вы кашляете,— этим, вероятно, вы обязаны лондонским туманам, так как с вами в Париже это не часто бывало,— я же кашляю так немилосердно с тех пор, как началась весна, что чувствую себя совершенно разбитой. Крепко жму вам руку, надеюсь, до скорого свидания. Лиза вам кланяется.

А в России-то нашей не унывают, и здесь не могут достаточно надивиться непобедимой энергии революционеров [3].

Душевно вам преданная В. Н.

С Хорватом опять видимся, но спорим ожесточенно и против него теперь целый женский союз, согласившийся ему спуску не давать,— Ковалевская, Вышинская ⟨?⟩, я и т. д. Он и Letourneau очень вам кланяются.

---

* психической жизни животных (*франц.*).

[1] Фамилия написана неразборчиво, чтение предположительное.

[2] Андре *Лео* (Леони Шансе; Champseix, 1829—1900) — французская писательница, участница Парижской Коммуны, социалистка. После подавления Коммуны эмигрировала в Швейцарию, в 1880 г., после амнистии вернулась в Париж. В своей книге «Парижская Коммуна» Лавров писал о ней: «Если мы будем в эту эпоху искать наиболее определенную постановку социального вопроса, нам приходится обратиться к статьям Андре Лео. Она одна ни на минуту не отступила от основных требований социализма для более неопределенной — и, как мы видели, неосуществимой — задачи создать в период ожесточенной экономической борьбы Париж как солидарную политическую коммуну» (П. Л. Л а в р о в. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. Л., 1925, с. 170). После возвращения Лаврова из Лондона между ним и Андре Лео установились дружеские отношения.

[3] Слова Никитиной, очевидно, относятся к убийству в Одессе С. Н. Халтуриным и Н. А. Желваковым 18 марта 1882 г. прокурора Стрельникова, командированного туда для производства дознаний по делам о государственных преступниках на юге России. 22 марта Халтурин и Желваков были казнены.

38. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Понедельник, 24 апреля ‹1882 г.›

Благодарю вас, дорогой Петр Лаврович, за ваше письмо, полученное вчера; оно пришло так кстати. Вот уже несколько дней, как я совсем больна, не выхожу и работать не могу вследствие большой слабости,— целые ночи напролет кашляю. Ваше же письмо, затрагивающее столько вопросов, заставляющее думать, принесло новую пищу моему уму и оживило мое уединение. Меня теперь все друзья балуют, навещают,— вот и вы побаловали, написали длинное письмо и даже подумали о том, чтобы не оставлять меня два дня без ответа. Большое вам спасибо за это.

Очень может быть, что вы правы в вашем суждении о моей Марусе — и мне не раз приходило в голову опасение, что не поверхностна ли эта привлекательная натура. Но то, что вы мне сообщаете о Глебовой, больше чем удивляет меня. Она мне показалась очень неразвитой, с совершенно неустановившимися убеждениями, и раз вечером она при Ковалевской и при мне высказывала такое несочувствие революционной деятельности, такое непонимание того, что происходит теперь в России, что Ковалевской и мне пришлось ей толковать самые простые вещи, и я была удивлена ее тупоумными ответами и возражениями.

Воображаю, какое впечатление сделала смерть Дарвина в Англии [1]. Мне хотелось написать статью: Lamarck et Darwin, но так как Longuet написал о Дарвине небольшую статью, пришлось отказаться от этой идеи. Так как вы меня не одобряете писать о vie psychique des animaux *, то я, вероятно, отложу и это в сторону. Я, впрочем, вовсе не думала делать параллель между сознательным социализмом нашего времени и тем, что вы называете совершенно верно «инстинктивным социализмом» муравьев и пчел, но, например, между этим последним и коммунистической организацией Перу, мне кажется, можно было бы без натяжки провесть сравнение. А ведь из этого смутного quasi-животного социализма, основанного на рутине и уничтожении личности, развился наш современный, широкий социализм, основанный на свободе личности. Мне кажется, что вы уж слишком гордо относитесь к животному миру, в котором, однако, находятся в зародыше все элементы нашей духовной жизни.

Впрочем, с вами я не очень-то решаюсь входить в прения, vous m'en imposez trop **. Если хотите посмеяться, вот вам повод, лучше которого и приискать трудно. Во-первых, скажу вам, что мои статьи в «Justice» начинают иметь успех, и французы совершенно отказываются верить, что-

---

* о психической жизни животных (*франц.*).

** вы мне внушаете слишком большое почтение (*франц.*).

бы такая *глубина премудрости* могла принадлежать женскому перу. Какая глубина презрения к женскому умишке проглядывает в этом недоверии. Но слушайте дальше. Нашлись такие мудрецы, Hovelacque [2], например, которые убеждены, что псевдоним B. Gendre скрывает... *вас*!..

Je n'ai certes pas mérité ces excès d'honneur, ni vous cette indignité, mais le fait est sérieux, car il donne la mesure des Français eux mêmes. Letourneau s'est empressé d'affirmer à Hovelacque que ces articles sont bien d'une femme, et d'une femme russe, pas plus grosse que le poing *.

Больше писать не могу, устала. Крепко жму вашу руку и рада-радехонька буду вас увидеть, если до тех пор бронхит не задушит.

Душевно вам преданная В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Дарвин скончался 19 апреля 1882 г. на 74 году жизни; он умер внезапно в деревне Даун (Кент), где жил и работал много лет. Был похоронен в Вестминстерском аббатстве, рядом с гробницей Ньютона.

[2] Александр Абель *Овелак* (1843—1896) — французский антрополог, редактор словаря «Dictionnaire des sciences anthropologiques», издававшегося с 1882 г.

39. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› 13 Alfred Place. Tottenham Court Road.
Среда, 26 апр‹еля 1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Что это с вами нынче за напасть такая, что кашель вас не оставляет и вы так ослабели? Надо же серьезно об этом подумать! Что делают ваши друзья доктора? Как они могут допустить это? Если вы слишком слабы, чтобы писать письма, ограничивайтесь двумя-тремя строками; я писать все равно буду, как только буду иметь время; только сообщайте хотя коротенькие сведения о вашем здоровье, или хоть Лизавета Фоминишна пусть пишет пока. Я очень хотел бы знать точное мнение ваших медиков. Надеюсь, что скоро получу более успокоительные известия от вас или о вас.

А я все занят теперь переделкою «храма» в гулянье, при чем, разумеется, необходимыми оказываются многие легкие постройки. Пишу и думаю сам: как вам бы понравился этот способ изложения? Употреблю все усилия, чтобы к половине мая закончить эту перестройку и снова приняться за серьезное продолжение. Здесь, конечно, я имею более времени и свободы работать, чем в Париже, но очень недостает моей библиотеки, и особенно моих разных старых рукописей, где многое подготовлено из того, что нынче приходится делать как бы заново с помощью Музея.

Смерть Дарвина сначала произвела так мало действия, что я даже удивился. Несколько строк и только в журналах. Никаких собраний, речей. Англичане — народ, который не сразу расшатается для движения. Я не мог в первый день узнать, можно ли где расписываться в книгах, можно ли ехать туда, где он жил (вовсе не думали, что его похоронят в Вестминстерском аббатстве). Конечно, о слоне Jumbo, отправленном в Америку [1], писали дня три в 10 раз больше, чем о Дарвине во все время, прошедшее с его смерти (сегодня — неделя). Теперь начинают появляться статьи и воспоминания, но очень, очень еще мало. В воскресенье, в соборе св. Павла, священник сказал весьма приличную речь о Дарвине, по крайней мере, судя по извлечению в газетах. Надеюсь, что недельные газеты, не успевшие

* Я, конечно, не заслужила такой чрезмерной чести, а вы такого оскорбления, но дело это серьезное, потому что показывает, чего стоят сами французы. Летурно поспешил заверить Овелака, что эти статьи написаны женщиной, и русской женщиной, ростом не больше мизинца (*франц.*).

ничего сообщить прошлый раз (они выходят по пятницам, а известие о смерти дошло до Лондона лишь в четверг среди дня), поместят статьи послезавтра. Я заказал несколько газет. Собираю биографические сведения, чтобы как-нибудь в удобное время обработать, потому что он, может быть, еще более интересен как человек, чем как ученый, а как ученый это чуть ли не первый ум нашего времени. Сегодня похороны, но погода такая скверная, а я, кажется, вчера простудился-таки; так что не знаю, попаду ли. Да до сих пор и не мог узнать, в котором часу похороны. Вчера пошел было узнавать, но дождь сделал попытку невозможною. Думал, пообсохнув, посмотреть картину Мункачи [2], но потом стало еще хуже и я вернулся. А картина Мункачи очень хороша. Вы, может быть, видели ее прошлый год в Париже, когда ее выставляли. Я пропустил тогда.

К животным гордо относиться нечего, так как это — низшие и необходимые ступени всякого развития, но я, признаюсь, не особенно люблю искусственные сближения очень разных степеней развития. Для животных есть параллели и в нашем обществе, но это — осадки цивилизации каждого периода, люди, присутствующие при культуре, не проникнувшись ею, а ни одна цивилизация как целое, в своих высших представителях, не может быть параллельна муравьям и пчелам; цивилизация Перу, по-моему, столь же мало, как всякая другая.

Очень, очень рад я, что ваши статьи в «Justice» обращают, наконец, на себя надлежащее внимание. Мне все хочется, чтобы вы сделались постоянным, серьезным элементом группы редакции какой-нибудь Revue. Но для этого надо, прежде всего, выздороветь и поддерживать свое здоровье. Надеюсь, что вы скоро исполните это обязательство.

Я пока не имею никакого ответа относительно моего возвращения. Жму крепко вашу руку; прошу передать поклоны интересующимся моим существованием.

П. Л.

Кажется, погода делается лучше и даже солнце проглядывает. Постараюсь попасть на похороны Дарвина.

Ответ на п. 38.

[1] Джумбо — знаменитый слон лондонского зоопарка; в лондонских газетах целые столбцы были посвящены переезду Джумбо через океан на пароходе «Царь Ассирийский».

[2] В Королевской академии в Лондоне в те дни была выставлена картина венгерского художника Михая Мункачи (1844—1900) «Иисус перед Понтием Пилатом».

40. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж. 27 апреля 1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович. Очень благодарю вас за участие и пишу два слова, чтобы сообщить вам, что мне немного лучше,— горчичники, хинин, ошиум сделали что могли. Не обвиняйте докторов,— они не в состоянии ни дать мне менее «восприимчивые» бронхи, ни достаточно хорошие экономические условия, которые бы вознаграждали несколько подобное неудобство. Болезнь ведь тоже роскошь, которую бы должны были позволять себе только богатые, а мы с вами обошлись бы без нее. Берегите себя,— ведь и вы кашляете. Равнодушие, которым Англия встретила смерть Дарвина, меня удивляет.

В. Н.

Ответ на п. 39.
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 27 avril 82.

41. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж. 2 мая 1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович. я очень рада за вас, что вы, наконец, имеете известия о вашей дочери [1]. Я все хвораю, и с тех пор, как к вам писала, мне было гораздо хуже. Теперь опять как будто легче, но я очень ослабела. Сегодня день великолепный, меня послали дышать в Luxembourg, откуда пишу к вам. Надеюсь скоро иметь письмо. Будьте здоровы. Жму руку.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 2 mai 82.

[1] Мария Петровна *Негрескул* (1851—1919) — участница революционного движения; принимала участие вместе с Германом Лопатиным в организации побега Лаврова из Вологодской ссылки. Ее мужем был революционер М. Ф. Негрескул, второй муж — его брат Э. Ф. Негрескул. В начале 1890-х годов М. П. Негрескул переехала в Париж и жила с отцом, всецело отдавшись заботам о нем. После смерти Лаврова возвратилась в Петербург; ее квартира стала центром революционно-народнической молодежи. В 1906 г. она привезла из Парижа архив Лаврова, который позднее передала в Академию наук.

42. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› 3 мая ‹18›82

Дорогой Петр Лаврович, я написала вам вчера несколько строк, но боюсь, что вы даже их не разберете. Между тем мне кажется, что со вчерашнего вечера есть действительно перелом к лучшему в моем здоровье. В голове как-то яснее, слабость не такая сильная и кашель меньше. К довершению благополучия получила сегодня письмо от отца, так вас беспокоившее,— письмо самого примирительного свойства, и такое оригинальное, что я его отложу в сторону, чтобы его вам показать. Отец извиняется передо мной и перед *социализмом* и присылает деньги, выражая надежду, что я их приму. Я, конечно, ответила сейчас же, что уж по великой доброте своей принимаю, и в свою очередь прошу извинить за резкий тон. А все-таки он у меня очень хороший. Не так бы французский буржуа ответил на подобное письмо дочери своей. Letourneau сильно боялся (судя по себе?) que mon père lachera une fille aussi impertinente, qui n'a même pas le respect des roubles *.

Луцкий, наконец, собрался дать мне кой-какие сведения, из которых я составила первую correspondance и послала ее Clemenceau, зная по горькому опыту, что с Constant'ом дела иметь нельзя. Correspondance принята и на днях, вероятно, появится [1]. Если имеете какие-нибудь интересные сведения, потрудитесь сообщить.

С сокрушением вижу, что быть больной — это роскошь, нам не подходящая, какая потеря времени и денег! А вы что думаете, Петр Лаврович? Отчего вы сидите до сих пор в Лондоне? Здесь ваши французские почитатели все того мнения, что вы бы могли давно вернуться sans être inquiété **, что министерство даже бы желало этого, чтобы его, наконец, перестали тормошить и кусать из-за вас, как *cue* не перестает делать «Justice» и другие журналы при всяком удобном случае. Оно (министерство) только бы не желало avoir sa responsabilité officiellement engagée ***, потому что геройские поступки не в его характере. Это мнение Desmoulins (conseilleur municipal) **** [2], Talandier и многих других. Это мнение так

* что мой отец откажется от такой дерзкой дочери, которой не внушают уважение даже рубли (*франц.*).
** и вас не потревожат (*франц.*).
*** официально нести ответственность (*франц.*).
**** муниципального советника (*франц.*).

согласно с моим желанием, что я, по свойственному человеческой природе эгоизму, поддерживаю его горячо. Подумайте, как было бы грустно, если бы вы вернулись в Париж тогда, когда я должна ехать в деревню? В этом году меня бы хотели раньше выслать, но я протестую. У меня на этот месяц столько дела, что даже страшно подумать. Есть, между прочим, одно занятие, которое вам будет так не по вкусу, что я даже не смею вам об нем и говорить. Крепко жму вам руку и жду духовной пищи в виде письма от вас.

В. Никитина

Поклон усердный и от меня. Е. Б.

[1] См. п. 44, примеч. 1.

[2] Огюст *Демулен* (1823—1891) — ученик Пьера Леру, участник рабочего движения во Франции. Никитина написала о нем очерк, вышедший отдельной брошюрой: «Biographie d'un prolétaire. Auguste Desmoulins». Paris, 1883.

43. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Лондон› Brit‹ish› Mus‹eum›.
Четверг ‹4 мая 1882 г.›

Очень благодарен вам за сегодняшнее письмо, которое меня успокоило насчет вашего здоровья, а то я был очень обеспокоен вчерашней carte postale, которую прекрасно разобрал. Вы получили уже вчера, вероятно, мое извещение о возвращении в St. Jacques. День все-таки не могу назначить, но ранее понедельника не выеду [1]. Вообразите, какое странное совпадение: получаю извещение о том, что мой большой труд может продолжаться на прежних основаниях [2]. Не имею причины относиться к этому сомнительно. Жму крепко руку. До свидания. Не пишу письма большого, потому что поговорим лично.

П. Л.

Ответ на п. 42.
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: London. W. O. May. 4. 82.

[1] Лавров возвратился в Париж 8 мая 1882 г. 1 мая Г. Н. Вырубов написал Лаврову: «...вы можете возвращаться совершенно безопасно. Будут за вами, разумеется, следить, но тревожить вас не будут. Укладывайте же скорее свой чемодан и являйтесь как ни в чем не бывало в свой 328 номер богоугодной улицы Св. Якова,— с условием в день приезда обедать на Сен-Жерменском бульваре, где откупорится по сему случаю бутылка Chambertin mousseux» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 96, л. 74—74 об.).

[2] Г. Н. Вырубов приложил к своему письму письмо А. Н. Веселовского, в котором было извещение о возможности продолжать издание «Истории мысли» (там же).

44. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж. 5 мая 1882 г.›

Французская пословица говорит: «Un malheur ne vient jamais seul» *, но теперь приходится перевернуть пословицу,— вот и вы возвращаетесь, дорогой Петр Лаврович, и храм, любимый мой храм, воздвигнется, кажется, во всем величии и полноте! Спасибо вам за то, что вы поделились сейчас же со мной этой радостной вестью. А как хорошо, что вы приезжаете! Я так этому рада, что и о болезни забываю, а мне продолжает быть порядком-таки скверно. Желаю вам счастливого морского переезда и с нетерпением жду вашего возвращения. Лиза вам кланяется и тоже очень, очень рада. Моя correspondance из Russie появилась [1]. Крепко, крепко жму руку вам, мой добрый друг.

В. Н.

* «Беда никогда не приходит одна» (*франц.*).

Ответ на п. 43
Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 5 mai 82.

[1] «Письмо из России» Никитиной было напечатано в «La Justice» 4 мая 1882 г. За этим последовали дальнейшие «Письма из России»: 28 августа 1882 г., 19 июня 1883 г., 31 октября 1884 г. («Последний процесс нигилистов»).

45. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, Hautes Pyrénées. Maison Casajus.
4 июля 1882 г. Вторник (какова аккуратность)

Дорогой друг Петр Лаврович, хотя я совершенно искренно вам говорила не приходить на железную дорогу, боясь вас беспокоить и нарушить ваши привычки, все же было очень жаль, что вы не пришли. Так бы отрадно было еще раз пожать вам руку. А все же мысленно я с вами простилась в последнюю минуту. Марусю, по особенной милости, пропустили до вагона, и целуя ее, когда уже поезд трогался, я просила передать вам мой дружеский привет. Надеюсь, что она это уже сделала.

Не утомил ли вас день нашего скитания по лесам и долам? Меня несколько встревожило головокруженье, которое вы почувствовали, сходя с нашей лестницы. Что касается до меня, этот день оставил мне самое приятное впечатленье, и я надеюсь, что и вы его вспоминаете с удовольствием и согласитесь когда-нибудь после моего возвращенья повторить его. Лизе и мне хотелось бы показать вам Versailles и Trianon в хороший осенний день — мы видели Версальские парки именно в эту пору года и были поражены богатством красок и оттенков. Помню также, что эта прогулка пробудила во мне пропасть исторических воспоминаний, размышлений и т. д., что же бы это было в вашем обществе?

Мы приехали вчера, и я сейчас же бы вам написала, но почта уже отошла. Сегодня чувствую себя гораздо более уставшей и разбитой, чем вчера, и, может быть, вследствие этого кашляю. Однако путешествие было менее утомительно, чем обыкновенно, так как день был прохладный, народу в вагоне мало и вагоны до Bordeaux очень хорошие,— с мягким сиденьем и, что для меня важнее, с подушками сзади. Но увы!— в Bordeaux как раз на ночь пришлось пересесть в обыкновенные мучительные вагоны с деревянными скамейками, узкими окнами и т. д. C'était dur au figuré, comme au positif! *

Вчера от усталости ли, оттого ли, что день был серый и было пропасть туч на горах, этот прелестный край не произвел на меня своего обыкновенного чарующего впечатленья, и я приписывала это притуплению моей впечатлительности. Но сегодня, когда я вышла на балкон и увидела яркое южное небо, на котором с удивительной рельефностью обрисовывались зубчатые верхушки гор, когда я увидела свежую зелень лугов и ряды стройных тополей при ослепительном освещении, я почувствовала опять прилив того восторженного настроения наслаждения природой, которое вызывает в вас несколько насмешливую улыбку. При этом конечно: птицы поют, потоки журчат, и только и слышны эти звуки — ни крику, ни гама, ни шума экипажей и телег, доводящих меня иногда в Париже до отчаяния.

Тут действительно можно отдохнуть телом, работать мыслью и думать о далеких друзьях. Очень бы мне хотелось какой-нибудь магической силой перенесть вас сюда, хотя бы на самое короткое время, чтобы видеть, какое впечатление эта обстановка сделала бы на вас,— соскучиться вы бы никак не могли, ваш внутренний мир слишком богат, а ведь этот мир всегда

* Это было жестко, как в переносном, так и в прямом смысле (*франц.*).

ПАРИЖ. УЛИЦА СЕН-ЖАК
Здесь находился дом, в котором жил П. Л. Лавров
Гравюра по рисунку Л. Парана
Собрание М. Е. Ермашевой, Москва

с нами,— а между тем временное отдаление от постоянно волнующих вас забот и безмятежная тишина внешней обстановки, вероятно бы, благодетельно подействовали на ваши нервы. Но увы! магической силой я не одарена, а потому не могу сыграть с вами этой скверной штуки,— приходится оставить вас в rue St. Jacques, желая и прося вас (если моя просьба может что-нибудь значить) хоть иногда ездить подышать хорошим воздухом за город.

А знаете ли, Петр Лаврович, после вашего ухода я еще долго думала о странном недоразумении нашем насчет пятницы вечера. Ведь это курьезный психологический факт, что каждое ваше слово об этом вечере убеждало меня, что вы *не* желаете быть, так что пришедши с твердым намерением уговорить вас не отнимать его у меня и *не заменить*, а подарить субботу,— я не решилась. Вот что значит употреблять дипломатические тонкости с такими чересчур чуткими и вместе недогадливыми людьми, я приписала совсем иное значение вашим словам...

Если будете у Цакни, спросите, какой ответ Dantu [1], и просите его передать Constant листики корректуры, взятые у него.

Лиза вам кланяется, а я прошу передать мой поклон Луцкому и Цакни. Крепко, крепко жму вам могучую длань.

В. Н.

[1] Эдуард Анри Жюстен *Дантю* (1830—1884) — французский издатель; по-видимому, Никитина пишет об издании перевода «Подпольной России», который должен был печататься также в «La Justice».

46. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, Hautes Pyrénées. 8 июля ⟨1882 г.⟩

Нужно признаться, Петр Лаврович, что если мое письмо, может быть, чересчур субъективно, то ваше уж слишком объективно. Факты, факты и факты. Не знаю, сумею ли я приноровиться к этому тону, но, во всяком случае, попробую. Итак, во-первых, погода здесь далеко не прекрасная, из пяти дней мы имели три скверных, вследствие чего у меня насморк, кашель, des courbatures * etc. Во-вторых, первые дни была так утомлена, что могла только писать письма,— теперь принимаюсь за статью, но не знаю еще, что из нее выйдет и выйдет ли что-нибудь. В-третьих, Летурно жив и здрав, был у нас два раза, и сегодня, если погода разгуляется (что не похоже), отправимся все вместе сделать небольшую экскурсию в горы,— это потому, что мы только что приехали, а потом войдем в обыкновенную колею и будем видеться раза два в неделю. Знакомых пока никаких. Вот вам отчет о моем состоянии физическом, умственном и социальном.

А что? разве не отлично подделалась под ваш деловой, archi-сухой тон? Шутки в сторону, вы, верно, были в дурном расположении духа, когда ко мне писали, или чем-нибудь озабочены. Это письмо на вас непохоже. Будем чаять лучшего настроения и благодарны за то, что во всяком настроении вы меня не забываете и даете весточку о себе. Видите, что проповедь, которую вы недавно мне прочитали, прошла не без пользы: я стараюсь применить ее к практике и, не считаясь с друзьями, быть довольной и малым.

Только уж, пожалуйста, не пишите загадками,— что значит ваша фраза: «Но тогда, исполнив и ваше желание и уплатив эти долги (общественности), можно будет... ну, да об этом писать нечего».— Извините, обо всем писать нужно, потому что все, касающееся вас, меня интересует живо.

От Белоголовых вы, вероятно, получите скоро известия, но что мне досадно, это что Луцкий уехал и что вы остались так одиноки. А что ездите за город, этому я радуюсь, только полагаю, что если сегодня в Париже такая погода, как здесь, то навряд ли вы поедете в Mendon,— по крайней мере, гулять не будете, а с ⟨...⟩ ** увы! веселья мало. И я в горы сегодня решительно не отправляюсь,— и погода скверная, и мне нездоровится.

До свиданья, дорогой Петр Лаврович, будьте здоровы, воздвигайте храм ваш и не забывайте всей душой вам преданную

В. Н.

P. S. Проезд сюда через Bordeaux — 60 фр. в 3 классе (который, впрочем, до Bordeaux так же хорош, как второй), т. е. 120 туда и назад. В Hôtel des Pyrénées согласны взять en pension за 5 ½ фр. в день, т. е. комната в мезонине, завтрак, состоящий из кофе с молоком и хлеба с маслом, и обед. Может быть, если это Петерман, которая мне очень симпатична и к тому же ваша большая приятельница, то она могла бы с нами устроиться, взять комнату у нашей хозяйки и обедать вместе. Комната на первом этаже стоит 2 франка,— в мезонине (на 2 этаже) стоила бы только 25 франков в месяц, а еда с нами ей бы не стоила больше трех франков, трех с половиной, может быть, с службой. Дружески жму вам руку.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

---

* ломота (*франц.*).

** Начальная буква фамилии неразборчива (*Ред.*).

47. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz (Hautes Pyrénées). 12 Ju<illet 1882>

Итак, дорогой Петр Лаврович, виновата во всем я сама и мне приснились разные небылицы? Пусть будет так, я с радостью принимаю на себя вину, но бранить меня право не за что. Ведь эти небылицы, созданные моим воображением, были весьма неприятного свойства и я, следовательно, уже и так наказана. За что же еще и бранить меня? Вот вас бы следовало ругать за вашу вечную иронию по поводу моих бедных статей. Уж, конечно, если я и надеюсь, что вам приятны мои письма, то вовсе не потому, что они писаны «автором блестящих статей», а потому что они служат выражением самого искреннего и теплого дружеского чувства, чувства, которое вы отлично понимаете и сознаете.

Итак, между нами мир и согласие. Я буду писать часто — всякий раз, когда вздумается и что вздумается,— даже описания природы! — а вы пишите, когда вам позволяет ваша «раздерганная» жизнь. Но, скажите, пожалуйста, почему же у вас именно теперь такая бурная и занятая жизнь? Приготовляется ли что-нибудь на Руси или это связано с основанием русского журнала? — Впрочем, чувствую, что вопрос мой нескромен и ответа на него не жду. В журналах, как нарочно, в последнее время нет ничего о России, кроме странного слуха об аресте Игнатьева [1].

Насчет статьи о Сибири, право, ничего не могу сказать, пока не добьюсь ответа из «Justice». Я бы с удовольствием перевела ее или сделала бы из нее résumé, но согласитесь, что работать, не зная, будет ли напечатано,— не весело. Я, en désespoir de cause *, написала Longuet, прося его узнать о судьбе моей статьи, так как Roannet (секретарь Clemenceau) ничего мне не ответил. Как только получу ответ, напишу Constant, но вспомните, что этот милейший человек сыграл со мной уже не одну скверную штуку — напрасно заставил переводить и, как видите, не печатает перевода и, вероятно, изволил спрятать под спуд мою Lettre de Russie **.

Я очень рада, дорогой Петр Лаврович, что, несмотря на вашу «раздерганную» жизнь и на страшное нервное напряжение, которое она должна вызывать, вы себя хорошо чувствуете. Берегите себя и для идеи и для ваших друзей,— ведь вы *сила*. А вот жаль, что мой чудный храм совсем не подвигается. Я надеялась, что к моему возвращению портик будет уже совсем готов. А вот я никак поправиться не могу, чувствую страшное утомление, и физическое вообще, и в особенности нервное, мозговое. Приходится прибегать к вашему средству, которого всю пользу я теперь оценила, а именно — чтение глупых романов. Лежать на спине, на сене и читать глупый роман, вроде, например, «Le Fiancé de Sylvie» par Gréville в «Chefs d'oeuvre du genre» [2]. Действительно, отдых души и тела. Я уже чувствую, что вы собираетесь браниться и, сморщив брови, говорите: «Вольно же таскаться по горам до истощения сил! Какое нелепое препровождение времени и употребление сил». Успокойтесь. Наша экскурсия окончилась тем, что мы имели удовольствие встать в воскресенье в четыре часа утра, увидеть небо, покрытое тучами, дождь, льющий как из ведра, и несчастную, заспанную физиономию Letourneau, который пришел накануне вечером, чтобы переночевать в отеле и которого, конечно, разбудили в назначенный час без милосердия, и он вполне очнулся только под дождем, идя к нам, чтобы пить кофе! Представьте наше грустное положение: на руках у нас осталось 10 пирожков, жареная курица, 10 твердых яиц и заспанный философ! Сей последний, впрочем, отправился вскоре в Бареж для исполнения своих обязанностей, но пирожки, яйца, холодная курица — пришлось три дня их есть. С тех пор погода все стоит дурная.

* не находя другого выхода (*франц.*).
** корреспонденцию из России (*франц.*).

Я надеюсь, что Х〈орват?〉 не приедет сюда, не очень-то приятный он собеседник на долгое время, ведь с ним на другой же день поссоришься,— а иначе было бы недурно иметь спутника, любящего природу, для прогулок. Мы переедем в Бареж не раньше 1 сентября, там теперь все еще очень дорого, и я вас не забуду вовремя предупредить, а пока пишите сюда, только адресуйте просто в Luz, не Luz St. Sauveur, а то я иногда получаю письмо позже, потому что его отправляют в соседнюю деревню St. Sauveur.

Что вы скажете о только что окончившемся процессе Fenеуron?[3] Я не знаю, почему из-за этих далеко не интересных личностей было столько шуму,— она в особенности отвратительна. Очень мне понравилась статья Longuet по этому поводу, где он нападает на безобразие закона, вызывающего подобные явления.

Лиза вам очень кланяется. Letourneau тоже. Прощайте, или лучше сказать, до свиданья, дорогой и добрый друг мой, пожалуйста, не сердитесь уже больше на меня. Я вам обещаю не фантазировать и не комментировать более ваших писем, так как комментарии мои неудачны.

Душевно преданная вам

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Николай Павлович *Игнатьев*, граф (1832—1908), был назначен министром внутренних дел в 1881 г., после отставки Лорис-Меликова; втайне от Победоносцева разработал проект созыва ко дню коронации царя в 1883 г. Земского собора. Против проекта восстал Победоносцев, и 27 мая 1882 г. на совещании, созванном Александром III, предложение Игнатьева было отвергнуто; 30 мая Игнатьев, оказавшийся в опале, был уволен с поста министра.

[2] Роман «Le Fiancé de Sylvie» («Жених Сильвии». Paris, 1882) французской писательницы Alice Fleury (1842—1902), писавшей под псевдонимом Анри Гревиль.

[3] Парижский аптекарь Фенейрон обвинялся в убийстве любовника своей жены, которая была соучастницей преступления. Выяснилось, что перед совершением убийства супруги горячо молились в церкви. Прогрессивная печать широко использовала дело Фенейрона в борьбе с клерикалами.

48. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, Hautes Pyrénées. 14 июля 〈1882 г.〉

Дорогой Петр Лаврович, я не вас бранила, а ваши «факты». Это внешние факты, к которым, воля ваша, я не разделяю пристрастия большинства ваших приятелей. Странные, право, люди эти ваши приятели. Их более интересует внешняя, фактическая обстановка вашей жизни, чем ваш внутренний мир? Grand bien leur fasse! * Я же человек сам по себе, толпу уважаю, но принадлежать к ней не люблю, хотя бы даже к толпе ваших приятелей, как ни лестно принадлежать к сей последней. Внешний факт! Что такое внешний факт сам по себе, без того внутреннего, психического смысла, который мы в него вкладываем? Например, люди живут вместе, в супружеском союзе. Этот факт может быть осмыслен, проникнут глубоким значением, как, например, у бедных Цакни, но он может быть также (и чаще всего бывает) простым, внешним, ровно ничего не значащим фактом. Еще пример: люди гуляют вместе — вот вам факт. Но этот факт получает значение лишь тогда, когда эти люди действительно чувствуют, что они *вместе*, когда они разделяют свои впечатления, мысли. Иначе, ведь можно гулять один возле другого, даже под руку и вовсе не быть *вместе*, а, напротив, очень, очень далеко один от другого. Примеры эти могли бы быть умножены, но для такого читателя, как вы, их слишком достаточно для уяснения моей мысли.

Впрочем, я нисколько не жалею, что на вас напала, так как вызвала вас на весьма интересное, если не субъективное, то, во всяком случае, пси-

* И на здоровье! (*франц.*).

хологическое письмо. Разница же нашей оценки зависит от разницы точек отправления. Вы имеете в виду приятельские отношения, а я говорила, собственно, о дружеской связи. Я, может быть, не слишком ясно понимаю смысл слова «приятели», но для меня оно равняется французскому «amis», к широкому (чтобы не сказать банальному) смыслу которого я долго не могла привыкнуть, и даже теперь употребляю его всегда с внутренним протестом и с тем, что католики называют «une réticence mentale» *. У меня есть более или менее хорошие и короткие знакомые, с которыми сталкивают случайности жизни, сталкивают и так точно же разлучают. Они могут быть мне более или менее симпатичны, но между ними и мной чисто внешняя связь. Кроме того, у меня есть немногие, весьма немногие, дорогие и близкие друзья, с которыми я связана крепкой внутренней связью. Все что их касается, меня живо интересует, в особенности их внутренний мир, и им подчас я считаю себя вправе открывать и свой.

Вы, как существо высшее, следовательно весьма «сложное», имеете три категории, я только две, и из них одна весьма мала по количеству — зато по качеству!..

Я получаю здесь «Justice», которую мне высылают в качестве сотрудницы (я писала об этом к секретарю Clemenceau и получила немедленно журнал и весьма любезный ответ), и знаю таким образом, что в России происходят весьма интересные вещи [1]. Видно, что движение все более и более захватывает в свой круг людей всех званий. А письмо мое так и не напечатано и, вероятно, уже не появится. Вероятно Constant его так долго держал, что потом уже не было интереса его печатать. Завтра посылаю Clemenceau мою статью и при этом еще раз благодарю вас, добрейший Петр Лаврович, за материалы, которыми вы меня снабдили. Появилась ли уже ваша статья о Longfellow? [2] А «гулянье» — скоро ли появится?

Вижу, что люди, не имеющие достаточно религиозного чувства, все мешают постройке храма. А как бы быстро и стройно он воздвигался здесь! Природа имеет хоть одну хорошую сторону, которой и вы оспаривать не станете, она не мешает и не беспокоит. Она гордо ждет, чтобы вы к ней пришли, но зато, раз пожаловали по доброй охоте, чародейка так вас пленит, что и позже вас будет к ней тянуть... Впрочем, я это говорю больше по воспоминанию. В этот раз я еще не испытывала «опьянения» горного,— сначала погода была дурна и нездоровилось, потом работала. В гигиеническом отношении мне здесь очень полезно,— нервы отдыхают и силы начинают возвращаться, я начала ванны только теперь, потому что сначала простудилась, через неделю перейду на души и тогда буду молодцом. В нравственном же было бы хорошо, если бы... но что я делаю? — ведь это область эготизма, не могущая интересовать... приятелей. Во всяком случае, позвольте сказать, что Парижа мне вовсе не жаль, кроме rue St. Jacques, что вас мне очень, очень недостает. Помните также всегда, что, если вы мне приятель, то я ваш *друг*, и верный, преданный друг. Лиза вам кланяется.

А сидеть две недели, не выезжая в «природу», нехорошо.

В. Н.

Как жаль бедных Цакни!

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Никитина, очевидно, имеет в виду захват полицией в июне 1882 г. динамитной мастерской Прибылевых на Васильевском острове в Петербурге и арест Грачевского, Анны Корба и целой группы лиц, связанных с ними. Из членов старого Исполнительного комитета Народной воли после этого оставалась на свободе одна Вера Фигнер. Кроме того, в июне же был арестован лейтенант А. В. Буцевич, возглавлявший Военный центр Народной воли. Обо всем этом сообщалось в прессе.

[2] «Генри Уодсвортс Лонгфелло».— *ОЗ*, 1882, № 7; подпись: П. Крюков.

* мысленное умолчание (*франц.*).

49. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Люз› Понедельник 17 июля ‹1882 г.› [1]

Дорогой Петр Лаврович, боюсь, что, если вы нашли, что я в последний раз замедлила ответом (я, впрочем, только один день пропустила), то найдете теперь, что я уж слишком скоро отвечаю. Действительно, я только что получила ваше письмо, но что прикажете? — вечер прекрасный, я сижу себе одна на балконе и как раз такое настроение, что хочется писать приятелю-другу. Отчего же себя не побаловать? К тому я даже заслужила это удовольствие, переведя сегодня четыре колонны татарской грамоты (т. е. немецкой ботаники) и переведя, признаюсь, с огромным напряжением, так как это, во-первых, не язык Бюхнера, а другого немца, следовательно, совсем другой немецкий язык, которого я не понимаю, во-вторых, увы! я аза не смыслю в ботанике! Вот уже третий день я бьюсь над этой тарабарщиной.

За письмо ваше очень, очень благодарю. Сама не могу отдать отчета почему, но оно мне пришлось по душе. Не хочу ни спорить с вами, ни входить в анализ и психологические тонкости. Зачем? Скажу одно. Никакое чувство не повторяется в жизни в совершенно одинаковой форме, потому что люди, внушающие его, весьма различны, а также и потому, что и сам-то человек не одинаков в различные эпохи своей жизни и на разных ступенях своего развития. Мне кажется, что я умственно развилась в последнее время и обязана этим дорогой встрече с вами.

Что же касается вас, вам не трудно будет поверить, что я не встречала в жизни моей личности подобной вам, в особенности своей многогранностью. Поэтому то глубокое чувство привязанности и дружбы, уважения и доверия, какое вы мне внушили, я, конечно, не испытывала ни к кому и — не смейте смеяться — не хотелось мне его профанировать избитым словом — приятельство, не хотелось и не хочу. А вы там называйте ваше как угодно,— какое бы вы имя ни давали вашему расположению ко мне,— которое я вполне чувствую и сознаю,— оно мне чрезвычайно дорого. Что касается дружбы, то действительно, вы ее ставите на такую идеальную высоту, что мне остается склонить голову и сознать свое недостоинство. Да и, наконец, одно из условий дружбы — равенство,— ну, а какое же равенство между нами, когда я для вас, вероятно, вполне хрустальна и прозрачна, ну а вы для меня навряд ли когда-нибудь будете таким. Но довольно метафизики, снизойдем на землю, у меня сегодня к вам много всякого рода просьб и поручений.

Прежде всего, пожалуйста, пусть ни Львовы, ни Цакни не беспокоятся о корректурных листках Констана. До того ли им бедным. Констан и без этих листков может, если вздумает, начать печатание статьи, так как она у него набрана,— но он ее не напечатает, пока Александра III не отправят наши на тот свет. Он мне это сам сказал,— alors l'attention sera attirée sur la Russie et les révolutionnaires russes!* Бедную Цакни, так меня пленившую своей роскошной, южной красотой, я так и вижу перед собой [2]. А его как жаль! Между ними, кажется, была одна из тех редких привязанностей, которым долгая жизнь вместе придает только больше силы.

Ашкинази меня поразил! Как можно жениться с его болезнью. Кстати о нем. Не удивляйтесь, что мы вам отсылаем назад lettre de faire part **, адресованное Лизе. Здесь никто ее не знает под именем Блонской, и так как это бы подняло кучу комментарий и сплетен, Лиза отправляет письмо, как будто à M-me E. Blonsky, une de nos amies de Paris, dont nous ignorons

---

* тогда внимание будет привлечено к России и русским революционерам! (*франц.*)
** извещение (*франц.*).

l'adresse et que l'on croit être avec nous *. Видите, какие мы изворотливые и коварные. Теперь третье дело. Вы не забыли о «Космосе»?[3]. Теперь еще дня на три я буду иметь работу, а после желательно было бы получить поскорее «Космос», конечно, если он вам не нужен.

Я очень обрадовалась, увидев сегодня в «Justice» успех Красного Креста нашего в Англии,— конечно, если нужно что перевесть, присылайте немедленно,— я всегда к услугам вашего дела и к вашим, только мне кажется, что «Justice» удовлетворится этим извлечением. Читали вы речи работника и негра, произнесенные на могиле Michelet? [4] Были ли вы у André Léo [5] и остались ли так же довольны вашим вторым посещением, как первым?

Вы мне на все это ответите в свободную минуту, чем скорее, тем лучше, конечно, но, главное, я не хочу, чтобы наша переписка сделалась для вас une corvée**. Вы человек занятой, строящий чудесный храм и потрясающий вместе с тем разные ветхие здания, кроме того, окруженный приятелями «разных ступеней и оттенков», — следовательно, времени у вас нет лишнего. Кстати, вы спрашиваете, почему получили мое письмо вечером? А потому что наш Luz великий центр и почта два раза отходит и приходит. Я всегда получаю ваши письма в 6 часов вечера. Лиза вам кланяется, а я, дорогой Петр Лаврович, крепко жму вам руку.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] В подлиннике описка: «17 июня». Первое письмо Никитиной к Лаврову из Люза написано 4 июля: наша датировка подтверждается содержанием этого письма и его связью с п. 50 (см. упоминание о «Cosmos'е»).

[2] По-видимому, Лавров сообщил о смерти жены Н. П. Цакни, Зинаиды Константиновны (1850—1882), участницы революционного движения 1870-х годов. Львовы—братья З. К. Цакни.

[3] Никитина имела в виду либо «Cosmos» — французское «Энциклопедическое обозрение прогресса наук и их применения к искусствам и индустрии», выходило в Париже с 1852 г.,— либо «Kosmos» — немецкое «Обозрение всеобщей науки о развитии», выходило в Штутгарте в 1877—1884 гг.

[4] Накануне национального праздника 14 июля на кладбище Пер Лашез в Париже состоялось торжественное открытие надгробного памятника французскому историку и писателю Жюлю Мишле.

[5] См. п. 37, примеч. 2.

50. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Люз⟩ Суббота ⟨22 июля 1882 г.⟩

Вот и сегодня почта не привезла мне весточки от вас, дорогой Петр Лаврович. Что бы это значило? Я уже начинаю беспокоиться и теряться в догадках. Не больны ли вы? Или не расстроены ли какими-нибудь известиями? Или просто, злоупотребляя моим великодушным порывом, ленитесь и откладываете писание письма до более свободной минуты?

В сущности, если рассуждать хладнокровно, то вы мне не очень давно писали. Но вы меня избаловали, вот я вас и тормошу теперь. Пишите же, пожалуйста, пишите, а то грустно, право.

Я все эти дни порывалась к вам писать, но боялась надоесть и потому сдержала порыв. Я опять хворала,— дня три пролежала с желудочными спазмами (я уже была нездорова, когда к вам писала в последний раз), яркое небо точно дразнило и вообще было как-то не особенно весело на душе. Вообще Пиренеи совсем себя не гостеприимно ведут в этом году,— теперь я опять поймала кашель и так, вероятно, будет все лето. Впрочем, если бы

* г-же Е. Блонской, одной из наших парижских приятельниц, адрес которой нам не известен, и о которой думают, что она с нами (*франц.*).

** повинностью (*франц.*).

вы видели, как мы вчера гуляли «в туче», вы бы нашли, что я вполне заслужила свой кашель. Но что прикажете делать в этой фантастической стране, где то блестит южное испанское небо, то в продолжение нескольких дней живешь в царстве туманов и облаков, точно в какой-нибудь Шотландии. Вчера, когда мы вышли из Luz, день был серый, но приятный для прогулки; по мере того как мы поднимались, туман все сгущался, горы окутывались плотнее в свои покрывала, наконец и горы и долины исчезли, и мы подвигались среди колеблющихся волн тумана. В своем роде это тоже картина живописная, особенно когда подчас луч солнца пронизывает это воздушное море облаков и золотит его или кой-где белая пелена разрывается и видишь верхушки горы, зеленый скат ее или темное ущелье, где в глубине ревет поток.

«Ах, какая право, дались ей эти туманы, ну хоть бы что-нибудь разумное, человеческое сказала»,— ворчите вы, качая недовольно головой. Будьте снисходительны, дорогой Петр Лаврович, к «влиянию среды»,— здесь туманы вопрос важный, жизненный, от них зависят прогулки, экскурсии, кашли, бронхиты и т. д., enfin c'est une actualité *. К тому же монолог всегда скучная вещь, а так как вы меня осуждаете на монологи...

Впрочем, чтобы доказать вам, что я еще не совсем одичала и интересуюсь тем, что делается в цивилизованном мире, скажу вам, что усердно читаю «Justice» и в восторге от речи Clemenceau об египетских делах [1]. Какой высокий взгляд на вещи, какая диалектическая сила и какое блестящее красноречие. Я получила «Космос» и благодарю вас очень. Перевод свой почти кончила с грехом пополам и, как обыкновенно бывает со мной, при конце поняла, в чем дело,— для достоинств перевода недурно было бы понять это сначала. Если вы можете оставить на днях у моего поклонника Octave Dain (тот же Octave Mauret!..) книгу, где находится статья, присланная вами, то меня этим обяжете,— статью я пришлю, вероятно, недели через две, но рисунки нужны.

Надеюсь иметь завтра письмо от вас. Если нет, скрепя сердце, буду ждать ответа на эти строки. Так как вы человек добрый и любезный, то вы, конечно, сейчас же ответите,— иначе я, право, уже не буду знать,что и думать. Мало ли что может случиться? Вчера я совершенно неожиданно прочла в «Justice», что бедный Coudereau [2], вследствие глупой случайности, так преждевременно сошел со сцены. Скажите мне, имеете ли вы известия о Белоголовых и какие? Как его здоровье? Где вы теперь кушаете, в отсутствие ваших друзей, ездите ли иногда «в зелень» и вообще как поживаете, как вам работается и т. д.? Видите, вот и я фактов захотела. Впрочем, я не одних фактов хочу, а всего вас касающегося. Крепко жму вам руку, дорогой Петр Лаврович. Лиза вам кланяется. Не злоупотребляйте другой раз великодушием ваших друзей. Это нехорошо.

В. Н.

А жаль, что я не видела с Pont Neuf картину освещенной Сены![3]

Датируется по дню недели и по упоминанию о речи Клемансо.

[1] 19 июля Клемансо выступил в Палате депутатов в дебатах по вопросу о предоставлении правительству кредитов для введения военно-морских сил в Египет «в целях защиты Суэцкого канала». Клемансо осудил политику правительства и заявил, что необходимо установить порядок, «основанный на принципах права и справедливости, как в политической области, так и в экономической и социальной». «Пусть не говорят нам о различии рас,— сказал он.— Не существует никаких других различий между расами, как их способность к труду, каждый народ, который трудится, будет спасен освобождающей силой труда» (Annales de la Chambre des Députés. Tome V. 1882, p. 976—977; перевод с французского).

---

* наконец, это злободневность (*франц.*).

Новую атаку против политики правительства Фрейсине в египетском вопросе Клемансо предпринял 29 июля. Против предоставления кредитов проголосовало 416 депутатов, за кредиты — 75. Правительство Фрейсине пало (там же, р. 1190).

[2] Кудеро — французский антрополог, вместе с А. Овелаком редактировал «Словарь антропологических знаний».

[3] 14 июля, в день взятия Бастилии, в Париже ежегодно устраивалась иллюминация. Корреспондент газеты «Голос» так описывал ее: «На Сене, между мостами de la Concorde и Notre Dame de Paris начался «венецианский праздник», т. е. прогулка иллюминированных шлюпок всякой формы и наименования. Чтобы сделать этот праздник как можно более роскошным и живописным, город назначил несколько призов для шлюпок, особенно изящно и богато убранных и иллюминированных» («Голос», 9/21 июля 1882 г.).

51. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz. Hautes Pyrénées. 29 июля 1882

Дорогой Петр Лаврович, я получила два ваших письма одно вслед за другим. Читая первое, мне было очень совестно, что, будучи нездоровым и не расположенным писать, вы себя утомляли писанием такого длинного письма. Мне бы в таком случае было достаточно и нескольких строк. Собиралась к вам писать, когда получила ваше второе послание, и, конечно, приостановилась. Вижу, что я злоупотребила вашим временем, всю цену которого я, однако, вполне понимаю. Я постоянно этого боялась и тщательно остерегалась поэтому лишнего приглашения или лишнего посещения, что вы даже иногда истолковывали иначе, например, в тот вечер, когда у меня собирались знакомые, за два дня перед моим отъездом. К сожалению, я не сумела сделать того же в переписке и, видимо, утруждала вас и чересчур частыми письмами и еще более требованием — которое вы мне, впрочем, несколько произвольно приписываете,— немедленных да еще длинных ответов. В последний раз, когда я к вам писала, я была действительно, хотя, спешу сознаться, совершенно неразумно, встревожена вашим молчанием. Может быть потому, что была под впечатлением смерти Coudereau, статью которого в «Justice» читала за два дня перед тем. В таких случаях люди всегда склонны к какому-то особенному приливу тревожной заботливости о далеких, дорогих друзьях, точно они в первый раз открыли, что человек не бессмертен. Вот почему я к вам вторично написала, а вовсе не потому, чтобы я так строго соблюдала книгу doit et avoir *. Друзьям моим не приходилось часто меня в этом упрекать, а напротив, до сих пор все находили, что я в арифметике всякого рода больно не сильна! Конечно, иной раз становилось досадно, чувствуя, что сильно уж обсчиталась, но ведь это довольно естественное чувство и увы! нисколько мне не мешало возобновлять вновь и вновь свои дефициты и большей частью с полным сознанием и без сожаления. Кто более имеет, тот, естественно, и более дает. Не знаю, право, на каком основании вы мне приписываете такие счетные способности,— вот и порывам своим хоть я и веду счет, по-вашему, но видно плохой, не мешало бы строже за ними следить.

Вообще я вас не знала за такого утилитариста, и в теоретическом отношении письмо ваше меня несколько удивило. По-моему утилитарная, почти аскетическая profession de foi ** или мораль, которую вы высказываете, не совсем согласна с идеалом гармонического развития всех сторон человека, проповедуемым социалистами и между ними, в первом ряду, Петром Лавровичем Лавровым. Конечно, цель жизни — труд на пользу ближнего, на служение идее, но мне казалось, что и личная жизнь, потребность отдыха, общества, наслаждение природой — конечно, если ее любишь,— переписка с друзьями — конечно, если она до-

---

* дебета и кредита (*франц.*).

** исповедание веры (*франц.*).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ П. Л. ЛАВРОВ
Париж, улица Сен-Жак, № 328
Фотография, 1970-е годы
Собрание М. Е. Ермашевой, Москва

ставляет удовольствие,— имеет свое место и свои права. Мне даже казалось, что это своего рода нравственная гигиена, так же необходимая, как и физическая. Я забыла, что вы порядком пренебрегаете последней и, благодаря исключительно сильной организации, не особенно от этого страдаете. Я так точно недостаточно, может быть, приняла в соображение, что и в остальном вы находитесь в исключительных условиях. Одним словом, mea culpa *, но немного есть и вашей вины. Зачем вы мне постоянно говорили, что я вам никогда не мешаю? Людей баловать не нужно, особенно таких простячков, которые принимают простую вежливость за чистые деньги.

К сожалению, не могу вам сообщить адрес Коццевич. Летурно ее както раз встретил в доме знакомых, которых сам теперь из виду потерял. Может быть, по возвращении я буду мочь его достать через Поповых, но теперь они в России и с Коццевич не знакомы, я это знаю, так что им бы следовало еще собирать сведения.

Подробности, которые вы мне сообщили о катастрофе с поездом в России, поистине ужасны [1]. Воображение не может себе представить смерти более мучительной и отвратительной, как эта медленная агония в грязи. Дают ли русские газеты какие-нибудь новые сведения? Как здоровье Тургенева? [2] Надеюсь, что ваше поправилось теперь и что разные лишние, бесполезные посещения не слишком отвлекают вас от постройки храма. Совесть мучает при мысли, что письменная болтовня с приятелями могла бы превратиться в лишний кирпич для храма. Лиза кланяется, я крепко жму руку и желаю вам всего лучшего.

В. Н.

---

* моя вина (*лат.*).

Ответ на два недошедшие письма Лаврова.

[1] Катастрофа произошла 30 июня (ст. ст.) на Московско-Курской железной дороге, в девяти верстах от станции Чернь, у деревни Кукуево. Около 3 часов пополуночи почтовый поезд потерпел крушение; было убито более ста человек и многие были тяжело ранены. 11/23 июля «Голос» напечатал подробное сообщение о катастрофе.

[2] И. С. Тургенев заболел в конце марта 1882 г.; лечивший его д-р Шарко определил тогда болезнь как подагрическую невралгию сердца. В действительности у него была злокачественная опухоль.

52. ЛАВРОВ — НИКИТИНОЙ

‹Париж› 328, rue St. Jacques. 18 авг‹уста 1882 г.›

Дорогая Варвара Николаевна,

Прежде всего обращаюсь к вам с просьбой, за которую очень и очень извиняюсь. Собственник книги об ‹*1 нрзб*› приехал сюда и уезжает чрез несколько дней в Россию. Я ожидал этого его отъезда не ранее вашего возвращения, а теперь... должен вас попросить отослать мне эту книгу поскорее, в чем еще раз прошу извинения.

Вчера получил ваше письмо, за которое вас очень благодарю. Я, конечно, сердился на вас более для красоты слога, а не в действительности, и ни минуты не сомневался в мире и согласии, царствующих между нами. Но нехорошо, очень нехорошо, что вы чувствуете такое постоянное утомление и нездоровое состояние. Я бы посоветовал вам, когда вернетесь вы и Белоголовые, серьезно его расспросить, как вам жить и какую вести гигиену. Читать глупые романы хорошее средство, но тогда, когда его употребляют изредка, да и то против умственного и нравственного утомления, между работой, а физически ведь оно никакого не дает отдыха. Пожалуйста, пишите каждый раз о вашем здоровье.

А я вам расскажу некий, несколько неожиданный эпизод моей жизни. Помните вы прощальный вечер на rue Pascal 12 февраля? Оказывается, что после моего ухода русское общество решило поднести мне какую-нибудь книгу (что вам, может быть, было и известно). Правду сказать, что я знал об этом по некоторым намекам и нескромностям. Но я считал это давно разлетевшимся намерением. И вот тому три дня приходит ко мне Аитов и приносит сочинения Щедрина [1]. Я, конечно, написал ему благодарственное письмо для передачи товарищам, которое, впрочем, до сих пор не отослано, так как я не узнал еще его отчества [2]. Другие народы сопровождали бы подобное поднесение каким-нибудь письменным адресом, что облегчило бы ответ, но русские своеобразны. Так как вы были тоже в этот вечер там, то вас может интересовать этот эпизод.

Эти дни в числе перелетных птиц оказался один мой очень хороший приятель, находящийся здесь на несколько дней, и одна моя хорошая приятельница, уезжающая на днях. Можете представить себе, как это прибавилось к моей «раздерганности». А тут негоциант из Тифлиса с вопросами о переводчиках и о нефтяном производстве; тут три студента, устроившие русское общежитие на социальных началах в Германии; тут другие вещи, о которых ни писать, ни говорить не могу. Тут автор и издатель нелепой (хотя и социалистической) книги, спрашивающий совета. Тут арендатор из Полтавской губернии, привезший совет. Тут астроном из Стокгольма. Тут курсистка с хорошими намерениями из Харькова. Тут телеграммы, которые насущны, но не могут найти адресата. Тут полемика о примечании к примечанию, сделанному Худяковым о Некрасове [3]. Тут корректура. И как рад, когда часа два-три посвятились паукам и насекомым [4], выписывались русские названия, объяснялись тексты. А не отвеченные письма накопляются. Что делать? Приходится стараться сделать что можно, а дни бегут, бегут.

Ну, довольно. Жму вам крепко руку. Поклон всем близким вашим. Будьте здоровы. Это — главное.

П. Л.

Хорват уехал на собрание ученых в Ларошель, и оно будет продолжаться, и ⟨*1 нрзб*⟩, неделю.

Ответ на недошедшее письмо Никитиной.

[1] Давид (Дауд) Александрович *Аитов* (1854—1933) — один из организаторов «кружка артиллеристов» в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге в 1872 г. В 1874 г. участвовал в «хождении в народ». Судился в 1876 г. по «делу 193-х». Эмигрировал в 1879 г. В Париже работал в картографическом заведении Ашетта.

Установить, какие книги М. Е. Салтыкова (Щедрина) были подарены Лаврову, можно только предположительно. В 1881—1882 гг., помимо повторных изданий, вышли следующие его книги: 1) «Сборник. Рассказы, очерки, сказки». СПб., 1881 (вышла между 24 и 30 июля); 2) «За рубежом». СПб., 1881 (вышла между 9 и 15 сентября); 3) «Письма к тетеньке». СПб., 1882 (вышла не ранее мая, когда закончилось печатание цикла в «Отечественных записках»); 4) «Убежище Монрепо». СПб., 1882 (вышла между 16 и 23 ноября). Наиболее свежей новинкой к августу 1882 г. могла быть третья из названных книг. Не исключено, что к ней было присоединено женевское издание третьего «письма», запрещенного в России цензурой («Письма к тетеньке». Женева, изд. М. К. Элпидина, 1882). Оно представляет собой оттиск из «Общего дела», № 46, который вышел в ноябре-декабре 1881 г. Можно думать, что отдельный оттиск был выпущен в свет вскоре после этого, вероятнее всего в самом начале 1882 г.

[2] Лавров направил Д. А. Аитову следующее письмо:

Париж, 15 августа 1882 г.

Любезный Давид Александрович,

Подарок, переданный вами мне вчера от имени моих парижских товарищей, тронул меня до глубины души, и я не могу воздержаться от желания прибавить к тому, что я сказал вам тогда же, еще несколько слов, которые прошу передать лицам, поручившим вам сделать мне этот дорогой для меня подарок.

Чему я должен приписать его?

Мои занятия и способ моей жизни редко позволяли мне более тесные личные сближения, и потому я нисколько не могу приписать чисто личным отношениям эту честь, которую мне теперь сделали мои парижские товарищи.

Я слишком мало имел случаев принести жертвы моим убеждениям и эти жертвы были слишком ничтожны в сравнении с тем, что вынесло в наше время целое поколение молодых борцов в России, в сравнении с тем, чем пожертвовали некоторые руководящие личности моего и старшего меня поколения. Даже в числе лиц, окружавших меня вечером 12 февраля, были многие, перенесшие гораздо более, чем ту прогулку из одной столицы Европы в другую, которая подала повод к выражению сочувствия, которое я высоко ценю. Поэтому и не в этом поводе я ищу истинного значения полученного мною подарка.

Я позволяю себе приписать его общности наших убеждений.

Моя жизнь меня бросала в весьма различные среды людей. Много раз менялся около меня персонал личностей, с которыми обстоятельства позволяли мне вступать в более или менее близкие отношения. Я всегда старался воспользоваться этими отношениями для того, чтобы распространить около себя тем или другим способом, удачно или неудачно, те убеждения, которые составили нераздельный элемент моего существа и которые я сам в себе ценю выше всего.

В настоящем случае выбор писателя, который наиболее живо и верно отразил в своих сатирах брожение мысли современного русского общества и боли кризиса, им переживаемого,— писателя, который, может быть, вызвал к размышлению об этом брожении и об этих болях значительное число моих единомышленников в России, я считаю доказательством, что лица, поручившие вам передать мне эти книги, хотели заявить этим нравственное общение с моими убеждениями.

Именно это мне особенно дорого. Я радуюсь при мысли, что среди личной борьбы за существование и среди тягостей жизни в ссылке в чужой стране русская молодежь, живущая в Париже, сохранила преданность убеждениям, за которые часть ее уже боролась и страдала в России, за которые готовятся бороться другие, за которые продолжают страдать друзья русского народа на нашей общей родине.

Во имя этого убеждения, сближающего старика с молодежью, соединяющего эмигрантов и готовящихся к делу с участниками современной борьбы в России, прошу вас, любезный Давид Александрович, высказать всем, поручившим вам передать мне произведения любимого моего писателя, мою искреннюю признательность и мой горячий привет.

Петр Лавров

Письмо опубликовано в книге: «Oxford Slavonic Papers», vol. IX, Oxford, 1960, p. 107—108.

[3] Иван Александрович *Худяков* (1842—1876) — член ишутинского кружка. После покушения Каракозова сослан в Сибирь, умер в Иркутской больнице в состоянии душевного расстройства. В вышедшей в 1882 г. в Женеве книжке: «Иван Александрович Худяков. Опыт автобиографии», в примечании от автора говорится: «Трудно себе представить силу патриотической мании, объявшей публику после покушения ‹...› Даже либеральный и очень талантливый поэт Некрасов писал патриотические стихи и публично в стихах просил Муравьева «не жалеть преступников» ‹...› Некрасов сделал бы меньшую подлость, если бы на собственный счет построил для нас виселицы» (с. 167—168).

Худяков пишет о стихотворении, прочитанном Некрасовым 16 апреля 1866 г. после торжественного обеда в честь Муравьева в Английском клубе (см.: «Шестидесятые годы‹...› Воспоминания Г. З. Елисеева». М., 1933, с. 463).

В примечании к примечанию Худякова «от издателей» говорится: «Жизнь Некрасова не приготовила в нем вовсе человека дела и не развила в нем стойкости характера. В трудную минуту, когда русское общество почти целиком было охвачено припадком трусливой подлости, его желание спасти страстно любимый им «Современник» довело его до нравственного падения и даже отуманило его светлую мысль, не угадавшую, что это падение было бесполезно при существующих условиях». Это примечание было написано Лавровым; Г. З. Елисеев писал Лаврову 9 августа: «Посылаю вам проект моего примечания на упрек, сделанный Худяковым Некрасову. Прочтите его, пожалуйста, внимательно. Вместо извинения я написал, как вы увидите, полное оправдание Некрасову ‹...› Я пишу это в надежде, что вы будете так добры и любезны и, несмотря на множество ваших занятий, найдете возможность написать ваш проект проекта и прислать его мне»; и в следующем письме: «Последняя корректура, полученная мной в Люцерне, была та, где помещено было ваше примечание о Некрасове» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 178, л. 37, 42).

[4] В это время Лавров работал над большой статьей «Хлопоты науки с низшими организмами» (напечатана в *ОЗ*, 1883, № 4, 5, 6, 7 и 8; подпись: «Н»).

53. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Люз› 21 августа 1882

Дорогой Петр Лаврович, третьего дня, вернувшись из длинной и утомительной экскурсии, я имела удовольствие найти письмо от вас. Шопенгауэр и Гартман уверяют, что удовольствие есть только отрицание страдания. В этом печальном афоризме есть большая доля правды, и, конечно, большинство человеческих радостей сводится к этому знаменателю: отсутствие страдания. Например, то отрадное чувство, с которым утомленный, промокший и проголодавшийся путник возвращается *домой*, где его ждет кров, ужин и сухое платье, объясняется, конечно, этим чувством, подмеченным Лукрецием еще прежде Шопенгауэра; но когда, вернувшись домой, находишь еще и письмо от далекого приятеля-друга, то это уже не только отрицательное, а вполне положительное удовольствие. Это письмо, которое вас ждет дома и лежит на столе вашей комнаты, прибавляет как бы свою долю нравственного комфорта и «уютности» к тому чисто материальному комфорту, который так приятно найти, лишившись его на некоторое время.

Представьте, наша экскурсия, отложенная в первый раз по причине дождя и начавшаяся в этот раз при великолепной погоде, кончилась при проливном дожде, сопровождаемом грозой. Гроза в горах очень живописная вещь, и так как это было уже при возвращении и на высоте вид был очень хорош, то мы, конечно, приняли очень добродушно и даже весело печальный конец нашего путешествия. Только Лиза и Летурно боялись за меня, но все обошлось благополучно, так как я была в возбужденном состоянии вследствие быстрой ходьбы. А как бы вы нас журили, если бы видели, в каком положении мы вернулись. Вот что значит иметь дело с неразумными стихиями.

Для моего здоровья положительно полезны такие возбуждения и, едва отдохнув день, я сегодня отправилась с нашими здешними знакомыми

Benoit на другую гору. Но вот уж судьба! Погода здесь была великолепная, а там мы попали в тучу и ровно ничего не видели.

Я, конечно, не знала о книге, которую вам собирались поднести,— иначе бы, конечно, приняла участие в этом благом намерении, так неудачно, впрочем, выполненном. Что прикажете делать? Намерение было действительно похвальное, но формой наши не блестят. Il faut leur tenir compte de leur intention *.

Вижу из ваших писем, дорогой Петр Лаврович, что вы ведете совсем лихорадочно деятельную жизнь, и, сравнивая ее с нашим бездельем, где таскание по горам составляет *дело*, становится очень совестно. Но неужели вы не испытываете потребности отдохнуть? Ведь всякий человек имеет же право на отдых,— вас совсем измучают таким образом, и лето вам никакой пользы не принесет. Вот мы здесь имеем на глазах грустный пример того, что не нужно утруждать чересчур мозг свой,— вы, может быть, слышали о физиологе Toussaint, сделавшем даже какие-то открытия. Он в продолжение двух лет чересчур усидчиво работал над изучением de la maladie nommée le charbon ** (по-русски не знаю), а теперь совсем болен, не может ни работать, ни читать и даже говорит с трудом. А лицо у него такое умное, симпатичное, он из простых рабочих и женат на красавице-еврейке, страстно в него влюбленной, но порядочно ограниченной. Есть тут еще и другая интересная личность — профессор греческой литературы в Бордо, бывший недавно в Греции и рассказывавший мне вчера, когда мы поднимались на гору, о том, как он был на Парнасе (не метафорически) и какой вид оттуда, толковавший мне про Афины, Дельфы и небо Греции среди отвратительного горного тумана, окутывавшего нас со всех сторон. Если бы Париж не был так далеко, я бы вас непременно перетащила сюда, мой дорогой, добрый друг, а то как подумаю, что вы все время дышите скверным парижским воздухом и что вас тормошат с утра до вечера, то досада берет. Вот только хорошо, что вы имели удовольствие увидеть хороших, близких друзей.

Я читаю, хотя и очень медленно, литературу Брандта,— она очень интересна, но увы! — немецкая книга, хотя бы самая легкая, не легко мне дается. К тому же зрение что-то очень плохо с некоторых пор — я слишком много работала, и приходится дать им отдых. Я очень большие надежды возлагаю в этом отношении на ванны серные Барежские: они мне помогли много в прошлом году.

До свиданья, крепко жму вам руку, берегите себя, пожалуйста. Лиза вам кланяется. Душевно вам преданная

В. Н.

P. S. Книгу, надеюсь, вы получили. Как это мило с вашей стороны, что вы мне так часто пишете, хотя есть письма, по неделям ждущие ответа. Я знаю, что это бессовестно с моей стороны, но вполне искренно. К тому же и я вот уже две недели собираюсь отвечать A. Léo [1] на ее прелестное письмо.

Ответ на п. 52.

[1] См. п. 37, примеч. 2.

54. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Люз.› Воскресенье, 29 ав‹густа 1882 г.›

Благодарю вас, дорогой Петр Лаврович, за ваше письмо. Отвечать немедленно, предвидя, что позже могут быть помехи, это такое милое внимание, которое именно на вас похоже; зато не могу не побранить вас

* Надо отдать должное их намерению (*франц.*).
** болезни, называющейся сибирской язвой (*франц.*).

сейчас же за другой пункт вашего письма. Как могло вам прийти в голову, зная несколько меня, мою преданность вам и, наконец, мою женскую сметливость — глубиной ума природа нас несколько обидела, я с этим согласна, но никак не тем тонким чутьем, называемым тактом, который мешает нашему брату слишком уж «опростоволоситься»,— как могли вы, принимая все это в соображение, предположить на минуту, что я кому-нибудь сообщу о вашем впечатлении насчет известного подарка, впечатлении действительном или мнимом, как угодно. Петр Лаврович, за кого вы меня принимаете — за коварного врага? За ветреницу? Или, наконец... за вашего брата мужчину? Я дурно, впрочем, выразилась, употребив слова «вашего брата», так как именно этой тонкостью чутья вы-то совершенно удаляетесь от ваших братьев,— но бесспорно, что самые умные мужчины способны подчас на такого рода *тяжеловесные* промахи, а мы неспособны именно вследствие легкости нашего умишки. Итак, в другой раз имейте более веры, во-первых, в то искреннее, глубокое чувство преданности к вам, которое никогда бы мне не позволило чем-либо повредить или просто сделать неприятное, во-вторых, в то вышеупомянутое свойство женского ума, которого лишены лишь последние представительницы моего пола. Надеюсь, что вы не причисляете к ним автора «блестящих статей», составлявших когда-то украшение «Justice», и которые этот глупый журнал вдруг почему-то, не понимая своей выгоды, перестал печатать. Кстати о моих статьях. Я в большом негодовании на Longuet. Я *два раза* писала к нему, прося осведомиться в «Justice» о моей статье, и не получила ответа [1]. Так и хочется употребить крепкое, но весьма неэстетическое слово, но... вижу, что ваши брови сдвигаются, вы неодобрительно качаете головой, и я останавливаюсь. Но воля ваша, подобная безделица не дает мне высокого понятия о человеке. Обязательность это по-моему первая, самая элементарная форма солидарности,— кто и к ней не способен, то куда ему уж дальше. Не можете ли вы мне сообщить, в городе ли Clemenceau,—я бы в таком случае прямо к нему написала, это всегда было самым действенным.

Наши Desmoulins [2] приехали вчера, и, представьте, они оказываются одаренными всеми совершенствами («французы» — презрительно скажете вы, но ведь в моих глазах это не такой уж недостаток, как в ваших) — даже отличные ходоки и, хотя только вчера приехали, сегодня уже порывались идти с нами на ту знаменитую гору, куда я уже два раза лазила в этом году и все «в тучу». Но сегодня нет никакой возможности совершить этот подвиг и нечего ходить на горы за тучами, они тут, под рукой, задернув своим воздушным покрывалом и горы, и стройные тополя, и соседние дома, и даже, когда я встала раньше шести, для того чтобы написать к вам с первой утренней почтой, самый луг под нашим балконом был закрыт туманом. Вы скажете, что нечего ездить на юг, на самую границу Испании, чтобы насладиться подобным зрелищем, что этой прелести можно иметь сколько угодно в Париже и даже в Лондоне. Но зато вы там не увидите другой картины, поистине прелестной, а именно, как мало-помалу эти воздушные волны начинают золотиться, становятся реже и подвижнее, как, наконец, они прорываются в разных местах, то одна, то другая вершина точно вынырнула из этого воздушного моря,— порыв свежего утреннего ветерка и целая часть горизонта очистилась, зубчатые каменные громады отчетливо рисуются на голубом небе, и только кое-где по верхушкам гор или по скатам еще ползут клочки облаков, то в форме легкого покрывала, то в виде воздушного пояса. А глядеть, например, как формируются облака на совершенно чистом небе, как мало-помалу белое облачко появляется где-нибудь на высокой точке, а потом другое, потом третье, и,

тляди, через час горы укутаны в белые покрывала. Иногда бывает картина еще поразительнее. Во время нашей последней экскурсии мы имели чудесное время на высотах,— начали спускаться и вдруг видим, обернувшись, что черная туча внезапно надвинулась и почти мгновенно, как густым занавесом закрыла нам высоты, на которых мы только что были и откуда она вылезла.

Простите, Петр Лаврович, правда, больше не буду, по крайней мере долгое время, надоедать вам этой дикой природой, до которой вам — продукту высшей культуры—нет никакого дела. А что ваша статья о Longfellow? [3] А гулянье? — Почта приехала, прощайте, на днях напишу, переезжая в Бареж. Нет, это еще не почта — могу ответить на ваш вопрос о возвращении. Вернемся мы в конце сентября, так как нужно три недели покупаться в Бареже, тем более, что холодного лечения я здесь не могла предпринять, было бы слишком опасно при состоянии моих бронх и моего желудка. Насчет работы располагайте мной — только напечатает ли проклятая «Justice».

Видеть вас буду несказанно рада, иногда так скучно за вами и за дорогой кельей в rue St. Jacques, что и сказать ⟨нельзя⟩. В скверные минуты нет вашего слова, вносящего мир в душу мою,— впрочем, у меня здесь припадки тоски реже,— природа убаюкивает свое дитятко. Летурно настолько оживлен, насколько можно от него ожидать, и с некоторых пор здоровье лучше. Так что, как видите, все обстоит благополучно, а за вами все же скучно.

Крепко жму вам руку и желаю хорошего здоровья.

Душевно вам преданная В. Н.

Лиза очень кланяется.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Статья Никитиной по поводу романа Э. Золя «Накипь»—«Pot-Bouille et la bourgeoisie française»— была напечатана в «La Justice» 21, 26 сентября и 3 октября 1882 г.
[2] См. п. 42, примеч. 2.
[3] См. п. 48, примеч. 2.

55. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Luz, 1 сентяб⟨ря⟩ 1882

Вот последнее письмо, которое я пишу из тихого моего уголка, который я покидаю с большим сожалением. Через два часа направляемся в Barèges и потому прошу вас, дорогой и добрейший Петр Лаврович, адресовать следующие письма: Mme Dumont, Barèges, Hautes Pyrénées, Maison Laborde.

Сегодня я, вероятно, буду иметь письмо от вас — сегодня или завтра, и я уже распорядилась, чтобы мне его переслали.

Благодарю вас за номера «Вольного слова» [1] и за carte postale вашу,— пожалуйста, мой добрый друг, не стесняйтесь, и когда вам не только времени нет, но просто вы утомлены или не расположены, напишите несколько строк, мне и их достаточно. Все-таки знаю, что вы живы, здоровы, меня не забываете и что дня через два получу более подробную весточку.

Письмо из Сибири [2] очень интересно,— я думаю, лучше всего его перевесть и послать в «Justice», где недавно, к изумлению моему, появилось мое письмо из России. Нужно быть идиотами, чтобы выкинуть такую штуку,— напечатать более месяца спустя! Очень может быть, что и статья «Pot-Bouille» появится еще. Это, вероятно, все штуки Констана.

Desmoulins приехали и эти дни пришлось много заниматься ими,— но теперь, так как мы будем жить отдельно и так как первый долг госте-

приимства выполнен,—je ressaisis ma liberté* и не могу сказать, чтобы эта перспектива меня смущала. Мы, выросшие среди полного разгара индивидуализма, не годимся для фаланстера, ведь я весьма люблю общество и, говорят, подчас его оживляю, а между тем быть постоянно в обществе мне тяжело. Хочется уединения или самого тесного кружка — присутствие близких людей никогда мне не в тягость. А между тем, я провела очень приятные часы с моими гостями — Desmoulins сам весьма интересный собеседник, и я его часто слушала с большим удовольствием. Мы, между прочим, совершили с ними классическую экскурсию в Cirque de Gavarnie, и Desmoulins и я целую дорогу без умолку болтали и декламировали стихи на всевозможных языках.

Сегодня не могу больше писать,— читаю с большим интересом «Механическую теорию мира» [3] и все понимаю. Радуюсь, что в этом же месяце буду иметь удовольствие говорить с автором.

Дружески, крепко жму вам руку, дорогой Петр Лаврович, и желаю, чтобы храм воздвигался быстрее.

Всей душой преданная вам

В. Н.

Извините кошачье царапанье — тороплюсь. Только что получила письмо от Маруси, дело ее брата плохо.

[1] «Вольное слово»— еженедельная газета, издававшаяся в Женеве от имени несуществующего «Земского союза» А. П. Мальшинским, агентом «Священной дружины». В 1882 г. редактирование газеты взял на себя, не подозревая провокации, М. П. Драгоманов, сделавший ее органом агитации в пользу политической свободы с земским самоуправлением; закрылась в мае 1883 г.

[2] В № 43 «Вольного слова» от 15 августа 1882 г. была напечатана статья «В Сибири (корреспонденция «Вольного слова»)», подпись: Д. Р-х Н-к, о политических административно ссыльных. К статье приложен список 59 ссыльных.

[3] Статья Лаврова «Механическая теория мира», в которой он изложил историю материализма и теорию антропологизма в духе Фейербаха (*ОЗ*, 1859, № 4).

56. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges, 5 сентября 1882 г.
Maison Laborde

Дорогой Петр Лаврович, вследствие переезда в Barèges в первые дни произошло маленькое замедление в получении моей корреспонденции, а вдобавок, когда пришло ваше письмо, я была в горах. Вот почему отвечаю вам не с обычной мне быстротой.

Действительно, бранить, даже ругать вас чувствую сильнейшую потребность, хотя вовсе не за то, за что вы предполагаете. Читая ваше письмо, у меня руки опустились... Охота вам соглашаться на предложение бестолковых поляков [1] и давать тем повод выслать вас из Парижа так, как выслали итальянца Зарданелли?[2] Вы даже в этом случае, позвольте вам сказать, противуречите сами себе. Сколько раз вы говорили, что твердо решились не мешаться в европейское движение, посвящая себя исключительно русскому делу? Что же имеет общего с русским делом основание Интернационала, да и вообще стоит ли из-за манифестации подвергать себя тому, чтобы быть высланным из Парижа, где ваше присутствие так полезно для интересов русской партии? Я на вас страшно зла за вашу неосторожность, и когда я сообщила ваше намерение Desmoulins и Letourneau, они были совершенно моего мнения и решили, что вы этим доставите большое удовольствие русскому посольству и министерству французскому. Ах! Петр Лаврович, Петр Лаврович! Я уве-

* я вновь обретаю свободу (*франц.*).

MESSAGER DE LA VOLONTÉ DU PEUPLE

ВѢСТНИКЪ

НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННОЕ
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

№ 5.

Цѣна 5 фр.

ЖЕНЕВА
Вольная Русская Типографія

1886

ОГЛАВЛЕНІЕ № 5.

СОВРЕМЕННЫЯ ПРОМЫШЛЕННЫЯ И ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ТЕНДЕНЦІИ. — Н. Ч. . 1
ДЕКАБРИСТЫ ВЪ РАЗСКАЗѢ ПОМОЩНИКА КВАРТАЛЬНАГО . 19
ДУМЫ И СЛУХИ ВЪ НАРОДѢ (Отрывки изъ двухтомныхъ набросковъ). — X. Y. Z. . 39
ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Е. СУХАНОВѢ. — N. N. . 61
ЧТО ДѢЛАТЬ КИРЕЕВЫМЪ ВЪ РОССІИ? — И. Ильяшевичъ. . 83
Нѣсколько предисловій . 83
I. Прежніе русскіе еретики . 84
II. Мечты о Палестинѣ . 107
III. Надежды на правительство . 114
IV. Исходъ изъ революціи . 119
ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРІИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ АРМІИ . 127
СТАРЫЕ ВОПРОСЫ (Ученіе графа Л. Н. Толстого) — П. Лаврова. . 137
I. Введеніе . 137
II. Ученіе графа Л. Н. Толстого . 145
III. Критика . 165
IV. Что же намъ дѣлать? (1886)*) . 205
ПИСЬМО КАРЛА МАРКСА . 215

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЗАМѢТКИ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ. — Л. Т., П. Л., И. Р. . 1

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

КІЕВСКІЙ ПРОЦЕССЪ. — Л. Тихомировъ. . 41
ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ . 47
КАКЪ ЖИВЕТСЯ ВЪ РОССІИ (Изъ общественной хроники). — Л. Тихомировъ. . 125
ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ . 147
ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ДИСЯНСКАГО . 170
ПЕТРЪ НИКИТИЧЪ ТКАЧЕВЪ (некрологъ). — П. Л. . 172
ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА НИКИТИНА (некрологъ). — П. Л. . 176
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. — П. Л. . 180
НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА . 181
ОТЧЕТЪ О ПОЛУЧЕННЫХЪ ВЗНОСАХЪ . 181
ТОВАРИЩАМЪ „НАРОДНОЙ ВОЛИ". — П. Лаврова. . 182
ОТЪ РЕДАКЦІИ . 185
ЗАЯВЛЕНІЕ ТОВАРИЩАМЪ И ЧИТАТЕЛЯМЪ. — Л. Тихомирова. . 186
МЕЛОЧИ. Отд. I, 14, 82, Отд. II, 146

*) Первые три главы были уже набраны лѣтомъ 1885 г.

«ВЕСТНИК НАРОДНОЙ ВОЛИ», № 5
Женева, 1886
В этом номере напечатан некролог В. Н. Никитиной, написанный П. Л. Лавровым
Обложка и оглавление журнала

рена, что Белоголовые будут совершенно того же мнения, да, вероятно, и многие из ваших русских политических товарищей.

Я перевела письмо из Сибири и сделала маленькое вступление; посылаю его Пельтану, не зная, в городе ли Clemenceau. Неужели никто из русской молодежи не может оказать мне ничтожную услугу, справиться в редакции «Justice», в городе ли Clemenceau? Я сделаю, как в прошлом году, напишу два письма, одно Clemenceau, другое Пельтану и пошлю оба. Desmoulins, очень опытный во всем, что касается прессы, сильно меня уговаривает напомнить теперь о моей статье, так как это самое удобное время; и он и Letourneau полагают, что она просто заброшена в редакции, так как Clemenceau мне бы ее отослал, если бы она не годилась.

Я вижу с большим удовольствием, что ваша жизнь так занята и наполнена, что вам некогда скучать за далекими друзьями, и когда все мы, разбросанные по горам и по долам, опять к вам вернемся, вы, пожалуй, скажете: «Как, *уже*! неужели три месяца прошло». Я имею честь заметить вам, что вы мне ровно ничего не отвечаете о ваших статьях и что я давно уже не имею никакой весточки о храме. Готов ли перистиль? Воздвигнута ли какая-нибудь новая колонна? К величайшему сожалению и стыду, я вам никаких кирпичей не привезу, по той простой причине, что кроме Дарвина ничего не прочла, а вы еще в прошлом году сказали мне, что из Дарвина вам уже не нужны выписки. Из немецкой литературы прочла сто страниц и до сих пор ничего не нахожу подходящего,— ведь вам нужны факты, а не комментарии Брандта о крупных явлениях литературных, о которых вы, наверное, в свою жизнь сказали гораздо более нового, чем сам Брандт. Правду вам скажу,

что и я ничего до сих пор нового и особенно оригинального не нахожу,— читается легко и весьма приятно, так как вещь написана живо и интересно, но я была гораздо более поражена «Историей английской литературы» Тэна [3]. Там пропасть оригинального, хотя бы и парадоксов.

Недавно совершила опять экскурсию в сказочное царство облаков и туманов, но пощажу вас от описания — *хорошего* понемножку. Подожду, по крайней мере, чтобы удалась хоть раз *целая* прогулка с лазурным небом,— тогда уж вам не избежать описания, а то нельзя все толковать представителю самой реальной науки — науки социальной, о каких-то неопределенных воздушных очертаниях, неуловимых образах и т. д. Вчера я гуляла в лесу среди густого тумана, и зрелище было поистине фантастическое,— оно бы романтика привело в восторг, но ведь вы реалист.

Лечение начала,— оно очень неприятное, какого-то разваривающего и одуряющего свойства, я ненавижу теплые ванны, а тут еще хотят, чтобы я брала теплые души в каком-то ящике, где задыхаешься от пара — это для вдыхания и должно будто бы быть полезным для легких.

До свиданья, очень тороплюсь, чтобы не опоздать на почту, будьте здоровы и не забывайте нас. Крепко жму вам руку и очень беспокоюсь о вашей безопасности.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

[1] Переговоры между польскими социалистами и русскими революционерами об объединении обеих партий начались еще в 1878 г., когда в Варшаву для этой цели приезжал С. М. Кравчинский; однако тогда поляки от объединения отказались. В конце 1881 г. польские социалисты-интернационалисты выступили с обращением группы «Równość»—«Przedświt», в котором выдвинули предложение об объединении русских и польских социалистических организаций в единую партию (см.: Т. Г. Снытко. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, с. 326—328, 424—430). Официальное соглашение между «Народной волей» и «Пролетариатом» о совместной борьбе с царизмом было достигнуто на съезде народовольцев в Париже в начале 1884 г. Лавров, который был тесно связан с польским социалистическим движением, возможно участвовал в переговорах с поляками.

[2] Тито *Занардѐлли* (в письме фамилия дана ошибочно) — итальянский социалист, эмигрант; в 1879 г. жил в Лондоне, где создал рабочий кружок самообразования, затем в Париже, откуда был выслан за политическую деятельность.

[3] Hippolyte Taine. Histoire de la littérature anglaise, t. 1—5. Вышла в свет в 1863 г., позднее неоднократно переиздавалась.

57. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

Barèges, 11 сентября ‹1882 г.›
Hautes Pyrénées, maison Laborde

Что вы поделываете, дорогой Петр Лаврович, и что значит, что я так давно не имею от вас известий? Уж не нездоровы ли вы? — или сердитесь на меня за что-нибудь? Нехорошо, добрейший друг-приятель, так вот оставлять меня без всякой весточки.

Я отправила в редакцию «Justice» письмо из Сибири и заодно уже написала на авось два письма, одно Pelletan, другое Clemenceau насчет моей статьи. Может быть, вам нужно «Вольное слово» — в таком случае я его перешлю. Наконец, могу вам сообщить хорошие вести о своем здоровье,— продолжительное пребывание в деревне принесло-таки свою пользу,— бронхита почти следа нет и все остальное приходит в порядок. Ванны барежские, а еще более, может быть, живительный горный воздух этой местности (1200 метров высоты) благодетельно на меня действует. Вернувшись в Париж, примусь с рвением и за работу, и за чтение, а здесь царствует dolce far niente.

Вчера мы ездили с Desmoulins и Letourneau в Couterets на целый день, чтобы оттуда предпринять далекую экскурсию в горы. Более грандиозного и живописного пейзажа я даже здесь не видела. Дорога все время идет в гору, лесом — нашим сосновым лесом! Со всех сторон теснятся громадные гранитные скалы, по склону которых высоко, высоко ползет густой сосновый лес, и только одни изрезанные причудливые верхушки совершенно обнажены, составляя прелестный серый фон для темной зелени сосен. В глубине узкого, извилистого ущелья, в этой темной рамке густой зелени, с ревом и шумом скачет и пенится по камням бешеный поток, обдавая нас своей воздушной пылью. В некоторых местах он расширяется и огромной массой, с грохотом, падает с значительной высоты, составляя водопады вроде швейцарских. Страшно наклониться над грохочущей, пенящейся бездной, а между тем так и тянет к ней; уцепившись за что-нибудь или за кого-нибудь, я не раз доставляла себе это опьяняющее наслаждение,— потрясение так сильно, что как будто теряешь сознание своего *я* и, сливаясь с природой, составляешь частицу, атом этой ревущей массы, с нею летишь в бездну, рассыпаешься в брызгах. Как раз после этого водоворота, действующего таким опьяняющим образом, дорога поворачивает еще круче в гору, удаляясь от потока, и через некоторое время перед вами открывается небольшое, тихое озеро самого очаровательного голубого цвета, окруженное с трех сторон гранитными скалами, совершенно отвесными. Что находилось с четвертой стороны, сначала было трудно разглядеть за облаками, — дождь лил почти все время (mais c'est un détail*),— но потом небо прочистилось немного и прямо перед нами обрисовался во всей своей красоте огромный ледник Vignemale. Вы себе представляете эту картину — белоснежная белизна ледника, составляющая самый прелестный контраст со светло-голубым цветом озера и серым оттенком гранитных исполинов, и согласитесь, что природа поступает иногда, как великий художник, как существо осмысленное, подготовляющее и комбинирующее свои эффекты. Недаром фантазия младенческих народов приписывала ей намерения и видела в ней одушевленное существо.

Но не все было светло и благоприятно нам во вчерашней прогулке. Погода, все это время непостоянная и дождливая, как будто прояснилась вчера утром и обещала хороший день, но как только мы пустились в путь из Couterets, тучи надвинулись и начал падать дождь, не переставший три часа. Мои бедные Демулены объявили с отчаянием, когда мы добрались до хижины, служащей убежищем, что они далее не пойдут и вернутся в Couterets, заклиная меня и Лизу возвратиться с ними и обнимая меня чуть не со слезами, когда, несмотря на все их красноречие, я решительно сказала, что «иду до конца».

Вот вам и мои впечатления — может быть, они освежительно подействуют на вас, составляя диверсию** вашим заботам и поглощающим думам. Сегодня день серый, дождливый, чувствуется и физическое и нервное утомление после вчерашней усталости и сильных впечатлений, а между тем картины этой величественной природы так и стоят перед глазами... захотелось поделиться ими с вами. Сегодня или завтра, вероятно, получу от вас письмо, а вот недели через две буду сидеть в вашей келье и слушать ваши мудрые речи,— с вами мне всегда больше хочется слушать, чем говорить. Крепко жму вам руку и надеюсь, что вы здоровы. Душевно преданная вам

В. Н.

---

* но это частность (*франц.*).
** отвлечение (от *франц.* diversion).

58. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Barèges, около 20 сентября 1882 г.›

Дорогой Петр Лаврович, очень, очень благодарна вам за то, что вы поспешили послать мне рекомендованное письмо, чтобы успокоить меня, и вместе с тем тысячу раз извиняюсь за мое царапанье — введшее вас в заблуждение, а меня лишившее одного письма. Благодаря адресу *Borisco* одно письмо (первое) пропало, что неудивительно. Удивительно то, что другое дошло с этим же адресом, который я прочла с изумлением, приписывая его вашей рассеянности, тогда как вызвала его замечательная четкость моего почерка. Итак, я получила именно то письмо, о предполагаемой пропаже которого вы сетовали и которое было очень для меня интересно, так как в нем вы мне сообщаете причины, побудившие вас принять приглашение поляков. Нечего вам и говорить, насколько эти причины нашли горячий отзыв во мне,— если бы возможно, я бы вас еще больше стала уважать и любить после такого отношения к полякам и польскому делу. К сожалению, не все русские социалисты так к нему относятся.

Но я все-таки позволю себе возразить, что Интернационал не польское дело, а именно такого рода вопрос, который всего опаснее затрагивать политическим изгнанникам, живущим в Париже. Результат очень может быть тот, что и вас, и ваших поляков вышлют из Парижа, и что бы вы там ни говорили, это был бы печальный результат не только для вас *лично*, а для русского дела. Ругайте меня сколько угодно, если нужно прибейте, когда я возвращусь, а я все-таки вам скажу, что вы непоследовательны, говоря теперь, что ваше присутствие в Париже только дело удобства для вас и более ничего. Самая хлопотливая жизнь, какую вы вели все лето и ведете теперь, доказывает противоположное — в Лондоне, вероятно, эта деятельность была бы невозможна.

Одна моя надежда в том, что Desmoulins, ненавидящий настоящее министерство, олицетворяющее, по его мнению, реакцию, преувеличивает.

Извините, дорогой мой друг, что я ничего вам не ответила о пауках,— но ведь я вашего первого письма, адресованного в Borisco, не получила, а читая второе, не могла ума приложить, что такое нужно спросить у Letourneau о пауках. К сожалению, он не может указать вам никакого нового сочинения по этому предмету,— если можете подождать несколько дней, я по приезде узнаю у Lanessan. Letourneau вам дает совет, который вы, конечно, и сами придумали, обратиться в Dictionnaire des Sciences Naturelles. Article «Araignée» *.— В свою очередь, он просит у вас сведения по одному вопросу, не знаю, успеете ли вы мне ответить сюда,— я уезжаю 25 рано утром, кончив мои 20 ванн. Дело в том, что, во-первых, есть ли в России два географических общества — Петербургское и Московское — et laquelle des deux sociétés a adopté le questionnaire ethnographique rédigé par la Société d'anthropologie de Florence et que Letourneau avait proposé à la Société d'anthropologie de Paris, ce qui, comme vous le savez, a été l'occasion d'un conflit entre lui et Dally?**

Радуюсь за вас, что Белоголовые приехали, только боюсь, что ни они, ни мы не будем часто пользоваться вашим обществом, так как ваша

---

* Словарь естественных наук. Статья «Паук» (*франц.*).

** и какое из двух обществ приняло этнографический вопросный лист, составленный Флорентинским антропологическим обществом и который Летурно предложил Парижскому антропологическому обществу, что, как вы знаете, явилось причиной конфликта между ним и Далли? (*франц.*).

жизнь деятельнее, чем когда-нибудь. Большой им поклон от меня. Я вам пишу из царства снегов — в нашей обстановке произошла внезапная перемена, со дня на день почти. Не только все окружающие горы почти до половины покрыты снегом, но третьего дня нельзя было выйти из дому, столько снегу навалило на улицу и все кругом было белехонько. Вчера мы гуляли по снегу и, взобравшись довольно высоко над Барежем, увидели такую грандиозную панораму снежных гор, что я ничего подобного не видела в прошлом году с знаменитого Pic du Midi, куда нелегкая понесла нас ночью. Холод в комнатах собачий, тем более что в моей комнате может поместиться вся моя парижская квартира, несчастные жители и baigneurs * чуть не дерутся за скудную провизию и еще более скудные средства отопления. Кто имеет мешок угля и несколько полен дров, считает себя счастливцем и с гордым состраданием смотрит на других! Право, очень забавно, точно на корабле, взятом льдами! Лиза только и мечтает о счастливой минуте отъезда из полярной страны. До свиданья. Крепко жму вам руку.

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова.

Письмо датируется приблизительно, по упоминанию об отъезде из Барежа, намеченном на 25 сентября.

59. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

‹Париж› Пятница утром ‹конец июня 1883 г.›

Вам представляется, Петр Лаврович, «сложный» казус на разрешение и блистательный случай выказать ваше чувство справедливости и кой-что другое. Я вчера *не видала* Clemenceau, он говорил в Камере и, вероятно, утомился,— не приехал в редакцию. Секретаря его тоже не было. *Следовательно*, я должна вернуться сегодня, потерять minimum часа два на эту поездку et vous faire dîner à une heure impossible et indéfinie**. Я могу, если Clemenceau попросит ждать, только около семи *выйти* из редакции.

Все это крайне неудобно, не говоря уже о том, что часы, которые я думала провесть с вами, будут крайне обрезаны. Вина во всем этом, как вам известно, не моя, вы задержали статью, которую я намеревалась свезти в среду. Все бы это можно было поправить, *если бы не обещанный* вами вечер. Завтра *вечер Ковалевской*,— я бы с удовольствием осталась на завтра, и мы тогда спокойно бы провели полдня вместе и вечер имели бы «идеальный», так как все народы, могущие нахлынуть *сегодня*, завтра не придут,— да и погода может поправиться. Вот тут и сложный казус, который, впрочем, потому только сложен, что вы-то очень сложны! Для меня он был бы прост. Я уезжаю на три месяца и осталась бы завтра для вас, я с готовностью отказывалась от устроенного уже плана дня, когда узнала, что ваши старые друзья уезжают. Мне *кажется*, что и Ковалевская могла бы тактично поступить, то есть вы могли бы так решить за нее. Но делайте, как знаете и как вам приятнее. Я около четырех зайду к вам. Жму руку и прошу кланяться очень Белоголовым.

В. Никитина

Датируется приблизительно, на основании того, что Никитина обычно уезжала на лето из Парижа в самом начале июля. В 1883 г. пятница приходилась на 30 июня.

---

* курортники (буквально: купающиеся — *франц.*).

** и заставить вас обедать в невозможный и неопределенный час (*франц.*).

60. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Париж⟩ Вторник ⟨лето 1883 г.⟩

Дорогой Петр Лаврович, дождь и tramway так быстро разлучили нас вчера, что я не успела попросить вас прийти завтра разделить нашу скромную трапезу. Только вследствие дипломатических соображений, вам понятных, я вас попрошу не приходить ранее половины седьмого,— теперь, когда у Летурно нет здесь семьи, мне трудно его не оставить обедать в тот день, когда вы обедаете. С другой стороны, вам будет скучно целый вечер быть с нашим французом, да еще и одним — я уж предпочитаю vous les servir en gros, que les débiter en détail! * Да и скучно было бы не говорить и не читать по-русски. Пришлите, пожалуйста, что-нибудь хорошее читать и ваши стихотворения *непременно*. Жму руку крепко — пришла бы сама, если бы не дождь.

В. Никитина

61. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Джерсей.⟩ Суббота, 23 ав⟨густа⟩ 1884

Дорогой, добрейший мой Петр Лаврович, только что получила ваше письмо и спешу сейчас же поблагодарить вас за ваше участие и скорый ответ. Давно уже никакие неаккуратности со стороны Жерсейской почты меня не удивляют,— в прошлом году они меня приводили в неистовство и недоумение,— теперь я уже к ним «приспособилась». К тому же анархическое настроение духа, результат плохого здоровья, в этом случае очень полезно, оно служит заменой терпению, в котором природа мне отказала.

Не сердитесь, но я еще не прочла листов Народной воли [1], а это потому, что при общем ослаблении сил у меня и зрение ослабело и я стараюсь читать только крупные вещи; а Лиза так постоянно была захлопотана сначала отысканием квартиры — ведь мы неделю жили на бивуаках, а теперь ведением хозяйства на четырех, что я никак не могу ее поймать.

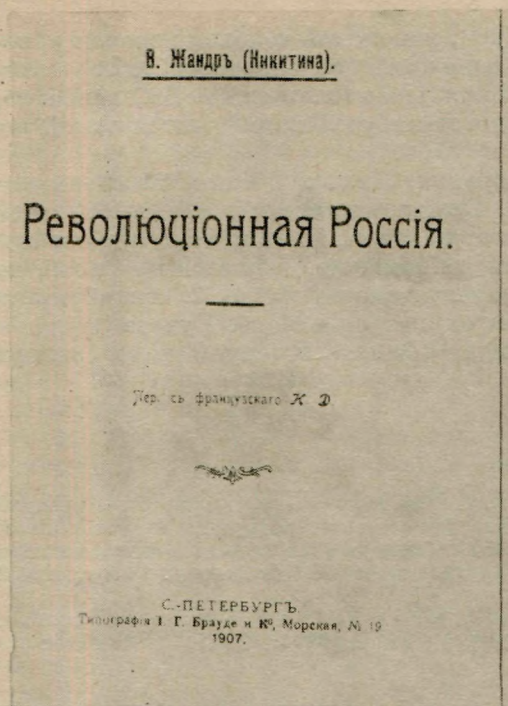
А знаете, ваш Sullivan порядочный идиот! Во-первых, католик ярый, во-вторых, консерватор, враждебный всякому революционному движению, враг фенианов. Но книга его все-таки очень интересна, отлично знакомит с парламентским движением [2].

У вас в Париже дожди уже перецадают, а здесь можно себе вообразить, что находимся в Италии. Безоблачные дни, голубое небо и теплота такая, что хотя я себя продолжаю дурно чувствовать, но решилась прибегнуть к героическому средству: купаться quand même**, несмотря на насморк, кашель и лихорадочное состояние. Что бы сказал голубчик Белоголовый? Мой же, обыкновенный доктор, пребывающий в Dieppe, советовал мне попробовать моментальное почти купанье, только окунуться в воду, в самый теплый час дня. После первой ванны мне было очень нехорошо целый день, после второй лучше гораздо, сегодня беру третью. Правда, у нас условия для купанья исключительные, купаешься, не выходя из своего сада, потом бежишь в теплую кухню, чтобы одеваться перед огнем.

Но величайшее мое удовольствие в эти дни haute marée*** — это прийти с книгой, усесться на высшие ступеньки лесенки, погруженной в во-

---

* преподносить их вам оптом, чем доставлять их в розницу (*франц.*).
** несмотря ни на что (*франц.*).
*** большого прилива (*франц.*).



В. Жандръ (Никитина).

Революціонная Россія.

Перевъ съ французскаго К. Д.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія І. Г. Брауде и К°, Морская, № 19.
1907.

Рѣчь Петра Лаврова, произнесенная на могилѣ В. Жандръ.

„Милостивые Государи
и Милостивыя Государыни!

Отъ имени русской соціалъ-революціонной партіи я приношу глубокую благодарность всѣмъ иностранцамъ, собравшимся сюда, чтобы отдать послѣдній долгъ нашему товарищу и моему, я осмѣливаюсь сказать, другу, госпожѣ Варварѣ Никитиной, урожденной Жандръ. Но, спросите вы меня, пожалуй, по какому праву я причисляю ее къ своимъ соотечественникамъ, вѣдь Россію она покинула уже давно, и всѣ литературныя работы ея принадлежатъ Франціи? Ея первые литературные шаги были сдѣланы въ журналахъ, издаваемыхъ французскими мыслителями, для французскаго журнала она писала уже слабѣющей рукой и послѣднія свои строки?

Но и этого мало!.. Покойница разсказывала мнѣ, какимъ образомъ у нея, когда она была еще въ институтѣ, проснулся интересъ къ великимъ идеямъ свободы и прогресса. Борьбу за правду и справедливость ей открыли и объяснили тѣ страницы исторіи, на которыхъ разсказывалось о бурномъ времени великой

РУССКИЙ ПЕРЕВОД СТАТЬИ В. Н. НИКИТИНОЙ «LA RUSSIE RÉVOLUTIONNAIRE»
Петербург, 1907
В начале брошюры помещены переводы речей П. Л. Лаврова и Ш. Летурно, произнесенных на могиле В. Н. Никитиной
Обложка и начало речи Лаврова

ду, точно сидишь на лодке, бросившей якорь, или на крыльце какого-нибудь palazzo в Венеции; я ребенком, будучи там, часто так сиживала, слушая плеск волн у ног моих, и отцовское сердце радовалось, воображая, что из меня выйдет поэт. Вышла публицистка-революционерка. Более тяжелого разочарования трудно себе представить.

Я очень рада за Мар. Н. и Ю. В. [3], что они хоть на неделю переехали в деревню. Скажите М. Н., что я очень жалею, что она не может приехать сюда и купаться с нами, при таких условиях, какие я вам только что описывала. Как бы это ей было полезно. Очень рада, что есть известия о дорогом отсутствующем [4] и передам вашу благодарность Летурно в первый раз как буду ему писать.

Итак вы очень заняты? И делами интересными, о которых писать не приходится? Голова моя работает при этом, и очень бы хотелось с вами побеседовать... Вообще мысль часто переносится в келью вашу, и когда подумаю, что не увижу вас еще недели три, то это кажется очень долго. Зачем вы не изволите принимать приглашений в Versailles и в St. Cloud? Нужно принимать все деревенские приглашения, для того чтобы иметь побудительную причину хоть иногда выезжать из Парижа. Я и в этом отношении рада, что дамы из Flatteur переезжают в St. Maurice, авось вы лишний раз туда съездите.

Что же это значит, что Белоголовые приезжают всего на одну неделю в этом году? В таком случае они вовсе не «голубчики».

У нас на днях перед окнами происходил эпизод прямо из «Paul et Virginie». Молодая особа, зачитавшаяся на скале, была вдруг отрезана

от земли быстро нахлынувшим морем, и молодой человек вскочил в воду и на руках перенес ее на берег, положим, без опасности ⟨для⟩ жизни,— но прибрежное население было сильно взволновано. Вы, вероятно, подумаете себе, что и со мной когда-нибудь приключится такой же казус.

До свидания, дорогой Петр Лаврович, Лиза и Desmoulins очень вам кланяются, а я крепко жму руку. Desmoulins оба в восторге от своей villégiature*, купаются в море, лежат на песке, но на прогулки не очень-то горазды. Волтаем много, и времени, конечно, теряется пропасть, но при моем теперешнем состоянии здоровья оно не важно. 2 сентября они уезжают. Покидаю вас, чтобы идти окунуться в море. Будьте здоровы и гуляйте побольше, читайте хоть «Temps» в саду. Где вы теперь обедаете?

Душевно вам преданная

В. Н.

Ответ на недошедшее письмо Лаврова

[1] «Листок Народной воли» — «Революционная хроника», орган партии «Народной воли» (листы уменьшенного формата), печатался в тех случаях, когда не могла выходить газета обычного размера. С июня 1880 по ноябрь 1883 г. вышло шесть номеров «Листка». Никитина пишет о «Листках Народной воли», № 1, от 20 июля 1883 г., и № 2 от 15 октября 1883 г.

[2] Никитина, очевидно, пишет о книге: A. M. S u l l i v a n. New Ireland. London, 1877 (8-е изд.— 1882). Эту книгу она цитирует в своей работе «Les luttes de l'Irlande» («Nouvelle Revue», 17 ноября 1884 г.).

[3] Лица не установлены.

[4] Никитина пишет о Г. А. Лопатине, который 22 февраля 1883 г. бежал из вологодской ссылки и в марте прибыл в Париж. Осенью 1884 г. он уехал в Россию с поручением восстановить деятельность «Народной воли», разгромленной царизмом.

62. НИКИТИНА — ЛАВРОВУ

⟨Джерсей.⟩ Суббота утром, 6 сен⟨тября 1884 г.⟩

Дорогой Петр Лаврович,

Надеюсь, книга дошла к вам в благополучном виде; Desmoulins ее не могли взять, так как они только проезжали через Париж на пути в Женеву.

Вероятно, сегодня или завтра буду иметь весточку от вас,— пишу не ожидая ее, так как завтра нет почты, а сегодня Лиза едет в столицу и мой courrier ** пойдет еще с сегодняшним пароходом.

Скажу вам весточку, которая вас порадует,— здоровье мое гораздо лучше, начинаю жить как *живой* человек, а то, право, я только прозябала в последнее время. Мои здешние прошлогодние знакомые нашли меня очень изменившейся, когда я приехала, l'air apaisé! *** А теперь совсем иное дело. Видите ли, что значит влияние «моря-окияна». Как бы вы тут, дорогой воркун, поправились, поздоровели, помолодели. Как бы быстро подвинулось строение храма, одна колонна за другой так бы и воздвигалась. Право, нужно бы насильно вас вывезти с rue St. Jacques «во имя науки и общественного блага». Вы меня часто бранили в последнее время, что я ленюсь, и бранили поделом, так как я действительно не работала. Но дело в том, что я не *могла* работать и не раз мне приходило в голову, неужели мой бедный мозг *уже* истощился, после такого краткого периода не весьма, по-видимому, головоломной деятельности. А это просто был полный упадок сил, и, оставайся я в Париже,

* пребывания на даче (*франц.*).
** почта (*франц.*).
*** вид подавленный (*франц.*).

не знаю, поправилась ли бы я. Теперь мне *хочется* опять работать, но целый почти месяц этого желания не чувствовала.

Когда я вернусь в rue St. Jacques, еще не знаю, вероятно, около 20-го, как только узнаю, вас извещу, в наивном убеждении, что вы будете хоть отчасти так рады моему возвращению, как буду рада я очутиться опять в родной для меня вашей келье и слушать ваши мудрые речи, которым я так многим, многим обязана. Никто и никогда не сделал мне столько добра, как вы, добра в самом высшем значении слова, в смысле просвещения разума и нравственного умиротворения. Зато же, дорогой друг и учитель, вы имеете во мне весьма преданное детище. Вы способны при этом ехидно улыбнуться, но это у вас только дурная привычка, в сущности, вы глубоко убеждены в этом, потому что вы весьма «проницательный читатель» и знаете, что лукавства-то во мне нет.

Получила от Гальп⟨ерина?⟩ письмо, повергшее меня в уныние. Ну как ему помочь? Я как нарочно говорила с Desmoulins о Maret, и он мне объяснял, что Maret et Lacroix font le journal à eux deux et ne paient que les quelques rédacteurs strictement nécessaires *. Письмо-то Desmoulins, конечно, дает, но толку с этого не будет никакого. Я посылаю бедному мальчику 20 ф., потому что вижу из письма, что он страшно нуждается. Desmoulins оставил мне 100 ф., чтобы мне не пришлось беспокоить мое Провидение, иначе сказать Петра Лавровича Лаврова.

«А море черное шумит не умолкая»[1] — пока я к вам пишу. Ревет оно уже несколько дней, и частенько погода дождливая и холодная мешает купаться, но зато воздух живительный.

Что это за новая Вера Засулич появилась у нас? «Justice» о ней говорит[2]. Статья моя, вероятно, появится в «Nouvelle Revue» 15 сентября[3]. Третьего дня прислали корректуру,— вчера я ее отправила.

Крепко жму руку, Лиза торопит.

Ваша В. Н.

[1] Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского».

[2] «La Justice» писала, по-видимому, о революционерке Марии Игнатьевне *Кутитонской* (1855—1887); в 1879 г. отправлена на четыре года на каторгу на Каре, где находилась до 1882 г., вышла на поселение и жила в г. Акше, Забайкальской области. 16 сентября 1882 г. в Чите стреляла в Забайкальского губернатора Ильяшевича; была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой; умерла от чахотки в иркутской тюрьме.

[3] Это была первая из задуманных Никитиной статей «Les luttes de l'Irlande» — о борьбе ирландских фениев против английского господства (см. п. 61, примеч. 2); вторая должна была появиться в январской книжке журнала 1885 г., но не была окончена автором.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ СТАТЕЙ В. Н. НИКИТИНОЙ**

1. M. Taine et l'éducation de la femme.— «Le Science politique», 1.IV.1879.

2. La prétendue infériorité de la femme.— «La Réforme», 15.VII, 1.IX. 1880.

*3. La sociologie d'après l'ethnographie.— «Revue internationale des Sciences», 15.I.1881.

4. A propos d'une sociologie positiviste.— «Revue internationale des Sciences», 15.IV.1881.

*5. La psychopathie dans l'histoire et la sociologie.— «Revue internationale des Sciences», 15.X.1881.

6. La renaissance du matérialisme.— «Revue internationale des Sciences», 15.X. 1881.

* Маре и Лакруа делают газету вдвоем и оплачивают только совершенно необходимых сотрудников (*франц.*).

** Статьи, вошедшие в сборник *Etudes*, отмечены звездочкой.

7. L'homme et les sociétés. — «La Justice», 6.VI.1881.
8. La renaissance du matérialisme.— «La Justice», 17.VIII.1881.
9. Dégénérescence des races royales.— «La Justice», 15.IX.1881.
10. La théorie du progrès d'après les sociologistes modernes.— «Le Réveil», 25.X.1881.
*11. La journée de travail.— «Le Réveil», 13.XI.1881.
*12. Les heures de travail.— «Le Réveil», 19.XI.1881.
*13. Le catholicisme socialiste en Allemagne.— «La Justice», 2.XII.1881.
14. En Russie.— «La Justice», 26.I.1882.
15. M. Renan et le christianisme.— «La Justice», 15.II. 1882.
*16. M. Pierre Lavroff.— «La Justice», 23.II.1882.
17. L'expulsé.— «Le Citoyen», 26.II.1882.
18. La sociologie et la question sociale.— «La Justice», 5.IV.1882.
19. Lettre de Russie.— «La Justice», 4.V.1882.
*20. Giuseppe Garibaldi.— «La Justice», 20.VI.1882.
21. Lettre de Russie.— «La Justice», 28.VIII.1882.
*22. Pot-Bouille et la bourgeoisie française.— «La Justice», 21, 26.IX, 3.X.1882.
23. Le mouvement nihiliste.— «La Justice», 24.XI, 5.XII.1882.
24. La déportation administrative en Russie.— «La Justice», 18.I, 7.II.1883.
25. De l'hérédité.— «La Justice», 6.II.1883.
26. Un probleme de morale.— «La Justice», 2.III.1883.
*27. Les fêtes d'Adonis ou le mythe de le résurrection.— «La Justice», 26.III.1883.
28. Deux anniversaires.— «La Justice», 11.IV.1883.
29. Transformisme et transformistes.— «La Justice», 17.IV.1883.
*30. Qu'est-ce que l'utile? —«La Justice», 25.IV, 5.V.1883.
*31. Le congrès de Copenhague et la partie socialiste en Allemagne. — «La Justice», 17.V.1883.
32. La civilisation chinoise.— «La Justice», 12.VI.1883.
33. Lettre de Russie.— «La Justice», 19.VI.1883.
*34. Lignes isothermes en morale.— «La Justice», 24.VII.1883.
35. Le paradis d'un naturaliste.—«La Justice», 31.VII.1883.
*36. La poésie de combat.— «La Justice», 28.VIII, 8, 19.IX.1883.
37. Deux adversaires du socialisme.— «La Justice», 9.X.1883.
38. Troubles agraires en Russie.— «La Justice», 18.X.1883.
39. L'ouvrier en Allemagne.—«La Justice», 16, 19. X. 1883.
40. Poésie inédite de Tourguéneff.— «La Justice», 21.X.1883.
*41. L'ouvrier en Italie.— «La Justice», 6.XII.1883.
42. Biographie d'un prolétaire. Auguste Desmoulins.— Paris, 1883.
*43. Ivan Tourguéneff et le réalisme russe.— «La Justice», 7, 8.I.1884.
44. La morale démocratique.— «La Justice», 11.II.1884.
45. La sociologie par le Dr Letourneau.— «La Justice», 4.V.1884.
46. Une science nouvelle.— «La Justice», 17.III.1884.
*47. La Russie révolutionnaire.— «La Nouvelle Revue», 1.IV.1884.
48. La vérité sur Soudeykine.— «La Justice», 18.IV.1884.
*49. Diderot.— «La Justice», 21.IV.1884.
*50. Henry George et Alfred Russel Wallace ou la question de la nationalisation du sol.— «La Justice», 12.V.1884.
*51. Nouvelles théories agraires.— «La Justice», 8.IX.1884.
*52. L'Allemagne ouvrière et socialiste.— «La Nouvelle Revue», 15.IX.1884.
53. Un révolutionnaire de la veille.— «La Justice», 13, 14.X.1884.
54. Lettre de Russie (Le dernier procès nihiliste).— «La Justice», 31.X.1884.
*55. Les luttes de l'Irlande.— «La Nouvelle Revue», 17.XI.1884.
56. Externe, soit; interne, jamais! — «La Justice», 17.XI.1884.
57. Etudes psychologiques par Ivan Setchénoff.— «La Justice», 26.XII.1884.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА к И. А. ГОНЧАРОВУ

Сообщение О. В. Якимовой

Переписка Тургенева с Гончаровым продолжалась в течение 12 лет, с 1856 по 1868 г., но от нее дошли с относительной полнотой лишь письма Гончарова (12 писем). Писем же Тургенева почти не сохранилось: после разрыва отношений между писателями, происшедшего в 1868 г., Гончаров уничтожил их, сделав при этом три выписки, использованные им позднее в «Необыкновенной истории»; кроме того, известны два письма — одно по копии из архива А. Ф. Кони, другое по публикации «Вестника Европы» 1908 года.

В 1971 г. Государственный Литературный музей получил в дар от живущей в Японии русской эмигрантки М. П. Марсов-Тишевской коллекцию писем русских писателей и среди них — подлинник неизвестного письма Тургенева к Гончарову. Это было шестое письмо Тургенева и, что самое главное, первое подлинное.

Обстоятельства, послужившие основанием для этого письма, датированного 2/14 января 1868 года, могут быть легко восстановлены. В конце 1867 г. Тургеневу стало известно, что берлинский издатель и книгопродавец Штур собирается напечатать только что опубликованный роман «Дым» и отправить большую часть тиража в Россию. Это, естественно, могло нанести материальный ущерб и Тургеневу и его постоянному издателю Ф. И. Салаеву, а также помешать распространению второго издания «Дыма», которое в это время готовил Салаев. 5/17 декабря 1867 г. Тургенев известил о полученных сведениях Салаева и тот подал в Главное управление по делам печати прошение о запрете ввоза в Россию берлинского издания «Дыма» [1]. В это же время Тургенев счел необходимым обратиться за помощью к Гончарову как члену Совета по делам книгопечатания. Летние встречи с ним в Баден-Бадене, которые не были ничем омрачены, делали такое обращение вполне естественным.

Но Тургенев при этом не знал, что еще 29 декабря 1867 г. Гончаров вышел в отставку. Тем не менее он, сразу после получения письма Тургенева (это могло быть около 6/18 января), быстро и энергично взялся за выполнение просьбы, используя свои давние связи в цензурном ведомстве. Он встретился с начальником Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневым и передал ему письмо Тургенева со своей сопроводительной запиской, а также написал Ф. И. Тютчеву, возглавлявшему тогда Комитет иностранной цензуры. О предпринятых мерах он без промедления сообщил Тургеневу.

Это первое ответное письмо Гончарова, в котором он откликается и на другие вопросы, затронутые в тургеневском письме, было опубликовано Б. М. Энгельгардтом в 1923 г. [2] Однако ни он, ни последующие публикаторы и исследователи [3] не обратили внимания на то, что проставленная Гончаровым дата письма — 10/22 февраля 1868 г.— вызывает серьезное сомнение. Во-первых, столь поздний (больше чем через месяц!) ответ противоречит и содержанию письма Гончарова и принятым в ту эпоху нормам ведения переписки; а во-вторых,— и это самое главное,— необъяснимым оказывается начало другого письма Гончарова, от 22 января 1868 г.: «Получили ли вы, любезнейший Иван Сергеевич, мое письмо, посланное недели две тому назад, в ответ на ваше?» В публикации 1923 г. это письмо *предшествует* первому, хотя оно, вне всякого сомнения, написано *после него*: здесь Гончаров вновь коротко извещает Тургенева о своих обращениях к Похвисневу и Тютчеву, а затем добавляет: «Теперь могу сообщить вам о мерах, какие приняты ими» (далее следует обстоятельное изложение этих мер [4]). Для того чтобы снять это противоречие и восстановить правильную последовательность

обоих ответов Гончарова, необходимо допустить, что в дате первого письма Гончаров ошибся в месяце: написал «февраля» вместо правильного «января». При таком допущении получается правильная картина: через три-четыре дня по получении письма Тургенева Гончаров отправляет ему свой первый ответ, а затем, через 12 дней, сообщает о принятых уже по его хлопотам мерах [5].

Справка, составленная Б. М. Энгельгардтом по данным архива Главного управления по делам печати, показывает, что циркулярное предписание о недопущении в Россию контрафакционных перепечаток «Дыма» было направлено в Москву, Одессу, Ригу и Вильно 17/29 января 1868 г. [6]

Публикуемое письмо, судя по всему, было последним письмом Тургенева к Гончарову, так как уже летом 1868 г. отношения между ними были окончательно прерваны [7].

М. П. Марсов-Тишевская, передавая материалы в ГЛМ, сообщила, что они достались ей от одной из дочерей П. И. Капниста, Инны Петровны Метакса. П. И. Капнист (внук В. В. Капниста) с 1865 г. был правителем дел Главного управления по делам печати; можно предположить, что письмо Тургенева попало к нему от М. Н. Похвиснева, которому оно было отдано самим Гончаровым «без возврата» [8].

Письмо печатается по подлиннику: ГЛМ, рукописный отдел, фонд И. С. Тургенева, № 17, ед. хр. № оф. 5945.

Баден-Баден. Вторник 2/14 января 1868
(Schillerstrasse, 7)

Любезнейший Иван Александрович, мне очень совестно, что первое письмо мое к вам [9] обращено не к приятелю и литератору — а к чиновнику и члену Главного правления по делам печати. Вот в чем дело: берлинскому книгопродавцу Штуру вздумалось переиздать по-русски «Дым» — и продает он его по 75 коп. Против этого я ничего не могу — но он изъявил намерение препроводить значительное количество экземпляров в Россию, будто бы вследствие заказов оттуда. Это уже явная атака на мой карман и на карман моего издателя, Ф. И. Салаева, в Москве. Сколько я могу судить — ввоз подобных заграничных изданий (а их довольно много, как вам известно) не может быть допускаем; однако говорят, Вольф [10] попытался было провести заграничное издание Гоголя — и только энергическая протестация наследников помешала этому делу. Сделайте милость, дайте мне знать, если нужно с моей стороны какое-либо прошение или тому подобное; если же достаточно этого письма, то примите нужные меры для запрещения этого берлинского издания; в этом заинтересованы все литераторы и издатели. Надеюсь на вашу дружбу и прошу заранее извинения за хлопоты.

Что вы поделываете хорошего, с тех пор как улетели отсюда на берега моря вместе с Феоктистовыми (которым прошу передать мой привет)[11]? Так же ли спокойно и однообразно бежали дни — или выдалось что-нибудь новое — хотя бы в форме припадка сочинительства? Последнее было бы великим счастьем для читающей публики. Что касается до меня, то во мне не то чтобы совсем пробудился червь — а копошится медленно и сонливо — и я пописываю [12]. Быть может, привезу с собою что-нибудь в Петербург, куда попаду, однако, не ранее конца апреля — и где, конечно, вас увижу [13].

Напишите мне строки две-три; я на несколько дней съезжу во Францию на свидание с дочерью — а впрочем до отъезда в Россию из Бадена никуда.

Желаю вам всего хорошего и крепко жму вашу руку.

Преданный вам Ив. Тургенев

P. S. Пишу вам по старому адресу: вы, вероятно, квартиры не переменили.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Прошение Салаева было подано 21 декабря 1867 г./2 января 1868 г. (см.: *Тургенев, Письма*, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, с. 9 и 449).

[2] «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев». По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисловием и примечаниями Б. М. Энгельгардта. Пб., «Academia», 1923, с. 60—63. Подлинники этого и других писем Гончарова к Тургеневу в ИРЛИ, в фонде П. В. Анненкова (5779. XXXб. 68б).

[3] См.: И. А. Гончаров. Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М., «Художественная литература», 1955, с. 370—372 (здесь в тексте письма исправлены неточности, имевшиеся в публикации 1923 г.); *Летопись Гончарова*, с. 168.

[4] «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», с. 57—59.

[5] Второе письмо помечено Гончаровым: «22 января /9 февраля 1868 г. » В дате нового стиля ошибка, повторенная во всех публикациях (должно быть — «3 февраля»).

[6] «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», с. 58.

[7] Там же, с. 26—27. Публикуемое нами письмо не отмечено в перечне утраченных писем Тургенева, хотя наличие двух ответных писем Гончарова давало для этого необходимое основание (см.: «Тургеневский сборник», III, М.—Л., «Наука», 1967, с. 323).

[8] «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», с. 61.

[9] «Первое письмо» — после отъезда Гончарова из Баден-Бадена, где он встречался с Тургеневым. В Баден-Бадене Гончаров пробыл с 18/30 июня по 20 июля/1 августа 1867 г. (*Летопись Гончарова*, с. 165—166).

[10] Маврикий Осипович *Вольф* (1825—1883) — петербургский издатель и книгопродавец.

[11] Август 1867 г. Гончаров провел на морском курорте в Остенде. Евгений Михайлович *Феоктистов* (1829—1898) — историк, публицист. С 1863 г.—чиновник особых поручений при министре народного просвещения; в 1871—1883 гг.— редактор «Журнала Министерства народного просвещения; в 1883—1896 гг.— начальник Главного управления по делам печати. Его жена — Софья Александровна.

[12] С осени 1867 г. Тургенев работал над «Литературными и житейскими воспоминаниями».

[13] Встреча Тургенева с Гончаровым не состоялась: Тургенев был в Петербурге 6/18—9/21 июня и 8/20—9/21 июля 1868 г., а Гончаров с 27 мая/8 июня и до середины августа находился за границей (см.: *Тургенев, Письма*, т. VII, с. 571; *Летопись Гончарова*, с. 171—174).

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО К А. А. МАЙКОВУ

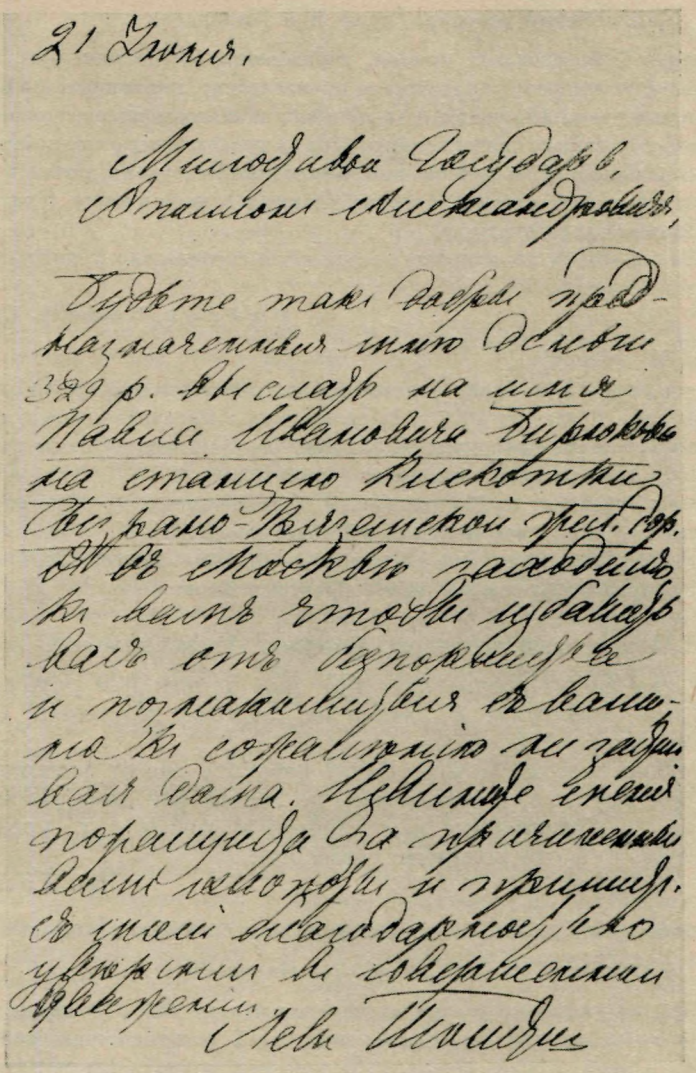
Сообщение В. П. Нечаева

В девяностом томе Полного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого опубликован «Список писем и деловых бумаг Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен». Этот список является как бы путеводителем для дальнейших поисков. В него включено 1360 еще не разысканных или не сохранившихся писем Толстого.

Среди адресатов писателя значится Аполлон Александрович Майков (1826—1902) — славист и публицист, бывший адъюнкт Московского университета по кафедре русской словесности, член-корреспондент Академии наук, управляющий императорскими театрами в Москве, гофмейстер императорского двора. Аполлон Александрович был двоюродным братом известных писателей Аполлона, Валериана и Леонида Николаевичей Майковых. В 1875 г. он защитил магистерскую диссертацию «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа». В 1875—1886 гг. Майков состоял чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе князе В. А. Долгоруком. В это время им был написан ряд статей о городском хозяйстве Москвы. В 1867—1871 гг. он являлся одним из редакторов сборника «Беседа в Обществе любителей российской словесности». Его перу принадлежат статьи о драме Писемского «Горькая судьбина», о «Дон Жуане» Мольера, «Об авторских правах на драматические произведения» и другие статьи о театре. Майков был переводчиком драмы Денери «Актриса», имевшей успех на сцене московского Малого театра. В конце 1880-х годов Майков занимал пост управляющего императорскими театрами в Москве, в течение тридцати лет он был казначеем Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.

В списке-указателе писем зарегистрировано только одно (публикуемое ниже) письмо Л. Н. Толстого к Аполлону Александровичу Майкову, связанное с присуждением Толстому Обществом драматических писателей премии за лучшее драматическое произведение сезона 1891/1892 г. Премия была присуждена Толстому за пьесу «Плоды просвещения». Решение о присуждении премии было принято на заседании комитета Общества 27 января 1893 г. Председатель Общества И. В. Шпажинский известил об этом Толстого в официальной бумаге.

Сценическая история «Плодов просвещения» начинается с домашнего спектакля, поставленного группой молодежи в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г. Еще до появления комедии в печати она, по выражению самого Толстого, «ходила по рукам» в рукописных списках. Впервые пьеса была напечатана в книге «В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного» (М., 1891, стр. 1—95). Второй спектакль «Плодов просвещения» был сыгран актерами-любителями в апреле 1890 г. в Туле в зале дворянского собрания. 19 апреля того же года спектакль «Плоды просвещения» был поставлен также любителями в Царскосельском театре. На этом спектакле присутствовали Александр III с императрицей, великие князья и столичная знать. Несмотря на то что драматическая цензура разрешила пьесу к представлению, Главное управление по делам печати отменило это разрешение. В своем докладе министр внутренних дел И. Н. Дурново писал: «...Главное управление по делам печати приостановило ее в виду толков в некоторых кругах общества, будто автор намеревался осмеять в этой комедии дворянское сословие» («Красная новь», 1928, № 11, с. 139). На этом же докладе рукой Дурново написано решение Александра III: «Его величество изволит находить эту пьесу неудобною для сцены, на любительских же театрах она может быть разрешаема» (там же, с. 140). В феврале 1891 г. комедия была поставлена К. С. Станиславским на сцене Не-



ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО К А. А. МАЙКОВУ
Автограф. 21 июня 1893 г.
Частное собрание, Москва

мецкого клуба в Москве Обществом искусства и литературы. Спектакль был разрешен как любительский. Это была первая режиссерская работа Станиславского, сам он играл роль Звездинцева. В спектакле участвовали В. В. Лужский, А. А. Федотов, А. Р. Артем, М. П. Лилина, В. Ф. Комиссаржевская и другие. На профессиональной сцене «Плоды просвещения» были впервые поставлены в марте 1891 г. в Харьковском драматическом театре. После этой постановки Главное управление по делам печати вновь подтвердило запрещение представлений комедии в театрах. Официальное разрешение постановки «Плодов просвещения» сначала было сделано лишь для императорских театров. 26 сентября 1891 г. состоялась премьера в Александринском театре, 12 декабря того же года — в Малом театре. С ноября 1893 г. пьеса разрешалась к постановке в провинции каждый раз специально.

Толстой не ответил на официальное письмо Шпажинского. Тогда А. А. Майков как казначей Общества обратился к писателю 19 июня 1893 г. со следующим письмом:

Милостивый государь, граф Лев Николаевич.

Ежегодная Грибоедовская премия, учрежденная Обществом русских драматических писателей за лучшее драматическое произведение, появившееся в предшествовавшем году, присуждена 30 января сего года вам за «Плоды просвещения». Не получая до сего времени от вашего сиятельства отзыва на уведомление о сем комитета Общества, считаю долгом покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня ответом: угодно ли вам получить премию, которая хранится у меня в кассе, в размере 329 руб., и куда прикажете адресовать ее?

В ожидании ответа покорнейше прошу ваше сиятельство принять уверение в отличном моем уважении.

М а й к о в (казначей Общества)

(Архив Л. Н. Толстого, № 173/68).

В ответном письме Майкову Толстой просил перевести премию на имя Павла Ивановича Бирюкова. С августа 1892 г. Бирюков жил в Бегичевке, заведуя организованными Толстым (в связи с голодом) столовыми. Толстой неоднократно переводил деньги Бирюкову в фонд помощи голодающим крестьянам.

В письме к Бирюкову от 22 июня 1893 г. Толстой писал: «Я нынче написал в Москву, чтобы премию 329 р. вам выслали в Клекотки» (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 66, с. 355). Дата на письме к Майкову — 21 июня. Письмо Толстого печатается по автографу, хранящемуся в частном собрании в Москве:

21 июня.

Милостивый государь, Аполлон Александрович,

Будьте так добры предназначенные мне деньги 329 р<ублей> выслать на имя *Павла Ивановича Бирюкова на станцию Клекотки Сызрано-Вяземской жел<езной> дор<оги>*.

Я в Москве заходил к вам, чтобы избавить вас от беспокойства и познакомиться с вами, но, к сожалению, не застал вас дома. Извините меня, пожалуйста, за причиненные вам хлопоты и примите с моей благодарностью уверение в совершенном уважении.

Лев Т о л с т о й

Выполняя просьбу Толстого, Майков послал писателю такое письмо:

Милостивый государь, граф Лев Николаевич,

спешу выслать по указанному вами адресу запоздалые 329 р. и делаю это с особенным удовольствием, вполне разделяя мнение судей, остановивших свой приговор на вашей пьесе. Очень и очень сожалею, что не мог вручить эти деньги вам лично и засвидетельствовать устно вашему сиятельству мое глубочайшее уважение.

Ваш покорный слуга М а й к о в

25 июня 93 г.

(Архив Л. Н. Толстого, № 164/29)

Вот и вся история этой небольшой переписки. По-видимому, личное знакомство Толстого с Майковым так и не состоялось.

ПИСЬМА А. К. ТОЛСТОГО К М. В. ВОЛКОВОЙ (ЛЬВОВОЙ)

Сообщение Е. Н. Дунаевой

В Государственном Литературном музее хранятся 4 письма А. К. Толстого к его двоюродной сестре Марии Владимировне Волковой, урожденной княжне Львовой. Письма эти представляют несомненный интерес для изучения биографии и творчества писателя.

Отцом М. В. Волковой был князь В. В. Львов, посредственный литератор, более известный в роли цензора Московского цензурного комитета; за пропуск отдельного издания «Записок охотника» И. С. Тургенева он был по личному распоряжению Николая I отстранен от должности. Его жена, одна из сестер матери Толстого, после смерти мужа продолжала поддерживать знакомства в литературных кругах. Среди знакомых семьи Львовых можно назвать Аксаковых, Тургенева, Л. Н. Толстого. С. Л. Толстой в своей статье «Об отражении жизни в «Анне Карениной» называет Львовых в ряду типичных московских семей, вывозивших по зимам «в свет» своих многочисленных дочерей [1]. С именем Александры Владимировны связан эпизод из жизни Л. Н. Толстого — в пору написания «Семейного счастья» он был увлечен ею, думал о браке с ней. Елизавета Владимировна Львова известна как автор повестей и рассказов, печатавшихся в «Вестнике Европы», получивших одобрение И. С. Тургенева; она оставила воспоминания о встречах с И. С. Тургеневым и А. К. Толстым [2].

О М. В. Волковой (1833—1907), к которой обращены письма Толстого, мы располагаем весьма ограниченными сведениями. В 1861 г. она вышла замуж за С. С. Волкова, предводителя дворянства Клинского уезда, гласного московского земства первого созыва. М. В. Волкова жила в Москве, была одной из дам-благотворительниц.

Как видно из писем, Толстой поддерживал отношения с родными на протяжении всей жизни, однако его переписка с М. В. Волковой не была регулярной. Первое из писем относится к 1860 г., последнее датировано 1875 г. В письмах много семейно-бытовых подробностей, связанных с предстоящей свадьбой Марии Владимировны, с болезнью Е. А. Жемчужниковой, с устройством дел А. Г. Гагарина и т. п. Они отличаются шутливым тоном, столь характерным для эпистолярного наследия Толстого. Но есть в них также материал, далеко выходящий за рамки родственной переписки.

В первом письме, которое может быть датировано началом апреля 1860 г. [3], Толстой делится с кузиной результатами своей творческой работы:

«Ты всегда, Маша, была добрая, степенная девушка. Почему же мне не сказать тебе, что я много написал с тех пор, как мы не виделись. Кончил роман в четырех частях, исторический, совестливый и, говорят, занимательный. Одну драму или, скорей, драматическую поэму «Дон-Жуан», заслужившую одобрение некоторых лиц, хотя и не сановных, но достойных уважения.

Да множество мелких стихотворений. Все это будет пущено en gerbe *, скажу скопом, по возвращении моем».

Упомянутый здесь исторический роман «Князь Серебряный» был окончен весною 1860 г., в последующие годы Толстой работал над его окончательной редакцией. Определение романа как «совестливого» отвечало позиции автора, его пониманию отношений «избранных» людей к носителям неограниченной власти. Некоторые несановные

* в снопах, т. е. вместе, полностью (*франц.*).

лица, одобрившие поэму «Дон-Жуан»,— очевидно, В. П. Боткин, которому Толстой ее дважды читал. Намерение издать полностью стихотворения было осуществлено Толстым в 1867 г.

В этом же письме Толстой пишет: «Что дорожка? Произведение рук человеческих, а я всегда вспоминаю с удовольствием, как мы раз удрали в лес и поздно вечером вернулись домой, никем не примеченные». Фраза, эта, подкрепленная устным преданием, сообщенным прежними владельцами писем, дает возможность по-новому прокомментировать одно из ранних стихотворений Толстого: «Ты помнишь ли, Мария...» Первые комментаторы безоговорочно относили все лирические стихи Толстого к С. А. Миллер. Однако текст этого стихотворения был включен в так называемую «Смирновскую тетрадь», переписанную Толстым для А. О. Смирновой еще до встречи с С. А. Миллер. По своей тональности оно резко отличается от тревожно-мучительных переживаний ранних стихотворений «миллеровского цикла».

Согласно семейному преданию стихотворение обращено к Марии — княжне М. В. Львовой, в ту пору 15-летней кузине поэта. Приведенная фраза из письма имеет прямую параллель в стихотворении:

И роща, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни? [4]

«Старинный дом», о котором говорится в стихотворении,— не роскошный дворец графов Разумовских, как это указывалось в комментариях, а небольшая подмосковная усадьба разорившейся княжеской семьи, село Спас-Телешово на Петербургском шоссе близ Клина. Верное объяснение получают и пропущенные строфы стихотворения, сохранившиеся в тетради Смирновой:

Вельмож суровых много
И много важных дам
На нас смотрели строго
И чопорно из рам.

Служившие когда-то
Бояре при царях
С осанкой бородатой
Иль в белых париках,

Именьем щедро розным
Даримые двором
Иль павшие под грозным
Курляндским топором... [5]

Строфы эти, конечно, не могут относиться к предкам лемешевского пастуха Алексея Розума; речь здесь идет о галерее портретов князей Львовых, считавших свой род от Рюрика, служивших в XVI—XVII вв. при дворе московских царей.

Особое значение имеет письмо Толстого, написанное 8 декабря 1870 г. в ответ на присылку ему текста адреса гласных Московской городской думы, поданного 17 ноября 1870 г. Александру II.

В ноябре 1870 г. осложнилось международное положение России. Пользуясь ослаблением Франции в войне с Пруссией, Россия отказалась от статьи Парижского трактата 1858 г., запрещавшей ей держать оборонительную силу на Черном море. Циркулярная нота кн. А. М. Горчакова вызвала большие толки. Петербург, Киев и вслед за ними другие города выразили царю свои верноподданнические чувства. В московском адресе, авторами которого были кн. В. А. Черкасский и Ю. Ф. Самарин, наряду с поддержкой правительственной внешней политики была выражена надежда на дарование царем свободы печати, вероисповедания и совести.

Адрес не был принят, царь возвратил его с выговором, как «неуместный» и «неприличный». Попытка либеральных кругов воздействовать на правительство окончилась и на этот раз провалом. В газетах московский адрес не был опубликован, но получил широкое распространение в обществе; о нем писала и заграничная пресса.

В своем письме к Волковой Толстой не только высказывает свое отношение к адресу, но и формулирует свои политические взгляды.

«Во-первых, милая Маша, мороз так стреляет как бы у кого в ушах, во-вторых, благодарю тебя за адрес. Я сначала подумал, что он ко мне, и только удивлялся, почему ты меня называешь величеством. Потом раскусил, а напоследок разжевал. Не предавай меня анафеме за мое суждение. Во всем адресе я сочувствую только одному: желанию свободы веры и совести. Что касается до приему чтобы «вступить в материю», то он напоминает мне следующий анекдот: Один отставной генерал любил рассказывать про свои сражения и придирался к каждому случаю, чтобы приклеить к нему свой рассказ. Однажды ему как-то не удавалось ни к чему прицепиться; тогда он вдруг, среди общего разговора, вскочил и сказал:

— Entendez-vous. Je crois qu'on tire du canon? — Mais, non, général, cela vous a paru, personne ne songe à tirer du canon. — C'est égal, à propos de canon je vais vous raconter... * — и пошел рассказывать.

Так и Самарин с Черкасским ждали, ждали да и закричали:

— C'est égal! À propos de la circulaire du chancellier, donnez nous la liberté de la presse... de la conscience **.

Вещь сама по себе хорошая, слов нет, но последовательности не много. А что до самой сути, то, как сказано, я сочувствую и желаю свободы веры и совести. Касательно же полной свободы печати, буду говорить дерзко. Я иду далее адреса, я просто желал бы, чтобы у нас была Конституция, настоящая, хорошая, не каррикатура на Конституцию. При ней желательна и свобода печати. Но при неограниченном правлении — она есть противуречие и непоследовательность. Она более, она положительно вредна. Она равняется построению крыши прежде фундамента. Она привела бы не к разумной перестройке здания, но к его разрушению и распадению, а там что бог даст! Сохрани нас бог от такой перестройки. Я не хочу этим сказать, что одобряю все цензурные меры, которые у нас принимаются, напротив; но я не вижу, как может ужиться полная свобода печати с самодержавием? А если мне скажут, что она приведет к Конституции, то я отвечу: нисколько, она приведет теперь лишь к анархии. Будем желать Конституции, но не этим путем; будем наводить правительство на благодетельную мысль изменить свой фундамент, и изменить его постепенно, а когда изменится фундамент, тогда придет и свобода печати. А свободу совести можно дать и сегодня, и чем скорей, тем лучше. Я много бы еще мог болтать про это, но уже поздно и тебе пора спать».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЛН*, т. 37-38, с. 571.

[2] «Из воспоминаний об Иване Сергеевиче Тургеневе и его письма».— «Новое время», 1910, № 12497, 25 декабря.

[3] Датировка дается по парижскому адресу А. К. Толстого и по сведениям об окончании романа «Князь Серебряный» и поэмы «Дон-Жуан».

[4] А. К. Толстой. Собр. соч., т. 1. М., Гослитиздат, 1963, с. 65.

[5] Там же, с. 706.

---

* — Послушайте! Кажется стреляют из пушек?— Нет, генерал, это вам показалось, никто и не думает стрелять из пушек. — Все равно, по поводу пушек я вам расскажу... (*франц.*).

** — Все равно! По поводу циркуляра канцлера, дайте нам свободу печати... совести! (*франц.*).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В. Г. КОРОЛЕНКО

Сообщение А. В. Храбровицкого

В 1912 г. московское книгоиздательство К. Ф. Некрасова выпустило книгу Н. Шаховской «В. Г. Короленко. Опыт биографической характеристики». Автором этой первой биографии Короленко была Наталья Дмитриевна Шаховская, в то время 22-летняя девушка; книга о Короленко явилась ее первым литературным опытом [1].

Публикуемое письмо Короленко к Н. Д. Шаховской написано в ответ на присылку ее книги; оно содержит общую оценку работы молодого автора и ряд существенных поправок, ценных для изучения биографии и творчества писателя.

В поправках Короленко отразилось присущее ему стремление к абсолютной правдивости и максимальной точности. Он исправляет своего биографа, написавшего, что в якутской ссылке Короленко имел лишь «несколько книг» и мог только «раза два в году обмениваться с родственниками письмами»; поправляет дату своего ареста — не «через несколько месяцев после поселения в Нижнем», а «в тот же месяц»; уточняет данные о своей поездке по Мултанскому делу — не «в Елабуге исследовал место убийства», а «из Елабуги отправился на место убийства в Малмыжский уезд» и т. д.

Для письма Короленко характерны также исключительная авторская скромность, деликатность, уважение к чужому мнению. Молодой критик весьма строго отнесся к повести Короленко «Слепой музыкант», назвав это произведение «неудавшимся», заодно раскритиковав «В дурном обществе» и «Сон Макара» (стр. 71—72). Короленко мягко возразил только на критику «Сна Макара», заметив, что «тут я считаю себя правым ⟨...⟩ Психологической неправды тут нет». Так же скромно возразил он на упрек, что «не процеживает своего сюжета» — «Мне кажется, это не совсем так. Я могу писать лишь тогда, когда сюжет сам процедится в памяти...»

Письмо публикуется по черновику, сохранившемуся в архиве Короленко (ГБЛ, ф. 135, II.9.17); беловой автограф утерян, об этом Шаховская сообщала 16 июля 1938 г. дочери Короленко Софье Владимировне (там же, ф. 135, без шифра).

⟨Хатки⟩ 10 июля 1913

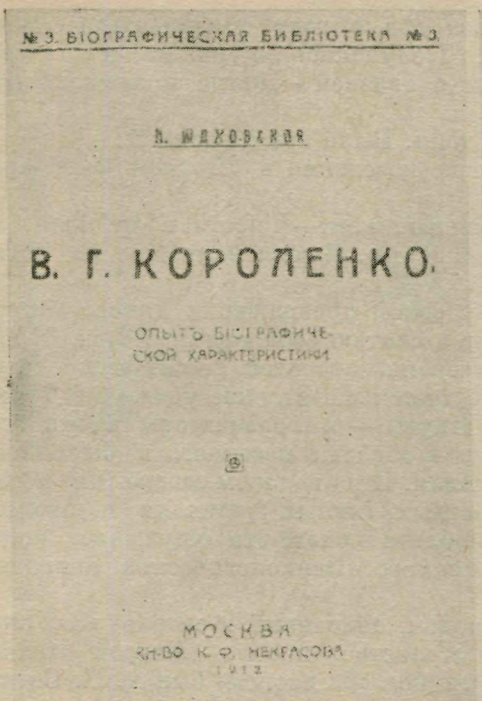
Многоуважаемая Наталья Дмитриевна.

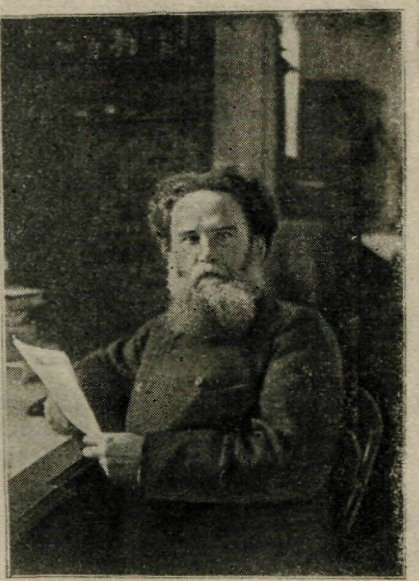
Пишет вам самый неблагодарный из писателей, к которым критики относились так внимательно, как вы отнеслись ко мне в вашей книжке. Получив ее (ох, давно!), я ее тогда же прочел и решил написать вам. К сожалению,— как это часто бывает (лучшее — враг хорошего),— я решил заодно послать некоторые замечания, которые приходили в голову при чтении. А тут подошли разные события, которые отвлекли внимание. Прошлый год был одним из самых тяжелых в моей жизни и по обилию черной работы, и по разным другим причинам [2]. И вот только теперь, на досуге, я вспомнил о вашей хорошей книжке и о своей черной неблагодарности. Прочел еще раз и пишу. Не знаю только, найдет ли вас письмо по прежнему адресу. Посылаю заказным *.

Очень трудно отнестись вполне объективно к тому, что писано о тебе самом. Скажу поэтому только, что мне читать вашу книгу было приятно

---

* *Далее вачеркнуто*: Не стану повторять, что книжка мне показалась хорошей.





В. Г. Короленко

КНИГА Н. Д. ШАХОВСКОЙ, ПОСЛУЖИВШАЯ ПОВОДОМ ДЛЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО К ЕЕ АВТОРУ

Москва, 1912

Обложка и фронтиспис

и интересно. Со многим, вами высказанным, я согласен, кое с чем расхожусь. Замечания фактического и иного содержания имею сделать следующие (в порядке страниц):

«Первым настоящим увлечением был Шевченко», стр. 18. Так решительно я бы этого не сказал. Я увлекался вообще историческим и романтическим прошлым. Первые сильные впечатления этого рода дали мне историческая польская пьеса, рассказы о рыцарском прошлом Польши, исторические романы и рисунки, развалины монастырей и замков. Шевченко попал, мне кажется, в эту полосу и, в свою очередь, поднял целую тучу романтических образов в оболочке украинского прошлого.

26 стр. «В 72 г., получив стипендию в Петровской академии, перебрался в Москву».— Мне кажется, что это было в 1873. Перебрался на полгода раньше, чем получил стипендию [3].

28. «С ними теперь, студентом, снова встретился и принял их *как откровение*».— Тут что-то не так. *Того же* я за откровение не принимал [4].

30. «Пересоздание мира» и весь этот абзац. Это у меня в плохом рассказе «С двух сторон» не совсем верно по тону и не точно рисует тогдашнее настроение. Хотя нечто в этом роде... [5]

35. «После усиленных хлопот...» — Никаких хлопот не было [6].

37. «Увлечение Михайловским относится к петербургскому периоду жизни».— Увлечение идеями Михайловского было у меня лично уже в Петровской академии [7].

55. «Было предложено принять присягу, а также раскрыть то, что им было известно».— Было предложено принять присягу без всяких добавлений. А в формуле присяги есть обещание сообщать о всем, идущем против интересов государя и пр.[8]

57. «Иметь несколько книг и раза два в году обмениваться с родственниками письмами» — неверно. Получались журналы и газеты с почтой (кажется, раз в месяц) или с оказией — когда приезжало начальство.

Тоже: коровы не было и я ее не доил. Было три лошади [9]*.

64. «Через несколько месяцев после поселения в Нижнем был арестован».— В тот же месяц [10].

67. Гиршман назван крупным мошенником.— Гиршман судился за «оскорбление при исполнении обязанностей». В мошенничестве не обвинялся [11].

72. «Сон Макара» построен на чудесном превращении дикого якута в красноречивого адвоката...» — Тут я считаю себя правым. Люди, никогда не сочинившие наяву двух рифмованных строчек, во сне импровизируют целые стихотворения, и у них остается впечатление удивления ** перед своим неожиданным талантом. Якуты — импровизаторы почти все, и в этих импровизациях они прибегают к образам песенного и былинного эпоса, рожденного где-то в Средней Азии. И на далеком севере их песни говорят о никогда не виденных животных, южных растениях и плодах. Мне, конечно, пришлось как-нибудь облечь в слова это ощущение, когда человек во сне становится выше себя самого. Психологической неправды тут нет.

Стр. 76. «Сапожник Андрей Иванович, описанный в очерке «За иконой», был его спутником во многих странствованиях».— Андрей Иванович — лицо вымышленное. Моим спутником «За иконой» был А. И. Богданович, впоследствии редактор «Мира божьего». В лице Андрея Ивановича соединены черты одного глазовского сапожника, учившего меня ремеслу, и еще одного лица.

91 стр. «Кружок трезвых философов» был в Петербурге в 70-х годах, а не в Нижнем [12].

Стр. 105. «В Елабуге исследовал место убийства».— Вернее было бы сказать: «Из Елабуги *** отправился на место убийства в Малмыжский уезд» [13].

Стр. 115. «Разбирая дела Балахнинского магистрата, относящиеся к эпохе переворотов *начала* XVIII века».— Нужно: «с середины XVIII века и время пугачевщины» [14].

Стр. 125 (в конце). Чехова я к отказу от звания академика не склонял, а счел только нужным, как и других академиков, ознакомить с своим заявлением. Он вышел по собственной инициативе [15].

Стр. 134. «Одна из первых ролей на этих банкетах принадлежала В. Г. Короленко».— Этого, пожалуй, сказать нельзя [16].

Стр. 141. «Рассказ о его личных встречах с Щегловитовым и Горемыкиным».— Я такого печатного своего рассказа не помню. По-видимому, недоразумение [17].

Стр. 142. «... он был забаллотирован».— Я забаллотирован не был, а получил абсолютное большинство. Но попал лишь в кандидаты [18].

Стр. 149. «Короленко не процеживает своего сюжета... для него важно целое...» — Мне кажется, это не совсем так. Я могу писать лишь тогда, когда сюжет сам процедится в памяти, и порой, пока этого не произойдет, пока конкретные подробности теснятся слишком настойчиво,— вынужден на время оставлять тему.

Вот, приблизительно, что мне пришло в голову, когда я читал вашу книгу обо мне. Лучше поздно, чем никогда. Примите это письмо как вы-

---

* *Далее зачеркнуто*: 58. «Писал иконы». Не писал, но красил иногда памятники.
** *Далее зачеркнуто*: и восхищения.
*** *Далее зачеркнуто*: где происходило второе разбирательство.

г. ОЛЕКМИНСК

Рисунок В. Г. Короленко (карандаш), сделанный на обратном пути из якутской ссылки, 4—16 октября 1884 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ражение моей благодарности за вашу работу, которая, повторяю, кажется мне хорошей по тону и по той внимательности, с какой вы отнеслись к своей задаче. С очень многими вашими критическими замечаниями согласен.

Желаю всего хорошего.

Искренно уважающий Вл. Короленко

Мой летний адрес: Сорочинцы (Полтавской губернии), деревня Хатки. Был бы очень признателен, если бы вы известили открыточкой о получении этого письма, чтобы мне знать, что оно не затерялось в пространстве и я не остался в ваших глазах неблагодарным животным...[19]

Мой привет Дмитрию Ивановичу[20].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впоследствии Н. Д. Шаховская (1890—1942) издала ряд научно-популярных книг для детей и юношества. В 1931 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла ее книга «Молодые годы Короленко».

[2] В 1912 г. в связи с болезнью и смертью Н. Ф. Анненского, тюремным заключением А. В. Пешехонова и В. А. Мякотина Короленко вынужден был усиленно работать по выпуску «Русского богатства»; в этом же году его дважды судили по делам журнала.

[3] Прошение Короленко о поступлении в Петровскую академию датировано 20 декабря 1873 г. (В. Г. Короленко. История моего современника. М., 1965, с. 959).

[4] Шаховская излагала материалистические высказывания «любимых писателей студенчества» Г. Бокля и К. Фохта, приводимые Короленко в «Истории моего современника» (указ. изд., с. 248) и в повести «С двух сторон» (часть I, глава 1).

[5] Короленко имеет в виду следующий абзац: «Пересоздание мира в самом близком будущем», а для начала пробуждение самоедского народа силами одного человека — вот о чем мечтало передовое студенчество 1870-х годов, с восторгом принявшее идеи материализма в их наиболее элементарной и грубой форме». Шаховская излагала первую редакцию рассказа «С двух сторон», напечатанного в «Русской мысли», 1888, № 11 и 12. В 1914 г., готовя собрание сочинений, Короленко заново написал этот рас-

сказ; 5/18 сентября 1914 г. он сообщал А. В. Пешехонову, что «успел переработать повесть «С двух сторон», а «это пять листов, которые написаны сплошь, а не только проредактированы» (ГБЛ, ф. 225, IV.9.66).

[6] Шаховская, сообщив, что в 1876 г. Короленко был исключен из Петровской академии, арестован и сослан в Вологду, писала: «После усиленных хлопот родным удалось получить для него разрешение поселиться в Кронштадте...» Следы этих хлопот, о которых Короленко не знал, сохранились в архивах (см. «Историю моего современника», указ. изд., с. 967—968. Цитируемое здесь письмо П. А. Валуева о смягчении участи Короленко было написано, несомненно, после обращения к нему родственников ссыльного студента).

[7] Об увлечении статьями Михайловского Короленко вспоминает в «Истории моего современника» (указ. изд., с. 382).

[8] Короленко имеет в виду следующий текст Шаховской: «Как известно, при вступлении на престол Александра III многим административно-ссыльным было предложено принести присягу в верности, а также раскрыть то, что им было известно о революционном движении». Будучи в это время ссыльным в Перми, Короленко отказался подписать присягу «на верность подданства» и вручил губернатору в июне 1881 г. заявление с мотивировкой отказа; за это он был выслан в Якутскую область.

[9] На с. 57—58 Шаховская описывала условия жизни Короленко в якутской ссылке в 1881—1884 гг.

[10] Имеется в виду арест Короленко в Нижнем Новгороде 2 февраля 1885 г.

[11] О махинациях дельца Гиршмана Короленко писал в статье «Гиршман и Ефремов» («Волжский вестник», 1891, № 189, 20 августа). На полях письма около этого пункта Короленко отметил: «?? Сам ошибся».

[12] В «Истории моего современника» Короленко упоминает собрания «трезвых философов» — неузаконенного кружка, группировавшегося около «Отечественных записок» (указ. изд., с. 591).

[13] Речь идет об участии Короленко в деле мултанских вотяков, ложно обвиненных в убийстве с ритуальной целью. На втором разбирательстве дела в 1895 г. Короленко присутствовал как корреспондент, на третьем в 1896 г. участвовал как защитник вотяков; это разбирательство закончилось оправданием подсудимых. Статьи о Мултанском деле см.: В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 9. М., 1955.

[14] С 1887 г., когда в Нижнем Новгороде возникла губернская ученая архивная комиссия, Короленко участвовал в ее работе до своего отъезда в 1896 г. в Петербург; он составил «Опись дел Балахнинского городового магистрата», изданную в 1898 г. Работа в архиве дала писателю материал для ряда исторических очерков (см.: В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 8. М., 1955) и явилась толчком для романа о Пугачеве, оставшегося неоконченным.

[15] На с. 125 Шаховская писала о Короленко: «Выбранный в 1900 году почетным академиком по разряду изящной словесности, он отказался от этого звания в 1902 году, после неутверждения в нем Горького, склонив к такому же решению и Чехова».

[16] Шаховская писала о «политических ужинах литераторов» в Петербурге, начавшихся с 1902 г.

[17] В ответном письме от 27 июля 1913 г. Шаховская напомнила, что о встречах с Горемыкиным и Щегловитовым Короленко писал в «Русском богатстве», 1906, № 5, в статье «Вместо хроники» (письмо Шаховской хранится в ГБЛ, ф. 135, II.36.16).

[18] Речь идет о баллотировке Короленко в депутаты II Государственной думы от Полтавской губернии в 1907 г.

[19] В ответном письме Шаховская писала: «Глубокоуважаемый Владимир Галактионович. Письмо ваше, после некоторых странствий, до меня дошло, и я чувствую живую потребность ответить на него не «открыточкой», а письмом же. Позвольте раньше всего вас поблагодарить от всего сердца за доброе отношение ваше и за замечания, которые были для меня очень интересны».

[20] Дмитрий Иванович *Шаховской* (1861—1940) — отец Н. Д. Шаховской, земский и общественный деятель, видный член партии кадетов, историк русской общественной мысли.

ИЗ ИСТОРИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ СКАЗОК М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Статья Ю. П. Пищулина

Сказки Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и «Пропала совесть» вошли в революционно-пропагандистский «репертуар» народников еще накануне «хождения в народ». Они получили широкое распространение в виде вырезок из «Отечественных записок» и многочисленных списков. Тогда же в кружке петербургских «чайковцев» возник план отдельного издания этих сказок. Это издание должно было быть легальным, но предназначенным для пропагандистских целей, вроде изданного «чайковцами» сборника рассказов Н. И. Наумова «Сила солому ломит». Однако план этот не был осуществлен [1].

Первые нелегальные издания щедринских сказок появляются уже в 1880-е годы. В это время значительно возрастает общественно-политическое значение творчества Щедрина и резко увеличивается количество революционно-эмигрантских и нелегальных изданий произведений писателя. Начиная с запрещенного цензурой «третьего письма» из «Писем к тетеньке», печатание произведений Щедрина (в типографии, литографии или на гектографе) становится неотъемлемым элементом революционно-просветительной деятельности всех значительных организаций передовой молодежи — и революционно-народнических («Народная воля») и переходных от народничества к марксизму (типа «Общестуденческого союза» в Москве) кружков революционно настроенной интеллигенции, группирующихся вокруг какого-либо печатного органа русской эмиграции («Общее дело», «Вестник Народной воли» и т. д.).

В 1880-е годы русскими подпольными кружками и революционной эмиграцией многократно издавались «Ташкентцы, обратившиеся внутрь», «Письма к тетеньке» и другие произведения сатирика. Но особая роль в литературно-общественном движении 1880-х годов выпала на долю щедринских сказок. В эту пору революционеры-народники буквально «открыли» для себя сказки Щедрина как мощное идеологически-активное оружие.

Уже сказки «Премудрый пескарь», «Самоотверженный заяц» и «Бедный волк», которые писатель по цензурным условиям вынужден был изъять из февральской книги «Отечественных записок» за 1883 г., не остались «тайной» для революционно-народнической среды. «В февральской книжке «Отечественных записок»,— говорится в письме одного из московских революционеров (письмо, датированное 2 марта, было перехвачено департаментом полиции),—статья Щедрина вырезана цензурой, но тем не менее она попала в надлежащие руки и будет отлитографирована» [2]. Первые нелегальные издания «февральских сказок» появляются уже весной 1883 г. [3] А в сентябре они были напечатаны в зарубежном «Общем деле» и затем вышли отдельным изданием у М. К. Элпидина.

В январе 1884 г., стремясь помешать распространению подпольных изданий, цензура разрешила опубликовать «февральские сказки» в «Отечественных записках». При этом цель до некоторой степени была достигнута. После 1884 г. нелегальные издания и списки сказок «Премудрый пискарь», «Самоотверженный заяц» и «Бедный волк» появляются редко.

Однако первые гектографированные книжечки-тетради сделали свое дело: «запрещенный» Щедрин вновь — впервые после «Писем к тетеньке»—встретился с самой широкой аудиторией и очень заинтересовал ее. Щедринские сказки — лаконичные и увлекательные, мудрые и понятные, бесконечно богатые по мысли и безукоризненно совершенные по форме — были, в частности, в числе первых произведений большой рус-

ской литературы, которые, как об этом свидетельствуют мемуары рабочих-революционеров [4], проникли в рабочую среду и стали с начала 1880-х годов постоянным спутником освободительной борьбы российского пролетариата.

Издания «февральских сказок» определили во многом тип, характер последующих подпольных изданий Щедрина. Навсегда утвердилось, например, название «Сказки для детей изрядного возраста». В дальнейшем оно менялось лишь в деталях, сохраняя главные элементы, закрепленные революционно-пропагандистской традицией. Причем следует отметить, что сам писатель не имел отношения к этому названию. Революционеры-народники позаимствовали его из сатирической литературы 1860-х годов, где выражение «изрядный возраст» подчеркивало серьезность содержания, предназначенного для взрослого читателя.

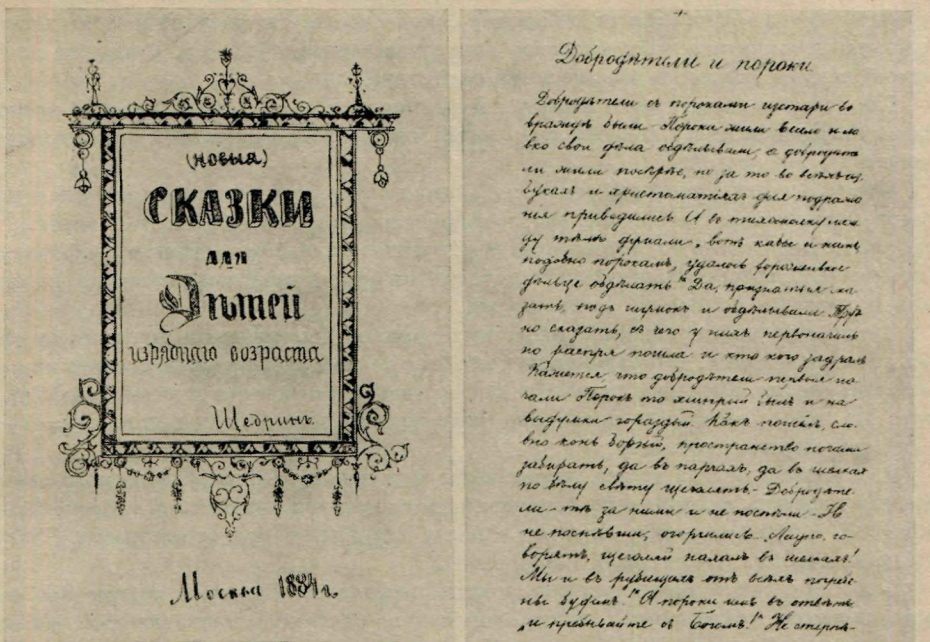
В научной литературе неоднократно отмечалась выдающаяся роль в издании марксистской и другой революционно-пропагандистской литературы, которую сыграло в 1880-е годы «Общество переводчиков и издателей» в Москве. Оно развернуло свою деятельность летом 1883 г., сначала самостоятельно, а потом — в составе так называемого «Общестуденческого союза» [5]. Идейная платформа обеих организаций была весьма широкой и включала в себя все оттенки оппозиционных воззрений, которые были присущи передовой общественности в годы идейного и организационного кризиса народничества. Поэтому среди изданий «Общества» и затем «Общестуденческого союза» были и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, и «Гражданская война во Франции» К. Маркса, и «Исторические письма» П. Л. Лаврова, и «Сущность социализма» А. Шеффле, и многие другие произведения. В поисках «правильной революционной теории» «переводчики» весьма часто обращались к произведениям русских писателей — тех, которые, по их мнению, наиболее полно выражали потребности общественного развития России и тем самым способствовали воспитанию революционного самосознания широких слоев русского общества. Особое и совершенно исключительное положение в их изданиях заняли сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сам факт издания сказок «Обществом переводчиков и издателей» и «Общестуденческим союзом» неоднократно отмечался в научной литературе [6]. Но при этом всегда оставалось не вполне выясненным, какие сказки Щедрина издавались, сколько было изданий, кто был их организатором, при каких обстоятельствах они печатались, каков был их тираж и т. п. Между тем все эти вопросы имеют немаловажное историко-литературное значение и вполне разрешимы.

Осветить поставленные вопросы позволяют материалы обыска в литографии, принадлежавшей Н. А. Янковской, и на квартире бывшего студента Московского университета П. Соколова, а также показания рабочих литографии и многих участников «Общестуденческого союза» [7].

Петр Соколов, один из руководителей «Общества переводчиков и издателей», организовал печатание пропагандистской литературы под видом «лекций для студентов» и «листков с рисунками» в литографии Янковской. Он же приносил в литографию оригиналы и получал здесь готовые издания [8].

В показаниях рабочих литографии, при всей их разноречивости, сообщаются важные факты. В частности, они помогают установить, какие сказки Щедрина издавались «Общестуденческим союзом». Н. В. Киселев, арендовавший литографию Янковской [9], избрал на дознании тактику «неоказательства» и показал, что в литографии печатались «какие-то сказки». Рабочий литографии Николай Якунин признал, что на его глазах была отпечатана «сказка Щедрина». Максим Виноградов сообщил, что в литографии печатались «сказка Щедрина «Вяленая вобла» и «Сказка для детей изрядного возраста» Салтыкова». Иван Жуков показал то же самое. Рабочему Михаилу Суровцеву запомнилось лишь, что печатались «сказки Щедрина» и что их было заказано так много, что в печатании приходилось участвовать всем рабочим. Афанасий Андреев вспомнил, что в литографии печатались и «сказки для детей», и «вобла какая-то», и «Сказки для детей изрядного возраста» Салтыкова. Из показаний неграмотного рабочего Алексея Брюнова, который различал книги «по внешним признакам», можно заключить, что в литографии Киселева были напечатаны «Вяленая вобла» и «Новые сказки для детей изрядного возраста» Щедрина [10].



ПЕРВЫЙ ВЫПУСК «СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ ИЗРЯДНОГО ВОЗРАСТА» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА, ИЗДАННЫЙ «ОБЩЕСТУДЕНЧЕСКИМ СОЮЗОМ»

Литографированное издание. Москва, 1884

Обложка и начало запрещенной цензурой сказки «Добродетели и пороки»

Показания рабочих позволяют сделать по меньшей мере два вывода. Во-первых, устанавливается, что сказки Щедрина печатались в литографии дважды или по крайней мере в двух изданиях. Во-вторых, становится ясным, что здесь была напечатана «Вяленая вобла» и вместе с нею или независимо от нее какие-то другие сказки, объединяемые одним из трех следующих названий: «Сказка для детей изрядного возраста», «Сказки для детей изрядного возраста», «Новые сказки для детей изрядного возраста».

Однако материалы дознаний позволяют еще больше конкретизировать эти выводы. Рабочий Афанасий Андреев при предъявлении ему книг, напечатанных в литографии, «узнал по рисунку» «Сказки для детей изрядного возраста» Салтыкова [11]. При обыске в литографии и на квартире Петра Соколова найдено множество экземпляров сказок Щедрина с приложенным к ним воззванием «К русскому обществу» по поводу закрытия «Отечественных записок». Соколов признал на следствии, что им издано воззвание к русскому обществу, приложенное к «Сказкам для детей изрядного возраста» Салтыкова» [12]. Среди «вещественных доказательств», хранящихся в коллекции нелегальных изданий, находим издание сказок Щедрина по указанным выше признакам.

На обложке — рисунок, представляющий собою занавес, в верхней части которого читатель видит название книги, место и год издания. Под именем автора значится «выпуск II». Уголок нижней части занавеса кем-то приподнят и завязан на уровне фамилии автора. (Вряд ли это случайная деталь рисунка?!) На занавесе повис полицейский. Он старается опустить занавес и закрыть от зрителя то, что происходит на сцене. Внизу полицейскому помогает «торжествующая свинья». Однако все их усилия тщетны. И читатель имеет возможность всмотреться в то, что скрывается за чинным занавесом с лавровыми венками.

На первом плане — «самоотверженный заяц», стоящий на задних лапках перед глумящимся волком. За ними — неведомый «шпион» строчит донос. Далее всю перспективу загораживает огромный живот Разуваева. Еще дальше, в глубине сцены, две вывески: «Участок» и «Редакция «Помои». Перед ними полицейский ведет за шиворот

простолюдина, а под окнами «Помоев» кого-то избивают нагайками...[13] Неизвестный художник сумел воспроизвести символику самодержавно-помещичьей России, хорошо знакомую демократическому читателю по произведениям Щедрина. Сразу же за обложкой следует воззвание «К русскому обществу».

Так устанавливается одно из изданий щедринских сказок, предпринятое московскими «переводчиками»: «Сказки для детей изрядного возраста М. Е. Салтыкова». Выпуск II. Москва 1884.

В состав книги входят две сказки: «Вяленая вобла» и «Обманщик-газетчик и легковерный читатель». Это издание литографировалось в апреле 1884 г. А 21 апреля, на следующий день после опубликования в «Правительственном вестнике» сообщения о закрытии «Отечественных записок», в литографии было отпечатано воззвание, которое было приложено к готовой части тиража.

Среди нелегальных изданий, собранных в архиве Департамента полиции, не удалось разыскать книгу, которую можно было бы с полной уверенностью считать первым выпуском сказок Щедрина, изданных «Обществом переводчиков и издателей». Тем не менее по ряду косвенных признаков содержание этого выпуска устанавливается с большой степенью точности.

На обложке первой книги теоретического журнала «Общестуденческого союза» помещен перечень запрещенных сочинений, появившихся нелегально в Москве в декабре 1883 г. В этом перечне значатся «Сказки для детей изрядного возраста. (Добродетели и пороки. Топтыгины) Щедрина»[14].

Издания с таким названием обнаружить не удалось. Однако в архиве Департамента полиции сохранилась литографированная тетрадь, озаглавленная: «Новые сказки для детей изрядного возраста. Щедрин. Москва. 1884 г.» (номер выпуска не обозначен). В ней содержатся две сказки, изъятые по требованию цензуры из февральской книги «Отечественных записок» за 1884 г.,—«Добродетели и пороки» и «Медведь на воеводстве» (т. е. все три части сказки о Топтыгиных; ср. в списке «Союза» — «Топтыгины»). Нетрудно заметить также, что название книжки содержит все те элементы, которые упоминались в показаниях рабочих литографии Киселева. По размеру же страницы, фактуре бумаги, почерку переписчика книга полностью соответствует «выпуску II»[15].

Не следует удивляться расхождению в датах: в журнале «Союз» указано, что предполагаемый «выпуск I» появился в декабре 1883 г., а на обложке книги значится «1884 г.» Это — нередкое явление в нелегальной революционно-демократической литературе. Например, журнал «Союз» начали печатать в декабре, но печатание его продолжалось и в апреле 1884 г. Такой же сложной и длительной могла быть издательская история «выпуска I»: объявленный в декабре 1883 г., он мог появиться значительно позже.

Литографирование, организованное П. Соколовым, позволило выпускать нелегальные издания тиражами, совершенно недоступными для гектографа. Один только «выпуск II» сказок Щедрина был отлитографирован в количестве около тысячи экземпляров (из них 500 — с воззванием к «русскому обществу»). Всего же, по сведениям Е. Паприц — заграничного представителя «Общестуденческого союза»,—при обыске в литографии Киселева было найдено 3 тысячи экземпляров сказок Щедрина[16].

Петру Соколову и его товарищам не только удалось наладить литографию. Они сумели организовать широкое распространение изданий «Общестуденческого союза». Ими снабжались прежде всего филиалы «Союза» в Московском университете, Петровской сельскохозяйственной академии, Московском высшем техническом училище, Высших женских курсах, а также связанные с «Союзом» студенческие и рабочие кружки. Причем каждый из таких кружков, получив литографированные издания, стремился всемерно увеличить их количество путем гектографирования или изготовления списков.

Своеобразными «литературными узами» был связан с «Общестуденческим союзом» рабочий кружок Федора Баулина. Один из первых марксистских кружков в России, он в программном отношении ориентировался на группу «Освобождение труда». Но литературные связи кружка были широки и разнообразны.

Федор Баулин использовал в занятиях с рабочими все произведения, которые, по его мнению, могли помочь в борьбе с главными врагами трудового люда—темнотой и невежеством. Поэтому в кружке читали и «Рабочую газету» (издание «Народной воли»), и «Зерно» (издание «Черного передела»), и «Мертвые души» Гоголя.

Поиски литературы, «доступной пониманию рабочих», привели Баулина весной 1884 г. в «Общестуденческий союз». Здесь среди других изданий Баулин получил и щедринские сказки. Это были 1-й и 2-й выпуски «Сказок для детей изрядного возраста».

Баулин не ограничился распространением полученных экземпляров. Товарищи, приходившие к нему, часто заставали его за перепиской щедринских сказок «с печатных книжек» [17]. По-видимому, списки, сделанные в кружке Баулина, давали возможность ознакомиться с запрещенной литературой довольно широкому кругу рабочих.

Издания «Общестуденческого союза» вообще распространялись и перепечатывались с поразительной (неслыханной в русском освободительном движении тех лет) оперативностью.

В архиве Департамента полиции сохранился экземпляр гектографированного издания, озаглавленного «Новые сказки Щедрина». Оно полностью воспроизводит «выпуск I» щедринских сказок издания «Общестуденческого союза». На этом экземпляре указана точная дата окончания гектографирования и место издания: «1884 года 29 апреля. Москва. Летучая гектография «Нар〈одной〉 п〈артии〉» [18]. Значит какой-то кружок, укрывшийся под названием «Народная партия», приступил к гектографированию «выпуска I» в те дни, когда текст его еще не был стерт с литографских камней у Киселева!

Определенную роль в пропаганде щедринских сказок сыграла нелегальная библиография. Так, издававшийся в Петербурге гектографированный журнал «Свободное слово» (1884, № 4-5, с. 35-36), открывая новый «постоянный отдел» библиографии, рекомендовал своим читателям «выпуск II» сказок Щедрина в издании «Общестуденческого союза»: «Отмечая эти новые сказки нашего маститого сатирика, мы предлагаем познакомиться с ними каждому, тем более, что издатели их поместили там довольно горячо написанное обращение к русскому обществу по поводу запрещения «Отечественных записок» [19].

«Все изданные «Союзом» брошюры,— говорится в «Обзоре важнейших дознаний» Департамента полиции,— были выдаваемы на руки разным членам его для распространения и продажи, как это доказывается многочисленными записями о количестве денег, найденными у них по обыску» [20].

Вопрос о «количестве денег» был очень существенным для «Общестуденческого союза». Деньги, вырученные от продажи собственных изданий, были главным источником поступлений в кассу организации. Поэтому цены на эти издания по сравнению с ценами на пропагандистские книжки 1870-х годов были довольно высокими. Издаваемый организацией журнал «Социалистическое знание» стоил 1 р. 50 к., «Подпольная Россия» С. Степняка в издании «Общестуденческого союза» — 75 к., а издание щедринских сказок, перепечатанное на гектографе с «выпуска I», продавалось по 50 к.

Сказки Щедрина, как и многие другие произведения, объединенные в одном издании, часто разъединялись и бытовали отдельными частями. Поэтому возможности для распространения становились практически неисчерпаемыми, а круг читателей неизмеримо возрастал. В коллекции нелегальных изданий хранится, например, сказка «Добродетели и пороки», отделенная от «выпуска I», изданного «Общестуденческим союзом» [21]. А 11 января 1886 г., после обыска в казенных студенческих номерах Петровской академии, под окнами были найдены: «первый лист сочинения Салтыкова «Вяленая вобла», два экземпляра «Сказки для детей изрядного возраста» вместе с сочинением Ф. Энгельса «Социализм утопический, социализм научный», «Капиталом» К. Маркса, работой П. Л. Лаврова «Революционеры и естественный ход событий» [22].

Еще до образования «Общестуденческого союза» деятельность «Общества переводчиков и издателей» вышла далеко за пределы московских революционных кружков. Связанные с «Обществом» студенты, разъезжаясь на каникулы в разные местности Российской империи, брали с собой пропагандистские издания. Устраивали «переводчики» и специальные поездки для распространения революционной литературы. Из-

вестно, что московские издания были обнаружены во всех крупных центрах России (Петербург, Киев, Харьков, Пермь, Одесса, Ростов, Саратов и т.п .), а также в самых отдаленных местностях [23].

По-видимому, позднее, в эпоху «Общестуденческого союза», издания стали распространяться еще более умело и целенаправленно, проникая даже к политическим заключенным. Об этом свидетельствует литографированный отчет примыкавшего к «Союзу» Московского общества помощи политическим ссыльным, отобранный при аресте у П. Соколова. «Общество» отправляло ссыльным и заключенным в Иркутскую губернию, в Западную и Восточную Сибирь газеты, журналы, деньги (в том числе полученные от продажи изданий «Союза»). Из отчета видно, что ссыльным направлялись и издания «Общестуденческого союза» [24]. Очевидно, среди высылаемых нелегальных изданий были и щедринские сказки.

Издания сказок великого сатирика, осуществленные в Москве, служили также первоисточником и образцом и в тех случаях, когда революционерам удавалось, обычно на очень короткое время, «поставить», как говорили тогда, типографию. Об этом говорит история весьма кратковременного существования в Харькове типографии «супругов Воскресенских» (Анастасия Осинская и Феофан Крылов), организованной В. Н. Фигнер в декабре 1882 г. [25] Среди изданий, найденных в этой типографии во время обыска 22 июня 1883 г., наряду с биографиями А. И. Желябова и С. Л. Перовской, брошюрой «Чего ожидать от коронации» и другими революционными изданиями, была и гектографированная тетрадь «Сказки для детей изрядного возраста» [26]. Весьма вероятно, что это было одно из изданий, осуществленных «Обществом переводчиков и издателей». По адресу, найденному в типографии, было отобрано в Рязани у бывшего председателя земской управы Алянчикова это издание [27].

Вероятно, предполагал издать сказки Щедрина и руководитель «молодых народовольцев» П. Ф. Якубович [28]. При обыске у студента Владимира Переляева, главного работника организованной Якубовичем в Дерите летом 1884 г. типографии, жандармы обнаружили сказку «Добродетели и пороки» [29].

В условиях кризиса народовольчества и свирепой правительственной реакции революционерам не удалось наладить на продолжительное время печатание революционно-пропагандистской литературы в типографиях или литографиях. Приходится согласиться с характеристикой подпольной издательской деятельности этого времени, которая дается в официальной «Хронике социалистического движения в России»: «...как средство пропаганды появились гектографы, и значительное количество рукописей (брошюры, программы, объявления) часто появлялось в отгектографированном виде; но количество выпускаемых экземпляров было очень незначительно. Удовлетворялись лучшим из худшего, потому что гектограф требовал мало места и дешево стоил» [30]. В гектографированных изданиях важное место занимали щедринские сказки.

Немало сделали для их издания и распространения среди учащихся и в рабочей среде члены Центрального студенческого кружка, действовавшего в Одессе в 1884—1885 гг. [31] Этот кружок объединял несколько «групп саморазвития» в городах Одесского учебного округа (Немиров, Аккерман и др.). Возглавляли его Григорий и Ипполит Борзяковы и Леонид Верцинский. Ориентировался кружок на программу «Народной воли» и одно время поддерживал связь с центром через члена Исполнительного комитета «Народной воли» В. И. Сухомлина.

Деятельность Центрального кружка началась с пропаганды и распространения нелегальных изданий среди рабочих и учащейся молодежи. Позднее Григорию Борзякову и его товарищам удалось наладить гектографирование революционно-пропагандистской литературы. Кружок располагал несколькими гектографами. Были они в реальном училище, в Ришельевской гимназии, а также в других учебных заведениях Одессы [32].

Особенно интенсивно шло гектографирование с осени 1884 г. Были выпущены «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, «Письмо Белинского к Гоголю», «Сущность социализма» Шеффле, а также выдержавшие испытание временем пропагандистские издания 1870-х годов — сказки «Хитрая механика» и «Четыре брата». А уже весной 1884 г. Григорий

Борзяков отгектографировал сказки Щедрина — «Добродетели и пороки» и «Топтыгин» (очевидно, одну часть сказки «Медведь на воеводстве») [33]. В обращении у членов организации было и гектографированное издание «Писем к тетеньке» [34].

Успех нелегальных изданий в обстановке спада революционного движения и правительственных преследований очень воодушевлял юных революционеров. «Изыскивались и проводились в жизнь мероприятия,— рассказывал позднее Григорий Борзяков,— поднимавшие энергию и сознательность в уже существующих кругах, а из них вливались в массу и бодрость и интерес к революционной работе. ⟨...⟩. И размножение гектографами нелегальной литературы делало свое дело. Наши издания расходились в значительном количестве далеко за рамки учащейся молодежи» [35]. Среди изданий, неоднократное повторение которых вызывалось спросом, Борзяков называет и сказки Щедрина.

Члены Центрального студенческого кружка попытались установить непосредственные контакты с Салтыковым и редакцией «Отечественных записок». Это было связано с весьма заметным эпизодом общественной жизни 1880-х годов. Сотрудник одесских газет художник Зотов составил и напечатал от имени некоего Кунца объявление о продаже «гигиенических кушеток», предназначенных для сечения учащихся. Сделано это было, по сведениям Департамента полиции, «с очевидной целью поглумиться над состоявшимся будто бы по Министерству народного просвещения распоряжением о сечении учеников» [36]. Однако «шутка» Зотова была воспринята как нечто серьезное и достоверное. Ипполит Борзяков отправил экземпляр «объявления Кунца» Щедрину, в редакцию «Отечественных записок», так как, по словам его брата, это было «тогда единственное место выхода общественного негодования» [37].

Совершенно серьезно отнесся к этому документу и писатель. «Объявление» было воспроизведено и прокомментировано им в одном из фельетонов «Между делом» [38]. При этом Щедрин посетовал на то, что он не знает «ни личности самого корреспондента, ни его фамилии» (сопроводительное письмо И. Борзякова было подписано словами «ваш собственный корреспондент»).

Обзоры важнейших дознаний, составляемые в Департаменте полиции, зафиксировали множество случаев, когда у лиц неблагонадежных в политическом отношении жандармы находили среди прочей революционной литературы и нелегальные издания щедринских сказок. Причем по ряду признаков можно было установить, что некоторые из них напечатаны в Петербурге.

Так, 14 апреля 1885 г. на станции Николаевской железной дороги в Петербурге полиция задержала тамбовского чиновника Аркадия Дагаева. При обыске у него отобрали революционные издания и среди них — «Новые сказки для детей изрядного возраста» Щедрина. Дагаев объяснил, что часть нелегальных изданий он получил у слушательницы С.-Петербургских высших курсов Анны Лукашевич [39]. Через несколько дней «два экземпляра сказки Щедрина» были обнаружены при обыске в квартире студента Петербургского университета Мартиана Шишкевича [40]. 28 декабря 1885 г. «Сказки Щедрина» оказались у студента Технологического института Петра Завадского, студента Петербургского университета Абрама Нагата, слушательницы Высших женских курсов Сарры Нагат — наряду с большим количеством «печатных литографированных и гектографированных запрещенных изданий» («Листок Народной воли», № 2; «Рабочий», № 2; «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого; биография С. Л. Перовской и т.п.) [41]. Таким образом, можно полагать, что нелегальные издания печатались и в столице Российской империи, хотя, казалось бы, здесь «крамола» была целиком обезврежена и подавлена. Одну из гектографий, в которой печатались сказки Щедрина,— гектографию А. В. Пихтина и С. И. Чекулаева — называет в своих воспоминаниях И. И. Попов, активный участник революционного движения 1880-х годов в Петербурге [42]. Однако проблема петербургских нелегальных изданий этого времени все еще неясна и требует дальнейших разысканий.

Недостаточно выяснен до сих пор и другой чрезвычайно интересный вопрос — каким образом и через кого тексты сказок писателя, последовательно отстаивавшего до середины 1880-х годов формы легальной деятельности, попали в руки революционеров, в подпольные типографии, литографии и гектографии. Здесь снова необходимо

обратиться к одному из суждений, высказанных по этому поводу И. И. Поповым. «С. Н. Кривенко,— писал И. И. Попов,— состоявший в редакции «Отечественных записок», вне всякого сомнения давал непропущенного Щедрина читать С. Е. Усовой, близкому ему человеку, в ссылке ставшей его женой, а та переписывала и давала нам и другим, кто имел гектограф, с тем, чтобы деньги за проданные экземпляры передавали в «Об-во помощи политическим ссыльным и заключенным» («Синий крест»), деятельным членом которого она была» [43].

Это свидетельство заслуживает серьезного внимания и нуждается, видимо, лишь в одном уточнении. Следует подчеркнуть, что роль Кривенко была не посреднической, а активной, целенаправленной и тщательно продуманной. Материалы, собранные Департаментом полиции [44], а также его деятельность в подпольной прессе [45] убеждают в том, что он закономерно должен был прийти к убеждению о необходимости передать «непропущенного Щедрина» революционному подполью.

Впрочем, об этом сказал в своих воспоминаниях и сам С. Н. Кривенко, сопроводив, правда, это признание всеми недомолвками и оговорками, какие были неизбежны в легальной печати при изложении подобной темы. «Причинить Салтыкову какую-нибудь неприятность или беспокойство,— говорит Кривенко,— всегда было как-то стыдно, и я не знаю, сколько отдал бы, чтобы вернуть причиненные ему совершенно невольно неприятности. Теперь, впрочем, не время еще об этом говорить» [46]. Как видно из контекста воспоминаний, Кривенко сожалел не о том, что он передал сказки революционерам, а о том, что он это сделал не так, как следовало бы, не принял необходимых мер предосторожности и т. п. После ареста Кривенко, видимо, очень беспокоила мысль о том, что обнаружение огромного количества подпольных изданий Щедрина может привести к серьезным для писателя неприятностям политического характера. О своем чувстве виновности перед Салтыковым Кривенко говорит и в другом месте воспоминаний, рассказывая о первой встрече с писателем после ссылки: «Увидев меня, он обрадовался и сказал: «Откуда вы, эфира житель?»,— но сию же минуту насупился, отвернулся в сторону и сказал: «А я на вас сердит».— «Знаю я это», — отвечал я. — «Нет, не знаете, а вот за что сердит: я все эти пять лет посылал вам свои книжки, — как только выйдет какая, так и пошлю, — а вы мне хоть бы строчку написали...» [47]

Как известно, во время следствия Кривенко во многом удалось опровергнуть относящиеся к нему обвинения и разоблачения предателя Дегаева. Он, например, категорически отрицал свою принадлежность к «Народной воле», сотрудничество в ее изданиях и какое-либо свое участие в сборе средств для «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным».

Обвинение в причастности к изданию запрещенной литературы Кривенко даже не предъявлялось. И все-таки, читая внимательно его осторожные показания и учитывая многие известные факты его политической и литературной биографии, сравнительно легко можно эту причастность установить.

Он признал, например, что между ним и Дегаевым обсуждались вопросы, связанные с подпольными изданиями. В соответствующем документе об этом говорится: «Дегаев приносил Кривенко подпольные издания, но когда Кривенко спрашивал его, где помещается типография, отвечал уклончиво — в провинции» [48].

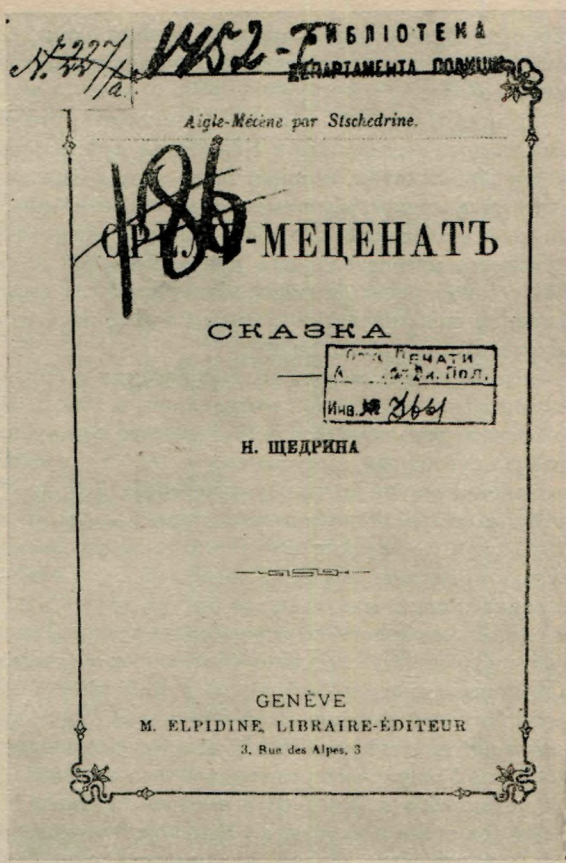
Уже этот факт — при всем том, что мы знаем о Кривенко,— дает возможность утверждать, что он не был чужд изданию подпольной революционно-пропагандистской литературы. Другие показания публициста позволяют предположить, что он по меньшей мере обменивался с Дегаевым подпольными изданиями. Кривенко сообщил, например, что Дегаев «приносил одни подпольные издания, а о других говорил, что не мог достать» [49].

Близость Кривенко и С. Е. Усовой к петербургским центрам издания подпольной литературы подтверждается и некоторыми показаниями представителей учащейся молодежи в разных городах России. Так, в Перми один из студентов-пропагандистов признал, что в ноябре месяце 1883 г. «имел(...) тайное свидание с Усовой, причем она передала ему целую пачку печатных и гектографированных революционных изданий» [50].

ЭКЗЕМПЛЯР ЗАГРАНИЧНОГО ИЗДАНИЯ СКАЗКИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ОРЕЛ-МЕЦЕНАТ», СОХРАНИВШИЙСЯ В БИБЛИОТЕКЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Обложка

Центральный архив Октябрьской революции, Москва



Заслуживает внимания и одно из «совершенно секретных» дел Департамента полиции с «таинственным» названием «По заявлению П...» Здесь собраны доносы мелкого московского журналиста, сотрудника нескольких периодических изданий — Александра Панова. В одном из них (доносы Панова, как правило, точно передают факты) утверждается, что в конце 1883 г. Кривенко приезжал в Москву, в редакцию «Русского курьера», с какими-то запрещенными произведениями Щедрина. «Гольцев (московский профессор и журналист либерального направления.— *Ю. П.*) после его ухода,— сообщал Панов в Департамент полиции,— пригласил нас всех сотрудников газет к себе на вечер, говоря, что Кривенко прочтет непропущенную цензурой сатиру Щедрина». «Вечер у Гольцева не состоялся, потому что Кривенко в тот же день ночным поездом возвратился в Петербург» [51]. Если учесть, что к концу 1883 г. «Общество переводчиков и издателей» хорошо зарекомендовало себя в глазах передовой общественности, вполне можно предположить, что «непропущенная цензурой» сатира Щедрина осталась в Москве после отъезда Кривенко.

В связи с этим нужно вспомнить еще один чрезвычайно интересный факт. Как показали наблюдения исследователей, издания сказок Щедрина, напечатанные в литографии Киселева, воспроизводили текст невыправленных автором гранок. А значит, происхождение этих текстов из редакции «Отечественных записок» более чем вероятно. В редакции же многие, если не все, гранки вырезанных цензурой произведений могли проходить через руки Кривенко уже с осени 1881 г., когда началась практическая активная работа публициста в журнале. Как раз в это время (в сентябре) было запрещено «третье письмо» из цикла «Письма к тетеньке», а в ноябре-декабре оно уже распространилось по всей России. Тот же путь проделали все произведения «непропущенного Щедрина», которые появлялись в редакции в годы активного сотрудничества Кривенко в «Отечественных записках» (1881—1883). Это были знаменитые щедринские сказки:

«Премудрый пескарь», «Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Добродетели и пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель» и «Вяленая вобла».

С другой стороны, нельзя не учитывать, что среди подпольных изданий щедринских сказок, хранящихся в Коллекции нелегальных изданий Департамента полиции, нет ни одной сказки, которая бы до ареста Кривенко (3 января 1884 г.) не побывала в редакции и типографии «Отечественных записок». Есть, впрочем, одно исключение — сказка «Орел-меценат», судьба которой сложилась особым образом.

Сказка предназначалась для мартовской книжки «Отечественных записок» за 1884 г. и набиралась в типографии уже после ареста Кривенко. Убедившись в невозможности опубликовать сказку в России, писатель сам направил ее в «Общее дело», где она и была напечатана [52].

Поэтому первые нелегальные издания и списки «Орла-мецената» в России появляются после зарубежной публикации, в 1886 г. Литографированный журнал «Голос молодежи», издававшийся в Петербурге, под рубрикой «Библиографические заметки» сообщал, что среди выпущенных в 1886 г. «разными революционными кружками и группами» изданий был и «Орел-меценат» Щедрина [53]. Тогда же жандармы обнаружили сказку в весьма отдаленных губерниях — Самарской и Вятской. В слободе Кинель-Черкасской (Самарская губерния) во дворе дома Тырсина были найдены зарытые в землю «следующие революционные издания»: гектографированная «Программа Исполнительного комитета», «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого, три рукописные сказки «Карась-идеалист», «Орел-меценат» и т. д. При этом было установлено, что все эти «тщательно скрываемые» книги читались и обсуждались на собраниях, которые устраивали приезжающие в слободу на каникулы учащиеся Самарской учительской семинарии Николай Тырсин, Егор Краснов и Александр Смирнов [54]. Подпольное издание сказки под названием «Шабаш, или Орел-меценат» было найдено при обыске у одного участника Уржумского революционного кружка (Вятская губерния), вместе с «Хитрой механикой» и «Сказкой о четырех братьях» [55]. 29 декабря 1889 г. при обыске, произведенном в Петербурге у Николая Разумовского, сына симбирского священника, в его бумагах среди всяких запрещенных сочинений оказалась и «рукопись— «Сказка об Орле» Щедрина» [56]. В конце 1880-х годов сказка «Орел-меценат» была отгектографирована и в Петербурге. «Помню,— рассказывал А. Н. Герасимов, учившийся в ту пору в Технологическом институте,— с каким увлечением мы, студенты того времени, читали и перечитывали на гектографе напечатанную сказку «Орел-меценат», в которой яркими художественными мазками набросана монументальная фигура невежественного, тупого и грубого отца Николая — последнего Александра III» [57].

Еще одно издание «Орла-мецената» в Петербурге было осуществлено гектографическим способом членами революционного кружка студентов Лесного института Антоном Борейша и Федором Рогожниковым в первой половине 1893 г. [58]

В истории подпольных изданий произведений великого сатирика еще много белых пятен. Однако уже сейчас очевидно, что дальнейшее изучение этой важной темы может существенно пополнить и уточнить наши представления о значении и месте «непропущенного Щедрина» в литературно-общественном движении 1880-х годов, в идеологической подготовке нового общественного подъема.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: «Русская литература», 1967, № 1, с. 160—162. В конце 70-х годов только М. Элпидину за границей удалось подготовить к изданию очерки «Они же» и «Чужую беду руками разведу» (см.: «Ташкентцы, обратившиеся внутрь». Женева, 1880; Н. Щ е д р и н. Чужую беду руками разведу. Женева, 1880).

[2] ЦГАОР, ф. 102 (Департамента полиции), оп. 265 (Перлюстрация), ед. хр. 2, л. 57 об.

[3] Подпольные издания этой группы сказок весьма многочисленны. См. в Коллекции нелегальных изданий (ЦГАОР, ф. 1741, брошюры): М. С а л т ы к о в. Сказки для детей изрядного возраста. Б. м. и г. изд. Гектограф. На с. 24 штамп: «Книжная агентура Народной воли» (№ 4210, 3348); «Сказки для детей изрядного возраста

М. Е. Салтыкова». Б. м., 1883. Гектограф (№ 3349); «Сказки для детей изрядного возраста М. Салтыкова». 1883. Б.м. (№ 8261, 1505). Отметим, что коллекция нелегальных изданий Департамента полиции в данной работе является основным источником сведений при изучении нелегальных изданий щедринских сказок.

[4] См., например: С. П. Шестернин. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения. 1880—1900 гг. Иваново, 1940, с. 16.

[5] П. Анатольев. Общество переводчиков и издателей. (К истории марксизма в России).— «Каторга и ссылка», 1933, № 3 (100); К. В. Василенко. Общество переводчиков и издателей.— «Вестник Московского гос. университета», 1956. Серия общественных наук, № 4; см. также примеч. 6.

[6] П. Анатольев. Указ. ст., с. 82—141; П. Анатольев. К истории закрытия журнала «Отечественные записки».— «Каторга и ссылка», 1929, № 8-9, с. 169—202; К. В. Василенко. Указ. ст., с. 129; В. В. Гиппиус. Салтыков и русская нелегальная печать в 1884 г.— *ЛН*, т. 13-14, с. 537—542; В. В. Колпенский. М. Е. Салтыков и Обществуденческий союз.— В кн.: «Русское прошлое. Исторические сборники». Под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Юлия Гессена. Кн. 4. Пг.—М., 1923, с. 117—122.

[7] См.: ЦГАОР, ф. 102 (Департамента полиции), Д-7, 1884, ед. хр. 553, ч. 1 «Об обществуденческом союзе в Москве».

[8] Посредническая роль в связях между литографией и революционными кружками, которую приписал себе Соколов в своих показаниях (см. там же, л. 32—34), объясняется тактическими соображениями и совершенно не соответствует действительности.

[9] В литературе об «Обществуденческом союзе» неизменно фигурирует «литография Янковской». Между тем Н. А. Янковская была лишь формально владелицей литографии и фактически не имела к ней никакого отношения. Всей работой литографии в течение 15 лет руководил ее арендатор Н. В. Киселев. Он сочувствовал революционерам и немало сделал для организации издания революционной литературы. «Передай Киселеву этот лист лекций» — эти слова П. Соколова при вручении оригинала рабочим литографии означали, что рукопись передается в надежные руки. С большим достоинством вел себя Киселев и во время следствия. Думается поэтому, что было бы правильнее говорить о «литографии Киселева».

[10] ЦГАОР, ф. 102 (Департамента полиции), Д-7, 1884, ед. хр. 553, ч. 1, л. 21, 24 об., 25 об., 28 об., 29, 29 об., 31, 31 об., 32.

[11] Там же, л. 31 об.

[12] Там же, л. 33.

[13] См.: ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 1499, 1500, 1501. Эта обложка неоднократно воспроизводилась в различных изданиях. См.: *ЛН*, т. 13-14, с. 539; «История русской литературы», т. IX (часть 1). Литература 70—80-х годов. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955, с. 249; «М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах, иллюстрациях и документах». Л., 1968, с. 235. См. также наст. том, с. 453.

[14] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 85, ед. хр. 10858, л. 174 об.— 175.

[15] См.: ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 1503.

[16] Письмо Е. Паприц П. Л. Лаврову от 10 июня 1884 г.— ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 667.

[17] См.: П. Анатольев. К истории закрытия журнала «Отечественные записки», с. 194—195.

[18] См.: ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 1502.

[19] Там же, № 7894.

[20] ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1884, VIII обзор, с. 36.

[21] ЦГАОР, ф. 1741 (Брошюры), № 343.

[22] ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1886, XI ведомость, л. 77—77 об.

[23] См.: П. Анатольев. Общество переводчиков и издателей, с. 134; К. В. Василенко. Указ. ст., с. 140. Известно также, что через посредство Болеслава Малиновского, учившегося в Высшем техническом училище, «Обществуденческий союз» обменивался нелегальными изданиями с польской революционной партией «Пролетариат». См.: ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1884, VIII обзор, с. 36.

[24] ЦГАОР, ф. 1167 (Вещественные доказательства), оп. 2, ед. хр. 4630, л. 2 об.

[25] См.: С. Лившиц. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х годов.— «Каторга и ссылка», 1929, № 1(50), с. 78—79.

[26] ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), Д-7, 1884, д. 743, ч. 3, л. 16 об.

[27] Там же, л. 101.

[28] См.: С. Лившиц. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х годов.— «Каторга и ссылка», 1929, № 2 (51), с. 63—64.

[29] См. ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), Д-7, 1885, д. 62, л. 27 об.

[30] «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг.». Официальный отчет. Издание В. М. Саблина. М., 1907, с. 277.

[31] См.: ЦГАОР, ф. 112 (ОППС), оп. 1, ед. хр. 619.

[32] Там же, л. 87, 216, 216 об.

[33] Там же, л. 128.
[34] Там же, л. 331 об.
[35] «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9 (57—58), с. 135.
[36] ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), оп. 168, ед. хр. 5 (еженедельные записки, 1883), т. 2, л. 117 об.— 118.
[37] «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9 (57—58), с. 139.
[38] *ОЗ*, 1884, № 3, с. 113—116.
[39] ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1885, X ведомость, с. 33—34.
[40] Там же, с. 32.
[41] ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1886, XI ведомость, л. 83 — 83 об.
[42] *ЛН*, т. 11-12, с. 485.
[43] Там же, с. 485.
[44] См.: ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1883, обзор II, с. 17.
[45] См.: С. Н. Валк. С. Н. Кривенко в нелегальной литературе.—«Из истории рабочего класса и революционного движения». М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 253—261.
[46] «Исторический вестник», 1890, № 12, с. 622.
[47] Там же, с. 625.
[48] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 85, ед. хр. 10944, л. 57—57 об. См. также л. 50 об.—58.
[49] Там же, л. 50 об.— 53.
[50] Там же, л. 5 об.— 6.
[51] ЦГАОР, ф. 102 (Департамент полиции), Д-3, 1884, ед. хр. 800, л. 32.
[52] «Общее дело», 1886, № 81, январь.
[53] «Голос молодежи». Орган «Союза русской молодой интеллигенции», № 1. СПб. Литография «Голоса молодежи», 1886, с. 69 (см.: ЦГАОР, ф. 1741, № 4775).
[54] ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний, 1886, XI ведомость, л. 82 об.
[55] Там же, л. 73 об.— 74.
[56] Там же, 1889, XIV ведомость, л. 91.
[57] А. Н. Герасимов. Щедрин и студенчество. (Из прошлого).— «Молодая гвардия», 1926, № 3, с. 206.
[58] ЦГАОР, ф. 102, ДП. Обзоры важнейших дознаний 1894, XVIII обзор, л. 20, об.— 21.

АКАДЕМИК А. И. БЕЛЕЦКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ Н. С. ЛЕСКОВА

Статья М. О. Габель

I

1

Научные интересы Александра Ивановича Белецкого (1884—1961) были чрезвычайно многогранны: теория литературы, методология литературоведения, история русской, украинской, античной и зарубежных литератур, межславянские литературные связи, место и значение крупных русских и украинских писателей (Пушкина, Шевченко, Франко, Леси Украинки и др.) в развитии мировой литературы — вот далеко не полный перечень основных направлений, всегда занимавших его исследовательскую мысль. Обширных монографий он оставил после себя не так много. Чаще всего это статьи. Однако, написанные большим мастером слова, владеющим искусством немногими, но точными и емкими словами сказать многое, они ценнее, содержательнее иных многотомных работ. После смерти Белецкого вышло Собрание его сочинений, включающее исследования на украинском и русском языках, однако вобравшее далеко не все, что им создано [1]. Даже незавершенные работы большого ученого — рецензии, наброски, тезисы, конспекты, планы и другие «мелочи», которые не привлекают особого внимания редакторов, могут многое дать будущему исследователю, пробудить научную мысль, натолкнуть на поиск. Тем более это относится к его законченным работам. Конечно, они должны быть опубликованы, даже если их отделяет от наших дней более полувека. Поставленные в общий ряд с другими его исследованиями, они — свидетельство творческого роста выдающегося ученого, формирования его научного мировоззрения, и, что особенно важно, в них могут содержаться ценные концепции, мысли, наблюдения, не потерявшие значения в наши дни. Большой исследователь всегда заглядывает в будущее науки, что-то предугадывает в дальнейшем ее развитии.

В архиве Белецкого хранится рукопись его работы о Лескове — А. Белецкий. Н. С. Лесков. Личность, творчество. ⟨Харьков⟩, апрель — май 1923. В ней 121 лист (по авторской нумерации — 117). Работа эта была прочитана автором на нескольких заседаниях секции теории и истории литературы научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры при Харьковском институте народного образования, созданного на базе реорганизованного Харьковского университета. Хотя исследование Белецкого вызвало у слушателей живой интерес и получило высокую оценку, тем не менее оно не было опубликовано. По-видимому, появлению его в печати мешали трудности, которые переживало тогда издательское дело на Украине и, в частности, в Харькове. Однако Белецкий не расставался с мыслью его издать. Одну из глав книги, «Рассказы и очерки», он, надо думать, подготавливал к печати, так как после его смерти в его архиве была обнаружена машинописная копия этой главы. Сверенная с рукописью, эта часть работы вошла в 4-й том его сочинений. Можно лишь выразить глубокое сожаление, что Институт им. Т. Г. Шевченко, директором которого долгие годы — до конца жизни — был Белецкий, не включил в издание всей работы о Лескове: в академическом собрании исследований ученого ей, конечно, было бы уместно появиться полностью. В настоящее время архив Белецкого, в том числе и рукопись его работы о Лескове, принадлежит его сыну Платону Александровичу Белецкому (Киев).

Не вошедшая в свое время в советское литературоведение, работа Белецкого тем не менее заслуживает внимания исследователей Лескова. Вероятно, кое-что в ней устарело, кое-что уже «перекрыто» последующими работами, однако в ней есть свои, оригинальные, никем еще не высказанные мысли о Лескове, и каждый, кто интересуется этим сложным и противоречивым писателем, должен быть знаком с исследованием Белецкого. Мы ставим своею целью охарактеризовать его и ответить на вопросы:

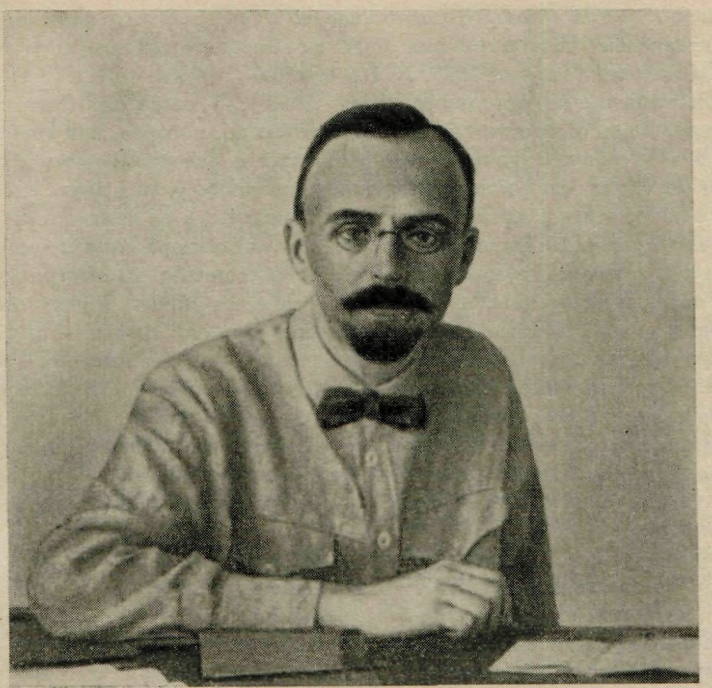
1) Каково место работы Белецкого в лесковиане начала 20-х годов? 2) Как вписывается она в последующее изучение Лескова? 3) Что она может дать современному исследователю?

Белецкий прекрасно знал творчество Лескова, был его тонким и вдумчивым читателем [2]. Одновременно с исследованием, ему посвященным, он подготавливал теоретическую работу «В мастерской художника слова». Ее положения не раз обосновываются, иллюстрируются примерами, взятыми из произведений Лескова, анализ которых, сделанный Белецким, несомненно, заслуживает внимания каждого, кто интересуется поэтикой Лескова [3]. В изучении Лескова Белецкий явился, по сути, первооткрывателем, так как до Октябрьской революции Лесков чаще был объектом суровых разносных критических выступлений, чем беспристрастной историко-литературной оценки, а в советское время до Белецкого, кажется, только один Б. В. Варнеке посвятил Лескову маленькую статейку «Растерянный Лесков» («О книгодрательном бесе») [4], упомянутую в рассматриваемой работе [5]. Нельзя не отметить, что в 1923 г., когда Белецкий написал свой историко-литературный очерк о Лескове, в защиту Лескова с пропагандой его творчества выступил А. М. Горький [6]. Многие мысли о Лескове Белецкого и Горького родственны.

Белецкому пришлось проделать большую предварительную работу. Он не мог опереться на собрания сочинений, изданные еще в конце XIX и в начале XX вв. Хотя одно из них определено словом «полное» [7], однако претендовать на полноту оно никак не могло, и Белецкому не раз, вероятно, приходилось обращаться к «Библиографии сочинений Н. С. Лескова» (1860—1889), составленной П. В. Быковым. Белецкий сам во многих случаях ведет розыски сочинений Лескова и в своей книге не раз делает ссылки на их первые публикации в журналах и газетах, отмечая: «В собрание сочинений не вошло» [8]. Ни разу Белецкий не призывает прямо к созданию действительно полного, научно подготовленного собрания сочинений Лескова, однако само исследование вопиет об этом. Будем надеяться, что новое поколение, пришедшее в науку, создаст полное, академическое собрание сочинений Лескова, включающее все его наследие: художественные произведения, публицистику, письма, воспоминания, словом, все, что написано его рукой и относится к литературе.

Белецкий прекрасно знал посвященную Лескову еще при его жизни критическую литературу, воспоминания о нем и работы, появившиеся после смерти писателя и претендующие на его историко-литературную оценку. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки и подстрочные примечания. Для розыска этих материалов нужно было провести кропотливую работу, так как библиографического справочника литературы о Лескове не существовало, а общие библиографические указатели (А. В. Мезьер, И. В. Владиславлев и др.) давали критическую литературу выборочно. Надо отметить, что научный аппарат в книге Белецкого безукоризнен. Исследователь никогда не забудет сослаться на критика, чье мнение совпадает или не совпадает с его собственным. Отзывы современников о творчестве Лескова — важный для Белецкого документ. Без учета откликов читателя разной социальной среды, разного культурного уровня не построить подлинной истории литературы,— так полагает исследователь. Читательское восприятие творчества писателя — один из критериев, помогающих определить его место в историко-литературном процессе. Об этом Белецкий писал в 1922 г.— почти одновременно с книгой о Лескове — в статье «Об одной из очередных задач историко-литературной науки» [9]. В суждениях критиков Лескова можно услышать и голос революционера-разночинца 60-х годов, и голос, громко раздававшийся из правительственных сфер, и голос реакционного духовенства, добившегося в 1889 г. уничтожения шестого тома «Собрания сочинений» Лескова, где были напечатаны «Мелочи архиерейской жизни» [10], и, наконец, голос друга-читателя, в 1880—1890-е годы найденного Лесковым.

Отзывы читателей и критиков широко привлечены Белецким. Однако собранный материал позволял ему сделать более глубокие выводы о читателе Лескова, чем те, которыми он ограничился. Приходится пожалеть, что интереснейшие проблемы, связанные с читателем и поставленные Белецким в названной выше статье, не нашли всестороннего разрешения в работе о Лескове, творчество которого дает для этого боль-



А. И. БЕЛЕЦКИЙ
Фрагмент групповой фотографии. Харьков, 1924
Собрание Е. Д. Безгиной, Москва

шой материал. О Лескове — читателе самых разнообразных книг (литературных, исторических, церковных, чисто научных) Белецкий не раз говорит. Но кто был тайным собеседником Лескова, к кому он обращался, создавая свои произведения? Кто тот читатель, которого Лесков обрел в конце своей деятельности и о котором он в связи с выходом в свет первого собрания сочинений говорит, что «*читатель «не обманул» и, что всего важнее, поссорить с ним этого читателя действительно уже никому не по силам*» [11]. На эти вопросы, как и на другие, теоретически поставленные в указанной статье, Белецкий не ответил, вероятно, потому, что, учитывая тогдашние возможности издательского дела, должен был ограничивать себя в размерах книги. Интересными проблемами, намеченными Белецким, являются — «Лесков-читатель» и «Читатель Лескова» — во всех аспектах и гранях, указанных исследователем в его статье «Об одной из очередных задач историко-литературной науки».

Что могли дать Белецкому биографические и историко-литературные работы о Лескове, появившиеся после смерти писателя и содержавшие первые попытки публикации его эпистолярного наследия, первые опыты ознакомления с его биографией и и творчеством? Прежде всего следует назвать книгу А. И. Фаресова «Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем». СПб., 1904. Фаресов — беллетрист и журналист, в молодости принимал участие в революционном движении, привлекался по делу 193-х, просидел более четырех лет в тюрьме, из которой вышел значительно поправевшим — далее умеренного либерализма он уже не пошел. Будучи с 1880-х годов и до конца жизни Лескова его хорошим знакомым, он вскоре после смерти писателя начал публикацию воспоминаний о нем и его писем. Книга «Против течений» представляет собой биографический очерк и содержит попытку охарактеризовать мировоззрение Лескова, всегда шедшего, по мнению автора, «против течений всяких господствующих культов, как только он усматривал в них «соблазнителей смысла» [12]. Фаресов причесывает при этом Лескова по собственной либеральной модели.

О книге «Против течений» можно сказать лучше всего словами Лескова, какими он охарактеризовал «Воспоминания об А. Н. Энгельгардте» того же автора, напечатанные в «Вестнике Европы», 1893, № 7 и 8. «Она ⟨статья — *М. Г.*⟩ любопытна,—пишет Лесков в письме к Фаресову от 2 июля 1893 г.,— но вы как будто неловко отсортовали материал, и оттого статья напоминает блюдо, которое, как говорят, «невкусно подано». У вас события, упоминаемые в письмах и рассказываемые в личных ваших воспоминаниях, катаются и перекатываются из одного угла в другой, сбивают хронологию, и в конце концов читатель получает анекдоты, а не нравоописательный очерк, что читателю нужно. Не выходит портрета, нет «характера лица и времени» [13]. Книга Фаресова о Лескове тоже композиционно беспорядочна; не выдержана хронология событий, излагая которые автор то и дело забегает вперед, в результате чего получается расплывчатый портрет Лескова. Главная ценность книги — опубликованные в ней письма писателя, воспоминания о нем разных лиц и автора, его записи бесед с Лесковым. Однако Фаресов обращается с этими важными биографическими документами очень вольно. Слова Лескова из писем часто пересказаны автором, причем подобные переложения не оговорены, и неясно, где кончаются слова Лескова и где начинаются слова Фаресова. В книге искажены факты, имена и фамилии. В отзывах на книгу Фаресова указывалось не раз на подобное слишком «свободное» отношение к документам и фактам [14].

Белецкий — ученый, строго подходивший к историко-литературным явлениям и документам, всегда проверявший их и никогда не подпадавший под влияние недоказанных концепций, не мог доверять Фаресову. Фактическим материалом его книги он почти не воспользовался, исключая двух писем к С. Н. Шубинскому 1884—1885 (л. 78—79) [15]. Вторично Белецкий ссылается на книгу, когда говорит о языке Лескова и цитирует беседу Фаресова с Лесковым (л. 95—96; в сноске на л. 100 дана отсылка к главе в книге Фаресова — «Лесковский язык и полемика о нем»). Совершенно ясно, что книга Фаресова не стала для Белецкого источником достоверных сведений, и он почти обошел ее.

Немного дала ему и книга А. Л. Волынского о Лескове [16]. Волынский — критик и публицист, философ-идеалист, идеолог декадентства, противник реалистического искусства и революционно-демократической критики. Он рассматривает творчество Лескова в свете своих идеалистических убеждений. Для Волынского существуют два писателя Лескова, один — плохой, другой — хороший. Плохой Лесков откликается на явления общественной жизни, и за это критик обвиняет его в лицемерии и легкомыслии. Он дает отрицательную оценку публицистике Лескова, произведениям, где изображена современная жизнь и где блестяще проявился сатирический талант писателя («Смех и горе», «Воительница»). Он не приемлет последнего периода в литературной деятельности писателя, не считает художественными легенды, стилизованные под рассказы из «Пролога», и особенно незаконченную повесть «Чертовы куклы», полагая их художественной неудачей Лескова и его идейным заблуждением. Игнорируя полнокровное реалистическое изображение жизни в произведениях Лескова, отказывая им в художественности, критик одобряет только те, где «под внешними событиями рассказа струится тихая религиозная стихия, неразлучная с душой Лескова» (с. 69). Волынский ценит у Лескова его образы праведников, которые толкует при этом односторонне. Не останавливаясь на этическом содержании этих образов, он видит в них только людей, тянущихся к богу, душу которых писатель мастерски изображает. Критика восхищают праведники «Соборян». Особенно выделяет он сцены их смерти, т. е. моменты их соединения, по его словам, с богом.

Субъективность Волынского, проявленная в оценке Лескова, была враждебна Белецкому. Ему, воспитанному в годы учения и научной юности в школе позитивизма (Александр Н. Веселовский, А. А. Потебня), был глубоко чужд воинствующий идеализм Волынского. В 1920-е годы он уже стремился овладеть материалистическим методом в истории литературы. Путь его вхождения в марксистскую эстетику был сложным и трудным. Для этого ему понадобилось несколько лет тщательного изучения трудов классиков марксизма.

Однако в работе Волынского есть интересные мысли и тонкие наблюдения, например, об изографической манере Лескова в изображении праведников. Действительно, писатель любил и хорошо знал древнерусскую иконопись, разбирался в ее школах. И, конечно, вопрос о Лескове-изографе, перенесшем в свое искусство слова приемы иконописи, нельзя отбросить, наоборот, он заслуживает всестороннего изучения. Белецкий поднял этот вопрос, когда в главе «Рассказы и очерки», анализируя лесковскую портретную живопись, утверждает, что при изображении внешности своих праведников писатель исходил от лицевого подлинника. При этом он дважды ссылается на книгу Волынского (л. 94) [17]. Заслуживают внимания и наблюдения Волынского над стилем Лескова, хотя они несколько импрессионистичны. Однако сделаны они тогда, когда стиль Лескова еще не привлекал внимания критики. В главе «Романические хроники», ссылаясь на Волынского, Белецкий указывает на пристрастие Лескова к эпитету «тихий» при описании Саведия Туберозова, протопопицы, отца Захария, чтобы создать «у читателя впечатление благородного спокойствия и чинности» (л. 65). Еще раз ввел он цитату из книги Волынского, когда его словами — словами очевидца — нарисовал картину смерти Лескова (л. 33). Вот и все, что дала Белецкому книга Волынского.

Ничем не могли помочь Белецкому и статьи историков литературы — С. А. Венгерова и Н. О. Лернера. Написанная для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, небольшая статья Венгерова «Лесков» [18] отвечает прежде всего целям издания, в котором она появилась. Это — информация, где не поставлено никаких научно-исследовательских задач. Несколько иной характер имеет написанная Н. О. Лернером глава о Лескове в «Истории русской литературы XIX в.»[19], где автор стремится нарисовать литературный портрет писателя, охарактеризовать, правда в общих чертах, ничем не доказывая своих утверждений, его мировоззрение и отношение к литературе как «служение» большим этическим идеям. Всем своим творчеством Лесков хотел служить людям, говорит Лернер, но у него не было ясных убеждений. Он моралист, однако Лесков-художник был выше Лескова-моралиста. По силе своего таланта он стоит в том же ряду, что Толстой, Тургенев, Щедрин, Достоевский, «но по внутренней цельности, по степени проникновенности идеалами, которыми жили эти люди,— Лесков гораздо ниже их» (с. 208). Эти общие замечания предваряют характеристику жизненного и литературного пути писателя. Начал он как публицист, но не был политиком и допускал существенные ошибки, как это было, например, в статье о «Петербургских пожарах», или в оценке нигилизма в романах. Не будучи в литературе политиком, Лесков не примыкал ни к «чьему знамени», хотя своего не имел. Но далее Лернер утверждает, что «после Толстого и Достоевского Лесков решительно наиболее ярко выраженный религиозный ум во всей русской литературе XIX века» (с.219). Так называет Лернер одну за другой черты в создаваемом им портрете, не замечая, как они противоречат друг другу, не ложатся в общую систему. Естественно возникает вопрос: а не был ли политиком религиозный писатель Лесков, когда выступал против преследований раскольников; когда сатирически изображал многие стороны архиерейской жизни и горячо полемизировал с церковниками? Для Лернера не существует вопроса, почему писатель не только не принял нигилизма, но даже страстно обрушился на него и, вместе с тем, почему его привлекали люди идейные, нравственно чистые, искавшие пути в революцию? Его не занимает вопрос, на каких позициях стоял Лесков в общественно-политической борьбе своего времени? Констатация отдельных черт мировоззрения писателя, иногда неожиданно отмечаемых, без внутренней связи с ранее указанными, не приводит Лернера к созданию целостного портрета Лескова.

Нам пришлось подробно остановиться на работе Лернера, так как ее можно рассматривать в качестве итога, к которому пришло изучение Лескова в предреволюционные годы. Были еще статьи по частным вопросам, но так ярко нигде не проявился научный эмпиризм, свойственный академическому литературоведению конца XIX — начала XX в. Даже в самые ранние годы своей научной деятельности Белецкий не был эмпириком; он опирался на факты и, анализируя, обобщая их, приводил в общую систему. Статья Лернера глубоко чужда ему по своему методу; она не дала ему ни интересных новых фактов, ни оригинальных мыслей и наблюдений.

В сущности, Белецкий начинал работу о Лескове на чистом месте: не было, как мы видели, ни более или менее полного собрания сочинений писателя, ни исчерпывающей библиографии его произведений, ни справочника научно-критической литературы о нем, ни исследований, на которые можно было опереться, чтобы идти дальше. Все нужно было сделать самому.

2

Что же представляет собой исследование Белецкого? Оно состоит из неравных по объему разделов:

I. Личность Н. С. Лескова и его общественная среда (л. 1—33).

II. Творчество Лескова (л. 34—108); состоит из трех глав: 1. Романы; 2. Романические хроники; 3. Рассказы и очерки.

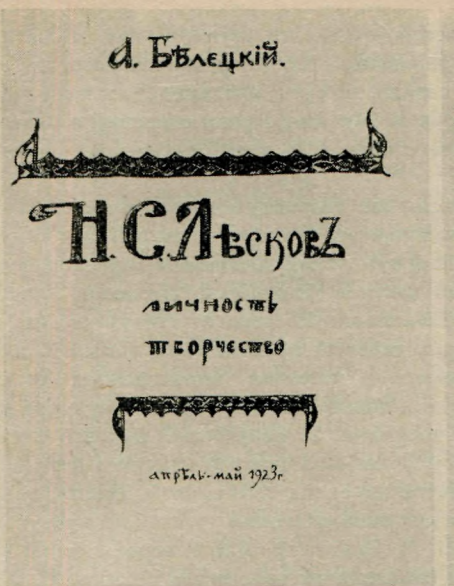
III. Лесков в истории русской литературы (л. 109—117).

Последуем за Белецким и постараемся дать анализ каждого раздела. Но прежде чем перейти к нему, нельзя не сказать о том, как написана работа. Она принадлежит не только талантливому ученому, но и большому мастеру слова. Научный язык Белецкого образен и выразителен, точен и лаконичен; исследователю удалось вложить в работу объемом в 7,5 печатных листов большое содержание, насытить ее не потерявшими и сейчас ценности мыслями. Чтобы избегнуть голословности, ограничимся одним примером. В начале книги Белецкий рисует внешний облик Лескова, воспроизводя в слове его портрет кисти В. А. Серова: «Лицо с крупными и резкими чертами, седые, взъерошенные, редеющие на верху широкого лба волосы и резкая мучительная складка между бровей, из-под которых смотрят глаза, «колючие черные глаза», пристальным, словно вопрошающим взглядом; и не то слегка усмехающееся, не то болезненное выражение губ, затененных усами и небольшой белой бородою. На писателе полосатая блузка — та самая длинная кофта из светлой полосатой бумазеи, в которой обыкновенно заставали его гости, приходившие навестить старика...» (л. 3). Белецкий точно передал внутреннее содержание портрета Серова, мастерски перевел его с языка живописи на язык словесного искусства. Приведенная цитата — типичный образец выразительного и компактного стиля ученого.

На первую часть — «Личность Н. С. Лескова и его общественная среда» — заметнее всего наложили печать годы, когда создавалась книга. Марксистский метод все более завоевывал позиции в советском литературоведении, однако еще не было выработано на основе изучения работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина строгих и точных критериев, из которых должно исходить научное исследование литературных явлений. Очень часто к марксистам относили тех, кто, игнорируя художественное своеобразие литературных произведений, обращал внимание лишь на содержание, пытаясь оценивать его с социологической точки зрения. В суждениях о творчестве писателя решающее значение придавалось тогда его происхождению, принадлежности к определенному классу.

В начале 1920-х годов Белецкий, как и многие его современники, например, П. Н. Сакулин, В. А. Келтуяла и другие, ищет своих путей в социологическом изучении литературы; недостаточное знакомство с марксистской теорией не дает ему еще правильного направления в поиске. Однако вульгарный социологизм, складывавшийся как особое методологическое направление в советском литературоведении в начале 1920-х годов, пышно расцветший во второй половине 1920-х и в первой 1930-х годов, был всегда чужд Белецкому, и в своей работе о Лескове он не определяет прямолинейно классовой природы его творчества, хотя и придает значение социальной среде писателя и тому влиянию, которое она оказала на его творчество. Формалисты 1920-х годов провозглашали примат формы над содержанием, их интересовал вопрос о том, «как» сделано художественное произведение, Белецкий же не отрывает «что» от «как» (композиция, слог, стиль, поэтика), они выступают у него как единая целостная система, где все элементы взаимно связаны и обусловлены.

Приступая к изучению творчества Лескова, Белецкий предложил план, где намечает узловые вопросы для всех разделов исследования:


А. Белецкій.

Н. С. Лѣсковъ

личность

творчество

апрѣль-май 1923г.

I

Личность Н. С. Лескова и его общественная среда.

ИССЛЕДОВАНИЕ А. И. БЕЛЕЦКОГО о Н. С. ЛЕСКОВЕ
Автограф, 1923
Обложка и первая страница рукописи
Собрание П. А. Белецкого, Киев

«Изучить произведение литературы, как мы знаем, это значит составить себе понятие о материале, выбранном писателем, о расположении и строении этого материала (композиция), о его словесном выражении (слог), и, наконец, о его оформлении, то есть приведении его разнообразных элементов к известному единству, сообщающему произведению тот своеобразный характер, который в искусстве мы называем стилем. Этот стиль не является чем-то ниспосланным писателю свыше, а вытекает из общих художественных убеждений писателя, в свою очередь определяемых его мировоззрением в целом. Поскольку личность является малой частью той или иной социальной группы, художественные убеждения писателя (назовем их его поэтикой) определяются убеждениями той литературной группы, к которой он принадлежит, а его мировоззрение — мировоззрением той общественной группировки, сословия, класса, из которого писатель вышел или с которым он связал себя в течение своей деятельности. Так намечаются перед нами предметы изучения: произведения Лескова со стороны их материала, композиции, слога и стиля, его поэтика и обусловливающее ее его мировоззрение, его литературная и общественная группа, представляющая в свою очередь часть большой социальной группы, находящей в литературных созданиях выражение своих специфических особенностей,— и, наконец, его личность, которую мы можем взять за отправную точку при нашем ознакомлении с элементами, составляющими явление, которое в русской литературе называется творчеством Н. С. Лескова» (л. 2—3).

Можно лишь поставить Белецкому в заслугу, что в 1923 г. он наметил в работе о Лескове те задачи, которые позднее твердо вошли в наше литературоведение. Однако сейчас же приходится оговориться: собственно говоря, исследователь остановился на полпути. В первой части работы «личность писателя» и его «общественная среда»— аморфны. Хотя он и ставит перед собой цель — «выяснить зависимость личности от ее социальной среды и ее отношения к борьбе общественных сил в момент выступления и дальнейшей работы в литературе» (л. 5) однако не осуществляет этой цели. Каково участие Лескова в общественно-политической борьбе 60—90-х годов? Белецкий едва касается этого вопроса: его внимание привлекают те идейные влияния, которые он впитывает от общения со средой. Сложные противоречия мировоззрения и творчества

Лескова как отражение социально-политической борьбы его времени, как отражение сильных и слабых сторон освободительного движения второго, разночинского, его периода — об этом Белецкий не говорит. Да и нельзя, по сути, предъявлять к нему такого требования. Ленинские работы о Л. Толстом и Герцене, о роли сословий и классов в русском освободительном движении еще не стали тогда методологической основой советского литературоведения.

В первой части исследования Белецкий взял «за отправную точку» личность Лескова, ключ к которой он находит в его происхождении и среде, с которой был связан писатель. «Предметами изучения», намеченными в «научной программе», предложенной Белецким, исследователь займется во второй части — «Творчество Лескова». Однако нельзя не признать, что отрыва социальной личности Лескова от его творчества не произошло: в первой части для анализа привлекаются произведения Лескова, а во второй произведения объясняются мировоззрением писателя, порожденным его социальной средой. Важно лишь то, на чем сделан акцент. Именно такая структура монографии с выделением двух разделов (1. Биография. 2. Творчество) надолго сохранится в лесковиане. Последовавшая за работой Белецкого через два десятка лет монография о Лескове Л. Гроссмана построена по той же схеме [20]. В главе «Лесков», написанной В. А. Гебель, для академической десятитомной «Истории русской литературы», та же композиция [21]. Избежал ее несколько Б. М. Другов, разбив биографический материал по главам, согласно принятой им периодизации творчества Лескова [22]. По-видимому, Белецкому было тесно в пределах избранной им схемы. Для исследовательской манеры Белецкого в дальнейшем станет естественным рассматривать творчество писателя в единстве всех определяющих элементов, без дробления на отдельные замкнутые части: биография и творчество. В центре его научных исследований всегда будет находиться вопрос об отражении писателем действительности с ее идейной общественно-политической борьбой (причем «что отражено» неразрывно связывается с «как отражено»), вопрос о его месте и в этой борьбе и в историко-литературном процессе. Чтобы дать такой обобщенный портрет писателя, исследователь привлекает все возможные факты: биографические, исторические, литературные и т. п. Монография о Лескове — пока еще лишь предвестник будущей методики исследования. Несмотря на то, что в ней есть научная фразеология прошлых лет, существо ее обращено вперед — в наше время. В этом ее значение.

Происхождение Лескова, отмечает Белецкий, было сложным — в нем скрестились разные сословные линии (дворянство по матери, чиновничество и духовное звание по отцу, купечество по бабушке). Рассказав о происхождении Лескова (как обычно это делают и сейчас биографы писателей, художников, ученых и лиц других профессий), Белецкий заключает: «Так с четырьмя сословиями сразу— и ни с одним в особенности— был связан Лесков своим рождением» (л. 5). Его связи с помещичьим классом не были прочными, но в детстве он жил в усадьбе, и крепостная действительность живо запомнилась; память хранила типичные ее эпизоды и сцены, порожденные ею характеры. Писатель смог впоследствии создать ряд повестей и рассказов, «составляющих в целом нечто подобное автобиографическим романам других русских писателей» (л. 5) — Аксакова, Л. Толстого, Гарина-Михайловского, Короленко. Это —«Пугало», «Зверь», «Овцебык», «Несмертельный Голован», «Юдоль», «Томление духа», «Тупейный художник», «Незаметный след». Справедливо признавая, что биограф Лескова располагал тогда — к 20-м годам XX столетия немногими фактами, особенно для первой половины жизни писателя, Белецкий искусно отделяет в произведениях «вымысел» от «правды» и воссоздает живую картину детства и отрочества Лескова. Надо признать, что проблема «Wahrheit und Dichtung» — одна из значительных в нашей литературной науке, и ее постановка в изучении такого писателя— выдумщика, собирателя замысловатых сюжетов, анекдотов, как Лесков, остается пока полностью неразрешенной. Многое можно еще здесь сделать. Белецкий дал лишь первоначальную наметку.

Как сказалось происхождение писателя на его творчестве, об этом исследователь почти не говорит, не следуя, таким образом, вульгарно-социологическим канонам 1920-х годов. Его интересует социальная среда, пестрая и разнообразная, в которой вращался писатель и которая дала ему много жизненных впечатлений: патриархаль-

ный быт небогатой помещичьей усадьбы, позволивший ему «уже в детстве близко наблюдать жизнь людей земли — крепостной быт, свой и чужой, врезавшийся в его память с удивительной яркостью» (л. 5), чиновничья среда, когда после смерти отца, с 16 лет, ему пришлось служить в разных канцеляриях (в Орле и Киеве), на баржах промышленника Шкотта, а после переезда в Петербург — редакции газет и журналов, министерские комитеты, где зоркий глаз писателя многое подмечает, чтобы затем облечь в художественную форму очерка, рассказа, повести, романа. О жизненном материале произведений Лескова Белецкий судит, исходя из их содержания. Он удачно объясняет порой, почему писатель отобрал тот или иной сюжет, ситуацию, героев, индивидуальными чертами характера Лескова: «страстностью темперамента», его «необузданностью», «неспособностью к беспристрастию», «полемической несдержанностью», «несклонностью легко прощать обиды».

Эти черты личности сыграли, как подчеркивал Белецкий, немалую роль в конфликте Лескова с революционными демократами, длившемся с 60-х годов до половины 70-х. Проживший до окончательного переезда в Петербург 30 лет в провинции, где ему пришлось лишь поверхностно ознакомиться с утопическим социализмом и стихийным материализмом, далекий от круга «Современника», начавший печататься в либеральной прессе, он не понимал идейно-политической борьбы 60-х годов и не мог уразуметь, почему его статья о «Петербургских пожарах», написанная с благой целью защитить подозреваемых в поджоге студентов от самосуда разъяренной толпы, вызвала в прогрессивных кругах оскорбительный для него резонанс, отбросив его в стан реакции. Горячий, страстный темперамент, непомерная обидчивость, несдержанность — эти личные черты побудили его в дальнейшем изображать «нигилистов» в зло шаржированном виде.

Прав ли исследователь, когда, анализируя жизненный путь писателя, учитывает и индивидуальные свойства его характера? Думается, что прав. Советское литературоведение интересует сейчас вопрос о том, какое место занимает творческая индивидуальность писателя в историко-литературном процессе, как она входит во всем своем своеобразии, во всей неповторимости в то общее, что составляет литературное течение, направление в их сложных взаимодействии и борьбе, а в целом — в историко-литературный процесс. Нет нужды также отбрасывать характер писателя, когда идет речь об его идейных ошибках, заблуждениях, срывах. «Личное» (чувство обиды, отсутствие объективности, беспристрастности, повышенная возбудимость) может сыграть здесь немалую роль, и исследователь обязан выяснить, какие сложные психологические противоречия испытывает писатель при столкновении «личного» и «социального», а не полагать, что характер со всеми его индивидуальными особенностями — область, куда должны вторгаться только писатели, художники [23].

Однако, когда Белецкий характеризует мировоззрение Лескова, складывавшееся под воздействием разных социальных явлений, у него прорывается типичная для 20-х годов фразеология: «Его ⟨Лескова.—*М. Г.*⟩ мировоззрение складывалось на основе патриархального уклада 30-х годов» (л. 13); религиозность, идеализм, привитые в детстве, не могли не привести Лескова к конфликту с материализмом 60-х годов. Однако в нем бушевала и «разночинная стихия», унаследованная от отца и выражавшаяся в интересе к злободневным социальным вопросам. Белецкий видит в личности Лескова борьбу этих стихий, мелкопоместной и разночинной, и ареной этой борьбы, считает он, стал для Лескова город. Он враждебно относится к большому городу с его зарождающейся индустрией,— ему милее спокойная провинциальная жизнь. В те годы, когда писалась Белецким его книга, анализ темы города в литературе часто служил основой для выводов о классовой природе творчества. Белецкий тоже уделяет много внимания отношению Лескова к городу и приходит к заключению: «Городская культура, дававшая о себе знать в России уже к концу 50-х годов, для Лескова была чужой культурой» (*л.* 13).

Однако легко возразить Белецкому, исходя из фактов биографии Лескова, на которые он сам опирается. Лесков приехал в Петербург в 1861 г. и прожил в нем до конца дней своих — большую половину жизни. Ненавистник большого города, разве не мог он найти где-нибудь в провинции, которую хорошо знал, тихий уголок? Нет, не

мог и не хотел. Потому что Петербург питал его сатирическое творчество («Смех и горе», «Чертовы куклы» и др.), потому что в Петербурге билась ключом идейная борьба, вне которой немыслим художник и публицист Лесков. Белецкий не мог еще найти основной фактор, определяющий творческий метод писателя, — его отношение к революции, его место в освободительной борьбе своего времени и вытекающие отсюда сложные противоречия его мировоззрения и творчества.

Во второй половине первого раздела социологизм несколько отступает назад, отодвинутый характеристиками Лескова-читателя и оценкой отдельных сторон его мировоззрения (отношение к расколу, православию, к Л. Толстому и толстовству). Несмотря на то что первый раздел насыщен большим материалом и в нем есть интересные наблюдения, не потерявшие и сейчас своего значения, однако он во многом еще — дань своему времени, дань научной фразеологии 20-х годов.

Все же работа Белецкого связана с политической действительностью начала 1920-х годов не только в тех ее чертах, которые остались в прошлом, но и в сильных своих сторонах. Это было время, когда велась острая борьба по вопросу о классическом наследии, когда пролеткультовцы ниспровергали старую литературу, когда В. И. Ленин выступил в защиту культурного наследия, сказав, что без овладения им не может быть построена пролетарская культура. Именно в этот момент обращается Белецкий к изучению такого сложного и противоречивого писателя, как Лесков, и создает монографию, раскрывающую непреходящее его значение. Белецкий заметил в первой части: «...ведь главная наша цель — изучение не личности Лескова, а его произведений» (л. 5). К осуществлению этой цели он переходит во втором, центральном, разделе — «Творчество Лескова».

3

Второй раздел монографии, состоящий из трех глав,—самый обширный и самый интересный. Он охватывает все жанры Лескова: романы, романические хроники, рассказы и очерки. В анализе творчества Лескова осуществлен тот план изучения литературных явлений, который наметил Белецкий. Его интересуют темы, поднятые Лесковым, и объяснение того, почему они родились, замысел и его реализация, творческая работа писателя и законы, им самим над собой признанные, определившие композицию, стиль и язык. Исследователь связывает Лескова, его темы и художественную манеру с современной общественной жизнью и литературой русской и зарубежной. Он ищет истоки своеобразного стиля Лескова в литературном прошлом, указывая писателей, у которых учился, за которыми следовал Лесков,— словом, дает представление о том, как выковывался его разнообразно-пестрый, однако единый и целостный в своей пестроте стиль.

Первая глава этого раздела — «Романы»— начинается с общей характеристики литературного наследия Лескова. Оно,— говорит исследователь,— «и хронологически, и по внутренним особенностям легко распадается на три неравные и по количеству и по качеству части. В первую входят романы, написанные им с 1864 по 1870 гг.: «Некуда», «Обойденные», «На ножах» и большая повесть «Островитяне». Ко второй мы отнесем *романические хроники* — лучше сказать одну широко задуманную, но не выполненную целиком хронику «Чающие движения воды», начатую печатанием в 1867 г., но получившую окончательную обработку только в «Соборянах» (1872), по первоначальному замыслу долженствовавших быть лишь большою частью еще большего целого; прочие элементы либо остались в первоначальных этюдах, либо явились в печати как самостоятельные произведения («Котин доилец и Платонида», «Старые годы в селе Плодомасове»); еще одним внешне не связанным с названной хроникой опытом был «Захудалый род» (1874), после которого к данной повествовательной форме Лесков уже не возвращается. С 1874 г. и до конца деятельности господствующей формой у него станет *рассказ*, первые попытки которого начинаются вперемежку с большими романами 60-х годов: именно в этой форме, об особенностях которой у Лескова нам придется говорить дальше, писатель нашел самого себя, именно она отводит ему видное место среди мастеров русского художественного слова в XIX веке. Лесков-рассказчик живет и до сих пор; Лесков-романист принадлежит историческому прошлому, играя и там

не слишком важную роль. Замолкла кипевшая вокруг этих романов перебранка, утратили остроту затронутые в них (...) вопросы, а вместе с тем и беспристрастному взгляду стало заметней художественное несовершенство этих созданий еще незрелого дарования, по признанию самого автора, сделанных торопливо и необработанных» (л. 34).

«Некуда» и «На ножах», охарактеризованные в первом разделе как антинигилистические романы, рассматриваются сейчас в новом аспекте: они нужны Белецкому, чтобы понять, как шло становление большого писателя, как, осознав позднее идейные и художественные ошибки романов, он пришел к малой форме, где достиг подлинного мастерства. «Некуда» и «На ножах» задуманы как романы об общественном движении 60-х годов. «Основная тема обоих романов — столкновение людей «настоящих», как их понимает писатель, с людьми фальшивыми, людьми фраз, ему ненавистными,— или даже с простыми негодяями, для которых громкие фразы служат лишь случайным прикрытием. Первые, настоящие люди, заметим тут же, либо живут в провинции, либо приходят из нее в городской центр; вторые — и в провинцию приходят, пропитанные ядом большого города. Таковы схемы, из которых вырастают сюжеты: менее сложный в романе «Некуда» и весьма запутанный в романе «На ножах» (л. 39).

Указав на общие черты обоих романов, Белецкий переходит к тщательному анализу «Некуда». Этот анализ не устарел. Мысли исследователя, высказанные много лет назад, и сейчас дополняют современную лесковиану, в которой изучение «Некуда» заняло прочное место [24]. Белецкий рассматривает роман как художественно-литературное явление, как существенную веху в литературном развитии автора, без которой не понять его дальнейшего творческого пути. В то же время это факт, характеризующий формирование политико-бытового и политико-авантюрного романа тех лет, т. е. звено историко-литературного процесса в целом.

Исходя из суждений Лескова о «Некуда» более поздних лет, Белецкий отмечает большие и малые художественные просчеты автора, еще не овладевшего литературной техникой: неполноту и недоговоренность в развертывании сюжета и развитии действия, необоснованные его перерывы и обрывы; композиционную разнородность первой части и двух остальных. При этом Белецкий устанавливает в манере письма Лескова связи с литературой первой половины XIX в. (Пушкин, Гоголь, «натуральная школа» 40-х годов, Тургенев, Писемский) и зарубежной детективно-авантюрной (Э. Сю), убедительно обнаруживая разностильность частей романа. В первой действие развивается планомернее, перебиваясь жанровыми картинами (описанием жизни в помещичьей усадьбе и в провинциальном городе), пейзажами. Композиционно эта книга близка к русским бытовым повестям 40—50-х годов и к произведениям «натуральной школы»; в описаниях Лесков следует за Гоголем (см. в главе 10 развернутое, уводящее в сторону от главной линии повествования, сравнение с перепелом петербургского немца), в лирических пейзажах идет за Тургеневым. История жизни Женни Гловацкой и ее брака с учителем Вязьмитиновым, карьеристом, превращающимся в благополучного службиста,— вариация на сюжет «Тысячи душ» Писемского. Во второй и третьей книгах вливается масса новых лиц (до ста, а в первой было двадцать шесть). Роман превращается в диалог: «новые люди» излагают свои воззрения, а Розанов спорит с ними. Третья книга дополнена анекдотами из жизни «Дома согласия».

Характерна трехсоставность сюжетной схемы: линия Лизы Бахаревой, линия Женни и линия Розанова, alter ego автора, причем они не сливаются в едином сюжетном действии. Лиза— главная героиня. Белецкий сравнивает ее с пушкинской Татьяной (она тоже много читает, но чтения ей мало, она хочет дела) и с тургеневской Еленой (подобно ей, она ищет героя), но ей нужен не один герой, а герои —«люди чести, бескорыстия и свободы», «вещих глаголов». Впоследствии Лесков настаивал, что и благородный, гибнущий за революционное дело Райнер — главный персонаж. Однако автор не ввел его в действие, не сделал главной пружиной: он остается для читателя загадочным человеком. Среди лиц из окружения Лизы обращает на себя внимание чудаковатый энтузиаст Юстин Помада, поклонник Лизы, благоговеющий перед ней как перед живым воплощением «идеи» (гл. 30), бездомный скиталец, мечтатель, уже предвещающий многие образы будущих рассказов Лескова (ср. также «Овцебык», 1863 г.) (л. 42—43).

Бытовые фигуры с типическими чертами (в первой части) оттеснены во второй и третьей шаржированными портретами живых лиц. Дадим здесь слово Белецкому.

«Точно так же нужно признать неубедительными и неоднократные оправдания Лескова от упреков в портретности изображаемых им лиц. В романе «На ножах» он вспоминает Теккерея, выводившего в своей «Ярмарке тщеславия» героиню мошенницу Ребекку Шарп с заявлением, что «Ребекка Шарп есть лицо собирательное, принадлежащее поколению англичан, действовавшему после 1818 года».—«И этим никто из честных англичан этой поры не обижался, тогда как у нас за такую вещь Теккерея, конечно, назвали бы по меньшей мере инсинуатором и узколобым дураком, который «не умел понять людей, действовавших после 1818 года».— В русской литературе Лесков мог бы припомнить Лермонтова, которому тоже приходилось доказывать в предисловии к «Герою нашего времени», что Печорин не единичный портрет, а портрет, составленный из пороков всего поколения. Разница, однако, большая между приемами создания действующих лиц у названных писателей и Лескова. Современный читатель может, конечно, не увидать в маркизе де Бараль карикатурный портрет московской писательницы графини Салиас де Турнемир, писавшей под псевдонимом Евгении Тур; он может не знать, что подобно героине Лескова, написавшей стихи на смерть двух-трех московских ученых, которых она считала своими друзьями, Е. Тур была в дружественных отношениях, например, к московскому профессору Кудрявцеву, почитала Грановского и писала о них воспоминания; что упоминая в связи со своей маркизой известную деятельницу французской революции г-жу Ролан, автор дает повод вспомнить, что враги Евгении Тур иронически называли ее «мадам Ролан со Вшивой Горки»; что имя одной из дочерей маркизы— Антонина как бы с умыслом подобрано для намека на повесть Е. Тур «Антонина» (отрывок из ее романа «Племянница»), что в словах — «маркиза никогда не была по достоинству оценена своим мужем» — легко прочитать такой же намек на семейную жизнь писательницы, вышедшей замуж за французского графа и потом разошедшейся с ним, и т. д. Напомним, что рассказ о том, как маркиза выгоняет из своего дома нигилиста Пархоменку, осмелившегося перед ней непочтительно отзываться о Грановском («Некуда», ч. 2, гл. 7), сам Лесков повторяет как воспоминание о действительном происшествии в очерке «Загадочный человек» (гл. 21—22), где вместо маркизы из «Некуда», перед нами — литературная московская дама, «отличавшаяся благородством своего личного характера и горячностью убеждений», а вместо Пархоменки прямо назван Ничипоренко. Повторены также такие подробности, как привычка Ничипоренки-Пархоменки дергать носом, а во время разговора или размышления «с особенным тщанием и ловкостью выдавливать пальцем правый глаз». Детали едва ли уместные на собирательном портрете! В изображении внешности художника Белоярцева, чрезвычайно искусно подражающего народному говору, читатель нашего времени может не увидеть довольно точного фотографического портрета беллетриста-шестидесятника В. А. Слепцова, также известного своим необыкновенным уменьем воспроизводить живую народную речь и, подобно Белоярцеву, устраивавшему общежития на артельных началах («коммуны»), читавшему публичные лекции в пользу женщин и т. д. Всего этого может не знать, повторяем, читатель нашего времени: но не может он не ощутить слишком явно дыхания какой-то мести, одушевляющего перо автора второй и третьей части «Некуда»: автор на наших глазах теряет самообладание и вместо того, чтобы изображать лица, просто выталкивает их на сцену с каким-нибудь злым определением-эпитетом или язвительным замечанием вместо всякой характеристики» (л. 37—38).

Хотя в примечаниях к «Некуда» Н. И. Тотубалина фигуры маркизы де Бараль, Белоярцева и других прокомментированы, их имена раскрыты, однако Белецкий дает сверх того столь живые детали, что пройти мимо них нельзя. Они должны быть использованы в комментариях к «Некуда» и известны всем, кто заинтересуется портретной живописью Лескова. Белецкий специально изучал творчество русских писательниц первой половины XIX в. (в том числе и Евг. Тур). На эту тему в 1918 г. он защитил магистерскую диссертацию и, конечно, знал по этому вопросу многое, что не вошло еще в научный обиход [25].

Нельзя не отметить, что приведенная выдержка из книги Белецкого — зародыш

Н. С. ЛЕСКОВ
Фотография А. Н. Лескова
Петербург, 1892—1893
Музей И. С. Тургенева, Орел

одного из тех научных жанров, который вскоре станет типичным для советского литературоведения — жанра комментария. В этом Белецкий является зачинателем. Первые комментарии Н. Л. Бродского и И. Н. Кубикова появятся позже.

Далее Белецкий характеризует разностильность романа, ярко выступающую при сравнении первой части с последующими: «...автор, в первой части являвшийся учеником русской «натуральной школы» 40—50-х гг., здесь выступает последователем французского авантюрного романа XIX в., не пренебрегая такими его стереотипами, как комнаты с потайными дверями и скрытыми в стенах слуховыми трубами, темные подвалы, где заговорщики творят свою работу, мрачные вертепы, где обитают подонки общества и т. под. (см. гл. 4, 14, 16). Русское революционное брожение оказывается в значительной мере делом польских иезуитов — и когда в 5-й главе автор заставляет старого поляка Ярошиньского, сбросив парик, обратиться в энергичного и хитрого иезуита Кракувку,— мы узнаем в романисте Стебницком прилежного читателя романов Эжена Сю» (л. 44).

Анализ «Некуда», предложенный Белецким, методически поучителен для любого, желающего проникнуть в тайны литературной техники молодого писателя Лескова. Исследователь демонстрирует здесь тонкое умение в единой системе рассматривать содержание и структуру произведения в целом и в отдельных ее элементах и соотносить их с литературой первой половины XIX в.

Не менее мучительными были у писателя поиски повествовательной манеры в двух последующих романах: «Островитяне» и «Обойденные». В них новая — любовная — тема, едва намеченная в «Некуда». Но она явно не далась автору. Зато в изображении петербургских немцев («Островитяне»), напоминающем отчасти диккенсовскую манеру, уже возникает будущий Лесков, мастер бытового гротеска.

Замысел «Обойденных» —«изобразить маленьких, обойденных вниманием современной литературы людей, не являющихся ни «героями русского прогресса, ни свирепыми ретроградами», людей со слабостями, но честных с собою и в своем малом кругу осуществляющих, по мере уменья, благое дело, о котором только говорят мнимые

герои» (л. 47). Героини обоих романов развивают образы Лизы и Женни, а художник Журавка —«вариация излюбленного Лесковым типа беспутного, но честного малого, несколько чудаковатого на вид, но с золотым сердцем (Помада в «Некуда»)» (там же). Главный герой «Обойденных»— писатель Долинский, тип «лишнего человека», в литературе 60-х годов уже ставший шаблоном. Интересна здесь попытка сделать романы лирическими. Этому служат растянутые лирические диалоги и лирические рамки. Так, в «Островитянах» вступление — своего рода поэма в прозе о петербургской Миньоне, напоминающей автору его героиню Маню Норк. Неожиданно для читателя подобные лирические страницы в обоих романах переходят в стихи. Впоследствии Лесков более не прибегает к такому приему, отмечает Белецкий. Однако и это его частное наблюдение будит вопрос о том, как отказ от использования в прозе метрики привел Лескова к работе над своим, только ему свойственным ритмом повествования.

«На ножах»— явное свидетельство падения художественного уровня лесковского романа, утверждает исследователь. В первом разделе своей книги он охарактеризовал нигилистов, героев «На ножах», как «бандитскую шайку», а теперь он рассматривает роман в целом как продукт бульварно-детективной беллетристики. «Карикатурные фигуры «Некуда» превращаются здесь в резкие шаржи или в шаблонные образы злодеев, без какой бы то ни было русской бытовой окраски. Фабула развивается не только в духе авантюрно-уголовного романа XIX в., но и «страшного» романа конца XVIII в. (Льюис, Радклиф), которыми Лесков увлекался в годы отрочества, а «подвиги» в конце романа ловких сыщиков, раскрывающих преступления, окончательно придают ему ‹роману «На ножах».— *М. Г.*› характер русского Пинкертона 70-х годов» (л. 51).

К этим типам романа восходят приемы занимательности, на которых у Лескова держится развитие действия. Белецкий отмечает названия глав, которые должны заинтересовать и даже потрясти читателя, постоянные недосказывания и намеки на тайну, которая в конце концов оказывается незамысловатой. Самым сильным эффектом для автора являются описания стихийных бедствий (внезапно вспыхивающие пожары, волнения народных масс) и контрасты (нигилисты, не верящие ни в сон, ни в чох, а тут же крестьяне с первобытными верованиями и т. п.). В работе Белецкого очень ценны наблюдения над тем, как решалась Лесковым проблема занимательности в романах. Интересно сравнение приемов занимательности Лескова и Достоевского. Критика считала идентичными «На ножах» и «Бесы» и объединяла их под общим заглавием «Бесы — на ножах». Однако для Белецкого они глубоко различны. «Бесы» —не только «книга большого гнева», но и «книга большой мысли», а потому природа авантюрности и занимательности у Достоевского иная, чем у Лескова. Поучительна сама постановка этого вопроса Белецким: Лесков — один из самых занимательных повествователей в русской литературе XIX в. Надо думать, что опыт романов «Некуда» и «На ножах» все же обогатил писателя. Проблема занимательности у Лескова, намеченная в работе Белецкого, и сейчас ждет исследователя [26].

Интересна также для литературоведения сегодняшнего дня мотивировка Белецкого, почему он детально охарактеризовал неудачные романы Лескова. Сделано это отнюдь не для полноты обзора. «Изучая писателя в целом,— объясняет он,— мы не вправе отсекать от этого целого части, представляющиеся несовершенными: неудачи художника не менее показательны, чем его достижения...» (л. 53). Рядом с промахами в романах можно увидеть и «предвестия будущего Лескова», которых немало, даже в «На ножах». Исследователь указывает многие из них.

4

Вторая глава основного раздела книги «Романические хроники» посвящена новому для Лескова хроникальному жанру. Это прерванные печатанием «Чающие движения воды» (1867), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Соборяне» (1872) и «Захудалый род» (1874). Центральное место занимают здесь, по мнению Белецкого, «Соборяне», потому что в них ярче всего сказались типические черты хроники. «Соборяне» охарактеризованы как «значительный факт в художественном развитии Лескова». Белецкий подтверждает эту мысль анализом произведения и доказывает, что в «Соборянах» пре-

одолена старая романическая манера, что они — естественный переход к рассказам и очеркам второй половины деятельности писателя. Он останавливается на творческой работе Лескова над хроникой «Чающие движения воды» и над «Соборянами», неразрывно связанными с ней. Заглавие «Чающие движения воды» должно вызвать мысль об известном евангельском рассказе про больных и калек, ожидающих целебного погружения в заволновавшуюся воду Силоамской купели. Перед нами как будто опять замысел общественного романа; но местом действия его будет не крупный городской центр, а хорошо знакомая и милая автору русская провинция накануне 60-х годов, а героем не одна какая-либо личность, а коллектив — население Старого города на реке Турице, где-то в средней полосе России. Старый город многое видывал на своем веку: бунтовал он когда-то против насильственно вводимого князьями христианства, позже — против «никонова исправления»: теперь, накануне «движения воды», успокоился, погрузившись в сонную одурь полуживотной жизни (л. 55).

Дав эту картину сонного, застывшего в неподвижности Старого города, Белецкий сейчас же указывает два подобных образа города — будущий городок Окуров и хронологически более близкий щедринский город Глупов. Это — деталь, однако имеющая большое историко-литературное значение. Следует всегда знать литературную родословную того или иного художественного образа, особенно если он заключает большое идейное содержание. Тем не менее приходится отметить: пока еще никто не обратил внимания на родственность городов Лескова и Щедрина [27]. Описание Старого города в «Чающих движения воды»— 1867 г., а через два года, в 1869 г., возник щедринский Глупов. Есть ли между ними идейно-художественные связи? Если есть, то чем они обусловлены? В чем отличие Щедрина, создавшего антиправительственную, антисамодержавную сатиру, от Лескова, с его незавершенной романической хроникой, где еще не до конца преодолена враждебность к «нигилистам»?

Остановившись затем на внешней истории создания «Соборян», подобно той, которую предложил позднее И. З. Серман во вступительной заметке к хронике, Белецкий переходит к ее анализу, занимающему в этой главе монографии центральное место. Для Лескова, замечает исследователь, «Соборяне»— произведение, создавшее ему «впоследствии известность и за пределами России» и открывшее собою «новую страницу в истории его творчества» (л. 57).

Как и роману «Некуда», Белецкий уделяет «Соборянам» много внимания. Его тонкий анализ хроники позволяет увидеть в ней наличие новых художественных тенденций в творчестве Лескова и наметить перспективу дальнейшего творческого пути, приведшего писателя к главному его созданию — к очеркам и рассказам. Белецкий начинает с характеристики замысла хроники: автор хочет показать здесь борьбу старого хорошего с дурным новым и изобразить в лице Туберозова идеального представителя русского духовенства, борца не только с новыми умствованиями, но и с косностью окружающей его среды и с находящейся «в глубине фона» консисторией, а, самое главное, борца против торговли совестью. Ценны наблюдения Белецкого над композицией хроники. Скажем об этом его словами:

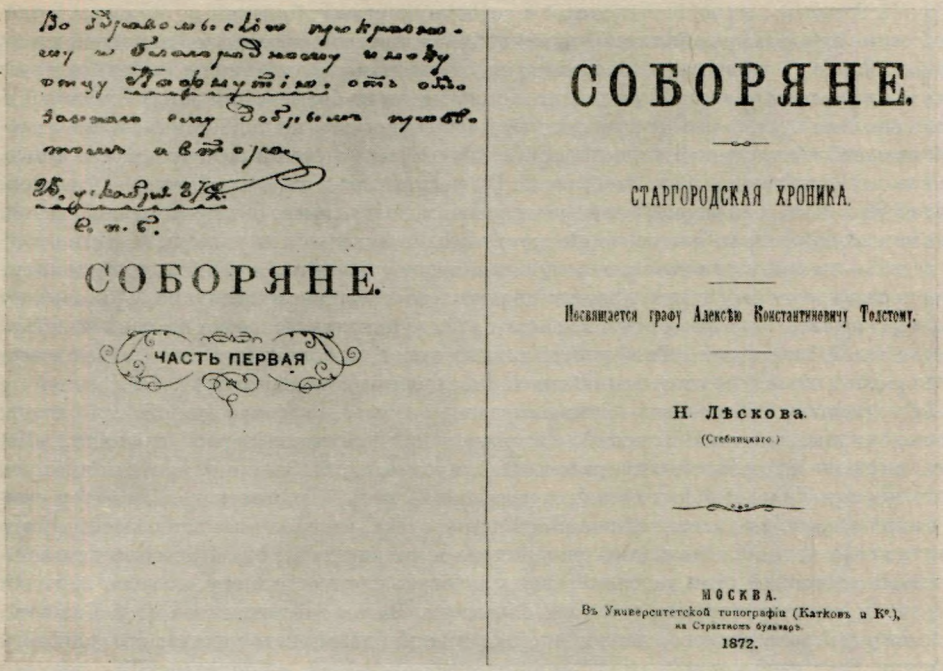
«Центр внимания художника в этом новом произведении переместился от событий (сюжета) к быту, воплощенному здесь в трех лицах, обитателях старогородской «поповки» (церковной усадьбы, предоставленной для жительства священникам и другим членам церковного причта). Это не значит, что от сюжетности автор отказался: внешняя фабула дана и развертывается она не менее, если не более причудливым зигзагом, чем в романах Лескова. Но за «внешним» сюжетом слишком ясно виден другой, внутренний. Внешнее — это анекдот о том, как учитель-«нигилист» Препотенский, получив для своих занятий скелет, возмутил своей возней с мертвыми костями простодушного дьякона Ахиллу Десницына; из-за костей Ахилла вступил с Препотенским в борьбу, переходящую в борьбу с вольнодумством вообще, захватившую и протопопа Савелия Туберозова; заезжий чиновник Термосесов, бывший нигилист, теперь делающий карьеру доносами, пользуется этим случаем, чтобы провоцировать Туберозова на якобы преступные выпады против властей предержащих; дело кончается тем, что протопопа под надзором квартального и консисторского чиновника увозят в город, запретив ему проповедничество и службу в церкви и консисторскими кляузами ускорив его

смерть. Подле этого основного узора вьются вправо и влево побочные: анекдоты и вставные рассказы, большие и малые, вырастающие из игры слов и придающие повествованию особенную затейливость. Мы не будем на них останавливаться, ограничившись кратким перечнем их, который внимательный читатель «Соборян» сможет самостоятельно дополнить; * самые крупные из вставных эпизодов — история карлика, крепостного помещицы Плодомасовой, Николая Афанасьевича (ч. 2, гл. 2—4), впоследствии не раз печатавшаяся Лесковым отдельно, и рассказ об именинах уездной почтмейстерши, с заключительным комическим эпизодом на тему, много раз использованную до Лескова и в старинной новелле, и в водевиле (в припадке ревности почтмейстерша избивает Препотенского, приняв его за своего мужа), также лишь косвенно связанный с основной фабулой. Первое впечатление от этого внешнего сюжета то же, что от рассказов вернувшегося из Петербурга Ахиллы —«пестро, громадно, нескладно». Своим подзаголовком —«Хроника»— автор и хотел заранее отвести от себя упрек в причудливости строения: стройности и единства сюжета, которых требует роман, нечего требовать от хроники, записи событий в порядке их временной последовательности. Но нестройность эта на самом деле только кажущаяся: в *расположении эпизодов* есть обдуманный замысел. Легко заметить, что они следуют друг за другом в порядке известного контраста и нарастания» (л. 57—58).

Например, вначале дано изображение жизни обитателей «поповки» с ее мелочами, а затем — страницы из дневника Туберозова, рассказывающие о событиях его внутренне богатой жизни; далее: «старая сказка», история карликов помещицы Плодомасовой, и «новые люди» с их действиями — «две стихии, одна обвеянная романическим умилением автора, другая его злою иронией» (л. 58). Главный герой хроники Туберозов ведет борьбу не только с представителями «умствований»— с учителем Препотенским и его сторонниками, но и со своей средой: «Последний удар протопопу наносят не «новые люди», а консистория...» с ее бюрократизмом: «...именно из-за нее протопопу приходится слишком быстрыми шагами перейти от жизни к «житию» и к могиле» (там же). «Новые люди» тут не сыграли никакой роли: учитель Препотенский хотя и родственен Висленеву («На ножах»),— персонаж комический, а Термосесов хотя имеет сходные черты с Гордановым (оттуда же), но у него нет ничего общего с «новыми» людьми. Это — типически бытовая фигура мошенника и карьериста. Хотя в «Соборянах» есть элемент сатиры на нигилизм, но это побочная, а не ведущая линия.

В композиции образа Туберозова главную роль играет его «демикотоновая книга». «Дневник Туберозова — это, с одной стороны, его биография до момента начала действия хроники, а с другой, история его внутренней жизни, его характеристика и защита» (л. 60). Отец Савелий, подобно некрасовскому попу из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», говорит о многих бедствиях своей поповской жизни. Сначала он — типически бытовая фигура, правда, не сельского, а уездного священника, он — лучший из рядовых представителей своего сословия, человек с честными намерениями, религиозный без всякого сектантства или фанатизма, человек талантливый, одаренный оратор; однако практика жизни ставит перед осуществлением его порывов непреодолимые препятствия. Духовное начальство запрещает ему выступать, и он убеждается, что лучше него проповедует исправник со своей «миссионерской снастью о нескольких концах». Его возмущает вмененное в обязанность проповедование раскольникам «истинного» православия, волнует нищенское существование мелкого духовенства. Все, за что заступается он, приносит ему от начальства консисторские взыскания. Между тем он начинает опускаться (играть в карты, курить, выпивать), в нем развивается тщеславие, по его словам, он «обмелел, обмелел всемерно». Поначалу, полагает Белецкий,

* Вот несколько образчиков (страницы по изд. 1897 г., т. I): в дневнике Туберозова (т. I, гл. 5): 1) анекдот о движимом и недвижимом имуществе, 33—34; 2) меткий ответ священника сановнику, 65; 3) московский профессор, обвиненный в вольнодумстве, 68; 4) вольнодумные вопросы мальчика Алеши законоучителю, 83; 5) история о суррогате, 89; 6) фальсификация чуда, 90 и др. Или в 3-ей части: 7) как архиерей проучил жандарма (гл. 3, 216); 8) что значит «бездна призывает бездну», 223 [28]; 9) офицер и денщик (гл. 7, 233); 10) легенда об источнике (гл. 17, 259).— В 4-й, между прочим, анекдот о масштабе (гл. 2, 347), повторенный Лесковым в рассказе «Железная воля», и много иных (*примеч. А. И. Белецкого*).



Во здравомыслію прекрасному и благородному иноку отцу Пафнутію, отъ обязаннаго ему добрымъ приветомъ автора.
25. декабря 872.
С. п. б.

СОБОРЯНЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОБОРЯНЕ.

СТАРГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Посвящается графу Алексѣю Константиновичу Толстому.

Н. Лѣскова.
(Стебницкаго.)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

Н. С. ЛЕСКОВ. «СОБОРЯНЕ». М., 1872

Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью: «Во здравомыслии прекрасному и благородному иноку *Пафнутию* от обязанного ему добрым приветом автора. *25 декабря 872.* СПб.»

Литературный музей, Москва

дневники рисуют «обыкновенную историю» с типически-бытовой фигурой. Но для Лескова Туберозов — «большой человек». Это подчеркнуто физическим его портретом, в котором отмечены мужественная красота, волосы, «подобные гриве матерого льва», и кудри «Фидиева Зевса». Его близким (жене, дьякону Ахилле, отцу Захарию) он представляется воплощением мудрости, а сам автор видит в нем «человека веры, гражданина-патриота и философствующего мыслителя, в каждом слове которого блестит здравый ум и слышится задушевная искренность» (л. 62). Однако Туберозов не так «обмелел»; он неспособен идти на компромиссы, отказаться от убеждений. Белецкий выделяет в композиции образа Туберозова, «самого драматического, по словам автора, лица в повести», моменты, характерные именно для драмы: «в первой части ⟨...⟩ дана экспозиция его драмы (дневник); во второй — сопоставление борющихся сил (за Туберозовым — «старая сказка», за его врагами —«новые» люди); третья — дает изображение кульминационного пункта борьбы (выступление Туберозова с обличительной проповедью, гл. 21-22), предваряемое символическим моментом — описанием грозы, застигающей протопопа во время поездки (гл. 17—19), после которой «орлу обновились крылья» (гл. 19); части 4 и 5 отведены катастрофе и развязке» (там же).

Туберозов не надломлен, не повержен. Завершая анализ его образа, Белецкий делает такой вывод: Туберозов —«не столько тип, обобщающий бытовые наблюдения Лескова, сколько символический образ идеального служителя русской церкви ⟨...⟩ Легко видеть, что этот образ идеального священника довольно заметно отличается от других идеальных образов служителей христианской церкви, созданных западноевропейскими и русскими писателями» (л. 63) [29].

Таким же художественным обобщением, которого не было еще ни в одном романе, является другой главный герой — дьякон Ахилла Десницын. «Если в изображении Туберозова автор редко выходит из высокого патетического тона — Ахиллу Десницына он изображает с мягким юмором» (там же). Ахилла — излюбленный тип Лескова:

русский богатырь, лишь вставленный в сословную рамку, близкий по приемам создания таким героям мировой литературы, как Эйленшпигель из немецкой народной книжки или Санчо Сервантеса. «В формальном отношении образ Ахиллы свидетельствует о художественном прогрессе автора не меньше, если не больше, чем образ Савелия Туберозова. Ахиллу удалось показать со всей рельефностью, не прибегая ни к пространной внешней и внутренней характеристике, не заставляя его ни говорить о себе много, ни излагать в дневнике свою биографию. Он раскрывается весь в действии — главном, где он выступает как верный оруженосец любимого и чтимого им протопопа Савелия, и побочных, дополняющих его облик характерными бытовыми штрихами. Ахилла прежде всего — казак, степной киргиз, мужик живого сложения, и только затем дьякон; он и по внешности своей богатырь, и недаром чисто эпическими штрихами зарисовывает его портрет автор — в ряду других обывателей, купающихся в речке на ранней летней заре. «Нагой богатырь с буйной гривой черных волос на большой голове ⟨...⟩ на могучем красном коне, сердито храпящем темноогненными ноздрями» (л. 64).

Окружение Туберозова — «мягкосердечная Русь», которой умиляется автор: кроме Ахиллы, добряк Пизонский («Старгородский Робинзон» первой хроники, «Котин доилец»— из одноименного рассказа), смиренный отец Захария, кроткая протопопица, карлик Николай Афанасьевич, просвирня — мать Препотенского. Им автор симпатизирует и, рисуя их, «находит в своем языке слова, необходимые для создания у читателя впечатления благородного спокойствия и чинности» (л. 65). При описании настроений и состояний этих героев Лесков прибегает часто к эпитету «тихий», замечает Белецкий, солидаризируясь здесь с Волынским. Зато у антагонистов отца Савелия, например у Препотенского, нет никакой «изящной благопристойности»: все крикливо и шумно. В их изображении отсутствуют элементы памфлета на определенных лиц, как было в «Некуда». Они — карикатурны, изображены простыми приемами комического. В Препотенском подчеркнуты автоматизм, механичность, «он создан, как забавная детская игрушка, на пружинке выскакивающая из ящика» (л. 66). По приемам изображения он — клоун; материалистические воззрения 60-х годов в его лице приобретают характер буффонады. А он и его партнерша Бизюкина — единственные идейные противники Туберозова. Вернувшись к замыслу романа — «изобразить столкновение хорошего старого с дурным новым», Белецкий приходит к выводу: едва ли Лесков задачу эту выполнил в хронике. «Едва ли можно признать также, что в ней дано всестороннее изображение быта русского духовенства. Это не мешает большинству действующих в ней лиц быть живыми людьми и самому произведению значительным фактом в художественном развитии Лескова» (л. 67).

Предваряя будущих исследователей Лескова, например В. А. Гебель [30], он характеризует творческую работу автора над языком хроники, становившимся в ее результате лаконичней и выразительней, над диалогами и речью персонажей. Он указывает, откуда черпал Лесков выражения, создающие впечатление «старомодной чинности» языка Туберозова (Духовный регламент, Библия). И, наконец, Белецкий рассматривает «Соборян» в ряду других повестей о духовенстве (Хвощинская, Никитин, Помяловский, Решетников, Марко Вовчок и др.), привлекает поэму «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, что позволяет ему найти индивидуальные лесковские черты в трактовке темы. Особенно важно замечание Белецкого о книге священника Беллюстина «Описание сельского духовенства» (1858) как давшей толчок к написанию «Соборян». Стоит сказать об этом словами Белецкого: «Действительно, до «Соборян» в русской литературе было немного произведений, главными действующими лицами которых являлись бы духовные лица; немного и таких, которые давали бы картину жизни сословия в его целом. Эпизодические фигуры священников и монахов, на втором и третьем плане, мы найдем в разных произведениях русских писателей первой половины века: в 1857 году Хвощинская (Крестовский —псевдоним) попыталась дать повесть из жизни семинаристов, известной ей более по наслышке и изображенной в несколько сентиментальной манере («Баритон»); повесть Хвощинской, равно как и следовавший за ней через несколько лет «Дневник семинариста» Никитина были отодвинуты потрясающими образами «Очерков бурсы» Помяловского (1862); но и у Помяловского мы более видим истязаемых, чем истязателей, изображение воспитания, а не

результатов этого воспитания. Повести Решетникова «Ставленник» (1864) и «Никола Знаменский» (1867), особенно вторая с ее колоритной центральной фигурой полудикого попа, лишь отчасти приоткрыли завесу над этим еще не тронутым русской литературой уголком быта; еще менее удалось это сделать писательнице Марко Вовчок (Маркович) ее «Записками причетника» (1869—1870), где романтический замысел отвлекал писательницу от внимания к типам и быту; повесть осталась неоконченной и к тому же сильно, по-видимому, пострадала от цензуры. А между тем еще в 1859 г. Добролюбов писал: «Вопрос о положении и значении духовенства в России слишком важен, и его никак нельзя оставлять без внимания». Не имея возможности (и по цензурным причинам) дать художественное изображение жизни и быта русского духовенства, пробовали сделать это иным путем: в 1858 году заграницей, без имени автора, вышла книга «Описание сельского духовенства», написанная священником Беллюстиным и явившаяся, по словам современников, своего рода громовым ударом для тогдашнего церковного управления. Автор очень правдиво описал в ней взяточничество и самоуправство консисторий и архиереев, бесправное и жалкое материальное положение сельского духовенства, отчужденность его от народа, неизбежное пресмыкательство перед помещиками и полицией,— и книга, само собой разумеется запрещенная, стала одной из сенсационных. Своего Туберозова Лесков заставляет ею интересоваться и, после долгих розысков прочитавши ее, восклицать в дневнике: «О, сколько правды! Сколько горькой, но благопотребнейшей правды! Мню, что отец Троадий (консисторский цензор) не все здесь написанное с апробацией и удовольствием читает» (запись 22 ноября 1861 г.). Очень возможно, что в ряду побуждений, приведших Лескова к написанию «Соборян», известную роль сыграл и факт его личного знакомства с книгой Беллюстина» (л. 59—60).

Тщательный и глубокий анализ «Соборян» и беглый обзор хроник «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род» приводят Белецкого к выводу, что положенный в основу хроник замысел не был осуществлен,— Лесков не нашел положительных героев, идеальных строителей будущего. Его идеальными лицами были или люди феодального, уже отжившего прошлого из других хроник (боярыня Плодомасова, княгиня Протозанова), или идеальный священник Туберозов, в идеальности которого усомнился впоследствии сам автор, переживший идейную эволюцию и усмотревший в своем герое явные черты «византинизма», т. е. официального православия. Все сказанное Белецким о «Соборянах», сопоставленных с другими произведениями русской литературы XIX в. на тему о духовенстве, не зачеркнуто последующими работами о хроникальном жанре Лескова [31]. Думается, что мимо наблюдений Белецкого над «Соборянами» не должны пройти исследователи этого важного в творческом развитии писателя произведения.

5

Незавершенное в романических хрониках нашло свое дальнейшее развитие в рассказах и очерках, которым посвящена третья глава раздела. Ей посчастливилось. Она появилась в печати в собрании сочинений Белецкого, вошла в научный обиход, специалисты ее знают, и нет нужды ее детально характеризовать. Признание — главное доказательство ее ценности. Однако, чтобы дать полное представление о монографии Белецкого, придется несколько слов об этой главе сказать.

В советском литературоведении имеется много статей, посвященных характеристике отдельных рассказов и очерков Лескова, изучаемых чаще всего замкнуто, обособленно от других произведений того же жанра [32]. Такой обобщающей оценки рассказов и очерков, как сделал Белецкий, никто из последующих исследователей не дал. Он, как и в предыдущих главах, рассматривает лесковские произведения малых жанров в единстве их содержания и формы. Начиная с их классификации, он отказался от «прихотливой группировки» рассказов, не раз предлагавшейся Лесковым при издании сочинений. Писатель исходил при этом то от общего замысла («Праведники»), то от свойства сюжета («Святочные рассказы»), то от типа изложения — воспоминания, подслушанный разговор («Рассказы кстати»), причем он неоднократно нарушал принятую им классификацию. Белецкий предлагает иную, в основу которой кладет единый

принцип деления: 1) рассказы с вымышленным сюжетом; 2) рассказы с сюжетом заимствованным; 3) рассказы с сюжетом из действительной жизни. Возможно, каждый из этих разделов может дальше дробиться, возможно деление и по другим признакам, например жанровым, однако избранный Белецким принцип деления — сюжет — является определяющим для Лескова, рассказчика занимательных историй.

Все рассказы в своей совокупности дают широкий бытовой охват жизни русского народа; в них представлены все классы и сословия: дворяне, крестьяне, духовенство, купцы, чиновники, военные, а рядом сословно связанные с ними люди иных верований, чем официальная религия (раскольники, сектанты, религиозные искатели из фабричной среды), люди вне сословий в России (инородцы, иностранцы) и люди, порвавшие сословные связи (разного рода чудаки, вдохновенные бродяги, странники и т. п.), и менее всего интеллигенция. Несмотря на этот бытовой охват людей разных категорий, Лесков не бытописатель, замечает Белецкий. Нельзя отнести к бытописанию даже «Леди Макбет Мценского уезда», «Грабеж» или «Чертогон», так как их сюжеты не типические явления, а в основе их лежит анекдот, т. е. маленькая занимательная новелла. Анекдот, по словам Белецкого, трудно отделим от новеллы и входит у Лескова в сюжет для придания ему занимательности или забавности [33].

«Лесков — не искусный изобретатель, а счастливый собиратель анекдотов»,— утверждает Белецкий. Сюжеты подсказаны ему жизнью, или он черпает их из разных источников — из фольклора (например, в «Левше» рассказана цеховая легенда [34]), из архивных дел, с которыми знакомился Лесков, из сообщений, полученных от сведущих людей, из «Пролога» и «Патериков» и др. «...Из художника-творца он все более становится с половины 80-х годов начетчиком-полигистором» (л. 81—82), т. е. многознайкой, если перевести с греческого это слово, человеком, начитанным в разных областях. Избирая сюжет, Лесков хочет его документальной достоверности. Типичны для него заинтриговывающие эпиграфы и заглавия; приемы повествования менялись в сторону большей упрощенности: умереннее становилась пестрота эпизодов, следовавших один за другим, как в «Сказках тысячи и одной ночи».

Хотя Лесков занимательный рассказчик, однако его цель — живописать характеры, построенные на бытовых апокрифах, ценных «документальностью идейной». Главные герои — это праведники и родственные им «дети Каина», социальные изгои, но чуждые смирения и покорности, антики, люди с особой статью, «истинные христиане», т. е. люди деятельной любви к человеку, и, наконец, полная противоположность им всем —«удачливые люди», практики жизни. В изложении преобладает рассказ от первого лица, значительно реже от третьего. Рассказчик обычно или свидетель происшествия, или бывалый человек, когда-то и где-то услышавший о происшествии и его героях. Рассказ начинается с портрета главного героя, сделанного приемом перечисления паспортных примет с подчеркиванием «особых» примет. Описание последних приводит автора часто к воспроизведению, посредством слова, иконописного изображения. Таков, например, портрет Шерамура. Любит Лесков описания человеческих фигур в движении. Из душевных состояний человека Лескова привлекают картины любовного опьянения и экстаза. Главное же, в чем он достигает выразительности изображения,— передача живой речи действующих лиц со всеми ее особенностями — местными, временными, сословными, профессиональными и личными. Это то, что Лесков называл «постановкой голоса» и чем гордился. Но «постановка голоса» не была художественным открытием писателя. Она уже есть у Пушкина, Гоголя.

«Постановку голоса» Лесков вырабатывал постепенно, в романах она отсутствует. «Овцебык»— первая попытка в этом направлении. Здесь отрывистая речь героя соответствует его замкнутой, сосредоточенной в себе натуре. Зато в авторской речи чувствуются здесь интонации «Записок охотника». Речь персонажей он часто насыщает жаргонными словечками, взятыми из языка людей, вышедших из низов и соприкоснувшихся с «образованной» городской средой. Это язык свах, своден, приживалок, прислуги, бывших дворовых и т. п. Близок к этому жаргону язык полуинтеллигентной среды, язык, по словам Лескова, «вульгарный и вычурный». Для жаргона характерна народная этимология. Белецкий приводит многие примеры этого излюбленного Лесковым художественного средства. Речь крестьянина или мастерового пестрит пословица-

ми и прибаутками. Интерес Лескова к расколу, чтение им православной церковной литературы обогатили язык его героев церковнославянскими элементами. А знакомство с материалами старинного крючкотворства, начитанность в русской литературе XVIII в. научила Лескова воспроизводить речь людей старого склада. Прислушивался Лесков к языку народностей, населявших Россию, сам он владел украинским, что, несомненно, отразилось на речи его героев. Подмеченное в языке, подслушанное в речи разных лиц повлекло Лескова к аналогичному самостоятельному словотворчеству. В рассказах все отмеченные художественные элементы ведут Лескова, делает вывод Белецкий, к постановке мучавшего писателя вопроса — о России и русском народе, его судьбе и будущем — вопроса, стоявшего и перед другими писателями XIX столетия.

6

Завершается исследование Белецкого третьим разделом, небольшим по объему — «Лесков в истории русской литературы», подводящим итоги всему ранее сказанному. Белецкий делает такой вывод: «Лескова интересуют специфические особенности русского быта, его уклонения от нормы — результаты культурно-экономических сдвигов развития России, та «особенная стать», которую он изучает в слове, в действии, в состоянии русского человека. Это ведет его внимание к особенностям живой речи, вроде народных этимологий, провинциализмов и архаизмов, к анекдотическому сцеплению происшествий, к причудливой пестроте бытовых красок» (л. 115).

В 30—40-х годах XIX в. его предшественником мог бы быть Вельтман, хорошо знавший «редкие и звучные слова старинного и народного русского языка» (там же), автор богатых фабулой романов, но Вельтману, увлекательному рассказчику, не хватает знания русской жизни. Другим предшественником Лескова мог бы быть Даль, но ему недоставало таланта в создании русских характеров во всей их своеобычности. Не могут равняться с Лесковым и писатели — авторы занимательно-бытовых рассказов и повестей, работавшие в этих жанрах параллельно с Лесковым (Мельников-Печерский, Горбунов, Максимов и др.). У них не было «ни его темперамента, ни силы его художественного мышления, ни широты его интересов» (л. 116). В этом отношении он близок к Гл. Успенскому. Оба они —«как мосты, перекинутые от этнографической и народнической беллетристики к двум другим страстным искателям в русской литературе XIX века — Толстому и Достоевскому» (там же). Белецкий указывает и на «потомков» Лескова — А. М. Ремизова, Б. Пильняка. Но определить место и роль Лескова в истории русской литературы — задача будущего, заканчивает очерк Белецкий.

Белецким проделана большая и ценная работа, обращенная в будущее советской лесковианы. Свежая по мысли и наблюдениям, она не перечеркнута последующими исследованиями. В ней подняты новые проблемы, еще не только не разрешенные, но даже порой не затронутые в наши дни. По ходу изложения они были указаны. Это — «Лесков — читатель», «Читатель Лескова», «Домысел и вымысел в творчестве Лескова», «Проблема занимательности и авантюрности в произведениях Лескова», «К вопросу о творческих взаимоотношениях Лескова и Щедрина».

Однако самой существенной задачей, вытекающей из монографии, — «задачей будущего», по собственному определению автора, является установление «места и роли Лескова в истории русской литературы». Прекрасный ее знаток, Белецкий наметил важные ориентиры в постановке и решении этой проблемы: Лесков и «натуральная школа» 40-х годов; бытовая повесть 40—50-х годов и Лесков; Лесков и авантюрно-детективный роман; писатели — учителя Лескова (Пушкин и Гоголь); предшественники Лескова (Вельтман, Даль); рассказчики — современники Лескова (Мельников-Печерский, Горбунов, Максимов и др.); последователи Лескова (Ремизов) и, добавим от себя, многочисленная когорта советских новеллистов, любящих его прихотливое повествование, ценящих своеобразие и богатство его языка и многому у него научившихся. Белецкий — один из тех исследователей, кто призывал изучать второстепенных писателей, что необходимо для уяснения закономерностей в развитии историко-литературного процесса. Второстепенные писатели — едва пробивающиеся ручейки, вливающиеся в большую реку — творчество великих писателей, которых по преимуществу и изу-

чают литературоведы. Они — действительно главная сила в историко-литературном процессе, но нельзя игнорировать и подспудную работу, выполненную маленькими писателями, подготавливающими почву для расцвета большого таланта и не всегда привлекающими внимание исследователей. На протяжении всей монографии Белецкий ищет литературные истоки Лескова, стремится уяснить место Лескова в русской литературе. В этом ее неувядаемое значение и для наших дней.

Надо признать: много уже сделано в изучении Лескова: им занимались такие большие, ныне покойные, ученые, как Л. П. Гроссман, тонкий стилист, автор блестяще написанной книги о Лескове, Б. М. Эйхенбаум, выступивший с рядом небольших по объему, но глубоких по содержанию и тонкому анализу вступительных статей к избранным сочинениям Лескова. Вошли в лесковиану и такие ученые, как С. А. Рейсер, автор ценнейшего исследования об Артуре Бенни («загадочном человеке»— Райнере у Лескова) [35] и Б. Я. Бухштаб, широко известный своими работами. После войны сформировалась группа серьезных исследователей с устойчивым научным интересом к Лескову, стремящихся проникнуть в глубь его творчества. Это рано ушедшая из жизни В. А. Гебель, обратившаяся к изучению творческой лаборатории Лескова и его языка; Н. С. Плещунов, глубоко и плодотворно изучающий романы Лескова, пересмотревший устойчиво державшиеся точки зрения на них и пришедший к свежим и убедительным выводам [36]; В. Н. Азбукин, много сделавший для изучения антицерковных сатирических произведений Лескова [37]; он во многом дополнил ранее вышедшую, но уже несколько устаревшую монографию М. С. Горячкиной «Сатира Лескова», где еще недостаточно высок теоретический уровень (не ясно, что автор считает сатирой, так как в работе нет разграничения между собственно сатирой, обличением и критическим изображением действительности), где не дано объяснения идейных противоречий и срывов писателя, где нет ясного и точного ответа на вопрос о Лескове и Щедрине, а дается половинчатое его решение; В. Н. Азбукин, ограничив себя только антицерковной сатирой, избежал многого, что не удовлетворяет сейчас в книге М. С. Горячкиной. Разносторонне работает И. В. Столярова [38], автор многочисленных работ о публицистике Лескова и его произведениях «Житие одной бабы», «Очарованный странник», «Смех и горе», работ всегда проблемных, связывающих писателя с литературной борьбой его времени. Нельзя не отметить В. Ю. Троицкого, пополнившего лесковиану монографией, хотя этот научный жанр не популярен в изучении Лескова [39]. В ней много свежих мыслей о методе и стиле Лескова, широкий охват с новых сторон произведений Лескова, рассматриваемых в единстве мировоззрения, эстетических принципов и стиля. Есть в ней и сопоставления Лескова не только с Достоевским и Л. Толстым, что уже не раз делалось, но и с меньшими собратьями по перу — Погодиным, Н. Полевым, Левитовым. Автор не только анализирует, но и стремится делать обобщения. Появилось много работ о языке Лескова. Им интересуются не только литературоведы, желающие осознать его художественные функции и значимость, но и лингвисты, рассматривающие его как явление общенационального русского языка.

Любопытна география работ о Лескове. Выходят они не только в Москве и Ленинграде, где плодотворно и интересно работают Б. Я. Бухштаб, С. А. Рейсер, И. В. Столярова, В. Ю. Троицкий и др., но и в Саратове, Иванове, в Сибири (Томск), в Приморье (Благовещенск), Якутии, на Украине — в Киеве, Харькове (успешно защищена О. В. Анкудиновой кандидатская диссертация), Ужгороде; в Азербайджане (Баку), в Киргизии (Фрунзе) и Таджикистане (Душанбе). Эта широкая география свидетельствует о большом интересе к Лескову советских ученых, которым не препятствует в удовлетворении его отдаленность от центральных научных библиотек и архивов. Нынешняя лесковиана идет вширь, захватывая в сферу своего внимания отдельные произведения или их группы, тематически или жанрово однородные. Правда, приходится отметить, что в них порой поднимаются скорее частные, чем узловые для Лескова вопросы, однако и без их разрешения не может обойтись изучение Лескова. Кажется порой, что лесковиана находится в периоде накопления, собирания наблюдений и фактов, чтобы сделать затем неоспоримые, убедительные выводы и обобщения.

Все сказанное отнюдь не претендует на исчерпывающий критико-библиографический обзор всей литературы о Лескове, и да простят авторы многих ценных и добро-

совестных работ, не упомянутых здесь, потому что нас интересует общее направление и состояние лесковианы, нужное нам для суждения о месте в ней монографии Белецкого, оставшейся не известной специалистам. Созданная в 1923 г., она не умерла. Чуждая описательности, насыщенная интересным, живым и для наших дней анализом, приводящим автора к большим и важным обобщениям, она заняла бы в лесковиане почетное место, если бы появилась в печати даже не полностью, а хотя бы в основных своих частях. У нас скромная цель обратить на нее внимание всех изучающих Лескова. Знакомство с ней и поучительно и интересно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Олександр Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. 1—5. Київ, «Наукова думка», 1966 (Академія наук УРСР. Інститут літературы ім. Т. Г. Шевченко). Далее при ссылках указывается: *Білецький*.

[2] Краткая характеристика работы Белецкого о Лескове дана в статье: М. О. Габель. О. І. Білецький — дослідник російської літератури XIX століття.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Вып. 5. Київ, «Наукова думка», 1970, с. 32—44.

[3] «Вопросы теории и психологии творчества», т. VIII. Харьков, «Научная мысль», 1923. Перепечатано в кн.: А. И. Белецкий. Избранные труды по теории литературы. Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., «Просвещение», 1964. Даем перечень упоминаний о Лескове по этому более доступному изданию: о сюжете рассказа «Несмертельный Голован» — с. 106; о бульварно-детективных элементах романа «На ножах» — с. 115; об образах вдохновенных бродяг («Овцебык», «Шерамур», «Фигура») — с. 123; Лесков о «постановке голоса» персонажей («Полунощники») — с. 137; теоретические соображения писателя по этому вопросу — с. 183; изображение «Старого города», замысел («Чающие движения воды») — с. 145; пейзаж грозы («Соборяне») — с. 230.

[4] «Посев». Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921, с. 83—86.

[5] А. Белецкий. Н. С. Лесков, л. 25. Далее при ссылках на эту рукопись в тексте указываются только номера листов.

[6] М. Горький. Н. С. Лесков.— В кн.: Н. С. Лесков. Избр. соч. в трех томах, т. I. Берлин-Пб.-М., З. И. Гржебин, 1923, с. 5—13 (см. также: М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 24. М., 1953, с. 228—237).

[7] Н. С. Лесков. Полн. собр. соч. с критико-биографич. очерком Р. И. Сементковского, тт. I—XXXVI. СПб., А. Ф. Маркс, 1902—1903 (приложение к журн. «Нива»).

[8] Библиография сочинений Н. С. Лескова за тридцать лет (1860—1889). Составлена П. В. Быковым (в кн.: Н. С. Лесков. Собр. соч., т. X. СПб., тип. А. С. Суворина, 1890, с. I—XXV).

Из затерянных в прессе в работе Белецкого упоминаются: «С людьми древлего благочестия», неоконченная повесть «Незаметный след», «Поповская чехарда и приходская прихоть», «Чающие движения воды», «Откуда пошла глаголемая «ерунда» или «хирунда», «Два свинопаса», «Обнищеванцы», «Спиридоны-повороты», предисловие к «Инженерам-бессеребренникам» и мн. др. Подобными разысканиями пришлось заниматься и последующим исследователям Лескова. Недаром Б. Я. Бухштаб в кн.: Н. С. Лесков. Указатель основной литературы. Л., 1948, ввел специальный раздел «Основные произведения, не вошедшие в собрания сочинений и сборники» (с. 25—32).

[9] «Наука на Украине», 1922, № 2, с. 94—95; см. также: *Білецький*, т. 3.

[10] Н. С. Лесков. Собр. соч., т. VI. СПб., тип. А. С. Суворина, 1889. В 1890 г. вышел новый вариант этого тома.

[11] *Жизнь Лескова*, с. 585.

[12] А. И. Фаресов. Против течений, с. 411.

[13] Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 11. М., Гослитиздат, 1958, с. 549.

[14] См.: И. В. Владиславлев. Русские писатели. Опыт библиографич. пособия по русской литературе XIX—XX ст. 4-е переработанное и значительно дополненное издание. М.— Л., ГИЗ, 1924, с. 75 (Здесь дана сноска-аннотация к книге А. И. Фаресова).

[15] В дате второго письма Белецкий сделал описку: 1885 (вместо правильного 1886). Эта описка не исправлена при публикации главы «Рассказы и очерки» (см.: *Білецький*, т. 4, с. 384).

[16] А. Л. Волынский. Н. С. Лесков. СПб., 1898; второе издание—Пб., «Эпоха», 1923. На это издание даются ссылки в нашей статье.

[17] В примечаниях к главе «Рассказы и очерки» (*Білецький*, т. 4, с. 402) указана не та работа Волынского, которую имеет в виду автор: названа книга «Царство Ка-

рамазовых. Н. С. Лесков». СПб., 1901, а Белецкий ссылается на книгу «Н. С. Лесков», СПб., 1898.

[18] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVIII, СПб., 1896, стлб. 147—150.

[19] Н. О. Лернер. Николай Семенович Лесков.—«История русской литературы XIX в.» Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. IV. М., «Мир», 1915, с. 207—229.

[20] Леонид Гроссман. Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика. М., ГИХЛ, 1948.

[21] В. А. Гебель. Лесков. В кн.: «История русской литературы», т. IX, ч. 2. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 121—153.

[22] Б. М. Другов. Н. С. Лесков. Очерк творчества. М., Гослитиздат, 1957.

[23] Сложному и противоречивому характеру Лескова Ю. Нагибин посвятил рассказ «День крутого человека» («Литературная Россия», 1974, № 7, 15 февраля). В связи со сказанным выше следует вспомнить замечательную книгу А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям». Она написана ярко и мастерски, красочным и выразительным языком, подобным языку самого Лескова. Это — не биография, в обычном ее жанре, а скорее развернутые воспоминания, дополненные и подкрепленные материалами других источников. Книга воссоздает живую личность Лескова с ее крутым нравом, неудержимым темпераментом и своеволием, испытанными сыном на самом себе. Черты личности Лескова, подчеркнутые сыном, те же, о которых говорит Белецкий, настаивая на необходимости их учитывать, когда идет речь о Лескове, участнике литературной борьбы.

[24] Называем наиболее значительные работы о «Некуда»: В. Базанов. Н. Лесков и «нигилисты».— В кн.: В. Базанов. Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, ГИЗ Карело-Финской ССР, 1941; Н. С. Плещунов. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне». Баку, 1963; И. В. Столярова. Роман Н. С. Лескова «Некуда» и споры об изображении народной жизни в литературе и критике 60-х гг.—«Уч. зап. Омского пед. ин-та», вып. 17, 1962; Г. Тамарченко. «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова.—«Вопросы литературы», 1972, № 9; Н. И. Тотубалин. «Некуда».— В кн.: Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 2. М., Гослитиздат, 1956.

[25] А. И. Белецкий. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830—1860 гг. (30 печ. листов). Харьковский университет, 1918 (рукопись). Часть материалов диссертации легла в основу статьи «Тургенев и русские писательницы 30—60-х гг.»—«Творческий путь Тургенева». Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского. Пг., «Сеятель», 1923.

[26] Проблеме занимательности романов Достоевского посвящена статья ученицы Белецкого — М. Г. Давидович в сб.: «Творческий путь Достоевского». Под ред. Н. Л. Бродского. Л., «Сеятель», 1924.

[27] Не заинтересовал этот вопрос ни М. С. Горячкину в ее книге «Сатира Лескова» (М., Изд-во АН СССР, 1963), ни И. З. Сермана, автора вступительной заметки и комментария к «Соборянам» в Собр. соч. Лескова, т. 4 (М., Гослитиздат, 1957).

[28] Выражение «Бездна бездну призывает» восходит к стиху 8 псалма 41; в несколько иных вариантах оно встречается у ряда древнеримских авторов (см.: Н. О. Овруцкий. Крылатые латинские выражения в литературе. М., «Просвещение», 1969, с. 14—15). Лесков использовал эти слова как заглавие второй части романа «На ножах». Можно думать, что и здесь, и в «Соборянах» он употребил их в смысле: грех влечет за собой грех, беда ведет за собой другую беду.

[29] В подстрочном примечании к этому листу Белецкий называет драму Бьёрнстерне-Бьёрнсона «Свыше сил» (1889) и роман И. Н. Потапенко «На действительной службе» (1890).

[30] В. А. Гебель. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., «Сов. писатель», 1945.

[31] В. А. Лебедев. Хроникальный жанр в творчестве Н. С. Лескова.—«Уч. зап. Томского гос. ун-та», № 67, 1967 (автор защитил на эту тему кандидатскую диссертацию: «Хроникальный жанр и проблема личности в творчестве Н. С. Лескова». Автореферат. Якутский гос. ун-т, 1971); Н. С. Плещунов. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне». Баку, 1963; И. В. Столярова. Роман-хроника Лескова.— В кн.: «История русского романа», т. 2. М.— Л., «Наука», 1964; И. З. Серман. Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова—«Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР», т. XIV, 1958; М. А. Цейтлина. Анализ художественных особенностей романа «Соборяне».—«Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. XVI, вып. 4, 1958.

[32] Назовем некоторые из этих работ: И. П. Видуэцкая. Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова.—«Филологические науки», 1961, № 2; В. А. Десницкий. Крестьянские рассказы Н. С. Лескова.— «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. XIV, 1938; В. А. Лебедев. Некоторые вопросы проблематики повести Н. С. Лескова «Детские годы».—«Труды ист.-фил. ф-та Якутского гос. ун-та», вып. 1, 1966: Л. И. Левандовский. К творческой истории повести

Н. С. Лескова. «Заячий ремиз». —«Русская литература», 1971, № 4; А. В. Л у ж а н о в с к и й. Народные рассказы Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого. — «Толстовский сборник». Тула, 1964; о н ж е. О виде и жанрах произведений Н. С. Лескова о народе.—«Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. 37, 1966; о н ж е. Сюжет и фабула рассказов Лескова о народе.— Там же, т. 38, 1960 (автором защищена в 1967 г. диссертация на эту тему); М. П. Ч е р е д н и к о в а. Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон».— В кн.: «Русский фольклор», т. 13. Л., 1972; о н а ж е. Об одном фольклорном мотиве в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник».— «Русская литература», 1973, № 3; Л. Г. Ч у д н о в а. Крестьянство и творчество Н. С. Лескова 1890-х годов. (Повесть «Юдоль»).—«Уч. зап. ЛГУ», кафедра русской литературы, т. 245, 1968.

[33] Анекдоты в творчестве Лескова привлекли внимание последующих исследователей. См.: В. Ю. Т р о и ц к и й. Анекдотизм, как черта поэтики и стиля Н. С. Лескова.— В кн.: «Вопросы русской и советской литературы». Сб. научных трудов, вып. 2. Благовещенск, 1969.

[34] О цеховой легенде как источнике сюжета «Левши», полученного Лесковым от И. А. Шляпкина, не раз писали. См.: И. А. Ш л я п к и н. К биографии Н. С. Лескова.— «Русская старина», 1895, № 12; В. Ш к л о в с к и й. Об одной цеховой легенде («Левша»).— «Огонек», 1947, № 19; Э. С. Л и т в и н. Фольклорные источники о тульском косом левше и о стальной блохе Н. С. Лескова.— «Русский фольклор», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1956; Б. Я. Б у х ш т а б. Об источниках «Левши» Н. С. Лескова.— «Русская литература», 1964, № 1.

[35] С. А. Р е й с е р. Артур Бенни. М., Изд-во политкаторжан, 1933.

[36] Н. С. П л е щ у н о в. Основные вопросы изучения романов Н. С. Лескова.— «Уч. зап. Азербайджанского ун-та»,1956, № 10; «Вопросы поэтики русского романа 60—80-х годов XIX в. и Н. С. Лесков».— Там же, 1958, № 3; «О своеобразии романов Н. С. Лескова».— Там же, 1958, № 2; «К вопросу о замысле романа Н. С. Лескова «Чертовы куклы».— «Труды Азербайджанского ун-та». Серия филологич., вып. 2, 1947, и др.

[37] В. Н. А з б у к и н. К вопросу о становлении антицерковной темы в творчестве Н. С. Лескова 70-х — нач. 80-х годов.— «Труды Томского гос. ун-та» т. 153, 1960; «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова. (Из наблюдений над жанровым своеобразием).— «Уч. зап. Томского гос. ун-та», № 42, 1962; «Из творческой истории «Заметок неизвестного» Н. С. Лескова».— «Филологические науки», 1962, № 3, и др.

[38] И. В. С т о л я р о в а. Лесков в «Биржевых ведомостях» и «Вечерней газете» (1869—71).— «Уч. зап. ЛГУ», № 295. Серия филологических наук, вып. 58, 1960; Общественно-литературная позиция Н. С. Лескова в конце 1860-х годов.— «Вестник ЛГУ», 1961, № 2. Серия истории языка и л-ры, вып. 1; Н. С. Лесков в «Русском мире» (1871—1875)».— «Уч. зап. Омского пед. ин-та», вып. 17, 1962; Русские Донкихоты в творчестве Н. С. Лескова. — Русская литература XIX—XX веков». Л., ЛГУ, 1971 («Уч. зап. ЛГУ», № 35. Серия филологич. наук, вып. 76).

[39] В. Ю. Т р о и ц к и й. Лесков-художник. М., «Наука», 1974.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1895—1918)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ АНОНИМНЫХ РЕЦЕНЗИЙ

С РАСКРЫТИЕМ АВТОРСТВА

Составил М. Д. Эльзон

Во вступительной статье к двухтомнику сочинений Г. З. Елисеева Н. К. Михайловский писал: «Анонимность искусственно сокращает жизнь писателя в потомстве (...) и лишает идеи, которым служил писатель при жизни, той поддержки, какую они могли бы иметь в его лице и после его смерти» (Г. З. Елисеев. Соч. в 2 томах. Т. I. СПб., 1894, с. 42—43). Между тем анонимность была характерным явлением в русской дореволюционной журналистике. Только очень немногие журналы (в частности, «Исторический вестник») хотя бы инициально указывали авторов критико-библиографических отделов. В силу этого работа по раскрытию авторства анонимных журнальных публикаций принадлежит к числу кардинальных задач современной библиографии и истории литературы.

Известный народнический журнал «Русское богатство» не представляет исключения в этом смысле, тем более что обращение к сохранившимся гонорарным книгам позволяет установить факт активного участия в нем в качестве литературных рецензентов не только А. Г. Горнфельда, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловского, М. А. Протопопова, П. Ф. Якубовича, но и В. В. Лесевича, П. В. Мокиевского, В. А. Мякотина, Е. В. Тарле и других видных философов, историков, экономистов.

Достоверны ли сведения, сообщаемые указанными источниками? Произведенное сопоставление позволяет утвердительно ответить на этот вопрос.

Так, в гонорарной ведомости по № 5 за 1904 г. автором рецензий на книги Е. Маркова «Разбойница Орлиха» и В. Березовского «Дни и ночи» указан В. Г. Короленко. Это подтверждается наличием в архиве писателя соответствующих журнальных оттисков с авторской правкой (см.: Р. П. Маторина. Описание рукописей В. Г. Короленко. М., 1950, с. 152—154).

16 мая 1903 г. в письме к А. И. Скребицкому В. Г. Короленко сообщал, что написанная им рецензия на «Воспитание и образование слепых» появится в библиографическом отделе «Русского богатства» в один из ближайших месяцев, а 28 июля писал, что рецензия опубликована (см.: В. Г. Короленко. Письма. 1888—1921. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пб., 1922, с. 327, 329). Гонорарная ведомость по № 6 за 1903 г. также свидетельствует, что автором рецензии был В. Г. Короленко.

Любопытен еще один пример. В № 6 журнала за 1913 г. была опубликована рецензия на т. X Собрания сочинений Н. К. Михайловского под ред. Е. Е. Колосова. Автор, по-видимому, хорошо осведомленный в работе журнала (как выяснилось — В. А. Мякотин), указывал, что перепечатанная в томе рецензия на «Галерею русских писателей» (1901, № 5, с. 89—91) в действительности написана А. Г. Горнфельдом (см.: «Русское богатство», 1913, № 6, с. 351). Это подтверждает и сохранившаяся гонорарная ведомость.

Таким образом, гонорарные книги журнала за 1895—1909, 1911—1918 гг., находящиеся в архиве А. Г. Горнфельда (ГПБ, ф. 211, № 1255—1277), и за 1910 г., находящиеся в архиве редакции журнала (ИРЛИ, ф. 277, оп. 5, № 77.— Сообщено Б. Л. Бессоновым), позволяют определить точный объем рецензий, написанных его сотрудниками и авторами.

Настоящая публикация ограничена не только тематически (как исключение, приведены все рецензии В. Г. Короленко и Н. К. Михайловского; см. также: М. Д. Эльзон. Анонимные рецензии на историческую литературу в «Русском богатстве» (1895—

1917 гг.). Указатель — В кн.: «История и историки». Историографический ежегодник. 1973. М., 1975, с. 337—353), но и хронологически: стремясь к максимальной достоверности, составитель исключил сведения из ведомостей за 1893—1894 гг. (ГПБ, ф. 211, № 1253—1254), поскольку в них не указаны авторы конкретных рецензий.

Хочется надеяться, что последующие публикации, выполненные на основании указанных и иных источников, с использованием других методов атрибуции, создадут более полное представление о критико-библиографическом отделе «Русского богатства», приведут к созданию росписи журнала, изучение которого в последнее время стало более интенсивным.

За ценные советы и указания, сделанные в процессе работы, составитель приносит глубокую благодарность А. П. Толстякову.

1895

№ 2: ⟨Протопопов М. А.⟩. Ф. Д. Нефедов. Сочинения, т. 2. М., 1895.— с. 63—67.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Е. Молодов. Стихотворения. Спб., 1894.— с. 68—70.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Н. А. Лухманова. 20 лет назад. Спб., 1894.— с. 70—72.

⟨Михайловский Н. К.⟩. В. Серошевский. Якутские рассказы. Спб., 1895.— с. 72—73.

⟨Лесевич В. В.⟩. Люций Апулей. Золотой осел. Спб., 1895.— с. 73—77.

№ 11: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. С. Мережковский. Отверженный. Спб., 1896.— с. 60—64.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Флобер. Госпожа Бовари. Спб., 1895.— с. 64—67.

⟨Протопопов М. А.⟩. П. П. Гнедич. Китайские тени. Спб., 1895.— с. 67—70.

⟨Мякотин В. А.⟩. В. Д. Смирнов. Аксаковы, их жизнь и литературная деятельность. Спб., 1895.— с. 73—75.

№ 12: ⟨Протопопов М. А.⟩. Арсений Г. ⟨Гурлянд И. Я.⟩. Каприз. М., 1895 (на обл. 1896).—с. 26—28.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Е. И. Утин. Из литературы и жизни, в 2 томах. Спб., 1896.— с. 29—32.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Иванов. И. С. Тургенев. Спб., 1896.—с. 32—33.

1896

№ 1: ⟨Протопопов М. А.⟩. А. Витковский. Аринушка. Спб., 1895.—с. 83—86.

⟨Протопопов М. А.⟩. В. Фирсов. Рассказы и легенды. Спб., 1896.— с. 86—87.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Мюссе. Ночи. М., 1895.—с. 87—88.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ж. Э. Ренан. Сборник мелких статей и речей. Спб., 1895; С. Годлевский. Ренан как человек и писатель. Спб., 1895.—с. 88—91.

№ 2: ⟨Протопопов М. А.⟩. К. М. Станюкович. Морские силуэты. Спб., 1896.— с. 19—21.

⟨Протопопов М. А.⟩. Н. А. Лейкин. Тщеславие и жадность. Спб., 1896.— с. 21—22.

⟨Протопопов М. А.⟩. К. Длусский. Цветок олеандра. Спб., 1895.— с. 23.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. А. Царевский. С. Я. Надсон и его поэзия «мысли и печали». Казань, 1895.— с. 23—25.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Н. А. Добролюбов. Сочинения, т. I. Спб., 1896.— с. 25—27.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. Спб., 1895.— с. 27.

№ 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Бальмонт. В безбрежности. М., 1895.— с. 41—44.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы. Спб., 1896.— с. 44—46.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Белозерская. В. Т. Нарежный. Спб., 1896.— с. 46—48.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Барро. Эмиль Золя, его жизнь и литературная деятельность. Спб., 1895.— с. 48—50.

№ 4: ⟨Протопопов М. А.⟩. А. Е. Зарин. Повести и рассказы. Спб., 1896; Говорящая голова. Спб., 1896.— с. 25—28.

⟨Протопопов М. А.⟩. Н. А. Панов. Гусли звончаты. Спб., 1896.—с. 28—30.

⟨Протопопов М. А.⟩. М. Л. Гольдштейн. Впечатления и заметки. Киев, 1896.— с. 30—31.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Десять чтений по литературе. М., 1895.— с. 31.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Овсянико-Куликовский. Язык и искусство. Спб., 1895.— с. 31—34.

№ 5: ⟨Михайловский Н. К.⟩. Почин. М., 1896.— с. 114—116.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Сборник в пользу еврейских начальных школ. Спб., 1896.— с. 116—117.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ш. Летурно. Прошедшее и будущее литературы. Спб., 1896; М. Гюйо. Принцип искусства и поэзии. Спб., 1896; М. Лацарус. Взаимодействие души и тела. Спб., 1896.— с. 117—120.

⟨Короленко В. Г.⟩. Я. Канторович. Средневековые процессы о ведьмах. Спб., 1896.— с. 120—123.

⟨Короленко В. Г.⟩. Дело мултанских вотяков ⟨...⟩. М., 1896.— с. 123—126.

⟨Короленко В. Г.⟩. Г. Джаншиев. Суд над судом присяжных. Изд. 2-е. М., 1896.— с. 126—128.

№ 6: ⟨Якубович П. Ф⟩. Н. Минский. Стихотворения. Спб., 1896.— с. 85—91.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Гомер. Илиада. Спб., 1896.— с. 91—95.

⟨Леонович В. В.⟩. Е. В. Львова. Рассказы. Спб., 1896.— с. 95—96.

№ 7: ⟨Протопопов М. А.⟩. Ф. Сологуб. Тяжелые сны. М., 1896.— с. 53—56.

⟨Протопопов М. А.⟩. А. Д. Апраксин. Больное место. М., 1896.— с. 57—59.

⟨Протопопов М. А.⟩. М. А. Лохвицкая. Стихотворения. М., 1896.— с. 59—60.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Ф. Массон. Наполеон I. Спб., 1896.— с. 65—66.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Е. И. Якушкин. Обычное право, вып. 2. Ярославль, 1896.— с. 66—67.

№ 8: ⟨Протопопов М. А.⟩. Н. В. Маслович. Басни и были. Спб., 1896.— с. 53.

⟨Протопопов М. А.⟩. Нужды. М., 1896—1897.— с. 53—56.

⟨Протопопов М. А⟩. В. П. Соколов. Новая мама. М., 1896.— с. 56—57.

⟨Протопопов М. А⟩. Н. А. Лейкин. Хлебный вопрос. Спб., 1896.— с. 57.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ж. Пелисье. Литературное движение в XIX столетии. М., 1895.— с. 57—60.

№ 9: ⟨Протопопов М. А.⟩. А. Плещеев. Повести и рассказы, т. I. Спб., 1896.— с. 98—101.

⟨Протопопов М. А.⟩. В. Щиглев. Дюжинка. Спб., 1896.— с. 101—102.

⟨Протопопов М. А.⟩. Л. Афанасьев. Стихотворения. Спб., 1896.—с. 102—104.

№ 10: ⟨Протопопов М. А.⟩. К. Масляников. За десять лет. Спб., 1896.— с. 51—55.

⟨Протопопов М. А.⟩. П. Сергеенко. Без якоря. М., 1896.— с. 55—56.

⟨Протопопов М. А.⟩. И. Мясницкий. Гостинодворцы. М., 1896.— с. 56—57.

№ 11: ⟨Протопопов М. А.⟩. С. Ломшаков. Мировая хрестоматия, ч. 2. Спб., 1896.— с. 47—49.

⟨Протопопов М. А.⟩. В. Ладыженский. Стихотворения. М., 1896.— с. 49—50.

№ 12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Gedichte von J. S. Nikitin. Leipzig. 1896.— с. 26—29.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Берне. Сочинения, т. 1—2. Спб., 1896.— с. 29—32.

1897

№ 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Гюго. Собрание стихотворений. Тифлис, 1896.— с. 29—33.

⟨Протопопов М. А.⟩. В. И. Немирович-Данченко. Волчья сыть. Спб., 1897.— с. 33—37.

⟨Протопопов М. А.⟩. Ю. Кази-Бек. Черкесские рассказы. М., 1896.— с. 37.

⟨Протопопов М. А.⟩. И. Рукавишников. Семя, поклеванное птицами. М., 1896.— с. 38.

⟨Протопопов М. А.⟩. Н. Чаев. Стихотворения. М., 1896; А. Желанский. Басни. М., 1896; Lolo ⟨Мунштейн Л. Г.⟩. Онегин наших дней. М., 1896.— с. 38—40.

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Бунин. На край света. Спб., 1897.— с. 37—40.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Лопатин. Мысли среднего читателя о «Новых веяниях» Г. Брандеса. Варшава, 1897.— с. 45—46.

⟨Михайловский Н. К.⟩. А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. Изд. 3. Спб., 1897.— с. 46—48.

№ 3: ⟨Протопопов М. А.⟩. О. Шапир. Любовь. Спб., 1897.— с. 143—147.

⟨Протопопов М. А.⟩. Исповедь тенора. М., 1896.— с. 147—150.

⟨Протопопов М. А.⟩. П. Герасименко. Миниатюры. Харьков, 1896.— с. 150—151.

⟨Мякотин В. А.⟩. Т. Н. Грановский и его переписка. Пб.— М., 1897; Ч. Ветринский (В. Е. Чешихин). Т. Н. Грановский и его время. М., 1897.— с. 151—156.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Геттнер. История всеобщей литературы XVIII в., т. I. Спб., 1897.— с. 157—160.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Брандес. Литературные портреты. Спб., 1896.— с. 160—162.

№ 4: ⟨Протопопов М. А.⟩. Князь Индостанский ⟨?⟩. Призраки. М., 1897; Трухачевский. Крейцерова соната исполнителя. Спб., 1897.— с. 45—46.

⟨Протопопов М. А.⟩. П. Мартьянов. Дела и люди века, т. 3. Спб., 1896.— с. 46—47.

⟨Протопопов М. А.⟩. А. Навроцкий. Сказания минувшего. Спб., 1897.— с. 47—48.

⟨Протопопов М. А.⟩. И. Бойчевский. Юмористическая «Энеида». Спб., 1896.— с. 48.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. З. Венгерова. Литературные характеристики. Спб. 1897.— с. 52—53.

№ 5: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Метерлинк. Пять драм. М., 1896.— с. 34—36.

⟨Короленко В. Г.⟩. Лазарильо из Тормес и его удачи и неудачи. Спб., 1897.— с. 36—38.

⟨Короленко В. Г.⟩. А. Баранов. В защиту погибших женщин. Казань, 1897.— с. 38—41.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, тт. 1—3. Спб., 1896. —с. 41—42.

№ 6: ⟨Плотников М. А.⟩. Г. Сенкевич. На светлом берегу. Спб., 1897.— с. 38—40.

⟨Плотников М. А.⟩. Н. Пружанский. Новый Моисей. Спб., 1897.— с. 40—42.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Лансон. История французской литературы, т. I. М., 1897.— с. 42—44.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Алексеев. Римские поэты в биографиях и образцах, т. I. Спб., 1897.— с. 45.

№ 7: ⟨Михайловский Н. К.⟩. С. И. Смирнова. Повести и рассказы. Спб., 1897.— с. 50—53.

⟨Протопопов М. А.⟩. Арсений Г. ⟨Гурлянд И. Я.⟩. Особый мир. М., 1897.— с. 53—56.

⟨Протопопов М. А.⟩. П. Крушеван. Призраки. М., 1897; Дело Артабанова. М., 1897.— с. 56—59.

⟨Михайловский Н. К.⟩. А. Ф. Кони. Ф. П. Гааз. Спб., 1897.— с. 59—61.

⟨Мякотин В. А.⟩. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI. Спб., 1897.— с. 67—71.

№ 8: ⟨Якубович П. Ф.⟩. И. Захарьин. Грезы и песни. Спб., 1897.— с. 18—23.

⟨Плотников М. А.⟩. С. А. Энгельман. В шторм. Одесса, 1897.— с. 24—26.

№ 9: ⟨Мякотин В. А.⟩. М. Старицкий. Богдан Хмельницкий. Киев, 1897.— с. 33—36.

№ 10: ⟨Короленко В. Г.⟩. Т. Осадчий. Образованные земледельцы в Южной Руси. Киев, 1897. — с. 90—95.

⟨Короленко В. Г.⟩. М. Мандрыка. Житейский задачник для детей. Сумы, 1896.— с. 95—97.

⟨Короленко В. Г.⟩. Больные отца Иоанна Кронштадского. Спб., 1897.— с. 98—99.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897.— с. 99.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897.— с. 99—100.

№ 11: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Грешнер. Стихотворения. Киев, 1897.— с. 17—19.

⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Осипович (А. О. Новодворский). Собрание сочинений. Спб., 1897.— с. 19—23.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Ф. Фальковский. Веселые звуки. Спб., 1897.— с. 24—25.

⟨Короленко В. Г.⟩. Сборник в память А. С. Гацискаго. Н.-Новгород, 1897.— с. 27—28.

⟨Короленко В. Г.⟩. С. Аргамакова. Действительность, мечты и рассуждения провинциалки. Спб., 1897.— с. 28—31.

№ 12: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Н. Юровский. Идеалист. М., 1897.— с. 16—18.

⟨Якубович П. Ф.⟩. М. К. — а ⟨?⟩. Очерки и заметки. М., 1897. — с. 19—20.

⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Барыкова. Стихотворения и прозаические произведения. Спб., 1897.— с. 20—23.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Лансон. История французской литературы. XIX в. Спб., 1897.— с. 23—25.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 4. М., 1898.— с. 25—28.

⟨Короленко В. Г.⟩. Д. Линев. Вторая книга «Несказок». Спб., 1898.— с. 28—29.

⟨Короленко В. Г.⟩. К. Одарченко. Нравственные и правовые основы русского народного хозяйства. М., 1897.— с. 29—33.

1898

№ 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Гете. Фауст. М., 1897.— с. 34—36.

⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Андреевский. Стихотворения. Спб., 1898. — с. 36—39.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Г. Кугушев. Корнет Отлетаев. Спб., 1897.— с. 39—40.

⟨Мякотин В. А.⟩. В. Смирнов. Жизнь и деятельность А. И. Герцена в России и заграницей. Спб., 1897.— с. 40—43.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ж. Э. Ренан. Сборник мелких статей и речей, т. 2. Спб., 1897.— с. 45.

⟨Короленко В. Г.⟩. С. Ромиас. Деревня нашего времени. М., 1897. — с. 45—48.

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Лессинг. Натан Мудрый. Спб., 1897.— с. 69—72.

⟨Якубович П. Ф.⟩. К. Герра. История одной любви. М., 1897.— с. 72—74.

⟨Якубович П. Ф. ⟩. М. Леонов. Стихотворения. М., 1898.— с. 74—77.

⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Минцлов. Стихотворения. Одесса, 1897.— с. 77.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Н. Алексеев. Преступный путь. Спб., 1897; Среди бед. Спб., 1897.— с. 77—80.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Иванов. Писемский. Спб., 1898.— с. 80—83.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Русская поэзия. Под ред. С. А. Венгерова, вып. 6. Спб., 1897.— с. 83—85.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Тихов. Очерки по греческой литературе, вып. 2. Чернигов, 1897.— с. 85—86.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ж.-Ж. Руссо. Исповедь. Спб., 1898.— с. 90—94.

№ 3: ⟨Якубович П. Ф.⟩. В. О. ⟨Огарков В. В.?⟩. Стихотворения. Спб., 1898.— с. 17—18.
⟨Якубович П. Ф.⟩. О. Чюмина. Стихотворения. Спб., 1897.— с. 18—19.
⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Облеухов. Отражения. М., 1898.— с. 19—22.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. F. Fiedler. Gedichte von A. Puschkin. Leipzig, 1897.— с. 22—25.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. О. Петерсон и Е. Балабанова. Западноевропейский эпос и средневековый роман, т. 2. Спб., 1898.— с. 25—26.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Я. Абрамов. Ибсен и Бьернсон. Спб., 1898.— с. 29—31.

№ 4: ⟨Михайловский Н. К.⟩. А. Куприн. Миниатюры. Киев, 1897.— с. 25—28.
⟨Михайловский Н. К.⟩. М. Златковский. Джон Буль конца века. Спб., 1898.— с. 28—30.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Лессинг. Натан Мудрый. М., 1897.— с. 30.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ларра. Общественные очерки Испании. Спб., 1897.— с. 31—34.

№ 5: ⟨Соловьев Е. А.⟩. Д. Мамин-Сибиряк. Сибирские рассказы. М., 1898.—с. 32—35.
⟨Соловьев Е. А.⟩. З. Гиппиус. Зеркала. Спб., 1898.— с. 36—39.
⟨Соловьев Е. А.⟩. Л. Шаховская. Лев-победитель. М., 1898.— с. 40.
⟨Соловьев Е. А.⟩. Привет! Спб., 1898.— с. 40—41.
⟨Короленко В. Г.⟩. К. ⟨Красовский П. М.⟩. Кузька, мордовский бог. Н.-Новгород, 1898.— с. 41—44.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Гюго. Отверженные. Спб., 1897.— с. 44—47.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Гете. Фауст. М., 1898.— с. 47—49.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Тихонравов. Сочинения, т. 2—3 (ч. 1). М., 1898.— с. 49—52.

№ 6: ⟨Короленко В. Г.⟩. М. Зинин ⟨Шарапов С. Ф.⟩. Кружным путем. Спб., 1897.— с. 64—67.
⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Тиханов. Разбитые кумиры. Спб., 1898.— с. 67—68.
⟨Соловьев Е. А.⟩. А. Свирский. Погибшие люди. Спб., 1898.— с. 68—70.
⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Шуф. Сварогов. Спб., 1898.— с. 70—72.
⟨Соловьев Е. А.⟩. Эркман-Шатриан. Сочинения в 2 томах. Спб., 1898.— с. 72—74.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Гейне. Собрание сочинений, т. I. Спб., 1898. — с. 74—75.
⟨Соловьев Е. А.⟩. Н. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1898.— с. 75—77.

№ 7: ⟨Соловьев Е. А.⟩. М. Горький. Очерки и рассказы. Спб., 1898.— с. 30—36.
⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Светлов. В неведомую даль. Спб., 1898.— с. 36—40.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Баранцевич. Сказки жизни. Спб., 1898.—с. 40—42.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Рейбо. Жером Патюро в поисках за общественным положением. Спб., 1898.— с. 42—45.

№ 8: ⟨Соловьев Е. А.⟩. Н. Яковлева. Повести и рассказы. Спб., 1898.— с. 60—64.
⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Серошевский. Якуты. Спб., 1896.— с. 64—68.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Черняев. «Капитанская дочка» Пушкина. М., 1897.— с. 68—72.
⟨Мякотин В. А.⟩. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII. Спб., 1898.— с. 72—77.

№ 9: ⟨Соловьев Е. А.⟩. Т. Щепкина-Куперник. Странички жизни. Спб., 1898. Счастье. Спб., 1898.— с. 21—24.

⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Рышков. На больничных койках. В паутине. Спб., 1898.— с. 24—25.

⟨Мякотин В. А.⟩. А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Спб., 1898.—с. 31—36.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Иванов. История русской критики. Спб., 1898.— с. 36—40.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Тен-Бринк. Шекспир. Спб., 1898; Левес. Женские типы Шекспира. Спб., 1898.— с. 42—43.

№ 10: ⟨Соловьев Е. А.⟩. И. Иванович. Собрание сочинений, тт. 1—2. М., 1897—1898.— с. 36—42.

⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Быстренин. Сказки жизни. М., 1898.— с. 42—44.

⟨Соловьев Е. А.⟩. А. Хирьяков. Легенды любви. Спб., 1898.— с. 44—45.

⟨Якубович П. Ф.⟩. В. Корин. Зарницы. Спб., 1898; С. Геммельман. Стихи. М., 1897.— с. 45—47.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Лансон. История французской литературы, т. 2. М., 1898.— с. 48—49.

⟨Короленко В. Г.⟩. В. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Спб., 1898.— с. 56—57.

№ 11: ⟨Соловьев Е. А.⟩. Марко Вовчок. Полное собрание сочинений в 8 томах. Саратов, 1894—1898.— с. 62—68.

⟨Соловьев Е. А.⟩. Ф. Ромер. Сказки и правда. М., 1898.— с. 68—70.

⟨Соловьев Е. А.⟩. И. Беляев. Искушение. Спб., 1898.— с. 70—71.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Р. Леляков. Стихотворения. Спб., 1898; А. Ленцевич. Стихотворения. Вятка, 1898.— с. 71—77.

№ 12: ⟨Якубович П. Ф.⟩. К. Бальмонт. Тишина. Спб., 1898.—с. 41—45.

⟨Якубович П. Ф.⟩. И. Бунин. Под открытым небом. М., 1898.— с. 46—47.

⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Микулич. Черемуха. Спб., 1898; Зарницы. Спб., 1898; Мимочка, Спб., 1898.— с. 47—51.

⟨Соловьев Е. А.⟩. Н. Вербицкий. Очерки из охотничьей жизни. Тула, 1898.— с. 51—52.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Грэм. Золотой возраст. Спб., 1898.— с. 52—55.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Николаев. Альфонс Додэ. Спб., 1898.— с. 55—56.

1899

№ 1: ⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Авенариус. Школа жизни великого юмориста. Спб., 1899.— с. 44—45.

⟨Соловьев Е. А.⟩. С. Ромиас. Семья Никитиных. М., 1899.—с. 45—47.

⟨Соловьев Е. А.⟩. А. Эмге ⟨Громов А. М.⟩. Проза. Стихи. Спб., 1898.— с. 47—48.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. F. Fiedler. Gedichte von S. Nadson. Leipzig, 1898.— с. 48—51.

№ 2: ⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Фруг. Стихотворения. Спб., 1897—1898.— с. 46—50.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Ю. Веселовский. Стихотворные переводы. М., 1898.— с. 50—52.

⟨Соловьев Е. А.⟩. А. Навроцкий. Сказания минувшего. Спб., 1899.— с. 52—54.

⟨Соловьев Е. А.⟩. И. Астахов. Роман в тюрьме. Спб., 1899.— с. 54—55.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Ватсон. Ада Негри. Спб., 1899.— с. 55.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Брюсов. О искусстве. М., 1899.— с. 56—57.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Котляревский. Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века. Спб., 1898.— с. 57—61.

⟨Колосов Е. Е.⟩. Дело. Сборник. М., 1899.— с. 61—63.

№ 3: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Allegro ⟨Соловьева П. С.⟩. Стихотворения. Спб., 1899.— с. 57—60.

<Якубович П. Ф.>. А. М. Федоров. Стихотворения. Спб., 1898.— с. 60—62.
<Якубович П. Ф.>. О. Головнин. Басни переводные, подражательные и оригинальные. М., 1898.— с. 62—65.
<Колосов Е. Е.>. В. Михеев. Отрок-мученик. Спб., 1899.— с. 65—68.
<Колтоновская Е. А.>. Э. Бульвер-Литтон. Риенци, последний из римских трибунов. Спб., 1898.— с. 68—69.
<Горнфельд А. Г.>. Александр Веселовский. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. Спб., 1898.—с. 69—72.
<Горнфельд А. Г.>. К. Вейзер. История английской литературы. Спб., 1899.— с. 72.
<Горнфельд А. Г.>. Е. Балабанова. Легенды о старинных замках Бретани. Спб., 1899.— с. 73—74.

№ 4: <Горнфельд А. Г.>. Г. Лихтенберг. Афоризмы. Спб., 1899.— с. 55—57.
<Горнфельд А. Г.>. А. Бельшовский. Гете, его жизнь и произведения. Спб., 1898.— с. 57—60.

№ 5—8*: <Горнфельд А. Г.>. Н. Волков. К истории русской комедии. Спб., 1899.— с. 69—71.
<Ляцкий Е. А.>. Путь к истине (Дхаммаада). М., 1898.— с. 71—73.
<Потапов А. И.>. И. Порошин. Русалка. Спб., 1899.— с. 81—83.
<Потапов А. И.>. С. Орлицкий. Далекие годы. Спб., 1899.— с. 83—88.
<Горнфельд А. Г.>. А. Манцони. Обрученные. Спб., 1899.— с. 89—91.
<Житецкий И. П.>. В. Сиповский. Пушкин, Байрон и Шатобриан. Спб., 1899.— с. 93—98.
<Колосов Е. Е.>. Памяти В. Г. Белинского. М., 1899.— с. 98—101.

№ 6—9: <Ляцкий Е. А.>. А. С. Пушкин. Сочинения, т. I. Спб., 1899.— с. 11—13.
<Ляцкий Е. А.>. Сборник Пушкину. Киев, 1899.— с. 14—15.
<Ляцкий Е. А.>. Юбилейный сборник историко-литературных статей о Пушкине. Спб., 1899.— с. 15—18.
<Мякотин В. А.>. И. Иванов. Пушкин. М., 1899.— с. 18—19.
<Мякотин В. А.>. Остафьевский архив князей Вяземских, т. I. Спб., 1899.— с. 19—22.
<Мякотин В. А.>. В. Е. Якушкин. О Пушкине. М., 1899.— с. 22—23.
<Ляцкий Е. А.>. «Исторический вестник», май 1899 г.; «Русская старина», май 1899.— с. 23—27.
<Ляцкий Е. А.>. В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. М., 1899.—с. 27—31.
<Горнфельд А. Г.>. Г. Брандес. Литература XIX в. в ее главнейших течениях. Английская литература. Спб., 1898.— с. 34.

№ 7—10: <Якубович П. Ф.>. В. Бонч-Бруевич. Избранные произведения русской поэзии. Спб., 1899.— с. 12—17.
<Якубович П. Ф.>. В. Уманов-Каплуновский. Мысли и впечатления. Спб., 1899; Б. Григорьев. Стихотворения. М., 1899; М. Давидова. Стихотворения. Спб., 1899.— с. 17—21.
<Потапов А. И.>. Э. Ожешко. Аргонавты. Спб., 1899.— с. 22—25.
<Потапов А. И.>. П. Накрохин. Идиллии в прозе. Спб., 1899.— с. 25—27.
<Потапов А. И.>. В. Сысоев. Рассказы охотника. М., 1899.— с. 27—28.
<Горнфельд А. Г.>. С. А. Венгеров. Основные черты истории новейшей русской литературы. Спб., 1899.— с. 30—32.

№ 8—11: <Короленко В. Г.>. А. Пресс. Повести и рассказы. Спб., 1899.— с. 8—10.
<Потапов А. И.>. Райский <В. П. Мещерский>. Мечты и жизнь. Спб., 1899.— с. 10—13.
<Потапов А. И.>. В. Иордан. Крушение. М., 1899.— с. 13—15.
<Михайловский Н. К.>. А. Березин <Ланг А. А.>. Одинокий труд. М., 1899.— с. 15—17.

---

* С мая по июль 1899 г. издание «Русского богатства» было приостановлено. Во втором полугодии книжки журнала выходили с двойной нумерацией.

№ 9—12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Елпатьевский. Очерки и рассказы. Спб., 1899.— с. 28—31.

⟨Потапов А. И.⟩. А. Погосский. Полное собрание сочинений, т. I. Спб., 1899.— с. 31—35.

⟨Потапов А. И.⟩. М. Криницкий. Цветы репейника. М., 1899.— с. 35—37.

⟨Федоров Б. Д.⟩. К. Ельцова ⟨Лопатина Е. М.⟩. В чужом гнезде. Спб., 1899.— с. 37—40.

1900

№ 1: ⟨Потапов А. И.⟩. А. Бежецкий. Медвежьи углы. Спб., 1899; На пути. Спб., 1899.— с. 85—88.

⟨Потапов А. И.⟩. И. Салов. Мелочи жизни. М., 1899.— с. 88—91.

⟨Короленко В. Г.⟩. К. Случевский. Черная буря. М., 1900.— с. 91—94.

⟨Потапов А. И.⟩. Ч. Ветринский ⟨Чешихин В. Е.⟩. В сороковых годах. М., 1899.— с. 94—98.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Ватсон. Джозуэ Кардуччи. Спб., 1899.— с. 98.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Брандес. Шекспир, его жизнь и произведения, т. I. М., 1899; Л. Шестов. Шекспир и его критик Брандес. Спб., 1899; С. Махалов. Фантазия на трагедию «Гамлет» Шекспира. М., 1900.— с. 102—104.

№ 2: ⟨Потапов А. И.⟩. С. Терпигорев. Собр. соч. в 6 томах. Спб., 1899.— с. 45—52.

⟨Потапов А. И.⟩. А. Недолин ⟨Благоразумов А. О.⟩. Искры. М., 1899.— с. 52—54.

⟨Потапов А. И.⟩. Масай ⟨Забелин Н. Н.⟩. Рассказы и очерки. Н.-Новгород, 1899.— с. 54—55.

⟨Ляцкий Е. А.⟩. Бомарше. Театр. М., 1899.— с. 55—56.

⟨Ляцкий Е. А.⟩. В. Каррера. Александр Пушкин. Спб., 1899; П. Косса. Пушкин. Спб., 1899.— с. 56—58.

⟨Ляцкий Е. А.⟩. П. Полевой. История русской словесности с древнейших времен до наших дней, вып. 1. Спб., 1900.— с. 60—62.

№ 3: ⟨Якубович П. Ф.⟩. К. Урлауб. Стихотворения. Спб., 1899; В. Склифосовский. Стихотворения гимназиста. М., 1899.— с. 63—67.

⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Вербицкая. Первые ласточки. М., 1900.— с. 67—72.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Гейне. Собрание сочинений, т. 7. Спб., 1900.— с. 72—73.

№ 4: ⟨Потапов А. И.⟩. А. Крандиевская. То было раннею весной. М., 1900.— с. 49—53.

⟨Короленко В. Г.⟩. Л. Белавский. Смута. Одесса, 1900.— с. 53—55.

⟨Короленко В. Г.⟩. И. Ясинский. Ежемесячные сочинения, № 1. Спб., 1900.— с. 55—58.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Каренин ⟨Комарова В. Д.⟩. Жорж Санд. Спб., 1899.— с. 58—60.

№ 5: ⟨Короленко В. Г.⟩. В. Г. Тан. Чукотские рассказы. Спб., 1900.— с. 18—24.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Гриневская. Огоньки. Спб., 1900.— с. 24—25.

⟨Потапов А. И.⟩. З. Яковлева. Повести и рассказы. Спб., 1899.— с. 25—27.

⟨Потапов А. И.⟩. А. Иноземцева. Собрание сочинений, т. I. Н.-Новгород, 1899.— с. 27—28.

⟨Короленко В. Г.⟩. Н. Канивецкий. Из былого Черномории. Екатеринодар, 1900.— с. 28—30.

⟨Короленко В. Г.⟩. С. Годлевский. Смерть Неволина и его скитания по Сибири. Спб., 1900.— с. 30—32.

⟨Короленко В. Г.⟩. Кр-ский ⟨?⟩. Беззаботное неряшество. Спб., 1900.— с. 32—34.

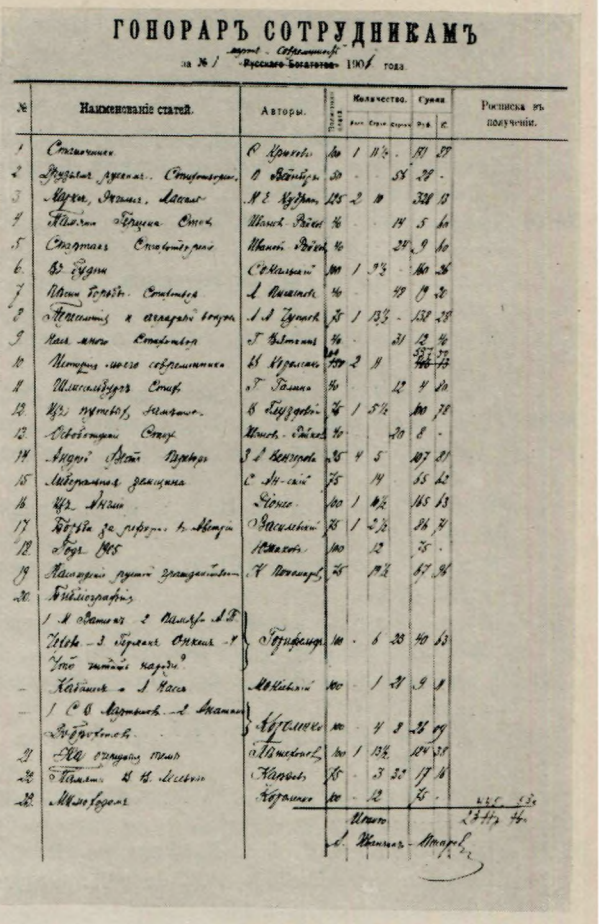
⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Стефановский. Учебный курс теории словесности. Спб., 1899.— с. 34—37.

№ 6: ⟨Якубович П. Ф.⟩. В. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I. Спб., 1900.— с. 50—52.

ГОНОРАРНАЯ ВЕДОМОСТЬ
ЖУРНАЛА
«РУССКОЕ БОГАТСТВО»
ЗА МАРТ 1906 Г.

Ввиду того, что журнал был приостановлен, этот номер вышел под названием «Современность»

Государственная
Публичная библиотека
им М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград



ГОНОРАРЪ СОТРУДНИКАМЪ

за № 1 журн. «Современность» «Русского Богатства» 1906 года

№	Наименование статей.	Авторы.	Количество.	Сумма	Роспись въ получении.
1	Стихотворение	Р. Иванов	1	11½	171 37
2	Поездка русских Стихотворение	О. Ветлугин	30	58	29 -
3	Марка, Этюд, Басня	М. Кудрин	125	2	10	338 13
4	Басня Грецка Стих	Шамб. Ржев	½	14	5 60
5	Сказочка Стихотворение	Шамб. Ржев	½	20	9 60
6	Из Гудни Стихотворение	С. Сельский	100	1	93	160 36
7	Наши города Стихотворение	А. Яковлев	½	49	19 60
8	Этюдник и акварель Этюд	А. А. Гусев	75	1	13½	132 28
9	Наш мост Стихотворение	Т. Вилькин	½	21	8 40
10	История нашего современника	В. Иорданский	200	2	11	440 77
11	Шлиссельбург Стих.	Т. Гамма	½	12	4 80
12	Из путевых заметок	В. Бирюков	25	1	5½	100 70
13	Освободили Стих.	Шамб. Ржев	½	20	8 -
14	Анджей Этюд Пушкар	З. А. Венгрова	25	4	5	107 80
15	Либеральная женщина	С. Ан-ский	75	14	55 20
16	Из Англии	Ясное	100	1	0½	165 13
17	Борьба за реформу в Англии	О. Васильевич	25	1	2½	26 70
18	Год 1905	Иванов	100	12	25 -
19	Наказ рудных управлений	Н. Меншиков	25	13½	67 80
20	Библиография:				
	1. Н. Сытин и Ко. Калуж. Н. Г.				
	Ульянов. Из Германии. Очерки.	Перцовъ	100	6	23	40 63
	Что читать народу?				
	Хайтин. Из Нага	Московский	100	1	21	9 -
	1. С. О. Мартынов. Из Англии				
	Выборгский.	Крутиков	100	4	3	21	89
21	Из очерков Тени	А. Тихомиров	100	1	13½	124 38
22	Гамма. Из Н. Лескова	Кирилов	25	3	20	17 16
23	Мелкоторье	Кирилов	100	12	25 -
				Итого	2344 44

А. Жижиленко - Старов

〈Я к у б о в и ч П. Ф.〉. И. Белецкий. В пользу голодающих. Одесса, 1900.— с. 53—55.

〈П о т а п о в А. И.〉. В. Рышков. Собрание сочинений, тт. 1.—2. Спб., 1900.— с. 55—57.

〈П о т а п о в А. И.〉. А. Жиркевич. Рассказы. Спб., 1900.— с. 57—59.

〈Г о р н ф е л ь д А. Г.〉. Г. Брандес. Литература XIX в. в ее главнейших течениях. Немецкая литература. Спб., 1900.— с. 59—61.

〈М и х а й л о в с к и й Н. К.〉. Г. Струве. Современная анархия духа и ее философ Фридрих Ницше. Харьков, 1900.— с. 66.

〈Л я ц к и й Е. А.〉. А. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Спб., 1900.— с. 66—67.

№ 7: 〈Я к у б о в и ч П. Ф.〉. К. Бальмонт. Горящие здания. М., 1900; В. Г. Тан. Стихотворения. Спб., 1900.— с. 19—23.

〈Г о р н ф е л ь д А. Г.〉. Б. Никольский. Сборник стихотворений. Спб., 1899.— с. 23—27.

〈Я к у б о в и ч П. Ф.〉. А. Жиркевич. Картины детства. Вильна, 1900.— с. 27—29.

〈Л я ц к и й Е. А.〉. Ф. Белявский. Старая и новая вера. Спб., 1900.— с. 30.

〈Г о р н ф е л ь д А. Г.〉. Ф. Батюшков. Критические очерки и заметки. Спб., 1900.— с. 30—32.

〈Г о р н ф е л ь д А. Г.〉. Арс. Введенский. Общественное самосознание в русской литературе. Спб., 1900.— с. 40—42.

№ 8: ⟨Якубович П. Ф.⟩. М. Лохвицкая. Стихотворения в 3 томах. Спб., 1900.— с. 60—64.

⟨Потапов А. И.⟩. Еврейские силуэты. Рассказы. Спб., 1900.— с. 64—67.

⟨Потапов А. И.⟩. А. Фаресов. Мои мужики. Спб., 1900.— с. 67—70.

⟨Мякотин В. А.⟩. Вік (1798—1898). ⟨Сб. стихов⟩. Киев, 1900.— с. 70.

⟨Мякотин В. А.⟩. И. Левицкий. Повисти и оповидання в 2 томах. Спб.— Киев, 1900.— с. 70—72.

№ 9: ⟨Потапов А. И.⟩. П. П. Гнедич. Туманы. Спб., 1900; По духовным завещаниям. Спб., 1900.— с. 63—64.

⟨Потапов А. И.⟩. А. Будищев. Пробужденная совесть. Спб., 1900.— с. 64—66.

⟨Потапов А. И.⟩. В. Авсеенко. Петербургские очерки, в 2 томах. Спб., 1900.— с. 66.

⟨Ляцкий Е. А.⟩. И. Соколов. Дома. Спб., 1900.— с. 66—68.

№ 10: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Вл. Соловьев. Стихотворения. Спб., 1900.— с. 46—53.

⟨Михайловский Н. К.⟩. Н. А. Лейкин. Христова невеста. Спб., 1900.— с. 53.

⟨Михайловский Н. К.⟩. И. Наживин. Родные картинки. М., 1900.— с. 54—55.

⟨Михайловский Н. К.⟩. В. Барятинский. Лоло и Лала. Спб., 1900.— с. 55—56.

⟨Михайловский Н. К.⟩. И. Тургенев. Неизданные письма к г-же Виардо и его французским друзьям. М., 1900.— с. 56—58.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Шиллер. Иллюстрированные лирические стихотворения. М., 1900.— с. 58—62.

⟨Михайловский Н. К.⟩. И. Голечек. Россия и Запад. Спб., 1900.— с. 62—63.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Кох. История немецкой литературы. Спб., 1900.— с. 63—64.

№ 11: ⟨Якубович П. Ф.⟩. К. Фофанов. Иллюзии. Спб., 1900.— с. 55—62.

⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Лев и К. Фофанов. Скуки ради. Харьков, 1900.— с. 62—64.

⟨Геккер Н. Л.⟩. Т. Щепкина-Куперник. Незаметные люди. М., 1900; Ничтожные мира сего. М., 1900.— с. 64—68.

⟨Геккер Н. Л.⟩. Н. Брешко-Брешковский. Повести и рассказы. Спб., 1901.— с. 68—70.

⟨Ляцкий Е. А.⟩. Кальдерон. Сочинения, вып. 1. М., 1900.— с. 70—71.

⟨Ляцкий Е. А.⟩. И. Котлов. Шаг за шагом. М., 1901.— с. 71—72.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Гамсун. Сьеста. М., 1900.— с. 72—73.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Грэам. Дни грез. Спб., 1900.—с. 74—75.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. О. Петерсон и Е. Балабанова. Западноевропейский эпос и средневековый роман, т. 3. Спб., 1900.— с. 75—76.

№ 12: ⟨Геккер Н. Л.⟩. Литературный сборник. Спб., 1900.— с. 74—77.

⟨Потапов А. И.⟩. В. Серошевский. Повести и рассказы. Спб., 1900.— с. 77—80.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Рывкин. В духоте. Спб., 1900.— с. 80—82.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ст. Воскр-ий⟨Воскресенский С. Т.⟩. В поисках человеческого совершенства и счастья. Томск, 1900.— с. 82—84.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Н. Абрамов. Дар слова, искусство излагать свои мысли. Спб., 1900; Словарь русских синонимов. Спб., 1900.— с. 84—88.

1901

№ 1: ⟨Потапов А. И.⟩. В. Вересаев. Конец Андрея Ивановича. Спб., 1900.— с. 52—55.

⟨Геккер Н. Л.⟩. И. Сохин ⟨Энгельгардт В. А.⟩. Деревенские рассказы. Спб., 1900.— с. 55—58.

⟨Потапов А. И.⟩. А. М. Федоров. Степь сказалась. Спб., 1900.— с. 58—60.
⟨Лящкий Е. А.⟩. А. С. Пушкин. Сочинения, т. I. Спб., 1900.— с. 61—62.
⟨Лящкий Е. А.⟩. И. Смельницкий. К вопросу об эпосе сербском и болгарском. Воронеж, 1899.— с. 62—63.
⟨Лящкий Е. А.⟩. А. Экк. Ян Коллар. Варшава, 1900.— с. 63—64.
⟨Лящкий Е. А.⟩. И. Клаузнер. Новоеврейская литература XIX в. Варшава, 1900.— с. 65—66.

№ 2: ⟨Гуковский А. И.⟩. С. Сигма ⟨Сыромятников С. Н.⟩. Петербургские негативы. Спб., 1901.— с. 39—44.
⟨Геккер Н. Л.⟩. Н. Маклецова. Революционер. М., 1900.— с. 44—45.
⟨Потапов А. И.⟩. А. Косоротов. Забитая калитка. Спб., 1900.— с. 45—48.
⟨Потапов А. И.⟩. Г. Северцев ⟨Полилов Г. Т.⟩. На паровозе жизни. Спб., 1900.— с. 48—49.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Е. Войнич. Овод. Спб., 1900.— с. 50—51.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Ватсон. Джузеппе Джусти. Спб., 1900.— с. 51—52.

№ 3: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Шиллер. Собрание сочинений, т. I. Спб., 1901.— с. 21—25.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Н. Минский. Новые песни. Спб., 1901.— с. 25—27.
⟨Якубович П. Ф.⟩. В. Брюсов. Tertia Vigilia M., 1900.— с. 28—30.
⟨Гуковский А. И.⟩. А. Погорелов. Мрак. М., 1900.— с. 30—33.
⟨Потапов А. И.⟩. А. К. Толстой. Упырь. Спб., 1900.— с. 33—35.
⟨Геккер Н. Л.⟩. Л. Л. Толстой. В голодные годы. М., 1901.— с. 35—38.
⟨Мякотин В. А.⟩. Д. Левшин. Т. Н. Грановский. Спб., 1901.— с. 38—44.

№ 4: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Сальников. Русские поэты за 100 лет. Спб., 1901.— с. 48—52.
⟨Михайловский Н. К.⟩. М. Е. Ш. ⟨?⟩ Стихотворения. М., 1901.— с. 52.
⟨Потапов А. И⟩. А. Новиков. По закону. Спб., 1901.— с. 52—56.
⟨Потапов А. И.⟩. Ф. Ромер. Под разными флагами. Спб., 1901.— с. 56—60.
⟨Геккер Н. Л.⟩. А. Лукин. Отголоски жизни. М., 1901.— с. 60—64.

№ 5: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Северные цветы на 1901 год. М., 1901.— с. 79—83.
⟨Геккер Н. Л.⟩. И. Белоконский. Деревенские впечатления. Спб., 1900.— с. 83—85.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Д. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Спб., 1901.— с. 85—87.
⟨Колосов Е. Е.⟩. Н. Добролюбов. Сочинения, т. I. Спб., 1901.—с. 87—89.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Галерея русских писателей. М., 1901.— с. 89—91.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Пресс. Писатели XIX в. Спб., 1901.— с. 91—93.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Лесевич. Е. П. Гребенка. Екатеринослав, 1901.— с. 93—94.

№ 6: ⟨Короленко В. Г.⟩. А. Серафимович. Очерки и рассказы. Спб., 1901.— с. 86—88.
⟨Короленко В. Г.⟩. Т. Барвенкова. Раздолье. М., 1901.— с. 88—90.
⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Будищев. Стихотворения. Спб., 1901; А. Колтоновский. Стихотворения. Спб., 1901.— с. 90—94.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Бородкин. Поэтическое творчество А. Майкова. Спб., 1900; В. Смирнов. Жизнь и поэзия Н. Языкова. Пермь, 1900.—с. 94—98.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. О. Петерсон. Сервантес и его произведения. Спб., 1901.— с. 98—99.

№ 7: ⟨Протопопов М. А.⟩. П. П. Гнедич. Купальные огни. Спб., 1901.— с. 31—35.
⟨Короленко В. Г.⟩. Ф. Попов. Сборник стихотворений «В часы досуга». Варшава, 1901.— с. 35—37.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Русская лира. Спб., 1901.— с. 37—40.
⟨Короленко В. Г.⟩. П. Россиев. Общие знакомые. М., 1901.— с. 40—41.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Кузьминский. А. С. Пушкин. М., 1901.— с. 41—43.

<Горнфельд А. Г.>. Фогт и Кох. История немецкой литературы. Спб., 1901.— с. 43—46.

№ 8: <Якубович П. Ф.>. В. А. Жуковский. Сочинения в стихах и прозе. Спб., 1901.— с. 28—30.

<Протопопов М. А.>. В. Семенов. На Дальнем Востоке. Спб., 1901.— с. 30—33.

<Протопопов М. А.>. В. Янчевецкий. Записки пешехода. Ревель, 1901.— с. 33—34.

<Протопопов М. А.>. А. Смирнов. Склирена. Спб., 1901.— с. 34—36.

<Протопопов М. А.>. Ф. Фейгин. Труды досуга. Спб., 1901.— с. 37—40.

<Геккер Н. Л.>. Старый Джон <Гнедич П. П.>. Лето. Спб., 1901.—с. 40—42.

<Гуковский А. И.>. А. Волынский. Царство Карамазовых. Н. С. Лесков. Спб., 1901.— с. 44—50.

№ 9: <Горнфельд А. Г.>. Э. По. Собрание сочинений, т. I. М., 1901.— с. 43—44.

<Геккер Н. Л.>. Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Спб., 1901.— с. 50—52.

<Короленко В. Г.>. П. Скуратов <Новиков П. Л.>. Среди падших. Киев, 1901.— с. 52—53.

<Короленко В. Г.>. Кармен <Коренман Л. О.>. Дикари. Одесса, 1901.— с. 54—56.

<Геккер Н. Л.>. А. Машин. Штрихи и настроения. М., 1901.— с. 56—57.

<Короленко В. Г.>. Г. Петров. К свету. М., 1901.— с. 62—64.

№ 10: <Якубович П. Ф.>. М. Васильева. Песни сибирячки. Спб., 1901.—с. 36—39.

<Якубович П. Ф.>. С. Будченко. Маленький букет. М., 1900; С. Антонов. Сны. Киев, 1900; С. Аполлонов <Семенов А. Ф.>. Стихотворения. М., 1900.— с. 39—41.

<Горнфельд А. Г.>. Ф. Брюнетьер. Европейская литература XIX в. М., 1901.— с. 49—52.

№ 11: <Якубович П. Ф.>. Т. Щепкина-Куперник. Мои стихи. М., 1901.— с. 13—17.

<Горнфельд А. Г.>. Ж. Пелисье. Критические этюды современной литературы. М., 1901.— с. 18—19.

<Короленко В. Г.>. Ф. Павлов. За 10 лет практики. М., 1901.— с. 28—31.

№ 12: <Горнфельд А. Г.>. Л. Берне. Полное собрание сочинений в 3 томах. Спб., 1901.— с. 60—61.

<Горнфельд А. Г.>. И. Щеглов <Леонтьев И. Л.>. Новое о Пушкине. Спб., 1902.— с. 61—63.

<Михайловский Н. К.>. Л. Шелгунова. Из далекого прошлого. Переписка Н. В. Шелгунова с женой. Спб., 1901.— с. 66—67.

<Якубович П. Ф.>. С. Образцов. Басни Крылова-внука. М., 1900.— с. 78—79.

<Катчериц >. А. К. <?>. На память обо мне моей племяннице. Харьков, 1901.— с. 79—80.

<Катчериц>. К. К-ий <?>. Чему быть—того не миновать. Спб., 1901.— с. 80.

<Катчериц >. В. Гольденберг. Слишком поздно. Киев, 1901.— с. 80—81.

<Катчериц>. А. Ловенгардт. В осенней мгле. Одесса, 1901.— с. 81—82.

1902

№ 1: <Горнфельд А. Г.>. Г. Гейне. Собрание сочинений, т. 8. Спб., 1902.— с. 48—49.

<Якубович П. Ф.>. С. Надсон. Недопетые песни. Спб., 1902.—с. 49—50.

<Якубович П. Ф.> Г. Галина <Гусева Г. А.>. Стихотворения. Спб., 1902.— с. 50—53.

<Каррик В. В.>. Ф. Фальковский. Ложь! Спб., 1901; Веселые звуки. Спб., 1901; Счастье наше. Спб., 1901.— с. 53—56.

<Каррик В. В.> А. Зарин. Лето. Спб., 1901.— с. 56—57.

⟨Каррик В. В.⟩. И. Сергиевский. Антон Калюжный. Спб., 1902.— с. 58.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Крачковский. Жизнь и смерть. Спб., 1902.— с. 59.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Дубровская. Из жизни серепьких людей. Спб., 1902.— с. 59—60.

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. F. Fiedler. Gedichte von Maikow. Leipzig, 1901.— с. 15—17.
⟨Каррик В. В.⟩. И. Франко. В поте лица. Спб., 1902.— с. 17—18.
⟨Каррик В. В.⟩. В. Грибовский. В годы юности. Спб., 1902.— с. 18—19.
⟨Каррик В. В.⟩. В. Карелин. Погибшая жизнь. М., 1901.— с. 19—20.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Фришмут. Критические очерки и статьи. Спб., 1902.— с. 20—21.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Ватсон. Алессандро Манцони. Спб., 1902.—с. 21—22.

№ 3: ⟨Каррик В. В.⟩. А. Яблоновский. Очерки и рассказы. Харьков, 1902.—с. 6—8.
⟨Каррик В. В.⟩. К. Лавриченко. Вера в жизнь. Спб., 1902.— с. 8—10.
⟨Каррик В. В.⟩. В. Абров. Овчинин. Спб., 1902.— с. 10—12.
⟨Каррик В. В.⟩. В. Брусянин. Рассказы. М., 1902.— с. 12—13.
⟨Каррик В. В.⟩. О. Всеволодская. Рассказы. Н.-Новгород, 1902.— с. 13.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Фагэ. Девятнадцатый век. М., 1901; Иллюстрированная французская литература. XIX век. Спб., 1901.— с. 16—17.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Булич. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. Спб., 1902. — с. 19—21.

№ 4: ⟨Михайловский Н. К.⟩. М. Горький. Мещане. Спб., 1902.—с. 58—62.
⟨Каррик В. В.⟩. И. Чех. Рассказы. Спб., 1902.— с. 62—63.
⟨Каррик В. В.⟩. М. Цейнер. Семья Цыгановых. Томск, 1902.— с. 63.
⟨Каррик В. В.⟩. С. Пшибышевский. Homo Sapiens на распутьи. Спб., 1902.— с. 63—65.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Гете. Фауст, ч. 1. М., 1902.— с. 65—66.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Э. Дауден. История французской литературы. Спб., 1902.— с. 66—67.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Всеволовский. Армянский поэт Сибат Шах-Азис. М., 1902.— с. 67—68.
⟨Савинкова В. В.⟩. Н. Энгельгардт. История русской литературы XIX ст. Спб., 1902.— с. 71—75.
⟨Савинкова В. В.⟩. Е. Бобров. Литература и просвещение в России XIX в., т. 3. Казань, 1902.— с. 75—77.

№ 5: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Б. Бер. Стихотворения. Спб., 1902.— с. 93—95.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Русская поэзия. Сост. А. Сосницкий М., 1902.— с. 95—97.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Литературное дело. Спб., 1902; Северные цветы на 1902 год. М., 1902.— с. 97—101.
⟨Михайловский Н. К.⟩. И. Антонович ⟨Вернер И. А.⟩. Настроения. М., 1902.— с. 101—102.
⟨Михайловский Н. К.⟩. М. Москаль ⟨Митрофанов М. М.⟩. Оправдание зла. М., 1902.— с. 104—106.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Шиллер. Два Пикколомини. М., 1902.— с. 106—107.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Розанов. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц. М., 1902.— с. 108—109.

№ 6: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Мейснер. Стихотворения. Спб., 1902; Л. Яффе. Грядущее. Гродно, 1902.— с. 54—57.
⟨Каррик В. В.⟩. Н. Пружанский. Рассказы. Спб., 1902.— с. 57—59.
⟨Каррик В. В.⟩. Тан. ⟨Богораз В. Г.⟩. Очерки и рассказы. Спб., 1902.— с. 59—60.
⟨Савинкова В. В.⟩. А. Белый. Симфония ⟨2-я⟩. М., 1902.— с. 60—61.
⟨Савинкова В. В.⟩. В. Лебедев. Царский духовник. Спб., 1902.— с. 62
⟨Савинкова В. В.⟩. А. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя. М., 1902.— с. 63—64.

№ 7: ⟨Якубович П. Ф.⟩. И. Бунин. Новые стихотворения. М., 1902.— с. 99—103.
⟨Гуковский А. И.⟩. И. Бунин. Рассказы, т. I. Спб., 1902.— с. 103—107.
⟨Гуковский А. И.⟩. Н. Лендер ⟨Рейхельт Н. Н.⟩. Рассказы путника. Спб., 1902.— с. 107—109.
⟨Каррик В. В.⟩. Е. Любич. Из жизни. Одесса, 1902.— с. 109—110.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Спб., 1902.— с. 113—115.

№ 8: ⟨Гуковский А. И.⟩. З. Гиппиус. 3-я книга рассказов. Спб., 1902.— с. 15—19.
⟨Гуковский А. И.⟩. Ф. Купчинский. Сочинения. Спб., 1902.—с. 19—21.
⟨Савинкова В. В.⟩. Б. Писаревский ⟨Шрайбер Б. Е.⟩. Горошки. Одесса, 1902.—с. 21—22.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Зангвиль. Трагедии гетто. Спб., 1902.— с. 22—24.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Иванов. Очерки современной итальянской литературы. Спб., 1902.—с. 24—25.

№ 9: ⟨Михайловский Н. К.⟩. Скиталец ⟨Петров С. Г.⟩. Рассказы и песни. Спб., 1902; А. Грабина. Прежденогибшие. Спб., 1902.— с. 14—20.
⟨Каррик В. В.⟩. К. Григорьев. Бред жизни. Спб., 1902.— с. 20—21.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Э. Ренан. Собр. соч., т. 3. Киев, 1902.— с. 21—25.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Лазурский. Западноевропейский романтизм и романтизм Жуковского. Одесса, 1902.— с. 29—31.

№ 10: ⟨Михайловский Н. К.⟩. А. Луговой ⟨Тихонов А. А.⟩. Умер талант! Спб., 1902.— с. 25—27.
⟨Михайловский Н. К.⟩. И. Ракович. Граф Аранда. Спб., 1902.— с. 27—30.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Книга рассказов и стихотворений. М., 1902.— с. 30.
⟨Каррик В. В.⟩. А. Шницлер. Поручик Густль. Харьков, 1902.— с. 30—32.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Г. Файгингер. Ницше как философ. М., 1902.— с. 32.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Гюго. Маленький Наполеон. М., 1902.— с. 32—33.

№ 11: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений. Спб., 1902.—с. 45—48.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Ф. Смирнов. Перед некрасовскими днями. Ярославль, 1902.—с. 48—49.
⟨Каррик В. В.⟩. В. Серошевский. Полное собрание повестей и рассказов, т. 2. Спб., 1902.— с. 50—51.
⟨Каррик В. В.⟩. Г. де-Воллан. Полная чаша. Спб., 1902.—с. 51—53.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Паульсен. Шопенгауэр, Гамлет, Мефистофель. Киев, 1902.— с. 54—55.

№ 12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. F. Fiedler. Gedichte von N. Nekrassow. Leipzig, 1902.— с. 58—61.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Миропольский. Лествица. М., 1903.— с. 61—63.
⟨Камнев М. С.⟩. В. Селиванов. Сочинения. Владимир, 1901—1902.— с. 63—66.
⟨Савинкова В. В.⟩. П. Н. Полевой. Исторические рассказы и повести. Спб., 1902.— с. 66—67.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Каривин. Рассказы о песнях и певцах. Саратов, 1902.— с. 67—68.
⟨Михайловский Н. К.⟩. ⟨Мих. С—о; наст. имя: Сырокомля-Сопоцько М. А.⟩. Кронштадтский маяк. Н.-Новгород, 1902.— с. 74—75.

1903

№ 1: ⟨Гуковский А. И.⟩. И. Колышко. Волки и овцы. Спб., 1902.— с. 21—26.
⟨Гуковский А. И.⟩. И. Наживин. Дешевые люди. М., 1903.— с. 26—27.
⟨Каррик В. В.⟩. А. Туркин. Уральские миниатюры. Екатеринбург, 1902.— с. 28—30.

⟨Каррик В. В.⟩. Ж. Ренар. Рыжик. Харьков, 1902.— с. 30.
⟨Геккер Н. Л.⟩. П. Николаев. Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902; Г. Новополин. В сумерках литературы и жизни. Харьков, 1902.— с. 31—33.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Бр. Гримм. Сказки и легенды. Спб., 1903; Избранные сказки. Спб., 1903.— с. 33—35.
№ 2: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. С. Пушкин. Сочинения, тт. I—IV. Спб., 1903.— с. 18—23.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Майков. Сочинения. Киев, 1902.— с. 23—25.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Гамсун. Драма жизни. М., 1902.— с. 25—27.
⟨Гуковский А. И.⟩. Н. Телешов. Повести и рассказы. М., 1902.— с. 27—28.
⟨Коробка Н. И.⟩. В. Вартаньянц. Гл. Успенский и Гоголь и их отношение к крепостному строю. Тифлис, 1902.— с. 30—32.
⟨Штернберг Л. Я.⟩. В. Дорошевич. Сахалин. М., 1903.— с. 32—37.
№ 3: ⟨Якубович П. Ф.⟩. П. Евреинов. Стихотворения. Одесса, 1903.— с. 76—77.
⟨Якубович П. Ф.⟩. М. Лохвицкая. Стихотворения. Спб., 1903.— с. 77—80.
⟨Гуковский А. И.⟩. Вера ⟨?⟩. Одна из многих. Спб., 1903.— с. 80—82.
⟨Коробка Н. И.⟩. И. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. Спб., 1903; Л. Майков. Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина. Спб., 1902.— с. 82—85.
№ 4: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Куприн. Рассказы. Спб., 1903.— с. 39—41.
⟨Гуковский А. И.⟩. С. Юшкевич. Рассказы. Спб., 1903.— с. 41—43.
⟨Гуковский А. И.⟩. А. Круглов. Вчера и сегодня. М., 1903.— с. 43—45.
⟨Каррик В. В.⟩. А. Шницлер. Фрау Берта Гарлан. Спб., 1903.— с. 45—46.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Р. Лотар. Г. Ибсен. Спб., 1903.— с. 46.
№ 5: ⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Надсон. Стихотворения. Спб., 1903.— с. 69—70.
⟨Якубович П. Ф.⟩. А. М. Федоров. Стихотворения. Спб., 1903.— с. 70—73.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Зудерман. Собрание драматических произведений. М., 1903.— с. 73—75.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Русские писатели в портретах, биографиях и образцах. Одесса, 1903.— с. 75—77.
⟨Рейснер М. А.⟩. А. Смирягин. Интеллигенция и народ. Спб., 1903.— с. 77—80.
№ 6: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Северные цветы на 1903 год. М., 1903.— с. 1—5.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Альманах кн-ва «Гриф». М., 1903.— с. 5—6.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. М. Федоров. Рассказы. Спб., 1903.— с. 6—9.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Руффини. Записки Лоренцо Бенони. М., 1903.— с. 9—11.
⟨Короленко В. Г.⟩. А. Скребицкий. Воспитание и образование слепых. Спб., 1903.— с. 25—29.
⟨Короленко В. Г.⟩. Е. Воронец. Итоги полемики по поводу проповедничества священника о. Гр. Петрова и историческая справка. Спб., 1903.— с. 32—35.
№ 7: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Э. Золя. Моя ненависть. Спб., 1903.— с. 25—28.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Подкольский ⟨Пузик В. В.⟩. Вечером. Спб., 1903.— с. 28—29.
⟨Короленко В. Г.⟩. Дело по обвинению дворянина М. И. Джорджикия в покушении на убийство сотника Н. П. Колокольцева. М., 1903.— с. 44—45.
№ 8: ⟨Якубович П. Ф.⟩. П. Э. Тайна ⟨?⟩. Души моей невольные признанья. Спб., 1903.— с. 53—54.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Сборник стихотворений учеников Гадячского четырехклассного городского училища. Ромны, 1903; П. Клунный. Вопросы жизни. Ромны, 1903.— с. 54—57.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Дрейер. Кандидат. Харьков, 1903.— с. 57—59.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Арс. Введенский. Литературные характеристики. Спб., 1903.—с. 59—61.

№ 9: ⟨Михайловский Н. К.⟩. А. Будищев. Я и он. Спб., 1903.— с. 32—34.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Н. Благов-ский ⟨?⟩. Декаденты в Ялте. М., 1903.— с. 34—35.
⟨Каррик В. В.⟩. А. Апраксин. Большие корабли. Спб., 1903.— с. 35—36.
⟨Каррик В. В.⟩. О. Волжанин ⟨Израэльсон О. А.⟩. Рассказы. М., 1903.— с. 36—37.
⟨Каррик В. В.⟩. С. Хатунский ⟨Курнин С. В.⟩. Около волости. М., 1903.— с. 37—38.
⟨Каррик В. В.⟩. К. Скальковский. Очерки и фантазии. Спб., 1903.— с. 38—39.

№ 10: ⟨Глинка А. С.⟩. М. Крестовская ⟨Картавцева М. В.⟩. Исповедь Мытищева. М., 1903.— с. 65—67.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Уаймен. Французский дворянин. Спб., 1903; Б. Ауэрбах. Спиноза. Спб., 1903.— с. 67—69.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Ломакин. Рассказы. М., 1903.— с. 69—71.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Иллюстрированная история новейшей французской литературы, т. I. М., 1904.— с. 71—74.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. «Генрик Сенкевич». Одесса, 1904.— с. 74—76.

№ 11: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Гриневская. Баб. Спб., 1903; А. Ягодин. Из древнего Рима. М., 1903.— с. 22—25.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Д. Ведребисели ⟨Малкиева Д. К.⟩. Нетронутый уголок. Спб., 1903.— с. 25.
⟨Михайловский Н. К.⟩. Г. Косткин. На страшный бой. Н.-Новгород, 1902.— с. 25—26.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Шекспир. Собрание сочинений, тт. 1—4. Спб., 1903.— с. 26—29.
⟨Горнфельд А. Г.⟩ П. Коган. Очерки по истории западноевропейских литератур. М., 1903.— с. 29—30.
⟨Коробка Н. И.⟩. В. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. Спб., 1903.— с. 30—31.

№ 12: ⟨Якубович П. Ф.⟩. К. Бальмонт. Будем как солнце. М., 1903; Только любовь. М., 1903.— с. 24—28.
⟨Камнев М. С.⟩. А. Чивонибар ⟨Рабинович А. Х.⟩. Каторга. Тюрьма. Голод. Одесса, 1903.— с. 29—30.
⟨Штернберг Л. Я.⟩. Н. Новомбергский. Остров Сахалин. Спб., 1903.— с. 30—34.

1904

№ 1: ⟨Михайловский Н. К.⟩. А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, тт. 1—2. Спб., 1903.— с. 1.
⟨Якубович П. Ф.⟩. З. Гиппиус. Собрание стихов. М., 1904.— с. 1—5.
⟨Короленко В. Г.⟩. В. Буренин. Театр. Спб., 1904.— с. 5—9.
⟨Короленко В. Г.⟩. Г. Косткин. Знаменитый и оригинальный полководец Суворов. Н.-Новгород, 1903.— с. 9—10.
⟨Ганейзер Е. А.⟩. С. Сыромятников. Из жизни современного сердца. Спб., 1903.— с. 10—15.
⟨Глинка А. С.⟩. Ф. Фальковский. Пробуждение. Спб., 1903.— с. 15—18.
⟨Мякотин В. А.⟩. В. Батуринский. А. И. Герцен, его друзья и знакомые. Спб., 1904.— с. 20—21.
⟨Короленко В. Г.⟩. Г. Хохлов. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». Спб., 1903.— с. 28—29.

№ 2: ⟨Глинка А. С.⟩. Б. Лазаревский. Повести и рассказы. М., 1903.— с. 51—53.
⟨Короленко В. Г.⟩. Я. Сам ⟨Хиляк В. И.⟩. Не женись на русской. Владикавказ, 1903.— с. 54—55.
⟨Короленко В. Г.⟩. Ж. Араго. Воспоминания слепого. М., 1904.— с. 55—56.

〈Горнфельд А. Г.〉. Алексей Веселовский. Этюды и характеристики. М., 1903.— с. 56—59.
〈Короленко В. Г.〉. Э. Ухтомский. Из области ламаизма. Спб., 1904.— с. 66—70.
〈Короленко В. Г.〉. Привислинец 〈?〉 и др. Россия и ее западная окраина. Спб., 1904.— с. 70—73.

№ 3: 〈Короленко В. Г.〉. И. Ракович. Любовь победила. Спб., 1904.— с. 16—18.
〈Горнфельд А. Г.〉. С. Рафалович. Противоречия. Спб., 1903.— с. 18—20.
〈Глинка А. С.〉. О. Ольнем 〈Цеховская В. Н.〉. Очерки и рассказы. Спб., 1904.— с. 20—22.
〈Каррик В. В.〉. М. Криницкий. Чающие движения воды. М., 1903.— с. 22—24.
〈Глинка А. С.〉. П. Краснов и Л. Вольф. Гр. Л. Толстой. Спб., 1904.— с. 24—25.
〈Короленко В. Г.〉. Дигамма 〈Васильев М. Н.〉. Зло всей прессы. Спб., 1904.— с. 40—41.

№ 4: 〈Короленко В. Г.〉. В. Якимов. Без хлеба насущного. Спб., 1904.— с. 52—54.
〈Горнфельд А. Г.〉. В. Голиков. Рассказы. Спб., 1904; Н. Худекова. Рассказы. Спб., 1903.— с. 55—56.
〈Горнфельд А. Г.〉. К свету. Спб., 1904.— с. 58—61.
〈Коробка Н. И.〉. Е. Цабель. Л. Н. Толстой. Киев, 1903.— с. 61—62.
〈Короленко В. Г.〉. С. Васюков. Край гордой красоты. Спб., 1903; Л. Личков. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904.— с. 73—77.

№ 5: 〈Короленко В. Г.〉. Е. Марков. Разбойница Орлиха. Спб., 1904.— с. 18—20.
〈Короленко В. Г.〉. В. Березовский. Дни и ночи. Спб., 1903.— с. 20—23.
〈Глинка А. С.〉. Г. Чулков. Кремнистый путь. М., 1904.— с. 23—25.

№ 6: 〈Короленко В. Г.〉. Н. Тимковский. Повести и рассказы. М., 1904.— с. 106—109.
〈Короленко В. Г.〉. Н. Покровский. Культурное болото. Спб., 1904.— с. 109—110.
〈Горнфельд А. Г.〉. Е. Чириков. Пьесы. Спб., 1904.— с. 110—111.
〈Горнфельд А. Г.〉. О. Мирбо. Рассказы. Спб., 1904.— с. 112—113.
〈Короленко В. Г.〉. И. Тюркан. Генеральша Бонапарт. Спб., 1903.— с. 118—119.

№ 7: 〈Каррик В. В.〉. И. Новиков. Искания. Киев, 1904.— с. 123—124.
〈Савинкова В. В.〉. В. Светлов. Все цвета радуги. Спб., 1904.— с. 124—126.
〈Камнев М. С.〉. Дж. К. Джером. За чашкой чая. Спб., 1904.— с. 126—127.

№ 8: 〈Горнфельд А. Г.〉. Тан 〈Богораз В. Г.〉. Очерки и рассказы. Спб., 1904.— с. 21—24.

№ 9: 〈Короленко В. Г.〉 С. Пшибышевский. Homo Sapiens. М., 1904.— с. 85—91.
〈Короленко В. Г.〉. З. Красинский. Иридион. Спб., 1904.— с. 91—94.
〈Горнфельд А. Г.〉. Гете. Фауст. Спб., 1904.— с. 94—96.
〈Савинкова В. В.〉. В. Иллич-Свитыч 〈Свитыч В. С.〉. Старый молитвенник. Владивосток, 1903.— с. 96—97.
〈Савинкова В. В.〉. В. Розов-Цветков. По ту сторону «Пояса мира». М., 1904.— с. 97—98.

№ 10: 〈Якубович П. Ф.〉. Н. Огарев. Стихотворения, т. I. М., 1904.— с. 115—118.
〈Редько А. М.〉. В. Иванов. На память о русско-японской войне. Харьков, 1904.— с. 119—120.
〈Горнфельд А. Г.〉. В. фон Поленц. Деревенский священник. Спб., 1903.— с. 120—121.
〈Редько А. М.〉. Избранные мысли Шиллера и Лессинга, вып. 1. М., 1904.— с. 121—122.
〈Горнфельд А. Г.〉. А. Веселовский. В. А. Жуковский. Спб., 1904; Уткинский сборник. М., 1904.— с. 122—125.

№ 11: ⟨Спасо-Кукотский А.⟩. Д. Мережковский. Дафнис и Хлоя. Спб., 1904.— с. 71—74.

⟨Редько А. М.⟩. М. Могилянский. Тина. Спб., 1903.— с. 74—75.

⟨Редько А. М.⟩. Ф. Зарин. Рагузада. Спб., 1904.— с. 75—76.

⟨Короленко В. Г.⟩. И. Тенеромо ⟨Фейнерман И. Б.⟩. Катастрофа. Елисаветград, 1904.— с. 76—78.

⟨Редько А. М.⟩. М. Мара. Confetti. Варшава, 1905.— с. 78—79.

⟨Короленко В. Г.⟩. А. Мошин. Ясная Поляна и Васильевка. Спб., 1904.— с. 79—81.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Франке. История немецкой литературы в связи с развитием общественных сил. Спб., 1904.— с. 83—87.

⟨Короленко В. Г.⟩. И. Иванович. Борцы и мученики за свободу Болгарии. М , 1904.— с. 88—90.

№ 12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Ачкасов. Песни русских писателей о воле. М., 1904.— с. 27—28.

⟨Гуковский А. И.⟩. А. Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., 1905.— с. 28—31.

⟨Короленко В. Г.⟩. Ф. Сологуб. Книга сказок. М., 1905.— с. 31—32.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. фон Клейст. Михаил Кольгаз. Спб., 1904.— с. 32—34.

⟨Редько А. М.⟩. А. Доганович. Дед Игнат. М., 1904; Вася Горбун. М., 1903.—с. 48—49.

⟨Редько А. М.⟩. Э. Томпсон. Рассказы из жизни животных. Спб., 1905; Маленький герой. М., 1904; Жизнь серого медведя. М., 1903.— с. 49.

⟨Николаев А. А.⟩. Е. Горбунова. Наши зверьки. М., 1904; С. Семенов. В деревне. М., 1904; Человек, животные и растения. М., 1904.— с. 50.

1905

№ 1: ⟨Редько А. М.⟩. П. Борисенко. Война и душа народа. М., 1904.— с. 142—143.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Вильде. Катастрофа. М., 1904.— с. 143—144.

⟨Редько А. М.⟩. Г. Ибсен. Полное собрание сочинений, тт. 3 и 7. М., 1904.— с. 144—146.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Скальковский. За год. Спб., 1905.— с. 146—148.

№ 2: ⟨Редько А. М.⟩. Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича. М., 1904.— с. 61—62.

⟨Редько А. М.⟩. А. Стриндберг. Отец. М., 1904.— с. 62—65.

⟨Редько А. М.⟩. Н. Карпов. Чехов и его творчество. Спб., 1904.— с. 65—66.

⟨Редько А. М.⟩. А. Теплов. В погоне за Горьким. Тверь, 1904.— с. 67—68.

⟨Редько А. М.⟩. И. Гливенко. Типы героев в литературе в их отношении к действительности. Киев, 1904.— с. 68.

⟨Камнев М. С.⟩. В. Дорошевич. Восток и война. М., 1905.— с. 83—84.

⟨Башкин В. В.⟩. Сборники избранных произведений русских и иностранных поэтов. Вятка, 1904.— с. 86—87.

№ 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Альманах кн-ва «Гриф». М., 1905.— с. 82—83.

⟨Редько А. М.⟩. В поисках света. М., 1904.— с. 83—86.

⟨Редько А. М.⟩. Зеленый сборник стихов и прозы. Спб., 1905.— с. 86—89.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Лагерлеф. В Иерусалим. Спб., 1905.— с. 89—90.

⟨Редько А. М.⟩. В. И. К ⟨?⟩. Герои Максима Горького и суд юридической науки. Казань, 1904; Н. Стечькин. М. Горький. Спб., 1904.— с. 93—95.

№ 4: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Елпатьевский. Рассказы. Спб., 1904.— с. 45—46.

⟨Редько А. М.⟩. А. Крандиевская. Рассказы. М., 1905.— с. 46—48.

⟨Редько А. М.⟩. А. Ариэль ⟨?⟩. Долой женщин. М., 1905.— с. 48—49.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Сулержицкий. В Америку с духоборами. М., 1905; В. Тан ⟨Богораз В. Г.⟩. Очерки и рассказы. Спб., 1905.— с. 49—51.

⟨Башкин В. В.⟩. В. Гиляровский. Забытая тетрадь. М., 1905; Е. Кристи. Стихотворения. Одесса, 1905.— с. 51—53.

⟨Флоровская О. Н.⟩. И. Наживин. Среди могил. Спб., 1905.— с. 58—59.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Шерр. Иллюстрированная всеобщая история литературы. М., 1905.— с. 59—61.

⟨Николаев А. А.⟩. В. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905.— с. 61—63.

⟨Мякотин В. А.⟩. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ. Спб., 1904.— с. 63—64.

⟨Мякотин В. А.⟩. В. Богучарский ⟨Яковлев В. Я.⟩. Из прошлого русского общества. Спб., 1904.— с. 64—66.

№ 5: ⟨Башкин В. В.⟩. Тан ⟨Богораз В. Г.⟩. Стихотворения. Спб., 1905.— с. 107—109.

⟨Редько А. М.⟩. Вестовой (И. С. П-в) ⟨Пальмов И. С.?⟩. Струны сердца. Спб., 1905.— с. 109—111.

⟨Редько А. М.⟩. А. Костомарова. Две лилии. Пб., 1904.— с. 111—112.

⟨Редько А. М.⟩. А. Эленшлегер. Ярл Гакон. М., 1904.— с. 113—114.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Калитин. Третий Рим. Спб., 1905.— с. 114—116.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. З. Венгерова. Литературные характеристики. Спб., 1905.— с. 116—118.

⟨Николаев А. А.⟩. И. Якушкин. Записки. М., 1905.— с. 127—129.

№ 6: ⟨Якубович П. Ф.⟩ А. С. Пушкин. Сочинения, т. 8. Спб., 1905.— с. 62—65.

⟨Гуковский А. И.⟩ Н. Анненкова-Бернар ⟨Дружинина Н. П.⟩ Бабушкина внучка. Спб., 1905.— с. 65—68.

⟨Горнфельд А. Г.⟩ Душа Японии. ⟨Сб. под ред. Н. П. Азбелева⟩. Спб., 1905.— с. 72—74.

№ 7: ⟨Богоявленский Л. П.⟩. И. Генигин. Прибалтийские напевы. Рига, 1905; О. Лье. Робкие звуки. Спб., 1904.— с. 57—59.

⟨Редько А. М.⟩. Нижегородский сборник. Спб., 1905.— с. 59—61.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Ан-ский ⟨Раппопорт С. А.⟩. Рассказы. Спб., 1905.— с. 61—63.

⟨Редько А. М.⟩. С. Орловский ⟨Шиль С. Н.⟩. Павлиний глаз. Спб., 1904; Капитан Январь. Спб., 1904; А. Бостром ⟨Толстая А. Л.⟩. Сестра Верочка. Спб., 1905; И. Белоусов. Весенние гости. М., 1905; Д. Мамин-Сибиряк. Сударь Пантелей свет-Иванович. М., 1904; Г. Северцов ⟨Полилов Г. Т.⟩ Княжой отрок. М., 1905; Русские былины. М., 1904.— с. 66—68.

⟨Редько А. М⟩. С. Минцлов. Война и приключения оловянных солдатиков. Спб., 1904; С. Поспелов. В снегах Восточной Сибири. Спб., 1904; Д. Пахомов. Два старика. Спб., 1904; Е. Сомова. Басни в лицах. Спб., 1904.— с. 73—75.

№ 8: ⟨Мякотин В. А.⟩. А. И. Герцен. Сочинения и переписка его с Н. А. Захарьиной в 7 томах. Спб., 1905.— с. 51—52.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Северные цветы ассирийские. М., 1905.— с. 52—54.

⟨Редько А. М.⟩. Усталый ⟨А. Н. Вознесенский⟩. Песни молчания. Спб., 1905.— с. 55—57.

⟨Спасо-Кукотский А.⟩. А. Свирский. Полное собрание сочинений, т. I. Спб., 1905.— с. 57—59.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. Н. Степаненко. Передел. Харьков, 1905; Е. Любич. Пестрядь. Одесса, 1905.— с. 59—60.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. Ф. Тищенко. Люди темные. Спб., 1905.— с. 60—61.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Радклиф. Удольфские тайны. Спб., 1905.— с. 61—62.

⟨Гуковский А. И.⟩. К. Стефанович. Наболевшее сердце. М., 1905.— с. 62—64.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Лысков. А. П. Чехов в понимании критики. М., 1905.— с. 65—66.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Лиштанберже ⟨Лихтенбергер⟩. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1905.— с. 66—67.

№ 9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Арцыбашев. Рассказы. Спб., 1905.— с. 79—82.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Дорошевич. Собрание сочинений, тт. 1—2. М., 1905.— с. 82—83.
⟨Редько А. М.⟩. Сборник молодых писателей. Спб., 1905.— с. 83—85.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Оптимист ⟨Михайлова О. Н.⟩. В ожидании. Спб., 1905.— с. 85—87.
⟨Редько А. М.⟩. Б. Халатов. Стих и душа. М., 1905.— с. 87—88.
№ 11—12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Башкин. Стихотворения. Спб., 1905.— с. 107— 110.
⟨Редько А. М.⟩. С. Лагерлеф. Северные легенды и рассказы. М., 1905.— с. 110—112.
⟨Редько А. М.⟩. Л. Л. Толстой. Драматические сочинения. Спб., 1906.— с. 112—114.
Горнфельд А. Г.⟩. Е. Андреевич ⟨Соловьев Е. А.⟩. Опыт философии русской литературы. Спб., 1905.— с. 114—118.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ч. Скартаццини. Данте. Спб., 1905.— с. 118—120.
⟨Русанов Н. С.⟩. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 7. Спб., 1905.— с. 120—121.

1906

№ 1: («Современные записки») *: ⟨Николаев А. А.⟩. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний. Спб., 1906.— с. 120—121.
⟨Редько А. М.⟩. Н. Соколов. Второй сборник стихотворений. Спб., 1905.— с. 122.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Сборник кн-ва «Набат». М., 1906.— с. 122—123.
⟨Редько А. М.⟩. Для крошечных людей. М., 1905; Для маленьких людей. М., 1905.— с. 124.
№ 1: («Современность»): ⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Ватсон. Стихотворения. Спб., 1905.— с. 88—89.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Памяти А. П. Чехова. М., 1906.— с. 89—91.
⟨Короленко В. Г.⟩. С. Мартынов. Печорский край. Спб., 1905.— с. 94—97.
⟨Короленко В. Г.⟩. А. Доброхотов. Деспотия коммунистического строя. М., 1906.— с. 97—98.
№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Мережковский. Грядущий хам.— Чехов и Горький. Спб., 1906.— с. 96—100.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Амфитеатров. Курганы. Спб., 1905.— с. 100—101.
⟨Короленко В. Г.⟩. Е. Милич. На досуге. Берлин, 1906; Из мира души. Берлин, 1906; На жизненном пути. Берлин, 1906; Осенние вечера. Берлин, 1906.— с. 101—104.
⟨Короленко В. Г.⟩. В. Рышков. Денщики. Спб., 1906.— с. 104—105.
№ 5: («Русское богатство»): ⟨Редько А. М.⟩. Г. Ибсен. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1905.— с. 106—108.
⟨Гедько А. М.⟩. О. Уайльд. Полное собрание сочинений, тт. 1—2. М., 1905.—с. 109—110.
⟨Редько А. М.⟩. Сборник «Знания» за 1906 г., кн. 8 и 9. Спб., 1906.— с. 110—112.
№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Ковальский. Война. Спб., 1906.— с. 166—168.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Э. Золя. Истина. Спб., 1906.— с. 168—169.
⟨Редько А. М.⟩. А. Шницлер. Повести и рассказы. М., 1906.— с. 170—171.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Арсеньев. Салтыков-Щедрин. Спб., 1906; В. Семевский. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. Ростов-на-Дону, 1905.— с. 171—174.

---

* С января по апрель 1906 г. издание «Русского богатства» было приостановлено. Вместо него выходили: «Современные записки» (№ 1, январь) и «Современность» (№ 1, март, № 2, апрель).

№ 7: ⟨Редько А. М.⟩. Факелы, кн. 1. Спб., 1906.— с. 132—136.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Е. Милицына. Рассказы. М., 1906; Гильомен. Исповедь простого человека. Спб., 1906.— с. 137—139.
№ 9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Лазаревский. Повести и рассказы. М., 1906.— с. 176—179.
⟨Редько А. М.⟩. С. Пшибышевский. Заупокойная месса. М., 1906.— с. 179—181.
⟨Редько А. М.⟩. П. и В. Маргерит. Коммуна. М., 1906.— с. 182.
№ 11: ⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Надсон. Стихотворения. Спб., 1906.— с. 142—145.
⟨Редько А. М.⟩. В. Шуф. В край иной... Спб., 1906.— с. 146—147.
⟨Редько А. М.⟩. Г. Гофмансталь. Драмы. М., 1906.— с. 147—149.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Вейнберг. Страницы из истории западных литератур. Спб., 1907.— с. 155—156.
№ 12: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Плещеев. Стихотворения. Спб., 1906.— с. 116—118.
⟨Редько А. М.⟩. Э. Верхарн. Стихи о современности. М., 1906; Зори. Спб., 1906.— с. 118—122.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Ратгауз. Полное собрание стихотворений. Спб.—М., 1906.— с. 122—123.
⟨Редько А. М.⟩. Б. Зайцев. Рассказы. Спб., 1906.— с. 123—126.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Мережковский. Воскресшие боги. Спб., 1906.— с. 126—128.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей, вып. 1. М., 1906.— с. 128—130.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Брюкнер. Русская литература в ее историческом развитии, ч. 2. Спб., 1906.— с. 130—132.
⟨Короленко В. Г.⟩. Н. Симбирский ⟨Насакин Н. В.⟩. Правда о Гапоне и 9-м января. Спб., 1906.— с. 136—138.

1907

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Куприн. Рассказы, т. III. Спб., 1907.— с. 160—162.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Е. Тарасов. Стихи. Спб., 1906.— с. 163—164.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. де Сервантес. Остроумно изобретательный идальго Дон Кихот Ламанчский, ч. 1. Спб., 1907.— с. 164—166.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. О. Мирбо. Дневник горничной. Спб., 1907.— с. 166—167.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Нелидов. Очерк по истории новейшей русской литературы, ч. 1. М., 1906.— с. 167—169.
⟨Короленко В. Г.⟩. В. Анзимиров. Крамольники. М., 1907.— с. 172—173.
№ 4: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. С. Пушкин. Собрание сочинений, т. I, Спб., 1907.— с. 114—117.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Т. Шевченко. Кобзарь. Спб., 1906.— с. 117—118.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Театр Еврипида, в 3 томах, т. 1. Спб., 1907.— с. 118—119.
№ 5: ⟨Короленко В. Г.⟩ Г. Чулков. Тайга. Спб., 1907.— с. 210—212.
⟨Богоявленская Н. Н.⟩. Н. Рудинский. Записки земского врача. Спб., 1906.— с. 212—213.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Сиповский. История литературы как наука. Спб., 1907.— с. 214—216.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Письма темных людей. М., 1907.— с. 216—217.
№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. Спб., 1907.— с. 114—116.
№ 7: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Северные сборники, вып. 1. Спб., 1907.— с. 189—190.
⟨Якубович П. Ф.⟩. Ссыльным и заключенным. Спб., 1907.— с. 190—191.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Поярков. Поэты наших дней. М., 1907.— с. 191—193.

№ 9: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Ф. Волховский. Случайные песни. М., 1907.— с. 149—151.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Башкин. Стихотворения. Спб., 1907.—с. 152—153.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Сполохи, кн. 1, М., 1907.— с. 153—154.

№ 10: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Ватсон. Джакомо Леопарди. Спб., 1908; Витторио Альфиери. Спб., 1908.— с. 181—182.

№ 11: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. С. Пушкин. Сочинения, т. I, вып. 3. Спб., 1907.— с. 113—114.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Гофмансталь. Электра. Спб., 1907.— с. 115—116.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. О. Уайльд. Флорентинская трагедия. М., 1907.— с. 117—118.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Бонди. Миражи. Спб., 1907.— с. 118—119.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Новое слово, кн. 1. М., 1907.— с. 119—120.

№ 12: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 3, Спб., 1908.— с. 171—175.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Сологуб. Истлевающие личины. М., 1907; П. Верлен. Стихи. Спб., 1908.— с. 175—177.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Рафалович. Отвергнутый Дон-Жуан. Спб., 1907.— с. 177—178.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Спб., 1908.— с. 182—184.

1908

№ 1: ⟨Мякотин В. А.⟩. К. Рылеев. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1906; Н. Тургенев. Россия и русские, ч. 1. М., 1907.— с. 181—182.

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Лазаревский. Рассказы. Спб., 1908.— с. 202—205.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Западные сборники, кн. 1. М., 1908; Северные сборники, кн. 2—3. Спб., 1908.— с. 205—207.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Зудерман. Розы. Спб., 1908.— с. 207—208.

⟨Мякотин В. А.⟩. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб., 1908.— с. 214—215.

№ 3: ⟨Булгаков С. Н.⟩. Н. Денисюк. Н. Г. Чернышевский. М., 1908.— с. 157—158.

№ 4: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Минский. Полное собрание стихотворений в 4 томах. Спб., 1908.— с. 138—140.

⟨Богораз В. Г.⟩. Белоруссов ⟨Белевский А. С.⟩. В старом доме. М., 1908.— с. 141—142.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Свириденко. На Севере. Спб., 1907.— с. 142—143.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2. Спб., 1908.— с. 143—144.

№ 5: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 4. Спб., 1908.— с. 152—156.

№ 6: ⟨Якубович П. Ф.⟩. Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 5. Спб., 1908.— с. 176—178.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Ярошко. Рассказы. Спб., 1908.— с. 178—179.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Стриндберг. Исповедь глупца. М., 1908.—с. 179—182.

№ 7: ⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Белый. Кубок метелей. М., 1908.— с. 181—184.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Сологуб. Мелкий бес. Спб., 1908.— с. 184—187.

№ 8: ⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Надсон. Стихотворения. Спб., 1908.— с. 144—147.

⟨Якубович П. Ф.⟩. А. Богданович. Годы перелома. Спб., 1908.—с. 147—151.

№ 9: ⟨Якубович П. Ф.⟩. В. Брюсов. Пути и перепутья, т. II. М., 1908.— с. 172—175.

⟨Якубович П. Ф.⟩. В. Бонч-Бруевич. Избранные произведения русской поэзии. Спб., 1908.— с. 176—179.

⟨Якубович П. Ф.⟩. А. М. Федоров. Стихи. Спб., 1908.— с. 179—180.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Ю. Александрович ⟨Потеряхин А. Н.⟩. После Чехова. М., 1908.— с. 181—183.

⟨Мякотин В. А.⟩. В. Максимов ⟨Евгеньев-Максимов В. Е.⟩. Литературные дебюты Н. А. Некрасова, вып. 1. Спб., 1908.— с. 183—185.

⟨Мякотин В. А.⟩. Д. Овсянико-Куликовский. А. И. Герцен. Спб., 1908.— с. 185—186.

№ 10: ⟨Мякотин В. А.⟩. С. Степняк-Кравчинский. Собрание сочинений, т. I—V. Спб., 1907—1908.— с. 171—174.

⟨Короленко В. Г.⟩. Северные сборники, кн. 5. Спб., 1908.— с. 174—178.

№ 11: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Ауслендер. Золотые яблоки. М., 1908.—с. 217—218.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Измайлов. Кривое зеркало. Спб., 1908.— с. 219—220.

⟨Богораз В. Г.⟩. Р. Киплинг. Избранные рассказы. М., 1908.— с. 220—224.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей, вып. 2. М., 1908.— с. 224—226.

⟨Мякотин В. А.⟩. «Колокол» А. И. Герцена, №№ 1—22. Спб., 1908.— с. 239—240.

№ 12: ⟨Короленко В. Г.⟩. Г. Василевский. Интеллигентная колония Криница. Спб., 1908.— с. 166—169.

⟨Короленко В. Г.⟩. С. Васюков. Типы и характеры. Спб., 1908.— с. 169—171.

⟨Короленко В. Г.⟩. В. Карпова-Монгирд. Моей родине. М., 1908.— с. 171—173.

1909

№ 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Крачковский. Рассказы. Спб., 1908.— с. 154—158.

⟨Якубович П. Ф.⟩. Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных. М., 1909.— с. 158—159.

⟨Гизетти А. А.⟩. Л. Зеринг. Метерлинк как философ и поэт. Спб., 1908.— с. 159—160.

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Бирюков. Л. Н. Толстой, т. 2. М., 1908.— с. 173—177.

⟨Редько А. М.⟩. С. Сергеев-Ценский. Смерть. Спб., 1908.— с. 177—179.

⟨Якубович П. Ф.⟩. В. Ахшарумов. Стихотворения. Полтава, 1908.— с. 179—181.

№ 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Каменский. Рассказы. Спб., 1909.— с. 179—180.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. ⟨А. Н. Веселовский⟩. Die osteuropäischen Litteraturen und die slawischen Sprachen. Berlin — Leipzig, 1908.— с. 180—182.

№ 5: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 9. Спб., 1909.— с. 185—189.

№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Аксаков. Избранные сочинения. Спб., 1909; Собрание сочинений. М., 1909; Избранные сочинения в 2 томах. Спб., 1909.— с. 159—160.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Городецкий. Кладбище страстей. Спб., 1909.— с. 161—163.

№ 7: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Песнь песней Соломона. Спб., 1909.— с. 120—121.

№ 8: ⟨Редько А. М.⟩. А. Стриндберг. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1909.—с. 104—106.

⟨Мякотин В. А.⟩. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II. М., 1909.— с. 106—110.

№ 9; ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Куприн. Сочинения, т. 6. Спб., 1909.— с. 112—114.

⟨Редько А. М.⟩. Л. Андреев. Юмористические рассказы. Спб., 1909.— с. 114—116.

№ 10: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Андреев. Анатэма. Спб., 1909.— с. 156—158.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Ладыженский. Далекие дни. Спб., 1909.— с. 158—159.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Бунин. Рассказы. Спб., 1909.— с. 159—160.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Каллаш. Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке. М., 1909.— с. 160—161.

№ 11: ⟨Якубович П. Ф.⟩. И. Родионов. Наше преступление. Спб., 1909.— с. 146—151.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Караскевич ⟨Караскевич-Ющенко С. С.⟩. Повести и рассказы. Спб., 1910.— с. 151—153.

⟨Горнфельд А. Г.⟩ Кармен ⟨Коренман Л. О.⟩. Рассказы. Спб., 1909.— с. 153.

№ 12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Анненский. Вторая книга отражений. Спб., 1909.— с. 96—98.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Зайцев. Рассказы. Спб., 1909.— с. 98—100.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Каменский. Люди. Спб., 1910.— с. 100—101.

⟨Короленко В. Г.⟩. А. Вернер. Рассказы. М., 1909.— с. 102—103.

⟨Колосов Е. Е.⟩. История русской литературы. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, вып. 12—13. М., 1909.— с. 103—105.

1910

№ 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Сборники «Знания» за 1909 г., кн. 27 и 28. Спб., 1909.—с. 144—148.

⟨Редько А. М.⟩. Альманах изд-ва «Шиповник», кн. XI. Спб., 1909.— с. 148—149.

⟨Мякотин В. А.⟩. М. Пришвин. У стен града невидимого. М., 1909.— с. 149—150.

⟨Мякотин В. А.⟩. М. Гершензон. Исторические записки. М., 1910.— с. 150—154.

№ 2: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Лазаревский. Семья. Спб., 1910.— с. 130—132.

⟨Редько А. М.⟩. Фиорды, сб. 2—3, Спб., 1909—1910.— с. 132—135.

№ 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Грин. Рассказы. Спб., 1910.— с. 145—147.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Мережковский. Больная Россия. Спб., 1910.— с. 147—150.

№ 4: ⟨Якубович П. Ф.⟩. С. Надсон. Стихотворения. Спб., 1909.— с. 79—81.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. Гольдебаев ⟨Семенов А. К.⟩. Рассказы. Спб., 1910.— с. 81—82.

№ 5: ⟨Горнфельд А. Г⟩. Саша Черный. Сатиры. Спб., 1910.— с. 119—123.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Юбилейный сборник Литературного фонда. Спб., 1910.— с. 123—125.

⟨Мякотин В. А.⟩. А. Котович. Духовная цензура в России. Спб., 1909.— с. 136—139.

№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 12. Спб., 1910.— с. 149—151.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Херн. Душа Японии. М., 1910.— с. 151—152.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Гершензон. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910.— с. 153—155.

№ 7: ⟨Редько А. М.⟩. Ф. Сологуб. Собрание сочинений, тт. 6—7. Спб., 1910.— с. 143—145.

⟨Короленко В. Г.⟩. В. Г. Тан ⟨Богораз В. Г. ⟩. Восемь племен. Спб., 1910.— с. 145—146.

⟨Короленко В. Г.⟩. И. Невинский. Кирей Телишевич. Спб., 1910.— с. 146—148.

⟨Короленко В. Г.⟩. Н. Брешко-Брешковский. Чухонский бог. Спб., 1910.— с. 148—150.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Евлахов. Гений-художник как антиобщественность. Варшава, 1910.— с. 94—96.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Северова ⟨Нордман Н. Б.⟩. Интимные страницы. Спб., 1910.— с. 96—97.

<Анненский Н. Ф.>. Памяти В. А. Гольцева. М., 1910.— с. 98—103.

№ 9: <Горнфельд А. Г.>. И. Бунин. Рассказы. Спб., 1910.— с. 179—180.

<Горнфельд А. Г.>. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей, вып. 3. М., 1910.— с. 180—182.

<Горнфельд А. Г.>. Чеховский юбилейный сборник. М., 1910.— с. 182—183.

№ 11: <Горнфельд А. Г.>. Земля, сб. 4. М., 1910.— с. 121—126.

<Редько А. М.>. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 13. Спб., 1910.— с. 126—128.

№ 12: <Горнфельд А. Г.>. Сборник «Знания» за 1910 г., кн. 32. Спб., 1910.— с. 139—141.

<Крюков Ф. Д.>. И. Железнов. Уральцы. Спб., 1910.— с. 141—144.

1911

№ 1: <Горнфельд А. Г.>. Л. Андреев. Собрание сочинений. Спб., 1911.— с. 160—163.

<Мякотин В. А.>. М. Конопницкая. Собрание сочинений, т. I. М., 1911.— с. 163—164.

<Горнфельд А. Г.>. Н. Лернер. Труды и дни Пушкина. Спб., 1910; П. Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. Спб., 1910.— с. 164—167.

№ 2: <Якубович П. Ф.>. М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Спб., 1910.— с. 141—147.

<Горнфельд А. Г.>, С. Юшкевич. Комедия брака. Спб., 1911.— с. 147—149.

<Редько А. М.>. А. Каменский. Сочинения, т. 3. Спб., 1911.— с. 149—150.

<Горнфельд А. Г.>. Первые литературные шаги. М., 1911.—с. 151—153.

№ 4: <Горнфельд А. Г.>. Х. Бялик. Песни и поэмы. Спб., 1911.— с. 77—79.

№ 5: <Горнфельд А. Г.>. Земля, сб. 6. М., 1911.— с. 163—165.

<Горнфельд А. Г.>. В. Лазурский. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911; В. Булгаков. У Л. Н. Толстого в последний год его жизни. М., 1911.— с. 165—167.

<Горнфельд А. Г.>. С. Ашевский <Столяров М. Н.>. Белинский в оценке современников. Спб., 1911.— с. 168—169.

№ 6: <Редько А. М.>. Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 15. Спб., 1911.— с. 144—146.

<Горнфельд А. Г.>. Л. Ф. Достоевская. Больные девушки. Спб., 1911.— с. 146—148.

<Горнфельд А. Г.>. Б. Садовской. Узор чугунный. М., 1911.—с. 148—150.

<Горнфельд А. Г.>. В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Спб., 1911.— с. 150—152.

№ 8: <Горнфельд А. Г.> С. Юшкевич. Улица. М., 1911; Я. Корчак. Мошки, Иоськи и Срули. Вильна, 1911.— с. 82—86.

№ 9: <Горнфельд А. Г.>. К. Леонтьев. О романах гр. Л. Н. Толстого. М., 1911.— с. 171—175.

<Редько А. М.>. Г. Банг. Собрание сочинений. М., 1910—1911.—с. 175—176.

№ 10: <Горнфельд А. Г.>. Северные цветы, альм. 5. М., 1911.— с. 150—152.

<Горнфельд А. Г.>. А. М. Федоров. Мой путь. М., 1911; Сонеты. Спб., 1911.— с. 152—154.

<Редько А. М.>. А. Ремизов. Сочинения, т. 3. Спб., 1911.— с. 154—155.

<Редько А. М.>. Ж. Роденбах. Полное собрание сочинений, тт. 1—2. М., 1911.— с. 155—157.

<Редько А. М.>. Л. Толстой. Живой труп. М., 1912; То же: «Нива», 1911, № 39.— с. 157—159.

<Горнфельд А. Г.>. Г. Лансон. Метод в истории литературы. М., 1911.—с. 159—164.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Фемелиди. В. Гюго. Спб., 1912; Г. Сенкевич. Спб., 1912.— с. 165.

№ 11: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Толстой. Новый сборник писем. М., 1912; Известия Общества Толстовского музея. Спб., 1911; Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом. М., 1911; П. Бирюков. Л. Н. Толстой. М., 1911; В память Л. Н. Толстого. М., 1911.— с. 189—193.

⟨Волькенштейн В. М.⟩. В. Майстрах. Рассказы. Спб., 1911.— с. 193—194.

⟨Редько А. М.⟩. В. Винниченко. Рассказы. М., 1911.— с. 195—197.

⟨Редько А. М.⟩. Ж. Рони. В сетях жизни. М., 1911.— с. 197—198.

№ 12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Толстой. Посмертные художественные произведения, т. I. М., 1912.— с. 134—136.

⟨Волькенштейн В. М.⟩. А. Кипен. Рассказы. М., 1911.— с. 136—138.

⟨Редько А. М.⟩. И. Крылов. Басни. Спб., 1911.— с. 138—139.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей, вып. 1. Изд. 3-е. М., 1911.— с. 139—140.

1912

№ 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Саша Черный. Сатиры и лирика. Спб., 1911.— , с. 149—150.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Гауптман. Бегство Габриэля Шиллинга. М., 1912.—с. 151—152.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Надсон. Проза. Дневники. Письма. Спб., 1912.— с. 153—154.

№ 2: ⟨Волькенштейн В. М.⟩. С. Аникин. Деревенские рассказы. Спб., 1912.— с. 163—164.

⟨Мякотин В. А.⟩. Е. Водовозова. На заре жизни. Спб., 1911.—с. 164—165.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Брюсов. Далекие и близкие. М., 1912.— с. 165—167.

⟨Мякотин В. А.⟩. И. Киреевский. Полное собрание сочинений в 2 томах. М., 1911.— с. 167—168.

№ 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Шмелев. Рассказы. Спб., 1912.— с. 118—120.

⟨Мякотин В. А.⟩. Е. Колосов. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. Спб., 1912.— с. 120—121.

№ 4: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Скиталец ⟨Петров С. Г.⟩. Рассказы. Спб., 1912.— с. 152—155.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Шекспир. Собрание сочинений в 2 томах. М., 1912; Гомер. Поэмы. М., 1912.— с. 156—157.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Толстой. Переписка с гр. А. А. Толстой. Спб., 1911.— с. 157—158.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Чехов. Письма, т. 1. М., 1912.— с. 158—161.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Щеголев. Пушкин. Спб., 1912.— с. 161—162.

№ 5: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Радимов. Полевые псалмы. Казань, 1912.— с. 110—111.

⟨Редько А. М.⟩. Сборники т-ва «Знание» за 1912 г., кн. 38. Спб., 1912.— с. 112—113.

⟨Редько А. М.⟩. Фиорды, сб. 9. Спб., 1911.— с. 113—115.

№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Крашенинников. Барышни. М., 1912.—с. 146—147.

⟨Редько А. М.⟩. Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Спб., 1911.— с. 147—148.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Е. Дьяконова. Дневник. М., 1912.— с. 148—149.

⟨Мякотин В. А.⟩. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 1. Спб., 1911; т. 2. Спб., 1912.— с. 149—151.

⟨Русанов Н. С.⟩. Чернышевский в Сибири, вып. 1. Спб., 1912.—с. 151—154.

№ 7: ⟨Мякотин В. А.⟩. Е. Спекторский. Белинский и западничество. Варшава, 1912.—с. 138—140.

⟨Мякотин В. А.⟩. С. Венгеров. Собрание сочинений, т. 3. К. Аксаков. Спб., 1912.— с. 140—142.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Яблоновский. Рассказы. М., 1912.— с. 114—115.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Е. Ляцкий. Гончаров. Спб., 1912.— с. 115—117.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Стражев и В. Спасский. Первоцвет. М., 1912.— с. 117—119.

№ 9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Тютчев. Полное собрание сочинений. Спб., ⟨1912⟩.— с. 205—207.

⟨Редько А. М.⟩. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 17. Спб., 1912.— с. 207—209.

⟨Редько А. М.⟩. Земля, сб. 9. М., 1912.— с. 209—210.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Гауптман. Во власти океана. М., 1912.— с. 211—212.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Гуревич. Литература и эстетика. М., 1912.— с. 212—213.

№ 10: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ч. Ветринский ⟨Чешихин В. Е.⟩. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М., 1912.— с. 395—398.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Мольер. Собрание сочинений, т. I. Спб., 1912.— с. 398—400.

№ 11: ⟨Редько А. М.⟩. Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 18. Спб., 1912.— с. 381—385.

⟨Редько А. М.⟩. Велес. Альманах. Пгр., 1912.— с. 385—386.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Переверзев. Творчество Достоевского. М., 1912.— с. 386—388.

№ 12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Яблочков. Рассказы. Спб., 1912.— с. 376—378.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Р. де Гурмон. Книга масок. Спб., 1913.— с. 378—379.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Толстовский ежегодник. М., 1912; В. Срезневский и В. Тукалевский. Описание Толстовского музея. Спб., 1912.— с. 379—382.

1913

№ 1: ⟨Волькенштейн В. М.⟩. А. Чапыгин. Нелюбимые. Спб., 1913.— с. 382—383.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Пришвин. Очерки. Спб., 1913.— с. 383—385.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. П. Чехов. Письма, т. 2. М., 1912.—с. 385—388.

№ 2: ⟨Дерман А. Б.⟩. М. Горький. Сказки. М., 1913.— с. 410—411.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. З. Венгерова. Английские писатели XIX в. Спб., 1913.— с. 412.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Пинес. История еврейской литературы. М., 1913.—с. 413.

№ 3: ⟨Редько А. М.⟩. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 19. Спб., 1913.— с. 365—367.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Русов. Любовь возвращается. М., 1913.—с. 367—368.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Гете. Соб. соч. в 3 томах. М., 1912.— с. 368—369.

⟨Редько А. М.⟩. Д. Лондон. Полное собрание сочинений. М., 1912—1913.— с. 369—371.

№ 4: ⟨Дерман А. Б.⟩. Р. Григорьев ⟨Лемберг Р. Г.⟩. На ущербе. Спб., 1913.— с. 364—367.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Рывкин. Навет. Спб., 1912.— с. 367—368.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Князев. Жизнь молодой деревни. Спб., 1913.— с. 368—371.

⟨Дерман А. Б.⟩. А. Амфитеатров. Ау! Спб., 1913.— с. 371—373.

№ 5: ⟨Дерман А. Б.⟩. В. Дмитриева. Рассказы. Спб. 1913.— с. 325—326.

⟨Редько А. М.⟩. Савватий ⟨Потапенко Н. И.⟩. Тетрадь в сафьяне. Спб., 1913.— с. 326—329.

⟨Дерман А. Б.⟩. И. Новиков. Рассказы. М., 1913.— с. 329—330.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. ⟨В. Титов⟩. Уединенный домик на Васильевском. Спб., 1913.— с. 330—331.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. П. Чехов. Письма, т. 3. М., 1913.— с. 331—335.

№ 6: ⟨Редько А. М.⟩. Земля, сб. 12. М., 1913.— с. 343—345.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. А. Серафимович. Город в степи. Спб., 1913.— с. 345—347.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Новеллы итальянского Возрождения в 2 томах. М., 1913.— с. 347—348.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. A. Lirondelle. Le poète Alexis Tolstoï. Paris, 1912; Shakespeare en Russie. Paris, 1912; J. Patouillet. Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. Paris, 1913.— с. 348—350.

⟨Мякотин В. А.⟩. Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений, т. 10. Спб., 1913.— с. 350—353.

⟨Мякотин В. А.⟩. Г. Сковорода. Собрание сочинений. Спб., 1912.— с. 355—356.

№ 7: ⟨Крюков Ф. Д.⟩. И. Вольнов ⟨Владимиров И. Е.⟩. Повесть о днях моей жизни. Спб., 1913.— с. 324—326.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Токутоми. Лучше не жить! Спб., 1913.— с. 327—328.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. И. Замотин. Ф. М. Достоевский в русской критике, ч. 1. Варшава, 1913.— с. 328—330.

⟨Якобсон Е. И.⟩. Ю. Веселовский. Этюды по русской и иностранной литературе. М., 1913.— с. 330—332.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. П. Соловьева. Перекресток. Спб., 1913.— с. 362—363.

⟨Дерман А. Б.⟩. В. Тардов. Странник. М., 1912.— с. 363—365.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Е. Леткова ⟨Леткова-Султанова Е. П.⟩. Рассказы. Спб., 1913.— с. 365—366.

⟨Редько А. М.⟩. С. Гусев-Оренбургский. Рассказы. Спб., 1913.—с. 366—367.

№ 9: ⟨Дерман А. Б.⟩. А. Черемнов. Стихотворения. М., 1913.— с. 354—356.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. З. Гиппиус. Роман-царевич. М., 1913.— с. 356—357.

⟨Дерман А. Б.⟩. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 20 и 21. Спб., 1913.— с. 357—361.

⟨Дерман А. Б.⟩. Н. Олигер. Собрание сочинений, т. 3. Спб., 1913.—с. 361—362.

⟨Дерман А. Б.⟩. Е. Чириков. Поездка на Балканы. М., 1913.—с. 362—365.

№ 10: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Ладыженский. Дома. Спб., 1913.— с. 386—387.

№ 11: ⟨Редько А. М.⟩. П. Карпов. Пламень. Пб., 1914.— с. 403—405.

⟨Дерман А. Б.⟩. Г. Чулков. Рассказы и повести. Спб., 1913.— с. 405—409.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Мюрже. Богема. Спб., 1913.— с. 410—411.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Беринг. Вехи русской литературы. М., 1913.— с. 411—413.

№ 12: ⟨Дерман А. Б.⟩. Б. Гуревич. Вечно человеческое. М., 1913.— с. 385—388.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. А. Серафимович. Рассказы. М., 1913.— с. 388—390.

⟨Дерман А. Б.⟩. А. Тыркова. Жизненный путь. Спб., 1913.— с. 390—392.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. де Вега. Собрание сочинений, т. I. Спб., 1913.— с. 392—393.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Толстой. Письма к жене. М., 1913.— с. 393—394.

1914

№ 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Ауслендер. Последний спутник. М., 1913.— с. 398—399.

⟨Редько А. М.⟩. Энергия. Спб., 1913.— с. 399—400.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Келлерман. Туннель. Спб., 1914.— с. 400—401.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. П. Чехов. Письма, т. 4. М., 1914.—с. 401—404.

⟨Дерман А. Б.⟩. Б. Глинский. Среди литераторов и ученых. Спб., 1914.— с. 404—407.

№ 2: ⟨Дерман А. Б.⟩. И. Бунин. Иоанн Рыдалец. М., 1914.— с. 354—357.
⟨Дерман А. Б.⟩. А. Н. Толстой. Сочинения, т. 3. М., 1913.— с. 357—359.
⟨Дерман А. Б.⟩. Е. Кармазина. Дарьины жильцы. М., 1913.—с. 359—360.
⟨Редько А. М.⟩. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 22. Спб., 1914.— с. 360—363.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Максимов. Собрание сочинений в 20 томах. Спб., 1908—1914.— с. 364—365.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Толстой. Война и мир. М., 1914.— с. 365—366.

№ 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Мар ⟨Леншина А. Я.⟩. Идущие мимо. М., 1914.— с. 395—396.
⟨Редько А. М.⟩. Земля, сб. 13. М., 1913.— с. 398—400.

№ 4: ⟨Крюков Ф. Д.⟩. И. Гольдберг. Тунгусские рассказы. М., 1914.— с. 374—375.
⟨Крюков Ф. Д.⟩. Н. Бутовский. Повести из современной офицерской жизни. Спб., 1914.— с. 375—378.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Слово, сб. 2. М., 1914.— с. 378—380.

№ 5: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Б. Зайцев. Рассказы. М., 1914.— с. 330—331.
⟨Редько А. М.⟩. М. Пришвин. Славны бубны. Спб., 1914.— с. 331—332.
⟨Редько А. М.⟩. Энергия, сб. 2. Спб., 1914.— с. 332—335.
⟨Мякотин В. А.⟩. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, тт. 3—5. Спб., 1912—1913.— с. 336—337.
⟨Мякотин В. А.⟩. П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма в 2 томах. М., 1913—1914.— с. 337—338.
⟨Мякотин В. А.⟩. П. Чаадаев. Письма из-за границы к брату. Варшава, 1912.— с. 338—339.

№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Слезкин. Помещик Галдин. Спб., 1914.—с. 322—323.
⟨Крюков Ф. Д.⟩. А. Туркин. Степное. Спб., 1914.— с. 323—324.

№ 7: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Д. Крачковский. Золотая карета. М., 1914.— с. 338—339.
⟨Руманов А.⟩. М. Коцюбинский. Тени забытых предков. М., 1914.— с. 339—340.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Пушкинист, вып. 1. Спб., 1914.— с. 340—343.
⟨Мякотин В. А.⟩. М. Гершензон. Грибоедовская Москва. М., 1914.— с. 352.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. М. Волконская. Записки. Спб., 1914.—с. 355—356.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. К. Гамсун. Дети времени. Спб., 1914.— с. 303—304.
⟨Дерман А. Б.⟩. Е. Чириков. Житье-бытье. М., 1913; Марька из Ям. М., 1914.— с. 304—306.
⟨Крюков Ф. Д.⟩. И. Рукавишников. Близкое и далекое. М., 1914.— с. 306—307.
⟨Дерман А. Б.⟩. М. Михайлов. Полное собрание сочинений, тт. 1—3. Спб., 1914.— с. 307—309.
⟨Мякотин В. А.⟩. Л. Козловский. Герцен-публицист. Спб., 1914.— с. 315—316.

№ 9: ⟨Дерман А. Б.⟩. Н. Русов. В старой усадьбе. М., 1914; Повести. М., 1914.— с. 338—339.
⟨Дерман А. Б.⟩. Н. Львова. Старая сказка. М., 1914.— с. 340—342.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Спб., 1914; И. Толстой. Мои воспоминания. М., 1914.— с. 342—345.
⟨Дерман А. Б.⟩. В. Одоевский. Русские ночи. М., 1913.— с. 345—346.

№ 1 («Русские записки»): *⟨Дерман А. Б.⟩. И. Шмелев. Рассказы. М., 1914.— с. 400—401.
⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Чарская. Виновна, но... Спб., 1914.— с. 401—403.

---

* В октябре 1914 г. издание «Русского богатства» было приостановлено. Вместо него выходили «Русские записки» (1914, № 1, ноябрь; № 2, декабрь; 1915, № 1—12; 1916, № 1—12; 1917, № 1, 2—3). «Русское богатство» начало вновь выходить с апреля 1917 г.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ю. Юркун. Шведские перчатки. Спб., 1914.— с. 403—404.

⟨Дерман А. Б.⟩. В. Астров ⟨Савелов В. К.⟩. Не нашли пути. Спб., 1914.— с. 404—407.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Переверзев. Творчество Гоголя. М., 1914.— с. 407—409.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Шульговский. Теория и практика поэтического творчества. Спб., 1914.— с. 409—411.

№ 2: ⟨Дерман А. Б.⟩. А. Чапыгин. Белый скит. Спб., 1914.— с. 401—404.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Шницлер. Путь к свободе. Спб., 1914.— с. 404—406.

⟨Дерман А. Б.⟩. Архив В. А. Гольцева, т. I. М., 1914.— с. 406—408.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Розанов. Русская лирика. М., 1914.— с. 409—411.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Брандес. Собрание сочинений в 20 томах. Спб., 1906—1914.— с. 411—413.

1915

№ 1: ⟨Дерман А. Б.⟩. К. Тренев. Владыка. М., 1914.— с. 345—348.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Земля, сб. 15. М., 1914.— с. 348—350.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Гете. Фауст. Пгр., 1914.— с. 350—353.

⟨Якобсон В. И.⟩. Э. Пардо Басан. Собрание сочинений, т. I. Спб., 1914.— с. 353—355.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. И. Лысков. Теория словесности в связи с данными языковедения и психологии. М., 1914. —с. 356—357.

№ 2: ⟨Редько А. М.⟩. И. Шмелев. Рассказы. М., 1914.— с. 359—360.

⟨Дерман А. Б.⟩. Слово, сб. 4. М., 1915.— с. 360—365.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Г. Манн. Верноподданный. Пгр., 1915.— с. 365—368.

⟨Якобсон В. И.⟩. Роман Тристана и Изольды. М., 1914.— с. 370—372.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914.— с. 372—375.

№ 3: ⟨Дерман А. Б.⟩. Н. Крашенинников. Тени любви. М., 1915.— с. 351—352.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Чехов. Письма, т. 5. М., 1915.— с. 353—356.

№ 4: ⟨Дерман А. Б.⟩. И. Бунин. Чаша жизни. М., 1915.— с. 364—367.

⟨Мякотин В. А.⟩. А. Иванчин-Писарев. Из воспоминаний о «хождении в народ». Спб., 1914.— с. 367—368.

№ 5: ⟨Дерман А. Б.⟩. С. Гусев-Оренбургский. Золотой сон. Спб., 1915, Недоразумение. Спб., 1915.— с. 326—328.

⟨Дерман А. Б.⟩. А. Федоров. Утро. Пгр., 1915.— с. 328—330.

⟨Тарле Е. В.⟩. А. Амфитеатров. Мандрагора. Пгр., 1915.— с. 335—337.

⟨Тарле Е. В.⟩. Кармен Сильва. Под родным кровом. Пгр., 1915.— с. 337—339.

№ 6: ⟨Дерман А. Б.⟩. А. Серафимович. Сухое море. М., 1915.— с. 310—312.

⟨Дерман А. Б.⟩. М. Криницкий. Маскарад чувств. М., 1915.— с. 312—314.

⟨Дерман А. Б.⟩. Клич. М., 1915.— с. 314—317.

⟨Марголина Е. А.⟩. В. Брусянин. Дети и писатели. М., 1915.— с. 317—319.

№ 7: ⟨Дерман А. Б.⟩. А. Свирский. Пограничники. М., 1915.— с. 317—318.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. Невский альманах. Пгр., 1915.— с. 318—319.

⟨Крюков Ф. Д.⟩. С. Т. Семенов. Двадцать пять лет в деревне. Пгр., 1915.— с. 322—325.

№ 8: ⟨Крюков Ф. Д.⟩. И. Рукавишников. Трагические сказки. М., 1915.— с. 331—332.

⟨Дерман А. Б.⟩. Н. Телешов. Черной ночью. М., 1915.— с. 333—334.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Сермент. Вай. Пгр., 1915; Ю. Слезкин. Ольга Орг. Пгр., 1915.— с. 335—336.

⟨Дерман А. Б.⟩. Женский сборник. М., 1915.— с. 338—340.

⟨Дерман А. Б.⟩. А. Пушкин. Собрание сочинений, т. 6. Пгр., 1915.— с. 340—343.

<Горнфельд А. Г.>. А. Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества. М., 1915.— с. 343—344.

№ 9: <Горнфельд А. Г.>. А. Рославлев. Покойник Посудевский. Пгр., 1915.— с. 316—317.

<Горнфельд А. Г.>. М. Кузмин. Военные рассказы. Пгр., 1915; Плавающие-путешествующие. Пгр., 1915.— с. 317—318.

<Дерман А. Б.>. Земля, сб. 16. М., 1915.— с. 318—321.

№ 10: <Горнфельд А. Г.>. И. Шмелев. Карусель. М., 1916.— с. 347—348.

<Дерман А. Б.>. А. Толстой. Приключения Растегина. М., 1915.—с. 348—351.

<Горнфельд А. Г.>. Б. Констан. Адольф. М., 1915.— с. 351—352.

<Горнфельд А. Г.>. Д. Гинцбург. О русском стихосложении. Пгр., 1915.— с. 353—355.

№ 11: <Редько А. М.>. И. Сургучев. Осенние скрипки. М., 1915.— с. 308—311.

<Горнфельд А. Г.>. М. Шагинян. Узкие врата. Пгр., 1915.— с. 311—312.

<Дерман А. Б.>. Н. Никандров. Береговой ветер. М., 1915.— с. 312—315.

№ 12: <Горнфельд А. Г.>. К. Павлова. Собрание сочинений, тт. 1—2. М., 1915.— с. 327—328.

<Редько А. М.>. Слово, сб. 5. М., 1915.— с. 328—331.

<Дерман А. Б.>. А. Соболь. Пыль. М., 1916; Рассказы. М., 1915.— с. 331—334.

<Горнфельд А. Г.>. У. Локк. Любимый бродяга. М., 1916.— с. 334—335.

<Горнфельд А. Г.>. А. Измайлов. Осиновый кол. Пгр., 1915.— с. 335—337.

1916

№ 1: <Горнфельд А. Г.>. И. Новиков. Между двух зорь. М., 1915.— с. 306—307.

<Дерман А. Б.>. Ю. Слезкин. Глупое сердце. Пгр., 1915.— с. 307—308.

<Горнфельд А. Г.>. Л. Н. Толстой. Дневник, т. I. М., 1916.—с. 308—310.

<Тарле Е. В.>. Стендаль. Красное и черное, в 2 томах. М., 1915.— с. 310—313.

№ 2: <Горнфельд А. Г.>. В. Лидин. Трын-трава. М., 1916.— с. 324—325.

<Горнфельд А. Г.>. О. Петрова. Записки. Пгр., 1916.— с. 325—326.

<Горнфельд А. Г.>. О. Генри. Сердце Запада. Пгр., 1916.— с. 326—328.

№ 3: <Дерман А. Б.>. Р. Григорьев <Лемберг Р. Г.>. Недавнее. Пгр., 1916.— с. 310—312.

<Дерман А. Б.>. Л. Добронравов. Горький цвет. Пгр., 1916.— с. 312—313.

<Горнфельд А. Г.>. Русские Пропилеи, т. 3. М., 1916.— с. 313—315.

<Дерман А. Б.>. Дорогие места. М., 1916.— с. 315—316.

№ 4: <Дерман А. Б.>. Е. Замятин. Уездное. Пгр., 1916.— с. 303—305.

<Дерман А. Б.>. М. Шагинян. Семь разговоров. Пгр., 1916.—с. 305—306.

<Дерман А. Б.>. Ю. Юркун. Рассказы. Пгр., 1916.— с. 306—307.

<Редько А. М.>. Земля, сб. 17. М., 1915.— с. 308—310.

<Горнфельд А. Г.>. А. Архангельский. Введение в историю русской литературы, т. I. Пгр., 1916.— с. 310—312.

№ 5: <Дерман А. Б.>. Б. Верхоустинский. Утренняя звезда. Пгр., 1916.—с. 305—306.

<Крюков Ф. Д.>. А. Панкратов. Кровавое зарево. Пгр., 1916.— с. 306—309.

<Горнфельд А. Г.>. А. П. Чехов. Письма, т. 6. М., 1916.— с. 309—312.

<Горнфельд А. Г.>. В. Каренин <Комарова В. Д.>. Жорж Санд, т. 2. Пгр., 1916.— с. 312—313.

<Горнфельд А. Г.>. П. Коган. Теория словесности. М., 1915; А. Пресс. Теория словесности. Пгр., 1916.— с. 314—316.

№ 6: <Редько А. М.>. Слово, сб. 6. М., 1916.— с. 243—247.

<Дерман А. Б.>. Г. Гребенщиков. В просторах Сибири. Пгр., 1915.— с. 247—249.

<Горнфельд А. Г.>. Г. Флобер. Переписка, ч. 1. Спб., 1916.—с. 249—251.

<Дерман А. Б.>. В. Брусянин. В стране озер. Пгр., 1916.— с. 251.
<Дерман А. Б.>. А. Амфитеатров. Свет и сила. Пгр., 1916.— с. 255—258.

№ 7: <Горнфельд А. Г.>. А. Белый. Петербург. Пгр., 1916.— с. 270—273.
<Дерман А. Б.>. Н. Тимковский. Перед жизнью. М., 1916.— с. 273—274.
<Дерман А. Б.>. И. Касаткин. Лесная быль. М., 1916.— с. 274—276.
<Горнфельд А. Г.>. Х. Досев. Вблизи Ясной Поляны (1907—1909 гг.). М., 1916.— с. 276—278.

№ 8: <Горнфельд А. Г.>. С. Юшкевич. Человек воздуха. Пгр., 1916.— с. 272—274.
<Горнфельд А. Г.>. Т. Ефименко. Жадное сердце. Пгр., 1916.—с. 274—275.
<Горнфельд А. Г.>. П. Успенский. Разговоры с дьяволом. Пгр., 1916.— с. 275—277.
<Горнфельд А. Г.>. Н. Русов. Золотое счастье. М., 1916.— с. 277—278.
<Горнфельд А. Г.>. Архив с. Карабихи. М., 1916.— с. 278—280.
<Горнфельд А. Г.>. Ю. Соболев. Ант. Чехов. М., 1916; О Чехове. М., 1916.— с. 280—282.

№ 9: <Горнфельд А. Г.>. Г. Магнитский. Доктор Орлов. Пгр., 1916; С. Чевкин. Шестая держава. Пгр., 1916.— с. 319—320.
<Горнфельд А. Г.>. Пушкинист, т. 2. Пгр., 1916.— с. 321—324.

№ 10: <Горнфельд А. Г.>. З. Гиппиус. Зеленое кольцо. Пгр., 1916.—с. 314—317.
<Горнфельд А. Г.>. О. Линд. В поисках принца. М., 1916.— с. 317—318.
<Горнфельд А. Г.>. П. Милль. Монарх. Пгр., 1916.— с. 318—319.
<Горнфельд А. Г.>. Сборники по теории поэтического языка, вып. 1. Пгр., 1916.— с. 319—322.
<Дерман А. Б.>. Русские Пропилеи, т. 2. М., 1916.— с. 323—326.

№ 11: <Дерман А. Б.>. С. Караскевич <Караскевич-Ющенко С. С.>. Кипарисный царь. Пгр., 1916.— с. 304—305.
<Дерман А. Б.>. В. Воинов. Сильные духом. Пгр., 1916.— с. 305—307.
<Редько А. М.>. А. Толстой. В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции. М., 1916.— с. 307—310.

№ 12: <Дерман А. Б.>. Б. Зайцев. Земная печаль. М., 1916.— с. 273—276.
<Дерман А. Б.>. А. Кипен. Господская жизнь. М., 1916.— с. 276—277.
<Горнфельд А. Г.>. Альманах «Стремнины». М., 1916.— с. 277—279.
<Горнфельд А. Г.>. А. Измайлов. Чехов. М., 1916.— с. 279—282.

1917

№ 1: <Горнфельд А. Г.>. С. Сергеев-Ценский. Наклонная Елена. М., 1916.— с. 306—308.
<Дерман А. Б.>. И. Сургучев. Рассказы. М., 1916.— с. 308—310.
<Горнфельд А. Г.>. Г. Лонгфелло. Песнь о Гайавате. М., 1916.— с. 310—312.

№ 2—3: <Дерман А. Б.>. А. Толстой. Искры. М., 1916.— с. 422—426.
<Дерман А. Б.>. О. Рунова. Лунный свет. Пгр., 1916.— с. 426—428.

№ 4—5: («Русское богатство»): <Дерман А. Б.>. Н. Тимковский. Дворянская берлога. М., 1917.— с. 320—323.
<Горнфельд А. Г.> В. Лидин. Полая вода. М., 1917.— с. 323—325.
<Горнфельд А. Г.>. А. Лозина-Лозинский. Одиночество. Пгр., 1916.— с. 325—326.
<Дерман А. Б.>. А. Богданов. Под ласковым солнцем. Пгр., 1916.— с. 327—328.
<Горнфельд А. Г.>. История русской литературы до XIX в., т. I. М., 1916.— с. 328—329.
<Горнфельд А. Г.>. В. Азбукин. И. А. Гончаров в русской критике. Орел, 1916; С. Тер-Микельян. Больная душа Гончарова. Пгр., 1916.— с. 329—330.

№ 6—7: <Горнфельд А. Г.>. А. Грин. Искатель приключений. М., 1916.— с. 279—282.

<Горнфельд А. Г.>. В. Дмитриева. Повести и рассказы. Пгр., 1917.— с. 282—283.

<Горнфельд А. Г.>. А. Цветаева. Дым, дым, дым... М., 1917.— с. 283—284.

№ 8—10: <Горнфельд А. Г.>. И. Бунин. Господин из Сан-Франциско. М., 1917.— с. 317—319.

<Горнфельд А. Г.>. А. Мар. <Леншина А. Я.>. Кровь и кольца. М., 1917.— с. 319—320.

<Горнфельд А. Г.>. Г. Чулков. Сатана. Пгр., 1917; Метель. М., 1917.— с. 320—321.

<Горнфельд А. Г.>. Л. Н. Толстой. Дневник молодости, т. I. М., 1917.— с. 322—324.

<Горнфельд А. Г.>. Невский альманах, вып. 2. Пгр., 1917.— с. 324—325.

<Горнфельд А. Г.>. Ф. Саккетти. Человеческая комедия. М., 1917.— с. 326—327.

<Горнфельд А. Г.>. Сборники по теории поэтического языка, вып. 2. Пгр., 1917.— с. 327—329.

№ 11—12: <Горнфельд А. Г.>. В. Письменная. Моему сыну. Пгр., 1917.— с. 351—352.

<Горнфельд А. Г.>. С. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов. Пгр., 1917.— с. 353—355.

<Горнфельд А. Г.>. Альманахи изд-ва «Шиповник», кн. 26. Пгр., 1917.— с. 355—358.

<Горнфельд А. Г.>. Е. Чириков. Общественная драма. М., 1917.— с. 358—359.

<Горнфельд А. Г.>. П. Невежин. Елисавета Шахова. Пгр., 1917.— с. 360—361.

<Горнфельд А. Г.>. П. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Пгр., 1917.— с. 363—366.

<Горнфельд А. Г.>. Толстой. Памятники творчества и жизни, вып. 1. Пгр., 1917.— с. 368—370.

1918

№ 1—3: <Горнфельд А. Г.>. С. Кондурушкин. Монах. Пб., 1917.— с. 360—362.

<Якубович Д. П.>. А. Ахматова. Белая стая. Пгр., 1917.— с. 362—365.

<Горнфельд А. Г.>. З. Гиппиус (сост.). 88 современных стихотворений. Пгр., 1917.— с. 365—367.

<Горнфельд А. Г.>. <В. Ферсхофен>. Волк Фенрис. Пгр., 1917.— с. 367—370.

<Горнфельд А. Г.>. Сборник финляндской литературы. Пгр., 1917.— с. 370—373.

№ 4—6: <Горнфельд А. Г.>. М. Осоргин. Призраки. М. 1917.— с. 337—340.

<Горнфельд А. Г.>. М. Гольдшмидт. Еврей. Пгр., 1918.— с. 340—343.

<Горнфельд А. Г.>. И. Белоконский. Дань времени. М., 1918.— с. 343—344.

ДОПОЛНЕНИЕ *

1896, № 12: <Микотян В. А.>. Русский биографический словарь, т. I. СПб., 1896.— с. 40—45.

1897, № 4: <Горнфельд А. Г.>. Библиографический указатель переводной беллетристики в связи с историей литературы и критикой. СПб., 1897.— с. 49—52.

№ 11: <Горнфельд А. Г.>. С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. 5. Спб., 1897.— с. 25—27.

* Здесь перечислены рецензии, по разным причинам не включенные своевременно в указатель.

1898, № 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Жюссеран. История английского народа в его литературе. Спб., 1898.— с. 26—29.

№ 12: ⟨Соловьев Е. А.⟩. В. Череванский. Две волны. Спб., 1898.— с. 58.

1899, № 6—9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Л. Ю. Шепелевич. Наши современники. Ист.-лит. очерки. Спб., 1899.— с. 33—34.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Памяти Ф. И. Буслаева. М., 1899; А. Ветухов. А. А. Потебня. Варшава, 1898,— с. 34—36.

№ 7—10: ⟨Мякотин В. А.⟩. П. Шейн. Великорусс..., т. I, вып. 1. Спб., 1898.— с. 29—30.

№ 9—12: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Ф. Витберг. Ревнители русского слова прежнего времени. Спб., 1899.— с. 40—43.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Т. Бойезон. «Фауст» Гете. Спб., 1899.— с. 43—45.

1900, № 1: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. В. Мезьер. Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, ч. I. Спб., 1899.— с. 99—102.

⟨Мокиевский П. В.⟩. Н. Баженов. Символисты и декаденты. М., 1899.— с. 113—116.

1901, № 11: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Как написать повесть. М., 1901.— с. 20—21.

1902, № 4: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Мезьер. Русская словесность..., ч. II. Спб., 1902.— с. 68—71.

№ 5: ⟨Савинкова В. В.⟩. Алексей Плетнев. Типы и картинки парижской жизни. Спб., 1902.— с 102—104.

1903, № 5: ⟨Геккер Н. Л.⟩. Н. Баженов. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М., 1903.— с. 90—93.

№ 6: ⟨Камнев М. С.⟩. Ю. Битовт. Гр. Л. Толстой в литературе и искусстве. М., 1903.— с. 13—15.

1904, № 1: ⟨Глинка А. С.⟩. Е. Жураковский. Симптомы литературной эволюции. М., 1903.— с. 18—20.

№ 2: ⟨Короленко В. Г.⟩. П. Лощилов. О профессиональном труде волжских грузчиков. Н.-Новгород, 1903.— с. 77—80.

№ 5: ⟨Короленко В. Г.⟩. В. Корсаков. В старом Пекине. Спб., 1904.— с. 32—34.

№ 7: ⟨Горнфельд⟩. Д. Языков. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. М., 1903.— с. 127—129.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. 6. Спб., 1897—1904.— с. 24—28.

1905, № 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. П. Карабчевский. Приподнятая завеса. Проза и стихи. Спб., 1905.— с. 68—69.

1906, № 2: ⟨Современность⟩: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Белоруссов ⟨Белевский А. С.⟩. Из пережитого. М., 1906.— с. 105—107.

№ 2: ⟨Мякотин В. А.⟩. П. Шеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. Спб., 1905.— с. 108—109.

⟨Мякотин В. А.⟩. Собрание стихотворений декабристов. М., 1906.— с. 109.

№ 9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Саводник. Очерки по истории русской литературы. М., 1906.— с. 185—188.

⟨Горнфельд А. Г.⟩. Краткий систематический словарь всемирной литературы, т. I. Спб., 1906.— с. 188—189.

№ 11: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. В. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1. Спб., 1906.— с. 150—152.

1908, № 3: ⟨Булгаков С. Н.⟩. А. Богданов. Красная звезда. Спб., 1908.— с. 148—149.

№ 11: ⟨Булыгин П. П.⟩. Н. Денисюк. Критическая литература о произведениях Н. Г. Чернышевского, вып. 1. М., 1908.— с. 240—241.

1910, № 3: ⟨Булгаков С. Н.⟩. М. Чернышевский. Библиографический указатель статей о Н. Г. Чернышевском. Спб., 1909.— с. 162.

№ 6: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Словарь литературных типов, вып. 5. Аксаков. Спб., 1910.— с. 164—167.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. А. Каменский. О свободном человеке. Киев, 1910.— с. 97—98.

1911, № 12: ⟨Мякотин В. А.⟩. В. Боцяновский. Богоискатели. Спб., 1911.— с. 146—148.

1912, № 9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. О. Рунова. Летящие тени. Спб., 1912.— с. 393—394.

1914, № 5: ⟨Мякотин В. А.⟩. Война и мир. Памяти Л. Толстого. Сб. М., 1912.— с. 335—336.

1915, № 7: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. I, изд. 2. Пгр., 1915.— с. 319—322.

1916, № 3: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Э. Верхарн. Окровавленная Бельгия. М., 1916.— с. 319—322.

№ 8: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. С. Золотарев. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы. Пгр., 1916.—с. 282—283.

1916, № 9: ⟨Горнфельд А. Г.⟩. Н. Каржанский. Париж. М., 1916.— с. 317—318.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМТ — Государственный музей И. С. Тургенева (Орел).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).

Архив В. Н. Смирнова — «Вперед!» 1873—1877. Материалы из архива В. Н. Смирнова. Сост. Борис Сапир, т. I—II. Дорбрет, 1970.

Архив Чехова — Архив А. П. Чехова. Краткое аннотированное описание писем к А. П. Чехову. Вып. 2. М., Госполитиздат, 1941.

Білецький — О. І. Білецкий. Зібрания творів в 5 томах. Київ, «Наукова думка», 1966.

Гаршин III — В. М. Гаршин. Полн. собр. соч., т. III. Письма. М.— Л., Academia, 1934.

Герцен — А. И. Герцен. Собр. соч., в 30 томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1965.

Жизнь Лескова — Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., Гослитиздат, 1959.

Клочкова — Л. П. Клочкова. Рукописи и переписка В. М. Гаршина. Бюллетень Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VIII. М.— Л., 1959, с. 45—114.

Лесков — Н. С. Лесков. Собр. соч., в 11 томах. М., Гослитиздат, 1956—1958.

Летопись Чехова — Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., Гослитиздат, 1955.

ЛН — «Литературное наследство», т. 1—88. М., 1931—1975.

ОЗ — «Отечественные записки».

ПССП — А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем в 20 томах. М., Гослитиздат, 1944—1951.

РМ — «Русская мысль».

Соч. 1955 — В. М. Гаршин. Соч. М., Гослитиздат, 1955.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма в 13 томах. М.— Л., «Наука», 1961—1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах. М.— Л., «Наука», 1960—1968.

Études — B. Gendre (M-me Nikitine). Études sociales, philosophiques et morales. Avec une notice biographique par le Dr. Ch. Letourneau. Paris. «Nouvelle Revue», 1886.

ПАМЯТИ Л. Н. АФОНИНА

11 апреля 1975 г., в полном расцвете творческих сил, ушел из жизни видный литературовед и педагог, заслуженный работник культуры РСФСР Леонид Николаевич Афонин. Афонин родился 20 августа 1918 г. в г. Орле. Его научная деятельность началась еще в студенческие годы, в стенах Московского Института истории, философии и литературы (МИФЛИ), свои первые статьи и рецензии он опубликовал в 1939—1940 гг. Великую Отечественную войну Афонин начал солдатом на дорогах Смоленщины, а закончил ее в Берлине, офицером, секретарем дивизионной газеты; его боевые заслуги были отмечены орденами и медалями.

Пять послевоенных лет он отдал службе в Советской военной администрации в Германии. Вернувшись в Орел, Л. Н. Афонин был сотрудником Областной библиотеки им. Н. К. Крупской, затем главным редактором Орловского книжного издательства.

В 1959 г. он стал директором Государственного музея И. С. Тургенева в Орле. Под его руководством музей превратился в крупный научный и культурный центр, значение которого выходит далеко за пределы Орловской области.

Много сил и труда отдал Л. Н. Афонин расширению фондов этого музея, поставив себе задачей сделать его центром изучения творчества писателей-орловцев. Благодаря его энергии в музее были собраны творческие рукописи и письма ряда выдающихся прозаиков и поэтов, чья жизнь и деятельность связаны с Орловским краем. Эти материалы значительно обогатили созданный в 1957 г. филиал Тургеневского музея — музей писателей-орловцев. Ныне ни один исследователь, изучающий творчество Лескова, Бунина, Андреева, Фета, Апухтина и многих других писателей, не может пройти мимо материалов, собранных в фондах музея И. С. Тургенева и в его филиале.

С 1967 г. Афонин — преподаватель, а затем заведующий кафедрой советской и зарубежной литературы Орловского педагогического института. Широта научных интересов, большая эрудиция, незаурядный талант педагога и огромное личное обаяние принесли ему глубокое уважение и любовь студенческой молодежи.

Л. Н. Афонин неустанно воспитывал в своих учениках исследовательский дух, поддерживал их научные интересы. Его студенты, наравне с признанными учеными страны, выступали на научных конференциях, организованных им в Орле. Труды этих конференций, посвященных Бунину и Л. Андрееву, вошли в основной фонд исследований, посвященных творчеству этих писателей.

Научные интересы Л. Н. Афонина были сосредоточены главным образом на изучении творчества писателей-орловцев. Значительный вклад в советское литературоведение внес он своими ценными исследованиями, посвященными отдельным проблемам творчества Тургенева, Лескова, Бунина, Л. Андреева, Пришвина и др. В общей сложности его перу принадлежит около 450 работ, в том числе книги — «Леонид Андреев», «Повесть об Орловском театре», «На родине Тургенева» (полный библиографический указатель трудов Л. Н. Афонина вышел в Орле в 1976 г.).

Л. Н. Афонин принадлежал к числу исследователей, строящих свой анализ на изучении первоисточников — творческих рукописей, писем и документов писателя. Эта особенность привела его в «Литературное наследство», постоянным автором которого он был последние десять лет своей жизни. За эти годы на страницах «Литературного наследства» появились его работы, в том числе ряд публикаций — воспоминаний об Л. Андрееве, неизвестных произведений и писем Бунина, а также обзор бунинских фондов в музее И. С. Тургенева и обстоятельное исследование о происхождении рассказа Бунина «Неизвестный друг». Последняя работа Л. Н. Афонина, написанная незадолго до смерти,— научный обзор: «Книги из библиотеки Н. С. Лескова в Гос. музее И. С. Тургенева»,— публикуется в настоящем томе.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составила Т. Г. Динесман

I. ПОРТРЕТЫ

ПИСАТЕЛИ, ПУБЛИЦИСТЫ, УЧЕНЫЕ И ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

А. И. Белецкий. Фрагмент групповой фотографии. Харьков, 1924. Собрание Е. Д. Безгиной, Москва — 633

Н. А. Белоголовый. Фото В. М. Остроги, 1870-е годы (из альбома С. Я. Надсона). ИРЛИ — 431

Г. Е. Благосветлов. Фото В. Таубе. Петербург, начало 1870-х годов. ГЛМ — 481

В. М. Гаршин — студент Горного института. Фото В. А. Каррика. Петербург, 1 мая 1875 г. На обороте — дата рукой Гаршина (?). ИРЛИ — 211

В. М. Гаршин. Портрет работы Э. Черчейт (масло), 1875. На обороте — помета рукой Гаршина от 2 октября 1875 г. ИРЛИ — 229

В. М. Гаршин, А. Я. Герд, В. М. Латкин. Фото В. А. Каррика. Петербург, 1876. ИРЛИ — 221

В. М. Гаршин среди друзей-художников. Фото, 1879. Изображены: Н. Г. Богданов, Е. Е. Волков, В. М. Гаршин, А. И. Данилевский, Е. Н. Евреинова, И. Е. Крачковский, И. Ф. Селезнев, ГЛМ — 189

В. М. Гаршин. Автопортрет. Рисунок (перо), конец 1870-х годов. ЦГАЛИ — 165

В. М. Гаршин. Рисунок М. Е. Малышева (тушь, перо). Около 1880 г. ГБЛ — 249

И. А. Гончаров. Фото К. А. Бергамаско. Петербург, 1873. С дарств. надписью М. М. Стасюлевичу от 31 декабря 1882 г.; на обороте — пояснительная надпись М. М. Стасюлевича. ИРЛИ — 11

И. А. Гончаров в своем кабинете. Рисунок П. Ф. Бореля (перо), 1891. ИРЛИ — 29

Н. А. Ишутин. Фото А. Гофмана, Иркутск, 1868. ИРЛИ — 421

Д. В. Каракозов. Фото, 1866. Центр. ист. архив, Ленинград — 420

С. В. Ковалевская. Фото, 1887, «Литературные сочинения С. В. Ковалевской» (СПб., 1893) — 544

В. Г. Короленко — см. разд. IV («Книги»): Н. Д. Шаховская. В. Г. Короленко. М., 1912

П. Л. Лавров. Фото, 1890-е годы. Архив «Литературного наследства», Москва — 529

Б. А. Лазаревский. Фото, 1901—1902. Вклеено в дневник Лазаревского за 1901—1902 годы. ГБЛ — 327

Н. С. Лесков. Фото Н. Досса. Петербург, 1866. С дарств. надписью Е. Ф. Зарину от 2 ноября 1866 г. ГЛМ — 55

Н. С. Лесков. Фото Н. А. Чеснокова. Петербург, 1880-е гг. С дарств. надписью Н. Н. Блументаль, 1891. ГЛМ — 39

Н. С. Лесков. Фото. Петербург, 1885. С дарств. надписью А. Н. Якоби, 1885. ИРЛИ — 81

Н. С. Лесков. Фото А. Н. Лескова. Петербург, 1892—1893. ГМТ — 643

Н. С. Лесков за работой. Гравюра по рисунку В. В. Полякова. ИРЛИ — 99

Шарль Лонге. Фото. В кн.: Georges Bourgin. La Guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1939 — 569

Л. И. Мечников. Фото, 1880-е годы. Собрание А. К. и О. В. Лишиных, Москва — 469

Л. Ф. Нелидова. Фото Тиле и Опитца. Москва, 1870-е годы, ГЛМ — 33

В. Н. Никитина (рожд. Жандр). Фото, 1870-е годы. Вклеено в экземпляр книги Никитиной *Etudes*, принадлежавший Е. Ф. Блонской. ГБЛ — 513

П. Ф. Николаев. Фото. Полтава, 1900-е годы. ИРЛИ — 407

К. М. Станюкович. Фото Дьяговченко. Москва, 1880-е годы. Собрание К. П. Станюковича, Москва — 492

С. М. Степняк-Кравчинский. Фото. ИРЛИ — 500

Н. И. Утин. Фото Давлей. Остенде, 1860-е годы. ИРЛИ — 361

А. П. Чехов на палубе парохода «Петербург», 1890 — см. разд. VI («Фотографии, собранные А. П. Чеховым...»)

А. П. Чехов. Фото Д. Асикритова. Москва, 1894. С дарств. надписью В. К. Харкеевич, март 1894 г. Дом-музей А. П. Чехова, Ялта (фото предоставлено А. В. Ханило) — 302

А. П. Чехов. Фото. Ялта, 1900. С дарств. надписью Х. А. Алчевской, 22 апреля 1900 г. Институт литературы АН УССР, Киев (фото предоставлено А. С. Мелковой) — 259

А. П. Чехов. Фото. На обороте помета Чехова: «Ницца, 24 января 1901 г.». Приложена к письму Чехова О. Л. Книппер от 24 января 1901 г. ГБЛ — 331

РАЗНЫЕ ЛИЦА

Р. В. Александрова. Фото, 1870-е годы. ИРЛИ — 217
Е. С. Гаршина, мать писателя. Фото Е. Лауферта. Петербург, 1862. С дарств. надписью сыну Виктору Гаршину, 1862. ИРЛИ — 203
Н. М. Гаршина (рожд. Золотилова), жена писателя. Фото Степанова. Вологда, 1875. ИРЛИ — 236
Н. М. Жемчужников. Фото В. А. Каррика. Петербург, 1870-е годы. ИРЛИ — 24

II. АВТОГРАФЫ ПИСАТЕЛЕЙ, ПУБЛИЦИСТОВ, УЧЕНЫХ И ДЕЯТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

А. И. Белецкий. Н. С. Лесков. Личность, творчество. 1923. Обложка и первая страница. Собрание П. А. Белецкого, Киев — 637
Ф. И. Булгаков. Письмо к Н. С. Лескову от 14 сентября 1891 г.— см. разд. IV («Книги») — Берта фон-З у т т н е р. Против войны...
В. М. Гаршин. Сон Павла Павловича. ⟨1883—1885⟩. Лист первый. ИРЛИ — 170
В. М. Гаршин. ⟨Фиалка⟩. ⟨1878⟩. ИРЛИ — 161
В. М. Гаршин. Художники. ⟨1879⟩. Лист первый. ГБЛ — 190
П. Л. Лавров. Письмо к В. Н. Никитиной. Лондон, 15 февраля 1882 г. Лист первый. ЦГАОР — 523
Б. А. Лазаревский. В литературе ⟨Дневник за 1900—1901 гг. с записями разговоров с Чеховым⟩. Обложка; страница дневника с наклеенной на нее квитанцией за подписью А. П. Чехова (см. ниже — автографы Чехова) — 323, 322
Н. С. Лесков. Московское привидение. 1885. Лист первый. ЦГАЛИ — 89
Н. С. Лесков. Подвиг купца Кинарейкина. Конец 1880-х годов. Лист первый. ЦГАЛИ — 71
Н. С. Лесков. Соколий перелет. Начало 1880-х годов. Лист первый. ЦГАЛИ — 51
Л. И. Мечников. Уроки геометрии. Пособие, составленное для учеников «Школы иностранных языков» в Токио. 1874—1875 годы. Обложка. Библиотека Института Хитоцубаси, Токио — 505
В. Н. Никитина (Жандр). Письмо к П. Л. Лаврову. Париж, 23 февраля 1882 г. Лист первый. ЦГАОР — 533
П. Ф. Николаев. Каракозовское дело (эпизод из истории социально-революционных идей в России) — последняя глава «Очерка развития социально-революционного движения в России». Заглавный лист с примечанием редактора журнала «Былое» В. Л. Бурцева, декабрь 1905 г. ЦГАОР — 399
Л. Н. Толстой. Письмо к А. А. Майкову от 21 июня 1893 г. Частное собрание, Москва — 609
А. П. Чехов. Квитанция, выданная писателем Б. А. Лазаревскому в получении взноса в Ялтинское благотворительное общество для помощи нуждающимся приезжим больным, 4 января 1900 г. ГБЛ — 322
А. П. Чехов. Письмо к А. С. Суворину от 20 февраля 1889 г. Лист первый (фрагмент); с рисунком М. П. Чехова, изображающим его комнату в доме на Садово-Кудринской ул. (Москва). ГБЛ — 311

III. РИСУНКИ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ

РИСУНКИ В. М. ГАРШИНА

⟨Козы⟩. Карандаш, перо. 5 ноября 1870 г. ГБЛ — 235
Автопортрет — см. разд. I («Портреты»)

РИСУНКИ В. Г. КОРОЛЕНКО

Г. Олекминск. Карандаш. 4—16 октября 1884 г. ГБЛ — 617

РИСУНКИ Л. И. МЕЧНИКОВА

Крестьянин-гарибальдиец. Карандаш, 1860. ЦГАОР — 473
Солдат-гарибальдиец. Акварель, 1860. ЦГАОР — 472
Обложка и заставка к книге Мечникова «L'Empire Japonais» (Génève, 1881) — см. разд. IV («Книги...»)

IV. КНИГИ. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ

В. М. Г а р ш и н. Тень. Первая публикация рассказа (в переводе на болгарский язык).— Газета «София», 4 июля 1938 г.— 178

В. М. Гаршин. Художники. Первая публикация.— «Отечественные записки», 1879, № 9. Обложка журнала и начало рассказа — 191
И. А. Гончаров. Литературный вечер.— Оттиск из журнала «Русская речь» (1880, № 1). С дарств. надписью В. В. Верещагину, апрель 1880 г. ГБЛ — 17
И. А. Гончаров. Четыре очерка. СПб., 1881 — см. «Книги из библиотеки Н. С. Лескова»
В. Жандр (Никитина). Революционная Россия. СПб., 1907. В начале брошюры помещены речи П. Л. Лаврова и Ш. Летурно, произнесенные на могиле В. Н. Никитиной.— Обложка и страница с началом речи П. Л. Лаврова — 599
B. Gendre (M-me Nikitine). Études sociales, philosophiques et morales. Paris, 1886. Обложка и начало статьи «Pierre Lavroff». Экземпляр, принадлежавший Е. Ф. Блонской, с вклеенной в него фотографией В. Н. Никитиной (см. разд. I — «Портреты»). ГБЛ — 539
⟨П. Л. Лавров⟩. Опыт истории мысли. Том I, вып. I. Первое издание (вышло без указания имени автора). СПб., 1875. Обложка — 553
Н. С. Лесков. Соборяне. Москва, 1872. Титульный лист и шмуцтитул с дарств. надписью иноку Пафнутию, Петербург, 25 декабря 1872 г. ГЛМ — 647
Léon Metchnikoff. L'Empire Japonaise. Génève, 1881. Издание оформлено по рисункам автора. Обложка и страница первая — 506
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Орел-Меценат. Сказка Н. Щедрина. Женева, ⟨1886⟩. Экземпляр, сохранившийся в библиотеке Департамента полиции. Обложка. ЦГАОР — 627
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Новые сказки для детей изрядного возраста. ⟨Выпуск I⟩. Литографированное издание «Общестуденческого союза». Москва, 1884. Обложка и начало запрещенной цензурой сказки «Добродетели и пороки» — 621
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Сказки для детей изрядного возраста М. Е. Салтыкова. Выпуск II. Литографированное издание «Общестуденческого союза». Москва, апрель 1884 г. Обложка и включенное в часть тиража обращение «Общестуденческого союза» к русскому обществу в связи с закрытием «Отечественных записок». Экземпляр, сохранившийся в фонде «вещественных доказательств» Департамента полиции. ЦГАОР — 453
Н. И. Утин. Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело нынешнее. Первая публикация.— Журнал «Народное дело» (Женева, 1868, № 2—3). Первая страница журнала (фрагмент). ГБЛ — 367
А. П. Чехов. Остров Сахалин. СПб., 1895. Титульный лист с дарств. надписью Г. С. Максимову, 19 ноября 1896 г. ИРЛИ — 265
М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М.— Л., 1933. Обложка и форзац с дарств. надписью автора М. А. Чехову, Ялта, 10 июля 1933 г. Собрание А. Н. Дубовикова, Москва — 345
Н. Д. Шаховская. В. Г. Короленко. Москва, 1912. Обложка и фронтиспис с портретом В. Г. Короленко — 615

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ Н. С. ЛЕСКОВА

И. А. Гончаров. Четыре очерка. СПб., 1881. Титульный лист и форзац с дарств. надписью автора Н. С. Лескову, декабрь 1880 г. ГМТ — 144
Берта фон-Зуттнер. Против войны. Под редакцией и с вступлением Ф. И. Булгакова. СПб., 1891. Обложка со штампами: «Николай Семенович Лесков. Сергиевская 56, кв. 14» и «Редкий экземпляр»; вклеенное в книгу письмо Булгакова от 14 сентября 1891 г. ГМТ — 149
«Новый полный и подробный сонник ⟨...⟩». СПб., 1818. Фронтиспис и титульный лист со штампом: «Николай Семенович Лесков. Сергиевская 56, кв. 14». ГМТ — 145
«Стихотворения Н. Некрасова». М., 1856. Титульный лист, со штампом: «Николай Семенович Лесков. Сергиевская 56, кв. 14». ГМТ — 141
«Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева». Изд. второе, его дочери. СПб., 1871. Титульный лист, со штампом «Редкий экземпляр». ГМТ — 140

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ. СБОРНИКИ

«Вестник Народной воли», № 5 (Женева, 1886). В этом номере напечатан некролог В. Н. Никитиной, написанный П. Л. Лавровым. Обложка и оглавление журнала — 593
«Дело», 1889, № 9. Обложка. В этом номере опубликована статья Л. И. Мечникова «Перси Биши Шелли» (псевдоним: В. Басардин — 485
Первый номер журнала «Общее дело», Женева, 9 мая 1877 г. Лист первый (фрагмент). ГБЛ — 435
Последний номер журнала «Отечественные записки» (1884, № 4). Обложка — 443
Сборник «Социальный вопрос», № 1. Издание группы социалистов-народников. ⟨Казань⟩, 1888 (здесь была напечатана статья П. Ф. Николаева «Очерк развития социально-революционного движения в России»). Обложка. ГБЛ — 413

V. ДОКУМЕНТЫ

«К русскому обществу от Московского Центрального кружка Общестуденческого союза». Воззвание с протестом против закрытия «Отечественных записок». Литографированное издание. Москва, 21 апреля 1884 г. (предоставлено Ю. П. Пищулиным). ЦГАОР — 459

Обращение «Общестуденческого союза» к русскому обществу в связи с закрытием «Отечественных записок». Включено в литографированное издание «Сказок для детей изрядного возраста М. Е. Салтыкова», вып. II. (изд. «Общестуденческого союза». Москва, апрель 1884 г.). ЦГАОР — 453

Рекомендательное письмо к «патриотам Испании», выданное Л. И. Мечникову от имени союза «Польский республиканский очаг». Женева, октябрь 1868 г. ЦГАОР — 463

Гонорарная ведомость журнала «Русское богатство» за март 1906 г. (ввиду того, что журнал был приостановлен, этот номер вышел под названием «Современность») (предоставлено А. В. Храбровицким). ГПБ — 665

Экслибрис Н. С. Лескова. Гравюра. ГМТ — 131

VI. ФОТОГРАФИИ, СОБРАННЫЕ А. П. ЧЕХОВЫМ В СВЯЗИ С РАБОТОЙ НАД КНИГОЙ «ОСТРОВ САХАЛИН»

А. П. Чехов на палубе парохода «Петербург». Фото А. В. Щербака, 1890. ГЛМ —271

Пароход «Петербург». Фото А. В. Щербака, 1890. Литературный музей А. П. Чехова, Таганрог — 295

ВИДЫ ОСТРОВА САХАЛИНА

Александровская тюрьма. Фото ⟨1890⟩ (на обороте штамп: «П. Е. Нойтаки. О-в Сахалин. Фотограф-любитель»). ГЛМ — 269

Пост Александровский: дежурный домик на морской пристани; главная набережная; главная улица. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 273, 274

с. Березники. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 290

с. Воеводская падь: тюрьма. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 285

Голый мыс. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 287

Дуйские угольные рудники общества «Сахалин»: пристань и рудник; рудничная морская пристань; каменноугольный рудник (бремсберг); угольные склады; угольные склады и надштольные постройки; контора рудника. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 280, 281, 284, 285 (см. также ниже: «Быт ссыльно-каторжных на Сахалине»).

Пост Дуэ: пост и пристань; церковь; главная улица; слободка ссыльно-каторжных, живущих вне тюрьмы. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 277, 278, 279 (см. также: «Быт ссыльно-каторжных»)

Жонкиерский маяк (мыс Жонкиер, близ поста Александровского). Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 275

Корсаковский пост: Главная улица. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 287

с. Красный яр: Окрестности Красного яра; Усадьба поселенца-бедняка. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 276, 277

с. Кресты: Мельница поселенца-домохозяина. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 290

с. Малое Такоэ ⟨?⟩. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 289

с. Ново-Михайловское. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 275

с. Третья Падь. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 288

Пути сообщения на Сахалине (просека). Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 276

БЫТ КАТОРЖАН

Арестанты на пароходе: перед высадкой; отпевание покойного арестанта на палубе. Фото А. В. Щербака, 1880 годы. ГЛМ — 269, 295

Воеводская тюрьма: вечерняя поверка арестантов; прикованные к тачкам. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 283, 286

Дуйская тюрьма: заковка в кандалы «Золотой ручки» (С. Блювштейн); заковка в кандалы вновь прибывших арестантов. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 274, 279

На полевых работах: за работой; обед. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 291, 292

Работы в рудниках: добыча угля; раскомандировка по работам. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 281, 282

РАЗНЫЕ ФОТОГРАФИИ

Американские китобои; айны; зимой на нартах; переезд через реку. Фото И. И. Павловского, 1890. ГЛМ — 267, 291, 293

VII. РОССИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

СОБЫТИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Петербургские пожары (горят Щукин двор, Апраксин двор и Министерство внутренних дел). Гравюра по рисунку Кузнецова. «Illustration», 5 июля 1862 г.— 373
Польское восстание 1863 года: взятие дворца графа Замойского в Варшаве. Гравюра. «Illustration», 10 октября 1863 г. — 381
Нападают врасплох. Картина В. В. Верещагина (масло), 1871, ГТГ — 253
В Болгарии. Эпизод 1877—1878 годов. Картина М. Е. Малышева (масло), 1879. ГТГ — 245
М. Д. Скобелев в Ахалтекинском походе, 18 декабря 1880 г. Гравюра по рисунку Н. Н. Каразина. «Всемирная иллюстрация», 25 апреля 1881 г.— 63

КАРТИНЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКОВ

А. И. Корзухин. После удачного подряда. Акварель, 1880-е годы. ГТГ — 105
А. И. Лебедев. Карикатура на наступающую власть капитала. Литография. «Карикатурный альбом современных русских деятелей, исполненный художником А. И. Лебедевым». СПб., изд. журнала «Стрекоза», 1877—87
В. П. Перов. Монастырская трапеза. Масло, 1865. ГТГ — 119
И. Е. Репин. Не ждали. Первоначальный вариант. Масло, 1883. ГТГ — 389

VIII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Киев. Крещатик. Фото. 1870-е годы. ИРЛИ — 110
Киев. Подол. Гравюра. «Всемирная иллюстрация», 5 июля 1881 г.— 111
Лондон. Альфред-Плэйс. Вид от дома № 13, где жил П. Л. Лавров в феврале — мае 1882 г. Фото Н. В. Филипповой, 1975. Архив «Литературного наследства», Москва — 562
Орел. Мемориальный музей Н. С. Лескова: общий вид; кабинет писателя. Фото, 1974. ГМТ — 155
Париж. Улица Сен-Жак (на этой улице жил П. Л. Лавров в 1870—1890-х годах). Гравюра по рис. Л. Парана. Собрание М. Е. Ермашевой, Москва — 576
Париж. Улица Сен-Жак, № 328. Дом, где жил П. Л. Лавров в 1870—1890-х годах. Фото, 1970-е годы. Собрание М. Е. Ермашовой, Москва — 585
Москва. Комната М. П. Чехова в доме на Садово-Кудринской в Москве. Рисунок (акварель, перо) М. П. Чехова, на почтовой бумаге. 1889—см.: Письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 20 февраля 1899 г.
Петербург. Рабочий кабинет Н. С. Лескова. Гравюра. В кн. «Полное собрание сочинений Н. С. Лескова», т. XII. СПб., 1897—43
Ялта. Кабинет А. П. Чехова. Автолитография С. М. Чехова. ГБЛ — 337

М. Е. Малышев. Лягушка-путешественница». Иллюстрация к рассказу В. М. Гаршина. Рисунок (тушь, перо), 1887, ГБЛ —
И. Е. Репин. Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных. Масло. 1888. Русский музей, Ленинград — 75

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Е. М. Львова

А. К. 668
А. П., знакомый Гаршина 178
Абрамов Н. (псевд.) 666
Абрамов Яков Васильевич 178, 179, 257, 661
Абров Владимир 669
Аввакум Петрович, протопоп 662
Авдеев Юрий Константинович 303
Авдотья Максимовна, знакомая Гаршиных 200, 205
Авенариус Василий Петрович 397, 662
Аверкиев Дмитрий Васильевич 30
Аверкиева, жена Д. В. Аверкиева 30
Авилова (рожд. Страхова; псевд. Л.А—ва) Лидия Алексеевна 314, 316, 332, 339, 350—352
Авсеенко Василий Григорьевич 95, 96, 666
Агин Александр Алексеевич 141
Адан Жюльетта 515, 536
Азбелев Николай Павлович 675
Азбукин Владислав Николаевич 652, 655, 688
Аитов Давид (Дауд) Александрович 586, 587
Айзеншток Иеремия Яковлевич 45, 46
Айхенвальд Юлий Исаевич 677, 679, 681, 682
Акимов Владимир Степанович 209
Акимов Дмитрий Степанович 209
Акимова (рожд. Соловьева) Александра Степановна 201, 202, 204—210, 212
Акимовы, семья 198, 201, 202
Аккола Эмиль 507
Аксаков Александр Николаевич 150
Аксаков Иван Сергеевич 37, 45, 127, 156, 395, 657
Аксаков Константин Сергеевич 657, 682
Аксаков Сергей Тимофеевич 638, 657, 679, 690
Аксаковы, семья 611
Аксельрод Павел Борисович 404, 474
Аксиох 113
Албумазар 143
Александр I 151, 152, 176, 665
Александр II 25, 37, 126, 176, 364, 365, 373, 377—380, 384, 392, 393, 395, 396, 398, 414, 415, 417, 418, 427, 437, 438, 448, 449, 457, 458, 612, 613, 679
Александр III 438, 442, 445, 446, 504, 542, 558, 579, 581, 615, 618, 628
Александра Кузьминична, воспитанница Александровых 216—218, 230, 231
Александра Федоровна, знакомая Гаршиных 202, 203
Александров Николай Всеволодович 216, 217
Александрова Мария Николаевна 216, 217
Александрова Надежда Всеволодовна 216, 217, 231
Александрова (по мужу Несмеянова) Раиса Всеволодовна 200, 213—231
Александровы, семья 205, 213
Алексеев Анатолий Дмитриевич 26
Алексеев Василий Алексеевич 659
Алексеев Николай Алексеевич (?) 661
Алексеев Петр Алексеевич 422, 427
Алексеевна, прислуга Гаршина 233
Алексей Михайлович, царь 468
Алексис Жасминов — см. Буренин В. П.
Алий (Али, халиф) 143
Алисов Петр Федосеевич 430, 436
Алкивиад 113
Алферьев Сергей Петрович 121
Алферьева (рожд. Колобова) Акилина Васильевна 638
Алчевская Христина Алексеевна 259
Альбертини Николай Викентьевич 449, 450
Альбицкий Василий Иванович 220
Альбов Михаил Нилович 26, 314
Альбрехт Константин Карлович 213
Альтшуллер Исаак Наумович 319, 340
Альфиери Витторио 678
Алянчиков, председатель земской управы 624
Амиель Анри 154
Амфитеатров Александр Валентинович 133, 157, 307, 676, 683, 686, 688
Анакреон 178—180
Анатольев П. 629
Андерсен Ганс Христиан 160
Андо Кэнсукэ 507
Андраль Габриель 58, 62
Андре Лео (Леони Шансе) 568, 570, 582, 589
Андреев Афанасий 620, 621
Андреев Леонид Николаевич 319, 339, 347—348, 356, 507, 679, 681, 692
Андреев Святослав Ардалионович 294
Андреева Александра Алексеевна 317
Андреева (по мужу Желябужская) Мария Федоровна 327—331, 351
Андреевский Сергей Аркадьевич 660
Андреевский Эраст Степанович 122, 123, 126
Андрущенко Иван Алексеевич 391, 397
Анзимиров Владимир Александрович 677
Аникин Степан Васильевич 682
Анисимов Михаил Иванович 374
Анкудинова Оксана Васильевна 652
Анна Ивановна, императрица 177

Анненков Павел Васильевич 26, 607
Анненский Иннокентий Федорович 680
Анненский Николай Федорович 252, 486, 488, 490, 617, 681
Антонов С. С. 668
Антонович Владимир Вонифатьевич 427
Антонович И. (Ипполит Антонович Вернер) 669
Антонович Максим Алексеевич 418, 539, 541
Анциферов Николай Павлович 477
Аполлонов С. (Аполлон Федорович Семенов) 668
Апраксин Александр Дмитриевич 658, 672
Апрелева (рожд. Бларамберг; псевд. Е. Ардов) Елена Ивановна 495, 496
Апулей Люций 143, 657
Апухтин Алексей Николаевич 692
Араго Жак Этьен Виктор 672
Аракчеев Алексей Андреевич 136, 138, 151
Аргамакова Серафима 660
Аргиропуло Перикл Эммануилович 394
Ардов Е.— см. Апрелева Е. И.
Аренский Антон Степанович 213
Аристов Василий Иванович 94, 119
Аристомаха, жена Дионисия 113
Ариэль Арнольд 674
Арндт Иоганн 48, 61
Арнольд Эдвин 148, 149
Арнольди С. С.— см. Лавров П. Л.
Арсений Г.— см. Гурлянд И. Я.
Арсеньев Константин Константинович 676
Артем (Артемьев) Александр Родионович 609
Артемидор 143
Архангельский Александр Семенович 687
Арцыбашев Михаил Петрович 348, 356, 676
Асикритов Д., фотограф 302
Аскоченский Виктор Игнатьевич 541
Астахов И.— см. Игнатов И. Н.
Атава Сергей — см. Терпигорев С. Н.
Атилла 138
Ауслендер Сергей Абрамович 679, 684
Ауэрбах Бертольд 672
Афанасьев Александр Николаевич 131, 142, 143
Афанасьев Алексей Назарович 202, 203
Афанасьев Василий Назарович 159, 201—203, 206, 208, 229—232, 248
Афанасьев Леонид Николаевич 658
Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович 449, 450
Афонин Леонид Николаевич 130, 157, 176, 692
Ахматова (Горенко) Анна Андреевна 689
Ахматова Елизавета Николаевна 135
Ахшарумов Владимир Дмитриевич 679
Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич 676
Ачкасов Алексей Николаевич 674
Ашевский С.— см. Столяров М. Н.
Ашетт Луи Франсуа 587
Ашешов Николай Петрович 344, 355
Ашинов Николай Иванович 42
Ашкинази (псевд. Michel Delines) Михаил Осипович 538, 540, 581

Б.— см. Степняк-Кравчинский С. М.
Б. Л., журналист 355
Баженов Николай Николаевич 690
Бажин (Холодов) Николай Федорович 489
Базанов Василий Григорьевич 654
Базар Сент Аманд 406, 425
Байрон Джордж Ноэль Гордон 493, 494, 503, 515, 663
Бактансон Людмила Федоровна 306
Бакунин Михаил Александрович 364, 365, 392, 415, 454, 462, 465, 470, 476, 494, 508, 529—532, 534
Балаклеев Иван Иванович 324
Баллод Петр Давыдович 450—451
Балобанова (Балабанова) Екатерина Вячеславовна 661, 663, 666
Балухатый Сергей Дмитриевич 270
Бальмонт Константин Дмитриевич 336, 338, 342, 345, 346, 352, 353, 355, 400—402, 404, 405, 657, 662, 665, 672, 690
Банг Герман Иоахим 681
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич 157
Барабой Абрам Зиновьевич 393
Баранов Александр Николаевич 659
Баранцевич Казимир Станиславович 314, 661
Баранщиков Василий 142
Баратта Пьетро 177
Барвенкова Т. 667
Бардина Софья Илларионовна 422, 427, 545
Барро М. В. 658
Барсуков Николай Платонович 660, 661
Бартенев Виктор Иванович 365
Бартенев Петр Иванович 104
Бартенева Екатерина Григорьевна 365
Барцал Антон Иванович 198, 206
Барцов Алексей, матрос 299
Барыкова (рожд. Каменская) Анна Павловна 660
Барышев Иван Ильич — см. Мясницкий И.
Барятинский Александр Иванович 63, 83
Барятинский Владимир Владимирович 666
Басаргин А.— см. Введенский Ал. И.
Басардин В.— см. Мечников Л. И.
Баттиели Жан Жак 177
Баттистини Маттиа 306
Батуринский (Маслов-Стокоз) Василий Павлович 672
Батюшков Федор Дмитриевич 238, 317, 665
Баулин Федор Михайлович 622, 623
Бахметьев Николай Николаевич 237, 238
Башкин Василий Васильевич 674—676, 678
Бежецкий А. (Алексей Николаевич Маслов) 664
Бежин Виктор Михайлович 352
Безгина Екатерина Дмитриевна 633
Бейдеман Александр Егорович 25
Бекетова (по мужу Краснова) Екатерина Андреевна 146
Бёклин Арнольд 303
Бекман Яков Николаевич 365, 393
Белавский Л. 664

Белевский (псевд. Белоруссов) Алексей Станиславович 678, 690
Беленовская Мария Дормидонтовна 312, 318
Белецкая О., знакомая Б. А. Лазаревского 328
Белецкий Александр Иванович 6, 631—655, 691
Белецкий И. Г. 665
Белецкий Платон Александрович 6, 631, 637
Белецкий С. Ф., знакомый Гаршиных 207, 208
Белинский Виссарион Григорьевич 35, 91, 406, 456, 624, 663, 664, 678, 681, 682
Беллюстин Иоанн Степанович 648, 649
Белоголовая Софья Петровна 440, 534, 545, 556
Белоголовый Андрей Николаевич 429
Белоголовый Николай Андреевич 5, 429—441, 445, 495, 525, 532, 534, 535, 556, 563, 583, 598, 660, 661
Белоголовые, семья 532, 535, 564, 565, 567, 577, 586, 593, 596, 597, 599
Белозерская Надежда Александровна 658
Белоконский Иван Петрович 667, 689
Белоруссов А.— см. Белевский А. С.
Белоусов Иван Алексеевич 338, 352, 675
Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев) 669, 678, 688
Бельшовский А. 663
Белявская Ирина Михайловна 365
Белявский Фотий Николаевич 665
Беляев Иван Степанович 662
Бем Елизавета Меркурьевна 133, 135
Бендерский, полковник 374
Бенни Артур 652, 655
Бер Борис Владиславович 669
Беранже Жан Пьер 147, 411, 426
Берви, семья 488
Берви-Флеровский Василий Васильевич 486, 488, 490
Берг Николай Васильевич 139
Бергамаско Карл А. 11
Бердников Георгий Петрович 298, 300, 314
Березин Ал.— см. Ланг А. А.
Березовский В. В. 656, 673
Беринг Морис 684
Бернардский (Бернадский) Евстафий Ефимович 141
Бернарден де Сен Пьер Жан Анри 146, 599
Берне Карл Людвиг 147, 658, 668
Бернс Роберт 152
Берсье Эжен 153
Бессонов Борис Лаврентьевич 656
Бестужев-Рюмин Константин Николаевич 449, 450
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович 152
Бесчинский А. Я., журналист 301
Бетховен Людвиг ван 509, 557, 558
Бибиков Виктор Иванович 147
Бибиков Дмитрий Гаврилович 113, 116
Билибин Виктор Викторович 315
Бир Роберт 497
Бирон Эрнст Иоганн 612
Бирюков Павел Иванович 610, 679, 682
Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон 176
Битовт Юрий Юлианович 690
Благов—ский Н. 672
Благоволина Юлия Павловна 215
Благосветлов Григорий Евлампиевич 6, 448—450, 456, 471, 478—487, 489—491, 497, 502
Благосветлова Елизавета Александровна 458, 486, 490
Благосветловы, семья 484, 486
Блан Луи 547
Бланков Жан 6
Блок Александр Александрович 674
Блонская Елизавета Фоминична 512, 513, 515, 518, 520—523, 525, 528, 536, 537, 540, 541, 546, 548—550, 552, 554, 557—559, 566—569, 571, 574—576, 579—583, 585, 588, 589, 591, 595, 597, 598, 600, 601
Блювштейн Софья 274
Блюменталь (Блументаль) Наталья Николаевна 39
Боборыкин Петр Дмитриевич 26, 309, 317, 530
Боборыкина Софья Александровна 317
Бобринский Александр Алексеевич 515
Бобров Евгений Александрович 669
Богаевская Ксения Петровна 36, 130, 176, 232
Богданов (Малиновский) Александр Александрович 691
Богданов Александр Алексеевич 688
Богданов Г. В. 394
Богданов Николай Григорьевич 189
Богданович Ангел Иванович 616, 678
Богданович (Кобозев) Юрий Николаевич 455, 456
Богораз Владимир Германович—см. Тан Н. А.
Богоявленская Н. Н., рецензент «Русского богатства» 677
Богоявленский Леонид Петрович 675
Боград Владимир Эммануилович 183
Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич 675
Бодлер Шарль 147
Бойезен Хьялмар 690
Бойчевский Иван Адрианович 659
Боккаччо Джованни 94, 108, 119, 121, 143, 144
Боклевский Петр Михайлович 141
Бокль Генри Томас 511, 617
Болховитинов Евгений (Евфимий Алексеевич), митрополит 98—100, 113, 115
Бомарше Пьер Огюстен Карон де 664
Бонапарт Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон 463
Бонди Владимир Александрович 678
Бонту Эжен 494
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 663, 678
Борейша Антон Степанович 628
Борель Петр Федорович 29
Борзяков Григорий Федорович 624, 625
Борзяков Ипполит Федорович 624, 625
Борисенко П. В. 674
Борисов Петр Иванович 429
Бородин Ювеналий Осипович 398
Бородкин Михаил Михайлович(?) 667
Бороздин Александр Корнилович 662
Борщевский Соломон Самойлович 432
Бостром А. — см. Толстая А. Л.
Боткин Василий Петрович 425, 612
Боткин Сергей Петрович 429

Бохановский (Бобырь-Бохановский) Иван Васильевич 556
Боцяновский Владимир Феофилович 691
Боярд (Баярд) Пьер дю Террайль 123, 126
Браге Тихо де 410, 426
Бражникова, владелица пансиона 207
Брандес Георг 659, 663—665, 686
Брандт (псевд. Орест Головнин) Роман Федорович 663
Брандт, нем. автор 589, 593
Браницкие, семья 122
Брешко-Брешковский Николай Николаевич 666, 680
Бровкович Никанор (Александр Иванович), архиепископ Одесск. и Херсонск. 95, 96, 121, 125
Бродский Николай Леонтьевич 643, 654
Брокгауз Фридрих Арнольд 272, 352, 635, 654
Брусянин Василий Васильевич 669, 686
Брэн, чиновник 297
Брюкнер Александр 677
Брюллов Карл Павлович 37, 38
Брюнетьер Фердинанд 668
Брюнов Алексей 620
Брюсов Валерий Яковлевич 662, 667, 678, 682
Брюэр (рожд. Тургенева) Полина Ивановна 606
Бубнов Анатолий Федорович 294
Бубнов Борис Михайлович 158
Бубнова Вера Михайловна—см. Макшеева В. М.
Будилович Антон Семенович 119, 121
Будищев Алексей Николаевич 666, 667, 672
Будченко С. С. 668
Булгаков Валентин Федорович 681
Булгаков Сергей Николаевич, рецензент «Русского богатства» 678, 690
Булгаков Федор Ильич 148, 149, 154
Булгаревич Даниил Александрович 264, 268
Булевский Людвиг 462, 463
Булич Николай Никитич 669
Булыгин Петр Павлович 690
Бульвер-Литтон Эдвард Джордж 663
Бунаков Николай Федорович 210, 211
Бунге Николай Христианович 92, 94, 96, 115, 125, 570
Бунин Иван Алексеевич 659, 662, 670, 679, 681, 685, 686, 689, 692
Бургер Александр-Вильгельм Иванович 154
Буренин (псевд. Граф Алексис Жасминов) Виктор Петрович 140, 310, 312, 317, 318, 325, 350, 672
Буркгардт Якоб 152
Бурова Генриетта Карловна 46
Бурцев Александр Евгеньевич 132, 157
Бурцев Владимир Львович 398, 399, 402
Бурятов Борис Николаевич 271, 272
Буслаев Федор Иванович 94, 95, 117, 120, 121, 691
Бутовский Иван Григорьевич 150
Бутовский Николай Дмитриевич 685
Бутурлин Александр Сергеевич 531
Бухштаб Борис Яковлевич 61, 652, 653, 655
Буцевич Александр Викентьевич 580
Буше Франсуа 116
Бушканец Ефим Григорьевич 398, 426
Быков Петр Васильевич 135, 157, 257, 348, 349, 356, 632, 653
Быкова 349
Быстренин Владимир Порфирьевич 662
Бьёрнсон-Бьёрнстьерне Мартиниус 654, 661
Бэр Борис Иванович 528, 530
Бэр, книгопродавец 434
Бюхнер Людвиг Карл Кристиан 511, 516, 547, 555, 560, 581
Бялик Хайм-Нахман 681

В. В.— см. Воронцов В. П.
В. И. К. 674
В. О.— см. Огарков В. В.
В. П.— см. Протопопов В. В.
Вагнер Вильгельм Рихард 219, 339, 675
Валентина Миланская 526—528, 542
Валк Сигизмунд Натанович 630
Валуев Петр Александрович 9, 12, 370, 456, 618
Варлаам, архимандрит Киево-Печерской лавры 143, 157
Варламов Константин Александрович 305, 312, 313, 318
Варлен Луи Эжен 532
Варнеке Борис Васильевич 93—96, 116, 120, 126, 632
Вартаньянц В. 671
Вартимей, иеромонах 117
Василевский Г. 679
Василенко К. В. 629
Василий II Васильевич (Темный), вел. князь московский 209
Василий Косой 209
Васильев (псевд. Дигамма) Михаил Иванович 673
Васильев Николай Васильевич 413, 426
Васильева М. Г. 668
Васильчиков Илларион Илларионович 116
Васильчикова (рожд. Щербатова) Екатерина Алексеевна 116
Васюков Семен Иванович 673, 679
Ватсон (рожд. де Роберти Ласерда) Мария Валентиновна 662, 664, 667, 669, 676, 678
Ватто Антуан 116
Введенский (псевд. А. Басаргин) Алексей Иванович 340, 353
Введенский Арсений Иванович 665, 671
Вега Карпьо Лопе Фелликс 684
Ведребисели Д. (Д. К. Малиева) 672
Вейзер Карл 663
Вейнберг Петр Исаевич 232, 317, 677
Величко Василий Львович 156
Вельтман Александр Фомич 651
Венгеров Семен Афанасьевич 239, 399, 404, 459, 460, 635, 661, 663, 682, 689, 690
Венгерова Зинаида Афанасьевна 659, 675, 683
Венюков Михаил Иванович 430
Вера (псевд.) 671
Вербицкая (рожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна 664

Вербицкий-Антиохов Николай Андреевич 662
Верга Джованни 497
Верди Джузеппе 306, 562
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич 666
Верещагин Василий Васильевич 17, 253—255
Верлен Поль 678
Вернадская (рожд. Шигаева; псевд. М. В.) Мария Николаевна 397
Вернер (рожд. Ульянова) Анна Дмитриевна 680
Верхарн Эмиль 677, 691
Верхоустинский Борис Алексеевич 687
Верцинский Леонид Петрович 624
Вершинина Н. А. 272
Веселитская (псевд. В. Микулич) Лидия Ивановна 41, 158, 234, 622
Веселовский Александр Николаевич 143, 144, 158, 634, 663, 670, 673
Веселовский Алексей Николаевич 556, 574, 673
Веселовский Юрий Алексеевич 662, 669, 684
Вессель Николай Христианович 449, 450
Вестовой — см. Пальмов И. С. (?)
Ветошников Павел Александрович 391, 397
Ветринский Ч. (Василий Евграфович Чешихин) 659, 664, 683
Ветухов Алексей Васильевич 691
Виардо (рожд. Гарсиа) Мишель Фернанда Полина 27, 666
Видуэцкая Ирма Павловна 317, 654
Виктория, английская королева 545
Викторов Н. 470
Виланд Христоф Мартин 127, 128
Виленская Эмилия Самойловна 396, 398
Вилинбахов Вадим Борисович 46
Вильборг Василий Иванович 213
Вильде Николай Николаевич 674
Вильчинский Всеволод Пантелеймонович 486, 502, 504
Виницкая (Будзианик) Александра Александровна 554
Винниченко Владимир Кириллович 682
Виноградов Максим, рабочий-литограф 620
Виноградов М., переводчик 147
Виташевский Николай Алексеевич 425
Витберг Федор Александрович 132, 142
Витковский А. 657
Витязев П. (Ферапонт Иванович Седенко) 541
Владиславлев (Гульбинский) Игнатий Владиславович 632, 653
Водовозова (рожд. Цевловская) Елизавета Николаевна 682
Воеводский, журналист 327, 330
Военский Константин Адамович 12
Вознесенский (псевд. Усталый) Александр Николаевич 675
Войнич (рожд. Буль) Этель Лилиан 667
Войнов Владимир Васильевич 688
Волжанин О. (Осип Александрович Израэльсон) 672
Волков Ефим Ефимович 189
Волков Николай Васильевич 663
Волков Николай Николаевич 413, 426
Волков Сергей Сергеевич 611
Волкова (рожд. Львова) Мария Владимировна 611—613
Волконская (рожд. Раевская) Мария Николаевна 685
Воллан де Григорий Алексеевич — см. Де Воллан Г. А.
Волховский Феликс Владимирович 678
Волынский (Флексер) Аким Львович 634, 635, 648, 653, 654, 668
Волынский Артемий Петрович 138
Волькенштейн Владимир Михайлович 682, 683
Вольнов Иван (Иван Егорович Владимиров) 684
Вольтер Франсуа Мари 146, 152, 161
Вольф Людовик Маврикиевич 673
Вольф Маврикий Осипович 44, 135, 157, 606, 607
Вольф Христиан 100, 115
Вормс Николай Александрович 428
Воронец Евстафий Николаевич 671
Воронцов (псевд. В. В.) Василий Павлович 423, 428
Воронцов Михаил Семенович 95, 121—126
Воронцов Семен Михайлович 126
Воронцова (рожд. Браницкая) Елизавета Ксаверьевна 122, 126
Воронцовы, род 122, 126
Воронцов-Дашков Илларион Иванович 126
Воскр—ий Ст. (Степан Иванович Воскресенский) 666
Воскресенские — см. Осинская А. А. и Крылов Ф.
Всеволодская О. В. 669
Всеволожский Иван Александрович 305, 313
Вырубов Григорий Николаевич 548, 563, 564, 574
Вышинская Мария 561, 562, 568—570 (?), 575, 592
Вышнеградский Иван Алексеевич 305, 312
Вяземский Петр Андреевич 151, 152, 515
Вяземский, дачевладелец 308
Вяземские 663

Гааз Федор Петрович 660
Габель Маргарита Орестовна 631
Гаврикова Ирина Васильевна 266
Гагарин Александр Григорьевич 611
Гагарин Павел Павлович 422, 427, 428
Гайдебуров Павел Александрович 203, 456, 459
Гайдн Йозеф (Иосиф) 562
Галахов Алексей Дмитриевич 28, 35
Галачьян А. Г. 243
Галилей Галилео 410
Галина Г. (Глафира Адольфовна Гусева; рожд. Эйнерлинг) 668
Галкин-Враский Михаил Николаевич 265, 305, 314, 317
Галушка, владелец пансиона 55, 61
Гальдос Бенито Перес 497
Гальперин (?), знакомый В. Н. Никитиной 601
Гамазков Константин 477
Гамбетта Леон 520, 547

Гамбургер Андрей Федорович 313
Гамбургер, жена А. Ф. Гамбургера 313
Гамсун (Педерсен) Кнут 666, 671, 685
Ганейзер Евгений Адольфович 672
Ганнибал 409, 425
Гапон Георгий Аполлонович 677
Гапонова Ольга Ивановна 46
Гарибальди Джузеппе 42, 462, 463, 467, 469, 472, 473, 477, 511, 512, 602
Гарин-Михайловский Николай Георгиевич 345, 355, 638
Гартман Карл Роберт Эдуард 588
Гартман Лев Николаевич 534, 536, 565
Гаршин Александр Георгиевич 227
Гаршин Виктор Михайлович 198, 200, 203, 209, 244, 247
Гаршин Всеволод Михайлович 5, 41, 159—257, 330, 343, 347, 691
Гаршин Георгий (Егор) Михайлович 198, 200—202, 204, 205, 207—210, 212, 216, 218, 219, 227, 231, 244, 247
Гаршин Евгений Михайлович 198—202, 204—210, 212, 216—218, 233—236, 242—247, 257
Гаршин Егор Архипович 242, 243
Гаршин Иван Егорович 208—210
Гаршин Михаил Егорович 198, 200, 223, 242—244, 297
Гаршина Глафира Васильевна 200, 201, 204—209, 212, 216, 218—220, 227, 231
Гаршина (рожд. Акимова) Екатерина Степановна 159, 167, 177, 198—214, 216—220, 223, 224, 226—231, 233, 235, 237, 243—245, 247, 249
Гаршина Елена Дмитриевна 233
Гаршина (рожд. Золотилова) Надежда Михайловна 160, 214, 215, 232—234, 236, 237
Гаршина Наталья Евгеньевна 233
Гаршины, семья 213, 214, 242
Гаснер, владелец анатомического музея 227
Гатцук Алексей Алексеевич 36, 38, 39, 44, 134, 157
Гауптман Герхарт 326, 327, 330, 342, 351, 354, 682, 683
Гауэнштейн (рожд. Спасская) Мария Васильевна 398
Гауэнштейн Эмилий Иванович 398
Гациский Александр Серафимович 660
Гверацци Франческо Доменико 478
Гебель Валентина Александровна 45, 46, 638, 648, 652, 654
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 426, 541
Гед Жюль Базиль 534
Гейне Генрих 137, 157, 661, 664, 668
Геккер Наум Леонтьевич 666—668, 671, 690
Гелленбах Людвиг фон 150, 151
Геммельман С. 662
Генигин Иван Ф. 675
Георгиевская Мария Александровна 135
Герасименко (псевд. Петропавловский) Петр Павлович 659
Герасимов А. Н. 628, 630
Герасимов Иов 130, 156
Гербель Николай Васильевич 144, 146
Герд Александр Яковлевич 159, 174, 198, 201—204, 206—208, 210, 212, 218, 219, 221—224, 232
Герд (рожд. Латкина) Антонина (Нина) Михайловна 202—204, 206, 207, 221, 224, 226
Герд Иван Яковлевич 202, 223
Герд Яков Иванович 121, 145
Герра Константин — см. Мазурин К. М.
Герцен Александр Александрович 511
Герцен (псевд. Искандер) Александр Иванович 23, 37, 61, 83, 133, 137, 141, 142, 153, 232, 359, 360, 362, 363, 365, 392, 394—398, 403, 406, 407, 409, 410, 412, 414, 415, 425, 426, 429, 430, 433, 445, 447, 451, 462, 465, 468, 476, 477, 494, 501, 507, 510, 511, 513, 531, 543, 564, 638, 660, 672, 675, 679, 685, 691
Герцен Елизавета Александровна (Лиза) 511
Герцен (рожд. Захарьина) Наталья Александровна 425, 501, 675
Герцены, семья 511
Герцо-Виноградский (псевд. Лоэнгрин) Петр Титович 339, 347, 352, 355
Гершензон Михаил Осипович 678, 680, 685
Гесиод 150
Гессен Сергей Яковлевич 393
Гессен Юлий Исидорович 629
Гёте Иоганн Вольфганг 146, 174, 175, 192, 219, 644, 660, 661, 669, 670, 673, 683, 686, 690
Гетнер Герман 659
Гиероглифов Александр Степанович 449, 450
Гизетти Александр Алексеевич 679
Гильомен Эмиль 677
Гиляровский Владимир Алексеевич 675
Гинзбург Борис Михайлович 227
Гинзбург (Гинцбург) Лев Савельевич 531
Гинзбург Матильда Борисовна 228
Гинцбург Д. Г. 687
Гиппиус Василий Васильевич 629
Гиппиус Зинаида Николаевна 30, 661, 670, 672, 684, 688, 689
Гирс Дмитрий Константинович 456, 457
Гиршман, знакомый Короленко 616, 618
Гитович Нина Ильинична 301, 304, 319, 691
Гладков Александр Константинович 354
Глазунов Александр Константинович 83
Глама Николай (Николай Фридрих) Леонтьевич 198, 199
Глебова Варвара Николаевна 523—525, 528, 535, 537, 542, 560, 561, 567, 568 570
Глебова Ольга Николаевна 523—525, 535, 542, 560, 561
Гливенко Иван Иванович 674
Глинка (псевд. Волжский) Александр Сергеевич 672, 673, 691
Глинка Григорий Николаевич 270
Глинка Михаил Иванович 206, 219
Глинка Сергей Николаевич 143
Глинский Борис Борисович 684
Гнедич (псевд. Старый Джон) Петр Петрович 307, 315, 657, 666—668
Гобле Рене 551, 552, 563, 564
Гоголь Николай Васильевич 117, 121, 130, 133, 140, 141, 241, 243, 246, 373.

507, 606, 623, 624, 641, 650, 651, 660, 662, 669, 671, 680—682, 686
Годлевский Сигизмунд Фердинандович 657, 664
Годунов Борис Федорович 209
Голечек Иосиф 666
Голиков Владимир Митрофанович 673
Голицын Юрий Николаевич 75—77, 83
Головачев Аполлон Филиппович 467
Головин Аркадий Алексеевич (?) 456
Головинский Иван Семенович 201, 202, 207
Головнин Александр Васильевич 134
Головнин Орест — см. Брандт Р. Ф.
Голуб Иван Иванович 200, 202, 203
Гольдберг Исаак Григорьевич 685
Гольдебаев — см. Семенов А. К.
Гольденберг Владимир 668
Гольденвейзер Александр Борисович 215
Гольдсмит Исидор Альбертович 455
Гольдсмит Мария 519
Гольдсмит Оливер 145, 146
Гольдсмит, семья 455, 456
Гольдшмидт Мейр Арон 689
Гольдштейн М. Л. 658
Гольцев Виктор Александрович 42, 143, 158, 314, 339, 352, 627, 681, 686
Гомер 113, 658, 682
Гончаренко Иван Иванович 319
Гончаров Иван Александрович 5, 9—35, 133, 139, 142, 144, 605—607, 683, 688
Гораций Флакк Квинт 104
Горбунов Иван Федорович 651
Горбунов-Посадов Иван Иванович 232, 332
Горбунова Елена Евгеньевна 674
Горемыкин Иван Логгинович 616, 618
Горленко Василий Петрович 25
Горнфельд Аркадий Георгиевич 656—691
Горовой, ветеринар 325
Городецкий Сергей Митрофанович 679
Горский С.— см. Степняк-Кравчинский С. М.
Горчаков Александр Михайлович 612
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) 247, 310, 319, 321, 324, 328, 330, 336, 339—344, 347, 352—354, 507, 618, 632, 653, 661, 669, 674, 676, 683
Горячкина Мария Сергеевна 158, 652, 654
Гофман А., фотограф 421
Гофман Эрнст Теодор Амадей 146
Гофмансталь Гуго фон 677, 678
Грабина Алексей Трофимович 670
Градовский Григорий Константинович 235, 455, 459
Грановский Тимофей Николаевич 642, 659, 667
Грачевский Михаил Федорович 580
Гребенка Евгений Павлович 667
Гребенщиков Георгий Дмитриевич 687
Греви Жюль 520
Гревиль Анри — см. Флёри Алиса
Гревс Иван Михайлович 10, 12
Греков Федор Константинович (?) 444
Грешнер А. А. 660
Гржебин Зиновий Исаевич 653
Грибовский Вячеслав Михайлович 669
Грибоедов Александр Сергеевич 62, 115, 116, 133, 151, 373, 509, 610, 685
Григорович Дмитрий Васильевич 25, 30, 33, 240, 306, 307, 313, 314
Григорьев Александр 142
Григорьев Аполлон Александрович 687
Григорьев Б. 663
Григорьев К. 670
Гридин, знакомый Б. А. Лазаревского 335
Гримм Вильгельм 671
Гримм Яков 671
Грин (Гриневский) Александр Степанович 680, 688
Гриневич Клеоник Иванович 531
Гриневская Изабелла Аркадьевна 664, 672
Гродецкий Михаил Демьянович 468, 475, 477, 478, 505—507
Громашевский Николай Эдуардович 294
Громека Степан Степанович 449, 450
Громов (псевд. А. Эмге) Алексей Матвеевич 662
Громов, купец 43, 44
Гроньяр — см. Михайловский Н. К.
Гроссман Леонид Петрович 44—46, 93, 96, 314, 638, 652, 653
Грот Яков Карлович 659
Грузинский Алексей Евгеньевич 352
Грыцько — см. Елисеев Г. З.
Грээм Кенет 662, 666
Губерт Николай Альбертович 213
Гудзий Николай Каллиникович 653
Гуковский Александр Исаевич 667, 668, 670, 671, 674, 675
Гуно Шарль Франсуа 219
Гургулова Мария Дмитриевна 6, 164, 176—179
Гуревич Борис 684
Гуревич Любовь Яковлевна 683
Гурлянд (псевд. Арсений Г.) Илья Яковлевич 657, 659
Гурмон Реми де 683
Гус Ян 510
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович 684, 686
Гутан Рудольф Егорович 294
Гюг Кловис 537, 538, 542, 559
Гюго Виктор 111, 147, 478, 482, 483, 536, 659, 661, 670, 682
Гюйо Жан Мари 658

Давидова М. А. 663
Давидович Мария Григорьевна 654
Давлей, фотограф 361
Даву Луи Николя 136
Давыдов (Давидов) Август Юльевич 202, 203
Давыдов Владимир Николаевич (Иван Николаевич Горелов) 240, 305, 308, 309, 313, 316, 317
Давыдов Денис Васильевич 62, 83
Давыдов (Давидов) Карл Юльевич 26, 30, 31, 236, 237, 240, 241
Давыдова Александра Аркадьевна 30, 31, 236, 237
Дагаев Аркадий, чиновник 625
Даламбер Жан Лерон 485, 486
Далли, антрополог 596
Даль Владимир Иванович 651
Данилевский Андрей Иванович 189
Данте Алигьери 117, 220, 676

Дантю Эдуард Анри Жюстен 576
Дарвин Чарлз 511, 541, 570—572, 593
Даргомыжский Александр Сергеевич 219
Дауден Эдуард 669
Дациаро Стелла Юдита 207, 208
Дворжак Антон 562
Дворцина Наталья Семеновна 181, 248
Де Воллан Григорий Алексеевич 670
Дегаев Сергей Петрович 626
Дейч (псевд. Евгений Дмитриев) Лев Григорьевич 498, 499, 502, 503, 556, 565
Де Костер Шарль 648
Делянов Иван Давыдович 444, 445
Демиховская Ольга Аверьяновна 9
Демулен Бенуа Камиль 500, 501
Демулен Огюст 513, 573, 574, 590—593, 595, 596, 600—602
Демулен, семья 595
Деникер Иосиф (Жозеф) Егорович 535—537, 540, 544
Денисюк Николай Федорович 678, 691
Деннери Адольф 608
Державин Гавриил Романович 131, 138, 243, 246
Дерман Абрам Борисович 301, 683—688
Де Роберти де Кастро Евгений Валентинович 539, 540
Десницкий Василий Алексеевич 654
Дефо Даниэль 648
Джаксон Томас Джонатан 137, 157
Джаншиев Григорий Аветович 429, 658
Джером Джером Клапка 673
Джеферсон Джон 493, 494
Джованьоли Раффаелло 497
Джорджикия М. И. 671
Джусти Джузеппе 667
Дидро Дени 152, 553, 602
Дизраэли Бенджамин (Биконсфильд) 497
Диккенс Чарлз 643
Динеэман Татьяна Георгиевна 6
Дионисий младший 113
Длусский Константин Михайлович 657
Дмитриев Евгений — см. Дейч Л. Г.
Дмитриев К. Д. 352
Дмитриева Валентина Иововна 683, 689
Дмитриева (Тумановская) Елизавета Лукинична 365
Добровольский Лев Михайлович 157, 158
Добровольцев Иван Андреевич 352
Добролюбов Николай Александрович 25, 360, 361, 412, 413, 425, 426, 448—450, 454, 456, 465, 466, 480, 649, 657, 667
Добронравов Л. М. 687
Доброславин П. Д., переводчик 351
Доброхотов Анатолий Павлович 676
Довнар Александр, студент 306, 314
Доганович Анна Никитична 674
Доде Альфонс 485, 502, 503, 662
Долгоруков Василий Андреевич 42, 608
Долгоруков Павел Дмитриевич 347 (?), 355
Доленги А.— см. Лавров П. Л.
Долина Варя, воспитанница Лескова 132
Доре Гюстав 77, 78
Дорошевич Влас Михайлович 334, 352, 671, 674, 676
Дорошенко Алексей Семенович 230, 231
Досев Христо Феодосьевич 688
Досс Николай, фотограф 55
Достоевская Любовь Федоровна 681
Достоевский Михаил Михайлович 449, 450
Достоевский Федор Михайлович 13, 30, 84, 90, 92, 94, 96—98, 110—112, 116, 201, 335, 336, 345, 352, 540, 635, 644, 651—654, 667, 668, 683, 684
Драгоманов (псевд. Жане?) Михаил Петрович 430, 439, 484—486, 498, 499, 541, 592
Дрейер Макс 671
Дрейфус Альфред 258, 260, 317, 318, 324, 350
Дрентельн Николай Сергеевич 232, 247, 455, 456
Дроботухин Григорий Григорьевич 202, 203
Другов Борис Михайлович 638, 654
Дружинин Яков Александрович 127, 128, 539
Дружинина (рожд. Анненкова-Бернар) Нина Павловна 675
Дрэпер Джон Уильям 152
Дубовиков Алексей Николаевич 6, 213, 242, 260, 345
Дубровская (рожд. Лазарева) Богдана Наумовна 669
Дудышкин Степан Семенович 539
Дунаева Елена Николаевна 263, 611
Дурново Иван Николаевич 608
Дурново Николай Ильич 135
Дурылин Сергей Николаевич 176, 250 251, 252, 255
Духовская Александра Владимировна 214
Душан Рене 351
Дьяговченко И. Г., фотограф 492
Дьяков Владимир Анатольевич 393—395
Дьяконова Елизавета Александровна 682
Дюбарри Мари Жанна 122, 123
Дюма Александр, отец 111, 467
Дягилев П. Д. 153

Е., сотрудник газ. «Владивосток» 296
Евгеньев-Максимов (псевд. В. Максимов) Владислав Евгеньевич 679
Евлахов Александр Михайлович 680
Евреинов П. А. 671
Евреинова Е. Н., знакомая Гаршина 189
Еврипид 677
Евтушевский Василий Адрианович 165, 210, 211
Ежов Николай Михайлович 354
Екатерина II 70, 138, 142, 152, 160—163, 176, 177
Елагин Николай Васильевич 153
Елизавета Петровна, императрица 177
Елисеев (псевд. Грыцько) Григорий Захарович 103, 112, 116, 181, 429, 449, 450, 458, 588, 656
Елпатьевский Сергей Яковлевич 664, 674
Ельцова К.— см. Лопатина Е. М.
Енакиев Валериан Александрович 617
Еремеев Павел Владимирович 198, 208
Ермак Тимофеевич 138
Ермашева Мирра Ефимовна 504, 508, 576, 585
Ермолин Н. К. 223
Ермолов Алексей Петрович 122, 126
Ермолов Петр Дмитриевич 383, 396
Ермолова Мария Николаевна 310
Ефименко Петр Саввич 365, 393

Ефименко Т. 688
Ефремов Петр Александрович 138
Ефремов, знакомый Короленко 618
Ефрон Илья Абрамович 272, 352, 635, 654

Жабокрицкий Осип Петрович 515
Жаклар (рожд. Корвин-Круковская) Анна Васильевна 544, 546, 561
Жаклар Шарль Виктор 520, 546, 561
Жаклар, семья 546
Жандр Александр Павлович 509
Жандр Андрей Андреевич 509, 515
Жандр Андрей Осипович 509
Жандр Варвара Николаевна — см. Никитина В. Н.
Жандр Николай Павлович 509, 510, 515, 542, 547, 554, 564—567, 573, 599
Жандр Павел Андреевич 509
Жандр Семен Осипович 509
Жандр, семья 509, 510
Жане — см. Драгоманов М. П. (?)
Жданов Семен Романович 374, 394
Желанский А. 659
Желваков Николай Алексеевич 570
Желвакова Ирена Александровна 392
Железнов Иосиф Игнатьевич 681
Желобовский Александр 158
Желябов Андрей Иванович 624
Жеманов Семен Яковлевич 464, 474, 477
Жемчужников Алексей Михайлович 23, 25, 133
Жемчужников Аполлон Александрович 227
Жемчужников Владимир Михайлович 23—25
Жемчужников Лев Михайлович 23—25
Жемчужников Михаил Александрович 23
Жемчужников Михаил Николаевич 23
Жемчужников Николай Михайлович 23—25
Жемчужникова Елизавета Алексеевна 611
Жиркевич Александр Владимирович 23, 665
Житецкий Игнатий Павлович 663
Жорж Санд — см. Санд Жорж
Жуков Иван 620
Жуковский Василий Андреевич 27, 35, 133, 137, 138, 142, 668, 670, 673
Жуковский Николай Иванович 364, 365, 392, 464
Жулева (по мужу Небольсина) Екатерина Николаевна 308, 315
Жураковский Евгений Дмитриевич 690
Жюссеран Жан Адриан Антуан Жюль 689

Забелин Иван Егорович 151
Забелин Николай Николаевич — см. Масай
Завадский Петр Васильевич 365, 393
Завадский Петр, студент 625
Завистовская (рожд. Коротнева) Варвара Николаевна 244, 246, 247
Завистовский Владимир Фаддеевич 243, 244, 246, 247
Завистовские, семья 244
Заичневский Петр Григорьевич 394, 401, 426, 427
Зайончковская Надежда Дмитриевна — см. Крестовский В.— псевдоним
Зайцев Борис Константинович 677, 685, 688
Зайцев Варфоломей Александрович 418, 430, 436—438, 448, 451, 486
Зайцева (по мужу Якоби) Варвара Александровна 397
Зайцевы, семья 437
Закревская Лидия Арсеньевна — см. Нессельроде Л. А.
Закревский Арсений Андреевич 86, 91
Замойский Андрей 381
Замотин Иван Иванович 684
Замятин Евгений Иванович 687
Занарделли Тито 592, 594
Зангвиль Израиль 670
Заньковецкая (Адассовская) Мария Константиновна 241
Зарин Андрей Ефимович 658, 668
Зарин Ефим Федорович 55
Зарин Федор Ефимович 674
Засодимский Павел Владимирович 239
Засулич Вера Ивановна 455, 459, 466, 474, 504, 523, 601
Затлер Федор Карлович 90, 91
Захарченко Михаил Моисееевич 515
Захарьин (Якунин) Иван Николаевич 660
Захарьина Наталья Александровна — см. Герцен Н. А.
Захер-Мазох Леопольд 234, 235
Зеленый Павел Александрович 306, 314
Зембрих (Коханская)) Марчелла 306
Зенкра (Харинес) Арма 240, 241
Зеринг Людвиг 679
Зимин Сергей Иванович 301
Зинаида Ивановна, подруга Р. В. Александровой 222, 223, 226, 227
Зинин М.— см. Шарапов С. Ф.
Златковский Михаил Леонтьевич 661
Златовратский Николай Николаевич 26, 454
Золотарев Сергей Алексеевич 691
Золотилова Надежда Михайловна — см. Гаршина Н. М.
Золя Эмиль 26, 147, 258, 310, 317, 318, 324, 350, 481—485, 512, 514, 558, 591, 656, 671, 676
Зорзони Джованни 177
Зотов Владимир Рафаилович 449, 450
Зотов, художник 625
Зудерман Герман 308, 315, 671, 678
Зуттнер Берта фон 149
Зябловский Евстрат Иванович 515

Ибсен Генрик 329, 330, 661, 671, 674, 676
Иван III (Иван Васильевич) 169
Иван IV Грозный 85, 192
И⟨ванен⟩ко Ольга Егоровна 242, 246
Иваненко П. А. 242
Иваненко (?), двоюродная сестра Гаршина 242—247
Иваненко, семья 242
Иванишев Николай Дмитриевич 117, 121
Иванов Владимир Александрович 6
Иванов Василий Иванович 673
Иванов Д. И. 272
Иванов Иван Иванович 657, 661—663

Иванов Михаил Михайлович 670
Иванович (Сведенцов) Иван Иванович 662
Иванович И. Д. 674
Иванчин-Писарев Александр Иванович 26, 455, 456, 686
Иванюков Иван Иванович 411, 426
Ивин Иван С. 536
Ивков Владимир Васильевич 393
Игнатов (псевд. И. Астахов) Илья Николаевич 662
Игнатьев Николай Павлович 443, 578, 579
Игумнов Константин Николаевич 215
Иероним (Гиероним) 99, 115
Изгоев (Александр Соломонович Ланде) 339 (?), 352, 353
Измайлов Александр Алексеевич 679, 687, 688
Иконников Владимир Степанович 515
Икскуль, баронесса 42
Иловайская Капитолина Михайловна 334, 352
Иловайский, мичман 334, 351, 352
Илья Николаевич, знакомый Гаршина 216
Ильяшевич Лука Иванович 601
Иноземцева (рожд. Золотилова) Анна Андреевна 664
Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев) 70, 74, 83, 660
Иоллос Григорий Борисович 355
Ионов 311
Ионова Галина Ивановна 394
Иордан В. 663
Иорданов Павел Федорович 299
Иохельсон Владимир Ильич 662
Ираклий, иеромонах 270, 297, 299
Искандер — см. Герцен А. И.
Итенберг Борис Самойлович 365
Ишутин Николай Андреевич 360, 364, 366, 383, 384, 396, 400, 403, 421, 422, 425, 428, 588

К.— см. Красовский П. М.
К. Д., переводчик 575
К. К—ий 668
Кабе Этьен 403, 406, 425
Каваками Тосихико 507
Кази-Бек Юрий 659
Калгина Надежда Александровна 206
Калитин (Колобков) Константин Александрович 675
Каллаш Владимир Владимирович 663, 680
Кальвин Жан 510
Кальдерон де ла Барка Педро 666
Каменский Анатолий Павлович 679—681, 691
Каменский Андрей Васильевич 207
Каменский Михаил Федотович 48, 49, 61
Каменский Сергей Михайлович 37, 48, 49, 61
Каменский, знакомый Б. А. Лазаревского 347
Камескас Жан Луи Эрнест 525, 542, 546, 564
Камнев Михаил Семенович 670, 672—674, 690
Кампанелла Фома (Джованни Доменико) 428
Канивецкий Н. Н. 664
Кант Иммануил 100, 151
Канторович Яков Абрамович 658
Капнист Василий Васильевич 606
Капнист Петр Иванович 606
Карабчевский Николай Платонович 308, 314, 324, 350, 691
Каразин Николай Николаевич 63
Каракозов Дмитрий Владимирович 364, 366, 383—385, 396, 398, 399, 401, 402, 404, 410, 416, 420—428, 451, 454, 536, 588
Карамзин Николай Михайлович 142
Карасева Вера 322
Караскевич-Ющенко (псевд. С. Караскевич) Степанида Степановна 680, 688
Кардуччи Джозуэ 664
Карелин В. 669
Каренин В.— см. Комарова В. Д.
Каржанский Н. 691
Каривин Ю. И. 670
Карлейль Джейн Уэлш 492, 493
Карлейль Томас 152, 493
Карлос (Людовик Мария Фердинанд, принц Астурийский) 525
Кармазина Е. 685
Кармен (Лев (Лазарь) Осипович Коренман) 668, 680
Карнович Евгений Петрович 151
Карпенко-Карый (Иван Карпович Тобилевич) 241
Карпов Евтихий Павлович 307—309, 315, 316
Карпов Николай Николаевич 674
Карпов Пимен Иванович 684
Карпова-Монгирд Вера А. 679
Каррера Валентино 664
Каррик Валериан Вильямович 668—673
Каррик Вильям Андреевич 24, 201, 202, 211, 219, 221, 222, 230
Каррьер Эжен 185
Карская Татьяна Сергеевна 127
Картавцева (рожд. Крестовская) Мария Всеволодовна 672
Касаткин Иван Михайлович 688
Кастальский Всеволод Васильевич 294
Кастельнуово (Кастельново) Энрико 497
Катаяма Сен 507
Катков Михаил Никифорович 42, 85, 96, 364, 379, 381, 382, 395, 396, 443—446, 491
Катц, часовщик (?) 484
Катчериц, рецензент «Русского богатства» 668
Каховский Петр Григорьевич 152
Квинт Фабий Максим (Кунктатор) 409, 425
Квитка Семен Кузьмич, 226, 227, 230
Квятковский Александр Александрович 456
Келлерман Бернхард 684
Келтуяла Василий Афанасьевич 636, 690
Кельсиев Василий Иванович 391, 397, 465
Кенигсбергер Иоанн 143
Кеплер Иоганн 410, 426
Кингсфорд Анна 154
Кипен Александр Абрамович 682, 688
Киплинг Джозеф Редьярд 679
Киреева Ольга Алексеевна — см. Новикова О. А.

Киреевский Иван Васильевич 682
Кирилл, епископ Туровский 153
Кирпичников Александр Иванович 657
Киселев Егор Петрович 222
Киселев Николай Васильевич 620, 622, 623, 629
Кислинский Николай Васильевич 205
Кисловский (?) — см. Кислинский Н. В.
Кисляковская Елизавета Петровна 242
Клаузнер Иосиф Л. 667
Клевер Юлий Юльевич 195
Клевцов, знакомый Гаршина 220
Клейст Генрих 674
Клемансо Жорж 512, 515, 518, 519, 521, 523, 524, 527, 536, 548—551, 554, 556, 557, 573, 578, 580, 583, 584, 593, 594, 597
Клеменц (Клеменс) Дмитрий Александрович 498, 502, 503
Климов И., издатель газ. «Правда» 1880-х гг. 439
Клочкова Лидия Петровна 176, 183, 232, 691
Клунный Петр Михайлович 671
Ключевский Василий Осипович 26
Клюшников Виктор Петрович 386, 396, 397
Книппер Анна Ивановна 301
Книппер (по сцене Нардов) Владимир Леонардович 301—303
Книппер (рожд. Бартельс) Элла Ивановна 302, 303
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна 301—303, 310, 318, 319, 327—332, 338, 342—345, 347, 348, 350—355
Кноп Э. Х., врач 212
Князев Василий Васильевич 683
Князев Гавриил Михайлович 251
Князь Индостанский (псевд.) — 659
Ковалевская (рожд. Корвин-Круковская) Софья Васильевна 542, 544, 546, 561, 567—570, 597
Ковалевский Владимир Онуфриевич 544, 546, 556
Ковалевский Максим Максимович 528, 564, 567, 568
Ковальский Казимир Адольфович 676
Ковальский Юзеф 365, 366
Коган Петр Семенович 672, 687
Кожанчиков Дмитрий Ефимович 449, 450
Кодзима Тайдзиро 507
Козлинина Екатерина Ивановна 210
Козлов Алексей Александрович 139, 409, 425
Козлова Ольга 140
Козловский Лев Станиславович 685
Козьмин Борис Павлович 365, 392—394, 396, 429, 432, 463, 476, 477, 506, 507
Кокшаров Николай Иванович 212
Колачевский Андрей Николаевич 401
Колесов Федор Иванович 261
Коллар Ян 667
Коллинз Клифтон 150
Колодкевич Николай Иванович 542, 543, 545
Колокольцев Н. П., сотник 671
Колосов Евгений Евгеньевич 399, 656, 662, 663, 667, 680, 682
Колпенский В. В. 629
Колтоновская (рожд. Сасько) Елена Александровна 663
Колтоновский Андрей Павлович 667
Колышко Иосиф Иосифович 670
Кольцов Алексей Васильевич 10, 250, 251
Кольцов И. — см. Тихомиров Л. А.
Кольчугин Иван Григорьевич 85, 86, 91
Комаров Виссарион Виссарионович 42
Комарова (рожд. Стасова; псевд. В. Каренин) Варвара Дмитриевна 664, 687
Комиссаржевская Вера Федоровна 305, 308, 309, 317, 609
Кондорсе Мария Жан Антуан Николя Каритат 547
Кондурушкин Степан Семенович 689
Кони Анатолий Федорович 10—13, 25, 31, 210, 605, 660
Коновалов Дмитрий Петрович 227
Кононов, владелец зала 240
Кононович Владимир Осипович 290
Кононницкая Мария 681
Констан Бенжамен 687
Констан Жан Антуан Эрнест 524, 525, 533, 546, 548, 549, 556, 562, 567, 573, 576, 578, 580, 581, 591
Константин Николаевич, вел. кн. 376, 394, 395, 427, 534
Конт Огюст 402, 403, 426, 548
Кончаловская Виктория Тимофеевна 202, 203
Кончаловский Петр Петрович 202, 203
Кончевская (рожд. Скарятина) Надежда Владимировна 461, 471, 473, 475—478, 486, 493, 494, 496, 504
Коперник Николай 426
Коппе Франсуа 495, 496
Кощевич, знакомая П. Л. Лаврова 585
Корба (рожд. Мейнгардт) Анна Павловна 580
Корево Игнатий Игнатьевич 400
Корзухин Алексей Иванович 105
Корин В. 662
Корнелиус Александр 146
Корнилов Александр Александрович 679
Корнилов Владимир Алексеевич 509
Коробка Николай Иванович 671—673
Коровин Константин Алексеевич 351
Королева, сестра Л. Ф. Нелидовой 28
Короленко Владимир Галактионович 6, 26, 250, 315, 319, 346, 347, 353, 355, 356, 398, 399, 401, 402, 404, 405, 614—618, 638, 656, 658—662, 664, 667, 668, 671—674, 676, 677, 679, 680, 690
Короленко Софья Владимировна 614
Короленко, семья 618
Коротнева Лидия Николаевна 244—247
Корсаков Владимир Викторович 690
Корсаков Дмитрий Александрович 126
Корф Андрей Николаевич 296, 297
Корчак Януш 681
Корш Валентин Федорович 117, 120, 453, 456
Корш Евгений Валентинович 456
Корш Федор Адамович 240, 313
Косвинов Марк Константинович 12
Косоротов Александр Иванович 667
Косса П. 664
Косткин Г. Е. 672
Костова М. Д. — см. Гургулова М. Д.
Костомаров Николай Иванович 91

Костомарова Александра 675
Костромитинов Николай Иннокентьевич 308, 315
Костромитинов Николай Федорович 243, 247
Костромитинова (рожд. Гаршина) Александра Егоровна 243—245
Костромитиновы, семья 242—244
Котлов И. 666
Котляревский Нестор Александрович 662
Котович Алексей Никанорович 680
Котоку Сюсуй 507
Кох Макс 666, 668
Коцюбинский Михаил Михайлович 685
Кошеверов Александр Сергеевич 353
Кошелев Александр Иванович 434
Кр—ский 664
Краевский Андрей Александрович 103, 395, 443, 448—450, 452, 458, 530
Крамской Иван Николаевич 255
Крандиевская (рожд. Тархова) Анастасия Романовна 664, 674
Красинский Зигмунт 673
Краснов Егор, семинарист 628
Краснов Платон Николаевич 150, 673
Красовский (псевд. К.) Петр Михайлович 661
Краузольд В. Э., защитник П. Ф. Николаева 428
Крачковский Владимир Николаевич 669
Крачковский Дмитрий Николаевич 679, 685
Крачковский Иосиф Евстафьевич 189
Крашенинников Николай Александрович 214, 215, 682, 686
Крестовский Всеволод Владимирович 140
Крестовский В.— псевдоним (Надежда Дмитриевна Зайончковская; рожд. Хвощинская) 648
Кречинин Валериан 449, 450
Кривенко Василий Силыч 306, 309, 311, 314, 318
Кривенко Евгения Васильевна 309, 311, 318
Кривенко Илларион Васильевич 312, 318
Кривенко Сергей Николаевич 444, 446, 626—628, 630
Кривенко Софья Ермолаевна — см. Усова С. Е.
Криницкий Марк (Михаил Владимирович Самыгин) 664, 686
Кристи Е. К. 675
Критский Василий Иванович 91
Критский Михаил Иванович 91
Критский Петр Иванович 91
Кромвель Оливер 510
Крон Николай 449, 450
Кропивницкий Марк Лукич 240, 241
Кропоткин Дмитрий Николаевич 228
Кропоткин Петр Алексеевич 470, 497, 501, 522, 524, 535, 549, 551, 565, 677
Крохин Николай Петрович 135
Круглов Александр Васильевич 671
Крузе Николай Федорович 24, 25
Крутикова Александра Павловна 198, 206
Крушеван Павел Александрович 659
Крылов Виктор Александрович 313
Крылов Иван Андреевич 157, 682
Крылов (Воскресенский) Феофан 624
Крюков Федор Дмитриевич 675, 680, 681, 684—687
Ксенофонт 150
Кубиков (Дементьев) Иван Николаевич 643
Кугель (псевд. Homo Novus) Александр Рафаилович 308, 316
Куглер Франц 185
Кугушев Григорий Васильевич 660
Кудрявцев Петр Николаевич 642
Кудрявцев Федор, матрос 298
Кузен Виктор 410, 426
Кузмин Михаил Алексеевич 687
Кузнецов Александр 156
Кузнецов Иван 156
Кузнецов, гравер 373
Кузьминский Константин Станиславович 667
Куликов Юрий Владимирович 394
Кульчицкий (псевд. Мазовецкий) Людвиг Станиславович 365
Кулябко К. Ф., знакомый Б. А. Лазаревского 324, 339
Куприн Александр Иванович 252, 319, 339, 352, 661, 671, 677, 679
Купчинский Филипп Петрович 670
Курбатова, пианистка 244, 247
Куржина Ян 415, 427
Курнин (псевд. Хатунский) Сергей Васильевич 672
Курочкин Василий Степанович 411, 426, 449, 450
Курочкин Николай Степанович 462
Кутитонская Мария Игнатьевна 601
Кучко Степан Иванович 90
Кушева Екатерина Николаевна 470, 471, 477
Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич 449, 450
Кушнерев Иван Николаевич 143, 144

Л. Н.— см. Нелидова Л. Ф.
Лавриченко К. 669
Лавров Александр Васильевич 6
Лавров Вукол Михайлович 38, 95, 238, 271, 313
Лавров Лавр Степанович 540
Лавров (псевд. Миртов; С. С. Арнольди; А. Доленги; Н.) Петр Лаврович 6, 218, 219, 359, 363, 365, 394, 402, 421, 427, 430, 432, 434, 448—451, 454, 486, 488, 490, 497, 508—602, 620, 623, 629
Лавровы, семья 540
Лагерлёф Сельма 674, 676
Лагорио Лев Феликсович 25
Лагунская, родственница Лазаревского 331
Лагунский Леонид 331
Ладыженский Владимир Николаевич 658, 679, 684
Лазарев-Грузинский Александр Семенович 314, 354
Лазаревская Вера Борисовна 333, 339—341, 344
Лазаревский А. В. 324
Лазаревский Александр Матвеевич 324, 333, 337, 338, 352
Лазаревский Борис Александрович 319—356, 672, 677, 678, 680

Лазаревский Всеволод Борисович 333, 344, 349
Лазаревские, семья 337, 339—341, 344
Лазари де (рожд. Александрова) Антонина (Нина) Всеволодовна 213, 214, 216, 217
Лазурский Владимир Федорович 670, 681
Лакос, каторжанин 290
Лакруа Поль 601
Ламанский Владимир Иванович 94, 119, 121
Ламарк Жан Батист Антуан Монет де 570
Ланг (псевд. Березин; А. Л. Миропольский) Александр Александрович 663, 670
Ланесан Жан Мари Антуан 518—522, 524, 526, 542, 546, 549, 557, 562, 596
Лансон Гюстав 659, 660, 662, 681
Ларин Петр Данилович 199
Ларра-и Санчес де Кастро Марьяно Хосе де 661
Лассаль Фердинанд 410, 454, 547
Латкин Василий Михайлович 174, 200, 201
Латкин Владимир Михайлович 171, 174, 199—204, 206, 207, 209, 210, 218, 219, 221, 222, 227, 229, 230, 232, 237
Латкин Михаил Михайлович 207
Латкин Николай Васильевич 209
Латкина (по мужу Трунева) Елизавета Ивановна 200, 201, 230, 231
Латкина Магдалина Михайловна 222
Латкина Прасковья Андреевна 209, 221, 222
Латкины, семья 209, 221, 222
Лауферт Е., фотограф 203
Лафарг Поль 515, 534
Лацарус Мориц 658
Лашкевич Александр Степанович 93
Лебедев Александр Игнатьевич 87, 308, 315
Лебедев Владимир Андреевич 654
Лебедев Владимир Петрович 669
Лебедев Николай Афанасьевич 494, 502
Лебедев Николай Егорович 181, 182
Лебедева Татьяна Ивановна 542, 543, 545
Лебедевы, знакомые Гаршина 218, 219
Лебединцев Феофан Гаврилович 93
Лебов 207
Лев А. (Александр Егорович Алеев) 666
Левандовский Л. И. 654
Левашова (рожд. Зиновьева) Ольга Степановна 364
Левес 662
Левин Шнеер Менделевич 359, 396
Левитан Исаак Ильич 263, 322, 325, 337, 343, 347, 350, 354
Левитов Александр Иванович 412, 426, 652
Левицкий Иван Семенович 666
Левкеева Елизавета Ивановна 309
Левшин Дмитрий Михайлович 667
Лейбниц Готфрид Вильгельм 115
Лейкин Николай Александрович 232, 238, 306, 314, 657, 658, 666
Лейкснер Отто фон 152, 153
Леляков Р. Е. 662
Лемберг (псевд. Р. Григорьев) Раиса Григорьевна 683, 687
Лемке Михаил Константинович 365, 396, 397, 426, 675, 678
Лендер Н. (Николай Николаевич Рейхельт) 670
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 315, 402, 405, 636, 638, 640
Ленц Якоб 669
Ленцевич (Хавский) Алексей Николаевич 662
Леншина (псевд. Анна Мар) Анна Яковлевна 685, 689
Леонов Максим Леонидович 660
Леонович Василий Викторович 658
Леонтьев Константин Николаевич 681
Леопарди Джакомо 678
Лермонтов Михаил Юрьевич 153, 243, 246, 247, 250, 251, 601, 642, 681
Лернер Николай Осипович 635, 654, 681
Леру Пьер 574
Лесгафт Петр Францевич 453
Лесевич Владимир Викторович 656, 657, 667
Лесков Алексей Семенович 61, 135
Лесков Андрей Николаевич, 5, 37, 38, 44—46, 92—96, 116, 120, 128, 130, 132, 133, 135, 138, 139, 142, 150, 151, 154, 156, 157, 643, 653, 691
Лесков (псевд. М. Стебницкий) Николай Семенович 5, 6, 30, 36—158, 235, 397, 631—655, 668, 691, 692
Лесков Семен Дмитриевич 38, 638, 639
Лескова Анна Ивановна 92, 96, 133, 157
Лескова Вера Николаевна — см. Нога В. Н.
Лескова (рожд. Алферьева) Мария Петровна 135, 638
Лессинг Готхольд Эфраим 541, 660, 661, 673
Леткова-Султанова (псевд. Е. Леткова) Екатерина Павловна 684
Летурно Шарль Жан Мари 152, 509—511, 514—520, 522, 523, 525—527, 535, 537, 538, 540, 542, 544, 548, 551, 552, 554, 558, 559, 562, 564, 567, 569, 571, 573, 577—579, 585, 588, 591—593, 595, 596, 598, 599, 602, 658, 691
Летурно, семья 598
Лефевр Анри Франсуа 560
Либкнехт Вильгельм 520
Либрович (псевд. Виктор Русаков) Сигизмунд Феликсович 132, 156
Лившиц С. 629
Лидин Владимир Германович 687, 688
Лилина (Алексеева) Мария Петровна 609
Линд О. 688
Линев Александр Логинович 531, 536
Линев Дмитрий Александрович 660
Линков Яков Иосифович 392, 396
Линниченко Андрей Иванович 510, 515
Липранди Иван Петрович 425
Лисенко Конон Иванович 208
Лист Ференц 220, 226
Литвин Эсфирь Соломоновна 655
Литвинов, цензор 315
Лихтенберг Георг Кристоф 663
Лихтенберг (Лихтенберже) Анри 675
Личков Леонид Семенович 673

Лишин Олег Васильевич 461, 469
Лишина Аркадия Константиновна 461—463, 467, 469, 470, 477
Лобковская Софья Михайловна 220
Ловенгардт Антон Сигизмундович 668
Лозина-Лозинский Алексей Константинович 688
Локк Уильям 687
Локрида, жена Дионисия 113
Ломакин Николай 672
Ломунов Константин Николаевич 6
Ломшаков С. 658
Лонге Шарль 515, 520, 549, 550, 551, 554, 555, 557, 569, 570, 578, 579, 590
Лонгинов Михаил Николаевич 130, 151
Лонгфелло Генри Уодсворт 580, 688
Лондон Джек 683
Лопатин Валериан 659
Лопатин Герман Александрович 26, 430, 573, 599, 600
Лопатина (псевд. К. Ельцова) Екатерина Михайловна 664
Лопе де Вега — см. Вега Карпьо
Лорис-Меликов Михаил Тариелович 232, 252, 438, 443, 579
Лотар Рудольф 671
Лохвицкая Мирра Александровна 658, 666, 671
Лощилов Петр Александрович 690
Лоэнгрин—см. Герцо-Виноградский П. Т.
Лубяновский Федор Петрович 145
Луговой А.— см. Тихонов А. А.
Лужановский Альберт Васильевич 655
Лужский (Калужский) Василий Васильевич 609
Лукашевич Анна 625
Лукиан 143
Лукин Александр Петрович 667
Лукреций Кар Тит 588
Лухманова (рожд. Байкова) Надежда Александровна 657
Луцкий Владимир Владимирович 456, 535, 536, 547, 548, 550, 555, 557, 558, 561, 573, 576, 577
Лысков Иван Прокофьевич 675, 686
Львов Владимир Владимирович 611
Львова Александра Владимировна 611
Львова Елизавета Владимировна 611, 658
Львова (рожд. Полторацкая) Надежда Григорьевна 685
Львова (рожд. Перовская) Софья Алексеевна 611
Львовы, братья З. К. Цакни 581, 582
Львовы, семья 611, 612
Лье Ольга 675
Льюис Мэтью Грегори 644
Любатович Ольга Спиридоновна 459, 497, 499
Любимов Николай Алексеевич 444
Любич Ефим Николаевич 670, 675
Людовик (Луи) XIV 509
Лютер Мартин 510
Люцилий 150
Ляпунов Вячеслав Дмитриевич 345, 346, 355
Лясковская (рожд. Ярцева) Ольга Григорьевна 247
Ляцкий Евгений Александрович 12, 663—667, 683
М. В.— см. Вернадская М. Н.
М.Е.Ш. 667
М. С., сотрудник газ. «Курьер» 355
М. К—а 660
Магнитский Г. 688
Мазараки, матрос 333
Мазовецкий — см. Кульчицкий Л. С.
Мазурин (псевд. Константин Герра) Константин Митрофанович 660
Майков Аполлон Александрович 608—610
Майков Аполлон Николаевич 139, 156, 449, 450, 608, 667, 669
Майков Валериан Николаевич 608, 671
Майков Леонид Николаевич 608, 671
Майков Михаил Григорьевич <?> 150
Майстрах Владимир Францевич 682
Макаров Николай Петрович 154
Макашин Сергей Александрович 6, 429, 442
Маклаков Алексей Николаевич 35
Маклакова Лидия Филипповна — см. Нелидова Л. Ф.
Маклецова-Дегаева Наталья Петровна 667
Маклин Родерик (Фредерик) 544, 545
Маколей Томас 131
Максимов В.— см. Евгеньев-Максимов В. Е.
Максимов Георгий Сергеевич 265
Максимов Сергей Васильевич 321, 349, 449, 450, 651, 685
Максимович Михаил Александрович 103, 116
Макшеева (рожд. Бубнова) Вера Михайловна 45, 133, 135
Макшеева Наталья Алексеевна 149, 154, 157
Малиновский Болеслав 629
Малон Бенуа 515, 534
Малышев Иван Егорович 206, 207, 210, 232
Малышев Михаил Егорович 181, 183, 199, 200, 202, 205—207, 209, 210, 229, 232, 245, 248—257
Мальшинский Аркадий Павлович 592
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 307, 661, 675
Манасеин Вячеслав Авксентьевич 173
Мандрыка М. 660
Манн Генрих 686
Мансуров Александр Павлович 462
Манцони Алессандро 663, 669
Мар Анна — см. Леншина А. Я.
Мар Н., знакомый В. Н. Никитиной 599
Мара Мария 674
Маргерит Виктор 677
Маргерит Поль 677
Марголина Ева Александровна 686
Маре, издатель 601
Мария Александровна, императрица 510, 608
Мария Николаевна, вел. кн. 214, 223, 224
Мария Федоровна, императрица 151
Марк Аврелий 149, 150
Маркелова Александра Григорьевна 201—203
Марко Вовчок — см. Маркович М. А.

Марков Евгений Львович 656, 673
Маркова Елизавета Константиновна — см. Сахарова Е. К.
Маркович (рожд. Вилинская; во 2-м браке Лобач-Жученко; псевд. Марко Вовчок) Мария Александровна 648, 649, 662
Маркони Франческо 306
Маркс Адольф Федорович 46, 258, 260, 261, 310, 317, 331—333, 351—353, 653
Маркс Женни 549
Маркс Карл 410, 462, 466, 511, 518, 520, 532, 547, 549, 553, 554, 620, 623, 624, 636
Маркс Элеонора 498
Марсов-Тишевская Мария Павловна 605, 606
Мартос М. И., знакомый Б. А. Лазаревского 324
Мартынов Сергей Васильевич 676
Мартьянов Петр Алексеевич 414, 427
Мартьянов Петр Кузьмич 659
Марфа Посадница 515
Масай (Николай Николаевич Забелин) 664
Масанов Иван Филиппович 476
Маслов (псевд. Бежецкий) Алексей Николаевич 307, 310, 315
Маслов Иван Ильич 34
Маслович Николай Васильевич 658
Маслянников Константин Иванович 658
Массон Фредерик 658
Матейко Ян 168, 170
Маттеи А., итал. писатель 491, 493
Махалов (псевд. Разумовский) Сергей Дмитриевич 664
Мацулевич Жаннета Андреевна 177
Мачтет Григорий Александрович 333, 351
Машин Ал. 668
Медичис, издатель 556
Мезенцев Николай Владимирович 455, 458
Мезьер Августа Владимировна 632, 690
Мейер М. 482
Мейерхольд Всеволод Эмильевич 319, 327, 342, 343, 345, 351, 353—355
Мейснер Ф. 669
Мельников Иван Александрович 198, 206
Мельников (псевд. Андрей Печерский) Павел Иванович 651
Мельников, книгопродавец 130
Мельшин Л.— см. Якубович П. Ф.
Менделеев Дмитрий Иванович 173, 222
Мендельсон Станислав 501
Меньшиков Михаил Осипович 132, 351
Мережковский Дмитрий Сергеевич 30, 657, 667, 674, 676, 677, 680
Мерославский Людовик 415, 427
Мессалина (Валерия) 91, 114
Метакса (рожд. Капнист) Инна Петровна 606
Метерлинк Морис 309, 659, 679
Мечников (псевд. В. Басардин и др.) Лев Ильич 6, 26, 461—507
Мечникова (в 1-м браке Скарятина) Ольга Ростиславовна 462, 468, 475—477, 483, 484, 486, 493, 494, 496
Мечниковы, семья 462, 466, 475, 476
Мещерский (псевд. Райский) Владимир Петрович 663
Мизинова (по мужу Санина) Лидия Стахиевна 307, 314
Милешту Николай Спотарь 468
Милицына Елена Дмитриевна 677
Милич Елена 676
Миллер Илья Соломонович 395
Миллер Софья Андреевна — см. Толстая С. А.
Милль Джон Стюарт 448, 547
Милль Пьер 688
Мильтон Джон 117, 121
Милюков Александр Петрович 37
Милютин Дмитрий Алексеевич 41
Минаев Дмитрий Дмитриевич 449, 450
Минин Козьма (Кузьма Минич Захаров-Сухорук) 86
Минский (Виленкин) Николай Максимович 160, 176, 237, 658, 667, 678
Минунций Марк 409, 425
Минцлов Сергей Рудольфович 10, 660, 675
Мирабо Оноре Габриель Виктор Рикетти 152
Мирбо Октав 673, 677
Миролюбов Виктор Сергеевич 319, 335, 336, 339—341, 343, 352, 354
Миролюбов (Ивачев) Иван Павлович 353
Миропольский А. Л.— см. Ланг А. А.
Мирский Леон Филиппович 456, 459
Миртов — см. Лавров П. Л.
Миско Михаил Васильевич 395, 396
Митрофания (Прасковья Григорьевна Розен), игуменья 210
Михайлов Александр Дмитриевич 542, 543, 545
Михайлов Михаил Илларионович (Ларионович) 397, 413, 426, 427, 446, 448—450, 470, 477, 530, 685
Михайлова (рожд. Чюмина; псевд. Оптимист) Ольга Николаевна 676
Михайловский (псевд. Гроньяр; Профан) Николай Константинович 26, 103, 116, 181, 347, 356, 402, 403, 427, 458, 482, 495, 496, 615, 618, 656—661, 663, 665—670, 672, 682, 684
Михалева, террористка 564
Михеев Василий Михайлович 663
Михеев Семен Константинович 251
Михневич Владимир Осипович 235
Мицкевич Адам 56, 102
Мицкевич Сергей Иванович 400, 405
Мицуаки Танака 471, 478
Мишле Жюль М. 409, 425, 582
Млодецкий Ипполит Осипович 214
Могила Петр — см. Петр Могила
Могилянский (Руссотбовский) Михаил Михайлович 674
Модзалевский Борис Львович 656
Мокиевский Павел Васильевич 656, 690
Молодов Е. 657
Молчанов Анатолий Евграфович 308, 315
Молчанов Мефодий Миронович 400
Мольер (Поклен) Жан Батист 519, 520, 608, 683
Моннуар Шарль 476
Монтень Мишель 485, 486

Мопассан Ги де 147, 148, 153, 321, 330, 332, 335, 351
Мордовченко Николай Иванович 252
Морлей Джон 152, 158
Морозов Николай Александрович 252, 430, 438
Морселли Энрико 567, 568
Мортийе Луи Лоран Габриель де 525
Морулин, купец 74
Москаль М. (Михаил Маркович Митрофанов) 669
Москвин Арсений (Федор Павлович) 102, 116
Москвин А.— см. Эльсниц А. Л.
Моторина Раиса Павловна 656
Мошин Алексей Николаевич 674
Мстислав Владимирович, князь Тмутараканский 41
Мункачи Михай 572
Мунштейн (псевд. Lolo) Леонид Григорьевич 659
Муравский Митрофан Данилович 365, 393
Муравьев Михаил Николаевич 396, 400, 451—452, 530, 588
Муравьев-Апостол Сергей Иванович 152
Мусоргский Модест Петрович 209
Мустафа, слуга Чехова 321, 349
Муто Сэйдзиро 507
Мэрнс Эндрью 496
Мюллер Рихард 302
Мюрже Анри 684
Мюссе Альфред де 657
Мякотин Венедикт Александрович 617, 656, 657, 659—663, 666, 667, 672, 675, 678—682, 684—686, 689—691
Мясницкий И. (Иван Ильич Барышев) 658
Мясоедова Елизавета Михайловна 217, 219

Н.— см. Лавров П. Л.
Набоков Дмитрий Николаевич 444, 445
Навроцкий (Вроцкий) Александр Александрович 659, 662
Нагат Абрам 625
Нагат Сарра 625
Нагибин Юрий Маркович 654
Надсон Семен Яковлевич 29, 31, 232, 236, 237, 312, 318, 431, 657, 662, 668, 671, 677, 678, 680, 682
Наживин Иван Федорович 666, 670, 675
Назарьева (рожд. Манташева) Капитолина Валерьяновна 308, 315
Назимов Владимир Иванович 393
Назимова Алла Александровна 335, 352
Накамура Мицуо 507
Наказ Тёмин 507
Накрохин Прокофий Егорович 663
Наливайко Семерый 138
Наполеон I Бонапарт 42, 136, 151, 510, 611, 658, 670
Наполеон III 142
Наполеон, принц — см. Бонапарт Жозеф Шарль Поль
Направник Эдуард Францевич 206, 220
Нарежный Василий Трофимович 658
Нарышкина (рожд. Куракина) Елизавета Алексеевна 9—22
Нарышкины 12
Насакин (псевд. Н. Симбирский) Николай Вадимович 677
Натансон Марк Андреевич 401
Наумов Николай Иванович 454, 619
Наумов, книгопродавец 146
Невежин Петр Михайлович 689
Невинский Иван 680
Негрескул (рожд. Лаврова) Мария Петровна 573
Негрескул Михаил Федорович 573
Негрескул Эммануил Федорович 573
Негри Ада 662
Незнакомец — см. Суворин А. С.
Некрасов Константин Федорович 614
Некрасов Николай Алексеевич 25, 26, 112, 113, 116, 133, 139, 141, 144, 200, 249, 250, 256, 345, 404, 429, 442, 449, 450, 454—455, 467, 481, 482, 586, 588, 646, 648, 670, 679, 688
Некрасова Екатерина Степановна 489
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович 151, 152
Нелидов Федор Федорович 677
Нелидова (рожд. Королева; в 1-м браке Ломовская; во 2-м — Маклакова; псевд. Л. Н.) Лидия Филипповна 26—35, 461, 466, 472, 474, 477
Немирович-Данченко Василий Иванович 307, 315, 345(?), 355, 480, 483, 659
Немирович-Данченко Владимир Иванович 156, 326, 327, 345 (?), 355
Немчинов Дмитрий Тимофеевич 171, 177
Немчинова Мария Павловна 171, 177
Нерон Клавдий Цезарь 515
Несмеянов Николай Алексеевич 214, 215
Нессельроде Дмитрий Карлович 91
Нессельроде Карл Васильевич 91
Нессельроде (рожд. Закревская) Лидия Арсеньевна 86, 88, 91
Нефедов Филипп Диомидович 657
Нечаев Вячеслав Петрович 6, 240, 258, 315, 608
Нечаев Сергей Геннадиевич 268, 454, 459
Нечаев Степан Дмитриевич 127, 128
Нечкина Милица Васильевна 392, 395, 397
Никандров Николай Никандрович 687
Никанор, архиепископ — см. Бровкович Н.
Никитенко Александр Васильевич 91, 210, 212, 394, 426
Никитин Иван Саввич 355, 648, 658
Никитин, подполк., муж В. Н. Никитиной 511
Никитин — см. Ткачев П. Н.
Никитина Александра Павловна 308, 315
Никитина (рожд. Жандр) Варвара Николаевна 6, 503, 508—602, 691
Никитины, семья 511
Никифор, архиепископ Астраханск. и Ставропольск. 154
Николадзе Николай Яковлевич 464, 471
Николаев Александр Андреевич 674—676
Николаев Петр Федорович 398—428, 671
Николаев П. 662
Николаевы, семья П. Ф. Николаева 401
Николай I 37, 95, 116, 126, 152, 176, 224, 370, 409, 445, 447, 530

Николай II 259, 263, 264, 299
Николай, архиепископ Мирликийский 44, 75, 83
Никольский Борис Владимирович 665
Никонов, знакомый Б. А. Лазаревского 328
Никострат 113
Никулин, знакомый Гаршина 216
Никулина Прасковья Николаевна 216, 222, 223, 227
Никулины, семья 218, 228
Нинети 306
Ницше Фридрих 665, 670
Ничипоренко Андрей Иванович 642
Новиков Александр Иванович 667
Новиков Иван Алексеевич 673, 683, 687
Новиков Павел Михеевич 216, 217
Новикова Нона Николаевна 394
Новикова (рожд. Киреева) Ольга Алексеевна 42
Новомбергский Николай Яковлевич 672
Новополин Григорий (Григорий Семенович Нейфельд) 671
Новорусский Михаил Васильевич 252
Новоселов, матрос 299
Новоселова Авдотья 299
Новоселова Мария 299
Нога (рожд. Лескова) Вера Николаевна 132
Нойтаки П. Е., фотограф 267—269
Нордау Макс 152
Нордман (Северова) Наталья Борисовна 680
Нос, знакомый Б. А. Лазаревского 321
Ностиц, дачевладелец 339
Нотович Осип Константинович 235, 309, 316, 454, 459
Ньютон Исаак 571

О — ъ 139
Облеухов А. Д. 661
Оболенский Александр Петрович 151
Оболенский Л. С. 151
Оболенский Леонид Егорович 459, 667
Образцов Семен Александрович 668
Овелак Александр Абель 571, 584
Овидий Назон 143
Овруцкий Николай Осипович 654
Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич 654, 658, 679, 680
Огарев Константин Ильич 410, 426
Огарев Николай Платонович 360, 362, 363, 365, 366, 392, 394, 397, 426, 428, 430, 433, 464, 476, 507, 673
Огарков (псевд. В. О.) Василий Васильевич 661
О. Генри (Уильям Сидни Портер) 687
Одарченко Константин Филиппович 660
Одоевский Александр Иванович 509, 601
Одоевский Владимир Федорович 685
Ожешко Элиза 663
Окрейц (псевд. С. Орлицкий) Станислав Станиславович 663
Оксман Антонина Петровна 232
Оксман Юлиан Григорьевич 46, 91, 159, 198, 232, 234, 239, 446
Олигер Николай Федорович (Фридрихович) 684
Ольга Васильевна, прислуга Гаршина 227
Ольденбург Герман 153
Ольнем (Варвара Николаевна Цеховская; рожд. Меньщикова) 673
Ольхин Павел Матвеевич 153
Опитц, фотограф 33
Оржевский Петр Васильевич 444, 446
Орлеанский, герцог (Людовик гр. Валуа) 527
Орленев (Орлов) Павел Николаевич 335, 352
Орлицкий С.— см. Окрейц С. С.
Орловский С.— см. Шиль С. Н.
Орсини Феличе 510
Орфано Александр Герасимович 409, 425
Орфано Алексей Герасимович 409, 425
Осадчий Т. И. 660
Осаму (Сэйко) Индзука 471, 477
Осинская (Воскресенская) Анастасия Андреевна 624
Осипович (Андрей Осипович Новодворский) 660
Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич 689
Островский Александр Николаевич 46, 84, 85, 90, 91, 238, 240, 241, 340, 343, 353, 672, 684
Острога В. М., фотограф 431
Острогорский Виктор Петрович 503
Остроумов Алексей Александрович 317, 354
Офросимов М. Н., композитор 243, 246, 247
Ояма Адзуса 505
Ояма Ивао 505, 507

П.— см. Щебальский П. К.
П—ч 404
Пабст Павел Августович 213—215
Павел I 176
Павленков Флорентий Федорович 131, 232, 239, 251, 456, 457
Павлов Николай Филиппович 396
Павлов Ф. 668
Павлова Александра Ивановна 308, 315
Павлова (рожд. Яниш) Каролина Карловна 687
Павловская Мария Иннокентьевна 264
Павловский Иннокентий Игнатьевич 263—267, 272
Павловский Исаак Яковлевич 227, 497, 516
Павурджиев Васил 177
Падлевский Зигмунд 363
Палаузов Спиридон Николаевич 449, 450
Палем Ольга 306, 314
Палимпсестов Иван Иустинович 103, 116
Палкин, владелец ресторана 33, 117
Пальм Александр Иванович 495, 496
Пальмов (псевд. Вестовой; И. С. П-в) Иван Саввич 675
Панаев Иван Иванович 113, 116, 448—450
Панаева (рожд. Григорьева-Брянская; во втором браке Головачева) Авдотья Яковлевна 113, 116
Панин Никита Иванович 161, 162
Панкратов Александр Саввич 687
Панов Александр, журналист 627
Панов Николай Андреевич 658
Пантелеев Логгин Федорович 143, 363, 394

Паньков (?) Федор 231
Паприц Евгения Александровна 622, 629
Паран Л., художник 576
Пардо Басан Эмилия 686
Паскаль Блез 150
Паскевич Иван Федорович 126
Пассек (рожд. Кучина) Татьяна Петровна 127, 128
Паульсен Иосиф Иванович 449, 450
Паульсен Фридрих 670
Паустовский Константин Георгиевич 12
Пафнутий, инок 647
Пахомов Дмитрий Андреевич 675
Пекарский 404
Пелисье Жорж 658, 668
Пельтан Шарль Камиль 515, 520, 521, 536, 542, 548, 549, 554, 560, 593, 594
Пенжан (Pemjean) Люсьен 545
Пенсо Франческо (прозвище Кабианка) 177
Перголезе Джованни Баттиста 562
Переверзев Валериан Федорович 683, 686
Перегудова Зинаида Ивановна 6
Переляев Владимир 624
Перетц Владимир Николаевич 672, 686
Перов Василий Григорьевич 119, 255
Перовская Софья Львовна 498, 514, 516, 624, 625
Перовский Борис Алексеевич 25
Персиянинова (Рябова) Наталья Львовна 309, 316
Пестель Павел Иванович 152, 413, 415, 427, 430
Петерман, знакомая П. Л. Лаврова 577
Петерсон Николай Павлович 383, 396
Петерсон Ольга Михайловна 661, 666,667
Петр I 137, 143, 177, 468, 672
Петр Могила, митрополит киевский 130
Петрашевский Михаил Васильевич 403, 407, 408, 425
Петров Григорий Спиридонович 668, 671
Петров Осип Афанасьевич 198, 206
Петрова Ольга 687
Петряев Евгений Дмитриевич 251, 252, 256
Печерин Владимир Сергеевич 680
Печоркин Евгений Федорович 398
Пешехонов Алексей Васильевич 618
Пешков Алексей Максимович — см. Горький Максим
Пешкова (рожд. Волжина) Екатерина Павловна 478
Пешкова-Толиверова Александра Николаевна — см. Якоби А. Н.
Пиго Лебрен (Антуан Пиго де Лепине) 132, 147
Пикколомини Октавио 669
Пиксанов Николай Кириакович 45
Пилат Понтий 572
Пильняк (Вогау) Борис Андреевич 651
Пинес М. Я. 683
Писарев Дмитрий Иванович 121, 131, 403, 414, 415, 418—420, 423, 427, 437, 448, 450—451, 454, 456, 459, 468, 477, 480
Писарев Иван Иванович 457
Писарев Модест Иванович 309, 316
Писарева (рожд. Данилова) Варвара Дмитриевна 457
Писарева Вера Ивановна 456, 457
Писаревский Б. (Борис Ефимович Шрайбер) 670
Писемский Алексей Феофилактович 386, 396, 397, 449, 450, 608, 641
Письменная Вера Васильевна 689
Пифагор 128
Пихно Дмитрий Иванович 95, 96
Пихтин Алексей Васильевич 625
Пищулин Юрий Петрович 446, 619
Платон 143, 150
Платонов Сергей Федорович 629
Плеве Вячеслав Константинович 442—446
Плетнев Алексей Петрович 690
Плетнев Петр Александрович 659
Плеханов Георгий Валентинович 402, 466, 474, 475, 477, 478, 486, 498, 499, 520
Плещеев Алексей Николаевич 235, 240, 241, 658, 677
Плещунов Николай Степанович 652, 654, 655
Плиний (Кай Плиний Секунд) 143
Плотников Михаил Александрович 659, 660
Плотников Ф. Н., издатель 150
Плутарх 152
Плющик-Плющевский Яков Алексеевич 307, 315
По Эдгар Аллен 668
Победоносцев Константин Петрович 92, 95, 443—445, 579
Погодин Михаил Петрович 103, 116, 139, 652, 660, 661
Погожев Владимир Петрович 308, 315
Погорелов Алексей Сергеевич 667
Погосский Александр Фомич 664
Поджио Александр Викторович 429, 433
Подкольский (Вячеслав Викторович Пузик) 671
Подолинский Сергей Андреевич 430, 540, 541
Пожарский Дмитрий Михайлович 86
Покровский Николай Николаевич 673
Полевой Ксенофонт Алексеевич 139
Полевой Николай Алексеевич 652
Полевой Петр Николаевич 664, 670
Поленц Вильгельм фон 673
Полетика Григорий Андреевич 150, 458
Полилов (псевд. Г. Северцев) Георгий Тихонович 667, 675
Полонская (рожд. Рюльман) Жозефина Антоновна 27—29, 33, 34, 232
Полонский Яков Петрович 26, 27, 30, 33—35, 232, 236, 458
Полонские, семья 232
Полоцкая Эмма Артемьевна 354
Поляков Владимир Васильевич 99
Помяловский Николай Герасимович 648
Понятовский Александр Иванович 92, 130
Попко Григорий Анфимович 531
Попов Иван Иванович 625, 626
Попов Павел Сергеевич 314
Попов Петр Гаврилович 215
Попов Ф. К. 667
Попова Ольга Николаевна 353
Поповы, семья 585
Порошин И. (Иван Александрович Белозерский) 663
Поспелов Сильвестр Александрович 675

Поссе Владимир Александрович 328, 350
Потапенко (псевд. Фингал) Игнатий Николаевич 307, 309, 314, 317, 322, 325, 326, 341, 350, 654
Потапенко (псевд. Савватий) Наталья Игнатьевна 683
Потапов Александр Иванович 663—667
Потапова Злата Михайловна 476
Потебня Александр Афанасьевич 634, 691
Потебня Андрей Афанасьевич 365, 377—379, 395
Потемкин Григорий Александрович 161
Потеряхин (псевд. Ю. Александрович) Александр Николаевич 679
Потехин Алексей Антипович 313
Похвиснев Михаил Николаевич 605, 606
Поярков Николай Ефимович 677
Пресняков Александр Евгеньевич 629
Пресс Аркадий 663, 667, 687
Прибылев Александр Васильевич 580
Прибылева (рожд. Гроссман) Розалия Львовна 580
Привисленец (Д. В. Туткевич) 673
Привольев И.— см. Тюменев И. Ф.
Пришвин Михаил Михайлович 680, 683, 685, 692
Протопопов (псевд. В. П.) Виктор Викторович 130, 156
Протопопов Михаил Алексеевич 656—659, 667, 668
Профан — см. Михайловский Н. К.
Прудон Пьер Жозеф 185, 423, 454, 465, 531
Пружанский Н. 659, 669
Прыжов Иван Гаврилович 151
Прянишников П. К., книгопродавец 144
Птоломей 143
Пугачев Емельян Иванович 161, 413, 415, 427, 430, 616, 618
Пузино Александр Орестович 202, 205
Пузино Вера Орестовна 202
Пузино Евгения Орестовна 202, 205, 210, 211
Пузино Екатерина Орестовна 202, 205
Пузино Елизавета Орестовна 199, 202, 205
Пузино Константин Орестович 202
Пузино Николай Орестович 202, 218—220
Пузино Ольга Орестовна 201, 205, 224, 226
Пузино Орест Поликарпович 199, 201, 205, 226
Пузино Шарлотта Самойловна 201, 205, 210, 211
Пузино Юлия Орестовна 202
Пузино, семья 212, 216, 218, 219, 221
Путятин Евфимий Васильевич 393
Пушкин Александр Сергеевич 13, 27, 29, 31, 35, 38, 95, 96, 112, 116, 117, 121, 122, 125, 138, 178, 206, 209, 219, 225, 232, 235, 250, 310, 321, 344, 354, 355, 440, 481, 482, 509, 631, 641, 650, 651, 659, 661, 663, 664, 667, 668, 671, 675, 677, 678, 681, 682, 685, 686, 688, 689
Пшерадский Н., редактор-издатель «Крымского вестника» 327, 330
Пшибышевский Станислав 345, 669, 673, 677
Пыпин Александр Николаевич 151, 405, 406, 458, 665, 678

Р—х Н—х Д., сотрудник «Вольного слова» 592
Рааб Вильгельмина Ивановна 31, 35, 198, 206
Рабинович (псевд. А. Чивонибар) Адольф Харитонович 672
Радзивилл, княгиня 42
Радимов Павел Александрович 682
Радищев Александр Николаевич 133, 137
Радклиф (рожд. Уорд) Анна 644, 675
Радонежская Раиса Родионовна 159, 176
Раевский Владимир Федосеевич 690
Разумовский (Розум) Алексей Григорьевич 612
Разумовский Николай Иванович 628
Разумовские, семья 612
Райский — см. Мещерский В. П.
Ракович И. 670, 673
Раппопорт (псевд. С. Ан—ский) Семен Акимович 675
Ратгауз Даниил Максимович 677
Ратнер Михаил Давыдович 365
Рафалович Сергей Львович 673, 678
Рашкова Устинья 299
Ревуненков Владимир Георгиевич 395
Редедя, касожский хан 41, 42, 62
Редсток Гренвиль 20, 22, 135
Редько Александр Мефодиевич 673—677, 679—688
Резенер Ф., переводчик 150
Рейбо Луи 661
Рейнар Ж. 520
Рейсер Соломон Абрамович 394, 652, 655
Рейснер Михаил Андреевич 671
Реклю Жан Жак Элизе 470—474, 478, 501—504
Ремизов Алексей Михайлович 651, 681
Ренан Эрнест Жозеф 136, 152, 526, 527, 549, 602, 657, 660, 670
Ренар Жюль 671
Рени Р. Егорович 216
Ренненкампф Николай Карлович 510
Рено, домовладелец 24
Рентар Г. 399
Ренчицкий Станислав Дмитриевич 205, 219
Ренчицкие, семья 218, 219
Репин Илья Ефимович 44, 75, 83, 189, 244, 255, 389
Рерих Константин Федорович 205
Решетников Федор Михайлович 648, 649
Риенци Кола ди 663
Ричард III 144
Ричардсон Ральф 112
Робеспьер Максимилиан 510
Ровинский Павел Аполлонович 201
Рогожников Федор, студент 628
Роденбах Жорж 681
Родионов И. А. 680
Родионов П. А., корнет 171
Розанов Иван Никанорович 686
Розанов Матвей Никанорович 669
Розен Андрей Евгеньевич 151, 152
Розенберг Владимир Александрович 675
Розенберг Петр Львович 134
Розинер Александр Евсеевич 46
Розов-Цветков (Розенталь) В. 673

Ролан Мария Жанна 642
Романович-Славатинский Александр Васильевич 510, 515
Романовы, династия 431, 449
Ромер Федор Эмильевич 662, 667
Ромиас Сергей 660, 662
Рони (Бёкс) Серафен Жюстен Франсуа 682
Рославлев Александр Степанович 687
Росси Эрнесто 19, 20, 22
Россиев Павел Амплиевич 667
Россини Джоакино Антонио 220, 562
Ростан Эдмонд 307, 315
Рошфор Анри 527, 528, 532, 533, 537, 565
Рощаковский, лейтенант 332, 334, 351, 352
Рубакин Николай Александрович 301
Рубинштейн Антон Григорьевич 26, 30, 31, 226, 343, 354
Рубинштейн Николай Григорьевич 215
Рудинский Николай Дмитриевич 677
Рукавишников Иван Сергеевич 659, 685, 686
Руманов Аркадий Вениаминович 685
Руместан Нума 525
Румянцева Вера Федоровна 46
Рунова (рожд. Мещерская; во 2-м браке Богданова) Ольга Павловна 688, 691
Русаков Виктор — см. Либрович С. Ф.
Русанов Николай Сергеевич 498, 508, 515, 519, 531, 676, 682
Русов Николай Николаевич 683, 685, 688
Руссо Жан Жак 112, 146, 507, 553, 661
Руффини Джованни Доменико 671
Руэн О. 547
Рыбасов Александр Петрович 12
Рыбников Павел Николаевич 409, 425
Рывкин Мирон Давидович 666, 683
Рылеев Кондратий Федорович 133, 138—140, 152, 678
Рылеев Федор Андреевич 138
Рылеева (по мужу Пущина) Настасья Кондратьевна 138
Рылеева (рожд. Тевяшова) Наталья Михайловна 139
Рыльский Тадей 427
Рысаков Николай Иванович 458
Рышков Виктор Александрович 662, 665, 676
Рюити (Хосидзаки) Куки 471, 477
Рюрик 612

С. С., знакомый Л. Н. Толстого 330, 351
С—о Мих. — см. Сырокомля-Сопоцько М. А.
Сабашников (псевд. И. Юринский) И. М. 148
Саблин Владимир Михайлович 629
Сабунаев М. В. 401
Сабурова Екатерина Александровна 315
Савватий — см. Потапенко Н. И.
Савелов (псевд. В. Астров) Василий Константинович 686
Савина (рожд. Подраменцова) Мария Гавриловна 34, 35, 305, 308, 312, 316, 318
Савинкова Вера Викторовна 669, 670, 673, 691
Саводник Владимир Федорович 690
Садовский (Тобилевич) Николай Карпович 241
Садовской (Садовский) Борис Александрович 681
Сажин Михаил Петрович 531
Сазонов Николай Федорович 304—306, 308—313, 315, 316, 318
Сазонова Софья Ивановна — см. Смирнова С. И.
Саккетти Франко 689
Саксаганский (Тобилевич) Панас Карпович 241
Сакулин Павел Никитич 636
Салаев Федор Иванович 605—607
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина; псевд. Евгения Тур) Елизавета Васильевна 85, 642
Салов Илья Александрович 664
Салтыков (псевд. Н. Щедрин) Михаил Евграфович 6, 25, 41, 42, 46, 112, 142, 167, 181—183, 240, 247, 411, 419, 429, 430, 432, 442—447, 453, 458, 477, 482, 535, 536, 540, 556, 586, 587, 619—630, 635, 645, 651, 652, 676
Сальг Жак Бартелеми 132
Сальников Александр Николаевич 667
Сам Я. (Владимир Игнатьевич Хиляк) 672
Самарин Юрий Федорович 612, 613
Самарская, знакомая Гаршина 221
Сангушки, семья 102
Санд Жорж (Аврора Дюпен; по мужу Дюдеван) 406, 425, 478, 664, 687
Санин (Шенберг) Александр Акимович 312, 318, 354
Сапеги, семья 102
Сапир Борис 691
Сарданапал 128
Сато Сэйро 471, 472, 505
Сахаров Александр Алексеевич 263
Сахарова (рожд. Маркова) Елизавета Константиновна 263
Сбышевский (Збышевский), офицер 494
Светлов Валерий Яковлевич 661, 673
Свет-Марден Орисон 674
Свириденко С. 678
Свирский Алексей Иванович 661, 675, 686
Свитыч (псевд. В. Иллич-Свитыч) Владислав Станиславович 673
Свободин (Козиенко) Павел Матвеевич 305, 313
Северцев Георгий Тимофеевич — см. Полилов Г. Т.
Селезнев Иван Федорович 189
Селиванов Василий Васильевич 670
Селиванов Николай Александрович 316
Селиванова Любовь Васильевна 312, 318
Селин Луи Фердинанд 351
Семашко Иосиф 57, 61, 62
Семевский Василий Иванович 405, 425, 676
Семевский Михаил Иванович 404
Семенов (псевд. Гольдебаев) Александр Кондратьевич 680
Семенов Владимир Иванович 668
Семенов Сергей Терентьевич 355, 674, 686
Сементковский Ростислав Иванович 336, 352, 653

Сенека Луций Анней 149, 150
Сенкевич Генрик 147, 148, 332, 659, 672, 682
Сен-Симон Клод Анри де 403, 406, 425
Сераковский Сигизмунд Игнатьевич 393, 394
Серафимович (Попов) Александр Серафимович 667, 684, 686
Сервантес де Сааведра Мигель 104, 326, 648, 655, 667, 677
Сергеев-Ценский Сергей Николаевич 679, 688
Сергеевич Василий Иванович 258
Сергеенко Марина Петровна 348
Сергеенко Петр Алексеевич 258, 261, 350, 353, 658
Сергиевский И. Н. 669
Сергиевский Николай Львович 404
Серебряков Эспер Александрович 512, 516
Серебряная Нина Зиновьевна 23
Серман Илья Захарович 645, 654
Сермент Август 686
Серно-Соловьевич Александр Александрович 361, 392, 414, 415, 464
Серно-Соловьевич Николай Александрович 361, 365, 397
Серов Валентин Александрович 351, 636
Серошевский Вацлав Леопольдович 657, 661, 666, 670
Сетон-Томсон Эрнест 674
Сеченов Иван Михайлович 602
Сибиряков Константин Михайлович 231
Сивоконенко Алексей Трифонович 294
Сигма — см. Сыромятников С. Н.
Сидоров Михаил Константинович 221, 222
Сидорова (рожд. Латкина) Елена Васильевна 221
Сильва Кармен (Елизавета, королева румынск.) 686
Симаго Александр Николаевич 294
Синани Исаак Абрамович 321, 331
Сиповский Василий Васильевич 663, 677
Скабичевский Александр Михайлович 173, 177, 659
Скальковский Константин Аполлонович 306, 314, 672, 674
Скартаццини Иоганн Андреас 676
Скарятин Владимир Дмитриевич 468, 476
Скарятина Надежда Владимировна — см. Кончевская Н. В.
Скарятина Ольга Ростиславовна — см. Мечникова О. Р.
Скирмунты, семья 101
Скиталец (Степан Гаврилович Петров) 670, 682
Склифосовский В. 664
Скобелев Михаил Дмитриевич 41—44, 46, 62—73, 77, 79, 80, 82, 83, 268, 544
Сковорода Григорий Саввич 684
Скотт Вальтер 152, 161
Скребицкий Александр Ильич 656, 671
Скуратов П. (Павел Леонидович Новиков) 668
Славинский П., публицист 397
Слатин Илья Ильич 217, 219
Слезкин Юрий Львович 685—687
Слепцов Александр Александрович 361, 426
Слепцов Василий Алексеевич 26, 201, 642
Слуцкий Борис Абрамович 319
Случевский Константин Константинович 664
Смайльс Самуэль 150
Смельницкий Иван Николаевич 667
Смирнов Александр, семинарист 628
Смирнов Алексей 668
Смирнов Валериан Николаевич 531, 540, 691
Смирнов Василий Дмитриевич (?) 657, 660
Смирнов Василий Яковлевич 667
Смирнов Ф. 670
Смирнов-Сокольский Николай Павлович 10, 13
Смирнова (рожд. Россет) Александра Осиповна 612
Смирнова Надежда Ивановна 308, 316
Смирнова (по мужу Сазонова) Софья Ивановна 304—318, 659
Смирнова, мать С. И. Сазоновой 310
Смирягин Александр Павлович 671
Снытко Трифон Галактионович 594
Соболев Юрий Васильевич 271, 688
Соболь Андрей (Юлий Михайлович Соболев) 687
Совенко, юрист (?) 205
Созонт, иеродиакон 94, 117—120
Соколов Василий Павлович 658
Соколов И. С. 666
Соколов Николай Васильевич 430
Соколов Николай Матвеевич 143, 676
Соколов Петр Алексеевич 620—622, 624, 629
Соколов Петр Петрович 141
Соколов Яков Аверьянович 131, 132, 156, 157
Сократ 150
Солдатенков Кузьма Терентьевич 139, 556
Соловьев Александр Константинович 455
Соловьев Владимир Сергеевич 133, 140, 666
Соловьев (псевд. Андреевич) Евгений Андреевич 661, 662, 676, 690
Соловьева (псевд. Allegro) Поликсена Сергеевна 26, 662, 684
Сологуб (Тетерников) Федор Кузьмич 658, 674, 678, 680
Соломон, царь 679
Сомов Андрей Иванович 154
Сомов Иосиф Иванович 202, 203
Сомова Е. К. 675
Сосницкий Аркадий 669
Софья Витовтовна, вел. княгиня 209
Сохин И. (Вера Александровна Энгельгардт) 666
Спасо-Кукотский А., рецензент «Русского богатства» 674, 675
Спасская Вера Михайловна 477
Спасский В. В., художник 683
Спасский Василий Лукич 203
Спекторский Евгений Васильевич 682
Сперанский Валентин Николаевич 354
Спиноза Барух 494, 672

Спиро С., редактор-издатель «Крымского вестника» 349
Средин Леонид Валентинович 294, 341, 353
Срезневский Всеволод Измайлович 683
Срезневский Измаил Иванович 448
Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич 311, 312, 351, 608, 609
Станюкович Кирилл Петрович 492
Станюкович Константин Константинович 493
Станюкович Константин Михайлович 6, 458, 486—499, 501—504, 657
Станюкович Любовь Константиновна 495
Станюкович Любовь Николаевна 489, 493, 495
Станюкович, семья 493, 495
Старицкий Михаил Петрович 660
Старый Джон — см. Гнедич П. П.
Стасов Владимир Васильевич 255
Стасов Дмитрий Васильевич 428
Стасюлевич (рожд. Утина) Любовь Исааковна 25
Стасюлевич Михаил Матвеевич 11, 25, 26, 34, 35, 457, 458, 682, 685
Стахевич Сергей Григорьевич 425
Стебницкий М.— см. Лесков Н. С.
Стендаль (Анри Бейль) 147, 687
Степаненко Николай Никитич 675
Степанов Николай Александрович 449, 450
Степанов, фотограф 236
Степняк-Кравчинская (рожд. Личкус) Фанни Марковна 504
Степняк-Кравчинский (псевд. Б.; С. Горский) Сергей Михайлович 6, 458, 466, 470, 485, 486, 494, 497—504, 513, 516, 548, 554, 562, 566, 567, 576, 594, 623, 678, 689
Степняк-Кравчинские, семья 466
Стерн Лоуренс 146
Стефанович К. С. 675
Стефанович (парт. кличка Дмитро) Яков Васильевич 556
Стефановский Иван Николаевич 664
Стечькин Николай Яковлевич 674
Столыпин Петр Аркадьевич 315
Столяров (псевд. С. Ашевский) Михаил Николаевич 681
Столярова Ирина Владимировна 45, 652, 654, 655
Стопановский Михаил Михайлович 449, 450
Стороженко Николай Ильич 404
Стоянов Захарий 430
Стражев Виктор Иванович 683
Странден Николай Павлович 383, 396
Страхов Николай Николаевич 210, 540, 685
Стрельников, прокурор 570
Стрепетова (Погодина) Пелагея Антипьевна 26, 238
Стриндберг Август 674, 678, 679
Струве Генрих Егорович 665
Студенцов Николай Павлович 319
Суворин Алексей Алексеевич 305—307, 314
Суворин (псевд. Незнакомец) Алексей Сергеевич 29, 41, 44, 46, 83, 85, 95, 117, 120, 121, 127, 132, 135, 136, 143, 152, 153, 157, 158, 219, 220, 226, 229, 258—263, 270, 296, 304—310, 312—318, 350, 353, 355, 356, 653
Суворина Анна Ивановна 305, 312
Суворины, семья 305, 307
Суворов Александр Васильевич 672
Судейкин Георгий Порфирьевич 602
Сузуки Есабуро 507
Сузуки Отохэй 507
Сулержицкий Леопольд Антонович 674
Султанова Екатерина Павловна — см. Леткова-Султанова Е. П.
Сумбатов-Южин Александр Иванович — см. Южин А. И.
Сургучев Илья Дмитриевич 687, 688
Суровцев Михаил 620
Сусанин Иван 138
Суслова (по мужу Эрисман) Надежда Прокофьевна 397
Суханов Николай Евгеньевич 542, 543, 545
Сухомлин Василий Иванович 624
Сушков Николай Васильевич 139
Сырокомля-Сопоцько (псевд. Мих. С—о) Михаил Аркадьевич 670
Сыромятников (псевд. Сигма) Сергей Николаевич 308, 310, 315, 667, 672
Сысоев Валерий Мануилович 663
Сысоев Николай Александрович 318
Сю Эжен 478, 641, 643
Сюлли Джеймс 567, 568
Сюлли-Прюдом Рене Франсуа Арман 559

Тавдгиридзе Като 517
Таганцев Николай Степанович 238—241
Тайлор Эдуард Барнет 535, 536, 542, 544, 548
Тайна П. Э. 671
Таландье Альфред 538, 542, 543, 545, 573
Тамарченко Григорий Евсеевич 654
Тан Н. А. (Владимир Германович Богораз) 664, 665, 669, 673—675, 678—680
Танеев Сергей Васильевич 316
Тарасенков Алексей Терентьевич 669
Тарасов Евгений Михайлович 677
Таратута Евгения Александровна 497, 498, 503
Тардов Владимир Геннадиевич 684
Тарковский А., переводчик 520
Тарле Евгений Викторович 515, 656, 686, 687
Таскин Сергей Иванович 268
Татаринова Аня 340
Татаринова Фанни Карловна 332, 333, 335, 338, 340, 344—346, 351, 353
Татариновы, семья 338
Таубе В., фотограф 481
Таубин Рафаил Абрамович 393
Тацит 143
Теккерей Уильям Мейкпис 485, 642
Телешов Николай Дмитриевич 671, 686
Темлинский С. (Владимир Андреевич Грингмут) 482
Тен-Бринк Бернард 662
Теплинский Марк Вениаминович 271, 272, 442, 446
Теплов А. 674
Терентьев В. А. 272, 297
Терещенко, доктор 306
Тер-Микельян София Г. 688

Терпигорев (псевд. Сергей Атава) Сергей Николаевич 44, 46, 84, 85, 90, 91, 127, 664
Тиле, фотограф 33
Тиме Георгий Августович 204, 205, 208
Тимковский Николай Иванович 673, 688
Тимон Афинский 144
Титов Владимир Павлович 684
Тиханов Владимир 661
Тихо де Браге — см. Браге Тихо де
Тихов Алексей Иванович 661
Тихомиров (И. Кольцов) Лев Александрович 465, 470, 487—490, 497, 499, 554
Тихон Задонский 153
Тихонов (псевд. А. Луговой) Алексей Алексеевич 670
Тихонов Владимир Алексеевич 661
Тихонравов Николай Саввич 140, 157, 661
Тищенко Федор Федорович 675
Ткачев (псевд. Никитин) Петр Никитич 408, 485, 486, 488, 490, 497
Токутоми Кэндзиро 684
Толстая Александра Андреевна 682
Толстая (псевд. А. Востром) Александра Леонтьевна 675
Толстая (рожд. Перовская) Анна Алексеевна 611
Толстая (рожд. Берс) Софья Андреевна 684
Толстая (рожд. Бахметьева; в 1-м браке Миллер) Софья Андреевна 9—12, 14, 16, 18—22, 612
Толстой Алексей Константинович 6, 9, 23, 25, 84, 90, 139, 140, 611—613, 664, 667, 684
Толстой Алексей Николаевич 685, 687, 688
Толстой Дмитрий Андреевич 134, 442—445
Толстой Илья Львович 354, 685
Толстой Лев Львович 343, 354, 667, 676
Толстой Лев Николаевич 6, 46, 83, 126, 136, 137, 146—148, 150, 154, 157, 171, 210, 211, 240, 261, 309, 319, 324, 326, 330, 340, 343, 344, 346, 350, 351, 354, 355, 429, 466, 467, 477, 491, 493, 540, 608—611, 625, 628, 635 638, 640, 651, 652, 655, 667, 673, 674, 679, 681—685, 687—691
Толстой Сергей Львович 611
Толстяков Артур Павлович 657
Томашевский, чиновник 297
Топинар Поль 525
Топоров Александр Васильевич 27, 32—34
Торелли-Ториани (псевд. Маркиза Коломби) Мария 485, 486, 497, 501
Тотубалин Николай Иванович 642, 654
Трейгут Александра Ивановна 34, 35
Трейгут Александра 34, 35
Трейгут Василий 34, 35
Трейгут Елена 34, 35
Тренев Константин Андреевич 686
Трепов Федор Федорович 455
Третьяков Павел Михайлович 249
Третьякова Анна 397
Тригони Михаил Николаевич 458
Троицкий Всеволод Юрьевич 652, 655
Трунева Елизавета Ивановна — см. Латкина Е. И.
Трусов Антон Данилович 359, 365
Труссо Арман 58, 62
Трухачевский 659
Трэн, владелец ресторана 560
Тукалевский В. Н. 683
Тун Альфонс 532
Тур Евгения — см. Салиас де Турнемир Е. В.
Тургенев Иван Сергеевич 6, 12, 13, 23, 25—35, 134, 173, 177, 232, 257, 321, 335, 345, 386, 418, 427, 429, 507, 514, 516, 525, 564, 585, 586, 602, 605—607, 611, 635, 641, 650, 654, 657, 666, 691, 692
Тургенев Николай Иванович 678
Тургенева Полина Ивановна — см. Брюэр П. И.
Туркин Александр Гаврилович 670, 685
Туссен, жена физиолога 589
Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна 511
Тыркова (по мужу Борман) Ариадна Владимировна 684
Тырсин Николай, семинарист 628
Тычинкин Константин Семенович 316
Тэн Ипполит 185, 512, 516, 594, 601
Тюдикум, владелец пансиона 485, 486
Тюлье Анри Жан Батист 525, 542
Тюменев (псевд. И. Привольев) Илья Федорович 131, 132
Тюркан Жозеф 673
Тютчев Федор Иванович 150, 156, 515, 605, 683

Уайльд Оскар 676, 678
Уаймен Джон 672
Украинка Леся (Лариса Петровна Косач) 631
Уманов-Каплуновский Владимир Васильевич 663
Урлауб Конкордия 664
Урусов Александр Иванович 309, 317
Урусов Юлий Дмитриевич 456
Усакина Татьяна Ивановна 394
Усов Павел Степанович 94, 117, 120, 139
Усова (по мужу Кривенко) Софья Ермолаевна 626
Успенский Глеб Иванович 26, 207, 240, 402, 410, 411, 426, 454, 651, 671
Успенский Порфирий (Константин Александрович) 94, 113, 114, 116, 118, 121
Успенский П. Д. 688
Усталый — см. Вознесенский А. Н.
Утин Евгений Исаакович 657
Утин Николай Исаакович 5, 203, 359—397
Ухтомский Эспер Эсперович 673
Уэйтейер 150

Фаге Эмиль 669
Файнгингер Ганц 670
Фальковский Федор Николаевич 660, 668, 672
Фаррар Фредерик Вильям 153, 158
Фаресов Анатолий Иванович 120, 147, 156, 633, 634, 653, 666
Фаусек Виктор Андреевич 173, 174, 177, 232
Федоров Александр Митрофанович 312, 318, 342, 353, 663, 667, 671, 678, 681, 686
Федоров Б. Д., рецензент «Русского богатства» 664

Федоров-Юрковский Федор Александрович 305, 313
Федотов Александр Александрович 609
Федотова Гликерия Николаевна 310
Фейгин Ф. И. 668
Фейербах Людвиг 592
Фейнерман (псевд. И. Тенеромо) Исаак Борисович 674
Фельдман Алексей Степанович 352
Фемелиди Александр Михайлович 682
Фенейрон, аптекарь 579
Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот 145
Феоктистов Евгений Михайлович 41, 46, 314, 317, 443—446, 606, 607
Феоктистова Софья Александровна 606, 607
Феофилактовы, знакомые Гаршина 205
Феррано, братья — см. Орфано Алексей и Александр
Ферсхофен Вильгельм 689
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич 692
Фигнер Вера Николаевна 453, 455, 456, 580, 624
Фидий 647
Фидлер Федор (Фридрих) Федорович 233—236, 319, 661, 662, 669, 670
Филарет (Василий Дроздов), митрополит моск. 153, 475
Филимонова Лидия Федоровна 198
Филипп, македонский царь 113
Филиппов Дмитрий Иванович 200
Филиппов Рудольф Васильевич 396
Филиппов Тертий Иванович 96
Филиппова Нина Викторовна 562
Филипповы, семья Д. И. Филиппова 200, 207
Филонов Андрей Григорьевич 28, 35
Фингал — см. Потапенко И. Н.
Фиркс (псевд. Шедо-Ферроти) Федор Иванович 451
Фирсов В. 657
Фишер Куно 247
Флавий Иосиф 152
Флёри Алиса (псевд. Анри Гревиль) 578, 579
Флобер Гюстав 147, 657, 687
Флоров, коллежский советник 297
Флоровская Ольга Николаевна 675
Фогт Фридрих Герман 668
Фокков Николай Федорович 205
Фольмар Георг 544—550, 561
Фома Кемпийский 153, 154
Фонвизин Денис Иванович 305
Фонякова Наталья Николаевна 232
Фор Франсуа Феликс 551
Фортуни Мариано 183
Фофанов Константин Михайлович 666
Фохт Карл 617
Фрагонар Жан Оноре 108, 116
Франке Куно 674
Франко Иван Яковлевич 631, 669
Франс Гектор 496
Франц Иосиф I, австр. имп. 157
Француз Карл Эмиль 497
Фрейсине Шарль Луи 523—525, 538, 542, 543, 546, 547, 557—559, 584
Френкель Лев Давыдович 261
Фришмут Мария Яковлевна 669
Фроленко Михаил Федорович 542, 543, 545
Фролов, коллежский советник 297
Фруг Семен Григорьевич 29, 662
Фтабатэй Симэй (Хасэгава Тацуносукэ) 507
Фурье Шарль 403, 406, 408—410, 425

Х., авт. в сб. «Социальный вопрос» 1888 г. 404
Х—в Я.— см. Харламов Я. А.
Халатов Борис 676
Халтурин Степан Николаевич 498—501 570
Хамонтов Николай Николаевич 174
Хан Мануил 453
Харкеевич Варвара Константиновна 302, 322, 344—346, 350
Харламов (псевд. Я. Х—в) Яков Абрамович 131, 156
Хвощинская — см. Крестовский В.— псевдоним
Херн Лафкадио 680
Хидзо Одагири 507
Хирьяков А. 662
Хмелевская Екатерина Митрофановна 198
Хмельницкий Богдан 660
Ходотов Николай Николаевич 312, 318
Холмская Зинаида Васильевна 307, 308, 315
Хорват Алексей Николаевич 524—526, 540, 542, 557, 560, 569, 579 (?), 587
Хотяинцева Александра Александровна 322, 329, 350
Хохлов Григорий Терентьевич 672
Хохлов Павел Акинфиевич 244, 246, 247
Хохлова (рожд. Коротнева) Ольга Николаевна 244, 247
Храбровицкий Александр Вениаминович 404, 614
Христофоров Александр Христофорович 430, 432, 436—440
Христофоровы, семья 437
Хрулев Степан Александрович 63, 83
Худекова (рожд. Плещеева) Надежда Алексеевна 673
Худяков Иван Александрович 396, 422, 427, 586, 588

Цабель Евгений 673
Цакни (рожд. Львова) Зинаида Константиновна 581, 582
Цакни Николай Петрович 535—537, 541, 543—548, 550, 558, 576, 582
Цакни, семья 579—581
Царевский Алексей Александрович 657
Цветаева Анастасия Ивановна 689
Цезарь Гай Юлий 144
Цейнер Михаил Абрамович 669
Цейтлин Александр Григорьевич 12
Цейтлина Мария Александровна 654
Цехновицер Орест Вениаминович 45
Цеховская Варвара Николаевна — см. Ольнем
Цион Илья Фаддеевич 210, 211
Цитович Илларион Илларионович 212
Цицерон 138, 143
Цудзи Синдзи 506

Чаадаев Михаил Яковлевич 685
Чаадаев Петр Яковлевич 678, 685
Чаев Николай Александрович 659

Чайковский Николай Васильевич 407, 499, 536, 619
Чайковский Петр Ильич 310
Чаплицкая Анна Павловна 526
Чапыгин Алексей Павлович 683, 686
Чарская (Чурилова) Лидия Алексеевна 685
Чарторыский (Чарторыжский) Адам 395
Чевкин С. М. 688
Чекулаев Сергей Иванович 625
Челищева Мария Александровна 397
Чепурнова 455, 456
Череванский Владимир Павлович 690
Чередникова Майя Павловна 655
Черемнов Александр Сергеевич 684
Черепахин Александр Петрович 564, 569
Черкасов Владимир, шт.-кап. 456, 457
Черкасский Владимир Александрович 612, 613
Черкесов Александр Александрович 397
Черниговец (Вишневский) Федор Владимирович 307, 315
Черный Саша (Александр Михайлович Гликберг) 680, 682
Чернышевский Гавриил Иванович 470
Чернышевский Михаил Николаевич 690
Чернышевский Николай Гаврилович 25, 156, 360, 361, 400, 404, 405, 410—416, 425—427, 433, 445, 446, 448, 454, 458, 465—468, 470, 541, 676, 678, 682, 690
Черняев Михаил Григорьевич 42, 229, 230
Черняев Николай Иванович 661
Черняк Яков Захарович 395
Черчейт Э., художник 229
Чесноков Н. А., фотограф 39
Чех И. С. 669
Чехов Александр Павлович 258, 270, 272, 313, 317, 318, 347
Чехов Антон Павлович 5, 238, 240, 247, 258—356, 475, 616, 618, 674—676, 679, 681—684, 686—688, 691
Чехов Иван Павлович 258, 319, 329, 343, 348, 354
Чехов Михаил Александрович 345
Чехов Михаил Павлович 260, 299, 311, 345, 347, 356
Чехов Николай Александрович 347, 356
Чехов Николай Павлович 343, 354
Чехов Сергей Михайлович 337
Чехова Евгения Яковлевна 268, 322, 324, 325, 329, 334, 336—338, 344
Чехова Мария Павловна 258, 264, 266, 271, 272, 294, 309, 328—330, 333, 334, 338, 339, 341, 342, 348—351, 356
Чеховы, семья 299, 348
Чешихин Василий Евграфович — см. Ветринский Ч.
Чиколини, петербургский знакомый Л. Мечникова 479
Чириков Евгений Николаевич 342, 354, 673, 684, 685, 689
Чистяков Павел Петрович 209
Читау (Кармина) Мария Михайловна 308, 316
Чублинский Иван, рядовой 298
Чуднова Лидия Георгиевна 655
Чудовский Дмитрий Николаевич 393
Чуковский Корней Иванович 26, 27
Чулков Георгий Иванович 673, 677, 684, 689
Чулков, знакомый Б. А. Лазаревского 326
Чюмина (по мужу Михайлова) Ольга Николаевна 661

Шаганов Вячеслав Николаевич 404, 405
Шагинян Мариетта Сергеевна 687
Шамиль 25
Шапир Ольга Андреевна 659
Шапошников Александр Константинович 335, 336, 345, 352
Шапошникова, жена А. К. Шапошникова 335, 336, 345
Шарапов (псевд. М. Зинин) Сергей Федорович 661
Шарко Жан Мартен 586
Шатобриан Франсуа Рене Огюст 94, 117, 120, 121, 146, 663
Шах-Азис Сибат 669
Шахматов Алексей Александрович 319
Шахова Елизавета Никитична 689
Шаховская Людмила 661
Шаховская Наталья Дмитриевна 614—618
Шаховской Дмитрий Иванович 617, 618
Шашков Серафим Серафимович 151, 488, 489, 492, 493
Шевченко Тарас Григорьевич 352, 376, 395, 615, 631, 677
Шедо-Ферроти — см. Фиркс Ф. И.
Шейн Павел Васильевич 690
Шекспир Вильям 144, 220, 308, 309, 317, 512, 521, 558, 662, 664, 670, 672, 682, 684
Шелаева Алла Александровна 45
Шелгунов Николай Васильевич 426, 427, 446, 448, 450—451, 458, 484, 486—489, 501, 668
Шелгунова (рожд. Михаэлис) Людмила Петровна 426, 427, 470, 668
Шелли Перси Биши 401, 484—486, 503
Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф 426
Шемиоты, семья 102
Шенрок Владимир Иванович 660
Шепелевич Л. Ю. 690
Шерр Иоганн 675
Шершевский, ученик Гаршина 206, 207
Шестериков Сергей Петрович 37, 45, 46, 61, 130, 132 156, 157
Шестернин Сергей Павлович 629
Шестов Л. (Лев Исаакович Шварцман) 664
Шеффле Альберт Эбергард Фридрих 520, 620, 624
Шехтель Франц Осипович 343
Шибанов Василий 192
Шиллер Фридрих Иоганн Кристофор 111, 146, 666, 667, 669, 673
Шилов Федор Григорьевич 130, 131, 156
Шиль (псевд. С. Орловский) Софья Николаевна 675
Шишкевич Мартиан 625
Шишко Леонид Эммануилович 476
Шишко Ольга Леонидовна 475, 493
Шишков Александр Семенович 332, 351
Шишмарев Константин Иванович 294
Шкловский Виктор Борисович 655
Шкотт Александр Яковлевич (Джемсович) 639

Шлоссер Фридрих Кристоф 131
Шляпкин Илья Александрович 36, 45, 130, 132, 156, 157, 238, 655, 671
Шмелев Иван Сергеевич 682, 685—687
Шницлер Артур 670, 671, 676, 686
Шокотов Константин Павлович 205
Шокотова Авдотья Павловна 205
Шомель Август Франсуа 58, 62
Шонмори (Chonmorie), корреспондент П. Л. Лаврова 545
Шопен Фридерик Францишек 307
Шопенгауэр Артур 151, 588, 670
Шпажинский Ипполит Васильевич 608, 609
Шполянский И., студент 542, 543
Штакеншнейдер Елена Андреевна 531
Штейн Генрих Фридрих 492, 493
Штернберг Лев Яковлевич 671, 672
Штур, изд. 434, 436, 605, 606
Шуберт Франц 562
Шубинский Сергей Николаевич 92, 135, 634
Шувалов Иван Михайлович 312, 318
Шувалова (рожд. Сазонова) Любовь Николаевна 308, 310, 315
Шульга, квартирмейстер 334
Шульгин Виталий Яковлевич 96, 510, 515, 516
Шульговский Николай Николаевич 686
Шуман Франц 31
Шуф Владимир Александрович 661, 677

Щапов Афанасий Прокофьевич 393
Щебальский (псевд. П.) Петр Карлович 45, 84—85, 91
Щеглов И. (Иван Леонтьевич Леонтьев) 668
Щегловитов Иван Григорьевич 616, 618
Щеголев Павел Елисеевич 681, 682, 689, 690
Щедрин Н.— см. Салтыков М. Е.
Щепкин Николай Михайлович 139
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна 307, 315, 662, 666, 668
Щербак Александр Викторович 42, 44, 46, 264—266, 268—272, 294, 295, 298
Щербатов Михаил Михайлович 137
Щербина Николай Федорович 133, 139
Щиглев Владимир Романович 658
Щукин Сергей Николаевич 344, 355
Щуровский Петр Андреевич 220

Эвальд Владимир Федорович 199
Эзоп 143
Эйгес Иосиф Романович 243
Эйхенбаум Борис Михайлович 46, 652
Экк А. 667
Экк Оттон Карлович 119
Эленшлегер Адам Готлоб 675
Элпидин Михаил Константинович 136, 364, 365, 434, 436, 438—440, 587, 619, 628
Элпидины, семья 440
Эльзон Михаил Давыдович 656—657
Эльсниц (псевд. А. Москвин) Александр Леонтьевич (Людвигович) 486, 489, 490, 493, 494, 496, 497, 499, 501—504
Эльсниц Герман Леонтьевич 493, 494
Эмбер Альфонс 524, 525
Эмбер Тереза 344, 355
Эмбер, муж Т. Эмбер 355
Эмге А.— см. Громов А. М.
Энгельгардт В. А.— см. Сохин И.
Энгельгардт Александр Николаевич 30, 35, 634
Энгельгардт (рожд. Макарова) Анна Николаевна 30, 31, 35, 397
Энгельгардт Борис Михайлович 605—607
Энгельгардт Николай Александрович 310, 318, 669
Энгельман С. А. 660
Энгельс Фридрих 530, 532, 620, 623, 624, 636
Эннес, владелец пансиона 429
Эпикур 150
Эпштейн Анна Михайловна 503, 504
Эркман-Шатриан (Эмиль Эркман и Александр Шатриан) 661
Эрнест, владелец ресторана 308
Эртель Александр Иванович 26, 235, 495, 496
Эфрос Наталья Давыдовна 6, 446

Ю. В., знакомый В. Н. Никитиной 599
Юдина Т. И. 243
Южаков Сергей Николаевич 294, 300, 404
Южин (Сумбатов) Александр Иванович 26
Юм Давид 153
Юрасов Дмитрий Алексеевич 383, 396
Юргенсон Эрнст Петрович 234, 319
Юренев Нил Александрович 430
Юринский И.— см. Сабашников И. М.
Юркин Юрий 686, 687
Юровский Николай 660
Юрьев Сергей Андреевич 608
Юсаку (Якэн) Имадзуми 471, 478
Ютанова Тамара Николаевна 266
Юшкевич Семен Соломонович 671, 681, 688
Юшневский Александр Петрович 429

Яблоновский Александр Александрович 669, 683
Яблонский, юрист (?) 205
Яблочков Г. 683
Яворская (рожд. Гюббенет; по мужу Барятинская) Лидия Борисовна 307, 308, 315
Ягодин А. 672
Ядринцев Николай Михайлович 401, 430, 459
Языков Дмитрий Дмитриевич 690
Языков Николай Михайлович 667
Якимов Василий Ларионович 673
Якимова Анна Васильевна 542, 543, 545
Якимова Ольга Всеволодовна 605
Якоби (во 2-м браке Тюфяева; в 3-м — Пешкова; псевд. Толиверова) Александра Николаевна 81, 127, 128
Якоби Павел Иванович 470, 516—519, 521, 522
Якобсон Евгений Исаакович 684, 686
Яковенко, сотрудник газ. «Неделя» 158
Яковлев Василий Яковлевич — см. Богучарский В. Я.
Яковлев Константин А., журналист 333—335, 339, 351
Яковлева Зоя Юлиановна 664
Яковлева Надежда Владимировна 661

Якубович Дмитрий Петрович 689
Якубович (псевд. Л. Мельшин) Петр Филиппович 323, 350, 516, 624, 656, 658, 660—673, 675—681, 690
Якунин Николай 620
Якушкин Вячеслав Евгеньевич 663, 675
Якушкин Евгений Иванович 658
Якушкин Иван Дмитриевич 675
Янковская Н. А., владелица литографии 620, 629
Яновский Кирилл Петрович 199
Янчевецкий (псевд. Ян) Василий Григорьевич 668
Яроцкий Василий Яковлевич 510
Ярошенко Николай Александрович 254
Ярошко Александр Александрович 678
Ярцев Григорий Федорович 244, 247
Ярцева Анна Владимировна 247
Ярцева Ольга Григорьевна — см. Лясковская О. Г.
Ясинский (псевд. Максим Белинский) Иероним Иеронимович 132, 316, 345, 664
Яффе Лев Борисович 669

Allegro — см. Соловьева П. С.
André G. 154
Benoit, знакомые В. Н. Никитиной 589
Bourgin Georges 569

Casalle 564
Coudereau C.-A. 583, 584
Crochet, владелица пансиона 433

Dain (Mauret) Octave 583
Delines Michel — см. Ашкинази М. О.
Donan, сотрудница ред. «Intransigeant» 532

George Henry 602

Lirondelle André 684
Lolo — см. Мунштейн Л. Г.

Patouillet Jules 684
Pohrt H. 233

Roannet, секретарь Клемансо 578
Russel Alfred 602

Sleyden, m-me 542, 568
Sullivan Alexandre Martin 598, 600

Toussaint, физиолог 589

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ЛИТЕРАТУРА

И. А. ГОНЧАРОВ

ГОНЧАРОВ О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ. ПИСЬМА К Е. А. НАРЫШКИНОЙ И С. А. ТОЛСТОЙ
Предисловие и публикация О. А. Демиховской 9

ПИСЬМО К Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ
Публикация Н. З. Серебряной 23

Л. Ф. НЕЛИДОВА. ВОСПОМИНАНИЯ О ГОНЧАРОВЕ И ТУРГЕНЕВЕ
Предисловие и публикация А. Д. Алексеева 26
О МИЛЫХ СПУТНИКАХ 27

Н. С. ЛЕСКОВ

ИЗ ТВОРЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ (НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ)
Вступительная статья и публикация К. П. Богаевской . . 36
СОКОЛИЙ ПЕРЕЛЕТ 47
ПОДВИГ КУПЦА КИНАРЕЙКИНА 62
МОСКОВСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ 84

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ АРХИВА А. Н. ЛЕСКОВА
Вступительная статья и публикация А. И. Понятовского 92
СЧАСТЬЕ В ДВУХ ЭТАЖАХ 97
КЛОПОДАВИЕ 117
ЛОРД УОРОНЦОВ 121

НЕИЗДАННЫЙ РАССКАЗ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ИГРУШЕЧКА»
Предисловие и публикация Т. С. Карской 127
ДОБРАЯ МАТЬ ПО ПИФАГОРЕЙСКИМ ПОНЯТИЯМ 129

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ЛЕСКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ И. С. ТУРГЕНЕВА
Обзор Л. Н. Афонина 130

В. М. ГАРШИН

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
НЕДОПИСАННЫЕ РАССКАЗЫ
Сообщение и публикация Ю. Г. Оксмана 159
ПРИЛОЖЕНИЕ: НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ «ТЕНЬ»
Предисловие и публикация М. Д. Гургуловой (НРБ) . . 177
БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА «ХУДОЖНИКИ»
Предисловие и публикация Н. С. Дворциной 181

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА К МАТЕРИ
Предисловие и публикация Е. М. Хмелевской 198

ПИСЬМА К Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ
Предисловие и публикация А. Н. Дубовикова 213

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ
Публикация К. П. Богаевской и А. П. Оксман
Предисловие и примечания К. П. Богаевской 232

ПИСЬМО К В. Н. ДАВЫДОВУ
Публикация В. П. Нечаева 240

ВОСПОМИНАНИЯ О ГАРШИНЕ

ГАРШИН В ОКУНЕВЫХ ГОРАХ. ВОСПОМИНАНИЯ ЕГО ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРЫ
Предисловие и публикация А. Н. Дубовикова 242

О ГАРШИНЕ 243

ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ М. Е. МАЛЫШЕВА
Предисловие и публикация Н. С. Дворциной 248

ВСЕВОЛОД ГАРШИН В ВОПРОСАХ ИСКУССТВА 252

Приложение: КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ГАРШИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ В АРХИВЕ М. Е. МАЛЫШЕВА 256

А. П. ЧЕХОВ

НОВОНАЙДЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ К А. С. СУВОРИНУ
Предисловие и публикация В. П. Нечаева 258

К ИСТОРИИ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ «ОСТРОВ САХАЛИН»
Статьи и публикация Е. Н. Дунаевой 263

ФОТОГРАФИИ ДЛЯ КНИГИ «ОСТРОВ САХАЛИН» 263
ПЛАВАНИЕ А. П. ЧЕХОВА НА ПАРОХОДЕ «ПЕТЕРБУРГ» . . . 294

ЧЕХОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

В. Л. КНИППЕР (НАРДОВ). ‹ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С ЧЕХОВЫМ›
Публикация Н. И. Гитович 301

ЗАПИСИ О ЧЕХОВЕ В ДНЕВНИКАХ С. И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ
Публикация Н. И. Гитович 304

ЗАПИСИ О ЧЕХОВЕ В ДНЕВНИКАХ Б. А. ЛАЗАРЕВСКОГО
Предисловие и публикация Н. И. Гитович 319

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЖУРНАЛИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕДОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1860—1880-х годов

Н. И. УТИН. О «ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ» И УРОКАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 1860-х ГОДОВ
Вступительная статья Ш. М. Левина 359

ПРОПАГАНДА И ОРГАНИЗАЦИЯ. ДЕЛО ПРОШЛОЕ И ДЕЛО НЫНЕШНЕЕ 366

Примечания. Составила И. А. Желвакова 392

СТАТЬЯ КАРАКОЗОВЦА П. Ф. НИКОЛАЕВА О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ.
Вступительная статья и публикация Э. С. Виленской . . . 398

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ 405

«ОБЩЕЕ ДЕЛО» И ЕГО ЗАКУЛИСНЫЙ РЕДАКТОР
Предисловие и публикация С. А. Макашина 429

‹НЕЗАКОНЧЕННАЯ ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО› 432

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ. КАК ПОДГОТОВЛЯЛОСЬ ЗАКРЫТИЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»
Предисловие и публикация С. А. Макашина 442
«ЗАПИСКА О НАПРАВЛЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В РОССИИ» 446
ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДЕЯТЕЛЕЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА Л. И. МЕЧНИКОВА
ЛЕВ МЕЧНИКОВ — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУБЛИЦИСТ И УЧЕНЫЙ
Вступительная статья и публикация А. К. и О. В. Лишиных 461
ПИСЬМА Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА 478
ПИСЬМА К. М. СТАНЮКОВИЧА 486
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С С. М. СТЕПНЯКОМ-КРАВЧИНСКИМ
Предисловие и публикация Е. А. Таратуты 497
Приложение: МЕЧНИКОВ В ЯПОНИИ. СООБЩЕНИЕ С. Сато (Япония) 505
ПЕРЕПИСКА П. Л. ЛАВРОВА С В. Н. НИКИТИНОЙ
Публикация М. Е. Ермашевой
Вступительная статья редакции «Литературного наследства» . . 508
Приложение: БИБЛИОГРАФИЯ СТАТЕЙ В. Н. НИКИТИНОЙ . 601

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА К И. А. ГОНЧАРОВУ
Сообщение О. В. Якимовой 605
НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО К А. А. МАЙКОВУ
Сообщение В. П. Нечаева 608
ПИСЬМА А. К. ТОЛСТОГО К М. В. ВОЛКОВОЙ (ЛЬВОВОЙ)
Сообщение Е. Н. Дунаевой 611
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В. Г. КОРОЛЕНКО
Сообщение А. В. Храбровицкого 614
ИЗ ИСТОРИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ СКАЗОК М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
Статья Ю. П. Пищулина 619
АКАДЕМИК А. И. БЕЛЕЦКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ Н. С. ЛЕСКОВА
Статья М. О. Габель 631
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1895—1918). ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ АНОНИМНЫХ РЕЦЕНЗИЙ С РАСКРЫТИЕМ АВТОРСТВА
Составил М. Д. Эльзон 656
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 691
ПАМЯТИ Л. Н. АФОНИНА 692
УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Т. Г. Динесман 693
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Е. М. Львова 698

В томе 148 иллюстраций

Литературное наследство

Том 87

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 1860—1890-х ГОДОВ

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редакторы издательства *Е. В. Белова*, *В. Ч. Воровская*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректор *Р. П. Шаблеева*

Сдано в набор 14/VII 1976 г.
Подписано к печати 18/II 1977 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 63,7. Уч.-изд. л. 68,5.
Тираж 19500. А-09725. Тип. зак. 912
Цена 8 р. 59 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

30.59 к

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

8 р. 59 к